

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

ТОМЪ XXXVII

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XXXVII

1889

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1889

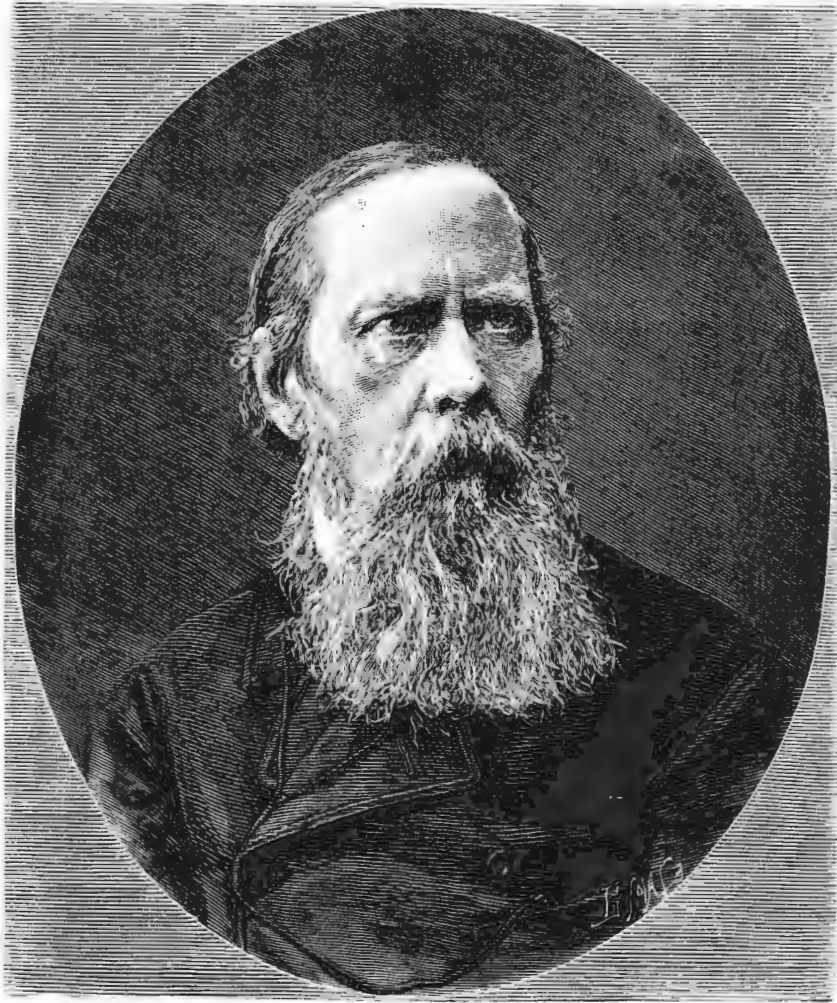
СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышъ. (Историческій романъ). Гл. XXIX — XXXIII. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса	5
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. XIII и XIV. (Продолженіе).	26
III. Городъ Гродно и Гродненская губернія во время послѣдняго польскаго мятежа. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Гл. I—IX. С. Т. Славутинскаго	53
IV. За кулисами стараго театра. XII. Происшествія во время спектаклей въ с.-петербургскихъ театрахъ. Е. Н. Опочинина	80
V. Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. Гл. IX—XII. (Окончаніе). Н. В. Сорокина	85
VI. Литературная дѣятельность М. Е. Салтыкова (Щедрина) . С. С. Трубачева	119
VII. Иванъ Петровичъ Пнинъ и его «Вопль невинности, отвергаемой законами». Е. В. Пѣтухова	140
VIII. Нѣсколько неразрѣшенныхъ историко-географическихъ вопросовъ. А. И. Савельева	161
Иллюстрація: Медаль съ кентавромъ у самоѣдовъ, найденная на рѣкѣ Усѣ.	
IX. Польская утопія XIX вѣка. (Очеркъ изъ современной исторіи). А. Н. Молчанова	168
X. Критика и библіографія: Сочиненія А. А. Котлиревскаго . Т. I. Спб. 1889. Е. П. — Всеобщая исторія Георга Вебера . Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ одиннадцатый. Перевелъ Андреевъ . Изданіе К. Т. Солдатенкова . Москва. 1889. А. И. — Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковью западно-русскихъ униатовъ. Обзоръ событій воссоединенія въ царствованіе императора Николая I. — И. Чистовича . Спб. 1889. Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковью западно-русскихъ униатовъ. Соборныя дѣянія и торжественныя служенія въ 1839 году. Спб. 1889. Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковью западно-русскихъ униатовъ. Историческій очеркъ протоіерея Іоанна Наумовича . Спб. 1889. Семь проповѣдей снодальнаго члена, митрополита литовскаго и виленскаго Іосифа , говоренныя при важнѣйшихъ случаяхъ служенія, и о греко-униатской церкви въ Западномъ краѣ Россіи,—воспоминанія архіепископа Антонія . Спб. 1889. М. Г—цаго .—Право церковное на его основахъ, видахъ и источникахъ. Изъ чтеній по церковному праву. П. Лашкарева , 2-е исправленное и пополненное изд. Кіевъ. 1889. И. Др. —Тема египетская, романъ Вс. Вл. Крестовскаго . Спб. 1889. А. Б—ва .—Донъ-Жуанъ, Байрона. Переводъ П. А. Козлова . Въ двухъ томахъ. Спб. 1889. С. Тр. —Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго . Генеральнаго штаба генералъ-маіора Пузыревскаго . В. П. —Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго . Кіевъ. 1889. В. З. —Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца . Книга вторая. Кіевъ. 1889. А—ва .—Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранныя Черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Томъ XV и послѣдній. Крелевецкій уѣздъ съ четырьмя литографированными картами и приложеніемъ пе-	

(См. слѣдующ. стр.).

	СТР.
реписи 1883 г. и Румянцовской переписи 1767. Составил завѣдующій статисти- ческими работами Черниговскаго земства П. П. Червинскій. Черниговъ. 1888. Б. Г.—И. Созоновичъ. Изученіе новогреческой народной поэзіи. Варшава. 1889. С.—Юридическая энциклопедія. Н. К. Ренненкамифа, профессора университета св. Владимира. Кіевъ. 1889. Н. Др.—Г. И. Успенскій. Опытъ объяснительнаго изло- женія его сочиненій, Ореста Миллера. Спб. 1889. Б. Г.—скаго.	182
XI Заграничныя историческія новости.	201
XII. Изъ прошлаго. Изъ архивныхъ мелочей XVII вѣка: I. Царская грамота объ алмазѣ, испорченномъ «ѳилосовскою наукою», 1636 года. II. Челобитная «док- тура» Венделина Иванова Сибилста, 1641 года. III. Челобитная царю и па- триарху о дачѣ пособія на свадьбу, 1631 года. IV. Ссылка въ монастырь за «па- дучую болѣзнь», 1637 года. Сообщенно Н. Н. Оглоблинымъ.—Изъ исторіи одного литературнаго общества. Сообщено Е. В. Пѣтуховымъ.	210
XIII. Смѣсь: Засѣданіе Академіи Наукъ 13-го мая 1889.—Присужденіе премій Петра Великаго.—Городъ Пржевальскъ.—Виленскія достопримѣчательности.—Какъ со- храняють древности въ Новгородской губерніи.—Отчетъ Одесской городской пу- бличной бібліотеки за 1888 годъ.—Некрологи: П. А. Дюкова, П. И. Миклашев- скаго, М. В. Юзефовича, Н. К. Геака, О. Ф. Миллера.	216
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ М. Е. Салтыкова. 2) Мазаниелло. Истори- ческій романъ Адольфа Глазера. (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. XIV. (Продолженіе, съ тремя рисунками въ текстѣ). 3) Каталогъ книжныхъ мага- зиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СФВ., 25 МАЯ 1889 Г

АРАКЧЕЕВСКІЙ ПОДКИДЫШЬ ¹⁾.

Историческій романъ.¹

XXIX.

ВЪ ОТСУТСТВІЕ графа Аракчеева изъ Грүзина все населеніе его нравственно отдыhalo. Всякій чело-вѣкъ зналъ, по крайней мѣрѣ, что спокойно дожи-ветъ безъ бѣды до вечера. Этого было достаточно для всякаго грүзинца, чтобы поглядывать веселѣе и быть счастливымъ. Въ усадьбѣ наступало болѣе оживленіе. Апартаменты графа бывали за-перты и только на половинѣ Минкиной сказывалась жизнь, но сказывалась своеобразно и дико...

Настасья Федоровна была такой же деспотъ и тиранъ, какъ и самъ Аракчеевъ, но на свой женскій образецъ. Графъ наказывалъ постоянно за всякій пустякъ, но дѣлалось это какъ-то формально, холодно, административно. Онъ рѣдко кричалъ на провинившагося, еще рѣже ругался, и никогда не дрался собственноручно, считая это фамильярностью. Онъ позволялъ себѣ бить только своего камердинера, который имѣлъ на это своего рода права, ибо былъ его ровесникомъ, былъ когда-то другомъ дѣтства и товарищемъ дѣтскихъ игръ.

Но хотя графъ не любилъ кричать и браниться, онъ однимъ взглядомъ, или движеніемъ, нагонялъ смертельный страхъ на крѣ-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 513.

постного человѣка. Глухимъ, спокойнымъ голосомъ требовалъ онъ у провинившагося его «винную» книжку и такъ какъ во всѣхъ комнатахъ на отдѣльныхъ столахъ были всегда чернильницы и очиненныя гусиныя перья, то графъ могъ всюду всегда безъ промедленія вписать вину, сдѣлавъ при этомъ загадочную помѣтку.

Если вина оказывалась третьей, или была важная вина, то Аракчеевъ своимъ гнусливо-тихимъ голосомъ объявлялъ виновному жесточайшее наказаніе розгами, мочеными въ рассолѣ, батогами, или прямо, не ухмыляясь, совершенно серьезно поздравлялъ своего раба—слугою царя, т. е. солдатомъ, или приказывалъ собираться въ путь на поселеніе въ Сибирь.

Весь женскій персоналъ въ Грузинѣ графъ никогда не трогалъ и, замѣтивъ какую-либо вину, заявлялъ о ней Настасьѣ Ѳедоровнѣ. Съ своей стороны Минкина никогда, ни единымъ словомъ, не погрозила мужскому персоналу грузинской дворни. Это было ей строго запрещено самимъ графомъ. За то ей предоставлялась полная воля по отношенію къ женщинамъ и дѣвушкамъ. И съ ними барская барыня отводила душу, отличалась особенной жестокостью.

Слава объ ея подвигахъ давно распространилась далеко за предѣлы губерніи. Въ столицѣ тоже всѣмъ было извѣстно, какъ управляется аракчеевская графиня съ дворовыми женскаго пола. Въ Петербургѣ многіе звали ее—второй Салтычихой.

Часто рассказывались про Минкину ужасные поступки, но всеобщая ненависть къ временщику спасала ее. Когда въ столицу доходилъ какой-нибудь звѣрскій поступокъ ея съ кѣмъ-либо изъ дворовыхъ дѣвушекъ, то слуху не вѣрили, отчасти благодаря его жестокости, отчасти думая, что петербуржцы изъ злобы къ Аракчееву выдумываютъ и клеветуютъ даже на его ключницу.

Разумѣется, многіе, и многіе, знали, что аракчеевская графиня все-таки—людоѣдка. Единственная личность, не знавшая даже и слуховъ, былъ государь. Въ бытность свою въ Грузинѣ, онъ ласково и привѣтливо обошелся съ Минкиной, видя въ ней человѣка, болѣе четверти столѣтія преданнаго его любимцу. Открыть глаза государю на звѣрскіе поступки и временщика, и его любовницы, никто не дерзалъ.

Когда Аракчеевъ бывалъ въ Грузинѣ, Настасья Ѳедоровна нѣсколько стѣснялась: чинила судъ и расправу осторожнѣе, не потому, чтобы ей было это запрещено, а потому что графъ не любилъ, чтобы до него достигали крики и бабій вой. А барабанный бой при наказаніи женщины считался неумѣстнымъ.

За то, когда графъ уѣзжалъ изъ Грузина, Настасья Ѳедоровна давала волю своимъ затѣямъ и на ея половинѣ отъ зари до зари слышенъ былъ какъ ея крикъ, такъ и вытье ея жертвъ. Вдобавокъ Минкина, имѣвшая слабость къ спиртнымъ напиткамъ, въ

отсутствие графа не могла провести двухъ, трехъ часовъ безъ водки.

Пообѣдавъ въ часъ дня, она вставала изъ-за стола совершенно пьяная и тогда начиналась расправа со всякой подвернувшейся подъ руку женщиной. Затѣмъ она засыпала, просыпалась въ сумерки, пила чай, или вѣрнѣе, ромъ съ малымъ количествомъ жиденькаго чаю и къ вечеру бывала снова пьяна, а хмѣль снова требовалъ жертвъ.

Въ дѣлѣ мучительства дворовыхъ женщинъ и дѣвушекъ, даже дѣвчонокъ, проявлялась у нея тоже какая-то животная страсть и тоже какой-то запой.

Случалось Минкиной цѣлую недѣлю прожить смирно и пальцемъ не тронуть никого. Случалось наоборотъ за одну недѣлю перебрать чуть не весь наличный составъ женскаго персонала. Тогда на ея половинѣ, въ сѣняхъ, на чердакѣ, на дѣловомъ дворѣ и на конюшнѣ, почти не прекращались наказанія.

На этотъ разъ по выѣздѣ графа случилось то же самое.

Аракчеевъ не успѣлъ доѣхать до Петербурга, какъ въ Грүзинѣ уже были нещадно наказаны восемь женщинъ. Но теперь главной намѣченной жертвой у Минкиной была Пашута. Съ той минуты, что Настасья Ѳедоровна увидѣла дѣвушку сильно измѣнившейся въ Петербургѣ къ лучшему, безпричинная злоба шевельнулась въ ней.

— Погоди барышня! Погоди прелестница! Бѣлоручка!..—ворчала она себѣ подъ носъ.

Съ перваго же дня она почувствовала особымъ чутьемъ во взглядѣ Пашуты то, чего не переносила никогда: грустную покорность судьбѣ, твердую волю перенести все, и презрѣнiе къ людодѣлкѣ. При первомъ же свиданіи Минкина, какъ бы отвѣчая на взглядъ Пашуты, выговорила:

— Погоди! Я тебя проберу! Глазица-то выцвѣтутъ!

Покуда Шумскій былъ въ усадьбѣ, Минкина не рѣшилась, конечно, пальцемъ тронуть дѣвушку, но едва только онъ выѣхалъ изъ усадьбы, какъ мытарства Пашуты начались.

Призвавъ дѣвушку къ себѣ, Настасья Ѳедоровна объявила ей, что такъ какъ она съумѣла въ Петербургѣ услужить какой-то баронессѣ, то будетъ состоять при ней въ качествѣ главной горничной.

И съ этого же дня пошло ежечасное мученье, начавшееся съ пощечинъ. Такъ какъ Минкина постоянно дралась сама, то руки ея бывали почти всегда въ синякахъ. Люди не мало удивлялись этому и всѣмъ имъ казалось, что другой бы барынѣ никакихъ рукъ не хватило, ибо всякіе кулаки истреплются при такомъ занятіи! Холопы не знали того простаго объясненія, что кулаки Минкиной тоже обколотились и загрубѣли въ силу привычки. Она бы могла теперь со всего маху бить кулакомъ даже по стѣнѣ, не ощущая и половины той боли, которую почувствовала бы другая.

Пашута служила теперь въ горницахъ Настасьи Ѳедоровны, вызываемая и понукаемая ею по нѣскольку разъ въ часъ. Дѣвушка ходила блѣдная, опутивъ глаза и понурившись. Она отлично понимала, что какъ только уѣдетъ графъ, не пройдетъ двухъ, трехъ дней, и она не избѣгнетъ того, чего боялась всю жизнь—наказанія на конюшнѣ.

И дѣйствительно, едва только Аракчеевъ выѣхалъ изъ Грүзина, какъ Минкина, страстно желавшая скорѣй истязать дѣвушку, начала искать предлога.

И тутъ явилась диковинная черта быта. Нужно было соблюсти приличіе, остаться строгой, но справедливой барыней! Не смотря на свое желаніе тотчасъ же подвергнуть Пашуту жесточайшему истязанію, Настасья Ѳедоровна не могла этого сдѣлать. Ея злобу останавливало чувство условнаго приличія, или условной справедливости.

Ей нужно было оказаться яко бы правой предъ глазами дворни, чтобы Пашута, дѣйствительно, провинилась, хоть бы въ мелочахъ. А дѣвушка, какъ на зло, безмолвно сносила пощечины, тумакі въ голову, площадныя ругательства и всякія издѣвательства. Уже разъ десять Настасья Ѳедоровна грозилась дѣвущкѣ немедленно отправить ее на расправу къ конюхамъ, но не дѣлала этого, останавливаемая стыдомъ предъ дворней, ибо не было еще повода... Онъ не давался въ руки...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, зная, что графъ скоро вернется опять и проживетъ, пожалуй, болѣе недѣли въ Грүзинѣ, Минкина пользовалась временемъ, чтобы предаваться пьянству. Поэтому половину дня она дремала или просто валялась безъ чувствъ на диванѣ въ своей горницѣ, что однако не мѣшало ей крѣпко спать и всю ночь.

Въ остальное время она подвергала разнымъ мытарствамъ и наказаніямъ разныхъ женщинъ и съ какимъ-то изуродованнымъ чувствомъ наслажденія людоеда думала и мечтала о наказаніи Пашуты. Иногда будучи вполъяна она, ухмыляясь, говорила дѣвущкѣ:

— Пстой! Барышня! Теперь не хочу. Ты у меня на закуску пойдешь!

Наконецъ, однажды, въ сумерки, пролежавъ съ обѣда почти въ безчувственномъ состояніи, Минкина пришла въ себя и вызвавъ двухъ горничныхъ заставила ихъ потихоньку поливать себѣ голову холодной водой. Затѣмъ она сѣла за чай и позвала Пашуту къ себѣ.

Вскорѣ въ сосѣднихъ горницахъ услышали дикіе крики барыни и громкое рыданье дѣвушки. Такъ какъ это случилось въ первый разъ, а до тѣхъ поръ Пашута молчаливо и безропотно сносила все съ нѣмымъ отчаяніемъ, то всѣ насторожились и прислушивались. Въ горницѣ Настасьи Ѳедоровны раздался стукъ, произошло что-

то, а затѣмъ Пашута выбѣжала оттуда, какъ безумная, съ разсѣченнымъ лицомъ, по которому струилась кровь.

Минкина тоже появилась въ дверяхъ и сиплымъ отъ гнѣва голосомъ позвала къ себѣ горничныхъ. Прибѣжавшія на зовъ дворовыя дѣвушки нашли ее въ совершенно дикомъ состояніи остервѣненія. Она легла на диванъ, задыхаясь и охая, какъ отъ боли. Изрѣдка только вскрикивала она:

— Изведу! Изведу!

На платѣ ея и въ сжатыхъ судорожно кулакахъ виднѣлись волосы ея жертвы. Оказалось, что тутъ произошло то, чтѣ бывало отчасти рѣдко: было собственноручное тасканіе за волосы.

Между тѣмъ, внизу, въ маленькой горницѣ, близъ кухни сидѣла на ларѣ Пашута, схвативъ голову руками. Передъ ней сидѣлъ Копчикъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ, такъ какъ онъ уже нѣсколько дней былъ назначенъ въ должность помощника къ повару.

Пашута прибѣжала къ брату совершенно безсознательно, безъ всякой цѣли. Она ждала каждую минуту, что за ней придуть, чтобы вести ее на дѣловой дворъ или на конюшню для истязанія. Братъ и сестра сидѣли и молчали.

Наконецъ, Копчикъ внезапно поднялся, сбросилъ съ себя колпакъ и фартукъ, надѣлъ тулупъ и сталъ звать сестру. Пашута сидѣла, какъ помертвѣлая, и ничего не слышала. Пришлось растолкать ее, какъ спящую, и привести въ чувство.

— Гдѣ у тебя платѣ теплое? Говори скорѣй!.. Поняла что ли?.. Скорѣй...

Не сразу отвѣтила дѣвушка на вопросъ. Васька бросился наверхъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ снова въ горницѣ и одѣвалъ сестру. Когда она была готова, онъ схватилъ ее и почти потащилъ за собой. Очнувшись на воздухѣ, дѣвушка окончательно пришла въ себя и вымолвила:

— Куда ты?

— Иди! Иди... Чего ужъ тутъ! Не мы первые, не мы послѣдніе... Хуже не будетъ! Спасибо деньги есть!..

Минутъ черезъ двадцать братъ и сестра были на краю усадьбы и двинулись въ поле. Въ верстѣ отъ Грүзина ихъ нагналъ проѣзжій мужиченко. Они сговорились, называя себя прохожими издалека, сѣли къ нему и двинулись рысцой.

Только черезъ полчаса молчанія Васька объяснилъ сестрѣ, что они ни что иное, какъ бѣглецы.

— Куда? Еще невѣдомо. Куда глаза глядятъ! А тамъ видно будетъ.

Пашута вздохнула глубоко и не отвѣтила ни слова.

XXX.

Ночью бѣглецы были уже на Петербургской дорогѣ. Пашута пришла въ себя, нѣсколько ободрилась и благодарила брата, что онъ надумалъ бѣжать изъ Грүзина. Дѣвушкѣ казалось, что, если побѣгъ будетъ и неудаченъ, то все-таки она ничего не теряетъ. Ей, очевидно, предстояло жестокое наказаніе розгами, а она боялась этого пуще всего. Она предпочла бы не только ссылку въ Сибирь, но, пожалуй даже, и каторжныя работы.

Благодаря деньгамъ, которыя нашлись у Копчика, они наняли подводу и подвигались къ столицѣ, хотя и медленно, но безъ перерыва. Переночевавъ въ какой-то деревушкѣ, братъ и сестра, послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшили явиться прямо въ домъ барона Нейдшильда и просить временнаго убѣжища.

Пашута вспомнила, что когда шло дѣло о покупкѣ ея у графа, то, послѣ отказа его, баронесса предлагала ей просто бѣжать и укрыться въ Финляндію.

«Авось и теперь добрая барышня не откажетъ въ той же помощи», думалось Пашутѣ.

На другой день, около полудня, бѣглецы были уже на Васильевскомъ островѣ. Васька оставался въ подводѣ на улицѣ, а Пашута вошла въ домъ и велѣла доложить о себѣ баронессѣ.

Ева, при имени любимицы, страшно обрадовалась, вышла изъ своихъ комнатъ къ ней навстрѣчу и, схвативъ за руки, повела къ себѣ. Молча и съ изумленіемъ взглядѣлась Ева въ лицо своей прежней любимицы.

— Какъ ты перемѣнилась! Что съ тобой было?—участливо вымолвила она.—Сядишь, рассказывай! Вѣрно бѣды всякія?

Пашута въ двухъ словахъ объяснила, что она бѣжала изъ Грүзина отъ страха тѣлеснаго наказанія и рассчитываетъ на помощь баронессы. Прежде всего она попросила впустить въ домъ брата, который ждалъ на улицѣ. Ева распорядилась тотчасъ же. Затѣмъ покуда Ваську кормили внизу въ людской, баронесса велѣла подать чаю и начала поить и кормить Пашуту. Отдохнувъ немного, Пашута рассказала подробно все свои приключенія и свою каторжную жизнь въ Грүзинѣ.

Конечно, не разъ приходилось дѣвушкѣ упоминать о Шумскомъ. Собственно онъ былъ главнымъ виновникомъ всего, а между тѣмъ у Пашуты почти не было никакого озлобленія на него.

— Диковинный онъ!—говорила Пашута.—Богъ его знаетъ, какой диковинный! Самъ меня розыскалъ полиціей, свезъ въ Грүзино на расправу, а тамъ позвалъ, говорилъ со мной ласково, много говорилъ, жалѣлъ меня, и во мнѣ къ нему какъ-то никакого зла нѣту.

И затѣмъ Пашута, уже забывъ говорить о себѣ и своей судьбѣ, передала Евѣ бесѣду свою съ Шумскимъ о ней—баронессѣ. Она созналась, что даже рѣшилась сказать ему о томъ, какъ баронесса равнодушна къ нему.

— Онъ этого не зналъ, барышня, и мои слова такъ его всего и перевернули!—прибавила Пашута.

Ева вспыхнула слегка, но смолчала на это заявленіе и задумалась. Затѣмъ послѣ долгой паузы она выговорила:

— Чтожъ? Это правда! Пускай знаетъ.

И баронесса въ свой чередъ рассказала любимицѣ о томъ, какъ графъ Аракчеевъ вызвалъ ея отца, какъ бы ради объясненія по дѣлу, а самъ, въ грубой формѣ, сталъ сватать своего пріемнаго сына.

Ева не была оскорблена поступкомъ графа, смотрѣла на все дѣло иными глазами, но отецъ ея былъ тогда настолько оскорбленъ и раздраженъ, что къ нему въ первый разъ въ жизни и приступить нѣтъ. Ева надѣялась, что только современемъ, когда уляжется гнѣвъ добраго барона, можно будетъ приступить къ нему съ просьбой о согласіи. А покуда баронесса созналась, что она находится въ тревожномъ состояніи духа, такъ какъ уже второй день носится въ Петербургѣ слухъ о предстоящемъ поединкѣ Шумскаго съ Фонъ-Энзе.

— Каждый день ожидаю я извѣстія страшнаго и горестнаго,— сказала Ева.

— За кого же вы боитесь?—спросила Пашута.—За Михаила Андреевича?..

— За обоихъ, но только разное. Одинъ — хорошій, честный, добрый. Кромѣ добра, я отъ него ничего не видѣла, и онъ уже давно любитъ меня. Я за него, конечно, боюсь. Но за другого, который много мнѣ зла причинилъ, боюсь еще больше. Въ случаѣ бѣды съ однимъ мнѣ будетъ очень горько, а случись бѣда съ другимъ, я думаю, что тогда и моя жизнь прекратится. Я буду жить для отца, а не для себя.

Бесѣду баронессы съ Пашутой прервалъ челоуѣкъ, доложившій, что баронъ проситъ барышню къ себѣ тотчасъ же.

Ева, придя къ отцу, нашла его нѣсколько встревоженнымъ. Онъ узналъ о присутствіи въ домѣ людей графа Аракчеева и былъ серьезно озабоченъ неосторожнымъ поступкомъ дочери. Баронъ почему-то догадался, что люди графа ищутъ у него убѣжища, какъ бѣглецы. Ева подтвердила его подозрѣнія.

Нейдшильдъ сталъ объяснять дочери то щекотливое положеніе, въ которое они будутъ поставлены, если бѣглецовъ полиція отыщетъ у нихъ. Аракчеевъ, уже взбѣшенный недостаточной податливостью барона, могъ придратъся къ этому случаю, чтобы имѣть поводъ надѣлать ему всякихъ непріятностей.

Ева стала просить отца облегчить, по крайней мѣрѣ, Пашутѣ съ братомъ способъ укрыться въ Финляндіи.

Баронъ объяснилъ, что это дѣло крайне мудреное, такъ какъ на границѣ великаго княжества спрашиваютъ паспорта. Лѣтомъ, во время навигаціи, можно было бы тайкомъ помочь Пашутѣ и Васкѣ пробраться въ Финляндію на какомъ-нибудь купеческомъ кораблѣ и дозволить имъ поселиться невдалекѣ отъ имѣнія барона. Но зимой не было никакой возможности устроить побѣга. При этомъ баронъ сталъ убѣдительно уговаривать дочь не держать любимицы съ братомъ у нихъ въ домѣ и тотчасъ же сбыть ихъ съ рукъ.

Ева вернулась къ себѣ совершенно разстроенная и, объяснивъ все Пашутѣ, готова была заплакать.

Пашута оказалась благоразумнѣе и стала оправдывать барона, находя, что онъ поступаетъ совершенно правильно. Она только потому и рѣшилась явиться къ нимъ въ домъ, что думала будетъ возможность немедленно отправиться далѣе и бѣжать въ Финляндію. Но оставаться у нихъ было, конечно, невозможно. Полиція, извѣщенная изъ Грүзина объ ихъ бѣгствѣ, не преминула бы ихъ тотчасъ найти въ домѣ барона.

— Что же ты теперь будешь дѣлать, моя бѣдная?—воскликнула Ева.

Пашута вздохнула, подняла глаза на свою дорогую барышню и выговорила страннымъ голосомъ:

— Есть человѣкъ въ Петербургѣ, который меня и брата укроетъ и всякое одолженіе намъ окажетъ, или же тотчасъ же выдастъ насъ обоихъ съ головой обратно въ Грүзино.

— Кто же это такой?

— Догадайтесь, барышня! Немудрено догадаться. Это диковинный человѣкъ! Или онъ насъ сейчасъ же съ полиціей отправить къ графу, или устроить у себя и будетъ за насъ горой стоять, потому что онъ не таковъ, какъ всѣ люди, а такъ Богъ его вѣдаетъ, какой онъ уродился. Я такъ разсуждаю, барышня, что этого человѣка можно совсѣмъ легко и ненавидѣть и обожать. Есть за что презирать его и всѣ это знаютъ. А есть за что—и я это вѣрно знаю—за что просто молиться на него. А эдакое онъ скрываетъ пуще преступленья. Я объ немъ много чего знаю, что вамъ никогда не разсказывала. Зла была не него за его ухищренья противъ васъ. Что онъ денегъ раздаетъ неимущимъ. Страсть!.. Разъ пьянаго мужика спасая изъ Невы, чуть самъ не утопъ. А разъ было, взявъ съ собою брата моего, пошелъ онъ по газетному объявленью покупать какую-то диковинно большущую собаку у одного совсѣмъ бѣднаго чиновника. Заплатилъ онъ сто рублей и велѣлъ Васѣ брать собаку и вести къ себѣ. А тутъ вдругъ всѣ дѣти этого чиновника, прощаются съ псомъ, цѣлуются. Онъ поглядѣлъ, да

пса этого и подарилъ дѣтямъ, а денегъ не взялъ обратно. И много, много эдакаго за нимъ водится. А въ иномъ въ чемъ онъ душегубъ. Одного двороваго слугу убилъ вѣдь чѣмъ-то изъ собственныхъ рукъ. Бутылкой что ли или канделябромъ. Да. Отъ него всего жди. А больше хорошаго, чѣмъ худого. На него законъ не писанъ!

— Какъ? Неужели ты рѣшишься пойти къ нему!—воскликнула Ева, зная, конечно, о комъ идетъ рѣчь.

— Да. А почему же не идти?!..

— Къ господину Шумскому?

— Да, барышня. И сдается мнѣ по всему, что теперь онъ насъ съ братомъ не выдастъ. Никто не знаетъ, чего онъ сдѣлаетъ, чего нѣтъ! Да и самъ онъ не знаетъ, что завтра натворитъ хорошаго ли, худого ли...

Пашута стала просить баронессу оставить ея брата у себя въ домѣ хотя бы только до вечера, а сама тотчасъ же собралась къ недавнему злѣйшему врагу своему, потому, что онъ дѣйствительно, мало походилъ на всѣхъ другихъ людей. Когда Пашута уже прощалась съ баронессой, эта вдругъ выговорила упавшимъ голосомъ:

— Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть его хоть на секунду.

— Михайла Андреевича?

— Я его не видала съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ у насъ съ своимъ предложеньемъ. Подумай, Пашута! Вѣдь сто лѣтъ прошло...

— Хотите, барышня, я это устрою? Я скажу вамъ, гдѣ когда онъ будетъ, вы и повидаетесь...

Ева вспыхнула. Яркій, пламенный румянецъ разлился по ея свѣжно-бѣлому лицу.

— Хорошо... Сдѣлай!...—едва внятно выговорила она, потупившись и, затѣмъ, крѣпко обнявъ Пашуту, пылко поцѣловала ее нѣсколько разъ. Пашутѣ почудилось, что баронесса, цѣлуя ее,— не ей предназначаетъ мысленно эти страстные поцѣлуи.

— Вотъ какъ бываетъ!...—задумчиво заключила Пашута.—То мѣшала всячески ему, а теперь сама помогать свиданьямъ вызываюсь. Кто подумаетъ изъ подлости, страха ради Минкиной и Грузина... А ей-Богу нѣтъ!... Ради васъ обоихъ...

XXXI.

— Ну-съ, ваше высокоблагородіе, пожалуйста умирать! Да... Приглашеніе въ нѣкоторомъ родѣ пріятное. Пожалуйста! Милости просимъ! На тотъ свѣтъ! Или вѣрнѣе выразиться: на тотъ нуль, гдѣ собственно ничего и никого нѣту.

Такъ разсуждалъ Шумскій, тихо двигаясь взадъ и впередъ по своей спальнѣ, съ длинной трубкой въ рукахъ.

Онъ получилъ извѣстіе, что графъ Аракчеевъ выѣхалъ въ Грузино почти въ то самое время, когда расписная въ три колера карета съ надписью «дуракъ» прогуливалась по главнымъ столичнымъ улицамъ. Зналъ ли военный министръ объ этой выходкѣ какого-то общественного блазня или нѣтъ, — Шумскій не беспокоился. Ему было не до того...

Узнавъ объ выѣздѣ графа, онъ тотчасъ послалъ за пріятелями-секундантами для переговоровъ и окончательнаго опредѣленія времени поединка.

И въ ожиданіи обоихъ офицеровъ онъ волновался. Были уже сумерки, на дворѣ темнѣло все болѣе, а вмѣстѣ съ наступавшей темнотою усиливалась и смута на душѣ молодого человѣка.

И въ этой умственной и душевной смутѣ его, въ этой сложной внутренней борьбѣ, играло не послѣднюю роль—простое удивленіе себѣ самому.

Почему же прежде онъ не смущался, не боялся, а теперь позорно трусить. Прежде не было никакихъ дурныхъ примѣтъ и никакого тяжелого предчувствія, а теперь онъ знаетъ и увѣренъ, что отправится «на тотъ нуль». Вѣдь не могъ же онъ за мѣсяць времени измѣниться, изъ смѣлаго человѣка сдѣлаться трусомъ.

И разсуждая самъ съ собой, Шумскій пришелъ къ оригинальному умозаключенію, которое показалось бы всякому чепухой, а ему казалось логическимъ и разумнымъ. Все на свѣтѣ—разсуждалъ онъ—зависитъ отъ слѣпой судьбы, отъ глупаго случая, отъ мизерной мелочи, отъ пустяка едва примѣтнаго разуму. Вся жизнь человѣческая цѣпь непрерывно составляющаяся изъ случайныхъ звеньевъ или колечекъ, которыя прицѣпляются справа и слѣва, зря, безъ всякой причины, одни по волѣ человѣка, другія помимо его воли. Если же судить строго, то всѣ... помимо воли, ибо человѣкъ хочетъ что-либо, потому что обстоятельства заставляютъ его хотѣть... Тому назадъ нѣсколько дней всѣ маленькія звенья этой цѣпи, т. е. его существованія, казалось, сплетались такъ, что долженъ погибнуть его врагъ, а онъ долженъ остаться невредимъ. Теперь наоборотъ...

— Бываетъ же, разсуждалъ Шумскій, что при игрѣ въ карты одинъ вечеръ изъ двухъ игроковъ, выигрываетъ все одинъ. Въ другой разъ, наоборотъ. Какъ докажу я теперь себѣ и другимъ, что если бы Аракчеевъ не помѣшалъ своимъ пріѣздомъ и если бы я дрался съ Фонъ-Энзе, какъ было назначено — то онъ былъ бы теперь убитъ. А между тѣмъ, я чувствую, что оно такъ бы и было... А теперь будетъ наоборотъ. Тогда я поэтому не боялся. А теперь боюсь... Вѣтеръ перемѣнился! Движеніе невидимо набѣгающихъ случайностей иное, не за, а противъ меня... Теперь я чую, будетъ нѣчто мельчайшее, невидимое и неуловимое разсудкомъ, въ пользу улана. Тогда все было въ мою пользу.

И послѣ этого Шумскій спрашивалъ себя:

— Если такая полоса теперь—роковая для меня, то не поступить ли какъ игроки дѣлаютъ. Обождать!.. Прервать игру, чтобы потомъ опять начать.

И онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нельзя. Стыдно! Да и переѣнитесь ли.. Видно такова судьба моя...

Часовъ въ пять пріѣхалъ первымъ капитанъ Ханенко. Онъ понялъ зачѣмъ Шумскій вызываетъ его и, поздоровавшись, тотчасъ же спросилъ:

— Такъ стало быть на завтра, Михаилъ Андреевичъ.

— Да, конечно. Энтотъ уѣхалъ... Идолъ-то мой.

— Новаго стало быть ничего. Все по старому. Не передумали.

Шумскій ничего не отвѣтилъ.

Наступило молчаніе. Ханенко закурилъ трубку и началъ, сап и мрачно сдвигая брови, пускать дымъ кольцами. Онъ дѣлалъ это чрезвычайно искусно. Бѣлыя будто твердыя кольца, вершка въ два величиной, вылетали у него изъ рта и, быстро извиваясь, расширялись до полуаршина, не теряя своей формы. Случалось, кольцо расходясь среди горницы и поднимаясь, достигало подъ потолкомъ двухъ аршинъ ширины и все-таки оставалось легкимъ, едва видимымъ кружкомъ.

— Удивительно!—вдругъ выговорилъ капитанъ.—Кто это могъ выдумать поединокъ. Это все просвѣщеніе надѣлало, да изобрѣтеніе чести. Прежде было, надо думать, проще. Вотъ хоть бы господинъ Каинъ Адамовичъ съ братишкой со своимъ поступилъ совсѣмъ не эдакъ. Зазвалъ просто въ глухое мѣсто и уконтентовалъ его безъ всякихъ комплиментовъ и реверансовъ. А теперь изобрѣли честь... Что честно и что не честно. А прежде было понятіе лишь о томъ, что выгодно и нужно. А хорошо ли, дурно ли... объ томъ не думали. Все хорошо, что мнѣ хорошо. А теперь чортъ знаетъ чѣмъ такое! Мнѣ не хорошо, а мнѣ говорятъ—хорошо молъ. Мнѣ очень бы хорошо—а мнѣ говорятъ: охъ, какъ, молъ, это не хорошо... съ точки зрѣнія, то есть, чести... А что такое: честь, милостивый государь? Покажите ее мнѣ или изобразите, нарисуйте на бумажкѣ, чтобы я могъ исполнѣ съ ней ознакомиться. Нельзя, говорятъ, нарисовать... А вы вѣрьте на слово, что она есть... Вѣдь и благополучіе нельзя нарисовать и счастье нельзя нарисовать. Вѣрно, а все же неправда. Благополучіе свое да счастье свое я чувствую распрочувствительно всѣмъ тѣломъ... Руками могу ощутить и показать даже, гдѣ оно во мнѣ засѣло и будто колышется... А вотъ гдѣ во мнѣ и въ людяхъ честь пребываетъ, этого я не знаю. И чую я ее совсѣмъ иначе. Навязали мнѣ ее якобы ранецъ какой на спину, да увѣряютъ, что это не ранецъ,

а частица моего тѣла... Тогда горько что ли? Такъ чорта въ немъ. Очень жаль. И совсѣмъ бы не нужно..

Капиталь долго разсуждалъ все на эту тему. Шумскій слушалъ, не перебивалъ и изрѣдка только улыбался, какъ бы мысленно соглашаясь.

Наконецъ, появился Квашнинъ, хмурый, и предложилъ другу почти тотъ же вопросъ.

— Стало быть на завтрашнее утро.

— Да. Съѣздите пожалуйста оба, одинъ къ Безсонову, а другой къ нѣмцамъ.

— Эхъ, обидно... Я все надѣялся, графъ провѣдаетъ да запретить,—вдругъ вымолвилъ Квашнинъ со вздохомъ.

— Не тужи, голубчикъ, —отозвался Шумскій.—Ну запретить бы... А я бы не послушался...

— Мало ли что... Нѣмцы бы послушались, побоялись бы идти противъ его воли.

— На смерть идя, чего же властей бояться. Я вотъ ужасно люблю,—разсѣялся Шумскій,—статью закона воспрещающую и наказующую самоубійство. Пречудесная статья! Глупѣе ничего не выдумаешь. Если преступленіе не удалось—то за него строго судятъ, а если удалось совсѣмъ не судятъ. Некого! Пречудесно...

Перетолковавъ затѣмъ снова о нѣкоторыхъ подробностяхъ поединка, пріятели разстались съ хозяиномъ. Шумскій проводилъ ихъ до передней.

— Ну, авось, завтра не будетъ опять помѣхи. А то эта канитель всѣ жилы у меня вытянула! —раздражительно произнесъ онъ.—Сто разъ бы ужъ успѣли оба быть убитыми.

— Убить и убиться не долго,—мрачно отозвался Ханенко.—Вотъ воскреснуть опять. На это много времени потребуется. Тѣмъ паче, что свѣтопредставленіе сколько разовъ назначалось и все отмигается.

Едва только Шумскій остался одинъ, какъ вошла къ нему Марѳуша и объявила барину, что къ нимъ явилась дѣвушка Прасковья и просить позволенія видѣть его.

— Пашута?!—воскликнулъ онъ.—Изъ Грүзина. Какими судьбами?

— Не знаю-сь. Она что-то очень не по себѣ... Не съ радостными вѣстями.

— Мнѣ изъ Грүзина, Марѳуша, нѣтъ радостныхъ вѣстей. Развѣ придутъ сказать, что Настасья околѣла, а Аракчеева въ солдаты царь разжаловалъ. Зови ее...

Черезъ минуту въ кабинетъ Шумскаго появилась Пашута взволнованная и, наклонившись, стала у порога.

— Здравствуй, Пашута. Какимъ образомъ?.. Прямо изъ Грүзина?

— Да-съ. Побывала только у баронессы на часокъ, а оттуда къ вамъ.

— Что баронесса?..

— Ничего. Слава Богу...

— Цѣлый вѣкъ не видалъ я ее,—глухо выговорилъ Шумскій.

И Пашута невольно подивилась, что эти два существа, вспоминая при ней другъ о другѣ, выразились почти тѣми же словами.

— Кто тебя въ Питеръ прислалъ и зачѣмъ?

— Я бѣжала.

— Что-о?!

— Бѣжала съ Васей... Меня Настасья Ѳедоровна стала нещадно по лицу кулаками бить, за волосы рвать и, наконецъ, не за что собралась наказать на конюшнѣ. Я и убѣжала.

— Ну и что же будетъ теперь? Вѣдь еще хуже будетъ. Тебя полиція розыщетъ и водворить... И прямо въ эдекуль...

— Помогите вы, Михаилъ Андреевичъ...—выговорила Пашута дрожащимъ голосомъ.—Я на васъ всю надежду возлагаю. Диковинно вамъ это слушать, а я правду говорю...

Шумскій задумался потомъ развелъ руками. Пашута оробѣла сразу.

«Неужели я ошиблась?» думалось ей.

— Какъ же это быть-то! Жаль мнѣ тебя, а помочь не могу... Я завтра на томъ свѣтѣ буду... Сегодня оставайся, а какъ меня приволокутъ сюда мертвого, такъ и спасайся куда знаешь...

Пашута изумляясь поглядѣла на Шумскаго. Онъ объяснился и сказалъ про поединокъ съ Фонъ-Энзе.

— Богъ милостивъ!—вымолвила дѣвушка.

— Къ обоимъ заразъ нельзя... А къ кому будетъ Онъ милостивъ? Фонъ-Энзе почаще меня молился небось. Я только черкаюсь день деньской.

И вдругъ Шумскій вскрикнулъ:

— Стой! Стой! Надумалъ! Выгорѣло дѣло! Я напишу сейчасъ письмо графу. Послѣднее! Предъ смертью! Я попрошу тебя пальцемъ не трогать и на волю тотчасъ отпустить въ поминъ моей души. И знаю вѣрно—онъ изъ суевѣрія это сдѣлаетъ. Вотъ такъ надумалъ! Диво вѣдь это, Пашута. Говори—диво вѣдь?..

Пашута не отвѣтила и чрезъ мгновенье вдругъ громко заплакала.

— Ты что же это?.. Обо мнѣ или объ себѣ. Моли Бога, чтобы я убитъ былъ. Тогда ты вольная. А буду я живъ—ты пропала...

И Шумскій, усадивъ Пашуту, успокоилъ ее и началъ разспрашивать про баронессу.

XXXII.

Ночь онъ плохо спалъ однако...

Не волненіе отъ простой боязни завтрашняго дня мѣшало ему глаза сомкнуть, а совершенно иное чувство, странное для него самого. Онъ ощущалъ въ себѣ лишь одно страшное озлобленіе. И озлобленіе безпредметное, потому что это была злоба или ярость на всѣхъ и на все, на жизнь, на небо, на самого себя, на свою судьбу, на завтрашній неминуемый конецъ. Онъ смутно сознавалъ однако, что этимъ озлобленьемъ выражается въ немъ, или замаскировалась та же простая трусость и боязнь смерти.

— Дрянъ какая! Сволочь! — ворчалъ онъ — Хамская кровь заговорила!... Прытокъ былъ на словахъ. А кто приказывалъ заваривать кашу. Самъ лѣзъ на рожонъ, самъ себя и надулъ.

И затѣмъ будто прислушиваясь къ тому, что происходило на душѣ, онъ вдругъ произносилъ:

— Да врешь... Врешь... Я тебя заставлю умирать глазомъ не сморгнувши. Не позволю срамиться. Да и чорта ли въ тебѣ. Кому ты нуженъ... И себѣ-то не нуженъ. А Ева и ея любовь? Да вѣдь это Пашута увѣряетъ, а не сама она...

И онъ началъ думать о баронессѣ, о томъ что Пашута снова рассказала ему о чувствѣ Евы къ нему. И онъ мысленно льнулъ къ ней пылко и страстно.

— Да, потеряешь ее теперь. А жилъ бы и дѣйствовалъ законно, честно, ничего бы такого не было... Съ чего началось и пошло... Съ той ночи, что воромъ и душегубомъ лѣзъ въ домъ барона красть у него все... Дочь и честь... Напоролся на чуткаго человѣка, который ее защитилъ, а тебя ошельмовалъ... Ну, вотъ, и доигрались до кукушки. А теперь, хамово отродье, струсилъ. Блудливѣе ты кошки, и трусливѣе зайца... А всежъ таки, говорю, врешь... Ты у меня пойдешь на убой такъ, что и бровью не поведешь. И ништо, не стоишь ты жизни...

И черезъ мгновенье онъ думалъ:

— Не стою я этой жизни?... Нѣтъ! Вздоръ!... Жизнь эта не стоитъ меня... или того, чтобы я ею дорожилъ. И моя жизнь и всякая иная—плясъ дурацкій. Всякій живущій на землѣ—просто пудель ученый, что прыгаетъ въ обручъ, якобы зная для чего.

Шумскій заснулъ крѣпко только часовъ въ семь, а въ девять, по его приказанію явился уже будить его Шванскій.

— Пора, Михаилъ Андреевичъ. Пора-съ.

Шумскій пришелъ въ себя не сразу, но, наконецъ, взглянулъ на Шванскаго пристальнѣе и вымолвилъ:

— Чего?... Что?...

— Вставать пора-съ.

— Вставать. Да. Тоишь умирать пора-съ.

— Господь съ вами. Зачѣмъ... Богъ милостивъ...

— Слыхали мы это... — проворчалъ Шумскій самъ себѣ и, глубоко вздохнувъ, прибавилъ: — трубку...

Шваньскій подалъ трубку, помогъ раскурить, держа зажженную бумажку и произнесъ, наконецъ, нѣсколько тревожно и вопросительно:

— Меня въ полицію требуютъ изъ-за кареты этой. Сейчасъ сюда приходилъ квартальный...

— Ну, и ступай.

— Чтожь мнѣ сказывать, прикажете?...

— Сказывай... что ты дуракъ.

— Помилуйте, Михаилъ Андреевичъ. Будьте милостивы, научите.

— Убирайся къ чорту! — вскрикнулъ Шумскій. — Сказано тебѣ было сто разъ, что меня убьютъ, а тебя простятъ. Дура!...

Черезъ полчаса онъ, уже умывшись и одѣвшись, сидѣлъ за чайнымъ столомъ, который накрыла Марѳуша. Теперь, осмотрѣвъ все ли на мѣстѣ, она стала поодаль отъ стола и впилась глазами въ сидящаго барина. По лицу дѣвушки видно было, что она не спала ночь. Глаза ея опухли и покраснѣли отъ слезъ, а все лицо, обыкновенно красивое, теперь было блѣдное, искаженное, будто помертвѣлое...

Шумскій не замѣчалъ ничего, пилъ чай, глубоко задумавшись и усиленно пуская клубы дыма изъ трубки. И вдругъ онъ смутно разслышалъ надъ собой:

— Михаилъ Андреевичъ... Ради Создателя! Что вамъ стоитъ... Ну, хоть для меня...

— Чтò? Чтò такое? — удивленно выговорилъ онъ, поднимая глаза на дѣвушку.

Марѳуша стояла около него, держа въ рукѣ маленькій образокъ съ шнуркомъ.

— Это чтò еще?...

— Михаилъ Андреевичъ... Ну, хоть для меня... Ради Господа... Вѣдь не трудное чтò прошу.

— Да чего тебѣ... Говори.

— Надѣньте вотъ, говорю, образокъ. Я его изъ лавры нарочно для васъ взяла... — со слезами промолвила Марѳуша. — Угодникъ Божій спасетъ васъ отъ всякой напасти...

— Здравствуйте... Э-эхъ, Марѳуша!... Кабы я въ это вѣрилъ, такъ я бы себѣ ожерелье цѣлое изъ нихъ нацѣпилъ... А такъ... это ни къ чему... Ты его побереги. Приволокутъ меня сюда мертвымъ часа черезъ три, ну вотъ тогда и вздѣнь его на меня... А теперь...

— Ну, ради Господа, прошу васъ... — заплакала Марѳуша. — Вѣдь не мудреное... И кого вы удивить хотите...

— Удивить?!—воскликнулъ Шумскій и, подумавъ, онъ вдругъ улынулся грустно и прибавилъ вполголоса. — И то правда... Никого не удивишь... Давай сюда... Будь по твоему...

Онъ надѣлъ шнурокъ черезъ голову и, просунувъ образокъ за воротъ рубашки, улынулся снова.

— Поцѣлуй ты меня, на счастье. Это вѣрнѣе будетъ! — Марѳуша не смотря на слезы, слегка вспыхнула и опустила глаза.

— Ну чтожь? Не хочешь. Я послушался, а ты вотъ упрямисься. То же не мудреное прошу.

— Извольте...

— Ну...

— Извольте, — повторила Марѳуша и придвинулась къ нему еще ближе.

— Чего «извольте?» Обойми, да и поцѣлуй. Сама. Я пальцемъ не двину...

Марѳуша слегка взволновалась и не шевелилась. Новость останавливала ее. Она уже привыкла къ тому, что Шумскій изрѣдка обнималъ ее и цѣловалъ, но сдѣлать то же самой, казалось ей чѣмъ-то гораздо бѣльшимъ.

— Ну, чтожь... долго ждать буду?

Марѳуша вдругъ порывомъ опустилась предъ нимъ на колѣни, почти упала, и схвативъ его руки, начала цѣловать ихъ, обливая слезами. Шумскій долго смотрѣлъ на ея опущенную надъ его колѣнами серебристую голову и вдругъ выговорилъ:

— А вѣдь ты послѣдняя... Послѣ тебя, ввечеру, всѣ ужъ ко мнѣ прикладываться будутъ безъ разбора пола и званія...

— Полно вамъ... Полно вамъ... — прошептала Марѳуша. — Вѣрю я, что все слава Богу будетъ.

— А я не вѣрю... А при безвѣрїи, да маловѣрїи, все къ чорту и пойдетъ.

Марѳуша хотѣла что-то сказать, но въ это мгновенье раздался звонокъ въ передней. Дѣвушка вскочила на ноги и быстро вышла вонъ.

Прїѣхавшій былъ Ханенко. Онъ поздоровался съ хозяиномъ, пытливо глянулъ ему въ лицо и молча сѣлъ къ столу.

— Когда ѣхать-то на балаганство? — спросилъ Шумскій.

— Къ одиннадцати слѣдъ бы ѣхать, — отвѣтилъ капитанъ угрюмо. — Петръ Сергѣевичъ уже, поди, тамъ распоряжается съ Мартенсомъ.

— Ну, а похоронами моими кто распоряжаться будетъ? Вы, или Квашнинъ?

Капитанъ сдѣлалъ гримасу.

— Полно, Михайлъ Андреевичъ, — отозвался онъ сурово. — Ну,

что тутъ хвастать, да надуваться. Ни себя, ни другого кого не обманете...

— Какъ такъ... хвастать? Не пойму? — воскликнулъ Шумскій, хотя въ то же время отлично понялъ капитана.

— Умрите прежде... А хоронить найдется кому. Не ваше со-всѣмъ то дѣло. Вовсе не любопытно мертвому, кто будетъ его хоронить... Такъ, хвастовство... фардыбаченье. Амбиція под-пускная!...

И, помолчавъ мгновенье, Ханенко прибавилъ:

— Дразниться не слѣдъ! Смириться надо предъ Богомъ да мо-литься. Ну хоть безъ словъ, умственно, сердечно помолиться. Не сердитесь, правду говорю вѣдь...

Шумскій не отвѣтилъ и задумался...

«Образокъ нацѣпилъ, а самъ ломаешься, — думалось ему. — И правда... Кого я обманываю».

И онъ вздохнулъ.

Наступило молчаніе. Капитанъ, налившій себѣ чаю, медленно и сапя пилъ съ блюдца, въ прикуску и, щелкая сахаръ, таращилъ глаза на самоваръ.

— Мерзость! мерзость! — вдругъ выговорилъ Шумскій отчаянно, и стукнулъ кулакомъ по столу.

Капитанъ поднялъ глаза и угрюмо взглянулъ на него.

— Мерзость... Пакостная эта жизнь, а умирать... умирать не то, чтобы просто не хотѣлось, или боялся... а досадно какъ-то...

— Обидно... — выговорилъ Ханенко не то серьезно, не то под-смѣиваясь.

— Да, обидно, именно обидно. Хоть бы самъ что ли покон-чилъ съ собой... а то другой...

— Вѣна... А надъсы говорили, что это не пороссейски самому себя ухлопывать. На васъ не угодишь, Михаилъ Андреевичъ.

— Полно вамъ... Вы меня бѣсите... А мнѣ нужно спокойствіе! — воскликнулъ Шумскій раздражительно.

— Вы сами не знаете, что вамъ нужно! — отозвался Ханенко. — Нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ жить соберетесь.

— Что вы... Даже и не понятно! — уже вспыльчиво произнесъ Шумскій.

— Вотъ что Михаилъ Андреевичъ! — вдругъ сурово и право-учительно заговорилъ капитанъ... Я хохоль... Мы хохлы, говорятъ, лѣнны и упрямы во всемъ... Это не правда. Мы спокойны и тверды... Наше спокойствіе прозвали лѣнью, а твердость — упрям-ствомъ. Вотъ иной хохоль теперь бы на нашемъ мѣстѣ помалки-валъ, и не швырялся, не любопытствовалъ бы узнавать, кто будетъ ему гробъ заказывать, да на какое кладбище повезутъ. Никогда я жизнь земную не клялъ, видитъ Богъ. Ну, а разставаться съ ней, когда бывало, чудилось мнѣ приходится... разставался похо-

хлапки, якобы сонно, лѣнливо, безъ всякаго самотрепанія. Якобы, Михаилъ Андреевичъ. Якобы!.. Вотъ и вы теперь сіе «якобы» соблюдайте. А то не хорошо даже со стороны смотрѣть. Трусить не запрещается никому, а праздновать труса запрещается...

— Да вы видали когда-нибудь смерть на носу! Вотъ какъ я теперь!—воскликнулъ Шумскій.

— Даже пять разъ состоятъ въ близкихъ отношеніяхъ къ ней. И мы съ ней всегда сходились и расходились деликатно, безъ шума, безъ брани, благоприлично.

— У всякаго свой нравъ... Я не могу не волноваться... Все-таки смерть — мерзость... И изъ-за чего... Изъ-за юбки! Изъ-за бабы или дѣвки, которая приглянулась обоимъ... Стоитъ ли она еще того, чтобы изъ-за нея былъ убитый...

— Вѣстимо не стоитъ! Да вѣдь и не изъ-за этого вы и идете теперь подъ пулю... А изъ-за того, что Аракчеевскимъ сыномъ или соврасомъ безъ уздечки прыгали. Покатались, ну, а теперь берите саночки и тащите... Да кстати молвить, Михаилъ Андреевичъ... слѣдъ бы намъ пораньше и ѣхать къ Безсонову. Вѣдь это не балъ, куда всякій наровить не первымъ пріѣхать...

Ханенко поднялся изъ-за стола и взялся за свой киверъ и саблю. Онъ былъ видимо не въ духѣ, раздраженъ происшедшимъ разговоромъ и въ то же время будто совѣстился и раскаявался въ томъ, что у него сорвалось съ языка.

Шумскій вдругъ подошелъ къ нему, протянулъ руку и, пожавъ его толстую и здоровенную лапу—выговорилъ спокойно и грустно:

— Вы меня немного... Не знаю какъ сказать! Спасибо вамъ. Все это правда... Знаете, что я за человѣкъ уродился... Знаете вотъ, бываетъ... Дерево такое растетъ, молодое, а ужъ карявое... Не отъ старости, а отъ скверной земли подъ корнями и мусоръ тамъ, и камень, и червь, и слякоть... Ничего этого не видать, да сучья-то карявые, вѣтки да листья гнилые, горѣлые, рваные. И виновать не я, капитанъ, а идолъ Аракчеевъ, да вотъ этотъ Питеръ... И знаете, чтѣ я вамъ скажу, не ломаясь и безъ лганья, а по совѣсти... Хорошо коли я убитъ буду! Останусь я цѣль и не-вредимъ, выйдетъ изъ меня мерзавецъ! И самый ледащій дешевенькій, алтынный мерзавецъ! Какъ ходули-то эти надоѣдаютъ, да брошу я ихъ, то и окажусь вдругъ... тля. мразь... Хамово отродье въ шелковой сорочкѣ. Нѣтъ ужъ, пускай, лучше меня сегодня Фонъ-Энзе похерить, нежели быть тому что мнѣ мерещится впереди, въ жизни этой... Нѣтъ не надо! Не хочу!.. Пускай лучше сегодня... Ёдемъ, капитанъ.

И Шумскій, двинувшись, быстрыми шагами прошелъ всѣ комнаты до передней, накиннулъ уже шинель и шагнулъ къ выходу, но вдругъ остановился.

— Маруша!—крикнулъ онъ громко на весь домъ.

Дѣвушка, блѣдная, появилась прямо изъ-за двери корридора, за которой укрылась.

— Поцѣлуемся. Ты вѣдь одна на свѣтѣ меня пожалѣешь...

И онъ расцѣловался съ дѣвушкой попріятельски, три раза.

— Михаилъ Андреевичъ, позвольте ужъ... Тоже и я...—раздался за нимъ всхлищившій голосъ Шваньскаго.

— Изволь. Только это не порядокъ. Послѣ ужина горчица. Послѣ тебя я опять съ твоей невѣстой тебя закусить долженъ.

И расцѣловавшись на обѣ щеки со Шваньскимъ, у котораго слезы были на глазахъ, а лицо съежилось, онъ уже обнялъ Марюшу и съ большимъ чувствомъ, поцѣловалъ ее одинъ разъ и что-то шепнулъ ей на ухо... Дѣвушка заплакала.

Капитанъ глянулъ и думалъ: «чуденъ ты человекъ!»

XXXIII.

Черезъ нѣсколько минутъ оба офицера уже катили по Морской и завернули на Невскій. Шумскій озирался по сторонамъ съ какимъ-то удвоеннымъ вниманіемъ и преимущественно мелочи бросались ему въ глаза. Красный платокъ на прохожей бабѣ... Глухая улыбка какого-то господина, стоявшаго на углу и собиравшагося переходить черезъ улицу... Толстая нянька съ двумя дѣвочками, которыя шли вдоль панели, она переваливаясь, подобно тарантасу по избитой колеѣ, а дѣти, поцыплячи, мелкимъ легкимъ шагомъ на тоненькихъ ножкахъ... Десятка три воронъ и галокъ, которыя кружились около купола церкви и усаживались... Дыра въ кафтанѣ на спинѣ проѣзжаго извозчика, чрезъ которую виднѣлась пестрядиная рубаха... Мальчишка, шмыгнувшій изъ-подъ лошадей съ калачемъ, прикрытымъ клочкомъ газеты... Весь этотъ не любопытный вздоръ, и всякая обыденная мелочь уличной жизни глубоко западали ему въ душу, будто нѣчто крайне интересное и важное. Все это выдѣлялось изъ общей не ясно видимой и смутно сознаваемой картины окружающаго. Все сливалось въ какое-то сплошное и туманное пятно, а эти мелочи выдѣлялись какъ предметы высшаго порядка, что-то говорившіе его разуму, его сердцу. Да и, дѣйствительно, они нѣчто сказывали ему.

— Мы сами по себѣ!—будто говорили они.—А ты самъ по себѣ!.. Мы вотъ будемъ и къ вечеру... А ты ужъ не будешь.

Поглядѣвъ на какой-нибудь домъ, крыльце, магазинъ или выѣску и, пропустивъ мимо глазъ, Шумскій иногда снова, какъ бы противъ воли, оглядывался, чтобы взглянуть вторично. Зачѣмъ? Онъ самъ не зналъ.

— Тише!—вдругъ крикнулъ онъ кучеру и чрезъ мгновенье прибавилъ:—шагомъ!

— Что вы это? спросилъ Ханенко.

— Пospбѣмъ!—отозвался Шумскій.

Капитанъ исподлобья присмотрѣлся къ нему и замѣтилъ, что Шумскій нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго. Капитанъ отвернулся и вздохнулъ.

«Глупство-то какое»,—сталъ онъ философствовать про себя. — «И такъ глупо достаточно на свѣтѣ все устроено. А тутъ еще это выдумали: сударыню смерть дразнить. Мы и такъ съ ней всю жизнь свою будто въ игру играемъ, въ пятнашки, гдѣ всякій нарываетъ удрать половчѣе... А тутъ выдумали вишь самому ей подъ ноги лѣзть».

И, обернувшись снова къ Шумскому, капитанъ приглядѣлся къ его задумчиво-тревожному лицу и ему вдругъ стало страшно жаль его. Жаль какъ родного, какъ брата.

«Онъ все же-таки добрый былъ!..»—подумалъ Ханенко и, спохватясь, прибавилъ: — «Былъ!? Чтожъ я его заживо-то хороню. Можетъ и ничего худого не будетъ».

И въ то же мгновеніе капитану почудилось, что онъ предчувствуетъ, навѣрно знаетъ, и всѣ знаютъ и самъ Шумскій знаетъ, что именно будетъ вскорѣ, чрезъ часъ, даже раньше...

«Само собой сдается!» думалъ онъ. «Не даромъ есть пословица: смертью пахнетъ».

— Такъ! Такъ! И это отлично,—воскликнулъ вдругъ Шумскій озлобленнымъ голосомъ.

— Что такое?—удивился Ханенко.

— Ничего, капитанъ... Вотъ я церковь увидѣлъ, т. е. не увидѣлъ, а вспомнилъ, что она вотъ въ этой, кажется, улицѣ, въ концѣ.

— Тамъ только кирка какая-то...

— Ну, да... Да. Такъ. Эта самая! Кирка шведская. Я тамъ въ первый разъ баронессу повстрѣчалъ на похоронахъ. Съ Фонъ-Энзе туда отправился органъ слушать. Такъ! Такъ! Все къ одному такъ и подбирается... Ну чтожъ? И чортъ васъ всѣхъ подери! Плясъ собачій! А! Да что тутъ...—и Шумскій крикнулъ кучеру:

— Пошелъ! Шибче!

Лошадь съ мѣста взяла ходкой рысью, а Шумскій забормоталъ, уже не озираясь, а глядя въ спину кучера:

— Отчего же я никогда... никогда не вспоминалъ объ этомъ. А теперь вспомнилъ! Да. Я первый разъ въ жизни увидѣлъ Еву на похоронахъ. Она поразила меня своей красотой, когда между нами былъ гробъ. Она шла за нимъ. Я спросилъ кто она такая у того же Фонъ-Энзе, и догадался, что онъ уже влюбленъ въ нее. И вотъ теперь вспомнилъ это, даже не видя этой кирки. Да. Все одно къ одному...

И Шумскій сталъ вспоминать свою встрѣчу съ Евой въ мельчайшихъ подробностяхъ, потомъ все что было послѣ этого...

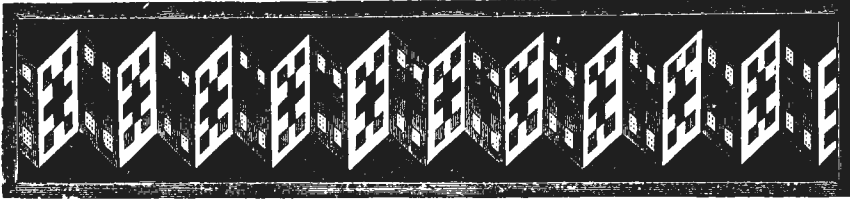
Дрожки вдругъ остановились, подкативъ къ подъѣзду. Это былъ домъ Безсонова. Шумскій оглядѣлся какъ бы озадаченный. Казалось, что онъ удивленъ тѣмъ, что они уже пріѣхали. Онъ будто ожидалъ, что это случится еще очень не скоро.

— Ну, вотъ и пріѣхали!—протяжно выговорилъ онъ, ухмыляясь гримасой, и какъ бы подшучивая надъ кѣмъ-то.

Гр. Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ)¹⁾.

ХІІІ.

Поѣздка за границу. — Болѣзнь Некрасова и леченіе за границей. — Вечера въ Римѣ у П. М. Ковалевскаго. — Восхожденіе Некрасова на Везувій. — Житіе въ Парижѣ. — Приѣздъ въ Парижъ графа Т. — Несостоявшаяся дуэль Тургенева. — Совѣты парижскихъ докторовъ Некрасову ѣхать на островъ Мадеру. — Административная опека надъ «Современникомъ». — Цензоры-чиновники отъ разныхъ министерствъ. — Исторія съ одной статьей Кавелина. — Кавелинъ и Н. А. Милютинъ на вечерахъ у великой княгини Елены Павловны.

Въ 1857 году, весной, я уѣхала за границу на морскія ванны, и въ концѣ августа получила отъ Некрасова письмо, въ которомъ онъ просилъ меня встрѣтить его въ Вѣнѣ, куда его послалъ докторъ Шипулинскій, чтобы онъ посоветовался съ какимъ-то знаменитымъ вѣнскимъ докторомъ, относительно своей горловой болѣзни.

Я опасалась, что Некрасовъ, по незнанію иностранныхъ языковъ, встрѣтить не мало затрудненій добратся до Вѣнны; но онъ благополучно совершилъ путешествіе, и уморительно рассказывалъ, какъ объяснялся въ отеляхъ и на желѣзныхъ дорогахъ.

Мрачное настроеніе духа, въ которомъ онъ находился съ тѣхъ поръ, какъ заболѣло у него горло, исчезло. Онъ съ любопытствомъ осматривалъ городъ, ѣздилъ по театрамъ, и какъ бы забылъ, зачѣмъ приѣхалъ въ Вѣну, такъ что я должна была нѣсколько разъ напоминать ему о необходимости отправиться къ доктору.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 531.

Послѣ свиданія съ вѣнской знаменитостью, Некрасовъ снова впалъ въ уныніе. Знаменитость нашла его болѣзнь очень серьезной, предписала строжайшій режимъ, и велѣла ему ѣхать въ Италію, гдѣ и провести зиму.

Климатъ Италіи дѣйствительно благотворно повліялъ на Некрасова. Онъ какъ бы ободрился и былъ не такъ раздражителенъ, но все-таки случалось, что онъ не хотѣлъ по два дня выходить изъ комнаты.

Въ Римѣ мы встрѣтили много русскихъ знакомыхъ, между прочимъ поэта Фета съ больной сестрой, и П. М. Ковалевскаго съ женой. У Ковалевскаго по вечерамъ постоянно собирались русскіе художники, жившіе въ Римѣ.

Хозяинъ дома и хозяйка всегда были такъ пріятливы къ нимъ, что даже самые нелюдимые изъ нихъ охотно шли къ Ковалевскимъ провести вечеръ. Фетъ и Некрасовъ тоже съ удовольствіемъ проводили тамъ вечера. Сидя у Ковалевскихъ, можно было забыть, что находишься далеко отъ родины.

Мы прожили въ Римѣ довольно долго и онъ, наконецъ, порядкомъ надоѣлъ Некрасову. По совѣту Н. П. Боткина мы отправились въ Неаполь.

Этотъ городъ очень понравился Некрасову; онъ по цѣлымъ вечерамъ сидѣлъ на балконѣ, любовался моремъ и Везувіемъ, и слушалъ съ удовольствіемъ пѣвца, который каждый вечеръ являлся къ балкону. Онъ настолько почувствовалъ себя хорошо, что въ компаніи русскихъ знакомыхъ и Н. П. Боткина взобрался на Везувій, на самый кратеръ.

Но когда начались сильныя жары, то Некрасовъ сталъ чувствовать слабость, бессонницу, и сильное нервное возбужденіе; надо было поскорѣ увезти его изъ Неаполя. Онъ пожелалъ ѣхать въ Парижъ, куда его звалъ Тургеневъ.

Не очень-то хотѣлось мнѣ ѣхать въ Парижъ, но нельзя было оставить больного человѣка одного и безъ знанія языка, и я скрѣпя сердце поѣхала.

Некрасовъ, напротивъ, рвался свидѣться съ Тургеневымъ. Тургеневъ цѣлые дни проводилъ съ Некрасовымъ, показывая ему Парижъ и уговорилъ его не надолго съѣздить въ Лондонъ, къ Герцену; по возвращеніи оттуда, Некрасовъ тщательно скрывалъ отъ меня, видѣлся ли онъ съ Герценомъ или нѣтъ?

Вскорѣ Тургеневъ познакомился съ однимъ аристократическимъ, княжескимъ, русскимъ семействомъ, и пересталъ возиться съ Некрасовымъ. Онъ приходилъ только передъ обѣдомъ, чтобы вмѣстѣ идти въ какой-нибудь ресторанъ, потому что утро у него было занято визитами, а вечера онъ проводилъ въ княжескомъ салонѣ.

Въ Парижѣ находилось еще нѣсколько русскихъ общихъ зна-

комыхъ—не литераторовъ, которые приходили обѣдать въ тотъ же ресторанъ; они принимали живое участіе въ Тургеневѣ и въ его отсутствіе строили предположеніе о томъ, что онъ намѣренъ жениться на княжнѣ N., тѣмъ болѣе, что и самъ Тургеневъ постоянными своими разговорами о ней подавалъ къ этому поводъ.

Некрасовъ однажды спросилъ Тургенева:

— Ты, братъ, въ самомъ дѣлѣ не задумываешь ли жениться? Это будетъ верхъ глупости съ твоей стороны и я этого не ожидалъ отъ тебя.

Тургеневъ на это отвѣтилъ съ оттѣнкомъ неудовольствія:

— Что же я какой-нибудь физическій и нравственный уродъ, что для меня невозможна семейная жизнь? Остаться бобылемъ подъ старость скверная вещь, и тебѣ совѣтую объ этомъ подумать. Молодость-то наша съ тобой не ахти прошла какъ весело; испытали мы съ тобой много передрягъ, не бывъ женатыми.

— Ты можешь жениться, только не на аристократкѣ — иначе ты погубишь себя.

Тургеневъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— А я иначе не женюсь, какъ именно только на такой дѣвушкѣ, которая была бы выдрессирована аристократическимъ воспитаніемъ, потому что эта самая лучшая гарантія для меня въ семейномъ спокойствіи. Я былъ бы несчастнымъ человѣкомъ, еслибъ моя жена обладала вульгарными манерами. Аристократическая дрессировка женщинъ тѣмъ и хороша, что если онѣ и сердятся, то и тогда сохраняютъ изящество и никогда не возмутятъ тебя рѣзкими выходками, къ которымъ я питаю непреодолимое отвращеніе, и жить вмѣстѣ съ такой женщиной для меня невысказано.

— Да вѣдь ты самъ говорилъ, что княжна совершенно не подготовлена къ жизни, имѣетъ дѣтскія взгляды на вещи.

— Тѣмъ лучше для меня, я могу, какъ изъ воску, вылѣпить себѣ жену, какую хочу. Я бы никогда не женился на дѣвушкѣ, которая уже имѣла жизненную опытность. То-то и привлекательно, что будешь развивать въ своей женѣ тѣ взгляды, которые желаешь, чтобы она имѣла на жизнь.

— Брось ты бывать въ этомъ аристократическомъ салонѣ,—сказалъ Некрасовъ,—еще влюбишься дозарѣзу, а родители найдутъ, что ты недостаточно хорошая партія для ихъ дочери.

— О, въ этомъ отношеніи я вполне гарантированъ; въ Парижѣ у нихъ плохой выборъ жениховъ; всѣ эти маркизы и виконты, посѣщающіе ихъ салонъ, предпочтутъ всегда породниться съ русскимъ купцомъ-милліонеромъ или съ жидомъ-откупщикомъ, нежели съ русскими князьями, у которыхъ едва хватаетъ средствъ сохранить декорумъ достаточныхъ людей... Княгиня придумала себѣ оригинальную болѣзнь—боль въ пяткахъ, и подъ этимъ предлогомъ

не выѣзжаетъ на балы и парадные обѣды, чтобы и самой ихъ не давать. Въ своемъ салонѣ она постоянно лежитъ на кушеткѣ и ее возятъ въ креслахъ, изъ комнаты въ комнату. Но мнѣ разъ удалось видѣть изъ кабинета князя, чего она не подозрѣвала, какъ она отличнѣйшимъ образомъ можетъ ходить. Только аристократическая женщина способна на такой героическій поступокъ для поддержанія своего достоинства.

— Есть чѣмъ восхищаться,—замѣтилъ Некрасовъ.

— Ну, ты объ этихъ вещахъ плохой судья,—отвѣчалъ Тургеневъ, и продолжалъ,—я для того тебѣ это сказалъ, чтобы ты понималъ въ какомъ затрудненіи находятся въ настоящее время родители съ взрослой дочерью. Нельзя же, чтобы и у дочери появилась такая же боль въ пяткахъ, какъ у матери?.. Какъ видишь мои фонды высоко стоятъ, если бы я только вздумалъ посвататься.

— Если ты не думаешь жениться, зачѣмъ же такъ часто бываешь въ этомъ семействѣ?

— Не знаю—испытывалъ ли ты тѣ ощущенія, какія я испытываю, когда послѣ долгой русской зимы, въ первый разъ весной очутишься въ березовой рошчѣ: деревья покрыты дѣвственными блестящими листочками, точно лакомъ; въ невысокой изумрудной травѣ выглядываютъ не совсѣмъ еще распустившіеся полевые цвѣты; воздухъ пропитанъ смолистымъ сочнымъ ароматомъ; вдыхая его въ себя, чувствуешь, какъ твоя душа также обновляется и оживаетъ какъ природа!

— Я вижу, что ты задумалъ писать новую повѣсть, и собираешь матеріалъ.

— Пока еще ничего не задумалъ писать; но во всякомъ случаѣ для писателя очень важно время отъ времени возобновлять тѣ юношескія ощущенія, которыя нѣкогда испытывалъ въ присутствіи дѣвушки такой же юной, какъ онъ самъ. Съ лѣтами эти нѣжныя ощущенія притупляются отъ чувственныхъ отношеній къ женщинамъ.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Парижъ писатель, графъ Т. и Тургеневъ, точно по обязанности подробно докладывалъ, какъ Т. держитъ себя въ русскомъ аристократическомъ салонѣ, гдѣ они часто сходились.

Т. никогда ни слова не говорилъ о Тургеневѣ, а послѣдній, напротивъ, не стѣснялся даже въ присутствіи постороннихъ людей дѣлать свои замѣчанія о немъ.

Некрасовъ разъ замѣтилъ Тургеневу:

— Ты какой-то вздоръ рассказываешь о Т., можно подумать, что онъ отродясь не былъ въ такихъ салонахъ?

— Ты сегодня въ хандрѣ и придираешься ко всему!—улыбаясь, отвѣтилъ Тургеневъ, но перемѣнилъ разговоръ и такъ увлекательно

сталь разсказывать какой-то эпизодъ изъ своихъ охотничьихъ приключеній, что нельзя было его не заслушаться.

Не могу въ точности опредѣлить въ скоромъ ли времени по приѣздѣ Т. въ Парижъ, произошла слѣдующая исторія.

Однажды, Тургеневъ, противъ своего обыкновенія явился къ нашему завтраку. Я никогда не видала его такимъ взволнованнымъ. Едва войдя въ комнату, онъ воскликнулъ:

— Знаешь ли, Некрасовъ, какую штуку выкинулъ сейчасъ со мной Т... онъ сдѣлалъ мнѣ вызовъ.

Некрасовъ вскочилъ съ кресель и его, безъ того блѣдное, лицо буквально помертвѣло, а сильный голосъ до того упалъ, что онъ шопотомъ проговорилъ:

— Тебѣ вызовъ!?!..

— Придумалъ глупѣйшій предлогъ!

— Если бы даже былъ самый серьезный предлогъ, то вамъ стрѣляться не возможно!—дрожащимъ голосомъ сказалъ Некрасовъ.

— Чисто юнкерская выходка... я...

— Дѣло говори, а не глупости!—перебилъ его Некрасовъ.

— Ты самъ посуди, кто бы изъ насъ придаль серьезное значеніе женской сплетнѣ?—продолжалъ Тургеневъ.

— Господи! да говори толкомъ!—въ нетерпѣніи воскликнулъ Некрасовъ.

— Какого ты хочешь добиться толку въ женской сплетнѣ?—горячася отвѣчалъ Тургеневъ,—чортъ знаетъ изъ какихъ-то своихъ расчетовъ княгинѣ понадобилось поссорить насъ!

— Ёдемъ сейчасъ же къ Т. и ты разъяснишь ему, что это сплетня.

— Нѣтъ! я не намѣренъ лѣзть къ человѣку, который явно придрался къ пустому случаю, чтобы вымѣстить на мнѣ свои неудачи...

— Замолчи ты, ради Христа,—опять крикнулъ Некрасовъ на Тургенева.—Я вижу, что въ самомъ дѣлѣ тебѣ не слѣдуетъ ѣхать, потому что ты мелешь какой-то вздоръ!.. Я ѣду одинъ.

— Только пожалуйста, не проговорись, что видѣлъ меня, онъ еще подумаетъ, что я подослалъ тебя къ нему. Скажи, что узналъ объ его вызовѣ отъ моего секунданта. Я сейчасъ поѣду къ N... и буду просить его быть моимъ секундantomъ.

Тургеневъ сказалъ это уже спокойнымъ тономъ и направился къ двери.

Некрасовъ, собравъ всѣ силы, крикнулъ ему: «Погоди!» Тургеневъ, держась за ручку двери, повернулъ голову и ждалъ, когда Некрасовъ подойдетъ къ нему.

— Ты долженъ выкинуть изъ головы мысль стрѣляться съ Т., ты долженъ пожертвовать всѣмъ, чтобы между вами не было дуэли, иначе это будетъ позорное преступленіе!

Все это Некрасовъ проговорилъ хотя и тихо, но очень энергично. Тургеневъ пожалъ плечами и отвѣчалъ ему также выразительно.

— Ты это не мнѣ долженъ говорить, а тому, кто изъ женской сплетни сдѣлалъ мнѣ вызовъ!

Проговоривъ это, онъ быстро повернулся и ушелъ.

Некрасовъ въ изнеможеніи сѣлъ въ кресла и въ отчаяніи произнесъ:

— Боже мой, Боже мой! имъ стрѣляться!

Я подала ему успокоительныхъ капель, но онъ не захотѣлъ ихъ выпить и, быстро вскочивъ съ мѣста, взялъ свою шляпу и палку, и ушелъ, сказавъ мнѣ на ходу:

— Пожалуйста ни слова не говорите никому изъ нашихъ знакомыхъ о вызовѣ!

Нѣсколько дней Некрасовъ провелъ въ страшной суетѣ; онъ возвращался домой до такой степени измученнымъ и мрачнымъ, что я ни о чемъ его не спрашивала. Я узнала только, что Тургеневъ уѣхалъ изъ Парижа и что дуэль отложена.

Вѣроятно, вслѣдствіе сильнаго волненія и простуды у Некрасова сильнѣе разболѣлось горло и появилась лихорадка, но о докторѣ онъ не хотѣлъ и слышать.

Я испугалась и тайкомъ телеграфировала о его болѣзни во Флоренцію, къ Н. П. Боткину, прося послѣдняго немедленно пріѣхать въ Парижъ. Н. П. Боткинъ пріѣхалъ и уговорилъ Некрасова отправиться съ нимъ къ какому-то парижскому знаменитому доктору.

Некрасовъ возвратился отъ доктора въ необыкновенно возбужденномъ состояніи и, едва войдя въ комнату, сказалъ мнѣ:

— Я попрошу васъ довести меня до русской границы, а тамъ я и одинъ кое-какъ могу добраться до Петербурга.

Некрасовъ зналъ, что я намѣревалась брать морскія ванны, которыя помогли мнѣ отъ мучительныхъ страданій печени.

Н. П. замѣтилъ, что Парижскій докторъ посылаетъ его жить на островъ Мадеру.

— Такъ я и поѣду въ этотъ склепъ, куда доктора отсылаютъ полумертвецовъ,—раздражительно сказалъ Некрасовъ.—Я очень хорошо вижу, что всѣ доктора сбываютъ меня съ своихъ рукъ, зная, что болѣзнь моя неизлечима. Я не изъ тѣхъ малодушныхъ больныхъ, которыхъ можно имъ дурачить посылками на излеченіе подалеже отъ себя... Я хочу умереть въ Россіи!—и, затѣмъ, снова обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— А во сколько дней вы можете уложить ваши чемоданы?

— Завтра къ вечеру у меня все будетъ уложено.

— Отлично!.. значить и я сейчасъ же начну укладывать свои вещи,—сказалъ онъ.

Но я упросила его пойти прилечь.

Н. П. Боткинъ находилъ, что мнѣ не слѣдуетъ везти Некрасова въ Петербургъ, а что я должна уговорить его ѣхать на островъ Мадеру, такъ какъ парижскій докторъ нашелъ, что это единственное средство остановить быстрое развитіе горловой чахотки. Но я не хотѣла понапрасну раздражать больного человѣка. Еслибы даже Некрасовъ и согласился поѣхать на островъ Мадеру, то, разумѣется, скоро бы тамъ соскучился, и осенью вернулся въ Петербургъ, что было бы еще вреднѣе для него.

Я полагала, что Некрасову необходимо опять жить въ литературной сферѣ, которая мѣшала бы ему исключительно сосредоточиться на мрачныхъ мысляхъ о близкой смерти.

Въ Петербургѣ онъ поневолѣ долженъ былъ пріободриться духомъ, такъ какъ совершавшіяся въ это время государственныя реформы возбуждали общее одушевленіе, да и съ литературы былъ снятъ тотъ страшный гнетъ, подъ которымъ она изнывала почти десять лѣтъ.

Вскорѣ по возвращеніи Некрасова изъ Парижа въ Россію, вернулся изъ-за границы и Т., и прожилъ у насъ на дачѣ болѣе двухъ недѣль, потому что дорогою захворалъ и ему надо было лечиться.

Я почти не видѣла Т.; онъ не выходилъ изъ своей комнаты, и только за три, или четыре дня до своего отъѣзда сталъ являться къ общему обѣду и завтраку. Т. намѣревался поселиться въ своемъ имѣніи на постоянное жительство и посвятить себя распространенію сельскихъ школъ; конечно, онъ хотѣлъ прежде всего основать сельскую школу въ своемъ имѣніи, и лично учить крестьянскихъ дѣтей, что какъ извѣстно, имъ и было исполнено.

Некрасовъ, послѣ отъѣзда Т. снова впалъ въ хандру. Хотя прежній гнетъ былъ снятъ съ русскихъ журналовъ и казалось, что настало время полной гласности, но каждый мѣсяць появлялись новыя административныя мѣры.

Не знаю, какъ было съ другими журналами, но на «Современникъ» было обращено особенное вниманіе администраціи, потому, что успѣхъ его возросталъ съ выходомъ каждой книжки.

Кромѣ цензурнаго комитета, появились еще цензоры-чиновники отъ разныхъ министерствъ, такъ что всѣ статьи, за исключеніемъ беллетристики, нужно было представлять на одобреніе еще особому чиновнику, имѣвшему право накладывать на нее свое veto.

Перечислю—куда должны были отсылаться статьи: въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ, въ Придворную Кантору и въ канцелярію Святѣйшаго Синода.

Бывали такіе случаи, что каждый изъ цензирующихъ чиновниковъ отговаривался одобрить статью, ссылаясь, что она, по содержанию, не касается его вѣдомства, такъ что статья совершала кру-

госвѣтное путешествіе по министерствамъ, и своевременно не попадала въ ту книжку «Современника», для которой была набрана.

Съ полученіемъ одобренія министерскихъ чиновниковъ было много хлопотъ, надо было являться къ нимъ, объясняться и упрашивать. Въ подтвержденіе сказаннаго приведу копію съ одной бумаги, полученной Панаевымъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія:

«Вслѣдствіе распоряженій, по высочайшему повелѣнію сдѣланныхъ, я прошу г. редактора и издателя «Современника» Панаева, завтрашняго числа, 17 апрѣля поутру въ 9 часовъ, явиться къ шефу-корпуса жандармовъ и представить ему: 1) полную записку г. Кавелина, изъ которой сдѣланное извлеченіе о новыхъ условіяхъ сельскаго быта, напечатано въ апрѣльской книжкѣ «Современника»; 2) извлеченіе изъ этой записки въ корректурныхъ листахъ, которое было первоначально препровождено чиновнику отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ г. Троицкому и онъ не одобрилъ.

«Министръ Народнаго Просвѣщенія Ковалевскій.

«16 апрѣля, 1858 года.

Этотъ Троицкій отличался тѣмъ, что помимо своей обязанности одобрить или не одобрить статью присланную изъ редакціи «Современника» часто, изъ любви къ искусству, писалъ о ней пространное мнѣніе въ Третье Отдѣленіе.

Троицкій поднималъ гвалтъ, когда статья Кавелина была напечатана въ «Современникѣ» съ выброшенными имъ мѣстами, отмѣченными красными чернилами.

Въ Третьемъ Отдѣленіи Панаеву пригрозили, что если онъ еще разъ повторитъ подобную вещь, то журналъ будетъ запрещенъ.

Кавелинъ также былъ приглашенъ къ шефу-жандармовъ, и какъ тогда говорили, ему запретили печатать свои статьи по крестьянскому вопросу. На сколько это достовѣрно—не знаю.

Въ продолженіе существованія комиссіи объ отмѣнѣ крѣпостного права въ Россіи, гдѣ видную роль игралъ Н. А. Милютинъ, въ редакціи «Современника» много толковали о засѣданіяхъ этой комиссіи и ожесточенной борьбѣ двухъ партій—либераловъ и консерваторовъ.

Кавелинъ, хотя и не былъ членомъ комиссіи, но принималъ большое участіе въ ея работахъ, потому что Н. А. Милютинъ руководствовался его знаніями и совѣтами.

Великая княгиня Елена Павловна, какъ женщина высоко образованная, интересовалась ходомъ дѣла въ комиссіи и на ея интимные вечера, разъ въ недѣлю, были приглашаемы Н. А. Милютинъ и Кавелинъ, съ которыми она пожелала познакомиться.

По этому случаю Тургеневъ говорилъ въ редакціи.

— Слышали, господа, что Кавелинъ сдѣлался придворнымъ, бываетъ каждую недѣлю по вечерамъ у великой княгини. Навѣрно

«истор. вѣстн.», июль, 1889 г., т. XXXVII.

3

къ празднику получить камеръ-юнкерство. Очень интересно будетъ видѣть его въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ!

— Надо какую-нибудь овацію устроить Кавелину, когда онъ облачится въ камеръ-юнкерскій мундиръ,—сказаль Дружининъ.

— Да, да!..—съ обычнымъ смѣхомъ поддакиваль Анненковъ.

— Непремѣнно! даже надо ото всѣхъ литераторовъ адресъ ему поднести, за то, что онъ поддерживаетъ ихъ достоинство,—произнесъ Тургеневъ.

— Я, господа, берусь нарисовать отличную виньетку къ адресу,—объявилъ литераторъ Г...—Въ этой виньеткѣ изображу, какъ Кавелинъ пѣшкомъ идетъ изъ Москвы, неся подъ мышкой нѣсколько книжекъ, потомъ представлю его въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, а въ облакахъ надъ его головой амуры будутъ держать наготовѣ виць-мундиръ со звѣздой; а мы всѣ стоимъ передъ нимъ съ лавровыми вѣнками въ рукахъ...

XIV.

Добролюбовъ и Ч. дѣлаются постоянными сотрудниками «Современника».—Мое знакомство съ Добролюбовымъ.—Литературное подворье.—Дружба Добролюбова съ Ч.—Выздоровленіе Некрасова.—Сотрудникъ «Современника» Піотровскій.—Самоубійство Піотровскаго.—Семейныя дѣла Добролюбова.—Какъ составлялся «Свистокъ» въ «Современникѣ».—Отношенія Тургенева къ Добролюбову.—Министръ народнаго просвѣщенія Головинъ.—Его отношенія съ литераторамъ.—Попечитель Петербургскаго учебнаго округа князь Щербатовъ.—Домашняя жизнь Ч.—Разговоръ Тургенева съ Некрасовымъ о Добролюбовѣ.—Разсужденіе Тургенева о комфортѣ, развращенности, о кутейникахъ и т. п.—Необычайная быстрота Добролюбова въ работѣ.—Его пренебреженіе къ литературнымъ сплетнямъ.

Добролюбовъ и Ч... сдѣлались въ это время уже постоянными сотрудниками «Современника». Я только раскланивалась съ ними, встрѣчаясь въ редакціи. Хотя я съ большимъ интересомъ читала ихъ статьи, но не имѣла желанія поближе познакомиться съ авторами.

Старые сотрудники находили, что общество Ч... и Добролюбова нагоняетъ тоску. «Мертвечиной отъ нихъ несетъ!»,—находилъ Тургеневъ,—«ничто ихъ не интересуешь!» Литераторъ Г... увѣряль, что онъ даже въ банѣ сейчасъ узнаеть семинариста, когда тотъ моется; запахъ деревяннаго масла и копоти чувствуется отъ присутствія семинариста, лампы тускло начинаютъ горѣть, весь кислородъ они втягиваютъ въ себя, и дышать дѣлается тяжело.

Тургеневъ разъ за обѣдомъ сказаль:

— Однако «Современникъ» скоро сдѣлается исключительно семинарскимъ журналомъ; что ни статья, то семинаристъ оказывається авторомъ!

— Не все ли равно кто бы не написалъ статью — разъ она дѣльная,—проговорилъ Некрасовъ.

— Да, да! но откуда и какимъ образомъ семинаристы появились въ литературѣ?—спросилъ Анненковъ.

— Вините, господа, Бѣлинскаго, это онъ причиною, что ваше дворянское достоинство оскорблено, и вамъ приходится сотрудничать въ журналѣ вмѣстѣ съ семинаристами,—замѣтила я.—Какъ видите небезслѣдна была дѣятельность Бѣлинскаго; проникло-таки умственное развитіе и въ другіе классы общества.

Анненковъ залился своимъ обычнымъ смѣхомъ, а Тургеневъ, иронически улыбаясь, произнесъ:

— Вотъ какого мнѣнія о насъ, господа!

— Это мнѣніе всякій о васъ составитъ, если послушаетъ васъ,—отвѣчала я.

Г... было хотѣлъ что-то замѣтить мнѣ, но Тургеневъ остановилъ его на словѣ «голубушка вы...» — перебивъ: — Лучше ненадо разувѣрять А. Я., она еще выведетъ новое заключеніе въ томъ же родѣ о насъ, а мы и такъ поражены и уничтожены.

— Не думаю этого, вы облачились въ такую непроницаемую броню, что не только словами, но и пулей ее не прошибешь.

— Разгорячилась,—замѣтилъ Дружининъ.

— Имѣете полное право смѣяться надо мной, господа, потому что я сама нахожу смѣшнымъ, что вздумала высказать свое мнѣніе.

Панасевъ поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ, чтобы дать ему другое направленіе. Да и я сама не намѣрена была его продолжать и не отвѣчала на тонкую колкость Тургенева и поддакиваніе Анненкова. Я всегда прескверно себя чувствовала послѣ такихъ сценъ, и страшно сердилась, что не могу быть сдержанной.

Некрасовъ поѣхалъ въ городъ по дѣламъ журнала и, вернувшись на дачу, предупредилъ меня, что къ завтрашнему обѣду пріѣдутъ нѣсколько сотрудниковъ. Въ числѣ пріѣхавшихъ на другой день гостей находился и Добролюбовъ.

За обѣдомъ литераторъ Г... потѣпалъ всѣхъ разказами о литературныхъ приживальщикахъ графа Кушелева, около котораго они увивались и безцеремонно тасили съ него деньги; особенно комически передавалъ онъ сцены, происходившіе между этими приживальщиками и Дюма, когда послѣдній гостилъ у Кушелева.

Я иногда посматривала на Добролюбова, желая знать какое на него производятъ впечатлѣніе разговоры, но ничего не могла замѣтить на его серьезномъ и спокойномъ лицѣ.

Послѣ обѣда я ушла въ свою комнату. Черезъ часъ вошелъ ко мнѣ Панасевъ и сказалъ, что всѣ отправляются гулять, а Добролюбовъ отказался идти.

— Неловко, человѣкъ пріѣхалъ въ первый разъ и оставить его одного, пожалуйста, займи его,—прибавилъ онъ.

Но я отказалась наотрѣзъ, сказавъ, что съ меня достаточно общества и старыхъ литераторовъ, а съ новыми я не намѣрена знакомиться.

— Однако, какъ же его одного оставить? Некрасовъ, можетъ быть, нескоро проснется, что же онъ будетъ дѣлать?

— Уговори его идти вмѣстѣ съ вами, а я не желаю бесѣдовать съ нимъ.

Панасевъ ушелъ, а я, увидавъ изъ окна своей комнаты, что всѣ, въ томъ числѣ и Добролюбовъ, отправились на прогулку, вышла въ садъ и сѣла читать на скамейку у дома. Вдругъ къ крайней моей досадѣ я увидала Добролюбова идущаго ко мнѣ. Онъ объяснилъ, что вернулся назадъ, потому что не любитъ большихъ прогулокъ; да притомъ же ему скучно въ обществѣ людей, которыхъ онъ мало знаетъ.

— Я думаю и имъ пріятнѣе быть въ своей компаніи,—сказалъ Добролюбовъ и спросилъ меня:—А вы отчего не пошли на прогулку?

— Вамъ скучно находиться въ обществѣ людей, которыхъ вы мало знаете, а мнѣ оттого, что я давно ихъ знаю,—отвѣчала я.

Добролюбовъ на это сказалъ мнѣ:

— Я замѣтилъ, что вы ни съ кѣмъ не разговаривали весь обѣдъ?

— Я такъ давно знаю всѣхъ обѣдовавшихъ, что мнѣ не о чемъ съ ними разговаривать.

— Мнѣ интересно знать, что за личность Дюма? Онъ вѣдь у васъ часто бывалъ?

— Интереснаго ничего не могу сообщить о немъ.

— Однако, какое онъ сдѣлалъ на васъ впечатлѣніе?

— Онъ произвелъ на меня одно впечатлѣніе, что у него большой аппетитъ и что онъ очень храбрый человѣкъ.

— Въ чемъ онъ проявилъ свою храбрость?

— Ълъ по двѣ тарелки ботвиньи, жареные грибы, пироги, поросенка съ кашей,—все заразъ! На это надо имѣть большую храбрость, особенно иностранцу, отъ роду не пробовавшему такихъ блюдъ...

Послѣ нѣкотораго молчанія, Добролюбовъ удивилъ меня, сказавъ:

— А знаете ли—вы отчасти способствовали моему сотрудничеству въ «Современникѣ».

— Это какимъ образомъ?!—воскликнула я.

— Понятно, это было такъ давно, что вы и забыли, но я отлично все помню, потому что это было мое первое посѣщеніе редакціи. Я прислалъ свою рукопись съ письмомъ на имя Ивана Ивановича, и пришелъ за отвѣтомъ. Онъ возвратилъ мою рукопись съ наставленіемъ: лучше прилежнѣе готовить свои уроки, чѣмъ тратить бесполезно время на сочиненіе повѣстей.

— Такъ это были вы—тотъ самый юноша въ мундирчикѣ какого-то казеннаго заведенія, который, выйдя изъ кабинета Панаева, не зналъ, какъ ему выйти изъ передней? Мнѣ тогда стало жаль васъ; я догадалась, что, вѣроятно, Панаевъ слишкомъ рѣзко высказалъ нелицезное мнѣніе о вашемъ произведеніи и поспѣшила къ вамъ на помощь. Я взяла у васъ рукопись, сказавъ, что передамъ ее Некрасову, котораго теперь нѣтъ дома, а чтобы вы зашли за отвѣтомъ черезъ нѣсколько дней... Видите я тоже отлично все помню, но только никакъ не догадывалась, когда, въ прошломъ году, увидала васъ въ редакціи и меня познакомили съ вами, что вы тотъ самый юноша, отъ котораго я взяла рукопись, потому что вы показались мнѣ уже человѣкомъ лѣтъ 26-ти; впрочемъ, я вѣдь только на минуту и видѣла васъ!—Значить, я была покровительницей при вашемъ вступленіи на литературное поприще?—прибавила я съ шутливой важностью.

— Конечно,—отвѣчалъ Добролюбовъ, улыбаясь,—вы имѣете полное право считать себя моей покровительницей.

Въ эту минуту въ садъ пришелъ Некрасовъ и завелъ разговоръ съ Добролюбовымъ о составѣ слѣдующаго номера журнала, а я отправилась распорядиться, чтобы подали чай.

Я очень хорошо помню свой разговоръ съ Панаевымъ по поводу переконфуженнаго юноши въ казенномъ мундирчикѣ, у котораго я взяла рукопись; когда онъ ушелъ, я пошла въ кабинетъ Панаева и сказала ему:

— Ты должно быть такъ огорчилъ бѣднаго юношу, что онъ не зналъ, какъ ему найти дверь, чтобы убѣжать.

— Я ему только высказалъ правду, я пробѣжалъ его рукопись, она плоха, какъ и слѣдовало ожидать; ну, что можетъ написать такой мальчикъ?

— Да нынче мальчики развитѣе, чѣмъ были вы тридцать лѣтъ тому назадъ, когда окончили свое воспитаніе,—замѣтила я.—Сами въ литературѣ разыгрываете такихъ же недоступныхъ директоровъ-чиновниковъ, надъ которыми смѣтесъ. Тебѣ слѣдовало принять участие въ юношѣ, ободрить его, а не читать ему наставленіе, чтобы онъ не смѣлъ думать и пробовать свои силы.

Я поинтересовалась узнать у Некрасова былъ ли у него юный авторъ за рукописью, которую я ему передала?

Некрасовъ отвѣчалъ мнѣ, что былъ и взялъ свою рукопись назадъ, хотя онъ и предлагалъ ему передѣлать ее и напечатать.

— Не захотѣлъ самъ,—прибавилъ Некрасовъ.—Онъ поразилъ меня, когда я съ нимъ побесѣдовалъ; такой умный, развитой юноша, но главное, когда онъ могъ успѣть такъ хорошо познакомиться съ русской литературой? Оказалось, что онъ прочиталъ массу книгъ и съ большимъ толкомъ.

Можетъ быть Некрасовъ и сказалъ мнѣ тогда фамилію этого

юноши, но у меня плохая память на фамиліи, такъ что когда потомъ онъ, называя Добролюбова, говорилъ, что нашелъ себѣ хорошаго помощника по библиографическому отдѣлу (Некрасовъ въ то время самъ разбиралъ новыя книги), то я не догадывалась, что это одно и то же лицо.

Добролюбовъ черезъ недѣлю пріѣхалъ еще разъ на дачу; у меня въ этотъ день съ утра гостила сестра съ племянницами, и я повела Добролюбова въ лѣсъ за грибами. Онъ никогда не собиралъ ихъ, при томъ плохо видѣлъ и мы потѣшались надъ тѣмъ, какъ онъ чуть не разбилъ свои очки о сучекъ, и не замѣтилъ огромнаго краснаго гриба, около котораго стоялъ. Онъ все время шутилъ и увѣрялъ, что сдѣлается завзятымъ собирателемъ грибовъ.

Такъ какъ время приближалось къ концу августа; то надо было перебираться съ дачи. Некрасовъ объявилъ мнѣ, что принанялъ къ нашей общей квартирѣ двѣ комнаты для Добролюбова и велѣлъ пробить дверь въ людскую, чтобы онъ могъ имѣть теплое сообщеніе съ редакціей.

Я, признаюсь, поворчала на это, потому что у меня и такъ было много всякихъ хлопотъ съ постоянными гостями, ежедневно набравшимися и къ завтраку, и къ обѣду.

Когда мы перебрались съ дачи, то нашли Добролюбова уже водворившимся въ двухъ маленькихъ комнатахъ; при его квартирѣ была кухня, изъ которой онъ имѣлъ особый выходъ.

Добролюбовъ сказалъ мнѣ, улыбаясь:

— Вотъ и я попалъ на литературное подворье.

Онъ вспомнилъ, что я, бесѣдуя съ нимъ въ первый разъ на дачѣ, выразилась, что наша квартира точно литературное подворье, такъ какъ у насъ постоянно жили литераторы.

— Не думаю,—замѣтила я,—чтобы вамъ было удобно жить въ такихъ маленькихъ комнатахъ и такъ близко отъ нашей людской—вамъ будутъ мѣшать работать.

— Въ меблированныхъ комнатахъ еще болѣе неудобствъ,—отвѣчалъ онъ,—я часто оставался безъ обѣда: заработаешься и забудешь во-время потребовать его, а потомъ принесутъ Богъ знаетъ откуда обѣдъ холодный, скверный; съѣшь его и почувствуешь боль въ желудкѣ, а я давно уже страдаю хронической болѣзнью желудка, и чувствую, какъ слабѣю отъ этой болѣзни.

Сначала я послала Добролюбову въ комнату утренній чай и завтракъ, потому что Некрасовъ и Панаевъ вставали поздно и въ разное время; но немного спустя, онъ попросилъ у меня позволенія приходить пить чай ко мнѣ (я вставала рано), ссылаясь на то, что въ это время, безъ него, уберутъ его комнаты и онъ тотчасъ же послѣ чая можетъ сѣсть за работу.

За утреннимъ чаемъ я заставила Добролюбова ѣсть что-нибудь

мясное, потому что иногда онъ приходилъ къ чаю, совѣмъ не ложась спать и проработавъ всю ночь.

Такъ какъ при этомъ я настояла, чтобы Добролюбовъ послѣ ѣды отдыхалъ съ полчаса, то къ чаю началъ являться и Ч..., чтобы пользуясь этимъ свободнымъ временемъ поговорить съ Добролюбовымъ.

Ихъ отношенія удивляли меня тѣмъ, что не были ни въ чемъ рѣшительно схожи съ взаимными отношеніями другихъ окружавшихъ меня лицъ.

Ч... былъ гораздо старше Добролюбова, но держалъ себя съ нимъ какъ товарищъ.

Вскорѣ послѣ переѣзда съ дачи, Некрасовъ началъ поправляться и у него исчезли мрачныя мысли о близкой смерти. Вотъ какъ это случилось.

Я коротко, съ дѣтства, знала одного молодого медика, года два какъ окончившаго курсъ.

Однажды онъ заѣхалъ ко мнѣ и я ему рассказала, что заграничные доктора нашли у Некрасова горловую чахотку, посылали его жить на островъ Мадеру, но онъ возвратился въ Петербургъ.

— Не также ли ошиблись доктора въ болѣзни его горла, какъ ошиблись относительно одного изъ моихъ паціентовъ, которому предсказывали близкую смерть отъ горловой чахотки; а онъ не только остался живъ, но выздоровѣлъ совершенно! Какъ бы мнѣ посмотрѣть горло у Некрасова?

Я съ большимъ трудомъ уговорила Некрасова показать горло, и онъ согласился на это крайне не охотно. Молодой медикъ, внимательно осмотрѣвъ и изслѣдовавъ его, произнесъ:

— Черезъ два мѣсяца у васъ совершенно заживетъ горло. Та же самая болѣзнь, которая была у моего паціента.

Некрасовъ въ волненіи спросилъ:

— И голосъ вернется?

— Командовать полкомъ вамъ трудно будетъ, но говорить вы будете громче и не такъ слабо, какъ теперь.

— Что же это такое значить? Меня лечили не такъ?

— Въ практикѣ самыхъ опытныхъ докторовъ бываютъ ошибки въ діагнозѣ болѣзни; особенно, если они не спеціалисты по какой-нибудь части. Если бы съ самаго начала, какъ вы почувствовали боль въ горлѣ, васъ лечили отъ той болѣзни, какая у васъ оказалась, то въ двѣ недѣли вы бы выздоровѣли. но теперь болѣзнь запущена, и излеченіе будетъ продолжительнѣе.

По желанію молодого медика, былъ собранъ консилиумъ изъ спеціалистовъ (Шипулинскаго, Григоровича), который вполне подтвердилъ поставленный имъ діагнозъ и предложенную систему леченія. Мѣсяца черезъ два Некрасова уже нельзя было узнать,

горло его быстро стало поправляться, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и мрачныя мысли о близкой смерти.

Выздоровѣвъ, Некрасовъ совершенно забылъ совѣты молодого медика, вести строго правильную жизнь. Когда я напоминала ему объ этомъ, то онъ доказывалъ, что и такъ всю жизнь прожилъ въ лишеніяхъ: въ молодости отъ неимѣнія средствъ, потомъ отъ болѣзни, и теперь требуютъ, чтобы онъ жилъ не такъ, какъ ему хочется.

— Не только для васъ, — замѣтила я, — а и для богатырскаго организма такой образъ жизни, какой вы ведете, былъ бы вреденъ; вы превращаете ночь въ день, а день въ ночь, и при томъ вѣчно находитесь въ возбужденномъ состояніи.

— Я очень хладнокровно играю въ карты, — отвѣчалъ онъ.

— Трудно повѣрить, чтобы, ведя такую большую игру, можно было сохранять хладнокровіе.

— Я скоро покончу игру! — говорилъ Некрасовъ, — а теперь глупо бросать ее, когда мнѣ везетъ такое дурацкое счастье.

Но онъ уже не разъ повторялъ, что скоро броситъ игру.

У Некрасова появились примѣты въ игрѣ: напр., онъ бралъ изъ конторы «Современника» тысячи двѣ руб. и вкладывалъ ихъ въ середину своихъ десятковъ тысячъ руб. для счастья, или полагалъ, что непременно проиграетъ, если выдастъ деньги въ тотъ день, когда вечеромъ предстояла большая игра.

Въ «Современникѣ» сотрудничалъ одинъ молодой человѣкъ, Піотровскій, который постоянно бралъ впередъ деньги у Некрасова. Къ несчастью, случилось однажды такъ, что утромъ Піотровскій выпросилъ у Некрасова денегъ, а вечеромъ тотъ проигралъ крупную сумму. Не прошло недѣли, какъ Піотровскій прислалъ къ Некрасову съ письмомъ какую-то женщину, снова прося денегъ.

Некрасовъ далъ отвѣтъ женщинѣ, что не можетъ исполнить просьбу Піотровскаго, и когда она ушла, сталъ ворчать на то, что Піотровскій опять проситъ денегъ.

— Да еще глупѣйшее письмо писать, — прибавилъ онъ, — угрожая, что если я откажу въ трехъ стахъ руб., то ему придется пустить себѣ пулю въ лобъ.

— Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ онъ въ безвыходномъ положеніи, — замѣтила я. — Пошлите ему денегъ.

— Не дамъ!.. Онъ не болѣе недѣли тому назадъ, взялъ у меня 200 руб., тоже говоря, что у него петля на шеѣ. Да и я по его милости проигрался.

Я посмѣялась, что Некрасовъ превратился въ старую купчиху, которая вѣритъ во всякія примѣты.

— Знаю, что все это глупо, но я положилъ себѣ за правило не давать денегъ въ тотъ день, когда предстоитъ мнѣ большая игра, потому что всегда остаюсь въ проигрышѣ! Да и вчера со-

считалъ сколько роздано впередъ денегъ по журналу, оказалось около 25 тысячъ.

— Ну ужъ еще 300 рублей капля въ морѣ,—замѣтила я.

Некрасовъ упрямылся, но потомъ сдался и обѣщалъ завтра же послать Пютровскому 300 рублей.

На другой день Некрасовъ всталъ почти къ самому обѣду; когда подавали пирожное, вошелъ Ч... Онъ былъ такъ блѣденъ, что я шепнула Добролюбову—не случилось ли какого несчастья въ семьѣ у Ч... Добролюбовъ спросилъ его что съ нимъ?

Ч... взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Сейчасъ только отъ несчастнаго Пютровскаго, онъ застрѣлился!

Всѣ были поражены такимъ ужаснымъ извѣстiемъ, а Некрасовъ, страшно измѣняясь въ лицѣ, вскочилъ съ своего мѣста и ушелъ въ кабинетъ.

Я одна поняла — почему такое удручающее впечатлѣнiе произвело на него это извѣстiе, другiе же приписали его волненiе нервности.

О самоубiйствѣ Пютровскаго сообщилъ Ч... одинъ изъ товарищей несчастнаго, и Ч... поспѣшилъ къ нему на квартиру, но нашелъ его уже мертвымъ.

Оказалось, что бѣдный молодой человекъ не Богъ знаетъ какъ и запутался въ долгахъ; онъ былъ долженъ всего тысячу рублей, но мысль сидѣть въ долговомъ отдѣленiи, которымъ ему грозилъ одинъ изъ кредиторовъ, если онъ немедленно не уплатитъ ему по векселю 300 рублей, побудила его покончить съ жизнью.

Надо же, чтобы обстоятельства сложились такимъ роковымъ образомъ, что Некрасову предстояла вечеромъ большая игра, а на другой день онъ всталъ поздно и не успѣлъ послать Пютровскому денегъ.

Некрасовъ далъ Ч... денегъ, прося распорядиться похоронами несчастнаго молодого человека, и уплатой всѣхъ его долговъ.

Три дня Некрасовъ не выходилъ изъ кабинета и былъ сильно потрясенъ; онъ говорилъ мнѣ:

— Ну, могло ли мнѣ придти въ голову, что изъ-за трехсотъ рублей человекъ можетъ застрѣлиться? Это ужасно! Я охотно далъ бы десять тысячъ, чтобъ избѣжать такого мучительнаго состоянiя, въ которомъ теперь нахожусь...

Добролюбовъ часто говорилъ мнѣ о своихъ семейныхъ дѣлахъ; на его рукахъ остались сестра и маленькiй братъ, воспитанiе которыхъ очень его заботило, такъ какъ они уже подростали. Разъ, придя утромъ пить чай, онъ сказалъ мнѣ:

— У меня до васъ большая просьба, да какъ-то стыдно обращаться съ ней къ вамъ, у васъ и такъ много хлопотъ съ хозяй-

ствомъ, но вы, пожалуйста, откровенно скажите мнѣ, если вамъ невозможно исполнить мою просьбу.

Я просила его, не стѣсняясь, высказать мнѣ все, что ему нужно.

— Я вчера получилъ письмо изъ Нижняго и нахожу, что долѣе нельзя оставлять тамъ брата Володю, иначе мальчикъ пропадетъ.

— Такъ выписывайте его скорѣй къ себѣ,—отвѣчала я.

— А вы поможете мнѣ въ заботахъ о немъ?

— Вы займитесь его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, а моя помощь ограничится гигиеническими заботами.

— А вы думаете, что гигиена не важна при воспитаніи дѣтей? Я каждую минуту чувствую это на себѣ. Вѣдь я нахожу большую переѣну въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ очутился въ другихъ гигиеническихъ условіяхъ, о которыхъ вы заботитесь.

— Я нахожу, что мои заботы принесутъ вамъ мало пользы, если вы будете продолжать такъ много работать и такъ сильно принимать къ сердцу всякую мелочь, касающуюся журнала. Вы добровольно запрягли себя чуть ли не въ каторжную работу, и не даете себѣ отдыха.

— Иначе нельзя вести журнальное дѣло, если имъ добросовѣстно заниматься.

— Какъ же другіе журналисты находятъ время и на прогулки и на театры и другія развлеченія?

— Это люди особенные.

— Благоразумные!—подсказала я.

Добролюбовъ улыбнулся и проговорилъ:

— Такъ я, по вашему, неблагоразумный человекъ? Хорошо, я постараюсь сдѣлаться благоразумнымъ; каждый вечеръ буду уходить изъ дому.

— Было бы хорошо ужъ и то, еслибы вы хоть разъ въ недѣлю давали себѣ отдыхъ.

Добролюбовъ очень былъ доволенъ пріѣздомъ маленькаго брата и до мелочей заботился о немъ.

Я иногда удерживала рвеніе Добролюбова въ занятіяхъ съ братомъ, потому что мальчикъ былъ очень нервный, худенькій, да и самому Добролюбову была вредна новая прибавка къ занятіямъ.

«Свистокъ» въ «Современникѣ» всегда сочинялся послѣ обѣда, за кофеемъ. Тутъ же импровизировались стихотворенія: Добролюбовымъ, Панаевымъ и Некрасовымъ; въ «Свисткѣ» принималъ участіе и Курочкинъ. Мысль ввести «Свистокъ» принадлежала Добролюбову.—Когда изъ-за «Свистка» въ литературѣ поднялась цѣлая буря на «Современникѣ», я шутя говорила Добролюбову:— «что освистали васъ?»

— А мы еще громче будемъ свистать; эта руготня только подзадоритъ насъ, какъ жаворонковъ въ клѣткѣ, когда начинаютъ, во время ихъ пѣнія, стучать ножомъ о тарелку. «Свистокъ» сдѣлаетъ

свое дѣло, осмѣять все прошлое, что печатають бездарные поэты. Серьезно разбирать всю эту глубокомысленную поэтическую пошлость и фальшь не стоит; за что утруждать бѣднаго читателя, а «Свистокъ» онъ прочтетъ легко и еще посмѣется.

Въ 1859 году, лѣтомъ, Добролюбовъ, по совѣту доктора, уѣхалъ на шесть недѣль въ Старую Русу, но вернулся ранѣе срока. Я его побранила за это, но онъ оправдывался тѣмъ, что леченіе не принесло ему никакой пользы, а между тѣмъ въ журналѣ была помѣщена статья (забыла какая), которая ни подъ какимъ видомъ не должна была быть напечатана, такъ какъ рѣзко противорѣчила духу журнала. При этомъ онъ шутилъ, сказавъ, что еслибъ не боялся меня, то вернулся бы еще ранѣе:

— Я бы васъ тогда прогнала назадъ, не впустила бы даже переночевать въ квартиру. Вы не можете жить безъ работы, какъ пьяница безъ водки.

— Даю вамъ слово, что буду умѣренъ въ работѣ,—отвѣчалъ онъ. Вначалѣ, когда Добролюбовъ только-что поселился у насъ, Тургеневъ обходился съ нимъ свысока.

У Тургенева каждую недѣлю обѣдали литераторы.

Разъ, придя въ редакцію, онъ сказалъ Панаеву, Некрасову и находившимся тутъ нѣкоторымъ старымъ знакомымъ литераторамъ:

— Господа—не забудьте я васъ всѣхъ жду сегодня обѣдать ко мнѣ,—и, затѣмъ, поверотивъ голову къ Добролюбову, прибавилъ,—приходите и вы, молодой человѣкъ.

Тургеневъ навѣрно слышалъ бы громкій смѣхъ Добролюбова, если бы онъ смѣялся, какъ другіе; но онъ только улыбался.

Тургеневъ въ это время наслаждался вполне своей литературной извѣстностью, держалъ себя очень величественно съ молодыми писателями и, вообще, со всѣми незначительными лицами.

Я посмѣялась Добролюбову, что онъ, должно быть, считаетъ себя сегодня счастливѣйшимъ человѣкомъ, удостоившимся приглашенія на обѣдъ отъ главнаго литературнаго генерала.

— Еще бы! такая неожиданная честь.

— Что же пойдете?—спросила я, хотя была увѣрена, что онъ не пойдетъ послѣ такого приглашенія.

— Къ сожалѣнію у меня нѣтъ фрака, а въ сюртукѣ не смѣю явиться къ генералу,—отвѣчалъ, улыбаясь, Добролюбовъ.

Панаевъ и Некрасовъ были удивлены, что Добролюбовъ не хочетъ ѣхать вмѣстѣ съ ними на обѣдъ къ Тургеневу; они не обратили вниманіе на тонъ приглашенія.

— Васъ же приглашалъ Тургеневъ,—сказалъ ему Некрасовъ.

— За такое приглашеніе я никогда не пойду къ Тургеневу.

Некрасовъ съ удивленіемъ произнесъ:

— Да онъ всѣхъ такъ пригласилъ.

— Вы всё его очень короткіе знакомые, а я вовсе нѣтъ.

— Это у него такая манера,—замѣтилъ Панаевъ.

Должно быть Некрасовъ намекнулъ Тургеневу—почему Добролюбовъ не пришелъ обѣдать, потому что Тургеневъ въ слѣдующій разъ сдѣлалъ ему любезное приглашеніе, но это не тронуло Добролюбова, и онъ все-таки не пошелъ.

Тургеневъ замѣтно сталъ относиться внимательнѣе къ Добролюбову и началъ заводить съ нимъ разговоры, когда встрѣчалъ его въ редакціи, или обѣдая у насъ, потому что литературная извѣстность Добролюбова быстро росла.

Тургенева замѣтно коробило, что Добролюбовъ все-таки не является къ нему на обѣды, и онъ однажды сказалъ Панаеву:

— Привези ты его обѣдать ко мнѣ, увѣрь его, что онъ не останется у меня общества, въ которомъ никогда не бывалъ.

Наконецъ, Тургеневъ понялъ, что причина, по которой Добролюбовъ не является на его обѣды, заключается вовсе не въ страхѣ встрѣтиться съ аристократическимъ обществомъ.

— Въ нашей молодости,—сказалъ онъ Панаеву,—мы рвались хоть посмотрѣть поближе на литературныхъ авторитетныхъ лицъ, приходили въ восторгъ отъ каждаго ихъ слова, а въ новомъ поколѣніи мы видимъ игнорированіе авторитетовъ; вообще сухость, односторонность, отсутствіе всякихъ эстетическихъ увлеченій, всё они точно мертворожденные. Меня страшитъ, что они внесутъ въ литературу ту же мертвечину, какая сидитъ въ нихъ самихъ. У нихъ не было ни дѣтства, ни юности, ни молодости—это какіе-то нравственные уроды.

— Это намъ лишь кажется, что новое поколѣніе литераторовъ лишено увлеченій. Положимъ, у насъ увлеченій было больше, но за то у нихъ они дѣльнѣе,—возразилъ Панаевъ.

— На тебя, кажется, семинарская сфера начинаетъ вліять,—съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ произнесъ Тургеневъ.

— Господа,—прибавилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ въ комнатѣ,—Панаевъ начинаетъ отрекаться отъ своихъ традицій, которымъ съ такимъ неуклоннымъ рвеніемъ слѣдовалъ всю свою жизнь.

— Отъ чего же не сознаться, если это правда; теперь молодые люди умнѣе, дѣльнѣе, и устойчивѣе въ своихъ убѣжденіяхъ, нежели были мы въ тѣ же лѣта,—отвѣчалъ Панаевъ.

Тургеневъ, съ притворнымъ ужасомъ обращаясь къ присутствующимъ, воскликнулъ:

— Господа! неужели мы дожили до такого печальнаго времени, что увидимъ нашего элегантнаго Панаева въ сюртукѣ, застегнутаго на всё пуговицы, съ сомнительной чистоты воротничкомъ рубашки, безъ перчатокъ и въ очкахъ!

Добролюбовъ и Ч... всегда носили сюртуки и очки, но разу-мѣется никогда не ходили въ грязномъ бѣльѣ.

— Мое зрѣніе стало слабо и я долженъ скоро надѣть очки!— отвѣчалъ Панаевъ.

— Ну, нѣтъ,—воскликнулъ Тургеневъ,—мы всѣ твои давнишніе друзья не допустимъ тебя сдѣлаться семинаристомъ; мы спасемъ тебя, не смотря на всѣ старанія нѣкоторыхъ личностей обратить тебя въ поборника тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которыхъ требуютъ отъ людей семинарскіе публицисты-отрицатели, не признающіе эстетическихъ потребностей жизни. Имъ завидно, что ихъ выростили на постномъ маслѣ, и вотъ они съ нахальствомъ хотятъ стереть съ лица земли поэзію, изящныя искусства, всѣ эстетическія наслажденія, и водворить свои семинарскіе грубые принципы. Это, господа, литературные Робеспьеры; тотъ вѣдь тоже не задумался ни минуты отрубить голову поэту Шенье.

— Богъ съ тобой, Тургеневъ, какія ты выдумалъ сравненія!— воскликнулъ Панаевъ въ испугѣ,—ты, ради Бога, не дѣлай этихъ сравненій въ другомъ обществѣ.

— Ты наивенъ, неужели ты думаешь, что статьи этихъ семинаристовъ читаютъ въ порядочномъ обществѣ?

— Однако, тогда бы подписка на «Современникъ» съ каждымъ годомъ не увеличивалась?

— По старой памяти ждуть отъ «Современника» прежняго его стремленія къ развитію въ обществѣ художественныхъ вопросовъ... Меня удивляетъ, какъ Некрасовъ, съ его практичностью, не видитъ, что семинаристы топятъ журналъ въ грязной лужѣ. Впрочемъ, онъ теперь слишкомъ занятъ другимъ дѣломъ. Онъ добивается быть капиталистомъ, и несомнѣнно имъ сдѣлается, такъ что я буду передъ нимъ бѣднякомъ. Ему ни почемъ теперь бросать тысячи на свои прихоти; а я долженъ призадумываться въ сотнѣ рублей, иначе не сведу дохода съ расходомъ. Не понимаю, прежде это же имѣніе давало вдвое болѣе доходовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Тургеневъ получилъ наслѣдство, онъ постоянно жаловался, что получаетъ доходовъ съ имѣнія очень мало, и въ порывѣ своихъ скорбей проговаривался, что терпитъ много убытка отъ распущенности мужиковъ. — «Я имъ не внушаю никакого страха, — говорилъ онъ, — прежде мужикъ съ трепетомъ шелъ на барскій дворъ, а теперь лѣзетъ смѣло и разговариваетъ со мной совершенно за панибрата, да еще съ какой-то язвительной улыбочкой смотритъ на тебя: «знаю, что ты молъ тряпка». Чтò убійственно, самъ чувствуешь, что онъ имѣетъ полное право считать меня за тряпку, потому что всѣ съ нахальствомъ обманываютъ и обкрадываютъ меня»...

Скоро я стала замѣчать, что Панаевъ начинаетъ охлаждать къ своимъ прежнимъ пріятелямъ. Впрочемъ, и немудрено; они ужъ

черезчуръ безцеремонно принялись сплетничать на него, разсердившись на то, что Головинъ, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, и давно знакомый съ Панаевымъ, присылалъ ему пригласительныя записки на свои вечера.

Головинъ былъ первый министръ просвѣщенія, которымъ литераторы могли быть вполне довольны, потому что онъ дѣлалъ по возможности все, что могъ для писателей.

Привожу одну записку его къ Панаеву:

«Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, доставьте мнѣ, если возможно, завтра біографическія свѣдѣнія о г. Островскомъ, а также и о его литературной дѣятельности, и сверхъ того, чинъ, имя и адресъ. Мнѣ нужно обратить вниманіе государя на его превосходную драму «Козьма Мининъ» и при этомъ рассказать все, что могу хорошенько объ авторѣ.

«Преданный Головинъ.

Согласно представленію Головина, Островскій получилъ отъ государя перстень.

Нѣкоторые литераторы не благоволили къ Головину и отзывались о немъ съ весьма невыгодной стороны. Панаевъ горячо защищалъ Головина, и потому литераторы стали вездѣ говорить, что онъ передъ нимъ лакействуетъ. Однимъ изъ главныхъ поводовъ и озлобленій противъ Головина послужила слѣдующая записочка, которую отъ него получилъ Панаевъ и показывалъ своимъ друзьямъ. Вотъ текстъ этой записочки:

«Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, я весьма желалъ бы познакомиться съ вашимъ главнымъ сотрудникомъ г. Ч... Увѣдомьте меня, пожалуйста, можете ли вы пожаловать ко мнѣ съ нимъ завтра, въ пятницу, въ 8 часовъ вечера. Въ такомъ случаѣ я останусь дома.

«Преданный Головинъ.

Разъ, проходя къ себѣ черезъ редакцію, я увидѣла въ передній маленькаго господина, стоявшаго въ недоумѣніи, такъ какъ лакея не было. Полагая, что онъ пришелъ по какому-нибудь дѣлу въ редакцію, я спросила его: кого онъ желаетъ видѣть? — «Дома Иванъ Ивановичъ?» — спросилъ онъ меня. Я пригласила его войти въ комнату и въ то же время позвонила лакею, и пока послѣдній явился, посѣтитель снялъ самъ съ себя пальто и повѣсилъ на вѣшалку. Я велѣла явившемуся лакею проводить посѣтителя въ кабинетъ Панаева, а сама вернулась въ редакцію, сказать Панаеву, что его спрашиваетъ какой-то господинъ. Панаевъ что-то рассказывалъ присутствовавшимъ и пошелъ только тогда, когда докончилъ рассказъ, такъ что посѣтителю пришлось ждать его довольно долго. Когда посѣтитель удалился, Панаевъ страшнымъ

образомъ разбранилъ лакея и сказалъ мнѣ:—«Пожалуйста прогони сейчасъ же Андрея». Меня очень удивило, что Панаевъ придрался къ лакею изъ такого пустяка, и я поняла раздраженіе его только тогда, когда онъ объяснилъ, что посѣтитель былъ,—министръ Головинъ.

Головинъ не долго оставался на своемъ посту.

Какъ, вообще, нѣкоторые высшіе сановники начали въ это время смотрѣть на литературу, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее приглашеніе, полученное Панаевымъ, чрезъ И. А. Гончарова, отъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, князя Щербатова.

«Князь Щербатовъ поручилъ мнѣ просить васъ, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, пожаловать къ нему въ пятницу вечеромъ и жаловать въ прочія—пятницы. Тамъ, кажется, будутъ и другіе редакторы и литераторы, съ которыми со всѣми онъ хочетъ познакомиться. Только онъ проситъ извинить его, что за множествомъ дѣлъ и просителей, онъ не можетъ дѣлать визитовъ. Вечеръ же самое удобное время, говоритъ онъ, даже когда понадобится объясниться по журнальнымъ дѣламъ. Онъ спрашивалъ меня, кто теперь есть здѣсь изъ нашихъ литераторовъ (разумѣется порядочныхъ). Я назвалъ П. В. Анненкова, Григоровича, Толстого; онъ усердно приглашаетъ и ихъ. О Василиѣ Петровичѣ Боткинѣ я не упомянулъ, потому что не зналъ о пріѣздѣ его. Помогите склонить ихъ поѣхать къ князю, тамъ они найдутъ не мало нашихъ. А какъ давно съ вами не видались; не увидимся ли во вторникъ, а не то такъ въ субботу у Языкова.

«Вашъ Гончаровъ.

«Князь считаетъ васъ уже за знакомаго и ожидаетъ прямо къ себѣ безъ церемоній».

Характеръ cadaго челоѣка лучше всего узнается въ его домашней жизни.

Я всегда изумлялась скромности Ч... какъ семьянина, и отсутствію въ немъ всякихъ требованій для себя комфорта. Послѣ продолжительной работы, онъ былъ всегда веселъ, точно все время наслаждался легкимъ и пріятнымъ занятіемъ. Его кабинетъ былъ маленькій, и онъ цѣлый день проводилъ въ немъ за работой. Я заставляла его иногда за двумя работами. Онъ слѣшилъ выпускомъ перевода «Исторіи» Шлоссера и диктовалъ переводъ молодому челоѣку; пока тотъ записывалъ, Ч... въ промежутокъ самъ писалъ статью для «Современника» или же читалъ какую-нибудь книгу. Кромѣ древнихъ языковъ, Ч... зналъ еще нѣсколько европейскихъ и при томъ зналъ превосходно.

Однажды, Добролюбовъ, по поводу моего замѣчанія о необыкновенной умѣренности Ч... въ обыденной жизни, сказалъ мнѣ:

— Ч... свободенъ отъ всякихъ прихотей въ жизни, не такъ какъ мы всѣ ихъ рабы; но главное онъ и не замѣчаетъ, какъ выработалъ въ себѣ эту свободу...

Обыкновенно, люди, способные закалить себя отъ всякихъ матеріальныхъ удобствъ, требуютъ, чтобы и другіе также отrekliсь отъ нихъ, но Ч... и въ голову не приходило удивляться, что другіе люди до излишества неумѣренны въ своихъ прихотяхъ.

Ч... очень былъ близорукъ, вслѣдствіе чего съ нимъ нерѣдко происходили смѣшныя *qui pro quo*; напримѣръ, разъ придя ко мнѣ въ комнату, онъ раскланялся съ моей шубой, которая брошена была на стулѣ, и которую онъ принялъ за даму; въ другой разъ возлѣ него, на стулѣ, лежала моя муфта, и онъ нѣжно гладилъ ее воображая, что это кошка, и т. п.

Близорукость мѣшала Ч... быть наблюдательнымъ; за то Добролюбовъ обладалъ наблюдательностью въ высшей степени; отъ него не укрывалось ничто фальшивое въ людяхъ, какъ бы они не старались замаскировать эту фальшивость. Когда въ редакціи бывали литературные обѣды, всегда многолюдные, то отъ Добролюбова не ускользала ни одна фраза, ни одно выраженіе лица присутствующихъ на обѣдѣ.

Добролюбовъ всегда сидѣлъ на этихъ обѣдахъ возлѣ меня, и бесѣдовалъ со мной, почти не принимая участія въ общемъ разговорѣ. Между сотрудниками «Современника» Тургеневъ былъ, безспорно, самый начитанный, но съ появленіемъ Ч... и Добролюбова, онъ увидѣлъ, что эти люди посерьезнѣе его знакомы съ иностранной литературой.

Тургеневъ самъ сказалъ Некрасову, когда побесѣдовалъ съ Добролюбовымъ:

— Меня удивляетъ, какимъ образомъ Добролюбовъ, недавно оставивъ школьную скамью, могъ такъ основательно ознакомиться съ хорошими иностранными сочиненіями? и какая чертовская память!

— Я тебѣ говорилъ, что у него замѣчательная голова!—отвѣчалъ Некрасовъ.—Можно подумать, что лучшіе профессора руководили его умственнымъ развитіемъ и образованіемъ! Это, братъ, русскій самородокъ... утѣшительный фактъ, который показываетъ силу русскаго ума, не смотря на всѣ неблагопріятныя общественныя условія жизни. Черезъ десять лѣтъ литературной своей дѣятельности, Добролюбовъ будетъ имѣть такое же значеніе въ русской литературѣ, какъ Бѣлинскій.

Тургеневъ разсмѣялся и воскликнулъ:

— Я думалъ, что ты бросилъ свои смѣшныя пророчества о будущности каждаго новаго сотрудника въ «Современникѣ»!

— Увидишь,—сказалъ Некрасовъ.

— Меня удивляетъ,—возразилъ Тургеневъ,—какъ ты самъ не

видишь огромнаго недостатка въ Добролюбовѣ, чтобы можно его сравнить съ Бѣлинскимъ! Въ послѣднемъ былъ священный огонь пониманія художественности, природное чутье ко всему эстетическому, а въ Добролюбовѣ всюду сухость, и односторонность взгляда! Бѣлинскій своими статьями развивалъ эстетическое чувство, увлекалъ ко всему возвышенному!.. Я даже намекнулъ на этотъ недостатокъ Добролюбову въ моихъ разговорахъ съ нимъ, и увѣренъ, что онъ приметъ это къ свѣдѣнію.

— Ты, Тургеневъ, забываешь, что теперь не то время, какое было при Бѣлинскомъ. Теперь читателю нужны разъясненія общественныхъ вопросовъ, да и я положительно не согласенъ съ тобой, что въ Добролюбовѣ нѣтъ пониманія поэзіи; если онъ въ своихъ статьяхъ слишкомъ напиралъ на нравственную сторону общества, то самъ сознайся — это необходимо, потому что она очень слаба, шатка даже въ насъ, представителей ея, а ужъ о толпѣ и говорить нечего.

— Ну, оставимъ этотъ разговоръ, — какъ бы съ неудовольствіемъ прервалъ Тургеневъ, — скажи-ка мнѣ лучше, сколько у тебя капитала? всюду только и говорятъ, что ты выигралъ значительный кушъ то у одного, то у другого?

— Выигралъ-то я изрядный кушъ, но половину его отыграли у меня..: Чтò-то начинаетъ мнѣ надоѣдать игра!

— И не смѣй оставлять ее, пока везетъ тебѣ счастье! Подумай, вѣдь дѣло идетъ къ старости, а чтобы она была сносна, нужно окружить себя комфортомъ, а на это надо много денегъ!

— Да, я развратился; мнѣ теперь, по моимъ привычкамъ, много нужно денегъ.

— Ошибаешься, это неразвращеніе, а доказательство, что въ тебѣ развились потребности къ изящному въ жизни. Вспомни, какъ мы съ тобой въ 40 годахъ, бывало, пожирали обѣды въ 50 коп., а теперь насъ стошнило бы, еслибъ только посмотрѣли на такой обѣдъ. Прежде я, пріѣзжая въ деревню къ матери, былъ доволенъ расположеніемъ какой-нибудь Натальи изъ дѣвичьей, отъ которой несло русскимъ масломъ и опойковыми башмаками. А теперь такая женщина возбудила бы отвращеніе, еслибъ приблизилась ко мнѣ. Скорѣе тогда мы имѣли развращенныя понятія, а теперь только явились въ насъ потребности къ изящному.

Когда Тургеневъ убѣдился, что Добролюбовъ не поддается на его любезныя приглашенія, то оскорбился и, началъ говорить, что въ статьяхъ Добролюбова виденъ инквизиторскій пріемъ, осмѣять, загрязнить всякое увлеченіе, всѣ благородныя порывы души писателя, что онъ возводитъ на пьедесталъ матеріализмъ, сердечную сухость, и съ нахальствомъ глумится надъ поэзією; что никогда русская литература, до вторженія въ нее семинаристовъ, не потворствовала мальчишкамъ, изъ желанія пріобрѣсти этимъ попу-

лярность. Кто любитъ русскую литературу и дорожить ея достоинствомъ, тотъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы избавить ее отъ этихъ кутейниковъ-вандаловъ!

Эти воззванія Тургенева доходили до Добролюбова, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и удивлялся только одному: къ чему объ этомъ передаютъ ему?

— Неужели думаютъ,—говорилъ онъ,—что я испугаюсь такихъ угрозъ и въ угоду Тургеневу измѣню свои убѣжденія. Странныя понятія у этихъ господъ!

Мнѣ было странно видѣть, что когда соберутся вмѣстѣ Ч..., Добролюбовъ, Антоновичъ и Пыпинъ, то они никого не бранятъ, и никто изъ нихъ не интересуется литературными дразгами и сплетнями.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ маленькаго брата Добролюбова, онъ выписалъ и меньшаго своего брата Ваю.

Кромѣ заботъ о сестрахъ и братьяхъ, Добролюбову пришлось заботиться пристроить на службу также пріѣхавшаго къ нему дядю.

Добролюбовъ съ дѣтства не видалъ его, потому что оба они жили въ разныхъ городахъ.

Надо было удивляться, когда Добролюбовъ успѣвалъ перечитать всѣ русскія и иностранныя газеты, журналы, всѣ выходящія новыя книги, массы рукописей, которыя тогда присылались и приносились въ редакцію. Авторамъ не нужно было по нѣсколько разъ являться въ редакцію, чтобы узнать объ участи своей рукописи. Добролюбовъ всегда прочитывалъ рукопись къ тому дню, который назначалъ автору.

Много времени терялось у Добролюбова на бесѣды съ новичками писателями, желавшими узнать его мнѣніе о недостаткахъ своихъ первыхъ опытовъ. Если Добролюбовъ видѣлъ какія-нибудь литературныя способности въ молодомъ авторѣ, то охотно давалъ совѣты и поощрялъ къ дальнѣйшимъ работамъ. Не мало труда и времени нужно было употреблять также на исправленіе нѣкоторыхъ рукописей. Наконецъ, приходилось безпрестанно отрываться отъ дѣла и для объясненій съ ними. Такимъ образомъ, Добролюбовъ могъ приниматься за писаніе своихъ статей только вечеромъ, и часто засиживался за работой до 4 часовъ утра. Изрѣдка онъ, для отдыха, приходилъ на нашу половину къ вечернему чаю, и былъ доволенъ, если его братья, бесѣдуя съ нимъ, высказывали умно и толково свои мнѣнія о прочитанной книгѣ, которую онъ давалъ имъ. Добролюбовъ говорилъ мнѣ:

— Мальчики не глупые, только надо позаботится дать имъ прочное образованіе, развить въ нихъ честное направленіе, и это моя обязанность, а между тѣмъ я плохо выполняю ее.

Я успокоивала его, увѣряя, что теперь для мальчиковъ еще не такъ важна его забота о нихъ, а когда они подрастутъ, тогда

и его жизнь не будет такая лихорадочная, и онъ можетъ руководить самъ ихъ воспитаніемъ.

По утрамъ Добролюбовъ бесѣдовалъ съ Некрасовымъ относительно состава книжекъ «Современника» и, вообще, о статьяхъ, предназначавшихся для напечатанія въ журналѣ.

Онъ очень заботился, чтобы ни одна фраза не противорѣчила направленію журнала и волновался, если авторы статей выражали свои мысли слишкомъ многословно. Особеннымъ многословіемъ отличался литераторъ Ш... Однажды Добролюбовъ настаивалъ на необходимости выкинуть изъ его статьи три страницы.

— За что же,—говорилъ Добролюбовъ,—заставлять читателя терять время на ненужную болтовню автора, разводящаго на трехъ страницахъ мысль, которую можно выразить двумя фразами; да и добро бы еслибъ эта мысль была нова, а то самая избитая.

— Не стоить поднимать возню!—замѣтилъ Некрасовъ,—потомъ объясняясь съ Ш...

— Я беру на себя эти объясненія.

— Это не избавитъ и меня отъ нихъ. И такъ на «Современникъ» всѣ точатъ зубы! Обрадуются, что у редакціи выйдетъ неприятность съ Ш... и пойдутъ разные толки.

— Редакція обязана дорожить мнѣніемъ читателя, а не литературными сплетнями,—отвѣчалъ Добролюбовъ.—Если бояться всѣхъ сплетенъ и подлаживаться ко всѣмъ требованіямъ литераторовъ, то лучше вовсе не издавать журнала; достаточно и того, что редакціи нужно сообразоваться съ цензурой. Пусть господа литераторы сплетничаютъ, что хотятъ, неужели можно обращать на это вниманіе и жертвовать своими убѣжденіями. Рано или поздно правда разоблачится, и клевета распушенная изъ мелочнаго самолюбія заклеимитъ презрѣніемъ самихъ же клеветниковъ.

Добролюбовъ говорилъ это очевидно по поводу распространяемыхъ слуховъ, будто бы онъ и Ч... являются всюду на сборища молодежи и лстятъ ей до самоуниженія, добываясь популярности, такъ какъ сознаютъ, что ихъ бездарныя статьи не могутъ имѣть никакого значенія въ публикѣ, и они подзадориваютъ мальчишекъ, чтобы тѣ кричали объ ихъ статьяхъ.

Я, какъ очевидица образа жизни Добролюбова, могу удостовѣрить, что онъ только по утрамъ видѣлъ молодыхъ людей, которые являлись въ редакцію съ рукописями, и не бывалъ ни на какихъ сборищахъ. Очень часто по вечерамъ я уговаривала его бросить работу и пойти провести время у кого-нибудь изъ его семейныхъ знакомыхъ; но онъ постоянно отговаривался тѣмъ, что ему надо торопиться окончить чтеніе рукописи, или дописать статью. Добролюбовъ не любилъ даже разговаривать, когда въ редакціи собиралось много народу.

Ч... также не былъ способенъ заискривать популярности и если къ нему ходили молодые люди, то лишь съ просьбами о работѣ. Правда, что въ теченіе одной зимы у жены Ч... собиралось по субботамъ много студентовъ, но для танцевъ. Ч... подъ шумъ веселаго говора танцующихъ и звуки фортепьянъ работаль у себя въ кабинетѣ.

Когда Добролюбовъ писалъ свои статьи и ему приходилось дѣлать ссылки на книги, журналы и газеты, онъ не нуждался въ справкахъ; благодаря своей удивительной памяти, онъ отлично помнилъ, гдѣ и что было напечатано.

А. Головачева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОРОДЪ ГРОДНО И ГРОДНЕНСКАЯ ГУБЕРНІЯ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

ВЪ 1866 ГОДУ меня перевели въ Гродненскую губернію, въ 4-й мировой участокъ, вновь образованный изъ трехъ волостей крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ и изъ трехъ же волостей крестьянъ государственныхъ (о присоединеніи которыхъ къ нашему вѣдомству только-что послѣдовало правительственное распоряженіе).

Въ покидаемомъ на всегда, непріютномъ Вилькомирѣ простились съ мною иные—очень любезно, иные, отъ кого и не надѣялся, довольно добродушно, такъ что можно было подумать: «неправъ же былъ злополучный Артемій Петровичъ Волинскій, говорившій, что русскіе ужъ слишкомъ склонны поѣдать другъ друга...»

Простилось со мною, тоже любезно и искренно, одно польское помѣщичье семейство. За то прощанье помню добромъ особенно почтенную старушку пани Сюзанну В—ву, умную дочь ея панну Франетту и старичка пана Соколовскаго. А при этомъ, памятно маленькое обстоятельство, неразъ наводившее меня на размышленія!

Пани Сюзанна В—ва, между прочимъ, проговорила тогда, что вотъ въ Гродненской губерніи «обыватели» (то-есть, польскіе помѣщики) говорятъ чистой польской рѣчью, ужъ не такъ, молъ, какъ въ губерніи Ковенской, гдѣ польская рѣчь не мало иска-

жена примѣсно словъ и оборотовъ не только литовскихъ, но даже и русскихъ.

А на дѣлѣ вышло, какъ разъ, наоборотъ: въ Гродненской губерніи, вообще, говорятъ польски все-таки гораздо хуже, чѣмъ въ Ковенской. Только въ Варшавѣ, отчасти въ Дрезденѣ и Карлсбадѣ, у проживающихъ тамъ поляковъ, отчасти и въ Бѣлостокѣ, слыхаль я чистую польскую рѣчь, какой уже не доводилось слышать ни въ Ковно, ни въ Вилькомирѣ и его уѣздѣ, ни въ Тельшахъ, тоже съ его уѣздомъ, ни въ четырехъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ, уѣздахъ Гродненской губерніи: Гродненскомъ, Волковысскомъ, Сокольскомъ и Бѣлостокскомъ. Отсюда я вывелъ заключеніе, что самое сильное русское вліяніе, именно вліяніе языка, всегда дѣйствовало на «поляковъ» Сѣверо-Западнаго края,—и, конечно, оно шло, не замирая, изъ далека, еще изъ того времени, когда Литовская Русь, даже по соединеніи ея съ Польшею, жила все-таки самостоятельно, сохраняя свое православное вѣроисповѣданіе, хоть бы и подъ формой уни, сохраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, свой народный языкъ и большую часть народныхъ обычаевъ. Впрочемъ, «поляковъ» въ Сѣверо-Западномъ краѣ, также немного, какъ, напримѣръ, нѣмцевъ, а пожалуй, и великоруссовъ. Вообще, здѣшніе поляки, въ огромномъ большинствѣ, потомки чисто-русскихъ людей и литовцевъ; и немудрено, что русская рѣчь, съ ея твердо, естественно выговариваемыми словами, съ ея многообразными, широкими, сильными оборотами, властно вторгается въ здѣшнюю, искусственную рѣчь польскую.

Но какъ ни сильно вліяніе русскаго языка, кажется, еще долго «интеллигенція» Сѣверо-Западнаго края, представляемая здѣсь наиболѣе кармазинною ¹⁾ шляхтою и городскими сословіями католическаго вѣроисповѣданія, будетъ считать себя чисто польскою. Въ польскихъ тенденціяхъ здѣшнихъ людей такъ много натянутого, неестественнаго, фальшиваго. Ихъ рьяный полонизмъ является чрезвычайно страннымъ, а иногда и черезчуръ наивнымъ. Для примѣра въ послѣднемъ отношеніи приведу здѣсь небольшой, но характерный случай:

Въ началѣ 1864 года, при мнѣ, помѣщикъ и уроженецъ Витебской губерніи, человекъ очень умный, образованный (въ одномъ

¹⁾ Шляхта раздѣляется у поляковъ на кармазинную и сѣрую; къ первой принадлежатъ паны, владѣльцы населенныхъ имѣній, и чиновники немалого ранга, словомъ,—люди, имѣвшіе нѣкогда право носить кармазинный жупанъ; сѣрою шляхтою называются жители шляхетскихъ «околицъ», владѣющіе мелкими клочками земли и сами ихъ обрабатывающіе. Вообще, пословица «шляхтичъ на огродѣ равенъ восводѣ», была выраженіемъ только шляхетской пыхи и если имѣла какое-либо значеніе, то лишь въ томъ случаѣ, когда шляхтичъ, на сеймикѣ или на избирательномъ сеймѣ, состоя въ свитѣ магната, принадлежалъ къ его партіи и подавалъ свой голосъ, дѣйствовалъ, суетился всячески—по его приказу.

изъ высшихъ привилегированныхъ нашихъ учебныхъ заведеній), человекъ при томъ практической дѣятельности, на пылкой вопросъ покойнаго Михаила Петровича Погодина: «ужели, будучи уроженцемъ витебскимъ, считаетъ онъ себя полякомъ, а не русскимъ?»— вмѣсто прямого отвѣта, разсказалъ слѣдующій анекдотъ:

Въ 1818 году, императоръ Александръ Павловичъ возвращался съ Варшавскаго сейма—и отецъ разсказчика,—на ту пору, предводитель дворянства,—въ городкѣ, гдѣ по маршруту назначена была остановка для вечерняго чая, представлялъ государю на почтовой станціи дворянъ своего уѣзда. Выходя со станціи, чтобы садиться въ коляску, государь замѣтилъ, что лошади запряжены уже не такъ, какъ запрягали ему отъ Варшавы и до самой этой станціи: прежде, вездѣ впрягались въ дышло только двѣ лошади и впереди ихъ были три уносныхъ съ фореиторомъ на средней, здѣсь же были впряжены въ дышло четыре лошади рядомъ, съ двумя уносными впереди. «А!»—сказалъ, будто бы, государь—«вотъ и русская запряжка, а я думалъ, что здѣсь еще Польша...»—и съ этимъ уѣхалъ.

Живо помню какъ былъ взволнованъ Михаилъ Петровичъ анекдотомъ этимъ вмѣсто отвѣта на его вопросъ, и съ какой, затѣмъ, горячностью перебралъ онъ множество историческихъ фактовъ для доказательства, что Витебскъ, Полоцкъ, да, наконецъ, и весь Сѣверо-Западный край—искони вѣковъ русская, чисто русская земля. Витебскій полякъ воздержался отъ спора и даже малѣйшаго возраженія не сдѣлалъ, но, конечно, историкъ нашъ не убѣдилъ его.

Скажу, кстати, вотъ о чемъ: здѣшніе поляки, не смотря на всю свою закоренѣлую вѣру въ польскія традиціи и тенденціи, все-таки нѣсколько чувствуютъ фальшивость своего положенія, происходящаго отъ преслѣдованія патріотическихъ, будто бы, цѣлей—и нерѣдко высказываются о необходимости «примиренія» между ними и нами. Идея, по правдѣ сказать, довольно странная,¹⁾ если и признать, что она вполнѣ искренняя и не имѣетъ никакой особой подкладки. Начать съ того, что «примиреніе», даже немыслимо по несуществованію между нами ссоры, раздора, какъ первоначальной причины для всей послѣдующей борьбы. Во взаимныхъ отношеніяхъ и нашихъ и здѣшнихъ людей существуетъ

¹⁾ Идея эта, опять кстати замѣчу, высказывается поляками Сѣверо-Западнаго края и поляками настоящими совсѣмъ различно, по крайней мѣрѣ, какъ доводилось мнѣ слышать и читать: первые говорятъ о примиреніи очень просто, не прибавляя къ тому уже ровно ничего, а послѣдніе общають намъ разныя блага, и, между прочимъ, то именно, что они, по примиреніи, будутъ хлопотать о развитіи у насъ либеральныхъ учреждений. Въ этомъ смыслѣ выражается, напримѣръ, (въ брошюрѣ, изданной въ Женевѣ на французскомъ языкѣ) одинъ изъ главныхъ членовъ перваго Варшавскаго ржонда... Брошюра эта попадалась мнѣ случайно; жаль, если она неизвѣстна у насъ. Говорятъ, въ этомъ родѣ есть и еще.

только недоразумѣніе, но лишь съ ихъ стороны, вслѣдствіе упорнаго и неразумнаго желанія ихъ быть непремѣнно поляками.

Въ Гродненской губерніи, столь сильно бьющей въ глаза своимъ основнымъ и теперь еще весьма живучимъ русскимъ элементомъ, я слишкомъ близко видѣлъ, въ продолженіе моего долговременнаго тамъ пребыванія, глубокіе слѣды и многопечальные результаты только-что окончившейся борьбы, борьбы возникшей изъ-за бѣшеннаго въ безсиліи своемъ разгула мнимо-патріотическихъ иллюзій.

II.

Прощанье мое съ Вилькомиромъ не затянулось, я уѣхалъ скоро, но со скорбью въ душѣ. Такъ жаль мнѣ было покинуть участокъ мой, въ которомъ—смѣло скажу—потрудился я много и съ любовью къ дѣлу. Впечатлѣнія всего, что вызвало перемѣну мѣста для служебной моей дѣятельности, были тяжелы, черезчуръ сильны. И уже оттого не манила меня къ себѣ Гродненская губернія. А къ тому еще слухи дошли, что въ Гродненской губерніи крестьянское дѣло совсѣмъ уже покончено,—повѣрочныя комиссіи вездѣ по уѣздамъ закрыты, и просто-на-просто дѣлать тамъ нечего, кромѣ разбора мелкихъ дѣлъ о порубкахъ да потравахъ, и кромѣ еще наблюденія за крестьянскимъ управленіемъ въ волостяхъ и сельскихъ обществахъ. (Я тутъ очень ошибался, но тогда и всѣ мировые «дѣятели» думали, что, съ окончаніемъ повѣрочныхъ дѣйствій, совсѣмъ завершается въ краѣ крестьянское дѣло). Наконецъ, я долженъ сознаться, что, вѣроятно, вслѣдствіе тогдашняго же душевнаго моего настроенія, непріятнымъ мнѣ представлялось, что придется имѣть дѣло все съ бѣлоруссами, съ народомъ, по общему мнѣнію, забитымъ до совершеннаго отупѣнія.

Я остался въ Вильнѣ недѣли на двѣ, безъ опредѣленной цѣли, только для того, чтобы поразвлечься нѣсколько и заглушить томившее меня чувство; остался бы и болѣе, если бы не надо было поспѣшить въ новый мой участокъ, для пріема государственныхъ крестьянъ моего новаго участка въ вѣдомство мировыхъ учреждений. Впрочемъ, Вильна, кромѣ красоты своихъ окрестностей, не представляла тогда ничего, что могло бы успокоить или только поразвлечь душевную тревогу. Настроеніе русскаго общества въ Вильнѣ было какъ-то пасмурно и смутно, чувствовалось, что всѣ ждуть спокойно какой-то перемѣны.

Я замѣтилъ про это хорошему знакомому.

— И вольно вамъ замѣчать!—отвѣчалъ онъ брюзгливо:—ну, и пусть ихъ беспокоятся насчетъ возможной перемѣны. Вѣдь, покойство-то не о направленіи русскаго здѣсь дѣла, а о личности, или, лучше сказать, о положеніи всѣхъ окружающихъ эту личность...

Въ самомъ дѣлѣ, къ концу того же 1866 года оказалось, что виленскія предчувствія насчетъ перемѣны главнаго лица въ управленіи краемъ—сбылись...

Въ Вильнѣ, однако, я провелъ время не безплодно: изъ разсказовъ другого хорошаго знакомаго я собралъ немало интересныхъ и вполне достовѣрныхъ свѣдѣній о событіяхъ въ Гродненской губерніи передъ началомъ послѣдняго польскаго мятежа.

Не смотря на прекрасное іюньское утро, скучнымъ и непріятнымъ казался мнѣ, чуть не во всю дорогу, небольшой переѣздъ отъ Вильны до Гродно. Отъ Ландворовской желѣзнодорожной станціи и вплоть до Порѣченской, мелькали все мѣста неживописныя и въ сельско-хозяйственномъ отношеніи весьма скудныя. Тутъ уже не было холмистыхъ, столь часто бросающихся въ глаза своей производительностью, мѣстностей Ковенской губерніи, тутъ тянулась во все стороны, утомительно для взора, песчаная, жалкая равнина. Въмѣсто густо-заросшихъ загоновъ (нивъ) по скатамъ холмовъ и по неглубокимъ долинамъ между холмами, виднѣлись всюду тщательно-воздѣланныя поля съ чрезвычайно тощей растительностью, и часто пересѣкались они большими, покрытыми верескомъ, пустырями, совсѣмъ непригодными для земледѣлія. Притомъ, мало было рѣкъ, рѣчекъ, озеръ и даже болотистыхъ пространствъ, что казалось страннымъ, такъ какъ Сѣверо-Западный край всегда представляешь себя преизобильнымъ водами. Наконецъ, и лѣса здѣшніе не походили на ковенскіе: конечно, на песчаной почвѣ, то были все хвойные лѣса, но не сосновые, съ высокоствольными, прямыми и стройными деревьями, а большей частью еловые, съ деревьями приземистыми, растрепанными, мрачными на видъ.

Итакъ было до станціи Порѣчье на Петербургко-Варшавской желѣзной дорогѣ.

Обширная, со множествомъ разныхъ построекъ, между прочимъ, и предназначенныхъ, вѣроятно, для большихъ складовъ, второклассная, Порѣченская станція выстроена въ мѣстности совершенно-пустынной; къ ней прилегаетъ одна только довольно-проѣзжая, и то въ лѣтнее время, грунтовая дорога, ведущая въ известное минеральными водами мѣстечко Друскеники (тоже въ моемъ участкѣ); да и вокругъ, на большія разстоянія во все стороны, нѣтъ хоть сколько-нибудь значительныхъ селеній, а есть только двѣ-три жалкія деревушки, конечно, не съ промышленнымъ и торговымъ населеніемъ.

Широкіе размѣры Порѣченской станціи кажутся еще удивительнѣе при сравненіи ихъ къ мизерными размѣрами желѣзнодорожной станціи въ самомъ Гроднѣ. Для чего жъ бы,—невольню подумаешь,—понадобилась второклассная большая станція въ пустынной, непроизводительной, чуть небезлюдной мѣстности, когда

въ губернскомъ городѣ, стоящемъ на судоходной рѣкѣ (Нѣманъ), сочли нужнымъ имѣть только третъеклассную станцію? Но диковина эта объясняется теперь просто: въ то время, какъ строилась Петербургско-Варшавская желѣзная дорога, — уже существовали въ полной организаціи и отчасти даже приводились въ исполненіе тайные замыслы по затѣвваемому польскому возстанію, и ради того-то именно сооружена была на пустырѣ, въ тридцати-трехъ верстахъ отъ Гродно, эта знаменитая Порѣченская станція.

Я долженъ упомянуть здѣсь о фактѣ, кажется, у насъ неизвѣстномъ. Въ числѣ инженеровъ и разныхъ устройствелей Петербурго-Варшавской желѣзной дороги было очень много французскихъ подданныхъ изъ поляковъ-эмигрантовъ послѣ возстанія 1830—1831 гг., или изъ ихъ потомковъ; они-то и сооружали эту дорогу примѣнительно къ новому мятежному предпріятію. Про это рассказывалъ мнѣ совершенно достовѣрный свидѣтель тогдашнихъ гродненскихъ событій, и что такъ было дѣйствительно, на то, между прочимъ, ясно намекаетъ внезапный отъѣздъ изъ Гродно начальника тамошней желѣзнодорожной станціи съ цѣлымъ поѣздомъ людей собравшихся въ повстанье (дѣло, впрочемъ, вполнѣ неудавшееся). Но мнѣ и еще доводилось слышать, что на Порѣченской станціи, открыто и всегда безпрепятственно, происходили собранія участниковъ въ подготовлявшемся мятежѣ и что тамъ же, будто бы, находились какіе-то склады разныхъ вещей нужныхъ повстанцамъ для ихъ предпріятія. Дѣло возможное, — мѣсто было очень удобно: въ разстояніи пяти-шести верстъ отъ желѣзнаго пути при Порѣчѣ начинались въ одну сторону огромные лѣса Берштовской волости Гродненскаго уѣзда, а въ другую — лѣса такіе же огромные Лидскаго уѣзда Виленской губерніи, т. е., такія мѣстности, на которыя и рассчитывали особенно вожаки возстанія для своихъ военныхъ операцій.

Тѣ же самые расчеты, которые руководили устройствелей желѣзной дороги въ Порѣчѣ, дѣйствовали при сооруженіи желѣзнодорожныхъ станцій и дальше за Гродно, по направленію къ Варшавѣ. Такъ, въ Бѣлостоцѣ, большомъ уѣздномъ городѣ съ тридцати-тысячнымъ населеніемъ, — центрѣ сильно развитой фабричной промышленности и торговли, — построена третъеклассная станція, а въ двадцати-пяти верстахъ за Бѣлостокомъ, какъ разъ на границѣ Гродненской губерніи съ царствомъ Польскомъ уже въ предѣлахъ его, и опять-таки въ мѣстности ни малѣйше незначительной для желѣзнодорожнаго движенія, красуется обширная второклассная станція Лаппы. Конечно, и она была тутъ построена не даромъ.

Впрочемъ, въ то время, по отношенію къ Польшѣ и къ полякамъ Сѣверо-Западнаго края, наша администрація многое между глазъ пропустила; немудрено, что она и вовсе не обратила внима-

нія на постройку желѣзнодорожныхъ станцій, производимую компаніей частныхъ предпринимателей, которые, предполагалось, должны имѣть въ виду единственно денежныя свои выгоды.

Верстахъ въ восьми-десяти отъ Порѣченской станціи, характеръ мѣстности по обѣимъ сторонамъ линіи желѣзной дороги сталъ измѣняться. Хотя и тянулась равнина, почти вездѣ безъ возвышенностей, пересѣченная не очень большими, все еще еловыми лѣсами, но почва обработанныхъ полей промежъ перелѣсковъ была уже гораздо лучше пустынной и бесплодной почвы, что наводила тоску отъ Ландварова, а особенно отъ мѣстечка Оранъ и вплоть до Порѣчья—тутъ виднѣлась земля уже сѣрая, въ иныхъ мѣстахъ явно суглинистая, и, судя по хорошимъ хлѣбамъ на ней, довольно производительная. Притомъ, тутъ часто попадались луговья пространства, зелень которыхъ была, какъ будто, ярче зелени луговъ ковенскихъ.

Чѣмъ больше приближались мы къ Гродну, тѣмъ оживленнѣе становились окрестные виды. Пустырей, мѣсть песчаныхъ и болотистыхъ уже вовсе не было видно. Лѣса отодвинулись гораздо дальше, протянувшись на краяхъ горизонта сине-туманной поло-сою. Замелькали частыя деревни,—какъ показалось мнѣ тогда,—и лучше выстроенныя и болѣе населенныя, чѣмъ въ Ковенской губерніи. Быстрая переменна характера всей мѣстности,—пріятный видъ засѣянныхъ, хорошо-обработанныхъ, благодатно-зрѣющихъ полей, яркая зелень луговъ, оживленный видъ крестьянскихъ населеній,—все это сильно повліяло на расположеніе моего духа. Я подѣлжалъ къ Гродно уже спокойно и весело.

III.

Вотъ, и мизерная гродненская желѣзнодорожная станція. Вотъ, и старый, чуть не тысячелѣтній¹⁾ Гродно. — городъ несомнѣнно русскій и по историческому происхожденію и по всѣмъ характернымъ признакамъ, лежащимъ на его физиономіи.

Неотступная настойчивость жидка-фактора заставила меня остановиться въ невзрачной Одесской гостинницѣ, въ которой, однако, вполнѣдствіи, я уже почти всегда останавливался. Гостинница эта содержалась чисто, въ порядкѣ, благодаря распорядительности хозяйекъ, приличныхъ и добрыхъ двухъ сестеръ-евреекъ; въ ней «номеровъ» и прислуги было мало, а оттого не встрѣчалось безтолковой, шумной суеты, столь обыкновенной въ большихъ гостинни-

¹⁾ Происхожденіе Гродно, какъ и нѣсколькихъ другихъ городовъ въ мѣстностяхъ, составляющихъ Гродненскую губернію, относятся къ весьма давнему времени, даже къ VII столѣтію; но положительныхъ данныхъ на это нѣтъ. Гродно становится достовѣрно-извѣстнымъ, какъ городъ особаго русскаго княжества, только съ начала XII вѣка; впрочемъ, и это древность не малая.

цахъ губернскихъ городовъ; притомъ, ее не посѣщали, почему-то, польскіе помѣщики и тамъ никогда не толкалась противная панская прислуга; наконецъ, мнѣ нравилось и то, что Одесская гостинница,— зданіе деревянное и одноэтажное,—смотрѣла, вообще, приличнымъ помѣщичьимъ домомъ.

Отъ желѣзнодорожной станціи до Одесской гостинницы пролегалъ длинная, довольно широкая улица, Садовая. На ней немного каменныхъ домовъ, (кажется, меньше десяти), а то тянутся, какъ и подобаешь на окраинѣ города, все маленькіе домики, между которыми, съ перваго же разу, отмѣтилъ я рядъ домиковъ одноформенной, своеобразной архитектуры, обштукатуренныхъ снаружи, невысокихъ, но повидимому двухъэтажныхъ, ибо у каждаго въ нижнемъ отдѣленіи было по два окна и въ верхнемъ еще одно подъ полукруглымъ фронтономъ. То были зданія уже старыя, оставшіяся еще отъ прошлаго столѣтія; въ нихъ помѣщались когда-то рабочіе на разныхъ фабрикахъ, заведенныхъ пресловутымъ «реформаторомъ», подскарбіемъ литовскимъ графомъ Антономъ Тызенгаузомъ¹⁾.

Кстати объ этомъ магнатѣ, который, дѣйствительно, затѣвалъ многое.

Лелевель особенно, за нимъ Ярошевичъ, другіе тоже польскіе писатели, представляютъ графа Тызенгауза не только разумнымъ патріотомъ, стремившимся изо всѣхъ силъ преобразовать экономическій бытъ своего отечества, но и просвѣщеннымъ, гуманнымъ радѣтелемъ всему крестьянскому населенію края. Онъ жилъ въ Гроднѣ, управляя всѣми «королевщицнами» въ Литвѣ, и реформаторская дѣятельность его, о которой тѣ писатели рассказываютъ столько, поистинѣ, диковиннаго, продолжалась тутъ немало времени (болѣе десяти лѣтъ). И чего-чего не сдѣлалъ, будто бы, онъ! Такъ, напримѣръ, въ отношеніи государственнаго хозяйства, онъ, говорятъ, привелъ въ извѣстность казенныя земли и лѣса, водворилъ порядокъ въ лѣсномъ управленіи, провелъ каналы, расчистилъ рѣки, вызывалъ для заселенія малолюднаго края иностранныхъ колонистовъ. Въ самомъ Гроднѣ и въ окрестностяхъ его устроено было имъ множество всякихъ образовательныхъ, благотворительныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и увеселительныхъ заведеній: тутъ были и кадетскій корпусъ, и школы: бухгалтерская, архитектурная, межевая, повивальная, театральная, и медицинскій факультетъ (съ ботаническимъ садомъ, бібліотекой и кабинетомъ естественной исторіи); тутъ были и госпиталь, и воспитательный домъ; разныя фабрики (для выдѣлки суконъ, полотень, шелковыхъ матерій, кисей, шляпъ, булавокъ, экипажей, писчей бумаги); заводы смоляные, дегтярные, поташные, желѣзные и лѣ-

¹⁾ Такъ надо писать эту нѣмецкую фамилію по польскому произношенію.

сопильные; купеческая какая-то контора; и, наконецъ, постоянный театръ съ постояннымъ при немъ оркестромъ. Для завѣдыванія и управленія фабриками и заводами, а также для обученія на нихъ рабочихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, Тызенгаузъ выписалъ изъ Германіи, Франціи и Голландіи многое множество мастеровъ.

Вслѣдъ за польскими писателями, и тѣ изъ нашихъ, русскихъ, которымъ доводилось упоминать о графѣ Антонѣ Тызенгаузѣ,—кромѣ одного Костомарова,—отзываются объ этомъ польскомъ магнатѣ въ высшей степени сочувственно, признають его гениальнымъ человѣкомъ, великимъ реформаторомъ,—и очень сожалѣють, что дѣятельности его воспрепятствовали, будто бы, интриги іезуитовъ и разныхъ завистливыхъ пановъ. Что польскіе-то писатели выставляютъ такъ напоказъ Тызенгауза—оно понятно: имъ желательно, во чтѣ бы то ни стало, отыскать между своими магнатами время окончательнаго паденія Польши хоть одного, который ясно сознавалъ бы отчего гибнетъ отечество, который доброхотно и разумно хотѣлъ бы устранить повозможности причины этой гибели; но почему наши писатели стараются прославить его—ужь право, недоумѣваю. Во всякомъ случаѣ, довѣрять вполне польскимъ свидѣтельствамъ отнюдь не слѣдовало бы и отнестись къ нимъ критически было бы нетрудно.

Я не вѣрю въ благодѣянія прославленныхъ реформъ подскарбія литовскаго,—не допускаю, чтобы реформы эти были предприняты имъ вслѣдствіе разумно-сознаннаго плана: какъ надо дѣйствовать для возбужденія производительныхъ силъ въ родномъ краѣ. Впрочемъ, положимъ, что графъ Тызенгаузъ живо почувствовалъ, что кой-чего не достаетъ Польшѣ, что недостатки эти составляютъ общественное зло, могущее привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ; по всей вѣроятности, какъ знатный и весьма богатый панъ,—онъ много путешествовалъ по Европѣ, видѣлъ многое, замѣчалъ, сравнивалъ, и это раскрыло ему глаза, надоумило, внушило доброе желаніе идти на пользу отечеству, дѣйствовать для просвѣщенія его, для развитія производительныхъ его средствъ. Но дѣло-то въ томъ, какъ онъ дѣйствовалъ. Изъ перечисленія школъ, имъ заведенныхъ, видно, что почти всѣ онѣ рассчитаны были на удовлетвореніе потребностей высшихъ слоевъ общества, а не для удовлетворенія существенныхъ нуждъ простого народа. Тѣмъ болѣе можно сказать это о фабрикахъ тызенгаузовскихъ, такъ какъ онѣ врядъ ли могли доставить хоть какую-нибудь пользу даже землевладѣльцамъ, живущимъ въ своихъ имѣніяхъ и дѣльно занятымъ. А, впрочемъ, главнѣйшимъ доказательствомъ бесплодности, совершенной незначительности затѣи и усилій подскарбія литовскаго служить именно то, что отъ всѣхъ его учреждений, о которыхъ столько славы распущено, ни малѣйшихъ слѣдовъ въ Гроднѣ не осталось; разумѣтся, и народъ, освобожденію котораго графъ Ты-

зенгаузъ, будто бы, сочувствовалъ «и даже положеніе его улучшалъ», никакихъ воспоминаній о немъ не имѣеть, въ чемъ я могу положительно завѣрить.

Гродно произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, но описывать городъ я не стану. Въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего замѣчательнаго. Даже зданія старинной наружности не имѣютъ ни красиваго, ни внушительнаго, ни своеобразнаго вида (впрочемъ, древность ихъ, кромѣ находящейся собственно уже внѣ города Каложинской церкви, этого прекраснаго памятника чисто-русской старины,—не очень давняя, не далѣе XVI вѣка); на всемъ старинномъ, конечно, все-таки выдающемся изъ массы недавнихъ построекъ, (особенно каменныхъ) лежитъ явный отпечатокъ того ничтожнаго состоянія города Гродна, въ какомъ находился онъ во времена польскаго государства¹). Но одна характерная черта Гродна, сильно отразившаяся въ глазахъ моихъ, при первомъ съ нимъ знакомствѣ, стоить того, чтобы указать на нее съ особенной настойчивостью.

Городъ Гродно показался мнѣ очень похожимъ на многіе изъ великороссійскихъ, не важныхъ по промышленному и торговому значенію, губернскихъ городовъ. Напоминали ихъ мнѣ: и простой, довольно мизерный видъ деревянныхъ по большей части домовъ, даромъ-что они, по фасадамъ, по черепичнымъ и гонтовымъ крышамъ, имѣли нѣкоторую своеобразность; и длинные-длинные заборы, и обиліе садовъ, и засоренныя площади, а всего болѣе,—отсутствіе почти вездѣ на улицахъ того движенія, которое невольно предполагается во всякомъ городѣ съ нѣсколькими десятками тысячъ жителей. Я напередъ зналъ, что здѣсь, какъ и во всѣхъ городахъ Сѣверно-Западнаго края, очень много евреевъ, что они составляютъ даже значительное большинство здѣшняго населенія, и уже это одно должно было бы придавать Гродну рѣзкую характерную особенность и тѣмъ отличать его отъ городовъ великороссійскихъ; но оказывалось, что гродненскіе евреи далеко непохожи,—одной весьма замѣтной чертою,—на единовѣрцовъ своихъ, проживающихъ въ Вильнѣ, Ковнѣ, Динабургѣ, даже въ небольшомъ Вилькомірѣ: въ этихъ городахъ, съ ранняго утра до поздней ночи,

¹) По достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, оказывается, что Гродно, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда какъ, на примѣръ, въ 1795 году, собирався въ немъ послѣдній польскій сеймъ, имѣлъ только до четырехъ тысячъ жителей; а должно замѣтить, что въ Гроднѣ, черезъ извѣстные промежутки времени, происходили государственные сеймы; но это, какъ видно, нисколько не способствовало ни въ увеличенію города, ни къ развитію его благосостоянія;—о тѣснотѣ его, разныхъ неудобствахъ для жизни, какія представлялъ онъ тогда, говорятъ согласно мемуары и иностранцевъ, и самихъ поляковъ.—Замѣчаю обо всемъ этомъ для того, чтобы еще сильнѣе указать на совершенную незначительность рефарматорскихъ затѣй графа Антона Тызенгауза, про котораго одинъ изъ нашихъ писателей смѣло говоритъ, что онъ, будто бы, «извлекъ Гродно изъ его ничтожнаго положенія».

повседневно, кромѣ шабашныхъ сутокъ, евреи двигаются, толкуются, быстро шныряютъ вездѣ, а здѣсь что-то не видать было ихъ светлыхъ побѣгушекъ, — они все больше выглядывали изъ лавокъ, изъ оконъ домовъ, и изъ-за воротъ. (Послѣднее обстоятельство указало мнѣ тоже, что Гродно — и не промышленный, и не торговый городъ, не смотря на свое счастливое положеніе на большой судоходной рѣкѣ и между такими городами, каковы Вильна и Варшава, не смотря и на то, что значительное большинство его населенія, то-есть евреи, по всеѣмъ условіямъ своего быта, только и занимаются одною торговлею).

IV.

Кровавый мятежъ 1830—31 годовъ, — нечета возстанію 1863 г., — страшно прошелъ по многимъ областямъ бывшаго польскаго королевства, къ Россіи присоединеннымъ, а между прочимъ по Виленской губерніи и въ тѣхъ ея уѣздахъ, изъ которыхъ, впослѣдствіи, образована Ковенская губернія; но губерніи Гродненской, не смотря на близость ея къ театру войны, онъ мало коснулся. Конечно, это зависѣло вовсе не отъ того, что въ Гроднѣ былъ тогда губернаторомъ человекъ энергическій, будущій ¹⁾ усмиритель возстанія 1863 года въ Сѣверо-Западномъ краѣ; а потому именно, что польскія тенденціи еще далеко не привились въ то время къ крупнымъ и состоятельнымъ гродненскимъ помѣщикамъ, и если держались гдѣ, то въ одной лишь сѣрой шляхтѣ, которая послѣ прежнихъ «красныхъ» дней во время сеймовъ и сеймиковъ, тянула теперь жалкое и тѣсное существованіе въ своихъ «околицахъ», по уѣздамъ Брестскому, Бѣльскому, Кобринскому, Бѣлостокскому, Сокольскому и Гродненскому. Вообще, тогдашніе гродненскіе «поляки» (я говорю собственно о помѣщикахъ вышеупомянутыхъ категорій) не очень-то заботились о возстановленіи «старожитной» Польши и сидѣли довольно смирно въ своихъ усадьбахъ. Можетъ быть, на нихъ дѣйствовали въ то время успокоительно отчасти и горькія, смиряющаго свойства, воспоминанія о послѣднемъ гродненскомъ сеймѣ, закончившемъ существованіе Польскаго государства, и о пребываніи, за тѣмъ, въ Гроднѣ бывшаго короля Станислава-Августа. Можетъ быть, тоже вліяла тутъ и особенная причина, о которой, въ послѣднюю мою поѣздку въ Сѣверо-Западный край, я слышалъ странное преданіе: рассказывали мнѣ, что, лѣтомъ 1831 года, образовалось какое-то движеніе крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ, во главѣ котораго сталъ, будто бы, крестьянинъ, наименовавшійся княземъ Гедройцемъ и присвоивавшій себѣ зва-

¹⁾ Впрочемъ, М. Н. Муравьевъ назначенъ былъ гродненскимъ губернаторомъ уже подъ конецъ мятежа 1830—31 годовъ.

ніе генерала. Разсказчики не ясно и смутно передавали о дѣйствіяхъ этого человѣка и съ подробностями разсказывали только о томъ, какъ онъ добивался непременно повѣсить нѣкоего помѣщика Коленкевича и какъ потревожилъ, однажды, внезапнымъ своимъ появленіемъ, «обывателей», собравшихся въ фольварокъ Либерполь, крупнаго землевладѣльца Быховца, расположенный въ глухой мѣстности Волковыскаго уѣзда. Что случилось съ мнимымъ Гедройцемъ, объ этомъ говорили мнѣ крайне сбивчиво: иные—что онъ вдругъ исчезъ не извѣстно куда, а иные—что помѣщики, будто бы, изловили его и повѣсили... Очень сожалѣю, что кратковременность моей поѣздки не допустила меня провѣрить основанія для этого преданія и собрать о немъ больше свѣдѣній. Но одно несомнѣнно: гродненскіе помѣщики, въ мятежъ 1830—31 годовъ, почему-то, очень боялись крестьянскаго возстанія—и это, конечно, должно было останавливать ихъ движеніе въ сторону мятежа.

Но какъ бы тамъ ни было, а гродненскіе помѣщики въ мятежъ 1830—31 годовъ, были, вообще, смиренны, по крайней мѣрѣ, особенными подвигами не отличались. За то въ возстаніе 1863 года они оказались яркими патріотами. Изъ нихъ вышли: послѣдній начальникъ ржонда Варшавскаго Траугуттъ, «диктаторъ» Литвы Калиновскій, а также и многіе доводцы; изъ нихъ же вышли: «политикъ», задумавшій разыграть въ Сѣверо-Западномъ краѣ крупную роль маркиза Велепольскаго, графъ Викторъ Старжинскій, и особенно-ревностный, какъ говорятъ, сборщикъ «офяры» и податей на мятежъ, Северинъ Ромеръ, будто бы, собравшій и отославшій въ Hôtel-Lambert до семидесяти милліоновъ франковъ. Одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Гродненской губерніи (Пружаны) былъ «завоеванъ» на нѣсколько дней повстанскою шайкою,—случай единственный въ цѣломъ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ Гродненской же губерніи, одна изъ шляхетскихъ околицъ «прославилась» предательскою вырѣзкой русскихъ. Въ эту губернію вторгались изъ царства Польскаго повстанскія многочисленныя шайки и иногда дрались съ нашими войсками ожесточенно, на примѣръ, при мѣстечкѣ Сѣмятичахъ. Въ ней устраивались, съ великимъ усердіемъ, мятежныя демонстраціи, а «политиками и дипломатами» изъ мировыхъ посредниковъ, изъ предводителей дворянства, ловко подстроены были злохитрыя козни противъ только-что освобожденныхъ, смиренныхъ крестьянъ-бѣлоруссовъ. Наконецъ, въ самомъ Гроднѣ, этомъ чисто-русскомъ городѣ, мятежное движеніе началось раньше чѣмъ гдѣ-либо въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

И по правдѣ сказать: это безтолковое движеніе развилось въ безобразныхъ своихъ проявленіяхъ, какихъ ужъ ни какъ нельзя было бы ожидать въ Гроднѣ,—отъ того именно, что оно не встрѣтило, на первыхъ порахъ, должнаго отпора съ нашей русской стороны, имѣвшей, однако, у себя для этого всѣ средства.

V.

Въ 1860 году, когда начались польскія демонстраціи въ Гроднѣ, и до іюля 1861 года, гродненскимъ губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Абрамовичъ Шпейеръ, поступившій на это мѣсто изъ директоровъ какой-то московской гимназіи. Надо думать, что почтенный г. Шпейеръ имѣлъ большія достоинства, и какъ человѣкъ, вообще, и какъ педагогъ въ частности, но, ужъ какъ губернаторъ, онъ оказался вовсе не по тогдашнимъ труднымъ обстоятельствамъ. Правда, и еще кое-гдѣ, даже въ болѣе значительныхъ, чѣмъ Гродно, пунктахъ, оказались у насъ тогда администраторы, и не педагоги, малосоотвѣтствовавшими важности событій; но все же нельзя не подивиться, что для крайней нашей губерніи, какъ-разъ примыкающей къ царству Польскому, гнѣзду мятежа, гдѣ мятежное движеніе стало проявляться очень открыто еще съ половины 1860 года¹⁾, выбранъ былъ въ губернаторы человѣкъ, всей прежней дѣятельностью своею нимало неподготовленный къ весьма разнообразной административной дѣятельности, притомъ нисколько незнакомый со всѣми условіями быта въ краѣ, ввѣренномъ его управленію, наконецъ, человѣкъ, который,—какъ говорили поляки, даже по происхожденію своему, не могъ имѣть значенія въ ихъ обществѣ...

¹⁾ Открыто оно началось съ демонстраціи въ Варшавѣ, бывшей въ іюнѣ 1860 года, по поводу похоронъ вдовы польскаго генерала Савинскаго, участвовавшего въ мятежѣ 1830—31 гг. Но вотъ что у насъ неизвѣстно и про что я слышала отъ Д. М. Л—а, офицера въ Старо-Ингерманландскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ, до мятежа и до введенія въ дѣйствіе крестьянскихъ Положеній,—въ Гродненской губерніи: рота, въ которой онъ состоялъ офицеромъ, была расположена въ волковыскомъ имѣніи Росъ, графа Потоцкаго, (въ 17 верстахъ отъ г. Волковыска), а самъ онъ былъ на постаѣ въ деревнѣ Шовки, принадлежащей къ этому имѣнію. И вотъ, однажды, хозяйка дома, православная, но ходившая въ костель на исповѣдь, (тогда это часто бывало, какъ бывало и то, что въ одной и той же крестьянской семьѣ иные изъ семейныхъ были православнаго, а иные римско-католическаго исповѣданія), подъ большимъ секретомъ, посоветовалась съ г. Л—мъ: принимать или не принимать у ксендза какую-то присягу, къ которой онъ, ксендзъ, неводитъ и крестьянъ и крестьянокъ. Замѣтивъ изъ словъ хозяйки, что дѣло идетъ о какой-то особой подозрительнаго свойства присягѣ, г. Л—ъ посоветовалъ этой женщинѣ уклониться отъ ксендзовскихъ настояній самымъ простымъ способомъ,—не ходить уже въ костель. (Случай этотъ указываетъ, что не только мятежническіе замыслы, но и мятежническія дѣйствія проявлялись въ Гродненской губерніи еще до начала варшавскихъ демонстрацій и что дѣйствія эти имѣли уже широкій размѣръ, ибо прямо были рассчитаны на возбужденіе простаго народа къ возстанію. Притомъ не даромъ ксендзъ мѣстечка Роси Андруцкій, при назначеніи въ Волковысекъ суроваго военнаго начальника, подполковника Казанли, внезапно исчезъ куда-то. А не удивительно ли, что наша-то губернская администрація ничего этого во-время не видѣла?

При г. Шпейерѣ разыгрались въ Гроднѣ чрезвычайно буйныя демонстраціи. Тутъ какъ будто испытывались тѣ продѣлки, которыя вскорѣ широко были пущены въ ходъ и въ царствѣ Польскомъ и во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. Тутъ еще въ 1860 г., въ костелахъ, особенно же въ кафедральномъ, называемомъ фараю, распѣвались патріотическіе гимны, произносились возмутительныя проповѣди и производилса паньями и паннами, одѣтыми въ характерную жалобу, сборъ офяры на дѣло возстанія. Но этимъ опыты не ограничились. Не знаю, въ томъ ли же 1860 г. или уже въ 1861 году, но все еще при г. Шпейерѣ, ксендзь Маевскій (теперь, говорятъ, находящійся въ мѣстечкѣ Друскеникахъ) устроилъ торжественную въ Гроднѣ встрѣчу процессіи изъ Ружанаго-Стока, мѣстечка Сокольскаго уѣзда, гдѣ былъ когда-то костѣлъ иезуитскій. Затѣмъ, въ 1861 году, но, кажется, уже въ промежутокъ времени между выбитіемъ изъ Гродно г. Шпейера и назначеніемъ новаго губернатора, произошло въ Друскеникахъ празднество соединенія Литвы съ Польшею,—демонстрація устроенная помѣщикомъ царства Польскаго слѣпымъ графомъ Воловичемъ и какимъ-то господиномъ Остроменцкимъ,—демонстрація весьма парадная и эффектная: при многолюдномъ сборищѣ пановъ, шляхты и простого народа, отправлено было сначала, траурное, за нимъ—торжественное богослуженіе; а послѣ того, весь день и до поздней ночи, польскія дамы, въ бѣлыхъ платьяхъ, украшенныхъ цвѣточными гирляндами, гуляли подъ руку съ хлопами, любезно увѣряя ихъ, что старожитная Польша воскресла, и что съ воскресеніемъ ея наступили для всѣхъ свобода, равенство, полное благосостояніе. И были тутъ всяческія увеселенія для народа, гремя безпрерывно музыка двухъ большихъ оркестровъ, въ народныя танцы весело вмѣшивались паньи, паненки и паны, въ промежуткахъ между танцами каждому хлопцу доставались подарки на безпроигрышныхъ лоттерейхъ. Демонстрація устроена была ловко: какъ разъ на границѣ Гродненской губерніи съ царствомъ Польскимъ, на берегу живописнаго Нѣмана, который течетъ здѣсь въ мѣстности густо населенной людьми литовскаго племени, людьми очень бойкими по всегдашнему своему занятію питейной контрабандою. Всѣ эти потѣхи варьировались въ самомъ Гроднѣ нерѣдкимъ появленіемъ къ губернаторскому дому сборищъ разнаго люда какъ водится, по примѣру варшавскому, съ женщинами и дѣтьми впереди. Тутъ ужъ крѣпко шумѣли и буянили. Начавъ съ патріотическаго гимна, тотчасъ переходили къ ругательствамъ противъ губернатора и противъ всякой русской власти. И странно: хотя сборища ничуть не имѣли грознаго вида, уже потому, что они бывали всегда немногочисленны, г. Шпейеръ такъ и не справился съ ними. Говорятъ, онъ даже ни разу не вышелъ къ буянамъ...

Конечно, несчастный педагогъ-губернаторъ много писалъ и

очень жаловался вышему начальству по поводу происшествій этихъ, крайне его беспокоившихъ и совсѣмъ сбивавшихъ съ толку, но тѣмъ и ограничивалось все съ его стороны. Однако, была же возможность прекратить наглое и глупое буйство гродненскаго мятежническаго сброда, и не прибѣгая къ особенно-крутымъ распоряженіямъ, какъ это будетъ сейчасъ видно изъ дѣйствій преемника г. Шпейера.

Губернаторъ Шпейеръ не сзумѣлъ поступить какъ требовали обстоятельства—и, разумѣется, зло стало усиливаться съ каждымъ днемъ: спокойствіе общественной жизни нарушалось уже непрестанно и на многихъ пунктахъ губерніи (такъ напримѣръ, процессіи въ родѣ той, что была затѣяна въ Ружаномъ-Стокѣ¹⁾, направлялись изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко), масса мятежниковъ, въ виду безнаказанности явныхъ мятежническихъ продѣлокъ, росла и росла... Наконецъ, г. Шпейеръ былъ уволенъ отъ должности. Но и тогда гродненскіе мятежники не хотѣли оставить его въ покоѣ.

Въ день его выѣзда изъ Гродно (кажется, это было въ іюнѣ 1861 года), толпа пѣвунновъ революціонныхъ гимновъ, устроителей вздорныхъ демонстрацій (въ каковой толпѣ, какъ и всегда, въ то время, всего болѣе фигурировали чиновники гродненской казенной палаты²⁾ собралась въ большой корчмѣ на Погулянкѣ³⁾, мимо которой долженъ былъ проѣхать бывший губернаторъ по пути на Вильну; тутъ-то наглецы эти предполагали устроить ему позорную встрѣчу. Но мальчишеская затѣя не удалась: кто-то предупредилъ г. Шпейера—и гродненскій исправникъ Магнусъ вывезъ его изъ города, окольной дорогою, подъ фартукомъ своей брички (обстоятельство, какъ говорятъ, долго потѣшавшее поляковъ, а впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшное). Тѣмъ временемъ, экипажъ г. Шпейера, отправленный прямо на Погулянку, съ однимъ его лакеемъ, былъ остановленъ наглецами и они разразились было свистками и ругательствами, однако, скоро увидали, что намѣченной ими на поруганіе жертвы нѣтъ налицо. А тутъ, когда шпейровский экипажъ еще задерживался на мѣстѣ, гдѣ его остановили, вдругъ нагрянула рота солдатъ подъ предводительствомъ самого дивизионнаго генерала Гольдгоера. Казалось бы, устроителямъ погулянской потѣхи предстояла крупная неприятность,—а опять-таки дѣло окончилось для нихъ благополучно: никто не былъ аресто-

¹⁾ Объ одной изъ нихъ въ Вѣлостокскомъ уѣздѣ будетъ подробно разсказано въ другомъ отрывкѣ моихъ записокъ. »

²⁾ Предсѣдателемъ этой палаты былъ тогда гродненскій помѣщикъ Керсновскій.

³⁾ У всѣхъ большихъ городовъ Сѣверо-Западнаго края есть такіа Погулянки. Это загородныя мѣста, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ города, непременно съ большими корчмами, куда и собирается гуляливый людъ для попойскъ.

ванъ, всё даже очень весело разошлись... (Говорятъ, что наглецы кинулись къ генералу Гольдгоеру съ шумными привѣтствіями, съ криками: ура! — словомъ сдѣлали ему полную овацію и даже качали его на рукахъ)...

Такъ покончилось правленіе г. Шпейера, покончилось нехорошо для него и еще хуже для гродненской губерніи. Мятешное здѣсь движеніе, уже въ смыслѣ окончательныхъ приготовленій къ вооруженному возстанію, продолжалось теперь вполне безпрепятственно до прибытія новаго губернатора, что и имѣло для многихъ «обывателей» пагубныя послѣдствія. О томъ, какъ наблюдалось съ нашей стороны это движеніе, мнѣ рассказывали тоже не мало, но рассказы эти слишкомъ отрывочны, безсвязны, а при томъ, въ нихъ есть такія черты русской уступчивости, даже распущенности, какъ передъ всякимъ нахальствомъ, такъ и передъ всякимъ соблазномъ, что я не рѣшаюсь упоминать про все это...

Впрочемъ, гродненскіе баловники должны были скоро присмирѣть, по крайней мѣрѣ, на время.

VI.

Во второй половинѣ сентября 1861 года, назначенъ былъ гродненскимъ губернаторомъ генераль-маіоръ, свиты его величества, Александръ Максимовичъ Дренякинъ и, ровно черезъ мѣсяць по назначеніи, пріѣхалъ въ Гродно. Тотчасъ же по пріѣздѣ его, было объявлено полиціей по городу, что, прежде пріема чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, губернаторъ будетъ смотрѣть войска, расположенныя въ губернскомъ городѣ ¹⁾).

А русскихъ войскъ въ Гроднѣ было тогда всего только два баталіона; однако, смотръ ихъ, за Виленской заставой, на пространствахъ между окраиной города и вышеупомянутой Погулянкой,—произвелъ громадное впечатлѣніе на многочисленную толпу, сбѣжавшуюся на зрѣлище. Генераль Дренякинъ, говорятъ, во время ученія баталіонамъ, нѣсколько разъ приказывалъ «брать на руку къ наступленію»—и пріемъ этотъ былъ особенно замѣченъ публи-

¹⁾ Любопытенъ довольно мелкій, но все-таки интересный, слѣдующій фактъ: всеромъ, въ день пріѣзда новаго губернатора, навѣститъ его, исправлявшій тогда должность губернскаго предводителя дворянства, графъ Викторъ Старжинскій. Онъ явился, что называется, запросто, въ сѣренькомъ пиджачкѣ, впрочемъ, съ русскимъ орденомъ въ петлицѣ, и, съ первыхъ же словъ, со всей развязностью прирожденнаго польскаго аристократа, повелъ было рѣчь о политическихъ обстоятельствахъ въ царствѣ Польскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ. Но губернаторъ не далъ ему разговариваться на щекотливую тему и настойчиво направлялъ разговоръ на путевыя свои впечатлѣнія. Затѣмъ, при общемъ представленіи чиновниковъ губернатору, графъ Старжинскій не счелъ нужнымъ находиться. Конечно, и вечерній визитъ запросто, и невяка въ день общаго представленія чиновниковъ, были напередъ рассчитанными демонстраціями.

кою. Послѣ смотра, но на мѣстѣ же онаго, г. Дренякинъ вызвалъ къ себѣ офицеровъ и сказалъ имъ «что они должны хорошо видѣть обстоятельства, въ какихъ находится мѣстность, гдѣ они расположены на постоѣ, а потому — должны быть чрезвычайно осторожными на всякомъ шагу и всегда готовыми на то къ чему потребуетъ долгъ службы».—Рѣчь была немногословна, но сильна по ясному своему смыслу да притомъ и сказана была такъ внятно, что зрители отлично ее поняли.

Во все время губернаторства генерала Дренякина (къ сожалѣнію, очень недолгаго,—до начала марта 1862 года), уже никакихъ публичныхъ демонстрацій нигдѣ не было—да и не могло быть, потому, что этотъ губернаторъ, произведшій, на первыхъ же порахъ, столь сильное впечатлѣніе, старался и потомъ быть какъ можно больше на глазахъ у всѣхъ: часто разъѣзжалъ по губерніи, и всегда безъ всякихъ особыхъ предосторожностей, а въ губернскомъ городѣ, повседневно, ходилъ одинъ-одинехонекъ и иногда, по вечерамъ захаживалъ даже въ цукерни, особенно же одну, въ которую собирались люди немало-причастные къ мятежнымъ замысламъ.

Впрочемъ, эти замыслы, а также приготовленія къ открытому возстанію и тогда не прекратились въ Гродненской губерніи; но все то шло уже очень изподтишка, съ явной робостью и проявлялось иногда лишь въ мелочныхъ попыткахъ пристроить въ Гроднѣ дѣло мятежа хоть какъ-нибудь. Была, напримѣръ, попытка со стороны торговцевъ, будто бы, изъ царства Польскаго завести въ Гроднѣ большіе склады разныхъ товаровъ «для противодѣйствія мѣстной еврейской эксплуатаціи». Но уже въ виду того, что предполагаемые склады затѣяны были слишкомъ по многимъ предметамъ торговли, а также потому, что устройство такихъ складовъ отнюдь не могло вызываться потребностями такого не богатаго города, каковъ Гродно, главное же, надо думать, при соображеніи смутныхъ обстоятельствъ времени и того еще откуда идетъ предложеніе, генералъ Дренякинъ сразу отклонилъ всѣ домогательства этихъ мнимыхъ, навѣрное, торговцевъ.

Скорое увольненіе г. Дренякина изъ губернаторовъ не возбудило и малѣйшихъ попытокъ на проводы его, подобные проводамъ г. Шпейера.

VII.

Ядро послѣдняго польскаго мятежа въ Сѣверо-Западномъ краѣ находилось въ Виленской и Ковенской губерніяхъ¹⁾. Въ Вильнѣ

¹⁾ Изъ одного официальнаго документа, относящагося къ концу 1864 года, оказывается, что политическихъ преступниковъ, имущества которыхъ за активное участіе въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ подлежали конфискаціи, было въ Виленской и Ковенской губерніяхъ почти столько же, сколько въ прочихъ четырехъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ.

существовалъ ржондъ отдѣльный отъ варшавскаго. Вліятельнѣйшіе члены виленскаго ржонда затѣвали повести дѣло мятежа въ краѣ самостоятельно, совсѣмъ порознь отъ такового же дѣла въ царствѣ Польскомъ. Въ Виленской и Ковенской губерніяхъ мятежное движеніе было распространено широко и находило немало поддержки среди крестьянскаго населенія—и послѣдному содѣйствовали двѣ причины: во-первыхъ, вліяніе ксендзовъ на крестьянъ-католиковъ, которыхъ много въ Виленской губерніи и которые въ Ковенской представляютъ сплошную массу; во-вторыхъ же, то тяжкое въ высшей степени положеніе множества безземельныхъ, бездомныхъ и безсемейныхъ батраковъ (особенно ковенскихъ), которое влекло этихъ несчастныхъ людей на всякіе соблазны подставляемые имъ мятежниками. Да! виленскіе и ковенскіе мятежники нашли-таки поддержку въ одной весьма значительной части мѣстнаго простого народа, это—фактъ положительный. Недаромъ, на примѣръ, вся шайка извѣстнаго ксендза Мацкевича была составлена изъ однихъ крестьянъ.

Но совсѣмъ не то было въ Гродненской губерніи.

Крестьяне этой губерніи, за малыми исключеніями, бѣлоруссы, съ довольно значительной примѣсью малороссійскаго племени; притомъ же большинство ихъ, по воссоединеніи въ 1839 году униатовъ, принадлежитъ къ православному исповѣданію. Уже одно послѣднее обстоятельство могло опредѣлять окончательно несочувственное отношеніе гродненскаго простого народа къ польскимъ мятежническимъ затѣямъ: совершенно недоступныя вліянію ксендзовъ, православные крестьяне были недоступны и соблазнамъ со стороны помѣщиковъ, ибо православное духовенство, разъясненіями и внушеніями своими, поддерживало въ нихъ и вѣрность законному правительству и надежды только на него въ дѣлѣ улучшенія ихъ быта. Впрочемъ, и католики-крестьяне гродненскіе нисколько не были податливы, они слишкомъ живо помнили чѣмъ была для нихъ старая Польша, со взбалмошными панами, съ жестокими экономами панскими, съ жидами арендаторами панскихъ имѣній, распорядившимися крестьянами на всѣхъ помѣщичьихъ правахъ¹⁾. Бѣлоруссы и малоруссы были особенно угнетаемы во все время поляками и потому въ Гродненской губерніи польскій мятежь 1863 года не нашель ни малѣйшаго сочувствія въ крестьянскомъ населеніи, даже и между батраками, которыхъ, впрочемъ, тамъ гораздо меньше, чѣмъ въ Ковенской и Виленской губерніяхъ²⁾.

¹⁾ Въ Гродненской губерніи долше чѣмъ гдѣ-нибудь во всѣхъ губерніяхъ западныхъ продержались, вопреки строжайшихъ воспрещеній отъ высшаго правительства, жида-арендаторы населенныхъ панскихъ имѣній, именно до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

²⁾ Правда, въ Бѣльскомъ и Вѣлостокскомъ уѣздахъ были примѣры участія крестьянъ въ послѣднемъ мятежѣ, но то единичныя, такъ сказать, случаи, и

Польскіе мятежники знали про это хорошо, въ Гродненской губерніи они почти и не пытались дѣйствовать на народъ соблазнительными обѣщаніями всяческихъ благъ отъ возстановленія Польши, а дѣйствовали преимущественно терроромъ. Въ такихъ дѣйствіяхъ была у нихъ даже цѣлая система. Сначала гродненскіе вожаки возстанія придумали застращать народъ посредствомъ русской власти. И это чуть было не удалось имъ, благо тогдашняя русская администрація не только въ Гродненской губерніи, но и во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ оказывалась довольно податливою вліянію хитроумныхъ происковъ.

VIII.

Надо сказать, что не безъ тонкаго расчета польскіе помѣщики Сѣверо-Западнаго края вездѣ понадѣлали весьма много мировыхъ посредниковъ. Обыкновенно, на каждый уѣздъ было неменьше семи посредниковъ,—такъ было и въ Гродненской губерніи. И вотъ, вскорѣ же по введеніи въ дѣйствіе крестьянскихъ Положеній, почти изъ всѣхъ Гродненскихъ уѣздовъ, особенно же изъ Бѣлостокскаго, Бѣльскаго, Сокольскаго и Гродненскаго; посыпались представленія, отъ самихъ посредниковъ, отъ мировыхъ сѣздовъ, отъ предводителей дворянства, о разныхъ случаяхъ ослушаній, неповиновенія, дерзостныхъ и возмутительныхъ поступковъ крестьянъ, какъ въ отношеніи помѣщиковъ, такъ и въ отношеніи мировыхъ учреждений.

Пожалуй и было нѣкоторое основаніе для представленій собственно объ ослушаніяхъ и неповиновеніи крестьянъ; кое-гдѣ все это дѣйствительно проявлялось; но на то были существенно-важныя причины. Многія жалобы цѣлыхъ сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ личностей изъ крестьянъ, а также «обзоръ волостей, произведенный членами повѣрочныхъ комиссій отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, при производствѣ новыхъ выборовъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ»¹⁾, вполнѣ поясняютъ въ какомъ положеніи находилось тогда крестьянское дѣло по уѣздамъ Гродненской губерніи.

Во-первыхъ, оказывается, что крестьяне жаловались (и совершенно основательно): «на невѣрное показаніе по уставнымъ грамотамъ какъ всей надѣляемой имъ земли, такъ равно пастъбищъ и неудобныхъ мѣстъ; на отобраніе покосовъ и стѣсненіе въ выго-

притомъ, такіе участники въ мятежѣ изъ крестьянъ были не бѣлоруссы и малоруссы, но, напримѣръ, мазуры, живущіе на окраинѣ Бѣлостокскаго уѣзда, прилегающей къ царству Польскому, а такъ же шляхта, не доказавшая правъ дворянства и потому зачисленная въ государственные крестьяне.

¹⁾ Выборы эти были произведены, по смѣнѣ польскихъ посредниковъ, во второй половинѣ 1863 года.

нахъ; на переводъ крестьянъ-хозяевъ въ батраки и обращеніе ихъ участковъ въ фольварковыя земли; на невключеніе въ надѣль земель бывшихъ въ крестьянскомъ пользованіи до утвержденія Положеній; наконецъ, на неправильное исчисленіе повинностей и стѣснительныя для крестьянъ предположенія о разверстаніи угодій и о перенесеніи усадебъ, а также и на неудобства уже совершенныхъ переселеній»¹⁾. Во-вторыхъ же, оказалось²⁾, что при польскихъ мировыхъ посредникахъ и мировыхъ сѣздахъ все вообще крестьянское дѣло въ Гродненской губерніи находилось въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: «права крестьянъ, дарованныя Положеніями 19 февраля 1861 года, оставались, почти вездѣ, имъ неизвѣстны; волостные старшины, назначенные по большей части по настоянію помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ, въ видахъ огражденія помѣщичьихъ интересовъ и стѣсненія самостоятельности крестьянъ, распоряжались общественными дѣлами самоуправно, подъ руководствомъ писарей; волостные и сельскіе сходы не имѣли надлежащаго значенія; сельскіе старосты были по преимуществу нарядчиками на господскія работы и ограничивались надзоромъ за исправностью таковыхъ работъ; крестьяне, по распоряженію своихъ должностныхъ лицъ, поддерживаемыхъ помѣщиками, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ въ совершенно произвольномъ размѣрѣ; о волостномъ судѣ и понятія крестьяне не имѣли: дѣла спорныя между ними рѣшались старшинами или писарями, а судьи прикладывали только свои печати къ рѣшенію, записываемому въ книгу приговоровъ волостного схода; часто также крестьяне теряли время и несли напрасныя издержки, обращаясь въ своихъ спорахъ въ общія присутственныя мѣста.

Кстати замѣчу здѣсь, что картина крайней неурядицы въ тогдашнемъ общественномъ крестьянскомъ управленіи, а также и полной беззащитности тогда крестьянъ противъ всяческихъ незаконныхъ и злонамѣренныхъ дѣйствій, на нихъ направленныхъ, могла бы быть изображена гораздо ярче, чѣмъ въ вышеизложенномъ официальномъ документѣ.

Въ немъ не упомянуто о главной чертѣ тогдашняго крестьянскаго «самоуправленія», именно о томъ, что въ немъ все велось, что называется, на польскій ладъ: законоположеніе, давшее крѣпостнымъ крестьянамъ права личныя, имущественныя, и общественныя, не уважалось, на примѣръ, до такой степени, что на выборныя крестьянскія должности назначались самими мировыми посредниками вѣрныя имъ лица даже не изъ крестьянъ, при чемъ особенное, преимущественное значеніе въ волостномъ управ-

¹⁾ Журналъ Гродненскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія 26 августа 1863 года.

²⁾ Журналъ того же присутствія 8 августа 1863 года.

леніи имѣли волостные писаря изъ шляхтичей, «оффиціалистовъ», при помѣщичьихъ дворовыхъ управленіяхъ. Отмѣчаю, на основаніи положительныхъ данныхъ, обстоятельство это, какъ чрезвычайно важное, ибо оно, устраняя всю силу общественнаго управленія, долженствовавшаго много послужить къ охраненію существенныхъ интересовъ только-что выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ, способствовало польскимъ помѣщикамъ и мировымъ посредникамъ, самымъ дѣйствительнымъ образомъ, ко всяческому угнетенію,—какое угнетеніе, по мысли вожаковъ возстанія, и было необходимо нужно для вовлеченія смиренныхъ бѣлоруссовъ въ открытый мятежъ противъ правительства.

Въ виду невѣрно и—прямо сказать—злоухищренно составленныхъ помѣщиками уставныхъ грамотъ, въ виду, и вообще помѣщичьей склонности не къ облегченію крестьянскаго быта, а скорѣй къ окончательному его стѣсненію, немудрено, что гродненскіе крестьяне, замѣчая къ чему клонятся такіа дѣйствія и не находя защиты противъ нихъ у мировыхъ посредниковъ, не скрывали своего неудовольствія, хотя выражали его отнюдь не въ волненіяхъ, а только въ жалобахъ губернскому начальству, да иногда въ уклоненіи отъ принятія уставныхъ грамотъ, вводимыхъ посредниками. Вотъ это-то все и представлялось уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями, какъ дерзостное неповиновеніе крестьянъ разнымъ законнымъ властямъ, даже какъ явный бунтъ.

Примѣры тому разительны, ихъ надо здѣсь привести, хотъ вкратцѣ, какъ они, (вкратцѣ же, и, конечно, не для тѣхъ выводовъ, какъ у меня) показаны въ журналахъ гродненскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, (къ сожалѣнію подлинныхъ донесеній мировыхъ посредниковъ, которые должны быть особенно замѣчательны, у меня нѣтъ подъ рукою).

Мировой посредникъ 1-го участка Бѣлостокскаго уѣзда, напри- мѣръ, доносилъ, что въ Заблудовской волости «нѣтъ никакой возможности повѣрить четырнадцать уставныхъ грамотъ по случаю своеволія крестьянъ, и впредь до разрѣшенія о томъ высшаго начальства». Посредникъ 2-го участка того же уѣзда доносилъ о не введеніи одинадцати грамотъ «по причинѣ ослушанія крестьянъ» при чемъ еще указывалъ на крестьянъ имѣнія Хорощи «въ подачѣ числа наличныхъ душъ»¹⁾. Посредникъ 3-го участка Бѣлскаго уѣзда увѣдомлялъ о неповѣркѣ и невведеніи въ дѣйствіе

¹⁾ То есть, что хорощанскіе крестьяне не доставляли помѣщику свѣдѣній о числѣ наличныхъ у нихъ душъ. Значитъ, помѣщикъ имѣнія Хороща (въ 1870 году, когда я былъ посредникомъ уже въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, оно принадлежало графинѣ Де-Мони, урожденной Пршездѣцкой), а также и мѣстный мировой посредникъ хотѣли, чтобы матеріалы для составленія уставной грамоты доставлялись самими крестьянами! Но недѣльныхъ примѣровъ подобнаго уклоненія отъ составленія уставныхъ грамотъ было и еще немало.

сорока пяти грамотъ «по причинѣ ослушанія и сопротивленія крестьянъ»¹⁾. Посредникъ 1-го участка Сокольскаго уѣзда донесъ, что на волостномъ сходѣ Маковлянскои волости крестьяне объявили, «что съ первыхъ дней 1863 года они вознамѣрились отказаться отъ исполненія издѣльной въ пользу помѣщиковъ повинности»²⁾ и онъ же увѣдомилъ, что шесть грамотъ остаются не повѣренными по причинѣ «ослушанія крестьянъ являться къ выслушанію оныхъ»³⁾. Посредники 3-го и 5-го участковъ Гродненскаго уѣзда тоже увѣдомили: первый,—что крестьяне имѣній: Радзивоновичъ, помѣщицы Пусловскои, и Лунпы, помѣщиковъ Чеховскихъ, рѣшительно отказались находиться при повѣркѣ уставной грамоты, почему и просилъ «рѣшительнаго распоряженія къ прекращенію подобнаго ослушанія, которое остановило дѣйствія по введенію грамоты; а второй,—что крестьяне имѣнія Заблоць, помѣщиковъ Покубятовъ, по введеніи уже грамоты и по врученіи копии съ нея сельскому старостѣ, захвативъ эту грамоту обманнымъ образомъ, отнесли ее къ помѣщику, съ объявленіемъ, что принять оной не намѣрены», почему посредникъ, до возстановленія порядка въ имѣніи Заблоць, пріостановился со введеніемъ грамотъ по остальнымъ имѣніямъ⁴⁾.

IX.

Думаю, и вышеприведенныхъ примѣровъ достаточно для показанія какъ натравливалось высшее губернское начальство на принятіе «рѣшительныхъ» мѣръ «противъ ослушанія, неповиновенія, сопротивленія, упорства, возмутительныхъ поступковъ крестьянъ», какъ все это вообще представлялось причинами, совершенно препятствующими введенію уставныхъ грамотъ. Польскіе мировые посредники достигали такимъ образомъ двойнаго, желаннаго для нихъ, результата: во-первыхъ, крестьяне, несочувственно расположенные къ замысламъ возстанія, запугивались русской властью, черезъ то должны были враждебно настраиваться въ отношеніи къ ней и въ концѣ концовъ искать защиты у поляковъ; а во-вторыхъ, крестьянская реформа, столь негодная помѣщикамъ въ ея окончательной постановкѣ правительствомъ, если не пріостанавливалась совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, и замедлялась, и запутывалась чрезвычайно.

Ко времени замѣны польскихъ мировыхъ посредниковъ русскими (уже во второй половинѣ 1863 года) оказалось очень много невведенныхъ уставныхъ грамотъ; но было не мало грамотъ и во-

¹⁾ Журналъ губ. по кр. дѣламъ присутствія 12-го января 1863 года.

²⁾ Журналъ его же, и того же числа.

³⁾ Журналъ его же, 19-го января 1863 года.

⁴⁾ Журналъ губ. по кр. дѣламъ присутствія 22-го января 1863 года.

все несоставленныхъ, ибо отъ составленія уклонялись подѣ всевозможными предлогами. Впрочемъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ все это было такъ естественно. Еще бы польскимъ помѣщикамъ не противодѣйствовать изъ всѣхъ своихъ силъ, существенно затрогивавшимъ интересы ихъ, Положеніямъ 19-го февраля 1861 года!.. Но помѣщики эти, а также чиновники изъ нихъ и изъ шляхты набираемые, и вообще, издавна привыкли обходить всякій русскій законъ, улаживать все имъ непріятное въ наилучшемъ для себя видѣ.

Желанные для поляковъ результаты, на которые я выше указывалъ, на первыхъ же порахъ были достигнуты въ отношеніи гродненскаго губернскаго начальства. Оно вполне поддавалось вліянію тревожныхъ тенденціозныхъ донесеній о волненіяхъ, будто бы, крестьянъ и о препятствіяхъ черезъ то къ правильному и успѣшному ходу крестьянскаго дѣла. Плачевныхъ распоряженій этого начальства, «для водворенія порядка между крестьянами», — весьма достаточно. Но я ограничусь только нѣсколькими изъ нихъ, и, кромѣ одного,—даже не особенно важными.

Такъ, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе представленія мировыхъ посредниковъ 1-го и 2-го участковъ Бѣлостокскаго уѣзда и посредника 3-го участка Бѣльскаго уѣзда, «о распространяющемся неповиновеніи крестьянъ въ волостяхъ Заблудовской и Рудской», представило на распоряженіе начальника губерніи, а тотъ (Галлеръ, или графъ Бобринскій,—хорошо не знаю)¹⁾ предписалъ мѣстнымъ исправникамъ «о водвореніи порядка въ беспокойныхъ волостяхъ и о подверженіи зачинщиковъ неповиновенія наказанію»²⁾. Разумѣется, неоднократно и въ другихъ мѣстахъ, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и губернаторъ распоряжались подобнымъ же образомъ. Съ своей стороны, полицейскіе чиновники (въ то время всѣ изъ поляковъ) очень усердствовали. Изъ журналовъ присутствія (19-го и 22-го января 1863 года) видно, что исправники вводили въ имѣнія войска и расквартировывали ихъ, «въ видѣ экзекуціи», по нѣскольку солдатъ на дворъ; что, приэтомъ, «по постановленіямъ мировыхъ посредниковъ»³⁾, крестьяне наказывались розгами, арестомъ при земскомъ судѣ и денежными штрафами (послѣднимъ подвергались именно добросовѣстные «за неударжаніе крестьянъ отъ упорства»). Кромѣ того, о «подстрекателяхъ двухъ сельскихъ обществъ» къ послушанію отъ избранія полномоченныхъ для повѣрки уставныхъ

¹⁾ Оба она, подобно генералу Дренякину, были очень неподолгу гродненскими губернаторами.

²⁾ Журналь присутствія 12-го января 1863 года.

³⁾ Постановленія эти были рѣшительно незаконны, ибо тѣлесному наказанію посредники могли подвергать только по дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства.

грамоть и отъ явки къ выслушанію оныхъ», губернаторъ поручилъ судебному слѣдователю произвести слѣдствіе, а отъ губернскаго присутствія представлено было на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

А между тѣмъ, въ дѣйствительности, волненія, неповиновенія, ослушанія гродненскихъ крестьянъ вовсе не было, — были только случаи, и то немногіе, уклоненія отъ выбора уполномоченныхъ къ повѣркѣ грамотъ, а также отъ явки къ выслушанію грамотъ. Но несомнѣнно, что сами мировые посредники дѣйствіями своими внушали народу полное къ себѣ недовѣріе, несомнѣнно и то, что всѣ вообще тогдашнія по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія въ Гродненской губерніи не умѣли ни разсѣять или ослабить это недовѣріе, ни даже поступать при немъ такъ, какъ заблаговременно было указано верховнымъ правительствомъ.

18-го января 1862 года, высочайше было утверждено положеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, въ которомъ указывалось, что уклоненіе крестьянъ отъ избранія уполномоченныхъ для выслушанія уставной грамоты не можетъ стѣснять дѣйствій мирового посредника по повѣркѣ ея, а равно и не можетъ служить препятствіемъ къ утвержденію и введенію ея въ дѣйствіе, — вмѣнялось только въ обязанность производить повѣрку въ присутствіи схода и прочитывать утвержденную грамоту на полномъ сходѣ, — а этого достигнуть, конечно, было совершенно не трудно. Въ виду такого правительственнаго распоряженія, отнюдь не должно было бы происходить всей вышеизложенной мною неурядицы при введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ по Гродненской губерніи, особенно же не должно бы быть приостановки въ этомъ дѣлѣ со стороны мировыхъ посредниковъ. Но гродненское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, какъ будто, не замѣчало этой неурядицы, оно приняло тѣ представленія о препятствіяхъ по введенію грамотъ, какъ нѣчто непрерываемое, отнюдь не подлежащее провѣркѣ, — и не указало мировымъ посредникамъ на Положеніе главнаго комитета 18-го января 1862 года, какъ будто и не вѣдало про него; мало того, оно представило, отъ лица начальника губерніи, на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ какія-то свои «общія предположенія къ устраненію затрудненій, встрѣчаемыхъ посредниками при повѣркѣ уставныхъ грамотъ по случаю отказа крестьянъ отъ избранія уполномоченныхъ и отъ собранія на сходъ для выслушанія грамотъ». Но министръ, указавъ, прежде всего, на Положеніе главнаго комитета 18-го января 1862 года, и, «не устанавливая по представленнымъ предположеніямъ общаго правила», предписалъ «принять зависящія мѣры къ устраненію возникшихъ недоразумѣній сообразно каждаго отдѣльнаго случая, а если, и затѣмъ, встрѣтятся гдѣ-либо затрудненія, то войти съ представленіемъ о томъ со всею

подробностью частнаго случая». Любопытно, при этомъ, слѣдующее обстоятельство: министръ замѣтилъ, въ своемъ предписаніи, что уклоненіе крестьянъ отъ собранія на сходъ для провѣрки и выслушанія уставной грамоты и постороннихъ добросовѣстныхъ отъ подписа повѣреннаго акта (на что такъ жаловались гродненскіе мировые посредники) встрѣтилось до сего времени въ одной Гродненской губерніи»¹⁾.

Но то ли еще было и именно лишь въ этой, столь злополучной тогда, губерніи.

Вышеизложенное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовало въ самомъ началѣ января 1863 года, а къ половинѣ этого мѣсяца составились уже вооруженныя шайки въ царствѣ Польскомъ и началось настоящее возстаніе. Вскорѣ оно проникло въ Гродненскую губернію. Несомнѣнно, что, здѣсь, изъ всего Сѣверо-Западнаго края, вооруженный мятежъ проявился раньше чѣмъ гдѣ-нибудь, — какъ разъ вслѣдъ за началомъ движенія повстанскихъ шаекъ въ царствѣ Польскомъ²⁾. На то было нѣсколько особыхъ причинъ. Во-первыхъ, уѣзды: Бѣльскій, Бѣлостокскій, Гродненскій и отчасти Сокольскій, на значительномъ протяженіи, граничатъ съ царствомъ Польскимъ, которое, въ 1863 году, было главнымъ гнѣздомъ мятежа; притомъ, уѣзды эти были удалены отъ центра русской власти, находившагося, въ Вильнѣ, гораздо болѣе, чѣмъ нѣкоторыя уѣзды Ковенской губерніи, тоже граничащія съ привислянскими губерніями; въ Гродненской губерніи, и все въ тѣхъ же уѣздахъ, шайки повстанцевъ могли находить для себя довольно-значительный контингентъ и въ шляхетскихъ околицахъ, которыхъ тамъ очень много, и въ народонаселеніи какъ уѣздныхъ такъ и заштатныхъ городовъ³⁾, наконецъ, по всей вѣроятности, кромѣ всѣхъ указанныхъ причинъ, а также и соображеній стра-

¹⁾ Журналъ присутствія 19-го января 1863 года.

²⁾ Столкновенія нашихъ войскъ съ вооруженными шайками начались въ Гродненской губерніи даже раньше чѣмъ въ царствѣ Польскомъ, — именно съ 11-го января 1863 года; съ этого числа и по 3-е февраля было пять битвъ съ мятежниками, вторгнувшимися въ Гродненскую губернію изъ царства, гдѣ военныя дѣйствія начались уже во второй половинѣ января 1863 года. Замѣчательно, что въ Виленской и Ковенской губерніяхъ первыя схватки съ повстанцами произошли гораздо поздиѣе, чѣмъ въ Гродненской: въ Виленской губерніи — 25 февраля (разбитіе шайки у мѣстечка Рудники), въ Ковенской — 15 марта (разбитіе шайки у селенія Новобержи). Зато, раньше чѣмъ гдѣ-нибудь и усмирень былъ мятежъ въ Гродненской губерніи: 23 іюля была разбита послѣдняя шайка (Врублевскаго), да и вообще, послѣ ожесточеннаго двухдневнаго, 24 и 25 января, боя при мѣстечкѣ Сематичахъ, уже нигдѣ серьезныхъ военныхъ дѣйствій не было.

³⁾ Въ Гродненской губерніи — девять уѣздныхъ городовъ и шестнадцать заштатныхъ (послѣдніе всѣ находятся въ трехъ уѣздахъ: Сокольскомъ, Бѣльскомъ и Бѣлостокскомъ). Народонаселеніе заштатныхъ городовъ немногочисленно, но, по условіямъ быта и по характеру, оно близко подходитъ къ польской шляхтѣ.

тегических¹⁾, предводители вооруженных шакъ вторгались изъ царства Польскаго въ Гродненскую губернію вслѣдствіе и ненависти къ ея простому народу происхожденія чисто русскаго, а притомъ, въ большинствѣ, вѣроисповѣданія православнаго,—и это тѣмъ болѣе, вѣроятно, что народъ этотъ, при всей пассивности своего характера, явно выразилъ полное свое несочувствіе къ мятежу.

На послѣднемъ, то-есть, на вторженіи польскихъ шакъ въ Гродненскую губернію изъ-за ненависти тоже къ ея простому народу, я очень настаиваю, и не на основаніи общихъ предположеній, а на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ.

Несчастные гродненскіе бѣлоруссы чрезвычайно тяжело потерпѣли въ послѣднее возстаніе. Я указывалъ уже, по официальнымъ документамъ, на то угнетеніе народа, какое онъ испытывалъ отъ польскихъ мировыхъ посредниковъ и отъ польскихъ помѣщиковъ, но изъ документовъ этихъ, относящихся ко времени, когда русская власть далеко еще нетвердо дѣйствовала въ Сѣверо-Западномъ краѣ, не видно въ полномъ объемѣ таковое угнетеніе; оно будетъ видно изъ дальнѣйшаго моего изложенія, на основаніи уже другихъ, и тоже официальныхъ, документовъ.—Впрочемъ, къ угнетенію, когда лишь оно одно было въ ходу, бѣдные бѣлоруссы приучены были издавна. А вотъ, начали вторгаться въ губернію вооруженныя шайки повстанцевъ,—такія же шайки образовались во многихъ мѣстахъ и изъ мѣстныхъ участниковъ въ мятежъ,—и тутъ уже настала пора великаго страданія для бѣлорусскаго народа, тутъ разразилось надъ нимъ беспощадное мучительство,—и иногда не изъ-за той общей причины, за которую поднялись бунтомъ паны и шляхтичи, а ради глупой потѣхи, ради гнуснаго храброванья надъ беззащитнымъ людомъ, ради и того, чтобы выместить старую злобу на какомъ-нибудь несчастномъ хлопѣ, когда-то провинившемся передъ блажнымъ паномъ...

Объ этихъ страданіяхъ въ нашей періодической печати сообщалось мало свѣдѣній. Надо думать, что печать наша мало и знала о томъ: быть же не можетъ, чтобы она, вообще, пренебрегла забытыми людьми, какими столь долго были бѣлоруссы. А впрочемъ, забытыми людьми пренебрегаютъ какъ-то очень легко.

Мнѣ довелось слышать много о тѣхъ страданіяхъ. И столько тутъ характернаго, такого что объясняетъ смыслъ всей за польское

¹⁾ Стратегическія соображеніе, конечно, были: вышеназванные пять уѣздовъ Гродненской губерніи, а особенно Брестскій, Бѣльскій и Бѣлостокскій,—съ ихъ болотистыми рѣчками (напримѣръ, Наревъ), а также съ густыми лѣсами, представляли много выгодъ для малой войны, для партизанскихъ дѣйствій;—такъ, по крайней мѣрѣ, рассчитывали вожаки возстанія; но они одно забыли, что—партизанская война можетъ быть удачна лишь при томъ необходимомъ условіи, если дѣлу, за которое она ведется, сочувствуетъ весь окрестный народъ.

время исторіи многотерпѣливаго бѣлорусскаго народа! — Полагаю, что въ моихъ запискахъ я отнюдь не долженъ пропускать фактовъ, относящихся къ положенію гродненскихъ крестьянъ при послѣднемъ мятежѣ, — и по мѣрѣ того какъ буду рассказывать о службѣ моей мировымъ посредникомъ, — сначала въ гродненскомъ уѣздѣ, а потомъ, въ уѣздахъ Волковысскомъ и Бѣлостокскомъ, — событія изъ многопечальной мартирологіи тамошняго народа ярко оживуть передо мною, — и я изложу ихъ безъ всякихъ прикрасъ, просто, какъ они были.

Но напередъ, для лучшаго поясненія соціальныхъ отношеній въ Сѣверо-Западномъ краѣ, я считаю необходимо нужнымъ представить краткій очеркъ того, въ какомъ видѣ существовало, до крестьянской реформы, у поляковъ-помѣщиковъ и у подвластныхъ имъ крестьянъ, крѣпостное право.

С. Славутинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

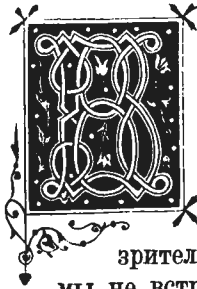
ЗА КУЛИСАМИ СТАРАГО ТЕАТРА¹⁾.

ХІІ.

Происшествія во время спектаклей въ С.-Петербургскихъ театрахъ.

(По рапортамъ смотрителей).

1819—1840 гг.

В ОЧЕРКѢ, посвященномъ запискѣ Янкевича по поводу переустройства въ театрахъ машинной части («Машинистъ Янкевичъ и неудачныя чудеса»), было, между прочимъ замѣчено, что въ 1820—1840 годахъ смотрители театровъ и дежурные чиновники были обязаны доставлять въ контору свѣдѣнія о всѣхъ происшествіяхъ, какъ на сценѣ, такъ и въ зрительной залѣ. Когда состоялось распоряженіе объ этомъ, мы не встрѣтили указаній, но несомнѣнно, что при этомъ не было опредѣлено, какого рода случаи зрителя должны были считать достойными описанія, такъ какъ изъ ихъ донесеній мы видимъ, что они находили нужнымъ писать въ контору рѣшительно обо всемъ, что только имъ во время спектаклей или маскарадовъ доводилось замѣтить въ стѣнахъ театрального зданія, не исключая даже такихъ мелочей, которыя ни коимъ образомъ не могли быть названы «происшествіями». Какъ много поступало въ контору такихъ донесеній, можно видѣть уже изъ того, что они ежегодно составляли по нѣскольку объемистыхъ дѣлъ. За избранный нами пе-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 597.

рідь времени (1820—1840 гг.) эти дѣла въ общей сложности образуютъ цѣлое обширное собраніе разнообразнѣйшихъ театральныхъ «происшествій», описанныхъ очевидцами. Многое въ этой коллекціи не заслуживаетъ никакого вниманія, но нѣкоторые случаи столь характерно обрисовываютъ порядки въ нашихъ театрахъ въ старые годы, что ихъ небезъинтересно собрать воедино, въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ. Дѣлая такую попытку, мы не считаемъ нужнымъ снабжать приводимые случаи какими-либо заключеніями, равно какъ не находимъ необходимымъ передавать ихъ въ своемъ пересказѣ. Мы приводимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, почти вездѣ сохраняя слогъ современныхъ описаній.

13-го февраля 1819 г. въ Большомъ театрѣ по окончаніи маскарада, «когда вся публика и полиція разошлась», зрителю театра маіору Станкевичу дали знать, что «въ коридорѣ, въ проходныхъ дверяхъ, гвардейскаго экипажа лейтенантъ Алексѣй Добровольскій прибилъ двухъ ламповщиковъ въ кровь и разбилъ 53 ламповыхъ стекла и двѣ лампы смялъ. Прибѣжавъ на происшедшій шумъ, Станкевичъ нашель Добровольскаго, «который, однако, на вопросы его отозвался, что не онъ билъ людей и разбилъ стекла, а другой его товарищъ, который уже ушелъ». «Для произведенія слѣдствія» зритель почель долгомъ «отобрать его чинъ, имя и фамилію», и рапортовать объ этомъ происшествіи конторѣ дирекціи, «представляя на ея усмотрѣніе поступить по сему, какъ слѣдуетъ». Контора написала въ тотъ же день, с.-петербургскому военному генераль-губернатору, который и распорядился начать слѣдствіе. Оказалось, что буянилъ въ театрѣ, дѣйствительно, не Добровольскій, а его товарищъ, гвардейскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ Ушаковъ, который по высочайшему повелѣнію и былъ отданъ подъ судъ, какъ сказано въ бумагѣ комиссіи военного суда «за шалость, учиненную имъ въ маскарадѣ Большого театра». Чѣмъ кончилось это происшествіе для виновнаго Ушакова,—изъ дѣла не видно.

8-го мая 1829 г. на Маломъ театрѣ, при французскомъ спектаклѣ, во второй пьесѣ—«Каролина»,—случилось слѣдующее происшествіе: къ бывшему въ креслахъ адъютанту лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка, г. Бутурлину, пріѣхалъ кучеръ его съ извѣстіемъ, что въ казармахъ того полка случился пожаръ; это было сказано Бутурлину тихо чрезъ капельдинера Купріянова. Г. Бутурлинъ сказалъ объ этомъ сидѣвшимъ около него офицерамъ и вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ нихъ быстро вышелъ изъ креселъ. Нѣкоторые особы изъ публики, услышавъ слово пожаръ, встревожились и начали также выходить изъ креселъ, чему послѣдовали и сидѣвшіе въ ложахъ. Дѣйствовавшіе актеры должны были остановиться, но когда публика узнала настоящую причину сего безпокойства, то опять начала возвращаться на свои мѣста и спокой-

ствіе возстановилось. Актеры, по приказанію князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина, продолжали пьесу; но одна изъ актрисъ, г-жа Мальо, по причинѣ дурноты, случившейся съ ней отъ испуга, не въ состояніи была докончить свою роль, что и принудило опустить занавѣсъ. Послѣ сего г. Альфонсъ Актруксъ, вышедъ на сцену, просилъ у публики извиненія объ окончаніи пьесы, и вслѣдъ за симъ начали третій водевиль «Оправданная служанка». По разѣздѣ всей уже публики, г. оберъ-полиціймейстеръ спрашивалъ капельдинера Купріянова, но его уже не было. Капельдинеръ Купріяновъ былъ посаженъ подъ арестъ, за то, что онъ въ театрѣ объявилъ г. Бутурлину отзывъ кучера, а не вызвалъ его для сего въ корридоръ. Затѣмъ въ избѣжаніе впредь таковыхъ замѣшательствъ отъ конторы было дано строгое предписаніе, «дабы капельдинеры отнюдь не объявляли посѣтителемъ въ залѣ театра какія-либо извѣстія, не до театра касающіяся, а вызывали бы ихъ для сего въ корридоръ, а смотря по важности предмета объявленія давали бы знать и въ контору, находящуюся въ каждомъ театрѣ».

11-го мая 1829 г., во время нѣмецкаго спектакля на Маломъ театрѣ, послѣ второго акта за кулисами со стола была украдена бронзовая чернильница съ колокольчикомъ ¹⁾. «Въ ту же минуту сдѣланъ былъ искъ; по окончаніи же спектакля пойманъ былъ воръ — виленскій студентъ. Управляющій (нѣмецкой труппой) Гельмерсенъ приказалъ послать за (квартильнымъ) надзирателемъ; тутъ же былъ полиціймейстеръ Подобѣдовъ, и означенный студентъ ими были «взятъ и отправленъ, куда слѣдуетъ».

Директоръ театровъ кн. С. С. Гагаринъ нашелъ нужнымъ сообщить объ этомъ инцидентѣ с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру, присовокупляя, что въ томъ же году 26-го февраля, «во время спектакля въ циркѣ у Симеоновскаго моста (нѣмецкой драмы «Тимуръ»), пропалъ со сцены богатый кинжалъ съ камнями и двумя позолоченными кистями, стоящій казнѣ 312 руб., и что по всѣмъ сдѣланнымъ въ то время розыскамъ эта пропажа не отыскалась». «Между тѣмъ,—писалъ кн. Гагаринъ,—какъ объясняютъ приставленные къ вещамъ люди, что взятый нынѣ въ полиціи студентъ былъ замѣченъ ими и въ тотъ день въ театрѣ, и хотя въ то время и казался имъ подозрительнымъ, но, по неимѣнію на то ясныхъ доказательствъ, остановленъ быть не могъ». «По открытіи же похищенной имъ чернильницы—замѣчаетъ далѣе директоръ—является сильное подозрѣніе въ участіи его въ пропажѣ упомянутаго кинжала». Вслѣдствіе этого кн. Гагаринъ просилъ оберъ-полиціймейстера «приказать онаго студента по сему предмету строжайше разспросить». Чѣмъ все это кончилось—изъ дѣла невидно.

¹⁾ Дѣло № 227, объ украденной студентомъ чернильницѣ—12 мая 1829 года.

14-го октября 1832 г. при русскомъ спектаклѣ въ циркѣ (у Симеоновскаго моста), «во время 5-го акта трагедіи, вдругъ выбѣжалъ на лѣстницу бутафоръ и громко закричалъ: «да что вы толкаетесь?» такъ что это было слышно на сценѣ и въ публикѣ. Будучи въ эту минуту за кулисами, начальникъ репертурной части подбѣжалъ къ нему и тотчасъ велѣлъ ему замолчать. «а потомъ немедленно произвелъ розысканіе. Оказалось, что актеръ Шемаевъ въ уборной отдавалъ бутафору бумаги и вещи, кои тотъ долженъ былъ держать за кулисами во время водевиля,—но бутафоръ отвѣчалъ, что онъ ихъ не мальчикъ и держать ихъ не будетъ. Шемаевъ отвѣчалъ, что это его должность, но тотъ бросилъ вещи на полъ и продолжалъ грубить. Тогда бывшій тутъ актеръ Дюръ велѣлъ бутафору замолчать и выйти вонъ, но тотъ отвѣчалъ, что не замолчитъ и не выйдетъ. Дюръ хотѣлъ его вытолкнуть, но Рейхель оттолкнулъ его кулакомъ въ шею, а потомъ и Шемаева. Самъ же выбѣжалъ на лѣстницу и закричалъ, какъ выше сказано. Все сіе показаніе двухъ актеровъ подтверждено свидѣтельствомъ двухъ бывшихъ тутъ портныхъ».

Донося объ этомъ, начальникъ репертуарной части сообщалъ, что «впредь до рѣшенія участи Рейхеля» директоромъ, онъ посадилъ его въ трубную.

25-го сентября 1832 г., «въ представленіи въ Большомъ театрѣ, сидѣвшая на стулѣ за № 37 женщина завизжала; почему немедленно была отведена полиціею въ контору продажи билетовъ, гдѣ, по освидѣтельствованіи, оказалась въ пьяномъ видѣ; по допросу же полиціи сказала по прозванію Прасковья Ивановна Ивлева, живущая одна собою, у Кукушкина моста, въ домѣ Артомонова, послѣ чего отведена она во 2-ю адмиралтейскую часть».

9-го сентября 1832 г., во время представленія на Большомъ театрѣ драмы «Жизнь игрока», актеръ Каменогорскій въ концѣ 1-го акта, не договоривъ своего монолога (проклятіе сына предъ смертію), упалъ—и завѣсу опустили. Съ нимъ сдѣлались сильныя спазмы въ животѣ, ногахъ и горлѣ, лишившія его употребленія языка. Докторъ Мауне ¹⁾ тотчасъ доставилъ ему всевозможныя пособія; «далѣе по желанію Каменогорскаго привезенъ былъ собственный его врачъ и по полученіи имъ нѣкотораго облегченія, отвезенъ домой».

10-го октября 1832 г., зритель Малаго театра прислалъ въ контору слѣдующій рапортъ: «вчерашняго числа—писалъ онъ— по случаю сильной головной боли я находился въ своей квартирѣ, для пользованія припарками по совѣту г. доктора Мауне, а при спектаклѣ поручилъ я находиться на сценѣ унтеръ-офицеру Федотову для присмотра за порядкомъ и входами. При началіи первой

¹⁾ Театральный врачъ.

пьесы, увѣдомилъ онъ меня, что не примѣтилъ какимъ образомъ въ тѣснотѣ публики, зашла на сцену небольшая собака и пробѣжала по ту сторону сцены безъ лая, почему въ ту же минуту была выгнана изъ театра безъ шума».

4-го января 1840 г., на сценѣ Александринскаго театра, до начала спектакля, показался дымъ «въ значительномъ количествѣ». Когда начали искать причину этого, то оказалось, что въ запертой комнатѣ у бутафоровъ была повѣшена для освѣщенія одна лампа, привѣшенная къ деревяннымъ полкамъ, гдѣ были набросаны «не по порядку» разныя бутафорскія вещи, которыя и загорѣлись въ значительномъ количествѣ, «а отъ оныхъ загорѣлась и деревянная полка». Вскорѣ огонь былъ потушенъ и «дальнихъ приключеній не произошло». Донося объ этомъ зритель Александринскаго театра просилъ «подчинить людей по бутафорской части кому заблагоразсудитъ контора, чтобъ они имѣли какое-либо повиновеніе», такъ какъ, по его словамъ, его приказаній «они все не слушали».

Е. Опочининъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.¹⁾

IX.

ДВА Я УСПѢЛЪ разобрать свои вещи и напиться чаю, какъ ко мнѣ съ шумомъ влетѣлъ правовѣдъ К. Я зналъ его по прошлогоднему путешествію, и онъ былъ такъ любезенъ, что занялъ для меня заранѣе номеръ въ гостинницѣ.

— Ну, слава Богу, наконецъ-то пріѣхали!— закричалъ онъ.— Ужъ мнѣ надоѣло справляться о васъ, каждый день заѣзжалъ сюда!.. Ну, что, довольны

помѣщеніемъ? вѣдь, право, недурно... Не такъ ли я говорю?

Я поблагодарилъ и пододвинулъ гостю стаканъ чая.

— Нѣтъ, спасибо! некогда, ей-Богу, некогда... Послѣ!.. Вечеръ вы свободны?.. Притащу къ вамъ кое-кого изъ моихъ товарищей и проведемъ прекрасно время... Все люди бывалые и поразскажутъ пропасть интереснаго. Вѣдь вы, конечно, не прочь познакомиться? не такъ ли я говорю?

— Буду очень радъ. Только не обманите.

— Непремѣнно, непремѣнно... А теперь прощайте!.. спѣшу ужасно.

И К. исчезъ съ такою же быстротою и стремительностію, какъ и явился.

Я принялся за осмотръ своего багажа и такъ углубился въ занятіе, что и не замѣтилъ, какъ въ комнату ввалилась огромная фигура красиваго сарта.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 562.

— Здравствуй, тюра!—проговорилъ онъ и бросилъ на полъ огромный узель.

— Здравствуй. Что тебѣ надо?

— А вотъ принесъ всякія вещи. Не купишь ли?

И не ожидая отвѣта, сартъ быстро развязалъ свой тюкъ и началъ вынимать оттуда расшитыя шелками салфетки, подушки, туфли, и прочія мѣстныя производства.

Цѣны показались мнѣ самыми доступными. Напр., большая салфетка для стола—12 р., подушка—3 р., туфли—1 р. 50 к., или даже 25 к. (для дѣтей).

Соблазненный такими прелестями, я накупилъ порядочное количество всякой всячины. Ахметка торжествовать, такъ какъ ему всѣ эти вещи, конечно, достались чуть не даромъ.

Вдругъ въ комнату входитъ другой сартъ, сѣдой и согнутый въ дугу, тоже съ узломъ, и тоже съ цѣлью продать выгодно.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Что надобно?

— Не купишь ли товару? Всякія скатерти есть, туфли, подушка.

— Я уже купилъ... Вонъ смотри сколько!

Старикъ гнѣвно посмотрѣлъ на Ахметку и проговорилъ что-то по его адресу. Ахметка улыбался и укладывалъ свои вещи въ узель.

Не прошло минуты какъ явился третій сартъ съ узломъ, за нимъ—четвертый и, наконецъ, набралась цѣлая толпа. Одинъ тащилъ мѣха кашгарскихъ барановъ по 5 р. за шкурку, другой—канаусъ, третій—кальянъ, трубки для гапиша. Незваные гости съ завистью смотрѣли на счастливаго соперника и усѣлись въ разныхъ углахъ моей комнаты.

Я былъ очень смущенъ такой безцеремонностью и не зналъ что дѣлать. Къ счастью явился лакей-Иванъ и выгналъ всѣхъ, чуть не въ шею.

— Ишь понабрались цѣлой оравой!.. — кричалъ онъ.—Пошли отсюда! пошли! чтобъ и духа вашего тутъ не было... Вы, баринъ, напрасно съ ними церемонитесь!.. Съ ними плохая музыка!

Однако, черезъ пять минутъ Ахметка заглянулъ еще разъ, но съ улицы, въ открытое окно.

— Ты опять сюда!—напустился Иванъ.—Убирайся къ чорту, а то такую музыку покажу, что свѣтъ не узнаешь!

— Не кричи, не кричи!—флегматично отвѣчалъ сартъ.—Вѣдь я не къ тебѣ, а вонъ къ тому тюра пришелъ!

— Ничего мнѣ не надо больше,—заявилъ я довольно рѣшительно, видя, что церемониться дѣйствительно не слѣдуетъ.

— У меня, тюра, есть хорошій вещь!.. такой вещь нигдѣ не сыщешь.

— Тебѣ говорятъ —ничего ненадо.

— Ахъ, напрасно! право напрасно!.. хорошій вещь!

Я началъ колебаться.

— Какая же вещь?

— Картинки!—шопотомъ сказалъ Ахметка.—Яманъ-картинки!..
бульно славный написанъ!

Иванъ захохоталъ.

— Это онъ неприличности продаетъ!.. свинья, право, свинья!..
Ступай отсюда, съ твоей музыкой конца не будетъ!

Окно захлопнулось и штора опустилась. Ахметъ нехотя отсталъ
отъ меня.

Снарядившись съ помощью Ивана, я отправился «являться» къ
вышшимъ властямъ, и, конечно, вездѣ былъ любезно принятъ. По-
сѣтилъ почтовую контору, которая помѣщалась въ саду, напол-
ненномъ цвѣтущею бѣлою акаціей. Можно себѣ представить, какъ
все это не походило на нашъ медвѣжій уголь, Казань, и съ какимъ
наслажденіемъ вдыхалъ я аромать!

Широкія улицы съ пирамидальными тополями, масса щеголь-
скихъ экипажей, свующій народъ—показались мнѣ еще болѣе при-
влекательными, нежели въ то время, когда я въѣзжалъ въ городъ
нѣсколько часовъ тому назадъ.

— А гдѣ здѣсь ресторанъ, гдѣ бы можно было позавтракать?—
спросилъ я своего лихача-извозчика.

— Помилуйте-съ, есть у насъ рестарация первый сортъ... Въ
одинъ минутъ предоставимъ.

И дѣйствительно—«предоставилъ» въ весьма приличный, гдѣ
особенно поразило меня то обстоятельство, что хозяинъ и хозяйка
были чистѣйшіе парижане. Какъ они попали сюда,—одинъ Аллахъ
вѣдаетъ! но, превосходный французскій языкъ какъ-то странно,
казалось, звучалъ въ сердцѣ Средней Азіи. Офицеровъ завтрака-
ющихъ и играющихъ на бильярдѣ толпилось множество. Веселый
говоръ, смѣхъ, каламбуры—такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ.

Подкрѣпивъ свои силы, я снова отправился фланировать и
первымъ долгомъ посѣтилъ Кауфмановскій садъ.

Это нѣчто превосходящее всякое описаніе! Главный арыкъ
Ташкента разрѣзываетъ садъ на двѣ части, слѣдовательно, воды здѣсь
съ избыткомъ достаточно. А гдѣ въ Азіи есть вода, тамъ расти-
тельность роскошная. Глазъ, за длинный переѣздъ по сыпучимъ
пескамъ и бесплодной глинистой степи, до такой степени отды-
хаешь на этой чудной свѣжей зелени, что нельзя оторваться! Изыщ-
ные айлантусы, Sorloga japonica и прочіе виды теплаго климата
съ большимъ вкусомъ сгруппированы на площадкахъ и по бокамъ
широкихъ аллей. Красивый мостикъ перекинутъ черезъ арыкъ,
который въ этомъ мѣстѣ падаетъ большимъ каскадомъ, сдѣлан-
нымъ искусственно. Вода реветъ и мечется, бурлитъ и клокочетъ,

вздыхая клубы пѣны. Роскошные цвѣтники, затѣйливыя клумбы—разбросаны тамъ и сямъ. По вечерамъ, какъ я уже говорилъ, играетъ здѣсь музыка и обитатели города блещутъ костюмами, выписанными изъ Петербурга и Москвы.

Дворецъ одноэтажный, скромный на видъ, но съ просторнымъ зимнимъ садомъ, въ которомъ есть хорошіе экземпляры пальмъ и палортниковъ. Садовникъ-нѣмецъ весьма преданъ своему дѣлу и забылъ о фатерландѣ, получая весьма приличное содержаніе.

Въ осмотрахъ подробностей сада, подъ руководствомъ нѣмца, прошло время совершенно незамѣтно и я довольно поздно вернулся въ свой номеръ, гдѣ Иванъ уже ждалъ съ обѣдомъ, предсказывая что я останусь доволенъ «каклетками» и что у нихъ можно достать всякую музыку.

Послѣобѣденное время употребилъ я на распаковку книгъ и микроскопа, и когда послѣдняя тетрадка легла на свое мѣсто, солнце уже скрывалось за тополями. Наступалъ вечеръ, жара спала и долженъ былъ скоро явиться правовѣдъ съ своими знаковыми.

Дѣйствительно, они не заставили себя долго ждать.

— Вотъ вамъ рекомендую, — затараторилъ правовѣдъ, входя съ двумя мужчинами. — Сей мужъ, видомъ суровый — докторъ медицины В., а сей — толстенкій, имѣющій сходство съ Бахусомъ — чиновникъ особыхъ приключеній при губернаторѣ.

Всѣ смѣялись, шутили, какъ будто сто лѣтъ были знакомы.

Иванъ подаль самоваръ и съ шикомъ поставилъ подносъ съ стаканами.

— Еще нѣкоторые придутъ въ скоромъ времени... я и забылъ предупредить, — спохватился правовѣдъ.

— Прекрасно. Будемъ принимать пицу! — серьезно замѣтилъ докторъ и усѣлся передъ чайнымъ приборомъ. — Я специалистъ въ разливаніи чая и, вообще, въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо имѣть дѣло съ питательнымъ матеріаломъ.

Комичная важность высокаго, коренастаго В., его сѣрые глаза и добродушная улыбка неволью располагали къ нему. Бѣлый китель сжималъ его немилосердно и сидѣлъ точно съ чужого плеча. Докторъ поминутно поправлялъ свой галстухъ, выльзавшій изъ-подъ воротника, крутилъ шеей и потѣлъ въ непривычной формѣ, — дома онъ ходилъ цѣлый день въ широчайшей блузѣ.

Чиновникъ особыхъ «приключеній» казался совершенно другимъ человѣкомъ. Толстенкій, красный, съ хитрыми глазками и маленькимъ носомъ, онъ хотя и принадлежалъ къ типу тѣхъ людей, которые называются «добрыи малый», но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и «себѣ на умѣ». Тѣмъ не менѣе дурного впечатлѣнія на меня не произвелъ. Рассказывалъ онъ уморительно, cadaго изображалъ въ лицахъ, показывалъ, какъ кто ходитъ, какъ сидитъ и проч.

Измѣнялъ голосъ, гримасничалъ и, вообще, могъ насмѣшить до упаду.

— Въ какихъ палестинахъ нашего града Ташкента изволили быть сегодня?— обратился этотъ чиновникъ ко мнѣ.

Я вкратцѣ передалъ свои впечатленія и изложилъ послѣдовательно, кого видѣлъ.

— Ну, и какъ на васъ Ташкентъ хорошее впечатлѣніе произвелъ?

— Превосходное.

— Все это отъ того, что давно изъ цивилизованныхъ мѣстъ выѣхали, давно садовъ не видали, давно въ домахъ не бывали... А въ сущности—что у насъ тутъ хорошаго?.. Азія, одно слово.

— Ну, нѣтъ!—перебилъ правовѣдъ, это напрасно!—Ташкентъ городъ прелестный, оригинальный... другого Ташкента во всемъ свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ!

— Конечно, нѣтъ... Впрочемъ,—улыбнулся чиновникъ,—и въ Петербургѣ есть «Ташкентъ», но тамъ веселѣе...

— Ну, вы вѣчно сведете на Богъ знаетъ что... мы говоримъ серьезно... Не такъ ли я говорю?—обратился правовѣдъ ко мнѣ.

— Городъ хорошъ,—подтвердилъ я,—обстроены прекрасно, улицы широкія, шоссированыя... чего же вамъ надо?..

— Шоссированы!.. а много такихъ?.. знаете ли что со мною случилось нынѣшнею зимою, на одной изъ главныхъ улицъ?—сказалъ чиновникъ...—Вотъ послушайте и тогда говорите. Недалеко отсюда имѣется у меня маленькій домишка съ небольшимъ садикомъ...

— Домъ въ десять комнатъ, а садъ—чуть не цѣлый кварталъ занимаетъ!—процѣдилъ докторъ, наливая чай.

— Ну, хорошо-съ... По другую сторону улицы, какъ разъ противъ моей усадьбы, живетъ мой пріятель, старинный знакомый (вмѣстѣ въ Ташкентъ пріѣхали, черезъ мѣсяць послѣ его взятія). Хорошо-съ... Улица, замѣтите, не шоссирована... Хорошо-съ. У этого пріятели собираются иногда вечеромъ зимою поиграть въ карты, потанцовать, побалагурить... А я, хотя и далеко молодымъ называться не могу, ибо дочь въ институтѣ въ Петербургѣ имѣю, но... непрочъ повеселиться... Притомъ, состою вдовцомъ уже десять лѣтъ слишкомъ, слѣдовательно, состою на правахъ жениха, или, по крайней мѣрѣ, на правахъ холостого человека... Хорошо-съ. Только вотъ на Рождество, на самый первый день, у пріятеля затѣялся балъ, т. е. не то чтобъ балъ, а—полубалокъ. Конечно, безъ меня дѣло не обошлось, и я отправился. Хорошо-съ. А надо вамъ замѣтить, что для танцевъ я изъ Москвы только-что выписалъ особыя ботинки, лакированные и съ тонкими подошвами. Ну, хорошо-съ... Засвѣтло забрался я къ пріятелю, помогалъ его супругѣ перемѣщеніе мебели сдѣлать, кое-что посовѣтывалъ украсить и, затѣмъ,

пустился въ плясъ, какъ только заиграла музыка... Хорошо-съ. На сколько добросовѣстно я исполнялъ свое назначеніе, какъ танцоръ,—судить не берусь, но, надѣюсь, что многія дѣвы отъ моихъ фигуръ въ кадрили ночь не спали... Уже на разсвѣтѣ начали гости собираться домой. Надѣлъ я, только, калоши, выхожу на крыльцо, и вдругъ... можете себѣ представить, дождь всю ночь лилъ какъ изъ ведра, лужи стояли кругомъ, какъ моря, а улица превратилась въ нѣчто ужасное... Лошади тонули въ грязи поколѣнно и съ трудомъ вытаскивали экипажи. Такъ какъ я вышелъ однимъ изъ послѣднихъ, то не нашелъ ни одного извозчика... Хорошо-съ... Что мнѣ предстояло дѣлать?.. Съ смущеннымъ духомъ стоялъ я на тротуарѣ и изобрѣталъ способъ перелетѣть черезъ улицу... Вѣдь всего какихъ-нибудь 10 или 15 шаговъ отдѣляютъ отъ своего дома... Хорошо-съ... Пока я стоялъ такимъ образомъ, улица опустѣла, двери гостепріимнаго дома за мной затворились и воцарилась мертвая тишина. Хорошо-съ... «Да чего, думаю, особенно беспокоиться? выберу гдѣ-нибудь мѣстечко посуше и пойду напрямикомъ; если немного и наберу въ калоши—такъ лакей вычиститъ». Рѣшившись на такой смѣлый шагъ (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) пошелъ по тротуару... Хорошо-съ. Вижу—въ одномъ мѣстѣ почва бугромъ подымается. «Вотъ здѣсь, думаю, пройти можно!» Перекрестился и—шагнулъ.

Чиновникъ сталъ посрединѣ комнаты и прекомично шагнулъ, балансируя руками.

— Царица небесная! нога ушла поколѣнно... Чтобъ ее вытащить, я долженъ былъ опереться на другую ногу... Хорошо-съ. Опираюсь—и другая нога уходитъ куда-то глубоко, глубоко... Я дергаю одну ногу, другую... ни та, ни другая не вылѣзаютъ... холодная жидкая грязь засасываетъ меня все больше и больше... И стою я въ двухъ шагахъ отъ покинутаго тротуара и не могу двинуться ни впередъ, ни назадъ... И оглядываюсь кругомъ, какъ Марій на развалинахъ Кароагена!.. Боже мой, Боже мой!.. что мнѣ дѣлать?

И дѣйствительно, чиновникъ такъ уморительно стоялъ передъ нами скорченный и растерянный, что мы расхохотались. Даже докторъ беззвучно разсмѣялся, сотрясаясь всей своей фигурой.

— Да, вамъ хорошо хохотать!.. а подумайте, что я долженъ былъ перечувствовать? Ну, хорошо, государи мои. Стоялъ я, стоялъ и думаю: какъ же мнѣ быть?.. вѣдь теперь пропали мои ботинки!.. все равно, какъ-нибудь надо же выбираться! И взяла меня злость, такая злость, что, кажется, самъ бы себя поколотилъ. Хорошо-съ. Собрался съ силами—хватъ! одну ногу вытаскилъ и шагнулъ дальше... рванулъ другую—ступилъ впередъ... Но, о ужасъ!.. калоши остались въ грязи, и сквозь мою щегольскую обувь, какъ сквозь кисею, начала просачиваться холодная вода! Хорошо-съ. Нѣсколько мгновений

стоялъ я въ нерѣшительности — идти ли дальше, или... впрочемъ, мысль о возможности найти калоши, тотчасъ же была отброшена, какъ абсурдъ. Хорошо-съ. Надо было идти дальше и проститься съ блескомъ и изяществомъ новыхъ ботинокъ... Со злостью шагаль впередъ, брызги полетѣли въ разныя стороны, нижняя часть костюма покрылась какимъ-то холоднымъ тѣстомъ, но... я шагаль и шагаль.

Разсказчикъ дѣлалъ преуморительныя движенія, весьма точно изображая на своемъ лицѣ ощущеніе холода, когда грязь забира-лась къ нему въ ботинки.

— Остается всего шаговъ пять, шесть... Хорошо-съ. Съ отчаяньемъ вытаскиваю ногу и представьте—на ней не имѣется ботинки... Вытаскиваю другую ногу—то же самое... Проклятье!.. Ступаю ногою, обутою только въ одинъ тонкій чулокъ прямо въ холодную воду и чуть не кричу!.. Чувствую, что весь начинаю замерзать!.. Хорошо-съ... Иду дальше... ногамъ еще холоднѣе... Выскакиваю на тротуаръ, цѣль моихъ желаній — и оказываюсь босикомъ...

Взрывъ хохота прервалъ разсказъ... Чиновникъ стоитъ посреди комнаты съ поднятой ногой и на лицѣ его выражается и холодъ, и злость.

— Бѣгомъ пробѣжалъ до своего дома, звоню... Заспанный Антонъ никакъ не можетъ проснуться и я замерзаю у порога собственного убѣжища. Хорошо-съ. Насилу достучался... Антонъ смотритъ на меня и не узнаетъ. Принялъ, было, за жулика, хотѣлъ дать въ шею... Хорошо-съ. Но тутъ я такимъ жалобнымъ голосомъ проговорилъ: «Антонъ... пусти»!.. что каменное сердце дрогнуло бы всѣми своими фибрами... Да-съ государи, мои!.. на другое утро вытащили мою обувь изъ замершей грязи, но — это были жалкіе остатки прежняго блеска и величія.

— Ну, господа, принимайте пищу!—перебилъ докторъ, передавая сахарницу и чай.—Будетъ уже вамъ, Петръ Ивановичъ, хныкать! вѣдь ботинокъ не вернете.

— Да-съ не верну! это точно... Но изъ этого нравоучительнаго разсказа можно составить себѣ понятіе о здѣшной грязи.

— Такая грязь не въ одномъ Ташкентѣ бываетъ,—возразилъ правовѣдъ.—Слѣдовательно, подобный случай могъ съ вами быть и въ другомъ мѣстѣ. Не такъ ли я говорю?

— Нѣтъ не такъ,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.—Въ Ташкентѣ грязь лёссовая, соловцоватая, очень липкая.

Въ это время въ передней раздался звукъ шпоръ и стройный брнетъ, лѣтъ сорока, вошелъ въ комнату.

— А! — закричалъ правовѣдъ, — вотъ еще старожилъ нашего Ташкента. Капитанъ Ш., прекрасный человекъ!—отрекомендовалъ онъ вошедшаго.

Капитанъ извинился, что забрался такъ безцеремонно, но что получилъ приказаніе явиться и не осмѣлился послушаться.

— Ха, ха, ха!.. Это все я распорядился!.. а? не такъ ли я говорю? Ха, ха, ха!—заливался веселымъ смѣхомъ неугомонный правовѣдь.

Новый гость присѣлъ къ намъ и поглаживалъ свои черныя, длинныя бакенбарды.

— Я, кажется, помѣшалъ бесѣдѣ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я ужъ кончилъ!—со вздохомъ отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.—Вотъ рассказывалъ поучительный случай съ моими ботинками.

— Ну, а вы какъ съѣздили съ вашимъ генераломъ?—спросилъ докторъ капитана.

— Съѣздили — ничего. Только маленькій скандалъ случился дорогой.

— Скандалъ?.. неужели?.. расскажите — ужасно люблю скандалы!—засуетился правовѣдь.

— Да, изволите видѣть, дѣло вотъ въ чемъ. Наканунѣ нашего выѣзда изъ Вѣрнаго, генераль отправилъ свою кухню впередъ; съ ней, по обыкновенію, отправился и престарѣлый Дормидонтъ (это вѣрный слуга генерала, пояснилъ мнѣ капитанъ). На другой день рано утромъ двинулись и мы, надѣясь остановиться въ указанномъ мѣстѣ, гдѣ къ этому времени Дормидонтъ долженъ былъ приготовить ночлегъ и обѣдъ. До этой станціи отъ Вѣрнаго считается версть сто или не много больше, слѣдовательно, генералу ничего не стоило проѣхать это пространство и вечеромъ имѣть хорошій ужинъ и постель, приготовленную руками стараго лакея, знающаго всѣ привычки своего барина... Ъхали мы, какъ и всегда, скоро и безъ остановокъ. Уже подъ-вечеръ генераль задремалъ, а я молча выглядывалъ изъ окна кареты. Вдругъ не много въ сторонѣ отъ дороги, на чистомъ мѣстѣ, смотрю стоятъ наши экипажи, отправленные впередъ вмѣстѣ съ Дормидонтомъ. Народъ суетится, лошади отпряжены. «Что это такое?» думаю. Смотрю Дормидонтъ выбѣгаетъ на дорогу и направляется къ намъ. Генераль продолжаетъ спать. Мнѣ не хотѣлось будить его и я высунулся изъ кареты, чтобы узнать причину остановки кухни. Ямщикъ немного удержалъ лошадей. Дормидонтъ, сердитый, подбѣжалъ къ дверцамъ и лаконически крикнулъ: «Ступайте къ себѣ на станцію, я догоню!»—Что за причина... говорю.—«Не ваше дѣло... Ступайте себѣ своей дорогой... и безъ ужина пробудете!» Повернулся и пошелъ назадъ къ экипажамъ. А надо вамъ замѣтить,—прибавилъ капитанъ мнѣ,—что характеръ Дормидонта здѣсь извѣстенъ. Онъ грубъ даже съ самимъ генераломъ и когда не въ духѣ—лучше у него ничего не спрашивайте, все равно ни чорта не узнаете. Ну, вижу, что здѣсь толку не добьешься, не сталъ будить генерала и помчался

дальше... Приѣхали на станцію еще довольно рано. Проснулся генералъ, я и докладываю, что видѣлъ Дормидонта и что онъ мнѣ сказалъ. «Охъ ужъ этотъ мой Дормидонтъ! просто бѣда съ нимъ!» проговорилъ генералъ своимъ тихимъ ровнымъ голосомъ, — тѣмъ дѣло и кончилось, Конечно, на станціи намъ подали и чай, и ужинъ приготовили, такъ какъ смотритель былъ заранѣе предувѣдомленъ о проѣздѣ генерала, но... ночь наступила, его превосходительству нужна его кровать, его сессеръ, а ничего этого нѣтъ. — «Вы бы, Александръ Николаевичъ, вышли на крыльцо, да посмотрѣли—не ѣдетъ ли Дормидонтъ?» сказалъ генералъ часовъ въ 10... Вышелъ я на крыльцо, постоялъ на ступенькахъ, поглядѣлъ въ туманную даль—никого и ничего!.. Вернулся. — «Ну, что—нѣтъ Дормидонта?» — «Невидно, ваше превосходительство!» — «Удивительно!.. что бы это значило такое!..» Опять посидимъ, опять выпьемъ по стакану. — «Вы бы, Александръ Николаевичъ, вышли еще разъ!» — «Слушаю, ваше превосходительство!» Выйду—и опять ничего. Наконецъ, вижу старикъ спать хочетъ, дремлетъ, начинаетъ сердиться и передвигаетъ стулья (а это явный признакъ раздраженія). — «Александръ Николаевичъ, говоритъ, что вы все сидите!.. выйдите посмотрите, не ѣдетъ ли Дормидонтъ?» Выбѣжалъ—и опять ничего... Разозлился старикъ... — «Я ему, скотинѣ, сто палокъ велю дать!» нѣсколько громче противъ обыкновеннаго сказалъ генералъ и застучалъ стульями. Наконецъ, вдали послышались голоса, топотъ лошадиныхъ копытъ, грохотъ колесъ. — «Александръ Николаевичъ, обращается его превосходительство, вы никогда не выйдете на крыльцо!..» Но... я уже летѣлъ сломя голову. У крыльца остановился экипажъ и Дормидонтъ вылѣзалъ не спѣша, съ достоинствомъ... — «Иди скорѣй, закричалъ я, генералъ сердится!» — «Ну и пускай сердится!» — «Вотъ онъ тебѣ задастъ!» — «Ничего не задастъ, я невиноватъ.» — «А кто же виноватъ?» — допытывался я. Дормидонтъ даже не отвѣтилъ, и молча, медленно пошелъ къ генералу. Я пошелъ слѣдомъ. Генералъ, видимо раздраженный, стоялъ по среди комнаты и тихимъ голосомъ обратился къ лакею: — «Что же ты, Дормидонтъ, нарочно дѣлаешь со мной такія пакости?.. а?.. я вѣдь вчера тебя отправилъ впередъ?.. ты гдѣ пропалъ?.. развѣ не могъ ѣхать...» — «Извѣстно не могъ», — перебилъ его Дормидонтъ. — «Какъ не могъ, почему?» — «А потому.» — «Говори, скотина, понятнѣе!» — «И то вѣдь говорю, что не могъ ѣхать. Вотъ вы бы сами на моемъ мѣстѣ побывали, такъ я посмотрѣлъ бы на васъ, что бы вы дѣлали!..» — «Послушай, Дормидонтъ, ты кажется грубить начинаешь.» — «Вовсе не начинаю, а только говорю, что такой случай произошелъ, что не дай Богъ...» — «Что же экипажъ сломался?» — «Вовсе не экипажъ, а, значить, фалеторъ родилъ.» — «Ка-акъ?.. фореиторъ родилъ?.. ты съума сходишь?.. ты шутишь со мной?» — «Вовсе не шучу. А фалеторъ ро-

диль это точно...» Генераль смотрѣлъ на меня, а я на него—ни-
чего не понимая.—«Слушай, скотина, расскажи какъ слѣдуетъ». —
«Да чего рассказывать: прїѣзжаемъ, значить, на станцію — всѣ
ямщики въ разгонѣ, а двое для васъ приготовлены. Смотри-
тель и говорить—посадите фалеторомъ киргизку, которая на кухнѣ
у насъ готовить... ну, кухарку узкоглазую и посадили; а она-то
не доѣхала и до половины — взяла, да и родила. Должно очень
ужъ разстрясло... Ну, и я долженъ былъ самъ повитухой быть. А
вы все говорите—отчего не попалъ во-время?—развѣ тутъ можно
было поспѣть!..» Генераль улыбнулся и послалъ меня разслѣдовать
дѣло болѣе подробно. Дѣйствительно, въ повозкѣ лежала киргизка
съ только-что родившимся ребенкомъ. Ее перенесли въ избу и ге-
нераль подарилъ «на зубокъ» двадцать нять рублей. Тѣмъ дѣло и
кончилось.

— Вотъ такъ скандалъ! ха-ха-ха!—заоралъ правовѣдъ.—Фореи-
торъ разрѣшился отъ бремени... Не такъ ли я говорю?.. ха-ха-ха!

— Развѣ киргизокъ сажаютъ вмѣсто фореиторовъ?—спросилъ я.

— Сплошь и рядомъ. Онѣ вѣдь очень хорошо ѣздятъ, съ мало-
лѣтства пріучаются,—говорилъ капитанъ.—Ну, а за недостаткомъ
мужского персонала ямщиковъ, идутъ и бабы, принимаются и за
женское сословіе.

Забавный анекдотъ размѣшилъ даже серьезнаго доктора; онъ
оставилъ на время «принимать пищу» и хохоталъ отъ души,—даже
слезы выступали у него на глазахъ.

— Фу, ты Господи!.. вотъ насмѣшили!..—отмахивался платкомъ
Петръ Ивановичъ.—«Фалеторъ родилъ!»—передразнивалъ онъ Дор-
мидонта, котораго зналъ очень хорошо, такъ какъ также ѣзжалъ
съ генераломъ.

А между тѣмъ стало совсѣмъ темно. Иванъ, облачившись въ
болѣе приличную пару, внесъ свѣчи, убралъ самоваръ и даже ни-
тяныя бѣлыя перчатки натянулъ.

Въ комнатѣ было очень душно. Въ оба растворенныя окна мало
проникала вечерняя свѣжесть, да и свѣжести этой, говоря по правдѣ,
совсѣмъ не было. Галстухъ доктора съѣхалъ совсѣмъ на голую шею,
узкій китель душилъ его немилосердно, а съ лица струился потъ
ручьями; отъ хохота ему сдѣлалось еще жарче. Я замѣтилъ это.

— Вы бы растегнули вашъ китель!—предложилъ я.

— Ахъ, съ громаднымъ удовольствіемъ!.. а то сонныя артеріи
начали у меня сильно пульсировать, да и, вообще, гиперемія мозга
могла бы довести до обморока.

Галстухъ полетѣлъ подъ столъ, сюртукъ—распахнулся, и док-
торъ сталъ приходить въ себя, отдуваясь и отмахиваясь носовымъ
платкомъ.

— Однако, гепло у васъ здѣсь,—обратился я къ моимъ собесѣд-
никамъ.

— Ужъ что и говорить!—подхватилъ Петръ Ивановичъ.—Если только не купаться, такъ совсѣмъ пропадешь.

— А гдѣ же вы купаетесь?

— А здѣсь въ каждомъ почти домѣ есть бассейнъ, куда вода проведена изъ арыковъ. Ни одного сада безъ такой купальни никто не устраиваетъ.

— Я не люблю купаться въ арычной водѣ,—сказалъ капитанъ.—Лучше съѣздить на Чирчилъ; хоть и далеко, за то на вольномъ воздухѣ, да и поплавать мѣстами можно.

— Нѣтъ ужъ—слуга покорный!—перебилъ правовѣдъ.—Тамъ сомы водятся, то и дѣло народъ таскаютъ. Не такъ ли я говорю?

— Какіе тамъ сомы, одно воображеніе,—пробурчалъ докторъ.

— Нѣтъ извините. А помните исторію съ Михаиломъ Дмитріевичемъ?

— Кто это такой Михаилъ Дмитріевичъ?—спросилъ я.

— Какъ вы не знаете?—вскочилъ Петръ Ивановичъ.—Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ?.. хорошъ русскій человекъ!

— Какая же это исторія была съ нимъ?

— Курьезная!.. это правда!.. потѣха одна!—захохоталъ докторъ, а за нимъ и всѣ мои собесѣдники.

— Разскажите, пожалуйста!—попросилъ я.

— Ужъ подлинно, что курьезъ,—продолжалъ докторъ.—Представьте себѣ, что этотъ храбрый генераль, наводившій ужасъ на турокъ (да и на всю Европу, пожалуй) своей неустрашимостью, боялся болѣе всего на свѣтѣ... какъ вы думаете чего?.. сомовъ... Поэтому онъ купался въ рѣкѣ не иначе какъ верхомъ на лошади... Вотъ однажды собралась насъ большая компанія. Сидѣли разговаривали, пили, принимали пищу—все какъ слѣдуетъ!.. А вечеръ стоялъ превосходный.—«Знаете что, господа,—предложилъ бѣлый генераль,—поѣдемте на Чирчилъ купаться».—Конечно, всѣ согласились, осѣдлали лошадей—и маршъ. А надо замѣтить, что день былъ какой-то праздничный, по улицамъ народу гуляла масса... Вотъ мы выбрались за городъ, разговариваемъ, куримъ... не видѣли какъ и до рѣки доѣхали... Михаилъ Дмитріевичъ прежде всѣхъ раздѣлся, разсѣдлалъ своего коня, сѣлъ на него и—бухъ! въ воду... Не успѣли мы послѣдовать его примѣру, какъ вдругъ нашъ храбрый генераль какъ закричитъ не своимъ голосомъ, ударилъ по лошади и выскочилъ на берегъ весь блѣдный, съ блуждающими глазами...—«Что съ вами?.. что случилось?»—кинулись мы къ нему, думая, что съ Михаиломъ Дмитріевичемъ дурно... Но онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ... Простоялъ какую-нибудь секунду, крикнулъ: «сомъ!»—и, какъ стрѣла, помчался обратно въ городъ, не заботясь о своемъ болѣе чѣмъ легкомъ костюмѣ. Многие, не успѣвшіе раздѣться, вскочили тоже на лошадей и погнались за бѣглецомъ... А бѣлый генераль въ карьеръ влетѣлъ на

главную улицу и, не помня себя отъ испуга, колотя лошадь, прискакалъ къ себѣ на квартиру. Ужъ когда денщики сняли его съ коня, ввели въ комнаты и сбрызнули водой,—генераль пришелъ въ себя... Такъ вотъ какія дѣла бываютъ съ нѣкоторыми субъектами,—бомбы, пули, гранаты ни почемъ, а одна мысль о рыбѣ можетъ нагнать паническій страхъ!.. Мы убѣждены даже, что сома не было, а Скобелеву только «показалось», что онъ хватилъ его за ногу (какъ рассказывалъ генераль впоследствии).

— Да, это была картина, говорятъ, достойная кисти художника!—закричалъ правовѣдъ.

На эту тему бесѣда тянулась долго, и каждый изъ насъ, конечно, передавалъ случаи изъ своей жизни.

Наконецъ, явился Иванъ съ котлетами и пирожками. Докторъ встрепенулся.

— Боже, какъ это прекрасно!—пробасилъ онъ.—Теперь 12 часовъ... организмъ требуетъ принятія легкой и питательной пищи!.. Это очень и очень полезно...

Всѣ принялись за вилки и ножи. Вино еще больше развязало языки; въ особенности правовѣдъ и Петръ Ивановичъ засыпали анекдотами. Докторъ и капитанъ слушали и уплетали...

Когда бесѣда и ужинъ кончился, небо бѣлѣло и утренній холодокъ пріятно тянулъ въ открытую дверь. Гдѣ-то крикнулъ пѣтухъ...

— Однако пора, организмъ требуетъ успокоенія!—докторально заявилъ врачъ и началъ отыскивать свой галстукъ.

— Ну, что?—обратился правовѣдъ ко мнѣ...—Развѣ мало интереснаго узнали вы отъ насъ?... не такъ ли я говорю?... а все это устроилъ я: я написалъ всѣмъ вотъ этимъ юношамъ, что вы непременно желаете ихъ видѣть, по весьма важному дѣлу. Ну, а мы люди простые, безъ всякихъ претензій,—визитовъ не ждемъ... Не такъ ли я говорю?

Я благодарилъ своихъ гостей и вышелъ проводить на крыльцо.

Совсѣмъ стало свѣтло. Далеко-далеко гдѣ-то слышались удары бубна.

— А знаете кто это «бубнить»?—спросилъ капитанъ.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ я.—Только-что хотѣлъ спросить у васъ.

— Это ночной караульщикъ. У васъ въ Россіи ходятъ съ трещеткой, въ Екатеринбургѣ съ чугунной доской, а въ Средней Азійи съ бубномъ... и право, я нахожу, что послѣднее очень оригинально...

— Да, дѣйствительно, оригинально...

Проводивъ гостей, я вернулся въ свой номеръ, гдѣ заспанный Иванъ убиралъ со стола.

— Какую музыку затѣяли эти господа, просто бѣда!—ворчалъ онъ.

— Какую музыку?

— Да какъ же? развѣ можно всю ночь сидѣть?.. вѣдь люди въ это время спать должны, а они музыку разводятъ.

Скоро я погасилъ свѣчку и отворилъ окно около моей кровати... утренній вѣтеръ колыхалъ занавѣски. Надъ головой моей, на потолкѣ, поднялась какая-то возня.

«Должно быть голуби просыпаются или крысы возятся», подумалъ я и сталъ дремать. Откуда-то доносился чей-то завывающій голосъ,—то муэзинъ съ высоты минарета сзывалъ правовѣрныхъ на молитву... Сонъ окончательно овладѣлъ мною.

Когда на другой день Иванъ принесъ мнѣ самоваръ, я рассказалъ ему о томъ, что голуби или крысы сильно возятся надъ моей головой.

— Это-съ вовсе не голуби, и не крысы,—отвѣчалъ онъ.

— А что же такое?

— Очень просто-съ,—это скорпионы.

Я даже пересталъ жевать кусокъ бѣлаго хлѣба.

— Неужели скорпионы?

— Это такъ точно-съ. У насъ ихъ многое множество и иногда эти гадины такую музыку затѣваютъ, что спать не даютъ... Если прикажете, мы ихъ сколько угодно и когда угодно наловимъ. Ма-лайка всѣ гнѣзда знаетъ... музыка самая обыкновенная въ Ташкентѣ.

— А случаи укушенія бываютъ у васъ часто?

— Да какъ вамъ сказать? бываютъ, но нечасто... Тоже вѣдь хоть и гадина, а все опасливостъ имѣеть,—если ее не трогать, то никогда сама не кинется... Недавно мальчишка у насъ на дворѣ руку въ самое гнѣздо засунулъ... Трещина, значитъ, въ стѣнѣ была, ну, и знали мы, что скорпионы тамъ гнѣздятся, не трогали... а мальчишка, глупый еще, лѣтъ шести былъ, взялъ да и засунулъ руку... укусили...

— Ну, и что же?

— Ну, извѣстная музыка—къ вечеру... готовъ.

— Чтожъ кричалъ сильно?.. вѣдь боль говорить, страшная...

— Кричалъ страсть какъ!.. на другой улицѣ слышно было... ну, и кончился. А то ничего, не трогаютъ...

Въ дверь, въ это время высунулась голова Ахметки.

— Хорошія вещи, разные платки, подушка,—началъ онъ опять перечислять свой товаръ.

— Ступай, ступай!—махнулъ ему Иванъ.—Надоѣлъ съ своей музыкой! Иди, говорятъ тебѣ.

Ахметка исчезъ, но вмѣсто него явился старый сартъ...

И этого спровадили. Черезъ пять минутъ показалась голова въ бѣлой чалмѣ, за ней виднѣлась голова въ синей чалмѣ...

— Пошли вонъ, идола!—разсердился лакей и затворилъ дверь на крючокъ.

— Если ихъ не гнать, покоя не дадутъ... Все равно что жида!.. Я продолжалъ наслаждаться утреннимъ кейфомъ.

X.

Тихая, теплая ночь спустилась надъ виноградниками. Звѣзды, какъ брилліанты сверкаютъ на черномъ, бархатномъ небѣ и играютъ всѣми цвѣтами радуги. Луна еще не взошла.

Небольшая компанія собралась на дачѣ доктора В., который, со свойственной ему любезностью, угощаетъ своихъ гостей и съ чисто русскимъ гостепрѣимствомъ подливаетъ вино въ стаканы.

— Пожалуйста, принимайте пищу, господа!—твердитъ онъ мягкимъ басомъ и пододвигаетъ то къ одному, то къ другому, дымящіяся блюда.

— Что же это никто не ѣстъ!.. вотъ напасти!

Въ сторонѣ сидятъ нѣсколько человѣкъ офицеровъ, сгруппировавшись около бойкой барыньки и толстенкой хозяйки. Оттуда слышенъ звонкій хохотъ, громкія рѣчи. Передъ ними, на маленькомъ столикѣ, горитъ лампа и освѣщаетъ оживленные лица, усы разныхъ цвѣтовъ и величинъ, бѣлыя кители и ясныя пуговицы.

У насъ же идутъ интересныя воспоминанія. Меня посвящаютъ во многія тайны, передаютъ анекдоты, относящіяся къ первому времени водворенія русскихъ въ Ташкентѣ.

Полковникъ генеральнаго штаба съ открытымъ, чисто русскимъ, лицомъ ведетъ разговоръ. Онъ считается за оратора и старается поддерживать установившееся о немъ мнѣніе. Куря безконечную папиросу, облитый яркимъ свѣтомъ нѣсколькихъ свѣчей, полковникъ только изрѣдка взглядываетъ на насъ,—онъ весь погруженъ въ воспоминанія. Правовѣдъ К., сверкая своимъ изящнымъ бѣлоснѣжнымъ кителемъ, то и дѣло старается перебить разговоръ и обратить на себя вниманіе, однако, это ему не удается.

Казачій офицеръ—хмурый и озлобленный, занимающійся литературой, изрѣдка вклеиваетъ фразу и съ наслажденіемъ затягивается сигарой.

Какой-то господинъ, неопредѣленной профессіи, въ длиннополомъ сюртукѣ, съ подвязанной щекой, все время молчитъ и только взвизгиваетъ, когда рассказывается что-нибудь мало-мальски смѣшное.

Вотъ и всѣ, размѣстившіеся вокругъ длиннаго стола, покрытаго бѣлой скатерью и установленнаго всякою всячиной.

Хозяинъ хлопочетъ и перебѣгаетъ отъ насъ къ дамамъ, и обратно.

Недалеко, за цвѣтникомъ, виднѣется распахнутая настежь дверь, черезъ нее падаетъ свѣтъ на широкую террасу, всю обвитую ви-

ноградникомъ. Какъ дверь, такъ и окна дома, свѣтлыми четырехъ-угольниками выдѣляются на темномъ фонѣ стѣны. Но комнаты пусты, всѣ сидятъ подѣ открытымъ благодатнымъ южнымъ небомъ... Дышется свободно полной грудью и чувствуешь, какъ чистый воздухъ вливается струею въ легкія. Невольно завидуешь обитателямъ этого земнаго рая.

— А помните ли, полковникъ,—заговорилъ правовѣдъ,—наши первые балы у генераль-губернатора?.. вотъ было весело и комично!.. не такъ ли я говорю?

— Да, какъ не помнить!—произнесъ медленно рассказчикъ.— Такое время не повторяется...

— Расскажите пожалуйста что-нибудь объ этомъ времени,—попросилъ я.

— Въ логической послѣдовательности передать все, что тогда происходило—почти невозможно. А вотъ одинъ куръезъ, характеризующій и нашихъ барынь, и нашу тогдашнюю обстановку, могу изобразить.

— Ахъ, это объ госпожѣ М?—перебилъ правовѣдъ.— Не такъ ли я говорю?

Полковникъ даже не взглянулъ на юношу, закурилъ новую папироску, погладилъ усы, и началъ:

— Еще задолго до новаго года стало извѣстнымъ, что 1-го января у генераль-губернатора будетъ балъ, на который уже приглашено множество лицъ, какъ военныхъ, такъ статскихъ, такъ и туземцевъ. Понятно, что наши жены и дочери, успѣвшія перебраться въ завоеванный городъ, всполошились. Вѣроятно, не мало пришлось испытать мужьямъ, много семейныхъ бурь пронеслось надъ ихъ головами; но... въ концѣ концовъ слабая половина осилила и полетѣли конверты съ пятью красными печатями и со вложеніемъ—въ Москву и Петербургъ. Однѣ дамы требовали платья, самыя изящныя и самыя модныя, другія—чепчики самыя головокружителиныя, третьи — просили выслать цѣлый тюкъ французскихъ лучшихъ цвѣтвъ, которые могли бы затмить собою настоящія, четвертыя — выписывали перчатки, самыхъ нѣжныхъ колеровъ. Однимъ словомъ,—всего не пересчитаешь, да я и не берусь за это, такъ какъ имѣю удовольствіе быть холостымъ, а холостые во всѣхъ тонкостяхъ дамскаго туалета весьма несильны. Нечего, я думаю и прибавлять, что каждая изъ дамъ держала въ глубокой тайнѣ свой заказъ и хранила секретъ отъ задушевныхъ пріятельницъ. Сколько безсонныхъ ночей провели жены и дочери, мечтая объ эффектѣ, который онѣ произведутъ, являсь на балъ въ новомъ костюмѣ!.. какіе планы роились въ ихъ головкахъ!.. Въ числѣ этихъ мечтающихъ особъ была и госпожа М. Мужъ ея, кромѣ жалованья, не имѣлъ никакихъ доходовъ; но это ничего не значило, и барыня требовала выписать «по крайней мѣрѣ три чепчика: одинъ съ голу-

бой отдѣлкой, другой—съ розовой, а третій—съ бѣлой». Конечно, всѣ три чепчика не могли быть надѣты въ одинъ вечеръ, но... все равно другіе пригодятся къ Свѣтлому празднику. Почесалъ у себя затылокъ бѣдный мужъ и удѣлил изъ скуднаго жалованья необходимую сумму... Медленно потянулось время для ожидающихъ, безконечными показались имъ часы и минуты... Однако, все имѣеть свой конецъ, кончился и Рождественскій постъ. Остается только нѣсколько дней до новаго года. Помѣщенія генераль-губернатора начали приводить въ праздничный видъ, бѣдный почтмейстеръ сбился съ ногъ, выдавая посылки изъ столицъ, дамы засуетились, примѣривая наряды. Только одна М. не получала почему-то свои чепчики. Раздраженіе ея достигло высшей степени, мужу не было покоя, дѣти попрыгали по угламъ. Барыня свирѣпѣла, не принимала визитеровъ, не дѣлала визитовъ, обливалась горячими слезами и бранилась со всѣми, кто попадался ей на глаза. Наконецъ, наступило 30-е декабря, потомъ 31-е... а посылки нѣтъ, какъ нѣтъ... Отъ огорченій и цѣлаго мѣсяца ожиданій М. слегла въ постель, обложила голову солеными огурцами, нюхала спиртъ и ожидала переселиться въ вѣчность. Ей представлялся балъ, всѣ ея знакомыя дамы въ выписанныхъ нарядахъ, кругомъ нихъ толпы офицеровъ, всѣ ахаютъ... а ее нѣтъ тамъ, въ этой пестрой толпѣ. Большая чувствуетъ, что сердце останавливается, перестаетъ биться; руки и ноги холодѣютъ. Вдругъ она слышитъ быстрые шаги. Кто-то идетъ прямо къ двери, съ шумомъ распаиваетъ. «Вѣрочка, посылка пришла!» кричитъ торжествующій мужъ и съ восторгомъ суетъ ящикъ, обшитый полотномъ. Умиравшая вскакиваетъ. «Давай ножикъ скорѣй!.. распаковывай!.. скорѣе ради Бога!» Духъ захватываетъ отъ восторга. Но, ножа почти не надо было... едва прикоснулись къ крышкѣ, какъ она отскочила. Еслибъ вскрывавшіе были не такъ взволнованы, то легко замѣтили бы, что и холстъ, и веревки, и печати были весьма «сомнительной цѣлости»... Но, гдѣ ужъ тутъ разбирать! Главное—чепчики получены!.. Нетерпѣливо вынимается все содержимое ящика, осторожно извлекается какая-то куча лентъ, цвѣтовъ, кружевъ... Но—чепчикъ одинъ. Гдѣ же второй и третій? ихъ нѣтъ?... Сначала М. чуть въ обморокъ не упала, но потомъ спохватилась и рѣшила, что особеннаго горя здѣсь нѣтъ: пока можно явиться въ присланномъ, а до Святой—мужъ долженъ списаться съ моднымъ магазиномъ и просить разъясненія. Наконецъ, чепчикъ былъ очаровательный, хотя немного высокъ и состоялъ изъ голубыхъ, розовыхъ и бѣлыхъ лентъ, слѣдовательно, могъ быть употребляемъ со всякимъ платьемъ. Спереди такъ эффектно размѣщались три полосы—голубая, розовая и бѣлая, состоящая изъ самыхъ красивыхъ цвѣтковъ и блондъ... «Слава Богу, слава Богу!» твердила барынька и въ восторгѣ поцѣловала даже муженька, давно невидавшаго такой милости. И бѣдный мужъ тоже развеселился, на-

электризованный восторгомъ своей Вѣрочки... Оставалось нѣсколько часовъ до вечера. Деньщики и даже дворникъ сартъ засуетились съ утюгами, юбками и другими принадлежностями дамскаго туалета. Солдатъ сталъ готовить арбу, чистить лошадь и осмотрѣлъ даже свой костюмъ, такъ какъ не хотѣлось и ему ударить лицомъ въ грязь передъ другими солдатами-кучерами... Наконецъ, на маленькихъ часахъ, съ гириями и розаномъ на верху циферблата, пробило—десять. Вѣрочка явилась расфранченная и съ сознаниемъ своей красоты, съ очаровательной улыбкой на устахъ, взглянула черезъ плечо въ зеркало, въ послѣдній разъ. Она увидѣла себя такую изящною; бѣлое платье, съ сильно вырѣзаннымъ лифомъ, чрезвычайно шло къ ея личику. Только необыкновенная высота чепчика смущала ее. «Вѣроятно такая мода теперь въ Петербургѣ!» успокоила себя барыня. «Тѣмъ лучше,—ни у кого высокихъ чепчиковъ не будетъ, а у меня есть!...» Супругъ, одѣтый въ потертый мундиръ и напомаженный ужаснымъ образомъ, стоялъ въ нѣмомъ удивленіи и мысленно цѣловалъ свою женку въ пухлыя губки. — «Бдемъ», произнесла Вѣрочка и стала натягивать перчатки. — «Бдемъ,—повторилъ мужъ.—Иванъ свежи хорошенько!» Вышли на крыльцо. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, ночь была темная, о фонаряхъ тогда еще не мечтали, извозчиковъ—не спрашивай. Передъ крыльчкомъ стояла высокая арба съ саженными колесами и будкой. Иванъ поставилъ стулъ, на него съ ахами и взвизгами ступила барыня, подбирая шлейфъ и закрываясь большимъ платкомъ. «Ахъ, еслибъ чепчикъ не помялся!» думала Вѣрочка. Наконецъ, кое-какъ счастливая чета усѣлась подъ навѣсъ арбы.—«Ну, трогай! только смотри осторожниче!»—скомандовалъ мужъ.—«Да смотри, Иванъ, стулъ привяжи на верхъ, на будку. Хорошенько привяжи, а то дорогой потеряемъ!» Солдатъ-кучеръ, сидѣвшій на запряженной лошади верхомъ, чмокнулъ, и арба, покачиваясь, выѣхала изъ воротъ. На улицѣ было совсѣмъ темно, въ двухъ шагахъ нельзя было ничего рассмотреть. Изрѣдка сверкалъ огонекъ изъ незакрытаго ставнемъ окна, и безконечной полоской отражался въ лужахъ. Вдали слышались понуканія кучеровъ, шлепаніе лошадиныхъ копытъ, — то двигались тоже арбы съ приглашенными на балъ. Иногда, осторожною рысью обгонялъ путешественниковъ всадникъ, закутанный шинелью и въ нахлобученномъ башлыкѣ,—тоже спѣшащій на веселье... Вотъ повернули за-уголъ и показалось зарево; точно большой пожаръ захватилъ чуть не цѣлую улицу. Это горѣлъ разноцвѣтными фонариками и бенгальскими огнями дворецъ генераль-губернатора (такъ называлось временное помѣщеніе начальника края). Не смотря на дождь, кругомъ стояла громадная толпа туземцевъ и русскихъ; каждому хотѣлось хоть издали полюбоваться освѣщеніемъ и послушать музыку огромнаго военнаго хора. Вереница арбъ со стульями, привязанными на верху

будки, стояли въ ожиданіи господъ. Множество осѣдланныхъ лошадей жались подъ дождемъ, привязанныя къ чему попало... Кое-какъ протискались черезъ толпу и остановились у подъѣзда. Солдатики кинулись къ арбѣ; одинъ — отвязывалъ стулъ и ставилъ его поближе къ ступенькамъ, другой — помогаль офицеру выбратъся изъ-подъ навѣса, третій — протягиваль руки барынѣ. Опять слышались «ахи» и «охи», и, наконецъ, Вѣрочка съ бьющимся сердечкомъ вошла въ ярко освѣщенную прихожую. Тутъ толкотня была страшная. Я самъ только-что успѣлъ снять шинель и солдатикъ тщательно вытиралъ мои забрызганные сапоги, слѣдовательно, я былъ свидѣтелемъ того торжествующаго выраженія лица, съ которымъ Вѣрочка раскланивалась съ своими знакомыми дамами и кавалерами. И она была дѣйствительно очень интересна, еслибъ не проклятый чепчикъ, вышиною съ казанскую Сумбекину башню... Мы вмѣстѣ вошли въ залъ, гдѣ гремѣла уже музыка. Генераль привѣтливо встрѣтилъ насъ, сказалъ барынѣ комплиментъ и пошелъ въ другую комнату. Я, какъ нетанцующій, пробрался въ кабинетъ отведенный «подъ карты», собралъ себѣ компаніоновъ и сѣлъ играть по маленькой. Прошло часа два, какъ вдругъ влетаетъ...

— Это я влетѣлъ! — перебилъ правовѣдъ. — Не такъ ли я говорю?

— Вдругъ влетаетъ вотъ онъ и говоритъ, что случился скандалъ...

— Да, дѣйствительно, я вскочилъ въ карточную и закричалъ «господа, скандалъ!» Больше былъ не въ силахъ ничего произнести, такъ какъ просто умеръ отъ смѣха. Не такъ ли я говорю?

— Дѣйствительно, войдя въ танцевальный залъ мы замѣтили легкое движеніе между нетанцующими. Дамы закрывались платками и хохотали, кавалеры не отставали отъ нихъ; образовались кучки, гдѣ что-то передавалось въ полъ-голоса. Но, любезный и тактичный хозяинъ, подгонялъ молодыхъ людей, приглашалъ для нихъ дамъ, заставлялъ танцовать, и особеннаго — ничего не вышло. Я подошелъ къ одному изъ рассказывающихъ и узналъ слѣдующее: какъ только появилась въ залѣ Вѣрочка, ее окончательно завертѣли. Никто не замѣчалъ (кромѣ женщинъ), что чепчикъ ужъ слишкомъ топорщился, и послѣ каждого тура розовое отставало отъ бѣлаго, а бѣлое — отъ голубого. Наконецъ, начался кадрили. Въ шестой фигурѣ, когда молодежь дошла до апогея бѣшенства, распорядитель подхватилъ Вѣрочку и началъ выкидывать съ нею какую-то необыкновенную фигуру... Вдругъ, злополучный чепчикъ, разваливающийся все больше и больше, вспорхнулъ, полетѣлъ въ сторону и опустился какъ разъ посрединѣ круга танцующихъ. Но, представьте чудо!.. вмѣсто безформенной массы блондъ, лентъ и цвѣтовъ, на полу лежали три совершенно самостоятельныхъ чепчика!.. Раздался хохотъ, громъ падающаго безъ чувствъ тѣла.

началась суматоха... Появился хозяинъ. Вѣрочку въ обморокъ вынесли, крикнули доктора—а три чепчика рѣзко выдѣлялись на блестящемъ, натертомъ полу своими раскинутыми лентами. Кто-то изъ адъютантовъ подхватилъ и унесъ ихъ для передачи по принадлежности, а танцы продолжались попрежнему. Хозяинъ очень тактично старался замять этотъ непріятный пассажъ... Такъ кончился траги-комическій случай съ барынькой. Ужъ сколько было разговоровъ — сами можете представить. Никуда нельзя было явиться, безъ того, чтобы не прослушать исторію скандала, — конечно, въ разукрашенномъ видѣ.

Полковникъ замолчалъ, слегка улыбаясь изъ-подъ своихъ густыхъ усовъ.

Длиннополый господинъ неопредѣленной профессіи, долго удерживавшійся отъ смѣха, даже завизжалъ отъ восторга. Правовѣдъ громко хохоталъ, чувствуя, что и онъ игралъ кое-какую роль въ рассказанной исторіи.

Въ это время докторъ подбѣжалъ и снова началъ упрашивать, «принять пищу».

Дѣлать нечего, пришлось опять приняться за жаренаго фазана.

А ночь становилась все темнѣе и темнѣе. Ароматъ цвѣтущей дриды несся откуда-то издалека и просто опьянялъ меня. Множество самыхъ разнообразныхъ и изящныхъ насѣкомыхъ летѣло на огонь свѣчей и десятками падали на бѣлую скатерть.

Насилу успокоились слушатели, вспоминая подробности разсказа.

— А про Агафью Федоровну не рассказывали?—спросилъ казакъ-литераторъ полковника.

— Нѣтъ.

— Ахъ, это про ту...—прервалъ правовѣдъ.—Штука интересная. Характеристика тоже своего рода. Не такъ ли я говорю?

— Расскажите, полковникъ. И я послушаю, хоть анекдотъ и знаю,—сказалъ докторъ, присаживаясь къ нимъ и накладывая себѣ новую порцію циплятъ.

Полковникъ опять видимо сдѣлался доволенъ. Онъ пустилъ цѣлую тучу дыма и, когда она разсѣялась, приступилъ съ важнымъ видомъ:

— Когда Ташкентъ началъ уже принимать болѣе или менѣе европейскій видъ, когда къ намъ понаѣхали архитекторы, художники и всякаго званія люди, прибыла, въ числѣ прочихъ, и одна пара супруговъ. Онъ—одинъ изъ чиновниковъ, она—бывшая вдова изъ Оренбурга. Надо еще замѣтить, что и поженились они довольно странно. Чиновникъ, имѣя маленькій чинъ, получилъ прогоновъ не особенно много, а денегъ имѣтъ побольше въ своемъ карманѣ каждый хочетъ... Неудивительно, что и чиновникъ изобрѣталъ всевозможные способы, чтобы заполучить себѣ какъ-нибудь болѣе значительную

сумму. Какой-то пріятель разрѣшилъ задачу очень легко—онъ по-совѣтывалъ бѣдняку жениться, такъ какъ женатый, отправляющійся на далекія окраины, чиновникъ долженъ былъ получить прогоны чуть не вдвое противъ того, что онъ имѣлъ въ данный моментъ. За невѣстой дѣло не стало—была указана вдова, жаждущая выйти замужъ, да притомъ кое съ какимъ капитальцемъ. Чиновникъ пришелъ въ восторгъ отъ этой идеи и въ недѣлю все было устроено, улажено и «молодые» двинулись въ путь. Быть можетъ, живя въ своемъ Оренбургѣ, вдова была бы самой обыкновенной вдовой, но разъ попала она въ Азію, она преобразовалась окончательно. И, надо замѣтить, что всякій, кто живетъ въ нашихъ мѣстахъ, удивляется слѣдующему факту: большинство лицъ, попадающихъ въ Азію, удивительно измѣняются, метаморфозъ происходитъ чуть не моментальный и объяснить его никто не въ состояніи; тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ. Мнѣ, напримѣръ, приходилось видѣть очень нѣжныхъ и воздушныхъ женщинъ, которыя въ Россіи такъ и остались бы нѣжными и воздушными, а у насъ дѣлаются чуть не кровожадными звѣрями, способны чуть не истязать сарта или киргиза, находятъ удовольствіе въ охотѣ, верховой ѣздѣ, и пр. Ко всему этому, въ Ташкентѣ онѣ воображаютъ, что здѣсь миссія ихъ совсѣмъ другая, нежели въ Россіи, и часто откалываютъ такіе пассажи, какіе и въ голову не пришли бы, если бы онѣ жили на родинѣ. Теперь времена измѣнились и такіе типы дѣлаются достояніемъ исторіи, но въ первое время каждая почти дама или дѣвица старалась быть эксцентричною и отбросить свою женственность. Я могъ бы привести массу примѣровъ, подтверждающихъ мое мнѣніе, но объ этомъ лучше въ другое время. И такъ вернусь къ разсказу. Вдова, выйдя замужъ за чиновника, ѣдущаго въ Ташкентъ, тоже преобразилась, но не въ кровожаднаго звѣря и не въ авантюристку, готовую сражаться съ барантачами. Она рѣшила достать своему мужу положеніе, вывести его въ люди, сдѣлать такъ, чтобы начальство его полюбило. Къ сожалѣнію, добрая женщина не обладала ни однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ возможнымъ исполненіе такого плана: она не была особенно молода, не отличалась ни красотой, ни умомъ... Тѣмъ не менѣе Агафья Ѳедоровна рѣшилась во чтѣ бы то ни стало хлопотать за мужа, изображая изъ себя какую-то героиню. Всю зиму она, что называется изъ кожи лѣзла, бывала на всѣхъ вечерахъ, балахъ, и желала, чтобы на нее обратилъ вниманіе одинъ весьма вліятельный генераль; она не смущалась его старостью, ее окрыляла надежда. Но, увы, вліятельное лицо не обращало на самоотверженную женщину ни малѣйшаго вниманія. Наступила весна, теплая, съ чудными днями, которые встрѣчаются только въ нашихъ краяхъ... Публика начинала уже свои прогулки въ саду Кауфмана. Тамъ, по утрамъ, гулялъ и генераль. Агафья Ѳедо-

доровна забралась разъ туда очень рано, часовъ въ семь, и усѣлась на скамеечкѣ съ книжкой въ рукахъ... Большой кустъ скрывалъ ее со стороны главной дорожки, но эта дорожка поворачивала какъ разъ около этого куста. Такимъ образомъ, гуляющей генераль неожиданно могъ наткнуться на сидящую барыню... Разсчитавъ все, какъ слѣдуетъ, Агафья Ѳедоровна притихла и какъ будто углубилась въ чтеніе романа. Не прошло и десяти минутъ, какъ послышались шаги, ближе, ближе... и генераль вышелъ изъ за куста... «Ахъ, ахъ!.. мнѣ дурно, дурно!.. умираю!» закричала барыня и стала падать въ обморокъ. Испуганный старичекъ кинулся къ ней, подхватилъ и сталъ звать на помощь. Но никто не являлся на призывъ, такъ какъ никого въ саду, въ такой ранній часъ, не было... А Агафья Ѳедоровна продолжаетъ истерически рыдать, повергая въ смущеніе бѣднаго генерала... Вспомнивъ, что при подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ разстегнуть корсетъ, старикъ принялся за это дѣло... Но, барыня, наконецъ, стала приходить въ себя... «Гдѣ я?» проговорила она, голосомъ, какимъ произносятъ это на сценѣ актрисы...— «Какъ вы себя чувствуете?» прошамкалъ генераль, обрадовавшись, что припадокъ кончится... «Ахъ это вы?.. простите меня... я такъ нервна... а вы меня испугали, внезапно явившись!.. я думала, что одна въ этомъ саду». Генераль совѣмъ оправился.— «Удивляюсь вамъ, сказалъ онъ, зачѣмъ садитесь вы здѣсь, когда ежеминутно кто-нибудь можетъ испугать васъ? развѣ малъ садъ? выберете другое мѣсто!..» «Ахъ нѣтъ, это мое любимое мѣсто! здѣсь такъ хорошо!» Но старикъ даже разсердился, всталъ и пошелъ дальше, проклиная нервныхъ барынь. На другой день, рано въ семь часовъ, Агафья Ѳедоровна опять была на своемъ мѣстѣ. Опять генераль испугалъ ее и опять послѣдовалъ глубокой обморокъ, изъ котораго вывести еле удалось, послѣ самыхъ энергическихъ ухаживаній... Когда старикъ хотѣлъ было уйти, больная этого ни за что не могла допустить... «Вы уйдете и бросите меня на произволъ судьбы... Я такъ слаба, такъ слаба... Дайте мнѣ вашу руку и проводите до перваго извозчика!» Дѣлать было нечего и генераль согнулъ руку калачикомъ. Моментъ наступаетъ самый удобный и Агафья Ѳедоровна, медленно шагая по аллеямъ, передала всю біографію своего мужа, выставивши его въ самомъ блестящемъ свѣтѣ. Почтенный кавалеръ сначала сердился, но потомъ размякъ и заинтересовался барыней... Онъ общалъ обратитъ вниманіе на бѣднаго чиновника и даже сталъ улыбаться, слушая комплименты, отъ которыхъ давно уже отвыкли его уши. Но вотъ и ворота. Въ тѣни карагача своить коляска генерала. Онъ зоветъ кучера и подсаживаетъ нервную, ликующую Агафью Ѳедоровну. «Ахъ, ваше превосходительство, я такъ вамъ благодарна... вы такъ благородно поступили со мной... вы такой рыцарь!.. Скажу мужу, чтобъ онъ непременно явился поблагодарить васъ!.. Но... простите,

ваше превосходительство, мою дерзость... мнѣ такъ бы было желательно, чтобы когда-нибудь и вы завернули въ нашу убогую хижину... Будьте увѣрены, въ насъ встрѣтите самыхъ искреннихъ друзей!.. Живемъ мы тихо, скромно... у насъ во всемъ такая проституція!..

Взрывъ хотота прервалъ рассказъ...

— Проституція!.. ха-ха-ха!.. вотъ такъ словечно!—ораль правовѣдъ.

Докторъ чуть не подавился, а господинъ съ неопредѣленной профессіей вскочилъ съ мѣста и завизжалъ, какъ поросенокъ.

Полковникъ тоже вздрагивалъ плечами, какъ будто на нихъ колебались жирные эполеты.

— Нѣтъ, каково?.. проституція!.. ха-ха-ха!... вѣдь это она брякнула, вмѣсто слова «простота»!..—пояснялъ правовѣдъ, хотя я тотчасъ же сообразилъ въ чемъ заключается самая соль...

— Да,—окончилъ полковникъ,—такъ и теперь Агафья Федоровна слыветъ еще подъ этимъ именемъ.

Веселое настроеніе духа, вызванное у насъ рассказами полковника, продолжалось до самаго конца вечера. Докторъ передалъ нѣсколько анекдотовъ изъ своей практики, и даже правовѣду удалось, съ своей стороны, посвятить насъ въ одно таинственное происшествіе, случившееся съ нимъ въ Ташкенкѣ, при чемъ само происшествіе передано было почему-то на французскомъ языкѣ.

Между тѣмъ, надо было позаботиться и о возвращеніи въ городъ. Гости стали собираться, дамы втихомолку зѣвали. Прохлада ранняго утра ощущалась довольно чувствительно. Большая Медвѣдица повернулась головою внизъ.

— Для васъ я велѣлъ заложить лошадь, а то извозчиковъ здѣсь не достанешь,—сказалъ мнѣ докторъ.

Я пробовалъ было протестовать, правовѣдъ охотно бралъ меня съ собой и обѣщалъ доставить на квартиру, но любезный хозяинъ былъ неумолимъ.

Когда лошадь подъѣзжала къ калиткѣ виноградника, мы всѣ вышли большой гурьбой. Изъ темноты слышалось фырканье нетерпѣливыхъ коней, голоса кучеровъ... Я простился и сѣлъ въ долгушку.

— Смотри же, Юнуска,—приказывалъ докторъ,—поосторожнѣе на Чирчилѣ!

— Якши!—пробурчалъ кучеръ, повидимому только-что разбуженный отъ сладкаго сна.

— Завтра я къ вамъ заѣду!—кричалъ мнѣ изъ своего фэтона правовѣдъ.—Надо еще кое съ кѣмъ познакомить васъ. Не такъ ли я говорю?

— Хорошо, хорошо.

Долгушка застучала, зазвенѣла. Поднялась цѣлая туча пыли...

Мы покатали по узкой дорожкѣ, заросшей по бокамъ густой травой. Справа и слѣва шли низкіе глиняные заборы, изъ-за которыхъ подымались виноградныя лозы, подпертыя столбиками. Пирамидальныя тополи, какъ стража, окружали плантацію со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Наконецъ, выѣхали изъ темноты на торную дорогу. Стало свѣтлѣе, вѣтеръ дулъ съ рѣки и заставлялъ ежиться въ теплое пальто.

Вотъ и спускъ къ Чирчилу. Слышенъ плескъ и журчаніе струй; неглубокое, но широкое русло бѣлѣетъ въ туманѣ и пересѣкается длинными черными грядами галекъ и камешковъ. Осторожно ступаетъ лошадь. Брызги съ шумомъ летятъ во всѣ стороны, долгушка покачивается и стучитъ колесами по каменистому дну. Бродъ довольно извилистый; приходится то и дѣло поворачивать то вправо, то влѣво. Посрединѣ теченіе довольно сильно. Вода съ звонкимъ рокотомъ несется къ вамъ на встрѣчу и, чудится, будто она увлекаетъ васъ все дальше и дальше, что долгушка, вмѣстѣ съ лошадью, вами и Юнуской, стремительно мчится куда-то... Но вотъ еще нѣсколько шаговъ, брызги въ послѣдній разъ разлетаются мелкимъ дождемъ и лошадь выходитъ на противоположный берегъ. Послѣ шума и тревоженій (какъ онѣ ни незначительны) чувствуешь себя необыкновенно спокойнымъ, когда колеса легко покатались по темнѣющей дорогѣ. Конь отфыркивается и рѣзко бѣжитъ противъ холоднаго вѣтерка, который слегка рѣжетъ вамъ глаза и вызываетъ слезы...

Сзади слышны крики, понуканія, шумъ воды... То остальные товарищи переѣзжаютъ Чирчилъ.

Потянуло дымкомъ, вѣзжаемъ въ Ташкентъ... Слава Богу—близокъ ночлегъ!

XI.

Быть въ большомъ средне-азиатскомъ городѣ и не видѣть базимъ, т. е. пляски бачей гораздо непростительнѣе, чѣмъ быть въ Римѣ и не видать папу. Поэтому будетъ понятнo желаніе мое попасть на вечеръ къ какому-нибудь туземцу, поклоннику мальчиковъ.

Долго, однако, мнѣ это не удавалось,—все являлось какое-нибудь препятствіе. Наконецъ, благодаря любезности г. П., я получилъ-таки лестное приглашеніе отъ одного акъ-сакала (сѣдобородаго, всѣми уважаемаго сарта) и, вечеромъ, часовъ въ 9, въ компаніи знакомыхъ, отправился на сартовскую половину азиатскаго Парижа.

Уже темнѣло, когда мы вѣхали въ узкія и кривыя улицы стараго города. Направо и налево тянулись глиняные заборы; изъ-за нихъ еле виднѣлись плоскія крыши низенькихъ домовъ. Иногда въ полурастворенную калитку можно было видѣть небольшой

дворикъ, маленькій бассейнъ съ темной водой, обсаженный тутювыми деревцами и узкій проходъ въ садъ. Цѣлый лѣсъ стройныхъ тополей и развѣсистые карагачи высоко вздымались со всѣхъ сторонъ, а сочныя вѣтки айлянтусовъ свѣшивались черезъ заборъ на улицу.

Вѣхали подъ высокій навѣсъ крытаго базара. Здѣсь царилъ уже довольно густой мракъ. Только кое-гдѣ копошились въ своихъ лавочкахъ купцы, озаренные свѣчами въ низкихъ желѣзныхъ подсвѣчникахъ, съ широчайшими круглыми основаніями. Или масляная лампочка, въ видѣ башмачка, освѣщала выразительныя лица и живописныя группы сартовъ. Угарный запахъ кунжутнаго масла стоялъ въ воздухѣ, указывая, что наступило время обѣда для туземцевъ и что готовятся ихъ незатѣйливыя кушанья. Попадались тутъ же небольшія помѣщенія, гдѣ продавали клеверъ и ячмень для лошадей, входъ оказывался безъ дверей, но занавѣшанный цыновкой; красноватый свѣтъ жаровни сквозилъ черезъ дырью этого занавѣса и гигантскія тѣни причудливо двигались по стѣнамъ, сливаясь на верху съ густымъ тяжелымъ мракомъ.

Изъ всѣхъ этихъ лавочекъ выскакивали любопытные, удивленные нашимъ позднимъ визитомъ.

Наконецъ, повернули направо и вдали замѣтили большой красный многогранный фонарь, оклеенный промасленной бумагой¹⁾. Онъ висѣлъ высоко надъ входной калиткой и освѣщалъ небольшое пространство. Здѣсь стояло уже нѣсколько осѣдланыхъ лошадей и толпились джигиты. Шарообразная крона столѣтняго карагача наклонилась надъ входомъ и еле отдѣлялась отъ темнѣвшаго неба.

Толпа привѣтливо разступилась передъ нами и на порогъ явился хозяинъ.

Мы вошли на неособенно большой дворикъ. Съ трехъ сторонъ его шла галлерейка съ тонкими колоннами, на четвертой находилась та калитка, черезъ которую можно было выйти на улицу. Въ одномъ мѣстѣ подъ навѣсомъ глиняный полъ поднимался на аршинъ надъ поверхностью двора и выступалъ правильнымъ четырехъ-угольникомъ. Вотъ этотъ-то четырехъ-угольникъ и былъ предназначенъ для насъ, почетныхъ посѣтителей. На немъ разостланъ большой коверъ, стоятъ два желѣзныхъ подсвѣчника съ необыкновенно большими круглыми основаніями; въ подсвѣчники вставлены сальныя свѣчи. Посрединѣ ковра помѣщается низенькая, но довольно широкая, скамейка, покрытая кумачемъ и уставленная дестарханомъ²⁾, т. е. всякими угощеніями: тутъ и фи-

¹⁾ Стекло въ азіатскіе фонари не имѣютъ.

²⁾ По словамъ Вамбери («Исторія Бухары или Трансоксаніи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго», 1873. Т. I, стр. 225), еще во времена Тимура, при его дворѣ, лакомое блюдо (задняя часть лошади) разрѣзалась на куски, обливалась соусомъ и подавалась въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ, другія же

сташковыя конфекты на бараньемъ салѣ, виноградъ, дыня, фи-сташки, какіе-то пряники желтоватаго цвѣта (тоже вареные на бараньемъ салѣ), красныя яйца и проч.

По просьбѣ хозяина мы размѣстились вокругъ скамеечки и могли угощаться сколько душѣ угодно, сидя—или на корточкахъ, или прямо на коврѣ, вытянувъ ноги (какихъ-нибудь стульевъ не оказалось). Чтобы было болѣе удобно, для лицъ не привыкшихъ долго сидѣть со скорченными ногами, лежало нѣсколько подушекъ длинныхъ, узкихъ, наподобіе валиковъ; покрыты подушки розовымъ или лиловымъ канаусомъ. Подложивъ подъ локоть такой мягкій валикъ, являлась возможность полулежать въ довольно удобной позѣ.

Размѣстивъ насъ, хозяинъ побѣждалъ распоряжаться. Какъ разъ противъ нашего возвышенія посреди дворика, былъ растянуть большой туркменскій коверъ. На одной изъ сторонъ среди продолговатыхъ подушекъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ восьми, а можетъ быть и больше. Лицо его было довольно миловидно, изъ-подъ красной тебетейки на плечи падали черныя, длинные волосы, зачесанные за уши. Полосатый голубой халатъ стягивался поясомъ, изукрашеннымъ узорами въ азіатскомъ вкусѣ. На груди виднѣлась бѣлая рубашка съ синей каймой, вмѣсто воротника. На ногахъ надѣты широкіе шаровары розоваго цвѣта, застегнуыя у ступни, и, наконецъ, голыя ступни всунуты были въ туфли, ничего особеннаго не представляющія.

Мальчикъ (бача) сидѣлъ очень важно и съ достоинствомъ поглядывалъ на насъ. Передъ нимъ стоялъ кунганъ (мѣдный высокій кувшинъ съ крышкой и носикомъ) и синяя китайская чашка, похожая на «полоскательную». Отъ времени до времени изъ кунгана наливался хозяиномъ зеленый чай (кокъ-чай) въ чашку и съ подобострастнымъ видомъ подносился къ мальчику. Онъ, не глядя на подносившаго, нехотя бралъ въ руки чашку и прихлебывалъ.

Подъ навѣсомъ, кругомъ всего дворика, размѣщались гости—званые и незваные. Набралось чуть не нѣсколько сотенъ. Стало тѣсно и передніе выступали все болѣе и болѣе впередъ, такъ что первый рядъ сѣлъ чуть не на самый коверъ, на которомъ возлежалъ бача.

Какихъ только лицъ не было здѣсь! и старыя, и молодыя, и красивыя, и безобразныя. Старики особеннымъ страстнымъ взоромъ

жаркія, раздѣленные на куски искусными рѣзальщиками, клали на кожанныя скатерти и обносили кругомъ только послѣ того, какъ императоръ съѣдалъ первый ломоть. Эти коженныя скатерти теперь замѣнены пестрыми русскими ситцевыми, а у богатыхъ—шелковыми, съ длинной бахромой, и носятъ названіе «дестурханъ», отъ «дестуръ»—церемонія и «ханъ» (правильнѣе хоанъ—столь).

поглядывали на предметъ своего поклоненія... Молодые какъ будто сдерживали свои порывы и только сверкали глазами. За то всё безъ исключенія улыбались, но эта улыбка, съ сухими губами и оскаленными зубами, имѣла отвратительный характеръ, въ ней было что-то животное, плотское...

Говоръ, сдержанный смѣхъ, неопредѣленный гулъ, какой слышится во всёхъ многочленныхъ собраніяхъ, раздался отовсюду. Чувствовалось, что здѣсь, сейчасъ что-то произойдетъ и что этого жаждутъ сотни нетерпѣливыхъ сердець. А между тѣмъ, тотъ, кто составлялъ цѣль всёхъ помысловъ, лежалъ на подушкахъ въ самой невозмутимой позѣ и, казалось, не обращалъ ни на кого ни малѣйшаго вниманія—онъ видимо кокетничалъ.

Нѣсколько прислужниковъ, въ халатахъ, надѣтыхъ на голое тѣло и подпоясанныхъ какими-то грязными полотенцами, внесли и развѣсили подъ навѣсомъ разноцвѣтные фонари. Стало немного свѣтлѣе. Красныя и зеленыя пятна сксльзнули по согнутымъ спинамъ, потнымъ лицамъ и бѣлымъ чалмамъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ вошли музыканты и усѣлись около насъ съ правой стороны. Ихъ было три человѣка: старикъ, съ очень выразительнымъ лицомъ, несъ нѣчто въ родѣ скрипки, два молодые—несли по большому темному глиняному горшку, отверстіе которыхъ было затянута кожей. Передъ ними поставили жаровню.

Хозяинъ вынырнулъ изъ какого-то угла и торжественно поставилъ на коврѣ, гдѣ помѣщался бача, два высокихъ подсвѣчника тоже съ сальными свѣчами.

Исполнивъ это, онъ умильно взглянулъ на мальчика, сдѣлалъ ему жестъ рукою, указывая на свое сердце и скрылся для дальнѣйшихъ распоряженій.

А между тѣмъ, народъ прибывалъ все больше и больше. Въ калитку еле можно было пробраться. Одинъ сидѣлъ на плечахъ у другого.

Вотъ послышался глухой ударъ... Барабанщики начали подогрѣвать кожу своихъ глиняныхъ барабановъ надъ жаровней. Они ударили пальцами по инструментамъ и по звуку судили о томъ, надо ли еще нагрѣть или эта операція должна считаться оконченной.

Скрипачъ установилъ конецъ своей скрипицы на колѣнѣ; грифъ высоко поднимался около уха. Согнувшись низко, музыкантъ перебиралъ пальцами по струнамъ и короткимъ смычкомъ издавалъ ужасные звуки. Чѣмъ выше была нота, тѣмъ ниже наклонялась голова старика, покачиваясь въ тактъ своеобразной мелодіи. И видно было, что скрипачъ игралъ съ душой, что онъ импровизировалъ вдохновенно, что въ звуки облекаются его чувства...

Къ сожалѣнію, для европейца такая музыка слишкомъ рѣзка, мало понятна.

Тѣмъ временемъ барабанщики окончили свои приготовленія и успокоились, ожидая начала представленія.

Хозяинъ, весь потный и запыхавшійся, какъ изъ земли выросъ около музыкантовъ; онъ тащилъ за руку еще одного, въ рукахъ котораго находился большой бубень.

Пришлецъ усѣлся тутъ же и, черезъ минуту, ударилъ въ свой инструментъ; барабанщики забили пальцами дробь, скрипачъ издалъ рѣзкій, до невозможности, звукъ. Увертюра началась.

Между тѣмъ, среди гостей, разносили китайскія чашки. Полуголый сартъ съ большимъ кунганомъ наполнялъ ихъ чаемъ, и съ трудомъ пробирался между спинами сидящихъ аксакаловъ.

Появился опять хозяинъ, на этотъ разъ неся еще два подсвѣчника со свѣчами.—одинъ мѣдный о трехъ свѣчахъ, а другой—высокій, деревянный о пяти; послѣдній былъ поставленъ передъ мальчикомъ. Съ сладкой улыбкой обратился онъ къ идолу своего сердца и что-то прошамкалъ; тотъ даже и бровью не повелъ.

Музыка гремѣла все больше и больше, и сами музыканты начинали увлекаться. Наконецъ, одинъ изъ барабанщиковъ пронзительно закричалъ, его подхватили всѣ присутствующіе...

— «Милый свѣтикъ, пропадаемъ!»—орала толпа, глядя на бачу.— «Лепестокъ розы!.. пропадаемъ!» ¹⁾

Но лепестокъ не двигался.

— «Мы рабы твоихъ глазъ!»

То же самое.

— «Пусть всѣ твои болѣзни придутъ къ намъ!.. Соловей на деревѣ, роза въ саду, пропадаемъ!»

Крики становились все неистовѣе... Шеи вытягивались, изъ груди вылеталъ какой-то визгъ...

Хозяинъ опять что-то сказалъ бачѣ и приложилъ руку къ своему сердцу.

Нехотя всталъ мальчикъ. Всѣ оживились, и еще громче закричали: «пропадаемъ!»

Первый рядъ, сидящій на коврѣ, нѣсколько подвинулся назадъ (на сколько было возможно); подсвѣчники поставили по угламъ пустого пространства такъ, чтобы всѣ движенія мальчика были всѣми видимы.

Бача сталъ по срединѣ, скучающимъ взоромъ оглянулъ все общество и снова повернулся къ намъ лицомъ. Онъ повелъ плечами и медленно протянулъ ногу,—десятки рукъ схватили туфлю и сняли, подаль другую ногу—и съ нея моментально была снята

¹⁾ Хорошхинъ (в. с. стр. 135). Присутствующіе со мной товарищи, говорили мнѣ, что эти восклицанія совершенно вѣрно переведены Хорошхинымъ, а я позволяю себѣ привести ихъ здѣсь.

обувь. Мальчикъ остался босикомъ и помѣстился какъ разъ въ центрѣ круга.

Раздался оглушительный вопль (иначе я не могу назвать этотъ крикъ) и всѣ присутствующіе ударили въ ладоши. Музыка играла нѣчто въ родѣ марша.

Бача распустилъ рукава своего халата такъ, что они чуть не касались земли и, какъ будто обмахиваясь ими, началъ дѣлать кругъ, ступая въ тактъ музыки.

— «Ахъ, свѣтикъ, пропадаемъ!»

Мальчикъ прошелся нѣсколько разъ по кругу, остановился опять посрединѣ и откинулся всѣмъ туловищемъ назадъ.

Это очень понравилось публикѣ, которая просто заревѣла отъ восторга.

Вдругъ бача ударилъ самъ въ ладоши и рѣзкимъ голосомъ проговорилъ какой-то речитативъ. Присутствующіе отвѣчали хоромъ, музыканты застучали еще сильнѣе. Потомъ мальчикъ опять сдѣлалъ кругъ и опять сказалъ что-то...

Такъ повторялось нѣсколько разъ.

Но, вотъ музыка перешла въ быстрый темпъ, руки сартовъ захлопали чаще и бача ускорилъ танецъ; онъ какъ будто сталъ воодушевляться, сонливость и дѣланная холодность соскочили. Пробѣгая мимо кого-нибудь изъ сидящихъ въ первомъ ряду, мальчикъ кокетливо улыбался, другому дѣлалъ лукавые глазки, на третьяго помахивалъ спущеннымъ рукавомъ... Все это разжигало публику. Вдругъ танцоръ на мгновеніе остановился посреди круга, повернулся раза два на одномъ мѣстѣ и быстро опрокинулся назадъ, касаясь длинными волосами почти до самой земли; прошло мгновеніе и бача снова выпрямился, тяжело дыша и улыбаясь.

Со всѣхъ сторонъ протянулись чашки съ чаемъ, каждый старался быть осчастливленнымъ... Мальчикъ, быстро оглянувъ всѣхъ претендентовъ, выбралъ чашку стараго богатаго сарта и медленно поднесъ ее къ губамъ.

— Куллу, къ таксырь! ¹⁾—осклабясь проговорилъ счастливецъ и сѣлъ на свое мѣсто, возбуждая общую ревность.

Чашка выпита и опять десятки рукъ протягиваются, чтобы хоть принять ее и этимъ удовлетвориться.

Между тѣмъ, музыка, крики, удары въ ладоши продолжаютъ.

Бача начинаетъ свой оригинальный танецъ. Онъ быстро перебираетъ ногами, отмахивается, какъ отъ мухъ, длинными рукавами и изгибается всѣмъ тѣломъ, принимая весьма нескромныя позы. Последнее вызываетъ единодушное одобреніе.

Затѣмъ, танцоръ, стоя посрединѣ, быстро поворачивается разъ, другой, третій, все быстрѣе и быстрѣе... пока передъ нами не

²⁾ Т. е. благодарю, повелитель!

явился какой-то туманный столбъ, ноги, руки, полы развѣвающихся халата—все слилось вмѣстѣ.

Неистовство публики дошло до крайнихъ предѣловъ.

Бача остановился, нѣсколько разъ качнулся изъ стороны въ сторону и, обливаясь потомъ, кинулся на подушки... Хозяинъ бросился къ нему съ чашкой, благодарилъ, говорилъ (повидимому) кучу комплиментовъ; его примѣру послѣдовали наиболѣе богатые и вліятельные гости, окружившіе мальчика.

Наступилъ антрактъ. Намъ подали шурпу (бараній супъ) въ чашкахъ, но отъ нея всѣ отказались. Тогда принесли кишмишъ, урюки, персики... Громкій говоръ поднялся во всѣхъ углахъ дворика.

— Ну что? какъ нравится вамъ комедія?—спросилъ докторъ.

— Да ничего особенно хорошаго,—отвѣчалъ я.—Изящества недостаетъ.

— Вотъ подитежъ! а вѣдь между нашими русскими на мало поклонниковъ подобной мерзости.

Глотая виноградъ, мы слѣдили затѣмъ, что дѣлалось на коврѣ. А тамъ шло такое ухаживаніе, какое, пожалуй, встрѣтишь только гдѣ-нибудь въ уборной балетной корифейки. Желаніе угодить, сказать комплиментъ, даже хотъ прикоснуться къ разгоряченному тѣлу мальчика—написано было на каждомъ лицѣ азіатовъ. И предметъ овацій очень серьезно принималъ все это, какъ будто такъ и слѣдуетъ, и что иначе никакъ нельзя.

Музыка опять заиграла. Два человекъ растянули какой-то кусокъ ситца и загородили отъ насъ мальчика,—тамъ, за этой импровизированной занавѣсью, шло переодѣванье. Черезъ двѣ минуты бача явился въ женскомъ платьѣ и въ парикѣ; косы на концахъ украшены были монетами, нарядъ оказался пестрымъ: до нельзя красный, желтый, зеленый цвѣта комбинировались съ азіатской безцеремонностью.

Появленіе такой красавицы встрѣчено было съ восторгомъ; всѣ кричали, хлопали, заявляли, что всѣ они «пропадаютъ!»

Однако, танецъ повторился, за самыми незначительными отступленіями, тотъ же самый. Бача дѣлалъ круги, то быстро, то тихо; то опрокидывался назадъ, то вертѣлся волчкомъ. Иногда онъ пѣлъ, надрывая свой голосъ до крика, то произносилъ короткій речитативъ. Каждый разъ толпа отвѣчала хоромъ...

Не смотря на костюмъ, который могъ бы дать новую пищу изобрѣтательности танцора, оказалось, однако, что этой изобрѣтательности не имѣется.

А толпа приходила въ восторгъ, ревѣла, кричала...

Во время передышки, когда мальчикъ стоялъ посреди круга съ чашкой, онъ протягивалъ руку съ напиткомъ къ кому-нибудь изъ сартовъ. Осчастливленный выборомъ и предпочтеніемъ, сартъ

вставалъ и, улыбаясь, дѣлалъ шагъ впередъ; но, въ это мгновение, бача быстро поворачивался къ нему спиною и отдавалъ чашку другому.

Надо было видѣть восторгъ присутствующихъ. Хохоть и визгъ стоялъ въ воздухѣ, пока сконфуженный и обманутый гость усаживался на прежнее мѣсто, съ дѣланной улыбкой на губахъ.

Кромѣ подобныхъ неожиданностей, весь вечеръ продолжались танцы по извѣстному шаблону; однообразіе ихъ произвело на меня нехорошее впечатлѣніе и навело даже скуку.

У богатыхъ сартовъ иногда устраивается тамаша, на которой танцуютъ нѣсколько бачей. Каждый изъ содержателей участниковъ старается другъ передъ другомъ блеснуть костюмомъ и красотой своего мальчика, а мальчики, въ свою очередь, стараются затмить своихъ соперниковъ искусствомъ пляски, граціей движеній, неожиданностью позъ. Тогда быть можетъ это и дѣлается болѣе занимательнымъ, но мнѣ не приходилось видѣть такихъ празднествъ въ Ташкентѣ ¹⁾).

Поэтому будетъ неудивительно, что я предложилъ своимъ спутникамъ уѣхать домой, на что и получилъ полное согласіе.

— Да, лучше теперь принять пищу,—сказалъ докторъ.—Организмъ требуетъ подкрѣпленія потраченныхъ силъ.

— Поѣдемте въ кафе,—подхватилъ правовѣдъ.—Madame Sophie угоститъ насъ превосходнымъ ужиномъ. Не такъ ли я говорю?

Никто противъ этого не возражалъ.

Насилу отыскали любезнаго хозяина. Мы поблагодарили за удовольствія, которыя онъ намъ доставилъ своимъ бачей и дастарханомъ, пожелали ему съ гостями веселиться и направились къ калиткѣ. Сарты съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, недоумѣвая: какъ можно уѣзжать, не дождавшись окончанія такихъ чудныхъ танцевъ?

Среди толпы джигитовъ съ трудомъ нашли мы свои экипажи. Хозяинъ былъ на столько предусмотрителенъ, что далъ своего сына въ провозатые; молодой мальчикъ-сартъ ѣхалъ впереди верхомъ и свѣтилъ большимъ желтымъ фонаремъ. Тѣнь отъ всадника и его лошади достигала гигантскихъ размѣровъ и скользила по заборамъ, деревьямъ и зданіямъ, мимо которыхъ мы ѣхали.

Не разъ говорили мы большое русское спасибо за провозатаго, такъ какъ то и дѣло встрѣчали на пути то еле-живой мостикъ, то арыкъ, то какой-нибудь большой камень; и не будь у насъ фонаря, обратный путь не обошелся бы безъ приключеній.

Наконецъ выбрались въ новый городъ. На звѣздномъ небѣ обрисовался профиль крѣпости, по гребню стѣны медленно расха-

¹⁾ Такую тамашу я увидѣлъ впоследствии въ Коканѣ и Карши, о чемъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ.

живаль часовой. Непредвидѣнныя опасности кончились и мы, давъ силу 1) провозатому, отправили его домой.

Быстро покатишь нашъ экипажъ между освѣщенными окнами домовъ, стали попадаться извозчики, кавалькады. У новенькой будки, гдѣ продавалась сельтерская вода и лимонадъ, стояла толпа мужчинъ.

— Вотъ что значить продавщица хорошенькая появилась!—замѣтилъ докторъ.—А то—совѣмъ никто къ будкѣ и не подходилъ.

Между тополями сверкнулъ яркій фонарь, поставленный у освѣщеннаго подъѣзда. Здѣсь виднѣлся цѣлый рядъ дремавшихъ извозчиковъ.

Мы подъѣхли къ кафе и отдали себя въ полное распоряженіе правовѣда. Черезъ полчаса вся наша компанія сидѣла въ отдѣльномъ кабинетѣ, официанты суетились, посуда гремѣла. Очаровательная хозяйка тараторила пофранцузски, вспоминая свой Парижъ, а ея супругъ побѣжалъ самъ на кухню соорудить какое-то необыкновенное кушанье.

— А что теперь дѣлается тамъ, откуда мы только-что пріѣхали?—задалъ вопросъ докторъ.—Вѣдь должно быть, подлецы, все кричатъ «пропадаемъ!» и никто изъ нихъ не вспомнитъ о своихъ женахъ, которыя дѣйствительно пропадаютъ отъ скуки и одиночества.

Тутъ явился французъ и вечеръ кончился поевропейски.

ХІІ.

Въ бытность мою въ Ташкентѣ, я довольно часто проводилъ время на дачѣ генерала Т. Вечеромъ, когда солнце скрывалось за горизонтомъ и «дневная жара исчезала какъ сновидѣніе» 2), мы по нѣсколько часовъ просиживали въ тѣнистомъ, прекрасномъ саду. Множество арыковъ журчали въ разныхъ направленіяхъ, искусственные каскады шумѣли, замаскированные густыми кустами, а прелестные цвѣтники изливали цѣлое море аромата. Въ кругу радушныхъ хозяевъ, за спорами, разказами и анекдотами изъ мѣстной жизни, незамѣтно бѣжало время, и часто случалось, что часовая стрѣлка, показывающая полночь, одна могла заставить насъ прекратить бесѣду. Невидимая луна, скрытая деревьями, обливала чуднымъ голубымъ свѣтомъ всѣ зданія, дорожки, клумбы... Свѣтъ былъ на столько ярокъ, что позволялъ читать книгу, безъ особаго напряженія...

Генераль и я не могли вдоволь налюбоваться этимъ луннымъ свѣтомъ и вспоминали наши украинскія ночи.

1) Т. е., на водку, на чай.

2) По восточному выраженію.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній, когда я уже уходилъ отъ гостепріимнаго Т., онъ обратился ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ:

— Не желаете ли сдѣлать завтра со мною интересный визитъ?.. Вѣдь у насъ живетъ въ настоящее время Абдурахманъ-ханъ, убѣжавшій изъ своихъ владѣній. Съ нимъ небольшое количество джигитовъ и двѣ жены. Поѣдьте.

Конечно, я съ большою радостью согласился, и было рѣшено, что завтра въ 8 часовъ утра за мною пришлютъ джигита и верховую лошадь.

Такъ мы и сдѣлали. Не успѣлъ я окончить свой утренній чай и рассмотреть нѣсколько зеленоватыхъ скорпіоновъ, которыми снабжалъ меня ежедневно Малайка, какъ пріѣхалъ посланный отъ генерала Т.

Черезъ пять минутъ мы уже скакали по направленію къ губернаторской дачѣ. Здѣсь уже собралось довольно много офицеровъ, намѣревавшихся тоже побывать у Абдурахмана.

Большой кавалькадой направились мы по узкимъ проулкамъ стараго Ташкента и послѣ нѣсколькихъ заворотовъ вправо и влѣво, остановились передъ невысокими воротами, ведущими въ садъ.

Абдурахманъ былъ уже предупрежденъ о нашемъ визитѣ и встрѣтилъ насъ на небольшой полянкѣ, окруженной деревьями. Здѣсь возвышались четыре тонкихъ столбика, украшенныхъ рѣзбой и красками; передніе два—были выше заднихъ; на нихъ растянута большой навѣсъ изъ полотна, расшитый краснымъ, синимъ и бѣлымъ; верхъ навѣса окрашенъ въ зеленый цвѣтъ, какъ у всякой бухарской палатки.

Такимъ образомъ, мы вошли въ защищенное отъ солнечныхъ лучей мѣсто, открытое со всѣхъ четырехъ сторонъ, а слѣдовательно, продуваемое утреннимъ вѣтромъ. На землѣ былъ разосланъ превосходный туркменскій коверъ, а на немъ разставлены—небольшой круглый столикъ и нѣсколько стульевъ.

Абдурахманъ, одѣтый въ бѣлый китель, высокія батфорты и синіе панталоны, стоялъ посреди ковра и дружески протянулъ всѣмъ руки. На головѣ у него возвышалась большая, черная, остроконечная шапка изъ мерлушекъ. Длинные черные волосы, почти безъ просѣди, красиво спускались почти до плечъ; окладистая черная борода, черныя густыя брови, правильный носъ и глубокіе, бархатные глаза,—вотъ какимъ представился намъ тотъ, который теперь занимаетъ всеобщее вниманіе.

Абдурахманъ попросилъ насъ сѣсть и самъ помѣстился около круглаго столика. Прислужники, одѣтые въ синіе халаты и тоже остроконечныя шапки, засуетились разнося кокъ-чай въ синихъ китайскихъ чашкахъ. Переводчикъ сталъ тутъ же, чтобы приняться за свое дѣло, когда понадобится.

Абдурахманъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ оглядѣлъ мою «стат-

скую» фигуру и вопросительно взглянулъ на генерала. Тотъ перешелъ, что я одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые теперь ѣздятъ по Средней Азіи и изучаютъ всякихъ животныхъ и растенія, и что, кромѣ того, съ вопросомъ объ изученіи мѣстности связанъ другой— о возможности или невозможности провести желѣзную дорогу изъ Оренбурга до Ташкента.

— Якши, якши!—отвѣчалъ Абдурахманъ самымъ спокойнымъ образомъ.—Я былъ всегда убѣжденъ въ томъ, что все что не предпринимаетъ бѣлый царь будетъ хорошо для его подданныхъ.

Фраза, какъ видите, достойная хоть какого дипломата.

Послѣ минутнаго молчанія, генералъ попросилъ позволенія покурить.

Такая просьба однако сильно стѣснила Абдурахмана, такъ какъ у него не было ни папиросъ, ни табаку. Конечно, сейчасъ же было объяснено, что курить мы будемъ свое.

Генералъ предложилъ повелителю Авгана свои длинныя папиросы. Абдурахманъ взялъ одну, попробовалъ закурить, потомъ повертѣлъ ее между пальцами. Кто-то зажегъ спичку и поднесъ ему; онъ опять неумѣло сунулъ папиросу въ огонь, хотѣлъ втянуть въ себя дымъ; но сморщился и положилъ непривычную вещь на столикъ.

— Что не нравится?—спросилъ генералъ.

— О!.. бикъ якши!.. только.. лучше позвольте вотъ этого..

И онъ взялъ со стола изящный и плоскій нефритовый флаконъ, вынулъ пробочку, которая вытягивалась на подобіе лопаточки, зачерпнулъ ею содержимое флакона и ловко положилъ себѣ за губу. Оказалось—нюхательный табакъ, сосать который Абдурахманъ великій охотникъ.

Онъ видимо наслаждался и сплевывалъ въ сторону.

Разговоръ продолжался черезъ переводчика. Говорили о погодѣ, о виноградѣ, о чаѣ, который мы истребили по нѣскольکو чашекъ.

Наконецъ, генералъ поднялся, протянулъ руку хозяину и благодарилъ за угощеніе.

— Я былъ эти дни боленъ, я хворалъ даже сегодня,—сказалъ на прощанье Абдурахманъ.—Но пріѣздъ генерала и его товарищей возстановилъ мои силы; если генералъ желаетъ, чтобы я былъ всегда здоровъ—онъ долженъ почаще навѣщать меня!

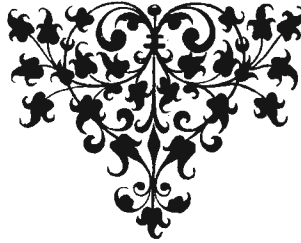
Отпустивъ такую любезную фразу, авганецъ прошелся съ нами немного по аллеѣ и простился еще разъ. Мы направились къ выходной калиткѣ, мимо сакли, гдѣ помѣщались двѣ жены хана.

Впереди бѣжали голубые халаты и выкрикивали нашихъ джигитовъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ моего прїѣзда въ Ташкентъ, стали прибывать и другіе члены Самарской экспедиціи. Начались сборы къ дальнѣйшему путешествію, обсужденіе маршрута и пр.

17 іюля, я вмѣстѣ съ начальникомъ экспедиціи покинулъ азіатскій Парижъ и направился въ Коканское ханство.

Н. Сорокинъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ М. Е. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА).

МЕРТЬ Салтыкова тяжело отозвалась въ тысячахъ сердець, цѣнившихъ и любившихъ въ покойномъ великомъ писателѣ и суроваго безпощаднаго сатирика русской общественной жизни за послѣднія десятилѣтія, и крупнаго оригинальнаго художника, создавшаго цѣлую галерею замѣчательныхъ типовъ. Столичная и провинціальная пресса отозвалась сочувственными некрологами, біографическими разсказами, анекдотическими чертами, рисующими личный характеръ, обзорами произведеній покойнаго сатирика; почитатели Салтыкова, желая охарактеризовать его значеніе для русской литературы и русской общественной жизни, припоминали знаменитыя имена античной и новѣйшей европейской сатиры—Аристофана и Ювенала, Рабле и Свифта, Сервантеса и Вольтера, нимало, однако, не объясняя характера щедринской сатиры, а, пожалуй, лишь указывая на размѣры тщетно-объясняемаго явленія; почитатели Салтыкова захлебывались въ приливѣ панегирическихъ чувствъ, восклицая: «геній! геній! геній!», не обращая вниманія на тяжкія обвиненія покойнаго писателя въ государственномъ преступленіи и не стараясь достойно отпарировать клеветническія выходы систематическихъ враговъ сатирика. Конечно, если какой-нибудь «коленкорovýchъ манишекъ безпощадный Ювеналъ», какой-нибудь бытописатель будуарныхъ скандаловъ начнетъ, захлебываясь отъ безсильной злобы, не доказывать, а лишь вѣщать, что Салтыковъ только и дѣлалъ, что загаживалъ и оплевывалъ Россію,—на такія благоглупости, выражаясь пощедрински, нечего обращать вниманія. Но нельзя оставлять безъ возраженій обвиненій въ «легальномъ терроризмѣ», обвиненій въ односторонности и однопредметности щедринской сатиры, въ ея развращающемъ и разрушаю-

щемъ вліяніи на общество, на подобіе подпольной литературы и динамитныхъ бомбъ.

Салтыковъ не отрицалъ ни государства, ни власти, ни семьи, ни религій. Если Салтыковъ указывалъ на недостатки существующаго общественнаго строя, то это еще не значитъ, что онъ разрушалъ его и потрясалъ всѣ государственныя основы. Напротивъ, покойный писатель ратовалъ за государственное благоустройство на основахъ справедливости. По собственному сознанію сатирика ¹⁾, неизмѣннымъ предметомъ его литературной дѣятельности всегда былъ «протестъ противъ произвола, двоедушія, лганья, хищничества, предательства, пустомыслія». Начавъ свою литературную дѣятельность въ Россіи, окутанной мракомъ крѣпостничества, Салтыковъ пережилъ переходное время ея медленнаго обновленія и въ самый разгаръ оптимистическихъ ожиданій 50-хъ и 60-хъ годовъ не увлекался уже будто бы наступившими перспективами прогресса, провидя тревожные симптомы извращеній, проникавшихъ въ новую жизнь. Несомнѣнно сочувствуя новымъ началамъ и перевороту, смѣшавшему прежнія отношенія и принесшему съ новыми учрежденіями и новые нравы, Салтыковъ зорко слѣдилъ за совершавшимися событіями и за нарождавшимися общественными и народными типами. Понимая, что крѣпостничество свило себѣ прочное гнѣздо въ нравахъ и въ мірососерцаіи общества и что оно не можетъ быть искоренено однѣми законодательными и административными мѣрами, Салтыковъ преслѣдовалъ его въ семьѣ, въ народѣ, не выходящемъ изъ-подъ гнета апатіи и безотчетнаго страха, въ промежуточномъ классѣ между народомъ и обществомъ, вырабатывающемъ новый видъ экономическаго рабства. Салтыковъ преслѣдуетъ его и въ обществѣ, вяломъ и лѣнливомъ, падкомъ на легкую наживу, и низкопробныя наслажденія, въ земствѣ, идущемъ по стопамъ старыхъ сословныхъ учрежденій, въ дворянствѣ, мечтающемъ о возвращеніи «добраго стараго времени», въ бюрократіи, прикрывающей новыми формами старое содержаніе. Словомъ, сатира Салтыкова, при своихъ широкихъ задачахъ и настойчивости въ ихъ исполненіи, принимаетъ характеръ политической, касается не только нравовъ, но и учрежденій.

Этотъ политическій характеръ щедринской сатиры и создалъ ей враговъ, обвиняющихъ Салтыкова въ государственномъ преступленіи, ибо до сихъ поръ еще живы противники великихъ реформъ прошлаго царствованія; до сихъ поръ повторяется, что наше, возрожденіе было преждевременно, что оно есть плодъ созданія петербургскихъ либеральныхъ чиновниковъ, а не естественный выводъ изъ всей предшествовавшей исторіи Россіи. Наши охрани-

¹⁾ «Письма къ тетенькѣ», стр. 295.

тели говорятъ, что реформы прошлаго царствованія якобы подкосили въ корень русское дворянство, расшатали всё устой государственной жизни (т. е. крѣпостное право) и дали мужику-звѣрю свободу и человѣческія права, между тѣмъ, какъ онъ нуждался еще въ уздѣ и палкѣ. До сихъ поръ, повторяемъ, живы эти охранители,—до сихъ поръ они шельмуютъ и земство, и новые суды, и крестьянское самоуправленіе, и болѣе или менѣе свободную прессу, и, наконецъ, тотъ принципъ всеословности, который былъ положенъ въ основу реформаторской дѣятельности Царя-Освободителя. Ненавистники эпохи русскаго возрожденія 60-хъ годовъ являются и ненавистниками Щедрина, который въ теченіе почти полувѣковой литературной дѣятельности неустанно и неизмѣнно служилъ освободительнымъ началамъ,—идеалу добра, просвѣщенія и справедливости, изображая жизнь, угнетаемую «игомъ безумія». Сатирой во имя этихъ идеаловъ объясняется систематическая вражда къ Щедрину поклонниковъ дореформеннаго строя, поклонниковъ крѣпкой власти и крѣпостничества, дворянскаго господства и сословной исключительности, поклонниковъ всяческаго обузданія и искорененія вреднаго свободомыслія въ духѣ великихъ освободительныхъ реформъ. Салтыковъ бичевалъ обскурантизмъ, надѣявшійся вернуть своей интригой утраченное,—и вотъ этотъ обскурантизмъ сотворилъ по немъ дикую тризну, обвинивъ великаго писателя и въ односторонности, и въ сочувствіи преступной крамолѣ, и въ исканіи дешевой популярности, наконецъ, въ цинизмѣ и своеобразномъ пессимизмѣ à la Собакевичъ.

I.

Въ своей краткой автобіографіи, написанной въ «Альбомѣ» историческаго журнала «Русская Старина», Салтыковъ такъ говорить о своей литературной дѣятельности:—«десяти лѣтъ поступилъ въ московскій дворянскій институтъ, а оттуда переведенъ въ Царскосельскій лицей. Тамъ я началъ писать стихи, за которые былъ часто наказываемъ; тамъ же началъ и печатать ихъ. Сколько помнится, первое мое напечатанное стихотвореніе «Лира» было помѣщено въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1841 или 1842 года; затѣмъ, я печаталъ стихи въ «Современникѣ» Плетнева. Послѣ выхода изъ лицея (въ 1844 г.) стиховъ больше не писалъ. Затѣмъ служилъ и писалъ, писалъ и служилъ до 1848 года, когда былъ сосланъ на службу въ Вятку за повѣсть «Запутанное дѣло». Прожилъ тамъ почти восемь лѣтъ и служилъ, но не писалъ. Въ 1856 году возобновилъ литературную дѣятельность «Губернскими очерками» и вплоть до 1868 года писалъ и служилъ, служилъ и писалъ. Въ 1868 году совсѣмъ оставилъ службу и окончательно отдался литературѣ. На-

писалъ 22 названія книгъ. Въ послѣднее время, одержимый тяжкимъ недугомъ, ожидаю смерти». Эта автобіографія помѣщена 21 сентября 1887 года. Не смотря на тяжкій недугъ, Салтыковъ успѣлъ передъ смертью, почти на краю гроба, создать одно изъ своихъ лучшихъ художественныхъ произведеній—«Пошехонскую старину», являющуюся громадною картиною крѣпостной эпохи. Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны литературная дѣятельность Салтыкова представляется изумительной для русскаго писателя по своей плодовитости: Щедринымъ написано больше семи тысячъ страницъ большого формата. Въ этомъ отношеніи со Щедринымъ можетъ сравниться только Достоевскій, оставившій столь же богатое литературное наслѣдіе. Такъ какъ большая часть изъ произведеній Щедрина принадлежитъ области сатиры, посвященной интересамъ минуты, злобы дня, то едва ли четвертая часть изъ всего написаннаго сатирикомъ сохранится для потомства: только истинно-художественныя произведенія переживаютъ минуту. Въ потомство, по нашему мнѣнію, перейдутъ нѣкоторые изъ «Губернскихъ очерковъ», единственный романъ «Господа Головлевы», нѣкоторыя изъ «Сказокъ», дѣйствительно поразительныхъ по силѣ художественнаго творчества и захватывающаго лиризма, нѣкоторыя изъ «Мелочей жизни» и, наконецъ, цѣликомъ «Пошехонская старина». Пожалуй, сохранятся и нѣкоторыя изъ его сатирическихъ страницъ, на которыхъ Щедринъ возвышается до сжатости и силы, до картинности и лиризма, на которыхъ онъ создаетъ типы въ родѣ «столпа», мужика-міроѣда и кулака Дерунова, Разуваева, кузины Машеньки, Ѳединьки Неугодова и нѣкоторыхъ другихъ. Сохранятся и нѣкоторые изъ коллективныхъ типовъ, въ родѣ «Господъ Ташкенцевъ» или «Помпадуровъ». Все же остальное, не возвышающееся въ большинствѣ случаевъ надъ уровнемъ фельетонной сатиры, потонетъ въ пучинѣ забвенія.

Покойный писатель отлично сознавалъ такой фельетонно-сатирический характеръ своей дѣятельности и заявлялъ, что, не имѣя въ большинствѣ случаевъ претензіи на созданіе художественныхъ произведеній, онъ въ правѣ требовать и отъ критики, чтобы она оцѣнку дѣлала только съ этой точки зрѣнія, а не съ иной. Самъ Щедринъ о характерѣ своей сатиры говоритъ слѣдующее:¹⁾ «писанія мои до такой степени проникнуты современностью, такъ плотно прилаживаются къ ней, что ежели и можно думать, что они будутъ имѣть какую-нибудь цѣнность въ будущемъ, то именно и единственно, какъ иллюстрація этой современности». Въ другомъ изъ своихъ произведеній, въ «Письмахъ къ тетенькѣ», Щедринъ сознается, что его дѣятельность почти исключительно посвящена злобамъ дня, что, поѣтому, съ точки зрѣнія высшаго искус-

¹⁾ «Круглый годъ», стр. 138.

ства, эта дѣятельность можетъ быть весьма ограниченной. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Щедринъ замѣчаетъ, что онъ не создаетъ и не формулируетъ ничего лично ему одному принадлежащаго, а даетъ только то, чѣмъ болить въ данную минуту каждое честное сердце. «Это самое я всегда мыслилъ», говоритъ читатель,—продолжаетъ Щедринъ,—и пускаетъ вычитанное въ общій обиходъ, какъ свое собственное. И онъ не совершаетъ при этомъ ни малѣйшаго плагиата, потому что дѣйствительно эти мысли—его собственныя, точно такъ же, какъ я не совершаю плагиата, формулируя мысли и чувства, волнующія въ данный моментъ меня наравнѣ съ читающей массой. Ибо эти мысли и чувства—тоже мои собственныя». Такимъ образомъ, Щедринъ является по преимуществу публицистомъ,—публицистомъ государственнымъ, какъ кто-то (кажется А. С. Суворинъ) о немъ мѣтко выразился, зорко слѣдящимъ за общественнымъ настроеніемъ и вслухъ выговаривающимъ тайныя думы и чувства толпы, а сатира его—по преимуществу безличной, публицистической. По этому многое уже теперь въ щедринской сатирѣ имѣетъ значеніе чисто историческое. На общемъ сатирическомъ фонѣ разсужденій, написанныхъ неподражаемымъ Щедринскимъ языкомъ, чрезвычайно богатымъ и образнымъ, мѣткимъ и точнымъ, вырисовываются то едва намѣченные образы, болѣе похожіе на китайскія тѣни или на наброски перомъ на клякспапирѣ, то крупныя художественно отдѣланныя фигуры; эти щедринскія иллюстраціи подчасъ соотвѣтствуютъ цѣлой категоріи или группѣ лицъ, сосредоточивая въ себѣ коллективныя черты цѣлаго типа, то ярко индивидуализируются, выходя изъ рамокъ сатиры и сближая ее съ повѣстью или романомъ. Подчасъ Щедринъ (особенно въ періодѣ зрѣлости своего таланта, непрестанно развивавшагося до самой смерти писателя), не прибѣгая къ иллюстраціямъ сатирическихъ разсужденій съ помощью фигуръ и лицъ, достигаетъ той же цѣли однимъ своимъ языкомъ, нѣсколькими словами, брошенными мимоходомъ, но дѣйствующими на подобіе бенгальскаго огня. Съ помощью различныхъ словечекъ, за которыми скрывается иногда цѣлая перспектива фактовъ и соотношеній, съ помощью ярлыковъ и кличекъ, Щедринъ договариваетъ недоговоренное, сокращаетъ и оживляетъ аргументацію. При помощи своего образнаго языка Щедринъ раскрывалъ свое этическое міросозерпаніе, свои гражданскіе идеалы, свою общественную мораль. По мнѣнію одного критика, весь дидактическій Щедринъ дѣйствительно состоитъ изъ образовъ, ибо онъ образами поучаетъ, мечтаетъ, доказываетъ, казнить и срамить. У cadaго изъ дѣйствующихъ щедринскихъ лицъ свой языкъ, соотвѣтствующій и эпохѣ, и воспитанію, и, вообще, внутреннему складу даннаго лица. Деревенскій кулакъ и великосвѣтскій карьеристъ, сельскій батюшка и «помпадурша», краснобай-адвокатъ и

захолустный земець, петербургскій бюрократъ и концессионеръ, «молодой генераль» и «старый генераль», странникъ-богомалець и франтоватый писарь, приказная строка и «талантливая натура»,—словомъ, все общественныя положенія, классы и возрасты, говорятъ сами за себя и сами отъ себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у того же Щедрина можно встрѣтить мѣста, гдѣ онъ разстается съ своими обычными приѣмами,—мѣста, написанныя горячо или сдержанно, патетически или просто, если того требуетъ избранная тема. Таковы, напр., лирическія отступленія въ «Губернскихъ очеркахъ», въ «Пошехонской старинѣ», «Господахъ Головлевыхъ», въ «Кругломъ годѣ» (защита литературы). Словомъ, относительно языка Щедринъ является прямымъ зиждательнымъ наслѣдникомъ Пушкина и Гоголя, на ряду съ Тургеневымъ и Островскимъ.

На ряду съ этими неоспоримыми достоинствами щедринской сатиры столь рѣзко бросаются въ глаза и ея недостатки. Такъ на первомъ планѣ мы должны поставить нерѣдко встрѣчаемое у Щедрина стремленіе къ каррикатурѣ и шаржю. Эта каррикатура и шаржъ въ большинствѣ случаевъ сообщаютъ его иллюстраціямъ какой-то балаганный, шутовской оттѣнокъ, который заслоняетъ собою реальный объектъ сатиры. Таковы по большей части его сатирическія иллюстраціи послѣднихъ годовъ, встрѣчаемыя въ «Кругломъ годѣ»—похожденія Саши Ненарочнаго въ Петербургѣ; въ «Письмахъ къ тетенькѣ» (здѣсь особенно много)—вечеръ у Грызунова, гдѣ Ноздревъ воруетъ платки, дама изъ Амстердама показываетъ опыты непосредственнаго самопитанія, образчики номеровъ газеты «Помои», съ описаніемъ раута у княгини Насофѣполежаевой, съ телеграммами сочиненными въ самой редакціи; въ «За рубежомъ» каррикатурой отдають и безшабашные совѣтники Дыба и Удавъ, и графъ Твердоонто, и репортеръ Подхалимовъ, и особенно сцена съ Лабулэ, въ которой французскій сенаторъ чуть не облизываетъ тарелки, напивается допьяна и пр. Утрировки и шаржа много можно найти и въ болѣе раннихъ произведеніяхъ—въ «Помпадурахъ» и въ «Исторіи одного города». Въ послѣднемъ произведеніи, правда, много яду, но еще больше балаганщины. Вся, на примѣръ, «опись градоначальникамъ, въ разное время въ городѣ Глуповѣ отъ вышняго начальства поставленнымъ» есть почти сплошная каррикатура и балаганщина. Что какъ не сплошная каррикатура, какъ не смѣхъ ради смѣха, въ которомъ отчасти справедливо упрекалъ Писаревъ нашего сатирика, все эти градоначальники-антики, изъ которыхъ одинъ, бывший брадобрѣй, былъ растерзанъ въ лѣсу собаками, другой утопилъ въ рѣкѣ директора экономіи, третій, бѣглый грекъ, былъ заѣденъ клопами, четвертый, происходящій по прямой линіи отъ Ивана Великаго, переломленъ во время бури, пятый имѣлъ въ головѣ органчикъ, шестой леталъ по воздуху въ городскомъ саду и зацѣпился фалдами за

шпиць, седьмой былъ косноязыченъ и умеръ отъ объяденія, восьмой отъ истощенія силъ, девятый имѣлъ фаршированную голову, десятый лакомился лягушками и оказался дѣвицею и пр., и пр. Что это такое, повторяемъ, какъ не смѣхъ ради смѣха? Можетъ быть сатирикъ имѣлъ въ виду весьма почтенную цѣль, но эта цѣль скрыта отъ читателя, благодаря буффонству и шутловству.

Нельзя не признать неудачными и весьма слабыми попытки сатирика рядить въ новый шутловской костюмъ тургеневскихъ и гончаровскихъ героевъ, напр., Кирсанова, Берсенева, Лаврецкаго, Рудина, Волохова. Неприятно бываетъ читать, напр., въ «Кругломъ годѣ» письмо дѣлопроизводителя Лаврецкаго, написанное по приказанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рудина, неприятно видѣть все пародируемыя знакомыя имена, вовсе не заслуживающія глумливыхъ насмѣшекъ. Не особенно удачны хотя и неожиданны для читателя (эта неожиданность и производитъ сразу значительное впечатлѣніе) попытки Щедрина брать смѣлой рукой типическія фигуры Молчалина и Ноздрева, Сквозника-Дмухановскаго и Держиморды и переносить ихъ въ наше время, не боясь опасныхъ сравненій. А между тѣмъ эти сравненія съ первообразами невольнo напрашиваются, подсказывая, что у сатирика, повидимому, не хватило творческой силы для созданія собственныхъ фигуръ. Въ щедринскихъ дополненіяхъ и продолженіяхъ созданій Гоголя и Грибоѣдова всегда чувствуется нѣкоторая искусственность. Довольно надоедливо дѣйствуютъ частыя, особенно въ послѣднихъ произведеніяхъ, злоупотребленія сатирикомъ всякими управами благочинія, прикручиваньемъ рукъ къ лопаткамъ, холодными, городовыми и околоточными, фразами въ родѣ «куда Макарь телятъ не гонялъ», «мѣста не столь отдаленныя» и пр.

Къ числу недостатковъ щедринской сатиры слѣдуетъ отнести и его «рабій», эзоповскій языкъ, полный недомолвокъ, иносказаній, словечекъ, загадокъ и подчасъ вычуровъ. Нѣкоторыя сочиненія Щедрина въ этомъ смыслѣ положительно требуютъ комментарія. Нужно замѣтить, что Гоголь раскрывалъ общественныя язвы, столъ же наболѣвшія, какъ и Щедринъ, а между тѣмъ къ «рабьему» языку не прибѣгалъ. Очевидно, что въ значительной степени эзоповская манера писанья была въ натурѣ Щедрина (хотя нельзя при этомъ отрицать и обстоятельства времени). Отметимъ еще частое повтореніе въ разныхъ произведеніяхъ однихъ и тѣхъ же лицъ,—повтореніе тоже говорящее не въ пользу творческой изобрѣтательности сатирика. Напр., въ послѣднихъ произведеніяхъ Щедрина очень часто встрѣчается его «пріятель» Глузовъ. Этотъ Глузовъ всегда спасаетъ Щедрина, когда ему нужно для оживленія публицистическихъ разсужденій прервать ихъ диалогомъ. Глузовъ—не типъ, не живой человѣкъ; это—какое-то ходячее противорѣчіе Щедрину, его антиподъ, его антитезисъ, діа-

метрально-противоположная Щедрина точка зрѣнія. По нашему мнѣнію, такое однообразіе приемовъ повѣствованія — тоже недостатокъ.

Самъ Щедринъ предчувствовалъ, что его будутъ обвинять въ каррикатурѣ и преувеличеніяхъ и, конечно, съ точки зрѣнія автора (вмѣстѣ съ тѣмъ и психологически) можно объяснить часто встрѣчаемый въ его произведеніяхъ шаржъ. Ненависть къ наблюдаемымъ безобразіямъ въ русской жизни такъ обострялась въ сатирикѣ, что онъ, не стѣсняясь формой, въ пылу злобнаго, недугующаго чувства, спѣшилъ пригвоздить ихъ къ позорному столбу, стараясь запечатлѣть бичуемое явленіе въ воображеніи читателя. Это объясненіе психологическое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сатира нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ ея представителей, коренясь въ реальной жизни и черпая изъ нея главную силу, не особенно заботится о распредѣленіи свѣта и тѣни, не стѣсняется въ выборѣ и группировкѣ красокъ, она охотно прибѣгаетъ къ аллегоріи, иносказанію. Конечно, этого нельзя сказать про сатиру истинно-художественную, какова, напр., у насъ сатира Грибоѣдова и Гоголя.—Съ другой стороны, съ авторской точки зрѣнія, слѣдуетъ изображать не только тѣ поступки, которые человѣкъ безпрепятственно совершаетъ, но и тѣ, которые онъ несомнѣнно совершалъ бы, еслибы умѣлъ или смѣлъ,—не только тѣ рѣчи, которыя человѣкъ говоритъ, но и тѣ, которыя онъ не выговариваетъ, но думаетъ. Это мнѣніе, по взгляду Щедрина, узаконивающее въ сатирѣ преувеличеніе и шаржъ, все фантастическое и комически-нелѣпое, на самомъ дѣлѣ является необходимымъ закономъ правдоподобія въ искусствѣ. Слѣдовательно, авторская защита каррикатурной сатиры не выдерживаетъ критики. Положимъ, что гипербола — одно изъ законныхъ орудій сатиры. Но вѣдь и гипербола бываетъ разныхъ сортовъ, напр., уродливая, фантастическая и гипербола художественная. У Щедрина въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ первая и почти отсутствуетъ вторая. Поэтому-то, намъ и кажется, что сравненія Щедрина, дѣлаемые его слѣпыми поклонниками съ Гоголемъ и Грибоѣдовымъ, весьма неудачны, ибо у Щедрина не найдется почти ни одной сатирической фигуры, столь художественно выдержанной, какъ, напр., Молчалинъ и Фамусовъ, Хлестаковъ и Ноздревъ или Чичиковъ (мы не говоримъ, конечно, про художественныя произведенія Щедрина въ родѣ «Головлевыхъ» и другихъ, перечисленныхъ выше). У Гоголя и Грибоѣдова—художественно-сатирическіе типы, а у Щедрина въ большинствѣ случаевъ—каррикатуры, не чуждыя, конечно, типическихъ чертъ, но похожія на смѣшныя и глупо-уродливыя отраженія въ выпукломъ зеркалѣ. Повторяемъ, что самый фактъ заимствованія старыхъ, но вѣчно-юныхъ типовъ у прежнихъ русскихъ сатириковъ—художниковъ свидѣтельствуетъ о сравнительной слабости щедринской творческо-сатирической силы.

Публицистическую, въ большинствѣ случаевъ, безличную сатиру Щедрина скорѣе можно сблизать съ сатирой Новикова и Радицева, или, вообще, съ сатирой Екатерининской (исключая, пожалуй, Фонъ-Визина): и тамъ, и здѣсь, на первомъ планѣ общая картина, общее настроеніе общества въ данное время; и тамъ, и здѣсь, стремленіе къ кличкамъ, къ каррикатурѣ, къ изобрѣтенію забористыхъ фамилій и стремленіе послѣдними характеризовать данное лицо. Расходясь съ своими великими предшественниками въ формѣ, манерѣ и художественномъ значеніи, Щедринъ, однако, въ одномъ отношеніи являлся ихъ достойнымъ послѣдователемъ: онъ сохранилъ въ своей дѣятельности тотъ просвѣтительный характеръ, который представляетъ замѣчательную особенность русской сатиры. Послѣдняя всегда боролась за просвѣненіе, всегда боролась съ его врагами: Кантемиръ былъ горячимъ приверженцемъ Петровскихъ реформъ, Новиковъ и Фонъ-Визинъ были передовыми людьми царствованія Екатерины, Грибоѣдовъ преслѣдовалъ рутину, невѣжество и предразсудки подъ военнымъ и гражданскимъ мундиромъ, подъ фраккомъ и бальнымъ платьемъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнымъ всему свѣтлому въ умственномъ движеніи первыхъ двухъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка, — Гоголь, наконецъ, нарисовалъ такую картину общественнаго застоя, которая безъ всякихъ коментаріевъ подсказывала настоящую необходимость кореннаго обновленія, коренныхъ реформъ. Щедринъ въ теченіе всей своей долготѣней, плодovitой литературной дѣятельности проповѣдывалъ великіе принципы великихъ освободительныхъ реформъ, между которыми ярко горятъ лучезарныя цифры: «19-го февраля 1861 года».

II.

Мы уже говорили, что въ сатирѣ Салтыкова отразилась русская общественная жизнь послѣднихъ десятилѣтій. Конечно, читатель пойметъ, что вся жизнь отразиться не могла, а только тѣ стороны ея, съ которыми сатирикъ былъ знакомъ и которыя заслуживали сатирическаго воспроизведенія. До 1868 года литературная дѣятельность Салтыкова, за исключеніемъ «Губернскихъ очерковъ», встрѣченныхъ восторженнымъ одобреніемъ, не представляетъ ничего особенно выдающагося. За этотъ періодъ времени написано нѣсколько рассказовъ, составившихъ два сборника подъ заглавіями «Невинные рассказы» и «Сатиры въ прозѣ». На этихъ трехъ произведеніяхъ отражается дореформенная Россія и эпоха первыхъ преобразованій; въ двухъ первыхъ произведеніяхъ преобладаетъ беллетристическая форма, выводятся на сцену большею частью отдѣльныя лица, сатиры же отличаются преимущественно харак-

теромъ безличнымъ, публицистическимъ. Здѣсь чувствуется еще вліяніе Гоголя, дарованіе Салтыкова является не совѣмъ еще окрѣпшимъ и не пріобрѣвшимъ того своеобразнаго колорита, который замѣчается во второмъ періодѣ. Изображеніе дороформенной Россіи гораздо глубже и разносторонне, чѣмъ изображеніе эпохи преобразованій, т. е. «Губернскіе очерки» стоятъ гораздо выше, чѣмъ два остальные сборника рассказовъ.

Если картины дореформенной провинціальной жизни Салтыкова находятся въ тѣсной связи съ тѣми же картинами гоголевскими, то съ другой стороны несомнѣнно, что Салтыковъ въ значительной степени раздвинулъ гоголевскія рамки, нарисовавъ цѣлый рядъ народныхъ типовъ, съумѣвъ при этомъ взглянуть на нихъ не только съ внѣшней стороны, а заглянуть имъ глубоко въ душу. Фейеры, Живоглоты, Порфиріи Петровичи являются исправленными изданіями Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Дѣржиморды, Чичиковыхъ. Но среди администраціи есть представители новыхъ вѣяній: это чиновники заѣзжіе, столичные просвѣтители провинціи, перестраивающіе все окружающее по своимъ кабинетнымъ соображеніямъ. Этотъ новый типъ особенно развитъ въ главѣ «Озорники» и въ главѣ «Надорванные». Въ этихъ двухъ типахъ нельзя не видѣть прообразовъ ташкентцевъ и помпадуровъ. «Je suis un homme comme il faut»—такъ опредѣляетъ себя самъ «Озорникъ»:—«я хочу имѣть и хорошую сигару, и стаканъ добраго шатодикема; я долженъ быть прилично одѣтымъ, мнѣ необходимо, чтобы у меня въ домѣ было все комфортабельно—Ce gouvernement me doit tout cela... Говорятъ, будто необходимо изучить нужды и особенности края, чтобы умѣть имъ управлять съ пользой. Mon cher, je vous dirai franchement que tout ça c'est des utopies. Какія могутъ тутъ быть нужны? Ну, я спрашиваю васъ? Знаетъ ли онъ, для чего ему дана жизнь? Можетъ ли онъ понять, se faire une idée, о томъ, что такое назначеніе человѣка?.. Оглянитесь кругомъ себя—все, что вы ни видите, все это плоды администраціи: областныя учрежденія—плодъ администраціи, община—плодъ администраціи, торговля—плодъ администраціи, фабричная промышленность—плодъ администраціи». Эти своеобразные взгляды на творческое всемогущество бюрократіи сходятся со взглядами позднѣйшихъ ташкентцевъ и помпадуровъ, прошедшихъ курсъ науки въ ресторанахъ Бореля и Донона. «Надорванный»,—Филоверитовъ, девизомъ своимъ избралъ служебный долгъ въ педантически-формальномъ смыслѣ, неукоснительность исполненія, сближающую его съ «Ташкентцами-цивилизаторами». Филоверитовъ олицетворяетъ собою, по желанію начальства, «собаку, которая сочла бы за удовольствіе закусать до смерти другихъ вредоносныхъ собакъ».—Кромѣ этихъ новыхъ бюрократическихъ типовъ замѣчательны въ «Губернскихъ очеркахъ» типы талантливыхъ натуръ,—всѣхъ этихъ Лузгиныхъ, Корепапо-

выхъ, Горехвостовыхъ—всѣхъ этихъ лишнихъ людей и Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, стремящихся къ широкимъ задачамъ, а на дѣлѣ или мефистофельствующимъ, или спившихся съ кругу или, наконецъ, пустившихся въ мошенничество.—Но выше всего, конечно, въ «Очеркахъ» изображеніе простого народа, чуждое и сантиментальничанья, и должной идеализаціи. Народъ является въ щедринскихъ изображеніяхъ со всѣми своими недостатками, грубостью, неразвитостью: но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вѣрно Салтыковъ съумѣлъ понять беззавѣтное, простое и глубокое чувство народа хотя бы къ «несчастливымъ», глубокую вѣру этого народа, сильно окрашенную мистицизмомъ. Изъ трехъ главъ—«Богомольцы и странники», «Въ острогѣ» и «Казусныя обстоятельства»—посвященныхъ народу, особенно замѣчательны двѣ первыя: въ «Богомольцахъ» Салтыковъ является родоначальникомъ тѣхъ разсказовъ изъ народной жизни, которые, напр., съ особенной любовью культивировалъ Мельниковъ (Печерскій),—во второй онъ предупредилъ Достоевскаго съ его «Записками изъ Мертваго Дома». У Щедрина развиты тѣ же черты, что и у Достоевскаго; но послѣдній, конечно, могъ судить глубже, ибо могъ дольше и ближе наблюдать обитателей мертваго дома.

Въ «Очеркахъ» дѣйствіе происходитъ въ Крутогорскѣ, въ другихъ произведеніяхъ перваго періода Салтыковъ переноситъ дѣйствіе въ г. Глуповъ, который, повидимому, хочетъ сдѣлать такимъ же, въ своемъ родѣ, типическимъ представителемъ нашей эпохи возрожденія, какимъ Крутогорскъ былъ для дореформенной поры. Но это сатирику не удастся. «Невинные разсказы» и «Сатиры въ прозѣ» заняты по преимуществу изображеніемъ эпохи «конфуза»; подъ этимъ конфузомъ разумѣется полнѣйшая неподготовленность многихъ дворянъ-помѣщиковъ, застигнутыхъ врасплохъ великимъ актомъ освобожденія. «Глуповцамъ» пришлось такимъ образомъ превратиться въ «умновцевъ». Эпоха нашего конфуза и среди дворянства-помѣщиковъ, и среди бюрократовъ, вообще нарисована Щедринымъ мастерски. Особенно хороши генералы Голубчиковъ, Зубатовъ, князь Оболдуй-Таракановъ, г-жа Падейкова, Кондратій Трифоновичъ; хорошъ также разсказъ «Миша и Ваня», гдѣ Щедринъ съ удивительною психологическою правдою рисуетъ двухъ мальчиковъ, доведенныхъ до отчаянія жестокой помѣщицей.

Ко второму періоду литературной дѣятельности Салтыкова должны быть отнесены пять слѣдующихъ сатирическихъ произведеній, вышедшихъ въ свѣтъ между 1868 г. и 1874: «Признаки времени и письма о провинціи», «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ», «Господа Ташкентцы», «Помпадуръ и помпадурши» и «Исторія одного города». Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ (за исключеніемъ, пожалуй, послѣдняго, которое стоитъ особнякомъ) Салтыковъ касается различныхъ новыхъ яв-

лений русской общественной жизни въ эпоху оскудѣнія реформъ, эпоху «подтягиванія», непосредственно примыкающую къ эпохѣ «конфуза». Въ помянутыхъ произведеніяхъ онъ касается и дворянства, выбитаго изъ сѣдла крестьянскимъ освобожденіемъ, и новыхъ типовъ бюрократовъ, и земства, суда, адвокатуры, политической печати, и, наконецъ, положенія народа, «обывателя». Сатирическое изображеніе послѣдней стороны русской жизни принадлежитъ во второмъ періодѣ къ наиболѣе слабымъ изъ всѣхъ остальныхъ. Особенно же автору удалась фигуры негодующихъ на освобожденіе дворянъ, фигуры Пафнутьевыхъ, оставшихъ корнетовъ Толстолобовыхъ, помѣщиковъ Паскудниковыхъ, князей Оболдуй-Таракановыхъ и другихъ. Выведенные Щедринымъ дворяне выступаютъ съ цѣлымъ рядомъ «прожетковъ», одинъ остроумнѣе другого, имѣя въ виду возстановленіе упраздненныхъ правъ. Такъ, одни предлагаютъ оставить «ширь да высь—и больше ничего», Петръ Толстолобовъ рекомендуетъ децентрализацию, при которой не было бы ни судовъ, ни палатъ, ни присутствій, а была бы «пустыня, въ которой бы рѣяли децентрализованные кварталные надзиратели изъ знающихъ обстоятельства помѣщиковъ»: они бы били, испытывали и ссылали, потомъ на-скоро подкрѣпляли силы холодными закусками и водкой, и опять били, испытывали и ссылали. Представлялись проекты «о необходимости оглушенія въ смыслѣ временнаго усыпленія чувствъ», «о переформированіи десиансъ академіи» и пр.

Нельзя не признать, что и бюрократія удалась Щедрину, хотя, быть можетъ, и меньше дворянства. Клички «ташкентцевъ» и «помпадуровъ» сдѣлались нарицательными. Первые изображены лучше, чѣмъ вторые: въ изображеніи вторыхъ слишкомъ ужъ много шаржу, много фельетоннаго (половина книги), карикатуры и тенденціозныхъ преувеличеній (почти сплошная фантастическая карикатура «Помпадуръ борьбы», гдѣ помпадурша, дѣвица Волшебнова, гарцуетъ какъ новая Іоанна д'Аркъ, на ворономъ конѣ, «призывая всѣхъ къ покаянію и къ борьбѣ противъ матеріализма, а самъ помпадуръ отрекается отъ сатаны и прочая фантазмагорія). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ «Ташкентцахъ» есть весьма существенные недостатки,—и первый (главный) изъ нихъ.—это широта и недостаточно опредѣленная обрисовка типа ташкентца вообще и его разновидностей (подчасъ годящихся скорѣй въ помпадуры, какъ, напр., Nicolas Персіановъ и Миша Нагорновъ). Ташкентецъ—«вселонравный мужчина», девизъ котораго: жрать, онъ годится въ исполнители къ помпадуру, въ немъ соединяется «готовность» съ «талантливостью», онъ готовъ и «птицу финикъ сыскать» и «статистику сочинить», а если пожалуй и не открыть Америки, то привести къ одному знаменателю всѣхъ Колумбовъ. Содержаніе и цѣль приказовъ, вдохновляющихъ ташкентца—это *le principe du*

stanovoy russe или le principe du télégramme. Къ своимъ дѣяніямъ онъ относится съ точки зрѣнія чистоты, отдѣлки; онъ летитъ, хватаетъ, ловитъ, скрежещетъ зубами, а въ сущности онъ только веселонравный мужчина, которому хочется удивить вселенную своею стремительностью. Приступая къ своей дѣятельности, онъ сознаетъ, что передъ нимъ «небольшой океанъ грязи, который нужно переплыть»; но это не останавливаетъ его, ибо грязь, наполняющая небольшой океанъ—метафизическая, отвлеченная, а за нею на томъ берегу виднѣются: вино, игра, женщины! Съ добычей въ рукахъ или зубахъ ташкентецъ отвратителенъ и ужасенъ.—Администраторы, выведенныя въ «Помпадурахъ»,—всѣ эти Козелковы, Кротиковы, Быстрицыны—могутъ быть прямыми начальниками ташкентцевъ; всѣ они парятъ въ ширь и глубь, ищутъ внутреннихъ враговъ и пренебрегаютъ будничной стороной администраціи; всѣ они попали не въ свои сани: «зиждигелю» Быстрицыну слѣдовало продолжать заниматься разведеніемъ поросятъ, какъ кончившему курсъ въ чухломскомъ обществѣ сельскаго хозяйства; Козелкову же—увеселять департаментъ отъ 12 до 3-хъ часовъ скабресными анекдотами, а Кротикову—гранить тротуары Невскаго проспекта, такъ какъ оба они кончили курсъ наукъ въ ресторанѣ Дюссо.

Въ произведеніяхъ второго періода, какъ мы уже сказали, Щедринъ касается земства, въ которомъ онъ преслѣдуетъ исключительныя попеченія о рукомыльникахъ и нижнемъ бѣльѣ, возведенныя въ перлъ созданія; касается адвокатуры, преслѣдуя въ ней цинизмъ, стремленіе къ наживѣ, смѣшеніе чернаго съ бѣлымъ; не забываетъ сатирикъ извѣстнаго вида литературы, заклеименной именемъ «пѣнокоснимательства», въ главѣ съ ея вождемъ Менандромъ Прелестновымъ, проповѣдующимъ, что «наше время—не время широкихъ задачъ»; отмѣчаетъ, наконецъ, и появленіе хищниковъ («Нашъ savoir vivre»), «русскихъ гуляющихъ людей» и за границей и у себя дома.

«Исторія одного города», считавшаяся до сихъ поръ всѣми критиками неудачной экскурсіей въ область исторической сатиры, по словамъ самаго Салтыкова въ его письмѣ къ А. Н. Пыпину¹⁾ есть сатира современная. Если это такъ, то «Исторія одного города» должна быть признана до нелѣпости страннымъ, балаганнымъ и карикатурнымъ произведеніемъ. Своей буффонадой авторъ совсѣмъ заслонилъ весь сатирическій смыслъ произведенія, либо въ погонѣ за смѣхотворными эффектами исчезли въ большинствѣ случаевъ всякіе намеки на реальную русскую дѣйствительность. Въ этой «Исторіи» много яду, много желчи, есть нѣкоторая доля правды, но больше всего всяческихъ несообразностей, эзоповыхъ притчъ, смѣху ради смѣха и фантазмагоріи. Особенно же намъ ка-

¹⁾ См. «Вѣстникъ Европы», іюнь 1889 г., стр. 835.

жется страннымъ желчное глумленіе сатирика надъ Глуповцами, — глумленіе, вообще преисполненное бюрократическимъ презрѣніемъ къ народу. Нельзя въ этомъ отношеніи согласиться и съ толкованіемъ Щедрина въ помянутомъ выше письмѣ, что онъ не можетъ сочувствовать народу, выносящему на своихъ плечахъ Бородавкинхъ, Угрюмъ-Бургеевыхъ и т. п., ибо если нельзя сочувствовать, то тѣмъ паче нечего глумиться: вѣдь народъ (глуповцевъ) заставляли выносить на своихъ плечахъ достославныхъ градоначальниковъ.

Съ 1874 года для Щедрина наступаетъ третій періодъ его дѣятельности, — періодъ полной зрѣлости и силы таланта; съ 1874 года плодовитый писатель ежегодно въ теченіе 15 лѣтъ дарилъ русскому обществу по новому произведенію, большая часть (11) которыхъ принадлежитъ къ излюбленному Салтыковымъ сатирико-публицистическому роду и только четыре произведенія художественныхъ, — лучшихъ изъ всего написаннаго Щедринымъ. Въ этихъ четырехъ беллетристическихъ работахъ — въ «Господахъ Головлевыхъ», въ «23 сказкахъ», въ «Мелочахъ жизни» и, наконецъ, въ «Пошехонской старинѣ» — Салтыковъ становится въ уровень съ лучшими русскими художниками — съ Тургеневымъ, Л. Толстымъ и Достоевскимъ. Эти немногочисленные произведенія, свидѣтельствуя о крупномъ художественномъ дарованіи Салтыкова заставляютъ только пожалѣть, что авторъ такъ много потратилъ времени на фельетонную сатиру, на тенденціозныя карикатуры, на публицистику, которая во всякомъ случаѣ стоитъ значительно ниже хотя бы его же «Сказокъ» или «Мелочей жизни», не говоря уже о двухъ другихъ художественныхъ эпопеяхъ крѣпостного права. Эти эпопеи художественно доказываютъ растлѣвающія и зловредныя вліянія крѣпостного права лучше всякихъ публицистическихъ разсужденій и сатирическихъ фельетоновъ. Беллетристическія работы послѣдняго періода дѣятельности Салтыкова мы разсмотримъ въ заключительной части нашей статьи, а теперь обратимся къ бѣглому анализу его сатирическихъ произведеній за 12-лѣтній промежутокъ времени (съ 1874 по 1886 г.). Сатиры послѣдняго періода появлялись въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: «Благонамѣренныя рѣчи», «Въ средѣ умѣренности и аккуратности», «Убѣжище Монрепо», «Круглый годъ», «Сборникъ» (повѣсти, разсказы и сказки), «За рубежемъ», «Письма къ тетенькѣ», «Современная идиллія», «Недоконченныя бесѣды», «Пошехонскіе разсказы» «Пестрыя письма». Весь рядъ этихъ произведеній далеко неравнаго достоинства: большая часть изъ нихъ безъ всякаго ущерба для литературной славы Салтыкова, могла бы совсѣмъ не появляться, ибо авторъ сказанное въ одномъ произведеніи зачастую повторяетъ, измѣняя нѣсколько обстановку, въ другомъ, чего, конечно, можно

было легко избѣжать. Почти вездѣ, напр., встрѣчается ходячій щедринскій антитезисъ «пріятель» Глумовъ,—«За Рубежемъ» и въ «Письмахъ къ Тетенькѣ» повторяются одни и тѣ же безшабашные совѣтники Дыба и Удавъ,—въ первыхъ произведеніяхъ неоднократно варьируется типъ «столпа», міроѣда, съ его приспѣшниками,—нѣсколько разъ, въ нѣсколькихъ произведеніяхъ Щедринъ касается типа женщины—«куколки», извѣстнаго сорта современныхъ маменекъ, воспитывающихъ мелкихъ развратниковъ, безшабашныхъ кутиль и безсердечныхъ карьеристовъ,—нѣсколько разъ Щедринъ касается русской прессы, сочиняя газеты въ родѣ «И шило брѣтеть», «Красы Демидрона», «Чего изволите?», «Помоевъ», съ ихъ непремѣнными корреспондентами Подхалимовыми 1-мъ и 2-мъ и т. п.

Лучше всего разработанной темой въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности Щедрина является хищничество, какъ принципъ, хищничество беззащитное и самодовольное, чуждое всякихъ колебаній и сомнѣній, всѣхъ видовъ и формъ, слившееся со всевозможными ремеслами, пользующееся покровительствомъ власти и закона. «По всей Руси, по словамъ сатирика, раздавался одинъ кликъ: «Чумазый идетъ! Идетъ», и на вопросъ: «что есть истина?» твердо и неукоснительно отвѣчаетъ: «распивочно и на выносъ!» «Чумазый»—это собирательное имя для всѣхъ «кабатчицковъ, мѣняль, подрядчиковъ, желѣзнодорожниковъ и прочихъ міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ». Если миновалъ періодъ помѣщичьяго закрѣпощенія, то наступилъ періодъ закрѣпощенія Чумазовскаго. Чумазый вторгся въ самое сердце деревни и преслѣдуетъ мужика и на деревенской улицѣ, и за околицей. Обставленный кабакомъ, лавочкой и грошевой кассой ссудъ, онъ обмѣриваетъ, обвѣшиваетъ, обсчитываетъ, доводитъ питаніе мужика до минимума, руководствуясь мыслью, что «ёнъ (мужикъ) достанить!» и въ заключеніе взываетъ къ властямъ объ укрощеніи людей взволнованныхъ его же неправдами. Съ другой стороны Чумазый «выкуриваетъ» и барина изъ своей усадьбы при полномъ содѣйствіи обывателей, того культурнаго барина, который ничего не знаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ, ни къ чему прикоснуться не умѣетъ и гадливо сторонится отъ сближенія съ массой. Такимъ «культурнымъ людямъ» нужны не имѣнія, а дачи Монрепо, дабы служить «усыпательницами». Типъ хищника разработанъ, правда, у Щедрина нѣсколько односторонне: взята одна изъ разновидностей его, выросшая на деревенской почвѣ, въ средѣ крестьянъ и «культурныхъ» обладателей Монрепо. Интеллигентныхъ хищниковъ сатирикъ касается только вскользь. Но тѣмъ не менѣ созданныя имъ фигуры «столповъ»—Дерунова, Колупаева и Разуваева сдѣлались именами нарицательными и должны быть причислены къ лучшимъ художественно-сатирическимъ созданіямъ Салтыкова. Это, дѣйстви-

тельно, въ изображеніи Щедрина—герои нашего времени, лица, власть имѣющія, столпы семьи, религіи и государственности, благодаря покладистой морали окружающаго общества.

Касается въ произведеніяхъ послѣдняго періода Щедринъ и бюрократіи, старой и новой, но ничего существенно новаго ему не удастся создать. Примѣчательны фигуры Удава, Дыбы, Отчаяннаго, Зильберггроша, Губошлепова, графа Твердоонто, но всѣ онѣ принадлежатъ прошлому; новые же типы являются довольно неудачными варьяціями ташкентцевъ или помпадуровъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ взятыхъ.

Гораздо характернѣе у Щедрина картины семейнаго счастья, если только можно говорить о семейномъ счастьѣ среди женщинъ—«куколокъ», у которыхъ нѣтъ ни руки, ни ноги, ни носа, ни рта, а ручка, ножка, носикъ, ротикъ и при томъ ручка-душка, ножка-плутишка, носикъ-цыпка, ротикъ-розончикъ, а грудка—такъ это даже сказать нельзя, что это такое! «Точь въ точь малюсенькое гнѣздышко, въ которомъ сидятъ два бѣленькихъ голубочка и тихонько подъ корсетомъ трепещутся! Ахъ!»¹⁾ Таковы щедринскія Наденьки, Наташеньки и кузины Машеньки, воспитывающія Nicolas Персіановыхъ, Ѳединекъ Воловитиновыхъ и Ѳединекъ Неугодовыхъ. Въ такихъ семьяхъ нѣтъ крѣпкой внутренней связи, основанной на любви и уваженіи, а ея мѣсто заступаетъ пустая форма и ничѣмъ не мотивированныя требованія.

Въ заключеніе нашего бѣлаго обзора сатирическихъ произведеній Щедрина нужно еще упомянуть о публицистическихъ разсужденіяхъ сатирика о современной литературѣ, гдѣ онъ совершенно справедливо отмѣтилъ главную причину ея упадка—вторженіе въ нее улицы, которая привела за собой Ноздрева, редактора газеты «Помон». Улица зарекомендовала себя безсвязнымъ галдѣньемъ, низменною несложностью требованій, живостью предрасудковъ, дикостью идеаловъ, произвольностью отправныхъ пунктовъ и, наконецъ, какою-то удручающею безграмотностью. Глубоко вѣрно замѣчаніе сатирика, что наружное оживленіе, проявившееся въ литературѣ за послѣднее время—въ сущности только шумъ и гвалтъ взбудораженной улицы, нестройный хоръ обострившихся вождѣлій, въ которомъ главная нота принадлежитъ подозрительности, сыску и безшабашному озлобленію.

Въ послѣднемъ предсмертномъ сочиненіи Салтыкова—въ «Пошехонской старинѣ», которая помимо своего общественаго и художественнаго значенія драгоцѣнна элементомъ автобіографическимъ, ибо даетъ возможность заглянуть въ исторію дѣтства сатирика-художника—есть одно замѣчательное мѣсто, проливающее яркій свѣтъ на все міросозерцаніе нашего писателя, показывающее изъ какихъ

¹⁾ См. «Круглый годъ», стр. 113.

сѣмянъ оно выросло. Предоставленный самому себѣ, Салтыковъ-ребенокъ нашелъ между учебниками «Чтеніе изъ четырехъ евангелистовъ». Это «Чтеніе» произвело въ ребенкѣ полный жизненный переворотъ. Раньше религіозность его была чисто внѣшняя, заученная, раньше для него былъ закрытъ внутренній смыслъ евангельскаго ученія,—раньше онъ ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, видя только людскія особи, сглаживающіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей, раньше онъ прозябалъ въ полуживотной безсознательности; послѣ же чтенія Евангелія, не говоря уже о той восторженности, которая переполнила его сердце, ни о тѣхъ совѣмъ новыхъ образахъ, которые вереницей проходили предъ его умственнымъ взоромъ,—онъ началъ сознавать себя человѣкомъ и право на это сознание переносить и на другихъ. Теперь предъ нимъ предстали униженные и оскорбленные, осіянные свѣтомъ и громко вопіющіе противъ прирожденной несправедливости, не давшей имъ ничего, кромѣ оковъ; теперь его возбужденная мысль невольно переносилась въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ и замученныхъ человѣческихъ существъ. Словомъ, по сознанию самаго писателя, Евангеліе посѣяло въ его сердцѣ «затчатки общечеловѣческой совѣсти» Эти зачатки съ теченіемъ времени могуче развились, сложившись въ цѣлое міросозерцаніе съ характеромъ исключительно соціально-моральнымъ. Такой складъ міросозерцанія сближаетъ Салтыкова съ Достоевскимъ и Л. Толстымъ, у которыхъ главенствующее начало въ ихъ міросозерцаніи—тоже нравственное, съ тою лишь разницею, что у перваго оно окрашено мистицизмомъ въ связи съ проповѣдью личнаго усовершенствованія и при безразличіи къ соціальному строю, а у втораго принимаетъ характеръ философскій въ связи съ теоріей «Непротівленія злу». Всѣ три названныхъ писателя—пессимисты, хотя пессимизмъ каждаго изъ нихъ при родовомъ сходствѣ имѣетъ яркія видовыя отличія. Салтыковъ преслѣдовалъ порочность, порождающую соціальныя безобразія, Салтыковъ бичевалъ своей сатирой во имя свободы, развитія и справедливости; отсюда, конечно, объясняется пессимизмъ соціальный, отсюда его любовь къ «человѣку, питающемуся лебедю», отсюда его негодующій протестъ противъ клеветниковъ, хищниковъ, предателей, деревянныхъ людишекъ, пустоутробныхъ лицемѣровъ, всяческихъ паразитовъ и прочихъ искажителей образа человѣческаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко любя Россію, ея бѣдноту, наготу и злосчастіе, онъ вѣрилъ въ грядущее торжество ея человѣческаго образа, просвѣтленнаго и очищеннаго «отъ тѣхъ посрамленій, которыя наслоили на немъ вѣка подъ ярмомъ неволи». Словомъ, про Салтыкова можно было сказать то же самое, что онъ сказалъ про героя одной изъ своихъ сказокъ Крамольникова: «всѣ силы своего ума и сердца онъ по-

святить на то, чтобы возстановлять въ душахъ своихъ присныхъ представленіе о свѣтѣ и правдѣ и поддерживать въ ихъ сердцахъ вѣру, что свѣтъ придетъ и мракъ его не обниметь». Въ этомъ собственно заключалась задача всей его дѣятельности.

Эта вѣра въ грядущее торжество евангельскихъ идеаловъ сказалась въ лучшей изъ сказокъ Щедрина «Пропала совѣсть». Совѣсть, заброшенная негодная ветошь, валяющаяся по дорогѣ, случайно поднятая какимъ-то пропойцемъ переходить къ кабатчику, отъ кабатчика къ квартальному надзирателю, къ отставному откупщику и желѣзно-дорожному изобрѣтателю и всеѣмъ причиняетъ такую тревогу и боль, что всякій старается поскорѣе освободиться отъ нея. Совѣсть шаталась такимъ образомъ, бѣдная, изгнанная, по бѣлу свѣту и перебивалась у многихъ тысячъ людей, пока наконецъ одинъ мѣщаниншишка не схоронилъ ее въ чистомъ сердцѣ маленькаго русскаго дитяти. Когда это дитя вырастетъ въ большого человѣка, будетъ у него и большая совѣсть, и тогда «исчезнутъ все неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ не робкая и захочетъ распоряжаться всеѣмъ сама». Тогда «премудрый пискаръ» не будетъ жить дрожа и умирать дрожа, тогда «самоотверженный заяцъ» не будетъ сидѣть подъ кустомъ, дожидаясь отъ волка... ха-ха... помилованія, а «здравомысленный заяцъ» перестанетъ оправдывать хищное обжорство лисицы здравомысленными словами: «всякому звѣрю свое житье: льву—львиное, лисѣ—лисье, зайцу—заячье»; тогда исполнятся мечтанія «карася идеалиста»— прожить на свѣтѣ одною правдою,—мечтанія, выросшія изъ убѣжденій, что главная жизненная сила въ добрѣ замыкается, что тьма есть только порожденіе горькой исторической случайности, что счастье сдѣлается общимъ достояніемъ, тогда «карась-идеалистъ» безбоязненно будетъ спрашивать щуку, безъ опасенія понасть ей въ хайло: «знаешь ли ты, что такое добродѣтель?»; тогда «дуракъ» не будетъ считаться дуракомъ за то, что неспособенъ на компромиссы съ подлостью, а «баранъ непомнящій», не станетъ тосковать отъ того, что увидѣлъ во снѣ «вольнаго барана», а сообразить настоящимъ манеромъ не могъ, что такое свѣтъ, просторъ и свобода и издохъ отъ безсильныхъ порываній, отъ тьмы къ свѣту встревоженной безсознательности; тогда быть можетъ «вѣрный трезоръ» пойметъ, что въ сидѣніи его въ будкѣ на цѣпи и въ дрожаніи отъ холода въ длинныя зимнія ночи—не замыкается весь міръ; тогда, наконецъ, отдохнетъ бѣдный измученный, безсмертный «коныга» и не будутъ издѣваться надъ нимъ Пустопясы.

Любовь къ униженнымъ и оскорбленнымъ вдохновила Салтыкова создать лучшіе изъ разсказовъ въ «Мелочахъ жизни», эта любовь, эта чуткость и воспримчивость къ людскимъ страданіямъ помогла ему подсмотрѣть тѣ скромныя безшумныя житейскія драмы, мимо которыхъ равнодушно проходитъ толпа, которыя по своей

заурядности сливаются съ сѣрымъ фономъ будничной жизни и открываются полныя глубокаго смысла вдумчивому взору художника. Таковы во второй части «Мелочей жизни» рассказы «Христовъ невѣста», «Сельская учительница» и «Портной Гришка». Первый рассказ проникнутъ нѣжнымъ состраданіемъ къ дѣвушкѣ, обреченной на одиночество, на разочарованіе, на безцвѣтную молодость и суетливую старость, не испытавъ личнаго счастья; второй рассказъ производитъ потрясающее впечатлѣніе заурядностью какъ самой учительницы, такъ и заурядностью всей обстановки, заурядностью причины самоубійства; каковъ же финалъ третьей повѣсти (можетъ быть нѣсколько растянутой).

Евангельскіе идеалы Щедрина помогли создать ему тѣ высокохудожественные народныя типы, которые мы встрѣчаемъ въ «Пошехонскихъ рассказахъ» и въ «Пошехонской старинѣ». Въ первомъ изъ этихъ произведеній замѣчательнъ одинъ изъ пошехонскихъ реформаторовъ—Андрей Курзановъ, юноша богомоль и странникъ, мысль котораго плѣнялась, однако, не міромъ апокрифическихъ сказаній, а міромъ человѣческихъ злоключеній, начиная отъ матеріальной неурядицы и кончая страданіями высшаго разряда. Его жизненный кодексъ заключался въ словахъ: «жить побожески». Во второмъ произведеніи, вообще поражающемъ разнообразіемъ и массой выденныхъ типовъ изъ среды помѣщичьей, въ родѣ Анны Павловны Затрапезной и ея мужа, тетушки Анфисы Порфирьевны и ея мужа, предводителя Струнникова, «образцоваго хозяина» Пустотѣлова и др., Салтыковъ въ цѣломъ рядѣ типовъ изъ крѣпостной массы нарисовалъ, между прочимъ, два особенно замѣчательныхъ, которые могутъ стать наравнѣ съ Тургеневской Лукерьей изъ «Живыхъ мощей» и съ Толстовскимъ Платономъ Каратаевымъ изъ «Войны и Мира», а именно—«Сатира скитальца» и Аннушки. Въ лицѣ послѣдней предъ нами возстае цѣлая категория рабовъ по убѣжденію, мирившихся съ рабствомъ, но отнюдь не съ рабовладѣльцами. Это покорные страстотерпцы, утѣшающіеся мыслью, что «рабство — временное испытаніе, предоставленное избранникамъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ». Аннушка—представительница воинствующаго смиренія, Сатиръ-скиталець — смиренія мечтательнаго: завѣтная мечта его — избавиться отъ рабскихъ узъ еще на землѣ, хоть на самое короткое время; онъ надѣется поступить въ монастырь, гдѣ съ него снимутъ рабскій образъ и дадутъ возможность явиться «на вышній судъ въ ангельскомъ чинѣ». Но его надеждамъ и мечтаніямъ не суждено было осуществиться въ дѣйствительности; онъ нашель утѣшеніе лишь въ своемъ предсмертномъ видѣніи: стоитъ будто онъ въ ангельскомъ образѣ, окутанный свѣтлымъ облакомъ, въ ухахъ раздаеся сладкогласное ангельское славословіе, а предъ глазами приносущный свѣтъ Христовъ горить... Всѣ

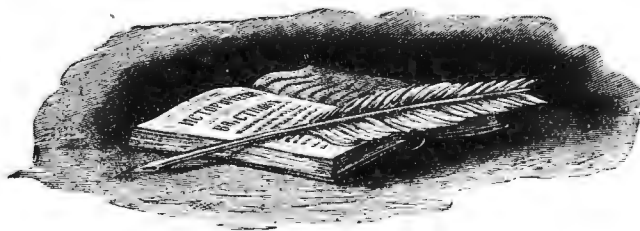
земныя болѣсти съ него какъ рукой сняло; кашель улегся, грудь дышетъ легко; все существо устремляется въ высъ и высъ... Инокъ Серапионъ! слышится ему голосъ, исходящій изъ сіяющей глубины». Такъ, во снѣ, и предсталъ онъ въ ангельскомъ чинѣ передъ вышній судъ Божій. Смерть-избавительница возвѣщала свободу этимъ вѣрующимъ сынамъ-рабамъ вѣрующихъ отцовъ-рабовъ и, свободнымъ, давала крылья, чтобы летѣть въ царство свободы, на встрѣчу свободнымъ отцамъ...

Если Салтыковъ всю жизнь посвятилъ борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ въ тѣхъ или другихъ формахъ, создавъ въ этомъ направленіи рядъ весьма примѣчательныхъ сатирико-художественныхъ фигуръ, то нигдѣ онъ все-таки не показалъ съ такой страшной, потрясающей силой ядовитого, разлагающаго вліянія крѣпостного права, какъ въ семейной хроникѣ «Господа Головлевы». На этомъ превосходномъ произведеніи наиболѣе прочно будетъ зиждиться художественная слава Салтыкова въ далекомъ потомствѣ. Въ этомъ произведеніи Салтыковъ проявилъ себя не только крупнымъ художникомъ, но и глубокимъ психологомъ, по силѣ анализа не уступающимъ Достоевскому въ его лучшихъ созданіяхъ. Дѣйствительно, такая семья — праздная, непригодная ни къ какому дѣлу, страдающая запоемъ—могла созрѣть и разроститься до чудовищныхъ размѣровъ только въ деревенской глуши, притонѣ безправія и произвола, рассадникѣ забивающихъ и забиваемыхъ. Зачастую семейныя отношенія складывались по образцу крѣпостныхъ и производили пѣлмы вереницы Головлевыхъ, осужденныхъ на вырожденіе и умираніе. Эта хроника, по мѣткому выраженію одного критика ¹⁾, великолѣпно иллюстрируетъ законъ наслѣдственности, неумолимо преслѣдующій «русскихъ Ругонъ-Маккаровъ», выведенныхъ на сцену безъ трубныхъ звуковъ à la Zola, безъ торжественныхъ манифестовъ о научномъ экспериментальномъ романѣ. Грубый эгоизмъ Арины Петровны переходитъ у Гудушки-кровопивушки въ полнѣйшее безсердечіе, въ холодную почти бессознательную жестокость; «пришибленная озорливость» Владиміра Михайловича повторяется въ сыновьяхъ его Степанѣ и Павлѣ, вырождаясь въ слѣдующемъ поколѣннн въ беспомощную дряблость Анниньки и Любиньки, Петиньки и Володи. Къ наслѣдственности присоединяется и воспитаніе — уродливое и бессмысленное, не знающее середины между нелѣпымъ баловствомъ и нелѣпой строгостью. Въ этой хроникѣ мы читаемъ скорбный листъ выморочной семьи, одержимой наслѣдственной психической болѣзью, у Степки-балбеса принимающей форму слабоумія, у Гудушки-кровопивушки форму монотаніи. Психическая жизнь этихъ несчастныхъ, исковерканныхъ людей изображена Салтыковымъ съ такой жизненной правдой и съ такой

¹⁾ К. К. Арсеньевъ, см. «Вѣстн. Евр.» 1883 г., май, стр. 183.

художественной, рельефной законченностью, какую рѣдко встрѣтишь не только въ русской, но и въ западно-европейской литературѣ. Особенно же глубокую психологическую наблюдательность и творческую силу авторъ проявилъ въ созданіи Гудушки (Порфирія Владиміровича), который стоитъ предъ читателемъ словно отлитый изъ мѣди. Это типъ лицемѣра чисто-русскаго пошиба, типъ лгуна, пустосвята и пустослова. Это созданіе Салтыкова сохранится на вѣки въ Пантеонѣ другихъ великихъ созданій великихъ русскихъ творцевъ-художниковъ.

С. Трубачевъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПНИНЪ И ЕГО „ВОПЛЬ НЕВИННОСТИ, ОТВЕРГАЕМОЙ ЗАКОНАМИ“.

РЕДИ ПОЛУЗАБЫТЫХЪ писателей нашихъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтїа, Пнинъ имѣеть нѣкоторыя особыя права на симпатїю, благодаря своей несчастной личной судьбѣ и недолговременной, но отмѣченной чертами дарованїа, безкорыстїа и благородства, литературной дѣятельности. Одно изъ важнѣйшихъ произведенїй Пнина ¹⁾ до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ: это — его «Вопль невинности, отвергаемой законами», въ которомъ Пнинъ, руководимый обстоятельствами своей личной жизни, затронулъ въ высшей степени важный въ общественномъ и юридическомъ смыслѣ для своего времени вопросъ — о гражданскихъ правахъ незаконно-рожденныхъ дѣтей. Это сочиненїе представлено было авторомъ, въ рукописи, императору Александру I и удостоилось высочайшей награды 24-го ноября 1803 года. Ниже мы представляемъ это сочиненїе въ его полномъ видѣ, въ увѣренности, что оно не лишено значенїа и интереса и само по себѣ, какъ историко-литературный фактъ, и въ отношенїи характеристики литературной дѣятельности его автора. Но прежде перескажемъ немногосложную біографїю послѣдняго, дополнивъ ее такими чертами, которыя намъ впервые удалось извлечь изъ рукописныхъ матеріаловъ: мы разумѣемъ въ особенности дѣятельность Пнина въ «С.-Петербургскомъ Вольномъ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ»,

¹⁾ Общую, довольно обстоятельную характеристику его литературной дѣятельности можно найти въ статьѣ г. Прыткова въ «Древн. и Новой Россїи», 1878, № 3.

бумагами котораго представилась возможность намъ воспользо-
ваться.

Иванъ Петровичъ Пнинъ, побочный сынъ знаменитаго князя Николая Васильевича Репнина ¹⁾, родился въ 1773 году. Онъ получилъ въ дѣтствѣ отличное воспитаніе, обучаясь сначала въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, а потомъ въ Инженерномъ (впослѣдствіи 2-мъ Кадетскомъ) корпусѣ, откуда былъ выпущенъ подпоручикомъ артиллеріи и командовалъ пловучей батареей въ шведскую войну 1792 года. Въ 1797 г. онъ перешелъ изъ военной службы въ штатскую и въ 1801 г., по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ въ канцелярію Государственнаго Совѣта; въ 1802 году, при учрежденіи министерствъ, назначенъ былъ экспедиторомъ въ департаментъ министра Народнаго Просвѣщенія; въ 1805 г., за болѣзнію, былъ уволенъ отъ службы, съ пенсіей и единовременной выдачей двухъ-тысячъ рублей. Въ томъ же 1805 году, 17-го сентября, онъ скончался въ Петербургѣ, на 33 году жизни. По словамъ Греча ²⁾, Пнинъ долго надѣялся, что князь Репнинъ признаетъ его своимъ сыномъ, но узнавъ, по кончинѣ его въ 1801 году, что тотъ забылъ о немъ въ своемъ завѣщаніи, впалъ въ уныніе и зачахъ.

Литературная дѣятельность Пнина была хотя непродолжительна, но довольно разнообразна. Въ 1798 году онъ издавалъ «С-Петербургскій Журналъ», котораго вышло 12 книжекъ, составившихъ 4 части; въ этомъ журналѣ, между прочимъ, впервые напечатано было «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ» Фонъ-Визина и его «Письма изъ Франціи». Не мало мелкихъ произведеній Пнина, въ стихахъ и въ прозѣ, помѣщено было въ разныхъ журналахъ. Съ 1804 г. вышелъ отдѣльной книгой его «Опытъ о просвѣщеніи». Въ послѣдніе годы своей жизни онъ принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ С.-Петербургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Это Общество начало

¹⁾ Митр. Евгеній въ своемъ «Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей (II, 125) называетъ Пнина: «воспитанникъ Петра Ивановича Репнина» (надо разумѣть, вѣроятно: побочный сынъ), но другіе біографы согласно считаютъ отцомъ его кн. Н. В. Репнина, не объясняя, какимъ образомъ получилъ онъ отчество «Петровичъ». Проверить на чьей сторонѣ истина, мы не имѣемъ данныхъ. Генералъ-фельдмаршалъ кн. Н. В. Репнинъ умеръ, отъ апоплексическаго удара, 12-го мая 1801 г., на 68 году отъ рожденія, не оставивъ послѣ себя наследника и продолжателя своего рода; въ виду этого, по высочайшему указу отъ 12-го іюля 1801 года, повелѣвалось, чтобы «родной его (князя Ник. Вас-ча) внукъ, отъ дочери его рожденный, полковникъ князь Николай Волконскій, принявъ фамилію его и отнынѣ потомственно именовался княземъ Репнинымъ. Да родъ князей Репниныхъ, столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не угаснетъ; но, обновясь, пребудетъ навсегда съ именемъ и примѣромъ его въ незабвенной памяти російскаго дворянства» (Дм. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», ч. IV, стр. 304—305).

²⁾ «Записки о моей жизни» (Спб. 1886), стр. LXII.

свою дѣятельность 15-го іюля 1801 года; въ слѣдующемъ 1802 году, въ засѣданіи 16-го ноября, Пнинъ избранъ былъ его дѣйствительнымъ членомъ, по предложенію В. В. Попугаева, который, согласно уставу Общества, представилъ въ видѣ рекомендаціи предлагаемаго члена стихотвореніе Пнина «На сонъ». Общество постановило принять Пнина въ свои члены, о чемъ онъ извѣщенъ былъ слѣдующей запиской, хранящейся въ дѣлахъ Общества: «Государь мой! Общество, читавши представленную по волѣ вашей г. Попугаевымъ піесу вашу «На сонъ», опредѣлило принять васъ въ члены, въ силу 3 параграфа своего постановленія. Извѣщая васъ о семъ, остаюсь и проч. А. Востоковъ, секретарь Общества»¹⁾. Однако, въ первое время по вступленіи въ Общество Пнинъ не имѣлъ возможности отдавать ему много времени; это видно изъ постановленія засѣданія 5-го декабря 1803 г., на которомъ положено было обратиться къ членамъ Шубникову и Пнину съ вопросомъ, почему они почти полгода отсутствовали въ собраніяхъ Общества. Въ исполненіе этого Пнину была послана слѣдующая записка: «Вольное Общество любителей словесности, коего вы членъ, но въ засѣданіи коего вы уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ не присутствовали, требуетъ, чтобы вы въ непродолжительномъ времени объяснили письменно причину сего долговременнаго отсутствія». 16-го января 1804 г. Пнинъ приходилъ лично въ Общество съ извиненіемъ, что причиной его долговременнаго отсутствія было незнаніе мѣста, гдѣ Общество собирается. Однако, въ 1805 г., въ засѣданіи 15-го іюля, Общество избрало Пнина своимъ президентомъ, а 17-го сентября того же года, успѣвъ посѣтить Общество въ своемъ новомъ званіи лишь одинъ разъ, Пнинъ скончался. 23-го сентября назначено было по этому случаю экстренное собраніе членовъ Общества, на которомъ секретарь Д. И. Языковъ произнесъ слѣдующее:

«17-го сего мѣсяца лишились мы сочлена и президента нашего Ивана Петровича Пнина. Вотъ причина сегодняшняго собранія нашего. Итакъ, въ непродолжительное время оплакиваемъ мы смерть уже другого сотрудника нашего. Недавно еще бросали мы цвѣты на гробъ Каменева²⁾, а теперь украшаемъ оными также гробъ Пнина. Несчастіе преслѣдовало послѣдняго съ той самой минуты, какъ увидѣлъ онъ свѣтъ: при послѣднихъ только дняхъ

¹⁾ См. объ этомъ въ «Исторіи Общества люб. словесности, наукъ и художествъ», напечатанной въ «Періодическомъ изданіи» Общества, ч. I (Спб. 1804), стр. XV, Попугаевъ, В. В., рекомендовавшій Пнина въ Общество, былъ однимъ изъ первыхъ его членовъ.

²⁾ Каменевъ скончался 25 іюля 1803 г. и въ собраніи 12 сентября опредѣлено было по этому случаю всѣмъ чинамъ въ теченіе трехъ недѣль носить трауръ, черный флеръ на лѣвой рукѣ, о чемъ въ дѣлахъ Общества имѣется циркулярная записка ко всѣмъ членамъ Общества отъ имени секретаря А. Востокова.

или—лучше—часахъ жизни его, просіяло было солнце надъ его главою: онъ надѣялся быть въ тихомъ пристанищѣ, но вдругъ бездна разверзлась, и его не стало.

«Безъ родителей, безъ родственниковъ, жилъ онъ одинъ во вселенной. Отечество было его родителемъ, друзья—родственниками: сердце его билось для нихъ горячайшею любовію.

«Нѣтъ болѣе Пнина; но память его останется незабвенною: она будетъ чтиться друзьями его, она будетъ благословляться тѣми несчастными, кои невиннымъ образомъ осуждаются предразсудками и мнѣніемъ при самомъ рожденіи своемъ. Его «Вопль невинности» раздался громко во всѣхъ сердцахъ: онъ исторгъ слезы у чувствительныхъ и смягчилъ ожесточенныхъ; быть можетъ, онъ возвратитъ похищенные права у невинныхъ и соорудитъ ему памятникъ тверже всякаго металла и камня».

Кромѣ Языкова, говорили въ этомъ же собраніи рѣчи А. Е. Измайловъ и В. В. Попугаевъ. Приводимъ отрывокъ изъ рѣчи перваго:

«Позвольте, почтенные сочлены, излить передъ вами горестъ мою о несчастной кончинѣ достойнаго нашего президента Ивана Петровича Пнина. Я любилъ его, да и можно ли было не любить человѣка съ рѣдкими дарованіями, съ отличными свѣдѣніями и съ превосходнымъ сердцемъ? Всѣ сіи достоинства украшали Пнина; всякій, кто его зналъ и кто зналъ цѣнить людей, отдавалъ ему должную справедливость. Вамъ, почтенные мои сочлены, вамъ всѣхъ болѣе былъ онъ извѣстенъ. Вы, чувствуя цѣну его талантовъ и слѣдуя благородному безпристрастію, избрали его въ торжественное нынѣшнее годовое собраніе президентомъ нашего Общества. Онъ дѣйствительно достоинъ былъ сего званія и, чтобы изъявить намъ свою благодарность за сдѣланное ему предпочтеніе, оставилъ службу и все свое время хотѣлъ посвятить трудамъ для славы Общества и для пользы народной. Мы ожидали отъ него плодовъ, но увы! не ожидали того, что черезъ два мѣсяца будемъ оплакивать его кончину!

«Ежели люди, прославившіе себя въ жизни своими талантами, или добродѣтелями, имѣютъ по смерти неоспоримое право на наше сожалѣніе, то не болѣе ли должны мы сожалѣть о тѣхъ изъ нихъ, которые, такъ сказать, не имѣли довольно времени на прославленіе себя и которыхъ смерть постигла не въ концѣ, но въ началѣ или посреди благороднаго ихъ поприща. Вертоградарь скорбитъ болѣе о такихъ деревьяхъ, которые начали приносить изыщные плоды и вдругъ погибли отъ жестокости вихря или мраза, нежели о тѣхъ, кои доставляли ему плоды въ теченіе многихъ лѣтъ.—Такую участь имѣлъ и несчастный нашъ Пнинъ. Онъ скончался въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Когда бы онъ прожилъ еще хотя десять лѣтъ, то вѣрно бы принесъ много чести себѣ, нашему Обществу и даже,

можно сказать, нашему отечеству. Какой патриотизмъ воодушевлялъ почти всѣ его сочиненія! Какими сильными чертами пламенное его перо изображало права и благо народа! Способности его и труды удостоивались неоднократно одобренія отъ самого августѣйшаго нашего монарха, покровительствующаго достоинствамъ и талантамъ. О, смерть, смерть! Для чего не щадишь ты ни друзей просвѣщенія, ни друзей человѣчества? Развѣ нѣтъ на свѣтѣ злыхъ невѣждъ, изверговъ, утѣсняющихъ невинность, надъ которыми бы ты могла насытить напередъ свою ярость?..

«... Я сказалъ въ началѣ моей рѣчи, что я любилъ Пнина. Но я любилъ его за одни только его дарованія, за доброе его сердце и за пріятность, которую находилъ въ его обхожденіи... Я былъ коротко съ нимъ знакомъ, но, впрочемъ, не имѣлъ никакой особенно короткой связи; слѣдовательно, кажется, обвинять меня не возможно. Жалѣю, что слабый мой духъ и краткость времени не позволяютъ мнѣ почтить похвалами прахъ его столько, сколько онъ сіе заслуживаетъ...».

Кромѣ того, въ этомъ же засѣданіи на смерть Пнина читались стихотворенія членами Н. А. Радищевымъ, Н. Ѳ. Остолоповымъ, Ф. Ленкевичемъ и Измайловымъ, а А. А. Писаревъ сочинилъ тутъ слѣдующій экспромтъ:

- Онъ былъ и нѣтъ его!.. Прикорбіе сердечно!
- Въ сихъ краткихъ двухъ словахъ вся краткость нашихъ дней;
- Но тотъ, кто съединялъ умъ съ кроткою душой,
- Въ чувствительныхъ душахъ живетъ, живетъ тотъ вѣчно!»

Въ этомъ же засѣданіи членъ Н. Брусиловъ читалъ свою статью «О Пнинѣ и его сочиненіяхъ». Начинается она такъ: «Неумолимая смерть махнула страшной косою,—и въ мірѣ не стало одного добраго человѣка!.. Поэтъ любезный, другъ искренній, защитникъ угнетенныхъ, утѣшитель несчастныхъ, Пнинъ скончался сентября 17-го числа, между 10 и 11 часовъ пополудни. Друзья и любители изящнаго провожали со слезами гробъ поэта-философа...» Брусиловъ сообщаетъ далѣе, что со слѣдующаго года Пнинъ намѣревался издавать журналъ «Народный Вѣстникъ», «который, если судить по программѣ и талантамъ издателя, конечно, былъ бы лучшимъ произведеніемъ нашей словесности и далеко оставилъ бы за собою всѣ журналы, доселѣ у насъ бывшіе» ¹⁾.

Это вниманіе представителей тогдашней литературы къ памяти Пнина не ограничилось предѣлами круга членовъ Общества: отчетъ объ упомянутомъ засѣданіи, равно какъ и большая часть читан-

¹⁾ Эту статью Н. Брусиловъ напечаталъ въ своемъ «Журналѣ російской словесности», 1805, № 10, гдѣ, кромѣ того, помѣщенъ приведенный экспромтъ Писарева и стихотворенія Остолопова и Измайлова. За своей статьей Брусиловъ напечаталъ «Оду на правосудіе» Пнина, какъ лучшее его произведеніе—по мнѣнію издателя,—хотя она уже раньше была напечатана.

ныхъ тамъ стиховъ и рѣчей, были тогда же напечатаны ¹⁾). Сослуживецъ Пнина по департаменту народнаго просвѣщенія и другъ его, только-что начинавшій тогда выступать на литературное поприще, но еще не бывшій членомъ Вольнаго Общества, К. Н. Батюшковъ напечаталъ стихотвореніе «На смерть И. П. Пнина», въ которомъ покойный характеризуется, между прочимъ, такими словами:

- Пнинъ чувствамъ дружества съ восторгомъ предавался;
- Несчастливымъ не одно онъ золото дарилъ...
- Чтò въ золотѣ одномъ? Онъ слезы съ ними лилъ.
- Пнинъ былъ согражданамъ полезенъ,
- Перомъ отъ злой судьбы невинность защищалъ,
- Въ бесѣдахъ дружескихъ любезенъ,
- Друзей въ родныхъ онъ обращалъ... ²⁾

Конечно, ошибочно было бы опираться на эти похвалы друзей надъ гробомъ Пнина для оцѣнки литературныхъ заслугъ послѣдняго; но эти похвалы свидѣлствуютъ, по крайней мѣрѣ, о тѣхъ симпатіяхъ, которыми пользовался Пнинъ среди своихъ товарищей и сочленовъ; объ этомъ же свидѣлствуетъ и Гречъ, вступившій въ Общество черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Пнина, въ октябрѣ 1810 года: «Пнинъ пользовался уваженіемъ и любовью всѣхъ тогдашнихъ русскихъ писателей. Смерть его глубоко ихъ огорчила» ³⁾).

Наконецъ, въ томъ же посвященномъ памяти Пнина засѣданіи, 23-го сентября, среди членовъ Общества возникла мысль устроить между собою подписку на сооруженіе памятника на могилѣ покойнаго. Въ бумагахъ Общества имѣется листъ съ именами 18-ти членовъ, сдѣлавшихъ пожертвованія для этой цѣли въ то же засѣданіе; это были: Языковъ, Борнъ, Судаковъ, Остолоповъ, Брусиловъ, Измайловъ, Ленкевичъ, Гальбергъ, Ивановъ, Попугаевъ, Радищевъ, Востоковъ, Крюковскій, Сахаровъ, Ушаковъ, Сопиковъ, Пучковъ, Тимковскій, общая сумма пожертвованій которыхъ была 160 руб. Н. Брусиловъ въ упомянутой статьѣ «О Пнинѣ и его сочиненіяхъ» говоритъ, что при этомъ А. Х. Востоковъ предложилъ изобразить на памятникѣ: Друзья Пнину ⁴⁾), что и было принято собраніемъ. Постановлено было, чтобы члены-художники заготовили рисунки для памятника и представили ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Общества. Въ засѣданіи 7-го октября 1805 г. членъ Общества И. И. Гальбергъ представилъ рисунки проектируемаго памятника; положено было отдать ихъ на разсмотрѣніе члена и «цензора Общества» по части художествъ І. П. Лапена. Въ засѣданіи 21-го октября Лапентъ далъ отзывъ о представленныхъ рисункахъ, при чемъ

¹⁾ См., напр., «Сѣверный Вѣстникъ», 1805, ч. VII, 341—346; VIII, 86—87.

²⁾ «Сѣверный Вѣстникъ», 1805, ч. VII, 345—346; въ изданіи Л. Н. Майкова, т. I, 31.

³⁾ «Записки о моей жизни», XLII.

⁴⁾ «Журналъ російск. словесности», 1805, № 10, стр. 63, прим.

«истог. вѣстн.», июль, 1889 г., т. XXXVII.

нѣкоторые изъ нихъ одобрилъ. 18-го ноября Лапенъ опять докладывалъ Обществу о рисункахъ, при чемъ заявилъ, что у члена Академіи Художествъ Замергака есть готовые надгробные камни, рисунки которымъ дѣлалъ самъ Лапенъ, и которые Замергакъ можетъ уступить за сходную цѣну. Общество поручило тремъ членамъ—Лапену, Востокову и Писареву—позаботиться о выборѣ камней и сдѣлать справку о цѣнѣ; результатомъ этого порученія въ Общество поступила отъ 30-го декабря 1805 года слѣдующая бумага, писанная рукой Востокова:

«Въ Вольное Общество любителей словесности, наукъ и художествъ. Отъ цензоровъ онаго Общества Лапена и Востокова:

«По препорученію Общества были мы у члена Академіи Художествъ скульптора Замергака для осмотра имѣющихся у него мраморныхъ надгробныхъ памятниковъ и для выбору изъ оныхъ, если можно, предполагаемаго Обществомъ монумента покойному его президенту И. П. Пнину. Вслѣдствіе чего собранію Общества честь имѣемъ донести, что изъ трехъ найденныхъ нами у онаго г-на Замергака монументовъ ни одинъ какъ въ разсужденіи формы, такъ и въ разсужденіи цѣны, намѣренію Общества не соотвѣтствуетъ».

Бумага эта подписана, кромѣ Востокова, и Лапеномъ.

Въ бумагахъ Общества по этому дѣлу имѣется, во-первыхъ, рисунокъ проектированнаго памятника, утвержденный Обществомъ въ мартѣ 1807 года (за подписью секретаря Общества В. Попугаева), во-вторыхъ, письмо члена Теребенева къ А. А. Писареву, безъ помѣты года и числа, слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, Александръ Александровичъ! Въ разсужденіе полученныхъ мною изъ Общества по дѣлу о производствѣ монумента Пнину отъ бывшаго члена Василія Васильевича Попугаева денегъ ¹⁾—долгомъ почитаю отдать отчетъ Обществу и объяснить нѣкоторыя недоразумѣнія: деньги сіи получилъ я только на отлѣпку и на отливку изъ алебастра медаліона, каковой по апробованному Обществомъ рисунку г-на Лапена на сказанномъ монументѣ назначаемъ былъ: но какъ мнѣ ни въ то время, ни послѣ не сообщили мѣры оному медаліону, хотя я неоднократно просилъ тогдашнихъ г-дъ членовъ о снабженіи меня оною, то я и не могъ, со всею охотою моею, чтобъ исполнить возложеніе Общества, доселѣ приняться за отработку медаліона, не зная величины оному; а только отлилъ бюстъ Пнина съ доставленной изъ Общества модели. Съ бюста же вылѣпилъ бы я давно уже и медаліонъ, коль скоро получилъ бы отъ Общества мѣру оному. Впрочемъ, я не бралъ на себя производства всего монумента, т. е. покупку и обдѣлку

¹⁾ «Около ста рублей съ вычетомъ за дипломъ; впрочемъ, росписка о количествѣ полученныхъ мною денегъ находится въ Обществѣ».

камня надгробнаго и пр. и пр., потому что это во-первыхъ не мое дѣло, а во-вторыхъ и мало бы было на все то полученныхъ мною денегъ.

«Представивъ сіе объясненіе мое Обществу, ожидаю и прошу скорѣйшаго рѣшенія по сему дѣлу и готовъ съ моей стороны исполнить то, за что я взялся. За симъ всегда пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ Вашъ, милостиваго государя моего, покорный слуга Иванъ Терещеневъ».

Болѣе въ бумагахъ Общества никакихъ свѣдѣній по дѣлу о памятникѣ Пнину не имѣется.

Кромѣ того, тотчасъ же послѣ смерти Пнина, Общество озабочилось судьбою оставшихся послѣ него бумагъ. Бумагой отъ 28-го сентября 1805 года, оно обратилось къ с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру Ѡ. Ѡ. Эртелю съ просьбою предоставить въ распоряженіе Общества оставшіяся послѣ покойнаго бумаги, а также изъ денегъ его передать въ Общество 55 рублей, которые онъ остался долженъ Обществу въ видѣ членскаго взноса. 12-го октября 1805 года Эртель отвѣтилъ, что еще до полученія заявленія Общества все имущество Пнина передано въ Дворянскую Опеку. Общество, бумагой отъ 12-го октября того же года, обратилось въ Дворянскую Опеку съ просьбою о томъ же; требуемая сумма денегъ была передана Обществу подъ росписку Д. Языкова, а относительно бумагъ предводитель дворянства С.-Петербургскаго уѣзда А. Симанскій отозвался (29-го ноября 1805 года) такъ: «по отношенію сего Общества въ Дворянскую Опеку касательно доставленія въ оное оставшихся послѣ покойнаго коллежскаго совѣтника Пнина нѣкоторыхъ сочиненій предписано было опредѣленнымъ къ имѣнію его опекунамъ, которые Опеку рапортомъ донесли, что послѣ того Пнина никакихъ сочиненій, ниже бумагъ, принадлежащихъ оному Обществу, кромѣ партикулярныхъ писемъ и нѣкоторыхъ счетныхъ записокъ и счетовъ, ими не найдено, а извѣстались они отъ бывшаго его служителя Годафрида Буша, что какія-то бумаги имъ, Пнинимъ, во время болѣзни его были розданы нѣкоторымъ изъ посѣщавшихъ его пріятелей его, просившихъ у него тѣхъ на время, а кому именно и всѣ ли, или только часть оныхъ, имъ неизвѣстно».

Предлагаемое здѣсь сочиненіе Пнина «Вопль невинности, отвергаемой законами» извлечено нами изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки, гдѣ оно имѣется въ двухъ экземплярахъ—черновомъ (F II № 70), писанномъ, какъ надо думать, рукою самаго автора, со многими его вставками и помарками, и бѣловомъ (Q II № 52), красиво переписанномъ другою рукою (того же времени) и во всемъ сходномъ съ окончательной редакціей черноваго списка. Такимъ образомъ, въ точной передачѣ текста мы не имѣли

затрудненій. На черновомъ экземплярѣ стоитъ эпиграфъ, котораго нѣтъ на бѣловомъ: «Родившійся требуетъ призрѣнія.—Наказъ Великія Екатерины II, данный комм. о соч. проекта Нов. Улож., часть вторая, о правѣ особенномъ, гл. I, член. IV». На первой страницѣ бѣловаго экземпляра написано: «сіе сочиненіе удостоено Высочайшаго вниманія и награды, ноября 24-го 1803 года», а на второй страницѣ слѣдующее посвященіе:

«Всемилоствѣйшій Государь,

«Предъ трономъ я Твоимъ сей повергаю трудъ;
«Возмездье мнѣ—Твой взоръ; мой лавръ—Твой будетъ судъ.
«Но ежели снищу Твое благоволеніе,—
«Вотъ все, Монархъ! Прочти Ты самъ сіе творенье!

«Всемилоствѣйшій Государь
«Вашею Императорскаго Величества
«вѣрноподанный Иванъ Пнинъ».

Далѣе идетъ самый текстъ сочиненія, предшествуемый заглавіемъ:

«Вопль невинности, отвергаемой законами.»

«Наконецъ, воцарились милость и правосудіе! голосъ бѣднаго услышанъ на престолѣ, заслуги награждены, собственность вступила въ свои права, добродѣтель уважена! наконецъ, настали сіи счастливыя времена! Природа восторжествовала; талантъ возсталъ изъ пыли, въ которой доселѣ пресмыкался, и истина вездѣ уже безъ страха показываться можетъ. Человѣкъ здѣлался человѣкомъ; священное чувство человѣчества возвратило душѣ его ея благородство и ея величіе. О, Александръ! добродѣтели Твои воздвигли уже твердые памятники въ сердцѣ Твоего народа! отзывъ его восторговъ, отзывъ искреннихъ его о Тебѣ моленій громко раздается въ мірномъ селеніи Петра и Екатерины. Они взираютъ на Тебя, наблюдаютъ всѣ Твои движенія и съ сердечнымъ умиленіемъ къ Тебѣ рекутъ: царствуй, Александръ, гений кротости и мира! Да блаженствуютъ народы подъ скипетромъ Твоимъ, да будешь отцомъ ихъ. Но Ты и такъ уже поступаешь съ ними какъ съ дѣтьми своими; терпѣливо выслушиваешь ихъ жалобы, безъ гнѣва прощаешь ихъ заблужденія. Цари, конечно, во власти своей подобны богамъ: для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго, особливо для царей добродѣтельныхъ. Милость во всѣмъ успѣваетъ, все обезоруживаетъ, все ей покоряется, и жертвы, курящіяся на олтаряхъ ея еще сильнѣе возгораются въ вѣчности. Государь, предки Твои были законодатели. Ты наслѣдовалъ ихъ великій духъ, Тебѣ предлежитъ безсмертная слава довершить ими начатое. Само время, кажется, единственно только для Тебя сберегало оную. Да основаніе народнаго блаженства утвердится на законахъ изъ природы извлеченныхъ

и да царствованіе Твое какъ для настоящаго, такъ и для предбудущихъ вѣковъ изобразить истинную науку законодательства.

«Прости, Государь, дерзновенію моему, я можетъ быть первый отважился излить предъ престоломъ Твоимъ чувствованіе отверженной природы. Но я россіянинъ, молодъ и невинно-несчастливъ; вотъ причины, которыя, кажется, довольно достаточны для возбужденія къ себѣ Твоего вниманія.

«Я долженъ откровенно говорить съ моимъ монархомъ; чисто-сердечіе есть дань вѣрно-подданнаго доброму царю. Государь, я одинъ изъ числа тѣхъ несчастныхъ, которыхъ называютъ незаконно-рожденными. Брошенный на сей свѣтъ съ печальною печалію своего происхожденія въ сиротствѣ, не находя вокругъ себя ничего, кромѣ ужасной пустыни; лишенный выгодъ съ общественною жизнію сопряженныхъ, встрѣчая повсюду преграды, поставляемые предразсудками, на коихъ самые законы основаны; и въ томъ обществѣ, котораго я часть составляю, въ которомъ равное съ прочими имѣя право на мой покой и на мое счастье, не находить кромѣ горести и отчаянія, и быть въ непрерывной борьбѣ съ общимъ мнѣніемъ,—есть, Государь! самое тяжкое наказаніе, достойное одного только злѣйшаго преступника. Поставленный однажды въ семь мірѣ, ежели я и мнѣ подобныя должны всѣ въ ономъ страдать, не видя для себя никакой отрады. Есть ли никто не воспротиворѣчитъ мнѣ, что я существую, что такъ же имѣлъ нѣкогда родителей, и что гласъ, могущественнѣйшій гласъ природы даетъ мнѣ названіе сына, то для чего же, когда на одинъ шагъ приступаю къ правамъ сыновнимъ, тогда законы государственные меня отторгаютъ и не признаютъ меня таковымъ? Есть ли онѣ не одобряютъ такого происхожденія, то для чего же терпятъ, когда преступленіе сіе дѣлается гласнымъ? Для чего сіи, толико важныя по послѣдствіямъ, случаи, оставляютъ безъ малѣйшаго вниманія? Для чего законодательство столь далеко отдалилось здѣсь отъ природы? Уже ли сынъ долженъ во всю жизнь свою наказываться за пороки своего отца? Сіе, Государь, осмѣливаюсь я отдать на судъ собственному Твоему сердцу; оно лучше рѣшитъ, долженъ ли сынъ отвѣчать, по законамъ ли онъ рожденъ или нѣтъ, и чрезъ то лишиться всѣхъ сыновнихъ правъ, отказываемыхъ ему закономъ же до его рожденія? Какой изъ таковыхъ младенцевъ захотѣлъ бы вступить въ сей свѣтъ, есть ли бы только могъ знать, какая участь его въ ономъ ожидаетъ? Нѣтъ, Государь, онъ конечно не вышелъ бы изъ утробы своей матери, онъ здѣлалъ бы ее своимъ гробомъ.

«Есть ли отецъ, заглушивъ чувства свои, не захотѣлъ видѣть плода не позволенной законами страсти, не внемлетъ первымъ крикамъ младенца, возвѣщающимъ ему объ обязанностяхъ, къ которымъ природа его призываетъ, отдаетъ его въ учрежденныя для

сего мѣста¹⁾, въ такомъ случаѣ младенецъ, не зная, кому обязанъ онъ своимъ рожденіемъ, ни чего чрезъ то не претерпѣвая, питаетъ сыновнюю признательность къ тому мѣсту, которое призрѣло его и воспитало; но чему не подвержены бываютъ тѣ, которые, возрастая въ очахъ своихъ родителей и достигли такихъ лѣтъ, въ которыя разсудокъ, разкрывая имъ кому одолжены они бытіемъ своимъ, тѣмъ живѣе даетъ имъ чувствовать ихъ несчастіе; ибо, что можетъ быть, Государь! жестокае сей несправедливости, прискорбнѣе для нѣжнаго сына, какъ зная своего отца, не смѣть назвать его симъ именемъ. И когда отецъ, стараясь скрывать отъ общества, что онъ его сынъ, подъ личиной друга человѣчества, даетъ ему названіе воспитанника, названіе, которое въ такое вошло употребленіе, что сіи великодушные люди съ величайшимъ успѣхомъ научились пользоваться онымъ на щотъ поупущенія закона. Иные, вмѣняя ни во что самымъ священнѣйшимъ залогамъ жертвовать преступному своему тщеславію, утѣшаются гласностію, что имѣютъ столько-то несчастныхъ жертвъ, съ которыми поступаютъ они на ровнѣ съ своими слугами. Не рѣдко случается, что братъ наследуетъ своего брата, что сестра наследуетъ свою сестру; то есть такъ называемые незаконные дѣти дѣлаются собственностію, дѣлаются крѣпостными людьми законныхъ дѣтей, не смотря что тѣ и другіе суть дѣти одного отца. Природа! что стало съ тобой! куда дѣвались права твои? во что обратилось твое святилище, сіе сердце, которое вложило ты въ грудь родителей, и которое каждымъ біеніемъ своимъ наноситъ новый тебѣ ударъ!

«Но есть ли есть еще честные люди, которые поступаютъ согласнo съ совѣстію, почитая на ровнѣ съ убійствомъ отказаться отъ дѣтей, данныхъ имъ природою въ награду ихъ страсти и въ большее утвержденіе ихъ союза, и которые прилагая для ихъ воспитанія всѣ попеченія, каковыя горячность нѣжнаго отца къ дѣтямъ внушить только можетъ; то видимъ, когда судьба, позавидовавъ счастью такому, пресѣкаетъ ихъ дни, а съ оными и всѣ виды, которые во время жизни своей простирала они на пользу своего семейства; тогда пораженная такимъ ударомъ мать, впадаетъ съ невинными жертвами своими въ бездну золь. Чей долгъ въ семъ случаѣ призрѣть ихъ? къ кому прибѣгнуть они должны? къ законамъ? они не примутъ ихъ жалобы; къ наследникамъ? Хорошо, есть ли найдутъ въ нихъ человѣковъ. Но печальный опытъ доказываетъ, что сіи несчастные существа, лишеныя всякой помощи, всего чаще влачатъ горестную жизнь, претерпѣвая язвительныя насмѣшки, довершающія ихъ нищету и отчаяніе.

¹⁾ «Человѣчество не престанетъ благословлять имя человѣколюбивой учрежденія воспитательныхъ домовъ. Сколько сохранено симъ жертвъ, должеествовавшихъ погибнуть безъ сего благодѣтельнаго убѣжища!»

«Какое сердце не тронется, смотря на сіи ужасныя картины, посрамляющія человѣчество! Ужели вопль невинности будетъ только разноситься въ воздухъ и никакая благодѣтельная рука не исторгнетъ у развращенія кинжаловъ, острымыхъ имъ на ея погубленіи! О, Государь! доброта Твоя душа, согласенная съ мудрою Твоею дѣятельностію, коея повсечастно даешь Ты намъ сладчайшія вкушать плоды, составляетъ единственную надежду, что ты склонишь челоуѣколюбивый слухъ свой къ симъ невинно-несчастнымъ и даруешь имъ права. Великая и по дѣламъ своимъ бессмертная Екатерина II, по законамъ и сердцу, которыя Ты наслѣдуешь, чувствовавши всю важность сего предмета, въ премудромъ Наказѣ своемъ, данномъ Ею Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, предписала для сихъ несчастныхъ здѣлать потребныя узаконенія, ибо родившіяся, говоритъ Она, требуютъ призрѣнія¹⁾. Такъ рекла Екатерина, и божественная душа ея, блистая въ чертахъ сихъ, являетъ міру, сколь мыслъ сія достойна челоуѣколюбивыхъ государей. Тебѣ, Монархъ, остается совершить оную. Лавры, вѣнчающіе главу героевъ, увядаютъ скоро на развалинахъ кровію челоуѣческою дымящихся, одна лишь память царей добродѣтельныхъ, царей законодателей благословляется потомствомъ, и слава ихъ старѣясь разцвѣтаетъ.

«Источникъ сего нравственнаго зла происходитъ сколько отъ неуваженія, столько и презрѣнія къ супружеству, сему священному постановленію, долженствующему составлять душу государственнаго тѣла, быть основаніемъ общественнаго зданія, безъ чего не будетъ оно твердо, рушится, и великія потребны уже будутъ пожертвованія для возстановленія онаго. Древность, обильная опытами, подтвердитъ сію истину. Не видимъ ли мы, какъ съ одной стороны многія государства процвѣтали и восходили на высочайшую степень могущества, когда супружество, сохраняя свою силу, было уважено. Не видимъ ли съ другой стороны, какъ и погибали они подъ собственными своими развалинами, когда оно ослабѣвало и преставало быть стражемъ общественныхъ законовъ. Супружество назидая зберегаетъ нравы, нравы зберегаютъ законы, законы зберегаютъ свободу. Вотъ священный характеръ, супружество избражающій. Оно сохраняя тишину и согласіе въ недрахъ семейства, утверждаетъ чрезъ то миръ и спокойствіе общественное, оно образуетъ юные сердца дѣтей, послѣдующихъ обыкновенно во всемъ своимъ родителямъ, которые тѣмъ сильнѣе понуждаютъ помышлять о своихъ должностяхъ, ибо обязаны въ томъ бывать своимъ примѣромъ. Но есть ли несмотря на всѣ сіи виды, толикія общественныя пользы въ себѣ заключающія, есть ли вопреки природѣ, вопіющей противу несправедливости, нѣкоторые отцы, дѣлаясь сугубо

¹⁾ Часть вторая, о правѣ особенномъ.

преступными какъ чрезъ нарушеніе законовъ честности, такъ и чрезъ небреженіе прижитыхъ ими дѣтей, смѣются надъ сими обязательствами; тогда законъ, орудіе правосудія, долженствующій безъ лицепріятія осуждать подобный поступокъ и порочную связь таковыхъ родителей, обратя на нихъ весь стыдъ и поношеніе, какъ справедливое возмездіе за предосудительное ихъ поведеніе да не ограничитъ себя сими только изслѣдованіями, но да простретъ оныя и на ихъ дѣтей, которымъ кажется для того только даровали они жизнь, чтобъ о нихъ совсѣмъ не думать. Ужели сіи невинно-несчастные, которые суть также, Государь, твои подданные, должны исключительно оставаться безъ всякаго права, безъ всякаго закона, на который могли бы они опереться и которой бы подъ эгидомъ своимъ могъ въ случаѣ спасать ихъ невинность.

«Человѣколюбіе Твое, Государь, ободряя меня въ моемъ предпріятіи, внушило мнѣ смѣлость всеподданѣйше представить въ разсужденіи сего то, что можетъ быть при первомъ взглядѣ поразить воображеніе и покажется страннымъ; но которое тѣмъ не менѣе справедливо, ибо основано на самой природѣ. Мой долгъ есть изобразить истину въ настоящемъ ея видѣ, и тщетны бы въ семъ случаѣ были усилія искусства, старавшагося подъ пленительными красками истины представить ложь, ибо она никакъ не скрывала бы отъ прозорливой мудрости моего Монарха, коего беру я смѣлость просить прочесть меня до конца.

«1-е) Есть ли законы природы существовали прежде законовъ человѣческихъ, есть ли они однѣ только постоянны, то законы общественные тогда лишь только назваться могутъ справедливыми, когда съ оными бываютъ согласны. Есть ли отецъ, приживши непозволеннымъ образомъ дѣтей, нарушилъ чрезъ то законы гражданскіе, то какому бы ни подвергалъ онъ себя за то осужденію, совсѣмъ тѣмъ не можетъ, безъ нарушенія справедливости, лишентъ быть права признать ихъ своими, ибо онъ есть отецъ, ибо право сіе предоставляется ему закономъ природы. Слѣдовательно, та же самая справедливость требуетъ, чтобы таковыя дѣти поступали въ число законныхъ дѣтей.

«Примѣчаніе. Сколько страждущихъ жертвъ чрезъ позволеніе сего воскреснутъ, Монархъ, изъ-подъ бремени тѣснящаго ихъ закона! сколько дѣтей возвращено будетъ чрезъ сіе отцамъ ихъ, которые можетъ быть терзаясь грызеніемъ совѣсти и желая отъ всего сердца признать ихъ своими, лишены днесь сего естественнаго права.

«2-е) Есть ли же кто отъ незаконно-прижитыхъ имъ дѣтей своихъ отречься станетъ, а матери ихъ или сами дѣти, что онъ отецъ ихъ, въ томъ доказать могутъ; тогда справедливость обязы-

васть его признать ихъ своими; почему сіи дѣти входятъ также во всѣ права законныхъ дѣтей.

«Примѣчаніе. Но сіе божественное благодѣяніе можетъ только распространяться на будущіе роды; то есть съ того времени какъ законодатель заблагоразсудитъ учредить такое постановленіе. Дѣтямъ же, находящимся нынѣ въ равныхъ сему случаю обстоятельствахъ, да опредѣлится закономъ часть изъ имѣнія отцовъ ихъ. Симъ образомъ обезпечится ихъ состояніе и защитится невинность.

«3-е) Но есть ли матери или незаконно-прижитые ихъ дѣти, кто суть имъ были отцы ихъ, доказать не могутъ, въ такомъ случаѣ та же самая справедливость ограничиваетъ право сихъ дѣтей одною только свободою избрать себѣ родъ состоянія, какой они пожелаютъ.

«Примѣчаніе. Право сіе можетъ дѣйствовать на всѣ времена какъ на настоящія, такъ и на прошедшія и будущія. И хотя сей законъ по нѣкоторымъ отношеніямъ существуетъ; но онъ, какъ видѣть можно, есть только послѣдствіе двухъ вышеприведенныхъ мною пунктовъ, изъ которыхъ выключая перваго, по ясному въ немъ изображенію сущности самаго дѣла, какъ сей, такъ и второй пункты требуютъ особеннаго изслѣдованія.

«Люди, не имѣющіе нравственности, люди почитающіе честность химерою, не видящіе никакихъ препонъ въ послѣдованіи внушенію постыдныхъ своихъ страстей, конечно, въ случаѣ ни во что поставятъ отрещись отъ дѣтей своихъ, особливо есъ ли могутъ еще надѣяться укрыться отъ очей закона, долженствующаго на сей конецъ здѣлать положительное опредѣленіе, какія именно доказательства со стороны матерей и дѣтей въ разсужденіи ихъ отцовъ имъ принимаемы быть могутъ, дабы всякой, имѣя въ виду сіе постановленіе, могъ по оному предпринимать свои мѣры. Черезъ это пресѣкнутся всѣ затрудненія въ разбирательствахъ, число дѣлъ ни мало не умножится, потому что теченіе оныхъ будетъ свободно.

«Но есть ли относительно къ третьему пункту, не всѣ дѣти равно будутъ счастливы въ отысканіи своихъ родителей, то по крайней мѣрѣ получаютъ всѣ на оное равное право. Симъ образомъ облегчится жребій ихъ и законъ, ограждая невинность сихъ несчастныхъ, поставитъ ихъ на одну чергу съ прочими сынами отечества, которое, открывъ имъ свои недра, утѣшитъ ихъ и успокоитъ. Они не столько будутъ сожалѣнія достойны, что отцы ихъ остались отъ нихъ въ неизвѣстности, сколь несчастны они теперь, будучи лишены правъ потребовать ихъ предъ судилище законовъ и вопрошить ихъ: скажите, нечувствительные, предъ зеркаломъ истины, обнаружьте сердца свои! Почто вы насъ отвергнули? Почто скрывали себя отъ насъ, скрывали что виновники нашего бытія?

почто еще гнушаетесь нами? Развѣ мы сего достойны? развѣ препятствовали вамъ въ вашихъ наслажденіяхъ? Скажите, что могло васъ такимъ образомъ противу насъ вооружить? Почто вы насъ не любите? или сего чувства не дала вамъ природа, или, ввергнувъ насъ въ нищету и отчаяніе, тайно наслаждаетесь нашею горестію и нашими слезами? Отцы! отцы! Есь ли гласъ совѣсти можетъ еще сколько-нибудь быть внятень для сердець вашихъ; есь ли природа можетъ еще въ васъ пробудиться, о сколь были бы велики, есть ли бы могли здѣлаться теперь справедливыми! ЕСТЬ ли хотите избѣжать раскаянія, непременно постигнуть васъ долженствующаго, то способы къ тому еще вамъ открыты. Теките къ престолу добродѣтельнѣйшаго изъ царей, повергните себя предъ онымъ, Александръ приметъ прозбы ваши, вашъ долгъ оправдать предъ нимъ невинность вашихъ дѣтей и возвратить имъ то, чего вы ихъ лишаете.

«Наконецъ, остается разсмотрѣть, не ослабнетъ ли чрезъ сіи постановленія супружество и не увеличится ли еще болѣе зло, предупредить желаемое (sic).—Я буду въ семь случаѣ руководствоваться опытомъ.

«Есть ли возьмемъ мы теперъ супружество въ томъ состояніи, въ какомъ оно есть, а не въ томъ, въ какомъ оно быть должно и какъ выше сего мною представлено, то увидимъ, что оно большею частию не иное что изображаетъ, какъ подлый торгъ богатства и тщеславія, какъ совокушеніе имѣній, а не союзъ людей. Чего можно ожидать отъ таковыхъ браковъ? ничего болѣе, какъ величайшихъ и непрерывныхъ золъ; супруги, таковымъ образомъ соединенные, безъ взаимнаго желанія нравиться, какъ могутъ наслаждаться тѣмъ счастіемъ, которымъ природа награждаетъ только сердца, любовію сопряженные? Нѣтъ, такое соединеніе супруговъ есть не иное что, какъ заговоръ противу общества, противу добродѣтели и нравовъ. Кажется, что жена не мужу своему принадлежитъ, но тому, кто только пожелаетъ надъ нею побѣды. Печальная истина! почто являешься ты мнѣ между моими соотечественниками? но ты, чтобъ еще болѣе поразить меня, представляешь мнѣ зрѣлище, возмущающее природу, уничтожающее человѣчество! Тамъ жестокая мать приноситъ въ жертву корыстолюбію и тщеславію невинность и честь своихъ дочерей и, ввергнувъ ихъ въ поношеніе и несчастіе, сама украшается таковыми трофеями... Здѣсь безразсудный, подлый мужъ, гонясь за безславіемъ, ведетъ съ веселымъ лицомъ жену свою на ложе сладострастнаго вельможи, дабы сей въ толпѣ его окружающей взглянулъ на него съ улыбкою и пожалъ у него руку. Я вижу сихъ супруговъ, но которые по взаимной ненависти пренебрегая домашнею жизнію, въ недрахъ коея образовались въ Римѣ достойные сыны отечества, ищутъ удовольствій внѣ своего семейства, предаваясь дорогимъ издержкамъ и веселостямъ, по

большей части въ разореніе ихъ преводящимъ. Привыкши къ толь пагубной разсѣянности, видъ собственнаго ихъ семейства дѣлается уже для нихъ тягостнымъ, они скучаютъ дѣтми своими, священную должность свою въ разсужденіи ихъ воспитанія поручаютъ наемникамъ, которые будучи у нихъ въ уничиженіи могутъ ли воспитанникамъ своимъ внушить желаніе славы, благородное соревнованіе, великодушныя чувствованія, которыя суть источникомъ всѣхъ полезныхъ государству дѣлъ? Могутъ ли поселить въ нихъ любовь къ отечеству, любовь къ общему добру, и научить ихъ познанію должностей челоуѣка и гражданина. Наконецъ, иногда допущая къ себѣ дѣтей своихъ, съ коими рѣдко бывають вмѣстѣ, сіи невинныя существа, ласкаясь вокругъ ихъ восхищаютъ сердце посторонняго челоуѣка, тогда холодность и равнодушіе оттѣняютъ на лицахъ ихъ родителей ту нечувствительность, которая обыкновенно сопутствуетъ поврежденію нравовъ. Вотъ источникъ зла, наводняющаго общество! вотъ гдѣ кроются сѣмена разврата и порока! Обычай взялъ верхъ надъ законами; законы уступили ему владычество надъ собою; и сей колоссъ, предъ коимъ все раболѣпствуетъ, для котораго никакихъ не щадитъ жертвъ, есъ ли только получить должное направленіе, тогда все восприметъ настоящій видъ, все преобразится, законъ вступить въ свое мѣсто, нравы возникнутъ и утвердятся. Обычай довершитъ безпорядки, въ супружествѣ существующіе. Обычай поставилъ ни во что нарушеніе сего священнаго союза. Прелюбодѣйство не возбуждаетъ никакого стыда, ибо роскошь, волокитство и кокетство, здѣлавшись стихіею обществъ, занимаетъ мужчинъ и женщинъ, несмотря ни на ихъ лѣта, ни на ихъ возрасты, ни на ихъ состоянія, святыя храмы преобразились въ мѣсто ихъ свиданія и переговоровъ; святыя храмы здѣлались торжищемъ ихъ преступныхъ чувствованій; волокитство, поступя въ число достоинствъ, паче прочихъ усовершенствованое, подобно будучи хамелеону, очаровывая все своею волшебною наружностію, скрывая подъ оною черныя свои виды и сыпя цвѣты по нечистому пути своему, обольщаетъ, ловитъ неопытную невинность, которая потомъ въ свою чреду начинаетъ ловить другія жертвы, и, такимъ образомъ, сіи двѣ погубныя страсти, удалясь отъ благородной цѣли своей и истиннаго своего источника, повредили сердца людей, а съ ними развратили общества. Честная любовь здѣлалась рѣдкою вещью, потому что языкъ прямой любви не можетъ быть вятенъ для сердець развращенныхъ; потому что любовь не можетъ быть постоянною страстію, есъ ли чувствительность ея не истекаетъ изъ добрыхъ нравовъ.—Но сего не довольно, обычай простеръ власть свою даже до того, что вѣроломныя супруги, явнымъ образомъ предаваясь склонностямъ своимъ, выключая законнаго семейства, имѣють еще по нѣскольку незаконныхъ семействъ, которыя будучи жертвою несчастнаго своего рока, не

смѣютъ жаловаться на судьбу свою, потому что судьба ихъ зависитъ совершенно отъ сихъ прелюбодѣевъ, которые не отдавая ни кому въ таковыхъ дѣлахъ своихъ отчета, поступаютъ съ ними какъ хотятъ; въ ихъ волѣ призреть или бросить. И хотя многоженство закономъ не позволяется, но въ самомъ дѣлѣ оно существуетъ.

«Равнымъ образомъ безбрачные, не видя для себя ни малѣйшихъ принужденій, предпочитая свободу узамъ супружества и имѣя безобѣдное состояніе, не находятъ довольно побудительныхъ причинъ, чтобы жениться; ибо не подвергая себя ни мало безславію, могутъ открытымъ образомъ жить съ любовницами, имѣя дѣтей, и перемѣнять ихъ по своему желанію. Законъ молчитъ предъ такимъ обычаемъ. Онъ молчитъ, будучи въ семъ случаѣ подобенъ умершему благодѣтелю человѣчества, надъ прахомъ коего тщетно плачутъ несчастные, тщетно желаютъ изобразить ему всю трату души ихъ, тщетно просятъ еще отъ него помощи. Распростертый предъ ними трупъ не внемлетъ ихъ рыданіямъ; благотворительный духъ его оставилъ оный на вѣки! Мертвъ и тотъ законъ для общества, коего не видитъ оно благотворительнаго дѣйствія.

«Вотъ общія картины супружества и безженства! женатые и холостые, каждый изъ ихъ состояній, послѣдую своимъ обычаемъ, кажется, спорятъ между собою въ преимуществѣ приносимаго ими обществу вреда, а вмѣстѣ показываютъ, сколь мало и тѣ и другіе чувствуютъ цѣну пользы нравовъ. И такъ, толь предосудительный образъ жизни сего рода людей требуетъ непремѣннаго обузданія. Но какія мѣры, какія постановленія нужны для совершенія толь великаго предпріятія? Безсмертная Екатерина Вторая въ премудромъ Наказѣ своемъ опредѣляетъ слѣдующія средства, говоря о семъ родѣ преступленій: «поелику оныя суть нарушеніе чистоты нравовъ или общей вѣрѣ, или особенной каждому, то есть всякія поступки противъ учреждений, показующихъ какимъ образомъ должно всякому пользоваться внѣшними выгодами, естественномъ челоуку данными, для нужды, пользы и удовольствія его. Наказанія сихъ преступленій должно также производить изъ свойства вещи лишеніе выгодъ, отъ всего общества присоединенныхъ къ чистотѣ нравовъ, денежное наказаніе, стыдъ или безславіе, принужденіе скрываться отъ людей, безчестіе всенародное, изгнаніе изъ города и изъ общества, словомъ: всѣ наказанія, зависящія отъ судопроизводства исправительнаго, вольны укротить дерзость обоого пола. И во истину сіи вещи не столько основаны на зломъ сердцѣ, какъ на забвеніи и презрѣніи самага себя. Сюда принадлежатъ преступленія, касающіяся только до поврежденія нравовъ; а не тѣ, которые вмѣстѣ нарушаютъ безопасность народную, каково есть похищеніе и насилуваніе, ибо сіи уже вмѣщаются между преступленіями четвертаго рода»¹⁾), которымъ и опредѣляетъ она казнь наказаніемъ. Но какъ

¹⁾ Глава VII, о законахъ подробно—§ 77-й.

главнѣйшій предметъ мудраго законодателя долженъ состоять въ предупрежденіи дѣйствія страстей; ибо обширная безпредѣльная мысль его должна обнимать будущее, ровно какъ объемлетъ она настоящее и прошедшее. Ибо законодатель исполнить одну только половину своей должности, есть ли ограничить усилія свои пораженіемъ и наказаніями. Слѣдовательно, онъ безпрестанно заниматься долженъ предупреждать пороки, отъемля у нихъ ихъ пищу и ихъ выгоды, сколько общественный порядокъ и внушеніе природы позволить могутъ. Но чѣмъ предупредить преступленія? тѣмъ ли, когда нѣкоторое число людей не болѣе будетъ щадимо, какъ всѣ люди вообще или каждый изъ нихъ особенно; тѣмъ ли, когда никто никогда не будетъ бояться другого гнѣва, кромѣ гнѣва закона? Тѣмъ ли, когда науки распространятся и просвѣтятся разумъ; тѣмъ ли, когда поощряемые къ работѣ люди убѣгать будутъ праздности, какъ источника ихъ развращенія; тѣмъ ли, когда попечительное воспитаніе съ самаго дѣтства побуждать станетъ къ патриотизму и добродѣтели; тѣтъ ли, когда добродѣтель сія имѣть будетъ награжденія; тѣмъ ли, когда найдутъ великую выгоду быть добрымъ, честнымъ и благоразумнымъ; тѣмъ ли, наконецъ, когда не допустятъ никого любить порокъ и уступать оному? Ахъ! если однажды вкрадется онъ въ душу, тогда жаръ благородныхъ чувствованій гаснетъ, и тотъ человѣкъ не далекъ уже отъ преступленій, которые ни чѣмъ не будучи воздерживаемы, оставаясь безъ всякаго взысканія, усиливаются и совершаются еще съ нѣкоторымъ тщеславіемъ. Римъ во время блистательнаго своего величія, когда вселенная покорствовалась его оружію, Римъ во внутренности стѣнъ своихъ занимался тогда начертаніемъ тѣхъ законовъ, которые, устроивъ благоденствіе его гражданъ, достигли наконецъ до насъ и послужили основаніемъ для всѣхъ европейскихъ законовъ. Я никакъ не могу умолчать о тѣхъ превосходныхъ и предмету моему соотвѣтствующихъ постановленіяхъ, которыя дабы побудить Римлянъ къ супружеству, предоставляли женатымъ людямъ слѣдующія исключительныя права: «отецъ семейства, имѣвшій болѣе дѣтей, имѣлъ быть всегда предпочитаемъ какъ въ исканіи чиновъ, такъ и въ самомъ отправленіи оныхъ. Консулъ, имѣвшій болѣе дѣтей, бралъ первыя пути и могъ выбирать себѣ провинціи; сенаторъ, который болѣе имѣлъ дѣтей, писался первымъ въ списокъ сенаторомъ, и первый подавалъ мнѣніе свое въ сенатѣ. Также можно было прежде назначенныхъ лѣтъ поступать въ судьи, потому что на каждое дитя причитывалось по году заслуги.

«Не женатые у Римлянъ не могли ничего получать по завѣщанію постороннихъ; а женатые, но бездѣтныя, больше половины не получали.

«Выгоды, которыя могли имѣть мужъ и жена по взаимнымъ другъ отъ друга завѣщаніямъ, были ограничены закономъ. Они

могли, ежели у нихъ дѣтей не было, наслѣдовать другъ отъ друга только десятую часть имѣнія; ежели же имѣли дѣтей отъ перваго брака, то могли давать другъ другу столько разъ десятую часть, сколько имѣли дѣтей.

«Если мужъ отсутствовалъ отъ жены своей для другой какой причины, не по дѣламъ до общества касающимся, то не могъ онъ быть ея наслѣдникомъ»¹⁾.

«Вотъ какимъ образомъ законодатели Рима старались приводить супружество въ уваженіе, зная, что чрезъ сіе могли они только достигнуть предположенныя ими цѣли какъ къ сохраненію нравовъ, такъ и къ размноженію народа. Слѣдовательно, тѣмъ менѣе снисходили къ нарушителямъ сего союза и наказанія ихъ, въ разсужденіи сего хотя были уже съ лишкомъ строги, но которые есь ли основаны будутъ на свойствѣ преступленій и не превзойдутъ своихъ мѣръ, тогда, конечно, несомнѣнную принесутъ пользу; ибо ежели наказанія не могутъ образовать нравовъ народныхъ, то по крайней мѣрѣ могутъ способствовать къ збереженію чистоты оныхъ. Развратъ тогда только становится общимъ, когда частное развращеніе избѣгаетъ строгости законовъ, принужденныхъ попускать оное. Не цензура произвела въ Римѣ людей добродѣтельныхъ, но безъ нея добродѣтель блистала бы въ ономъ менѣе времени. Цѣль сего сужейства состояла не въ томъ, чтобы рождать героевъ, но дабы воспрепятствовать, чтобъ они не развратились. Вотъ какое вліяніе наказательные законы имѣютъ на нравы общественныя. Итакъ, они должны, дабы сохранить нравы, наказывать преступленія, противныя воздержности общественной и частной, то есть: противныя благоустройству учрежденному въ государствѣ, какимъ образомъ наслаждаться чувственными удовольствіями.

«Я бы привелъ нѣкоторыя узаконенія, въ разсужденіи прелюбодѣйства и любодѣянія существовавшія въ Римѣ и существующія нынѣ въ нѣкоторыхъ европейскихъ державахъ; но кровавыя ешафоты и пылающіе костры, воздвигнутые ими на погубленіе сихъ несчастныхъ жертвъ, недостойны быть представленными предъ взоры кротости и челоуѣколюбія. Законы Миносовы, законы Августовы и законы Солоновы въ семъ случаѣ соотвѣтствовали лучше свойству преступленій и достойны вниманія законодателя. «Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій, говоритъ Великая Екатерина, есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непременно будетъ наказанъ»²⁾.

«Итакъ, есть ли преступленія будутъ предупреждаемы, есть ли кроткіе, но не лице-пріятные законы не будутъ прощать преступ-

¹⁾ Наказъ Великія Екатерины, глава XII, § 233, 284, 285.

²⁾ Наказъ, данный Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, глава X. о образѣ криминальнаго суда, § 222.

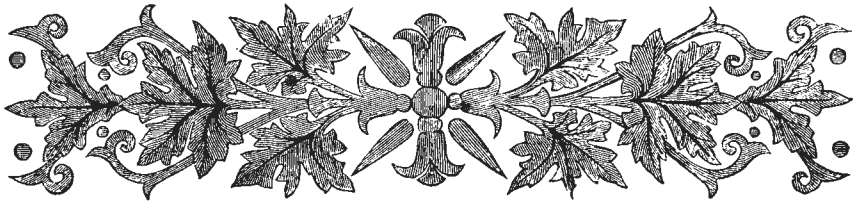
никовъ; есть ли приведенные выше мною способы, премудрою законодательницею Сѣвера предписанные, согласны будутъ съ приличными сему предмету узаконеніями законодателей древнихъ и новѣйшихъ временъ и какія проницательностью Твоею, Монархъ, избраны будутъ полезныя къ сему средства; тогда несомнительный успѣхъ увѣнчаетъ сіе благодѣтельное, сіе великое предпріятіе.

«Стремительныя желанія ищущихъ себѣ жертвъ соблазнительей, которые не по природѣ, но по одному только обычаю здѣлались таковыми, получаютъ тогда благороднѣйшее направленіе. Мысль о могущихъ произойти отъ того послѣдствіяхъ будетъ сильна удерживать ихъ отъ ихъ намѣренія. Владычество разврата конечно истребится, ибо кто захочетъ быть врагомъ своей чести, быть врагомъ самому себѣ? Кто захочетъ тогда вступить въ порочную связь, зная, что преступное награжденіе производитъ законный плодъ, который при самомъ появленіи своемъ вступаетъ подъ охранительную сѣнь законовъ, не теряя никогда своихъ правъ? Какая женщина захочетъ принести себя въ жертву развратства, когда презрѣніе другихъ будетъ возмездіемъ за такое ея поведеніе? Жить съ любовницами выдетъ изъ обычая, слѣдовательно брачный узелъ необходимо укрѣпится, и связь супружества, обнявъ все, что только входитъ въ составъ общественнаго благополучія, тѣмъ сильнѣе утвердитъ и продлитъ свое существованіе. Невинность, извлеченная изъ небытія, не будетъ болѣе жертвою поруганія, сія невинность, лишенная даже средства къ своему защищенію и противъ коея прошедшія времена не устыдились вооружить самые законы. Но какъ все, проходя чрезъ горнило временъ, очищается и усовершенствуется, слѣдовательно многое изъ того, что для нашихъ предковъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ и образу мыслей того вѣка, казалось лучшимъ средствомъ, превосходнѣйшимъ постановленіемъ, было бы въ отношеніи къ намъ не только бесполезно, но даже несправедливо. За временами варварства, въ которомъ посредствомъ мучительнѣйшихъ пытокъ думали узнавать правду, слѣдовали времена не столь грубыя. Просвѣщеніемъ озаренные умы увидѣли, что пытки не суть къ тому способы, что чрезъ оныя не столько узнавали правды, сколько открывали терпѣнія. И подлинно, что можетъ быть несправедливѣе и жесточѣе, какъ мучить человѣка, о преступленіи котораго еще сомнѣваются, и почему бы боль могла заставить говорить лучше правду, нежели ложь? Наконецъ, наступило благополучное для насъ время! просвѣщенная милость, сокруша скипетромъ своимъ сей презрительный памятникъ безчеловѣчной инквизиціи, изгладила на вѣки самое названіе онаго, и исторія золотымъ перомъ изобразитъ благодѣаніе сіе между тѣми добрыми дѣлами, о которыхъ съ душевнымъ удовольствіемъ и признательностію не престанетъ вспоминать человечество. Итакъ, каждый вѣкъ образуется въ чреду, каждый народъ образуется по волѣ

его правителя. Между всѣми Твоими, Государь, въ пользу подданныхъ попеченіями, во дни кроткаго и справедливаго Твоего правленія, ужели предразсудокъ, владычествовавшій въ невѣжественныя времена нашихъ предковъ, сей общества тиранъ, сіе чудовище, которое подобно минотаврѣ пожираетъ невинныхъ дѣтей, приносимыхъ ему въ жертву нечувствительными отцами, будетъ и между насъ сохранять свое владычество? Нѣтъ, Государь, сіе не можетъ быть совмѣстно съ Твоею благостію. Руководствуемый любовію къ своему народу, имѣя цѣлю его блаженство, любя простоту, изстребляя роскошь, водворяя нравы, изъ всѣхъ сихъ истинно великихъ видовъ, духъ Твой занимающихъ, нельзя, чтобы и сей предметъ сердца Твоего не коснулся. Спасти невинность, оградить ее законами, обуздать своеволие, воздержать отъ развращенія, заставить свято сохранять союзъ супружества и, наконецъ, употребить всѣ нужныя для достиженія сея великія цѣли мѣры, безъ сомнѣнія достойно Твоего вниманія. Нумы, Ликурги, Солоны, Конфуціи, равно какъ и обожаемыя Сѣверомъ имена Петра и Екатерины, всѣ сіи законодатели, украшающіе лѣтописи міра, уступятъ Тебѣ, Монархъ, первенство надъ собою. Ты станешь превыше ихъ, когда поправныя права вопіющей невинности, которыхъ стоны сама вѣчность заглушить не можетъ, подъ скипетромъ Твоимъ возстанутъ изъ своего ничтожества, ибо ни какое царство, ни какое правительство, отъ самыхъ первоначальныхъ временъ міра до настоящихъ дней въ разсужденіи сего предмета не представляютъ истинныхъ законоположеній, основанныхъ на природѣ и одобряемыхъ разумомъ».

Е. Пѣтуховъ.

НѢСКОЛЬКО НЕ РАЗРѢШЕННЫХЪ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ.

ВЪ НАШЕМЪ отечествѣ, можетъ быть единственной странѣ въ цѣломъ мірѣ, гдѣ перебивали въ разные вѣка многіе народы и племена, частію жившіе въ нынѣшней Россіи во времена до-историческія, частію проходившіе изъ Азіи въ Европу и оставившіе по себѣ болѣе или менѣе замѣтные слѣды самой разнообразной культуры.

У насъ существуетъ масса, такъ называемыхъ кладовъ, открытыхъ и ежегодно открываемыхъ въ землѣ, при раскопкахъ кургановъ, жальниковъ, сопокъ и могилъ, и множество остается лапидарныхъ памятниковъ, до сихъ поръ не изслѣдованныхъ, съ ихъ загадочными письменами и знаками, наконецъ, существуетъ масса названій мѣстныхъ урочищъ неизвѣстнаго происхожденія, остатковъ древности, въ вещественныхъ памятникахъ и въ народныхъ преданіяхъ и проч.

Все это позволяетъ думать, что для подробной исторіи страны, нами обитаемой, для всероссійской имперіи, много еще остается матеріала любопытнаго и важнаго, еще нетронутаго изслѣдователями, и много еще остается вопросовъ, которые ждутъ своего разрѣшенія. Напримѣръ, мы до сихъ поръ не знаемъ причины появленія значительной массы, въ одномъ мѣстѣ найденныхъ восточныхъ монетъ, какую мы встрѣчаемъ, въ кладахъ Екатеринославскомъ (14,000 экз.), Муромскомъ (11,077 экз.), Тетюшскомъ (10,000 экз.), Великолуцкомъ (вѣсомъ въ 6—7 пудовъ) и др. Положимъ, мы можемъ объяснить присутствіе большого количества мусульманскихъ монетъ (аббасидскихъ динаровъ и диргемовъ, ха-

лифскихъ и умейядскихъ диргемовъ, саманидскихъ, соффоридскихъ, бувейгидскихъ и другихъ монетъ) въ бассейнахъ приволжскихъ, Камскихъ, Окскихъ, Днѣпровскихъ и пр. большихъ нашихъ рѣкъ, по которымъ шла наша торговля съ Востокомъ; ввозъ мусульманскихъ монетъ въ Россію могъ продолжаться въ X, XI, XII и XIII вѣкахъ. Но появленіе въ Москвѣ аббасидскихъ диргемовъ, особенно въ землѣ, при вырытіи фундамента для храма Христа Спасителя, или находка нѣсколькихъ тысячъ куфическихъ монетъ въ Кіевѣ, во время постройки Кіево-Печерской крѣпости, и въ другихъ мѣстахъ, лежащихъ внѣ главныхъ рѣчныхъ торговыхъ путей (напр. аббасидскія диргема IX вѣка, найденныя близъ озера Варегы и деревни Савина, Черниговской губерніи или такого же рода монеты, найденныя между Ропшею и Дятлицами, въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, или въ селѣ Желѣзницахъ, близъ озера Осетра, въ Рязанской губерніи 258 куфическихъ монетъ и др.),— все это остается для насъ необъяснимымъ.

Если такъ трудно бываетъ опредѣлить причину появленія восточныхъ монетъ въ извѣстной мѣстности, тѣмъ труднѣе кажется объяснить исторію многихъ предметовъ и вещей, находимыхъ въ нашихъ раскопкахъ. Чѣмъ объяснить появленіе вещей въ Ананьевскомъ могильникѣ (при устьѣ р. Тоймы, впадающей въ р. Каму) подобныхъ тѣмъ, которыя встрѣчаются на финикійскихъ монетахъ и египетскихъ іероглифахъ? Какъ объяснить, что въ мѣстахъ пустынныхъ, по берегамъ рѣки Печоры, встрѣчаются шахты, а въ нихъ бронзовыя статуетки, изображающія рудокопа?.. Интересно то, что у финновъ, живущихъ на Уралѣ и Алтаѣ, сохранилась (по сообщенію Кельлгрена) поэма подъ названіемъ «Ирганиконъ». Предполагаютъ, что по своему названію эта поэма, прославляющая рудокопное дѣло, была заимствована у китайцевъ, что видно изъ слѣдующаго: у черемисъ мѣдъ называется *vergens*, у зырянъ—*ürgön* (ырггөн), у вотяковъ—*irgon*; слово же *gun*, по китайски значитъ рудникъ. Существуютъ еще другія свидѣтельства о давнихъ сношеніяхъ обитателей нашего Сѣверо-востока съ Китаемъ, къ числу которыхъ принадлежатъ сообщенія Іоакима Бичурина и о. Палладія. Изъ нихъ послѣдній говоритъ: «что въ исторіи Китая упоминаются франки (бо лан ги), ассы (асу) и русскіе (о ла сы; а ло сы, у ло сы). Въ XIV столѣтіи русскіе являются въ Китаѣ особеннымъ отрядомъ въ пекинской гвардіи, въ 1330 г. (см. соч. Юань-ши, 34), во времена хана Тутѣмура (извѣстнаго подъ именемъ Чжаяду). Отрядъ этотъ или полкъ назывался Сюань чжунъ улосы ху вэй цинь цзюнь, т. е. охранный полкъ изъ русскихъ, прославляющій вѣрность (отличающійся вѣрностію)».

Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ о давнихъ сношеніяхъ обитателей нашего сѣверо-востока съ Китаемъ, могутъ служить находимые въ этихъ мѣстахъ китайскія зюнзе («зеркала»), гонго

(въ родѣ нашего «бילו»), пайзы (пай-цзы), — жеребеекъ или дощечка, употреблявшаяся для почты и передачи приказаній, старинныя монеты, въ видѣ ножа и лопатки, амулеты и пр. Въ Пермской губерніи (близъ с. Рождественскаго) найдены были въ землѣ серебряный кусокъ съ китайскими іероглифами, какъ полагаютъ наши синологи, означающими цѣнность этой старинной монеты; тамъ же найдено было серебряное блюдо, съ вызолоченными на днѣ его китайскими орнаментами, между которыми замѣчательнъ олень съ тамгою на ногѣ, обвитый листьями ясени— дерева, составляющаго у китайцевъ эмблему долговѣчности, и проч. Наконецъ, упоминать ли о томъ, что у насъ съ давнихъ временъ

Медаль съ кентавромъ у самоѣдовъ, найденная на рѣкѣ Усѣ, выдающей въ рѣку Печору.

существовали названія: Китай-городъ, китайскій сарафанъ, китайка и пр., какъ о свидѣтельствѣ, что все это произошло отъ торговли нашей съ Китаемъ?.. Но, все это догадки.

Писаницы. У насъ, въ нашемъ отечествѣ, остаются до сихъ поръ недешифрованными множество лапидарныхъ памятниковъ, береговыхъ утесовъ и проч., покрытыхъ различными письменами, фигурами и знаками: напримѣръ, сибирскія «писаницы», Рогволодовъ и Варашевъ камни, утесы «Бѣсъ и Бѣсиха», въ Петрозаводскѣ, надписи на камняхъ въ Лужскомъ уѣздѣ Передольскаго погоста, въ Тверской губ., за рѣчкою Кушалкою, на ольвійскихъ львахъ и мн. др.; остаются не извѣстными до сихъ поръ, такъ называемыя каменные бабы (zolota baba), которыя попадаютъся на

11*

большомъ пространствѣ Россіи, начиная отъ Минусинска до Карпатскихъ горъ, г. Коло Калишской губ.,—хотя попытки къ разъясненію ихъ происхожденія были предпринимаемы многими русскими и иностранными учеными.

Мы имѣемъ основаніе думать, что намъ недостаточно извѣстны границы нашего сѣвера,—хотя мы знаемъ, что одна наша Архангельская губернія (занимающая 16,225 кв. географическихъ миль) обширнѣ Франціи и Австріи,—потому что, только теперь, для точнаго обслѣдованія обширнаго района, начиная отъ истоковъ рѣкъ Вычегды, Ижмы и Печерской Мылвы на югѣ, снаряжена министерствомъ государственныхъ имуществъ особая экспедиція. Послѣ этого кто можетъ поручиться въ томъ, чтобы мы знали этнографію этого края? Кто можетъ объяснить причины появленія у обитателей этого края предметовъ и вещей (напримѣръ, бляхъ съ фигурою centaвра, рукоприкладныхъ знаковъ съ изображеніемъ индѣйской «свастики» и пр.), напоминающихъ намъ о странахъ, неизмѣвшихъ ничего общаго съ нашимъ сѣверомъ.

Кентавры. У насъ на сѣверѣ можно встрѣтить у самоѣдокъ на груди (подобныя чухонскимъ солге, у эстонокъ бреце, у мордочекъ сустуки) родъ медали, изъ желтой латуни, съ изображеніемъ на ней кентавра (*bimembris*). Этого рода медаль, купленная г. Сидоровымъ (извѣстнымъ нашимъ сѣверяниномъ) у самоѣдовъ, живущихъ на р. Усѣ, впадающей въ р. Печору, была доставлена на политехническую выставку, въ 1872 г. въ Москву. Замѣчательно при этомъ, что изображеніе кентавра ¹⁾, упоминаемое (*bimembris*) Виргиліемъ (см. Энеида VIII. 293) и Овидіемъ (Метам. XV, 283), встрѣчается не только у насъ на сѣверѣ, но находится въ Англіи, въ нѣкоторыхъ старинныхъ храмахъ, на штучныхъ мозаичныхъ полахъ. Любопытно было бы знать, какими судьбами этого рода медали съ изображеніемъ кентавра, явились у насъ на сѣверѣ, у племени не промышленномъ и не торговомъ?..

Рукоприкладные знаки (тамги). Не менѣе любопытны рукоприкладные знаки лопарей, живущихъ на нашемъ сѣверѣ, между которыми (знаками) попадаются кресты съ загнутыми концами, — въ такой формѣ, въ какой они были въ древности символомъ благожеланія (въ Индіи называются *su-asti*). Нужно замѣтить, что простое изображеніе креста встрѣчается задолго до христіанства у многихъ народовъ (на финикійскихъ и еврейскихъ монетахъ, на стѣнахъ гробницъ, храмахъ, между священными вещами и предметами ассирійскихъ царей и между клинообразными надписями въ Малой Азіи. Но крестъ съ загнутыми концами (свастика) былъ извѣстенъ въ Индіи, Тибетѣ, Персіи, въ Китаѣ (онъ попадаетъ

¹⁾ Этотъ мнѣзъ (кентавръ) въ Индіи наз. гентавръ. У насъ онъ назывался кятоврасъ. См. объ этомъ изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго.

на старинныхъ сосудахъ, вазахъ, блюдахъ и пр.); въ Японіи этотъ знакъ служитъ эмблемою божества Кан-нон, и встрѣчается въ гербахъ старинныхъ японскихъ фамилій (въ гербахъ кн. Хори, Мац-даира и др.). Какъ эмблема благожеланія и отвращенія несчастія (*diagram mystique de bon augure*) этотъ знакъ, какъ извѣстно, въ первые вѣка христіанства замѣняли изображеніе креста Господня. Монограмма въ видѣ креста въ христіанской Греціи вырѣзывалась на воинскихъ щитахъ, броняхъ, монетахъ, на грамотахъ, печатяхъ и пр. Намъ неизвѣстно почему этотъ знакъ попадаетъ на сосудахъ, находимыхъ въ землѣ (у др. Мери), когда и какъ явился тотъ же знакъ въ орнаментикѣ нашихъ крестьянъ (на полотенцахъ, сарафанахъ, платяхъ и проч.), и существуетъ до сихъ поръ въ числѣ рукоприкладныхъ знаковъ у жителей нашего сѣвера?

Названія мѣстныхъ урочищъ, населенныхъ мѣсть, городовъ, рѣкъ и проч. Не пора ли намъ подумать о нашемъ историко-географическомъ словарѣ? объ изслѣдованіяхъ происхожденія разнаго рода названій нашихъ городовъ, рѣкъ и проч., или придется намъ этого долго ждать, если не предоставитъ и это дѣло иностранцамъ? У насъ существуетъ множество городовъ, рѣкъ и проч., происхожденіе которыхъ теряется въ глубокой древности (Кіевъ, Изборскъ, Гдовъ, Ржевъ, Ямы, Москва и др.); можетъ быть съ этимъ опредѣлится и то, что не мы заимствовали у иностранцевъ наши лѣтописныя сказанія о призваніи Варяговъ, но, что ихъ знаменитое: «*terra nostra spatiosa et fertilis*», etc¹⁾, заимствовано было изъ нашихъ лѣтописей? что самыя выраженія въ исландскихъ сагахъ о «колесахъ Ольги, о воробьяхъ ея» и пр., были взяты изъ нашихъ народныхъ преданій? Что исландскія саги упоминали о Гардарикіи (Россіи), объ этомъ свидѣтельствуютъ сказанія ихъ объ конунгѣ Владимірѣ и объ Аллагіи (*Arlogia*), его первой женѣ.— Можетъ быть исторія мѣсть (городовъ, рѣкъ, озеръ и пр.) опредѣлитъ намъ степень вѣроятія объ нихъ легендарныхъ указаній и лѣтописей (напр. можетъ быть гор. Москва дѣйствительно обязана своему названію, какъ говоритъ арх. Макарій, тому времени, когда потомки Мосоха (внука Ноя), кочевавшіе въ мѣстахъ, гдѣ течетъ р. Москва, назвали ее именемъ своего патріарха?). Исторія мѣсть, можетъ быть, укажетъ намъ, гдѣ были въ древности на Руси главные очаги язычества? (въ родѣ того, какъ говорятъ, что остр. Хортичъ на р. Днѣстрѣ названъ былъ въ честь Хорса-Дажбога, внуками котораго считали себя Русы). Отыщется можетъ быть тотъ Римовъ (мѣстность носящая названіе Римъ), которое упоминается въ Словѣ о Полку Игоря, и въ поученіи Владиміра Мономаха? Существуетъ же свидѣтельство, что въ селѣ

¹⁾ Widucindi, p. 419.

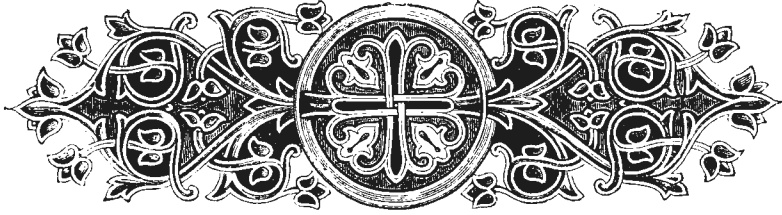
Туровскомъ (Костромской губ.), на горѣ, возвышающейся надъ вѣсѣмъ Галицкимъ уѣздомъ, въ старину былъ храмъ посвященный Туру — божеству, упоминаемому въ нашихъ былинахъ («туръ ходитъ по горамъ, турица по доламъ»). Можетъ быть самое мѣстечко Туровъ (между р. Припетью и Струменемъ, Мозырскаго уѣз.) получило свое названіе отъ того миѳическаго божества, которое у многихъ народовъ (Европы, Азіи, Африки), подъ разными наименованіями (Дарма, Шива, Парвати, Аписа и пр.), представляло изъ себя одну и ту же силу (*vola-tura*), — силу оживляющую и вмѣстѣ уничтожающую, атрибуты которой (Шивы или Сивы), по словамъ о. Хрисанфа, луна на лбу, змѣй, быкъ и *lingam* (*Phallus*), — символъ рожденія, а также лукъ, стрѣла, ожерелье изъ череповъ — символы смерти и уничтоженія. Можетъ быть исторія происхожденія названій нашихъ городовъ и прочихъ мѣсть, объяснить намъ, почему, когда и какъ явились у насъ сирійскія названія городовъ Триполя и Алепо, въ названіяхъ гор. Треполь (при впаденіи р. Стугны въ Днѣпръ) и Халепа (около Кіева); или, почему названіе одного изъ днѣпровскихъ пороговъ: Ненсытъ (Ненасытецкій), носитъ названіе, упоминаемое въ книгахъ Моисея (Левитъ XI, 14 и Второзаконіе, XIV, 14); или, почему въ системѣ водъ р. Сулы встрѣчаются названія мѣсть, напоминающія намъ корни греческихъ словъ, напр. Аксютинцы, Артополать и др.? Или, почему въ названіяхъ многихъ рѣчекъ (Анбой, Ирбой, Кибой, Кузбой, Ужбой и др.), впадающихъ въ р. Шексну, встрѣчается слово бой, которое на тюркскомъ языкѣ означаетъ русло? — У насъ существуютъ цѣлыя трактаты о финско-уйгурскомъ языкѣ, о рѣкахъ, озерахъ, горахъ, до сихъ поръ сохранившихъ угорское значеніе окончанія, но мы имѣемъ весьма смутное понятіе объ аборигенахъ Петербургской губерніи — народѣ Ижорѣ; мы не знаемъ ни его языка, ни его культуры; знаемъ только, что на островахъ Ладожскаго озера (Каневецъ, Валаамъ) были его языческія капища, приносились тамъ кровавыя жертвы; знаемъ, что на Невѣ, въ усадищѣ Варяговъ (что нынѣ д. Петрушкина), гдѣ жилъ Суббота Похабный, дворъ выжгли нѣмецкіе люди, когда шли подъ Орѣшекъ и пр. Исторія сохранила намъ нѣсколько интересныхъ подробностей о пути «изъ Варягъ въ Греки», о рр. Невѣ и Волховѣ; мы знаемъ, что иностранцы («гости»), входившіе въ Неву, имѣли право рубить лѣсъ по обоимъ берегамъ ея — если всгрѣчалась надобность въ деревѣ или мачтѣ; что хозяева лихтеровъ, нанятые для проѣзда по Невѣ и обратно, получали 5 марокъ кунами или окорокъ, а въ городѣ (Новгородѣ) платили княгинѣ — кусокъ сукна, а тіуну на волокъ пару рукавиць и пр. А между тѣмъ, мы не знаемъ какую долю участія въ торговлѣ съ нѣмцами имѣла Ижора, что за катакомбы найдены были нѣсколько лѣтъ тому на мѣстѣ нынѣшней петербургской портовой

таможни, гдѣ были найдены человѣческія кости, ручныя и ножныя кандалы; до сихъ поръ мы не знаемъ какими судьбами попали аббассидскіе диргемы въ землю Галерной гавани? и пр.

Изъ всего нами сказаннаго, кажется, можно заключить, что много еще осталось у насъ вопросовъ нетронутыхъ нашими изслѣдователями въ областяхъ нашей исторіи и географіи? Намъ кажется, что въ дѣлѣ подробнаго историческаго или этнографическаго изученія, какая-либо латунная медаль съ кентавромъ, какой-либо «пензеръ или домба» остяка или «ходаки» (священные платки, покрытые рисунками и непонятными письменами бурята) и проч. заслуживаютъ для русскаго человѣка большаго вниманія, чѣмъ фибулы папуасовъ и австралійцевъ? Можно полагать, что со временемъ, по примѣру министерства государственныхъ имуществъ, найдутся средства для разрѣшенія многихъ нашихъ историческихъ и этнографическихъ вопросовъ, и организуются ученныя экспедиціи для изслѣдованія тѣхъ глухихъ угловъ нашего отечества, гдѣ границы, можетъ быть и теперь, опредѣляются птичьимъ полетомъ или коровьимъ рыкомъ, а глубина выпавшаго снѣга (какъ говоритъ г. Потанинъ) — «въ воробья, въ сидячу курицу или въ сидячу собаку».

А. Савельевъ.

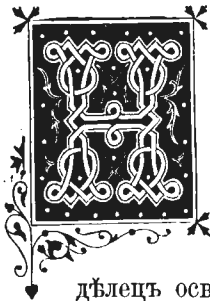

ПОЛЬСКАЯ УТОПИЯ XIX ВѢКА.

Очеркъ изъ современной исторіи.

I.

АПОЛЕОНЪ I указомъ 22 іюля 1807 г. дароваль крестьянамъ герцогства Варшавскаго личную свободу и уничтожилъ для нихъ крѣпостное право. Это была милость и гуманность высокая, но лишь съ точки зрѣнія заоблачной теоріи; на практикѣ же польскому и русскому хаму Польши стала отъ этого указа еще горше и хуже. Нравственная связь съ помѣщикомъ порвалась; владѣлецъ освободился отъ обязанности пещись и заботиться о младшемъ братѣ, а послѣдній лишился всякихъ правъ на землю. Владѣльцы вотчинъ получили возможность изгонять съ своей территоріи всякаго, кто имъ не милъ и не любъ, и на божій свѣтъ царства Польскаго явилась масса самого ужаснаго и несчастнаго пролетаріата— мужицкаго. Въ ту недобрую пору, мѣстности, нынѣ составляющей часть Грубешевскаго уѣзда Люблинской губерніи, Господь послалъ необыкновеннаго помѣщика-педагога, ученаго и писателя Станислава Сташица, одного изъ немалаго числа утопистовъ начала нашего желѣзнаго вѣка. Сташиць родился въ 1755 г. и умеръ въ 1816 г. въ Варшавѣ. Образованіе онъ получилъ по преимуществу за границей. Будучи сыномъ мѣщанина, Сташиць не могъ имѣть хорошаго мѣста въ яеновельможной Польшѣ и потому двадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни посвятилъ воспитанію дѣтей графа Замойскаго. Тутъ онъ во очію увидѣлъ, что значитъ слово «хамъ» на польскомъ

языкъ и въ сочиненіи подъ заглавіемъ «Uwagi nad życiem Jana Zamojskiego» высказала свое глубокое сочувствіе меньшему угнетенному брату. Скромная жизнь у великихъ пановъ дала Стапицу возможность составить крупный капиталъ; на этотъ капиталъ онъ купилъ отъ австрійскаго правительства въ концѣ прошлаго столѣтія большое имѣніе подъ названіемъ Грубешовское Староство, состоявшее изъ двухъ частей города Грубешова — Подзамче и Войтовство и селеній—Поборежаны, Черничинъ, Богородица, Ярославецъ, Бусенецъ, Дьяконовъ и т. д. Староство это заключало въ себѣ около 13 тыс. морговъ земли и имѣло, кромѣ городскихъ домовъ, болѣе трехсотъ усадебъ. Состоя въ духовномъ званіи, но отказавшись отъ прихода, Стапицъ проживалъ въ Варшавѣ и занимался филантропійей. Естественно, что такой человекъ, какъ Стапицъ, не могъ примириться съ безобразнымъ безправіемъ крестьянъ, живущихъ на его землѣ и платящихъ за черный хлѣбъ непосильной барщиной на панскихъ нивахъ. Дѣйствительно, уже въ 1816 году польскій утопистъ даритъ своимъ крестьянамъ прекрасные надѣлы и упраздняетъ барщину, а черезъ шесть лѣтъ послѣ того у него вырабатывается широкій планъ постепеннаго и общаго надѣленія крестьянъ землей съ освобожденіемъ ихъ отъ всякой зависимости по отношенію къ панамъ. Есть преданіе, что Стапицъ представлялъ свой планъ правительству и когда таковое не одобрило его проектъ, то онъ задумалъ обратить Грубешовское помѣстье въ практическую ячейку осуществленія своей мечты и всеобщаго освобожденія крестьянъ. Схема его плана можетъ быть выражена такъ: Грубешовское староство образуетъ изъ себя отдѣльное общество со многими арендными статьями и съ гарантіей своему демократическому устройству въ видѣ запрещенія отдѣльнымъ членамъ общества владѣть болѣе, чѣмъ сотней морговъ земли; на скопываемые капиталы общество это приобретаетъ окольные поля и лѣса съ ихъ жителями, включая послѣднихъ въ число равноправныхъ членовъ; дальше и больше, общество—мечталъ покойный утопистъ—покроетъ своей сѣтью сначала всю Люблинскую губернію, потомъ и царство Польское, замѣнивъ безбожіе батрачества и крѣпостничества уставомъ взаимнаго братства и взаимной помощи. Руководствуясь такой мечтой, Стапицъ, съ высочайшаго одобренія, дарованнаго 7 февраля 1822 года, отдаетъ безвозмездно всѣ свои земли, лѣса и оброчныя статьи Грубешовскаго староства жителямъ послѣдняго и для ихъ общежитія вырабатываетъ правила подъ заглавіемъ «Уставъ Грубешовскаго Земледѣльческаго Общества». — «Всѣ жители обдуманно и добровольно, говоритъ первый пунктъ этого устава, принимаютъ на себя обязанность соблюдать и исполнять всѣ условія подъ которыми послѣдній владѣлецъ Грубешовскаго имѣнія, Станиславъ Стапицъ, подарилъ имъ земли въ вѣчное наследственное владѣніе».

Уставъ написанъ, конечно, на польскомъ языкѣ и составляетъ брошюру довольно почтенныхъ размѣровъ, а потому мы удовольствуемся сжатымъ извлеченіемъ изъ него съ упоминаніемъ лишь наиболѣе характерныхъ пунктовъ этого устава.

Стащицъ еще до утвержденія земледѣльскаго общества тщательно обмежевалъ всѣ земли, имѣющія войти въ составъ этого общества, и завелъ правильную ипотечную систему записей каждаго частнаго и общественнаго владѣнія. Первые статьи устава повелѣваютъ акуратно слѣдовать этой ипотецѣ, ибо всѣ обязанности и обязанности въ обществѣ распредѣляются на членовъ его, сообразно владѣмому ими количеству земли. Кромѣ того, правильная ипотека должна гарантировать категорической приказъ устава такого содержанія:

«При раздѣленіи въ наследственное владѣніе, какъ крестьянскихъ, такъ и бывшихъ дворскихъ земель, самый болѣе надѣлъ составляетъ шестьдесятъ польскихъ морговъ; надѣлъ этотъ болѣе зажиточные могутъ со временемъ увеличить, но ни осѣдлый въ этой гминѣ, ни новый членъ общества, ни подъ какимъ предлогомъ, не можетъ имѣть въ своемъ владѣніи болѣе ста морговъ земли.

«Если бы оказалось,—говоритъ слѣдующій параграфъ устава,— что кто-либо изъ владѣльцевъ земли, вопреки настоящему уставу, на имя своихъ сыновей, дочерей, родственниковъ, или свойственниковъ, или на имя подставленнаго лица, пріобрѣлъ такое пространство земли, которое въ совокупности съ принадлежащимъ уже ему участкомъ превышаетъ сто морговъ, то хозяйственный совѣтъ, по назначеніи ему срока для продажи излишка сверхъ ста морговъ и по истеченіи такового, въ случаѣ, если сказанный излишекъ не будетъ проданъ, въ правѣ, въ присутствіи подлежащаго судьи, продать съ публичнаго торга излишекъ въ пользу общества, и вырученную сумму внести въ общественную кассу.

«Въ случаѣ, если бы кто-либо изъ членовъ общества получилъ по праву наследства пространство земли, которое вмѣстѣ съ его собственнымъ пространствомъ составитъ болѣе ста морговъ, то онъ въ правѣ частнымъ образомъ или съ аукціона продать часть, превышающую сто морговъ, и вырученныя отъ продажи деньги обратитъ въ свою пользу». Затѣмъ, евреи, поѣтому требованію устава, никоимъ образомъ не могутъ ни входить въ составъ общества, ни пріобрѣтать его земли.

Земли общества дѣлятся на два разряда — одни изъ нихъ составляютъ частную наследственную собственность членовъ каждаго въ отдѣльности. Эта собственность можетъ быть отнята лишь въ силу 12-го параграфа устава, гласящаго:

«Если бы кто изъ членовъ общества былъ уличенъ въ уголовномъ преступленіи, какъ-то: воровствѣ, поджигательствѣ, убійствѣ или нанесеніи побоевъ своимъ родителямъ, лишается права вла-

дѣть землю. Приговоръ уголовного суда будетъ въ такомъ случаѣ достаточнымъ докательствомъ и основаніемъ требовать гражданскимъ путемъ устраненія виновнаго отъ владѣнія землею».

Другая часть—лѣса, оброчныя статьи и чиншевыя земли предназначены на покрытіе общественныхъ расходовъ, на ссуды членамъ и на образованіе капитала для прикупки новыхъ земель.

Авторъ устава старательно предусмотрѣлъ всѣ бѣды деревни, надѣясь устранить ихъ коллективной помощью общества.

«Въ случаѣ пожара въ предѣлахъ Грубешовской гмины, говорить, на примѣръ, уставъ, всѣ землевладѣльцы гмины обязаны помочь погорѣвшимъ, воздвигнуть вновь главныя строенія, какъ, на примѣръ, жилой домъ, житницу и т. п., въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ они были до пожара.

«Вновь строящіеся въ такихъ случаяхъ дома должны быть не деревянные, а каменные, или изъ выжженнаго кирпича, крытые черепицею, или изъ суроваго кирпича, смѣшаннаго съ сосновыми иглами, или изъ битой земли, или каменные, и въ такомъ случаѣ потолокъ долженъ быть изъ круглыхъ брусевъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ глины, а крыша соломенная, смазанная известью.

«Всѣ тѣ, у которыхъ есть лошади или рабочій скоть, обязаны доставить весь нужный для постройки матеріалъ на своихъ подводахъ; у кого же нѣтъ лошадей, ни другого рабочаго скота, тотъ обязанъ поставлять чернорабочихъ. На уплату мастеровымъ дѣлается всѣми членами общества складчина, соразмѣрно принадлежащему имъ пространству земли.

«Если вновь строящійся домъ будетъ каменный, крытый черепицею, то, кромѣ доставки матеріала и ручной помощи, половина издержекъ на покупку матеріала, какъ-то: кирпича, камня, извести, черепицы и т. п. и на уплату мастеровымъ, будетъ покрыта изъ складчины всей гмины, одна четвертая часть пожертвована изъ кассы общества деньгами, а остальная четвертая часть деньгами, выданными заимобразно изъ той же кассы, съ обезпеченіемъ долга на первомъ номерѣ ипотеки вновь строящагося дома.

«Въ случаѣ неурожая, заботится далѣе уставъ, или вреда причиненнаго градомъ, въ такомъ размѣрѣ, что пострадавшимъ не осталось на посѣвъ, всѣ наследственные землевладѣльцы гмины, не подвергшіеся несчастію, обязаны сдѣлать, соразмѣрно ихъ землѣ, складчину зерномъ въ такомъ количествѣ, чтобы каждому изъ пострадавшихъ былъ возвращенъ посѣвъ.

«Хозяйственный совѣтъ Грубешовскаго общества долженъ сдѣлать раскладку, согласно предложеннымъ началамъ, и наблюсти, чтобы пострадавшіе участки земли были надлежащимъ образомъ воздѣланы и обсеменены».

«Каждая усадьба,—говоритъ уставъ,—входящая въ составъ Грубешовскаго Земледѣльческаго Общества, обязана заботиться о дѣ-

тяхъ, лишившихся родителей и неимѣющихъ ни родственниковъ, ни имущества, какъ равно о подкидышахъ, или о такихъ, отъ которыхъ откажутся злые родители, если означенныя дѣти родились въ оной усадьбѣ. Такого рода дѣти, до пятнадцатилѣтняго возраста, должны быть воспитываемы землевладѣльцами подлежащей усадьбы, у которыхъ нѣтъ своихъ дѣтей, а буде таковыхъ не найдется, то зажиточнѣйшими хозяевами, владѣющими самымъ большимъ пространствомъ земли, хотя бы у нихъ были свои дѣти.

«Хозяйственный Совѣтъ рѣшаетъ въ такомъ случаѣ, которому изъ хозяевъ должно быть отдано на воспитаніе дитя.

«У одного и того же хозяина болѣе одного дитяти помѣщать нельзя, за исключеніемъ, если бы онъ самъ пожелалъ принять другого ребенка.

«Равнымъ образомъ у хозяина, у котораго есть шестеро своихъ дѣтей, не можетъ быть помѣщенъ чужой ребенокъ.

«Нищіе, увѣченныя, бѣдныя, не могущіе трудами своими доставить себѣ средства къ пропитанію, а также и старцы, содержатся на счетъ складчины той деревни, въ которой они родились.

«Складчину вносятъ землевладѣльцы соразмѣрно занимаемому ими пространству земли.

«Такого рода немощные получаютъ изъ суммъ, образовавшихся изъ складчины, ежегодно стоимостью десяти корцевъ ржи до тѣхъ поръ, пока живутъ въ своей деревнѣ» и т. д.

Кромѣ того, по желанію Стапица въ предѣлахъ общества должно содержаться пять училищъ, а прилежнѣйшій и способнѣйшій изъ учениковъ ихъ долженъ получать отъ общества средства для дальнѣйшаго образованія и гуманный уставъ требуетъ отъ таковыхъ лишь одной признательности:

«По окончаніи курса наукъ,—говоритъ уставъ,—воспитанникъ не долженъ забывать признательности Обществу, которое въ случаѣ нужды долженъ подкрѣплять своими совѣтами и помощью»

Общество обязано также содержать врача, имѣть больницу, отпускать лекарства бѣднымъ членамъ своимъ бесплатно и заботиться о пополненіи зерномъ общественныхъ магазиновъ.

Для пользованія общественнымъ имуществомъ уставъ опредѣляетъ слѣдующія правила: Стапицъ еще при жизни своей раздѣлил свои лѣса на участки, назначивъ часть ихъ на ежегодный рациональный срубъ, а другую оставивъ въ качествѣ резерва для экстренныхъ потребностей общества.

«Ежегодно,—учитъ уставъ,—по окончаніи посѣвовъ, осенью, и по выдѣлкѣ поля подъ весенніе посѣвы, въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, всѣ усадьбы или всѣ наслѣдственные землевладѣльцы Грубешовской гмины, поочередно, должны высылать людей для рубки лѣса, оставляя на пнѣ на каждомъ моргѣ достаточное количество деревь, назначенныхъ на сѣмена.

«Вырубленный лѣсъ будетъ Хозяйственнымъ Совѣтомъ, въ присутствіи плотниковъ или арендаторовъ мельницъ, раздѣленъ на три сорта, а именно: первый сортъ—матеріаль, годный для построекъ и потребностей мельницъ, второй сортъ—матеріаль для хозяйственныхъ построекъ, наконецъ, третій сортъ—дрова на топливо», и затѣмъ, по мѣрѣ дѣйствительной потребности каждый изъ членовъ общества имѣеть право получать часть вырубленнаго лѣса въ свое пользованіе.

Относительно арендныхъ статей уставъ говорить:

«Такъ какъ опытомъ доказано, что отдаваемые во временное арендное владѣніе мельницы и корчмы содержатся арендаторами неисправно и подвергаются разоренію, то, если закономъ будетъ дозволено, надо стараться, по мѣрѣ возможности, въ самомъ скоромъ времени отдавать таковыя въ безсрочное арендное владѣніе». При этомъ тутъ, какъ и во всѣхъ статьяхъ устава, гдѣ говорится о платахъ и жалованьяхъ, Стапицъ вводитъ вмѣсто суммы монетъ стоимость опредѣленной мѣры ржи. Такъ, учителямъ назначается, кромѣ земельного надѣла, по 30 корцевъ ржи, врачу, кромѣ квартиры, 60 корцевъ ржи, и т. д. Стапицъ желалъ, чтобъ и оброчныя статьи общества были сданы разъ навсегда въ потомственную и вѣчную аренду за однажды установленную плату по количеству ржи. Такое желаніе поясняется царствовавшимъ тогда политико-экономическимъ принципомъ, что хлѣбъ есть основа всѣхъ цѣнностей.

Наиболѣе интересна часть устава, трактующая объ общественномъ капиталѣ. Доходы общества въ первомъ же мѣсяцѣ по ихъ поступленіи должны быть розданы взаимно членамъ общества исключительно для слѣдующихъ четырехъ цѣлей:

- «1) на усовершенствованіе земледѣлія;
- «2) на устройство мануфактуръ или фабрикъ;
- «3) на веденіе торговли;
- и «4) на постройку каменныхъ домовъ».

«Въ значительной суммѣ деньги никогда въ касѣ лежать не должны,—еще разъ повторяетъ уставъ.—Хозяйственный Совѣтъ обязанъ заботиться, дабы доходы, предназначенные для займовъ, немедленно по поступленіи ихъ, были выпускаемы въ обращеніе между членами общества по вышеизложеннымъ правиламъ и на предметы, изложенные въ предъидущихъ статьяхъ, съ постояннымъ развитіемъ и совершенствованіемъ которыхъ возросло бы благосостояніе общества и благоденствіе составляющихъ его жителей.

«Каждый желающій получить заемъ, долженъ доказать, что деньги занимаетъ для совершенія, въ предѣлахъ Грубешовскаго общества, одной изъ вышеприведенныхъ четырехъ статей, т. е. или для усовершенствованія земледѣлія, или на устройство мануфак-

туръ и фабрикъ, или для веденія торговли, или на постройку каменнаго дома».

Исключеніе дѣлается лишь въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) «Никто изъ наслѣдственныхъ землевладѣльцевъ какъ въ городѣ, такъ и въ усадьбахъ, входящихъ въ составъ общества, владѣющій уже 18 моргами земли, не можетъ быть сууженъ деньгами для покупки большаго количества полей.

и 2) «Во время неурожая, никто изъ наслѣдственныхъ землевладѣльцевъ не можетъ получить изъ Заемнаго Банка ссуды на покупку продовольствія, потому, что каждый въ хорошіе годы, долженъ заботиться объ обезпеченіи себя на случай голода».

Высочайше утвержденный уставъ Общества, дѣлая для послѣдняго многія изъятія изъ общихъ законовъ, исполнѣ обезпечивалъ взысканіе долговъ при условіи добросовѣстности завѣдующаго ссудами Хозяйственнаго Совѣта Общества, такъ какъ по уставу:

«Никто изъ общественной кассы не можетъ занимать суммы, превышающей половину стоимости принадлежащаго ему недвижимаго имущества», а уплата долговъ обставлена слѣдующими льготными условіями:

«Каждый дѣлающій заемъ изъ общественной кассы, обязанъ ежегодно, въ теченіе двадцати лѣтъ, вносить въ общественную кассу по 5 процентовъ на погашеніе долга и полпроцента на содержаніе ипотечныхъ книгъ, кассы и контроля, или всего вмѣстѣ по пяти съ половиною процентовъ со ста, въ теченіе двадцати лѣтъ, по истеченіи же сего срока, долгъ будетъ погашенъ, а тѣмъ самымъ вычеркнутъ изъ ипотеки».

Администрація общества была устроена такъ: наслѣдственнымъ предсѣдателямъ Совѣта назначенъ Стапицемъ его незаконный сынъ Гротусъ, непремѣннымъ членомъ Совѣта долженъ быть бургомистръ города Грубешева и остальные пять членовъ по выбору общества. Въ каждой же деревнѣ долженъ находиться старшій или староста, при чемъ уставъ говоритъ:

«Старшими каждой деревни могутъ быть только отцы семейства, которые дѣтей своихъ воспитали честными, богобоязненными и обезпечили имъ посредствомъ обученія ремеслу, торговлѣ или наукамъ средства къ самостоятельной жизни».

Наконецъ, *pia desideria* автора устава выражена слѣдующими словами:

«Такъ какъ установленіе займа имѣетъ единственную цѣль— благосостояніе и процвѣтаніе общества, къ которой оно стремится постояннымъ выпускомъ въ обращеніе въ этомъ обществѣ денегъ, то деньги эти никогда и ни подѣ какимъ предлогомъ не могутъ быть суужаемы иначе, какъ только по четыремъ вышеназваннымъ статьямъ, за исключеніемъ лишь единственнаго случая, а именно: если бы когда-нибудь благосостояніе общества дошло до такой сте-

пени, что не было бы ни одного въ его предѣлахъ землевладѣльца, нуждающагося въ полученіи займа; въ такомъ случаѣ, говорю, Хозяйственный Совѣтъ Общества долженъ избрать одну изъ сосѣднихъ, прилегающихъ къ землямъ общества и могущихъ быть проданными деревень, купить ее и присоединить къ Обществу и жителей ея допустить ко всѣмъ благодѣяніямъ, какими пользуются члены Грубешовскаго общества».

Такова была благая утопія честнаго и добраго мыслителя, покойнаго Стащица. Теперь перейдемъ отъ мечты къ дѣйствительности и посмотримъ какъ осуществились на дѣлѣ гуманныя надежды утописта.

II.

Съ первыхъ же лѣтъ существованія оригинальнаго общества, правительство стало получать жалобы на произволъ и беззаконія предсѣдателя. Около 1850 года число подобныхъ жалобъ доросло до такого почтеннаго количества, что правительственная власть волей-неволей должна была произвести дознаніе. Это дознаніе, порученное тогдашнему люблинскому губернатору, обнаружило, «что дѣла общества находятся въ крайнемъ запущеніи, требующемъ самаго энергичнаго участія правительственной власти, для приведенія ихъ въ согласный съ уставомъ порядокъ».

Тѣмъ не менѣе, правительственная рука не коснулась общества и наслѣдственнымъ президентамъ его изъ фамиліи Гротусовъ была оставлена полная и безконтрольная свобода на незаконныя дѣйствія; хлопоты о примѣненіи къ обществу крестьянскаго положенія 1864 года также остались безъ результата. Дѣло объ этихъ хлопотахъ, какъ и жалобы, было передано въ учредительный комитетъ, а по закрытіи такового—въ временную комиссію по крестьянскимъ дѣламъ царства Польскаго. Гротусы продолжали царствовать безпрепятственно, важно росписываясь на бумагахъ общества Гротусомъ I, Гротусомъ II, Гротусомъ III и Гротусомъ IV.

Ихъ безнаказанность, кромѣ общихъ, имѣла свои спеціальныя причины. Богатый панъ Польши вообще болѣе огражденъ въ своей волѣ, чѣмъ богатый русскій баринъ; такова ужъ исторія и почва края. Гротусы же произвольничали еще при особо благопріятныхъ для нихъ условіяхъ. Грубешовскій уѣздъ—мѣсто ихъ дѣятельности, составляетъ самый спорный пунктъ побѣды католичества надъ русскимъ населеніемъ Люблинской губерніи. Тутъ крестьянство еще крѣпко держалось чистой уни и дичилось порчи ея католичествомъ. Такимъ образомъ, духовенство Польши, а за нимъ, какъ водится, и весь попугайствующій полонизмъ, видѣли въ Гротусахъ нѣкоторымъ образомъ католическихъ апостоловъ въ утолкъ схизмы. Гротусы отлично понимали свою роль для Варшавы и всегда, не-

измѣнно къ своимъ гешефтмахерскимъ беззаконіямъ, подбавляли немножко службы въ пользу воинствующей церкви. «Всѣ Гротусы,—говоритъ современное правительственное дознаніе,—отъ самаго начала наслѣдственнаго управленія ими грубешовскимъ земскимъ обществомъ, всегда отличались фанатизмомъ и ненавистью ко всему русскому и православному; въ обоихъ возстаніяхъ 1831 1863 годовъ они были сильно скомпрометированы по управленію дѣлами общества, средства котораго употреблялись на цѣли возстанія». Естественно, что подобная наслѣдственная дѣятельность Гротусовъ создала имъ массу высокихъ защитниковъ и протекторовъ, не утратившихъ своей силы, надо полагать, и по сей день.

Такъ, было дознано, что понынѣ здравствующій Гротусъ IV употреблялъ средства грубешовскаго земскаго общества на поддержку возстанія 1863 года и самъ, по назначенію Народоваго Жюнда, состоялъ «начальникомъ мятежниковъ Грубешовскаго уѣзда, Люблинскаго Воеводства». По окончаніи возстанія, онъ бѣжалъ за границу, затѣмъ возвратился, былъ отданъ подъ плотническій надзоръ полиціи и восстановленъ въ званіи наслѣдственнаго президента общества. Словомъ, все прошло ему даромъ.

Въ послѣдніе годы существованія уніи, семейство Гротуса—его мать и сестры—устроили польскую школу для дѣтей бывшихъ уніатовъ, гдѣ дѣтей учили польскому катехизису, заставляли пѣть польскія пѣсни и т. д. Эта дѣятельность также осталась безъ казанія.

Въ 1874 году, когда очнувшаяся власть производила трудное, но великое дѣло очищенія отъ католическихъ обрядовъ уніатскихъ церквей мѣстнаго искони православнаго и русскаго населенія, семья Гротуса возбуждала крестьянъ къ сопротивленію, а самъ Гротусъ платилъ изъ кассы общества штрафы, положенные правительствомъ на упорствующихъ за содержаніе вызванныхъ туда по поводу смуты войскъ. И это дѣло кончилось для Гротусовъ благополучно: ихъ не тронули, а подвергли высылкѣ лишь двухъ крестьянъ, черезчуръ рьяно слушавшихся наставленія своихъ господъ.

Даже послѣ столь явныхъ антиправительственныхъ дѣйствій сильныя польскія руки въ Варшавѣ и Петербургѣ оберегали Гротуса IV отъ всякой тѣни отвѣта. Онъ продолжалъ въ званіи предсѣдателя царствовать полновластно. Пользуясь средствами общества для себя и близкихъ какъ собственнымъ банкомъ, онъ систематически покровительствовалъ членамъ римско-католическаго вѣроисповѣданія и систематически отказывалъ даже въ крохахъ общественнаго пособія православнымъ. Наконецъ, въ послѣдніе годы, именно начиная съ 1883, Гротусъ IV сталъ приводить въ исполненіе грандіозный планъ, очевидно, придуманный не имъ самимъ. Была куплена на имя общества отъ сосѣдей польской графини

земля и началась систематическая колонизация среди русских деревень крѣпко-католическаго населенія. Даже это баснословное для нашихъ дней дѣло отчасти удалось Гротусу...

Не слѣдуетъ, однако, думать, что всѣ противозаконныя дѣянія Гротуса IV и его семьи были устраиваемы столь ловко, что для власти они оставались покрытыми непроницаемой тайной. Нѣтъ, власть постоянно будили и жалобы, и доносы, такъ что въ присутственныхъ мѣстахъ дѣла о беззаконіяхъ Гротуса велись непрерывно. Комиссія внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго передавала эти дѣла въ варшавскую прокуратوریю, прокураторія возвращала комиссіи, комиссія представляла намѣстнику, намѣстникъ губернатору, губернаторъ рапортовалъ опять комиссіи, комиссія отсылала въ учредительный комитетъ, комитетъ этотъ передавалъ въ другую временную комиссію, послѣдняя дѣлала представленіе черезъ 21 годъ, послѣ начала слѣдствія, министру внутреннихъ дѣлъ, была затѣмъ образована еще третья специальная комиссія въ Люблинѣ, снова дѣло доходило до министра и, наконецъ, черезъ 34 года слѣдствіе пошло въ комитетъ министровъ, гдѣ и получило надлежащее разрѣшеніе.

Гротусъ IV и его высокіе покровители на послѣднихъ порахъ, очевидно, сплеховали. У нихъ оказался недостатокъ общій, къ сожалѣнію, всей воинствующей клерикальной части польскаго шляхетства. Недостатокъ этотъ—крайняя близорукость. Они все еще твердятъ старыя давно выдохшіяся фразы о враждѣ къ Московіи и не видятъ, какъ еврей съѣдаетъ послѣдніе куски польской земли въ Австріи и какъ пруссакъ принуждаетъ послѣдняго поляка Познани забывать его природный языкъ. Въ общемъ эта близорукость заставляетъ польскихъ патриотовъ служить нѣмцамъ и Риму въ ущербъ польской національности; въ частности—эта близорукость не позволяетъ еще многимъ полякамъ понять, насколько сильно крѣпнетъ русское самосознаніе. Не понявъ этого своевременно Гротусъ и потому лишился своего Грубешовскаго царства. Но и тутъ сильныя міра сего не дали своего апостола въ обиду: не смотря на то, что правительственное слѣдствіе установило ясныя данныя для обвиненія Гротуса въ мошенничествахъ и антиправительственныхъ дѣяній—его не предали даже суду и вся постигшая его кара ограничена запрещеніемъ ему въ теченіе трехъ лѣтъ появляться на почвѣ Люблинской губерніи. Иностранцы на Руси всегда были счастливы на секретныхъ защитниковъ и покровителей.

Слѣдствіе, произведенное года два тому назадъ честными русскими дѣятелями края подъ руководствомъ люблинскаго губернатора Тхоржевскаго, молодого, образованнаго и способнаго знатока мѣстности, констатировало слѣдующіе печальные результаты доброй утопіи покойнаго Сташица.

Училища въ предѣлахъ общества содержатся, главнымъ образомъ, на правительственный счетъ и по туземной помощи они бѣднѣ другихъ сельскихъ училищъ края. Больница общества сдана въ аренду; ипотечныя записи потеряны и о новыхъ переходахъ имущества въ нихъ нѣтъ отмѣтокъ, отчего не только запутанъ вопросъ о количествѣ собственности каждаго изъ членовъ общества, но нѣтъ даже возможности отыскать границы и самыя земли, принадлежавшія обществу и предназначенныя основателемъ его на общепользныя цѣли. Есть данныя полагать, что эта путаница устроена нарочно—Гротусы боялись предъявлять требованія платы за аренду общественныхъ земель или возврата ихъ, чтобъ не вызвать этимъ правильнымъ актомъ жалобы на беззаконіе дѣйствій президента по другимъ статьямъ устава.—*Czynszami zaslaniam sic od Rzadu*, — говорилъ Гротусъ IV, когда ему указывали на постепенное исчезновеніе общественныхъ земель. На томъ же основаніи Гротусы не смѣли протестовать противъ имѣнія многими членами общества болѣе ста морговъ земли (у Лещука ихъ 105, у Вишневскаго—127, у Міяковскаго—205 и т. д.). Члены, не соблюдающіе правилъ устава, были на руку Гротусамъ—между таковыми и послѣдними беззаконіе устанавливало родъ дружества взаимнаго вспоможенія. Особенно много доставляла такихъ друзей настѣднымъ предѣдателямъ касса общества и ея долговыя книги. Тутъ происходилъ совершенно рыковскій разгромъ общественныхъ капиталовъ. Бѣднымъ членамъ общества и дѣйствительно нуждающимся въ займахъ отказывали категорически и безъ церемоніи. Богатымъ немножко давали, главный же доходъ благополучія лился изъ кассы на горожанъ, по преимуществу евреевъ и состоящихъ на коронной службѣ, т. е. на лицъ, ни мало не причастныхъ къ обществу, основанному Стапицею. Понятно, что большинство этихъ незаконныхъ должниковъ не любило и едва ли серьезно думало когда-нибудь о возвращеніи занятыхъ денегъ, а потому касса общества постепенно превращалась въ канцелярію съ спеціальной цѣлью переписки долговыхъ обязательствъ. Поступающіе же вновь доходы распредѣлялись опять между должниками въ видѣ новыхъ ссудъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, нѣкій Зинь умудрился получить сразу 12 ссудъ, еврей Кенигъ—9 ссудъ, Гаевскій—8 и т. п. На всемъ бѣломъ свѣтѣ, разумѣется, не было столь любо занимать, какъ въ кассѣ Гротуса, ибо по уставу уплата долга разсрочивалась на 20 лѣтъ; дожилъ должникъ до этого длиннаго срока, переписалъ вексель и опять двадцать лѣтъ полного спокойствія...

Самъ предѣдатель довольствовался лишь двумя ссудами на пустую сумму 3—4 тыс. рублей. За то онъ устроилъ такое хитрое дѣло, какое еще не приходило въ голову ни одному изъ современныхъ Юхонцевыхъ. У общества былъ хорошій по качеству и порядочный по величинѣ кусочекъ земли. Гротусъ занимаетъ у об-

щества деньги и на эти деньги покупаетъ у этого же общества его общественную землю. Землю приобрѣлъ, а деньги остался долженъ. Смѣю думать, что это фактъ, еще не имѣющій прецедента даже въ наше знаменитое время громкихъ банковыхъ краховъ.

Арендныя статьи общества, предназначенныя утопистомъ-основателемъ на ростъ благоденствія крестьянъ и постепенный выкупъ сосѣдей изъ крѣпостной зависимости, Гротусы отдають своимъ пріятелямъ на такихъ условіяхъ: «паровая мукомольная мельница въ Побережанахъ, удостовѣряетъ слѣдственное дѣло, вмѣстѣ съ принадлежащими къ ней 100 мор. луга, отдана въ безрочную аренду за ежегодную уплату 1060 руб., тогда какъ арендаторъ за сборъ одного сѣна съ луговъ получаетъ не менѣе 1500 руб. въ годъ, и не смотря на это арендатору была еще выдана ссуда въ 6000 руб.» Далѣе, «около той же мельницы находится, по отзыву специалистовъ, единственная въ царствѣ Польскомъ, по хорошему качеству матеріала для выдѣлки изразцевъ, глинокопня, пространствомъ въ 2¹/₂ морга. Глинокопня эта была отдана въ аренду безъ публичныхъ торговъ по двумъ формальнымъ контрактамъ инженеру Крицкому на 24 года, за уплату 1 руб. 80 коп. въ годъ, и независимо отъ такового выгоднаго условія аренды, такъ какъ заводъ приноситъ ежегоднаго дохода до 15000 руб., Крицкому же была выдана на устройство изразцовой фабрики еще и ссуда. Очевидно, прибавляютъ слѣдователи, что за столь долгій періодъ времени имѣющаяся на пространствѣ 2¹/₂ морговъ изразцовая глина вся будетъ исчерпана и заводъ никакой цѣнности въ то время представлять не будетъ, тѣмъ болѣе, что по контракту строенія составляютъ собственность арендатора» и пр.

Лѣса рубили зря, безъ пощады и заповѣднымъ участкамъ; пользовались же ими Гротусы какъ собственными. Нѣкоторые изъ членовъ общества напр. заявили, что они уже 20 лѣтъ не могутъ получить ни одного полѣна изъ общественныхъ лѣсовъ. Всего рельефнѣе картина халатнаго царствованія наслѣдственныхъ предсѣдателей общества явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ слѣдствія. «Гротусъ никакой приходо-расходной книги не велъ, всѣ денежные уплаты поступали въ кассу общества помимо Гротуса и отдавались прямо на руки кассиру. Равнымъ образомъ и выдача изъ кассы денегъ производилась безъ установленныхъ ассигновокъ совѣта и предсѣдателя.

«Вслѣдствіе такого отступленія отъ устава и предоставленія такой свободы дѣйствій кассиру, происходило то, что многія признанныя совѣтомъ къ выдачѣ ссуды, а также авансы и вспомоствованія на постройку домовъ, заемщикамъ не выдавались по нѣсколько лѣтъ. Причиною этому весьма вѣроятно было, какъ заявляютъ члены общества,— то, что кассиръ общества Патковскій, не смотря на разрѣшеніе совѣта о выдачѣ денегъ, никогда сразу

денегъ изъ кассы не выдавалъ, а задерживалъ выдачи ссудъ по нѣсколько лѣтъ, пока ему не выдавали извѣстную часть. Такъ, между прочимъ, Ѳедоръ Панасевичъ заявилъ, что въ выдачѣ признанной ему совѣтомъ ссуды въ 200 руб. кассиръ Патковскій отказывалъ долгое время за неимѣніемъ денегъ и, наконецъ, объявилъ ему, что выдастъ изъ своихъ денегъ, если тотъ ему уплатитъ 10 р. процента; Миронъ Вознякъ изъ сел. Черничина объявилъ, что кассиръ Патковскій признанной ему совѣтомъ ссуды въ 60 руб. изъ кассы не выдалъ, а обратилъ его къ своему сыну Ивану Патковскому, а тотъ за 60 руб. взялъ 20 руб. процента. Одинъ изъ священниковъ, не имѣя права брать изъ общественной кассы ссуды, взялъ таковую изъ общества чрезъ крестьянина Туревича, но послѣдній вмѣсто 100 руб. долженъ былъ согласиться получить отъ кассира только 75 руб. Такимъ образомъ, независимо отъ того, что Патковскій незаконно удерживалъ у членовъ общества часть признанныхъ имъ совѣтомъ денегъ, онъ еще раздавалъ членамъ общества деньги, за незаконные пропенты.

«Несмотря на то, что въ продолженіе столь долгихъ лѣтъ Гротусъ служилъ съ Патковскимъ, первый никакихъ мѣръ къ пресѣченію явнаго обирательства въ его же канцеляріи членовъ общества не принималъ».

Наконецъ, *ria desideria* Станица — выкупъ сосѣднихъ земель для постепеннаго распространія благъ общества на большее и большее количество лицъ было выполнено Гротусами слѣдующимъ своеобразнымъ способомъ.

Въ 1852 году, президентъ Гротусъ такъ задолжалъ, что его сосѣднее съ обществомъ имѣніе должно было идти съ молотка; оцѣнка его не превышала 83 т. золотыхъ. Какъ тутъ быть? Касса общества уже тогда была пуста и должна многимъ постороннимъ лицамъ. Наслѣдственный филантропъ однако нашелъ благородный способъ разрубить завязавшійся на его шеѣ гордіевъ узелъ. Грубешовское общество вдругъ находитъ чрезвычайно выгоднымъ для себя купить имѣніе своего предсѣдателя за 175 т. золотыхъ, а по не имѣнію денегъ для уплаты—общество рѣшаетъ перевести на себя долги Гротуса и платить за ихъ отсрочку по 12°/. Но это еще не все. Когда купля-продажа состоялась, общество изъ купленной земли добрую половину раздаетъ ксендзу, членамъ совѣта и пр., а женѣ предсѣдателя Гротуса даритъ 100 морговъ съ усадьбой, садами и огородами...

Другая прикупка земли совершена послѣднимъ изъ Гротусовъ при слѣдующемъ еще болѣе странномъ стеченіи обстоятельствъ. По сосѣдству съ Грубешевскимъ обществомъ находятся земли польской аристократки графини Миръ. Эта графиня продаетъ въ 1882 году еврею Лилиенштерну свои лѣса на срубъ и на срокъ по 1891 годъ. Въ обезпеченіе договора графиня Миръ даетъ еврею документъ на 125 т. рублей и обязуется, что въ теченіе всего этого срока,

она не въ правѣ совершать во всѣхъ ея лѣсахъ «ни оптовой, ни розничной продажи какъ лѣса, такъ и выдѣланныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, въ какой бы то ни было формѣ».

Вотъ эти-то лѣса и купилъ Гротусъ IV для общества, заплативъ и задолжавъ отъ имени общества графинѣ Миръ почти 58 т. рублей. Еврей Лиліенштернъ преспокойно рубить эти лѣса и къ назначенному сроку—1891 г.—конечно, не оставитъ тамъ ни одного дерева. Таково было къ счастью послѣднее благодѣяніе Гротусовъ Грубешовскому земледѣльческому обществу. Энергія начальника Люблинской губерніи и настоянія генерала Гурко, какъ генераль-губернатора Привислянскаго края, въ концѣ прошлаго года достигли цѣли. Комитетъ министровъ постановилъ:

«1. Распространить на поселянъ Грубешовскаго земледѣльческаго общества высочайшіе указы 19 февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ губерніяхъ царства Польскаго,

и «2. Впредь до преобразованія Грубешовскаго земледѣльческаго общества:

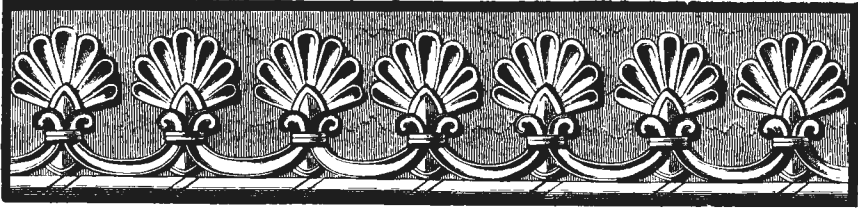
а) временно командировать къ исправленію должности председателя хозяйственнаго совѣта одного изъ состоящихъ въ распоряженіи Люблинскаго губернатора чиновниковъ русскаго происхожденія, православнаго исповѣданія, съ одобренія Варшавскаго генераль-губернатора, съ присвоеніемъ ему содержанія въ томъ же размѣрѣ и изъ того же источника, какъ назначено председателю хозяйственнаго совѣта;

б) допускать лицъ, избираемыхъ на основаніи устава общества въ должность членовъ хозяйственнаго совѣта, къ отправленію своихъ обязанностей не иначе, какъ съ утвержденія губернатора;

и в) возложить на Люблинское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, подъ высшимъ завѣдываніемъ состоящаго при земскомъ отдѣлѣ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ губерній царства Польскаго, наблюденіе за дѣятельностью Грубешовскаго земледѣльческаго общества, разсмотрѣніе отчетности общества и разрѣшеніе жалобъ по дѣламъ онаго.

«3. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ подвергнуть ближайшему разсмотрѣнію вопросъ о коренномъ переустройствѣ Грубешовскаго земледѣльческаго общества, въ видахъ вышшаго достиженія указанныхъ его учредителемъ цѣлей и восстановленія силы и дѣйствія благихъ его намѣреній, и за симъ дать дѣлу сему дальнѣйшее, въ установленномъ порядкѣ, направленіе, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ и по предварительномъ, буде представится въ томъ надобность, опубликованіи во всеобщее свѣдѣніе тѣхъ необходимыхъ измѣненій въ высочайше утвержденномъ уставѣ Грубешовскаго общества, которыя будутъ заключать въ себѣ отступленія отъ первоначальныхъ распоряженій покойнаго статскаго совѣтника Стапица».

А. Молчановъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. I. Спб. 1889.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО языка и словесности Императорской Академіи Наукъ предпріяло изданіе сочиненій покойнаго профессора Кіевскаго университета А. А. Котляревскаго и нынѣ выпустило I томъ, занимающій XLVII т. «Сборника» Отдѣленія. Нельзя не привѣтствовать этого изданія академіи, такъ какъ покойный Котляревскій принадлежалъ къ числу такихъ ученыхъ, труды которыхъ долго не утрачиваютъ своего значенія послѣ появленія въ свѣтъ. Болѣе крупныя произведенія Котляревскаго на которыхъ главнымъ образомъ и основывается его извѣстность какъ историка и археолога, будутъ помѣщены въ одномъ изъ послѣдующихъ томовъ начатаго изданія, гдѣ будетъ помѣщена также и его біографія; первый же томъ занятъ исключительно мелкими статьями покойнаго, которыя почти все представляютъ рецензіи на вповь выходившія книги. Статьи эти написаны въ періодъ съ 1855 по 1862 г., и многія изъ нихъ въ первый разъ являются въ печати подъ собственнымъ именемъ ихъ автора, такъ какъ при жизни своей Котляревскій весьма часто помѣщалъ свои статьи подъ разными псевдонимами. Наибольшее число статей въ разбираемомъ томѣ посвящено книгамъ по теоріи и исторіи словесности (народной и книжной) и языка: «Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ, по поводу исполнившагося столѣтія его грамматикѣ», «Сказанія о русскихъ богатыряхъ», «Два вопроса русской исторической науки» (по поводу изданія русскихъ народныхъ пѣсень П. В. Кирѣевскаго), «Новыя изслѣдованія преосвященнаго Макарія по древней русской словесности», «Очеркъ исторіи русской поэзіи, г. Милюкова», «По поводу сочиненія г. Данилевскаго объ Основьяненкѣ», «О нравственной стихіи къ поэзіи, соч. Ореста Миллера», «Исторія русской словесности, преимущественно древней, Ст. Шевырева, ч. III», «О па-

родной поэзии въ древне-русской литературѣ, Ѳ. Буслаева», «Опытъ исторической грамматики русскаго языка, Ѳ. Буслаева», «Русская народная литература» (по поводу сборниковъ П. В. Кирѣевскаго, Варенцова и Костомарова), «Рутина въ преподаваніи исторіи словесности» (по поводу курса исторіи поэзіи, сост. А. Ливниченко), «Новые труды по русской старинѣ и народности» (по поводу сборниковъ И. Закревскаго, Де-Шуле и Глотова, Н. Гарденина и нѣк. др.), «Двѣ новыя христоматіи» (по поводу трудовъ А. Галахова и П. Басистова). Затѣмъ, въ вышедшемъ томѣ находимъ нѣсколько статей, по историко-культурнымъ вопросамъ: «Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ». «Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинокъ» (дополненіе къ предыдущей статьѣ), «Мистериософія бардовъ Бретани» (по поводу сочиненія А. Пиктэ «Le mystère des bardes de l'île de Bretagne»). Имѣются рецензіи на сочиненія чисто-историческія: «О лѣтописи Якимовской, П. А. Лавровскаго», «О Сербіи въ ея отношеніяхъ съ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV ст., рѣчь В. Григоровича», «Богданъ Хмѣльницкій, Н. Костомарова»; сюда же принадлежитъ и самостоятельная статья автора: «Были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ?» Двѣ рецензіи посвящены беллетристическимъ произведеніямъ: «Народні оповідання, Марко Вовчка» и «Стихотворенія Полежаева», двѣ—трудамъ по археологіи: «Археологическія изслѣдованія по памятникамъ (по поводу соч. Филимонова, «Вопросъ о первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ») и разборъ сочиненія Бергмана «Les scythes les ancêtres des peuples germaniques et slaves. Наконецъ, въ сборникѣ заключается обширная критико-библиографическая статья «Старина и народность за 1861 годъ», представляющая собою обстоятельный перечень и оцѣнку вышедшихъ, отдѣльно или въ видѣ статей, сочиненій по мнѳологіи, народной поэзіи, исторіи литературы и языка и по археологіи.

Вотъ сухой перечень статей, составляющихъ I томъ «Сочиненій Котляревскаго». Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ оцѣнку мнѣній и соображеній автора по весьма многимъ и разнообразнымъ вопросамъ русской исторической науки. Многія изъ этихъ статей въ свое время производили впечатлѣніе въ кругу лицъ, интересующихся затропнутыми въ нихъ научными вопросами и, безъ сомнѣнія, не остались безплодными въ исторіи развитія у насъ историческихъ изслѣдованій и знаній. Здѣсь достаточно намѣтить только въ общихъ чертахъ характеристику покойнаго Котляревскаго, какъ ученаго критика.

Съ особенной строгостію относится критикъ къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя обнаруживаютъ недостаточную полноту свѣдѣній ихъ авторовъ по данному вопросу и несовременность, отсталость методовъ научнаго изслѣдованія; мистицизмъ и туманность въ научныхъ работахъ, пристрастная точка зрѣнія на предметъ, партійность въ сужденіяхъ и взглядахъ, скороспѣлость и преждевременность выводовъ—находятъ въ критикѣ судью суроваго и очень часто рѣзкаго. Вообще, струя живого отношенія къ дѣлу науки и научнымъ вопросамъ очень ярко сквозитъ въ рецензіяхъ Котляревскаго и придаетъ имъ особый интересъ даже въ настоящее время: «въ нашемъ обществѣ—говоритъ между прочимъ критикъ (1859 г.)—существуетъ одно очень странное мнѣніе, которое мы готовы назвать оскорбительнымъ и для науки, и для современнаго человѣка. Говорятъ или, по крайней мѣрѣ, думаютъ,

что изучение старины, интересы науки должны быть далеки от современности: в этом отдалении, по мнению некоторых, заключается залогъ успѣховъ исторической науки, потому что она только тогда достигаетъ возможнаго совершенства, когда перомъ историка управляетъ чувство безпристрастія, когда онъ смотритъ на событія и лица *ohne Hast und Rast, sine ira et studio...*» (стр. 216); «жизнь—прежде всего—говорится въ другомъ мѣстѣ,—а за нею уже все остальное: наука, искусство, литература, и то въ такой мѣрѣ, въ какой они относятся къ жизни и служатъ ей» (294). Исследование старины и отыскиваніе чертъ народности какъ въ прошломъ, такъ и въ современномъ, составляютъ для критика самую привлекательную область его научныхъ интересовъ, а сравнительно-историческій методъ считаетъ онъ лучшимъ путемъ для достиженія удовлетворительныхъ результатовъ въ этой области: «если всеобщій интересъ къ изученію народности и старины—говоритъ онъ—не есть интересъ мимолетный и пустой, если такая наука не бесплодна для жизни, то и сравнительно-историческій методъ, какъ единственный прямой путь къ уразумѣнію основныхъ началъ народности, не только имѣетъ право на существованіе, но и представляется исключительно необходимою. Народность, въ данный моментъ времени, есть столько же и прирожденное (конечно, не въ смыслѣ фатализма) свойство народа, сколько и результатъ его исторіи, итогъ всего прожитаго; потому истинное знаніе и пониманіе народности приобрѣтается только путемъ историческимъ и сравненіемъ элементовъ ея съ подобными же началами другихъ народовъ» (528). Это поклоненіе историческому методу иногда доводитъ критика до такихъ странностей, какъ отрицаніе эстетики: «этого обаятельнаго, чисто-туземнаго вліянія эстетики для насъ, позднихъ пріемышей европейской науки, не существуетъ: эстетикой мы не можемъ дорожить такъ, какъ, нѣмцы, потому что не мы создали ее, и теряя ее, мы ничего не теряемъ кроваваго, дорогого нашему сердцу, а взамѣнъ этого сколько выигрываемъ!» (458). Симпатіи Котляревскаго къ западной наукѣ и цивилизаціи видны у него почти на каждой страницѣ, и прямымъ выводомъ изъ этихъ симпатій являются отрицательныя отношенія его къ мнѣніямъ славянофильскаго кружка (напр. К. Аксакова—о былинахъ) и самостоятельными сужденіями въ родѣ слѣдующаго: «правда, развитіемъ литературнымъ не богата—чтобы не сказать совершенно бѣдна—древняя Русь, но уже одинъ трезвый взглядъ на причину этого явленія даетъ достаточный поводъ къ убѣжденію въ глубокой антинаціональности и нравственномъ вредѣ тѣхъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ исключительно совершалось развитіе литературнаго дѣла въ Россіи до Петра I-го. А это убѣжденіе кладетъ могильный камень на заманчивую, но вполне ложную теорію о существованіи какого-то особаго просвѣщенія въ древней Руси и высокой цивилизаціи, присущей русскому народу, даже и въ тѣ времена, когда, по сказанію Нестора «люди живяху звѣриньскимъ образомъ...» и т. д. Отсюда новый свѣтлый взглядъ на народную жизнь, отсюда и прямая практическая мѣра, mogućia дѣйствительно облегчить осложненныя вѣками житейскія отношенія» (140); еще яснѣе мысль автора объ отношеніяхъ нашихъ къ Западу открывается изъ другого мѣста: «съ европейской мыслью и образованіемъ насъ сближаютъ не одни историческія, такъ сказать, международныя отношенія, а глубокая внутренняя связь и преемственность. Прямые наследники нравственнаго европейскаго капитала, мы не можемъ и не должны отказываться отъ него, коль скоро захотимъ идти впередъ наравнѣ съ со-

временными требованіями эпохи. Богъ знаетъ, къ чему бы пришло русское общество, предоставленное своимъ собственнымъ силамъ, съ тупой привычкой и рутинной вмѣсто образованной сознательности, съ своими полутатарскими ионятіями и правами!» (215). Со славянофилами Котляревскаго мирла лишь ихъ любовь къ народному: «мы не противъ славянофиловъ— говоритъ онъ:—мы горячо сочувствуемъ ихъ искренней, неподдѣльной любви къ народу и ко всему народному; скажемъ болѣе—они ближе и родственнѣе намъ, чѣмъ наша ученая западная бюрократія; но мы никакъ не можемъ примириться съ тѣмъ, что самыя серьезныя мысли у нихъ какъ-то странно соединяются съ гаданіями, взятыми Богъ вѣсть откуда...» (442—43).

Вообще, въ отношеніи понятій и взглядовъ литературно-общественныхъ и научныхъ Котляревскій представляетъ личность вполне ясно очерченную и опредѣленную; смотрѣть на эти взгляды, разумѣется, можно такъ же различно теперь, какъ смотрѣли на нихъ въ то время, когда они впервые были высказываемы; но никто, вѣроятно, не откажетъ автору въ убѣжденности и солидной научной подготовкѣ. Библиографическія познанія Котляревскаго давно уже одѣнены по достоинству и составили ему въ этомъ отношеніи даже специальную извѣстность—превосходнаго, образцоваго библиографа.

Два слова, въ заключеніе, объ изданіи. Съ виѣшней стороны, опрятности и исправности, оно ничего не оставляетъ желать, но нельзя не пожалѣть, что не указано, въ какихъ изданіяхъ помѣщаемыя статьи были впервые напечатаны; въ текстѣ статей есть ссылка на №№ этихъ изданій; онѣ буквально повторены и въ академическомъ изданіи, но безъ соответствующихъ и необходимыхъ для читателя параллельныхъ ссылокъ на страницы новаго изданія, безъ чего одиѣ прежнія ссылки остаются нѣмыми и излишними. Стремленіе перепечатать статьи буква въ букву доходитъ здѣсь даже до того, что напр. на 624 стр. помѣщено исправленіе типографской ошибки (пропуска цѣлой строки), допущенной въ первомъ изданіи; кажется, было бы естественнѣе и проще исправить эту ошибку въ текстѣ статьи въ новомъ изданіи и не повторять уже необходимой въ первомъ изданіи поправки.

Е. П.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ одиннадцатый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1889.

Настоящій томъ излагаетъ «исторію католической реакціи и религіозныхъ войнъ», т. е. обозрѣваетъ событія приблизительно отъ половины XVI столѣтія до 1648 г., до Вестфальскаго мира. На пространствѣ этой сотни лѣтъ религіозный вопросъ, такъ энергично выдвинутый реформаціей, былъ разработанъ и исчерпанъ. Въ началѣ этого періода самымъ характернымъ лицомъ является Филиппъ Испанскій, для котораго католицизмъ—все, который лучше желаетъ не царствовать вовсе или властвовать въ пустынѣ, нежели надъ еретиками и который, дѣйствительно, пересталъ царствовать въ Нидерландахъ, а Испанію, гдѣ остался властителемъ, обратилъ въ пустыню; а въ концѣ періода—князь римской церкви, кардиналъ Ришилье, ко-

торый, ничто же сумняся, помогает самым энергичным образом еретикам в их борьбу против защитников истинной веры, и для которого вообще государственные интересы бесконечно выше церковных. Все движение религиозного характера, которая переживает Европа послѣ 1648 г., какъ отъѣна Нантскаго эдикта, яansenизмъ, борьба въ югозападной Руси, pietизмъ XVIII вѣка, реабилитация католичества Шатобрианомъ и Шлейермахеромъ, г-жа Крюденеръ и Библейское Общество и пр. и пр.—или переживанія или явленія, имѣющія совершенно иной исходный пунктъ.

На пространствѣ этихъ ста лѣтъ, когда церковь управляла политикой, изъ массы выдѣлялись такіе характеры и разыгрывались такіе эпизоды, что даже въ философскій, пренебрегавшій исторіей, XVIII вѣкѣ великіе поэты именно отсюда брали сюжеты для драмъ. Почти одно и тоже перечислить выдающіеся пункты этого періода и заглавія наиболѣе полныхъ жизни и движенія драмъ Гете и Шиллера: Донъ - Карлосъ, Торквато Тассо, Марія Стюартъ, Эгмонтъ, Валленштейнъ. Въ этотъ же періодъ жили величайшіе по силѣ движенія драматурги Европы: Лопе де-Вега, Кальдеронъ и самъ Шекспиръ. Случайность ли это? Конечно, нѣтъ: тамъ, гдѣ дѣйствуетъ чистая политика, т. е. принципъ выгоды и расчета, личность прячется за массу; гдѣ, какъ въ средніе вѣка, на верху одна религія, тамъ нѣтъ простора для развитія личной энергии и страстей, а масса безмолвствуетъ; но тамъ, гдѣ религія и политика проникаютъ одна другую, положеніе личности наиболѣе драматично и взаимодействіе выдающихся людей и массы находится именно въ томъ равновѣсіи, которое необходимо для развитія не эпической, какъ въ средніе вѣка, и не лирической, какъ въ повѣйшее время, а идеальной драмы Шекспира. О характерѣ изложенія Вебера, о значеніи тѣхъ передѣлокъ и дополненій, которыми онъ улучшаетъ это второе изданіе, также какъ о достоинствахъ перевода г. Андреева мы говорили по поводу появленія предыдущихъ томовъ. Въ настоящемъ XI томѣ г. Андреевъ счелъ нужнымъ сдѣлать одно измѣненіе въ оригиналѣ и одно дополненіе къ нему: во 1-хъ вмѣсто слишкомъ краткаго очерка исторіи Россіи отъ Ивана Грознаго до смерти Михаила Федоровича онъ внесъ въ текстъ рассказъ о томъ же, заимствованный изъ «Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова; во 2-хъ въ видѣ приложения онъ помѣстилъ рассказъ о битвѣ при Рокруа, переведенный изъ книги Шерюзля: «Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV». Замѣнъ нѣмецкаго рассказа о событіяхъ въ Россіи костомаровскимъ нельзя не почувствовать; нельзя ничего сказать и противъ дополненія изъ книги Шерюзля, кромѣ развѣ того, что это путь очень скользкій: почему переводчикъ отдалъ предпочтеніе Шерюзлю, историку, безъ сомнѣнія, серьезно, передъ классическими сочиненіями Мотлея, Прескотта, Гейссера, наконецъ, Шиллера и битвѣ при Рокруа передъ битвой при Люценѣ или передъ процессомъ Эгмонта или Маріи Стюартъ, смертью Валленштейна и т. д.! Дополнять Вебера можно изъ массы, книгъ; но въѣдъ тогда придется увеличивать каждый томъ почти вдвое.

«Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи» на этотъ разъ ничего не даетъ для рецензента - историка, такъ какъ г. Андреевъ, выразивъ очень странно свое убѣжденіе, что «первобытною родиною людей была странна экваторіальнаго климата» на остальныхъ 20 страницахъ излагаетъ астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты. Изложеніе этого закона отличается обычной г. Андрееву сжатостью и ясностью, но ни процессъ вывода этого закона, ни даже конечные результаты

вычисления (см. стр. xxxv и xxxvi) не представляют для историка ничего особенно поучительнаго. Полагаемъ, что г. Андреевъ будетъ продолжать статью о климатѣ въ XII томѣ и приведетъ, по обыкновенію, рядъ интересныхъ данныхъ и вѣскихъ, хотя и не безспорныхъ, соображеній объ этомъ вопросѣ.

А. К.

Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковію западно-русскихъ униатовъ. Обзоръ событій воссоединенія въ царствованіе императора Николая I. — И. Чистовича. Спб. 1889.

Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковію западно-русскихъ униатовъ. Соборныя дѣянія и торжественныя служенія въ 1839 году. Спб. 1889.

Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковію западно-русскихъ униатовъ. Историческій очеркъ про- тоіерея Іоанна Наумовича. Спб. 1889.

Семь проповѣдей синодальнаго члена, митрополита литовскаго и виленскаго Іосифа, говоренныя при важнѣйшихъ случаяхъ служенія, и о греко-униатской церкви въ Западномъ краѣ Россіи, — воспоминанія архіепископа Антонія. Спб. 1889.

Четыре брошюры съ приведенными выше заглавіями составляютъ юбилейныя изданія, приготовленныя по случаю исполнившагося въ нынѣшнемъ году пятидесятилѣтія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью. Событіе глубокой важности и высокаго значенія въ религіозномъ, историческомъ и политическомъ отношеніяхъ. Унія необходима была для папства, какъ переходное положеніе отъ православія къ латинству, для Польши — какъ завершеніе дѣла соединенія западно-русскаго народа съ польскимъ. Пала Польша и унія сдѣлалась аномаліей въ Россіи. Власть папы въ нашемъ государствѣ должна была войти въ законныя предѣлы своей юрисдикціи, распространяющейся на коренныхъ римско-католиковъ, и у насъ никто не покушается нарушить эти предѣлы. Политическія цѣли Польши, лежавшія въ основѣ унии, уничтожались съ момента присоединенія русскихъ областей къ Россіи. Вотъ, по нашему мнѣнію, основное положеніе, дававшее право русскому правительству прекращать существованіе насильно введенной унии по мѣрѣ отпаденія этихъ областей отъ Польши. Но, по весьма важнымъ государственнымъ соображеніямъ, уничтоженіе унии было предоставлено естественному ходу вещей. И вотъ, послѣ воссоединенія, въ царствованіе Екатерины II, около трехъ милліоновъ униатовъ, наступило второе воссоединеніе, въ предѣлахъ Бѣлороссіи и Литвы, въ числѣ болѣе 1,300 духовныхъ лицъ и свыше 1,500,000 паствы.

Подготовительныя работы къ воссоединенію и обзоръ событій его описаны профессоромъ И. Чистовичемъ въ извѣстной послѣдовательности, обнимающей время вступленія главнаго виновника воссоединенія, приснопамятнаго Іосифа Сѣмашко на поприще, сдѣлавшее его имя историческимъ, и оканчивающейся самымъ воссоединеніемъ.

Пояснительными документами этому труду служатъ собранныя въ отдѣльной брошюрѣ соборныя дѣянія, указы, переписка по воссоединенію и

проч.; въ концѣ брошюры находимъ неподходящее, по времени, къ событію воссоединенія, но имѣющее съ нимъ нѣкоторую связь «Краткое сказаніе о лицахъ, большею частью, изъ воссоединенныхъ духовнаго и свѣтскаго званія, которыя въ послѣднюю польскую смуту засвидѣтельствовали своимъ исповѣдничествомъ и даже мученическою кончиною крѣпость своей православнои вѣры и своей любви къ Россіи, и списокъ нѣкоторыхъ изъ сихъ страдальцевъ».

Историческій очеркъ протоіерея І. Наумовича заключаетъ въ себѣ всю исторію уни и ея упраздненія въ Западномъ краѣ. По сжатости изложенія, картинности описанія и простотѣ языка этой брошюры слѣдовало бы дать самое широкое распространеніе среди воссоединеннаго народа, который найдеть въ ней, кромѣ истиннаго изложенія всего пережитаго западно-русскою церковью, еще, мѣстами, общедоступныя доказательства правоты православія предъ римскимъ католицизмомъ. Авторъ этого полезнаго труда, уроженецъ Галиціи, самъ принадлежавшій къ униатскому духовенству, на своихъ плечахъ вынесъ униатскіе порядки включительно до тюремнаго заключенія (въ Австріи), которому былъ подвергнутъ за правоту православія по извѣстному процессу села Глинички. Одно это даетъ брошюру авторитетное значеніе.

«Семь проповѣдей» Іосифа Сѣмашко и «Воспоминанія архіепископа Антонія», уже бывшія въ печати, переиздаются, «чтобы доставить, — какъ говоритъ въ предисловіи профессоръ М. О. Кояловичъ, — возможность большому числу читателей ознакомиться хотя съ главнѣйшими мыслями самыхъ выдающихся двигателей воссоединенія униатовъ». Соединеніе въ одномъ изданіи проповѣдей Іосифа Сѣмашки, заключающихъ въ себѣ въ краткомъ видѣ «торжественное православное, русское и пастырское исповѣданіе своихъ убѣжденій и чувствъ», съ записками Антонія Зубко имѣетъ особое значеніе, такъ какъ эти два дѣятеля «связаны были самою тѣсною дружбою почти съ академической скамьи. Племенные особенности придавали прелесть и многознаменательность этой дружбѣ. Іосифъ былъ чистый малороссъ, Антоній — чистый бѣлорусъ. Оба любили западно-русскія племена, изъ которыхъ вышли, но не дѣлили ихъ никакою рознью и оба съ неодолимою силою стремились къ единенію съ восточною Русью. Они всѣмъ этимъ оставили потомкамъ плѣнительный образецъ объединенныхъ силъ и завѣтовъ единой, нераздѣльной православной Россіи».

Первое, по времени, изданіе, посвященное пятидесятилѣтію воссоединенія западно-русскихъ униатовъ, появилось въ Витебскѣ (5-й томъ «Витебской Старины» Сапунова, о которомъ мы сказали свое слово въ мартовской книжкѣ «Истор. Вѣстника»). Изданія, которымъ посвящена настоящая замѣтка, принадлежатъ Петербургу. Остается ожидать появленія трудовъ вилеицкихъ ученыхъ, которые, — надѣмся, — не преминутъ внести свой вкладъ въ юбилейную литературу уже по мѣсту своей дѣятельности, сосредоточенной въ центрѣ воссоединенной съ православіемъ области.

М. Г—цкій.

Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Изъ чтеній по церковному праву П. Лашкарева. 2-е исправленное и пополненное изданіе. Кіевъ. 1889.

Нельзя, конечно, требовать отъ автора вообще, чтобы онъ преслѣдовалъ тѣ или иныя цѣли и чтобы трудъ его имѣлъ тотъ или иной составъ и характеръ. Но можно пожалѣть иногда, что въ данномъ сочиненіи недостаточно развита та или иная часть, имѣющая особую важность. Впрочемъ, и это нужно сопровождать соотвѣтствующимъ объясненіемъ.

Отдавая полную справедливость научности труда г. Лашкарева, слѣдуетъ замѣтить, что въ то время какъ заглавіе книги позволяетъ рассчитывать найти въ ней достаточныя указанія на источники церковнаго права — дѣйствительно содержащаяся въ ней указанія по этой части въ отношеніи церковно-гражданскаго права Россіи, должны быть, съ сожалѣніемъ, признаны слишкомъ краткими.

Съ нѣкоторыми подробностями говорится здѣсь о Номоканонѣ, церковномъ уставѣ св. Владиміра, церковномъ судѣ Ярослава, Кормчей, Стоглавникѣ, соборномъ изложеніи 1667 г. Затѣмъ, послѣ упоминанія о духовномъ регламентѣ Петра Великаго, книга оканчивается слѣдующими словами: «дѣйствующее право въ русской церкви такимъ образомъ—(а это-то далеко и не выяснено)—составляютъ: Законъ Божій, въ св. Писаніи предложенный, Кормчая, Уложеніе Московскаго собора 1667 г., а затѣмъ Духовный Регламентъ и послѣдовавшія къ нему дополненія въ видѣ: высочайшихъ указовъ, высочайше утвержденныхъ опредѣленій св. синода, устава духовныхъ консисторій, инструкціи благочиннымъ, инструкціи церковнымъ старостамъ, уставовъ духовно-учебныхъ заведеній, и т. д.». Значитъ, не всѣ источники даже перечислены, и въ томъ числѣ не упомянутъ Сводъ Законовъ, который хотя безъ особой цѣли и не систематически, но излагаетъ все же довольно значительное число церковно-гражданскихъ постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія (т. I, ч. I, законы основныя; т. IX, законы о состояніяхъ),—такъ что и Уставъ духовныхъ консисторій въ постановленіяхъ, касающихся актовъ состоянія, только воспроизводитъ соотвѣтствующія статьи т. IX Зак. о сост. Нечего и говорить о томъ XI, ч. I, уставахъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

При такомъ же свойствѣ указаній на источники, на стр. 83, въ нѣсколькихъ строкахъ авторомъ рѣшается такой вопросъ: ...«Законодательство русское не придаетъ почти вовсе никакого значенія обычаямъ и праву ученому». Уже одно послѣдовательное употребленіе трехъ словъ «почти», «вовсе», «никакого»—показываетъ, что авторомъ не устанавливается здѣсь съ необходимою твердостью извѣстное весьма важное положеніе. Въ общемъ настоящее выражаемое имъ правило относительно обычая и невѣрно. «По буквальному выраженію нашего Свода,—продолжаетъ онъ,—имперія русская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ». Но тутъ нужно было привести и слѣдующую ст. 48, т. I, ч. I законовъ основныхъ. «Законы въ имперіи дѣйствуютъ или единообразно въ общей ихъ силѣ, или съ мѣстными въ нѣкоторыхъ частяхъ ихъ измѣненіями. Пространство сихъ измѣненій, мѣста, гдѣ они допускаются, и связь ихъ съ законами общими, опредѣляются въ особенныхъ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ». И вотъ, изслѣдованіе собственно согласно этимъ указаніямъ обнаружило бы довольно

широкое поле дѣйствія собственно обычаевъ въ области не только частнаго но и публичнаго права. Подобное изслѣдованіе не составляло цѣли автора, но видѣ его нельзя было выставить указываемое неопредѣленное положеніе въ распыляющихся выраженіяхъ.

Затѣмъ, только по приведеніи ст. 47 и безъ всякихъ другихъ ссылокъ, авторъ кончаетъ такъ съ настоящимъ предметомъ собственно въ отношеніи церковнаго права Россіи: «Но,—говоритъ онъ — принимая церковь съ ея уставами и канонами, наше отечественное законодательство тѣмъ самымъ дѣлаетъ исключеніе въ пользу обычаевъ церковныхъ, равно какъ мнѣній и правилъ св. отцевъ, поставляемыхъ въ ряду законовъ церковныхъ церковными уставами и канонами». Вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ важенъ для столь скорого его разрѣшенія. Тутъ положительно необходимы опредѣленные постановленія въ отношеніи церковно-гражданскаго права. Въ такомъ же видѣ разрѣшеніе вопроса можетъ даже подать поводъ къ недоразумѣніямъ,—тѣмъ болѣе, что здѣсь говорится о церковномъ правѣ, вообще, и не различается, какъ было бы вполнѣ умѣстно, право собственно церковное отъ церковно-гражданскаго. Въ то же время и опредѣленіе, даваемое авторомъ этимъ двумъ основнымъ видамъ церковнаго права на стр. 68, не можетъ быть признано достаточно твердымъ и устраняющимъ сомнѣнія. «Подъ правомъ собственно церковнымъ,—говоритъ онъ,—разумѣются законы, данные церкви Божественнымъ ея основателемъ непосредственно или чрезъ Его апостоловъ, или установленные самою церковію въ предѣлахъ полномочій, предоставленныхъ ей заповѣдями божественными, или и законами государственными, но примѣнительно къ ея основанной на божественныхъ заповѣдяхъ компетенціи. Законы эти, насколько имѣютъ форму положительныхъ опредѣленій, соединенныхъ съ вѣщною церковною санкціею, называются канонами, почему и самый видъ этого права называется частнѣе правомъ каноническимъ. Подъ правомъ церковно-гражданскимъ разумѣются такіе законы, которые опредѣляютъ положеніе и дѣятельность церкви въ силу общаго государственнаго и гражданскаго порядка, или изданы нарочито по дѣламъ вѣры и церкви законодательною властью государственною, и охраняются санкціею гражданскою. Законы послѣдняго свойства древніе правовѣды церковные, въ отличіе отъ каноновъ называли просто законами». Опредѣленіе это, какъ видно, слишкомъ обще. Существо обоихъ видовъ права подлежало бы большому выясненію. Указаніе же на участіе законодательной власти въ государствѣ ослабляетъ даже и формальный признакъ различія между правомъ собственно-церковнымъ и церковно-гражданскимъ. Равно желательнo было бы, конечно, опредѣленіе этихъ видовъ церковнаго права и указаніе различія между ними—по существу и по формѣ—именно съ точки зрѣнія русскаго права.

Объ отсутствіи всего указаннаго выше въ настоящемъ сочиненіи нужно тѣмъ болѣе пожалѣть, что именно г. Лашкаревъ, съ его пріемами и данными былъ бы въ силахъ заняться этими предметами.

Но—(этимъ все и объясняется)—на авторѣ, какъ и на большей части другихъ представителей науки церковнаго права—отразилось неудовлетворительное состояніе источниковъ церковнаго права у насъ. Тутъ лишній разъ выразилась весьма тѣсная связь юридической науки съ состояніемъ кодификаціи права. Нынѣ эти источники и формы церковнаго права легко, пожалуй, и перечислить. Оттого и разработка ихъ слишкомъ затруднительна и мало кого привлекаетъ.

Н. Др.

Тьма египетская, романъ Вс. Вл. Крестовскаго. Спб. 1889.

Передъ нами послѣднее произведеніе г. Крестовскаго, помѣщенное въ прошломъ году въ «Руссомъ Вѣстникѣ», а теперь вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ. Авторъ «Петербургскихъ Трущобъ», «Панурговаго стада» и другихъ капитальныхъ произведеній, задумалъ ввести читателей въ мало знакомый міръ еврейства, ознакомить съ его истинными воззрѣніями философскими, религіозными, политическими, экономическими и социальными; задача обширная и благодарная, но не совсѣмъ удачно выполненная авторомъ, у котораго «Тьма египетская» является наиболѣе слабымъ произведеніемъ. Фабула романа (вѣрнѣе разсказа, растянутого на 32 главы) слѣдующая: у богатаго еврея Соломона Бендавида есть внучка Тамара, богатая невѣста, вкусившая христіанской цивилизаціи, а по этому естественно отшатнувшаяся отъ еврейскаго талмудизма; при этомъ она влюбилась въ червоннаго вадета изъ великосвѣтской среды, графа Валентина Николаевича Каржоль-де-Нотрекъ, который желая овладѣть ея милліонами, склонилъ ее принять православіе. Благодаря бѣгству Тамары въ монастырь, евреи всполошились и кагалъ принялъ энергичныя мѣры противъ графа, котораго попросту выслали изъ Украинска, но Тамары не вернули, такъ какъ она уѣхала въ Петербургъ. Очевидно, во всемъ этомъ романѣ нѣтъ, есть только пересказъ одного изъ случаевъ, совершающихся тысячами въ чертѣ еврейской осѣдлости. Очевидно, *great attraction* сочиненія г. Крестовскаго заключаются не въ этомъ. Но прежде всего необходимо понять заглавіе. Что это значитъ «Тьма египетская»? Отвѣтъ мы находимъ въ суботнемъ поученіи рабби Ионаана (стр. 34): «И сказалъ Богъ Моисею: Я наложу руку Мою на Египетъ,—и наложилъ. И наслалъ на него десять казней. И было между ними девятою казнью тьма египетская. Это слово, не въ физическомъ, конечно, смыслѣ, повторяется и въ наши дни. Десятая казнь—смерть первородныхъ. Для нашего времени она еще въ будущемъ. Нынѣ враги, насъ окружающіе, находятся пока еще въ періодъ тьмы египетской». Вотъ въ этомъ-то суботнемъ поученіи Ионаана, представляющемъ собою, по мнѣнію автора, квинтъ-эссенцію социально-политическихъ воззрѣній современныхъ евреевъ-талмудистовъ, и заключается «гвоздь» всего произведенія. Прочитавъ внимательно все это поученіе, призывающее евреевъ дружно стремиться къ вѣками намѣченной цѣли—къ всемірному господству—читатель естественно приходитъ къ заключенію, что еврейство представляетъ изъ себя грозное братство, мастерски организованное, которое имѣетъ цѣли діаметрально-противоположныя христіанству и европейской цивилизаціи, стремится ко всемірному господству евреевъ надъ всѣми остальными народами, а потому, во имя простой логики и здраваго смысла, противъ еврейства должны сплотиться въ одного общаго врага всѣ тѣ, которымъ дороги интересы самобытнаго національнаго развитія и европейскаго прогресса. Такимъ образомъ, авторъ рисуетъ намъ два враждебныхъ лагеря, неизбежно, силою обстоятельствъ, вступающихъ между собою въ борьбу. Посмотримъ теперь дѣйствующихъ лицъ съ обѣихъ сторонъ. Соломонъ Бендавидъ—богатый, почтенный, крайне симпатичный человѣкъ, одинаково уважаемый евреями и христіанами, добрый, справедливый и набожный; жена его—премилая, предобрая старушка, немножко со странностями, какъ и большинство старушекъ съ ея средствами; внучка ихъ Тамара—идеально-праведная личность, глубоко образованная, экзальтированная, хорошенькая собою, бога-

тая, и высоко симпатичная; гимназистъ Айзикъ Шацкеръ—не блистать вѣдшими качествами, но честный, убѣжденный охранитель семейныхъ традицій и добрый юноша; рабби Ионафанъ—глубокій мыслитель, философъ, ораторъ, фанатикъ идеи, котораго нельзя не уважать; раввинъ Йосель Натансонъ—краснорѣчивый, остроумный и дальновидный дипломатъ, который, при благопріятныхъ условіяхъ, заткнулъ бы за поясъ Галейрановъ и Меттерниховъ; единственнымъ дурнымъ человѣкомъ является Иссахаръ Беръ, котораго за то кагалъ приговариваетъ къ ссылкѣ на поселеніе. Теперь у христіанъ: графъ Каржоль-де-Нотрекъ—великосвѣтскій мазурикъ, темный дѣлецъ, безъ нравственныхъ основъ, любитъ исключительно женщинъ и деньги; Ольга Семеновна Ухова—разнузданная дѣвушка, съ низменными побужденіями, изъ любви къ Каржолу готовая на всякій компромиссъ, лишь бы вѣдшность была соблюдена; Митрофанъ Николаевичъ Горизонтовъ—мелкотравчатый дѣлецъ, взяточникъ, пройдоха, карриатура Каржоля въ грубомъ видѣ; губернаторъ—жалкій администраторъ, заимствованный изъ «Панургова стада», болтунъ и фразеръ, котораго правитель канцеляріи водить на помочахъ; единственнымъ хорошимъ человѣкомъ является игуменя Серафима. Такимъ образомъ, авторъ, видимо не долюбливающій евреевъ и желавшій обрисовать ихъ «темною силою», совершенно не достигаетъ цѣли и производитъ обратное впечатлѣніе: симпатіи читателя остаются на сторонѣ «бѣдныхъ жидочковъ». Присоедините къ этому массу выносокъ и ссылокъ на еврейскія сочиненія, что умѣстно въ серьезной монографіи, но никакъ не въ романахъ, и интересъ романа еще болѣе ослабѣваетъ, такъ какъ почти каждая страница испещрена такими указаніями: «Ойрахъ-Хаимъ, гл. IV, стр. 18.—Талмудъ, трактатъ Шаббосъ, стр. 118.—Бытія, гл. XIII, ст. 2.—Чиселъ, гл. XXII, ст. 4.—Михей, гл. V, ст. 7 и 8». Справляются никто изъ читателей не пойдетъ, провѣрять ученость автора не захочетъ, а читать длинныя объясненія еврейскихъ словъ и выраженій крайне надоѣдаетъ въ романѣ.

А. Б.—въ.

Донъ-Жуанъ Байрона. Переводъ П. А. Козлова. Въ двухъ томахъ. Спб. 1889.

Русская литература не особенно богата художественными переводами европейскихъ классиковъ. Образцовые переводчики также рѣдки, какъ и настоящіе поэты, ибо образцовый переводчикъ непременно вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтъ. Такими переводчиками были у насъ Жуковскій (особенно его переводы изъ Шиллера) и М. Михайловъ, переводчикъ Гейне. Гете въ большинствѣ случаевъ переведенъ у насъ весьма посредственно, Шекспиръ—тоже, а Байронъ по большей части изъ рукъ вонъ плохо. Въ Гербелевскомъ изданіи сочиненій Байрона особенно плохи, шероховаты и безцвѣтны переводы самого издателя; другіе переводчики Байрона тоже не блещутъ поэтическими достоинствами. Такимъ образомъ, всякій новый переводный стихотворный трудъ, исполненный человѣкомъ талантливымъ, является цѣннымъ приобретеніемъ для русской литературы. Такимъ цѣннымъ приобретеніемъ мы считаемъ и трудъ г. Козлова, переведшаго Байроновскаго «Донъ-Жуана» — этотъ «безгранично-геніальный эпосъ», по выраженію Гете—размѣромъ подлинника.

«Донъ-Жуана» начали переводить отрывками на русскій языкъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія; съ теченіемъ времени появились даже два

полныхъ перевода этой поэмы — одинъ стихотворный, другой прозаическій. Первый принадлежит г. Минаеву, второй—г. Соколовскому. Переводъ г. Минаева страдаетъ крайней вольностью и неточностью, а переводъ г. Соколовскаго граціозные и поэтическіе стихи переложилъ въ довольно вялую прозу. Но теперь г. Козловъ показалъ, что при талантѣ и добросовѣстномъ изученіи подлинника можно переводить и близко къ подлиннику, и по большей части художественно. Г. Козлову пришлось бороться почти съ непреодолимыми трудностями, передъ которыми его предшественники отступали. «Донъ-Жуанъ» написанъ очень капризнымъ размѣромъ—пятистопными ямбическими октавами, каждая въ 8 стиховъ, при чемъ первые шесть стиховъ рѣмуютъ по три вмѣстѣ черезъ одинъ женскими и мужскими рѣмами, а два послѣдніе стиха каждой октавы рѣмуютъ въ свою очередь отдѣльно. Размѣръ этотъ технически очень труденъ и для русскаго поэта, пишущаго порусски, переводить такимъ же размѣромъ иностранное поэтическое произведеніе еще труднѣе, если переводчикъ, какъ г. Козловъ, преслѣдуетъ точность перевода. Немудрено, конечно, что г. Козловъ потратилъ нѣсколько лѣтъ на переводъ 16 пѣсенъ, заключающихъ въ себѣ около 2 тысячъ октавъ и 16 тысячъ стиховъ. Техникой стиха г. Козловъ владѣетъ въ совершенствѣ, переводъ его виртуозенъ и блестящъ. Въ 16 тысячахъ стиховъ, конечно, можно найти неудачные, шероховатые, блѣдые или вялые, но вѣдь и на солнцѣ бываютъ пятна: абсолютнаго совершенства на свѣтѣ нѣтъ. Съ послѣдней точки зрѣнія можно, пожалуй, сказать, что г. Козловъ не художникъ-переводчикъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ напр., Жуковский, ибо переводъ «Донъ-Жуана» нѣсколько суховатъ и прозаиченъ. Но если г. Козловъ не художникъ-переводчикъ, то онъ несомнѣнно переводчикъ-виртуозъ, для котораго техническихъ трудностей не существуетъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ піанистомъ (или вообще музыкантомъ-виртуозомъ), который исполняетъ трудное музыкальное произведеніе блестяще и поразительно въ техническомъ отношеніи, у котораго есть художническая воспримчивость, но нѣтъ художественнаго таланта для того, чтобы воссоздать исполняемую вещь. Во всякомъ случаѣ переводъ г. Козлова капитальный вкладъ въ небогатую сокровищницу русскаго переводной литературы.

С. Тр.

Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго. Генеральнаго штаба генераль-маіора Пузыревскаго.

Авторъ этого сочиненія, по званію профессора исторіи военнаго искусства, въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, является въ своей спеціальной исторической области большимъ и безпорнымъ авторитетомъ. Настоящій трудъ, во всѣхъ отношеніяхъ полно и подробно разработанный, составляетъ естественное продолженіе предшествующихъ работъ А. К. Пузыревскаго, на томъ же историческомъ пути, а именно: «Исторіи военнаго искусства въ средніе вѣка» (V—XVI стол.), изданной съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей въ 1884 году; и «Записокъ по исторіи военнаго искусства въ эпоху 30-ти лѣтней войны» (эпоха Густава Адольфа), изданныхъ нѣсколько ранѣе. Новая работа генерала Пузыревскаго, составленная при помощи новѣйшихъ французскихъ, германскихъ и особенно австрійскихъ

«истор. вѣсти.», июль, 1889 г., т. xxxvii.

13

военно-исторических изысканий, представляет богатый и превосходный вкладъ въ нашу военно-историческую литературу.

Изложивъ подробно тактическое устройство войскъ, пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, равно какъ способы наборовъ, продовольствія и внутренняго управленія войсками, авторъ переходитъ къ изученію характера боевыхъ столкновеній въ эпоху конца XVII-го и начала XVIII-го вѣковъ.

Эта часть книги, написанная мѣстами увлекательно, рассказываетъ намъ о Евгени Савойскомъ, въ походахъ и бояхъ за Испанское наслѣдство и о Петрѣ Великомъ въ борьбѣ его съ Карломъ XII-ымъ. Прекрасныя страницы посвящены также Морицу Саксонскому, этому маршалу авантюристу, побѣдителю при Фонтенуа, Року, и Лауфетѣ. Историкъ, сравнивая дѣяствія этихъ бывшихъ капитановъ съ военными идеями Петра, еще разъ доказываетъ насколько нашъ сѣверный колосъ опередилъ свое время даже въ его лучшихъ, превосходѣйшихъ образцахъ.

Къ книгѣ приложенъ еще чрезвычайно интересный очеркъ военной литературы первой половины XVIII столѣтія въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Здѣсь разобраны мемуары маркиза Фекьера (1648—1711 г.). «Искусство войны» маркиза Пюисегюра (1655—1743 г.), сочиненія Фолара и, наконецъ, знаменитыя «Мечтанія» Морица Саксонскаго, съ обстоятельною біографіею ихъ автора, писавшаго чудовищно безграмотно (de la Cademie, вмѣсто de l'Academie), но зато отличавшагося такимъ обиліемъ здоровыхъ мыслей и военно-философскихъ понятій, которые могли бы сдѣлать честь не только одному, но цѣлому сонму грамотнѣйшихъ академикомъ.

Изданіе это слишкомъ прекрасно, много плановъ сраженій помѣщено среди самого текста, а карты бывшихъ военныхъ операцій даны въ особомъ приложеніи; такъ что пожеланію каждаго ихъ можно перенести и въ текстъ или сохранить отдѣльно. Удобно также и то, что всѣ выноски и ссылки на обширные источники, которыми пользовался авторъ, внесены въ особыя примѣчанія, чѣмъ дано вниманію читающаго полное спокойствіе, не лишая его, въ то же время, возможности сдѣлать надлежащую справку, по указанному въ примѣчаніи источнику. Во всѣхъ отношеніяхъ книга г. Пузыревскаго—богатая книга.

В. П.

Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго. Кіевъ. 1889.

Исторія русскаго права разработана у насъ достаточно подробно и основательно, какъ по изслѣдованію источниковъ, такъ и по изученію всей системы законодательства въ данную эпоху. Но это—только по отношенію къ центральной и восточной части нашего государства. Западная часть его, такъ долго находившаяся подъ вліяніемъ чуждыхъ и враждебныхъ намъ элементовъ, оторванная въ теченіе столѣтій отъ коренной русскаго власти, была въ совершенно другихъ условіяхъ, не позволявшихъ изслѣдовать юридическія отношенія русскаго племени къ своимъ властителямъ. Малоизвѣстная область литовско-русскаго права, во времена предшествовавшихъ появленію въ краѣ статута, заставила университетъ св. Владимира, въ его юридическомъ факультетѣ, предложить темою изслѣдованіе уставныхъ грамотъ, и сочиненіе г. Ясинскаго служитъ отвѣтомъ на эту задачу. Напечатанное въ «Университетскихъ извѣстіяхъ», оно, по словамъ автора, вышло въ свѣтъ

отдѣльною книгою не въ томъ видѣ, въ какомъ было представлено въ факультетъ. Оно сильно сокращено и ограничивается только исторіею уставныхъ грамотъ и систематическимъ сводомъ ихъ. Пропущенъ третій отдѣлъ, посвященный изложенію и объясненію содержанія этихъ памятниковъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ этотъ отдѣлъ былъ бы, конечно, всего интереснѣе для обыкновеннаго читателя, не нуждающагося въ сводѣ документовъ, полезныхъ только для специалистовъ и юристовъ. Съ уничтоженіемъ въ печати важнѣйшей части труда — самой сущности законодательныхъ памятниковъ, потребовалось, для его бѣльшей полноты и законченности, сдѣлать въ этомъ отдѣлѣ рядъ подстрочныхъ примѣчаній, объясняющихъ эти памятники. Авторъ начинаетъ свой трудъ съ указанія мѣста уставныхъ земскихъ грамотъ въ системѣ современнаго имъ литовско-русскаго законодательства. Государство Литовское раньше Московскаго начало собирать подъ свою руку сосѣднія земли и уже при Гедиминѣ соединило подъ своею властью двѣ совершенно различныя народности, по религіи и цивилизаціи. Бѣдная, малоцивилизованная, но воинственная горсть литовцевъ подчинила себѣ обширную, многолюдную, хотя и тѣснимую татарами западную Русь. Еще въ первой половинѣ XIII вѣка вошла въ составъ Литовскаго государства Черная Русь съ городами Новгородкомъ, Гродномъ, Слонимомъ, Волковыскомъ, затѣмъ — земля Полоцкая, въ XIV вѣкѣ — княжества Пинское, Туровское, земля Витебская, Волынская, наконецъ, Кіевская, Подольская и Смоленская. Русскія земли составляли болѣе $\frac{9}{10}$ пространства всего Литовско-русскаго государства. Понятно, что Литва не могла навязать Руси свои порядки, а усвоила, напротивъ, все русское, сохранила въ присоединенныхъ городахъ вѣчное устройство, приняла русскій языкъ, русскую письменность. Въ юридической жизни Литвы господствовало русское обычное право. Даже съ появленіемъ литовскаго статута въ 1529 году законы письменные не подавляютъ живучести обычнаго права, и законодательная дѣятельность литовскихъ князей сводится преимущественно лишь къ узаконенію существующаго обычая. Грамоты ихъ, имѣвшія законодательный характеръ, являлись или въ формѣ привилегій, являющихся исключеніемъ изъ общаго закона, или въ формѣ уставныхъ грамотъ, жалуемыхъ разнымъ землямъ Литовско-русскаго государства. Послѣднія и составляютъ предметъ изученія г. Ясинскаго, хотя онъ очень много говоритъ и о привилегіяхъ и о всякого рода грамотахъ жалованныхъ, льготныхъ и пр. Во второмъ, самомъ существенномъ, отдѣлѣ своего труда, авторъ опредѣляетъ значеніе уставныхъ грамотъ, дававшихся отдѣльнымъ землямъ Литовскаго государства, въ лицѣ всего ихъ населенія, съ цѣлью подтвердить древнія, общія права каждой земли, опредѣлить ея отношенія къ государству и его мѣстнымъ органамъ и регламентировать различныя стороны мѣстной общественной жизни, преимущественно на основаніи мѣстныхъ же обычаевъ. Такихъ грамотъ сохранилось немного: всего десять. Онѣ на русскомъ языкѣ и даны: двѣ Витебской землѣ, двѣ Кіевской, двѣ Волынской, одна Полоцкой, одна Смоленской, одна Жмудской и одна Бѣльскаго. Авторъ подробно разбираетъ ихъ происхождение и различныя изданія ихъ, но гораздо короче говоритъ объ ихъ содержаніи. Въ систематическій сводъ включено только восемь грамотъ, потому что одна, Витебская, буквально повторяетъ предшествовавшую ей грамоту, данную той же землѣ, а одна изъ Волынскихъ полна явныхъ ошибокъ и большихъ пропусковъ. Весь сведенный текстъ грамотъ разбитъ на 114 статей, сгруппированныхъ

по предметамъ содержанія въ 13-ти рубрикахъ, расположенныхъ, по словамъ автора, въ систематическомъ порядкѣ. Трудно усмотрѣть особую пользу въ этой систематичности, какъ и вообще во всемъ этомъ отдѣлѣ съ его статьями и рубриками. Въ общемъ, трудъ г. Ясинскаго, удостоенный юридическимъ факультетомъ университета св. Владиміра золотой медали и преміи Н. И. Пирогова, несомнѣнно важный для юристовъ, интереснѣй по содержанію, мало доступенъ по изложенію для публики, даже получившей извѣстнаго рода спеціальную подготовку.

В. З.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга вторая. Кіевъ. 1889.

Вторая книга Чтеній Кіевского Историческаго Общества Нестора Лѣтописца является отчетомъ о дѣятельности и трудахъ членовъ его за цѣлое почти десятилѣтіе (1878—1887 гг.). Познакомившись съ содержаніемъ, нельзя не признать, что Общество дѣйствительно старалось выполнить свою задачу и содѣйствовать развитію русской исторической науки въ области политической и церковной, исторіи литературы и права, археологіи и нумизматики. Членами Общества были дѣлаемы рефераты, сообщенія, рецензіи, по всемъ упомянутымъ областямъ исторической науки; помимо того, Общество отзывалось на всѣ событія, имѣвшія то или иное общественное значеніе (чествованіе памяти великихъ дѣятелей науки, литературы).

Изъ сообщеній, помѣщенныхъ въ этой книгѣ въ полномъ видѣ, отмѣтимъ: П. Лебединцева—«О возобновеніи стѣнной живописи Кіево-Печерской Лавры въ 1840—1843 гг.», А. Котляревскаго — «Поминки о Достоевскомъ», М. Кулишера—«О рефератахъ Вирхова». Наиболее дано въ книгѣ сокращенныхъ рефератовъ, принадлежащихъ гг. Антоновичу, Иконникову, Котляревскому, Малышевскому, Мищенко, Левицкому, Фортинскому, Голубеву, Багалю, Истомину, Дашкевичу и др. Юбилей 900-лѣтія крещенія Руси вызвалъ нѣсколько трудовъ членовъ Общества, какъ-то: Соболевскаго — «Годъ крещенія Руси», Бережкова — «Святый Владиміръ—строитель городовъ», Фортинскаго—«Крещеніе Князя Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ», а также—изданіе памятниковъ древне-русской литературы, посвященныхъ св. Владиміру съ замѣчаніями о нихъ Соболевскаго.

Отмѣчая несомнѣнную жизнь въ дѣятельности Общества, мы должны въ заключеніе сказать о самой книгѣ, представляемой вниманію публики. Какъ протокольный отчетъ о ходѣ дѣятельности Общества, она имѣетъ интересъ и значеніе; значенія же научнаго (за исключеніемъ второго и нѣкоторыхъ частей перваго отдѣла) она не имѣетъ: краткая передача содержанія реферата не можетъ удовлетворить научнаго интереса читателя, не можетъ отвѣчать на требованія, предъявляемыя ко всякому научному труду, а потому она и не вноситъ вклада въ науку и, дѣйствительно, только остается протоколомъ. Хорошо, если въ книгѣ указано, гдѣ авторъ вполнѣ стѣдствіи помѣстилъ свой трудъ; но, къ сожалѣнію, такихъ указаній въ книгѣ сдѣлано мало; слѣдовательно, труды большинства авторовъ, ставъ извѣстными лишь кружку членовъ Общества, остаются для всѣхъ остальныхъ интересующихся успѣхами историческаго знанія—неизвѣстными. Естественно, что это объясняется еще не достаточнымъ развитіемъ силъ, средствъ Общества. Поэтому нельзя не пожелать въ будущемъ еще бѣльшаго развитія плодо-

творной дѣятельности Общества, обогащенія его всѣми средствами, при которыхъ оно вполне могло бы выполнить свои высокія задачи.

А—въ.

Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Томъ XV и послѣдній. Кролевецкій уѣздъ съ четырьмя литографированными картами и приложеніемъ переписи 1883 г. и Румянцовской переписи 1767 г. Составилъ заведующій статистическими работами Черниговскаго земства П. П. Червинскій. Черниговъ. 1888.

Можно отъ души порадоваться, что колоссальная работа, предпринятая Черниговскою земскою управою по изданію «Матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій» доведена благополучно до конца, при чемъ составителямъ удалось выполнить строгую систему—представить изслѣдованіе губерніи по мелкимъ территоріальнымъ единицамъ, земельнымъ дачамъ, обнимающимъ собою въ среднемъ площадь въ 4,000 десятинъ. Прекрасно сознавая, что изслѣдовать сельско-хозяйственную дѣятельность губерніи во всѣхъ отношеніяхъ задача невыполнимая, руководители изданія сосредоточили свое вниманіе преимущественно на нѣсколькихъ основныхъ сторонахъ этого дѣла, наиболѣе постоянныхъ и медленно измѣняющихся во времени. Сюда отнесены: «почвы губерніи съ точки зрѣнія ихъ сельско-хозяйственной пригодности, естественная производительность земель, эффекты удобренія на разнаго рода почвахъ, способы обработки земли, обстановка и условія пастбы скота и т. п.». Весь богатый матеріалъ, прекрасно обработанный, расположенъ по главамъ и отдѣламъ съ такимъ практическимъ расчетомъ, «чтобы дать возможность опредѣлить земледѣльческую производительность съ наибольшей точностью по любой изъ самыхъ мелкихъ территоріальныхъ единицъ». Земству удалось, кромѣ того, сдѣлать подворную перепись въ 1883 г. пяти уѣздовъ (Козелецкаго, Суражскаго, Мглинскаго, Городницкаго и Кролевецкаго), выражающихъ собою «особенности разныхъ типическихъ мѣстностей губерніи» и отпечатать результаты этой переписи при соответствующихъ томахъ «Матеріаловъ». Къ изслѣдованіямъ двухъ послѣднихъ уѣздовъ, кромѣ современной переписи, приложена также въ параллель Румянцовская перепись 1767 г. Изъ богатаго матеріала, представляемаго этимъ дорогимъ историческимъ документомъ, взяты главнымъ образомъ цифровыя данныя, обрисовывающія экономическое положеніе населенія и сгруппированы по тѣмъ рубрикамъ и отдѣламъ, которые приняты и для современной переписи. Не смотря, однако, на то, что суммы данныхъ 1767 г. и 1883 г. не вполне совпадаютъ и Румянцовская опись не даетъ, напримѣръ, свѣдѣній о состояніи грамотности, объ арендѣ, о способахъ обработки земли и нѣкоторыхъ другихъ, тѣмъ не менѣе составитель XV тома проводитъ очень удачную параллель между экономическимъ положеніемъ массы населенія прошлаго вѣка и нынѣшнимъ временемъ и рѣшаетъ очень важный и интересный вопросъ: когда это экономическое положеніе было лучше? Выводы г. Червинскаго таковы: не смотря на то, что на территоріи современнаго Кролевецкаго уѣзда въ прошломъ столѣтіи помѣщалось вдвое меньше жителей, количество пахатной и сѣнокосной земли на одного жителя приходилось

столько же, сколько и теперь, а скота приходилось даже меньше, бра-лось же съ этого жителя правительствомъ болѣе; ходячія мнѣнія о славі малороссійской производительности значительно преувеличены: пчелово-дство было развито относительно слабѣе, а винокурение доставляло въ сред-немъ выводѣ столько же почти водки на человѣка, сколько и теперь, но съ затратою по крайней мѣрѣ вчетверо большаго количества хлѣба на ведро той же крѣпости. «Подобные факты, говоритъ г. Червинскій, въ связи съ приведенными цифрами матеріальнаго достатка и его распре-дѣленія приводятъ насъ къ тому окончательному заключенію, что въ прош-ломъ столѣтіи не только крестьянству, но и значительной части казачества въ экономическомъ отношеніи жилось хуже и тяжелѣе чѣмъ теперь». Этотъ выводъ почтеннаго изслѣдователя чрезвычайно любопытенъ и идетъ въ раз-рѣзъ съ ходячими за послѣднее время мнѣніями о томъ, что прежде массѣ въ матеріальномъ отношеніи жилось куда какъ легче. Это мало обоснова-ное мнѣніе находятъ себѣ въ трудѣ г. Червинскаго достаточный отпоръ и заставляютъ задуматься, не пора ли, откинувъ всякія тенденціи, попытаться на основаніи одного лишь цифрового матеріала сдѣлать сравненіе прошлаго и настоящаго экономическаго положенія населенія и для остальныхъ мѣст-ностей Россіи, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ для этого представляется доста-точно данныхъ.

Б. Г.

И. Созоновичъ. Изученіе ново-греческой народной поэзіи. Варшава. 1889.

Излюбленными героями ново - греческой народной поэзіи являются клефты, собственно разбойники. Участіе ихъ въ борьбѣ грековъ за неза-висимость подняло въ глазахъ народа самое ихъ дѣло,—т. е. простой разбой въ горахъ,—такъ что неразлучнымъ эпитетомъ каждаго изъ нихъ сдѣлалось названіе палликаръ,—храбрый, сильный. Въ труднодоступныхъ горахъ Эпира и Фессаліи свили свое гнѣздо эти гордые орлы, ревниво оберегая свою независимость отъ притязаній турокъ. Съ своихъ скалистыхъ горъ они, по-добно опустошительному свѣжному обвалу, спускались въ долины, неся съ собою безпощадную месть своимъ утѣснителямъ - туркамъ. Этому быто-вому явленію посвящено большинство ново-греческихъ пѣсней эпическаго содержанія, захватывающихъ съ одной стороны событія, чисто историческія, съ другой—вплетающихъ по временамъ традиціи временъ классическихъ.

Научная работа и остановилась съ наибольшимъ вниманіемъ на разборѣ ново-греческаго эпоса. Издавна уже многочисленные путешественники въ Элладу упоминаютъ о народныхъ пѣсняхъ и даже записываютъ ихъ, но до начала настоящаго столѣтія не появляется въ свѣтъ ни одного сборника. Общій подъемъ интереса къ безыскусственному творчеству въ Европѣ, въ связи съ удивленіемъ къ героической борьбѣ грековъ противъ турокъ, привлекъ вниманіе такъ называемыхъ филаэлиновъ къ народнымъ ново-греческимъ пѣснямъ. Въ то же время и среди самыхъ грековъ начинается движеніе въ пользу народной пѣсни, и вотъ въ 1820 г. А. Мустоксидисъ обратился къ А. Схинасу съ письмомъ, которое было затѣмъ напечатано и должно было послужить предисловіемъ къ сборнику пѣсней, снабженному даже цѣлымъ изслѣдованіемъ о характерѣ ново-греческой поэзіи. Голосъ Мустоксидиса былъ услышанъ въ Элладѣ, и тамъ, въ разныхъ углахъ, на-чали записывать памятники народнаго творчества. Спустя нѣкоторое время,

въ Европѣ вниманіе къ народной поэзіи грековъ было поднято гётевскимъ переводомъ нѣкоторыхъ пѣсень, а также сочувственными отзывами Байрона, Шатобриана и Мендельсона.

Теперь и вниманіе ученыхъ привлекается къ изученію ново-греческихъ пѣсень, и первымъ взялся за это дѣло французъ Форіэль (Fauriel).

Названная нами брошюра г. Созоновича и посвящена библиографическому обзору: 1) изслѣдованій ново-греческой поэзіи и 2) сборниковъ ново-греческихъ пѣсень.

С.

Юридическая энциклопедія. Н. К. Ренненкампа, профессора университета св. Владиміра. Кіевъ. 1889.

Основаніемъ настоящаго труда послужили «Очерки юридической энциклопедіи», изданные авторомъ въ 1868 году. Въ 20 лѣтъ у г. Ренненкампа была полная возможность придать своему первоначальному труду всѣ совершенства. Новое заглавіе какъ бы и указываетъ, между прочимъ, на большую полноту сочиненія. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отдать рѣшительное предпочтеніе «Очеркамъ» передъ «Юридической энциклопедіей». Они гораздо полнѣе, что видно уже изъ объема сочиненій: въ то время какъ «Очерки» заключали въ себѣ 313 страницъ, въ разсматриваемой книжкѣ оказывается ихъ (безъ приложенія) 278 и при томъ меньшаго формата и менѣе убористой печати. «Юридическая энциклопедія» представляется скорѣе болѣе или менѣе подробнымъ конспектомъ, нежели самымъ изложеніемъ предмета. Что же касается до предмета юридической энциклопедіи, то профессоръ Ренненкампъ склоняется къ признанію за нею такихъ чертъ, которыя «возвышаютъ ее изъ вступительнаго руководства въ истинную науку». По его мнѣнію, юридическая энциклопедія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ имѣетъ задачу—«представить науку права, какъ живой организмъ, проникнутый одною высшею идеею; для достиженія ея, она не довольствуется простымъ и простымъ заимствованіемъ изъ другихъ наукъ (т. е. изложеніемъ ихъ началъ и содержанія?) и расположеніемъ матеріала по признакамъ внѣшнимъ, напр., по алфавиту или по системѣ произвольной, но стремится переработать все содержаніе правовѣдѣнія, какъ одно цѣлое и въ немъ найти основныя начала и присущую систему права» (стр. 2).

Лично подобную цѣль проф. Ренненкампъ, впрочемъ, не преслѣдуетъ. Цѣль его—учебная: дать своимъ слушателямъ пособие, соответственное программѣ по энциклопедіи права, изданной министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1888 г. для производства экзаменовъ въ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ. Но неужели эта программа—весьма краткая и составленная въ общихъ выраженіяхъ—дѣйствительно требуетъ отъ учащихся столь малаго объема знаний?

Во всякомъ случаѣ, настоящее изданіе, при весьма незначительной литературѣ предмета, при отличающихъ его въ то же время простотѣ и связности изложенія, даетъ общія понятія о важнѣйшихъ основахъ науки права.

Н. Др.

Г. И. Успенскій. Опытъ объяснительнаго изложенія его сочиненій, Ореста Миллера. Спб. 1889.

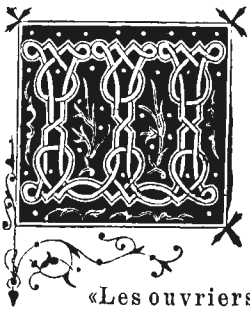
Г. И. Успенскій принадлежитъ къ числу излюбленныхъ писателей нашего времени, неустанно работающихъ на родной литературной нивѣ въ строго опредѣленномъ направленіи. Не проходитъ ни одинъ мѣсяцъ, чтобы

въ какомъ-нибудь изъ толстыхъ журналовъ не появился очеркъ или рассказъ этого писателя, посвященный изображенію или анализу разныхъ сторонъ народной жизни, въ которомъ авторъ рѣзко протестуетъ противъ торжества неправды, изобличаетъ ложь и своекорыстіе разныхъ дѣятелей, примазавшихся къ народу, пользующихся безпомощностью и низкимъ уровнемъ его развитія для своихъ грязныхъ дѣлишекъ. Напротивъ того, всякое встрѣчающееся въ изучаемой жизни свѣтлое явленіе крестьянской среды и лучшихъ его представителей принимается г. Успенскимъ съ горячимъ сочувствіемъ и находитъ въ немъ своего истолкователя и распространителя. Изъѣздивъ наше отечество вдоль и поперекъ, онъ далъ русской литературѣ обширное собраніе очерковъ (это собраніе вышло въ настоящее время дешевымъ общедоступнымъ изданіемъ), рисующихъ достаточно полно и живо современную крестьянскую и чернорабочую Россію, при чемъ вниманіе автора оставали на себѣ явленія относящіяся какъ до экономическаго, матеріальнаго, такъ и до духовнаго благосостоянія народа. До сихъ поръ наша критика смотрѣла на Успенскаго какъ на писателя, изслѣдующаго по преимуществу экономическія стороны народной жизни и при томъ въ произведеніяхъ котораго звучатъ ноты отчаяннаго пессимизма. Иначе взглянулъ на дѣло проф. Миллеръ. Какъ критикъ, интересующійся главнымъ образомъ положительными сторонами нашей литературы и выведенныхъ въ ней типовъ, какъ публицистъ въ теченіе своего слишкомъ 25 лѣтняго служенія словомъ горячо проповѣдующій обществу нравственныя начала, онъ подошелъ и къ Успенскому съ своей обычной точки зрѣнія. Задавшись цѣлью опредѣлить литературную фizioномію Успенскаго, которая отражается во всѣхъ его произведеніяхъ, г. Миллеръ, касаясь лишь мимоходомъ сторонъ эстетическихъ въ разбираемыхъ произведеніяхъ этого писателя, спѣшилъ послѣ краткаго изложенія фабулы разсказа и характеристики дѣйствующихъ лицъ подчеркнуть мораль вытекающую изъ произведенія, изъ положенія занимаемаго тѣмъ или другимъ лицомъ, изъ совокупности обстоятельствъ разсказа. При этомъ авторъ «объяснительнаго изложенія» стремится поставить всѣ творенія г. Успенскаго въ одну органическую связь. Связь эта, по толкованію г. Миллера, есть «сѣтованіе о душѣ, объ ея отсутствіи» въ современномъ строѣ и челоуѣкѣ, т. е. постоянная и настойчивая проповѣдь того «безъ чего, не смотря ни на какія новоизобрѣтенныя удобства жизни, всякая жизнь наконецъ остановится», потеряетъ свой истинный смыслъ и духовное значеніе. Эта проповѣдь и дѣлаетъ, по мнѣнію почтеннаго профессора, Успенскаго, какъ писателя, чрезвычайно цѣльнымъ, полнымъ идеализма, задушевной, глубоко-человѣчной субъективности. Истолковывая, такимъ образомъ, современнаго беллетриста, г. Миллеръ пользуется случаемъ, чтобы бросить обществу нѣсколько горькихъ упрековъ въ бездушности, придать своему труду характеръ обличительной проповѣди съ косвеннымъ указаніемъ на истинныя начала жизни, требованія Евангельскаго ученія и на необходимость самой широкой любви къ ближнему. Эта характерная сторона труда г. Миллера, отличающагося между прочимъ чертами автобіографическими, дѣлаетъ этотъ трудъ чрезвычайно симпатичнымъ, обрисовывая автора какъ виднаго представителя въ нашемъ обществѣ великой идеи дѣятельной любви къ челоуѣчеству и какъ проповѣдника истиннаго гуманизма. Б. Г.—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Статьи о русских крестьянахъ и о русских рабочихъ.—Французскій переводъ драмъ Островскаго.—Нѣмецкая біографія Достоевскаго.—Письма Фонвизина.—Этимологія слова: царь.—Письма г-жи Ламбаль и Екатерины II.—Политическая роль русской литературы и роль графа Д. А. Толстого во французской оцінкѣ.—Разоблаченный Бисмаркъ.—Тройной союзъ съ австрійской точки зрѣнія.—Двѣ книги о Талейранѣ.—Мемуары маркизы Ларошжакленъ.

ВЕЙЦАРСКІЙ ЖУРНАЛЪ «Bibliothèque universelle», о которомъ намъ не разъ приходилось говорить, помѣстилъ въ двухъ послѣднихъ книжкахъ своихъ замѣчательные этюды о русскихъ крестьянахъ, и о русскихъ рабочихъ. Первая изъ этихъ статей: «Les paysans russes» принадлежитъ Огюсту Глардону и составлена по англійскимъ источникамъ, написаннымъ, впрочемъ, нашими эмигрантами, и потому проникнута тономъ пессимизма; но вторая «Les ouvriers en Russie» написана Александромъ Герценомъ, профессоромъ Болонскаго университета, сыномъ нашего извѣстнаго публициста, и основана на официальныхъ данныхъ, взятыхъ имъ изъ сочиненій, пользующихся у насъ заслуженнымъ авторитетомъ. Изъ этихъ статей западная Европа можетъ ознакомиться съ положеніемъ у насъ крестьянскаго вопроса скорѣе, чѣмъ изъ разглагольствованій иностранныхъ политиковъ, смотрящихъ на наше отечество съ своей тенденціозной точки зрѣнія. Нельзя сказать, чтобы эта тенденціозность не проглядывала въ статьѣ Глардона, но зато изслѣдованія Герцена чужды всякой предвзятой идеи и отличаются чисто научнымъ характеромъ. Глардона, вмѣстѣ съ другими европейскими публицистами, тревожитъ многочисленность русскаго крестьянства, составляющаго $\frac{4}{5}$ или 86% всего населенія Россіи—пропорція, которую можно найти только въ Ирландіи. Потому аграрный вопросъ въ Россіи имѣетъ капитальное значеніе и отъ его разрѣшенія зависитъ ея будущность, а

можетъ быть и будущность всей Европы. «Семьдесятъ милліоновъ мужиковъ—порядочная тяжесть на вѣсахъ нашихъ будущихъ судебъ», прибавляетъ Глардонъ. Онъ находитъ также, какъ многіе писатели, что экономическое положеніе крестьянъ ухудшилось со времени ихъ освобожденія. Развивая взглядъ крестьянина на землю, какъ на предметъ общиннаго владѣнія, свойственнаго вѣмъ славянскимъ племенамъ, авторъ находитъ естественнымъ, что крестьяне при ихъ освобожденіи думали, что имъ будетъ принадлежать вся земля, какую они обрабатывали, а ихъ помѣщикамъ царь назначить жалованье, какъ своимъ генераламъ. Правительство хотѣло, напротивъ, сохранить во всей силѣ систему крупнаго землевладѣнія, оставивъ крестьянамъ небольшіе участки земли, достаточные для ихъ пропитанія. Въ теоріи это было прекрасно, но на практикѣ оказалось, что многіе участки не могли прокормить своихъ владѣльцевъ, и они должны были нанимать или обрабатывать участки у своихъ прежнихъ помѣщиковъ, чтобы имѣть возможность прожить съ семьями и уплатить всѣ подати и повинности. Недостатокъ земли, неурожаи, а въ урожайные годы недостатокъ рукъ, для сбора жатвы, увеличеніе земскихъ и другихъ повинностей—все это, въ соединеніи со множествомъ другихъ причинъ, дѣлаетъ чрезвычайно тяжелою жизнь русскаго крестьянина. Глардонъ признаетъ, что русскій мужикъ и трудолюбивъ и довольствуется малымъ, но все-таки не находитъ возможнымъ ни жить порядочно, ни скопить что-нибудь на черный день и не имѣя дешеваго кредита, находится въ полной зависимости отъ алчныхъ ростовщиковъ и «кулаковъ» изъ своей же среды. Вездѣ въ Европѣ смертность въ городахъ, выше смертности въ селахъ; въ Россіи—наоборотъ. Въ Англіи, когда смертность достигаетъ 23 ч. изъ 1000, законъ предписываетъ производить слѣдствія. Въ Россіи умираетъ въ деревняхъ отъ 35 до 37 человекъ изъ тысячи. Врачебный конгрессъ 1885 года подъ предѣтельствомъ С. П. Боткина, нашель, что причиною этому недостатокъ питанія. Въ 1874 году, когда была введена всеобщая воинская повинность 70% молодыхъ людей, явившихся по первому призыву, были найдены годными для военной службы. Въ 1883 году число ихъ уменьшилось уже до 59%. Все это цифры, не требующія комментарій. Есть ли средство выйти изъ этого положенія? Авторъ находитъ ихъ въ устройствѣ мелкихъ крестьянскихъ банковъ и въ надѣлѣ крестьянамъ бѣльшаго количества земли для обработки. Последнее условіе возможно осуществить потому, что въ то время когда въ Англіи воздѣлывается 61% земли способной къ обработыванію, во Франціи даже 83%, въ Россіи это число падаетъ до 21%. Статья оканчивается описаніемъ административнаго и семейнаго устройства деревни, міра, общины, и эскизами о злоупотребленіяхъ чиновниковъ въ родѣ губернатора Токарева, о расхищеніи башкирскихъ и уфимскихъ земель въ министерство г. Валуева и т. п. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что русскій крестьянинъ вовсе не революціонеръ, а приверженецъ твердой царской власти, которая одна можетъ защитить его отъ притѣсненій кулаковъ и чиновниковъ.

Статья А. А. Герцена, изслѣдуя положеніе русскихъ рабочихъ, находитъ его болѣе печальнымъ, чѣмъ въ остальной Европѣ, съ чѣмъ, конечно, нужно согласиться, читая непрерывающіяся извѣстія о стачкахъ и возстаніяхъ европейскихъ пролетаріевъ, тогда какъ у насъ и не слышать о подобныхъ явленіяхъ. Авторъ сознается, что русское правительство сдѣлало много, въ послѣднее время, по рабочему вопросу, но говоритъ, что всѣ благія мѣры

далеко еще не осуществились вслѣдствіе эгоизма заводчиковъ, апатіи массы, взяточничества надсмотрщиковъ, молчанія печати. Онъ приводитъ въ примѣръ пожаръ московской фабрики Гивартовскаго въ 1880 году, при чемъ сгорѣло 46 человѣкъ, и изувѣчено 26, отъ неимѣнія на фабрикѣ каменныхъ лѣстницъ, предписанныхъ закономъ 1865 года,—а фабрика безъ лѣстницъ выстроена въ 1868 году съ разрѣшенія московской полиціи. Законъ 1883 года запрещаетъ на фабрикахъ работу дѣтей моложе 12-ти лѣтъ, но авторъ увѣряетъ, что на московскихъ ткацкихъ и красильныхъ фабрикахъ, можно найти десятилѣтнихъ дѣтей, работающихъ по 15—17 часовъ въ сутки... Въ 1886 году, въ Ижорѣ, на спичечной фабрикѣ, работали дѣти обоюга пола по 14-ти часовъ въ сутки. Такихъ примѣровъ авторъ приводитъ не мало, но злоупотребленія встрѣчаются вездѣ и нельзя ихъ ставить въ вину правительству. Самое обнародованіе подобныхъ фактовъ въ официальныхъ донесеніяхъ доказываетъ желаніе искоренить нарушеніе закона. Много любопытныхъ случаевъ авторъ заимствуетъ изъ малоизвѣстной у насъ книги г-жи Ткачевой, врача въ Монпелье: «Conditions hygiéniques des ouvriers en Russie». Онъ не говоритъ ничего о сельскихъ рабочихъ и кустаряхъ, а изслѣдуетъ только положеніе фабричныхъ да артелей, являющихся въ столицы и другія центры промышленности, отыскивать заработокъ. Поборы и обманы всякаго рода, какимъ подвергаются рабочіе отъ подрядчиковъ, фабрикантовъ, безобразій паспортной системы и т. п., изображены авторомъ вѣрно; но восемнадцатичасовая работа, исполняемая на нѣкоторыхъ заводахъ, принадлежитъ все-таки къ исключеніямъ, и преслѣдуется, когда доходитъ до свѣдѣній высшихъ властей. Злоупотребленія, открытыя въ 1886 году Бирюковичемъ на сахарныхъ заводахъ, инженеромъ Рюминымъ на московскихъ фабрикахъ Бахрушина, Устинова, князя Меншикова и др., конечно, уничтожены по ихъ обнаруженіи. Приводя заключенія г. Эрисмана, Абрамова, Погожева и др., авторъ не упоминаетъ о томъ, какія были послѣдствія ихъ донесеній, но очевидно, что не могло же все остаться попрежнему на фабрикахъ, гдѣ явно нарушались постановленія. Не можетъ же быть, чтобы все ограничилось наложеніемъ штрафа въ 60 франковъ на одного булочника—единственный примѣръ взысканія, приводимый авторомъ. Статя его, впрочемъ, еще не кончена и мы къ ней вернемся.

— Дюранъ Гревиль, мужъ извѣстной романистки, издалъ переводъ «Лучшихъ произведеній Островскаго» (*Chefs d'oeuvre dramatiques d'Ostrowsky*). Имя Островскаго давно знакомо французамъ. Полякъ Островскій перевелъ Мицкевича на французскій языкъ и, живя въ Парижѣ, писалъ также французскія пьесы, очень плохія. Поэтому парижане долго удивлялись, почему пьесы Островскаго пользуются такимъ успѣхомъ въ Россіи, пока не узнали, по смерти поляка Островскаго, что извѣстностью пользуется его русскій однофамилецъ. Переводчикъ его далъ только три пьесы; изъ нихъ «Гроза», игранная недавно въ Парижѣ, не имѣла никакого успѣха. Театральная критика, не смотря на пристрастіе ко всему русскому, нашла очень странною всю эту исторію адюльтера русской купчихи, ея раскаянія и самоубійства. Но литературная критика очень довольна второю пьесою Островскаго изъ купческаго быта «Не въ свои сани не садись», переведенною «Каждый на своемъ мѣстѣ» (*Chacun á sa place*). Французы находятъ, что реализмъ Островскаго, его энергія и знаніе народнаго быта, сродни таланту Л. Н. Толстого. Переводчикъ говоритъ въ предисловіи къ своему

труду: «Александра Островскаго считаютъ на родинѣ гениемъ, не уступающимъ въ достоинствѣ ни одному изъ современныхъ романистовъ». Думаемъ, что по тремъ пьесамъ переведеннымъ Дюранъ Гревиллемъ, французамъ трудно будетъ придти къ такому убѣжденію.

— Евгений Цабель помѣстилъ въ іюньской книжкѣ «Deutsche Rundschau» новую біографію Достоевскаго (F. M. Dostojewski), которую по счету?—мы уже и не припомнимъ. Новыхъ свѣдѣній въ ней, конечно, не сообщается, то есть новыхъ даже для нѣмцевъ, которые давно уже знакомы и съ лучшими произведеніями русскаго писателя и съ подробностями его жизни и съ критическою оцѣнкою его трудовъ. Поклонникъ Тургенева, Цабель очень восторженно относится и къ Достоевскому, конечно, искренно, но черезчуръ напыщенныя похвалы какъ-то невольно заподозрѣваютъ увлеченіе критика. Онъ начинаетъ свою статью съ описанія Невскаго проспекта, южная часть котораго оканчивается, послѣ своего развѣтвленія, Александровскою лаврою, гдѣ похороненъ писатель. Слѣдуетъ, конечно, описаніе надгробнаго памятника, затѣмъ разсужденіе о томъ, что покойный «испыталъ въ жизни тяжелую несправедливость и велъ трудную борьбу», что учащаяся молодежь видѣла въ писателѣ «свѣточъ во всѣхъ жизненныхъ битвахъ, борца за незабвенные идеалы». Все это можно было бы выразить гораздо проще и ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало называть Достоевскаго «пророкомъ», потому что онъ умеръ въ январѣ 1881 года, ровно за мѣсяць до мартовской катастрофы. Не слѣдовало также сравнивать Достоевскаго съ нѣмецкимъ писателемъ, Фрицомъ Рейтеромъ, только потому что оба были приговорены къ смертной казни и помилованы. Впрочемъ, съ общими выводами Цабеля, что изъ произведеній Достоевскаго остаются навсегда въ исторіи русскаго литературы: «Вѣдныя люди», «Записки изъ Мертваго дома» и «Преступленіе и наказаніе»—можно вполне согласиться.

— Французы издають не только нашихъ современныхъ, но и старыхъ писателей. Въ Парижѣ вышелъ переводъ писемъ Фонвизина къ его сестрѣ— о Франціи. Только-что принятый въ число академикомъ Мельхиоръ Вогюэ написалъ вступленіе къ этому переводу, сдѣланному русскимъ. (*Lettres de France de D. I. Vonvizine á sa soeur á Moscou, traduites par un russe, avec une introduction par le vicomte E. Melchior de Vogué.*) Критика находитъ, что эти письма «перваго комическаго поэта древней Россіи» слѣдовало перевести на французскій языкъ. Фонвизинъ, пріѣхавшій въ Монпелье съ большой женой, присутствовалъ при открытіи штатовъ въ Лангедокѣ и описалъ жизнь французской провинціи и столицы. «Онъ строгъ къ французамъ, говоритъ критикъ, и находитъ въ нихъ много недостатковъ: легкомысліе, невѣжество, скупость, грубость, нечистоплотность. Онъ часто правъ, но еще чаще пишетъ подъ влияніемъ дурного расположенія духа. Замѣчательна приводимая имъ оцѣнка писателей того времени, жизнь какую его соотечественники, русскіе, ведутъ въ Парижѣ, описаніе двухъ главныхъ выдающихся сторонъ столичной жизни: театровъ и парижскихъ женщинъ, разсказъ объ ованіяхъ Вольтеру и пр.» Объ оцѣнкѣ Фонвизина сдѣланной Мельхиоромъ Вогюэ, такъ же какъ и о другихъ русскіяхъ этюдахъ его, много говорилось при приемѣ его въ число бессмертныхъ и всѣ отзвѣвы о Россіи принимались съ особеннымъ сочувствіемъ всею академіею.

— Журналь г-жи Адавъ, въ каждой книжкѣ продолжаетъ помѣщать статьи о Россіи не только своихъ подозрительныхъ русскіихъ сотрудниковъ:

Петровыхъ и Черновыхъ, но и разныхъ французовъ. Такъ какой-то Ulrich напечаталъ «историческія изслѣдованія объ этимологіи русскаго императорскаго титула «царь». (*Recherches historiques sur l'etymologie du titre imperial russe de «tsar»*). Въ этихъ изслѣдованіяхъ нѣтъ ничего новаго: авторъ, опровергаетъ мнѣніе Карамзина, что слово царь восточно-персидскаго происхожденія и производитъ его отъ латинскаго слова *Caesar*. Имени Кесаря или цезаря придавали позднѣйшее значеніе—императоръ, тогда какъ слово царь означало просто монарха, короля. Это послѣднее слово (кроль, круль) позднѣйшаго хотя и не славянскаго происхожденія (*Karolus, Karl*), соотвѣтствуетъ латинскому *rex*, нѣмецкому *Kuneng*, конунгъ. Древніе славяне не знали титула—царь; владыки ихъ назывались князьями, какъ Крокъ въ Чехіи, Лехъ въ Польшѣ, Рюрикъ на Руси. Халдейское слово саръ, прибавлявшееся къ именамъ многихъ вавилонскихъ и ассирійскихъ владыкъ, не могло быть тождественнымъ со словомъ царь, тѣмъ болѣе, что въ славянской библіи оно является и въ измѣненномъ видѣ: Навуходносоръ—вмѣсто Небукаднесаръ. Европа считала всегда титулъ царя равнозначущимъ королю, и вотъ почему Петръ I принялъ также титулъ императора, какъ преемникъ восточно-римскихъ императоровъ, а своему наслѣднику присвоилъ титулъ цесаревича, а не царевича.—Въ этой же книжкѣ «*Nouvelle Revue*» напечатано письмо изъ Парижа къ Екатеринѣ II, Ивана Чернышева, случайно нашедшаго письмо принцессы Ламбаль къ министру полиціи Сартину о приѣмѣ Марію Антуанетою въ 1778 году американскаго посольства съ знаменитымъ Франклиномъ во главѣ. Вѣтреная королева едва удержалась отъ смѣха, принимая этихъ «остготовъ», какъ ихъ называетъ Ламбаль, и сказала потомъ своимъ придворнымъ дамамъ: «говорите, что хотите, но въ нихъ много площадного» (*l'air un peu sapeille*). Екатерина II, благодаря Чернышова за присылку копіи письма Ламбаль, говоритъ въ постскриптумѣ: «я не люблю, что г-жа Марія Антуанета такъ много и надо всѣмъ смѣется: правда, она женщина и даже очень женщина. Я вѣдь также немножко женщина, но на ея мѣстѣ и при тѣхъ обстоятельствахъ я бы побоялась, чтобы мнѣ не сказали: хорошо тому, кто будетъ смѣяться послѣднимъ». Еще какой-то русскій, подписавшійся Валентинъ де-Горловъ, написалъ статью о современномъ итальянскомъ флотѣ, на который авторъ смотритъ съ точки зрѣнія безнадежнаго пессимиста. Кромѣ того, на цифры и данныя этого де-Горлова нельзя положиться, и настоящее положеніе итальянскаго флота изображено гораздо лучше и вѣрнѣе въ прошломъ году, въ «Морскомъ Сборникѣ», въ статьѣ его новаго редактора, Р. В. Зотова.

— Трудно понять причину и цѣль помѣщенія статей въ родѣ «Политическая роль литературы въ Россіи» г. Чернова. Въ статьѣ, правда, всего шесть неполныхъ страничекъ, но за то и ровно ничего не сказано, а наполнена она напыщенными фразами, въ которыхъ трудно добиться смысла. Авторъ обѣщаетъ разобрать «не какъ литераторъ, а какъ публицистъ, съ точки зрѣнія положенія умовъ въ Россіи, постепенныя измѣненія ея литературы»—и ничего не разбираетъ. Онъ говоритъ только, что занятія литературою были «первою причиною глубокаго и постепеннаго раздвоенія въ массѣ русскаго народа». Что мартинисты и масоны хотѣли сдѣлать изъ литературы орудіе реформъ, это справедливо, но что Екатерина II, вначалѣ сочувствовавшая этому движенію, вошла потомъ «въ колею національной русской идеи»,

преслѣдую Радицева и Новикова—съ этимъ, конечно, нельзя согласиться. Неужели русская идея заключается въ нетерпимости мнѣній и крайности цензурныхъ преслѣдованій? «Записки охотника» и «Мертвыя души» имѣли, конечно, политическое значеніе, но все что авторъ говоритъ о Тургеневѣ о вѣяніяхъ шестидесятыхъ годовъ, о разочарованіи Достоевскаго и Л. Н. Толстого, о буддистскихъ теоріяхъ Вл. Соловьева,—все это очень поверхностно и не можетъ быть изложено на двухъ страницахъ. Выводъ автора тотъ, что послѣднее слово русской литературы—крикъ разочарованія въ идеалѣ, созданномъ съ такимъ трудомъ этою литературою. Мы находимся въ эпохѣ застоя. Россія сосредоточивается въ ожиданіи.—А. Петровъ въ письмѣ изъ Россіи, представляетъ слѣдующую характеристику покойнаго графа Д. А. Толстого. Отдавая полную справедливость его знаниямъ и добрымъ намѣреніямъ, онъ находитъ, однако, что мѣры его, какъ министра внутреннихъ дѣлъ были «слишкомъ гомеопатичны», а о значеніи излюбленной имъ реформы земскихъ начальниковъ, можно будетъ судить только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея примѣненія. Что же касается до графа какъ до министра народнаго просвѣщенія, лучшею оцѣнкою введенной имъ системы строгаго классицизма служатъ его собственныя слова, произнесенныя имъ, по свидѣтельству г. Петрова, въ засѣданіи государственнаго совѣта, гдѣ разбирался проектъ о земскихъ начальникахъ: «для занятія этихъ должностей нужны не теоретики, вышедшіе изъ классическихъ гимназій, а старые служаки, люди воспитанные въ здоровыхъ семейныхъ началахъ, проникнутые чисто народнымъ духомъ, чуждымъ всякой примѣси». Гимназіи эти, организованныя Д. А. Толстымъ, говоритъ далѣе г. Петровъ, не даютъ и не дадутъ своимъ ученикамъ настоящаго понятія о древности: онѣ заставляютъ тратить дорогое время надъ изученіемъ и конструкцію чуждыхъ русскому языку фразъ; классическій режимъ не свойственъ, противенъ народному русскому духу; ни одинъ истинно-русскій человѣкъ, оставившій имя въ исторіи, не былъ классикомъ. Знаніе латинскихъ и греческихъ писателей, не имѣющихъ ничего общаго съ духомъ славянской народности, только обременяетъ безъ пользы молодые умы. Г. Петровъ увѣряетъ, что авторъ этой мертвящей системы самъ подъ конецъ убѣдился въ томъ, что онъ шелъ ложной дорогою.

— Г-жа Жюльета Аданъ не только преслѣдуетъ германскаго канцлера въ своемъ журналѣ, но содѣйствуетъ изданію книгъ, въ которыхъ безпощадно обличаются подвиги «старой берлинской лисицы», какъ его называютъ въ «Nouvelle Revue». Она написала рѣзкое и горячее предисловіе къ книгѣ «Разоблаченный князь Бисмаркъ» (*Le prince Bismarck demasqué 1887—1888 par Charles de Maugué*). Авторъ изслѣдуетъ политику канцлера только за послѣдніе два года и доказываетъ ея неискренность, коварство, нечестныя средства, къ которымъ онъ прибѣгаетъ. Все это подтверждаетъ: отношеніе Бисмарка къ Россіи въ болгарскомъ дѣлѣ, поощреніе подъ рукою Кобурга къ захвату власти, къ противодѣйствію Россіи и, въ то же время, увѣреніе въ расположеніи и дружбѣ къ Россіи, соединенныя съ наглымъ отрицаніемъ документовъ, доказывающихъ его двуличность, но признаваемыхъ имъ подложными. Авторъ подробно рассказываетъ исторію, какъ Кобургъ обьявилъ болгарской депутаціи, что поѣдетъ въ Болгарію только въ томъ случаѣ, когда его признаютъ княземъ великія державы, но потомъ, поощряемый канцлеромъ, измѣнилъ своему слову и отправился княжить по желанію Стамбулова и Бисмарка.

— Любопытна также политическая брошюра, изданная въ Цюрихѣ: «Тройной союзъ, опасность для Австро-Венгріи» (*Die Triple - Alliance, eine Gefahr für Oesterreich-Ungarn*). Авторъ, подписавшійся I. J. v. St. называетъ себя венгерцемъ, но австрійская печать увѣряетъ, что онъ панславистъ. Главная цѣль брошюры доказать, что изъ державъ, входящихъ въ составъ лиги мира, пользу изъ этого союза извлекаетъ одна Германія. Австрія, выброшенная въ 1866 году изъ германскаго союза, могла бы убѣдиться, что задача Пруссіи состоитъ именно въ томъ, чтобы не имѣть у себя сосѣдомъ сильнаго соперника по владычеству надъ нѣмецкимъ племенемъ. Въ утѣшеніе—Австріи были указаны славянскій востокъ, съ общаіемъ всякой помощи на этомъ пути, но на востокѣ Австрія неминуемо должна была столкнуться съ Россіей и отступила отъ войны съ нею только потому, что не понадѣялась на дѣйствительное содѣйствіе Пруссіи, заявившей, что лига мира заключена съ оборонительной цѣлью и сфера ея вліянія на востокъ не распространяется. Габсбурги исконные соперники Гогенцоллерновъ, но прямо противъ Австріи Пруссія идти не могла и потому закабалала ее себѣ лигою мира. Заключи Бисмаркъ открытый союзъ съ Россіей—Австрія вступила бы тотчасъ въ коалицію съ Франціей, — а пожалуй съ Англіей и Турціею. При столкновеніи же съ Россіей, Австрія силою вещей останется одна, такъ какъ Пруссія бросится на Францію съ помощью Италіи, которая уже никакъ не будетъ помогать державѣ, прогнанной ею съ Апенинскаго полуострова. Поэтому авторъ заканчиваетъ свою брошюру совѣтомъ Австріи—сойтись съ Россіею, оставивъ свои притязанія на захватъ славянскихъ племенъ. Прусская офиціозная печать называетъ, разумѣется, всѣ такіе взгляды нелѣпыми, но ихъ раздѣляютъ многія державы, втянутыя въ составъ германской имперіи и очень многіе изъ выдающихся нѣмцевъ, желающихъ добра своему отечеству, даже многіе изъ австрійцевъ, здраво относящихся къ явленіямъ и цѣлямъ современной политики.

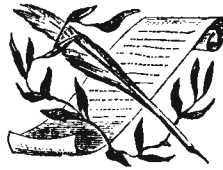
— Въ прошломъ году минуло пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти человѣка, игравшаго нѣкогда значительную роль въ исторіи и дипломатіи, приносившаго, въ теченіе своей восьмидесятилѣтней жизни, восемнадцать присягъ разнымъ правительствамъ, которымъ онъ служилъ одинаково усердно, когда они были въ силѣ и которымъ измѣнялъ еще усерднѣе, какъ только они теряли власть. Принцъ Беневентскій, полномочный министръ, Талейранъ былъ бесспорно умнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, но не былъ человѣкомъ литературнымъ. Онъ подписывалъ очень много дипломатическихъ нотъ и офиціальныхъ документовъ, но писали ихъ за него секретари и дипломаты. Изъ немногихъ, дошедшихъ до насъ бумагъ, несомнѣнно принадлежащихъ перу знаменитаго дипломата, видно какъ плохо владѣлъ перомъ, какимъ тяжелымъ языкомъ выражалъ свои мысли, человѣкъ, блиставшій, по преданію, остроуміемъ и краснорѣчіемъ въ бесѣдахъ съ монархами, послами, сильными міра и даже учеными. И, однако, Талейранъ, умирая, заявилъ, что оставляетъ мемуары, которые должны появиться черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти. Другіе сокращали этотъ срокъ даже до 30 лѣтъ, но ни въ 1868 г., ни въ 1888 году мемуары не появлялись и о судьбѣ ихъ въ печать не проникло никакихъ извѣстій, хотя понятно съ какимъ любопытствомъ публика ждала обнародованія записокъ дипломата. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Палленъ издалъ «Корреспонденцію Талейрана съ Людовикомъ XVIII», почерпнутую изъ архивовъ французскаго министерства

иностранныхъ дѣлъ и теперь выпустилъ въ свѣтъ «Посольство Талейрана въ Лондонъ въ 1792 году» (*La mission de Talleyrand à Londres en 1792. Ses lettres d'Amérique à lord Landsdown par G. Pallain*). Кромѣ обширнаго введенія, авторъ снабдилъ свою книгу цѣнными примѣчаніями и общаетъ еще обрисовать Талейрана какъ министра въ эпоху директоріи, въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, какъ посланника въ Лондонъ, при Луи Филиппѣ. Все это, конечно, интересно, хотя и не замѣняетъ мемуаровъ, если бы даже въ нихъ была только одна ложь, какою была проникнута вся карьера дипломата, утверждавшаго, что языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли. Бывшій отѣнскій епископъ, вмѣстѣ съ Мирабо и маршаломъ Бировомъ, стоялъ за союзъ Франціи съ Англіей и Пруссіей. Во время своей лондонской мисси онъ успѣлъ убѣдить Англію не считать за *casus belli* вступленіе французовъ въ Бельгію, но уничтоженіе монархіи положило конецъ всѣмъ мирнымъ переговорамъ. Главные документы, относящіеся къ этой эпохѣ, уже опубликованы въ исторіи Зибеля и Сореля, но Палленъ приводитъ много новыхъ, хотя и второстепенныхъ бумагъ и сопровождаетъ ихъ интересными комментаріями.

— Въ одно время съ этою книгою вышли «Неизданныя письма Талейрана къ Наполеону» (*Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon 1800—1809*). Издатель этихъ писемъ Пьеръ Бертранъ, публикуетъ ихъ для того, чтобы снять съ дипломата обвиненіе, что онъ не самъ писалъ эти письма, а его секретарь Бенардьеръ, какъ утверждали Тьеръ и Брולי. Правда, Литтонъ Булверъ, Сорель и Кастелланъ, берутъ въ этомъ вопросѣ сторону Талейрана, но послѣ психической оцѣнки дипломата, сдѣланной Сент-Бевомъ и безошадной, но основанной на документахъ біографіи, помѣщенной въ словарѣ Мишо, трудно вѣрить защитникамъ человѣка, который самъ сознавался, что получилъ болѣе чѣмъ на 60 милліоновъ франковъ подарковъ отъ иностранныхъ государей, хотя и не говоритъ за какія услуги? Продавая государственныя тайны своего отечества иностраннымъ дворянъ, онъ служилъ всѣмъ режимамъ изъ личныхъ выгодъ, съ одинаково легкимъ сердцемъ переходилъ отъ директоріи, которую называлъ «вертепомъ интригъ и мошенничества»,—на сторону Наполеона, котораго въ свою очередь, считалъ: «дурно воспитаннымъ солдатомъ» и измѣнилъ ему для Людовика XVIII. Съ такою же спокойною совѣстью онъ служилъ и Луи-Филиппу, похитителю законной власти. Лѣтя Александру I на вѣнскомъ конгрессѣ, онъ заключилъ противъ него тайный договоръ съ Австріей и Англіей и былъ всегда врагомъ союза Франціи съ Россіей. Мемуары его могутъ, конечно, объяснить многія стороны этой любопытной, но далеко не примѣрной жизни.

— Вышли мемуары маркизы Ларошжакленъ (*Mémoires de m-me la marquise de Laroschejaquelein*), обнародованные ея внукомъ по ея автографу. Появившись первоначально, хотя и не вполне въ 1814 году, эти мемуары, и черезъ 75 лѣтъ читаются съ такимъ же интересомъ, не смотря на то, что въ это время вышло множество сочиненій, относящихся къ тѣмъ же событіямъ. Свидѣтельница героическихъ фактовъ, кромѣ правдиваго отношенія къ нимъ, излагала ихъ съ такимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ, что многіе приписывали литературную отдѣлку мемуаровъ историкъ Баранту. Чтобы опровергнуть это мнѣніе, внукъ маркизы напечаталъ самый автографъ записокъ, изъ котораго видно, что Баранту принадлежитъ только редакція

мемуаровъ, не играющая значительной роли при изложеніи фактовъ, передаваемыхъ авторомъ. Издатель захотѣлъ даже привѣрить самыя факты и просилъ всѣхъ своихъ политическихъ единомышленниковъ доставить, по фамильнымъ воспоминаніямъ, свои замѣчанія о тѣхъ или другихъ событіяхъ, упоминаемыхъ въ мемуарахъ. Многія изъ этихъ замѣчаній и дополненій имѣютъ несомнѣнное историческое значеніе. Къ мемуарамъ, являющимся теперь уже четырнадцатымъ изданіемъ (последнее, 13-ое, вышло въ 1881 году), приложена любопытная записка епископа Пуатье, Піа, представленная имъ въ 1868 году обществу антикваріевъ и опровергающая показаніе самого Баранта, напечатаннаго, что онъ «составилъ эти мемуары по замѣткамъ маркизы». Академикъ Одине представилъ обществу докладъ по запискѣ Піа (также приложенный къ мемуарамъ) и подтвердилъ цитатами подлинника, что Барантъ только украшалъ слогъ маркизы и очень часто замѣнялъ простыя безыскусственныя выраженія оригинала излишне цвѣтистыми и риторическими фразами, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться теперь по обнародованіи подлинныхъ мемуаровъ.

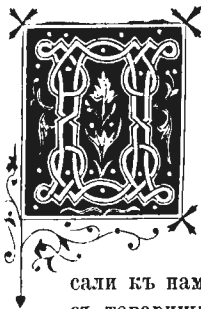

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Изъ архивныхъ мелочей XVII вѣка.

I.

Царская грамота объ алмазѣ, испорченномъ «Филосовскою наукою», 1636 года.

ТЪ ЦАРЯ и великого князя Михаила Фодоровича всеа Русіи въ нашу отчину въ Казань, боярину нашему и воеводамъ Ивану Петровичю Шереметеву, да Мирону Одреевичю Вельяминову, да дьякомъ нашимъ Олександрю Дурову, да Василью Ключереву: въ нынѣшнемъ во 144-мъ году, еевраля въ 17 день, послана къ вамъ наша грамота Томского города съ сыномъ боярскимъ съ Петромъ Лавровымъ, что въ прошломъ во 142-мъ году писали къ намъ изъ Сибири изъ Томского воеводы князь Иванъ Татевъ съ товарищи и прислали съ Томскимъ сыномъ боярскимъ съ Баженомъ Карташовымъ, за нашею Томскою печатью, камень, а взять-де тотъ камень у гречанъ у Степанка Олександра да у Микалайка Петрова, а называютъ-де онъ тотъ камень — алмазъ, а испортилъ-де тотъ камень парочно Филосовскою наукою, по ихъ велѣнью, греческой князь Дмитрей Палеологъ для того, что они ходили съ нимъ по многимъ государствамъ (?). А тотъ-де камень тотъ князь Дмитрей и опять можетъ сдѣлать попрежнему въ старомъ лицѣ, каковъ тотъ камень прежде сего былъ. И по той нашей грамотѣ велѣно вамъ того Дмитрея Палеолога передъ собою поставя и ево допросить: гречанъ, которые по нашему указу сосланы въ Сибирь въ Томской у Степанка Олександра да у Миколайка Петрова онъ Дмитрей зналъ ли, и будетъ онъ ихъ знаетъ — у тѣхъ гречанъ камень алмазъ видаль ли, и будетъ видаль — и каковъ тотъ у нихъ камень видѣль: сколь великъ, и что въ немъ вѣсу, и что тому камню цѣна, и гдѣ ево у нихъ кто

тотъ камень въ которомъ государствѣ торговаль, и будетъ торговаль — и что за него давали, и тотъ онъ камень у нихъ своею Оилосовскою наукою испортиль ли, и будетъ онъ тотъ камень испортиль — и оныя ево онъ тою жъ своею Оилосовскою наукою попрежнему сдѣлать можетъ ли — въ старомъ лица поставить, какъ тотъ камень прежь сего былъ. А допрося ево Дмитрея про то подлинно, да тѣ ево допросныя рѣчи написавъ за ево Дмитриевою рукою, и о томъ свою отписку велѣно прислать къ намъ къ Москвѣ. И вы о томъ еевраля съ 17 числа да іюля по 17 жъ число нынѣшняго 144-го году къ намъ къ Москвѣ не писывали и того Дмитрея Палеолога про тотъ камень допросныхъ рѣчей за ево рукою не присылавали. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ по прежней и по сей нашей грамотѣ того Дмитрея Палеолога про тотъ камень противъ прежняго нашего указа, что въ сей нашей грамотѣ писанъ выше сего, допросныя ево рѣчи, за ево Дмитриевою рукою, и о томъ свою отписку, съ кѣмъ будетъ пригоже прислали къ намъ къ Москвѣ и велѣли подать въ Приказѣ Казанского Дворца боярину нашему князю Борису Михайловичу Лыкову, да дьякомъ нашимъ Оедору Панову, да Микифору Шипулину.

«Писана на Москвѣ, лѣта 7144-го, іюля въ 18 день» (Моск. А—ва М—ва Юстиціи: Сибирскаго Приказа столбецъ № 89, лл. 682—683).

II.

Челобитная «доктура» Венделина Иванова Сибиллиста, 1641 года.

«Царю государю и великому князю Михаилу Оедоровичу всеа Руси бьетъ челомъ холопъ твой доктуръ Венделинка Сибиллистъ: по твоей царской милости поставилъ я холопъ твой въ царствующемъ твоемъ государевѣ градѣ Москвѣ въ Бѣломъ Каменномъ городѣ на Успенскомъ вражкѣ дворѣ каменной невеликъ, только гораздо украшенъ съ немецково образца, а на то мое дворовое строенье пожаловаль ты государь меня холопа своего изъ своей государьской казны велѣлъ дать на то дворовое строенье 500 рублевъ собольми, и я, государь, тѣ соболи послалъ за море и по ся мѣста, государь, мнѣ тѣмъ деньгамъ взвороту нѣтъ. И нынѣ было, государь, мнѣ холопу твоему за тѣ соболи деньги тебѣ государю платить. И сверхъ, государь, того я холопъ твой погибъ добрымъ своимъ сердцемъ — въ порукахъ по своей братьѣ иноземцахъ, и тѣ, государь, меня поруки ввели въ бѣдность: oprичъ тово моево дворишка тебѣ великому государю платить нечѣмъ. Да въ прошломъ, государь, во 148 году покрали меня холопа твоего тати, и той кражи взвороту мнѣ ничего нѣтъ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Оедоровичъ всеа Руси! пожалуй меня холопа своего — вели государь въ то мое дворишко въ уплату за тѣ соболи у своего государева жалованья, что мнѣ указано по твоей государьской милости у мѣсечного корму имать въ платежъ по 20 рублевъ на мѣсяцъ, чтобъ мнѣ холопу твоему въ тѣхъ твоихъ государевыхъ деньгахъ не волочили и мнѣ бѣ холопу твоему съ женишкою и съ людшкками было чѣмъ твоимъ царскимъ жалованьемъ прокормитца, а тѣ деньги тебѣ государю оплатятца неволгѣ. Царь государь смилуйся, пожалуй!»

Помѣта: «149 г., апрѣля въ 3 день государь пожаловаль велѣлъ у нево за тѣ соболи вычитать изъ мѣсечного корму по 20 рублевъ изъ мѣсяца» (Ibid. столб. № 105, л. 365).

III.

Челобитная царю и патриарху о дачѣ пособія на свадьбу, 1631 года.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи и великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ вашъ Ондрюшко Борецкой: выѣхалъ я холопъ вашъ на ваше царское великое имя служить вамъ великимъ государемъ до смерти живота своего, и въ нынѣшнемъ, государи, 140-мъ году судьбами Божиими, а вашимъ государскимъ изволеньемъ и благословеньемъ зговорилъ я холопъ вашъ женитца у Василья Коробина на племянницы его, на срокъ нынѣшняго жъ 140 г. послѣ Дмитреева дни въ первое воскресенье. И срокъ, государи, близко, а мнѣ холопу вашему безплемянному и беспомошному женитца и свадьбы играть нечимъ — роду и племянни нѣтъ, надѣятца не на кого, окромѣ Бога и васъ праведныхъ и великихъ государей помощника у себя не имѣю. Милосердый государь царь..... и великій государь святѣйшій патриархъ.....! пожалуйте государи мяня холопа своего бѣднаго и безплемяннаго своимъ царскимъ жалованьемъ и милостивымъ призрѣньемъ, чѣмъ вамъ великимъ государемъ обо мнѣ холопѣ вашемъ Богъ по сердцу положить, чтобъ мнѣ холопу вашему вашимъ государскимъ жалованьемъ и благословеньемъ женитца и свадьбу играть Великіе государи! смилуйтесь, пожалуйте!»

Помѣта: «государь и святѣйшій патриархъ пожаловали—велѣли ему дати на сватьбу меду прѣсново и вина и всякихъ запасовъ противъ (т. е. по примѣру) князя Одрѣя Урусова, а дати ему противъ князя Одрѣя—20 пудъ меду прѣсново, 20 ведръ меду пачного, 4 ведра раманѣи, 6 ведръ меду вишневого, 6 ведръ меду красного, 12 ведръ вина горячево, 20 чети солоду ячного, 2 ведра алкану» (Разряднаго Приказа Помѣстнаго стола столбець № 2, л. 197).

IV.

Ссылна въ монастырь за «падучю болѣзнь», 1637 году.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой кашинець Васька Молчановъ сынъ Фроловъ по твоему государеву указу сосланъ былъ я холопъ твой въ Кириловъ онастырь подъ началь за немочь падучіе болѣзни, и былъ подъ началомъ 13 лѣтъ, и нынѣ, государь, по твоей государской милости я холопъ твой изъ Кирилова монастыря освобоженъ и отъ болѣзни Богъ далъ мнѣ лехче. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи! пожалуй мяня холопа своего—вели, государь, мнѣ свою государеву службу служить по Кашину съ городомъ попрежнему! Царь государь смилуйся!»

Помѣта; «государь пожаловаль—велѣлъ служить по Кашину попрежнему» (Ibid. Московскаго стола столбець № 18, л. 340).

Сообщено Н. Н. Оглоблинымъ.

Изъ исторіи одного литературнаго общества.

Между бумагами извѣстнаго въ свое время и весьма дѣятельнаго «С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ», которыми мы имѣли возможность пользоваться, сохранилось нѣсколько писемъ извѣстныхъ нашихъ писателей,—писемъ, происхожденіе которыхъ связано съ упомянутымъ Обществомъ. Это Общество начало свою официальную дѣятельность съ 1801 г. (частныя собранія его начались нѣсколько ранѣе) и окончило ее въ 1820-хъ годахъ. Явно склоняясь въ своихъ литературныхъ воззрѣніяхъ въ пользу реформаторскихъ идей въ литературѣ Карамзина, это Общество имѣло въ составѣ своихъ членовъ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся представителей и послѣдователей карамзинской школы, начиная съ ея знаменитаго основателя. Надѣясь дать со временемъ подробный обзоръ дѣятельности этого Общества и характеристику его литературныхъ занятій, мы пока предлагаемъ здѣсь нѣкоторыя изъ найденныхъ въ его бумагахъ писемъ. Письма эти не представляютъ какихъ-либо новыхъ или важныхъ данныхъ, но они довольно любопытны, столько же какъ странички изъ будущей исторіи нашего литературнаго прошлаго, сколько и по именамъ и учено-литературнымъ заслугамъ тѣхъ лицъ, съ которыми связано ихъ происхожденіе.

Въ засѣданіи Общества 15 іюля 1805 г., подъ предѣдательствомъ И. М. Борна, было поставлено поднести дипломы почетныхъ членовъ Общества нѣсколькимъ литераторамъ и ученымъ, пріобрѣтшимъ своими трудами широкую извѣстность, и между ними: Н. М. Карамзину, И. И. Дмитріеву и М. М. Хераскову. Отъ нихъ сохранились отвѣтныя благодарственныя письма на имя президента Общества Борна, которыя мы и приводимъ; первыя два писаны собственноручно Карамзинымъ и Дмитріевымъ, третье — рукою писца, но съ подлинной подписью Хераскова.

«Милостивый Государь мой! Изъявляю Вамъ и всему почтенному Обществу Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ искреннюю благодарность за сдѣланную мнѣ честь, которую желалъ бы я, есть ли бы могъ, заслужить дѣятельнымъ участіемъ въ полезныхъ трудахъ вашихъ; по крайней мѣрѣ сердечно желаю имъ совершеннаго успѣха, и съ особеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, Милостивый Государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга Николай Карамзинъ.—Москва, 23 декабря 1805».

«М. Г. Я имѣлъ удовольствіе получить дипломъ, которымъ Общество Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ благоволило почтить меня. Чувствителенъ будучи къ таковой чести, прошу васъ, М. Г., какъ почтеннаго президента сего Общества, сообщить ему искреннюю благодарность мою и увѣрить господъ сочленовъ вашихъ, что я потщусь—по крайней мѣрѣ братскою моею къ нимъ любовію и посильнымъ моимъ соревнованіемъ—хотя частію оправдать ихъ благосклонное и всегда для меня лестное ко мнѣ расположеніе. Примите, наконецъ, м. г., особенную мою признательность и къ вамъ за честь, оказанную мнѣ обязательнымъ письмомъ Вашимъ, примите равно и вѣстныя увѣренія въ совершенномъ почтеніи, съ коимъ навсегда имѣю честь пребыть, М. Г., в. п. с. Иванъ Дмитріевъ.—Москва, 1805, декабря 23 дня».

«М. г. мой, Иванъ Мартыновичъ! Благодарю васъ и ваше почтенное Общество Любителей Словесности за избраніе меня вашимъ почетнымъ чле-

номъ; съ удовольствіемъ желаю споспѣшествовать вашимъ успѣшнымъ трудамъ и быть соучастникомъ изящныхъ вашихъ сочиненій, по изданіи (sic) которыхъ, ежели вамъ будетъ угодно, сообщить что-нибудь постараюсь. Съ моимъ истиннымъ почтеніемъ есмь Ваш. Высокор. М. г. мой его всепок. с. Михайлъ Херасковъ.—1806 года. апрѣля 9 дня».

Въ засѣданіи 27 іюля 1807 г. президентъ Общества Д. И. Языковъ внесъ предложеніе предпринять отъ имени и средствами членовъ Общества періодическое изданіе (раньше этого Обществомъ былъ выпущенъ въ 1802 и 1803 гг. альманахъ «Свитокъ Музъ» въ двухъ книжкахъ и въ 1804 г. I часть «Періодическаго изданія») и вслѣдствіе согласія Общества съ этой мыслию обратился, отъ 12 сент. 1807 г., къ Карамзину, Дмитріеву, Хераскову и И. И. Мартынову съ слѣдующимъ письмомъ: «С.-Петербургское Общество Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ, принявъ намѣреніе издавать журналъ, коему начертаніе приложить при семъ честь имѣю¹⁾, препоручивъ мнѣ проситъ В. П. украсить оный превосходными Вашими произведеніями и тѣмъ споспѣшествовать распространенію наукъ и отечественной словесности».

На это приглашеніе сохранился слѣдующій собственноручный отвѣтъ Карамзина на имя Языкова: «Москва, 26 сент. 1807 г. М. г. мой, Дмитрій Ивановичъ! Имѣвъ честь получить Ваше обязательное письмо и планъ журнала, приношу Вамъ за то и за другое мою искреннюю благодарность. Сердечно желаю, чтобы почтенное Общество Любителей Наукъ и Художествъ болѣе и болѣе способствовало ихъ успѣхамъ. Я желалъ бы также и самъ участвовать въ похвальныхъ трудахъ его, если бы могъ, сверхъ моей обыкновенной и ежедневной работы²⁾, написать что-нибудь достойное вниманія. Съ ист. почт. и пред. и. ч. пребыть, м. г. мой! в. п. с. Николай Карамзинъ».

Въ іюль 1807 г. В. В. Капнистъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Общества. Извѣщенный объ этомъ, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ благодарить Общество, въ лицѣ президента Д. И. Языкова:

«М. г. мой Д. И.! Чувствуя всю цѣну отличія, которымъ удостоило меня почтенное Общество Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ чрезъ избраніе въ свои почетныя (sic) члены, прощу васъ покорно, милостивый государь мой! принять на себя трудъ изъявить оному совершенную мою благодарность и удостовѣрить, что весьма лестно мнѣ вступить въ сословіе, столь похвально ревнующее о распространеніи отечественнаго просвѣщенія. Я за счастье (sic) почелъ бы, желая оправдать доброе обо мнѣ заключеніе почтеннаго Общества, чѣмъ-либо способствовать оному въ полезномъ его

¹⁾ «Начертаніе» предполагавшагося журнала, какъ видно изъ записки Языкова, представленной въ Общество, было таково:

I. Словесность: а) стихи, б) проза.

II. Науки.

III. Художества.

IV. Театръ: а) разсмотрѣніе новыхъ драматическихъ произведеній, б) игры актеровъ, в) правила театральныя, писанныя славнѣйшими людьми, чего еще совершенно нѣтъ на русскомъ языкѣ.

V. Смѣсь: а) ученые извѣстія разнаго рода: открытія, перемѣны, заведенія, транзакціи ученыхъ обществъ и проч. б) некрологи и биографіи, в) анекдоты.

VI. Разсмотрѣніе книгъ: а) русскихъ, б) иностранныхъ.

²⁾ Въ это время Карамзинъ былъ поглощенъ работой надъ своей «Исторіей».

подвижъ; но дарованія мои ограничиваютъ меня въ маломъ кругѣ; и почтенныя члены Общества пріобрѣтутъ (sic) въ усердномъ своемъ почитательствѣ весьма ревностнаго, но слабаго сотрудника, при такомъ удаленіи отъ потребнаго ему поощренія ихъ и руководства. Пользуясь симъ пріятнымъ случаемъ, съ удовольствіемъ повторяю Вамъ удостовѣреніе о совершенномъ почитеніи... и проч. Василій Калпистъ.—1808 года, октября 4 дня».

Въ 1810 г. въ число почетныхъ членовъ Общества избранъ былъ уже весьма извѣстный въ то время Евгений, архіепископъ Вологодскій. Въ отвѣтъ на извѣщеніе Языкова объ этомъ (отъ 20 августа 1810 г.), Евгений писалъ: «М. г. Дмитрій Ивановичъ! При почтеннѣйшемъ Вашемъ письмѣ отъ 20-го августа имѣлъ я честь получить сего ноября 1-го дипломъ, которымъ Общество Любителей Наукъ, Словести и Художествъ удостоило меня титла почетнаго своего члена. Признавая въ сей чести болѣе благорасположенія ко мнѣ Вашего Общества, нежели заслуги мои, приношу всеѣмъ почтеннѣйшимъ сочленамъ, избравшимъ меня, истинную мою благодарность; а въ засвидѣтельствованіе оныя при семъ подношу недавно напечатанное мое небольшое сочиненіе ¹⁾, которое покорно прошу принять съ тѣмъ же благорасположеніемъ, съ какимъ сопричислили Вы меня къ своему сословію и тѣмъ обязали меня быть навсегда... и проч. Евгений епископъ Вологодскій.—Вологда, ноября 3 дня 1810 года».

Въ засѣданіи 21 іюня 1817 г. Общество, подъ предѣдательствомъ А. Е. Измайлова, избрало въ число своихъ почетныхъ членовъ В. А. Жуковскаго. Въ отвѣтъ получено было слѣдующее собственноручное письмо Жуковскаго на имя президента Общества, читанное въ засѣданіи 5 іюля 1817 года: «М. г. Александръ Ефимовичъ! Принимая съ сердечною признательностью лестный даръ вашего Общества: титулъ члена, а съ нимъ и пріятное право называться сотрудникомъ вашимъ и вашихъ почтенныхъ товарищей, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, быть изъяснителемъ сей признательности передъ почтенными любителями словесности, украшающими ее своими трудами и воспаляющими другихъ къ труду своимъ одобреніемъ. Честь имѣю... и проч. Василій Жуковскій.—Іюня 22, 1817. С.-Петербургъ».

25 іюля 1818 г. А. Е. Измайловъ внесъ въ Общество такое предложеніе: «Имѣю честь предложить въ дѣйствительные члены сего Общества извѣстнаго публикѣ по своимъ прекраснымъ стихотвореніямъ Александра Сергѣевича Пушкина, сотрудника Общества Любителей Словесности, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. А. Измайловъ.—25 іюля 1818».

Предложеніе это было принято, и Пушкинъ былъ извѣщенъ слѣдующимъ письмомъ: «М. г. мой, Александръ Сергѣевичъ! С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ въ засѣданіи своемъ вчерашняго числа, избравъ единогласно Васъ въ свои дѣйствительные члены, возложило на меня пріятную обязанность увѣдомить Васъ, М. Г. мой, объ ономъ. Исполняя съ особеннымъ удовольствіемъ такое порученіе Общества, имѣю честь... и проч. А. Измайловъ, предѣдатель Общества.—№ 14, 26 іюля 1818».

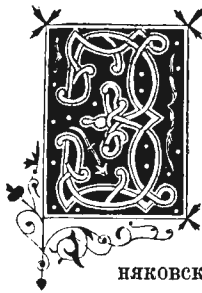
Отвѣтнаго письма Пушкина въ бумагахъ не имѣется.

Сообщено Е. В. Пѣтуховымъ.

¹⁾ Вѣроятно, тутъ слѣдуетъ разумѣть книгу Евгения «Историческіе разговоры о древностяхъ Новгорода. 1808».

СМѢСЬ.

АСЪДАНІЕ Академіи Наукъ 13-го мая 1889 г. Его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, для вступленія въ Академію Наукъ въ званіи президента, былъ избранъ день 13-го мая, на который приходилось обычное майское (послѣднее передъ лѣтними въ академіи вакаціями) засѣданіе общаго собранія всѣхъ трехъ отдѣленій. По прибытіи августѣйшаго президента въ академію, въ 2 часа, его высочеству были представлены вице-президентомъ академикомъ В. Я. Буныковскимъ всѣ служащіе по хозяйственной и административной частямъ академіи, а непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ К. С. Веселовскимъ—служащіе по научнымъ учрежденіямъ: ученые хранители музеевъ, бібліотекари, лаборанты разныхъ лабораторій и пр.—По вступленіи, затѣмъ, великаго князя въ малую конференцъ-залу, засѣданіе въ ней общаго собранія открылось чтеніемъ именнаго высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ Гатчинѣ, 3-го мая, въ которомъ говорится:

«Его императорскому высочеству государю великому князю Константину Константиновичу всемилостивѣйше повелѣваемъ быть президентомъ Императорской Академіи Наукъ».

Затѣмъ великій князь обратился къ собранію съ слѣдующими словами: «Проникнутый благоговѣніемъ и исполненный безграничной признательности къ волю моего Государя, удостоившаго поставить меня во главѣ первенствующаго въ Россіи ученаго сословія, я съ волненіемъ и невольнымъ трепетомъ приступаю къ этой должности, пламенно желая, при вашемъ содѣйствіи, хотя со временемъ когда-нибудь оправдать всемилостивѣйше оказанное мнѣ довѣріе. Выпавшее на мою долю призваніе представляется мнѣ обязанностью столько же отрадною и завидною, сколько трудною и отвѣтственною. Академія насчитываетъ въ своемъ знаменитомъ прошломъ не одного президента, счумѣвшаго доблестно вести ее къ высокой цѣли. Не легко занять мѣсто такихъ дѣятелей, какими были графъ Разумовскій, графъ Орловъ, княгиня Дашкова, графъ Блудовъ, графъ Литке и ближайшій мой предшественникъ, недавно скончавшійся графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

Но я твердо намѣренъ, съ Божьей помощью и по мѣрѣ силъ, всегда быть вѣрнымъ своему долгу и убѣжденъ, что Императорская Академія Наукъ и впредь, какъ въ прошедшіе сто шестьдесятъ четыре года, будетъ неувѣнно стремиться по начертанному ей нашими великими государями пути къ пользѣ, чести и безсмертной славѣ дорогого нашего Отечества». Эти слова произвели живѣйшее впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Затѣмъ К. С. Веселовскій, привѣтствовалъ августѣйшаго президента отъ имени всей академіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Ваше императорское высочество!

«Императорская Академія Наукъ съ благоговѣйною признательностью приняла извѣстіе о всемилостивѣйшемъ назначеніи вашего высочества президентомъ. Она позволяетъ себѣ видѣть въ этомъ назначеніи знакъ особаго благоволенія къ ней ея августѣйшаго покровителя. Когда императоръ Петръ Великій, рядомъ безсмертныхъ своихъ преобразованій,

«Придалъ мощно бѣгъ державный

«Кормѣ родного корабля»,

тогда вѣнцомъ своихъ трудовъ на пользу Россіи онъ призналъ за благо учредить эту Академію Наукъ, давая тѣмъ знать, что наука, которая есть не что иное, какъ знаніе, приведенное въ систему и должествующее руководить человѣка на какомъ бы онъ поприщѣ ни дѣйствовалъ, достойна быть предметомъ и государственныхъ попеченій. Такой взглядъ на науку, завѣщанный Петромъ, свято съ тѣхъ поръ сохранялся, чему краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служить болѣе чѣмъ полутора-вѣковая лѣтопись нашей академіи, испещренная непрестанными знаками милостей и покровительства, изливавшихся съ высоты престола на это старѣйшее первенствующее учебное учрежденіе имперіи. Но еще никогда, въ теченіе полутора-вѣка, монаршее благоволеніе не выражалось столь явственно, какъ возложеніемъ нынѣ заботъ о преуспѣяніи академіи на столь близкаго сердцу царскому члена августѣйшей семьи. Возведеніе вашего императорскаго высочества въ званіе президента возвышаетъ всѣхъ насъ и вноситъ въ нашу среду такое же оживленіе, какое распространяется отъ царскаго слова повсюду, куда бы оно ни доносилось на всемъ пространствѣ русской земли».

Вслѣдъ затѣмъ предѣлательствующій въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарный академикъ Я. К. Гротъ обратился отъ имени этого отдѣленія съ слѣдующею рѣчью:

«Ваше императорское высочество! Сознавая въ полной мѣрѣ великую милость, оказанную Государемъ Императоромъ Академіи Наукъ дарованіемъ ей въ президенты вашего высочества, отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣетъ еще и особенную причину радостно привѣтствовать въ лицѣ вашемъ главу нашего учрежденія. Кому не извѣстно, что русская литература, составляющая предметъ занятій второго отдѣленія, дорога вамъ не какъ любителю ея только, но какъ одному изъ ея дѣятелей, какъ автору произведеній, появленіе которыхъ въ печати встрѣчено было съ живымъ сочувствіемъ всею грамотною Россіей? Отдѣленію отрадна увѣренность, что ваше императорское высочество примете къ сердцу интересы его наравнѣ съ пользами прочихъ частей академіи, въ составъ которыхъ оно хотя и является младшимъ членомъ, но всегда стремилось достойно занимать свое мѣсто, къ чести созданнаго Петромъ Великимъ знаменитаго учрежденія, къ преуспѣянію и славѣ русской науки. Желая и впредь дѣйствовать въ томъ же духѣ, мы твердо надѣемся на просвѣщенную поддержку вашу и не сомнѣваемся, что ваше императорское высочество, съ любовію посвящая силы свои возложеннымъ на васъ монаршею волею новымъ заботамъ, съ блескомъ впишете имя свое въ лѣтописи русской Академіи Наукъ, во главѣ цѣлаго періода ея исторіи, на продолжительность котораго мы имѣемъ основаніе рассчитывать».

Затѣмъ собраніе перешло къ слушанію текущихъ дѣлъ, относящихся до разныхъ вопросовъ внутренняго порядка.

Присужденіе премій Петра Великаго. Для соисканія премій императора Петра I 1889 года ученымъ комитетомъ, была назначена, по разряду гимназій, группа «русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью, сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою, съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ». Сверхъ того, «по настоятельной надобности въ учебникахъ по всеобщей географіи для низшихъ трехъ классовъ гимназій и прогимназій и по всеобщей исторіи, съ предпочтительнымъ правомъ на премію исторіи среднихъ вѣковъ и новой», продолженъ срокъ для представленія таковыхъ до 1 ноября 1888 года.

Къ опредѣленному сроку поступило въ ученый комитетъ отъ авторовъ пятнадцать сочиненій по вышеозначеннымъ предметамъ и два сочиненія предложены членами комитета (въ томъ числѣ 10 печатныхъ, 5 рукописныхъ и 2 печатныхъ съ рукописными добавленіями). Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій учреждены двѣ особыя комиссіи.

Ученый комитетъ, обсудивъ представленныя донесенія особыхъ комиссій и подробные разборы соискательныхъ сочиненій, опредѣлили: Льву Поливанову за изданіе: «Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Для семьи и школы. Пять томовъ, Москва (1887—1888),—присудить большую премію въ 2,000 рублей и профессору М. Н. Петрову за «лекціи по всемирной исторіи», въ виду неоспоримыхъ и важныхъ достоинствъ этихъ лекцій, согласно съ заключеніемъ комиссій, присудить большую премію въ 2,000 рублей. Автору «Учебника географіи», подъ девизомъ: *vere scire est per causas scire*, присудить малую премію въ 500 руб. По вскрытіи пакета съ означеннымъ девизомъ, авторомъ удостоеннаго преміи «Учебника географіи» оказался директоръ уманской прогимназіи Климентъ Ивановичъ Турчановскій. Прочія сочиненія, представленныя для соисканія премій, какъ не удовлетворяющія существеннымъ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній, отъ присужденія премій устранины. Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей особыхъ комиссій: А. Д. Галахова и В. Г. Васильевскаго, и членовъ А. А. Слѣпцова, Н. Н. Страхова, И. И. Белярминова, М. И. Каринскаго, Н. П. Некрасова, А. П. Березина и А. Ф. Солодова, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, выданы имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Городъ Пржевальскъ. Въ мартѣ переименованъ городъ Караколъ, Семирѣченской области, въ Пржевальскъ. Ходатайство объ этомъ возбуждено было степнымъ генераль-губернаторомъ для увѣковѣченія въ Средней Азіи имени Николая Михайловича Пржевальскаго—нашего славнаго ученаго и неустранимаго изслѣдователя, столько потрудившагося на пользу естествознанія и географической науки. Въ Пржевальскѣ лазаретному бараку, въ которомъ скончался знаменитый путешественникъ, повелѣно присвоить также его имя, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ испустилъ духъ—прибить къ стѣнѣ доску съ надписью: «Здѣсь скончался генераль-маіоръ Пржевальскій, 20-го октября 1888 г., въ 9 час. утра». Городъ Пржевальскъ, составляющій административный центръ Иссыкульскаго уѣзда, возникъ въ 1868 г. на мѣстѣ пустыномъ, изрѣдка посѣщавшемся юртами кочующихъ кара-киргизовъ, и получилъ свое прежнее названіе отъ горной рѣчки Караколъ (Черная рѣка), берущей начало въ Алатау и впадающей въ озеро Иссыкулъ (Теплое озеро).

За 20 лѣтъ своего существованія Пржевальскъ значительно разросся и нынѣ уже насчитываетъ около 5,500 жителей, на половину русскихъ, на половину сартовъ, мѣстныхъ и пришлыхъ изъ Кашгаріи. Въ этомъ городѣ расположены: 5-й западно-сибирскій линейный баталіонъ, горная батарея и мѣстная команда и открыты городское училище для мальчиковъ, школа для дѣвочекъ, сельско-хозяйственное училище для киргизовъ и читальня имени

Николая Михайловича. Кромѣ уѣзднаго управленія, въ Пржевальскѣ имѣются казначейство и почтовая контора; телеграфомъ онъ, къ сожалѣнію, еще не связанъ съ общео имперіи и депеши доставляются туда почтою изъ Пишпека. Пржевальскъ расположенъ весьма живописно на правомъ берегу рѣчки Караколь, на плоской возвышенности, въ 5,000 футъ абсолютной высоты. Опрятные бѣлые глинобитные домики большую часть года всѣ въ зелени пирамидальныхъ и серебристыхъ тополей и ивъ. Улицы немоощенныя, но вообще сухія; многія изъ нихъ обращены въ бульвары, по которымъ проведены арыки; съ нынѣшняго года городъ освѣщается керосиномъ. Центромъ русскаго квартала служитъ православный храмъ, окруженный каменною оградою; около церкви базарная площадь, гдѣ ежедневно происходитъ оживленная торговля и куда собирается изъ окрестностей множество конныхъ киргизовъ. Для пригоняемыхъ въ городъ на продажу лошадей, скота, барановъ, а иногда и верблюдовъ, отведена особая площадь на берегу рѣки. Русскій городъ опоясанъ мусульманскимъ кварталомъ, въ которомъ мазанки имѣютъ свойственныя Востоку плоскія крыши. Въ музеѣ находятся слѣдующіе образцы древняго оружія: мечевыя ножны XII—XIII столѣтій всѣ отдѣланныя чеканкой и изображеніями; французскій мечъ начала XVI в., кинжалъ начала XV в., двуручный мечъ 1593 г., сабли корою дѣйствовали въ битвѣ Собѣскаго подъ Вѣной въ 1683 г. и др.; аллебарда маркграфа Бранденбургскаго и курфирста прусскаго 1609 г., рыцарскія латы, которыя, судя по ихъ гербовой орнаментациі, принадлежали одному изъ бранденбургскихъ же курфирстовъ. Къ этой категоріи предметовъ историческаго интереса нужно отнести цѣлую серію предметовъ обмундирования и вооруженія прусскихъ войскъ прошедшаго столѣтія, личный гардеробъ короля Фридриха Великаго и проч. Наконецъ, нельзя не указать и на такіе предметы исключительной рѣдкости, какъ нѣмецкій щитъ городской стражи XIV в., шведское сѣдло, на которомъ вѣзжалъ въ Ригу Густавъ-Адольфъ въ 1621 г. и т. д.

Виленскія достопримѣчательности. Въ Вильнѣ, недалеко отъ гостинницы, на искусственно сдѣланной насыпи, стоитъ скромная—даже очень скромная, по архитектурѣ и величинѣ русская церковь, обнесенная скромною же деревянною оградою; внутри ограды расположился торговецъ плетеными корзинами и другой—съ различными фигурами излюбленныхъ поляками людей—Наполеона I, Мицкевича, Крашевскаго и др. Внутри ограды одной изъ стѣнъ, обращенной къ Большой улицѣ, находятся три большія, въ ростъ человѣка, чугуныя доски, и на нихъ бронзовыми литыми буквами имѣются слѣдующія интересныя и дорогія для русскаго человѣка надписи.

На первой доскѣ: «Православная церковь сія есть первая каменная, христіанская святыня въ Вильнѣ. Она сооружена на мѣстѣ языческаго капища идола Рагутиса, въ 1345 году, супругою великаго князя литовско-русскаго Ольгерда—Марією Ярославною, княжною витебскою, и посвящена св. великомученицѣ Праскевѣ, нареченной Пятницѣ».

Надпись второй доски: «Церковь сія, Божією милостію, возстановлена изъ развалинъ и возобновлена въ настоящемъ видѣ въ 1865 г., въ царствованіе Императора Александра II, Самодержца всероссійскаго, по благословенію высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, тщаниемъ бывшаго главнаго начальника сѣверо-западнаго края графа М. Н. Муравьева, при преемникѣ его, генераль-адъютантѣ К. П. фонъ-Кауфманѣ и виленскомъ губернаторѣ С. О. Панютинѣ».

А вотъ что написано на третьей доскѣ:

«Въ сей церкви императоръ Петръ Великій, въ 1705 году, слушалъ благодарственное молебствіе за одержанную побѣду надъ войсками Карла XII-го, подарилъ ей знамя, отнятое въ той побѣдѣ у шведовъ и крестилъ въ ней африканца Ганнибала, дѣда знаменитаго поэта нашего А. С. Пушкина».

Намъ сохраняютъ древности въ Новгородской губерніи. Новгородцамъ стало извѣстно изъ газетъ, что петербургскій Археологическій институтъ командировать въ Новгородъ своихъ членовъ для раскопокъ кургановъ. Новгородцамъ было бы еще пріятнѣе воспользоваться указаніями ученыхъ людей для сохраненія имѣющихся на мѣстѣ археологическихъ древностей. Вотъ, напр., башня Ярослава стоитъ теперь заброшенною. вмѣсто поддержки этого памятника древняго Новгорода, его годъ за годомъ разрушаютъ. Проложенная около башни городская водосточная труба въ близкомъ будущемъ довершитъ разрушеніе памятника древняго зодчества. Куполь ярославской башни давно провалился, а на стѣнахъ ея растутъ березы. Внутренняя часть башни засорена мусоромъ и другими нечистотами, зловоніе которыхъ даетъ себя знать на далекое разстояніе. Земляной валъ вокругъ города также понемногу разрушается, частью искусственнымъ путемъ, частью самъ собой. Не лучшей участи удостоилась и суздальская живопись въ Софійскомъ соборѣ и надъ воротами крѣпостной стѣны. Реставрированная два года назадъ, она подъ рукою современнаго художника почти совсѣмъ утратила свой первообразъ. Есть въ Новгородѣ и древніе храмы, которые требовали бы поддержки ихъ въ первоначальномъ видѣ. Укажемъ на тотъ храмъ, который теперь стоитъ заброшеннымъ въ саду архіерейскаго подворья. Сооруженіе этой церкви относится еще къ первымъ временамъ насажденія христіанства въ Новгородѣ. Храмъ этотъ уже запертъ и въ немъ только сохранились нѣкоторые предметы изъ древней церковной утвари. Но утварь эта была похищена при взломѣ церкви въ 1886 году, и едва ли что-либо спасено для потомства изъ этой дорогой старины Новгорода, при отысканіи преступниковъ. Не меньшаго вниманія въ поддержаніи древней живописи и церковной утвари требуетъ и самый Софійскій соборъ, особенно при реставраціи, которой онъ подвергается.

Отчетъ Одесской Городской Публичной Библіотекѣ за 1888 годъ. Управленіе бібліотеки въ 1888 году, находясь подъ наблюденіемъ товарища городского головы, барона Н. А. Витте и попечителя, ординарнаго профессора Новороссійскаго университета А. И. Кирпичникова, состояло изъ: завѣдующаго бібліотекою приватъ-доцента того же университета, двухъ его помощниковъ и письмоводителя. Министръ народнаго просвѣщенія, осмотрѣвъ помѣщеніе бібліотеки, обратилъ вниманіе на ея рѣдкія изданія и замѣтилъ, что подобной бібліотеки нѣтъ нигдѣ въ провинціи.

Пополненіе бібліотеки по примѣру прежнихъ лѣтъ главнымъ образомъ производилось съ помощью пожертвованій. Общее число пожертвованій достигло цифры 1152 названій, въ 1824 том. (изъ нихъ 340 т. и брош. дублетовъ) на сумму до трехъ тысячъ рублей. Поступили также пожертвованія книгами отъ разныхъ лицъ, обществъ, редакцій и учрежденій.

Покупкою приобрѣтено 237 названій въ 443 томахъ, на сумму 996 руб. 28 коп. Общее число приращеній въ отчетномъ году составило 1727 названій въ 2752 томахъ на сумму до 5000 руб. Такимъ образомъ къ 1 января 1889 г. бібліотека состояла изъ 25320 названій въ 55018 томахъ (съ дублетами). Кромѣ того въ бібліотекѣ имѣются: коллекція гравюръ въ 177 экземплярахъ, коллекція автографовъ 53 (вновь поступило 2) и рукописей 11 (вновь поступило 1).

Относительно пополненія бібліотеки управленіе ея старается собрать по возможности все болѣе значительное по русской научной литературѣ, самое выдающееся изъ научныхъ произведеній (руководствъ и специальныхъ изслѣдованій) на иностранныхъ языкахъ, а также по возможности, все, что относится до Новороссійскаго края. Но одинъ изъ весьма существенныхъ недостатковъ этой бібліотеки—отсутствіе капитальныхъ сочиненій все еще остается невосполненнымъ, и этотъ недостатокъ ея не будетъ исправленъ, если она не получитъ единовременное пособіе, въ размѣрѣ, по крайней мѣрѣ. 1000 р.

Для постановки отдѣла Novorossica на подобающую степень потребовалась бы также затрата суммы не менѣе 1500 рублей. Пополненіе этого отдѣла особенно было бы важно въ виду приближающагося празднованія столѣтія присоединенія Новороссіи къ Россіи (1791), когда на одесскихъ ученыхъ лежитъ нравственный долгъ дать къ означенному времени исторію Новороссіи, такъ какъ такой мало-мальски удовлетворительной всесторонней исторіи мы по настоящее время не имѣемъ. Рядомъ съ исторіей весьма желательно имѣть и всестороннее описаніе настоящаго положенія края, чтобы можно было судить о вѣковомъ развитіи его.

Число посѣтителей библіотеки въ отчетномъ году было почти тоже какъ и въ 1887 году—до 1700 лицъ, изъ нихъ женщинъ 92; эти лица посѣтили библіотеку 26,637 разъ, такъ что среднимъ числомъ приходится по 102 человекъ на день. Въ общемъ увеличилось число требованій научныхъ серьезныхъ сочиненій и уменьшилось число читателей беллетристическихъ сочиненій. Чтеніе журналовъ происходило приблизительно въ томъ же порядкѣ какъ и въ предшествующемъ отчетномъ году. Ежемѣсячно требовались, отъ 200 до 50 разъ: «Вѣстникъ Европы», «Русское Богатство», «Русскій Вѣстникъ» и «Историческій Вѣстникъ». Заключая отчетъ шестидесятаго года существованія библіотеки, управленіе ея можетъ засвидѣтельствовать фактъ, что среди ея читателей увеличивается потребность къ серьезному чтенію.

† 18 апрѣля на 54 году **Петръ Андреевичъ Дюновъ**. Первый его литературный трудъ касался психіатріи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ академіи образовался небольшой кружокъ врачей, ставшій потомъ центромъ, труднѣйшей врачебной специальности. Въ исторіи психіатріи не могутъ быть забыты имена первыхъ пионеровъ въ этой области науки въ Россіи, которымъ обязано все психіатрическое дѣло вполне хорошимъ началомъ. Какъ ближайшій и одинъ изъ первыхъ сотрудниковъ проф. Балинскаго, Петръ Андреевичъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ предіятіяхъ, неизбѣжныхъ для организаціи дѣла: составленіи уставовъ психіатрическихъ больницъ, проектовъ зданій, устройствъ клиники и пр. Побывавъ за границею и ознакомившись тамъ съ хорошо устроенными заведеніями для умалишенныхъ, молодой докторъ медицины принялъ на себя исключительно административную часть клиники, составляющую весьма серьезное дѣло въ специальныхъ больницахъ. Но, не смотря на это покойный не оставлялъ обогащать себя научными познаніями по своей специальности и дѣлиться съ товарищами по профессіи плодами своихъ кабинетныхъ занятій. Его статьи, полныя серьезнаго интереса и отличавшіяся самостоятельными воззрѣніями и опытностью, помѣщались въ специальныхъ изданіяхъ. Со введеніемъ гласныхъ судовъ и съ открытіемъ новаго поприща гласной психіатрической экспертизы, покойному приходилось принимать и въ этомъ участіе, и плодомъ его занятій въ этомъ направленіи явилось его «Исслѣдованіе состоянія умственныхъ способностей», трудъ доселѣ остающійся оригинальнымъ и существеннымъ вкладомъ въ судебно-психіатрическую литературу. Въ самое послѣднее время, когда уже удрученный тяжкими нервными недугами, онъ долженъ былъ оставить служебныя занятія, во время, свободное отъ мучительныхъ припадковъ, онъ неустанно слѣдилъ за спеціальною литературою и находилъ возможнымъ высказываться печатно по поводу тѣхъ или другихъ произведеній, основываясь на своемъ опытѣ и обширномъ знакомствѣ съ дѣломъ. Онъ оставилъ шесть тысячъ рублей на восполненіе психіатрическому обществу.

† 30-го мая, горный инженеръ знатокъ минералогіи **Петръ Ивановичъ Миклашевскій**. Онъ былъ однимъ изъ выдающихся практиковъ въ области горнаго дѣла: Уралъ, Сибирь были извѣзжены имъ вдоль и поперекъ; сибирскіе прииски и рудники имъ изучены на мѣстѣ. Миклашевскій—черняговскій уроженецъ, воспитывался въ Горномъ институтѣ, гдѣ кончилъ обра-

зованіе въ 1845 г. съ большою золотою медалью и съ занесеніемъ его имени на золотую доску. Тотчасъ по окончаніи образованія Миклашевскій былъ опредѣленъ для практическихъ занятій на Барнаульскій заводъ. Съ этихъ поръ, въ продолженіе почти 30 лѣтъ, онъ непрерывно работалъ на рудникахъ и присакахъ въ Сибири. Между прочимъ, въ 1859 г. онъ проводилъ въ Петербургъ первый караванъ съ золотомъ; въ томъ же году, назначенъ директоромъ Екатерининской гранильной фабрики, гдѣ оставался до 1866 г. Занятый всецѣло практической работой въ теченіе 20 лѣтъ, постоянно въ разъѣздахъ по Сибири и три раза совершивъ долгіе переходы отъ Алтая до Петербурга, Миклашевскій не забывалъ научныхъ занятій. Выписывая и изучая сочиненія по геологіи, геогнозій, минералогіи, онъ увеличивалъ свое знаніе горнаго дѣла; его изслѣдованія и монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ горнозаводскаго дѣла помѣщались въ специальныхъ журналахъ. Въ 1866 г., за труды по устройству Екатеринбургской гранильной фабрики, Миклашевскій былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ и въ этомъ же году принялъ на себя завѣдываніе принадлежащими князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому Котовскими рудниками. Приведа въ порядокъ эти рудники Миклашевскій возвратился въ 1870 г. на казенную службу и получилъ должность начальника отдѣленія горнаго департамента; въ слѣдующемъ году онъ опять возвратился въ Сибирь, въ составъ комиссіи для осмотра и ревизіи казенныхъ горныхъ заводовъ. Въ 1875 г. назначенъ членомъ горнаго совѣта и горнаго ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ; въ томъ же году управлялъ горнымъ департаментомъ. Въ 1876 г. командированъ на заводы Златоустовскаго округа для разсмотрѣнія хода дѣлъ заводовъ и промысловъ и на частные заводы Рязанской и Тульской губерній. Въ 1879 г. Миклашевскій завершилъ свою странническую трудную дѣятельность поѣздкой въ Восточную Сибирь для составленія на мѣстѣ соображеній о мѣрахъ, какія должны быть приняты по золото-сплавочной лабораторіи въ Иркутскѣ для успѣшнаго сплава золота, а также для собранія свѣдѣній о положеніи золотопромышленности на Амурѣ, что имъ было выполнено съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Съ 80-хъ годовъ Миклашевскому начали давать себя знать годы, проведенные среди сибирскихъ тайгъ и болотъ; онъ не могъ уже болѣе работать на практическомъ поприщѣ и погрузился въ кабинетныя занятія. Результатомъ послѣднихъ въ 1881 г. въ печати появились его два труда, изъ которыхъ оригинальный былъ встрѣченъ самыми сочувственными отзывами какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ геологовъ,—это «Мѣсторожденіе огнеупорныхъ матеріаловъ въ Россіи и способы выдѣлки огнеупорныхъ издѣлій, примѣнимыя на русскихъ горныхъ заводахъ». Другой его трудъ, появившійся въ томъ же году,—переводъ сочиненія Карла Бишофа: «Огнеупорныя глины, ихъ нахожденіе, составъ, изслѣдованіе, обработка и примѣненіе съ обзоромъ вообще огнеупорныхъ матеріаловъ». 4 года тому назадъ Миклашевскаго поразилъ первый ударъ и затѣмъ осталась его жизнь была медленною борьбою со смертію.

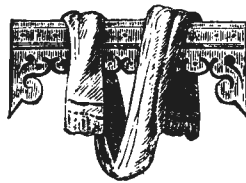
† Въ Кіевѣ 87 лѣтъ, предсѣдатель кіевской археографической комиссіи, **Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ**, посвятившій Юго-Западному краю около 50 лѣтъ своей многосторонней служебной дѣятельности. Юзефовичъ былъ уроженцемъ Полтавской губерніи. И по окончаніи домашняго образованія, помѣщенъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1819 г. Спустя два года, онъ былъ зачисленъ юнкеромъ въ Чугуевскій уланскій полкъ. Природное дарованіе выдвинуло молодого офицера на служебномъ поприщѣ, а начавшіяся кавказскія и турецкія войны дали ему возможность отличиться на полѣ брани. Въ 1828 г. въ чинѣ штабсъ-ротмистра, М. В. участвовалъ во многихъ дѣлахъ кампаніи съ персидскими войсками, а въ 1829 г. въ турецкой войнѣ. У крѣпости Ахалцыхъ, былъ раненъ въ ногу. Рана оказалась тяжелой, трудно поддававшейся ле-

ченію, но, не смотря на это, онъ прослужилъ въ военной службѣ до 1839 года и принималъ еще участіе въ турецкомъ походѣ и въ походахъ противъ польскихъ и литовскихъ мятежниковъ. Съ 1840 г. Юзефовичъ началъ службу по министерству народнаго просвѣщенія и былъ инспекторомъ казенныхъ училищъ въ Кіевѣ, а съ 1843 г. помощникомъ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Въ 1844 г., Юзефовичъ принялъ званіе почетнаго члена при временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ въ архивахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и монастыряхъ Кіевской, Подольской и Волынской губ. Въ теченіе 1845—46 гг. покойный исполнялъ обязанности попечителя кіевскаго учебнаго округа и въ этой должности оставался до 1858 г. Въ 1849 году М. В. Юзефовичъ былъ предсѣдателемъ комиссіи, при университетѣ св. Владимира для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа. Въ 1857 г. состоялъ предсѣдателемъ распорядительной комиссіи кіевской городской публичной библиотеки, наконецъ, предсѣдателемъ комиссіи по сооруженію въ Кіевѣ памятника Богдану Хмѣльницкому. 11 іюня минувшаго года, въ день открытія памятника Богдану Хмѣльницкому, М. В. произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Не смотря на свой преклонный возрастъ, покойный до послѣднихъ дней жизни не переставалъ интересоваться текущими явленіями русской общественной жизни и печатно, въ отдѣльныхъ брошюрахъ и статьяхъ, высказывался по тому или другому животрепещущему вопросу, а иногда удѣлялъ свои досуги и поэтическимъ произведеніямъ. Кромѣ того, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ покойнаго издано нѣсколько десятковъ томовъ «Архива юго-западной Россіи» и значительное количество документовъ и матеріаловъ, собранныхъ археографической комиссіей.

† Педагогъ, инспекторъ училища св. Елены, **Николай Карловичъ Геекъ**. Покойный знакомъ главнымъ образомъ югу, гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни. По полученіи высшаго математическаго образованія, Геекъ отдался весь педагогической дѣятельности; глубокое его пониманіе дѣтскаго характера и потребностей дѣтскаго духа, умѣнье ясно излагать трудныя для дѣтей начала математики, быстро сдѣлали его извѣстнымъ въ педагогическомъ мірѣ. Ему въ 60-хъ годахъ было предложено занять въ Одессѣ мѣсто директора Ришельевской гимназіи, а затѣмъ въ 1873 г., по основаніи въ Одессѣ реальнаго училища, онъ былъ назначенъ его директоромъ. Въ Одессѣ, въ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ, Геекъ оставилъ по себѣ самую лучшую память, какъ добрый наставникъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ оставилъ службу въ Одессѣ и перешелъ въ Петербургъ, гдѣ основалъ первое частное училище; затѣмъ былъ приглашенъ занять мѣсто инспектора въ училищѣ св. Елены, гдѣ также сумѣлъ быстро завоевать симпатіи какъ учащихся, такъ и сослуживцевъ. Смерть Геека глубоко огорчила всѣхъ знавшихъ его и учившихся у него.

† 1-го іюня, въ 4 часа дня, скоропостижно скончался профессоръ **Орестъ Федоровичъ Миллеръ**. Еще утромъ покойный былъ совершенно бодръ, ходилъ за полученіемъ пенсіи и, вернувшись, почувствовалъ усталость, отправился на почту, но, не доходя оттуда до дому, упалъ на тротуарѣ и былъ внесенъ въ квартиру въ безсознательномъ состояніи. Призванный немедленно докторъ могъ только констатировать смерть. Орестъ Федоровичъ родился въ Ревелѣ въ 1833 г.; въ 1855 г. кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, получивъ золотую медаль за сочиненіе по русской словесности. Еще студентомъ онъ писалъ стихотворенія, потомъ драму «Конрадъ Гогенштауфенъ» въ стихахъ и «Подвигъ Лютера», патриотическую пьесу изъ времени севастопольской кампаніи. Въ 1858 г. появилась его магистерская диссертация «О нравственной стихіи въ поэзіи», въ свое время возбудившая полемику и насмѣшки Добролюбова. У Миллера были постоянные противники; одни глумились надъ нимъ за то,

что онъ проповѣдовалъ нравственность въ поэзіи, другіе за то, что онъ являлся ультра-патріотомъ и страстнымъ славянофиломъ. На самомъ дѣлѣ. это была честная, трудолюбивая и увлекающаяся личность; самое нѣмецкое происхожденіе покойнаго давало поводъ говорить, что онъ способенъ къ патріотическому самовосхваленію, какъ истый нѣмецъ. Изученіе народныхъ пѣсенъ, когда они явились въ изданіяхъ Рыбникова и Кирѣвскаго, такъ увлекло О. Ѳ., что онъ предался русскому эпосу со страстью и сдѣлалъ его предметомъ своихъ университетскихъ лекцій (съ 1868—69 г.; лекція онъ сталъ читать съ 1863 г.). По своимъ воззрѣніямъ онъ примкнулъ къ славянофиламъ, являлся ораторомъ во время пріѣзда славянъ, горячимъ патріотомъ-славянолюбомъ во время послѣдней турецкой войны, яркимъ ненавистникомъ берлинскаго конгресса и страстнымъ поклонникомъ реформъ прошлаго царствованія, особенно крестьянской. Не перечисляя множества статей его, являвшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, упомянемъ о капитальномъ его трудѣ, докторской диссертациі: «Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кіевское». (1869 г.). Эта диссертациія возбудила много толковъ особенно потому, что еще до ея появленія О. Ѳ. отстаивалъ своеобразность русскаго эпоса въ полемикѣ съ г. Стасовымъ, который односторонне производилъ всѣ русскія былины изъ Азіи и, по своему обыкновенію, отстаивалъ свои положенія, не щадя ни противниковъ, ни ихъ трудовъ, хотя среди этихъ противниковъ былъ и такой ученый, какъ Ѳ. И. Буслаевъ. По поводу диспута Миллера, г. Стасовъ, напр., говорилъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»: «Господи! Когда ты мнѣ пошлешь противниковъ лучше и показистѣе? А то все какіе-то Гильфердинги, да Безсоновы, Миллеры первые, да Миллеры вторые. Неужто и взаправду только то и будетъ?» Взаправду вышло то, что трудъ Миллера, не смотря на увлеченія и преувеличенія, въ немъ встрѣчающіяся, сослужилъ хорошую и полезную службу въ дѣлѣ національнаго нашего самосознанія и останется замѣтнымъ вкладомъ въ исторію нашей народной поэзіи. Въ послѣдніе годы О. Ѳ. работалъ надъ современной литературой. Его «Русскіе писатели послѣ Гоголя» вышли въ 1887 г. третьимъ изданіемъ въ 2 частяхъ. Въ прошломъ году явилась третья часть этого труда, посвященная С. Т. Аксакову, Мельникову и Островскому. Послѣдній его трудъ посвященъ Глѣбу Успенскому.

На это молодой человекъ отвѣтилъ:

— Успокойтесь, маэстро, въ нашемъ теперешнемъ положеніи вы должны избѣгать всякаго волненія; послѣ я все объясню вамъ. Я только бѣдный хирургъ и буду дорого цѣнить всѣ мои заботы для вашей пользы. Однако теперь...

— Антонию,—прервалъ Сальваторъ, протягивая ему руку, — съ этой минуты я вашъ другъ, и вы можете быть увѣрены, что ничье сердце, кромѣ моего, не отзовется горячѣе и на ваши радости, и на ваше горе. Чѣмъ дольше я всматриваюсь въ ваши черты, тѣмъ большую симпатію чувствую къ вамъ, ибо ваши глаза и вашъ ротъ походятъ на глаза и ротъ Рафаэля Санціо.

При этихъ словахъ яркій румянецъ разлился по щекамъ молодого человека, но уста бозмолствовали, и онъ потихоньку удалился, не желая больше беспокоить уважаемаго маэстро.

Съ этого времени Сальваторъ началъ быстро поправляться. Порой, когда онъ пробуждался отъ своей чуткой дремоты, то взглядывалъ на сидѣвшую въ ногахъ кровати хозяйскую дочь и видѣлъ, что ея пальцы перебирали—въ знакъ молчаливой молитвы—жемчужины четокъ. Бѣдная дѣвушка, которая такъ сердечно и скромно молилась за его выздоровленіе, глубоко растрогала его, ибо она дѣлала для него все, что, по ея мнѣнію, могло быть полезно.

— Лукреція,—сказалъ онъ ей, — вы доброе дитя, и когда Господь услышитъ, вашу молитву, онъ вознаградитъ васъ за вашу добрую душу.

Лукреція зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ, встала и ушла изъ комнаты.

Едва только Сальваторъ до нѣкоторой степени поправился, какъ не только для отдыха осмотрѣлъ блестящій городъ со всѣхъ сторонъ, но и успѣлъ познакомиться съ положеніемъ искусства въ Римѣ. И здѣсь его раздраженное чувство нашло много поводовъ къ неудовольствію. Посредственность повсюду заглушала истинные таланты; раболѣпная лесть достигала авторитетнаго значенія и выдающихся мѣстъ, въ то время какъ для характеровъ открытыхъ двери оставались запертыми. Такъ было и въ Ватиканѣ, и при менѣе значительныхъ дворахъ кардиналовъ. Сальваторъ тогда же написалъ развлеченія ради свое единственное шуточное стихотвореніе по поводу этихъ пагубныхъ обстоятельствъ.

Вскорѣ онъ настолько окрѣпъ, что опять могъ уже подумывать и о серьезной работѣ. Онъ набросалъ различные эскизы и написалъ нѣкоторые изъ своихъ удивительныхъ пейзажей. Но, желая уберечься отъ односторонности, онъ, наконецъ, принялся за большое полотно, на которомъ сдѣлалъ эскизъ картины «Освобожденіе душъ изъ чистилища». Эта картина была красочной сатирой, и онъ имѣлъ намѣреніе придать бѣднымъ душамъ портретное сходство, о которомъ всякій могъ легко догадаться. Антонию Скаччіати наблюдавъ

съ большимъ вниманіемъ, какъ маэстро вырисовывалъ свои фигуры. Замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ при этомъ, позволяли догадываться, что отъ него не совсѣмъ закрыты тайны искусства.

— Антоніо,—сказалъ ему однажды Сальваторъ,—вы съ такимъ вкусомъ и пониманіемъ говорите о живописи, что мнѣ трудно признать васъ только за простаго любителя; я думаю, что вы уже много писали.

— Я вспоминаю, маэстро,—возразилъ молодой человѣкъ,—что въ тотъ самый день, когда вы пробудились отъ летаргій, я сказалъ вамъ — у меня очень тяжело на душѣ. Позвольте же довѣриться вамъ, что хотя я изучалъ хирургию, но тѣломъ и душой преданъ живописи и съ удовольствіемъ всецѣло отдался бы искусству.

— Обдумайте же хорошенько, что вамъ дѣлать,—сказалъ Сальваторъ,—какъ мнѣ кажется, вы очень искусный врачъ, а вѣдь во всякомъ случаѣ гораздо лучше быть порядочнымъ медикомъ, чѣмъ плохимъ живописцемъ. Хотя вы и молоды, но все-таки вамъ уже поздно начинать изученіе искусства, какъ это необходимо для того, чтобы выработать изъ себя нѣчто особенное.

— Дорогой маэстро,—отвѣтилъ Антоніо съ ласковой улыбкой,—если бы я не чувствовалъ съ ранней юности склонности къ живописи и только по принужденію занимался въ цирюльнѣ моего отца бросаніемъ крови, я бы не желалъ сдѣлаться живописцемъ. Но я вамъ еще не сказалъ, что Гвидо Рени давалъ мнѣ уроки и что во время моихъ отлучекъ изъ отцовской цирюльни, я занимался съ нимъ живописью.

— Тѣмъ лучше!—воскликнулъ Сальваторъ съ искреннимъ воодушевленіемъ,—у васъ былъ учителемъ великій живописецъ и безъ сомнѣнія вы успѣли усвоить его излюбленную манеру. Я только не понимаю, какъ вы могли интересоваться моими картинами и считать меня великимъ живописцемъ.

Антоніо сильно покраснѣлъ отъ этихъ словъ Сальватора и чистосердечно отвѣтилъ:

— Увѣряю васъ, маэстро, что я никогда и ни къ кому не чувствовалъ такого глубокаго уваженія, какъ къ вамъ. Ваши картины исполнены такого высокохудожественнаго значенія, какого я не встрѣчалъ ни у одного живописца. Поразительныя явленія природы, причудливые горные пейзажи и тайны моря находятъ въ васъ проницательнаго истолкователя, ибо вы понимаете священный голосъ природы и умѣете улавливать ея откровенія. Для васъ человѣкъ есть только часть безграничной природы, и онъ появляется на вашихъ картинахъ только потому, что необходимо для гармоніи цѣлаго. По моему мнѣнію, вы такъ велики, что васъ можно сравнивать только съ знаменитѣйшими историческими живописцами, но вы превосходите ихъ оригинальностью пониманія природы. Не думайте, что это лишь мое личное мнѣніе: точно также

думаетъ и Гвидо Рени, и многіе другіе прославленные живописцы.

Взволнованный Сальваторъ посмотрѣлъ на своего юнаго друга и сказалъ:

— Вы, можетъ быть, правы, что я умѣю наблюдать природу и правдиво воспроизводить ее, и вамъ совѣтую, если вы хотите сдѣлаться истиннымъ живописцемъ, идти своей дорогой, не обращая вниманія на теперешнихъ модныхъ живописцевъ. Ваши слова для меня въ высшей степени пріятны, и съ сегодняшнаго дня вы приобрѣли во мнѣ не только неизмѣннаго друга, но и брата.

Съ этими словами Сальваторъ обнялъ юнаго Скаччіати, причемъ у послѣдняго выступили на глазахъ слезы радости.

— Теперь,—сказалъ Сальваторъ,—вы должны свести меня къ себѣ, показать свою студию и работы.

— Съ величайшемъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Антоніо.

Они отправились. По дорогѣ Антоніо опять завелъ бесѣду.

— Искусство,—говорилъ онъ,—казалось мнѣ словно ребенку улыбкой божества, а живописецъ вообще представлялся мнѣ въ ореолѣ какого-то возвышеннаго благородства. Я казался самому себѣ дерзкимъ преступникомъ, когда подумывалъ примкнуть къ этому обществу избранниковъ Божіихъ. Но постепенно я, наконецъ, убѣдился, что слишкомъ все это идеализировалъ, ибо истинные геніе по большей части бываютъ непризнанными.

— Къ сожалѣнію, Антоніо,—замѣтилъ Сальваторъ,—вы сказали еущую правду, ибо зачастую геній бываетъ терновымъ вѣнцомъ, который Богъ возлагаетъ на чело избранныхъ смертныхъ. Какъ часто я проклиналъ свою склонность и чувствовалъ себя несчастнымъ по собственной винѣ—сколько разъ я завидывалъ тѣмъ счастливымъ натурамъ, которыя живутъ изо дня въ день и идутъ по своей скромной жизненной тропинкѣ, не обращая вниманія на остальную міръ.

Въ разговорѣхъ незамѣтно дошли они до дому, на который Антоніо указалъ, какъ на мѣсто своего жительства. Онъ попросилъ Сальватора войти. Послѣдній не ожидалъ многого отъ этюдовъ, которые хотѣлъ ему показать молодой человѣкъ; но на дѣлѣ онъ былъ въ высшей степени пораженъ большимъ талантомъ Антоніо, проглядывавшимъ и въ эскизахъ, и въ картинахъ. Отмѣнный вкусъ и богатство мысли въ композиціи въ соединеніи съ граціей въ выраженіи лицъ—все это доказало Сальватору, что передъ нимъ настоящій ученикъ Гвидо Рени; при этомъ замѣчалось, что Антоніо съумѣлъ избѣгать недостатковъ своего образца, у котораго характерность и типичность выраженія часто уступали первое мѣсто красотѣ.

Сальваторъ Роза долго разсматривалъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ всѣ картины молодого Скаччіати и, наконецъ, сказалъ:

— Мой дорогой другъ, вы рождены быть живописцемъ, ибо вы не только смотрите на весь міръ глазами художника, но вы уже удивительнымъ образомъ преодолѣли всѣ техническія трудности; на мой взглядъ, вы далеко обогнали многихъ членовъ академіи св. Луки. Но наше время неблагоприятно для скромнаго художника, который не умѣетъ прославиться на чужой счетъ. Зависть и вражда повсюду преслѣдуютъ насъ, и если вы не рѣшились стойко выдержать до конца, покорно перенося всѣ несправедливости, то лучше, дорогой, бросьте искусство.

— Я не могу этого сдѣлать, — возразилъ Антоніо, — я чувствую себя достаточно сильнымъ, чтобы преодолѣть величайшія препятствія.

— Чтобы привести вамъ назидательный примѣръ, — сказалъ Сальваторъ, — я хочу рассказать вамъ исторію съ фресками въ церкви св. Яннуарія въ Неаполѣ. Болѣе тридцати лѣтъ назадъ, какъ построена эта великолѣпная церковь, пріютившая величайшее сокровище города, кровь его святаго патрона, и какъ она началась украшаться съ расточительнымъ великолѣпіемъ. Нужно было, видите ли, расписать потолокъ и стѣны; поэтому былъ объявленъ конкурсъ, въ которомъ принимали участіе знаменитѣйшіе живописцы всей Италіи. Одинъ за другимъ они пріѣхали, но никто не оставался въ Неаполѣ долѣе одного дня: то имъ начали угрожать, что всѣхъ ихъ отравятъ, то, дѣйствительно, на нихъ начали устраивать нападенія наемные убійцы (нѣкоторыхъ даже ранили), такъ что всѣ предпочли, спасая свою жизнь, предоставить живописное украшеніе церкви св. Яннуарія испанцу Рибера, которому протектировалъ вице-король и все высшее испанское общество.

— Я могу только повторить, — снова сказалъ Антоніо, — что совершенно приготовленъ ко всѣмъ превратностямъ и интригамъ, но тѣмъ не менѣе я не оставлю искусства, хотя бы мнѣ пришлось отказаться отъ всякой славы.

Что было дѣлать противъ такой рѣшимости? Сальваторъ увидѣлъ, что здѣсь всякія возраженія уже напрасны; поэтому онъ молча еще разъ пристально разсмотрѣлъ произведенія своего юнаго друга. Въ углу комнаты онъ нашелъ одну картину, прислоненную къ стѣнѣ; повернувъ ее, Сальваторъ въ замѣшательствѣ не могъ удержаться отъ крика. Картина изображала Магдалину у ногъ Спасителя. Собравшись съ духомъ, Сальваторъ сказалъ:

— Дорогой Антоніо, эта Магдалина ваше лучшее произведеніе, хотя вашъ талантъ отличается отъ талантовъ всѣхъ другихъ живописцевъ. Вы не изображали женщину съ преступнымъ прошлымъ, а дѣвушку чистую и безгрѣшную. Такъ бы могли изобразить Магдалину Рафаэль или Гвидо Рени. Эта картина съ небеснымъ выраженіемъ открываетъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ тайну. Оригиналъ вашей Магдалины живеть, вѣроятно, въ Римѣ. Признайтесь въ этомъ, Антоніо!

Скаччати, опутивъ глаза, взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Ничего, однако, не укроется отъ вашего испытующаго взора. Зачѣмъ же мнѣ скрывать отъ васъ свою тайну. Да, маэстро, эта картина есть копія съ одной молодой дѣвушки, которую я люблю всѣми силами души, хотя и знаю, что эта любовь безнадежна и что все мое счастье—пустая химера.

— И ваша тайна еще не открыта?

— Никто не знаетъ.

— Значитъ, никто еще не видѣлъ вашей Магдалины?

— Вы первый, которому я показалъ эту картину.

— Если это такъ,—радно замѣтилъ Сальваторъ,—то эта картина будетъ для меня средствомъ, чтобы создать вамъ то положеніе, которое вамъ предназначено и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подшутить надъ пустоголовыми членами академіи св. Луки. Довѣрьте мнѣ безъ боязни эту картину. На слѣдующую ночь вы принесите ее ко мнѣ домой, а все остальное предоставьте сдѣлать мнѣ. Согласны ли вы?

— Съ большимъ удовольствіемъ, дорогой маэстро.

При прощаньи Сальваторъ прибавилъ:

— Наше искусство, къ сожалѣнію, теперь падаетъ, ибо академія св. Луки превозноситъ до небесъ испанцевъ, потому что тѣло на ихъ картинахъ якобы натуральнѣе, чѣмъ на картинахъ великаго Рафаэля; на самомъ же дѣлѣ, у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ мяса, безъ всякаго выраженія и одухотворенія.

Послѣ этого, Сальваторъ распрощался съ своимъ юнымъ другомъ, и не замедлилъ привести какъ можно скорѣе свой планъ въ исполненіе.

На дняхъ должна была открыться выставка картинъ, которую ежегодно устраивала знаменитая академія, и при этомъ каждый разъ происходилъ конкурсъ между молодыми художниками, предназначенными для принятія въ академію. Извѣстность, которою пользовался Сальваторъ Роза, позволяла ему выхлопотать у академическаго начальства позволеніе выставить картину, которую онъ выдалъ за произведеніе одного молодого неаполитанца, преждевременно похищеннаго смерью у искусства.

Со дня открытія выставки прошло лишь нѣсколько дней, а ужъ весь Римъ говорилъ о картинѣ умершаго молодого художника: его Магдалиной восхищались всѣ зрители. Со смерти Гвидо Рени ни одинъ живописецъ не создавалъ такого шедевра, утверждали знатоки, а энтузіасты открыто высказывали, что эта Магдалина превосходить всѣ творенія Гвидо Рени.

Однажды, когда Сальваторъ былъ на выставкѣ, среди толпы, тѣснившейся у замѣчательной картины, общее вниманіе странностью поведенія обращалъ на себя одинъ старикъ. Казалось, что при видѣ картины онъ словно ополоумѣлъ. Поднявшись на ципочки, чтобы лучше разглядѣть, онъ хлопалъ въ ладоши и вскри-

кивалъ отъ восхищеннаго изумленія:— «прелестно! восхитительно! Это она, это Маріанна смотритъ словно живая!» При этомъ онъ, казалось, сильно сожалѣлъ, что съ нимъ вмѣстѣ нѣтъ самой Маріанны, дабы всѣ присутствующіе убѣдились въ поразительномъ сходствѣ копіи съ оригиналомъ.

Сальваторъ Роза старался протискаться поближе къ старику, чтобы разузнать что-нибудь объ его личности, но необыкновенная подвижность стараго чудака помѣшала его намѣреніямъ, такъ что вскорѣ живописецъ потерялъ старика изъ виду.

Въ день, назначенный для выборовъ новыхъ членовъ академіи, Сальваторъ во время засѣданія предложилъ академикамъ вопросъ, достоинъ ли творецъ Магдалины избранія въ академію. Всѣ единогласно подтвердили, что такой возвышенный геній будетъ только украшеніемъ академіи. Поэтому, было постановлено почтить его память публичнымъ заявленіемъ соболѣзнованія, что искусство, въ преждевременной кончинѣ понесло невознаградимую потерю.

Всѣдъ за симъ Сальваторъ всталъ и громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующее:

— Милостивые государи! Мнѣ чрезвычайно пріятно сообщить вамъ неожиданную для васъ новость, что почести, которыя вы намѣрены оказать мертвому, должны быть на самомъ дѣлѣ оказаны живому. Картина «Магдалина у ногъ своего Божественнаго Учителя», которая совершенно заслуженно удостоена вами величайшихъ похвалъ, принадлежитъ вовсе не умершему неаполитанскому живописцу, какъ я говорилъ раньше, чтобы услышать вашъ безпристрастный приговоръ; это образцовое произведеніе, встрѣченное всеобщимъ одобреніемъ, принадлежитъ кисти... одного неизвѣстнаго хирурга, по имени Антоніо Скаччіати.

Эти слова, разумѣется, привели всѣхъ членовъ академіи въ величайшее недоумѣніе; но имъ вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не оставалось дѣлать, какъ проглотить горькую пилюлю и вновь подтвердить, что необыкновенный талантъ молодого Скаччіати дѣлаетъ его достойнымъ избранія въ академію св. Луки.

Съ того момента, какъ въ Римѣ узнали, что Антоніо Скаччіати—творецъ знаменитой Магдалины, будущность молодого живописца была обезпечена, и счастливый художникъ съ разныхъ сторонъ получилъ столько заказовъ, что многимъ приходилось отказывать. А Сальваторъ Роза, вслѣдствіе этого, нажилъ себѣ въ лицѣ членовъ академіи св. Луки непримиримыхъ враговъ.

Вскорѣ онъ нажилъ еще болѣе враговъ одной своей картиной, полной язвительной ироніи. Онъ бросилъ неоконченнымъ свое «Чистилище» и нарисовалъ «Форуну», которая высыпала изъ своего рога изобилія массу драгоценностей, денегъ, кардинальскихъ шляпъ и епископскихъ скуфеекъ на стоящія подъ рогомъ фигуры съ головами разныхъ звѣрей, осмѣянныхъ народнымъ остроуміемъ.

Было нѣсколько фигуръ съ человѣчкими лицами, бѣдно одѣтыхъ, до которыхъ блага фортуны не достигали. Эта картина произвела въ аристократическомъ кругу цѣлую бурю неудовольствій и дѣло дошло до того, что даже папа Урбанъ окончательно разгнѣвался на живописца.

Само собой разумѣется, что вслѣдствіе этого душа Сальватора еще болѣе наполнилась горечью. Въ бесѣдахъ съ своимъ дру-

Сальваторъ Роза въ академіи Св. Луки.

гомъ Антоніо Скаччіати онъ неоднократно негодовалъ на искусство и даже проклиналъ его. Но Скаччіати видѣлъ, что вина въ данномъ случаѣ лежитъ въ томъ, что Сальваторъ пользовался искусствомъ, какъ орудіемъ для выраженія своихъ взглядовъ на общественныя дѣла. Скаччіати слишкомъ уважалъ Сальватора, чтобы осмѣлиться высказать свое порицаніе, и свернулъ разговоръ на самого себя:

— Правда я преодолѣлъ теперь величайшія трудности, но все-таки картина, которой я обязанъ своимъ успѣхомъ въ искусствѣ, есть памятникъ моихъ мученій.

Сальваторъ внимательно посмотрѣлъ на молодого человѣка и сказалъ ему:

— Теперь, кажется, вы можете говорить совершенно спокойно о вашихъ сердечныхъ дѣлахъ; расскажите же мнѣ исторію вашей любви.

Молодые люди усѣлись, и Антонио началъ:

— Въ улицѣ Рипетта, вблизи Пиацца del Popolo, жилъ одинъ старый чудакъ, по имени Пасквале Капуцци, соединявшій въ себѣ всевозможныя дурныя качества. У него было достаточно средствъ, для того чтобы жить независимо; у него были дикія фантазіи во всемъ разыгрывать знатока, обо всемъ судить—о живописи, скульптурѣ, механикѣ, о всякихъ наукахъ и литературѣ, и такъ какъ въ Ватиканской библіотекѣ ему случилось перелистать нѣсколько старыхъ фолиантовъ, то онъ вообразилъ себя ученѣйшимъ мужемъ во всемъ свѣтѣ. Понятно, что онъ считалъ себя также великимъ музыкантомъ и пѣвцомъ, чему, однако, никто, кромѣ его, не вѣрилъ. Къ моему несчастію, я былъ позванъ въ домъ стараго чудака въ качествѣ цирюльника; онъ заставилъ меня долго дожидать и во все это время мой слухъ терзался его бренчаньемъ и пѣніемъ. Однажды въ его домѣ я встрѣтилъ первообразъ своей Магдалины; такъ какъ Капуцци замѣтилъ, что я совершенно очарованъ красотой и несравненной граціей этого прелестнаго существа, онъ объяснилъ мнѣ съ самодовольной улыбкой, что Маріанна единственная дочь его умершаго родного брата и что она круглая сирота; онъ пріютилъ ее въ своемъ домѣ какъ дядя и какъ опекунь. Съ этого мгновенія мнѣ стало легче переносить глупыя причуды старика, ибо такимъ образомъ я могъ чаще видѣться съ прелестной дѣвушкой. Старикъ, конечно, не могъ не замѣтить этого, ибо однажды, высокомерно взглянувъ на меня, онъ оскорбительнымъ тономъ сказалъ: «можно ли было думать, чтобы цирюльникъ осмѣлился такъ высоко заноситься». Я чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ и возразилъ: «что касается меня, то вы очень хорошо знаете, что я искусный хирургъ и сверхъ того ученикъ знаменитаго живописца Гвидо Рени». Въ отвѣтъ на это Капуцци разразился язвительнымъ смѣхомъ и гнѣвно воскликнулъ: «убирайтесь вы къ чорту, отличный цирюльникъ, искусный хирургъ и знаменитый живописецъ! Помните, чтобы никогда вашей ноги не было въ моемъ домѣ, не смѣйте близко и подходить къ моему дому, если не желаете рисковать своей жизнью». Меня вдругъ охватила свирѣпая ярость. Я бросился на старика и дубасилъ его изо всѣхъ силъ, пока не услышалъ, что на его крикъ приближала Маріанна, обезоружившая меня однимъ своимъ взглядомъ. Я поспѣшно удалился, и если двери

этого дома были для меня уже закрыты, то все-таки я не могъ воздержаться отъ того, чтобы тайкомъ частенько не похаживать около дома, ища удобнаго случая объясниться дѣвушкѣ въ любви. Безъ сомнѣнія, она нисколько не сердилась на меня за приключеніе съ ея дядей. Наконецъ, я рѣшился сунуть записочку въ руку старой служанкѣ, съ которой я близко познакомился и которая заботливо передавала наши письма. Вскорѣ все устроилось въ лучшемъ видѣ; мы видѣлись съ Маріанной и во время обѣдни, и при другихъ обстоятельствахъ, такъ что мнѣ неоднократно представлялись удобные случаи открыться прелестной дѣвушкѣ въ любви. Но, къ сожалѣнію, старикъ пронюхалъ о нашихъ свиданіяхъ. Онъ объявилъ Маріаннѣ, что самъ любитъ ее и хочетъ на ней жениться, что для обѣдной дѣвушки, по его мнѣнію, должно быть большимъ счастьемъ. Служанкѣ, бывшей нашей наперсницей, было отказано и мѣсто ея заступила новая, сущая старая вѣдьма, не дававшая Маріаннѣ ни малѣйшей поблажки. Теперь старикъ уже обратился къ папѣ, дабы получить разрѣшеніе жениться на своей племянницѣ, такъ что почти всѣ мои надежды рушились.

— Не теряйте мужества, — старался успокоить Сальваторъ своего молодого друга, — и положитесь на меня, искренно преданнаго вамъ. Вы сказали, что старый Капуцци пустой глупецъ, жаждущій сдѣлаться знаменитостью въ Римѣ. Я самъ пойду къ нему и попытаюсь добиться у него согласія на ваше обрученіе съ Маріанной.

Для Антоніо снова блеснулъ лучъ надежды, ибо Сальваторъ въ ближайшемъ будущемъ рѣшилъ осуществить свое намѣреніе. Онъ понималъ, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ считался уже не столь прославленнымъ живописцемъ какъ раньше, и такъ какъ Капуцци принадлежалъ къ числу папскихъ любимцевъ, то Сальваторъ долженъ былъ горькимъ опытомъ убѣдиться, что его вліяніе совершенно безсильно...

Хотя онъ велъ себя при старомъ глупцѣ съ изысканной вѣжливостью и старался его убѣдить, что теперь уже Антоніо Скаччати считаютъ въ Римѣ за превосходнѣйшаго художника и пророчутъ ему славную будущность, все-таки ему не удалось убѣдить Капуцци и онъ принужденъ былъ отказаться отъ всѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Первосвященничество Урбана VIII развилъ до крайнихъ предѣловъ диллетантизмъ во всѣхъ областяхъ искусства и науки, ибо просто сдѣбалось модой заявить себя во что бы то ни стало или въ стихотворствѣ, или въ живописи, или въ искусствѣ. Если бы за это дѣло брались люди талантливые, или, по крайней мѣрѣ, одаренные пониманіемъ прекраснаго и высокаго, то въ этомъ, конечно, не было бы ничего удивительнаго; но, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ щелей поползла круглѣйшая бездарность, а истинные таланты заглупались всякой сорной травой и только при особенно благо-

приятныхъ обстоятельствахъ имъ удавалось расцвѣсти. Въ это время Римъ сдѣлался какъ бы Эльдорадо шарлатанства. Сколько кардиналовъ и прелатовъ было обмануто мошенниками и на какія огромныя суммы! Старый Капуцци также былъ склоненъ дружить съ сомнительными людьми, которые льстили его самолюбію и величали его великимъ ученымъ. Въ то время онъ былъ увлеченъ въ нелѣпные опыты однимъ шарлатаномъ, который морочилъ его, что будто бы онъ стоитъ на вѣрномъ пути къ отысканію философскаго камня и что вскорѣ ему откроются всѣ другія тайны природы. Это было прямо болѣзнью того времени, когда даже выдающіеся умы страдали нелѣпой вѣрой въ возможность при помощи химіи найти средства для превращенія неблагородныхъ металловъ въ золото. Маленькіе, заурядные люди довольствовались тѣмъ, что приготовляли волшебный напитокъ, при помощи котораго человѣкъ дѣлался вѣчно-юнымъ, по собственному желанію невидимымъ и способнымъ переноситься съ одного мѣста на другое. Шарлатанъ, въ руки которому попалъ Капуцци, обладалъ дѣйствительно массою естественно-историческихъ знаній и умѣлъ производить цѣлый рядъ удивительныхъ кушптюковъ. Это былъ нашъ старый знакомый лекаръ Скаратулисъ, раньше ограничивавшійся продажей разныхъ микстуръ и пилюль на базарахъ въ окрестностяхъ Неаполя, но потомъ увидѣвшій, что такимъ образомъ никогда не добьешься существенныхъ результатовъ. Человѣкъ въ родѣ его, умѣвшій искусно приняться за всякое дѣло, могъ бы достигнуть авторитета и богатства, не забывая, конечно, что при какой-нибудь несчастной случайности онъ могъ и очутиться за колдовство въ тюрьмѣ или на кострѣ. До того времени, пока разъяренный народъ не разнесъ въ Байѣ его дома, поклявшись притомъ и его умертвить, онъ былъ скромнымъ собирателемъ травъ и лекаремъ-шарлатаномъ; но узнавъ на опытѣ, что люди его профессіи, эксплуатировавшіе народное легковѣріе и невѣжество, каждую минуту могли сдѣлаться жертвой суевѣрія, онъ вдругъ остепенился и хотѣлъ попытаться примѣнить свои знанія въ большемъ масштабѣ. Его познанія ограничивались ничтожными свѣдѣніями ботаническими и химическими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, огромной опытностью въ астрологическихъ формулахъ и заклинаніяхъ. Эту область онъ изучилъ во всѣхъ направленіяхъ, его познанія въ египетскихъ и арабскихъ изреченіяхъ приводили всѣхъ въ изумленіе. Долгое время онъ прожилъ въ Гаэтѣ у кардинала Цукхи, который былъ страстнымъ приверженцемъ алхиміи и кабалистики и почти всѣ свои доходы тратилъ на подобныя глупости. Дочь Скаратулиса, Серпа, все еще одѣвалась мальчишкомъ, считаясь его ученикомъ и помощникомъ. Стройная, блѣдная дѣвушка не возбуждала никакихъ подозрѣній въ обманѣ. Такимъ-то образомъ Серпа и могла жить вмѣстѣ съ отцомъ во дворцѣ кардинала въ Гаэтѣ и помогать ему

при его изслѣдованіяхъ и работахъ. Фантазіи кардинала Цукки пожирали огромныя суммы и, очевидно, безъ всякихъ результатовъ; Скаратулисъ имѣлъ случай познакомиться съ бібліотекой своего покровителя и успѣлъ подготовиться къ той обширной дѣятельности, которую онъ надѣялся обрѣсти въ Римѣ. Но онъ ошибся въ своихъ разчетахъ, ибо хотя папа Урбанъ и жертвовалъ деньги на всякія естественно-историческія опыты и затѣи, самъ онъ все-таки, былъ достаточно образованъ для того, чтобы поддаться грубому обману. Поэтому Скаратулисъ долженъ былъ попытаться приобрѣсти другія связи, но число алхимиковъ и подобныхъ спекулянтовъ въ Римѣ было столь велико, что новому пришельцу ничего не оставалось дѣлать, какъ примкнуть къ Капуцци, о страсти котораго къ необыкновеннымъ предпріятіямъ онъ много наслышался. Скаратулисъ охотно бы согласился на предложеніе Капуцци поселиться въ его домѣ, но, къ несчастію, дѣло не устроивалось, ибо въ домѣ положительно не было мѣста для лабораторіи. Поэтому чудакъ нанялъ себѣ квартиру по близости отъ дома Капуцци, гдѣ онъ ежедневно по нѣсколько часовъ занимался всевозможными изысканіями вмѣстѣ съ своимъ мальчикомъ, котораго онъ называлъ Серпино. Капуцци старался ввести своего новаго друга всюду, гдѣ послѣдній, по его мнѣнію, могъ подыскать себѣ мѣсто, но всѣ эти старанія были напрасны, ибо враги и завистники новаго чародѣя такъ обошли его, что обвинили его въ доносѣ, а изъ этого позднее возникъ процессъ. Добрый Скаратулисъ забылъ, что для хорошей карьеры на поприщѣ его стремленій нужно было то, чего у него не было, — при вызывающей наглости импонирующую внѣшность и вкрадчивыя манеры. Кто обладалъ этими качествами, тотъ втирался въ высшій кругъ и особенно дѣлался любимцемъ знатныхъ дамъ, которыя почитали въ немъ вѣстника иного міра и создавали ему авторитетъ и богатство; кто же, кромѣ нахальнаго безстыдства, не обладалъ никакими другими достоинствами, тотъ рисковалъ попасть въ руки инквизиціи. Къ сожалѣнію, это въ одинъ прекрасный день и случилось со Скаратулисомъ. Нежданно-негаданно онъ былъ арестованъ, а дочь его осталась безпомощной и въ полнѣйшемъ отчаяніи.

Уже раньше Маріанна была живо заинтересована мнимымъ пригожимъ мальчикомъ. Поэтому не было ничего страннаго въ томъ, что мальчикъ въ одинъ прекрасный день, смертельно блѣдный и до крайности взволнованный ворвался въ домъ Капуцци и спросилъ тамъ не хозяйина, а его племянницу Маріанну, ибо съ ней одной онъ хотѣлъ поговорить. Молодая дѣвушка попросила его войти и была не мало смущена, когда мнимый мальчикъ Серпино въ страстномъ возбужденіи, заливаясь слезами, рассказалъ ей, что онъ — дѣвушка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщилъ, что его отецъ отвезенъ въ темницу.

Если бы дѣло шло дѣйствительно о мальчикѣ, то Капуцци остался бы по всѣмъ вѣроятіямъ вполне равнодушнымъ къ его судьбѣ, ибо онъ по своей трусости отрекся отъ Скаратулиса и не хотѣлъ знать ни его, ни его сына. Но вѣдь теперь Маріанна просила за дѣвушку, и ея доброе, участливое сердце въ заступничествѣ за Серпу выказало много истиннаго героизма. Она настояла на томъ, чтобы взять бѣдное, покинутое существо въ домъ, гдѣ Серпа опять облачилась въ свое женское платье. Инквизиція арестовала всѣ пожитки алхимика; если его не могли обвинить ни въ какомъ преступленіи, достойномъ смерти, то все-таки казалось, что его процессъ протянется безконечно долго: достаточно хорошо извѣстно, какъ часто подобные несчастные обвиненные въ теченіе цѣлой жизни томились въ тюрьмѣ.

Бѣдная Серпа влачила мучительную, безрадостную жизнь, терзаясь мыслію о печальной участи своего отца, пока не пришло черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ужасное извѣстіе, что онъ отравился въ тюрьмѣ ядомъ, который постоянно носилъ при себѣ и который сдумѣлъ скрыть даже отъ бдительнаго надзора смотрителя тюрьмы. Это обстоятельство снова подало поводъ къ пререканіямъ съ Капуцци, но Маріанна твердо стояла на своемъ и упросила дядю не ипать ея любимицу послѣдняго убѣжища, въ которомъ она была внѣ всякой опасности.

Когда Сальваторъ сообщилъ Антоніо о своихъ неудавшихся переговорахъ съ Капуцци, молодой художникъ, окончательно обезкураженный, совсѣмъ упалъ духомъ. Но Сальваторъ въ своемъ живомъ воображеніи создалъ опять новый планъ, отъ котораго онъ ожидалъ большого успѣха.

— Теперь мы достаточно убѣдились, — сказалъ онъ, — что наши художественные таланты не приведутъ къ цѣли. Напрасно вы старались приобрѣсти славу, напрасно и я старался дѣйствовать при помощи своей славы. Мы должны подумать о чемъ-нибудь другомъ. Съ тѣхъ поръ какъ папой сдѣлался Урбанъ VIII, серьезное направленіе въ искусствѣ вышло изъ моды; теперь стремятся только ко всему веселому и забавному, ибо самъ папа любитъ въ поэзіи и въ искусствѣ только пріятное и граціозное. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ Римѣ комедіанты и странствующіе фокусники самыя желанныя гости и что тамъ то-и-дѣло вырастаютъ новые театры. Директора послѣднихъ стремятся угодить публикѣ въ излюбленномъ шутовскомъ родѣ, ибо это считается наиболѣе важнымъ дѣломъ во всемъ свѣтѣ. На этомъ мы должны основать свои надежды: я — надежду избавиться отъ опалы, въ которую попалъ по милости своей «Фортуны», а вы — надежду жениться на Маріаннѣ. Слышали ли вы что-нибудь о молодомъ аббатѣ Николо Муссо, который завѣдуетъ всѣми увеселеніями при папскомъ дворѣ? Суровая партія, во главѣ которой стоитъ кардиналъ Беллярминъ,

съ удовольствіемъ взираеть, какъ Урбанъ увлекается поэтическими и театральными забавами, уклоняясь отъ всѣхъ серьезныхъ занятій, ибо испанскіе инквизиторы могутъ такимъ образомъ пытаться и жечь еретиковъ сколько душѣ угодно. Теперь сообразите: я сдѣлался умнѣе вслѣдствіе нашихъ послѣднихъ передрагъ и желаю попытаться—развѣ это невозможно остроумной головѣ—опять пріобрѣсти и авторитетъ, ибо обстоятельства складываются благопріятно. Я рекомендовалъ синьору Муссо такого комика, какого никогда до сихъ поръ Римъ не видывалъ. Синьоръ Формика, имя того человѣка, которому я вѣрю свое оправданіе и ваше счастье, и надѣюсь, что онъ не обманетъ нашихъ ожиданій.

Антоніо былъ слишкомъ обезкураженъ, для того чтобы такъ скоро и легко утѣшиться.

— Неужто вы можете думать, что какой-нибудь странствующій шутъ будетъ имѣть такую власть и вліяніе?—сказалъ онъ.

— Погодите и вы увидите,—возразилъ Сальваторъ,—что въ Римѣ теперь многое возможно, что при прежнихъ папахъ казалось совершенно невысказаннымъ. Если мой планъ не удастся: такъ намъ останется еще побѣгъ. Во Флоренціи съ вашимъ талантомъ смѣло можно будетъ занять выдающееся положеніе и прибѣгнуть къ покровительству герцога. Но предварительно мы попытаемся устроить дѣло съ синьоромъ Формика.

Антоніо ушелъ въ сильномъ сомнѣніи; но вскорѣ его сомнѣнія переродились въ тихую надежду, когда, немного дней спустя, въ началѣ карнавалѣ имя синьора Формики сдѣлалось наиболѣе популярнымъ и любимымъ. Между большими римскими народными праздниками карнавалъ съ незапамятныхъ временъ игралъ одну изъ первыхъ ролей. У знати карнавалъ сопровождался лукулловскими пирами и грандіозными балами, у народа въ это время устраивались ристанія и бои быковъ. Съ древнихъ временъ велся обычай, что на масляницѣ евреи почти раздѣтые должны были бѣгать въ запуски, при чемъ побѣдитель получалъ штуку краснаго сукна; позднѣе устраивались бѣга собачьи, ослиные и, наконецъ, лошадиные, входившіе все въ большее употребленіе, такъ что въ этихъ народныхъ увеселеніяхъ начало принимать участіе и самое избранное общество. Затѣмъ начали бросать въ народъ изъ дворцовъ всякую живность и померанцы, изъ этого постепенно развился обычай бросанія confetti¹⁾ и цвѣточныхъ букетовъ. Что въ средніе вѣка были въ большемъ ходу кулачные бои, въ которыхъ принимали участіе не только молодые дворяне, но также ихъ свита и слуги замѣшивались во всеобщей свалкѣ, это, къ сожалѣнію, подтверждается документально безконечными кровопролитіями.

¹⁾ Маленькіе гипсовые шарики.

Уже съ давнихъ поръ вошло въ обычай устраивать во время карнавала, при участіи художниковъ, процессіи. Собственно этотъ обычай возникъ сначала у образованныхъ классовъ во Флоренціи, гдѣ фамилія Медичи покровительствовала всеѣмъ подобнымъ затѣямъ. Хотя въ то время реформаторъ Савонарола возставалъ противъ безумной помпы этихъ процессій и онѣ на нѣсколько лѣтъ были изгнаны изъ города, но съ реставраціей господства Медичи этотъ обычай опять вошелъ въ употребленіе. Въ Римѣ маскараднымъ процессіямъ покровительствовалъ папа Левъ X изъ фамиліи Медичи, а при Урбанѣ VIII онѣ достигли такой популярности, что въ нихъ участвовало вмѣстѣ съ художниками самое избранное общество, соперничая въ изяществѣ и пышномъ великолѣпіи. Народъ забавлялся бросаніемъ confetti и огромныхъ букетовъ изъ цвѣтовъ, которые въ южномъ климатѣ ко времени карнавала распускались во всей своей пышности. Такъ какъ образованная часть населенія все болѣе и болѣе подумывала о томъ, чтобы устроить свои собственныя публичныя увеселенія, то главную роль въ карнавалѣ стали играть маскарадные поѣздки, во время которыхъ старались обращать вниманіе не только богатствомъ костюмовъ, но и ихъ остроумной оригинальностью.

Сальваторъ Роза рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и попытаться—нельзя ли достигнуть шуткой и сатирой того, въ чемъ отказали его гению, какъ живописца. Вмѣстѣ съ аббатомъ Муссо и нѣкоторыми другими близкими друзьями онъ устроилъ свою въ высшей степени комическую процессію, въ которой Сальваторъ подъ именемъ синьора Формика въ смѣшномъ нарядѣ игралъ главную роль, распѣвая подъ аккомпаниментъ лютни на народномъ діалектѣ пѣсни и привлекая толпы шумно апплодировавшаго народа. Такимъ образомъ, онъ достигъ того, чего хотѣлъ, ибо его вымышленное имя было у всѣхъ на устахъ; такъ какъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ ликующей толпѣ напоминалъ, что синьоръ Формика останется въ Римѣ и будетъ давать представленія въ самомъ любимомъ театрѣ, то для этой цѣли онъ приобрѣлъ большую шайку помощниковъ.

И, дѣйствительно, живописецъ осуществилъ свои планы. Своей неистощимой изобрѣтательностью по части веселыхъ сценъ и мѣткого сатирическаго остроумія, онъ заставилъ говорить весь Римъ о синьорѣ Формика, сдѣлавъ его любимцемъ всего города. Само собой разумѣется, между его зрителями выискались прославленные живописцы, изъ которыхъ былъ и рыцарь Бернини, выхлопотавшій разрѣшеніе устроить комическое театральное представленіе въ Ватиканѣ. Сальваторъ не могъ обуздать своего раздраженія и насмѣшливости; узнавъ, что будутъ присутствовать именно тѣ знатныя особы, которыя прославились не талантами, а создали себѣ положеніе при папскомъ дворѣ происками, онъ сочинилъ язвительные

стихи, понятные не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для всей публики, которые были, по обыкновенію, встрѣченны съ дикимъ восторгомъ. Это нововведеніе надѣлало много шума. Хотя многіе старались отомстить за лицъ, осмѣянныхъ синьоромъ Формика и стали на другихъ театрахъ давать сцены, въ которыхъ жестоко осмѣивались неаполитанскіе странствующіе комедіанты, однако, умные люди изъ всѣхъ слоевъ римскаго общества были на его сторонѣ, и онъ остался, какъ и прежде, героемъ дня.

Между тѣмъ, Сальваторъ не забывалъ обѣщанія даннаго Антонио Скаччіати. Онъ посвятилъ въ это дѣло своего друга Муссо, и оба создали планъ, какъ искуснѣе поймать въ ловушку стараго влюбленнаго глупца Капуцци. Муссо въ одинъ прекрасный день отправился къ Капуцци, наговорилъ ему тысячу любезностей и предложилъ положить на музыку нѣсколько арій, которыя должны были войти въ одну новую пьесу. Ослѣпленный своимъ тщеславіемъ старикъ не замѣтилъ, что его ловко надувають, и на самомъ дѣлѣ повѣрилъ, что полагается начало его музыкальной извѣстности, которой онъ раньше такъ тщетно добивался. Такимъ образомъ, онъ дѣйствительно сочинилъ музыку на слова, переданныя ему Муссо, и послѣ того какъ послѣдній принялъ ихъ съ благодарностью и похвалой, Капуцци въ день, назначенный для представленія, былъ въ театрѣ.

Разумѣется, Муссо приготовилъ для этого вечера новый фарсъ, но музыка стараго Капуцци служила ему совсѣмъ для другихъ цѣлей, тѣмъ предполагалъ композиторъ. Это было сдѣлано для сравненія его съ другими композиторами: комикъ пьесы, никто иной какъ синьоръ Формика, съ величайшей напыщенностью доказывалъ, что ни одинъ композиторъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, который предсталъ сегодня на судъ публики. Затѣмъ онъ пропѣлъ одну изъ пѣсней, положенныхъ на музыку Капуцци, и впечатлѣніе получилось именно такое, какого ожидалъ актеръ: публика захохотала. Комикъ сдѣлалъ видъ, какъ будто бы его пѣніе имѣло величайшій успѣхъ и продолжалъ пѣть остальные пѣсни Капуцци. Слушатели хотали все больше, все сильнѣе и начали, наконецъ, съ крикомъ и воемъ подпѣвать комику.

Капуцци сидѣлъ въ своей ложѣ блѣдный какъ полотно отъ злости, и едва удерживался, чтобы не выругать публику самымъ оскорбительнымъ образомъ. Но эта первая сцена была только прологомъ къ тому настоящему фарсу, въ которомъ представлялось, что старый влюбленный опекунъ хочетъ жениться на своей питомицѣ помимо ея воли, но она и ея женихъ ловко обходятъ стараго волокиту и все устроивается въ лучшемъ видѣ. Синьоръ Формика игралъ стараго холостяка и съ изумительнымъ совершенствомъ воспроизвелъ не только злую фізіономію Капуцци, но и всѣ его манеры—ходить, говорить и вообще двигаться, что ори-

гиналу въ его ложѣ сдѣлалось даже неприятно. Но когда появилась влюбленная парочка, и Капуцци съ перваго взгляда узналъ въ ней Маріанну и Скаччіати, то долготерпимая ярость, наконецъ, перешла въ неудержимое бѣшенство. Онъ стучалъ о барьеръ ложи кулакомъ, неистово ругался и громовымъ голосомъ изрыгалъ проклятія и, кажется, готовъ былъ перескочить черезъ барьеръ, чтобы только попасть на сцену. Его поведеніе взбудоражило всю публику; взоры всѣхъ зрителей были обращены на его ложу. Всѣ ужасно обрадовались, когда убѣдились въ сходствѣ Капуцци, дѣйствовавшаго на сценѣ съ его прообразомъ, сидѣвшимъ въ ложѣ. Шумъ и гамъ разросся до такихъ размѣровъ, что пришлось вмѣшаться полиціи. Капуцци не могъ успокоиться, онъ все продолжалъ ругаться и неистовствовать, пока, наконецъ, полиція не вывела его силой и не отвела подъ арестъ. Такъ какъ онъ сопротивлялся и по своей заносчивости оскорбилъ полицейскаго офицера, то всю ночь его продержали подъ арестомъ, и только на другое утро, послѣ того какъ онъ объяснилъ обстоятельства дѣла, его пустили восвояси.

Тамъ ожидалъ его новыи репримандъ. Его домовая хозяйка была въ отчаяніи, ибо, отлучившись на короткое время вчера съ цѣлю разузнать о бѣдѣ, постигшей Капуцци, она по возвращеніи не нашла ни Маріанны, ни Серпы. Очевидно, причитывала она съ громкими завываніями, что обѣ дѣвушки или сами убѣжали, или были похищены.

Капуцци ни одного мгновенія не сомнѣвался, что послѣднее самое вѣроятное и угрожалъ, и проклиналъ предателя. Но онъ обманывался, предполагая, что римское общество будетъ стоять на его сторонѣ. Напротивъ того, когда узнали, что живописецъ Скаччіати устроилъ это дѣло при помощи весельчака синьора Формика, влюбленные привлекли на свою сторону симпатіи всѣхъ зубоскаловъ; а старый Капуцци, такъ долго и тщетно стремившійся блеснуть передъ публикой, вдругъ сдѣлался всему городу персоной извѣстной, которой нельзя было показаться на улицѣ, не возбуждая всеобщей насмѣшливой веселости.

Тѣмъ не менѣе старикъ все не могъ успокоиться и разыскивалъ, гдѣ скрываются бѣглецы. Очевидно, онѣ находятся внѣ папскихъ владѣній, и если имъ удалось укрыться подъ защиту чужестранныхъ правителей, то дѣло значительно усложнилось и Капуцци оставалось только одно средство склонить свою возлюбленную Маріанну добрыми увѣщаніями. Онъ все-таки не терялъ надежды, ибо его огромное самомнѣніе подсказывало ему, что дѣвушка будетъ ему содѣйствовать, ибо она похищена помимо своей воли.

Никто сильнѣе не чувствовалъ отсутствія изъ Рима Скаччіати, какъ Сальваторъ Роза. Онъ, развлекавшій весь Римъ, до глубины

души былъ разочарованъ всёю міромъ и недоволенъ, что его осыпали похвалами не какъ живописца, а какъ странствующаго комедіанта. Его насмѣшливость разожгла мстительность во всёхъ тѣхъ, которые, по его мнѣнію, въ высшей степени несправедливо пользовались благосклонностью знати. Его оконченная картина «Чистилище» вновь создала ему многочисленныхъ враговъ, ибо среди грѣшныхъ осужденныхъ душъ, можно было распознать кардиналовъ, епископовъ и прославленныхъ живописцевъ. Какъ и раньше, академія св. Луки осталась предметомъ его сарказмовъ. Что число его враговъ съ каждымъ днемъ все увеличивалось, это лежало въ природѣ вещей, и такъ какъ ему не доставало добраго Скаччіати, который такъ часто его успокоивалъ и удерживалъ отъ эксцентричныхъ поступковъ, то онъ всей душой отдался врожденной склонности къ пламенной сатирѣ, такъ что въ скоромъ времени его дальнѣйшее пребываніе въ Римѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, къ папскому двору втерлась масса посредственныхъ талантовъ, которые только смѣялись надъ прежнимъ кардиналомъ Барбирони, какъ онъ, сдѣлавшись палой, потерялъ всякую самостоятельность, предаваясь только своимъ фантазіямъ, и которые старались держаться подалеже отъ тѣхъ, чье соперничество казалось для нихъ опаснымъ. Между кардиналами нѣкоторые, дѣйствительно, интересовались наукой и искусствомъ. Кардиналъ Эйтель-Фридрихъ Гогенцолернъ покровительствовалъ нѣсколькимъ ученымъ, а кардиналъ Джіанкарло Медичи оставался вѣрнымъ своимъ фамильнымъ традиціямъ и привлекалъ къ себѣ дѣйствительно знаменитыхъ живописцевъ. Къ нему Сальваторъ питалъ огромное довѣріе и по его совѣту, когда дальнѣйшее пребываніе въ Римѣ сдѣлалось для Сальватора небезопаснымъ, послѣдній, наконецъ, отправился во Флоренцію, куда его неудержимо тянуло со времени переселенія Скаччіати.

Кардиналъ Медичи такъ лестно отрекомендовалъ его своему брату, великому герцогу тосканскому, что Сальваторъ былъ принятъ у него самымъ сердечнымъ образомъ. Впрочемъ, эта рекомендація едва ли была особенно полезна, ибо отношенія между тосканскимъ дворомъ со времени прецедента съ Галилеемъ установились самыя сухія и натянутыя. Великій герцогъ былъ человѣкъ основательно образованный, не интересовавшійся наукой только подиллетантски для выспаго блага человѣчества, но умѣвшій различать настоящее золото отъ мишурныхъ блескокъ. Если онъ, подерживая политику своей фамиліи, не отважился протестовать противъ рѣшеній инквизиціоннаго суда, то онъ все-таки остался вѣрнымъ другомъ мученика науки и дѣлалъ все возможное для облегченія пребыванія Галилея въ Арцетри во Флоренціи. Тамъ, на возвышенномъ мѣстѣ, подъ весьма слабымъ надзоромъ, ученый

въ высокой сторожевой башнѣ могъ заниматься своими астрономическими наблюденіями и наслаждаться своими изысканіями въ кругу учениковъ. Такъ какъ вокругъ маститаго ученаго группировались вообще всѣ выдающіяся молодыя силы, то и живописецъ Скаччіати, вмѣстѣ съ другими художниками, примкнулъ къ Галилеевскому кружку.

Цецилія, дочь Галилея, не совсѣмъ еще оправилась отъ тяжелыхъ душевныхъ страданій, и отецъ былъ очень радъ, что она почти постоянно находится на глазахъ у Елены Спинелли, которая послѣ короткой отлучки въ Римъ, опять возвратилась въ Болонью. Она предоставила папѣ Урбану VIII возводить ея сыновей въ княжеское достоинство и устраивать блестящія партіи для дочерей; но сама съ своимъ супругомъ осталась далекой отъ папскаго двора. Благодаря вліянію этой благородной женщины на бѣдную, еще въ дѣтствѣ лишившуюся матери, Цецилію, послѣдняя опять обрѣла душевный миръ, найдя въ благочестіи и дѣлахъ благотворительности забвеніе своего разбитаго счастья. Она умерла въ Болоньи, въ домѣ своей второй матери, и папа разрѣшилъ похоронить ее рядомъ съ Бернардо.

Послѣдніе годы жизни Галилея были для него временемъ непрестанныхъ тѣлесныхъ страданій. Онъ еще разъ на короткое время отправился въ Сиену, и его вѣрный ученикъ Винченцо Вивіани, не оставлявшій своего учителя до самой его смерти, сопровождалъ его въ этомъ путешествіи. Потомъ онъ опять жилъ во Флоренціи, гдѣ великій герцогъ Фердинандъ II выдавалъ ему щедрое вспомошествованіе. Если обскуранты во главѣ съ мракобѣсцемъ Беллярминомъ съ ненавистью и злобой слѣдили за его дѣяніями, то все-таки они были безсильны запретить самымъ выдающимся молодымъ умамъ считать его своей путеводной звѣздой въ области математики и астрономіи. Однимъ изъ лучшихъ учениковъ Галилея былъ математикъ Еванджелисто Торичелли, обезсмертившій свое имя изобрѣтеніемъ барометра и открыто заявлявшій полнѣйшую солидарность со взглядами своего учителя. Онъ прислалъ маэстро свое главное произведеніе, въ которомъ доказывалъ вліяніе естественныхъ наукъ на общественную жизнь. Галилей, начинавшій уже слѣпнуть, прослушалъ это сочиненіе въ чтеніи Вивіани и былъ до того обрадованъ своимъ единомысліемъ съ Торичелли, что не утерпѣлъ пригласить его къ себѣ. Онъ охотно пріѣхалъ во Флоренцію, и теперь между Галилеемъ, Торичелли, Вивіани и другими учениками великаго человѣка установилась такая тѣсная дружба, что Галилей забылъ всѣ огорченія своей жизни и исполнился убѣжденія, что посѣянные имъ мысли пустили корни и что онѣ разростутся въ могучее дерево, подъ сѣнью котораго будетъ наслаждаться все человѣчество. Судьба какъ будто нарочно въ послѣдній разъ порадовала здѣсь на землѣ этого благороднаго слу-

жителя истины: вскорѣ Галилей заболѣлъ и тихо безъ страданій скончался на рукахъ своего любимаго ученика Вивіани, рядомъ съ которыми стоялъ и Торичелли.

Великій ученый былъ погребенъ съ большими почестями въ церкви св. Ероики, въ этомъ флорентійскомъ пантеонѣ, и весь образованный міръ оплакивалъ свою невознаградимую потерю. Торичелли хотѣлъ опять возвратиться въ Римъ, гдѣ было его постоянное мѣстожительство, но великій герцогъ тосканскій далъ ему во Флоренціи мѣсто профессора математики, съ тою пѣлью, чтобы онъ могъ безъ заботъ и опасностей предаваться своимъ занятіямъ и служить на пользу науки.

Торичелли и Вивіани вообще любили веселое, непринужденное, дружеское общество, и такъ какъ во Флоренціи подъ покровительствомъ Фердинанда II собралось много ученыхъ и художниковъ, переселившихся сюда изъ другихъ городовъ Италіи ради общенія, то основалось общество, которое они назвали академіей *di Percossi*, т. е. академіей грѣшниковъ. Само собою разумѣется, что для Сальватора Розы это было самое подходящее общество, и такъ какъ его другъ Скаччіати былъ уже членомъ этой новой академіи, то и Сальватора академики приняли съ распростертыми объятіями. По приказанію кардинала онъ былъ принятъ и при дворѣ съ большимъ почетомъ. Великій герцогъ назначилъ ему постоянное жалованье и, сверхъ того, очень щедро платилъ за его картины. Немножко посвоившись съ обстановкой, Сальваторъ началъ подвизаться и на театральныхъ подмосткахъ во время дружескихъ вечернихъ собраній академіи *di Percossi*. Здѣсь, какъ и въ Римѣ, онъ неизмѣнно бралъ роли продувныхъ слугъ неаполитанскихъ аристократовъ и морилъ зрителей со смѣху. Для него писались комедіи, и онъ съ тѣмъ болѣею охотой предавался театру, что во Флоренціи никто не зналъ ни его оригинальности, ни его великой творческой силы, какъ живописца.

Капля горечи отравила эту веселую непринужденную жизнь, когда Маріанна и Скаччіати узнали, что не могутъ быть спокойны за свою будущность. Старикъ Капуцци, который рано или поздно долженъ былъ узнать о мѣстопребываніи молодой парочки, могъ въ концѣ концовъ выхлопотать позволеніе на арестъ похитителя своей племянницы и, такимъ образомъ, разрушить ихъ счастье. Если духовный судъ рѣшитъ въ пользу Капуцци, то великій герцогъ, конечно, не посмѣетъ отказать въ выдачѣ живописца.

Антоніо неоднократно совѣтовался по этому поводу съ своимъ другомъ, и Сальваторъ старался вселить въ него увѣренность, что общими усиліями можно будетъ предупредить и разстроить всѣ враждебныя махинаціи Капуцци.

Прошло нѣсколько дней послѣ этого разговора, какъ Антоніо рано утромъ смертельно блѣдный прибѣжалъ въ мастерскую Сальватора.

— Я пропаль,—вскричалъ онъ,—Капуцци вчера вечеромъ пріѣхаль сюда и началъ противъ меня процессъ, какъ противъ похитителя его племянницы.

Сальваторъ ужаснулся, но не потерялъ самообладанія. Подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Положимъ, что такъ скоро онъ не управится во Флоренціи, а между тѣмъ я надѣюсь помочь тебѣ. Позволь только мнѣ дѣйствовать самостоятельно и не мѣшайся въ мои распоряженія. Я надѣюсь стараго глупца по-добру-по-здорову выпроводить отсюда. Во всякомъ случаѣ, будьте съ Маріанной увѣрены, что онъ не получитъ церковнаго разрѣшенія.

— Полно шутить,—возразилъ Антонію,—вѣдь ты очень хорошо понимаешь, что папа расторгнетъ нашъ бракъ, если старику удастся засадить меня въ тюрьму, какъ похитителя его племянницы.

Въ тотъ же день, послѣ этого разговора, Пасквале Капуцци, къ величайшему своему удивленію получилъ приглашеніе на вечернее собраніе въ академіи di Percossi. Онъ зналъ, что это общество, состоитъ изъ ученыхъ и художниковъ, и сказалъ самому себѣ: «Флоренція не напрасно называется «новыми Афинами», ибо здѣсь умѣютъ цѣнить истинные таланты. Несомнѣнно, слава о моемъ талантѣ проникла и сюда и этимъ приглашеніемъ академія хочетъ меня вознаградить за оскорбленія, нанесенныя мнѣ въ Римѣ».

Такимъ образомъ, онъ принялъ приглашеніе и въ праздничномъ одѣяніи послѣдшилъ въ назначенный вечеръ въ академію, которая вся была убрана по праздничному. Капуцци почувствовалъ себя очень польщеннымъ, увидѣвъ себя принятымъ въ кругу знаменитыхъ мужей науки и искусства такъ внимательно, какъ будто самъ принадлежалъ къ ихъ сонму. Онъ занялъ почетное мѣсто за богато-убраннымъ цвѣтами столомъ, ни сномъ, ни духомъ не подозрѣвая, что вся эта китайская церемонія продѣлывается вовсе не ради его, а только ради того, что члены академіи Антонію Скаччіати и Сальваторъ Роза пожелали потѣшиться и сломить упорство стараго хвастуна.

Въ домѣ для академическихъ собраній помѣщался и театръ; такъ какъ парадная зала находилась въ первомъ ярусѣ, то было сдѣлано распоряженіе, чтобы отсюда шли въ ложу, расположенную прямо противъ сцены. По окончаніи обѣда, когда Капуцци достаточно повеселѣлъ, Торичелли и Вивіани повели его, поддерживая подъ руки въ ложу; когда они помѣстились рядомъ съ нимъ, Торичелли сказалъ:

— Очень любопытно, что-то наши актеры приготовили для сегодняшняго праздника. Какъ я слышалъ, представленіе будетъ особенно интересно для синьора Капуцци и будетъ затрогивать его собственную судьбу.

При этихъ словахъ Капуцци весь похолодѣлъ, ибо онъ вспомнилъ тотъ вечеръ, когда въ театрѣ Муссо комикъ синьоръ Формика привелъ его въ негодованіе.

— Какъ я слышалъ,—прибавилъ съ своей стороны Вивіани,— знаменитый комикъ прибылъ изъ Рима сюда, чтобы выступить сегодня въ спектаклѣ въ честь нашего гостя.

Капуцци подумывалъ уже о томъ, нельзя ли какъ-нибудь улизнуть изъ ложи, такъ какъ его томило непріятное предчувствіе, но занавѣсъ поднялся, и первый актеръ, показавшійся на сценѣ, былъ никто иной, какъ синьоръ Формика въ роли плутоватаго неаполитанскаго слуги.

Когда Капуцци нетерпѣливо задвигался и пробормоталъ: «опять этотъ проклятый Формика!» Торичелли и Вивіани строго и недобрительно посмотрѣли на него, а послѣдній, кромѣ того, прошепталъ ему:

— Ведите себя, пожалуйста, потише и помните, что здѣсь не такое мѣсто, чтобы позволили выкидывать всякіе фортелы.

Слуга началъ монологъ, въ которомъ онъ очень соболѣзновалъ о судьбѣ своего господина и сообщил публикѣ, что его повелитель, ученый и талантливый синьоръ Капуцци пораженъ великимъ несчастьемъ; при этомъ слуга высказывалъ опасеніе, чтобы несчастье не подкосило его, ибо онъ человѣкъ очень страстный и горячій.

Затѣмъ появилась вторая комическая фигура, докторъ Граціани; и ему слуга разсказалъ, что племянница его господина похищена однимъ дерзкимъ живописцемъ, но дядя и опекунъ, при помощи папской судебной власти, упряталъ похитителя въ тюрьму и получилъ разрѣшеніе жениться на Маріаннѣ.

— Теперь,—возразилъ Граціани,—на что же жаловаться и чему соболѣзновать, если твой господинъ женился на племянницѣ-голубкѣ? Теперь ему нужно только радоваться своей побѣдѣ.

— Вы не все еще выслушали,—замѣтилъ слуга,—ибо несчастье, о которомъ я печалюсь, стряслось только теперь. Бѣдная Маріанна такъ затосковала по злосчастной судьбѣ любимаго живописца и отъ вынужденнаго брака со своимъ дядей, что она нынѣшней ночью скончалась.

Едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ изъ глубины сцены показались съ погребальнымъ пѣніемъ монахи, какъ это принято при погребеніи. Затѣмъ появилась цѣлая погребальная процессія съ открытымъ гробомъ, въ которомъ лежала кукла, удивительно похожая на Маріанну.

Этого момента настоящій Капуцци уже не могъ переварить. Его воображеніе забыло и мѣсто, и время, и въ горести онъ воскликнулъ:

— О, Маріанна! о, моя милая Маріанна! Что же мнѣ дѣлать! Не нужно было убѣгать такъ далеко!

— Ради Бога,—прошепталъ ему сосѣдъ,—не забывайте, гдѣ вы находитесь. На васъ устремлены взоры всѣхъ зрителей. Обуздайте себя и дождитесь конца.

Между тѣмъ, на сценѣ все болѣе и болѣе темнѣло, и когда, наконецъ, потухли всѣ огни, въ глубинѣ сцены начала показываться фантастическая фигура, окруженная таинственнымъ сіяніемъ. Черты лица все болѣе выяснялись, и Капуцци узналъ своего брата Пиетро, умершаго отца Маріанны.

— Да будешь ты проклятъ, невѣрный братъ,—сказало привидѣніе гробовымъ голосомъ,—пусть тебя преслѣдуетъ вѣчное проклятіе за то, что ты счастьемъ моего бѣднаго дитяти пожертвовалъ своему эгоистическому желанію.

Сдавленный пронзительный крикъ возвѣстилъ, что Капуцци упалъ въ обморокъ. Осторожно перенесли его на креслѣ въ парадную залу, и все общество тамъ вновь собралось, а театръ былъ запертъ.

Съ глубокимъ вздохомъ пришелъ въ сознаніе Капуцци. Его губы лепетали: «Оставь меня, братъ мой! Уйди отъ меня, вернись въ мѣсто твоего вѣчнаго упокоенія! О, Маріанна! Изъ-за меня и ты умерла! о, еслибъ я могъ снова увидѣть тебя! Мысль о тебѣ будетъ постоянно меня мучить!»

— Синьоръ Капуцци,—сказалъ Торичелли убѣдительнымъ голосомъ,—вспомните, что вѣдь ваша племянница умерла только на сценѣ, а на самомъ дѣлѣ она жива и находится вблизи васъ; она только и ждетъ вашего позволенія, чтобы облобызать ваши колѣни и вымолить у васъ прощеніе. То, что вы видѣли, было только ужасной картиной, чтобы пробудить вашу совѣсть, пока дѣйствительное бѣдствіе не обрушилось на васъ.

Въ это самое мгновеніе вошла въ залу Маріанна, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея показался и Антоніо Скаччіати. Молодая женщина бросилась своему дядѣ въ ноги, цѣловала ему руки и просила прощенія за себя и за Антоніо такимъ трогательнымъ голосомъ, что нельзя было повѣрить, чтобы кто-нибудь могъ противостоять ея мольбамъ.

Но въ Капуцци снова поднялась вся злоба его уязвленного самолюбія; онъ крѣпко стиснулъ руки племянницы и назвалъ ее змѣей, которую онъ вскормилъ у себя на груди.

Между тѣмъ, ихъ окружили всѣ члены академіи di Percossi, и Торичелли снова долженъ былъ обратиться къ старику, чтобы пробудить, наконецъ, въ немъ совѣсть. Онъ напомнилъ ему о братѣ, который просилъ заботиться о счастья его дитяти.

Капуцци предстояла тяжелая борьба. Онъ видѣлъ, что Маріанна подъ лучами счастья расцвѣла еще пышнѣе, чѣмъ раньше, онъ догадывался по платью, надѣтому на ней, по дорогимъ украшеніямъ шеи и рукъ, что Антоніо зарабатываетъ много денегъ, и,

кромѣ того, весь вечеръ долженъ былъ убѣдить его, какимъ высокимъ почетомъ пользуется Антоніо во Флоренціи. Послѣ того, какъ Маріанна еще разъ принялась увѣрять его, что любить его и будетъ почитать какъ отца, Капуцци воскликнулъ:

— Ну, ладно; прощаю тебя и тебя, Антоніо. Я далеку отъ того,—сказалъ онъ съ большимъ паѳосомъ,—чтобы имѣть желаніе разрушить ваше счастье. Господа академики имѣли право рассчитывать на мое благородство, и синьоръ Формика можетъ рассчитывать на мою признательность, ибо онъ принималъ въ васъ горячее участіе. Но гдѣ же онъ? — спросилъ онъ, обводя кругомъ испытующимъ взоромъ.

Вмѣстѣ съ нимъ взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на входныя двери, въ которыя въ эту самую минуту вошелъ синьоръ Формика въ костюмѣ неаполитанскаго слуги. Онъ подошелъ ближе, снялъ съ головы колпакъ, сбросилъ маску, и Капуцци узналъ, къ величайшему своему изумленію, живописца Сальватора Розу.

— Я причинилъ вамъ много непріятностей, синьоръ Капуцци, — сказалъ онъ, протягивая старику руку, — но будьте увѣрены, что я желаю вамъ всего лучшаго въ мірѣ и готовъ вамъ служить, чѣмъ только могу.

При этихъ словахъ на лицѣ Капуцци заиграла улыбка самодовольства.

— Прекрасно, — сказалъ онъ, — я поймаю васъ на словѣ. Вы имѣете большое вліяніе на вашего друга и ученика Антоніо. Уговорите его переѣхать со своей молодой женой въ Римъ, чтобы я могъ провести съ ними остатокъ дней моихъ и насладиться ихъ семейнымъ счастьемъ. Маріанна — моя единственная наслѣдница, и если молодые ни чѣмъ особеннымъ не связаны здѣсь, то они, вѣроятно, уважатъ мою просьбу, если еще такой другъ, какъ вы, можете мнѣ.

Разстроганные Маріанна и Антоніо заключили старика въ свои объятія. Сальваторъ увѣрилъ его, что онъ пожертвовалъ бы всѣмъ, чтобы только исполнить его просьбу, но слова его уже подѣйствовали и молодые несомнѣнно въ скоромъ времени переѣдутъ въ Римъ.

Въ этотъ вечеръ празднество въ Percossi затянулось значительно дольше обыкновеннаго, но никто изъ присутствующихъ и не думалъ о разѣздѣ, такъ всѣ радостно были настроены. На другой день Капуцци покинулъ прекрасную Флоренцію.

Черезъ нѣсколько недѣль собрались въ Римъ скаччіати со своей молодой супругой и ихъ спутница Серпа. Сельваторъ Роза, правда, чувствовалъ себя при этой разлукѣ очень грустно, но его положеніе при велико-герцогскомъ дворѣ и дружескія связи съ пріятелями все-таки удержали его во Флоренціи.

Хотя вскорѣ съ смертью Урбана VIII въ Римѣ послѣдовали большія перемѣны, живописецъ все-таки остался во Флоренціи и

не думалъ этотъ городъ перемѣнить на какой-нибудь другой. Урбанъ необыкновенно долго засидѣлся на папскомъ престолѣ, и хотя преслѣдованіе Галилея на вѣчныя времена наложили на его первосвященничество неизгладимую позорную печать, римскій народъ все-таки чистосердечно плакалъ у гроба Урбана. Его добродушный характеръ, его беззаботная веселость, его неоскудѣвающая щедрость расположили къ нему сердца всѣхъ. Онъ не былъ поклонникомъ суровыхъ мѣропріятій и удерживалъ инквизицію въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Преемникъ Урбана, римлянинъ, выбранный изъ дома Памфили и принявшій имя Иннокентія X, имѣлъ на папскую политику не особенно благотворное вліяніе. Едва онъ надѣлъ тіару, какъ іезуиты выше чѣмъ прежде подняли свои головы, инквизиція повсюду заволновалась, и ея вліяніе повсюду сдѣлалось чувствительнѣе прежняго. Но въ Римѣ, какъ и по всей остальной Италіи, огромное вліяніе приобрѣла французская партія. Серьезное значеніе приобрѣлъ планъ Мазарини—вырвать изъ испанской короны самый драгоцѣнный камень, Неаполь, и вообще поприжать австрійско-испанскій домъ, что могло быть полезнымъ для расширенія французскихъ границъ на востокѣ. Мазарини покушался захватить Бельгію, Эльзась-Лотарингію и даже всѣ прирейнскія земли.

Политическое соперничество между Франціей и Испаніей достигло тогда своего апогея и оба государства повсюду вербовали себѣ союзниковъ, такъ какъ Франція сгорала нетерпѣніемъ помѣриться силами съ Испаніей. Послѣдняя была далеко не въ блестящемъ положеніи, ибо, вмѣсто того чтобы придерживаться здоровой внутренней политики, она искала опоры въ папствѣ и въ покровительствѣ іезуитовъ. Генрихъ IV французскій содѣйствовалъ протестантизму и находился въ союзѣ съ протестантскими князьями, но его супруга Марія Медичи, сестра великаго герцога тосканскаго, старалась склонить его на сторону католиковъ. Первой камерь-фрау была у нея Элеонора Дори, флорентійская уроженка, пріѣхавшая вмѣстѣ съ королевой въ Парижъ, а супругъ этой коварной женщины, Концино Концини, послушное орудіе іезуитовъ, постепенно возымѣлъ на короля огромное вліяніе. Королева внушила своему мужу, чтобы онъ объявилъ ее регентшей при юномъ сынѣ еще при своей жизни, на случай, если короля постигнетъ какое-нибудь несчастье. Гнусность этой низкой интриги обнаружилась семьюмъ грубымъ образомъ, ибо уже въ тотъ день, когда Марія Медичи была провозглашена регентшей, Генрихъ IV былъ убитъ Равольякомъ, и Марія вступила въ управленіе, а власть захватилъ въ свои руки послушное орудіе іезуитовъ Концини. Между тѣмъ противная партія поджидала возмужалости сына Медичи, который ненавидѣлъ Концини и еще юношей присоединился къ заговору, образованному противъ постыднаго регентства. Концини

разстрѣляли, королеву сослали и Людовикъ XIII относительно французской политики, вступилъ опять на либеральную стезю.

Людовикъ XIII, однако, поцарствовалъ не особенно долго. Послѣ двадцатилѣтняго супружества его жена, Анна австрійская, подарила ему сына. Когда король умеръ, Анна совершенно отдалась подъ покровительство кардинала Мазарини. Между тѣмъ какъ красивый мальчикъ, живя въ Парижѣ на глазахъ матери, постепенно подъ вліяніемъ Мазарини образовывался въ будущаго повелителя Франціи и раньше времени затвердилъ изреченіе «l'état c'est moi», въ Мадридѣ еще въ колыбели лежала болѣзненная и некрасивая королевская дочка, которая заблаговременно была предназначена въ будущія жены этому мальчику-королевичу, который позднѣе, какъ Людовикъ XIV долженъ былъ приобрѣсти огромное вліяніе и на политику, и на нравы всей Европы.

Несчастныя войны за испанское наслѣдство были результатомъ алчности династическихъ браковъ и весь міръ корчило въ политическихъ судорогахъ, при чемъ народъ ради своихъ владѣтелей долженъ былъ истекать кровью.

Такимъ образомъ произошло то, что во многихъ мирныхъ мѣстахъ вспыхнули возстанія; въ прекрасномъ Неаполѣ подавленное пламя возмущенія тоже вырвалось наружу съ ужасающей силой. Вѣсти объ этомъ быстро долетѣли до Рима и Флоренціи, откуда Сальваторъ Роза, какъ членъ лиги мертвыхъ, считалъ своею обязанностью поспѣшить въ угнетенный родной городъ и посвятить народному дѣлу всѣ свои силы, всю свою жизнь. Можетъ быть, его тянуло туда и часто подавляемое, но никогда не побѣжденное страстное стремленіе его сердца къ волшебному заливу,—кто могъ это рѣшить?

Не смотря на то, что Сальваторъ спѣшилъ изо всѣхъ силъ, пользуясь всѣми предложенными средствами, событія все-таки предупредили всѣ его расчеты.

Сторожевые огни въ Неаполѣ.

XIV.

Буря разыгралась.

Революціи по большой части происходят оттого, что злоупотребляютъ терпѣніемъ народа, угнетая его непосильными, все возрастающими налогами на предметы первой необходимости и не мотивируя эти тягостныя для бѣдной массы распоряженія вразумительными причинами. Въ древнемъ мірѣ низшій классъ народа былъ порабощенъ, и это прямо рекомендовало самую безчеловѣчную расправу, когда рабы бунтовались; дѣлали они это, конечно, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, ибо знали заранѣе, что ихъ, если они будутъ побѣждены, ожидаетъ самая мучительная смерть. Римская исторія полна подобными примѣрами. Съ появленія христіанства рабство изъ міра въ принципѣ было изгнано, терпѣніе народа стало истощаться скорѣе, но къ большимъ кровавымъ революціямъ прибѣгали только тогда, когда убѣждались, что ихъ матеріальное благосостояніе злонамѣренно и легкомысленно ставится на карту. Неаполитанцы ненавидѣли чужеземное владычество испанцевъ, но единственной причиной ре-

волюціи 1647 года былъ все-таки вопросъ объ увеличивавшихся налогахъ, возвышавшихъ цѣну на самыя обыденныя житейскія необходимости.

Испанія владѣла въ то время огромными доходами. Любовь къ роскоши и расточительность королей и ихъ приближенныхъ превосходили всякія ожиданія. Церковь оправдывала истребленіе во вновь открытой Америкѣ цѣлыхъ племенъ и содѣйствовала испанскому королю пріобрѣтать неистощимыя богатства, за что благодарное мадридское правительство надѣляло папу огромными средствами.

Если потомки удивленно осматриваютъ высокохудожественныя сооруженія и восторгаются безсмертными созданіями архитектуры, живописи и скульптуры, то легко примиряющій отблескъ падаетъ на тѣ эпохи, когда расточительная любовь къ роскоши принуждала творческій геній искусства къ созданію все новыхъ и болѣе высокыхъ произведеній.

Такъ было въ царствованіе Филиппа IV испанскаго. Его щедрая рука привлекла къ его двору массу живописцевъ и вездѣ подерживала таланты, только - что выбирающіеся на свою дорогу. Какъ ревностный покровитель драматическаго искусства Филиппъ IV устраивалъ во дворцѣ у Мадридскихъ воротъ блестящія театральныя представленія и расходовалъ огромныя суммы на декорации, машины и костюмы. Доказательства этой щедрости, не смотря на всеразрушающее время, до сихъ поръ еще сохранили свою цѣнность, но все, что было создано по волѣ монарха только для эфемернаго существованія, все, конечно, давно уже погибло. Поэтому необходимо мысленно пройти не только по заламъ королевскихъ замковъ и удивляться въ музеяхъ Европы безсмертнымъ произведеніямъ тогдашнихъ живописцевъ, если желаешь понять, какое безграничное мотовство принудило, наконецъ, народъ къ возстанію. Нужно подумать о тѣхъ пышныхъ залахъ, украшенныхъ роскошнымъ штофомъ, который въ тѣ времена по своей рѣдкости былъ еще дороже чѣмъ теперь, — нужно только представить себѣ съ какимъ блескомъ устраивались тогдашнія празднества. Великолѣпные цвѣты и фрукты, которыми были уставлены столы, южный климатъ, правда, производилъ въ расточительномъ изобиліи, но утонченныя вкусы требовали роскошной посуды изъ благородныхъ металловъ, украшенной драгоценными камнями, прихотливость въ выборѣ рѣдкостныхъ гастрономическихкихъ блюдъ и дорогихъ винъ, роскошныя одѣянія, — все это частью обратилось въ прахъ и гниль, частью досталось въ чужія руки или было свалено въ кучи въ казначействѣ. Но еще большія, почти колоссальныя суммы тратились на королевскихъ фаворитокъ или на многочисленное потомство, не имѣющее на то никакихъ правъ по закону. Совершенно невозможно усчитать тѣ

огромныя суммы, которыя перепали въ руки льстецовъ и придворныхъ мошенниковъ. Очень естественно, что источники доходовъ, казавшіяся неистощимыми, изсякали; тогда такимъ же безсовѣстнымъ образомъ изобрѣтались новыя, которые въ свою очередь проматывались такъ же легкомысленно, какъ и прежніе.

Въ такомъ именно положеніи находилось испанское правительство въ то время, когда начались волненія въ вицецарствахъ Неаполитанскомъ и въ Сициліи. Въ древнемъ мірѣ жители покоренныхъ странъ дѣлались рабами и должны были отбывать барщину, въ средніе вѣка было то же самое, при чемъ подати взыскивались съ невыносимой суровостью и строгостью. Но какъ невѣжественный неаполитанскій народъ ни былъ добродушенъ и терпѣливъ, однако, и ему показалось черезчуръ жестокимъ, когда онъ долженъ былъ платить испанскому королю налоги и за муку, и за вино, и за оливы и; наконецъ, даже за зелень и плоды, созрѣвавшія въ окрестностяхъ въ такомъ изобиліи. Долгіе, очень долгіе годы росло негодованіе противъ чужеземнаго владычества, сказываясь и въ затаенной злобѣ, и въ бранныхъ кличкахъ, и въ насмѣшливыхъ пѣсняхъ, въ тайныхъ союзахъ, и въ открытыхъ рукопашныхъ столкновеніяхъ между туземными рыбаками и испанскими солдатами; но теперь, когда каждая базарная торговка и каждый продавецъ рыбы, прежде чѣмъ выставить свой товаръ на базарѣ, должны были сначала отправиться къ церкви Мадонны del Carmine для осмотра и оцупыванья товаровъ ненавистными испанскими податными зрителями,—негодваніе народа перешло, наконецъ, всякіе предѣлы. Одинъ разсказывалъ, что его мать должна была нѣсколько часовъ дожидаться съ своими оливами,—другой, что его жена была самымъ грубымъ образомъ оскорблена испанскими солдатами,—третій жаловался, что его брата отколодили и не смотря на сопротивленіе отняли рыбу, и такимъ образомъ до безконечности.

Простому разуму пылкаго народа, конечно, не приходило въ голову серьезно обсудить новыя правила. Эти рыбаки, изъ которыхъ многіе не знали ни своего отечества и дня рожденія, не умѣли ни читать, ни писать, думали, что новыя постановленія обяваны произволу зрителей, и не догадывались, что источника ихъ нужно искать въ далекой Испаніи. Даже и вицецаря они не думали ненавидѣть, и если они ругали дурное правительство, то подразумѣвали подъ словомъ «правительство» исключительно надсмотрщиковъ и судей, которые ихъ притѣсняли.

Однажды молодая жена Мазаниелло была въ Пуччіоли и родители дали ей съ собой домой муки и мѣшокъ съ оливками. Ей и въ голову не пришло, что за эти жизненные продукты, которыя она хотѣла провезти въ Неаполь, придется заплатить пошлину. Когда на берегу сторожевой солдатъ по прибытіи барки осматрѣлъ

оба мѣшка, а смотритель хотѣлъ измѣрить, шустрая женщина зартачилась и рѣшительно отказалась исполнить ихъ требованіе. Конечно, ничего другого не оставалось, какъ отправить непослушную женщину въ податное управленіе, гдѣ сначала она не хотѣла ничего слышать, пока чиновникъ не схватилъ ее за руки, чтобы отправить въ арестантскую. Все это, конечно, не обошлось безъ горькихъ слезъ. Такъ какъ въ арестантской ожидало расправы и много другого народа, то Берардина должна была въ ожиданіи своей очереди присѣсть на каменную скамейку. Въ арестантской взадъ и впередъ ходили часовые, испанскіе солдаты, шутя и пересмѣливаясь между собой. Что они говорили, неаполитанка не могла понять, но для честной женщины были невыносимы ихъ нахальные взгляды и ихъ насмѣшки. Между тѣмъ, кто-то изъ пассажировъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ ней на баркѣ изъ Пуччиоли, сбѣгалъ къ Мазаниелло и извѣстилъ его ослучившемся. Молодой рыбакъ готовъ былъ уже идти встрѣчать свою жену, думая, что она пріѣхала не съ пустыми руками. Въ первое мгновеніе вся кровь бросилась ему въ голову, онъ былъ все-таки разсудительнѣе своихъ товарищей, и если онъ находилъ таможенный осмотръ тягостнымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что для одного случая исключеній сдѣлано быть не можетъ. Онъ поспѣшилъ въ арестантскую. Увидѣвъ тамъ свою взволнованную жену всю въ слезахъ, растерянно сидящую, Мазаниелло глубоко возмущился несчастными порядками въ своемъ отечествѣ. Берардина совершенно успокоилась при его приходѣ, а Мазаниелло утѣшалъ ее, что все дѣло уладится. Когда очередь дошла до нея и Мазаниелло извинился за ея упорство, то все дѣло и уладилось, но надменный испанскій чиновникъ все-таки не примуль сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно женскаго неразумія. Мазаниелло смолчалъ, заплатилъ пошлину и отправился со своей женой домой. Но искра ненависти запала въ его душу, и эта ненависть къ испанскому господству начинала принимать все болѣе и болѣе личный характеръ. Вѣдь оскорбили и оплевали ее, невинную жену. Всю ночь онъ думалъ объ этомъ, и чѣмъ больше размышлялъ, тѣмъ живѣе загоралось въ немъ желаніе отмстить оскорбителямъ.

Подобные случаи среди простого народа происходили безпрестанно; на островѣ Сициліи царили тѣ же обстоятельства. Образованная часть населенія, а именно члены лиги мертвыхъ, пріѣтствовали волненіе въ простомъ классѣ, какъ отрадное предзнаменованіе и поджигали произвести революцію, которая должна была уничтожить испанское господство, изгнать отовсюду чужеземныхъ притѣснителей и водворить республику.

Такъ какъ подобное недовольное настроеніе распространялось съ быстротою молніи, то вскорѣ посольства въ Римѣ были извѣщены о начинающемся возстаніи.

Сверхъ того признаки неудовольствія повторялись уже во многихъ мѣстахъ по цѣлымъ недѣлямъ изо дня въ день. Уже въ маѣ мѣсяцѣ въ Палермо случилось небольшое возмущеніе. Такъ какъ испанцы непрестанно враждовали съ Франціей, то очень естественно, что послѣдняя всегда была наготовѣ при первыхъ выпышкахъ революціи захватить надъ неаполитанцами власть въ свои руки и откуда только возможно изгнать испанцевъ.

Между тѣмъ какъ безпечный и невѣжественный народъ питалъ только одно желаніе, чтобы можно было безошлинно поѣдать выросшія на его родной землѣ дыни, смоквы и оливки и, кромѣ того, можно было поглумиться при переменѣ правленія надъ испанскимъ солдатскимъ мурдиромъ и надъ испанскимъ языкомъ,—въ это время кардиналъ Мазарини сблизился съ правительствомъ тосканскимъ и приказалъ французскому флоту крейсировать вблизи Неаполя подъ предлогомъ попеченія о тосканскихъ торговыхъ сношеніяхъ и подъ предлогомъ охраны купцовъ. Генуэзцы, эти вѣчные враги неаполитанцевъ, находившіеся, однако, подъ ихъ господствомъ, тоже волновались и заключили союзъ съ до сихъ поръ враждебной Франціей, чтобы только не остаться бездѣтельными въ могущей быть бурѣ революціи и въ предстоящихъ сраженіяхъ изъ-за Неаполя, чтобы и съ своей стороны чѣмъ возможно попользоваться.

Но революція пришла такъ неожиданно, вслѣдствіе такихъ мелкихъ причинъ, что возстаніе подобное легкому вулканическому изверженію, такъ же скоро могло быть подавлено, какъ негаданно оно возникло.

Если народъ постепенно началъ привыкать къ налогамъ на муку и рыбу, то поплина на фрукты все еще возбуждала пассивное сопротивленіе.

Народъ абсолютно не понималъ этого распоряженія. Щедрая природа подносила ему свои дары въ такомъ неисчерпаемомъ обиліи, что туземные фрукты продавались положительно за безцѣнокъ и только чрезъ пошлину цѣна на нихъ нѣсколько поднялась. Это распоряженіе и было послѣдней каплей, переполнившей чашу неудовольствія. При крайне подвижномъ характерѣ неаполитанскаго народа ежедневно происходили сварливыя столкновенія, а именно между женщинами, приносившими на базаръ корзины съ плодами, и податными надсмотрщиками, которые зорко наблюдали, чтобы податной порядокъ исполнялся неукоснительно. Пока женщины только болтали своими длинными языками и жаловались на суровость закона, на это не обращали вниманія; каждая въ отдѣльности должна была выправить себѣ торговое свидѣтельство, а затѣмъ уже свободно продавать свои товары. За упорство сначала наказывали небольшими денежными штрафами, а затѣмъ конфисковали и самый товаръ

Начало возстанія на базарной площади въ Неаполѣ.

Во время одного большого базара, въ первыхъ числахъ знойнаго іюля случилось столкновение, заронившее искру революціи. Какъ это обыкновенно бывало, неаполитанцы стояли группами и бесѣдовали между собой о вопросахъ дня. Рыбаки были одѣты въ свой обычный костюмъ, состоящій изъ рубашки и короткихъ штановъ, высокой бѣлой шапки на головѣ и всегдашняго омулета Мадонны del Carmine на обнаженной груди. Мазаніелло, продававшій на базарѣ сегодня рыбу, очень горячо о чемъ-то разговаривалъ; по жестамъ, которыми онъ сопровождалъ свои слова, и по возраженіямъ его пріятелей можно было судить, что всеобщее неудовольствіе день ото дня все увеличивалось.

Въ это время опять произошло столкновение между однимъ поселяниномъ изъ Пуччіоли и податнымъ чиновникомъ. Первый несъ въ городъ корзину со смоквами, которыя онъ купилъ у одного помѣщика въ Пизилипфѣ, для того, чтобы перепродажей выручить какіе-нибудь пустяки; ему показалось высшей несправедливостью платить еще по требованію начальства пошлину, которая, по его мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ его пріятелей, совершенно безправно сдѣлалась въ Неаполѣ закономъ. Поселянинъ стоялъ въ ряду другихъ торговцевъ плодами и продалъ уже довольно выгодно нѣкоторую часть своихъ смоквъ, какъ вдругъ податной надсмотрщикъ спрашиваетъ его—имѣется ли у него разрѣшеніе на продажу. Торговецъ, конечно, не могъ показать такого разрѣшенія, но при этомъ не приминувъ высказать свое мнѣніе о несправедливости этихъ стѣснительныхъ и нелѣпыхъ нововведеній. Солдатъ приказалъ прекратить торговлю и требовалъ, чтобы поселянинъ послѣдовалъ за нимъ для разбирательства дѣла въ податное управленіе. Поселянинъ упорно отказывался исполнить требованія солдата. Само собой разумѣется, это этотъ споръ обратилъ вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ. Не только друзья и знакомые торговца, который, оживленно жестикулируя, громко кричалъ, жалуясь на несправедливость и ругая отборными словами новые порядки, но и масса совершенно незнакомаго народу—столпились вокругъ него. Одобрительные возгласы еще больше возбуждали пылкаго поселянина, пока, наконецъ, чиновникъ не положилъ конецъ всѣмъ этимъ припирательствамъ. Онъ схватилъ строптиваго торговца за шиворотъ, повелительнымъ голосомъ приказалъ ему слѣдовать за собой, желая отвести его на расправу въ управленіе.

До сихъ поръ все дѣло шло такъ, какъ и въ массѣ подобныхъ случаевъ. Если бы поселянинъ послѣдовалъ за чиновникомъ, его бы съ крикомъ проводила до дверей ужаснаго управленія толпа народа, а затѣмъ бы эта толпа постепенно разсѣялась, чтобы позабыть все это дѣло. Но теперь именно случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Поселянинъ вдругъ осатанѣлъ, схватилъ свою кор-

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- Абаза, В. А.** Руководство къ отечественной исторіи. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Абоимовъ, Д. В.** Настольная книга для нотаріусовъ и ихъ канцелярій. Пенза. 1888 г. Ц. 1 р.
- Aitoff, D.** Plan de Paris et indicateur des voies et établissements publics, d'après un système nouveau. Paris. 1889 г. Prix 1 г.
- Андріевичъ, В. К.** Исторія Сибири. Ч. I. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Арандаренко, Г. А.** Досуги въ Туркестанѣ. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.
- Архангельскій, А.** Мухаммеданская космологія. Казань. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Арабскія сказки.** Тысяча одна ночь. Новый полный переводъ Ю. В. Дощель-майеръ. Т. II. Вып. I. М. 1889 г. Ц. за вып. 30 к.
- Аеонскій, П., свящ.** Православныя святыни города Минска. Минскъ. 1889 г. Ц. 10 к.
- Аеонскій, П., свящ.** Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? Минскъ. 1889 г. Ц. 15 к.
- * **Байронъ.** Невѣста Абидосская. Переводъ И. И. Козлова. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 10 к.
- Бестѣды** объ огородахъ, для учащихся въ сельскихъ школахъ и грамотнаго народа. Съ рисунками. Москва. 1889 г. Ц. 25 к.
- Бердниковъ, И. С.** Дополненіе къ краткому курсу церковнаго права православной греко-россійской церкви. Казань. 1889 г. Ц. 1 р.
- Безръ, Д.** Основы комнатнаго отопленія и комнатный генеративный калориферъ системы Францискевича-Яновскаго. Москва. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- „Библиографъ“. Вѣстникъ литературы, науки и искусства. 1889 г., № 4—5. Спб. Цѣна отдѣльнаго №-ра 50 к.
- Бобровскій, П. I.** Подготовка реформъ въ русской греко-уніатской церкви (отвѣтъ проф. М. Кояловичу). Спб. Ц. 40 к.
- *) **Бомарше, П.** Севильскій цирюльникъ или безполезная осторожность. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Переводъ А. Н. Чудинова, съ біографіей автора. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
- Борисъ, Архимандритъ.** Задачи метафизики. Введеніе въ курсъ метафизики (по В. Вовне'у). Харьковъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Брамсонъ, Ѳ. Л.** Краткіе очерки классической міеологіи. Изд. 3-е, дополненное. Кіевъ. 1889 г. Ц. 80 к.
- Бурнашевъ, В.** Горчица. О воздѣлываніи и уходѣ какъ за кормовымъ и масличнымъ растеніемъ. Харьковъ. 1889 г. Ц. 20 к.
- Вавиловъ, И.** „Который часъ?“ Общедоступное руководство къ построению всевозможныхъ солнечныхъ часовъ и повѣркѣ обыкновенныхъ часовъ по солнцу безъ помощи часовщика. Съ рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Вальмслей, Г. Е.** Бумагопрядильное и ткацкое производства. Москва. 1889 г. Ц. 3 р.
- Верига, В.** Переплетчикъ. Полное практическое руководство къ переплетному дѣлу. Изданіе 3-е. дополн. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Венгеровъ, С. А.** Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 18-й и 19-й. Спб. 1889 г. Цѣна каждаго выпуска 35 к.
- Вержбицкій, Т. I.** Краткое описаніе города Житомира. Изд. 2-е. Житомиръ. 1889 г. Ц. 30 к.
- Витте, С. Ю.** Національная экономія и Фридрихъ Листъ. Кіевъ. 1889 г. Ц. 40 к.
- Всеобщая исторія литературы.** Начала подъ ред. В. Ѳ. Корша, продолжается подъ ред. профессора А. Кирпичникова. Вып. XXIII. Спб. Ц. 1 р.
- Вольфонъ, В.** Теорія жиготизма. Спб. 1889 г. Ц. 25 к.
- Ганъ, И. К.** Надо ли бояться грома и

- молнии? Популярныя объясненія этихъ явленій. Вильна. 1888 г. Ц. 20 к.
- Гань, И. К.** Спутникъ правописанія, съ орфографическимъ словаремъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Вильна. 1889 г. Ц. 30 к.
- Гете, Фаустъ.** Трагедія. Переводъ барона Н. Е. Врангеля. Спб. 1889 г. Ц. на велен. бум. 1 р.
- Головачевъ, П.** Сибирь въ Екатерининской комиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка. М. 1889 г. Ц. 60 к.
- Григоровичъ, Д. В.** Не по хорошу милъ, — по милу хорошъ. Спб. 1889 г. Ц. 75 к.
- Грейденбергъ, Б. С.** Нервная система въ здоровомъ и больномъ состояніяхъ. Симферополь. 1889 г. Ц. 60 к.
- Грубе, В. Ф.,** проф. Врачебная помощь при крушеніи Императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 г. близъ станціи Борки. Изданіе 2-е. Харьковъ. 1889 г. Ц. 30 к.
- Гурьевъ, М.** Избранныя мѣста изъ сочиненій Лактанція *Institutiones divinae*, съ комментаріями. Спб. 1889 г. Ц. 85 к.
- * **Давыдовъ, Д. В.** Стихотворенія. Съ біографіей и портретомъ автора. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к.
- Данилевскій, Г. П.** Сочиненія. Т. VII. М. 1889 г. Ц. 2 р.
- Дергачевъ, И.** Прежде азбуки. Первые вопросы ребенку и первое чтеніе съ малолѣтками. Изд. 3-е. Тула. 1889 г. Ц. 1 р.
- Дюранъ де, Е.** Мой садъ. Бесѣды о томъ, какъ устроить и содержать небольшой садъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- * **Еврипидъ.** Медея. Драма. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.
- Забѣлинъ, И.** Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ за 1815—1888 гг. Москва. 1889 г. Ц. 1 р.
- Зго, Ф. Н.** Сборникъ замазковъ, мастикъ и разнаго рода составовъ, употребл. въ строительномъ, механическомъ и друг. техн. производствѣхъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Златовратскій, Н. Н.** Книжка разсказовъ. На память молодой деревни. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Ивановскій, И.** Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Т. II. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Ивановскій, И.** Взаимное содѣйствіе государствъ въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Иностранцевъ, А. А.** Геологія. Общій курсъ. Т. I. Изд. 2-е, значительно дополн. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.
- * **Историческая** портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г., съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXVIII. Спб. Ц. 2 р.
- * **Историческая** портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г., съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXIX. Спб. Ц. 2 р.
- * **Карамзинъ, Н. М.** Исторія государства Россійскаго. Томъ четвертый. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.
- * **Козловъ, И. И.** Три поэмы: „Чернецъ“, „Наталья Борасовна Долгорукая“ и „Безумная“. Съ біографіей и портретомъ автора. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к.
- * **Котляревскій, И. П.** Москаль-Чаривникъ. Малороссійская опера. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 7 к.
- Котляревскій, А. А.** Сочиненія. Т. I. (Сборникъ отд. рус. языка и словесн. Импер. Академіи Наукъ. Т. XLVII). Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котовщиковъ, Н.** Руководство къ клиническимъ методамъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней. Т. I. Изд. 2-е, значит. дополн. Съ рисунками. Казань. 1889 г. Ц. 2 р.
- Лагузенъ, І.** Ауцеллы, встрѣчающіяся въ Россіи. (Труды геологическаго комитета). Т. VIII, № 1. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Ландцертъ, в. П.** Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. 1889 г. Спб. Ц. 60 к.
- Лачиновъ, Д. А.** Метеорологія и климатологія. Съ рисунками и картами. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Лоджъ, О.** Современные взгляды на электричество. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣсковъ, Н. С.** „Совѣстный Данила“ и „Прекрасная Аза“. Двѣ легенды, составленныя по старинному прологу. М. 1889 г. Ц. на веленев. бум. 25 к.
- Лукианъ.** Сочиненія. Перев. съ греческаго В. Алексѣева. Вып. 1-й. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Льюисъ, Д. Г.** Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени, съ указателемъ. Перев. подъ ред. В. Чуйко. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.

- Макаровъ, Н.** Приложение начертательной геометріи. Теорія тѣней. Спб. 1889 г. Ц. съ атласомъ 2 р. 50 к.
- Максимова, О.** Новый практическій учебникъ и самоучитель англійскаго языка, въ 4-хъ частяхъ. (Пробный выпускъ). Спб. Ц. 50 к.
- Марновъ, А.** Исчисленіе конечныхъ разностей. Отдѣлъ 1-й. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Миллеръ, О. Ѡ.** Памяти В. М. Гаршина. († 24-го марта 1888 г.). Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Михайловъ, А.** Побѣдители. Романъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Монтегацца, П.** Искусство долго жить. Одесса. 1889 г. Ц. 50 к.
- Морозовъ, П. Ѡ.** Исторія русскаго театра. Т. I. (до половины XVIII столѣтія). Спб. 1889 г. Ц. 3 р.
- Моргулисъ, Ю. А.** Сакскія грязи. Путеводитель для ѣдущихъ лечиться въ Саки. Симферополь. 1889 г. Ц. 50 к.
- Мурзаневичъ, Николай Никифоровичъ.** Автобіографія. Примѣчанія и біографическій очеркъ кн. В. Д. Дабига. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Нейманъ, М. М.** Торговля хмѣлемъ и хмѣлевья выставки. Дубно. 1889 г. Ц. 25 к.
- „Пантеонъ Литературы“.** Ежемѣсячный историко-литературный журналъ. № 6. 1889 г. Спб. Ц. отд. № 1 р.
- Парижъ и его окрестности.** Полный русскій путеводитель для ѣдущихъ на Всемирную выставку 1889 г. М. 1889 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Пассекъ, Т. П.** Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. Т. III. Съ портретомъ автора. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Полный карманный путеводитель по Россіи.** Лѣто и осень 1889 г. Спб. Ц. 50 к.
- Profanter P. Dr.** Массажное леченіе prolarus uteri. Полтава. 1888 г. Ц. 40 к.
- Репетиторіумъ** полицейскаго права, составленный по курсу проф. И. Е. Андреевскаго. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Харьковъ. 1889 г. Ц. 2 р.
- Ригеръ, Конрадъ.** Основы ученія объ электричествѣ въ медицинѣ. Для врачей и студентовъ. Казань. Ц. 1 р. 25 к.
- Рони.** Нелли Горнъ изъ Арміи спасенія. Романъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Рошковскій, Н. С.** Одесса, какъ центръ лечебныхъ купаній. Одесса. 1889 г. Ц. 50 к.
- Рѣдинъ, П. Г.** Изъ лекцій по исторіи философіи и права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. II. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.
- Русская геологическая бібліотека за 1888 годъ.** Подъ редакц. С. Никитина. (Приложеніе къ т. VIII. Изв. Геолог. Комит.). Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Саидъ Саиди.** Тайны гарема. Съ турецкаго. М. 1889 г. Ц. 40 к.
- Салтыковъ, М. Е.** (Н. Щедринъ). Сочиненія въ девяти томахъ. Цѣна по подпискѣ 15 р. Вышелъ томъ II.
- Сапуновъ, А.** Историческія судьбы Полоцкой епархіи съ древнѣйшихъ временъ до половины XIX вѣка. Витебскъ. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к., на веленев. бум. 1 р. 75 к.
- Свифтъ, Дюонатанъ.** Путешествіе Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Съ біографіей автора и примѣчаніями. Съ рисунками. Ч. I. М. 1889 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Святая Земля.** Прошлое и настоящее Палестины. Съ рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 85 к.
- Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е апрѣля 1889 г.** Спб. Ц. 50 к.
- Селезневъ, В.** Начальныя основанія химической технологіи. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Симанскій, В. Н.** Спутникъ Петербуржца. Лѣто 1889 г. Издан. 21-е. Спб. Ц. 10 к.
- Съѣздъ русскихъ рыбопромышленниковъ,** съ 26-го февраля по 6-е марта 1889 г. Спб. Ц. 2 р.
- Стровъ, Александръ Николаевичъ.** (Матеріалы къ біографіи). Спб. 1889 г. Ц. 40 к.
- * Твенъ, Маркъ.** Американскіе рассказы. Переводъ съ англійскаго. Спб. Ц. 50 к.
- Федотовъ, Н.** Путеводитель на Иматру, Вальменкоски, Раухіаланкоски, по гранитнымъ пещерамъ близъ селен. Сент-Андре и парку Монрено. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Филипповъ, С.** По Крыму. Отраженія. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Форстенъ, Г. В.** Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Фрейденбергъ, М.** Русскій въ Парижѣ. Изъ воспоминаній русскаго неписца. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р.
- Харузинъ, М.** Богородицкая гора въ Эстляндіи. М. 1889 г. Ц. 10 к.
- Чернышевъ, Ѡ.** Общая геологическая карта Россіи. Листъ 139-й. (Труды Геологич. Ком. Т. III. № 4-й). Спб. 1889 г. Ц. 7 р.
- Шведовъ, Н. К.** Съ нами Богъ! Чудесное спасеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Августѣйшихъ Дѣтей

17 октября 1888 г. Чтеніе для войскъ и народа, съ картинами. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 15 к.

Шейминъ, П. Полицейская борьба съ нарушителями общественной безопасности по германскому праву. Одесса. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шейминъ, П. Задача, содержаніе и исторія науки полицейскаго права. Одесса. 1887 г. Ц. 30 к.

Штейнгель, Р., бар. Теорія вѣтряныхъ двигателей. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Штоль, Г. В. Великіе римскіе писатели. Очеркъ классической литературы римлянъ въ біографіяхъ. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Шумновъ, И. В. Клещевина. М. 1889 г. Ц. 40 к.

Щедринъ, Н. (М. Е. Салтыковъ). Краткая біографія и опытъ литературной характеристики. М. 1889 г. Ц. 20 к.

Эссенъ фонъ, М. А. Графикъ провозныхъ платъ по разстояніямъ съ 1-го пуда. Спб. Ц. 50 р.

Эссенъ фонъ, М. А. Таблица графикъ для перевода провозной платы съ 1-го пуда на 610 и 600 пуд. и 100 киллограм. и обратво. Спб. Ц. 25 р.

Эссенъ фонъ, М. А. Графикъ провозныхъ платъ по разстояніямъ съ вагона въ 600 пуд. Спб. Ц. 15 р.

Эссенъ фонъ, М. А. О желѣзнодорожныхъ тарифахъ въ Россіи. Съ приложеніями. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.

Эссенъ фонъ, М. А. Таблица провозной платы за разстояніе отъ 1-й до 2,000 верстъ, для попутныхъ и повагонныхъ перевозокъ по общей тарифной формулѣ въ основныхъ направленіяхъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Этнографическое обозрѣніе. Кн. I. Подъ редакцію Н. А. Янчука. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ясинскій, І. Трагики. Романъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВТОРОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

М. И. ПЫЛЯЕВА.

Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для настоящаго труда служили не одни только русскія и иностранныя сочиненія, но и изустные рассказы петербургскихъ старожиловъ.

Въ книгѣ 122 гравюры, изображающія петербургскія мѣстности, зданія и типы въ разныя эпохи, а также портреты историческихъ лицъ и бытовые сцены.

Большая часть рисунковъ воспроизведены съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова.

Цѣна вмѣсто 8 рублей 3 рубля, съ перес. 3 руб. 50 коп. Остается въ продажѣ небольшое количество экземпляровъ той же книги прежняго изданія на лучшей бумагѣ съ грав. въ текстѣ и 26 рис. на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 8 р., съ перес. 9 р., въ изящномъ колденкор. тисненомъ золотомъ перепл. 9 р. 20 к., съ перес. 10 р. 20 к.

Роскошные веленевые экземпляры по 12 р., въ шагреновомъ золотообрѣзномъ переплетѣ 18 р., съ перес. 20 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнечскій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

АВГУСТЪ, 1889

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышь. (Историческій романъ). Гл. XXXIV—XXXVIII. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса	225
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. XV. (Продолженіе).	246
III. Городъ Гродно и Гродненская губернія во время послѣдняго польскаго мятежа. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Гл. X—XV. (Окончаніе). С. Т. Славутинскаго	271
IV. За кулисами стараго театра. XIII. Дѣло актера Булатова. (Продолженіе). Е. Н. Опочинина	296
V. Предшественникъ и учитель Бѣлинскаго. Гл. I. С. С. Трубачева	307
VI. Тамбовскіе перелеты. И. И. Дубасова	331
VII. Орестъ Федоровичъ Миллеръ. Б. В. Глинскаго	340
VIII. Учено-литературные труды С. К. Смирнова . Д. Д. Языкова	365
IX. Королева Христина шведская. Е. М. Гаршина	372
Иллюстрація: Портретъ королевы Христины шведской.	
X. Внучка Яна Собѣскаго. Очеркъ Шайнохи	386
XI. Критика и библиографія: Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. Академика архитектуры В. В. Суслова . Съ 16-ю таблицами и 21 рис. въ текстѣ. Спб. 1889. Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры. В. В. Суслова . Съ 4-мя таблицами. Спб. 1888. П. Н. Полевого .—Д. Г. Льюисъ. Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени, съ указателемъ. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей В. Чуйко . Спб. 1889. А. К. —Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Н. П. Семенова . Спб. 1889. Б. Гл—снаго .—Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе П. Дм. Брянцева . Вильна. 1889. Н. П. —Библиографическій словарь русскіихъ писателейницъ. Князя Н. Н. Голицына . Спб. 1889. В. З. —Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга шестая. Москва. 1889. П. П. — А. Н. Садовъ . Религіозный скептицизмъ въ Римѣ передъ Рождествомъ Христовымъ. Спб. 1889. С. — М. М. Филипповъ . Осажденный Севастополь. Историческій романъ, съ рисунками К. О. Брожа . Спб. 1889. С. Тр. —Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Соч. Николая Астафьева . Спб. 1889. Д. А. — Владиміръ Святій , какъ политическій дѣятель. Исслѣдов. Завитневича . Кіевъ. 1888. А—ва. —Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, диссертація на степень доктора медицины И. Яворскаго . Часть I. Спб. 1889. А. Б—ва. —Кунгурскіе акты XVII вѣка. (1668—1699 гг.). Изданіе А. Г. Кузнецова , подъ редакціей А. Титова . Спб. 1889. А. Н. —Древній Святодуховскій храмъ въ городѣ Якобштадтѣ (Курляндской губер.). Историческій очеркъ Н. Н. Васильева . Спб. 1889. А—а. — С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. Гр. Джаншѣва . Москва. 1889. Н. Др. —Исчисленіе поверхности Россійской имперіи въ общемъ ея составѣ въ царствованіе императора Александра III, произвелъ ген.-маіоръ Н. Стрѣльбицкій . Спб. 1889. А. Б—ва. —Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ седьмой. Тифлисъ. 1889. Е. Г. —Кубанское казачье войско. 1696—1888 года. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Ф. А. Щербины , подъ редакціей Е. Д. Филицына . В. П. —Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи , особенно распространенныя въ древней Руси. Сочиненіе Владимира Сахарова . Спб. 1889. Д. А. —Историческая записка о нищенствѣ, сост. воронежскій губернаторъ В. Г. Карновичъ . Воронежъ. 1889. А. Б—ва. 403	
XII. Заграничныя историческія новости	437
XIII. Изъ прошлаго. Воспоминанія объ архіерейскихъ посѣщеніяхъ села Николаевской Тумы, Газанской губерніи. Сообщенно С. И. О—вымъ .—Грузинская царица и жѣдныя деньги. Сообщено А. А. Танновымъ	445
XIV. Смѣсь: Полульковой юбилей уни.—Открытіе памятника принцу Ольденбургскому.—Мономахова церковь.—Премія пр. Макарія.—Новонайденныя въ Кіевѣ византійско-русскія перегородчатыя эмали XII вѣка.—Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май мѣсяцы 1889 года.—Некрологи: Н. Д. Хвощинской , С. С. Гоголкаго , Н. Н. Шмитъ	449

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Н. И. Надеждина**. 2) Мазаниелло. Историческій романъ **Адольфа Главера**. (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. XV. (Окончаніе, съ тремя рисунками въ текстѣ). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» **А. С. Суворина**.

Николай Некедунъ.

ДОВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СЫВ., 3 ЮЛЯ 1889 Г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ ПОДКИДЫШЪ¹⁾.

Историческій романъ.

XXXIV.

ОИДЯ въ квартиру Безсонова, Шумскій нашель въ гостиной всѣхъ въ сборѣ и ожидающими его. Два нѣмца сидѣли близъ стола съ хозяиномъ. Безсоновъ громкимъ, довольнымъ голосомъ что-то рассказывалъ про порядки и правила на англійскихъ скачкахъ. Угрюмый Квашнинъ сидѣлъ поодаль отъ нихъ около окна.

При появленіи вновь прибывшихъ, всѣ поднялись и обѣ стороны издали сухо раскланялись, не подавая другъ другу руки. Только Безсоновъ подошелъ къ Шумскому и весело поздоровался.

Шумскій искоса на нѣсколько мгновеній приглядѣлся къ лицу Фонъ-Энзе и невольно удивился. Давно не видалъ онъ своего соперника и нашель въ немъ большую переменъ. Фонъ-Энзе поху-дѣлъ, поблѣднѣлъ, его лицо осунулось, а взглядъ когда-то выразительныхъ глазъ сталъ тусклый, какой-то мутный... Наконецъ, въ эти минуты, не смотря на суровую сдержанность, во всей его фигурѣ сквозила крайняя взволнованность.

Шумскій не могъ знать теперь ли только или уже давно произошла эта переменъ въ уланѣ. Въ эти ли минуты онъ отъ про-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 5.

«Истор. вѣстн.», августъ, 1889 г., т. XXXVII.

стой боязни поединка такъ сильно осунулся и прячется за напускную угрюмость, или уже давно измѣнился подъ вліяніемъ пережитыхъ нравственныхъ пытокъ.

— Ну-съ... У меня все готово,—выговорилъ Безсоновъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности и почему-то смущаясь, будто стыдясь своихъ словъ.

— И мы тоже,—поспѣшилъ произнести Мартенсъ поддѣльно равнодушнымъ голосомъ, будто школьнически храбрясь.

— Ну, а я не готовъ,—улыбаясь произнесъ вдругъ Шумскій и взглядъ его сразу загорѣлся не обычнымъ огнемъ.

Всѣ обернулись на него. Даже стоявшей за нимъ Ханенко двинулся впередъ, чтобы заглянуть ему въ лицо. Всѣ будто встрепенулись, ожидая чего-нибудь особеннаго, исключительнаго.

— Чтѣ вы хотите сказать?—удивился Безсоновъ.

— А вотъ присядемте...—ухмыльнулся Шумскій, беря стулъ и садясь.—Хорошій русскій обычай посидѣть передъ путешествіемъ...

Всѣ усѣлись, не спуская глазъ съ говорящаго.

— Да, это хорошій обычай,—продолжалъ онъ.—А такъ какъ одному изъ насъ придется сейчасъ отправляться въ очень дальнюю дорогу, то и подобаешь посидѣть... А кромѣ того, и главнымъ образомъ... я хочу объясниться. Я слыхалъ и читалъ, что при поединкахъ всѣ подробности обсуждаются секундантами безъ участія самихъ поединщиковъ. Это пошло въ ходъ потому вѣроятно, что сами они не способны поговорить холодно и спокойно безъ взаимныхъ оскорбленій и чего-либо подобнаго... Я съ своей стороны считаю совершенно возможнымъ переговорить съ г. Фонъ-Энзе спокойно и прилично... Я бы желалъ сдѣлать ему теперь при всѣхъ васъ предложеніе, на которое онъ, надѣюсь, согласится... Вотъ въ чемъ дѣло...

— Позвольте,—вступился Мартенсъ,—мнѣ кажется эта бесѣда совершенно лишнею.

— И мнѣ кажется, что...—началъ было Биллингъ.

— Перекреститесь оба и перестанетъ казаться...—вымолвилъ Шумскій небрежно и продолжалъ, обращаясь къ Фонъ-Энзе.—Я думаю, что причины, заставляющіе насъ идти на поединокъ настолько серьезны, что не только между нами не возможно примиреніе, но даже не возможенъ простой поединокъ, съ простымъ безобиднымъ концемъ—удовлетворенія чести. Мы должны драться на смерть. Одинъ изъ насъ долженъ остаться здѣсь, на мѣстѣ, мертвымъ, для того, чтобы другой могъ быть доволенъ и счастливъ. Правда ли?

Такъ какъ послѣдніе слова Шумскій произнесъ, наклоняясь прямо къ Фонъ-Энзе, то уланъ отозвался сухо:

— Совершенно вѣрно.

— Поэтому мы должны всячески облегчить себѣ эту возможность убить другъ друга. Я предлагаю слѣдующее. Мы возьмемъ

каждый не по два, а по три пистолета. Мы будемъ подавать голосъ, т. е. кричать «куку» по два раза. Время продолжительности нашего поединка опредѣлено не будетъ. Хотя часъ оставаться въ темнотѣ.

— Это не поединокъ!—воскликнулъ Мартенсъ.—Условія...

— А что же?—холодно отозвался Шумскій.

— Условія были уже обсуждены и рѣшены секундантами и мѣнять теперь...

— Отвѣчайте пожалуйста на вопросъ! — рѣзко и даже дерзко перебилъ его Шумскій.—Вы сказали: это не поединокъ. Что вы хотѣли сказать?

— При такихъ условіяхъ будетъ наповаль убитъ самый нетерпѣливый, неосторожный...

— Я согласенъ на предложеніе, — выговорилъ вдругъ Фонъ-Энзе, холодно взглянувъ на Мартенса, какъ бы прося его прекратить возраженія.

— Ну такъ... съ Богомъ! Пожалуйте, — вымолвилъ Шумскій, обращаясь къ хозяину и вставая съ мѣста.

Всѣ поднялись снова. И всѣ были взволнованы. Одинъ Шумскій былъ не только спокоенъ, но какъ будто даже особенно доволенъ, что его предложеніе принято противникомъ. Его неподдѣльное спокойствіе и бодрое расположеніе духа казалось неотразимо сразу подѣйствовали не только на самого Фонъ-Энзе, но и на его секундантовъ. Лицо и вся внѣшность Шумскаго были таковыми, что могли смутить. Онъ былъ загадочно веселъ и доволенъ.

«Онъ увѣренъ, глубоко, что не онъ будетъ убитъ!»—подумалось Фонъ-Энзе.

«Онъ что-нибудь придумалъ! Подлость, обманъ, фортель!»—подумалъ Мартенсъ.

«Чему радуется мой Михаилъ Андреевичъ»,—грустно думалъ Квашнинъ.

А Ханенко, глядя теперь на Шумскаго, терялся въ догадкахъ. Нѣсколько минутъ назадъ, по пути сюда, онъ видѣлъ его смущеннымъ, потеряннымъ, будто уже осужденнымъ на смерть, а теперь тотъ же Шумскій улыбался радостно, чуть не сіялъ, будто достигнувъ давно желанной завѣтной цѣли. И Ханенко подумалъ:

«Точно будто ему кто шепнулъ сейчасъ: не робѣй! Останешься цѣлъ и невредимъ. Плохая эта примѣта...»

И отвѣдя Квашнина въ уголь горницы, капитанъ приблизился къ нему вплотную и прошепталъ чуть слышно:

— Надумалъ бойню—первый сортъ и ликуеть!..

— И будетъ убитъ!—грустно отозвался Квашнинъ.

Въ то же время три нѣмца говорили тихо между собой и, наконецъ, Фонъ-Энзе выговорилъ громче понѣмечки:

— Полноте... Зачѣмъ же подозрѣвать. Это не хорошо. Ну, спросите Безсонова. Онъ честный человѣкъ.

Шумскій догадался, тотчасъ ухмыльнулся презрительно и, сѣвъ въ уголь, взявъ со стола какую-то книжку.

Въ эту самую минуту хозяинъ, выходявшій изъ горницы—вернулся и оглядѣлъ всѣхъ, собираясь что-то сказать. Мартенсъ подошелъ къ нему, отвелъ его въ сторону и заговорилъ шопотомъ...

— Вы какъ главный судья-посредникъ и какъ человѣкъ знающій этотъ нелѣпый родъ дуэли, эту глупую кукушку... скажите мнѣ... не замышляетъ ли что-нибудь г. Шумскій, котораго я не уважаю и которому имѣю основаніе не довѣряться... Что онъ надумалъ? Можетъ ли онъ имѣть въ виду какую-либо хитрость, не честный поступокъ, предательское дѣйствіе... по отношенію къ моему другу...

— Изволите видѣть...—холодно отозвался Безсоновъ, — на это отвѣчать мнѣ нечего... Хотя вы и не видали кукушекъ и въ нихъ не участвовали, но вашъ собственный разумъ долженъ вамъ подсказать отвѣтъ. Это не простая дуэль, гдѣ беретъ верхъ тотъ, кто лучше стрѣляетъ. Здѣсь допускается и примѣняется всякая хитрость. Подсизиванье! Кто будетъ хладнокровнѣе, терпѣливѣе и хитрѣе... Кто перехитритъ, тотъ и побѣдитъ.

— Что вы хотите сказать?—взволновался Мартенсъ.—Я васъ не понимаю... А я желаю понимать, знать... Въ чемъ же хитрость?..

— Темнота, г. Мартенсъ, будетъ одинаковая для обоихъ,—сказалъ Безсоновъ.—Вы это понимаете. Оружіе одинаковое тоже. А спокойствіе разума и руки, а главное... осторожность всего тѣла—будутъ разными... Если Шумскій надумалъ какой-либо фортель, какую-либо хитрую штучку... то правила кукушки допускаютъ фортель и подвохъ.

— Тогда шансы противниковъ не равны. А этакій бой—нечестный бой!..

— Придумайте тоже сами съ своей стороны,—окрысился Безсоновъ,—какую-либо хитрость или хоть цѣлую дюжину фортелей и тогда всѣ шансы будутъ на вашей сторонѣ... А г. Шумскій увѣряю васъ не придетъ у меня спрашивать: надумали вы или нѣтъ что-нибудь опасное для него.

— Сожалѣю, что я и мой другъ согласились на такой глупый поединокъ!—выговорилъ Мартенсъ довольно громко.

Шумскій, сидѣвшій хотя и въ другомъ углу горницы, услыхалъ восклицаніе и разсмѣялся.

— Вы сами не пожелали обыкновенной дуэли!—вымолвилъ онъ.—Кукушка была придумана, чтобы только какъ ни на есть да заставить васъ согласиться на поединокъ.

— Я ничего темнаго не жалую, господинъ Шумскій,—выговорилъ Мартенсъ сухо.—Ни темныхъ дѣлъ, ни темныхъ людей или

темныхъ происхожденій, ни темныхъ дуэлей. И я бы, признаюсь, не согласился съ вами драться въ темнотѣ...

— А при свѣтѣ?—вымолвилъ Шумскій.

— Я не понимаю.

— При свѣтѣ... На улицѣ... На обыкновенный поединокъ, развѣ согласились бы вы?..

— Это другое дѣло...

— Согласились бы?

— Конечно... Тамъ бы я зналъ, что...

— Такъ завтра въ полдень я приглашаю васъ съ вашимъ секундантомъ на Елагинъ островъ около новой будки.

— Позвольте!—воскликнулъ Безсоновъ.—Я не могу допустить теперь подобныхъ разговоровъ.

— Это не разговоръ, а фORMALЬНЫЙ вызовъ мой г. Мартенсу.

— Позвольте... Я не допускаю... Сегодня, здѣсь ни о чемъ иномъ рѣчи не можетъ быть... Пожалуйте, господа. Двое, пожалуйста со мной, заряжать пистолеты, а двое другихъ останутся каждый при своемъ другѣ, при раздѣваньи. Комнаты вамъ извѣстны.

— Не забудьте, г. Мартенсъ, завтра въ полдень,—произнесъ Шумскій, вставая.

— Я принимаю это какъ странную выходку,—отозвался Мартенсъ,—такъ какъ черезъ полчаса вы можете быть ужъ сами...

— Полноте! Прошу васъ!—воскликнулъ Безсоновъ.—Требую наконецъ! Въ качествѣ хозяина и посредника. Пожалуйте! Пожалуйте!..

Всѣ двинулись. Ханенко и Мартенсъ послѣдовали за хозяиномъ въ его кабинетъ; Фонъ-Энзе съ Биллингомъ вышли въ другія двери. Шумскій и Квашнинъ послѣдовали за ними, но повернули по корридору. Каждому изъ противниковъ была приготовлена отдѣльная горница, чтобы раздѣваться.

XXXV.

Хозяинъ дома и два секунданта молча и сумрачно занялись зарядженьемъ шести пистолетовъ. Безсоновъ сталъ вдругъ особенно угрюмъ при видѣ цѣлой батареи оружія...

— Да, надумали... Шесть выстрѣловъ!—выговорилъ онъ, наконецъ.—Въ кукушкѣ обыкновенно палать по одному разу...

— За то ничѣмъ всегда и кончается,—отозвался Мартенсъ задумчиво.—А вотъ. Зачѣмъ дали право сидѣть имъ сколько угодно...

— За то и мы посидимъ въ крѣпости за это ихнее сидѣнье,—пошутить Ханенко.

— Ну, это ужъ дѣло второстепенное, капитанъ,—замѣтилъ Безсоновъ.—Что думать о себѣ, когда тутъ черезъ полчаса можетъ быть человѣкъ опасно, а то и смертельно раненый. Да... Вотъ еще

забылъ... Надо, господа, кинуть жребій кому начинать первому кричать.

— Палить?—спросилъ Мартенсъ.

— Нѣтъ. Кричать... Пальба дѣло пустое. Тутъ отъ крика зависить многое...

— Я полагаю это все равно,—нерѣшительно произнесъ Мартенсъ.

— Нѣтъ, далеко не все равно,—замѣтилъ Ханенко.—Я такъ смѣкаю, что третій крикъ...

— Вотъ, вотъ...—воскликнулъ Безсоновъ.—Къ этому я и велъ. Не важно кто крикнетъ первый, кто второй... Важно, что первому придется кричать въ третій разъ. Третье подаваніе голоса—самое бѣдовое.

— Почему же...—спросилъ Мартенсъ.—Объяснитесь. Я не понимаю. Можно крикнуть, будучи рядомъ съ противниковъ?

— Разумѣется,—отозвался Безсоновъ.—Крикнетъ на подачу руки, а ему пулю въ лобъ. Это надо будетъ рѣшить жеребьемъ.

— А предоставить въ третій разъ кричать тому изъ двухъ, кто пожелаетъ.

Ханенко такъ громко разсмѣялся на предложеніе нѣмца, что тотъ даже окрысился.

— Что вамъ смѣшно, г. капитанъ?

— Да такъ-съ... Ужъ очень чудно. Предоставлять право чело-вѣку добровольно получить пулю въ лобъ.

— Да,—ухмыльнулся и хозяинъ,—этакъ пожалуй оба долго просидятъ послѣ первыхъ двухъ выстрѣловъ. Нѣтъ, нуженъ чередъ по жеребью. Обязательство крикнуть третьему.

Между тѣмъ, Фонъ-Энзе съ Биллингомъ въ одной горницѣ, а Шумскій съ Квашнинымъ въ другой занялись простымъ дѣломъ. Поединчики раздѣвались, т. е. снимали съ себя все, кромѣ нижняго бѣлья, и, разумѣется, оба разулись. Не только ихъ сапоги со шпорами, но и простая обувь могла въ кукушкѣ вести къ опаснымъ послѣдствіямъ.

Фонъ-Энзе, медленно и молча снявъ съ себя все, что слѣдовало, сѣлъ на кресло и закрылъ лицо руками. Биллингъ, смущенный, сталъ передъ товарищемъ и молчалъ.

— Ты думаешь, я боюсь смерти,—заговорилъ, наконецъ, Фонъ-Энзе понѣмецки. Нѣтъ, другъ. Чтò жизнь... Рано ли, поздно ли... А у меня есть на свѣтѣ нѣкто... другое существо, которое будетъ поражено въ самое сердце, если со мной что-нибудь случится сегодня... Мнѣ вдругъ стало какъ-то грустно съ утра... Я не суевѣренъ и не баба, не трусь... Я даже думаю, что вѣроятно со мной ничего не будетъ особенно худого... А все-таки грустно... Ужасно грустно. Самъ не знаю отчего... Мое душевное состоянье—не боязнь за себя, а тоска о чемъ-то... О чемъ—не знаю. Женщина и ду-

ракъ—сказали бы что это предчувствіе худого. Я себя слишкомъ уважаю, чтобы допустить такое объясненіе.

Въ то же время, въ другой комнатѣ Шумскій снималъ платье, съ комическими жестами раскладывалъ его по дивану и прищипывалъ рукой. Въ выраженіи его лица и въ движеніяхъ—было что-то школьнически-шаловливое. Онъ не притворялся. Въ немъ просто сказывалась потребность баловаться, чудить, паясничать... Крайнее напряженіе мозга и сердца и всѣхъ его ощущеній, за это утро, разрѣшилось теперь страннымъ нравственнымъ состояньемъ. Боязни не было и слѣда... Онъ не думалъ о томъ, что онъ сейчасъ будетъ дѣлать, что его ждетъ въ залѣ. Онъ отгонялъ отъ себя мысль о поединкѣ и будто заставлялъ себя думать о всякомъ вздорѣ. Это давалось ему легко, но одновременно онъ чувствовалъ, что въ немъ, гдѣ-то, очень глубоко, будто ныло что-то, трепетало и замирало, и грозило захватить его всего... Но онъ не давался. Онъ отшучивался, шала и лицомъ, и руками, и мыслями...

— Чисто въ баню собираюсь...—вымолвилъ онъ, оглядѣвшись.— Эка обида, забылъ предложить нѣмцамъ условье, чтобы совсѣмъ нагишемъ стрѣляться. Еще бы любопытнѣе было...

— Удивляюсь я тебѣ,—замѣтилъ Квашнинъ.—Трудно тебя распознать, Михайлъ Андреевичъ. Чуденъ ты. Теперь балуешься, будто и впрямь въ баню мыться идешь... А вчера ты... боялся смерти, трусилъ...

— Молчи!—вскрикнулъ Шумскій, затыкая уши. И лицо его вдругъ измѣнилось.—Ахъ, какой... глупый человѣкъ. Именно глупый. Не понимаешь...

И Шумскій просидѣлъ нѣсколько мгновеній съ заткнутыми ушами, съ суровымъ тревожнымъ лицомъ, какъ бы вдругъ испуганный нежданно. Затѣмъ, онъ отнял пальцы отъ ушей, вздохнулъ, взглянулъ Квашнину въ глаза и добродушно улыбнулся.

— Ни-ни... Пустяки... Ничего не будетъ. Вотъ какъ вошелъ, увидѣлъ Фонъ-Энзе... Увидѣлъ его лицо. Такъ и сказалъ себѣ... Пустяки. Я боюсь и онъ боится... Обоимъ бояться нельзя. Одинъ изъ двухъ непременно будетъ цѣль. Кто же будетъ цѣль? Михайлъ Андреевичъ будетъ живъ... Вѣрно... Гляди-ко, что у меня здѣсь. Видишь. Образокъ изъ лавры. Марѳуша дала. Скажи мнѣ теперь свими, молъ, брось. Ни за какія ковриги! Вотъ что! Глупо? Да, братецъ, глупо страсть... Да, есть глупости на свѣтѣ — хорошія, пріятныя, вкусныя, что ли сказать... А ты вотъ гадкія слова тутъ сталъ говорить... Идетъ баба по лѣсу, лѣшаго не поминаетъ,— и безъ того страшно!

— Правда твоя! Это я зря... Все слава Богу будетъ,—отозвался Квашнинъ.

Шумскій весело разсмѣялся, потомъ, ухмыляясь, задумался и сидѣлъ недвижно, будто соображая что-то забавное. Посидѣвъ съ

минуту, онъ вдругъ прыгнулъ съ дивана на полъ и поползъ черезъ комнату на четверенкахъ, потомъ легъ на грудь, и тихо перевернулся съ осторожностью на спину.

— Чтò ты творишь?—изумился Квашнинъ, но тотчасъ же догадался.—Маневрируешь!..

— Репетицію произвожу... Хочу я, братецъ, нѣмца перехитрить, — шопотомъ произнесъ Шумскій, лежа на спинѣ. — Буду драться не сидючи, а эдакъ, въ растяжку. А онъ будетъ палить черезъ меня по воздухамъ... Чтобы попасть эдакъ, то надо ужъ цѣлить въ полъ, а въ кукушкѣ и безъ того всегда всѣ валяютъ выше чѣмъ слѣдуетъ. Обманъ темноты, говорятъ... Одно вотъ не знаю... Хорошо ли это?—странно прибавилъ Шумскій.—Хорошо ли? А?

— Что собственно?..—не понялъ Квашнинъ.

— Надувать, хитрить... Вѣдь тутъ дѣло о жизни человѣчьей идетъ. Я свинья извѣстная... Да вѣдь не всегда... И не въ эдакихъ дѣлахъ. Грѣха не боюсь... А вотъ... Чортъ его знаетъ, чего боюсь. Совѣсти своей что ли. Можетъ быть она у меня и есть? Кто его знаетъ?

Черезъ четверть часа Безсоновъ изъ корридора громко позвалъ всѣхъ.

— Фертихъ! Фертихъ!—весело отозвался Шумскій, выходя, и прибавилъ, оглядывая себя.—Еще три предмета съ себя снятъ, такъ хоть и въ воду полѣзай.

Фонъ-Энзе появился тоже. Его полураздѣтая фигура странно не согласовалась съ серьезностью лица и поэтому была комична. Кромѣ того, казалось, что для нѣмца-улана смѣшная сторона оригинальнаго поединка была непріятна. Онъ косо взглянулъ на шаловливо-шагавшаго Шумскаго, который въ однихъ носкахъ ступалъ по полу на пяткахъ, разумѣется, ради баловства. Уланъ отвернулся не то презрительно, не то съ другимъ какимъ-то чувствомъ, которое онъ самъ себѣ объяснить бы не могъ.

Всѣ прошли въ темную залу... Лакей впереди всѣхъ внесъ канделябръ и, поставивъ его на полъ, вышелъ вонъ. Картина представилась странная. Въ большой и высокой горницѣ, совершенно пустой, безъ единаго предмета, освященной канделябромъ, стоящимъ по срединѣ на полу, столпились семь человѣкъ, изъ которыхъ двое были въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, а въ рукахъ одѣтыхъ были все разнокалиберные пистолеты. Только у Безсонова была въ рукахъ длинная трость...

— Ну-съ, вотъ... — выговорилъ онъ тихо.—Кажется, все обстоитъ...

И Безсоновъ не договорилъ. Слово «благополучно» показалось ему неумѣстнымъ, даже ироніей.

— Теперь извольте,—продолжалъ онъ,—хватаясь за эту палку кинуть жребій, кому кричать первому и, стало быть, третьему.

Кто первый возьмется? Я думаю это все равно... Она длинная и предвидѣть сколько кулаковъ на ней помѣстится мудрено...

— Я вижу сколько... Пятнадцать...— сказалъ Мартенсъ.— Кто начнетъ,—того и верхушка...

— Фу, Господи, какой вы... акуратный!—буркнулъ Безсоновъ, мысленно сказавъ другой эпитетъ.—Ну какъ же быть тогда?

— Бросайте рубль!—произнесъ Ханенко.—Орель и рѣшетка—самая соломоновская выдумка.

— Г. Мартенсъ скажетъ тогда, что я монету держу въ пальцахъ неправильно. Или заспорить о томъ, кому первому назначать...

— Кидайте монету,—вымолвилъ Фонтъ-Энзе.—И пускай г. Шумскій назначаетъ, что желаетъ.

— Нѣтъ. Вы говорите,—сказалъ Шумскій.—А мнѣ пускай — что останется. Тѣмъ паче, что я впередъ знаю, что вы назовете. Фонтъ-Энзе глянулъ на соперника странными глазами.

— Вы вѣдь не суевѣрны. Мудрить не станете. Назовете первое...

— Да... все равно...

— Ну, а я россиянинъ... Валяйте, Безсоновъ. Да повыше. Въ потолокъ.

XXXVI.

Безсоновъ досталъ монету изъ кошелька, положилъ на ладонь и, ставъ среди горницы, высоко пустилъ ее вверхъ.

— Орель!—выговорилъ Фонтъ-Энзе глухо и серьезно.

— Матушка рѣшеточка,—сказалъ Шумскій, какъ бы нѣчто лишнее, уже извѣстное.

Монета упала на паркетъ около канделябра, звеня, подпрыгнула два раза, сверкая въ лучахъ огня и покатила на ребрѣ въ уголъ. Всѣ двинулись за ней и, обступивъ, нагнулись.

— Рѣшетка,—вымолвилъ Безсоновъ и поднялъ монету.

— Въ данномъ случаѣ, *qui perd—gagne*,—сказалъ Шумскій.— Мнѣ, видно, на роду написано проигрывать и въ карты, и въ пари, и во всякихъ судьбищахъ. Всегда *malheureux au jeu*,—кто *heureux en amour*!

— Послушайте...—вскрикнулъ будто невольно Фонтъ-Энзе сдавленнымъ голосомъ и сразу смолкъ...

Онъ почувствовалъ, что выдалъ себя и попадаетъ въ глупое положеніе, приписывая словамъ соперника тотъ намекъ, котораго могло и не быть въ нихъ.

Никто не обратилъ вниманья на слова Шумскаго и откликъ Фонтъ-Энзе, такъ какъ всѣ четыре секунданта были въ сторонѣ отъ нихъ, обступивъ Безсонова вплотную. Между ними будто возникъ вдругъ какой неожиданный серьезный вопросъ.

Оно такъ и было...

Когда Безсоновъ еще только поднималъ монету, то Мартенсъ шепнулъ ему что-то на ухо съ легкой тревогой въ голосѣ.

— Не можетъ быть!—испуганно отозвался хозяинъ, тотчасъ же сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ канделябру, и остановился.

— Ваша правда,—выговорилъ онъ, оборачиваясь.—Тогда надо молчать или сказать обоимъ.

— Рѣшимте это всѣ между собой,—отозвался Мартенсъ и, обратясь къ остальнымъ секундантамъ, онъ попросилъ ихъ въ сторону на два слова.

— Извольте видѣть,—вымолвилъ тихо Безсоновъ, когда всѣ, удивляясь, обступили его.—Я сплеховалъ. Виноватъ. Но теперь горю пособить поздно. Г. Мартенсъ замѣтилъ, что вотъ въ этомъ мѣстѣ полъ скрипитъ... Вы понимаете, что это равносильно подаванію голоса... Какъ же быть?..

— Чего же тутъ?!—вымолвилъ Ханенко. — Объяснить обоимъ, чтобы сюда не ползали. А вотъ если паркетъ по всей залѣ будетъ трещать и скрипѣть... Тогда...

— Надо ее всю освидѣтельствовать,—замѣтилъ Квашнинъ.

— Тогда и драться нельзя въ ней,—рѣшительно заявили въ одинъ голосъ оба нѣмца.

Новость была тотчасъ заявлена противникамъ. Безсоновъ, между тѣмъ, внимательно и мѣрно зашагалъ по всѣмъ направленіямъ. Фонъ-Энзе глядѣлъ и не понималъ, а Шумскій разсмѣялся и шлепнулъ себя рукой по ляшкѣ.

— Полноте мудрить, господа...—воскликнулъ онъ. — Вотъ ужъ дѣйствительно попали мы оба къ семи нянькамъ и будемъ оба кривые... Навѣрное г. Фонъ-Энзе отнесется къ этому такъ же какъ и я... Ну, скрипитъ, такъ и чортъ съ нимъ! Скрипи!

— Пожалуйста! Поскорѣе! Это невыносимо!—будто чужимъ голосомъ отозвался Фонъ-Энзе.—Это не дуэль, а чертовщина. Силь не хватаетъ терпѣть...

Всѣ замѣтили странный оттѣнокъ голоса улана.

— Пожалуйста!—громко произнесъ хозяинъ съ середины горницы.—Полъ скрипитъ только тамъ. Ну, туда и избѣгайте ходить.

Обоимъ противникамъ передали оружіе. Всякій изъ нихъ взялъ по пистолету въ каждую руку, а третій былъ заткнутъ за поясъ.

Шумскій тотчасъ приблизился къ Квашнину и шепнулъ ему на ухо.

— Петя, пойдетъ нѣмецъ на скрипучее мѣсто или будетъ обходить его? Скажи?..

Квашнинъ, не сообразивъ значенія вопроса, вытаращилъ глаза...

— Не понялъ? Ахъ, ты простофиля!..

Шумскій объяснился шопотомъ подробнѣе.

— Понятно, не пойдетъ,—сказалъ Квашнинъ.

— Да вѣдь онъ нѣмецъ.

— Такъ чтожь?

— Онъ обезьяну выдумалъ.

Квашнинъ опять не понялъ.

Шумскій подозвалъ капитана и шепнулъ ему тотъ же вопросъ.

— Вы, хохлы, хитрые... Разсудите сіе головоломное предложеніе. А мнѣ это важно.

— Не знаю... Ей Богу...—пробурчалъ Ханенко.—Обоюдоостро—идти. Отъ пуль-то дальше, вѣрнѣе не встрѣтишь. Да поль-то, Гуда, предасть. Нѣмцы риску не любятъ. Это только у россіанъ, авось, да небось—самыя священныя заповѣди...

— Такъ я пойду, капитанъ. Но если и онъ пойдетъ, то мы вѣдь такъ сойдемся, что просто лбами треснемся... И тогда ужъ...

— Тогда—тютю!—отозвался, вздохнувъ, Ханенко.—Какъ знаете. Впрочемъ, вся голубушка кукушка на авось стоитъ. Ну, дайте руку. Моя легкая, счастливая. Для другихъ... Храни васъ Богъ и помилуй.

Хохоль сильно, съ чувствомъ пожалъ руку Шумскаго и этотъ почувствовалъ себя вдругъ еще бодрѣе и какъ-то лучше настроеннымъ.

Шумскій и Фонъ-Энзе сѣли на полу къ стѣнѣ, въ двухъ противуположныхъ концахъ залы.

Безсоновъ и секунданты поглядѣли на обоихъ молча и сурово-озабоченно. Всѣмъ имъ чудилось, что чрезъ нѣсколько мгновеній тутъ произойдетъ нѣчто роковое съ однимъ изъ двухъ, а быть можетъ и съ обоими.

— Ну-съ... Давай вамъ Богъ кончитъ ничѣмъ и затѣмъ примирится,—глухимъ голосомъ вымолвилъ Безсоновъ и двинулся.

Секунданты тихо послѣдовали за нимъ... Дверь затворилась и они молча стали за ней. Въ залѣ наступила полная тьма...

«Не надо думать! Не надо думать!»—мысленно повторялъ Шумскій и замѣтилъ, смущаясь, что онъ дышетъ тяжело и стало быть громко.

Поединщикамъ предоставлялось право тотчасъ по наступленіи темноты перемѣнить мѣсто и затѣмъ уже кричать...

Шумскій передвинулся нѣсколько правѣе вдоль стѣны и подумалъ.

«Теперь-то ничего... А вотъ каково будетъ въ третій разъ кричать. Гаркнешь, сидя предъ нимъ въ двухъ шагахъ... Фу, какая гадость. Смерть?!... Да смерть!.. Гадость какая...»

И совершенно какъ бы противъ воли онъ вдругъ крикнулъ съ азартомъ.

— Куку!

Послѣдовалъ выстрѣлъ съ того мѣста, гдѣ сѣлъ Фонъ-Энзе. Пуля ударила въ стѣну надъ головой Шумскаго...

«Теперь переполземъ...» — подумалъ онъ и поднялъ руку съ пистолетомъ наготовѣ.

Прошло около полу-минуты тишины.

— Куку! — раздался нетвердый голосъ Фонъ-Энзе, но уже съ середины залы.

Шумскій смутился отъ близости и выпалилъ зря... Онъ почувствовалъ, что хватилъ не цѣля и по направленію его пистолета пуля должна была пролетѣть за сажень отъ соперника. Его смутилъ маневръ соперника, который сразу сократилъ разстояніе на половину и теперь, когда опять его чередъ кричать въ третій разъ, Фонъ-Энзе навѣрно уже подползеть еще ближе и сядетъ на подачу руки.

«Что дѣлать? Рисковать или уходить?..»

Шумскій чувствовалъ, что онъ не въ состояніи разсуждать и соображать. Въ головѣ его будто гудѣло. Онъ даже не могъ отвѣчать за себя, что двинется отъ улана тихо и осторожно. А если его движенія будутъ слышны сопернику, тотъ совершенно безопасно послѣдуетъ за нимъ вплотную. Шумскій не двигался, собирався крикнуть, чуялъ улана около себя и голосъ не слушался...

«Сейчасъ и готово! Сейчасъ! Сейчасъ!» — говорило ему что-то на ухо или звучало въ немъ самомъ.

И вдругъ мысль озарила его... Онъ вспомнилъ... Медленно, затаивъ дыханіе, двинулся онъ ползкомъ немного въ сторону и еще медленнѣе, даже продолжительно, среди полной тишины, улегся и растянулся по полу на спинѣ. Спустя мгновеніе онъ крикнулъ изъ всей мочи.

— Куку!!

Выстрѣлъ соперника прогремѣлъ шагахъ въ четырехъ, почти съ того мѣста, съ котораго сошелъ Шумскій.

«Миновала!» — вздохнулъ онъ. И тотчасъ же, невольно и порывисто, уже не соблюдая никакой осторожности, онъ всталъ и пошелъ къ тому же мѣсту... Затѣмъ онъ остановился и прислушался, понявъ, что уланъ въ это мгновеніе навѣрное спасается дальше отъ него.

«Потерялъ! — подумалось ему. — Чортъ знаетъ откуда теперь ждуть. Но вѣдь у меня два выстрѣла. Одинъ на «куку», а другой когда вздумается... Чего же? Хвачу тотчасъ же третій...»

И онъ обмѣнилъ пистолеть на другой изъ-за пояса.

Прошло нѣсколько мгновеній. За его спиной, почти вплотную, раздался крикъ: — Куку!

Онъ обернулся и выпалилъ. Фонъ-Энзе легко вскрикнулъ, но тотчасъ же и его выстрѣлъ — уже третій — оглушилъ Шумскаго и одновременно что-то сильно рвануло ему рукавъ сорочки. Онъ вѣбился отъ минувшей опасности. Уланъ чуть не убилъ его, наду-

мавъ то же, что и онъ хотѣлъ сдѣлать. И тотчасъ въ одно мгновеніе произошло нѣчто ужасное, неожиданное, сразу непонятное.

Шумскій, еще не рѣшивъ выпускать ли въ отвѣтъ и свой послѣдній выстрѣлъ, все-таки поднялъ руку и вытянулъ ее впередъ...

Пистолетъ ткнулся во что-то... И въ тотъ же мигъ съ дрожью за спиной отъ гадкаго чувства, Шумскій все-таки дернулъ палецъ за шнеллеръ.

Раздался глухой выстрѣлъ, а за нимъ дикій вопль. Оружіе загремѣло на полу, потомъ грузно шлепнулось что-то...

«Конечно онъ!» — будто сказалъ кто-то Шумскому.

Двери съ громомъ растворились, секунданы ворвались и бросились на середину залы...

При свѣтѣ задуваемыхъ движеніемъ свѣчей, глазамъ предсталъ на полу Фонъ-Энзе, опрокинутымъ навзничь... Онъ поджималъ ноги, дергалъ ими, и билъ по полу. Протяжный, слабый и нескончаемый стонъ его хрипливо оглашалъ залу...

Шумскій стоялъ, не двигаясь, какъ окаменѣлый и безсмысленно смотрѣлъ на лежащую фигуру и на всѣхъ нагнувшихся надъ ней. Наконецъ, онъ зажмурился, чтобы не видѣть этихъ дергающихся ногъ. Онъ слышалъ слова, вопросы, говоръ, крики, но ничего не могъ сообразить.

— Въ лицо! Въ глазъ! — слышалось наконецъ ему, и онъ содрогнулся.

Но онъ давно зналъ и былъ даже увѣренъ глубоко, не глядя и не справляясь, въ томъ, что убилъ соперника... Но вѣдь это уже не соперникъ. Такого нѣтъ и будто не было. Это — человѣкъ! Человѣкъ страшно, жалобно и беспомощно стонущій. Онъ будто прощенья просить, пощады просить... И нельзя не простить, не помочь... Скорѣе! Всячески! Но нельзя и помочь. Это ужъ не въ его власти... И ни въ чьей.

Фонъ-Энзе подняли и понесли изъ залы... Шумскій все-таки не двигался, стоялъ понурившись, сопѣлъ и шепталъ что-то безсвязное.

— На смерть! Въ голову! Иди! — говорилъ кто-то около него.

XXXVII.

Въ квартирѣ Шумскаго, въ столовой, у окна сидѣли на двухъ стульяхъ — Мареуша и Шванскій. Уже около двухъ часовъ сидѣли они тутъ молча другъ противъ дружки. Шванскій отложилъ на время свой визитъ въ полицію.

Иванъ Андреевичъ, понурившись и опустивъ глаза въ полъ, шибко сопѣлъ, изрѣдка взглядывалъ на дѣвушку и каждый разъ, будто съезжившись еще болѣе, задумывался вновь.

Мареуша сидѣла недвижно, истуканомъ, съ лицомъ не блѣднымъ, а помертвѣлымъ, безжизненнымъ. Она,—въ противоположность Шваньскому,—закинула голову назадъ и почти все время, не отрываясь, глядѣла въ окошко на крышу сосѣдняго дома, гдѣ торчала труба. Она такъ разглядывала ее, какъ если бы предполагала увидеть тутъ что-нибудь чрезвычайное, чего она ждетъ неминуемо, отъ чего замираетъ и будто безпомощно отбивается ея сердце.

За эти два часа молчаливаго сидѣнія у окошка, которые показали и Шваньскому и его невѣстѣ длиннѣе цѣлаго дня, оба равно много передумали, перечувствовали и выстрадали.

Всѣ помыслы, вся душа дѣвушки была тамъ, гдѣ-то, въ невѣдомой ей квартирѣ, гдѣ происходитъ смертоубійство, гдѣ жизнь одного человѣка виситъ на волоскѣ. Быть можетъ даже, онъ уже мертвецъ... Этотъ человѣкъ былъ еще недавно для нея только «баринъ» злой и безсердечный, котораго она отчасти боялась, отчасти начинала ненавидѣть. А теперь онъ былъ для нея... чѣмъ — она сама не знала.

Она не могла сознаться сама себѣ, что любить его, что полюбила также, какъ если бы онъ былъ ей ровней, полюбила неизвѣстно за что, неизвѣстно когда. Она даже не знала, любовь ли то чувство, которое кипитъ въ ней. Она думала, что это простое сердечное уваженіе къ барину за его ласку. Но почему же ей хочется этого уважаемаго барина обхватить сейчасъ руками и зацѣловать. Даже болѣе... Она готова его прикрыть собою отъ смерти? Пускай ее убьютъ, лишь бы онъ былъ невредимъ.

Когда-то, еще недавно, дѣвушкѣ представлялось, что ея чувство къ доброму Ивану Андреевичу, который уже давно покровительствуетъ ей—доставая швейную работу, ничто иное, какъ любовь. А чувство, возникшее къ барину-офицеру казалось ей лишь какимъ-то непонятнымъ душевнымъ смущеніемъ. Теперь же приходится сознаться, что къ этому доброму Ивану Андреевичу у нея—неблагодарной—ничего не было и нѣтъ. Всю же свою душу она отдала другому. Всю душу невѣдомо когда и какъ взялъ себѣ, будто вынулъ изъ нея и присвоилъ, этотъ баринъ-шутникъ, насмѣшникъ и злой.

Да, злой! Его всѣ боятся... Онъ одного лакея убилъ. Хотъ и нечаянно, а все-таки убилъ. И все-таки она хотъ сейчасъ отдать за него жизнь. А онъ теперь пошелъ на смерть, въ него будутъ стрѣлять... Ужъ стрѣляли, можетъ быть, ужъ убили.

Чтожъ тогда будетъ? Ей тогда что дѣлать? Выходитъ замужъ за Ивана Андреевича, который получить въ подарокъ все, что тутъ есть въ квартирѣ. А ей братъ изъ того письменнаго стола деньги, которыя онъ приказалъ взять... Затѣмъ вѣнчаніе въ церкви, семейная жизнь и всякое счастье и благополучіе. Да! Горько... Тяжело...

И нѣсколько разъ ворочаясь мысленно къ этому выводу: смерти Шумскаго и замужеству, Марѳуша каждый разъ тихо поднимала руки, брала себя за щеки, или за виски и глубокой вздохъ ея едва не переходилъ въ стоны. И каждый разъ Иванъ Андреевичъ, встрепенувшись, выпрямлялся на стулѣ и произносилъ безпокойно:

— Что ты?

Но Марѳуша не слыхала вопроса, не отвѣчала ни слова и, даже не взглянувъ на него, снова опустила руки на колѣни, снова смотрѣла въ мутное небо.

Наконецъ, раздался гулъ подѣзжающаго экипажа. Къ крыльцу квартиры подкатила коляска и изъ нея вышелъ Шумскій.

Оба вскочили какъ отъ толчка.

Иванъ Андреевичъ бросился на подѣздъ, а Марѳуша вытянулась и стояла истуканомъ мертво-блѣдная, и съ полузакрытыми глазами. Она старалась всячески видѣть, слышать, понимать, но чувствовала, что все темнѣетъ кругомъ нея, что она будто уходитъ куда-то или улетаетъ далеко и высоко.

Черезъ нѣсколько мгновений Шумскій вошелъ въ переднюю. Иванъ Андреевичъ не то радостно, не то жалостливо, заглядывалъ ему въ лицо, стараясь поскорѣй отгадать, было ли что, или еще ничего не было и снова все начнется.

— Что же-съ?.. Что же-съ?.. два раза рѣшился онъ тихонько вымолвить, но Шумскій, нѣсколько блѣдный, съ сверкающими глазами, не только не слыхалъ вопроса, но даже не замѣчалъ Шванскаго.

Онъ сбросилъ плащъ, швырнулъ на столъ киверъ, отстегнулъ и тоже швырнулъ съ громомъ оружіе и шагнулъ изъ передней въ столовую. Но тутъ онъ остановился и будто теперь только вдругъ очнулся и понялъ, что находится въ своей квартирѣ.

Предъ нимъ на полу, шагахъ въ двухъ отъ окошка, лежала распростертая на спинѣ Марѳуша.

— Что такое?—произнесъ онъ недоумѣвая.

Въ ту же минуту за нимъ раздался отчаянный вопль, какъ бы какой визгливый вой и Иванъ Андреевичъ бросился къ дѣвушкѣ.

— Что такое?.. Что же ты молчишь, что тутъ у васъ случилось?—спросилъ Шумскій.

— Не знаю-съ... Не знаю-съ... Марѳушинька... Голубушка... Да, чтожь это?.. Господи!

Шванскій сталъ было поднимать помертвѣлую дѣвушку, бралъ ее за плечи, тянулъ за руки, за спину, но при своей тщедушности и слабосилии, не могъ ничего сдѣлать.

Шумскій нагнулся, отстранилъ его и крикнулъ:

— Воды давай!

Шванскій бросился въ переднюю, зова людей и побѣжалъ по корридору, а Шумскій, обхвативъ Марѳушу поперекъ тѣла, под-

нять ее съ полу и понесъ черезъ горницу. Шагая съ ней на рукахъ, онъ поглядѣлъ на ея блѣдное безжизненное лицо и странное выраженіе скользнуло въ его взглядѣ.

Онъ положилъ дѣвushку на то же мѣсто, гдѣ когда-то лежала она опоеная дурманомъ и наклонился близко надъ ней.

Мареуша вдругъ пришла въ себя, широко открыла глаза и въ одно мгновеніе, будто невольно и безотчетно, обхватила руками голову, склоненную надъ ней.

— Живы!.. Живы!..—прошептала она.

— Ну вѣрю, что любишь. Ладно... Знать будемъ. А тамъ что—видно будетъ. А что будетъ видно—Богъ вѣсть!..—грустно проговорилъ Шумскій.

Въ ту же минуту раздались въ сосѣдней горницѣ поспѣшные шаги. Шумскій, освободивъ голову однимъ движеніемъ изъ-подъ рукъ Мареуши, обернулся къ вбѣжавшему Шваньскому и проговорилъ сухо:

— Ну, отпайвай невѣсту! Съ чего это она? Что у васъ приключилось?

— Отъ радости знать, Михаилъ Андреевичъ. Отъ радости,—завопилъ Шваньскій.

Мареуша приподнялась и стала пить воду.

Лицо ея быстро оживало, глаза уже засіяли и даже восторженно блестя, румянецъ радости и смущенія заигралъ на щекахъ. Она улыбалась и въ то же время по радостному лицу текли слезы.

— Какъ мы увидѣли васъ, то вдругъ вскочили... Я бросился отпирать... А съ ней, стало быть, приключился обморокъ... Выходить—съ радости... А вотъ вы все говорите, что мы васъ не любимъ...

— Стало быть, выходить, Мареуша,—усмѣхнулся Шумскій,—что ты и за себя и за Ивана Андреевича чувствъ лишилась? По крайности, онъ самъ это за свой счетъ тоже принимаетъ... Ну, что? Очухалась? Ишь, вѣдь ты какая!.. Ну, спасибо, что любишь!

Шумскій приблизился, положилъ руку на голову Мареуши, погладилъ ее, какъ гладятъ дѣтей, потомъ взялъ подъ подбородокъ, глянулъ въ глаза и выговорилъ:

— Чудно! Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь...

И Шумскій перейдя въ сосѣднюю комнату, сѣлъ на подоконникъ спиной къ окну. Все, что онъ до сихъ поръ здѣсь говорилъ и дѣлалъ, казалось сдѣланнымъ и сказаннымъ какъ бы черезъ силу. Самъ онъ былъ полонъ чѣмъ-то другимъ. Онъ былъ еще подъ властью того чувства, или тѣхъ мыслей, съ которыми ѣхалъ домой. И теперь онъ сѣлъ на ближайшее окно такъ, какъ еслибы недавно, нѣсколько минутъ тому назадъ, тамъ, гдѣ онъ былъ, совершилось что-то роковое для его личной жизни.

Онъ просидѣлъ около четверти часа молча, упершись глазами въ спинку дивана, который былъ передъ нимъ, съ тупымъ взглядомъ и безсмысленно раскрытымъ ртомъ. Наконецъ, онъ провелъ руками по лицу, по головѣ, вздохнулъ тяжело и привсталъ со словами:

— Фу, Господи! Какое бываетъ!

И черезъ мгновеніе онъ прибавилъ:

— Ага! И Господа поминать сталъ!

Шумскій медленно, усталой походкой, перешелъ въ свою спальню, сбросилъ съ себя сюртукъ и, взявъ правой рукой лѣвый рукавъ сорочки, сталъ разглядывать его.

На рукавѣ висѣлъ клочъ.

— Да, сорочку убили на мнѣ! — выговорилъ онъ серьезнымъ голосомъ.

Въ ту же минуту вошла въ комнату Марѳуша со скатертью, чтобы накрывать столъ.

— Смотри, Марѳуша! Видишь это?—произнесъ Шумскій серьезно.

И Марѳуша, которой, казалось, совершенно нельзя было бы догадаться чѣмъ и какъ могъ быть изорванъ этотъ рукавъ, сразу однако все поняла. Ей все сказало, все объяснило любящее сердце.

— Господи помилуй! Неужели это отстрѣлили?—произнесла она.

— Да, угадала! Это пулей. А возьми она вершка на три правѣй, то прямо бы вотъ сюда... А тутъ, знаешь, что помѣщается? Тутъ самая квартира сердца человѣческаго. Хвати она сюда, то теперь приволокли бы меня домой другіе. А вы бы теперь съ Иваномъ Андреевичемъ бѣгали, да всякое такое для покойника готовили бы.

Дѣвушка, ни слова не отвѣтивъ, начала креститься, а затѣмъ пропентала:

— Вотъ что значить Господь-то! Господь милостивъ...

— Вздоръ все это, Марѳуша! — рѣзко выговорилъ Шумскій. — Неправда! Кабы милостивъ былъ Господь, такъ инымъ людямъ и жить бы на свѣтѣ нельзя было. Совсѣмъ бы не то творилось. Уланъ былъ ни въ чемъ не повиненъ. Я былъ во всемъ виноватъ. Вся канитель изъ-за меня пошла, изъ-за моихъ мерзостей. И кто же теперь заплатилъ за все? Онъ же, а не я! Останься онъ живъ, онъ только добро бы одно дѣлалъ, а остался жить я, для того, чтобы много еще зла натворить. И съ завтрашняго же дня я начну свои гадости. Нѣтъ, Марѳуша, жизнь человѣческая такая мерзкая и свинская комедія, какую твоей головушкѣ никогда и не понять. Да и мнѣ не понять!

Иванъ Андреевичъ, услыша голосъ Шумскаго и, понявъ, что патронъ въ духѣ, тотчасъ же явился въ горницу.

— Михайлъ Андреевичъ, не томите! Скажите, какъ дѣло было.

— А чтожь, тебѣ любопытно?

— Какъ же можно-съ. Эдакое дѣло, до васъ касающееся, да не знать...

— Да вѣдь ты видишь — живъ, такъ чегожь тебѣ еще знать. А вотъ тебя я подкузмилъ. Теперь тебя за карету росписную не помилуютъ. Аракчеевъ и тебя и меня сожретъ.

— Богъ милостивъ. Какъ-нибудь отвертимся. Вы надумаете, изловчитесь и все сойдетъ съ рукъ. Главное живу быть. А вотъ вы, слава Богу-съ! Вотъ намъ и не терпится узнать, какъ дѣло было...

— Было дѣло просто... ужасно просто...

И Шумскій, взявъ себя рукой за голову, произнесъ глухо:

— Да, ужасно просто! Именно—ужасно! Не видалъ я, что ли, никогда смерти такъ близко, или иное что... Можетъ быть, совѣсть... Грѣхъ. Настоящій! Не выдуманный людьми, а истинный. Смертоубійство! Вѣкъ буду помнить этотъ крикъ... эти ноги... Да, Иванъ Андреевичъ! Не дай Богъ тебѣ убивать кого.

— Тьфу! Тьфу! Избави Господи!—пугливо перекрестился Иванъ Андреевичъ. И Шваньскаго какъ-то даже метнуло въ сторону.

— А онъ что же?—вымолвила вдругъ Мареуша.—Уланъ этотъ?! Вы его... Развѣ онъ померъ?...

Шумскій молча кивнулъ головой, потомъ хотѣлъ произнести что-то, но зашнурлся и махнулъ рукой.

XXXVIII.

Черезъ четверть часа Мареуша уже подала самоваръ и, осматривая столъ, соображала, не забыла ли чего. Затѣмъ она вымолвила, взглянувъ на Шумскаго яснымъ взоромъ:

— Прикажете заварить?

Шумскій, задумавшійся въ углу спальни, поднялъ глаза, молча приглядѣлся къ дѣвушкѣ и, вѣроятно, на лицѣ ея было что-нибудь ярко и ясно написано, потому что онъ улыбнулся кроткой и доброй улыбкой.

— Поди сюда! — вымолвилъ онъ тихо.

Мареуша подошла. Онъ взялъ ее за руки около локтей, притянулъ къ себѣ и сталъ смотрѣть въ ея лицо, сіявшее восторженнымъ счастьемъ.

— Мареуша. Чтожь? Въ самомъ дѣлѣ оно такъ?... Чтожь ты, и въ самомъ дѣлѣ любишь господина Шумскаго? Говори!

— Не понимаю, — пробормотала дѣвушка.

— Не лги! Понимаешь... Нешто лакеи или горничныя падаютъ въ обморокъ отъ радости, что баринъ послѣ поединка остался живъ. Этого, Мареуша, никогда не бывало съ начала вѣка. Стало быть,

ты сердчишко-то свое обманнымъ образомъ у жениха стащила, да мнѣ отдала? Стыдно! Ей-Богу стыдно!

— Не я — сами взяли, — прошептала Мареуша, едва слышно и потупляясь.

— Я не бралъ! — шутя вымолвилъ Шумскій и потянулъ ее ближе къ себѣ.

— Взяли... Чтожъ? На то воля Божья! На все воля Божья! Чему быть — тому не миновать!

— Скажи: ты думала, что я убить буду?

— Нѣтъ, не думала. Вы все сказывали, а я вамъ вѣрила. А самой мнѣ все думалось, совсѣмъ не то... Мнѣ все представлялось, что моя судьба впереди меня, вотъ, какъ на ладони. Все представлялось, что я съ вами буду...

Но Мареуша запнулась и, вспыхнувъ, отвернула отъ него лицо.

— Ну, сказывай, что?

— Нѣтъ, не скажу, — мотнула дѣвушка головой и прибавила — пустите... Вонъ, Иванъ Андреевичъ идетъ. Пустите!

— Ахъ, какъ страшно! — разсмѣялся Шумскій, но выпустилъ ее изъ рукъ и, двинувшись, сѣлъ къ чайному столу.

— Михаилъ Андреевичъ, — заговорилъ Шваньскій, входя и подозрительно озираясь. — Мнѣ надо въ полицію идти.

— Ну и иди... Чтожъ спрашиваешься. У тебя своя воля. Хочешь въ полицію — ступай. Хочешь въ Неву — тоже ступай.

— А можно не ходить-съ?

— Можно... Подожди день, два... Тогда на веревочкѣ сведуть.

— Какъ то-ись...

— Какъ! Нешто никогда не видѣлъ на улицахъ какъ полиція съ вами въ лошадки играетъ. Идетъ буточникъ или хожалый съ книгой и держитъ веревочку, а на ней, привязанный за руку выше локотка, парадируетъ парень или господинъ благородный... въ родѣ тебя.

— Вы все шутите, Михаилъ Андреевичъ, сердясь произнесъ Шваньскій. Вы мнѣ обѣщались, что ничего не будетъ за ѣзду въ полосатой каретѣ. Обѣщались заступиться, а теперь...

— Не ври. Никогда не обѣщался! — отрѣзалъ Шумскій.

— Помилуйте!.. Я на Мареушу вотъ сошлюсь...

— Не ври. Я только обѣщался тебѣ умереть, т. е. быть убитымъ. Это вѣрно. Ну, и прости — надулъ, живъ остался... Теперь тебѣ другого спасенія нѣтъ какъ самому распорядиться. Пойми, коли я буду мертвъ — тебя тогда за карету Аракчеевъ не тронетъ. Вотъ и распорядись.

Шваньскій, внимательно слушавшій, развелъ руками и вымолвилъ.

— И даже, можно сказать... Ни бельмеса не понимаю, Михаилъ Андреевичъ.

— Прирѣжь меня бритвой соннаго въ постели и свали на самоубійство. Всѣ повѣрятъ... Ей-Богу... А я сплю не запершись...

Шванскій съ отчаянной досадой, даже со злобой, махнулъ рукой и пошелъ къ дверямъ. Но, уже взявшись за ручку двери, онъ обернулся.

— Позвольте хоть мнѣ, по крайней мѣрѣ, сказывать въ полиціи, что я самъ захочу.

— Позволяю.

— Позвольте врать... Я видѣлся съ хозяиномъ двора... Онъ тамъ говорилъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... Стало быть дѣло еще не испорчено. Я надумалъ спасенье и себѣ и вамъ. Только позвольте врать.

— Ври, коли съумѣешь.

— Страсть какъ совру... Только, чуръ, не сердиться потомъ.

— Гдѣ тебѣ. Не хвастай... Кикимора!..

— Позволяете?..—рѣшительно спросилъ Шванскій.

— Говори, чтѣ хочешь. Отвяжись. Хоть сказывай и подь присягу иди, что ты—дѣвица. На седьмомъ мѣсяцѣ беременности...

Шванскій вышелъ ухмыляясь загадочно. Онъ сразу сталъ весель, получивъ разрѣшеніе врать.

Шумскій, по уходѣ Лепорелло, болтовня съ которымъ его развеселила, спросилъ Марешу, дома ли Пашута, которую онъ въ этотъ день еще не видалъ.

— Да-съ. Сейчасъ вернулась,— отвѣтила дѣвушка.—Съ раняго утра была въ отсутствіи, кажется, у баронессы.

— Зови. Зови скорѣе.

Черезъ нѣсколько мгновеній вошла Пашута, уже одѣтая иначе, въ краевое платье, и принявшая видъ прежней дѣвушки-барышни. Лицо ея было оживленное, радостное.

— Ну, Пашута. Рада, что я цѣлъ...

— Мы тамъ съ ума сошли. Прыгали отъ радости. Я сейчасъ оттуда,—произнесла Пашута взволнованно.

— Какъ же вы узнали такъ скоро.

— Закупили мы лакея Безсоновскаго. Братъ караулилъ у нихъ на дворѣ и какъ ему лакей передалъ, что Фонъ-Энзе убить, а вы живы, онъ и полетѣлъ къ намъ во весь духъ на извозчикѣ. Чуть барыню какую-то дорогой не раздавилъ.

— Ну, ну... Чтожь баронесса?!

— Говорю... Чуть не прыгала... И плакала, и бѣгала по горницѣ. Прыгать не въ ея нравѣ, такъ она все суетилась, вздыхала и плакала. Совсѣмъ безъ ума, безъ памяти была...

— Жалѣеть Фонъ-Энзе...

— Да... Говорить на ея совѣсти грѣхъ, который будетъ замаливать всю жизнь. Но говорила, что если бы вы были убиты, то она въ монастырь пошла бы... Или бы умерла съ горя.

— Такъ любить она меня? Любить?!—выговорилъ Шумскій, порывисто вставая изъ-за стола.

— Вѣстимо...

— Ну, такъ слушай, Пашута... Теперь все въ твоихъ рукахъ. И мое, и твое собственное счастье. Теперь некому мѣшать. Хочешь ли ты мнѣ услужить...

— Понятно, готова всячески... но только...

Пашута запнулась... Она посмотрѣла въ лицо Шумскаго и вдругъ смутилась, даже оробѣла. «Неужели съизнова начнетъ онъ свои злодѣйства, примется за старья ухищренія?..»—подумалось ей.

Шумскій хотѣлъ заговорить, но въ домѣ раздался звонокъ.

— Ну, хорошо, ступай теперь... Вечеру переговоримъ...—весело, но загадочно улыбнулся Шумскій.

«Неужели опять за злодѣйство примется?» — думала смущенная Пашута.

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ) ¹⁾.

XV.

Разрывъ Тургенева съ «Современникомъ». — Причины этого разрыва. — Разочарованіе Панаева въ литературныхъ друзьяхъ. — Клеветы распространяемыя о Добролюбовѣ. — Разговоръ Панаева съ генераломъ Т. о Добролюбовѣ и Тургеневѣ. — Письмо Огарева къ Кавелину. — Неправедливое обвиненіе Некрасова въ присвоеніи денегъ Огаревой. — Исторія векселя Огарева. — Облава противъ Некрасова. — Письмо Панаева къ Огареву. — Поѣздка Добролюбова за границу. — Болѣзнь Добролюбова. — Его неблагоприятная, домашняя обстановка. — Его помѣщеніе у Некрасова. — Наемъ для Добролюбова новой квартиры и его переѣздъ въ нее. — Послѣдніе дни жизни Добролюбова. — Его кончина и похороны.

ТЕПЕРЬ расскажу—какимъ образомъ произошелъ разрывъ между Тургеневымъ и «Современникомъ».

Добролюбовъ написалъ статью о повѣсти Тургенева «Наканунѣ» и она была послана къ цензору Б... Всѣ, читавшіе эту статью, находили, что Добролюбовъ хвалилъ автора и отдавалъ должное его таланту. Да иначе и быть не могло. Добролюбовъ на столько былъ честенъ, что никогда не позволялъ себѣ примѣшивать къ своимъ отзывамъ о чьихъ-либо литературныхъ произведеніяхъ своихъ личныхъ симпатій и антипатій.

Некрасовъ пришелъ ко мнѣ очень встревоженный и сказалъ:

— Ну, Добролюбовъ заварилъ кашу! Тургеневъ страшно оскорбился его статьею... и какъ это я сдѣлалъ такой промахъ, что не отговорилъ Добролюбова отъ намѣренія написать статью о новой

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII. стр. 26.

повѣсти Тургенева для нынѣшней книжки «Современника». Тургеневъ сейчасъ прислалъ ко мнѣ К... съ просьбой выбросить изъ статьи все начало. Я еще не успѣлъ ее прочитать. По словамъ Тургенева, переданнымъ мнѣ К..., Добролюбовъ будто бы глумится надъ его литературнымъ авторитетомъ и вся статья переполнена какими-то недобросовѣстными, ехидными намеками.

Некрасовъ говорилъ все это недоумѣвающимъ тономъ. Да и точно, нелѣпо было допустить, чтобы Добролюбовъ могъ написать недобросовѣстную статью о такомъ талантливомъ писателѣ, какъ Тургеневъ.

Я удивилась, какимъ образомъ могли попасть въ руки Тургенева корректурные листы статьи Добролюбова? Оказалось, что цензоръ Б... самъ отвезъ ихъ Тургеневу изъ желанія услужить. Я стала порицать поступокъ цензора, но Некрасовъ нетерпѣливо сказалъ:

— Дѣло идетъ не о цензорѣ, а о требованіи Тургенева выкинуть все начало статьи... нельзя же ссориться съ нимъ!

— А вы находите, что съ Добролюбовымъ можно?—спросила я,—онъ навѣрно не захочетъ признать за Тургеневымъ цензорскихъ правъ надъ своими статьями.

— Добролюбовъ на столько уменъ, что пойметъ всю невыгоду для журнала потерять такого сотрудника, какъ Тургеневъ!—отвѣтилъ мнѣ Некрасовъ.

— Да и Тургеневъ на столько же уменъ, чтобы, заявляя свои требованія, не знать заранѣе, что Добролюбовъ имъ не подчинится.

Некрасовъ, стараясь объяснить себѣ поступокъ Тургенева, сказалъ:

— Не отзывался ли Добролюбовъ въ какомъ-нибудь обществѣ не хорошо о Тургеневѣ? Можетъ быть, это дошло до него и вотъ онъ съ предвзятой мыслью прочелъ статью, вспылалъ и сгоряча прислалъ подвернувагося подъ руку К... ко мнѣ.

Предположеніе Некрасова не имѣло основанія: Добролюбовъ въ обществѣ никогда не касался личностей литераторовъ, да и бывалъ вообще въ обществѣ такихъ людей, которые не занимались пересудами и сплетнями. Я подивилась—почему Тургеневъ не самъ пріѣхалъ объясниться съ Некрасовымъ, съ которымъ находился столько лѣтъ въ самыхъ короткихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, а прибѣгнулъ къ посреднику?

— Ну, что толковать о пустякахъ,—отвѣтилъ Некрасовъ,—важно то, чтобы поскорѣй успокоить Тургенева. Онъ потомъ самъ увидитъ, что погорячился.

Некрасовъ отправился объясняться къ Добролюбову. Черезъ часъ Добролюбовъ пришелъ ко мнѣ и я услышала въ его голосѣ раздраженіе.

— Знаете ли, что продѣлалъ цензоръ съ моей статьей?—сказалъ онъ.

Я ему отвѣчала, что все знаю; тогда Добролюбовъ продолжалъ:

— Отличился Тургеневъ! погенеральски ведетъ себя... Удивилъ меня также и Некрасовъ, вообразивъ, что я способенъ на лакейскую угодливость. Въ виду нелѣпыхъ обвиненій на мою статью, я теперь ни одной фразы не выкину изъ нея.

Добролюбовъ прибавилъ, что сейчасъ ѣдетъ объясняться къ цензору В... Я замѣтила, что не стоитъ тратить время на подобное объясненіе.

— Какъ не стоитъ!—возразилъ Добролюбовъ,—если у человѣка не хватаетъ смысла понять самому, что нельзя позволять себѣ такое безцеремонное обращеніе съ статьями, которыя онъ обязанъ цензуровать, а не развозить для прочтенія кому ему вздумается...

Цензоръ В... преклонялся передъ авторитетомъ Тургенева и воображалъ, что и тотъ питаетъ къ нему большое уваженіе за его цензурскую храбрость. В... всегда торжественно объявлялъ: «Я, господа, опять получилъ выговоръ отъ начальства—это третій въ одинъ мѣсяцъ!» и В... съ гордостью обводилъ глазами всѣхъ. Тургеневъ потѣшался надъ В..., расхваливая его храбрость и говорилъ ему, что онъ единственный просвѣщенный цензоръ въ Россіи! Простодушный В... умилялся и растроганнымъ голосомъ благодарилъ литераторовъ за то, что они цѣнятъ его дѣятельность и распространялся о своихъ либеральныхъ подвигахъ.

Когда В... уходилъ, то Тургеневъ покатывался со смѣху и восклицалъ:

— Вотъ хвастливый гусь! Я думаю у самаго отъ каждаго выговора подъ жилками трясется, а онъ кричитъ о своей храбрости!

Некрасовъ, давшій знать Тургеневу, что самъ будетъ у него, поѣхалъ къ нему, но не засталъ его дома и намѣревался передъ клубнымъ обѣдомъ опять заѣхать къ нему, объясняя себѣ отсутствіе Тургенева какой-нибудь случайностью.

Въ этотъ вечеръ Некрасовъ вернулся изъ клуба около двухъ часовъ ночи и вошелъ въ нашу столовую; онъ былъ мраченъ и, подавая мнѣ записку, сказалъ:

— Мнѣ не удалось опять застать дома Тургенева, я оставилъ ему письмо и вотъ какой получилъ отвѣтъ—прочитайте-ка.

Отвѣтъ Тургенева состоялъ изъ одной фразы: «выбирай: я или Добролюбовъ».

Некрасовъ былъ сильно озадаченъ этимъ ультиматумомъ и, ходя по комнатѣ, говорилъ:

— Я внимательно прочелъ статью Добролюбова и положительно не нашелъ въ ней ничего, чѣмъ могъ бы оскорбиться Тургеневъ. Я это написалъ ему, а онъ вотъ какой отвѣтъ мнѣ прислалъ!.. Какая черная кошка пробѣжала между нами? Остается одно: во-

Все не печатать этой статьи. Добролюбовъ очень дорожить журнальнымъ дѣломъ и не захочетъ, чтобы изъ-за его статьи у Тургенева произошелъ разрывъ съ «Современникомъ». Это повредитъ журналу, да и прибавитъ Добролюбову враговъ, которыхъ у него и такъ много; въ литературѣ обрадуются случаю, поднимутъ гвалтъ, на него посыпятся разные сплетни, такъ что гораздо благоразумнѣе избѣжать всего этого... Я въ такомъ состоянїи, что не могу идти къ нему объясняться, лучше вы передайте, какой серьезный оборотъ приняло дѣло.

Я отправилась къ Добролюбову; онъ удивился моему позднему приходу. Я придала шутливый тонъ своему порученію и сказала:

— Я явилась къ вамъ, какъ парламентаръ.

— Догадываюсь—предполагають сдать?—съ усмѣшкою спросилъ онъ.

— Разсчитываютъ на ваше благоразуміе, которое устранить важную потерю для журнала; Некрасовъ получилъ записку отъ Тургенева...

— Вѣроятно Тургеневъ грозитъ, что не будетъ болѣе сотрудникомъ въ «Современникѣ», если напечатають мою статью,—перебилъ меня Добролюбовъ.—Не понятно мнѣ, для чего понадобилось Тургеневу придираться къ моей статьѣ? Онъ могъ бы прямо заявить Некрасову, что не желаетъ сотрудничать вмѣстѣ со мной. Каждый свободенъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ людямъ!... Я выведу Некрасова изъ затруднительнаго положенія; я самъ не желаю быть сотрудникомъ въ журналѣ, если мнѣ нужно подлаживаться къ авторамъ, о произведеніяхъ которыхъ я пишу.

Добролюбовъ не далъ мнѣ возразить и добавилъ:

— Нѣтъ, ужъ если вы взялись за роль парламентаря, такъ выполните ее по всѣмъ правиламъ и передайте мой отвѣтъ Некрасову.

Идя отъ Добролюбова, я встрѣтила въ передней Панаева только что вернувагося домой и передала ему отвѣтъ Добролюбова.

— О чемъ хлопочетъ Некрасовъ,—сказалъ Панаевъ,—никакого соглашенія не можетъ быть съ Тургеневымъ. Я былъ въ театрѣ и тамъ мнѣ говорили, какъ о дѣлѣ рѣшеномъ, что Тургеневъ не хочетъ болѣе имѣть дѣла съ «Современникомъ», потому что редакторы дозволяютъ писать на него ругательныя статьи... Анненковъ накинулся на меня съ пѣной у рта, упрекая въ черной неблагодарности и увѣряя, что единственно одному Тургеневу мы обязаны успѣхомъ журнала; что мы осрамили себя, дозволивъ нахальному и ехидному мальчишкѣ писать ругательства о такомъ великомъ писателѣ, какъ Тургеневъ! Я не могъ уйти отъ него, потому что въ проходѣ была толпа, а Анненковъ воспользовался этимъ и нарочно громко говорилъ, чтобы всѣ его слышали... Я только тѣмъ заставилъ его замолчать, когда сказалъ ему: «что онъ вѣрно за обѣдомъ выпилъ много шампанскаго, что такъ кричитъ въ публикѣ».

Я сообщила Некрасову отвѣтъ Добролюбова.

— Ну, вотъ не доставало этого! — съ досадою воскликнулъ Некрасовъ.

Въ эту минуту вошелъ Панаевъ и передалъ Некрасову выходку Анненкова въ театрѣ. Некрасовъ выслушалъ его молча и, тяжело вздохнувъ, произнесъ:

— Ну, тутъ ничего не подѣлаешь? Значить постарались науськать Тургенева на Добролюбова!—И, обратясь ко мнѣ, онъ продолжалъ: — Скажите Добролюбову, чтобы онъ не сердился на меня, если я его обидѣлъ чѣмъ-нибудь. Очень я разстроены! лучше завтра утромъ поговоримъ; намъ обоимъ надо успокоиться.

Когда я рассказала Добролюбову о разговорѣ Анненкова съ Панаевымъ, то Добролюбовъ пожалъ плечами и замѣтилъ:

— Напрасно они думаютъ, что стоитъ только имъ произнести свой приговоръ надъ человѣкомъ, что онъ дуракъ и недобросовѣстный, то имъ безконтрольно все повѣрятъ!... Удивляюсь, какъ мало у этихъ людей чувства собственнаго достоинства!...

Я долго еще разговаривала съ Панаевымъ о выходкѣ Тургенева, которая явно клонила къ тому, чтобы лишить Добролюбова возможности сотрудничать въ «Современникѣ». Панаевъ тогда уже убѣдился, что былъ обязанъ именно своимъ близкимъ пріятелямъ тѣмъ, что о немъ постоянно ходили всякаго рода сплетни въ литературной средѣ. Въ первую минуту огорченія Панаевъ говорилъ мнѣ:

— За что они такъ всегда преслѣдовали меня? Что я имъ сдѣлалъ дурного? Если я такой дрянной человѣкъ, то какъ же они могли столько лѣтъ находиться со мной въ такихъ короткихъ пріятельскихъ отношеніяхъ? Какъ хватало у нихъ духу, послѣ того, какъ они распускали всякія сплетни на меня, жать мнѣ руку и садиться за мой столъ? Какъ у нихъ языкъ ворочался увѣрять меня въ своей дружбѣ? Мнѣ такъ тяжело и такая мучительная тоска давить меня, что я мѣста не нахожу.

Панаевъ до ослѣпленія былъ привязанъ ко всѣмъ своимъ старымъ друзьямъ и на него сильно подѣйствовала ихъ лицемерная дружба. Онъ сдѣлался скученъ и молчаливъ и по возможности избѣгалъ ихъ общества. Это замѣтили его мнимые друзья и приставали къ нему съ разспросами: «Что съ тобой? Мы думали, что нашъ Панаевъ вѣчно будетъ юнъ, а онъ сдѣлался не узнаваемъ. Мы все твои друзья, такъ тебя любимъ, что такая перемѣна въ тебѣ насъ огорчаетъ?»

Панаевъ конфузился и говорилъ мнѣ:

— Хотъ бы оставили меня въ покоѣ съ своимъ участиемъ: еще тяжелѣе мнѣ дѣлается отъ этого...

Не знаю какой разговоръ происходилъ на другое утро у Некрасова съ Добролюбовымъ, но, придя отъ него, Некрасовъ сказалъ мнѣ:

— Добролюбовъ—это такая свѣтлая личность, что не смотря на его молодость, проникаешься къ нему глубокимъ уваженіемъ. Этотъ человѣкъ не то, что мы; онъ такъ строго самъ слѣдитъ за собой, что мы всѣ передъ нимъ должны краснѣть за свои слабости, которыми заражены. Мнѣ больно и обидно, что Тургеневъ составилъ себѣ такое превратное понятіе о человѣкѣ такой рѣдкой честности. Но, Богъ дастъ, всѣ недоразумѣнія выяснятся и Тургеневъ устыдится, что по слабости своего характера поддался вліянію завистливыхъ сплетниковъ, которыхъ къ несчастью слишкомъ много развелось въ литературѣ.

Некрасовъ былъ убѣжденъ, что не смотря на разрывъ Тургенева съ «Современникомъ» это не повліяетъ на ихъ давнишнюю дружбу. Онъ имѣлъ право такъ думать, потому что когда прежде у Тургенева выходили исторіи съ нѣкоторыми литераторами изъ-за его нелестныхъ отзывовъ о нихъ на сторонѣ, Тургеневъ говорилъ тогда Некрасову:

— Вотъ между нами подобныхъ исторій не можетъ произойти, потому что мы оба не повѣримъ никакимъ сплетнямъ. Сколько разъ пробовали насъ посорить, наушничая, что я будто бы о тебѣ дурно отзывался, однако, ты не повѣрилъ же? Мнѣ кажется, если бы ты вдругъ сдѣлался ярымъ крѣпостникомъ, то и тогда бы наша дружба не могла пострадать. Я бы снисходительно относился къ перемѣнѣ твоихъ убѣжденій. Мы, братъ, съ тобой теперь такъ крѣпко связаны, что ничто не можетъ насъ разлучить.

Некрасовъ былъ привязанъ къ Тургеневу и твердо убѣжденъ въ его взаимной привязанности къ нему. Некрасовъ понималъ, что для журнала Добролюбовъ необходимъ. Тургеневъ въ послѣднее время почти ничего не дѣлалъ для «Современника». Принявшись за повѣсть «Наканунъ», онъ увѣрялъ, что пишетъ ее для «Современника», а между тѣмъ отдалъ эту повѣсть въ другой журналъ, оправдываясь тѣмъ, что къ нему пристали съ ножомъ къ горлу, требуя исполненія честнаго слова, даннаго давно редактору, и чуть не силою взяли у него рукопись. Онъ утѣшалъ Некрасова, увѣряя, что у него уже обдумана новая повѣсть для «Современника» и онъ скоро ее напишетъ.

Некрасовъ говорилъ: «я самъ виноватъ, зная какъ Тургеневъ теряется, когда на него накинется нахрапомъ; мнѣ надо было поступить также, а я имѣлъ глупость этого не сдѣлать... взялъ бы у него начало повѣсти и она была бы напечатана въ «Современникѣ».

Разрывъ Тургенева съ «Современникомъ» произвелъ такое же смятеніе въ литературномъ мірѣ, какъ если бы случилось землетрясеніе. Приближенные Тургенева, которыми онъ себя всегда окружалъ, какъ глашатае оповѣщали всюду о разрывѣ и цитировали чуть ли не цѣлыя страницы ругательства на Тургенева,

будто бы заключавшіяся въ статьѣ Добролюбова. Однимъ словомъ, Добролюбовъ выставлялся Змѣемъ-Горыничемъ, а Тургеневъ богатыремъ Добрыней Никитичемъ, который спасъ литературу отъ чудовища пожиравшаго всѣхъ, какъ прежнихъ, такъ и современныхъ, авторитетныхъ писателей.

Когда вышла книжка «Современника» со статьёю Добролюбова о «Наканунѣ», то въ оправданіе себя друзья Тургенева стали кричать, что Некрасовъ струсилъ и заставилъ Добролюбова написать другую статью. Цензоръ Б... выказалъ на столько храбрости, что опровергалъ этотъ слухъ, но его одинокій голосъ былъ заглушенъ криками, что Некрасовъ подкупилъ цензора, чтобы онъ выгораживалъ его.

Когда увидѣли, что предсказанія не исполнились и «Современникъ» съ уходомъ изъ него Тургенева не только не погибаетъ, а напротивъ, подписка на него значительно увеличивается, тогда преслѣдованія Добролюбова перешли всѣ границы: стали распространять слухи, что въ «Современникѣ» свили себѣ гнѣздо разрушители всѣхъ нравственныхъ основъ общественной жизни, что они желаютъ уничтожить всѣ эстетическіе элементы въ обществѣ и водворить одинъ грубый матеріализмъ; а подъ видомъ женскаго вопроса проповѣдуютъ мормонство. Въ это же время появилась въ «Колоколѣ» нелѣпная статья о Добролюбовѣ, въ которой онъ былъ выставленъ какъ самая скверная личность.

Надо замѣтить, что «Колоколъ» уже терялъ свой престижъ, потому что свѣдѣнія получаемыя имъ изъ Россіи начали изсякать и были, въ большинствѣ, невѣрны и нелѣпы; при томъ же русской печати дозволено было говорить о многихъ общественныхъ вопросахъ, такъ что лондонская газета уже не представляла прежняго интереса.

Не трудно было догадаться, кѣмъ была доставлена статья въ лондонскую газету. Одинъ изъ сотрудниковъ «Современника» нарочно поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы поговорить съ редакторомъ объ этой статьѣ. Поѣздка его продолжалась недолго. Никто не подозрѣвалъ объ его отсутствіи и только четыре лица въ редакціи знали объ этой поѣздкѣ.

Вскорѣ послѣ разрыва Тургенева съ «Современникомъ», Панаевъ встрѣтилъ во французскомъ театрѣ генерала Т..., занимавшаго видный и вліятельный постъ; генералъ поманилъ его къ себѣ и укоризненно сказалъ:

— Ай, ай! Какъ это вы могли поссориться съ вашимъ давнишнимъ пріятелемъ и такимъ безкорыстнымъ сотрудникомъ, какъ Тургеневъ ¹⁾.

¹⁾ Тургеневъ, попрежнему, продолжалъ говорить въ аристократическихъ салонахъ, что даетъ свои повѣсти въ журналы даромъ.

Панаевъ отвѣчалъ, что съ Тургеневымъ не было ссоры, а что онъ самъ не захотѣлъ болѣе сотрудничать въ «Современникѣ».

— Я понимаю,—сказалъ генераль,—что онъ не могъ оставаться сотрудникомъ въ журналѣ, въ которомъ вы даете мѣсто темнымъ личностямъ.

— Какимъ темнымъ личностямъ?—спросилъ Панаевъ.

— Вы человѣкъ довѣрчивый и васъ легко эксплуатировать. По старому знакомству, я даю вамъ совѣтъ—очистить свой журналъ отъ такихъ сотрудниковъ, какъ Добролюбовъ и Ч... и всей ихъ шайки.

Панаевъ началъ защищать Добролюбова и Ч..., на это генераль ему сказалъ:

— Вашъ милѣйшій, бывшій пріятель, хорошо познакомилъ меня съ этими ужасными личностями.

— Странно, почему же Тургеневъ вдругъ нашелъ ихъ ужасными личностями, когда прежде постоянно встрѣчался съ ними и приглашалъ ихъ къ себѣ?

— Пока не узналъ ихъ хорошо!.. Впрочемъ, я долженъ предупредить васъ, что вы видите въ моемъ лицѣ самаго горячаго защитника Тургенева.

Некрасовъ тогда не повѣрилъ словамъ генерала Т... и полагалъ, что до него дошли слухи, распространяемые недоброжелателями «Современника», а онъ свалилъ это на Тургенева. Некрасовъ былъ увѣренъ, что какъ только Тургеневъ узнаетъ, какую взводить на него клевету, то возмутится и докажетъ, что не способенъ на такую низость. Но Некрасовъ жестоко ошибся.

Тургеневъ былъ постоянно окруженъ множествомъ литературныхъ приживальщиковъ и умѣлъ очень ловко вербовать себѣ поклонниковъ, которые преклонялись передъ его мнѣніями, восхищались каждымъ его словомъ, видѣли въ немъ образецъ всякихъ добродѣтелей и всюду усердно его рекламировали. Послѣ разрыва Тургенева съ «Современникомъ» эти приживальщики съ какимъ-то азартомъ принялись распускать всевозможныя клеветы и сплетни на счетъ Некрасова, Панаева, Добролюбова и другихъ главныхъ сотрудниковъ «Современника». Такъ, между прочимъ, редакция «Современника» была извѣщена, что Тургеневъ уѣзжаетъ за границу для того, чтобы, на свободѣ, писать повѣсть, подъ заглавіемъ «Нигилистъ», героемъ которой будетъ Добролюбовъ, а вскорѣ послѣ отъѣзда Тургенева за границу, въ литературныхъ кружкахъ появились слухи о письмѣ Огарева къ Кавелину, въ которомъ Некрасовъ обвинялся въ томъ, что проигралъ 30 т. денегъ, принадлежавшихъ умершей женѣ Огарева. Никому не казалось страннымъ, почему Огаревъ такъ долго молчалъ объ этомъ; его жена умерла въ началѣ 50 годахъ, а онъ только теперь вдругъ, ни съ того ни съ сего, нашелъ нужнымъ огласить поступокъ Некрасова.

Карточныя дѣла Некрасова мнѣ были мало извѣстны; но это обвиненіе я смѣло могу опровергнуть, потому что я и Грановскій очень хорошо знали денежные средства умершей Огаревой. Я въ кратцѣ изложу дѣло, изъ котораго будетъ видно, имѣлъ ли Огаревъ какія-нибудь данныя взвести столь тяжкое обвиненіе на Некрасова.

Въ 1849 году, Огарева, съ которой я близко сошлась во время моего пребыванія за границей, прислала мнѣ довѣренность для взыскапія съ ея мужа по векселю 100 тысячъ рублей. Этотъ вексель мужъ выдалъ ей въ первый годъ ея замужества, лѣтъ 9 или 10 тому назадъ. Уже два года, какъ Огаревы жили врозь. Я не хотѣла брать эту довѣренность, но литературные друзья Огарева убѣждали меня не отказываться, говоря, что если довѣренность попадетъ въ руки какого-нибудь ходока по дѣламъ, то тотъ немедленно подастъ ко взыскапію вексель и наложитъ запрещеніе на недвижимое имущество Огарева, который, кромѣ скандала, могъ черезъ это понести большое разстройство въ своихъ денежныхъ дѣлахъ. Хотя у Огарева было около 4 тысячъ душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ, но онъ такъ былъ безалаберенъ, что надѣлалъ уже долговъ. Огаревъ нарочно самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы упросить меня взять довѣренность; онъ, при свидѣтеляхъ, сидѣвшихъ въ кабинетѣ у Панаева, далъ честное слово, что уплатитъ по векселю. Этими свидѣтелями были: Тургеневъ, Анненковъ, В. П. Боткинъ. Я отвѣчала, что не возьму довѣренности до тѣхъ поръ, пока не получу отъ Огаревой согласія на миролюбивое окончаніе ея расчетовъ съ мужемъ. Огарева дала согласіе, и тогда я передала вексель Грановскому, предоставивъ ему имѣть дѣло съ Огаревымъ, находившимся въ Москвѣ, и была совершенно спокойна, такъ какъ всѣ увѣряли, что я не буду имѣть никакихъ хлопотъ. Упомянутые мною свидѣтели не могли не знать, что у Огаревой не было никакихъ капиталовъ, потому что при нихъ я упрашивала ея мужа послать ей хотя сколько-нибудь денегъ за границу, такъ какъ она сидитъ безъ гроша.

Вслѣдствіе непріятностей, возникшихъ между однимъ московскимъ семействомъ и Огаревымъ, онъ долженъ былъ поспѣшно уѣхать изъ Москвы за границу, давъ Грановскому честное слово, что его повѣренный, общій ихъ пріятель, уплатитъ по векселю, такъ какъ онъ поручилъ ему продать всѣ его деревни, потому что не хотѣлъ болѣе возвращаться въ Россію. Распродажа имѣній Огарева произошла въ тихомолку и очень поспѣшно; боялись, чтобы не узнали о его намѣреніи эмигрировать и не конфисковали бы его имѣній. Грановскій, видя, что имѣнія распродаютъ, а по векселю повѣренный Огарева не уплачиваетъ, далъ мнѣ знать, что необходимо прислать скорѣй въ Москву повѣреннаго, который предьявиль бы искъ судебнымъ порядкомъ.

Пока Огарева прислала новую довѣренность повѣренному на

предъявленіе иска, пока онъ хлопоталъ судебнымъ порядкомъ о наложеніи запрещенія на имѣнія Огарева, все уже было распродано, за исключеніемъ одной небольшой деревни, оцѣненной въ 30 тысячъ, которая и досталась Огаревой.

Объ этомъ всё пріятели Грановскаго, а также Панаева и Некрасова, знали; слѣдовательно, Огарева не получала отъ мужа никакихъ денегъ въ уплату по векселю.

Огарева поручила своему повѣренному продать доставшуюся ей деревню, и она была продана въ кредитъ покупщику, который выдалъ два заемныя письма срокомъ на два года. Но Огарева вскорѣ умерла, а ея наслѣдники: братъ и мужъ, вмѣсто того, чтобы обратиться къ покупщику, предъявили искъ ко мнѣ и не хотѣли принять заемныхъ писемъ, которыя хранились у меня, а требовали деревню.

Я не буду описывать всѣхъ притѣсненій, которыя мнѣ дѣлалъ ихъ повѣренный, принимавшій наслѣдство. Въ концѣ концовъ, онъ сдѣлалъ начеть въ 8 тысячъ за полтора года владѣнія деревней покупщикомъ и мнѣ пришлось уплатить эти деньги, чтобы скорѣй развязаться съ столь неприятнымъ дѣломъ.

Изъ сказаннаго мною кажется ясно, что и послѣ смерти у Огаревой не осталось никакихъ денегъ, которыя могъ бы проиграть Некрасовъ.

Я узнала о письмѣ Огарева отъ Добролюбова; онъ не былъ со мной согласенъ, что Некрасову слѣдовало доказать, имѣвшимися у насъ документами, что обвиненіе Огарева ложно.

— Не доводить же дѣло до третейскаго суда,—сказалъ Добролюбовъ, — явно, что Некрасову мстять за меня его прежніе пріятели. Все это печальные факты, показывающіе до какого нравственнаго развращенія могутъ доходить люди. Неужели они не думаютъ, что настанетъ время, когда въ литературѣ укажутъ, какъ на небывалый примѣръ, что, въ настоящую эпоху, нѣкоторые литераторы изъ личныхъ своихъ цѣлей и озлобленія позорили себя клеветой... Безъ ужаса нельзя подумать, что если въ литературѣ увеличится число подобныхъ личностей, то они неизбѣжно подорвутъ уваженіе и довѣріе къ печати въ общественномъ мнѣніи, тогда какъ каждый представитель ея обязанъ заботиться о томъ, чтобы своей безупречной жизнью пріобрѣсти право печатно высказывать свои взгляды на недостатки общества.

Некрасова ужасно потрясло письмо Огарева и еще болѣе то, что бывшіе его пріятели-литераторы старались распространять слухи объ этомъ письмѣ.

— Я вижу,—говорилъ онъ,—что на меня устроена просто облава; затравить меня хотятъ. Не могу похвастаться, чтобы сочувственно относились къ моимъ стихамъ въ литературѣ, но ужъ лично ко мнѣ они выказали безчеловѣчное отношеніе. Право люди нераз-

витые, въ обществѣ которыхъ я теперь провожу время, гораздо честнѣе и гуманнѣе; никто изъ нихъ не дозволяетъ себѣ такихъ клеветъ. Не развитымъ людямъ еще протительно, если они не разборчивы въ поступкахъ относительно своихъ личныхъ враговъ. Не разъ вспомнешь Бѣлинскаго; при немъ не позволили бы себѣ литераторы такъ изводить клеветой кого-нибудь изъ личной мести. Очевидно, намъ, какъ мальчишкамъ съ дурными наклонностями, нуженъ строгій наставникъ, котораго мы боялись бы. Скорѣй бы смѣнили насъ въ литературѣ люди съ болѣе честными нравственными принципами, а мы, кромѣ дурного вліянія, ничего не приносимъ. Я чистосердечно сознаю, что своимъ образомъ жизни не могу служить хорошимъ примѣромъ, за то и не считаю себя безупречнымъ рыцаремъ и не преслѣдую другихъ за ихъ слабости! Мнѣ только и остается одно утѣшеніе, что я въ своей жизни не былъ завистникомъ чужого таланта; напротивъ, радовался появленію его въ литературѣ.

Панаевъ написалъ Огареву письмо и просилъ меня никому объ этомъ не говорить. Одинъ знакомый Панаева ѣхалъ за границу и онъ поручилъ ему отвезти его письмо въ Лондонъ.

Панаевъ въ своемъ письмѣ стыдилъ Огарева и, между прочимъ, писалъ: «Ты не далъ даже себѣ труда подумать, откуда могли быть у твоей умершей жены 30 тысячъ? Тебѣ слѣдовало прежде провѣрить слова той личности, которая явилась къ тебѣ съ подобнымъ свѣдѣніемъ. Что Некрасовъ ведетъ большую игру, это вѣрно, но это еще далеко отъ того, чтобы подозрѣвать его въ такомъ грязномъ поступкѣ. Да и не намъ съ тобой быть судьями чужихъ слабостей, оглянемся лучше на наше прошлое и спросимъ самихъ себя — имѣемъ ли мы право презирать людей въ ихъ безхарактерности и дурныхъ увлеченіяхъ. Если строго судить, то мы должны сознаться во многихъ нашихъ некрасивыхъ поступкахъ и гораздо будетъ лучше, если мы не будемъ претендовать на роль строгихъ и карающихъ судей. Вы второй разъ дѣлаетесь сообщниками людей, которые не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы опозорить личность другого человѣка изъ личной своей мести и зависти къ его таланту. Не будьте такъ легковѣрны къ словамъ литераторовъ, которые являются къ вамъ изъ Петербурга съ подобными свѣдѣніями о своихъ собратахъ. Вы живете слишкомъ далеко отъ русской литературы и не слѣдите за ней, судя по статьѣ о Добролюбовѣ, напечатанной въ вашей газетѣ; добросовѣстнѣе будетъ съ вашей стороны не произносить вашихъ приговоровъ русскимъ литераторамъ».

Получилъ ли отвѣтъ на свое письмо Панаевъ — не знаю, но только съ тѣхъ поръ въ лондонской русской газетѣ болѣе не было никакихъ статей о Добролюбовѣ и изобличительныхъ писемъ о Некрасовѣ. Я такъ же, какъ и Панаевъ, не сомнѣвалась въ личности,

которая подбила Огарева написать столь обидное и несправедливое письмо о Некрасовѣ.

Между тѣмъ, здоровье Добролюбова замѣтно разстроивалось. Когда по утрамъ онъ приходилъ ко мнѣ пить чай, въ его лицѣ не было кровинки; онъ страдалъ бессонницей, отсутствіемъ аппетита и чувствовалъ сильную слабость. Докторъ далъ ему совѣтъ ѣхать за границу и отдохнуть отъ всякихъ занятій. Добролюбовъ въ первую минуту говорилъ мнѣ:

— Меня удивляетъ, какъ самый умный докторъ даетъ подобный совѣтъ пациенту, зная хорошо, что ему не возможно этотъ совѣтъ выполнить.

— Вы должны ѣхать за границу,—замѣтила я.

— Ужъ вамъ-то не слѣдовало этого говорить; вы знаете, что я только-что развязался съ долгомъ, который сдѣлалъ мой покойный отецъ, построивъ себѣ домъ въ Нижнемъ. Знаете также, что доходъ съ него такъ малъ, что его не хватаетъ на содержаніе моихъ сестеръ и на воспитаніе моихъ младшихъ братьевъ; значитъ, моя обязанность заботиться о нихъ; а я буду отдыхать цѣлый годъ и тратить деньги на свое путешествіе?!

— Вы не должны ни о чемъ другомъ заботиться, какъ только о своемъ здоровьѣ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не напрасно ли я потрачу время и деньги. А вдругъ и со мной окажется такая же штука, какъ съ Некрасовымъ,—доктора также ошибаются въ моей болѣзни? Можетъ быть у меня болѣе серьезная болѣзнь и однимъ отдыхомъ не поправить здоровья?

— Поѣзжайте къ болѣе авторитетному доктору, ну, къ двумъ, тремъ!

— Кажется, Некрасовъ перебивалъ у всѣхъ европейскихъ медицинскихъ свѣтилъ, однако, и они ошиблись въ его болѣзни.

— Я вижу, что вамъ не хочется ѣхать за границу, вы придумываете разныя отговорки,—сказала я.

— Я охотно проѣхался бы по Европѣ, если бы это не было сопряжено съ такими денежными затрудненіями для меня.

— Догадываюсь, что вы не можете разстаться съ журналомъ, а именно отъ него-то вамъ и надо бѣжать за тридевять земель.

— Ну, теперь мнѣ поздно разставаться съ журнальной дѣятельностью; она необходима для моего существованія, какъ рыбѣ вода.

— Для рыбы нужна чистая вода, а не зараженная гнилью. Сознайтесь, что въ теченіе дня вы нѣсколько разъ взволнуетесь отъ разныхъ непріятностей. Однѣ сплетни сколько перепортятъ у васъ крови?

— А все-таки для меня немислимо существовать безъ журнальной дѣятельности. Если бы мнѣ сказали, что я могу дожить до

глубокой старости, но съ условіемъ бросить журналъ, я, не колеблясь, предпочелъ бы лучше прожить только до 30 лѣтъ, но не бросать свою журнальную дѣятельность.

Всѣ близкіе къ Добролюбову люди настаивали, чтобы онъ скорѣй ѣхалъ за границу, да и онъ самъ наконецъ понялъ, что ему необходимо возстановить свои силы.

Наканунѣ своего отъѣзда, Добролюбовъ долго сидѣлъ у меня и говорилъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Не смотря на свою молодость, онъ былъ очень заботливъ о своихъ сестрахъ и братьяхъ.

Въ половинѣ лѣта я также поѣхала за границу, на морскія купанья во Францію, и написала Добролюбову, находившемуся въ Италіи, что отдала его братьевъ учителю, чтобы онъ ихъ подготовилъ къ вступительному экзамену въ гимназію и что вмѣсто меня о нихъ будетъ заботиться одна наша общая знакомая дама, которая уже нѣсколько лѣтъ занимается педагогіею и лучше меня умѣетъ воспитывать дѣтей. Добролюбовъ отвѣчалъ мнѣ, что одобряетъ мое распоряженіе.

Окончивъ морскія купанья, я пріѣхала въ Парижъ и по совѣту докторовъ рѣшилась остаться на зиму за границей. Вдругъ я получаю отъ Панаева письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что Добролюбовъ неожиданно вернулся изъ-за границы. Панаевъ писалъ, что на его глаза Добролюбовъ нисколько не поправился, а даже скорѣе похудѣлъ. Меня очень разсердило, что Добролюбовъ вернулся къ осени въ Петербургъ, тогда какъ докторъ строго запретилъ ему это дѣлать. Вслѣдъ за письмомъ Панаева, я получила и отъ Добролюбова письмо, въ которомъ онъ писалъ, что возвратился въ Петербургъ, потому что для его здоровья было совершенно бесполезно долѣе оставаться за границей, а между тѣмъ ему сдѣлалась невыносима его праздная жизнь. «Теперь не время думать о своемъ здоровьѣ и сидѣть сложа руки за границей, писалъ онъ, когда столько есть дѣла въ Петербургѣ.—Признаюсь вамъ, меня огорчило ваше намѣреніе остаться на зиму за границей; я рассчитывалъ, что скоро васъ увижу. Но я не такой закоренѣлый эгоистъ и порадуюсь, если вамъ покойнѣе будетъ жить подальше отъ Петербурга, гдѣ точно для васъ слишкомъ много разныхъ волненій, которыя такъ вредно отзываются на вашу печень. Вернитесь къ намъ совершенно излечившейся отъ вашей болѣзни. Примитесь-ка за работу; васъ не будутъ отрывать отъ нея, какъ это обыкновенно случалось съ вами въ Петербургѣ. Какъ напишите повѣсть, то сейчасъ пришлите».

Кромѣ того, Добролюбовъ описывалъ въ этомъ письмѣ, какъ онъ устроился на новой квартирѣ, увѣдомлялъ, что взялъ къ себѣ своихъ братьевъ отъ учителя и что его дядя поселился у него; затѣмъ строилъ планы—какъ на слѣдующее лѣто будетъ жить съ нами на дачѣ.

Въ половинѣ сентября, я получила отъ Панаева письмо, которое меня очень встревожило и огорчило. Добролюбовъ простудился и расхворался; докторъ нашелъ, что у него очень серьезная болѣзнь въ почкахъ. Я начала подумывать о возвращеніи въ Петербургъ для того, чтобы, если Добролюбову не будетъ лучше, по возможности удалить отъ него заботы о братьяхъ и, вообще, доставить больному болѣе удобствъ, при его холостой обстановкѣ. Вдругъ, получаю коротенькое письмо отъ Добролюбова:

«Если вамъ возможно, то вернитесь поскорѣй въ Петербургъ, ваше присутствіе для меня необходимо. Я никуда не гожусь! Меня раздражаетъ всякая мелочь въ моей домашней обстановкѣ. Вы можете видѣть на сколько я боленъ, если придаю значеніе пустякамъ. Я убѣжденъ, что если вы приѣдите, то мнѣ легче будетъ перенести болѣзнь. Я не буду распространяться о моей благодарности, если вы принесете для меня эту жертву. Отвѣьте мнѣ немедленно, можете ли вы приѣхать?»

Я телеграфировала Добролюбову, что скоро приѣду.

Заграничный поѣздъ прибылъ въ Петербургъ поздно вечеромъ. Панаевъ встрѣтилъ меня и на мой вопросъ о Добролюбовѣ, сказалъ, что онъ уже три дня не выходитъ изъ дому вслѣдствіе лихорадки. Я рѣшила навѣстить его завтра утромъ, какъ вдругъ онъ самъ явился неожиданно. Мнѣ трудно было скрыть отъ него тяжелое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня своимъ болѣзненнымъ видомъ. Я, конечно, побранила его за то, что онъ пришелъ такъ поздно и притомъ въ дождь, тогда какъ докторъ запретилъ ему выходить.

— Я предчувствовалъ, что вы меня встрѣтите выговоромъ,— шутиливо сказалъ Добролюбовъ.—Извольте, я два дня лишнихъ пролежу дома за сегодняшній вечеръ.

Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и просидѣлъ у меня до часу. Я замѣтила, что у него сдѣлался сильный жаръ и угостила его переночевать на половинѣ Некрасова.

Добролюбовъ спросилъ меня—очень ли онъ измѣнился. Я сочла за лучшее сказать ему правду.

— Вотъ, вы понимаете, какъ смѣшно больному человѣку врать, что будто онъ пышетъ здоровьемъ. А я былъ правъ, когда говорилъ передъ отъѣздомъ за границу, что докторъ ошибается—будто у меня нѣтъ никакой другой болѣзни, кромѣ утомленія отъ усиленныхъ занятій.

— Не надо вамъ было возвращаться осенью въ Петербургъ. Простудились!..

Добролюбовъ горько усмѣхнулся и произнесъ:

— Простуда! ну-да объ этомъ теперь нечего говорить! спохватились лечить меня отъ моей болѣзни тогда, когда дали ей время развиться.

На другое утро онъ попрежнему пришелъ ко мнѣ пить чай и увѣрялъ меня, что отлично спалъ и чувствуетъ себя бодрымъ.

— Вотъ видите ли,—говорилъ онъ,—никакихъ дурныхъ послѣдствій не произошло, напротивъ, я сегодня всталъ, не чувствую лихорадочнаго озноба; навѣрно и къ вечеру не будетъ жара... Примусь писать.

Я вмѣстѣ съ нимъ пошла посмотрѣть—какая у него квартира и нашла, что она никуда не годится для больного человѣка: мрачная, темная и сырая.

Когда я присмотрѣлась къ его домашней обстановкѣ, то поняла причину его раздражительности. Дядя поминутно донималъ его жалобами на племянниковъ, на кухарокъ, постоянно заводилъ разговоры о томъ, какое тягостное бремя взялъ на себя, завѣдуя хозяйствомъ, обижался, что Добролюбовъ не можетъ ѣсть жирный супъ и тощую курицу, зажаренную въ горькомъ маслѣ. Я распорядилась присылать Добролюбову обѣдъ отъ насъ и за это дядя его надулся на меня.

Добролюбовъ, попрежнему, если еще не съ удвоеннымъ рвеніемъ, заботился о журналѣ, и не обращая вниманія ни на какую погоду, ѣздилъ въ типографію и къ цензорамъ.

Въ самыхъ первыхъ числахъ октября, онъ пріѣхалъ къ намъ отъ цензора въ десятомъ часу вечера сильно раздраженнымъ тѣмъ, что не могъ уломать его, чтобы онъ пропустилъ вычеркнутыя мѣста въ чьей-то статьѣ.

Некрасовъ только-что всталъ послѣ обѣденнаго сна и флегматически замѣтилъ:

— Охота вамъ была въ такую скверную погоду ѣздить къ цензору, толковать съ нимъ битый часъ. Черезъ два мѣсяца пошлемъ къ нему новый наборъ этой статьи, онъ и позабудетъ, что уже читалъ ее и навѣрное пропуститъ. Надо послать въ типографію сказать, чтобы набрали другую статью.

Добролюбовъ пристально смотрѣлъ на Некрасова и я замѣтила, что онъ раздражается его флегматическимъ тономъ.

— Что же? мы будемъ преподносить читателямъ запоздалыя статьи о вопросахъ, которыми живо интересуется общество?..—спросилъ Добролюбовъ.

— Ну, что дѣлать,—возразилъ Некрасовъ.

— А небось,—иронически отвѣчалъ Добролюбовъ,—еслибы вы, проголодавшись, пришли въ ресторанъ и заказали себѣ хорошей обѣдъ, а вамъ бы подали подогрѣтыя кушанья, то не такъ бы покойно отнеслись бы къ этому. Положимъ мое сравненіе неудачно, но для васъ оно, можетъ быть, въ эту минуту будетъ понятнѣе.

Некрасовъ встрепенулся и произнесъ:

— Было время, что и я также волновался, какъ вы!.. Я вовсе не охладѣлъ къ журналу, а изъ горькаго опыта убѣдился, что

надо благоразумнѣе относиться къ подобнымъ вещамъ. Вотъ вы волнуетесь, вредите своему здоровью, поскакали къ цензору, а изъ этого никакого толка не вышло.

— Выйдетъ!—убѣжденнымъ тономъ отвѣтилъ Добролюбовъ.— Я сейчасъ же иначе выражу тѣ мѣста, которыя цензоръ выкинулъ и завтра утромъ опять поѣду къ нему и не часъ, а два, три, буду сидѣть у него и толковать ему, что онъ словно пуганая ворона—куста боится!

— Еще болѣе разстройте себя, если цензора не уломаете! Плетью обуха не перешибешь!—замѣтилъ Некрасовъ и началъ рассказывать, что въ 1848 г. продѣлывали цензора со статьями и какія курьезныя объясненія ему приходилось имѣть съ ними.

— Однако, вы тогда были на столько неблагоразумны, что употребляли всѣ усилія добросовѣстно исполнять свою обязанность передъ читателями «Современника»?—сказалъ Добролюбовъ,—какъ же теперь хотите издавать «Современникъ», спустя рукава, оправдываясь благоразуміемъ!

— Ну, дѣлайте, какъ знаете,—отвѣчалъ Некрасовъ и пошелъ одѣваться, чтобы ѣхать въ клубъ, а Добролюбовъ усѣлся за работу.

Уходя, я спросила его: прислать ли ему чай? но онъ отвѣчалъ, что придетъ ко мнѣ пить чай, какъ только окончитъ работу; но не прошло и часа, какъ человѣкъ пришелъ мнѣ сказать, что Добролюбову не здоровится. Я нашла Добролюбова лежащимъ на диванѣ; у него былъ сильный пароксизмъ лихорадки и онъ едва могъ проговорить «согрѣйте меня!.. только, ради Бога, не посылайте за докторомъ». Я укутала Добролюбова и напоила его горячимъ чаемъ; послѣ озноба у него сдѣлался сильный жаръ. Когда онъ пересталъ горѣть, то всталъ на ноги, но такъ былъ слабъ, что не могъ стоять и снова сѣлъ, сказавъ:

— Какъ же я доберусь до дому?

— Я васъ не пущу домой, еслибы вы даже и не чувствовали слабости.

— Я охотно останусь у васъ ночевать, мнѣ противна моя мрачная квартира, похожая на склепъ... да и я въ такомъ настроеніи, что не хочется оставаться одному.

Я совѣтывала ему лечь спать, но онъ просилъ меня посидѣть около него и прибавилъ:

— Это напоминаетъ мнѣ дѣтство. Я былъ хворый мальчикъ и часто страдалъ бессонницей; мать бывало ночью придетъ посмотреть на меня и увидя, что я не сплю, сядитъ около меня, и мы разговариваемъ.

Добролюбовъ съ чувствомъ началъ рассказывать какая была его мать умная, развитая и добрая женщина и потеря ея была такъ для него ужасна, что въ первое время ему приходила мысль лишиться себя жизни, въ такомъ былъ онъ отчаяннѣе.

Чтобы отвлечь Добролюбова отъ тяжелыхъ воспоминаній, я стала ему рассказывать о Бѣлинскомъ, о которомъ онъ и прежде много меня спрашивалъ.

Въ часъ ночи вернулся Некрасовъ и Добролюбовъ его встрѣтилъ словами:

— Я думаю, вы никакъ не ожидали опять найти у себя ночлежника?

— Хорошо сдѣлали, что остались, погода отвратительная,— отвѣчалъ Некрасовъ.

— По неволѣ остался, такой былъ сильный пароксизмъ лихорадки, что я стоять не могу на ногахъ. Спасибо А. Я. согрѣла меня и даже разсѣяла мои мрачныя мысли, рассказавъ мнѣ много интереснаго о Бѣлинскомъ.

— Жаль, что вы сами не знали этого человѣка!—сказалъ Некрасовъ, сѣвъ около дивана, на которомъ лежалъ Добролюбовъ.— Я съ каждымъ годомъ все сильнѣе чувствую, какъ важна для меня потеря его. Я чаще сталъ видѣть его во снѣ и онъ живо рисуется передъ моими глазами. Ясно припоминаю, какъ мы съ нимъ, вдвоемъ, часовъ до двухъ ночи бесѣдовали о литературѣ и о разныхъ другихъ предметахъ. Послѣ этого я всегда долго бродилъ по опустѣлымъ улицамъ въ какомъ-то возбужденномъ настроеніи, столько было для меня новаго въ высказанныхъ имъ мысляхъ... Вы вотъ вступили въ жизнь и въ литературу подготовленнымъ, съ твердыми принципами и ясными цѣлями. А я же?

Некрасовъ махнулъ рукой и продолжалъ:

— Заняться своимъ образованіемъ у меня не было времени, надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду. Я попалъ въ такой литературной кружокъ, въ которомъ скорѣе можно было оступѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ... Чтобы ему пожить подольше! Я бы былъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ теперь!

Некрасовъ произнесъ послѣднюю фразу дрожащимъ голосомъ, быстро всталъ и ушелъ въ кабинетъ.

— Тяжелыя минуты онъ переживаетъ сегодняшнюю ночь,— тихо замѣтилъ мнѣ Добролюбовъ.

— Есть и хорошая сторона въ этихъ тяжелыхъ минутахъ для него,—отвѣчала я,—послѣ нихъ онъ всегда принимается писать стихи.

— Въ такомъ случаѣ, пусть онъ почаще вспоминаетъ о Бѣлинскомъ,—произнесъ Добролюбовъ.

Черезъ четверть часа Некрасовъ пришелъ къ намъ и сказалъ:

— У меня тоже нѣтъ сна, давайте пить чай.

Некрасовъ, ложась спать, распорядился послать рано утромъ записку къ доктору Шипулинскому, чтобы онъ пріѣхалъ осмотрѣть

Добролюбова, но при этомъ сдѣлалъ бы видъ, что его посѣщеніе случайное.

Шипулинскій, выслушавъ Добролюбова, объявилъ Некрасову, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, что Добролюбову не встать съ постели, такъ истощенъ его организмъ.

Мы рѣшили, что Добролюбову будетъ удобнѣе лежать у насъ въ большой свѣтлой комнатѣ, нежели въ его маленькой квартирѣ. Я распорядилась, чтобы ему принесли халатъ и туфли.

— Значитъ, вы намѣрены оставить меня надолго здѣсь?—спросилъ Добролюбовъ.

— Да, пока вы не поправитесь,—отвѣчала я,—развѣ вамъ неудобно будетъ у насъ?

— Какихъ еще удобствъ можно мнѣ желать,—отвѣчалъ Добролюбовъ, но началъ беспокоиться, что можетъ стѣснить Некрасова, да и братьевъ ему не хотѣлось оставлять однихъ съ дядею.

Я успокоивала Добролюбова тѣмъ, что его братья могутъ только ночевать въ квартирѣ, а цѣлый день будутъ находиться у меня.

— Это опять мы всѣ трое очутимся на вашихъ рукахъ? для насъ-то хорошо, а вамъ будетъ много хлопотъ!—проговорилъ онъ.

Силы Добролюбова уже не возстановлялись; но онъ продолжалъ заниматься журналомъ; просматривалъ цензорскіе корректурные листы, читалъ рукописи. У него было столько силы воли, что онъ ничего не говорилъ о своемъ болѣзненномъ состояніи и ему было неприятно, если кто-нибудь спрашивалъ его о здоровьи, но со мной, когда намъ случалось оставаться вдвоемъ, онъ былъ откровененъ.

— Я пожалуй совершенно помирился бы съ своимъ теперешнимъ положеніемъ,—говорилъ Добролюбовъ,—еслибы только имѣлъ силы писать; хотя годъ просидѣлъ бы, не выходя изъ этой комнаты.

Когда я кормила его обѣдомъ, онъ замѣчалъ:

— Доставляю вамъ столько хлопотъ, придумывать для меня разныя кушанья, которыя перевариварилъ бы мой желудокъ, а онъ окончательно отказывается питать мое тѣло.

Я стала замѣчать, что для Добролюбова сдѣлалось тягостнымъ присутствіе постороннихъ лицъ; онъ не принималъ участія въ общемъ разговорѣ, ложился на кушетку и закрывалъ себѣ лицо газетой. Я запретила пускать къ нему постороннихъ. Добролюбовъ догадался объ этомъ и замѣтилъ мнѣ:

— Вы угадываете мои мысли, я только-что хотѣлъ васъ просить, чтобы вы никого ко мнѣ не пускали, кромѣ Ч...

Ч... каждый вечеръ аккуратно приходилъ посидѣть съ Добролюбовымъ, который всегда съ нетерпѣніемъ ждалъ его прихода и оживлялся, бесѣдуя съ нимъ.

Не смотря на физическую слабость, голова Добролюбова была

попрежнему свѣжа и онъ живо интересовался общественными вопросами, литературой и журналомъ.

Ч. и Добролюбовъ никогда не говорили другъ другу, подобно многимъ литераторамъ, о своей взаимной привязанности, но нельзя было не видѣть на сколько они искренно любятъ и уважаютъ одинъ другого. Они никогда не расточали въ глаза похвалъ статьямъ одинъ другого, но откровенно высказывали о нихъ свое мнѣніе.

Тяжело было смотрѣть, какъ съ каждымъ днемъ Добролюбовъ физически слабѣлъ и угасалъ; ему даже было трудно сидѣть въ креслѣ; онъ больше лежалъ на кушеткѣ, но продолжалъ работать. Разъ, въ послѣднихъ числахъ октября, Добролюбовъ принялся читать какую-то толстую рукопись, но отъ слабости она выпала у него изъ рукъ. Онъ тяжело вздохнулъ и этотъ вздохъ скорѣе походилъ на стонъ; онъ закрылъ глаза и лежалъ нѣсколько минутъ неподвижно, при этомъ лицо его приняло такое страдальческое выраженіе, что я не могла удержать слезъ. Черезъ нѣсколько минутъ Добролюбовъ окликнулъ меня. Я подошла къ нему, стараясь принять равнодушный видъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, покачалъ съ укоризной головой и потомъ проговорилъ:

— Почитайте-ка мнѣ рукопись, надо скорѣй дать юному автору отвѣтъ; онъ, бѣдный, навѣрно измучился, ожидая рѣшенія участи своего перваго произведенія.

Я принялась читать рукопись, а Добролюбовъ лежалъ съ закрытыми глазами; я думала, что онъ дремлетъ, да и не до того ему было, чтобы вникать въ чтеніе, но оказалось, что онъ слѣдилъ за чтеніемъ и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на счетъ невыдержанности характера героя романа. Чтеніе наше было прервано полученіемъ письма отъ сестеръ Добролюбова изъ Нижняго. Прочитавъ письмо, Добролюбовъ печальнымъ тономъ произнесъ:

— Мои сестры уже вырослыя, но вотъ братья!..

Онъ тяжело вздохнулъ и замолчалъ.

На другой день Добролюбовъ былъ задумчивъ и чѣмъ-то сильно встревоженъ. Когда ему надо было ложиться спать и я хотѣла уходить, онъ попросилъ меня остаться еще не надолго, говоря, что у него есть до меня большая просьба.

— Только,—прибавилъ онъ,—прежде дайте слово не разспрашивать меня ни о чемъ, какъ бы ни показалось вамъ странно мое желаніе.

Я дала слово.

— Наймите мнѣ новую квартиру и перевезите меня скорѣй въ нее... Я зналъ, что вы удивитесь!—тоскливо произнесъ онъ.

Я отвѣчала ему, что завтра же утромъ пойду искать ему квартиру.

— Не подумайте, что мнѣ нехорошо у васъ, но такъ надо!.. Мнѣ стыдно, что я сдѣлался такимъ привередникомъ, что не могу

лежать на своей старой квартирѣ. Мнѣ надо теперь больше свѣта и воздуха. Я объ одномъ попрошу васъ, когда вы будете нанимать квартиру для меня, чтобы она была поближе отъ васъ. Я хочу, чтобы мои братья были возлѣ меня.

Я сообщила Панаеву и Некрасову о желаніи Добролюбова переѣхать отъ насъ и предупредила ихъ, чтобы они не уговаривали его остаться и не заводили бы даже разговора съ нимъ о новой квартирѣ.

Я объяснила себѣ желаніе Добролюбова переѣхать на квартиру тѣмъ, что ему хотѣлось избавить насъ отъ всѣхъ печальныхъ процедуръ, когда въ домѣ стоитъ покойникъ. Хотя ему и не говорили, но онъ догадался, что у него развилась «сахарная болѣзнь».

Я нашла квартиру черезъ домъ отъ насъ, въ домѣ Юргенса; пока ее устраивали, прискивали прислугу и т. п., прошла недѣля, въ продолженіе которой Добролюбовъ ни о чемъ меня не разспрашивалъ и былъ вообще очень молчаливъ и печаленъ. 1-го или 2-го ноября, вечеромъ, я сказала ему, что квартира совершенно готова. Добролюбовъ испуганно повторилъ: «Все готово? значить я въ послѣдній разъ переночую у васъ?» Онъ задумался и съ тяжкимъ вздохомъ прибавилъ—«завтра утромъ часовъ въ 11 перевезите меня... Только я васъ попрошу, чтобы никто со мной не прощался... вы отъ меня поблагодарите Панаева и Некрасова... Мнѣ и такъ будетъ тяжело».

На другое утро, придя поить Добролюбова утреннимъ чаемъ, я замѣтила, что у него опухли глаза отъ слезъ. Человѣкъ Некрасова сказалъ мнѣ, что у Добролюбова всю ночь горѣлъ огонь и онъ два раза вставалъ съ постели и сидѣлъ подолгу въ креслахъ, положивъ руки на столъ и склонивъ на нихъ голову.

Добролюбовъ всегда встрѣчалъ меня утромъ, улыбаясь и увѣряя, что спалъ хорошо; но въ это утро онъ встрѣтилъ меня молча, хлебнулъ два глотка чаю и легъ на диванъ лицомъ къ стѣнѣ. Я ждала, когда онъ самъ скажетъ, что пора уѣзжать. У меня къ 11 часамъ стояла у подъѣзда карета и люди съ кресломъ ждали на лѣстницѣ новой квартиры, чтобы внести больного въ 3-й этажъ. Но проходилъ часъ за часомъ, а Добролюбовъ все лежалъ, не мѣняя позы.

Некрасовъ и Панаевъ совѣтывали мнѣ спросить его, хочетъ ли онъ ѣхать, но я боялась еще сильнѣе разстроить его. Наступилъ часъ его обѣда. Я подошла къ нему и сказала, что обѣдъ поданъ.

Добролюбовъ съ трудомъ привсталъ и удивленно спросилъ.—«Неужели ужъ 4 часа?»—пересѣлъ на кресло къ столу, но ѣсть ничего не захотѣлъ и опять легъ на диванъ лицомъ къ стѣнѣ.

Я подумала, что онъ отложилъ свой переѣздъ. Въ 9 часовъ вечера человѣкъ Некрасова пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что Добролюбовъ зоветъ меня къ себѣ. Я нашла его сидящимъ на диванѣ;

онъ поддерживалъ голову руками, облокотившись локтями на колѣни.

— Ради Бога, увезите меня скорѣй,—умоляющимъ голосомъ проговорилъ онъ.

Я пошла распорядиться, а черезъ нѣсколько минутъ человекъ Некрасова прибѣжалъ опять за мной, говоря, что больной беспокоится, что я его не везу:

— Какъ долго!.. скорѣй одѣвайте меня,—произнесъ Добролюбовъ, когда я вошла.

Одѣваніе его состояло въ томъ, чтобы надѣть большіе теплые сапоги. Я повязала ему горло теплымъ шарфомъ. Добролюбовъ со стономъ произнесъ: «какъ мнѣ тяжело», упалъ лицомъ въ подушку и, качая головой, повторялъ: «тяжело, тяжело».

— Зачѣмъ вы уѣзжаете; останьтесь,—проговорила я.

Добролюбовъ выпрямился и твердо произнесъ: «Нѣтъ, нѣтъ! надо уѣхать». Онъ всталъ и не смотря на слабость пошелъ въ переднюю, потребовалъ, чтобы скорѣй подали шубу; но когда ее надѣли, онъ не могъ перенести ея тяжести, опустился на стулъ и закрылъ глаза. Я и прислуга съ минуту стояли передъ нимъ, не зная, что намъ дѣлать. Наконецъ, Добролюбовъ встрепенулся и проговорилъ—«ѣдьте».

Его взяли подъ руки, свели съ лѣстницы и усадили въ карету. Я сѣла съ нимъ. Онъ молчалъ, пока не подѣхали къ его новой квартирѣ; на подѣздѣ его хотѣли посадить въ кресло, чтобы нести на лѣстницу. Онъ воспротивился этому, говоря: «взойду самъ». Но, конечно, едва мы довели его подъ руки до первой площадки, какъ онъ уже не могъ идти далѣе и безропотно повиновался, когда его усадили въ кресло, понесли на верхъ, донесли до самой кровати, раздѣли и положили въ постель. Онъ неподвижно лежалъ нѣсколько минутъ съ закрытыми глазами, потомъ обвелъ глазами комнату, посмотрѣлъ на меня, кивнулъ мнѣ головой и слабымъ голосомъ проговорилъ: «я спать хочу!»

Онъ спалъ болѣе часу. Ч... и докторъ сидѣли въ столовой. Добролюбовъ болѣе недѣли, какъ не хотѣлъ принимать лекарства и видѣть доктора, сказавъ мнѣ: «Теперь не нуждаюсь ни въ докторяхъ, ни въ ихъ лекарствахъ». Когда онъ проснулся, то улыбнулся мнѣ и проговорилъ—«мнѣ теперь легче!»

По моей просьбѣ онъ выпилъ немного бульону и потребовалъ къ себѣ братьевъ, съ которыми началъ говорить объ ихъ урокахъ. Когда я ему сказала, что пора спать, и стала прощаться съ нимъ, онъ спросилъ меня, въ какое время я приду завтра. Я отвѣчала, что найду напоить его утреннимъ чаемъ.

— Такъ рано? это было бы очень хорошо, но вамъ надо отдохнуть, я васъ сегодня замучилъ... Я сталъ ни на что не похожъ.

— Ложитесь-ка спать, усните хорошенько,—отвѣчала я, и спросила не велѣтъ ли человекъ лечь въ его комнатѣ?

— Зачѣмъ! вы вѣдь позаботились обо всемъ, у кровати есть снурокъ, я позвоню, если что будетъ мнѣ нужно.

Со дня переѣзда Добролюбова на квартиру, онъ уже не вставалъ съ постели и не могъ болѣе двухъ минутъ держать въ рукахъ газету; но былъ спокоенъ. Ч.. два раза въ день навѣщаль больного и, чтобы онъ не утомлялъ себя разговоромъ, оставался не болѣе получаса въ его комнатѣ.

Съ замѣчательнымъ терпѣніемъ Добролюбовъ переносилъ возраставшую въ немъ слабость. Нанятый мною лакей говорилъ мнѣ о кротости его характера: «за здоровымъ ходитъ больше хлопотъ, чѣмъ за такимъ больнымъ?.. только дивиться на него!»

10-го ноября, когда я утромъ пришла къ Добролюбову, то челоуѣкъ, отворивъ мнѣ дверь, тревожно сказалъ: «Ахъ, А. Я. нашему больному не хорошо, должно быть онъ всю ночь не спалъ; безъ ихъ звонка я не смѣлъ входить къ нимъ, а стоя у дверей, я слышалъ, что онъ стоналъ, а недавно ужъ два раза спрашивали— не пришли ли вы...»

Добролюбовъ встрѣтилъ меня словами:

— Мнѣ вообразилось, что у васъ сдѣлался припадокъ болѣе въ печени и вы сегодня не придете ко мнѣ, а у меня до васъ есть опять большая просьба—эта будетъ послѣдняя... Насилу дождался утра.

Я видѣла, что онъ сильно взволнованъ и что его лицо за ночь страшно измѣнилось.

— Прислали бы за мной, чѣмъ ждате утра!—отвѣчала я.

— Не доставало только, чтобы я еще ночью не давалъ вамъ покою!

— Говорите же—что нужно мнѣ сдѣлать?

— Привезите мнѣ доктора, который вылечилъ горло Некрасова.

Я отвѣчала, что сейчасъ поѣду за докторомъ.

— Мнѣ именно и хотѣлось просить васъ, чтобы сами поѣхали, а то просить его запиской пройдетъ много времени, да можетъ быть онъ еще и не пріѣдетъ, а мнѣ нужно его видѣть сегодня... непременно сегодня!

Доктора съ большой практикой трудно застать дома, такъ что мнѣ удалось только въ 4 часа его видѣть. Но этотъ день у него былъ пріемный и множество пациентовъ ждали его возвращенія домой.

Добролюбовъ былъ правъ; если бы я не поѣхала сама, то докторъ не пріѣхалъ бы, потому, что находилъ бесполезнымъ свой визитъ; доктору было извѣстно, что Добролюбовъ доживаетъ послѣдніе дни, что его желаніе—одинъ капризь, о которомъ онъ скоро забудетъ. Но я упросила доктора пріѣхать, и онъ обѣщавъ быть въ 7 часовъ.

— Все однѣ неудачи мнѣ!—замѣтил Добролюбовъ, когда я явилась къ нему съ отвѣтомъ доктора.—Я надѣялся, что вы придете вмѣстѣ съ нимъ... ну, что дѣлать помучусь еще до его приѣзда...

Докторъ приѣхалъ въ назначенный часъ, пробылъ у Добролюбова съ четверть часа, и когда вышелъ отъ больного, то печально сказалъ: «дня два или три развѣ протянетъ... Я пропишу рецептъ, чтобы не огорчить его... Онъ меня спрашивалъ можно ли ему шампанское и устрицы? давайте все, что онъ попроситъ!»

Когда я вошла съ рецептомъ въ рукахъ къ Добролюбову, онъ сидѣлъ на постели, сжавъ свою голову руками. Увидѣвъ рецептъ, онъ насмѣшливо сказалъ:—«таки прописалъ лекарство, пожалуйста не посылайте въ аптеку!»

Глаза Добролюбова блестяли и онъ, нервно улыбаясь, продолжалъ.

— Я чуть не размѣялся въ глаза доктору, когда онъ послѣ обычныхъ докторскихъ утѣшеній отвѣтилъ на мой вопросъ—можно ли мнѣ шампанское и устрицы? «все можно!» Онъ не понималъ моего вопроса и не выдержалъ своей роли. Онъ вообразилъ себѣ, что говорить съ больнымъ, у котораго голова потеряла способность ясно понимать вещи...

Добролюбовъ опять схватился за голову и съ отчаяніемъ произнесъ:

— Умирать съ сознаниемъ, что не успѣлъ ничего сдѣлать... ничего! какъ зло надсмѣялась надо мной судьба!.. Пусть бы раньше послала мнѣ смерть!.. Хотя бы еще года два продлилась моя жизнь, я успѣлъ бы сдѣлать хоть что-нибудь полезное... теперь ничего, ничего!

Онъ упалъ со стономъ на подушки, стиснулъ зубы, закрылъ глаза и слезы потекли по его впалымъ щекамъ.

Я была не въ силахъ смотрѣть на его страданія и также расплакалась.

Пролежавъ не болѣе минуты съ закрытыми глазами, онъ открылъ ихъ и слабымъ голосомъ проговорилъ.

— Не плачьте!.. не совладалъ я съ своими расхолодившимися нервами!.. перестаньте! Вы стыдите меня за мое малодушіе и глупость, которую я сдѣлалъ!.. Будемъ попрежнему тверды... ни для васъ, ни для меня не былъ неожиданностью исходъ моей болѣзни! Встрѣтимъ конецъ, какъ слѣдуетъ! Я теперь буду покоенъ!.. больше не разстрою васъ, и вы постарайтесь попрежнему быть твердой... мнѣ легче будетъ... позовите ко мнѣ братьевъ... не бойтесь... я овладѣю собой!

Добролюбовъ все это говорилъ съ большими перерывами.

Мальчики пришли. Добролюбовъ спросилъ готовы ли у нихъ уроки къ завтрашнему дню, пристально глядѣлъ на нихъ, потомъ

погладилъ каждыя по головѣ и съ улыбкой произнесъ— «теперь идите кончать свои уроки!»

И онъ закрылъ глаза, но скоро опять открылъ ихъ и спросилъ:

— Ч... здѣсь?

— Позвать его?—спросила я.

Добролюбовъ не вдругъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ! ему и мнѣ будетъ тяжело!.. желаю отъ души ему всего хорошаго, какъ въ его семейной жизни, такъ и въ его литературной дѣятельности. Я попрошу болѣе никого не впускать ко мнѣ. И вамъ бы не слѣдовало быть около меня. Я усталъ, засну!

Съ этого вечера Добролюбовъ сдѣлался молчаливъ; онъ покорно выпивалъ бульонъ, когда я ему подавала, больше лежалъ съ закрытыми глазами; откроетъ ихъ, поглядитъ на меня и опять закроетъ. Но слухъ у него сдѣлался чрезвычайно тонокъ; какъ бы тихо я не сказала что-нибудь человѣку—онъ все слышалъ и просилъ меня не говорить шопотомъ. За три дня до его смерти, я замѣтила, что онъ началъ не такъ внятно произносить слова. Я сообщила это доктору и тотъ, желая удостовѣриться, не началась ли уже агонія, тихонько вошелъ въ комнату; но только-что онъ приблизился къ изголовью, Добролюбовъ открылъ глаза и спросилъ— «кто вошелъ?»

Я должна была солгать, что никого нѣтъ...

На другой день не было уже сомнѣннй, что агонія началась: умирающій дышалъ тяжело, нижняя челюсть ослабѣла; онъ то высылалъ меня отъ себя, то снова посылалъ за мной человѣка. Желая мнѣ что-то сказать, онъ произнесъ нѣсколько словъ такъ не внятно, что я должна была нагнуться близко къ нему, и онъ печально смотря на меня, спросилъ:

— Неужели я такъ уже плохо говорю?... Можете меня спокойно выслушать?

— Могу, — отвѣчала я.

— Поручаю вамъ моихъ братьевъ!... Не позволяйте имъ тратить на глупости денегъ... проще и дешевле похороните меня.

— Вамъ трудно говорить, потому доскажете,—замѣтила я, видя его усилія говорить громче.

— Завтра будетъ еще труднѣй, — отвѣчалъ онъ. — Положите мнѣ руку на голову! Вы для меня дѣлали то, что только могла дѣлать одна моя мать, — и онъ замолкъ...

Ч... безвыходно сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ — и мы съ часу на часъ ждали кончины Добролюбова, но агонія длилась долго и, что было особенно тяжело, умирающій не терялъ сознаниа.

За часъ или два до кончины, у Добролюбова явилось столько силы, что онъ могъ дернуть за сонетку у своей кровати. Онъ только-что высылалъ меня и человѣка... но опять велѣлъ позвать меня къ себѣ. Я подошла къ нему и онъ явственно произнесъ: «Дайте руку...»

Я взяла его руку, она была холодная... Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и произнесъ: «Прощайте... подите домой! скоро!»

Это были его послѣднія слова... въ два часа ночи онъ скончался.

Въ теченіе двухъ дней съ утра до вечера, масса публики перемывала у покойника. Въ день похоронъ, я въ восьмомъ часу пошла проститься съ нимъ, пока еще никого не было (въ 9 часовъ назначенъ былъ выносъ), но на дворѣ уже собралось множество народу, на лѣстницѣ также едва можно было пройти. Около дома и на улицѣ тоже стояла толпа. Я не поѣхала на кладбище, потому что чувствовала себя совершенно больной. Въ 9 часовъ я подошла къ окну своей комнаты. Вся улица была запружена народомъ, хотя для любителей торжественныхъ похоронъ не на что было поглазѣть, потому что не было никакихъ депутацій, ни вѣнковъ. Нѣсколько священниковъ явились безъ приглашенія проводить покойника. Простой дубовый гробъ, безъ вѣнковъ и цвѣтовъ, понесли на рукахъ, а парныя дроги и двѣ-три наемныя кареты слѣдовали за процессіей..

Панаевъ вернулся съ похоронъ и хотѣлъ мнѣ рассказывать о нихъ, но слезы душили его; онъ подошелъ къ окну, постоялъ минуты двѣ, не поворачивая головы, и, наконецъ, овладѣвъ собой, сказалъ:

— Кладбищенскій священникъ на прощанье сообщилъ мнѣ и Некрасову, что около могилы Бѣлинскаго осталось еще одно мѣсто для литератора, точно приглашалъ кого-нибудь изъ насъ поторопиться и занять эту могилу.

Клевета преслѣдовала Добролюбова и послѣ смерти; но сплетни, распускавшіяся его литературными врагами, были такъ нелѣпы и пошлы, что не заслуживаютъ упоминаній.

А. Головачева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОРОДЪ ГРОДНО И ГРОДНЕНСКАЯ ГУБЕРНІЯ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА ¹⁾.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Х.

ВРЪПОСТНОЕ право вездѣ въ Европѣ, и всегда было тяжело, но врядъ ли гдѣ-нибудь было оно такъ губительно тягостно для трудового земледѣльческаго народонаселенія, какъ въ коренной Польшѣ, а особенно въ соединенныхъ съ нею русско-литовскихъ областяхъ. Въ Польшѣ, когда она была самостоятельна, существовали причины, обращавшія крѣпостныхъ въ самыхъ несчастныхъ, жалкихъ рабовъ,—такія причины, какихъ нигдѣ не было. Во-первыхъ, при чрезвычайно слабо поставленной въ государствѣ королевской власти, произволу, самоуправству крупныхъ и даже мелкихъ пановъ не было никакихъ границъ и, разумѣется, подвластные панамъ крестьяне, при такомъ положеніи дѣлъ, были совершенно беззащитны. Но зло этой первой причины усугублялось еще особымъ характернымъ обстоятельствомъ, только въ Польшѣ имѣвшимъ широкое мѣсто: религиозный фанатизмъ польскихъ и ополяченныхъ помѣщиковъ, распаленный до чрезвычайности иезуитами и ксендзами, а также кровавой борьбою съ казаками и многотрудными для разрѣшенія спорами о диссидентахъ, побуждалъ ихъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 53.

смотрѣть на своихъ крѣпостныхъ бѣлоруссовъ и малороссовъ,—людей чуждаго имъ племени,—въ высшей степени враждебно. А тутъ еще система участковаго пользованія землею ставила cadaго крестьянина, во всѣхъ его отношеніяхъ къ землевладѣльцу, слишкомъ близко лицомъ къ лицу, одинъ-на-одинъ, безъ всякой поддержки со стороны сельской общины, раздѣлявшей съ нимъ всѣ тяготы и страданія крѣпостной зависимости.

Такое тягостное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ утвердилось въ Польшѣ изстари. Правда, оно было замѣчаемо: великодушные и разумные люди, еще въ отдаленныя отъ насъ времена, рѣзко указывали на крайнее угнетеніе, на крайнюю бѣдность, забитость и беззащитность подвластнаго панамъ народа; но, опять-таки, при чрезвычайной слабости королевской власти, самоуправство аристократіи не допускало ни малѣйшихъ преобразованій въ государствѣ, ни малѣйшихъ облегченій крестьянамъ. На сеймахъ, напри- мѣръ, только одно, иногда, постановлялось: подъ страхомъ смертной казни, подтверждалось давнишнее воспрещеніе помѣщикамъ убивать своихъ крестьянъ,—воспрещеніе, немѣшавшее, однако, помѣщикамъ держать, до самаго конца прошлаго столѣтія, висѣлицы въ своихъ мнѣніяхъ для крѣпостныхъ ¹⁾. Польскій писатель Островскій, въ сочиненіи своемъ, изданномъ въ 1787 году, говоритъ, что если и есть въ Польшѣ кое-какіе законы въ огражденіе жизни крѣпостныхъ отъ произвола владѣльцевъ, то все-таки невозможно найти судью на убійцу крестьянина. Недаромъ кто-то изъ старыхъ публицистовъ,—помнится, впрочемъ, не изъ поляковъ,—назвалъ прежнюю Польшу раемъ для пановъ и адомъ для подвластныхъ имъ крестьянъ.

Конечно, этотъ публицистъ имѣлъ въ виду преимущественно литовскія провинціи, а особенно несчастную Бѣлоруссію.

Я отнюдь не имѣю намѣренія останавливаться тутъ на разныхъ панскихъ злоупотребленіяхъ; но, начиная говорить о томъ, какъ вышель, наконецъ, изъ крѣпостной зависимости бѣлорусскій народъ, хотя бы въ одной Гродненской губерніи, нельзя же не упомянуть и про то, какимъ онъ выходилъ изъ своего бѣдственнаго положенія.

Польскіе помѣщики, вся польская, выражаясь понынѣшнему, интеллигенція, прозвали да и нынче еще зовутъ простой народъ въ Бѣлоруссіи быдломъ. Но такъ уже не зовутъ они его ни въ царствѣ Польскомъ, ни въ Ковенской губерніи: про это извѣстно мнѣ, относительно нынѣшнихъ Привислянскихъ губерній,—по достовернымъ слухамъ, а относительно губерніи Ковенской по личнымъ моимъ наблюденіямъ. Такъ оно и должно быть: въ коренной

¹⁾ Извѣстно, что князь Потемкинъ, пріобрѣта отъ польскихъ помѣщиковъ въ Бѣлоруссіи большія имѣнія, первымъ дѣломъ приказалъ уничтожить всѣ бывшія тамъ висѣлицы.

Польшѣ, какъ рассказываютъ и даже пишутъ объ этомъ, крѣпостное право всегда было полегче для крестьянъ, чѣмъ въ соединенныхъ когда-то съ Польшою областяхъ,—и это зависѣло отъ единовѣрности помѣщиковъ и крестьянъ, а можетъ быть, и отъ признаваемого со стороны помѣщиковъ единства племеннаго происхожденія, равно какъ и отъ полнаго единства языка; въ Ковенской губерніи было то же и по тѣмъ же причинамъ, помѣщики и крестьяне тамъ всѣ католическаго вѣроисповѣданія да и большая часть мѣстнаго дворянства несомнѣнно литовскаго происхожденія, отчего я нерѣдко видалъ, при повѣрочныхъ дѣйствіяхъ по моему вилькомирскому участку, какъ помѣщики и крестьяне, дружелюбно толкуя промежь себя на литовскомъ языкѣ, въ концѣ концовъ стоваривались ладно насчетъ размѣра надѣловъ, опредѣленія качествъ почвы въ надѣляемыхъ земляхъ и отвода особыхъ угодій. Но въ Бѣлоруссіи крестьяне были доведены крѣпостной зависимостью, дѣйствительно, до степени быдла. Польскіе помѣщики, видѣвшіе въ нихъ,—повторяю,—людей чужого племени, иной вѣры, схизматичкой (православной ли, или униатской, это все равно), не церемонились съ ними ни въ чемъ. Въ Бѣлоруссіи какъ будто бы все было направлено къ тому, чтобы убить въ крестьянахъ всякое сознаніе человѣческаго достоинства и въ высшей степени бѣдственнаго ихъ положенія. Въ словахъ моихъ нѣтъ преувеличенія. Бѣлоруссъ былъ настолько обезличенъ, что терпѣніе его, при всякихъ поступкахъ съ нимъ, стало безграничнымъ: нетолько цѣлой сельской общиной, но и одиночно¹⁾, онъ нигдѣ не выказалъ, подобно крестьянамъ изъ великоруссовъ, малороссовъ и литвиновъ, желанія какъ-нибудь своей собственной силою избавиться отъ невыносимаго ига. Да! ужъ таковъ прирожденный характеръ бѣлорускаго крестьянина, характеръ чрезвычайно мягкосердечный и терпѣливый. А впрочемъ, этотъ характеръ и воспитанъ былъ какъ бы нарочно для терпѣнія: недаромъ же, съиздавна и до времени еще не очень отдаленнаго отъ насъ, сдавалось евреямъ право нетолько на трудъ крестьянина-бѣлорусса, на всякія съ него поборы и данины, но и на самую жизнь его; недаромъ, собственно лишь въ Бѣлоруссіи,—вѣроятно, по причинѣ сосѣдства ея съ мѣстностями, гдѣ жилъ невыносимый малороссійскій народъ,—существовали (повторяю про этотъ фактъ), даже до конца прошлаго столѣтія, висѣлицы въ панскихъ имѣніяхъ; недаромъ, и послѣ того, вплоть до польскаго возстанія 1830—1831 годовъ, примѣнялись къ бѣлорусскимъ крестьянамъ ужаснѣйшія истязанія,—о чемъ я слышалъ отъ самихъ поляковъ, уроженцевъ Могилевской и Минской

¹⁾ Мнѣ могутъ указать на выставленный мною же примѣръ мнимаго князя Гедройца; но я увѣренъ, что онъ не бѣлоруссъ, а по всей вѣроятности, литвинъ, на что указываетъ и принятое имъ наименованіе себя княземъ Гедройцемъ.

губерній... Да и въ инвентарное уже время (отъ 1845 до 1861 года), вышеуказанное воспитаніе забитаго народа продолжалось помѣщиками, хотя и на новый ладъ: крестьяне-бѣлоруссы получали по инвентарнымъ положеніямъ весьма дурные земельные надѣлы, что ставило каждаго изъ нихъ въ тягчайшую зависимость отъ всяческой помѣщичьей прихоти; съ этихъ надѣловъ своихъ «скасовывались» они при всякомъ случаѣ, безъ малѣйшей защиты съ чьей-либо стороны; наконецъ, они отдавались опять-таки евреямъ на всякую эксплуатацію, ибо обязаны были, подъ страхомъ лишенія участковъ, покупать у еврея, содержателя панской корчмы, все необходимо-нужное имъ для домашняго обихода, и ту отвратительную водку, которая такъ одуряла бѣдняковъ, топившихъ въ ней свое горе. Впрочемъ, я говорю обо всемъ этомъ не въ обличеніе стараго, уже не существующаго зла, а именно потому, что такое взаимное положеніе помѣщиковъ и крестьянъ обусловило отношенія ихъ ко всѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ, окончательно завершеннымъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ нестолько высочайшимъ манифестомъ 19 февраля 1861 года, сколько указомъ 1-го марта 1863 года (о прекращеніи обязательныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ отношеній и объ обязательномъ выкупѣ земельныхъ надѣловъ).

ХІ.

Польскіе помѣщики замѣчательно крѣпко держались за крѣпостное право, даже при неблагоприятныхъ для нихъ обстоятельствахъ. На это, изъ разныхъ эпохъ, очень много примѣровъ, въ которыхъ удивительно выдается единство всѣхъ стремленій для достиженія одной и той же цѣли—удержанія, во что бы то ни стало, прежней помѣщичьей власти надъ крестьянами.

Крестьянскій вопросъ возникъ въ Польшѣ довольно рано, еще за послѣдніе годы самостоятельнаго существованія Рѣчи Посполитой. Подъ соблазнительнымъ влияніемъ идей первой французской революціи, вдругъ заговорили въ Польшѣ о крестьянахъ, о бѣдственномъ ихъ положеніи, о средствахъ облегчить это положеніе, даже о значеніи самыхъ правъ помѣщиковъ надъ ними. Рѣчи кой-кого обо всемъ этомъ были весьма краснорѣчивы, (поляки вообще славились ораторскимъ искусствомъ); но, пожалуй, допустимъ, что тутъ проявились и дѣйствительно великодушныя стремленія на пользу народа. Впрочемъ, знаменитая конституція 3 мая 1791 года, упомянувъ о крестьянахъ, какъ «о наиболее полезнѣйшемъ сословіи въ государствѣ», все-таки ничего существеннаго не установила для улучшенія ихъ состоянія.

Бурное время борьбы монархической Европы съ революціонной Франціей, а потомъ съ завоевательными стремленіями Наполеона Перваго, конечно, было несовсѣмъ-то удобно для того, чтобы вновь

заняться крестьянскимъ вопросомъ. Варшавское герцогство служило тогда преусердно только планамъ своего благодѣтеля, императора французовъ, а польская интеллигенція ни про чтѣ иное какъ-будто вовсе и не знала, и не вѣдала. А нельзя же тутъ не вспомнить, что рядомъ съ этимъ Варшавскимъ герцогствомъ, въ разгромленной, уничтоженной Пруссіи, начинались въ то время весьма важныя работы по улучшенію быта крестьянъ и что въ это дѣло могла быть захвачена даже часть старой Польши. Казалось бы, поляки и очень должны были подумать объ этомъ серьезномъ предметѣ. Но они не подумали, и ни разу краснорѣчіе ихъ не попрактиковалось на такую тему.

Паль Наполеонъ Первый, исчезло эфемерное Варшавское герцогство; милостію дѣйствительнаго благодѣтеля Польши образовалось царство Польское, и снова заговорили краснорѣчивые люди о крестьянскомъ вопросѣ. Но, не смотря на конституціонныя формы правленія въ странѣ, при которыхъ съ большимъ удобствомъ можно было разсуждать о великомъ вопросѣ,—опять-таки ровно ничего не было сдѣлано для его разрѣшенія. И немудрено: всѣ стремленія польскихъ политическихъ людей были обращены тогда въ иную сторону... Настала революція 1830—31 годовъ, настало время кровавой, ожесточенной борьбы,—и недаромъ борьбы, въ которой участвовала одна только шляхта, и кармазинная, и сѣрая.

Съ 1845—46 годовъ, русское правительство, какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и во всемъ Западномъ краѣ, озаботилось улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ чрезъ опредѣленіе, съ возможною тогда точностью, земельнаго ихъ надѣла и размѣра барщинныхъ ихъ повинностей. Одновременно же съ тѣмъ, случились въ Галиціи событія, строго напоминавшія польскимъ помѣщикамъ о совершенной разрозненности всякихъ ихъ интересовъ съ простыми крестьянскими интересами. Естественно, что въ тогдашнее время общественная мысль должна была очень серьезно обратиться къ крестьянскому вопросу. Повидимому, такъ и было. Съ той поры и до самой крестьянской реформы 1861 года, польскіе публицисты чрезвычайно заняты обсужденіемъ великаго дѣла, многіе и много о немъ пишутъ, особенно же хлопочуть высказаться, наперерывъ другъ передъ другомъ, аристократы ¹⁾. Впрочемъ, разсужденія этихъ господъ вертѣлись преимущественно около слѣдующихъ вопросовъ: во-первыхъ, чтѣ выгоднѣе для помѣщиковъ: барщина или оброкъ, и если ужъ необходимо перейти къ оброку, то какъ сдѣлать, чтобы переходъ этотъ совершился небезвыгодно для помѣщичьихъ инте-

¹⁾ Напримѣръ, графы: Замойскій, Скарбекъ, Лубенскій, Ржевусскій, Ледуховскій, Лопадынскій, Стадницкій, Тысенгаусъ, Ваговскій-Урусскій, князь Любомірекій и многіе другіе, хотя не титулованные, но важные паны.—И ксендзы тоже писали.

ресовъ? во-вторыхъ, какими именно средствами могутъ быть обезпечены наилучшимъ образомъ помѣщики при вознагражденіи ихъ за освобожденіе крѣпостныхъ отъ барщинныхъ повинностей? и въ третьихъ, наконецъ,—улучшится или не улучшится нравственность крестьянъ при такомъ освобожденіи ихъ отъ барщины? Затѣмъ, насколько мнѣ извѣстно, уже никто изъ польскихъ публицистовъ не указалъ тогда на дѣйствительныя мѣры для разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ томъ именно смыслѣ, чтобы въ отношеніи крестьянства соблюдена была справедливость. И ужъ если образованнѣйшіе люди польскаго общества, изъ которыхъ, конечно, иные,—еще разъ допустимъ,—принимались за обсужденіе дѣла съ добрыми намѣреніями,—все-таки не смогли додуматься до того, къ чему, однако, вызывали и справедливость, и необходимость, ужъ если и они не отрѣшились отъ расчетовъ самаго узкаго эгоизма, то чего же было ожидать отъ остальной помѣщичьей массы, упорно хотѣвшей во что бы то ни стало сохраненія всѣхъ прежнихъ крѣпостныхъ порядковъ!..

Эта остальная масса относилась къ крестьянскому вопросу не такъ, какъ это было у русскихъ помѣщиковъ; до самой реформы 19 февраля 1861 года она не просто выжидала событій,—она дѣйствовала во все время, когда принимались какія-либо мѣры по улучшенію быта крестьянъ, интригуя постоянно, въ тѣни, и очень ловко, съ той именно цѣлью, чтобы при каждой такой мѣрѣ не только ничего не потерять, но даже что-нибудь выиграть. Она дѣйствовала тутъ чрезвычайно дружно, какъ бы подчиняясь единой волѣ твердаго и давно навывкшаго къ власти челоуѣка,—и этому можно даже подивиться, особенно въ виду того, какъ всегда разбивались и разбиваются поляки между собою по всѣмъ политическимъ вопросамъ. А что усилія польскихъ помѣщиковъ дѣйствительно были направляемы въ вышеуказанномъ смыслѣ, на то есть чрезвычайно много доказательствъ. Исторія нашего столѣтія разительно представляетъ, какъ умѣли польскіе наны обходить всѣ мѣры русскаго правительства по улучшенію быта крестьянъ и въ царствѣ Польскомъ и во всемъ Западномъ нашемъ краѣ. Поляки были въ этомъ всегда послѣдовательны, не смотря ни на что: они противодѣйствовали вышеупомянутымъ правительственнымъ мѣрамъ не только при императорѣ Александрѣ Первомъ, но и при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, твердая воля котораго хорошо была имъ извѣстна.

Кстати, укажу мелькомъ на факты.

Такъ, напримѣръ, повелѣно было отнюдь не отдавать населенныхъ имѣній въ аренду евреямъ, которые, получая при арендѣ права на обязательную барщинную работу крестьянъ, обыкновенно, превыше всякой мѣры угнетали ихъ; распоряженіе это, послѣдовавшее еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, много разъ подтвер-

ждалось и для наблюденія за точнымъ, непремѣннымъ исполненіемъ его назначались даже особыя комиссіи изъ важныхъ и довѣренныхъ лицъ; но тѣмъ не менѣе, оно нарушалось всячески, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ сряду: въ Гродненской губерніи, до тридцатыхъ годовъ, евреи все-таки арендовали населенныя имѣнія и пановали надъ крестьянами во всю силу своей безпощадной эксплуатаціи, не пользуясь только однимъ правомъ на жизнь и смерть крестьянина (и отъ того, до сихъ поръ у гродненскихъ бѣлоруссовъ все еще держится какой-то страхъ и передъ самымъ оборваннымъ, жалкимъ жидомъ¹⁾).

Такъ правительственное распоряженіе 1818 года о нетребованіи съ крѣпостныхъ барщины свыше того, какъ опредѣлена она въ инвентаряхъ, по имѣніямъ (въ царствѣ Польскомъ) издавна существовавшихъ, не имѣло ни малѣйшихъ послѣдствій для облегченія крестьянъ, которые и продолжали тянуть всякую барщину во всемъ по волѣ помѣщиковъ.

Такъ, въ дѣлѣ введенія инвентарныхъ положеній по Сѣверо-Западному краю, тамошніе польскіе помѣщики, въ концѣ концовъ, достигли именно того, что положеніе крѣпостныхъ не только не улучшилось, напротивъ того, во многихъ отношеніяхъ ухудшилось. Поистинѣ, съ удивительною ловкостью сдумѣли польскіе паны обратить законъ объ инвентаряхъ единственно въ свою пользу!

Во-первыхъ, они были такъ смѣлы, и тогда, въ крутое для нихъ время, что во многихъ имѣніяхъ инвентарныя положенія даже не были составлены. Такъ было въ Гродненской губерніи, но, по всей вѣроятности, и не здѣсь только отношенія помѣщиковъ и крестьянъ остались по старому²⁾, безъ малѣйшаго опредѣленія ихъ на законномъ основаніи; и вслѣдствіе этого, журналомъ глав-

¹⁾ Въ Гродненской губерніи и нынѣ, крестьянинъ, подвозящій въ своей телѣгѣ еврея, — который, обыкновенно, сидитъ не рядомъ съ нимъ, а на главномъ мѣстѣ, — ни передъ кѣмъ, ни передъ польскимъ паномъ, ни передъ русскимъ чиновникомъ, не сворачиваетъ съ дороги, между тѣмъ какъ ѣдучи одинъ, онъ сворачиваетъ при встрѣчѣ еще издали, хотя бы былъ съ тяжелымъ возомъ.

²⁾ Въ 1868 году, одинъ изъ волковыскихъ молодыхъ помѣщиковъ, г. Станиславъ С—нъ, игриво разсказалъ мнѣ, что на Полѣсьѣ въ Минской губерніи, да и въ Гродненскомъ Полѣсьѣ, еще недавно, дескать, были такія помѣщички-дѣвчары, никогда и никуда не выѣзжавшіе изъ своихъ имѣній, которые ни про какія событія, послѣ нашествія Наполеона на Россію, не знали и не вѣдали, и которые серьезно вѣрили, что Наполеонъ (такъ произносятъ поляки) еще живъ, еще царствуетъ не только во Франціи, но и въ Польшѣ. Я не выразилъ и малѣйшей недовѣрчивости къ этому разсказу, не скрывъ, однако, отъ разсказчика причины: по моему, если находились, отнюдь не на одномъ Полѣсьѣ, а по цѣлому Сѣверо-Западному краю, польскіе помѣщики, не подчинившіеся на дѣлѣ вовсе инвентарной реформѣ и укрывшіеся отъ всякаго ея примѣненія къ ихъ имѣніямъ, то почему же не допустить, что въ недоступно-болотныхъ мѣстностяхъ Полѣсья были помѣщики даже совсѣмъ непризнававшіе русскую власть, а вѣрившіе въ существованіе и господство надъ ними французскаго императора...

наго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, высочайше утвержденнымъ 9 января 1863 года, были постановлены особыя правила для исчисленія повинностей въ уставныхъ грамотахъ по тѣмъ имѣніямъ, гдѣ не было составлено инвентарей. Но и инвентари, составленные самими помѣщиками и льготно для нихъ провѣренныя въ особыхъ губернскихъ комитетахъ изъ помѣщиковъ же да изъ чиновниковъ поляковъ, показывали инвентарныя крестьянскія земли и угодыя крайне небрежно и неправильно, въ уменьшенномъ, относительно участкаго надѣла, размѣрѣ, въ обрѣзанномъ, относительно предоставленныхъ крестьянамъ угодій, видѣ и проч. и проч.

Понятно, что при такой смѣлости въ отношеніи двухъ главныхъ пунктовъ тогдашней крестьянской реформы, помѣщики уже нисколько не церемонились въ примѣненіи инвентарныхъ положеній на дѣлѣ. Вездѣ, гдѣ только было выгодно, или гдѣ хотѣлось имъ, они инвентарную землю, объявленную, однако, въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ закона, неприкосновенною, мірскою, присоединяли безвозбранно къ своимъ фольварковымъ землямъ; а, конечно, то была земля очень нужная крестьянамъ, наилучшая изо-всѣхъ ихъ угодій, особенно же луга и пастбища. Затѣмъ, произвольничанье помѣщиковъ съ инвентарными крестьянами, хозяевами, было самое безграничное: хозяева эти «скасовывались» со своихъ участковъ, даже безъ малѣйшихъ къ тому поводовъ, и упраздняемые участки въ полномъ составѣ, со всѣмъ на нихъ хозяйскимъ имуществомъ, отдавались весьма нерѣдко новымъ хозяевамъ не изъ крестьянъ, а шляхтичамъ, даже евреямъ. При всемъ же этомъ, какъ бы съ особымъ намѣреніемъ, инвентарныя земли приводились, во многихъ отношеніяхъ, въ положеніе крайне неудобное для пользованія ими со стороны крестьянъ-хозяевъ: земли эти, и при первоначальномъ отводѣ выбранныя изъ худшихъ, при томъ всячески обрѣзанныя, были чрезвычайно разбросаны и черезполосны, до такой степени, что многіе подворные участки, размѣромъ очень небольшіе, всего въ какихъ-нибудь 9—12 десятинъ, состояли изъ десятковъ и даже изъ сотенъ отдѣльныхъ клочковъ, и это замѣчалось не въ одной, напримѣръ, Минской губерніи, гдѣ разбросанность участковой крестьянской земли часто зависѣла отъ свойства болотистой почвы, но и въ губерніи Гродненской, гдѣ подъ инвентарныя участки отводились земли пересѣченныя, прорѣзанныя мелкими владѣніями шляхты, которая тамъ многочисленна въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (преимущественно въ Брестскомъ, Бѣльскомъ и Бѣлостокскомъ, а отчасти, въ Кобринскомъ, Сокольскомъ и Гродненскомъ); сѣнокосныхъ мѣстъ при участкахъ было весьма мало, а послѣдствіемъ того явилось истощеніе крестьянскихъ пахотныхъ полей, недостаточно удобряемыхъ по причинѣ слишкомъ малаго количества скота у крестьянъ; и, наконецъ, отдѣльныхъ

пастбищъ крестьяне-хозяева почти нигдѣ не имѣли, отчего въ инвентаряхъ Гродненской губерніи часто встрѣчается оговорка, что домохозяева пользуются пастбищами по лѣсамъ помѣщичьимъ, оговорка не опредѣлявшая ни мѣста, ни пространства, на которыхъ должно было происходить это пользованіе, вслѣдствіе чего произошло много всяческой путаницы и неурядицы во взаимныхъ отношеніяхъ сторонъ, связанныхъ между собою сервитутотомъ, который продолжается и понынѣ.

Но, довольно примѣровъ. Остается сдѣлать только одно общее замѣчаніе: несомнѣнно, что польскіе помѣщики воспользовались учрежденіемъ инвентарей, особенно тяжело для крестьянъ, именно въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, среди народа чрезвычайно кроткаго, издавна приобыкшаго или, лучше сказать, приученнаго къ величайшему терпѣнію. Говорю такъ, имѣя въ виду гораздо лучшее, въ инвентарное время, положеніе крестьянъ Ковенской губерніи: правда и они «скасовывались» съ участковъ такъ же безцеремонно, какъ и вездѣ, скасовывались даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ гдѣ-нибудь, отчего расплодилось тамъ столь великое множество безземельныхъ, бездомныхъ и безсемейныхъ батраковъ; но за то земельные участки нескасованныхъ крестьянъ представляли много удобствъ для земледѣльческаго хозяйства, какъ по размѣрамъ своимъ¹⁾ и по качеству почвы, такъ по отведеннымъ угодьямъ, по неразбросанности пахотныхъ, луговыхъ и пастбищныхъ полосъ, и, наконецъ, по нечерезполосности всего земельного надѣла. Вотъ вслѣдствіе такого-то положенія въ Ковенской губерніи (и вѣроятно въ Виленской, объ которой, впрочемъ, я навѣрное не знаю и слышалъ только, что земельные въ ней участки много походятъ на ковенскіе) тамошніе крестьяне-хозяева были несравненно зажиточнѣе крестьянъ бѣлорусскихъ губерній, даже при крѣпостномъ правѣ.

ХІІ.

Инвентарное время было въ Сѣверо-Западномъ краѣ переходнымъ къ окончательной реформѣ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ и по коренному улучшенію быта крестьянскаго. Тамошніе польскіе помѣщики хорошо понимали, къ чему должна привести инвентарная реформа и спозаранку приготовлялись къ другой, окончательной. Разумѣется, они надумались сильно,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ ковенскихъ уѣздахъ крестьянскіе подворные участки— въ двѣ и даже въ три уволоки, то есть въ сорокъ и шестьдесятъ десятинъ; но и нигдѣ въ Ковенской губерніи не были они меньше восемнадцати десятинъ (этотъ размѣръ считался вообще нормальнымъ); только въ Вилькомирскомъ уѣздѣ встрѣчаются (не многіе) участки въ четырнадцать десятинъ; но это какъ исключеніе изъ общаго правила. Въ Гродненской же— нормальный надѣлъ въ 9, 11 и 12 десятинъ, по большей части плохой земли.

чтобы послѣдняя мѣра прошла для нихъ не только легко, но и съ особенными выгодами. Впрочемъ, на это они и могли очень надѣяться... Я уже указывалъ, какъ они обходили законъ объ инвентаряхъ и направляли его въ свою пользу; укажу теперь, при какихъ благопріятныхъ для польскихъ помѣщиковъ Сѣверо-Западнаго края обстоятельствахъ совершилось введеніе инвентарныхъ положеній и какимъ образомъ измѣнился какъ бы взглядъ самого высшаго правительства на значеніе инвентарной реформы въ Бѣлорусскихъ и Литовскихъ губерніяхъ. Судьба этой реформы, принятой такъ же и въ Юго-Западномъ краѣ, была совершенно различна въ обоихъ нашихъ Западныхъ краяхъ. Въ кіевскомъ генераль-губернаторствѣ, инвентарная реформа была проведена настойчиво-твердо и, дѣйствительно, могла облегчать до нѣкоторой степени положеніе тамошнихъ крѣпостныхъ крестьянъ; въ виленскомъ же генераль-губернаторствѣ, а также въ губерніяхъ Могилевской и Витебской, тогдашняя правительственная мѣра по улучшенію быта крестьянскаго повела совсѣмъ къ инымъ послѣдствіямъ. Въ двухъ вышеназванныхъ губерніяхъ, на примѣръ, инвентарная реформа, противодѣйствіемъ бѣлорусскихъ помѣщиковъ, заторможена была почти до самой послѣдней крестьянской реформы, именно до 1855 года, а всѣ инфляндскіе уѣзды Витебской губерніи даже и совсѣмъ ускользнули отъ инвентарныхъ правилъ, какія были утверждены для бѣлорусскихъ губерній въ 1855 году. Затѣмъ, въ литовскихъ губерніяхъ было допущено, по правиламъ изданнымъ мѣстнымъ высшимъ начальствомъ въ руководство для тамошнихъ инвентарныхъ комитетовъ при опредѣленіи инвентарныхъ повинностей съ крестьянъ, чрезвычайное въ нихъ разнообразіе; повинностей этихъ, опредѣляемыхъ (будто бы) въ одну треть валового дохода съ крестьянскихъ земель, было очень много и въ число ихъ, между прочимъ, входила повинность и за «попечительность помѣщиковъ о благосостояніи крестьянъ»; а при этомъ расчетѣ, рабочій крестьянскій день былъ оцѣненъ чрезвычайно дешево, пѣшій — отъ восьми до двѣнадцати копѣекъ, упряжной — отъ двѣнадцати до восемнадцати копѣекъ. Впослѣдствіи, повинности за хорошіе и даже посредственные сѣнокосы опредѣлялись уже не въ одну треть, а въ половину валового дохода. Опредѣленіе размѣра крестьянскаго надѣла было предоставлено самимъ помѣщикамъ. Наконецъ, пользуясь обстоятельствами несчастной для насъ Восточной войны, польскіе помѣщики усилили свои жалобы на инвентарную систему, особенно же на неприкосновенность инвентарной крестьянской земли, и, вслѣдствіе этихъ жалобъ, постановленіемъ секретнаго комитета 15-го апрѣля 1854 года, былъ предположенъ новый пересмотръ правилъ, признавшихъ вышеуказанную неприкосновенность инвентарной земли, и, разумѣется, предположеніе это не осталось секретнымъ для польскихъ помѣщиковъ.

Такъ еще бы имъ не надѣяться, что окончательная крестьянская реформа пройдетъ для нихъ легко и выгодно!...

Впрочемъ, вообще, инвентарная реформа имѣла послѣдствія для помѣщиковъ,—при обстоятельствахъ какія они умѣли сдѣлать для себя благопріятными,—весьма выгодныя, для крестьянъ же чрезвычайно тягостныя. Отъ того моголевскій губернаторъ не скрылъ отъ правительства, что по его губерніи инвентарныя правила въ сущности увеличили повинности крестьянъ; отъ того и кievскій генераль-губернаторъ свидѣтельствовалъ, что въ инвентаряхъ пространство крестьянской земли показано неопредѣлительно и не вѣрно, а въ иныхъ нѣкоторыя земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, вовсе не показаны. Въ кievскомъ генераль-губернаторствѣ сокращеніе крестьянской земли производилось помѣщиками быстро и въ обширныхъ размѣрахъ; (такъ, уже въ 1858 году, оказалось, что въ количествѣ значившейся по инвентарямъ крестьянской земли не достаетъ слишкомъ двухсотъ пятидесяти тысячъ десятинъ); но сѣверо-западные помѣщики, въ отношеніи обезземеленія инвентарныхъ крестьянъ и еще болѣе постарались, что особенно замѣчалось въ мѣстностяхъ, гдѣ земля была производительна, какъ напримѣръ, въ болѣе части Ковенской губерніи и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній Гродненской и Минской...

Въ высшей степени любопытно прослѣдить, даже въ несовсѣмъ полной и ясной картинѣ, какъ готовились польскіе помѣщики Сѣверо-Западнаго края къ окончательной крестьянской реформѣ, которой они несомнѣнно ожидали.

И прежде всего, вотъ что замѣчательно: польскіе помѣщики упомянутаго края,—вѣроятно потому, что они наиболѣе сумѣли упразднить дѣйствіе инвентарной реформы,—сами пошли на встрѣчу дальнѣйшимъ благимъ намѣреніямъ правительства къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ, — и первые заявили объ этомъ желаніи.

XIII.

Вслѣдъ за вышеуказаннымъ заявленіемъ помѣщиковъ Сѣверо-Западнаго края, начались и ихъ дѣйствія съ худо-прикрытою цѣлію напередъ парализовать тѣ мѣры, какія будутъ приняты правительствомъ для дѣйствительнаго улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. По правдѣ сказать, были и нѣкоторыя стороннія побужденія для такихъ помѣщичьихъ дѣйствій. Тутъ я рѣшаюсь пуститься въ догадки, но, кажется, онѣ будутъ довольно основательны.

Во-первыхъ, сѣверо-западные помѣщики могли обольщаться въ стремленіи къ цѣли парализованія правительственныхъ распоряженій по окончательной крестьянской реформѣ надеждою, что правительство не имѣетъ и даже не можетъ имѣть у себя подъ рукою достовѣрныхъ свѣдѣній о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ

въ краѣ; во-вторыхъ, они и встревожены были яснымъ, на первыхъ же порахъ, направленіемъ предположенной великой реформы, направленіемъ, указывавшимъ, что правительство желаетъ придать реформѣ этой по отношенію къ Сѣверо-Западному краю широкіе размѣры.

Относительно перваго предполагаемаго мною побужденія дѣйствій польскихъ помѣщиковъ можно сказать даже съ полнымъ основаніемъ, что оно не только было у помѣщиковъ, но и не могло не быть: правительство, въ самомъ дѣлѣ, не имѣло хоть сколько-нибудь вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Правительству даже нельзя было и имѣть ихъ потому, что инвентарная реформа, въ короткое время, подверглась въ Бѣлорусскихъ и Литовскихъ губерніяхъ не однократнымъ существеннымъ измѣненіямъ. При томъ, приглашенные въ редакціонныя комиссіи изъ Сѣверо-Западнаго края эксперты, конечно, не могли поспособствовать къ выясненію положенія крестьянскаго дѣла въ этомъ краѣ: польскіе помѣщики напередъ знали, что показанія ихъ экспертовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ будутъ и противорѣчивы и сбивчивы, будутъ только увеличивать затрудненія, вытекавшія вообще изъ недостаточнаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ того дѣла... (Такъ оно и вышло: иные изъ экспертовъ увѣряли, что въ инвентаряхъ показано крестьянской земли больше, чѣмъ ея находится въ дѣйствительности, иные же, что эта земля показана по инвентарямъ въ меньшемъ противъ дѣйствительнаго размѣрѣ,—и вотъ являлось общее, какъ бы неминуемое, заключеніе, что при окончательной реформѣ невозможно утвердить за крестьянами показанный въ инвентаряхъ надѣлъ, ибо, дескать, это утвержденіе «повлечетъ» за собой повѣрку крестьянскихъ земель въ каждомъ имѣніи и въ каждомъ селеніи и, слѣдовательно, можетъ подать поводъ, съ одной стороны, къ непріязненнымъ отношеніямъ между помѣщиками и крестьянами, а съ другой,—быть можетъ, даже къ злоупотребленіямъ со стороны тѣхъ лицъ, кому производство такой повѣрки будетъ поручено. Такимъ образомъ, въ «Мѣстномъ Положеніи» для губерній Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и части Витебской признано за крестьянами (статья четвертая) только дѣйствительное ихъ пользованіе землей...

Относительно втораго побужденія я предполагаю, что оно было вызвано однимъ параграфомъ дополнительнаго отношенія, послѣдовавшаго отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ разъясненіе высочайшаго рескрипта отъ 20 ноября 1857 года; въ параграфѣ этомъ сказано: «тамъ гдѣ существуетъ подворное пользованіе землей, и гдѣ земля, отведенная въ пользованіе крестьянъ, раздѣлена на посѣлки или фермы съ хозяевами и батраками, надо принять мѣры къ возможному обезпеченію осѣлости батраковъ и къ положительному опредѣленію отношеній ихъ къ хозяевамъ».

Мнѣ кажется, даже безъ малѣйшей натяжки, можно предположить, что такое намѣреніе правительства должно было въ высшей степени встревожить польскихъ помѣщиковъ, такъ какъ они, и передъ самымъ заявленіемъ о желаніи улучшить бытъ своихъ крѣпостныхъ, и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ, съ особеннымъ усердіемъ понадѣлали изъ инвентарныхъ крестьянъ безземельныхъ батраковъ. Наибольшимъ же доказательствомъ моего предположенія (которому я придаю значеніе потому, что оно наилучше выясняетъ: какъ подготовлялись въ Сѣверо-Западномъ краѣ къ окончательной крестьянской реформѣ) можетъ служить и то обстоятельство, что въ упомянутое время польскіе помѣщики уже не ограничились обращеніемъ дворохозяевъ въ батраки, а по большей части совѣмъ освобождали ихъ изъ крѣпостной зависимости, то-есть, навязывая имъ отпускныя насильно, лишали ихъ уже всякой возможности получить, при реформѣ, какое-либо земельное обезпеченіе.

Но тутъ могъ быть и особый расчетъ, да не только «могъ быть», даже навѣрное былъ:

Извѣстно, что сѣверо-западные помѣщики обезземелили инвентарныхъ хозяевъ наиболѣе въ промежутокъ времени отъ 1857 до 1861 года; это обезземеленіе и особенная вышеуказанная мною форма его, по всей вѣроятности, были предприняты, какъ вслѣдствіе тревожнаго ожиданія, что крестьянская реформа будетъ проведена твердо и широко, такъ и вслѣдствіе того расчета, чтобы опять выйти изъ реформы не только безъ малѣйшихъ потерь, но и съ рѣшительными выгодами. Конечно, ради послѣдней цѣли, эксперты отъ сѣверо-западныхъ губерній настойчиво увѣряли въ редакціонныхъ комиссіяхъ, что хозяйство во многихъ мѣстахъ Ковенской и Витебской губерній (въ Инфлянскихъ уѣздахъ)—чисто фермерское. Понятна цѣль этихъ увѣреній: эксперты, а за спиной ихъ, ковенскіе, инфлянскіе, да конечно, и другіе сѣверо-западные помѣщики, явно хотѣли, чтобы крестьяне ихъ получили только личную свободу изъ крѣпостной зависимости, безъ малѣйшаго земельного обезпеченія, словомъ, были бы приведены въ такое же положеніе, какое существуетъ въ Остзейскомъ краѣ,—чему, дескать, способствуетъ, на чтó прямо вызываетъ въ полной мѣрѣ существующее уже фермерство. Кстати замѣчу, что показанія сѣверо-западныхъ экспертовъ о фермерскомъ характерѣ земледѣльческаго хозяйства у ковенскихъ и инфляндскихъ инвентарныхъ крестьянъ были, повидимому, приняты на вѣру въ редакціонныхъ комиссіяхъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ возраженій противъ нихъ не было сдѣлано. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, по всему Сѣверо-Западному краю никакихъ фермеровъ собственно изъ крестьянъ рѣшительно не было. Нельзя же считать фермерами, напримѣръ, литовцевъ, которые, какъ бы по своему природному характеру, всегда стремятся жить одиночно, въ застѣнкахъ и односельяхъ,

на опушкѣ или посреди какого-нибудь лѣса: простые ли крестьяне они были, или же такъ-называемые вольные люди, изъ которыхъ бывали цѣлыя имѣнія ¹⁾—это все равно, они пользовались землею, признаваемою со стороны закона объ инвентаряхъ мірскою, неприкосновенною, подъ постояннымъ дѣйствіемъ помѣщичьяго произвола, каковой произволъ и могъ лишить ихъ земельного надѣла въ каждую данную минуту, стало быть, тутъ фермерства даже не могло быть.

Словомъ, сѣверо-западные помѣщики подготовлялись къ послѣдствіямъ окончательной крестьянской реформы и загодя еще до реформы, и при самомъ ея началѣ; на это подготовленіе я могъ бы указать, на основаніи положительныхъ фактовъ, и подробнѣе и яснѣе; но цѣль моя только указать въ какія отношенія стали польскіе помѣщики, при крестьянской реформѣ 19 февраля 1861 года, и къ крѣпостному народу, и къ самому русскому правительству.

Отношенія къ крѣпостному народу были не только своекорыстны, но и чисто-враждебны. Польскіе помѣщики не смогли даже нисколько скрыть этой враждебности: она-то и попутала ихъ, вовлекла какъ бы роковымъ образомъ въ открытый мятежъ.

XIV.

Конечно, мятежъ 1863 года былъ затѣянъ поляками не изъ-за одной отмѣны крѣпостного права; но несомнѣнно, что эта великая реформа много подвинула впередъ дѣло мятежа, ускорила моментъ возстанія. Въ виду твердаго осуществленія правительствомъ реформы по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и непремѣнно съ земельнымъ надѣломъ, въ виду и того, что надѣлъ будетъ совершаться не по произволу помѣщичьему, а со строгой его повѣркой, надежды на благопріятное для помѣщиковъ исполненіе реформы исчезли, а старыя ненависти оживились и разгорѣлись чрезвычайно.

Надо считать весьма счастливымъ обстоятельствомъ, что мятежъ проявился и перешелъ отъ глупыхъ демонстрацій къ вооружен-

¹⁾ Какъ напримѣръ, мѣстечко Саланты, Тельшевскаго уѣзда. Кстати, вольные люди, попавшіе по Положенію о нихъ 25 іюля 1864 года, во второй разрядъ, могли представляться какъ бы фермерами; но въ сущности они были тѣ же крѣпостные крестьяне, только записанные въ ревизскихъ сказкахъ подъ названіемъ вольныхъ людей, и уже по этому, какъ крѣпостные, отнюдь не пользовались землею на фермерскомъ правѣ, предполагающемъ свободныя отношенія обѣихъ сторонъ при отдачѣ и полученіи земли во временное пользованіе, а вторыхъ, самое окончаніе аренды вольныхъ людей по закону 25 іюля 1864 года показало, что въ глазахъ польскихъ помѣщиковъ эти люди никогда не были и не могли быть ихъ фермерами.

ному возстанію въ самомъ скоромъ времени: во-первыхъ, это повело къ немедленному прекращенію всѣхъ обязательныхъ отношеній крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, прекратились хитрыя попытки къ ослабленію на дѣлѣ силы Положеній 19 февраля 1861 года, равно какъ и всякія козни для соблазна въ мятежъ простого народа (говоря о послѣднемъ, имѣю въ виду особенно Гродненскую губернію, какъ чисто бѣлорусскую); во-вторыхъ же, — исчезли во-время въ управленіи Сѣверо-Западнымъ краемъ всѣ, бывшіе доселѣ, въ такомъ ходу, приемы при приведеніи въ дѣйствіе крестьянской реформы (да и почти всякаго правительственнаго распоряженія), которые издавна приучили мѣстныхъ поляковъ не уважать русскую власть, считать ее только способною къ постояннымъ уступкамъ на всѣ ихъ заносчивыя желанія.

Оба эти послѣдствія вспышки мятежа 1863 года были весьма важны, но, при внимательномъ обсужденіи дѣла, особенно-важное значеніе должно придать именно второму послѣдствію. И точно: какое же дѣйствіе могли бы имѣть всѣ мѣры правительства въ Сѣверо-Западномъ краѣ, если бы управленіе въ немъ, въ виду не-только помѣщичьяго противодѣйствія крестьянской реформѣ, но и въ виду открытаго мятежа поляковъ, продолжало поступать все въ духѣ постоянныхъ уступокъ да поблажекъ, и при томъ настолько безхарактерно, что нельзя даже предполагать: сознавало ли оно, въ должной по ходу тогдашнихъ событій степени, прямую обязанность свою высоко, твердо поддерживать всю силу русской власти и русскаго закона, — даже имѣло ли оно для указываемаго мною сознанія нужныя средства, то-есть, было ли достаточно знакомо съ условіями общественной жизни въ подчиненномъ ему краѣ, а также и съ значеніемъ событій тогда въ немъ проявившихся...

Къ половинѣ 1863 года, во главѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ былъ поставленъ человѣкъ съ характеромъ твердымъ, энергическимъ, съ умомъ положительнымъ, опытнымъ, высокоразвитымъ особенно долговременной и многообразной дѣятельностью на поприщѣ государственной службы, человѣкъ въ совершенствѣ знавшій и подчиненный ему край и всѣ условія, которыя породили, питали и укореняли мятежные замыслы въ одной части мѣстнаго населенія. Въ короткое, только двухлѣтнее, управленіе краемъ онъ сослужилъ великую службу Россіи и мѣстному угнетенному народу, сослужилъ потому, что, сверхъ качествъ своего характера и ума, сверхъ жизненной и государственной опытности, обладалъ высокимъ сознаніемъ своего долга по отношенію къ отечеству и смѣло скажу, даже по отношенію къ упомянутому народу. О дѣятельности Михаила Николаевича Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ, во время мятежа 1863 года, судили, судять и, можетъ быть, еще долго будутъ судить съ бѣльшимъ или меньшимъ пристрастіемъ,

и скорѣе не въ похвалу его дѣйствій, а въ порицаніе ихъ. Такова, вообще, участь сильныхъ характеровъ, поставленныхъ стеченіемъ обстоятельствъ въ условія широкой дѣятельности; да таковы и существующія нынѣ условія для общественнаго обсуждения событій и особенно крупныхъ лицъ въ нихъ дѣйствовавшихъ: духъ партій,—а партіи всякія бываютъ,—нынѣ имѣетъ слишкомъ много простора для выраженія всего того, что подсказывается своекорыстными желаніями, страстнымъ возбужденіемъ борьбы мнѣній и иногда фантастическими иллюзіями. Но настанетъ же время, когда, хоть не всѣми, а большинствомъ общества подвигъ Муравьева будетъ оцѣненъ вполне справедливо, когда въ Муравьевѣ признаютъ не столько суроваго усмирителя мятежа, сколько милосердаго и разумнаго водворителя спокойствія въ обширномъ краѣ, гдѣ народъ издавна, непрерывно, былъ угнетаемъ и измученъ всячески.

Мнѣ непрерывно приходилось и руководствоваться распоряженіями генераль-губернатора Муравьева и видѣть, какъ дѣйствовали вокругъ меня, не только въ крестьянскомъ дѣлѣ, но и по прочимъ частямъ управленія, распоряженія этого, поистинѣ, замѣчательнаго человѣка; вотъ почему я и рѣшился, хоть мелькомъ, коснуться его дѣятельности... И нельзя было не подивиться ей. Какая предусмотрительность въ отношеніи всего, что должно было дѣлать всѣмъ русскимъ людямъ для водворенія спокойствія въ краѣ, для прямого и вѣрнаго направленія къ тому служебныхъ дѣйствій, для охраненія народа отъ всякихъ вредныхъ вліяній, даже для приподнятія въ народѣ умственной и нравственной силы! Какая неустанность въ многотрудной работѣ! Какая, наконецъ, послѣдовательность! Въ послѣднемъ отношеніи мнѣ невольно приходятъ теперь на мысль распоряженія по крестьянскому дѣлу за послѣднее время управленія Муравьевымъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ: распоряженія эти, основанныя на глубокомъ знаніи народнаго быта, прямо касались его будущаго, упрочили дѣйствіе 81 ст. мѣстнаго положенія для губерній Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и части Витебской, по которой подворные участки представляются въ надѣлѣ не отдѣльными дворохозяевамъ, а цѣлымъ крестьянскимъ семействамъ, и имѣли цѣлю устранить навсегда развитіе батрачества, создаваемого также народными обычаями, (по которымъ младшіе члены семействъ лишались всякаго участія въ пользованіи землею ¹⁾).

¹⁾ Распоряженія эти,—циркуляры губернаторамъ, отъ 10 и 11 марта 1865 года, за №№ 559 и 560,—такъ замѣчательны, что я привожу ихъ здѣсь въ полномъ текстѣ. Вотъ первый: «Изъ доходящихъ до меня свѣдѣній я усматриваю, что во ввѣренномъ управленію моему краѣ, поступаетъ весьма много жалобъ отъ крестьянъ на лишеніе ихъ волостными судами и сходами участія въ земельномъ надѣлѣ, предоставляя таковой въ исключительное пользованіе домохозяе-

Дѣйствовать по водворенію спокойствія во ввѣренномъ Муравьеву краѣ было чрезвычайно трудно, — препятствія являлись

вамъ, оставляя на батракахъ, лишенныхъ такимъ образомъ земли, казенныя и мірскія повинности, которыя обезпечиваются предоставленными участками земли. Имѣя же въ виду, что на основаніи 81 ст. мѣстн. полож. для губерній Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской, подворные участки крестьянскаго надѣла остаются въ постоянномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ, — слѣдовательно, члены семейства участвуютъ въ пользованіи отведенною въ надѣлъ землею, — предлагаю вашему превосходительству сдѣлать распоряженіе, чтобы мировые посредники и повѣрочныя комиссіи обратили особенное вниманіе на этотъ фактъ и, при всякомъ возможномъ случаѣ, разясняли крестьянамъ и волостнымъ судьямъ настоящій смыслъ закона, который стремится обезпечить большое число крестьянъ землею, возлагая исправное отбываніе повинностей на отвѣтственность всего семейства. Независимо сего, поручить мировымъ посредникамъ составить подробные посемейные списки въ томъ составѣ, въ которомъ застало ихъ обнародованіе положеній 19 февраля 1861 года, — для восстановленія ихъ въ правахъ пользованія предоставленнымъ участкомъ земли и отвѣтственности за исправное отбываніе повинностей, предоставляя имъ сойтись съ домохозяевами о мѣрѣ и способѣ вознагражденія по добровольному соглашенію, принимая при этомъ въ соображеніе, что раздѣлившіеся дворы по добровольному соглашенію, которые въ настоящее время составляютъ отдѣльныя семейства, обезпеченныя поземельною собственностію, не подлежатъ соединенію съ семействами, отъ которыхъ они отдѣлились. На будущее время возложить на личную отвѣтственность волостного и сельскаго начальства, чтобы раздѣлы совершались не иначе, какъ на точномъ основаніи ст. 51 общ. полож. о крестьянахъ, т. е., съ разрѣшенія сельскаго схода».

Затѣмъ, и второй циркуляръ: «Распоряженіемъ, изложеннымъ въ циркулярѣ моемъ отъ 18 октября 1863 года, о возвращеніи крестьянамъ полныхъ участковъ и надѣленіи ихъ въ размѣрѣ трехъ десятинъ на семейство, а также изданными правилами объ устройствѣ вольныхъ людей, поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ, значительно уменьшилось въ Сѣверо-Западномъ краѣ число безземельныхъ крестьянъ; но за всѣмъ тѣмъ, изъ получаемыхъ мною свѣдѣній оказывается, что неосвѣдлыхъ и необезпеченныхъ земельною собственностію крестьянъ находится немалое число, на которыхъ установленныя закономъ правила не могутъ быть распространены. Такого рода люди, не представляя собою задатковъ для спокойствія сельскаго населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, суть члены тѣхъ же сельскихъ обществъ, въ которыхъ проживаютъ, а потому къ обязанности крестьянскихъ обществъ должно бы относиться попеченіе о призрѣніи сихъ людей предоставленіемъ имъ хотя бы небольшого пространства земли на устройство усадьбы, въ которой могло бы поселиться семейство батрака, въ то время, какъ самъ онъ работаетъ для снисканія ему пропитанія. Примѣры такого попеченія крестьянъ о бездомныхъ своихъ членахъ встрѣчаются въ участкахъ мировыхъ посредниковъ, которые, сознавая бѣдственное положеніе ихъ, обратили вниманіе сельскихъ обществъ и успѣли достигнуть въ семъ случаѣ весьма благотворныхъ результатовъ. Сообщая вашему превосходительству сія соображенія, прошу васъ обратить вниманіе гг. мировыхъ посредниковъ и членовъ повѣрочныхъ комиссій на положеніе батраковъ и кутниковъ, которые остаются безъ пріюта и просить ихъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, разяснять крестьянамъ и склонять ихъ къ облегченію положенія сихъ людей предоставленіемъ имъ, на правѣ выкупа, земли для устройства усадьбы съ огородамъ, отнюдь не допуская какихъ-либо понудительныхъ къ сему мѣрѣ. Объ успѣхахъ въ семъ случаѣ гг. мировыхъ посредниковъ и членовъ повѣрочныхъ комиссій прошу васъ мнѣ сообщать, въ доказательство всесторонней заботливости ихъ о благосостояніи крестьянъ ввѣренныхъ имъ участковъ».

безпрерывно, даже не съ той стороны, откуда возникъ мятежь. Мнѣ рассказывали, напримѣръ, что въ дѣлѣ предпринятаго Муравьевымъ возстановленія православныхъ храмовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и то являлось противодѣйствіе: есть, будто бы, официальная записка, въ которой говорится, что ненужно, дескать, возстановлять православные храмы и въ самой Вильнѣ, что храмы эти будутъ постоянно пусты во время богослуженія, что они могутъ только служить памятниками русскаго безсилія.. Ужь если и въ этомъ дѣлѣ являлось подобное противодѣйствіе (къ счастью, недостигшее однако той цѣли съ которою оно было затѣяно), то легко представить съ какими препонами долженъ былъ бороться Муравьевъ...

Но исторія еще скажетъ обо всемъ этомъ свое разумно-безпристрастное слово.

XV.

Съ прибытіемъ М. Н. Муравьева, составъ и высшихъ и даже низшихъ административныхъ властей въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края (кромя одной Могилевской) быстро измѣнился. Можно предполагать, что при такомъ главномъ начальникѣ, каковъ былъ Муравьевъ, и прежнія лица исполнили бы свой служебный долгъ, дѣйствовали бы недурно,—все зависѣло отъ твердаго направленія дѣятельности мѣстныхъ административныхъ властей. Но, конечно, надо же было, чтобы все населеніе видѣло, что новыя распоряженія какъ по усмиренію мятежа, такъ и по крестьянскому дѣлу исполняются уже новыми людьми.

Это было нужно особенно въ отношеніи польскихъ помѣщиковъ, такъ привыкшихъ обходить законъ всячески. Помѣщики эти и лица подручныя имъ не преминули испытать съ разныхъ сторонъ новую губернскую администрацію. Собственно по крестьянскому дѣлу, именно въ Гродненской губерніи, о которой только и буду говорить, укажу для примѣра на три такія попытки.

Первый случай относится собственно не до помѣщиковъ, а до тѣхъ подручныхъ имъ людей, которые въ волостяхъ освобожденныхъ крестьянъ искажали преднамѣренно крестьянское самоуправленіе, установленное положеніями 19 февраля 1861 года. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ теперь подъ рукою документовъ, касающихся до дѣлъ, о которыхъ я буду говорить; но все-таки сущность ихъ мнѣ памятна. Дѣло шло о двухъ крестьянахъ, кажется, Брестскаго и Кобринскаго уѣздовъ. Помню, что одного изъ нихъ звали Бѣлбось, другого — Черепушка. Оба они были представлены со стороны польскихъ мировыхъ посредниковъ, какъ возмутители крестьянъ, какъ люди въ высшей степени вредные, и объ удаленіи ихъ изъ обществъ составлены были приговоры. Но губернское

по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе новаго состава не дало хода этимъ приговорамъ. Тутъ замѣчательна была переписка объ одномъ изъ упомянутыхъ крестьянъ (ужь не помню о Болбосѣ или о Черепушкѣ): волостное правленіе, какъ водится подъ вліяніемъ своего писаря-шляхтича три раза составляло приговоры объ удаленіи вреднаго, будто бы, своего односельца,—не смотря на то, что губернское присутствіе и къ первому приговору отнеслось съ полнымъ недоувѣріемъ. Изъ этого случая можно видѣть каково было вліяніе на общественное управленіе со стороны поляковъ-писарей, да и какова была ихъ смѣлость.

Второй случай былъ гораздо важнѣе, но и о немъ я долженъ говорить только по памяти (впрочемъ, я увѣренъ, что она не измѣнитъ мнѣ на счетъ главной сущности предмета). Польскіе помѣщики Гродненской губерніи, въ виду крутого поворота по дѣлу приведенія въ дѣйствіе указа 1-го марта 1863 года о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, а также и въ виду назначенія повѣрочныхъ комиссій, затѣяли было сами устроить дѣло выкупа крестьянами земельныхъ ихъ надѣловъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ помѣщиками устроены были сдѣлки съ крестьянами относительно выкупа и, разумѣется, сдѣлки эти были особенно выгодны для помѣщиковъ. Подъ какими вліяніями на крестьянъ состоялись онѣ изъ постановленія губернскаго присутствія не видно. Впрочемъ, помѣщицья затѣя хотъ, можетъ быть, и очень ловко задуманная и исполненная, не удалась: губернское присутствіе рѣшительно устранило эту попытку парализировать дѣйствіе закона 1-го марта 1863 года, который долженъ былъ повести къ окончательному устройству положенія крестьянъ Сѣверо-Западнаго края.

По всей вѣроятности, вслѣдствіе не удачи попытки о выкупѣ, гродненскими помѣщиками была подведена новая затѣя, уже очень скандальнаго свойства: многіе изъ этихъ помѣщиковъ, желая, что называется, хотъ что-нибудь урвать съ крестьянъ, совсѣмъ уже выходившихъ изъ-подъ ихъ власти и вліянія, взяли съ нихъ оброки впередъ за шесть и болѣе мѣсяцевъ,—и только нѣкоторые изъ помѣщиковъ выдавали крестьянамъ росписки въ полученіи оброка. И замѣчательно: крестьяне гродненской губерніи, за исключеніемъ весьма малаго количества имѣній, записаны были по уставнымъ грамотамъ состоящими на издѣльной повинности, — стало быть, они были принуждены совершенно не законно къ уплатѣ денежнаго оброка. Губернское присутствіе поручило мировымъ посредникамъ (тоже новаго состава) собрать росписки помѣщиковъ, о цѣнности ихъ сдѣлать постановленія, которыя и выдать крестьянамъ, съ возвращеніемъ и самыхъ росписокъ, для представленія въ уѣздное казначейство къ зачету въ полной суммѣ въ число оброка слѣдовавшаго съ крестьянъ по расчетнымъ листамъ за время

съ 1-го мая 1863 года ¹⁾). Сколько я слышалъ, неудача по дѣлу объ оброкахъ особенно огорчала польскихъ помѣщиковъ; оно и понятно почему: карманы ихъ, на ту пору, были очень истощены офярою...

Изъ приведенныхъ случаевъ особенно важенъ второй, тутъ выразился,—и насколько мнѣ извѣстно, только въ Гродненской губерніи,—какъ бы общій помѣщичій замыселъ обойти всѣ распоряженія мѣстной русской администраціи по приведенію окончательно въ дѣйствіе крестьянской реформы—и самимъ, по возможности, устроить дѣло выкупа крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ. Но это была послѣдняя,—на то время,—попытка, дѣйствовать сообща противъ великой реформы. Скоро пришлось каждому польскому помѣщику у себя дома заботиться о своихъ интересахъ: осенью 1863 года, повѣрочныя комиссіи уже приступили къ повѣркѣ надѣловъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (кстати: дѣломъ этимъ такъ спѣшили, что довольно долго повѣрочныя комиссіи разъѣзжали подъ охраною конвоя, ибо вездѣ можно было встрѣтиться съ бродячими остатками разбитыхъ мятежническихъ шаекъ). Повѣрочныя дѣйствія были ведены въ Гродненской губерніи съ быстротой изумительной, если принять въ соображеніе припятствія, не только по причинѣ беспокойнаго положенія губерніи, какъ въ 1863, такъ еще и въ 1864 году, но и потому особенно, что огромныя пространства гродненскаго Полѣсья, съ его болотами, могли являться иногда недоступными для такихъ дѣйствій, — скажу вкратцѣ о тѣхъ мѣрахъ, какія были предприняты, по указаніямъ главнаго начальника края, для введенія порядка въ общественномъ крестьянскомъ управленіи.

Повѣрочная операція очень заботила гродненскую губернскую администрацію, ибо Муравьевъ всего болѣе настаивалъ на скорѣйшемъ ея окончаніи, и надо отдать полную справедливость упомянутой администраціи: она вела дѣло съ величайшимъ усердіемъ, оттого въ теченіе двухъ годовъ повѣрочныя дѣйствія вездѣ въ Гродненской губерніи были окончены. Во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края дѣло это шло далеко не съ такимъ успѣхомъ; правда въ Минской губерніи громадныя болота въ нѣкоторыхъ уѣздахъ представляли большія затрудненія, чѣмъ въ Гродненской губерніи; но зато въ Виленской, Витебской и Ковенской, особенно же въ послѣдней, условія мѣстности для повѣрочной операціи были несравненно болѣе выгодны: все зависѣло отъ постояннаго и энергическаго наблюденія со стороны новаго губернатора, Ивана Николаевича Скворцова, а также отъ сильной дѣятельности новыхъ членовъ гродненскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Дѣятельность эта была, поистинѣ, за-

¹⁾ Циркуляръ гродненскаго губернатора къ мировымъ посредникамъ отъ 15 января 1864 года за № 72.

мѣчательна (особенно по чрезвычайно-внимательному и твердо-безпристрастному разсмотрѣнію выкупныхъ актовъ и основаній, послужившихъ для ихъ составленія повѣрочными комиссіями); но она замѣчательна и по заботливости о крестьянскомъ управленіи въ волостяхъ. Устройство правильнаго общественнаго управленія для крестьянъ только-что вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости и изъ-подъ вліянія польскихъ мировыхъ посредниковъ, съ подручными имъ писарями, старшинами и старостами, всего существеннѣе могло поднять духъ этихъ забытыхъ людей и внушить имъ довѣріе къ правительству и къ установленнымъ его законами новымъ порядкамъ.

Я уже говорилъ о положеніи, въ какомъ находилось крестьянское общественное управленіе при польскихъ мировыхъ посредникахъ; но картина, мною представленная, на основаніи оффиціально добытыхъ данныхъ, далеко не вполне изображаетъ сущность дѣла, — тутъ опущены многія подробности, имѣющія большое значеніе. Такъ, на примѣръ, оффиціальныя данныя не указываютъ на составъ волостей и сельскихъ обществъ, на выборъ помѣщенія для волостныхъ правленій, на составъ выборныхъ для волостныхъ сходовъ; а между тѣмъ все это было устроено преднамѣренно въ интересахъ помѣщиковъ и на польскій ладъ. Волости были весьма малы, по большей части, только въ нѣсколько сотъ душъ; сельскія общества, конечно, были и еще мельче, были такія (какъ, на примѣръ, въ Ментерѣцкой волости, Волковыскаго уѣзда), гдѣ считалось даже менѣе двадцати душъ; и, вообще, такое распредѣленіе волостей и сельскихъ обществъ представляло чрезвычайное неудобство для гродненскихъ очень бѣдныхъ крестьянъ, ибо отъ него происходили излишніе расходы на содержаніе многочисленныхъ должностныхъ лицъ.

Волостныя правленія помѣщались обыкновенно въ помѣщичьихъ усадьбахъ, въ тѣсныхъ, темныхъ и грязныхъ зданіяхъ, а то по близости къ костѣламъ ¹⁾, и при томъ возлѣ этихъ общественныхъ учреждений помѣщички устраивали корчмы, содержатели которыхъ, какъ водится, евреи, вмѣшивались въ общественныя дѣла, — и все тутъ происходило не иначе какъ при сильномъ пьянствѣ. Должностныя лица никогда не выбирались самими сходами, а назначались посредниками или даже помѣщиками, и, конечно, эти должностныя лица дѣлали все то, что приказывалось имъ посредниками, помѣщиками и писарями-шляхтичами. Должно предположить, что и выборные на волостные сходы назначались посредниками и помѣщиками, недаромъ; въ послѣдствіи волостные сходы изъ этихъ выборныхъ всего менѣе соответствовали требованіямъ

¹⁾ Помѣщеніе же волостныхъ правленій по близости православныхъ церквей отнюдь не допускалось.

закона, установившаго общественное управленіе. Впрочемъ, чего же было и ожидать отъ общественнаго крестьянскаго управленія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, когда оно съ самаго начала было устроено подъ чрезвычайно-вредными вліяніями и въ видахъ совершенно-противныхъ видамъ правительства.

Въ февралѣ и сентябрѣ 1864 года, генераль-губернаторъ Муравьевъ предложилъ начальникамъ губерній Сѣверо-Западнаго края принять мѣры къ новому распредѣленію волостей съ тѣмъ: 1) чтобы волости были размѣромъ отъ 1,000 до 3,000 душъ, кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда по значительнымъ разстояніямъ между селеніями нельзя образовать волости въ 1,000 душъ; 2) чтобы самое отдаленное селеніе волости отстояло отъ волостнаго правленія не далѣе 12-ти верстъ (только въ исключительныхъ случаяхъ допускалось разстояніе и больше 12 верстъ); 3) чтобы приходы по возможности не раздроблялись по разнымъ волостямъ; 4) чтобы помѣщенія для волостныхъ правленій были избираемы въ срединѣ волостей, близъ православныхъ церквей, и чтобы такое помѣщеніе близъ костѣловъ избѣгалось. Кромѣ того, начальникъ края указывалъ, чтобы волостныя правленія ни подъ какимъ видомъ не находились на мызахъ помѣщиковъ, и чтобы зданія, уже выстроенныя для волостныхъ правленій и не могущія по новому раздѣленію волостей служить для этой цѣли, были обращаемы въ народныя училища, если они находятся не при костѣлахъ и не на помѣщичьихъ мызахъ. Наконецъ, послѣдній циркуляръ вмѣнялъ въ обязанность мировыхъ посредниковъ каждаго уѣзда составлять проекты новаго распредѣленія волостей съ объясненіемъ крестьянамъ всѣхъ для нихъ оттого выгодъ, а самое распредѣленіе совершать по разсмотрѣніи и утвержденіи проектовъ губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Мѣра эта по Гродненской губерніи была исполнена въ точности, кромѣ одного только отступленія относительно размѣровъ сельскихъ обществъ: во многихъ волостяхъ общества остались по прежнему крайне мелкими, что, впрочемъ, зависѣло и отъ незначительности многихъ селеній; но въ Ковенской губерніи дѣло новаго распредѣленія волостей было исполнено съ большими отступленіями отъ указаній главнаго начальника края (волостныя правленія остались большей частью, по близости костѣловъ, а иногда даже въ помѣщичьихъ усадьбахъ).

Но еще прежде новаго распредѣленія волостей, именно въ половинѣ 1863 года, былъ обновленъ, подъ наблюденіемъ предсѣдателей повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ русскаго происхожденія, составъ должностныхъ въ волостяхъ лицъ, а особенно по отношенію къ волостнымъ писарямъ. И эта мѣра была исполнена въ губерніяхъ Гродненской и Ковенской весьма различно: въ первой, вездѣ, на сколько мнѣ извѣстно, писаря-пшляхтичи были замѣнены русскими писарями, по бѣльшей части семи-

наристами изъ внутреннихъ губерній; а во второй,—еще въ 1865 году, я засталъ, въ вилькомирскомъ моемъ участкѣ, писарей (кромѣ только двухъ) все изъ католиковъ, да такъ было и вездѣ по Ковенской губерніи; впрочемъ, такая разница могла до нѣкоторой степени обуславливаться и тѣмъ, что въ Гродненской губерніи много православныхъ и изъ мѣстныхъ уроженцевъ, а, напротивъ, въ Ковенской сплошное населеніе принадлежитъ къ католическому исповѣданію. Кстати: уже подъ конецъ своего пребыванія въ краѣ, Муравьевъ, узнавъ, что многіе изъ семинаристовъ и иныхъ лицъ, вызванныхъ для исполненія должности волостныхъ и сельскихъ писарей, а также наставниковъ въ сельскихъ школахъ, не получаютъ слѣдующаго имъ содержанія и продовольствія и находятся въ крайне стѣснительномъ положеніи, — поручилъ начальникамъ губерній немедленно принять мѣры къ обезпеченному ихъ устройству. Это по Гродненской губерніи опять-таки было исполнено неукоснительно, по крайней мѣрѣ со стороны губернскаго начальства.

И такъ, въ Гродненской губерніи очень заботились о томъ, чтобы общественное крестьянское управленіе было установлено соотвѣтственно правилъ изложенныхъ въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости: сверхъ быстрого исполненія указаній главнаго начальника края, губернское присутствіе часто отправляло членовъ своихъ для обзоровъ волостей и для правильнаго направленія дѣлъ въ нихъ. Но, не смотря на все это, не такъ-то легко было исправить дѣло, испорченное въ самомъ началѣ. У меня подъ рукою два документа, изображающіе положеніе общественнаго крестьянскаго управленія, уже въ маѣ 1866 года; это—«замѣчанія, предложенныя на разсмотрѣніе губернскаго присутствія предѣвателемъ его, губернаторомъ, по обзору имъ Верцелишскаго и Езерскаго волостныхъ правленій» (Гродненскаго уѣзда) и «записка по объѣзду волостей членомъ присутствія Зиновьевымъ». Первый документъ довольно кратокъ, второй же—очень пространенъ, и оба они рисуютъ дѣло въ волостныхъ правленіяхъ въ непривлекательномъ видѣ. Вездѣ оказалось: что крестьянскія должностныя лица вполнѣ незнакомы съ указанными для нихъ въ законѣ обязанностями; волостные сходы дѣйствуютъ неправильно даже въ томъ отношеніи, что на нихъ иногда участвуютъ (какъ замѣтилъ губернаторъ) всѣ домохозяева въ волости, а выборные отъ батраковъ никогда не участвуютъ, и, вообще, нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ книгахъ волостныхъ правленій о выборахъ выборныхъ; во всѣхъ, посѣщенныхъ г. Зиновьевымъ 24-хъ волостныхъ правленіяхъ Бѣльскаго, Брестскаго, Кобринскаго и Пружанскаго уѣздовъ—по нѣсколько приговоровъ вовсе безъ подписи должностныхъ лицъ да и, вообще, приговоры составлялись и записывались безпорядочно во многихъ подробностяхъ; волостные суды

въ тѣхъ же волостяхъ неудовлетворительны, хотя «судьи дѣйствовали довольно самостоятельно и по большей части очень толковые люди», ибо все-таки волостной судъ поступалъ съ явнымъ отступленіемъ отъ закона: съ допущеніемъ вмѣшательства не только старшинъ, но даже и сельскихъ старостъ, съ превышеніемъ власти принятіемъ въ разборъ дѣлъ о кражѣ со взломомъ и о раздѣлѣ участковъ вопреки 85 статьи Мѣстнаго Положенія; правильной отчетности по денежной части въ волостныхъ правленіяхъ нѣтъ и учетовъ на волостномъ сходѣ никогда не бываетъ; наконецъ, сельскія общества, при раскладкѣ податей и при рекрутскихъ назначеніяхъ крайне стѣсняють безземельныхъ батраковъ.

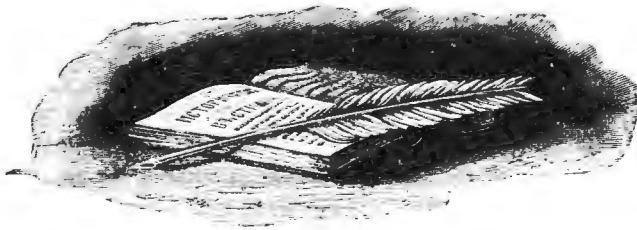
Конечно, изъ всего изложеннаго можно заключить, что и по обновленіи состава общественнаго крестьянскаго управленія, и при заботливости о немъ губернскаго присутствія и русскихъ мировыхъ посредниковъ, оно все-таки было очень дурно. Но дѣло въ томъ, что вопіющихъ злоупотребленій, какія существовали при польскихъ посредникахъ, теперь уже вовсе не было: произволъ писарей-шляхтичей, искажавшій здѣсь все, не остался въ наслѣдство новому составу общественнаго крестьянскаго управленія. Крестьяне, какъ должностныя лица, такъ и выборные, уже твердо понимали, что общественное управленіе существуетъ для нихъ самихъ, а не для поддержанія прежнихъ помѣщичьихъ порядковъ: если же въ волостныхъ правленіяхъ еще поддерживались, и по волостнымъ сходамъ, и по канцелярскому производству, и по волостнымъ судамъ, и по денежной отчетности, и по отправленію должностными лицами ихъ обязанностей, какіе-либо беспорядки, то все это зависѣло отчасти отъ не вполне достаточнаго наблюденія со стороны русскихъ мировыхъ посредниковъ, отвлекаемыхъ отъ постоянной заботливости объ общественномъ крестьянскомъ управленіи участіемъ въ дѣйствіяхъ повѣрочныхъ комиссій, а также и другими многообразными тогда занятіями, всего же болѣе отъ того, что для гродненскихъ крестьянъ, еще недавно столь забытыхъ, общественное управленіе было совершенно новостью.

Система участковаго пользованія землею разъединяла сѣверо-западныхъ крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ. Столь извѣстныя у великорусскаго народа и у малороссовъ слова: «миръ», «громада» были не извѣстны ни литвинамъ, ни особенно бѣлоруссамъ. Здѣшній крестьянинъ, пока пользовался участкомъ земли, стоялъ лицомъ къ лицу къ помѣщику, къ его «эконому», къ его арендатору, и затѣмъ, всѣ интересы «мира» и прочихъ односельцевъ, не только батраковъ, но и участковыхъ дворохозяевъ, были для него чужды. Оно и понятно почему. Каждый на своемъ участкѣ сидѣлъ подъ постояннымъ взбалмошнымъ произволомъ помѣщика; каждый могъ ожидать каждую минуту, что его «скасуютъ», и участокъ его, хотя бы онъ былъ издавна «батьковщиною», можетъ

быть отданъ или батраку или шляхтичу, или еврею. Вотъ отчего общественное управленіе туго прививалось у крестьянъ бѣлорусовъ, къ тому же забытыхъ и почти поголовно неграмотныхъ. Замѣчательно, что собственно административная крестьянская власть была гораздо хуже власти судебной: волостные старшины, сельскія старосты несравненно меньше, чѣмъ волостные судьи, понимали свои обязанности.

Впрочемъ, общественное управленіе въ волостяхъ крестьянъ-собственниковъ въ Гродненской губерніи, какъ я на дѣлѣ замѣтилъ въ трехъ уѣздахъ (какъ и вездѣ, по всей вѣроятности, было), все-таки свое дѣло сдѣлало: оно приподняло духъ народный, приковало вниманіе всѣхъ и cadaго къ тѣмъ сторонамъ сельской крестьянской жизни, къ которымъ прежде, подъ игомъ Польщизны, вниманіе это никогда не обращалось; оно оживило этихъ забытыхъ людей...

С. Славутинскій.

ЗА КУЛИСАМИ СТАРАГО ТЕАТРА ¹⁾.

ХІІІ.

Дѣло актера Булатова.

1818 г.

СЕНТЯБРЯ 10-го, 1818 года, одинъ изъ молодыхъ актеровъ русской драматической труппы въ Петербургѣ, «изъ военно оберъ-офицерскихъ дѣтей», губернской секретарь И. А. Булатовъ, былъ, по приказанію вице-директора театровъ, князя П. И. Тюфякина, отправленъ подъ арестъ въ полицію за то, что наканунѣ, 9-го сентября, передъ началомъ спектакля (въ бенефисъ актрисы Лебедевой), наговорилъ дерзостей управляющему письмоводствомъ театральной конторы надворному совѣтнику Ватацію. Этотъ эпизодъ былъ исходной точкой возникшаго вслѣдъ за тѣмъ дѣла, документы котораго представляютъ нынѣ едва ли не самый большой интересъ среди всѣхъ матеріаловъ, могущихъ послужить для характеристики положенія русскихъ артистовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Въ виду такого исключительнаго значенія этого случая, мы приведемъ его здѣсь въ нелицепріятномъ повѣствованіи современныхъ документовъ, по которымъ лучше всего можно судить, которая изъ сторонъ была права. Свидѣтельство документовъ необходимо здѣсь еще и потому, что одинъ изъ товарищей Булатова, извѣстный артистъ и драматическій писатель П. А. Каратыгинъ, между прочимъ, для харак-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 80.

теристики князя Тюфякина, рассказывая объ этомъ дѣлѣ, передаетъ его совѣмъ не такъ, какъ оно было въ дѣйствительности¹⁾.

Приводя по порядку документы, составляющіе дѣло Булатова, мы не можемъ обойти того предписанія, которое далъ театральной конторѣ князь Тюфякинъ тотчасъ же по отправленіи провинившагося артиста къ оберъ-полиціймейстеру для заключенія подъ арестъ. Этимъ «предписаніемъ» вице-директоръ, въ то время полно-властно управлявшій театрами²⁾, приказалъ «внести сей арестъ (т. е. арестъ Булатова) въ число тѣхъ, кои, по высочайше конфирмованнымъ государемъ императоромъ, въ 25-й день августа 1817 года дополнительнымъ правиламъ, служатъ къ лишенію артистовъ права на полученіе пенсіона».

Такимъ образомъ, дѣло принимало не шуточный оборотъ; но это было еще только началомъ. Оберъ-полиціймейстеръ, посадивъ Булатова въ тюрьму Управы Благочинія, не ограничился этимъ, а доложилъ о его проступкѣ генераль-губернатору, графу М. А. Милорадовичу, при чемъ такъ расписалъ бѣднаго артиста, что графъ немедленно приказалъ отправить его въ смиренный домъ, что, конечно, и было исполнено. Между тѣмъ, Булатовъ, не зная, откуда исходитъ такое распоряженіе, подалъ графу М. А. Милорадовичу прошеніе, въ которомъ, рассказывая о происшествіи, послужившемъ къ его обвиненію, просилъ о защитѣ. Этотъ документъ такъ любопытенъ, что мы приводимъ его цѣликомъ. «Вашему сіятельству уже извѣстно,—писалъ Булатовъ въ своемъ прошеніи послѣ обычнаго вступленія и перечисленія титуловъ графа Милорадовича, — что я отъ вице-директора надъ театральными зрѣлищами, гофмейстера и кавалера князя П. И. Тюфякина присланъ былъ къ здѣшнему оберъ-полиціймейстеру, для содержанія въ тюрьмѣ Управы Благочинія и потомъ отправленъ былъ въ смиренный домъ, гдѣ обуздываютъ только поступки людей развратнаго поведенія, не имѣющихъ надежды на исправленіе. Вина моя въ отношеніи дирекціи назначена, будто бы я произвелъ во время спектакля грубости управляющему письмоводствомъ театральной конторы, надворному совѣтнику и кавалеру Константину Ватацію.

«Претерпѣвъ несправедливое и столь позорное для чести моей наказаніе, не могу я теперь ни выступить на сцену императорскаго театра, который удостоивается присутствія самого монарха

¹⁾ Для сравненія выпишемъ рассказъ объ этомъ эпизодѣ изъ «Записокъ» П. А. Каратыгина: «Былъ у насъ,—говоритъ онъ,—одинъ молодой актеръ Булатовъ (онъ поступилъ на сцену, оставя статскую службу, и имѣлъ тогда чинъ титулярнаго совѣтника). Ему назначили какую-то ничтожную роль, не подходящую къ его амплу; онъ отъ нея отказался, и его сіятельство (князь Тюфякинъ) за такую дерзость велѣлъ посадить его на съвязій дворъ».

²⁾ А. Л. Нарышкинъ былъ тогда за границею. При немъ дѣло Булатова не могло бы, безъ сомнѣнія, принять такого оборота, какой впоследствии ему былъ приданъ.

и высочайшей фамилии, ни существовать посреди благородного общества, доколѣ не открою передъ нимъ мою невинность и нападеніе, сдѣланное на меня отъ г. Ватація, и приставаго къ нему съ цѣлью возбудить большую запальчивость приказно-служителя, титулярнаго совѣтника Теленіуса. А какъ все сіе происшествіе случилось,—позвольте, ваше сіятельство, представить вамъ съ самаго его начала: 9-го числа нынѣшняго мѣсяца, не въ день казеннаго представленія, но въ день бенефиса актрисы г-жи Лебедевой, передъ началомъ спектакля, вошелъ я за кулисы театра обще съ братомъ моимъ роднымъ, коллежскимъ секретаремъ Ильею Булатовымъ съ тѣмъ, чтобы получить для него у г-жи Лебедевой билетъ на кресло или на мѣсто за креслами; какъ вдругъ г. Ватацій спрашиваетъ меня, кто пришедшій со мною? я отвѣчаю: «братъ мой». Но онъ, потерявъ всякое уваженіе къ лицу того и другого, приказалъ повелительнымъ голосомъ выгнать его вонъ. Послѣ сего, я рѣшился со всею вѣжливостью отозваться ему, что это для меня большая обида, ибо много есть на сценѣ людей постороннихъ, совѣмъ неизвѣстныхъ, которые остаются до конца спектакля за кулисами. Онъ, придя въ запальчивость, объясненіе мое счелъ грубостью и приказалъ, чтобы тотчасъ отправить меня въ контору подъ арестъ. Я, не будучи ни въ чемъ виновенъ, принужденъ былъ сказать, что безъ назначенія ареста начальникомъ, г. вице-директоромъ, я въ контору не пойду. Разсердясь еще болѣе, онъ закричалъ: позвать четырехъ гренадеръ и унтеръ-офицера съ ружьями,—чтобы вести меня по городу за конвоемъ, и при томъ далъ себѣ волю бранить меня мерзавцемъ, подлецомъ и мальчишкой. Я опять учтиво напомнилъ ему, что ни ругать меня, ни поступать со мною такъ оскорбительно онъ не въ правѣ, и что я не позволю вести себя по городу подобно преступнику, а могу явиться туда самъ собою, какъ благородный человѣкъ, если будетъ на то соизволеніе начальника. Въ самое время разговора сего подскочилъ къ намъ приказно-служитель г. Теленіусъ и также началъ меня бранить и вооружать г. Ватація, чтобы онъ велѣлъ меня тащить, а самъ, наконецъ, побѣжалъ за жандармами и гренадерами. Въ ту минуту, къ нѣкоторому облегченію моему, явился на сцену г. полиціймейстеръ, полковникъ и кавалеръ Ковалевъ, который, выслушавъ требованіе г. Ватація и Теленіуса и мое изъясненіе, нашелъ, что такой насильственности со мною быть не должно и команду жандармовъ, приведенную Теленіусомъ, отослалъ на свои мѣста, г. Ватацію же внушилъ, что онъ, полиціймейстеръ, увѣренъ, что актеръ г. Булатовъ, какъ благородный человѣкъ, знающій послушаніе и повиновеніе, въ контору явится самъ, что съ моей стороны въ тотъ же часъ и было исполнено. Послѣ спектакля, г. Ватацій, не знаю съ какимъ намѣреніемъ, не доложилъ объ этомъ происшествіи г. вице-директору, и думаю для того, дабы невинность моя, такъ

какъ на сценѣ были всѣ артисты, по разспросу его не обнаружилась, и чтобы тѣмъ предупредить мое обвиненіе. Поутру же, сдѣлавъ ему представленіе, обнесъ меня такъ, какъ хотѣлъ, и его сіятельство, г. вице-директоръ, не потребовавъ меня къ оправданію, отправилъ, какъ выше сказано, для содержанія въ тюрьму на недѣлю. Бумага, при которой я посланъ, была сочинена письмоводителемъ г. Ватаціемъ и имъ же переписана, гдѣ скрыто, что я дворянинъ и чиновникъ, а сказано просто, что я только актеръ. Къ чрезмѣрной обидѣ моей и къ ужасу всего сословія артистовъ, черезъ утайку моего званія претерпѣлъ я заключеніе въ смиренный домъ.

«Все, что я ни донесъ вашему сіятельству, отъ слова до слова сказано языкомъ истины. Я твердо уповаю, что товарищи мои, кои были участвующими и неучаствующими въ бенефисѣ г-жи Лебедевой, находившіеся на сценѣ, могутъ свидѣтельствовать точность моего показанія.

«Сіятельнѣйшій графъ! простите разобиженному артисту, который прибѣгаетъ подъ защиту вашу со всенижайшею просьбою, чтобы спасти и оставить въ первобытномъ состояніи честь мою, никакому пороку не подверженную. По правосудію вашему соблаговолите приказать, кому слѣдуетъ, произвести слѣдствіе, гдѣ, черезъ разспросы и черезъ показаніе свидѣтелей подъ присягою, ясно будетъ обнаружена моя невинность и несправедливое на меня нападеніе вышесказанныхъ гг. Ватація и Теленіуса.

«Послѣ сего да будетъ воля ваша, предоставленная вамъ высокомонаршею властію, предать виновныхъ суду по законамъ. Святость установленія ихъ отдастъ мнѣ всѣ права за напрасное страданіе».

Отославъ эту просьбу графу Милорадовичу, Булатовъ, 16-го сентября, т. е. почти черезъ мѣсяць послѣ того какъ былъ арестованъ, обратился въ контору съ слѣдующимъ объясненіемъ: «Послѣ заключенія, которое произведено надо мною отъ дирекціи,—писалъ онъ,—именно, что я былъ посланъ для содержанія въ тюрьмѣ при Управѣ Благочинія и, наконецъ, засаженъ въ смиренный домъ, якобы за грубости, сдѣланныя мною управляющему письмоводствомъ въ конторѣ, г. Ватацію, предварительно черезъ сіе извѣщаю: доколѣ не обнаружится невинность моя по слѣдствію и суду, какъ законы повелѣваютъ, и доколѣ оскверненная честь моя не обрящетъ должнаго воздаянія—дотолѣ не могу я вступить на сцену императорскаго театра, который удостоивается присутствія монарха и высочайшей фамиліи, ни стать посреди благороднаго общества, ниже быть въ кругу артистовъ, при дирекціи служащихъ». Въ заключеніе онъ заявлялъ, что «о наряженіи слѣдствія и суда по законамъ, онъ уже прибѣгнулъ съ просьбою къ г. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору и разныхъ орденовъ кавалеру, графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу».

Это «объясненіе» было подано Тюфякину, который, увидавъ изъ него, что обиженный артистъ подалъ жалобу всемогущему графу, поторопился самымъ подробнымъ образомъ и, не жалѣя красокъ, описать все происшествіе 9-го сентября и изложить тѣ причины, которыя заставили его отправить Булатова къ оберъ-полиціймейстеру для содержанія подъ арестомъ. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, не было особенной надобности, ибо самъ Милорадовичъ, не разобравъ еще дѣла, нашелъ наказаніе, опредѣленное театральнымъ начальствомъ провинившемуся артисту, недостаточно строгимъ и замѣнилъ его заключеніемъ въ смирительномъ домѣ, чего преступникъ, во всякомъ случаѣ, не заслуживалъ. По разказу Тюфякина, кругомъ виноватымъ оказывался, конечно, только Булатовъ; Ватацій же и Теленіусъ были лишь обиженными, потерпѣвшими отъ него.

Надо отдать справедливость суровому вице-директору театровъ: не смотря на всю свою ограниченность, онъ всегда умѣлъ разумно мотивировать даже самыя нелѣпыя изъ своихъ распоряженій. Въ этомъ случаѣ, ранѣе своего повѣствованія «о поступкахъ актера Булатова», онъ точно также не преминулъ воспользоваться этимъ умѣньемъ и преподнесъ Милорадовичу слѣдующее:

«По дирекціи императорскихъ театровъ съ давняго времени, для предупрежденія различныхъ неустройствъ и беспорядковъ, существуетъ строжайшее запрещеніе, дабы ни подъ какимъ видомъ никто изъ людей, не принадлежащихъ къ театру, не имѣлъ входа за кулисы и на сцену, каковое положеніе извѣстно не только всѣмъ служащимъ въ дирекціи, но для общаго свѣдѣнія даже ежедневно публикуется объ ономъ въ афишахъ». Самое происшествіе 9-го сентября Тюфякинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ понедѣльникъ, 9-го сентября», разказываетъ онъ, «во время представленія, актеръ Булатовъ привелъ съ собою за кулисы человѣка, вовсе не принадлежащаго дирекціи, котораго онъ называлъ своимъ братомъ. Управляющій письмоводствомъ, надворный совѣтникъ Ватацій, который, по ненахожденію нынѣ здѣсь члена репертуарной части, исправляетъ при томъ и сію должность, увидѣвъ сіе, по обязанности своей самымъ учтивымъ образомъ сказалъ Булатову, чтобы онъ вывелъ изъ-за кулисъ упомянутаго человѣка, къ театру не принадлежащаго. Вмѣсто того, чтобы сіе тотчасъ исполнить, Булатовъ съ усмѣшкою отвѣчалъ: «что за строгость?»—присовокупляя, что тотъ человѣкъ имѣетъ билетъ въ кресла и что послѣ туда пойдетъ. На сіе г. Ватацій ему сказалъ, что онъ долженъ не послѣ, но тотчасъ вывести того человѣка, и что если сего не исполнить, то за ослушаніе подвергнется самъ наказанію арестомъ въ конторѣ дирекціи. Тогда Булатовъ, потерявъ всякое уваженіе къ начальству, громкимъ голосомъ началъ кричать: «Я бы хотѣлъ видѣть, какъ меня могутъ посадить въ контору подъ арестъ?» Надворный совѣтникъ Ватацій, видя, что нѣтъ средствъ

привести въ себя сего дерзкаго актера, приказаль одному изъ унтеръ-офицеровъ, при театрѣ служащихъ, вести его, Булатова, подъ арестъ въ контору дирекціи. Тогда Булатовъ вышелъ уже совершенно изъ себя и произвелъ такой крикъ, что оный едва ли не былъ слышанъ публикою, угрожая при томъ Ватацію, что это ему такъ не пройдетъ; вслѣдствіе чего вынужденными нашлись привести въ корридоръ, куда уже пошелъ Булатовъ, одного жандармскаго унтеръ-офицера, котораго прислалъ жандармскій офицеръ. Булатовъ, ежеминутно умножая дерзостныя свои выраженія, угрожалъ и жандармскому унтеръ-офицеру, ежели онъ осмѣлится къ нему прикоснуться, продолжая говорить дерзости г. Ватацію и стремясь прямо, на него неизвѣстно съ какимъ еще дерзкимъ намѣреніемъ. Все сіе происходило въ присутствіи служащихъ въ дирекціи: зрителя Большаго театра, титулярнаго совѣтника Казасси, помощника его, поручика Ранчковскаго, столоначальника, титулярнаго совѣтника Теленіуса и многихъ нижнихъ театральныхъ служителей, стекшихся на шумъ, Булатовымъ произведенный. Тогда Ватацій принужденнымъ нашелся просить находившагося въ театрѣ полиціймейстера, г. полковника Ковалева, унять Булатова. Г. полиціймистеръ, вмѣстѣ съ однимъ жандармскимъ офицеромъ, пришелъ на сцену, куда уже Булатовъ опять пришелъ изъ корридора, и одно лишь ихъ присутствіе могло его нѣсколько привести въ себя, при чемъ онъ уже сказалъ, что пойдетъ подъ арестъ въ контору, но безъ провожатаго; однако же, былъ онъ столь дерзокъ, что и въ присутствіи г. полковника Ковалева сказалъ г. Ватацію: «я вамъ докажу, что я благороднѣе васъ». Послѣ спектакля Ватацій, пришедъ въ контору, старался еще увѣщевать Булатова сознаться, что онъ дерзостно поступилъ, но и при семъ Булатовъ отозвался ему сими словами: «я отъ васъ не хочу заимствоваться правилами воспитанія». «Надворный совѣтникъ Ватацій, — рассказываетъ дальше Тюфякинъ, — занимающій значительное мѣсто въ дирекціи и въ продолженіе долговременной своей и отличной, при похвальномъ поведеніи, службы, обращавшій всегда на себя особенное вниманіе начальства, какъ при прежнихъ мѣстахъ своего служенія, такъ и въ нынѣшнемъ, чувствуя честь свою оскорбленною тѣмъ человѣкомъ, который бы долженъ состоять въ совершенной его подчиненности и, зная, что ежели Булатовъ останется безъ должнаго наказанія, то сіе можетъ подать поводъ и другимъ къ подобнымъ же дерзостямъ — просилъ меня о доставленіи ему удовлетворенія,—препроводивъ Булатова къ г. полиційместеру для содержанія въ полиціи подъ арестомъ одну недѣлю, что мною и было исполнено, ибо, какъ ваше сіятельство, конечно, со мною согласится изволите, гнусный, доселѣ небывалый поступокъ Булатова, поступившаго противу всѣхъ правилъ субординаціи заслужилъ гораздо большаго наказанія, нежели арестъ въ конторѣ ди-

рекции, которому подвергаются артисты за упущение по должности». «Вслѣдъ за тѣмъ,—пишетъ Тюфякинъ,—получилъ я отъ г. оберъ-полиціймейстера отношеніе, что по докладу его вашему сіятельству о семь обстоятельствѣ, вы, милостивый государь, приказать изволили отправить Булатова въ смиренный домъ на одну недѣлю. Я тотчасъ, въ отвѣтъ на сіе, отношеніемъ моимъ, просилъ г-на оберъ-полиціймейстера, о немедленномъ возвращеніи Булатова къ должности, который и присланъ ко мнѣ на другое же утро».

Такимъ образомъ, съ освобожденіемъ Булатова, Тюфякинъ считалъ дѣло конченнымъ. Но не такъ думалъ самъ Булатовъ. Какъ мы видѣли, онъ, по невѣдѣнію, что былъ самымъ графомъ Милорадовичемъ посаженъ въ смиренный домъ, обратился къ нему съ просьбою «о наряженіи надъ нимъ суда и слѣдствія по законамъ», и одновременно послалъ въ контору приведенное выше «объясненіе», въ которомъ увѣдомлялъ о поданной имъ графу жалобѣ. Больше всего возмутило Тюфякина то, что Булатовъ отказывался исполнять свои обязанности до тѣхъ поръ, пока не кончится слѣдствіе по его дѣлу. «Булатовъ,—писалъ по этому поводу вице-директоръ въ своемъ донесеніи гр. Милорадовичу,—обязанъ по контракту, который онъ заключилъ съ дирекціею и который долженъ наблюдать свято и ненарушимо. А потому ежели бы изволили вы, милостивый государь, заблагоразсудить нарядить слѣдствіе по сему дѣлу, которое я симъ отношеніемъ моимъ въ подробности объяснилъ, не менѣе обязанъ Булатовъ исполнить въ точности обязанности свои по контракту, ибо дирекція не можетъ бесполезно производить ему жалованье».

Графъ М. А. Милорадовичъ, дѣйствительно, заблагоразсудилъ нарядить по дѣлу Булатова слѣдствіе, о чемъ и увѣдомилъ тогдашняго с.-петербургскаго полиціймейстера, полковника Ковалева; послѣдній, исполняя волю начальства, обратился къ слѣдственному приставу Линькову, «рекомендуя ему въ произведеніи изслѣдованія о происшествіи, случившемся между актеромъ Булатовымъ и надворнымъ совѣтникомъ Ватаціемъ», подъ руководствомъ его, Ковалева, поступить на основаніи законовъ и предписанія его сіятельства, военнаго генераль-губернатора. Это предписаніе Линьковъ получилъ 20-го сентября и немедленно приступилъ къ слѣдствію. По крайней мѣрѣ, къ 23-му сентября онъ уже отобралъ письменно пространное показаніе отъ Булатова и началъ допросъ другихъ, привлеченныхъ къ дѣлу лицъ: Теленіуса и Ватація. Оба они сдѣлали совершенно однообразныя показанія, конечно, кругомъ обвиняя Булатова и выгораживая себя. При этомъ они ссылались на свидѣтелей: зрителя каменнаго (большого) театра Антонио Казасси и его помощника поручика Ранчковскаго. Булатовъ, съ своей стороны, также избралъ нѣсколько свидѣтелей, въ числѣ которыхъ были: актеръ П. В. Зловъ, балетмейстеръ Валь-

берхъ и молодой актеръ Хотяинцевъ. Послѣднему, впрочемъ, давать своего показанія не пришлось, такъ какъ Ватацій сдѣлалъ ему отводъ. «Свидѣтельства Хотяинцева — писалъ онъ по этому поводу слѣдственному приставу—никакъ принять не могу, во-первыхъ по тому, что онъ молодой мальчикъ, еще не столь давно выпущенный изъ театральной школы, во-вторыхъ, что поведеніе его не изъ лучшихъ, а въ третьихъ, — что онъ короткій пріятель актеру Булатову». Такимъ образомъ, осталось всего четверо свидѣтелей, (Вальберхъ, Зловъ, Ранчковскій и Казасси), которые и были спрошены подъ присягой. Но изъ ихъ показаній для слѣдствія, производившагося «подъ руководствомъ полковника Ковалева», было драгоцѣнно одно то, которое далъ Антоніо Казасси, видимо, изо всѣхъ силъ, старавшійся обвинить Булатова. Остальные свидѣтели рассказывали происшествіе 9-го сентября въ большомъ театрѣ съ неохотою и потому опускали всѣ подробности, которыя могли обвинить какую-либо изъ сторонъ. Въ концѣ концовъ, однако, слѣдствіе нашло возможнымъ сдѣлать выводъ, что во всемъ былъ виноватъ самъ Булатовъ. «Изъ всего происшествія,— писалъ по окончаніи допроса свидѣтелей, 27-го сентября, слѣдственный приставъ Линьковъ полковнику Ковалеву,—другого ничего не заключается, какъ единое неисполненіе Булатовымъ приказанія г. Ватація и упрямство вывести брата по первому требованію, чѣмъ и довелъ себя потерпѣть непріятность». Объясняемаго же имъ (Булатовымъ) ругательства свидѣтели не подтвердили, кромѣ какъ самъ Ватацій показывалъ: сказалъ-де онъ, но не въ глаза Булатову: «Экій мерзавецъ!» Приведеннымъ заключеніемъ и ограничивались результаты, добытые слѣдствіемъ. Конечно, объ окончаніи его немедленно дали знать графу Милорадовичу, который, въ свою очередь, увѣдомилъ объ этомъ кн. Тюфякина, препроводивъ къ нему составленный Линьковымъ протоколъ. При этомъ, графъ Михаилъ Андреевичъ, «по уваженію того, что Булатовъ за дерзкіе и противные обязанностямъ подчиненности свои поступки былъ уже нѣкоторымъ образомъ наказанъ содержаніемъ подъ арестомъ»—отдавалъ «дальнѣйшее случая сего разсмотрѣніе по начальству», т. е. предоставлялъ вице-директору распорядиться съ подчиненнымъ ему актеромъ, какъ онъ пожелаетъ. Князь Тюфякинъ, однако, не воспользовался даннымъ ему правомъ наказать Булатова и ограничился только тѣмъ, что сдѣлалъ ему строгое предостереженіе на будущее время. Это предостереженіе было объявлено Булатову черезъ контору, которой, предписаніемъ отъ 3-го ноября, кн. Тюфякинъ далъ знать, «что, хотя по его слѣдствію Булатовъ и былъ совершенно обвиненъ и, слѣдовательно, заслуживалъ бы еще примѣрнаго наказанія, — но, принимая въ уваженіе, что онъ за поступки свои былъ уже наказанъ передъ симъ по назначенію военнаго генераль-губернатора»—онъ, Тюфя-

кинъ,—«на сей разъ оставляетъ дѣло безъ дальнѣйшаго слѣдствія», ограничиваясь объявленіемъ Булатову, что, «если онъ впредь обнаруженъ будетъ въ подобныхъ непростительныхъ и нетерпимыхъ поступкахъ, то съ нимъ неминуемо поступлено будетъ по всевозможной строгости».

Въ началѣ настоящаго очерка, рассказывая объ арестѣ Булатова, мы забыли упомянуть объ одномъ важномъ инцидентѣ. Дѣло въ томъ, что наказаніе Булатова было, въ глазахъ всѣхъ его товарищей, вопіющей несправедливостью «и униженіемъ званія придворнаго артиста». Вслѣдствіе этого, старшіе актеры труппы рѣшили ходатайствовать, чтобы Булатовъ былъ освобожденъ, и съ этою цѣлью отправились къ Тюфякину; тотъ принялъ это коллективное заявленіе за открытый бунтъ и донесъ о немъ Милорадовичу. Послѣдній съ обычною энергіею принялся за искорененіе зловреднаго непослушанія, и бѣднымъ актерамъ грозила нешуточная бѣда... Но они во время спохватились и принесли повинную, вслѣдствіе чего графъ нашелъ возможнымъ ихъ простить. Какимъ образомъ дѣло шло дальше—мы уже знаемъ, точно также какъ и то, чѣмъ оно кончилось для Булатова.

Но это, къ сожалѣнію, еще не эпилогъ: злополучной булатовской исторіи не суждено было завершиться такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что графъ Милорадовичъ нашелъ нужнымъ довести обо всемъ происшедшемъ до свѣдѣнія государя, обосновавъ свой докладъ исключительно на донесеніяхъ театральнаго начальства. Что изъ этого вышло, можно видѣть изъ слѣдующаго письма графа Милорадовича къ Тюфякину отъ 22-го ноября 1818 года. «Я имѣлъ честь лично увѣдомить ваше сіятельство, — писалъ графъ, — что государь императоръ, усмотря изъ всеподданнѣйшаго моего донесенія о буйственномъ поступкѣ актера Булатова и послѣдствіи онаго, что я замѣшанныхъ въ непростительныхъ дѣйствіяхъ другихъ актеровъ простилъ, въ удостовѣреніи, что посаженіе въ смиренный домъ одного актера Булатова достаточно будетъ къ уничтоженію всѣхъ законно-противныхъ поступковъ, всемилостивѣйше на сіе изъявилъ свое согласіе, но относительно жандармскаго штабсъ-капитана Малиновскаго ¹⁾, государь императоръ замѣтитъ изволилъ, что онъ, при взятіи подъ караулъ актера Булатова дѣйствовалъ слабо, унтеръ-офицеръ же Никита Артемьевъ не умѣлъ заставить Булатова себя слушать, а посему всевысочайше повелѣлъ—перваго посадить подъ арестъ на недѣлю, а другого разжаловать въ рядовые».

Передавая объ этомъ повелѣніи, гр. Милорадовичъ замѣчаетъ въ своемъ письмѣ къ Тюфякину, что «въ подобныхъ случаяхъ по-

¹⁾ Этому офицеру Ватацій, во время своей ссоры съ Булатовымъ въ Большомъ театрѣ 9-го сентября, приказывалъ взять Булатова, но тотъ не повиновался и не арестовалъ буйствовавшаго актера.

лучившіе отъ начальства приказаніе, должны оное исполнить неослабно, имѣя всѣ способы, бывъ вооружены, заставить виновныхъ слушаться, не смотря на послѣдствія, какъ бы они погубны для ослушниковъ не были». Такимъ образомъ, кромѣ Булатова, вслѣдствіе этой «исторіи» пострадали еще два лица, не принадлежавшіе ни къ составу театральныхъ чиновниковъ, ни къ труппѣ, и для которыхъ это было, такимъ образомъ—«въ чужомъ пиру похмѣлемъ».

Выше мы упомянули о томъ, какіе результаты имѣла попытка актеровъ вступить за своего товарища: имъ, какъ мы видѣли, пришлось повиноваться и просить пощады. Но это, однако, не уняло вѣкоторыхъ изъ членовъ труппы, болѣе молодыхъ и горячихъ. Между ними дѣло Булатова продолжало обсуждаться и послѣ того, какъ оно было кончено. При этомъ, нѣкоторые изъ артистовъ позволили себѣ высказаться и относительно тѣхъ наказаній, которые постигли жандармскихъ офицера и унтеръ-офицера. Какимъ-то образомъ, одинъ изъ такихъ разговоровъ былъ услышанъ ближайшимъ театральнымъ начальствомъ (вѣроятно, тѣмъ же Ватаціемъ), и оно немедленно доложило кн. Тюфякину, что «между актерами появились вредные толки». Вице-директоръ тотчасъ же принялъ мѣры, съ цѣлью подавить начинавшееся броженіе, и первымъ долгомъ увѣдомилъ о появленіи «вредныхъ толковъ» графа Милорадовича. Какъ взглянулъ на это всемогущій тогда генералъ-губернаторъ—видно изъ слѣдующаго отзыва его на этотъ счетъ кн. Тюфякину въ письмѣ отъ 22 ноября. «Видя изъ сообщенія вашего сіятельства,—писалъ Милорадовичъ,—что не смотря на наказаніе актера Булатова и на снисхожденіе мое къ прочимъ актерамъ, единственно отъ того, что я предполагалъ, что поступки ихъ болѣе отъ незначія, нежели отъ дурного расположенія произошли,—существуютъ еще разные вредные толки между актерами,—нахожу, что нужны строгія мѣры, а посему и прошу ваше сіятельство извѣстить меня, кто именно разглашалъ оныя слухи въ оправданіе и одобреніе буйства, дабы виновные могли быть или посажены въ смиренный домъ, или высланы въ дальнія губерніи, судя по ихъ винѣ».

Такимъ образомъ, снова готовилась гроза, и на этотъ разъ, можетъ быть, еще болѣе страшная... Даже Тюфякинъ, самъ ее вызвавшій, спохватился и написалъ графу Милорадовичу успокоительный отвѣтъ. Въ виду того, что содержаніе этого письма можетъ послужить эпилогомъ къ рассказанному нами случаю, мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ. Вотъ этотъ любопытный документъ:

«Милостивый государь

Графъ Михаилъ Андреевичъ!

«Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія ко мнѣ вашего сіятельства, я принялъ надлежащія съ своей стороны мѣры, для узнанія,

«истор. вѣстн.», августъ, 1889 г., т. XXXVII.

6

изъ какого источника произошли между актерами неправильные толки въ разсужденіи ареста жандармскаго офицера и разжалованія въ рядовые унтеръ-офицера, по извѣстному дѣлу актера Булатова, и оказалось, что російской труппы актеръ Рамазановъ, во время спектакля въ прошедшій вторникъ, 19-го сего ноября, проходя въ театрѣ черезъ маскарадныя залы, слышалъ, какъ двое изъ неизвѣстныхъ ему людей, не изъ артистовъ, но изъ числа зрителей, говорили между собой объ упомянутомъ дѣлѣ, присовокупляя, что жандармскій офицеръ былъ арестованъ, а унтеръ-офицеръ—разжалованъ за то, что во время извѣстнаго происшествія, вмѣшались они въ дѣло и хотѣли вести Булатова подъ арестъ, о чемъ Рамазановъ на другой день, въ среду поутру, во время пробы въ театрѣ, разсказалъ нѣкоторымъ своимъ товарищамъ. Но помощникъ режиссерскій, актеръ Виноградовъ, услыша сей разговоръ, тотчасъ сказалъ имъ, что сіе несправедливо, ибо въ противность тому слышалъ онъ, что означенныхъ двое воинскихъ чиновъ имѣли несчастіе подвергнуться гнѣву монаршему за то, что оныя слабо поступали въ арестованіи Булатова, и что сіе заимствуетъ онъ отъ режиссера Лебедева, коему я объявилъ все то, что ваше сіятельство изволили передъ симъ лично мнѣ объяснить по означенному предмету. Вмѣстѣ съ симъ, актеръ Рамазановъ, котораго я лично допрашивалъ, принесъ мнѣ искреннѣйшіе раскаяніе въ неумѣстномъ разсказѣ имъ словъ, слышанныхъ отъ постороннихъ людей. Къ сему въ обязанности нахожусь присовокупить, что означенный Рамазановъ сколько хорошій актеръ, столько и извѣстенъ былъ всегда начальству въ похвальномъ поведеніи и должномъ повиновеніи, а потому пересказанныя имъ другимъ актерамъ слова не приписываю я никакому злему намѣренію, но единственно молодости и неосновательности, вслѣдствіе чего убѣдительнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь, оставить дѣло сіе безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что получить упомянутое отношеніе вашего сіятельства, которымъ почтить меня изволили, не преминулъ я тотчасъ объявить оное артистамъ». «Послѣ сего,—заканчиваетъ Тюфякинъ свое письмо,—могу удостовѣрить васъ, Милостивый Государь, что обѣщаніе строгихъ мѣръ удержитъ ихъ (артистовъ) впредь навсегда въ должномъ повиновеніи начальству, и что подобными неприятными происшествіями ваше сіятельство болѣе обезпокоиваться не будете».

Таковъ былъ финалъ булатовской исторіи, надѣлавшей въ свое время не мало шуму въ Петербургѣ. Письмо Тюфякина успокоило грознаго графа, и онъ не нашелъ нужнымъ преслѣдовать неосторожныхъ актеровъ.

Е. Опочининъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРЕДШЕСТВЕННИКЪ И УЧИТЕЛЬ БЪЛИНСКАГО.

ИСТОРИЯ русской критики вполне тождественна съ исторіей русской литературы и поэзіи; искусство и литература шли объ руку съ критикой и оказывали взаимное воздѣйствіе другъ на друга. Литературный переворотъ прошлаго вѣка въ Германіи совершился при посредствѣ энергическаго критика Лессинга; романтическая школа во Франціи одержала побѣду надъ псевдо-классицизмомъ при дѣятельномъ участіи критики. Союзъ критики съ искусствомъ, становясь все тѣснѣе и неразрывнѣе, у насъ при посредствѣ Бѣлинскаго съ его даровитыми предшественниками—Марлинскимъ, Полевымъ и Надеждинымъ—способствовалъ развитію самобытной, реалистической литературы, хотя и не создалъ ея, ибо честь созданія выпала на долю гениальнаго художника-творца Пушкина. Такимъ образомъ, воздѣйствіе мышленія въ образахъ или искусства, на мышленіе объ искусствѣ, или критику, и наоборотъ—несомнѣнно для всякаго наблюдательнаго историка литературы. Русская критика являетъ въ своемъ поступательномъ движеніи стремленіе перейти отъ господствующихъ въ Европѣ мнѣній объ искусствѣ къ самобытному взгляду на него. Русская критика такъ же носитъ въ себѣ элементы всевозможныхъ чужихъ національностей, какъ и русская поэзія. По мѣткому и счастливому выраженію Бѣлинскаго, русская критика является «то чопорнымъ аббатомъ XVIII вѣка, то нѣмецкимъ буршемъ съ длинными растрепанными волосами на плечахъ, съ трубкою во рту и дубиною въ рукѣ, то неистовою вакханкою юной французской литературы съ восторженною рѣчью, блуждающими взорами, бѣшенными движеніями»¹⁾.

¹⁾ Бѣлинскій, VI, 235.

Начиная съ Сумарокова вплоть до Полевого, у насъ самовластно царила критика французская, основнымъ принципомъ которой было положеніе, что искусство есть украшенное подражаніе природѣ. Главнымъ представителемъ этой французской критики, глубоко понимавшимъ ея теорію искусства, былъ Мерзляковъ; начало же ей было положено Сумароковымъ, который долженъ считаться первымъ русскимъ критикомъ въ многостороннемъ значеніи этого слова, какъ судія не только искусства и литературы, но и мнѣній, и нравовъ современнаго ему общества. «Россійскій господинъ Вольтеръ» въ этомъ отношеніи явленіе весьма любопытное для своего времени, ибо его мнѣнія суть мнѣнія образованѣйшихъ и умнѣйшихъ людей XVIII вѣка. Прозаическія статьи Сумарокова столь же интересны и характерны, сколько скучны и безцвѣтны его вздорныя трагедіи. Сумароковъ не считалъ литературнымъ воровствомъ заимствованія цѣликомъ чужой идеи, сюжета чужого сочиненія, перевода цѣлыхъ мѣстъ изъ него. Если французскіе писатели нещадно обворовывали грековъ, римлянъ, англичанъ и испанцевъ, то и Сумароковъ, подражая имъ, не думалъ дѣлать изъ этого тайны. Поэзія, въ мнѣніи Сумарокова, была сборомъ общихъ мѣстъ; ей можно было учиться и выучиваться; талантъ составляло собственно стихотворство, а не поэзія. Сочинять на языкѣ Сумарокова значило—копировать иностранныхъ поэтовъ, заимствуя изъ нихъ безъ зазрѣнія совѣсти направо и налево. Сумароковъ съ пренаивнымъ чистосердечіемъ признавался, что «подражаніе ни которому стихотворцу безславія не приноситъ». «Я и самъ изъ сочиненій г. Вольтера, г. Расина и г. Корнелія не таясь заимствовалъ»,—замѣчаетъ далѣе откровенный писатель. Разборы Сумароковымъ различныхъ произведеній поистинѣ забавны. Такъ, напр., разбирая «Цинну» Корнелія, Сумароковъ, изложивъ, какія онъ во время представленія имѣлъ «чувствія и разсужденія», замѣчаетъ, что такой-то стихъ «преславенъ», а такой-то «скареденъ», что такой-то монологъ хорошъ, только дологъ, такое-то мѣсто «преизящно», а такое-то «гнузно и подло». Но при этомъ критикъ никогда не мотивируетъ своихъ приговоровъ, предоставляя читателю полагаться на личный вкусъ «россійскаго господина Вольтера». Вообще, критическіе отзывы Сумарокова напоминаютъ подписи учителя на тетрадкахъ учениковъ: недурно, порядочно, изрядно, хорошо, очень хорошо, отлично хорошо, прекрасно, превосходно.

Сумароковъ, считая себя строгимъ блюстителемъ чистоты россійскаго языка, съ любовью занимался мелочной стилистической критикой. Сумароковъ смѣялся зачастую очень мѣтко надъ пристрастіемъ молодого русскаго общества къ употребленію французскихъ словъ, приводя ради курьеза слѣдующую удивительную фразу: «Я въ дистракціи и дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите; а я à ку сюръ противъ риваля моего буду ре-

ванжироваться». Замѣчательны нападки Сумарокова на подъячихъ, ненависть къ которымъ была живою струною его души и не могла не принести значительной пользы обществу. Словомъ, для своего времени Сумароковъ, какъ критикъ искусства и литературы и какъ критикъ нравовъ, представляетъ явленіе примѣчательное, если припомнить, что стилистическая критика, основанная на піитикѣ Буало, процвѣтала еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, изоощряя свое остроуміе на первыхъ поэмахъ Пушкина.

Нельзя обойти молчаніемъ, при изложеніи историческаго хода развитія русскаго критическаго сознанія, Карамзина и Макарова, которому суждено было играть роль созвѣздія знаменитаго историка, ибо статьи его отличались такимъ же направленіемъ и такимъ же языкомъ, какъ и статьи Карамзина. Конечно, ни тотъ, ни другой не были критиками по призванію и по профессіи. Карамзинъ и Макаровъ, оба одаренные вкусомъ, талантами, оба путешествовавшіе по Европѣ, принадлежали къ умнѣйшимъ и образованнѣйшимъ людямъ своего времени. Только поэтому цѣнны и важны ихъ мнѣнія о прошломъ русской литературы. Карамзинъ уже отрицательно относится къ трагедіямъ Сумарокова, ставя имъ въ недостатокъ какъ отсутствіе обрисовки характеровъ «въ ихъ эстетической и нравственной истинѣ», такъ и отсутствіе того, что мы теперь называемъ колоритомъ мѣста и времени («называя героевъ своихъ именами древнихъ князей русскихъ,—говоритъ Карамзинъ про Сумарокова,—не думалъ соображать свойства, дѣла и языкъ ихъ съ характеромъ времени»). Въ своемъ «Пантеонѣ Россійскихъ Авторовъ» (1802 г.), уклоняясь отъ сужденій о Державинѣ и Херасковѣ, тогда еще живыхъ, не говоря даже о Петровѣ, хотя со дня смерти послѣдняго прошло уже болѣе трехъ лѣтъ,—Карамзинъ впервые справедливо оцѣниваетъ дѣятельность Тредьяковскаго, который «написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ... не имѣлъ способности писать». Примѣчательенъ также разборъ Карамзина «Душеньки» Богдановича, какъ и разборъ сочиненій Дмитріева, сдѣланный Макаровымъ въ своемъ журналѣ «Московскій Меркурій», выходившемъ съ 1803 года. Макаровъ умеръ въ 1804 году—слишкомъ рано для того, чтобы оставить прочный слѣдъ въ исторіи русской критики.

Дальнѣйшій шагъ въ своемъ развитіи русская критика сдѣлала въ лицѣ Мерзлякова. Если критика Карамзина и Макарова, не смотря на отдѣльныя мѣткія замѣчанія, въ общемъ можетъ назваться стилистической, ибо она состояла въ восхищеніи отдѣльными мѣстами и въ порицаніи отдѣльныхъ мѣстъ съ точки зрѣнія удачнаго стиха, удачнаго звукоподражанія и съ точки зрѣнія какофоніи или грамматическихъ неправильностей, то критика Мерзлякова, ложная въ своихъ основаніяхъ, начала уже толковать объ идеѣ, о цѣломъ, о характерахъ, хотя и смотрѣла сквозь очки фран-

цузскихъ критиковъ и теоретиковъ отъ Буало до Лагарпа, говоря, что «поэзія есть подражаніе въ гармоническомъ слогѣ — иногда вѣрное, иногда украшенное—всему тому, что природа можетъ имѣть прелестнаго, трогательнаго, — подражаніе, сообразное съ намѣреніями поэта, съ его талантами и чувствами». Если оды Мерзлякова—образецъ прозаичности, надутости, длинноты и скуки, если языкъ въ его переводахъ жѣстокъ и прозаиченъ, а героини говорятъ дебелими, дубоватыми стишищами, то, наоборотъ, всѣ критическія статьи его написаны очень умно и краснорѣчиво, основныя мысли въ нихъ вездѣ развиты послѣдовательно и живо, съ жаромъ неподдѣльнаго убѣжденія и съ вызывающей смѣлостью. Мерзляковъ отъ души считалъ Хераскова, Сумарокова и Петрова великими поэтами, хотя и осуждалъ съ суровой строгостью ихъ недостатки. Замѣчательнъ его огромный разборъ «Россиады», напечатанный въ цѣлыхъ семи книжкахъ «Амфіона» и возбудившій общій ропотъ смѣлостью въ указаніи достоинствъ и недостатковъ въ пресловутой пѣимѣ, къ которой современники питали мистическое уваженіе и которая поила ихъ «водой стихотворства».

Съ 1813 года начали проникать въ русскіе журналы—темные слухи о какомъ-то романтизмѣ. Всѣ заговорили о романтизмѣ, о новой теоріи поэзіи; всѣ возстали противъ владычества псевдо-классической французской поэзіи. Въ русскую поэзію прокрались луна и туманы, уныніе и грусть, смерть и гробъ. Жуковскій породнилъ русскій умъ и русскую музу съ нѣмецкой литературой и ввелъ въ русскую литературу романтизмъ. Въ 1820 году появилась въ свѣтъ первая поэма Пушкина «Русланъ и Людмила», а въ журналѣ «Сынъ Отечества» стали появляться мелкія его стихотворенія. «Русланъ» вызвалъ ожесточенныя нападки литературныхъ аристарховъ — псевдо-классиковъ, поклонниковъ Херасковыхъ и Петровыхъ, правовѣрныхъ приверженцевъ Буало и Лагарпа, цѣломудренныхъ пуристовъ и блюстителей чистоты и прилизанности языка надутыхъ одъ, исполненныхъ «пѣитическихъ вольностей». Возгорѣлась ожесточенная война на перьяхъ между классицизмомъ и романтизмомъ,—начался крутой переворотъ въ литературныхъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ. Карамзинскій періодъ русской литературы кончился и начался Пушкинскій, выведшій русскую литературу на путь самобытнаго, національнаго творчества.

Самыми видными рыцарями романтизма въ сферѣ критики были у насъ Марлинскій и Полевой, значеніе которыхъ въ этомъ отношеніи было громадно (особенно послѣдняго) для развитія нашего критическаго сознанія. Столь же громадное значеніе имѣеть для насъ и романтизмъ, какъ новое литературное направленіе, какъ новое эстетическое ученіе, новая художническая теорія. Не смотря на то, что изъ живого бытового явленія, какимъ роман-

тизмъ былъ на Западѣ, онъ сдѣлался у насъ школьнымъ вопросомъ, принялъ схоластическій обликъ теоріи и нашель себѣ безчисленныхъ учителей, комментаторовъ и толкователей,—не смотря на все это, нельзя отрицать значительной доли жизненнаго значенія романтизма и у насъ. Онъ былъ призывомъ къ жизненной борьбѣ, онъ освобождалъ писателей отъ гнета условныхъ правилъ творчества, отъ стѣснительныхъ предразсудковъ относительно значенія образцовъ отечественной словесности. Подъ вліяніемъ романтизма исповѣдь личности получила интересъ политическаго дѣла—подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы эта исповѣдь была отраженіемъ задушевныхъ стремленій, страданій и надеждъ другихъ людей. Это движеніе въ пользу личности ко времени Пушкина и подъ его вліяніемъ выросло до того, что въ конецъ измѣнило понятіе о литературѣ. Для насъ освобожденіе отъ господства одъ, высокопарныхъ поэмъ и псевдо-народныхъ патріотическихъ трагедій и обращеніе къ частному воззрѣнію, частному горю, частной жалобѣ, было огромнымъ шагомъ впередъ. Кромѣ того, нужно отмѣтить весьма важную и плодотворную сторону романтической школы—это ея космополитизмъ, сказывавшійся въ равной степени вниманія къ проявленіямъ чловѣческаго духа въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и открывавшій школѣ цѣлый міръ предметовъ для вдохновенія, фантазіи и мысли. Можно смѣло сказать, что романтизмъ имѣлъ на нашу литературу еще большее вліяніе, чѣмъ псевдо-классицизмъ, если не въ количественномъ, то въ качественномъ отношеніи, хотя посредственные таланты довели его до уродливыхъ крайностей, вызвавшихъ сначала справедливый протестъ Надеждина, а потомъ и Бѣлинскаго. Любимыми темами посредственныхъ талантовъ было возвеличеніе личнаго чувства, изображеніе высшихъ исключительныхъ натуръ и широкихъ ощущеній, преувеличенное представленіе о поэзіи. Романтическій поэтъ считалъ себя натурой привилегированной, относился свысока къ дѣйствительности, негодовалъ на цѣлый вѣкъ, мѣшавшій ему практической суетой, своимъ холоднымъ разсудкомъ и сухой наукой. Поэзія наполнялась условной ложью, романтической риторикой, личными изліяніями, романтической меланхоліей, разочарованностью, изображеніемъ титаническихъ и неизвѣданныхъ тайнъ души. Видными представителями этого искаженія романтизма до уродливыхъ крайностей были Марлинскій, Полевой и Кукольникъ. То же направленіе породило безконечную фалангу историко-романтическихъ романистовъ съ главными представителями въ лицѣ Загоскина и Лажечникова. Конечно, романтическое теченіе въ русской литературѣ было важно только въ переходно-подготовительномъ смыслѣ къ самобытно-національному и реалистическому направленію; но не смотря на это, глубоко историческое, плодотворное и прогрессивное значеніе его внѣ всякихъ сомнѣній, ибо романтики ратовали

противъ закоснѣлости и неподвижной заплѣсневѣлости. Еслибы имъ удалось направить литературу по дорогѣ, которая имъ нравилась, это было бы печально, ибо дорога вела къ вертепамъ фантастическихъ злодѣевъ съ картонными мечами, къ жилищамъ фразеровъ, которые тщеславились выдуманными преступленіями и страстями. Но этого не случилось: романтики успѣли только вывести литературу изъ неподвижнаго и прѣснаго болота, и она пошла своей дорогой, не слушаясь ихъ возгласовъ.

Переходными можно считать и воззрѣнія Полевого на искусство, которыя мы находимъ въ его многочисленныхъ критическихъ статьяхъ и которыя являются отголоскомъ новыхъ теченій романтической критики во Франціи. Критика Полевого была, по мѣткому выраженію Бѣлинскаго, «неистовою вакханкою юной французской литературы, съ восторженною рѣчью, блуждающими взорами, бѣшенными движеніями». Полевой явился не инициаторомъ новаго критическаго направленія: онъ былъ только наиболѣе виднымъ представителемъ его во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, имѣя уже бойкаго и остроумнаго предшественника въ лицѣ Марлинскаго. Хотя послѣдній и не отличался глубокимъ взглядомъ на искусство, но почти вездѣ обнаруживалъ эстетическое чувство и вѣрный вкусъ человѣка умнаго и образованнаго. Въ его немногихъ обзорѣніяхъ встрѣчаются нерѣдко чистыя отставки «заржавѣвшимъ и заплѣсневѣвшимъ» знаменитостямъ того времени, на ряду съ правдивыми оцѣнками старыхъ и новыхъ талантовъ, особенно Державина, Жуковскаго и Пушкина. Положимъ, характеристики писателей, сдѣланныя Марлинскимъ, обличали въ авторѣ скорѣй диллетанта и тонкаго любителя поэзіи, чѣмъ критика. Но для критики 20-хъ годовъ, поражавшей младенчествомъ своихъ приговоровъ и пріемовъ, удивлявшей своими смѣхотворными, мелочными, стилистическими придирками, занимавшей вздорной и безплодной полемикой, и подобныя характеристики были цѣнны и важны, ибо исходили изъ устъ страстнаго защитника новаго направленія, предъявлявшаго претензіи на высшіе взгляды въ критикѣ.

Марлинскій и Полевой были у насъ поборниками французскаго романтизма, который преимущественно ратовалъ за свободу формы, стараясь дѣлать все наперекоръ псевдоклассикамъ. Романтики, изъ противорѣчія классикамъ, провозгласили, что злодѣи суть истинные герои, что всякая благовидность есть пошлость, а дикость и безобразіе — истинная художественность, что неистовыя страсти—истинный реализмъ и т. д. Однимъ словомъ, романтики имѣли цѣлью не природу и человѣка, а противорѣчіе классикамъ; планы, характеры, положенія дѣйствующихъ лицъ, языкъ — все это не создавалось по свободному вдохновенію, а сочинялось по расчету противорѣчія классикамъ съ полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было слѣдовъ простоты и естественности, пони-

манія дѣйствительной жизни и художественности. Романтики изображали бурныя страсти и раздирательныя положенія неистово-фразистымъ языкомъ. Таковы были произведенія Виктора Гюго, предводителя романтиковъ,—таковы же были у насъ произведенія Марлинскаго и Полевого, для которыхъ (особенно для Полевого) Викторъ Гюго былъ идеаломъ поэта и романиста.

Критическія воззрѣнія Полевого нельзя назвать строго систематическими, особенно выработанными и послѣдовательными; значеніе ихъ, повторяемъ, переходно-подготовительное. Выступая въ своемъ журналѣ, Полевой сознавалъ, что критики у насъ еще нѣтъ, что ему приходится создавать ее (хотя это и ему и не удалось), что она должна быть существеннымъ отдѣломъ журнала. Онъ утверждалъ, что критика—наука, ибо въ ней есть постоянныя правила и условія. Истинный критикъ, по идеалу Полевого, долженъ соединить въ своемъ образованіи «полную систему всеобщей литературы, и изъ идеала изящнаго, соображеннаго съ опытами вѣковъ, извлечь правила и образцы», которымъ должно слѣдовать. Критика Полевого впервые стала основываться на философскихъ принципахъ. Такъ, Полевой опровергалъ теорію подражанія природѣ. Онъ говорилъ, что не природа творящее, а человѣкъ, природа только творимое. Человѣкъ развиваетъ въ своихъ способностяхъ и знаніяхъ внутренній духовный міръ свой. Это положеніе, основанное на умозрѣніи и доказываемое опытомъ, должно быть краеугольнымъ камнемъ всѣхъ нашихъ системъ и изслѣдованій. Вслѣдствіе этого истинный поэтъ весь отдается вдохновенію и слушается только его голоса. Поэтъ долженъ быть совершенно независимъ отъ внѣшнихъ условій, долженъ бѣжать отъ всякой прозы житейской.

Смотря съ такой романтической точки зрѣнія на поэта, Полевой, однако, не отрицалъ и общественнаго значенія поэзіи, указывая на общественныя мотивы Ювенала, Державина, Байрона и др. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи «Телеграфъ» путался въ противорѣчіяхъ и въ другихъ случаяхъ рѣшительно вооружался противъ утилитарныхъ направленій поэзіи. Противорѣчилъ себѣ «Телеграфъ» и тогда, когда говорилъ, что «истинная поэзія должна быть народна». Требуя отъ поэзіи національности, Полевой, Марлинскій и др. романтики выводили дѣйствительную народную жизнь въ причесанномъ, прилизанномъ видѣ, и «Телеграфъ» вооружался какъ противъ «низкаго слова», такъ и противъ изображенія жизненной грязи и пошлости въ ихъ настоящемъ видѣ. Въ силу этого, Полевой впослѣдствіи времени и выступилъ такъ рѣшительно противъ школы Гоголя, поэтому-то онъ не понималъ и глубоко-реальныхъ, высоко-художественныхъ произведеній Пушкина послѣдняго періода его дѣятельности, называя, напр., повѣсти Бѣлкина «сказками и побасенками»,—поэтому, наконецъ, Полевой

враждовалъ и съ Бѣлинскимъ, ратовавшимъ за реализмъ въ искусствѣ. Хотя критика Полевого давно уже отжила свой вѣкъ, но въ свое время она имѣла огромное значеніе и оказала нашей литературѣ великія услуги. На первыхъ порахъ слѣдовало освободить литературу отъ давившихъ ее условныхъ правилъ классицизма и дать ей возможность естественнаго, самостоятельнаго народнаго развитія. Это совершилъ Полевой и въ этомъ вообще заслуга романтической критики. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, нашей критикѣ слѣдовало пріобрѣсти прочные, устойчивые, всеобщіе, философскіе принципы, чтобы стать въ уровень съ зарождавшейся самобытной русской литературой. Эту задачу выполнилъ Надеждинъ, завѣщавъ своему даровитому ученику Бѣлинскому развить и разработать детально основныя мысли учителя.

I.

Дѣтство Надеждина. — Духовное училище, семинарія и московская духовная академія. — Профессорство Надеждина. — Ксен. Полевой о Надеждинѣ. — Участіе Надеждина въ Московскомъ Обществѣ Любителей Рос. Словесности. — Воспоминанія о Надеждинѣ-профессорѣ. — Запрещеніе «Телескопа» и ссылка въ Устьесольскъ. — Воспоминанія Панаева. — Его характеристика Надеждина, какъ чловека. — Воспоминанія И. И. Срезневскаго. — Второй періодъ дѣятельности: служба въ мин. внутр. дѣлъ и участіе въ Русскомъ Географич. Обществѣ. — Этнографическіе труды Надеждина. — Путешествіе за границу и въ Крымъ. — Болѣзнь и смерть Надеждина. — Мнѣнія некрологовъ о значеніи дѣятельности Надеждина.

Н. И. Надеждинъ родился въ 1804 году, въ селѣ Нижнемъ Бѣломутѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Онъ былъ сыномъ священника этого села. Отецъ Надеждина, выслужившись изъ причетниковъ, отличался страстной любовью къ чтенію; будучи еще мальчикомъ, онъ всѣ случайно попадавшіяся деньги тратилъ на книги, покупая на бѣломутскомъ базарѣ все, что встрѣчалось серьезнаго по части книгъ. Въ теченіе своей жизни любознательному отцу Іоанну удалось составить порядочную библіотеку, зерно которой составляли книги историческія и нравоучительныя. Эта библіотека имѣла огромное значеніе для сына: онъ перечиталъ ее всю, и обширныя не по лѣтамъ знанія по исторіи и географіи рѣшили его судьбу совершенно неожиданно въ благоприятную сторону. Сыну предстояло, повидимому, идти по той же безызвѣстной и глухой тропинкѣ, по какой шелъ терпѣливый труженикъ-отецъ. Но природная даровитость и одно обстоятельство вывело мальчика-Надеждина на широкую дорогу, ведущую къ извѣстности.

Отецъ Надеждина послалъ сына въ губернскій городъ къ преосвященному Θεофілакту просить причетническаго мѣста. Кромѣ

подачи просьбы о причетническомъ мѣстѣ, мальчикъ долженъ былъ на личной аудіенціи съ преосвященнымъ произнести стихотворную рѣчь собственнаго издѣлія. Послѣ долгой и кропотливой работы удалось склеить эту рѣчь. Архіерей былъ удивленъ и заинтересованъ. Десятилѣтній мальчикъ поразилъ его своими познаніями по исторіи и географіи. Преосвященный велѣлъ принять Надеждина въ высшій классъ духовнаго училища и выдавать причетническое жалованье. Въ 1815 году Надеждинъ переходитъ въ семинарію, а съ 1820 года онъ поступаетъ по предписанію ком. духовн. училищъ для высшаго образованія въ московскую духовную академію, въ которой любимымъ предметомъ Надеждина сдѣлалась философія, преподававшаяся тогда извѣстнымъ ученымъ Фесслеромъ. Въ 1824 году академической конференціей Надеждинъ возведенъ на степень магистра и опредѣленъ въ рязанскую духовную семинарію профессоромъ словесности и латинскаго языка; кромѣ того, при той же семинаріи онъ въ 1825 году занималъ должность бібліотекаря. Но уже въ 1826 году Надеждинъ, согласно прошенію, по причинѣ болѣзни, по опредѣленію ком. дух. училищъ уволенъ отъ этихъ должностей и вмѣстѣ изъ духовнаго званія для поступленія на гражданскую службу. Надеждинъ переѣзжаетъ въ Москву, задумываетъ посвятить себя профессурѣ, дѣятельно готовится къ ней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прискиваетъ частное мѣсто домашняго учителя у какого-то г. Самарина. Здѣсь Надеждинъ знакомится съ капитальными трудами Гиббона («Паденіе римской имперіи»), Гизо, Сисмонди («Исторія итальянскихъ республикъ») и др., которые были въ большой бібліотекѣ Самарина. Самъ Надеждинъ говорилъ ¹⁾ въ своей автобіографіи, что изученіе этихъ трудовъ дало ему твердость и самостоятельность взглядовъ, предохранивъ отъ увлеченія господствовавшимъ тогда романтизмомъ.

Благодаря внимательному участію и поддержкѣ Каченовскаго, Надеждину удалось подготовиться къ профессорской каедрѣ и занять ее. Первая статья Надеждина была помѣщена въ журналѣ Каченовскаго («Вѣстн. Европы») о средневѣковой торговлѣ и въ частности о Ганзѣ. Кс. Полевой въ своихъ «Запискахъ» (стр. 255) старается обвинить Надеждина въ пользованіи нечистыми средствами ради достиженія профессуры. Полевой развязно повѣствуетъ, что Надеждинъ явился въ Москву съ цѣлью получить мѣсто профессора въ университетѣ, и скоро увидѣлъ, что для этого необходимо приобрести благосклонность хоть одного изъ старшихъ профессоровъ, имѣющихъ авторитетъ. Каченовскій обладалъ, по мнѣнію Полевого, всѣми качествами для покровительства покорнаго ему кліента. Онъ былъ гордъ, самолюбивъ и твердъ, такъ что сочлены почти боялись его, знали его авторитетъ и готовы были

¹⁾ См. «Рус. Вѣстникъ» 1856 г., т. II.

сдѣлать для него многое потому даже, что не хотѣли съ нимъ ссориться. «Распознавъ это, Надеждинъ уцѣпился за Каченовскаго и прикинулся жаркимъ его поборникомъ. Такою образъ дѣйствій называется ловкостью». Эти слова продиктованы злобнымъ чувствомъ литературнаго врага, который завидовалъ опередившему его сопернику; эти слова сплошная клевета человѣка, безсильнаго бороться съ противникомъ оружіемъ слова, ибо этотъ противникъ гораздо образованнѣе и устойчивѣе въ своихъ взглядахъ и поэтому легко подмѣчаетъ и подсмѣивается надъ забавными промахами безсильнаго врага. Въ характерѣ Надеждина никогда не было того, что называютъ «ловкостью», умнѣемъ обдѣлывать свои дѣла, входить съ задней мыслью въ довѣріе другого,—словомъ, пресловутой житейской практичности. Надеждинъ всегда дѣйствовалъ по убѣжденію и былъ съ характеромъ независимымъ. Покровительство Каченовскаго очень легко можетъ объясняться тѣмъ, что онъ съумѣлъ оцѣнить даровитость и обширныя познанія Надеждина, находя для такого человѣка вполне достойнымъ занятію университетской каѳедры. Восторженные воспоминанія различныхъ лицъ о Надеждинѣ-профессорѣ окончательно утверждаютъ насъ въ этой мысли. Объ этихъ воспоминаніяхъ мы скажемъ ниже.

Итакъ Надеждинъ готовится къ докторскому экзамену и подаетъ просьбу о допущеніи его къ этому экзамену; эта просьба была встрѣчена ректоромъ университета съ удивленіемъ, ибо Надеждинъ не былъ извѣстенъ. Однако, дѣло пошло на разрѣшеніе министра нар. просвѣщенія Ливена. Въ это время умираетъ заслуженный профессоръ изящныхъ искусствъ и археологіи Гавриловъ. Послѣ состязанія съ нѣсколькими конкурентами, Надеждинъ занялъ эту каѳедру. Тезисы своей латинской диссертациі о романтической поэзіи Надеждинъ защищалъ публично полатыни и 24-го сентября 1830 года утвержденъ докторомъ. По приглашенію дирекціи имп. моск. театровъ Надеждинъ преподавалъ въ моск. театральн. школѣ логику, русскую словесность и миѳологию, а 26-го декабря 1831 года онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи въ Московскомъ университетѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1832—1834) Надеждинъ былъ избираемъ членомъ училищнаго комитета и членомъ комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ. Съ 1833 года до преобразования университета былъ секретаремъ университетскаго совѣта, кромѣ того, въ теченіе своего кратковременнаго профессорства былъ визитаторомъ въ московскихъ и тверскихъ гимназіяхъ, въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ и участвовалъ въ изданіи «Ученыхъ записокъ Москов. университета». 29-го мая 1835 года Надеждинъ уже уволенъ, по прошенію, отъ службы при университетѣ. Будучи еще въ университетѣ, Надеждинъ

въ іюнѣ мѣсяцѣ 1832 года отправился за-границу и проѣхалъ Германію, Францію, Италію. Онъ видѣлся и бесѣдовалъ тамъ съ разными знаменитыми учеными, напримѣръ, съ Германомъ и Готфридомъ Миллеромъ, и на мѣстѣ изучилъ памятники древняго искусства. На возвратномъ пути Надеждинъ посѣтилъ берега Чернаго моря, столь богатые остатками классической древности. Въ 1832—3 акад. году Надеждинъ читалъ въ университетѣ теорію изящныхъ искусствъ по собственному конспекту; въ 1833—4 онъ читалъ археологію или исторію изящныхъ искусствъ по памятникамъ, въ 1834—5 снова теорію изящныхъ наукъ и логику для студентовъ перваго курса всѣхъ отдѣленій. Въ слѣдующемъ году, со введеніемъ новаго устава, каведра эстетики и археологіи была упразднена. Въ 1833 году на актѣ въ университетѣ Надеждинымъ была произнесена рѣчь: «О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ». Кромѣ того, съ 1828 года по 1830 годъ Надеждинъ дѣятельно сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ помѣстилъ рядъ критическихъ статей по современной литературѣ, въ 1830 году онъ писалъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина, съ 1831 года по 1836 г. въ своемъ журналѣ «Телескопъ», при которомъ издавалась газета «модъ и новостей» «Молва, выходившая то ежедневно, то еженедѣльно. Въ 1836 году «Телескопъ» былъ запрещенъ за извѣстныя «Философическія письма» Чаадаева, а Надеждинъ сосланъ въ Устьсысольскъ. Будучи еще профессоромъ, Надеждинъ въ 1834 году былъ выбранъ въ члены Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности. Въ первомъ же засѣданіи онъ прочелъ довольно большую рѣчь о цѣли, направленіи и трудахъ Общества, — рѣчь, которая вовсе не была похвальною. Совершенно справедливо замѣчалъ въ своей рѣчи Надеждинъ, что прошедшее Общества проходило въ бездѣйствіи, что вся дѣятельность ограничивалась составленіемъ протокола, печатаемаго въ газетахъ и потомъ тихо, безмолвно приобщаемаго къ прочимъ такимъ же, что Общество существовало только по имени въ адресъ-календарѣ, что дипломами его никто не дорожить и пр. Къ слѣдующему засѣданію Надеждинъ приготовилъ планъ новыхъ занятій для оживленія Общества. Главною цѣлью его Надеждинъ полагалъ — изслѣдованія по исторіи нашей словесности и языка. Будущіе труды должны были быть раздѣлены между членами Общества — Снегиревымъ, Макаровымъ, Киржевскимъ, Надеждинымъ, Шевыревымъ, Погодинымъ, Морошкинымъ и др. Но, къ сожалѣнію, планы Надеждина остались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Рѣчь была выслушана, съ ней, вѣроятно, согласились, — и продолжали ничего не дѣлать. Надеждинъ вскорѣ былъ вызванъ въ Петербургъ и отправленъ въ Устьсысольскъ, гдѣ, конечно, ему было уже не до Общества Любителей Россійской Словесности. — Прекра-

щеніе «Телескопа», который вмѣстѣ съ «Моск. Телеграфомъ» были любимыми журналами петербургской читающей молодежи,—надѣлало большого шума, возбудило различные толки и заставило прочесть письмо Чаадаева даже тѣхъ, кто отъ роду не читалъ такихъ серьезныхъ статей. Того номера «Телескопа», въ которомъ она появилась, скоро достать уже было невозможно: его расхватили, и статья Чаадаева стала расходиться во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ. Съ этого времени прерывается критико-эстетическая и литературно-журнальная дѣятельность Надеждина. По возвращеніи изъ ссылки, Надеждинъ, покидая окончательно литературу и журналистику, становится на ученую дорогу историка этнографа. Это второй періодъ его дѣятельности, который столь же примѣчателенъ, какъ и первый. Характеристику литературно-критическихъ воззрѣній Надеждина и его взглядовъ историко-этнографическихъ мы предложимъ читателю въ отдѣльной главѣ; теперь же остановимся на воспоминаніяхъ о немъ, какъ профессорѣ и ученомъ, докончивъ вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе немногочисленныхъ данныхъ его біографіи.

Мы говорили уже, что всѣ воспоминанія о Надеждинѣ, какъ профессорѣ, проникнуты восторженнымъ чувствомъ удивленія предъ замѣчательнымъ ученымъ и лекторомъ. Особенно важны воспоминанія одного неизвѣстнаго слушателя Надеждина¹⁾, которыя мы дополнимъ воспоминаніями К. Аксакова²⁾ и воспоминаніями автора, скрывшагося подъ инициалами Г. Г.³⁾ Авторъ первыхъ воспоминаній слушалъ лекціи Надеждина въ теченіе трехъ лѣтъ его профессорской дѣятельности. Онъ говоритъ, что часы проведенные имъ на этихъ лекціяхъ, принадлежатъ къ лучшимъ часамъ его жизни и что воспоминаніе о нихъ онъ лелѣетъ въ своей памяти, какъ «золотой сонъ». Лекціи Надеждина, по словамъ автора, были дѣйствительными импровизаціями: профессоръ никогда не приносилъ съ собою въ аудиторію ни одного клочка бумаги. Исключенія случались лишь тогда, когда Надеждинъ читалъ археологію или исторію изящныхъ искусствъ. Молодой профессоръ часто бывалъ у П. С. Щепкина, который былъ инспекторомъ студентовъ прежде Нахимова и, говорятъ, иногда просиживалъ у него всю ночь напролетъ и слѣдующее за нею утро, а затѣмъ прямо шелъ читать лекціи. Общимъ мнѣніемъ студентовъ, по словамъ автора, было то, что Н. И. всегда и вездѣ былъ во всеоружіи, всегда и вездѣ по первой надобности, могъ прочитать превосходнѣйшую лекцію. Онъ всегда и вездѣ готовъ былъ читать «de omni re scibili et quibusdam aliis». Таково было очарованіе его лекцій. Каждая лекція Н. И. представляла собою

¹⁾ «Москов. Вѣдомости», 1856 г., № 81.

²⁾ «День», 1862 г., №№ 39 и 40.

³⁾ Ibidem, 1863 г., № 42.

нѣчто цѣлое, полное, замкнутое, стройное и прекрасное. Въ тогдашнія времена профессора имѣли обыкновеніе предъ началомъ каждой лекціи назначать кому-нибудь изъ студентовъ составленіе лекціи (въ слѣдующій разъ она выслушивалась профессоромъ и исправлялась). Было достаточно, по сознанию автора, запомнить или записать только точку отправленія мысли Надеждина, главнѣйшіе пункты и порядокъ,—остальное, при составленіи лекцій, являлось съ помощью припоминанія какъ бы само собою, легко и свободно. Авторъ говоритъ, что онъ не зналъ ничего подобнаго діалектической силѣ Н. И. Ясность, какая-то прозрачность стройной и правильной логической ткани, строгая послѣдовательность мыслей, неотразимый силлогизмъ, поразительность и неожиданность выводовъ, изумляли и восхищали слушателя. Слушатель выходилъ съ лекцій Надеждина съ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинѣ его словъ. Онъ способенъ былъ,—по мнѣнію нѣсколько увлекающагося автора воспоминаній,—убѣдить слушателя въ чемъ угодно. Слогъ Надеждина, уснащенный философскою терминологіей, былъ самый блестящій: неожиданныя сравненія, непредвидѣнныя антитезы, самыя смѣлыя метафоры, остроумныя сближенія языка ораторскаго и поэтическаго съ обыденною, простою рѣчью и т. д.—все это восхищало, поражало, изумляло слушателя. Рѣчь Надеждина была непрерывнымъ, ослѣпительнымъ, самымъ разнообразнымъ фейерверкомъ словъ. Даръ слова у Н. И. былъ неистощимый и неподражаемый.

Бывало, онъ придетъ на лекцію,—разсказываетъ авторъ,—сидеть на кафедре и, какъ-будто нехотя, начнетъ лѣниво процѣживать сквозь зубы слова и, между тѣмъ, покачиваясь взадъ и впередъ, поглаживаетъ руками вдоль ногъ къ колѣнямъ (это продолжалось иногда минутъ пять, иногда менѣе, но никогда болѣе). Повидимому, въ это время Н. И. собирался съ мыслями. Студенты-насмѣшники говаривали: «Смотри, вонъ машина электризуетъ себя!»—Черезъ нѣсколько минутъ покачиванье и поглаживанье ногъ постепенно пропадало, профессоръ выпрямлялся на кафедрѣ и начиналъ. Тѣ же студенты-насмѣшники говорили: «Ну, машина пошла! Держись, братцы,—успѣвай записывать!» Н. И. говорилъ и читалъ лекцію скоро, не растягивая словъ, безъ всякихъ остановокъ, такъ что вниманіе слушателей не утомлялось. Въ продолженіе лекціи Надеждинъ то навивалъ себѣ на палецъ платокъ, то распускалъ его, а при сильномъ одушевленіи часто тыкалъ пальцемъ въ очки, поправляя и подвигая ихъ ближе къ глазамъ. По проникательной догадкѣ автора воспоминаній, въ головѣ Надеждина мгновенно рождались и развивались мысли во время самой лекціи. Иной бы или запутался, или изъ боязни запутаться подавилъ бы въ себѣ мгновенную вспышку одушевленія. Не такъ читалъ Надеждинъ, увѣренный въ своемъ импровизаторскомъ дарѣ.

Не потерялся онъ и при министрѣ С. С. Уваровѣ. Темой его лекціи была: идея изящнаго, обрѣтаемая вѣрою въ Богѣ, когда аудиторію Надеждина удостоилъ своимъ посѣщеніемъ министр. Студенты такъ были увлечены краснорѣчіемъ профессора, что, кажется, забыли и время, и пространство. Сначала, какъ водится, они записывали вслѣдъ за профессоромъ, но скоро всѣ, какъ будто приведенные въ отчаяніе неудержимымъ потокомъ краснорѣчія, побросали перья, чтобы успѣвать только слушать. Ничего подобнаго не слышалъ и, вѣроятно, не услышу,—замѣчаетъ авторъ, восторженный поклонникъ Надеждина.—Лекція продолжалась болѣе полутора часа и никто изъ насъ этого не замѣтилъ. Наконецъ, министръ всталъ и профессоръ долженъ былъ кончить. Обращаясь къ профессору, министръ всеуслышаніе сказалъ: «Мнѣ кажется, вы слишкомъ высоко читаете,—хорошо ли васъ понимаютъ?»—Не помню точныхъ словъ отвѣта Н. И., но смыслъ ихъ былъ таковъ: «Я и студенты—мы всѣ такъ любимъ другъ друга и предметъ эстетики, что, я увѣренъ, мы совершенно понимаемъ другъ друга».—Авторъ воспоминаній прибавляетъ, что у многихъ были на глазахъ слезы,—такъ умѣлъ растрогать своимъ краснорѣчіемъ слушателей Н. И. Надеждинъ.—Лекція Н. И. мѣстами была подкрѣплена текстами св. Писанія, самыми поразительными и отлично припоровленными къ ея содержанію. Надо сказать, что онъ вообще обладалъ образцовымъ искусствомъ приводить въ подтвержденіе или поясненіе своей мысли цитаты, пословицы, поговорки, простонародныя выраженія и т. д. Это единственная лекція, которая пропала безвозвратно, ибо не была записана студентами. Лекція надѣлала тогда много шума въ Москвѣ. Многие хотѣли имѣть хоть какой-нибудь ея списокъ. Максимовичъ говоритъ, что министръ по выходѣ изъ аудиторіи сказалъ: «Въ первый разъ вижу, что человекъ, который такъ дурно пишетъ, можетъ говорить такъ прекрасно!»—Дѣйствительно, Н. И. лучше говорилъ, нежели писалъ. Онъ былъ настоящимъ ораторомъ,—по крайней мѣрѣ, какъ профессоръ, какъ ораторъ для молодыхъ умовъ.

К. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Надеждинѣ отзывается о его профессорскихъ достоинствахъ гораздо сдержаннѣе и холоднѣе. Сходясь съ предъидущимъ авторомъ въ похвалахъ импровизаторскому таланту Надеждина, Аксаковъ говоритъ, что молодое поколѣніе скоро разочаровалось въ Надеждинѣ, ибо онъ не удовлетворялъ серьезнымъ научнымъ требованіямъ, хотя и продолжало охотно слушать его. Аксаковъ приводитъ мнѣніе Станкевича, который говорилъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими лекціями и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то только благодаря Надеждину. Далѣе Аксаковъ замѣчаетъ, что Надеждинъ былъ очень деликатенъ со студентами, не требовалъ, чтобы они ходили на лекціи, чтобы не выходили во время чтенія, и, вообще,

не любилъ никакихъ полицейскихъ приемовъ. Это студенты очень цѣнили, и, конечно, ни у кого не было такой типины на лекціяхъ, какъ у Надеждина. Про Шевырева говорили: «Это ужъ не Надеждинъ,—это человѣкъ трудящійся и любящій науку».

Наконецъ, третій авторъ воспоминаній о профессорствѣ Надеждина, признавая его самымъ блестящимъ преподавателемъ всего тогдашняго университета, единственнымъ умѣвшимъ дать студентамъ настоящее понятіе объ академическомъ преподаваніи и постоянно приковывавшимъ вниманіе слушателей, съ благодарностью вспоминаетъ, что при помощи Надеждина студенты впервые получали хотя нѣкоторое понятіе о философскихъ системахъ и познакомились съ именами Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, ибо Надеждинъ вмѣстѣ съ изложеніемъ эстетики соединялъ обзоръ исторіи философіи.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакой возможности провѣрить ни восторженныхъ увлеченій перваго автора воспоминаній, ни упрековъ Аксакова въ отсутствіи серьезнаго содержанія, ни благодарныхъ воспоминаній третьяго автора за изложеніе философскихъ системъ.

Лекціи Надеждина никогда не были напечатаны. Объ этомъ, конечно, можно только пожалѣть, ибо эти напечатанныя лекціи были бы любопытны и для характеристики самого Надеждина, и для характеристики университетскаго преподаванія того времени. Самъ Надеждинъ былъ иного мнѣнія. Шевыревъ вздумалъ разъ замѣтить ему, отчего онъ не пишетъ и не печатаетъ своихъ лекцій, давая, такимъ образомъ, возможность познакомиться съ лекціями и публикѣ, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ и для потомства и уберегая отъ погибели. Вотъ что отвѣчалъ по этому поводу Надеждинъ Шевыреву ¹⁾.

«Онѣ не погибли (лекціи Надеждина въ университетѣ),—онѣ напечатаны въ душѣ слушателей; онѣ разошлись съ ними по всѣмъ концамъ нашего отечества. Каждый внимательный слушатель есть живая книга, гдѣ идеи профессора изображаются яркими, неизгладимыми буквами, гдѣ онѣ не стынутъ, не умираютъ какъ на печатномъ листѣ, а переходятъ въ жизнь. Какое дѣло профессору до публики?.. «Вотъ мои книги!» можетъ сказать каждый профессоръ, съ гордостью указывая на молодыхъ людей, осуществившихъ его идеи... Укажу на примѣръ Сократа, идеалъ наставниковъ... Я живую импровизацію считаю самымъ лучшимъ и полезнѣйшимъ способомъ преподаванія въ высшихъ училищахъ... Профессоръ долженъ читать какъ французъ, писать и печатать какъ нѣмецъ». Въ этихъ словахъ, конечно, больше эффектности красивой фразы, чѣмъ дѣльной правды:

¹⁾ См. «Телескопъ» 1832 г., ч. 32, стр. 585 и слѣд.

«истор. вѣстн.», августъ, 1889 г. т. XXXVII.

не всякій внимательный слушатель всегда будетъ живой книгой, ибо время безжалостно вырываетъ изъ этой книги десятки листовъ, профессоръ не долженъ вовсе чураться публики, идеаль наставниковъ—Сократъ—теперь не можетъ удовлетворять,—можетъ ли, наконецъ, профессоръ отыскать свои «живыя книги» и съ гордостью удостовѣриться, что онѣ осуществили его идеи? Вообще, аргументація Надеждина въ приведенномъ отвѣтѣ Шевыреву страдаетъ сильной субъективностью и, повторяемъ, приходится только сожалѣть, что въ силу своихъ убѣжденій Надеждинъ не напечаталъ своихъ университетскихъ лекцій, лишивъ публику дѣльнаго чтенія, а исторію любопытнаго памятника.

Возвращаемся къ прерванной біографіи Н. И. Мы остановились на 1836 годѣ, когда Надеждинъ былъ сосланъ въ Устьсысольскъ Вологодской губерніи, въ которомъ и находился около года. Прѣзжая въ Устьсысольскъ («на теплыя воды», какъ шуточно отозвался Н. И. о своей поѣздкѣ тогдашнему вологодскому преосвященному Стефану при первомъ свиданіи съ нимъ) и возвращаясь оттуда, Надеждинъ по нѣскольку недѣль жилъ въ Вологдѣ, пользуясь самымъ радушнымъ вниманіемъ и гостепріимствомъ высшаго вологодскаго общества, которое съ любопытствомъ слушало и по-сматривало на Николая Аристарховича Надоумку. Пребываніе Надеждина, какъ мы увидимъ, не было бесплодно для русской литературы вообще, и для вологодскаго края въ особенности. Такъ, на-примѣръ, въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, который съ XI тома поступилъ уже подъ редакцію Сенковского, Надеждинъ принялъ на себя, между прочимъ, составленіе всѣхъ статей, относящихся до Вологодской губерніи. Вообще, Устьсысольскъ значительно охладилъ литературную дѣятельность Надеждина. Послѣ своего пріѣзда оттуда, Надеждинъ началъ смотрѣть на литературу какъ на дѣло, отошедшее для него на второй планъ. Онъ рѣшился посвятить себя ученой и служебной дѣятельности и мечты объ этомъ занимали его уже гораздо болѣе литературы и журналистики. Конечно, такой легкой переходъ отъ одной дѣятельности къ другой можетъ показаться страннымъ, и для объясненія такого явленія необходимо подыскать тѣ или другія обстоятельства. Прекращеніе журнала за статью, которая не могла понравиться цензурѣ, не есть еще достаточная причина и для прекращенія критико-журнальной дѣятельности. Журналъ Полевого былъ тоже прекращенъ и, однако, Полевой не оставилъ журнальной дѣятельности, ибо литература была для него дѣломъ всей жизни. Житейская обстановка Бѣлинскаго была гораздо хуже обстановки Надеждина и, однако, онъ въ теченіе своей многотрудной жизни твердо и свято несъ тяжелый крестъ журнальнаго критика. Очевидно, причинъ для объясненія спокойнаго перехода Надеждина отъ одной дѣятельности къ другой нужно искать въ его личномъ характерѣ. Въ этомъ отно-

шеніи намъ кажутся весьма цѣнными воспоминанія о Надеждинѣ И. И. Панаева ¹⁾, который очень вѣрно характеризуетъ его, какъ человѣка, и въ личномъ характерѣ усматриваетъ причины неустойчивой дѣятельности.

Панаевъ рассказываетъ, что онъ познакомился съ Надеждинымъ, когда послѣдній возвратился изъ изгнанія въ Петербургъ, разслабленный и безъ ногъ, остановившись въ гостинницѣ «Демуть». Панаевъ говоритъ, что Надеждинъ увлекъ его съ перваго раза; между ними скоро установились дружескія отношенія: Панаевъ ѣздилъ къ Надеждину почти каждый день. Слѣдовательно, Панаевъ имѣлъ возможность довольно близко присмотрѣться къ характеру этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка. Обширныя свѣдѣнія, изумительная память, даръ слова—всѣ эти качества Надеждина сильно поразили Панаева, который прибавляетъ, что Надеждинъ былъ первымъ литераторомъ, удовлетворившимъ его идеалу о литераторахъ и что Надеждинъ по своимъ свѣдѣніямъ и уму стоялъ во главѣ тогдашнихъ литераторовъ. Наружность Надеждина, — продолжетъ Панаевъ, — была мало привлекательна. Черты болѣзненнаго, осунувшагося и побагровѣвшаго лица его были рѣзки: у него былъ длинный красный носъ, ротъ почти до ушей, раскрывавшійся совсѣмъ не только при смѣхѣ, но даже и при улыбкаѣ, и обнаруживавшій не только зубы, но и десны. Манеры его были неуклюжи и аляповаты, голосъ крикливъ. Въ минуты одушевленія онъ издавалъ какіе-то звуки, похожіе на рычаніе, и дикія восклицанія въ родѣ: а-га-га-га! Но не смотря на все это,—говоритъ Панаевъ,—онъ имѣлъ въ себѣ много симпатическаго. Такова сила ума, смягчающая даже самое безобразіе и придающая одушевленіе и пріятность самымъ грубымъ и непріятнымъ чертамъ. Если бы умъ и знанія соединялись въ Надеждинѣ съ твердостью воли,—онъ, вѣроятно, оставилъ бы по себѣ прочную память или въ лѣтописяхъ Московскаго университета, или въ исторіи русской литературы. Къ сожалѣнію, при своемъ замѣчательномъ умѣ и при своихъ блестящихъ способностяхъ, онъ всю жизнь вертѣлся, какъ флюгеръ, по прихоти случайностей: безъ сожалѣнія покидалъ свое ученое поприще для литературныхъ занятій, и литературныя занятія для служебной дѣятельности — и нигдѣ не оставилъ по себѣ глубокаго слѣда. Въ наукѣ, въ литературѣ, на служебной аренѣ—Надеждинъ вездѣ обнаружилъ большія способности, но не сдѣлался серьезнымъ ученымъ и не имѣлъ большого вліянія ни въ литературѣ, ни въ служебномъ мірѣ. Вполнѣ просвѣщенный и свободно-мыслящій, онъ не имѣлъ тѣхъ твердыхъ убѣжденій, которыя заставляютъ человѣка идти непоколебимо

¹⁾ И. Панаевъ. «Литературныя Воспоминанія», стр. 149 и слѣд.

по прямому, разъ избранному пути, преодолевая всѣ препятствія и не отклоняясь ни на одинъ шагъ въ сторону. Эта характеристика Панаева заслуживаетъ всякаго вниманія, ибо, дѣйствительно, вѣрно и проникательно очерчиваетъ и схватываетъ сущность надеждинской, нѣсколько безшабашной натуры. Это очень схожій портретъ, написанный мастерской рукой, которая уловила всѣ типическія черты.

Далѣе, Панаевъ доканчиваетъ его въ деталяхъ. Онъ говоритъ, что Надеждинъ всегда вносилъ въ бесѣду мысль и одушевленіе, что въ немъ былъ своего рода юморъ, не совсѣмъ тонкій, но иногда довольно злой (злой — какъ въ человѣкѣ, а не въ писателѣ), что въ немъ не было ни малѣйшей сухости и педантизма (опять-таки не какъ въ писателѣ). Надеждинъ не пугалъ своими знаніями, какъ это дѣлаютъ многіе ученые, не хвастался своей эрудиціей, хотя при случаѣ и любилъ блеснуть ею, и былъ почти постоянно одушевленъ веселостію, не смотря на разстройство своего здоровья. Въ этой веселости было что-то добродушное, искреннее, возбуждавшее ту же веселость въ другихъ, хотя искренность и добродушіе не были его отличительными качествами. Всѣ недостатки Надеждина, истекавшіе изъ слабости его характера, очень видимы были для всѣхъ его пріятелей: они обсуживались за глаза строго, возбуждали даже негодованіе,—но когда пріятели сходились съ нимъ лицомъ къ лицу,—они искренно забывали все и все прощали ему. Надеждинъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ всевозможнаго рода людей. Панаевъ рассказываетъ, что у Надеждина былъ слуга, который служилъ у него съ изданія «Телескопа», не покидалъ его при изгнаніи въ Вологду, не оставлялъ и тогда, когда Надеждина разбилъ параличъ; этотъ Иванъ ухаживалъ за нимъ, какъ добрая нянька за ребенкомъ. Не даромъ же, конечно, Надеждинъ возбуждалъ такую сильную привязанность къ себѣ. Про себя Панаевъ вновь прибавляетъ: «Въ двѣ недѣли я сблизился съ нимъ такъ, какъ будто былъ вѣкъ знакомъ съ нимъ. При моемъ появленіи онъ, обыкновенно, улыбался, развѣвалъ ротъ, обнаруживая десны, протягивалъ ко мнѣ свои длинныя руки и восклицалъ: — «А-га-га-га! Вотъ и онъ! Вотъ и онъ! Ну, что новаго въ литературѣ?»

Надеждина очень интересовали всякія литературныя сплетни. Панаевъ же, прибавимъ мы, былъ порядочной литературной кумой и ходячей газетой всякихъ текущихъ новостей, слуховъ, происшествій и пр. Слѣдовательно, собесѣдованія ихъ были, вѣроятно, очень оживлены. По натурѣ своей, — замѣчаетъ Панаевъ, — Надеждинъ былъ очень лѣнивъ, но свои журнальныя статьи онъ писалъ съ необыкновенной быстротой и легкостью, почти безъ помарокъ. Рукописи его отличались большою оригинальностью: онъ писалъ обыкновенно на бумагѣ очень длинной формы и довольно узко-

обрѣзанной. Почеркъ у него былъ довольно четкій, но русскія буквы принимали подъ его перомъ какую-то старинную форму, нѣсколько похожую на готическую.

Такова была по изображенію Панаева личность этого замѣчательнаго человѣка, которому какъ-то не удалось развернуть свои силы на какомъ-нибудь одномъ поприщѣ, оставивъ «глубокій слѣдъ» въ какой-нибудь одной области, а суждено было переходить отъ одной дѣятельности къ другой, заявивъ, однако, себя вездѣ съ самой блестящей стороны.

Съ мнѣніемъ Панаева сходится и И. И. Срезневскій, почтившій покойнаго Надеждина рѣчью въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ¹⁾. Очертивъ заслуги Н. И. для русской этнографіи и географіи и обозрѣвъ въ общихъ чертахъ его ученые труды, Срезневскій замѣчаетъ, что самого Надеждина въ послѣднія минуты его жизни смущалъ вопросъ: что же вышло изъ всѣхъ его трудовъ? Срезневскій сравниваетъ Надеждина съ Эразмомъ Роттердамскимъ, Энеемъ Сильвіемъ, съ Павломъ Ювіемъ и другими подобными писателями, которыхъ нельзя помянуть ни однимъ монументальнымъ твореніемъ, но которые, однако, всегда будутъ памятны. Рядомъ съ ними будетъ памятенъ и Надеждинъ, дѣятельности котораго не хватало «внѣшней сосредоточенности». Онъ зналъ языки греческій, латинскій, отчасти еврейскій, французскій, нѣмецкій, итальянскій и англійскій: мы убѣдились въ его огромномъ вліяніи на слушателей-студентовъ, хотя изъ среды послѣднихъ инымъ не нравился его цвѣтистый языкъ, а другимъ столько же не нравилась игра знаніями, казавшаяся хвастливостью,—всѣ же сознавались, что Надеждинъ возбуждалъ ученую пытливость и размышленіе, что не на время, а на всегда, хотя и незамѣтно, давалъ направленіе человѣку; мы увидимъ, что таковъ же былъ онъ и въ журналѣ—умѣлъ собирать новое, неизвѣстное и увлекать силою своего ума, самобытностью сужденій; какъ критикъ, выступивъ на сцену, по словамъ Бѣлинскаго²⁾, на своихъ скудельныхъ ножкахъ, онъ разсѣялъ наши сладкія мечты о нашемъ величій своимъ добродушно-лукавымъ: хе! хе! хе!, онъ произвелъ много тревоги въ литературѣ, много кровопролитныхъ войнъ, храбро сражался, жестоко поражая своихъ противниковъ и этимъ слогомъ, иногда оригинальнымъ до тривіальности, но всегда рѣзкимъ и мѣткимъ, и этимъ твердымъ силлогизмомъ, и этою насмѣшкою, простодушною и убійственною вмѣстѣ...

«И гдѣ же, твой, о витязь, прахъ?»

«Какою взять могиллой?»

¹⁾ См. «Вѣстникъ Рус. Геогр. Общества» 1856 г., ч. XVI.

²⁾ Т. I, стр. 107.

Да, Надеждинъ совѣмъ забыть въ нашей литературѣ, и забыть по своей винѣ: кто вездѣ, тотъ нигдѣ.

Во вторую половину своей дѣятельности Надеждинъ занимался больше всего изслѣдованіями историко-географическими и историко-этнографическими. Географическія изслѣдованія онъ ставилъ въ основаніе изслѣдованій и выводовъ историческихъ. Русская земля вызывала тѣму вопросовъ и неясно-рѣшенныхъ, и не тронутыхъ. Столько же этнографическихъ задачъ представлялъ для него и народъ русскій. Обстоятельства жизни въ связи съ характеромъ не дали Надеждину возможности выработать вполнѣ свои взгляды и въ этой средѣ. Выработывать ихъ Надеждинъ началъ первоначально для Энциклопедическаго лексикона Плюшара, 4 тома котораго полны его статьями. Изъ Усть-Сысольска онъ прислалъ въ это изданіе до 100 статей на букву В, не забывая и другихъ періодическихъ изданій того времени своими этнографическими статьями. Многія изъ этихъ статей до сихъ поръ не потеряли своего значенія; притомъ напечатано далеко не все изъ того, что было написано имъ и даже отослано въ редакцію.

Другой рядъ работъ Надеждина начался для него современи переѣзда его въ Одессу и потомъ путешествія по землямъ Дунайскимъ и Задунайскимъ. Время, проведенное Надеждинымъ въ Одессѣ по возвращеніи изъ-за границы (1841—1842), осталось однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ въ его ученой дѣятельности. Первый томъ «Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей», въ которомъ цѣлый рядъ его статей о Скиѣи и скиѣахъ, почти имъ однимъ приготовленъ къ выходу въ свѣтъ. Свое путешествіе Надеждинъ совершилъ по порученію Одесскаго Общества, основаннаго Д. М. Княжевичемъ. Онъ побывалъ въ Молдавіи, Валахіи, Буковинѣ, Трансильваніи, Австріи, Далмаціи, Сербіи; въ Молдавіи онъ осматрѣлъ различные древніе замѣчательные монастыри, типографіи и бібліотеки; въ Валахіи, между прочимъ, онъ посѣтилъ Каракаль, знаменитый трояновъ путь, Северинову башню, близъ которой находятся остатки славнаго Троянова моста черезъ Дунай и т. д. Въ Вѣнѣ Надеждину были показаны замѣчательныя изъ сочиненій, хранящіяся въ императорской бібліотекѣ; на Черной Горѣ онъ посѣтилъ Раку—колыбель черногорской независимости—съ развалинами замка Ивана Черноевича, гдѣ, кромѣ того, находилась древняя славяно-сербская типографія; въ Сербіи онъ видѣлъ величественныя развалины Жиги, гдѣ вѣнчались на царство православныя цари Сербіи. Словомъ, путешествіе Надеждина было своего рода рѣдкостью для тогдашняго времени.

Въ 1842 году Надеждинъ переѣзжаетъ изъ Одессы въ Петербургъ, гдѣ его ожидала новая должность чиновника особыхъ порученій при Мин. Внутр. Дѣлъ и должность редактора журнала того же министерства. Югъ онъ покинулъ въ силу разстроеннаго здоровья,

надѣясь въ Петербургѣ пользоваться совѣтами хорошихъ докторовъ. По дорогѣ болѣзнь на нѣкоторое время заставила его остановиться въ Кіевѣ у Неволіна и Богородскаго. Максимовичъ ¹⁾ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этой кіевской остановкѣ говоритъ слѣдующее: «Я нашелъ Надеждина на постелѣ, изнеможеннаго, въ сильныхъ страданіяхъ отъ нашего общаго съ нимъ врага—ревматизма. А между тѣмъ, онъ былъ неистощимъ въ разсказахъ о своихъ странствіяхъ и со смѣхомъ читалъ мнѣ про капитана Колѣйкина изъ «Мертвыхъ Душъ», которыми запасся онъ въ дорогу... Бодрость мысли у него была независима отъ немощи тѣлесной; онъ представлялъ собой живое опроверженіе классической пословицы: *mens sana in corpore sano*... Напѣ общій цѣлитель, незабвенный фیزیологъ Дядьковскій, говаривалъ, что онъ съ роду не видывалъ такой крѣпкой и благоустроенной нервной системы, какъ у Надеждина, и этимъ объяснялъ необычайную силу ума его. Однако, и эта сила была поражена... Съ Надеждинымъ былъ ударъ».

Какъ редакторъ журнала Мин. Внутр. Дѣлъ, Надеждинъ былъ строгъ и взыскателенъ. Ничто не избѣгало его поправокъ и помазокъ. Типографщики его боялись. Первые 8 томовъ журнала были написаны его рукой. Скоро былъ данъ Надеждину помощникъ въ лицѣ профессора одесскаго лицея Григоровича. Цѣлый рядъ статей этнографическо-географическаго содержанія Надеждина до сихъ поръ читается съ живымъ интересомъ. Таковы, напр., статьи: «Новороссійскія степи», «Гиржавскій монастырь въ Бессарабіи», «Ислѣдованіе о городахъ русскихъ» и др. Всего въ этомъ журналѣ Надеждинъ помѣстилъ 13 статей. На всѣ работы въ редактируемомъ Надеждинымъ журналѣ ложилась печать его руки. Стоитъ лишь вспомнить объ ислѣдованіяхъ М. П. Погодина о географіи Руси въ періодъ удѣловъ: примѣчанія Надеждина и Неволіна придали имъ такое значеніе, какимъ пользуются лучшія ислѣдованія по географіи среднихъ вѣковъ Европы.—Надеждинъ былъ однимъ изъ основателей Географическаго Общества (1845 г.), существующаго благополучно и донинѣ. На первомъ же годовомъ собраніи, въ своей запискѣ «Объ этнографическомъ изученіи народности русской», Надеждинъ ясно выразилъ мысль, одушевлявшую его, какъ члена Общества. Собираніе и ученую разработку этнографическихъ матеріаловъ онъ считалъ одною изъ главныхъ задачъ Общества. Онъ указалъ тогда же образцы наблюденій и сведенія ихъ въ выводы. Какъ членъ Этнографическаго Отдѣленія и вмѣстѣ Совѣта Общества, Надеждинъ взялъ на себя составленіе программы для собранія этнографическихъ свѣдѣній и, при содѣйствіи нѣкоторыхъ членовъ, составилъ ее (1848 г.). Она была разослана въ количествѣ 7,000 экземпляровъ во всѣ края нашего отечества. Эта разсылка

¹⁾ См. «Москвитянинъ» 1856 г., т. I № 3.

этнографической программы имѣла самые утѣшительные результаты: со всѣхъ концовъ Россіи начали стекаться въ Общество мѣстныхъ этнографическія описанія, все болѣе и болѣе интересныя и важныя. Число драгоцѣнныхъ выводовъ увеличивалось со времени личнаго участія Надеждина, съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ въ отдѣленіе этнографіи (въ концѣ 1848 года). Ни одного даровитаго вкладчика не оставлялъ Надеждинъ безъ привѣта—и такими привѣтами и совѣтами вызывалъ ихъ на новые труды. Впослѣдствіи этнографическая программа была переработана Надеждинымъ, вызвавъ еще большую дѣятельность. Все присылаемое Надеждинъ оцѣнивалъ самъ. Матеріаловъ накопилось очень много—явилась мысль объ изданіи «Этнограф. Сборника», которая осуществилась въ 1850 г. Редакторомъ этого сборника былъ Надеждинъ. Все хорошее было выставлено въ должномъ свѣтѣ, все, требовавшее объясненія, было объяснено или въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, или въ особыхъ прибавленіяхъ. Простыя замѣчанія къ статьямъ о Покровской, Ситской волости и о Ситскомъ Станиловскомъ уѣздѣ заключаютъ превосходныя изслѣдованія въ общерусскомъ значеніи. Утвердивъ на прочныхъ основаніяхъ полезное изданіе, Надеждинъ продолжалъ слѣдить за переработкой матеріаловъ для систематическаго изложенія. Эти матеріалы распадались на памятники языка и очерки быта, обычаевъ и понятій народа.—Кромѣ того, Надеждинымъ же положено начало «Вѣстнику Русскаго Географическаго Общества», который сталъ издаваться съ 1848 года подъ именемъ «Географическихъ Извѣстій». Въ теченіе всего 1848 года Надеждинъ былъ самымъ дѣятельнымъ редакторомъ этого полезнаго изданія.

Усиленные труды снова расшатали непрочное здоровье Ник. Ив. Онъ ѣдетъ на отдыхъ въ Крымъ, гдѣ проводитъ два года (1851 и 52 гг.). Здѣсь онъ пользовался сакскими грязями, — что значительно облегчало его ревматическія боли и давало возможность иногда класть въ сторону свою клюку, — и купался въ морѣ. Въ Крыму Надеждинъ купилъ небольшое имѣніе и думалъ, выслуживши пенсію, провести въ немъ остатокъ дней своихъ. Но, къ сожалѣнію, этого ему не удалось дожидаться. И на отдыхѣ въ Крыму Ник. Ив. не прерывалъ своихъ ученыхъ занятій, направленныхъ на совершенно новый предметъ—на исторію Церкви. Въ письмѣ изъ Крыма къ Бартеневу ¹⁾ Надеждинъ, между прочимъ, пишетъ:

«... Я уже не тотъ пылкій, страстный, опрометчивый юноша, котораго вы въ дружеской ироніи называли «отцомъ отечества», которому говаривали не рѣдко: «Тяше, Наташа, ножку наколешь!»—Теперь укатали коня крутыя горы. Пржежня горячность остыла. Но за то взоръ сталъ свѣтлѣе, душа очищеннѣе и степеннѣе. Избитую бурями жизнь свою я посвятилъ исключительно одному—наукѣ, которой служу со всѣмъ благоговѣніемъ священно-

¹⁾ См. «Русскій Архивъ» 1864 г., стр. 1062.

служителя, со страхомъ Божиимъ и вѣрою... Главное направленіе моей умственной дѣятельности всегда было философско-историческое. Теперь оно сдѣлалось религіозно-историческимъ. Я занимаюсь теперь изученіемъ судьбъ христіанства, преимущественно въ святомъ видѣ Восточнаго Православія, т. е. Исторіей Православной Восточной Церкви... Чтобы не повторять съ чужого голоса, чтобы достать истину изъ самыхъ источниковъ, я нарочно совершилъ послѣднее мое путешествіе (1841—42 г.г.), въ которомъ обозрѣлъ Восточную Германію, Италію, а главное Южно-Славянскія страны, — гдѣ нашелъ столько новаго, любопытнаго и важнаго въ отношеніи къ моему предмету, что могу смѣло сказать о себѣ: «живу не даромъ»... Выидеть нѣчто цѣлое: «Исторія Восточнаго Христіанства у Славянъ». Теперь я привожу въ порядокъ собранные матеріалы и даже готовлю къ изданію».

Кромѣ того, здѣсь же въ Крыму Надеждинъ готовилъ къ изданію драгоценныя греческія акты патріаршества константинопольскаго, относящіяся къ русской и другимъ славянскимъ церквамъ, извлеченныя изъ вѣнской бібліотеки¹⁾. Ни то, ни другое изданіе, къ сожалѣнію, не увидѣло свѣта. Вѣроятно, Надеждинъ не кончилъ этой работы, имѣя обыкновеніе приниматься за многое и въ грандіозныхъ размѣрахъ, не доводя при этомъ дѣло до возжелѣннаго конца. Чтобы выполнить добросовѣстно такую задачу, какъ «Исторія Восточнаго Христіанства у Славянъ», нужно быть, конечно, специалистомъ по Исторіи Церкви. Надеждинъ же имъ не былъ; не мудрено поэтому, что его замыслы не осуществились и не увидѣли свѣта.

Возвратившись изъ Крыма почти безъ всякаго улучшенія для своего здоровья, Надеждинъ снова энергично принялся за свои усиленныя занятія по редакціи «Вѣстника» и за дѣятельность въ качествѣ члена Общества. Въ собраніяхъ этого Общества онъ часто читалъ свои статьи, изъ которыхъ статья: «О русскихъ народныхъ мѣтахъ и сагахъ», читанная въ присутствіи 105 членовъ и великихъ князей, произвела блистательное впечатлѣніе на слушателей своими занимательными подробностями, сравненіями и глубокими выводами. Послѣ чтенія великіе князья лично высказали автору свое мнѣніе о высокихъ достоинствахъ статьи. Члены Общества были удивлены и отъ души поздравляли своего собрата. Надеждинъ предлагалъ написать географію такъ, какъ понималъ ее самъ народъ и затронулъ этотъ вопросъ въ статьѣ: «О русскихъ народныхъ преданіяхъ». Онъ самъ принималъ личное участіе въ этнографической разработкѣ древнихъ русскихъ лѣтописей, — при чемъ предварительная переборка матеріала была окончена еще къ лѣту 1853 года. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ не былъ оконченъ. Мыслью Надеждина было также издать географію Риттера порусски, не въ простомъ переводѣ, а съ дополненіями и поправками по русскимъ источникамъ. Такимъ образомъ, мы видимъ какой кипучей дѣятельности была полна жизнь Ник. Ив.

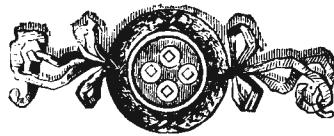
¹⁾ Обзоръ русской духовной литературы, изд. 3-е, стр. 482

Въ жаркіе лѣтніе дни Надеждинъ продолжалъ попрежнему сидѣть надъ грудями бумагъ и книгъ. Однажды, въ августѣ 1853 г. онъ отправился въ Гатчину къ знакомымъ, подышать чистымъ воздухомъ. Онъ былъ веселъ, шутилъ, острилъ, гулялъ по лѣсу, много рассказывалъ—и вдругъ его ударилъ параличъ. Его подняли и привезли на дачу. Лѣвая сторона, ротъ и лѣвый глазъ покривились, языкъ бормоталъ невнятно. Петербургскіе доктора нѣсколько помогли Надеждину, они совѣтовали ему отправиться на минеральныя воды и запретили всякую умственную работу. Такъ прошелъ 1853 годъ. Слѣдующій годъ принесъ новый упадокъ силъ. Надеждинъ видимо былъ уже неизцѣлимъ; въ немъ нельзя уже было вызвать простого вниманія къ чему бы то ни было на продолжительный срокъ. Въ ночь на 11-е января 1856 года послѣдовало новое параличное пораженіе лѣвой стороны съ отнятіемъ языка—и утромъ 11-го числа Надеждина не стало.

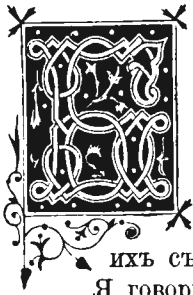
Кончину его почтили некрологами, въ которыхъ говорили, что въ Надеждинѣ потеряли превосходнаго профессора, замѣчательнаго ученаго, оригинальнаго журналиста — критика и занимательнаго собесѣдника. Говорилось, что его труды могли бы доставить извѣстность нѣсколькимъ ученымъ, что его этнографическія программы разошлись по всей Россіи, возбудивши живой интересъ къ изученію народнаго быта; говорили, что по своей многосторонней образованности онъ былъ интереснымъ собесѣдникомъ и для богослова, и для историка, и для археолога, и для философа, и для журналиста. Надеждинъ былъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. На могилѣ его было произнесено слово на текстъ: «Духа не угашайте!».

С. Трубачевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТАМБОВСКІЕ ПЕРЕЛЕТЫ.

ЕЗПЕРЕРЫВНЫЯ голодовки, моры, скотскіе падежи, пожары, крайняя сомнительность личной и имущественной безопасности и инья факты государственно-общественной неурядицы, вмѣстѣ съ былыми боевыми опасностями мѣстной украинской жизни, служили плохимъ удержемъ для тамбовскихъ осадчихъ людей и часто неволею гнали ихъ съ мѣста на мѣсто въ бѣга.

Я говорю о XVII вѣкѣ и началѣ XVIII-го. Масса мѣстныхъ челобитныхъ, случайно уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней, свидѣтельствуєтъ, что отжившіе тамбовцы вдосталь испробовали всякаго житейскаго лиха. «Разорены мы безъ остатку и оскудали,— писали они кому слѣдуетъ,— и помираемъ голодною смертію и стали увѣчны и нѣтъ намъ житья отъ всякихъ богопротивныхъ и непорядочныхъ поступковъ... и окружила насъ тѣснота великая и стало намъ не въ мочь...»

Въ этихъ немногихъ словахъ гораздо меньше обычнаго приказнаго и канцелярскаго краснорѣчія, чѣмъ жизненной правды. Дѣйствительно, нашимъ аборигенамъ жить было натужно. И вотъ почему они въ одиночку и массами срывались съ своихъ насиженныхъ мѣсть и шли врознь въ поискахъ за счастьемъ, которое имъ упорно не давалось. за малыми исключеніями.

Многіе наши перелеты бросали семьи и одиночками шли въ лѣса спасаться. Таковъ былъ, на примѣръ, нѣкто Иванъ Евсеевъ Моховъ, кадомскій крѣпостной крестьянинъ. Ему было уже за сорокъ лѣтъ, когда онъ вздумалъ покинуть барина. Крадучись, онъ добрелъ до Саровскихъ лѣсовъ и случайно встрѣтилъ тамъ старца Авраамія, давно уже жившаго въ совершенномъ уединеніи.

Новые знакомцы сразу сошлись и стали жить вмѣстѣ въ одной глубокой землянкѣ, почти не слыша голоса и не видя лица человѣческаго... Такъ прожили они ровно тридцать лѣтъ, питаясь разнымъ лѣснымъ снадобьемъ и тщателью избѣгая всякихъ встрѣчъ съ людьми. Въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ старецъ Авраамій на нѣсколько часовъ уходилъ въ городъ Муромъ, продавалъ тамъ самодѣльные деревянные ложки, закупалъ сухари и спѣшно возвращался въ свою излюбленную трущобу. Здѣсь для нашихъ счастливыхъ отшельниковъ надолго начинался мирный и обезпеченный житейскій обиходъ. Въ землянкѣ было уютно и тепло. Кругомъ шумѣлъ зеленый лѣсъ. Въ складахъ нашихъ перелетовъ вдосталь было и сухарей, и ягодъ, и грибовъ и замороженной зелени—рѣпы и капусты... Но вотъ пришелъ смертный часъ для старца Авраамія. Въ молчаливомъ и дикомъ лѣсу остался одинъ Моховъ. По завѣщанію своего сожителя, онъ собирался было покинуть свою землянку и идти на житье въ Вышенскую пустынь, но въ это время его накрыли и, какъ бродягу, отослали въ Кадомскую канцелярію ¹⁾.

Другіе наши неудачники снимались съ родныхъ мѣстъ цѣлыми семьями, но на дальнемъ, невѣрномъ и, такъ сказать, травленномъ пути эти семьи постепенно распадались. Кто изъ семейныхъ попадалъ въ тюрьму, кто въ кабалу, кто пропадалъ безъ вѣсти, погибая отъ лѣсного звѣря и недобраго человѣка.

Для примѣра указываю на семью Шацкихъ крестьянъ Петровыхъ, принадлежавшихъ въ началѣ прошлаго вѣка выкресту Бахтиозину. Раннимъ утромъ, въ началѣ весны, многочисленная семья, купленная за пять рублей, старые и малые, помолились на убогую деревенскую церковь, такъ какъ по бѣдности въ избѣ своихъ образовъ не было, и, крадучись, пошли въ ближайшій лѣсъ. Случайно Петровы набрели на село Нарышкино и остановились ночевать у крестьянина Владиміра Горбача. На утро дочь Петрова Ирина тяжело разболѣлась и пролежала въ сараѣ до вечера. Вставши съ большимъ трудомъ, она поплелась въ избу къ отцу, къ матери и къ братьямъ и сестрамъ, но тѣхъ уже и слѣдъ простылъ, кромѣ матери, которая не хотѣла покинуть больного дѣтища. Два года прожила Ирина у Горбача, оставленная и позабытая. Затѣмъ, не желая стѣснять добраго своего хозяина, и сама тронулась въ путь—дорогу, куда глаза глядятъ. Пришла она въ Нижнеломовскій уѣздъ въ деревню Засѣину къ крестьянину Пимену Осипову и пробыла у него недѣлю. Въ это время мать ея умерла, а Ирину рѣшился взять къ себѣ проѣзжій Шацкій крестьянинъ Захаръ Мещериновъ, который по дорогѣ, въ селѣ Рязановкѣ, и обвѣнчался съ нею ²⁾.

¹⁾ Дѣла Тамб. уч. арх. ком. № 1335.

²⁾ Дѣла Тамб. уч. арх. ком. № 1476.

Побѣги нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го столѣтія вызываемы были, между прочимъ, дикою нравственною разнузданностію разныхъ иностранныхъ проходивцевъ, водворявшихся въ помѣщичьихъ вотчинахъ въ качествѣ полномочныхъ управляющихъ. Эти отщепенцы-пришлецы появлялись у насъ съ яримъ эгоизмомъ и съ глубокимъ презрѣніемъ ко всему русскому и потому оказались не цивилизаторами нашего края, а злостными его эксплуататорами. Таковъ былъ нѣкто Винклеръ, молодой бѣжавшій изъ отечества нѣмецъ. Обладая красивою наружностію, онъ сталъ довѣреннымъ лицомъ у Шацкой помѣщицы Дубасовой и правилъ ея вотчиною полновластно и жестоко. Вотъ одинъ изъ образчиковъ его вотчиннаго самодурства.

Однажды одинъ дворовый чѣмъ-то не угодилъ Винклеру. Тогда онъ приказалъ сѣчь двороваго ѣзжалыми кнутьями и потомъ посадилъ его въ стулъ въ чепъ и билъ изъ своихъ рукъ толстою палкою... На другой день утромъ наказанный найденъ былъ около господской усадьбы, въ кустахъ, мертвымъ, съ чепью и со стуломъ. Крестьяне Дубасовой вздумали было заявить объ этомъ случаѣ Керенской воеводской канцеляріи, но Винклеръ выслалъ ихъ всѣхъ до одного на барщину, а самъ съ вѣрными дворовыми прихлебателями отправился къ мертвому тѣлу и стащилъ его въ ближайшее болото, гдѣ и затопталъ въ тинѣ... Однако, дѣло открылось. Изъ Керенска прибылъ въ деревню Дубасовой слѣдователь Буслаевъ, вырылъ замученнаго покойника изъ болота и вотъ что сообщилъ по начальству: «тѣло мною осмотрѣно, на ономъ голова проломлена, половина уха отшибена, спина и оба бока, брюхо и бедра, значуть кнотовые боевые знаки». Винклера арестовали и посадили въ острогъ. Тогда его барыня подала жалобу на своихъ крестьянъ, обвиняя ихъ въ неповиновеніи, и на керенскія власти, будто онѣ вымогали съ нея взятки. И дѣйствительно, упрямая барыня добила своего: крестьянъ ея усмирили... а съ керенскими властями она помирилась. Что сдѣлалось съ ея возлюбленнымъ нѣмцемъ—намъ неизвѣстно ¹⁾.

Надобно замѣтить, что тѣ общественныя бѣдствія: пожары, моры, голодовки и скотскіе падежи, на которыя я указалъ въ началѣ своей статьи, въ былые годы, вслѣдствіе глубокаго невѣжества народонаселенія и крайней общественно-правительственной безурядицы, случались у насъ слишкомъ часто, гораздо чаще, чѣмъ теперь. Правительство принимало противъ нихъ посильныя и суровыя мѣры. За неисполненіе разныхъ предписаній, клонившихся къ поддержанію общественной безопасности, мѣстные воеводы, по царскимъ указамъ, грозили сельскимъ властямъ и обывателямъ смертною казнію. Но зло не унималось.

¹⁾ Дѣла Тамб. уч. арх. ком. № 1475.

Особенною гигиеническою небрежностью отличались у насъ уѣзды: Шацкій и Кадомскій. Всѣ тамошнія палыя лошади во время падежей въ землю не зарывались, а лежали на поляхъ, во дворахъ и на улицахъ, и пухли на солнечномъ припекаѣ. Зараженные группы привлекали массу мухъ и голодныхъ собакъ и, такимъ образомъ, зараза развивалась неудержимо, поражая и людей. Тогда зараженныхъ людей забирали въ особливья пустыя мѣста, и если они умирали, то рекомендовали хоронить ихъ посредствомъ шестовъ, безъ обмыванья и безъ переодѣванья. Но и это предписаніе рѣдко исполнялось. Карантинъ тоже слабо поддерживался. Между прочимъ, тамбовскимъ обывателямъ во время заразы вмѣнялось въ обязанность беречься мухъ и оводовъ, голову и шею держать закрытыми, а руки имѣть въ рукавицахъ и постоянно обмахиваться...

Больныхъ же животныхъ велѣно было веревками отводить въ стороны и зарывать живьемъ. Но и эта мѣра не исполнялась, хотя за неисполненіе ея грозили смертію. Всѣхъ собакъ велѣно было перебить или перестрѣлять. Однако, по селамъ и полямъ онѣ ходили цѣлыми одичалыми стаями ¹⁾.

Въ XVII столѣтіи у насъ очень плохо жилось не однимъ тяглецамъ, но и служилымъ людямъ. Такъ, козловскіе служилые люди въ 1637 году жаловались правительству въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «дворами, государь, мы еще не уселились и внутри города избъ ни у какихъ людей нѣтъ. И всѣ мы, стрѣльцы и казаки и солдаты и иные, съ голоду, наготы, босоты и съ степного мыту въ конецъ погибли, а запасовъ купить нечѣмъ да и не добыть: мѣсто новое, привозу ни откуда нѣтъ; и живемъ мы въ непокрытыхъ башняхъ, и служба у насъ великая... А татарове большого ногаю всѣ въ сборѣ и хотятъ идти на русскія украины не малыми людьми въ яровую жнитву, а вождь у нихъ станичный ѣздокъ Сережка Бизгинъ...» ²⁾.

Тяжесть положенія нашихъ служилыхъ людей увеличивалась отъ обычнаго суроваго обращенія съ ними. Я уже не говорю о низшихъ чинахъ. Сами воеводы и ихъ подручные приказные люди нерѣдко подвергались самымъ унижительнымъ репрессаліямъ. Напримѣръ. Въ началѣ прошлаго вѣка въ Керенскѣ довольно медленно производился сборъ рекрутъ. Тогда Шацкій воевода послалъ въ Керенскъ солдата Бовина и велѣлъ держать керенскаго воеводу въ канцеляріи безъ выпуска, а остальныхъ приказныхъ, кромѣ того, сковать. Другихъ служилыхъ людей били палками ³⁾. Послѣ этого неудивительно, что въ числѣ нашихъ утеклецовъ

¹⁾ Дѣла Тамб. уч. арх. ком. № 1912.

²⁾ Журн. Тамб. уч. арх. ком. № 46. Козловскіе документы. Прим. Челобитые козловцевъ было уважено: имъ дано 500 рублевъ.

³⁾ Дѣла Тамб. уч. арх. ком. № 7144.

бывали не одни голутвенные люди, а и приказные не малыхъ ранговъ... Ихъ, разумѣется, съ особенною тщательностію розыскивали, ловили и позорили, а они все не унимались и продолжали свое. Тѣснота была великая, а кажется было у насъ просторно.

Къ числу причинъ вышеуказанной противо-общественной подвижности мѣстнаго народонаселенія нельзя не отнести и тѣхъ извѣстныхъ обстоятельствъ, что наши аборигены, большею частію, были люди пришлые и сбродные, уже привыкшіе къ бродяжеству, и что они, въ огромномъ большинствѣ, далеко не были тѣми крѣпковѣрными людьми, какими у насъ ошибочно представляютъ иногда нашихъ темныхъ предковъ XVII вѣка.

Правда, въ нашемъ краѣ еще въ XVII вѣкѣ было не мало храмовъ и монастырей, конечно убогихъ, но въ эти святилища стремились и ими вдохновлялись немногіе, именно тѣ свѣтлыя и праведныя личности духовнаго и свѣтскаго чина, которыми поистинѣ красилась наша древняя Русь. Масса же коснѣла въ глубокомъ невѣжествѣ и нравственной распущенности, о которыхъ въ наши сравнительно благодатныя времена странно и думать. Въ XVII вѣкѣ у насъ очень часто происходили такіе факты. Священники не только дрались въ алтарѣ, но и грызлись зубами. Игумены били на смерть крѣпостныхъ монастырскихъ крестьянъ. Воеводы и иные волостели въ конецъ разоряли подчиненныхъ и, вообще, правили ими безъ всякаго удержа. Помѣщики и крестьяне открыто разбойничали. Пребезмѣрное и смертное пьянство, а равно и всякія похабства, были въ полномъ ходу у всѣхъ сословій...

При Петрѣ Великомъ побѣги нашихъ обывателей, кажется, увеличились и было отъ чего. Многіе наши обыватели Петровской эпохи, напримѣръ, крестьяне Захаровъ и Ивановъ, всецѣло посвятили себя особой промышленности—укрывательству бѣглыхъ...¹⁾

Царь Петръ имѣлъ къ нашему краю довольно близкое личное отношеніе. Онъ по долгу проживалъ у насъ въ городѣ Липецкѣ. Тамъ онъ открылъ извѣстные минеральные источники, написалъ по поводу ихъ тоже извѣстный медицинскій циркуляръ ко всѣмъ своимъ подданнымъ, основалъ желѣзодѣлательный заводъ и выстроилъ для себя дворецъ.

Липецкій Петровскій дворецъ существовалъ до 1807 года. Съ 1804 года, т. е. со вторичнаго открытія липецкихъ минеральныхъ водъ, въ немъ останавливались пріѣзжіе на воды. Это былъ небольшой домикъ на каменномъ фундаментѣ, выстроенный изъ толстаго сосноваго лѣса, съ банею, погребомъ и всѣми службами. Крыши Петровскаго дворца сначала сдѣланы были изъ лубьевъ и драни, а въ 1804 году, по повелѣнію Александра I-го, пере-

¹⁾ Дѣла Тамб. уч. арх. ком. № 1905.

крыты были тесомъ, при чемъ весь домъ выкрасили красною краскою. Въ домѣ было три покоя и три голландскихъ печи. Покои вымазаны были глиною и шерстью и выбѣлены. Вся усадьба огорожена была сосновою рѣпоткою мелкой работы, съ воротами и калитками. Къ окнамъ придѣланы были дубовыя ставни.

Въ видахъ охраненія Петровскаго дворца, мѣстное начальство ходатайствовало въ 1804 году о постройкѣ надъ нимъ каменнаго шатра. Къ сожалѣнiю, это ходатайство не было уважено и въ 1807 году лицейскій домъ Петра Великаго сгорѣлъ ¹⁾...

Близость Петра къ нашему краю, конечно, не умалила нашего государственнаго тягла. Можетъ быть—напротивъ.

Петръ Великій самъ былъ неутомимымъ и непримѣрнымъ труженникомъ и того же требовалъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Геніальный царь-работникъ всю свою жизнь не зналъ покоя и не давалъ его никому во всемъ своемъ царствѣ, призывая къ неустанному труду всѣхъ отъ мала до велика. Такого напряженія всѣхъ общественно-государственныхъ силъ, какое было при Петрѣ, у насъ и не бывало... Трудолюбивый царь не исключалъ изъ все-народной работы никого. Всѣ русскія области тянули всероссійское тягло за едино, безъ всякой понаровки. Безсмѣнными тяглецами были и наши украинные тамбовцы.

Представляю на это документальныя доказательства.

Въ 1714 году весь тамбовскій край взволнованъ былъ грознымъ царскимъ указомъ на имя кадомскаго коменданта Григорія Кошкарора. Всѣ тамбовскіе недоросли, начиная отъ 10 лѣтъ, на спѣхъ призывались въ Тамбовъ для опредѣленія въ школы и на службу. Всѣмъ нѣтчикамъ было объявлено, что ихъ имѣнія будутъ отписаны на царское имя, а ихъ самихъ все-таки возьмутъ безъ мотчанія къ смотру и разбору... Царская гроза встала надъ самимъ воеводою. Ему обѣщаны были за неисполнительность штрафы и жестокое истязаніе неотмѣнно.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ новый указъ. Стали требовать въ Петербургъ всѣхъ тамбовскихъ дворянъ, до 30-лѣтняго возраста, для явки и записки въ сенатъ. Въ этомъ послѣднемъ указѣ сказано было: «а кто не явится, и кто на такого извѣститъ, и оному всѣ пожитки и деревни перваго отданы будутъ, какого бь оный низкаго чина ни былъ, или хотя слуга оваго...»

Послѣ того встрепенулся весь нашъ дворянскій людъ. Отцы и матери торопливо, съ плачемъ и причитаньями, начали снаряжать малолѣтковъ, подростковъ и женатыхъ сыновей въ дальній путь... Но не всѣ послушались указовъ. Многіе оказались въ бѣгахъ и за ними устроены были погони и облавы.

Не легче дворянства было у насъ и другимъ сословіямъ. Въ

¹⁾ Арх. Тамб. губ. правл. № 933.

томъ же 1714 году въ нашемъ краѣ собирали кузнецовъ, ямщиковъ, плотниковъ, пильщиковъ и посадскихъ людей, по 16 человекъ съ сотни, съ цѣлю отправки ихъ въ Петербургъ и его окрестности на вѣчное житіе. При этомъ велѣно было отбирать на поселеніе людей лучшихъ, добрыхъ и пожиточныхъ, семьянистыхъ и лошадныхъ. Тѣ мѣстныя рабочія силы, которыя оставались дома, обложены были податю въ пользу переселенцевъ по 60 рублевъ на выть. Всѣ тамбовскіе переселенцы собраны были наскоро и всѣмъ имъ, по прибытіи на мѣсто, вмѣнено было въ непремѣнную обязанность немедленно обстроиться. Плачь поднялся по всей тамбовской землѣ. Прощались съ извѣстными насиженными мѣстами и отцовскими могилами и нехотя шли въ завѣдомо чужія, болотныя и безпріютныя страны. А между тѣмъ чужедальніе переселенцы постепенно наполняли и наши оставленные пустыри. Изъ Казанскаго края шли къ намъ, на Цну, Вадъ и Мокшу, въ наши лѣсныя дебри, плотники и пильщики для заготовленія корабельныхъ лѣсовъ и досокъ. Всѣмъ имъ велѣно было наспѣхъ приготовить постоянные дворы, подводы и провіантъ.

Дошла, наконецъ, очередь и до нашихъ инородцевъ. Всѣхъ тамбовскихъ татарскихъ князей и мурзъ, до одного человека, выслали въ Тамбовъ къ разбору. При этомъ никакихъ отговорокъ не принимали и не разбирали ни старыхъ, ни малыхъ, ни больныхъ и увѣчныхъ. Инородческіе транспорты шли въ нашъ провинціальный городъ съ особенною поспѣшностію, потому что всѣмъ воеводамъ, за ихъ поноровки, дано было такое внушеніе: «а буде (татары) вскорѣ высланы не будутъ, или и высланы будутъ, да не всѣ сполна, и за то имѣніе твое, воеводы, отписано и взято будетъ на великаго государя безповоротно».

Не миновалъ грозный царскій указъ и подъяческаго сословія. Въ 1716 году въ Тамбовъ начали свозить со всѣхъ нашихъ уѣздовъ подъяческихъ дѣтей отъ 10 до 15-тилѣтняго возраста, для ученія цифири...

И какъ ни страшно было уклоняться отъ исполненія царскихъ повелѣній, грозившихъ ослушникамъ жестокими истязаніями и вѣчнымъ разореніемъ, все же въ нашемъ краѣ обнаружилась масса нѣтчиковъ и бѣглецовъ всякихъ возрастовъ. Тѣхъ и другихъ ловили и скованныхъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, привозили въ воеводскія канцеляріи, а ихъ имѣнія отбирали въ казну. Если же инымъ нѣтчикамъ удавалось спрятаться, то брали подъ арестъ ихъ отцевъ и матерей, женъ, дѣтей и родственниковъ, и держали ихъ въ самомъ суровомъ заключеніи. При этой операціи особенно отличился сыскными способностями маіоръ Андрей Ушаковъ, сдѣлавшійся впоследствии извѣстнымъ на всю Россію сотрудникомъ Бирона...

Суровый Петровскій режимъ такъ усилился, что въ бѣгахъ стали объявляться даже и такія сравнительно привилегированныя лица, какъ денежный мастеръ Яковъ Карась, дьякъ Чашниковъ и французъ-лекаръ Фридрихъ. Всѣмъ государственной тяготы досталось вволю.

Если мы ко всему тому, о чемъ сказали выше, добавимъ извѣстныя отжившія фискальныя, крѣпостныя и бюрократическія условія нашего быта, то получится самая неприглядная общественная картина. Дикость мѣстныхъ нравовъ доходила до того, что разныя сельскія общины, не сдерживаемыя твердою администраціею и неумиротворяемыя нелицепріятнымъ судомъ, часто, изъ-за разнообразныхъ споровъ и порубежныхъ недоумѣній, схватывались въ открытыхъ бояхъ, результатомъ которыхъ были убитые и увѣчные... И что особенно замѣчательно, виновники нашихъ кровавыхъ схватокъ часто оставались совершенно безнаказанными. Оныя драки и убійства, говорится въ нашихъ документахъ, хотя и явились, токмо винныхъ въ томъ признать никакъ невозможно... могло произойти, что и отъ своихъ биты, понеже какъ люди суть простонародные и опознать не могутъ: своего ли бьютъ или посторонняго...

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ нашихъ неурядицъ была общая бѣдность, затруднявшая сборъ податей. Елатомскіе обыватели, отписываль въ 1728 году елатомскій воевода, столь обнищали, что подушныхъ денегъ взять нечего...

Мѣстная правительственная безпомощность дошла въ то же время до того, что воеводы стали обращаться къ общественной защитѣ. Если какой алярмъ случится, писалъ Шацкій воевода Карташевъ, то обывателямъ быть во оружіи, какое у кого имѣется, и въ томъ подписаться... Къ несчастію, самый подборъ мѣстныхъ администраторовъ въ описываемое время былъ крайне неудаченъ. Многіе изъ нихъ, кромѣ правительственной неумѣлости, отличались еще тѣмъ, что имѣли самое смутное представленіе о границахъ казенной, обывательской и личной собственности. Ихъ за это сковывали и отправляли въ Петербургъ для опредѣленія въ каторжную работу, но зло не унималось. Разныя воеводскія непорядочныя отправленія и великія обиды становились все рѣзче и невоздержнѣе. Безправный захватъ чужихъ земельныхъ владѣній сталъ обычнымъ и почти безнаказаннымъ явленіемъ. Личная безопасность каждаго обывателя подвергалась сильному сомнѣнію со всѣхъ сторонъ... Безъ всякаго наказанія пропускались грабежи и убійства, но за то жестоко придирались къ такимъ мелочамъ, какъ ношеніе посадскими людьми русскаго платья. Цифирные учителя и ученики многіе годы оставались безъ жалованья. Нѣкоторые зажиточные помѣщики открыто занимались воровствомъ и разбоями. При этомъ они

выдавались совершеннымъ невѣжествомъ, такъ что въ 1729 году во всемъ Кадомскомъ уѣздѣ изъ мѣстныхъ дворянъ къ званію офицерскому выбрать было некого, понеже достойныхъ дворянъ не имѣлось... Общая неурядица увеличилась вслѣдствіе отсутствія мѣстной охраны, такъ какъ почти всѣ немногочисленные тамбовскіе солдаты были престарѣлые и дряхлые и они же были у начальства на послугахъ и содержали правительственную почту, при чемъ во всѣ посылки ходили пѣши и за дальностію мѣсть возвращались долговременно...

Я изобразилъ Петровскую эпоху въ ея отношеніи къ тамбовскому краю отрывочно и кратко. Всѣхъ интересующихся названнымъ періодомъ нашей исторіи я отсылаю къ весьма подробнымъ и интереснымъ документамъ, сообщеннымъ тамбовской архивной комиссіи дѣятельнѣйшимъ ея членомъ почтеннымъ П. И. Пискаревымъ,—въ «Извѣстіяхъ тамб. уч. арх. комиссіи».

При такихъ условіяхъ мѣстное перелетство, конечно, только усилилось. Не смотря на чрезвычайную правительственную энергію, наши лѣса, большія и проселочныя дороги были наполнены разбойниками. Мѣстные воеводы не знали что и дѣлать съ многочисленными нѣтчиками, которыхъ только съ величайшимъ трудомъ можно было заманить на службу и въ школы.

Большинство же нашихъ перелетовъ Петровской эпохи уходило въ скиты, порывая связи съ государствомъ и церковію и вдохновляясь словами Давида: «доколѣ, Господи, терпиши гонящимъ ны»...

Въ самомъ концѣ XVII вѣка наши перелеты основали даже недалеко отъ Тамбова свой городокъ и поселились тамъ подъ начальствомъ Кузьмы Косого. Надобно полагать, что и другіе наши тамбовскіе городищи и городки, которыхъ у насъ такъ много, особенно въ сѣверныхъ глухихъ лѣсныхъ уѣздахъ, появились не безъ участія мѣстныхъ перелетовъ...

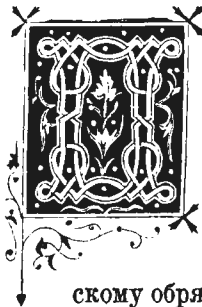
И. Дубасовъ.

ОРЕСТЬ ФЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ ¹⁾.

I.

РЕСТЬ Федоровичъ Миллеръ родился 4-го августа 1833 года, въ г. Гапсалѣ, и день его рожденія былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и днемъ смерти его матери. Черезъ два съ половиною года скончался и его отецъ, пріятель К. Ф. Рылѣва, оставшійся, впрочемъ, непосвященнымъ въ тайны декабристовъ, а потому и избѣгшій ихъ печальной участи. По смерти отца, сынъ, крещеный по лютеранскому обряду и наименованный Оскаромъ-Фридрихомъ, остался съ тремя сестрами на попеченіи мачихи; недостатокъ средствъ не позволилъ ей сохранить ихъ въ своемъ домѣ: пришлось обратиться къ помощи добрыхъ людей. Дѣвочки попали въ нѣмецкія семьи и остались въ Остзейскомъ краѣ, а маленькій Оскаръ-Фридрихъ былъ взятъ въ С.-Петербургъ роднымъ его дядей, Иваномъ Петровичемъ Миллеромъ, очень образованнымъ артиллерійскимъ офицеромъ и, хотя нѣмцемъ по происхожденію и лютераниномъ по религіи, но въ душѣ совершенно русскимъ. «За такого лютеранина я бы десятокъ православныхъ отдалъ», говаривалъ про него, очень любившій его, нынѣшній митрополитъ кievскій, Платонъ.

Жена Ивана Петровича, Екатерина Николаевна, урожденная Чирикова, только-что сгоротившая своего единственнаго восьмидневнаго ребенка, полюбила пріемыша-племянника, какъ родного сына и, въ полномъ смыслѣ слова, замѣнила ему настоящую мать. При недостаткѣ настоящаго образованія, Екатерина Николаевна отличалась, однако, не дюжиннымъ природнымъ умомъ и тонкимъ чутьемъ правды. Такимъ образомъ, маленькій Миллеръ попалъ въ

¹⁾ Очеркъ составленъ на основанія всѣхъ напечатанныхъ статей и трудовъ покойнаго профессора, а также неваданныхъ дневника и «воспоминаній» его.

очень счастливую обстановку, которая наложила рѣзкія черты на всея его характерѣ. Вскорѣ, по его прибытіи въ Петербургъ, его названные родители должны были переѣхать въ городъ Осташковъ, а оттуда въ Валдай, куда Иванъ Петровичъ получалъ назначенія. Эта кочевая жизнь съ ея постоянно новыми впечатлѣніями давала большую пищу уму и воображенію ребенка, запечатлѣвъ въ его памяти многіе картины и образы: «Помню, говоритъ онъ въ своихъ не напечатанныхъ «Воспоминаніяхъ и признаніяхъ...», Иверскій монастырь, среди Валдайскаго озера, куда возили меня къ мощамъ Якова Боровицкаго, помню съ тѣхъ уже поръ плащаницу на страстной недѣлѣ и пасхальное розговѣнье съ христосованьемъ... помню и бѣдную старушку Вассу Савишну, которая любила рассказывать мнѣ про святыхъ. Ко мнѣ, съ другой стороны, очень благоволили офицеры. Ихъ разговоры причудливо переплетались въ моемъ воображеніи съ рассказами Вассы Савишны, и отсюда, должно быть, произошла та картина, которая мысленно носилась передъ моими глазами: это взятіе Царь-града ратію будущихъ русскихъ крестоносцевъ, во главѣ которыхъ находился ни кто другой, какъ я самъ — святой Оскаръ Великій, какъ величалъ я себя въ ребяческомъ полетѣ своего разыгравшагося воображенія».

Когда ему минуло 8 лѣтъ, его дядя былъ назначенъ начальникомъ артиллерійской дивизіи въ Вильну. Вильна произвела большое впечатлѣніе на маленькаго Миллера и опять-таки преимущественно съ религіозной точки зрѣнія: не виданныя имъ до тѣхъ поръ католическія процессіи, ворота съ чудотворнымъ образомъ Остробрамской Божіей матери, передъ которымъ лежали на улицѣ, растянувшись крестомъ, набожные католички и католики, православный соборъ и монастырь св. Духа—вотъ тѣ картины, которыя наиболѣе поразили его и безъ того не по годамъ и односторонне развивавшееся воображеніе. Екатерина Николаевна считала долгомъ не только не ослаблять впечатлѣній своего «сына» отъ этихъ сторонъ Виленской жизни, но даже какъ бы поощряла охватывавшій его все болѣе религіозный энтузіазмъ. Съ этою цѣлью она начала знакомить его съ жизнеописаніями разныхъ святыхъ, изъ которыхъ житіе и страданіе мученика Евстафія особенно потрясло его нервную отъ природы натуру; нервы его также разстраивались отъ встрѣчъ съ разными, бродившими въ большомъ числѣ по Вильнѣ, нищими-уродами; это уродство въ связи съ нищетою ужасало его и возбуждало въ его головѣ совсѣмъ не дѣтскія мысли, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ проводилъ многіе бессонные часы. «Христость, рассуждалъ я», вспоминаетъ онъ то свое настроеніе, «пострадалъ, чтобы искупить человѣчскій родъ отъ внутреннихъ послѣдствій грѣхопаденія. Но внѣшнія послѣдствія его, болѣзни и бѣдствія, до сихъ поръ остаются не искупленными. Надо, пред-

ставлялось мнѣ, чтобы опять кто-нибудь одинъ принялъ на себя добровольно всѣ болѣзни и всѣ бѣдствія человѣчества. И вотъ, мнѣ страстно захотѣлось быть этимъ однимъ. Я сталъ молиться о томъ, чтобы меня постигли всевозможные недуги, всевозможные виды уродства и искалѣченья, чтобы я былъ всѣми заброшенъ, вслѣдствіе моей ужасающей отвратительности, чтобы при этомъ я былъ также вполнѣ лишенъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и жилъ въ такомъ состояніи долго, долго,—только цѣною моихъ немовѣрныхъ страданій куплено было прекращеніе всякихъ болѣзней и всякихъ бѣдствій на землѣ. Я не переставалъ молиться объ этомъ довольно долго и не повѣрялъ такого моего настроенія рѣшительно никому».

Нынѣшній митрополитъ Платонъ, тогда еще архимандритъ, а потомъ викарій въ Вильнѣ, часто бывалъ въ домѣ Миллеровъ, равно какъ и другое духовное лицо—архіепископъ Литовскій Іосифъ, главный виновникъ воссоединенія униатовъ съ православною церковью. Разказы и бесѣды этихъ дѣятелей православія въ Западномъ краѣ составляли истинное удовольствіе мальчику. Особенно привязался онъ къ Платону и подъ обаяніемъ этой привязанности развивалось у него желаніе пріобщиться той религіи, которую исповѣдовала обожаемая имъ «матушка» и этотъ добрый и ласковый преосвященный; но переходъ въ православіе тогда не состоялся, такъ какъ его родственники желали, чтобы этотъ актъ совершился вполнѣ сознательно, когда ребенокъ вырастетъ и будетъ въ состояніи дать себѣ серьезный отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ и почему такъ дѣлаетъ. Вся совокупность религіозныхъ впечатлѣній и образовъ этого ранняго періода, вся сумма накопившихся дѣтскихъ ощущеній изъ окружающей обстановки имѣли для всей жизни и дѣятельности Ореста Ѳедоровича великое значеніе; здѣсь онъ почерпнулъ ту воинствующую любовь и вѣру, готовность всегда принести себя въ жертву для другихъ и во имя торжества правды и истины. Здѣсь, въ этой армейской, простой солдатской средѣ запаса онъ тѣмъ добродушіемъ, умѣньемъ довольствоваться немногимъ, которыя не оставляли его до послѣднихъ дней его жизни; здѣсь же научился онъ, наблюдая заботы о себѣ окружающихъ, и умѣнью всегда быть на стражѣ интересовъ другихъ и бороться съ вспыльчивостью своего нрава. Тогда же впервые шевельнулся въ его душѣ и поэтический инстинктъ, который такъ замѣтенъ на всей его общественной, литературной и научной дѣятельности, носящій на себѣ явный отпечатокъ не холоднаго анализа, а обобщающаго синтеза.

Когда наступила пора подумать о серьезномъ ученіи, названные родители пригласили ему въ гувернеры одного изъ воспитанниковъ Виленской гимназіи, который первый и пробудилъ въ своемъ воспитанникѣ любовь къ писательству: онъ сталъ для развитія

ученика издавать съ нимъ иллюстрированныйъ рукописный журналъ, на который въ шутку подписались взрослые въ домѣ и преосвященный Платонъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ мальчикѣ развивалась и страсть къ чтенію, и по преимуществу такому, въ которомъ заключался трагическій элементъ. Тогда же мальчика начали учить музыкѣ и рисованію. Но вскорѣ уроки музыки были прекращены, такъ какъ они вредно дѣйствовали на его сердце. За то занятіе живописью подвигалось успѣшно и мальчикъ не дурно рисовалъ масляными красками.

Переѣхавъ въ Варшаву, Миллеры получили возможность пригласить племяннику для каждаго предмета отдѣльнаго преподавателя. Особенно ему нравились уроки учителя русскаго языка и словесности, Адама Григорьевича Плеве, родомъ жмудина, преподававшего въ то же время жившему въ Варшавѣ нашему незабвенному слависту, А. Ѡ. Гильфердингу.

Плеве, не чуждый славянофильскаго оттѣнка въ убѣжденіяхъ, знакомилъ Миллера съ славянскимъ міромъ, съ лекціями Шевырева и приходилъ въ негодованіе отъ его тогдѣшнихъ поэтическихъ произведеній, имѣвшихъ содержаніемъ эпизоды изъ иностранной исторіи. Наболѣе развивающее значеніе на умъ мальчика оказывалъ преподаватель нѣмецкаго языка, пробуждавшій въ немъ философскую пытливость и поклоненіе передъ корифеями нѣмецкой литературы, Шиллеромъ въ особенности. Чтеніе «Разбойниковъ» Шиллера, по сознанію Миллера, «произвело въ немъ цѣльный переворотъ»; подъ вліяніемъ Шиллеровской драмы вообще и сложился у него тогда планъ «Конрадина», трагедіи впослѣдствіи напечатанной въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и одобрительно встрѣченной тогдѣшней критикой, въ лицѣ покойнаго В. Я. Стоюнина на страницахъ «Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника». Много пользы вынесъ онъ и изъ уроковъ учителя французской словесности. Преподаватель закона Божія готовилъ его къ переходу въ православіе, которое и совершилось черезъ муромазаніе въ 1848 г., въ ризницѣ Варшавскаго православнаго собора, когда юношѣ минуло 15 лѣтъ.

Но вотъ грянула Венгерская война 1849 г., и Иванъ Петровичъ Миллеръ отправился въ походъ. Въ сраженіи подъ Дебречиномъ онъ получилъ сильную контузію съ переломомъ бедеръ. Для леченія его отъ послѣдствій контузіи семья вынуждена была ѣхать въ 1850 году за границу. По возвращеніи оттуда, Иванъ Петровичъ получилъ новое назначеніе въ Петербургъ, членомъ Совѣта Государственнаго Контроля. Это было очень кстати, такъ какъ племяннику давно была пора поступать въ высшее или какое-нибудь специальное заведеніе. Въ тѣ дни молодой Орестъ Ѡедоровичъ пылко мечталъ о военной службѣ:¹⁾ большая часть друзей его дѣтства

¹⁾ Онъ не страдалъ тогда сутуловатостью, которая обнаружилась у него

поступила, кто въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, кто въ Пажескій корпусъ. Послѣдовать примѣру товарищей во имя романтическихъ узъ дружбы считалъ онъ для себя священнымъ долгомъ; это стремленіе къ военной службѣ питалось еще тѣми мистическими порывами, о которыхъ было сказано выше. Но родственники высказались рѣшительно противъ этого, и, уступая ихъ желаніямъ, Орестъ Ѳедоровичъ рѣшился идти на пріемный экзамень въ университетъ. Въ августѣ 1851 г. онъ первымъ выдержалъ этотъ экзамень и поступилъ на историко-филологическій факультетъ. На первомъ курсѣ въ тотъ годъ, включая и Ореста Ѳедоровича, было всего шесть слушателей, въ томъ числѣ и тоже нынѣ покойный профессоръ В. В. Бауеръ.

Всѣ шесть товарищей однокурсниковъ жили очень дружно, часто сходились, читали вмѣстѣ русскихъ и иностранныхъ классиковъ, а также драматическія произведенія съ раздѣленіемъ ролей между участвующими въ чтеніи. «Мы не знали ни кутежа, ни какихъ-либо романтическихъ приключеній,—повѣствуетъ Орестъ Ѳедоровичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о томъ времени.—Насъ въ университетѣ занимала только наука, литература и искусство, понимаемая, пожалуй, слишкомъ отвлеченно, помимо непосредственной связи съ жизнью...» Между факультетскими профессорами его особымъ вниманіемъ и симпатіями пользовались профессоръ всеобщей исторіи М. С. Куторга и профессоръ русской словесности А. В. Никитенко. Послѣдній имѣлъ неотразимое вліяніе на своихъ слушателей: глубокой идеализмъ, которымъ была проникнута вся его общественная, научная и литературная дѣятельность, невольно переходилъ и къ его ученикамъ. Орестъ Ѳедоровичъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе горячихъ поклонниковъ Никитенки, найдя въ немъ человѣка по всему душевному и умственному складу себѣ очень родственнаго. Профессоръ платилъ ему также сердечнымъ расположеніемъ и поощрялъ литературныя наклонности и вкусы своего ученика, который любилъ еще съ юныхъ лѣтъ предаваться стихотворству. Такъ, въ 1852 году, въ № 120 «Сѣверной пчелы» Миллеръ напечаталъ стихотвореніе «На смерть Жуковскаго», въ которомъ можно уже усмотрѣть то направленіе, которое такъ рѣзко отбѣсило въ послѣдствіи всю его дѣятельность. Вотъ часть этого стихотворенія:

«И онъ угасъ, нашъ старецъ, духомъ юный,
 «Нашъ лебедь сладостный, нашъ голубъ чистой!
 «Замолкли дѣвственныя струны,
 «И кто коснется ихъ невѣрною рукой?
 «Кому теперь святыя пѣснопѣнья

послѣ несчастнаго паденія, вслѣдствіе котораго онъ повредилъ себѣ спинной хребетъ. Развившаяся близорукость тоже не мало содѣйствовала этой неправильности въ организмѣ.

«Съ душою чистою и пѣть, и допѣвать,
 «Иль навсегда подь холодомъ сомнѣнья
 «Святой поэзіи пришлось увядать?
 «Въ немъ теплился еще свѣтъ тихой предковъ вѣры,
 «Жаръ гаснуцій въ сердцахъ, онъ въ насъ еще питаль,
 «И людямъ—въ людяхъ выставляль
 «Высокихъ чувствъ забытые примѣры.
 «Какъ дѣва чистая, поэзія его
 «Средь вѣка буйнаго невинностью сіяла,
 «И мысль безплотную въ видѣнья облекало
 «Его небесное перо!
 «Съ нимъ геній красоты, какъ другъ былъ неизмѣнный,
 «Во всѣхъ его чертахъ глядѣлася душа,
 «И взоръ его—былъ неба взоръ блаженный,
 «Манявшій въ лучшія края!..»

.....

Стихотвореніе оканчивается мыслью, къ которой покойный профессоръ любилъ такъ часто обращаться въ своихъ лекціяхъ и публичныхъ рѣчахъ—о вліяніи гуманной поэзіи и нравственнаго облика Жуковского на императора Александра II и его реформы:

«Святымъ довѣріемъ къ нему руководимый,
 «Царь первенца ему съ надеждою вручалъ,
 «И памятникъ себѣ, во вѣкъ несокрушимый,
 «Въ душѣ Наслѣдника онъ самъ соорудилъ».

«Памятникъ» этотъ, толковалъ впоследствии Орестъ Федоровичъ свою мысль,—это 19 февраля, актъ величайшей человѣческой гуманности и справедливости, которая проникла въ сердце Наслѣдника подь благотворнымъ вліяніемъ своего воспитателя—«старца духомъ юнаго». Это 19 февраля и послужило тѣмъ звеномъ, которое въ его мысли соединило два образа, сдѣлавшихся для него одинаково дорогими: образъ поэта-воспитателя и освободителя-воспитанника.

Въ томъ же 1852 году Миллеръ наравнѣ съ своимъ товарищемъ по факультету, студентомъ 4 курса, Александромъ Пыпинымъ, удостоился полученія золотой медали за сочиненіе по русской литературѣ, а въ 1855 году онъ окончилъ курсъ и, по предложенію Никитенки, остался при университетѣ для приготовленія къ магистерскому званію. Ревностно готовясь къ предстоявшему экзамену и усиленно занятый писаніемъ диссертации, онъ, однако, не покидалъ литературныхъ занятій. Такъ, имъ была написана патриотическая драма въ стихахъ «Подвигъ матери», поставленная на сцену, но не имѣвшая особеннаго успѣха, и выше упомянутая трагедія «Конрадинъ».

Никитенко, самъ представившій въ 1837 г. на полученіе степени доктора философіи сочиненіе, имѣвшее содержаніемъ «О творящей силѣ въ поэзіи или о поэтическомъ геніи», любилъ, когда его ученики разрабатывали литературныя темы, носящія на себѣ философскій характеръ и неограниченныя особенно тѣсными рам-

ками узкой спеціальнойности. Поэтому и тема для магистерской диссертации Миллера «О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ» была поставлена черезчуръ широко и давала возможность критикѣ всегда найти слабыя стороны и поле для нападокъ. И дѣйствительно, книга Ореста Фодоровича вышла, по его собственному признанію, «въ ученоемъ смыслѣ слаба уже по самой обширности темы» и носила на себѣ характеръ «отвлеченно-нравственного и художественнаго космополитизма»; онъ вложилъ въ нее всѣ свои заветныя основныя убѣжденія, вынесенныя имъ изъ дѣтскихъ впечатлѣній, домашняго воспитанія и университетскаго образованія, убѣжденія, которымъ онъ остался вѣренъ до конца своей жизни и которыя, въ концѣ концовъ, высказанныя и понятыя правильно, заслужили ему доброе имя и широкую извѣстность. Сочиненіе «О нравственной стихіи въ поэзіи» имѣло своей задачей напомнить читателямъ, что только черезъ изученіе идеальнаго міра поэзіи человѣкъ можетъ познать, какимъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ; убѣдить, что нравственная стихія присуща поэзіи и истинному творчеству всѣхъ народовъ и вѣковъ и что нравственность есть тотъ масштабъ, которымъ измѣряется и оцѣнивается вся человѣческая дѣятельность. Но понятія о нравственности были высказаны не совсѣмъ точно и опредѣленно, были черезчуръ односторонне приложены къ фактамъ и давали поводъ къ недоразумѣніямъ; литературный матеріалъ былъ собранъ недостаточно полно и, наконецъ, и что главное, авторъ придалъ своему труду полемической характеръ съ современнымъ ему общественнымъ направленіемъ, изобличая его въ излишнемъ увлеченіи «естественными и реальными науками, благодаря чему современный человѣкъ видитъ во всемъ лишь одну матерію и ею ограничиваетъ свое собственное существо».

Хотя авторъ и былъ удостоенъ искомой научной степени магистра, однако вооружилъ противъ себя и своего направленія журналистику въ лицѣ Добролюбова и Котляревскаго. Добролюбовъ помѣстилъ въ «Современникѣ» рѣзкую статью противъ Миллера, написанную страстнымъ языкомъ и направленную по адресу молодого поколѣнія. Самъ глубокой идеалистъ, онъ принялъ идеализмъ Миллера, какъ проповѣдь «умѣренности и акуратности», назвалъ его понятія вредными и ложными, могущими довести человѣка «до преступнаго и унижительнаго положенія». Юноша, по словамъ Добролюбова, проникшись ученіемъ Миллера, «становится врагомъ всякаго свободнаго порыва, всякаго самостоятельнаго развитія, становится гасильщикомъ свѣтлыхъ идей». Котляревскій въ 5 кн. «Атеней» высказался не менѣе рѣзко. Критикъ объявилъ, что книга Миллера представляетъ собой «геркулесовы столпы спекулятивной нравственности», что «вся она въ совокупности ни что иное, какъ длинный обвинительный актъ, обстоятельная улика въ

безнравственности всей исторіи литературы народовъ древняго и новаго міра»; нравственность, проповѣдуемая Миллеромъ была отождествлена съ началомъ полицейскимъ, а самопожертвованіе, которое, по ученію Ореста Ѳедоровича, есть составной элементъ нравственнаго начала, было понято, какъ приниженіе личности. «Приниженіе личности,—какъ нравственная цѣль и назначеніе человѣка,—воскликнулъ критикъ,—какое жалкое требованіе, какая тупая, скажемъ болѣе, противонравственная мораль! Все основано на одной жертвѣ, на отреченіи отъ законныхъ человѣческихъ правъ въ пользу нравственной лѣни, въ защиту квіэтизма, въ поощреніе рутины и отжившаго обычая!»

Тогдашняя журналистика, только-что пережившая критическіе для себя года первой половины пятидесятихъ годовъ и получившая хоть небольшое право свободнаго обсужденія общественныхъ явленій, спѣшила во имя самыхъ идеальныхъ побужденій расквитаться съ старымъ режимомъ и вызвать общество изъ апатіи и спячки къ новой жизни, къ новымъ цѣлямъ. Вотъ почему, въ силу недоразумѣній, недоговоренности и ряда ошибокъ въ книгѣ Миллера, авторъ ея былъ заподозрѣнъ въ принадлежности къ тѣмъ, которые стояли за тѣмъ рубежомъ, за которымъ новое поколѣніе людей никого и нечего не желало знать, гдѣ всѣ были враги, гдѣ все говорило о старомъ, съ которымъ такъ страстно хотѣлось поскорѣе распрощаться. Миллеръ понималъ это и никогда въ своей жизни не осудилъ никого изъ напавшихъ на него въ то время: съ Котляревскимъ у нихъ впослѣдствіи установились самыя дружескія отношенія, а о Добролюбовѣ онъ отзывался въ своихъ лекціяхъ чрезвычайно тепло и доброжелательно.

Авторъ «нравственной стихіи» былъ ошеломленъ, подавленъ отношеніемъ къ его труду такихъ вліятельныхъ органовъ печати, какъ «Современникъ и «Атеней». Напрасно пытался онъ отвѣтить Котляревскому въ какомъ-нибудь журналѣ: двери редакцій остались передъ нимъ закрытыми и на него точно легла печать литературнаго отверженія. И не только отвѣтъ Котляревскому, но и никакая другая статья его въ теченіе трехъ лѣтъ не принималась ни одною редакціею: таково было подавляющее дѣйствіе приговора Добролюбова и Котляревскаго надъ бѣднымъ ученымъ-поэтомъ.

И только Ю. Ѳ. Самаринъ въ «Сельскомъ благоустройствѣ» косвенно заступился за Миллера, замѣтивъ въ примѣчаніи къ одной изъ статей о крестьянскомъ вопросѣ, что книга Миллера и нападки на нее суть любопытныя знаменія времени, что именно въ виду предстоящей крестьянской реформы и необходимо проявить то самопожертвованіе, которое проповѣдуетъ авторъ «о нравственной стихіи въ поэзіи».

Не легче было Миллеру и при встрѣчѣ съ представителями

тогдашняго литературнаго міра: отъ него многіе просто отворачивались. Онъ до того сталъ бояться своего имени, что, когда, по поводу 100-лѣтняго юбилея Шиллера ему пришлось прочитать пять публичныхъ лекцій въ залѣ 2-ой гимназіи, на входныхъ билетахъ было просто обозначено «лекціи о Шиллерѣ», безъ обозначенія фамиліи лектора. Публика, однако, встрѣтила молодого оратора благосклонно и онъ имѣлъ успѣхъ. Въ этихъ своихъ лекціяхъ, напечатанныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1860 г., онъ остался вѣрнѣе избранному направленію; но это направленіе, чѣмъ оно болѣе отражалось на сужденіяхъ автора о фактахъ современныхъ или недалекаго прошлаго, уже переставало казаться столь ретрограднымъ, а даже начало рисоваться многимъ, какъ заключающее въ себѣ нѣчто опасное. На это обратилъ вниманіе первый—цензоръ Касторскій, когда ему пришлось прочитать главу о былинахъ въ «Опытѣ историческаго обзорѣнія русской словесности».

Къ этому же времени относится и основаніе товарищемъ Ореста Ѳедоровича по университету, Н. Х. Весселемъ, вмѣстѣ съ Паульсономъ, педагогическаго журнала «Учитель», на страницахъ котораго получилъ, наконецъ, литературный отверженецъ возможность печатать свои статьи. Въ редакціи же «Учителя» познакомился онъ и съ «первымъ народнымъ педагогомъ», К. Д. Ушинскимъ, который сумѣлъ распознать въ Миллерѣ не «гасильщика свѣтлыхъ идей», а нѣчто обратное, соприкасаясь съ чѣмъ молодое поколѣніе можетъ лишь очищаться и набираться добра и любви.

По желанію Ушинскаго, назначеннаго инспекторомъ Смольнаго института, Миллеръ занялъ въ этомъ заведеніи мѣсто преподавателя русской словесности. Черезъ годъ его пригласили на такую же должность и въ Маріинскій институтъ. Слушательницы полюбили своего молодого краснорѣчиваго учителя и сохранили о немъ добрыя воспоминанія на всю жизнь.

II.

Въ 1861 г. появились въ печати первыя части сборниковъ народной поэзіи Кирѣевскаго и Рыбникова. Когда Орестъ Ѳедоровичъ съ ними познакомился, то ему, выросшему на чтеніи и изученіи французскихъ классиковъ, на Шиллерѣ и Гёте, открылся совершенно новый міръ, въ которомъ онъ усмотрѣлъ народную душу, основывающую свое бытіе на томъ «нравственномъ» началѣ самопожертвованія, къ которому его манило еще въ дѣтствѣ и которое онъ искалъ въ произведеніяхъ личнаго гения западныхъ народовъ. Съ этихъ поръ онъ обратилъ всю свою дѣятельность на изученіе нашей народной словесности. Но занявшись русскимъ

эпосомъ, пришлось обратить вниманіе и на то, что о немъ было писано. Тутъ онъ впервые ознакомился съ ученіемъ славянофиловъ (Хомякова, К. Аксакова) о народности и началъ общинности. Въ ученіи представителей этого направленія, которое Орестъ Ѳедоровичъ характеризовалъ, какъ «полетъ мысли къ небу», онъ нашель много родственнаго своей поэтической душѣ и отдался ему со всеѣмъ пыломъ и страстью восторженной, увлекающейся натуры; здѣсь онъ нашель и разрѣшеніе вопросамъ той особенной, имъ созданной философіи, которую ему мечталось тогда обосновать не на личномъ, а на собирательномъ, на общенародномъ разумѣ, отражающемся такъ ярко, по его мнѣнію, въ народной поэзіи.

Въ 1862 году Миллеръ былъ командированъ за границу. Въ Берлинѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ филологомъ Яковомъ Гриммомъ, который съ восторгомъ отзывался молодому русскому магистру о принципахъ реформы 19-го февраля и подъ руководствомъ котораго Орестъ Ѳедоровичъ занимался непродолжительное время.

Изъ Чешской Праги онъ послалъ два письма И. С. Аксакову. Въ этихъ письмахъ Орестъ Ѳедоровичъ проводилъ ту мысль, которой остался вѣренъ и потомъ, что Россіи для исполненія ея славянской миссіи, слѣдуетъ усвоить себѣ самую освободительную, народную политику.

Эти письма были напечатаны въ «Днѣ», хотя и съ пропусками, вслѣдствіе рѣзкости нѣкоторыхъ мѣстъ. «Вы себѣ пишете такъ свободно,—писалъ Аксаковъ по поводу присланныхъ статей Оресту Ѳедоровичу,—точно будто бы въ Лондонѣ, перо такъ и гуляетъ, не зацѣпляясь ни за какую предосторожность».

Пробывъ девять мѣсяцевъ въ командировкѣ и заболѣвъ сильно въ Гейдельбергѣ, Миллеръ долженъ былъ вернуться въ Россію; провожавшіе его друзья не думали, чтобы онъ былъ въ состояніи доѣхать живымъ до Петербурга, такъ плохо было его здоровье. Однако, по прибытіи домой, подъ заботливымъ уходомъ тетушки, его здоровье быстро возстановилось, и онъ уже осенью подалъ прошеніе о допущеніи его къ чтенію лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента. Высшее начальство, скрѣпя сердце, утвердило эту приватъ-доцентуру: нѣкоторыхъ мучило сомнѣніе, какъ бы не повредить себѣ въ общественномъ мнѣніи, пустивъ въ университетъ такого ретрограда и обскуранта!

Со страхомъ приступилъ Миллеръ, въ ноябрѣ 1863 г., къ чтенію своего курса «объ изученіи народной словесности, его историческомъ ходѣ и современныхъ его задачахъ»: онъ опасался враждебной демонстраціи со стороны университетской молодежи, могшей, какъ ему казалось, припомнить приговоръ надъ нимъ Добролюбова и Котляревскаго, приговоръ, о которомъ мелкая пресса давала по временамъ вспомнить публикѣ. Однако, все обошлось благополучно и между Орестомъ Ѳедоровичемъ и студентами устано-

вились сразу тѣ добрыя отношенія, которыя, укрѣпляясь съ каждымъ годомъ, сдѣлали его любимцемъ молодежи и самымъ популярнымъ профессоромъ въ университетѣ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе знаменательно, что Миллеръ съ первой же лекціи началъ популяризировать то наше литературное направленіе, которое, известное подъ именемъ «славянофильскаго» далеко не пользовалось тогда сочувствіемъ общества.

Всѣ 60-е года вплоть до защиты Миллеромъ докторской диссертациі, въ 1870 г., включительно были посвящены имъ изученію народной словесности и славянскаго вопроса. Еще въ 1862 году въ «Учительѣ» онъ помѣстилъ рядъ статей по исторіи русской словесности, которыя, дополненныя и переработанныя, вышли отдѣльною книжкою въ 1865 году подъ заглавіемъ «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности». Къ этому опыту была приложена соответствующая хрестоматія, доведенная до XV вѣка, имѣвшая особенно для того времени важное педагогическое значеніе. Съ выходомъ въ свѣтъ этого труда наша литература въ первый разъ получила цѣльное сочиненіе съ одной послѣдовательно и ярко проведенной идеей; сочиненіе, которое въ возможной и разумной полнотѣ обняло собою весь матеріалъ древняго періода литературы, съ удѣленіемъ особенно виднаго мѣста богатырскому эпосу. Идейная задача «Опыта» заключалась въ томъ, чтобы разграничить идеальныя стремленія русскаго народа отъ византійскихъ наслоеній и показать превосходство первыхъ, толкуя ихъ въ славянофильскомъ направленіи, отъ послѣднихъ, которыя, по его мнѣнію, только «притупляли здоровое нравственное чувство народа, ясно высказывающееся въ нашей народной поэзіи».

Богатырскій эпосъ изложенъ въ хрестоматіи въ небывалой до тѣхъ поръ полнотѣ, при чемъ авторъ, соединивъ варианты и отрывки разныхъ былинъ, далъ возможность учащимся прослѣдить на этихъ вариантахъ всю жизнь и дѣятельность главныхъ нашихъ героев. Такой же полнотой отличается и изложеніе духовныхъ стиховъ въ связи съ апокрифическими сказаніями, а также историческихъ пѣсенъ.

Хрестоматія и «Опытъ», написанный съ большимъ литературнымъ талантомъ, доступные по своей цѣнѣ, сразу завоевали себѣ всеобщее вниманіе и вскорѣ потребовали 2-го изданія. Благодаря имъ, среди нашихъ педагоговъ въ значительной степени оживился интересъ къ изученію народной словесности и, начиная съ того времени, эта словесность преподавается въ нашихъ школахъ, въ большинствѣ случаевъ, на основаніи изслѣдованій о ней Ореста Оедоровича.

Тѣсно связанною съ его спеціальностью была выбрана имъ и тема для докторской диссертациі: «Сравнительно-критическія

наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и Богатырство Кіевское», тема, надъ которою онъ началъ работать еще за границею, пользуясь сравнительнымъ методомъ и указаніями Якова Гримма.

Прежде чѣмъ докторская диссертація Миллера была напечатана, въ публикѣ былъ возбужденъ интересъ къ его работамъ по русскому эпосу, съ одной стороны благодаря нѣсколькимъ публичнымъ лекціямъ, прочитаннымъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, и съ другой,—благодаря полемикѣ съ В. В. Стасовымъ, въ то время тоже работавшимъ надъ эпосомъ, полемикѣ, надѣлавшей въ свое время довольно много шума.

Результатомъ изслѣдованій г. Стасова, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы» явилась теорія о происхожденіи нашихъ былинь путемъ заимствованія изъ Азіи, при чемъ его характеристика нашихъ богатырей получалась далеко для нихъ неслестная: онъ лишалъ ихъ всякаго человѣческаго чувства и образа.

Орестъ Ѳедоровичъ, находившійся въ то время въ полномъ увлеченіи именно отъ тѣхъ высокихъ чертъ человѣчности, которыя онъ усматривалъ въ нашемъ эпосѣ, въ лицѣ Ильи Муромца, страстно отозвался на выводъ г. Стасова, выступивъ сначала его оппонентомъ въ Отдѣленіи Этнографіи Географическаго Общества, а затѣмъ противникомъ на страницахъ «Голоса» и «Зари». Стасовъ отвѣчалъ ему въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Вѣстникѣ Европы». Споръ велся съ необыкновенной горячностью, при чемъ противникъ Миллера попытался сдѣлать его вновь притчею во языцѣхъ, вспомнивъ его первый трудъ «о нравственной стихіи».

Шумъ, поднятый въ журналистикѣ о происхожденіи нашихъ былинь, въ значительной степени оживилъ интересъ публики къ предстоявшему докторскому диспуту Миллера и привлекъ на этотъ диспутъ массу народа. Появленіе на кафедрѣ Ореста Ѳедоровича встрѣчено было такими аплодисментами, что, по признанію «Голоса», это слѣдовало объяснить «знаменательнымъ сочувствіемъ петербургской публики къ направленію г. Миллера», которое съ диспутомъ и съ сочиненіемъ его сдѣлало, по мнѣнію газеты, важный шагъ къ усиленію своего вліянія въ обществѣ.

Трудъ Миллера, удостоенный въ послѣдствіи Уваровской преміи, по признанію профессора Буслаева, «по основательности и полнотѣ и по замѣчательной добросовѣстности оставилъ за собою далеко все то, что до тѣхъ поръ было сдѣлано въ нашей ученой литературѣ по русскому народному эпосу»: здѣсь разсмотрѣны критически всѣ извѣстныя редакціи и варианты, въ которыхъ является каждая былина, и приложенъ къ текстамъ методъ сравненія ихъ съ эпосами другихъ народовъ, не исключая отсюда и славянскаго міра.

Результатомъ явилось доказательство своеобразности и цѣльности нашего эпоса, развившагося, однако, на обще-человѣческомъ

законѣ эпическаго творчества. Въ этой его своеобразности, по толкованію изслѣдователя, сказалась истинно-русская народная мысль и душа, опирающіяся на началахъ свободнаго самоотверженія и общности, окрѣпшихъ подъ вліяніемъ христіанства.

Первенствующій идеаль русскаго эпоса, говорилъ Миллеръ въ своей вступительной рѣчи—Илья Муромецъ, такъ ярко отражающій въ себѣ эти начала, вышелъ изъ прстонародья, а потому и весь нашъ богатырскій эпосъ — эпосъ прстонародный, указывающій Россіи будущность въ духѣ земскаго, свободнаго, народнаго развитія, начало которому положено великимъ днемъ 19-го февраля 1861 года.

Вступительная рѣчь Ореста Федоровича была принята молодежью восторженно, и присутствовавшій на диспутѣ И. С. Аксаковъ заявилъ, что онъ и въ Москвѣ, среди людей своего направленія, никогда не слыхалъ съ университетской каѳедры такой открытой проповѣди народности. Такимъ образомъ, и въ своей докторской диссертациі, и въ своей вступительной къ ней рѣчи Миллеръ явился своеобразно цѣльнымъ и послѣдовательнымъ: все говорило здѣсь о міросозерцаніи, опирающемся на нравственномъ началѣ, міросозерцаніи, гдѣ невозможно было отдѣлить ученаго отъ человѣка, поклонника извѣстнаго соціальнаго строя отъ проповѣдника идеи самопожертвованія и любви къ ближнему, міросозерцаніи, съ которымъ каждое наше серьезное и честное литературно-общественное направленіе могло найти много точекъ соприкосновенія и въ свою очередь разлада. Наука гармонически переплеталась здѣсь съ поэзіей, религія съ философіей и социальными и гражданскими идеалами. Это въ свое время, при его жизни, часто смущало многихъ; по привычкѣ къ шаблону, часто не знали, куда отнести его убѣжденія, къ направленію ли, такъ называемому, охранительному или передовому, къ врагамъ свободы и просвѣщенія, или къ поборникамъ правды и истины. Отсюда частыя нападки на него разныхъ литературныхъ партій, узко предъявлявшихъ къ нему требованія рутинной доктрины, отсюда частыя обвиненія его то въ отсталости, то въ крайностяхъ увлеченія, заподозриванія его, то въ погонѣ за модными теченіями, то въ стремленіи къ оригинальничанью.

Хотя, по защитѣ диссертациі, Орестъ Федоровичъ и продолжалъ читать въ университетѣ курсъ народной словесности, однако, съ каждымъ годомъ ему пришлось все болѣе отставать отъ излюбленной спеціальности и по этому предмету уже не встрѣчается болѣе никакихъ его трудовъ. Привыкшій къ широкой благотворительности съ дѣтскихъ лѣтъ, Миллеръ и въ университетѣ горячо откликается на матеріальныя нужды студентовъ; съ цѣлью помощи имъ, онъ предпринимаетъ рядъ публичныхъ лекцій по новой русской литературѣ, такъ какъ темы изъ этой области скорѣе привлекали публику и

давали хорошій сборъ. Петербургское общество охотно шло послушать краснорѣчиваго профессора: въ его сообщеніяхъ было столько увлекательнаго, задѣвалось столько жизненныхъ вопросовъ, слышалось такъ громко присутствіе идеала и глубокой вѣры въ торжество добра. Наблюдая этотъ успѣхъ своихъ лекцій, помощью которыхъ можно было популяризировать въ обществѣ излюбленные имъ теоріи, Орестъ Федоровичъ обращается изъ кабинетнаго ученаго въ публициста и общественнаго оратора, берущаго содержаніемъ своихъ рѣчей темы изъ общественной жизни или новѣйшей русской литературы. Первой серіей его публичныхъ лекцій въ этой области были «общественные типы въ повѣстяхъ Тургенева», курсъ русской литературы XIX столѣтія, о «Войнѣ и мирѣ» графа Л. Н. Толстого», о «Байронѣ и Байронизмѣ въ русской поэзіи» и, наконецъ, десять лекцій въ клубѣ художниковъ о «Русской литературѣ послѣ Гоголя», которыя впоследствии, переработанныя и дополненныя, вышли отдѣльнымъ изданіемъ, въ 3 томахъ, подъ названіемъ «Русскіе писатели послѣ Гоголя».

Разсматривая каждый моментъ нашей исторической жизни, каждое явленіе нашей общественной среды не какъ фактъ случайный и изолированный, а какъ логическое слѣдствіе, вытекающее изъ цѣлаго ряда историческихъ посылокъ, онъ и русскую литературу разсматривалъ съ точки зрѣнія ея органическаго развитія изъ всей совокупности исторической жизни нашего народа, розыскивая корни ея положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ въ разныхъ слояхъ и періодахъ отечественнаго соціального строя и мысли. Установивъ такимъ образомъ генезисъ разсматриваемаго литературнаго явленія, онъ начиналъ его судить тѣмъ судомъ, какимъ судилъ источникъ этого явленія, т. е. изслѣдовалъ, каковы его составныя нравственныя начала, каково его нравственное основаніе, каковы его нравственныя послѣдствія; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ставилъ и вопросъ о гармоніи этого явленія со всею совокупностью тѣхъ идеальныхъ началъ, которыя, по его искреннему убѣжденію, и составляли именно то, что называется «русскимъ народомъ»; полученный результатъ онъ въ свою очередь противопоставлялъ современной жизни, произносилъ ей судъ и осужденіе. Отсюда являлась критика, которая, не отрицая требованій эстетики, давала больше мѣста историческому приему изученія, при чемъ весь центръ тяжести переносила въ область общественной нравственности, опирающейся на христіанской любви къ ближнему и самопожертвованію.

Такъ широко поставленная задача не всегда бывала выполнима, вслѣдствіе чего изслѣдователь иногда не въ одинаковой полнотѣ развивалъ всѣ стороны своей критики: въ однихъ разборахъ преобладаютъ историческіе мотивы, въ другихъ выдвинуто его требованіе общественной нравственности; иногда онъ полагаетъ всю силу очерка въ идеалъ и его выдвигаетъ впередъ, въ другой разъ—въ поле-

микъ и изобличеніи общественной неправды и тѣхъ явленій современной жизни, которыя, по его мнѣнію, шли въ разрѣзъ съ историческими основами нашей народности.

Излюбленными его писателями нашей новой литературы были Пушкинъ и Достоевскій. Въ поэзіи перваго изъ нихъ онъ видѣлъ именно ту силу человѣчности и народности, которыя сдѣлали ему столь дорогимъ нашъ русскій народъ съ Ильей Муромцемъ во главѣ; въ психологическихъ твореніяхъ втораго онъ усматривалъ именно то религіозное творчество и проповѣдь самопожертвованія, которыя находили столько отзвуковъ въ его собственномъ любящемъ и поэтическомъ сердцѣ. Вся остальная русская литература, которую онъ очень высоко ставилъ за то, что въ ней «такъ просто, такъ задушевно звучитъ живая нота христіанскаго братства, міровой все-единящей любви», закрывалась, однако, передъ его глазами этими, по его мнѣнію, гигантами русской мысли и чувства. Вотъ почему въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ онъ всегда возвращался къ этимъ писателямъ, подкрѣпляя цитатами изъ нихъ свои положенія, ища въ ихъ твореніяхъ указаній критики и пророчества.

Въ 1867 году въ Петербургѣ происходилъ первый славянскій съѣздъ; въ чествованіи славянскихъ гостей пришлось принять участіе и Оресту Ѳедоровичу и съ того времени въ особенности въ его жизни открывается новая сторона—горячаго служенія славянскому вопросу. Миллеръ, по всему складу своей натуры, по всему ходу своихъ научныхъ занятій, не могъ остаться въ сторонѣ отъ этого вопроса, который для него тѣсно связывался съ его религіозными вѣрованіями и соціальными идеалами. Занявшись русскимъ эпосомъ, ему невольно пришлось обратить свое вниманіе и на славянство, которое онъ и включилъ въ кругъ своихъ научныхъ изслѣдованій, а такъ какъ у него жизнь и наука шли всегда рука объ руку, то отсюда логическимъ слѣдствіемъ явилось отношеніе къ славянству не только съ точки зрѣнія археологической любознательности, но какъ къ народности, опирающейся въ своемъ историческомъ бытіи на столь дорогихъ ему началахъ, «общинности и равноправности».

Уже въ 1862 году онъ посылаетъ Аксакову письма, въ которыхъ говоритъ о миссіи Россіи среди славянства. Въ 1865 г. онъ издаетъ по поводу труда Пыпина и Спасовича по исторіи славянскихъ литературъ брошюру: «Славянскій вопросъ въ наукѣ и жизни», въ которой съ полной откровенностью исповѣдуетъ свои славянскія симпатіи и указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на недостатокъ въ отношеніи къ славянскому вопросу славянофиловъ. Недостатокъ этотъ, по его мнѣнію, заключается въ стремленіи славянофиловъ навязать славянству «русскую гегемонію» и «обязательность для нихъ усвоенія русскаго языка», т. е. то, что идетъ въ разрѣзъ съ христіанскою проповѣдью свободы и рав-

неправности. Къ этой мысли покойный профессоръ любилъ неоднократно обращаться, какъ въ своихъ рѣчахъ въ «Славянскомъ благотворительномъ Обществѣ», такъ и печатныхъ статьяхъ; въ этомъ положеніи онъ видѣлъ свое различіе отъ славянофиловъ. Впрочемъ, по славяновѣдѣнію онъ не далъ никакихъ особо выдающихся трудовъ и ограничилъ свою дѣятельность написаніемъ нѣсколькихъ критическихъ и публицистическихъ статей, которыя имѣли задачей распространеніе въ нашемъ обществѣ симпатій къ славянству; и должно замѣтить, что въ этомъ смыслѣ ему принадлежитъ немалая заслуга, особенно въ приснопамятные года Герцеговинскаго возстанія, а также послѣдней русско-турецкой войны.

Начавшееся въ 1875 году движеніе среди славянъ Балканскаго полуострова, ужасы Боснійскаго и Герцеговинскаго возстаній, вызвали Петербургское «Славянское благотворительное Общество» къ широкой дѣятельности, помощи потерпѣвшимъ отъ турецкаго звѣрства и насилія. Обществу было разрѣшено открыть по всей имперіи кружечный сборъ пожертвованій въ пользу жертвъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, и уже въ началѣ 1876 года Орестъ Ѳедоровичъ избранъ былъ членомъ комиссіи для завѣдыванія и распоряженія этими пожертвованіями. Но еще передъ тѣмъ Общество удостоило его вниманіемъ, поручивъ ему отъ имени Общества привѣтствовать прибывшаго въ Петербургъ изъ Рагузы Веселитскаго-Боджидаровича ¹⁾.

Одушевленной рѣчью, покрытой горячими рукоплесканіями присутствовавшихъ, обратился Миллеръ къ гостю, заключивъ свое привѣтствіе пожеланіемъ, чтобы поскорѣ наступила та пора, когда Россія будетъ имѣть возможность, спасая этимъ и самое достоинство образованнаго міра, добиться благосостоянія родственнымъ намъ народамъ. Мысль о необходимости скорѣйшаго заступничества Россіи стала любимой темою покойнаго, которую онъ горячо проповѣдывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ въ Славянскомъ Обществѣ, въ университетѣ и на столбахъ газетъ.

Съ цѣлью пробудить въ молодежи симпатіи къ славянству онъ открылъ въ университетѣ курсъ народнаго сербскаго эпоса. Вступительная лекція къ этому курсу была имъ посвящена Восточному вопросу; по желанію массы студентовъ, не филологовъ, эта лекція была повторена уже не въ стѣнахъ тѣсной аудиторіи, а въ большомъ залѣ, при стеченіи почти всего учащагося университета. Не смотря на то, что симпатіи ко всему славянскому не пользовались особенною популярностью, рѣчь Ореста Ѳедоровича была встрѣчена молодежью восторженно и съ тѣхъ поръ тѣ его лекціи, которыя посвящались этому предмету, стали излюбленными. Симпатіи студентовъ къ своему профессору росли съ каждымъ днемъ и особенно

¹⁾ Членъ Международнаго Комитета для помощи жертвамъ возстанія въ Герцеговинѣ.

рельефно выразились во время его полемики по Восточному вопросу съ «Голосомъ». Редакція этой газаты съ большимъ сочувствіемъ относилась къ славянскому вопросу до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ переживалъ мирную пору развитія и исчерпывался поддержаніемъ просвѣщенія среди славянъ. Но вотъ, славянской вопросъ перешелъ въ слѣдующую фазу, и, по словамъ Ореста Ѳедоровича, «живая каеэдра славянской идеи открылась для насъ... въ горахъ Герцеговины; ея представители—были ея же герои; они воскресили передъ нами эпическія времена»; «Голосъ», въ силу умѣреннаго либерализма, отнесся къ этому «эпосу» скептически и сталъ дипломатически проповѣдывать незаконность сербскаго движенія, какъ посягательство на верховныя права сюзерена, султана Мурада V, посягательства, къ которому европейскіе кабинеты «обязаны будутъ отнестись съ точки зрѣнія несочувственной сербамъ и должны будутъ отказаться отъ заступничества за нихъ...»

Такая проповѣдь политической благонамѣренности была встрѣчена большею частью нашей печати съ негодованіемъ и Миллеръ, усмотрѣвшій въ увлеченіи славянскимъ вопросомъ великій подъемъ народнаго самосознанія, а въ движеніи поработенныхъ народностей Балканскаго полуострова—мученической подвигъ, отозвался на проповѣдь «Голоса», нѣсколькими горячими статьями въ «Недѣлѣ» и «Новомъ Времени». Онъ говорилъ, что, если статья на точку зрѣнія «Голоса», то придется обвинить въ своевластіи и бунтарствѣ и Иоанна III, за то, что тотъ, будучи вассаломъ, пересталъ платить дань своему сюзерену Ахмату и растопталъ его басму. Статья «До чего договорился «Голосъ»¹⁾ оканчивалась предложеніемъ редактору этой газеты, выйти изъ состава комиссіи по сбору пожертвованій. «Голосъ» не приминулъ отвѣтить своему оппоненту и объявилъ въ воскресныхъ фельетонахъ противъ него цѣлый походъ, повторяя старые приговоры надъ нимъ Добролюбова и Котляревскаго, глумясь въ самыхъ непристойныхъ выраженіяхъ надъ всею его литературною и общественною дѣятельностью и даже внѣшностью; одинъ изъ наиболее рѣзкихъ фельетоновъ оканчивался вопросомъ: «кто возьметъ его подъ свою защиту?»

Отвѣтомъ на всѣ выходки газеты и ея послѣдній вопросъ послужило напечатанное въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» письмо за подписью 320 студентовъ. «Мы увѣрены»,—писали студенты,—«что всякій русскій, сочувствующій дѣлу славянской свободы, горячо вступится за уважаемаго публициста и выдающагося общественного дѣятеля, какъ поборника дорогаго намъ дѣла. Было бы унижительно заниматься опроверженіемъ грязныхъ инсинуацій «Голоса», но если для «Голоса» еще недостаточно того взрыва общественного негодованія, которое вызвало его направленіе, то мы, сту-

¹⁾ «Новое Время», 1876 г. № 110.

денты Петербургскаго университета, имѣющіе основаніе особенно уважать Ореста Фѣдоровича, считаемъ своею обязанностью напомнить «Голосу», что оскорбленіе, нанесенное имъ человѣку, глубоко уважаемому нами, не можетъ пройти безслѣдно». Письмо заканчивалось выраженіемъ презрѣнія «Голосу» и надеждою, что близкіе студентамъ люди, т. е. профессора прекратятъ въ немъ свое сотрудничество. Послѣ этого періода обливанія Ореста Фѣдоровича грязью со стороны нѣкоторой части прессы, его значеніе, какъ дѣятеля «Славянскаго благотворительнаго Общества» не умалилось, а даже какъ бы обратило на себя еще больше вниманіе публики. Его перу принадлежатъ въ это время, не считая статей въ журналахъ и газетахъ, тѣ «возванія» къ русскому народу о болгарскихъ ужасахъ отъ имени «Славянскаго Общества», читая которыя, нашъ простой народъ вполнѣ проникался сочувствіемъ къ своимъ братьямъ по вѣрѣ и несъ Обществу послѣдніе гроши и предложенія принести себя въ жертву за свободу христіанскаго населенія Балканскаго полуострова. Начало добровольческаго движенія тоже непосредственно связано съ именемъ Ореста Фѣдоровича. Въ самомъ началѣ Герцеговинскаго возстанія два офицера, Коноваловъ и Эбергардъ, обратились къ Миллеру съ просьбою предложить «Славянскому Обществу» отправить ихъ въ Герцеговину, но профессоръ, не надѣясь встрѣтить сочувствія въ своихъ товарищахъ по Обществу, написалъ о нихъ въ Москву И. С. Аксакову, который и снарядилъ ихъ первыми добровольцами на Балканскій полуостровъ. Всѣ рѣчи и статьи Ореста Фѣдоровича по славянскому вопросу съ 1865 по 1877 годъ собраны имъ въ отдѣльную книжку и изданы подъ заглавіемъ: «Славянство и Европа».

III.

Общественная дѣятельность профессора въ шестидесятые и семидесятые годы не исчерпывалась научными занятіями, чтеніемъ публичныхъ лекцій и служеніемъ славянскому дѣлу. Онъ чутко отзывался въ печати на всякое явленіе современной жизни, въ которомъ онъ или усматривалъ дряблость и паденіе духовныхъ интересовъ нашей интеллигенціи, или видѣлъ признаки, могущіе гибельно отозваться на духовномъ ростѣ общества, толкая его на путь рутинны и партійности; онъ усиленно пропагандировалъ тѣхъ нашихъ дѣятелей, которые, по его мнѣнію, вызываютъ къ себѣ особенное сочувствіе и достойны подражанія. Во всѣхъ своихъ статьяхъ на эти темы онъ оставался вѣренъ своему направленію, сказавшемуся и въ его научныхъ работахъ и во взглядахъ на новую нашу литературу и въ дѣятельности по славянскому вопросу. Никакія дипломатическія соображенія не позволяли ему молчать тамъ, гдѣ ему мысль подсказывала горячее слово, никакія обстоя-

тельства не заставляли его становиться на почву компромисса между веленіемъ добраго честнаго сердца и холоднымъ требованіемъ разсудка. Ни на университетской кафедрѣ, ни въ публицистическихъ статьяхъ, онъ не сообразовался ни съ вѣніями времени, ни съ боязнью потерять свою популярность или вызвать противъ себя журнальную, либо иную немилость.

Изъ публицистическихъ статей его за это время можно отмѣтить «Еще о злобѣ дня», и о «Юріѣ Федоровичѣ Самаринѣ». Въ первой изъ этихъ статей онъ высказался противъ вводимаго тогда въ нашихъ гимназіяхъ классицизма, сомнѣваясь, чтобы въ педагогическомъ отношеніи была для дѣтей полезна «пресловутая» законченность «древняго мертваго міра»; во второй статьѣ, посвященной памяти тогда уже скончавшагося Самарина, Орестъ Федоровичъ указываетъ на него, «какъ на идеаль гражданина, у котораго высокому нравственному ученію... вполне соответствовала... жизнь, протекшая постоянно въ трудахъ» для общаго блага и воодушевленная вѣрой въ идеаль и любовью къ родинѣ.

Съ основаніемъ въ Петербургѣ высшихъ женскихъ курсовъ Миллеръ получаетъ приглашеніе занять въ этомъ заведеніи кафедру русской словесности. Характеръ его преподаванія здѣсь остался тѣмъ же, что и въ университетѣ: та же проповѣдь дѣятельной любви къ человѣчеству, то же ученіе о нравственномъ самовоспитаніи и самопожертвованіи. Горячій защитникъ необходимости у насъ высшаго образованія для женщинъ, Миллеръ указывалъ постоянно своимъ слушательницамъ на высокое значеніе женщины для семьи и общества, останавливая ихъ вниманіе съ особенной любовью на «типахъ величавыхъ славянокъ» въ лицѣ Пушкинской Татьяны и Тургеневской Лукерьи въ «Живыхъ мощахъ», въ которой, по его словамъ, «запаса дѣятельной любви... такъ много, такъ неизмѣримо много!»

Постоянная проповѣдь «запаса дѣятельной любви» была для его слушателей и слушательницъ не громкими словами и не недостижимымъ идеаломъ: самъ профессоръ содержалъ въ себѣ именно неизмѣримо много того, передъ чѣмъ поклонялся въ Тургеневскомъ произведеніи. Всякая нужда, горе и несчастіе находили себѣ въ немъ истиннаго друга и цѣлителя. Начавъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ читать публичныя лекціи въ пользу недостаточныхъ студентовъ, онъ продолжалъ служить этому дѣлу матеріальной помощи молодежи до конца своей жизни. Въ этомъ служеніи заключались удивительно свѣтлыя страницы его дѣятельности. Избранный съ 1874 года товарищемъ предсѣдателя Общества вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета, онъ исполнялъ свои обязанности не казенно и сухо, а внесъ и въ Общество, и въ свои отношенія къ молодежи столько живого духа любви, столько теплоты и сердечности, что въ этомъ отношеніи оставилъ по себѣ въ университетѣ неизгладимую память.

Но не только одна денежная помощь и научныя занятія связывали его съ студентами: онъ являлся и ихъ заступникомъ предъ университетскимъ начальствомъ и ходатаемъ передъ профессорами и просителемъ за нихъ, когда они оканчивали курсъ, въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и у сильныхъ міра сего. Его отношенія къ молодежи — это былъ длинный отеческій романъ, основанный на взаимномъ чувствѣ самой сердечной привязанности и глубокаго уваженія. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ умѣлъ говорить этой молодежи правду въ глаза, никогда не потакать ея слабостямъ и смѣло указывать на ея промахи и увлеченія. «Только вы одни способны съ каедрой говорить своимъ слушателямъ такія горькія истины, не боясь быть освистаннымъ или нарваться на непріятности», часто говаривали ему его сослуживцы. Но слушатели его знали изъ какого источника идутъ эти «горькія истины», эта «суровая правда» и никогда за всю дѣятельность Миллера не позволили себѣ въ отношеніи его и тѣни какого-либо неудовольствія или враждебнаго настроенія. Сотни бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета трудятся въ настоящее время на разныхъ поприщахъ нашего необъятнаго отечества и многіе, очень многіе изъ нихъ обязаны своимъ положеніемъ исключительно Оресту Федоровичу: одни за матеріальную, другіе за нравственную поддержку въ молодые года университетской жизни.

Приблизительно въ то же время онъ былъ приглашенъ въ преподаватели словесности къ великимъ князьямъ Сергѣю и Павлу Александровичамъ.

Отдаваясь всецѣло широкой общественной дѣятельности, покойный профессоръ удѣлялъ мало мѣста личной, индивидуальной жизни. Схоронивъ въ 1867 году своего пріемнаго отца, Орестъ Федоровичъ, какъ бы удвоилъ свои заботы и любовь къ тетущкѣ. Екатеринѣ Николаевнѣ: онъ для нея былъ и нѣжно любимымъ сыномъ-племянникомъ и заботливой нянькой и сидѣлкой во время ея болѣзней и старческой немощи. Окончивъ лекціи въ учебныхъ заведеніяхъ или засѣданія въ разныхъ обществахъ, онъ спѣшилъ скорѣй домой къ своей пріемной матери, зная какъ дорого и необходимо ей его присутствіе. Онъ отказывалъ себѣ и въ театрѣ, который горячо любилъ, въ путешествіяхъ и въ иныхъ развлеченіяхъ, связанныхъ съ удаленіемъ отъ дома, боясь, чтобы его продолжительное отсутствіе не причинило Екатеринѣ Николаевнѣ тоски или огорченія. Эта привязанность, съ одной стороны, и научно-общественная дѣятельность въ пользу молодежи, съ другой, послужили препятствіемъ къ тому, чтобы онъ завелся собственною семьей, собственнымъ теплымъ гнѣздышкомъ. Онъ боялся, что его будущая жена не сдѣлается для его пріемной матери такою дочерью, какимъ онъ былъ сыномъ, опасался, чтобы новая семья не оторвала и не разлучила его съ той семьей, которая въ дорогомъ для него университетѣ постоянно требовала его заботъ и

попеченій. А случаи къ вступленію въ бракъ, можетъ быть, и были въ его жизни! Но давъ себѣ обѣтъ безбрачія, онъ, подобно К. Аксакову и Ю. Самарину, какъ бы послѣдовалъ завѣту старца Зосимы Алешѣ Карамазову: «въ мірѣ будь, и въ мірѣ живи, какъ инокъ», такъ какъ онъ остался на всю жизнь цѣломудреннымъ и свободнымъ отъ всякихъ чувственныхъ наслажденій, «чтобы, по его словамъ, тѣмъ вѣрнѣе, т. е. неуклоннѣе и всецѣльнѣе, сослужить свою общественную службу».

Наступившіе 80-е года могутъ считаться для русскаго общества годами тяжелыхъ, невознаградимыхъ утратъ. Что ни годъ въ этомъ мрачномъ десятилѣтіи—то новая потеря! и въ какія только области нашей общественной жизни не проникла разрушительная сила смерти, гдѣ не произвела она опустошеній. Убывало цѣлое поколѣніе людей, вся дѣятельность которыхъ запечатлѣна горячимъ, безкорыстнымъ служеніемъ родинѣ, людей въ значительной степени содѣйствовавшихъ подъему нашихъ духовныхъ силъ, развитію нашей гражданской свободы и умственной зрѣлости. Озираясь кругомъ, то и дѣло видишь свѣжія могилы, на крестахъ которыхъ написаны дорогія для cadaго русскаго имени: Достоевскаго, Тургенева, Костомарова, Кавелина, Островскаго, Аксакова, Салтыкова и множество другихъ. Все это имена, которыя горячо говорятъ о той порѣ, по словамъ Миллера, «когда повѣяло тепло и волей, когда совершилось освобожденіе крестьянъ, когда зачался гласный судъ, когда открыты были земскія учрежденія, когда снимались оковы съ печатнаго слова, когда перестали прогонять сквозъ строй, когда защита отечества стала общей священной обязанностью», о той порѣ, съ которой и для Ореста Ѳедоровича связывались воспоминанія о лучшихъ дняхъ жизни, въ которой ему видѣлся новый восходъ солнца, благотворные лучи котораго должны были вызвать наше отечество къ новой жизни, полной любви, христіанской свободы, справедливаго соціального строя, ко всему тому, что онъ такъ горячо и неустанно проповѣдывалъ во всю свою научно-общественную дѣятельность. Поминанія этихъ нашихъ дѣятелей и той поры, защита ихъ, составили заключительныя страницы послѣдней главы его жизни. Особенно сильное впечатлѣніе на Ореста Ѳедоровича произвели кончина императора Александра II, смерть Достоевскаго и Аксакова. Этимъ моментамъ нашей государственной и общественной жизни посвятилъ онъ не мало рѣчей, лекцій и газетныхъ статей, въ которыя онъ вложилъ всю свою душу, высказалъ весь кодексъ своихъ гражданскихъ и жизненныхъ убѣжденій. Въ убіеніи Александра II онъ видѣлъ страшную историческую логику, довершеніе кроваваго террора, начавшагося на русской землѣ еще съ реформами Петра Великаго, въ которыхъ впервые, по его мнѣнію, было къ намъ занесено начало узаконеннаго насилія; съ другой стороны, въ этомъ

событіи онъ усматривалъ и содѣйствіе тѣхъ силъ, которыя, подъ фирмою служенія родинѣ, постоянно оказывали сопротивленіе верховной власти, когда она становилась на почву народнаго довѣрія и земскаго развитія. Горячій поклонникъ Александра II, онъ былъ глубоко потрясенъ насиліемъ 1-го марта 1881 года, послѣдствія котораго рисовались ему для нашей исторической и общественной жизни далеко не въ заманчивомъ свѣтѣ. Какъ и всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ, онъ съ особенною силою сталъ горячо проповѣдывать противъ всякаго насилія, противъ всякаго террора въ государственной жизни, съ какой бы стороны онъ ни проявлялся. Въ публицистическихъ произведеніяхъ, въ романахъ Достоевскаго, тогда уже скончавшагося, онъ находилъ массу матеріала, который подкрѣплялъ его воззрѣнія на этотъ предметъ, много пророчества тому, что совершилось впослѣдствіи. Достоевскій, и прежде имъ горячо любимый, сталъ ему особенно дорогъ послѣ Пушкинскихъ торжествъ въ Москвѣ, послѣ того, какъ тотъ и въ своей извѣстной рѣчи, и въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ, такъ горячо исповѣдалъ свою вѣру въ народную душу, въ необходимость довѣрія къ народу, съ которымъ для Россіи связывалось ея свободное государственное развитіе на началахъ общинности, свободы и братства.

Но если оцѣнка дѣятельности Достоевскаго давала ему возможность высказываться болѣе или менѣе откровенно по разнымъ вопросамъ нашей жизни, то въ поминаніяхъ И. С. Аксакова онъ уже рѣшительно изложилъ все свое *profession de foi*. Самъ воспитанный на ученіяхъ славянофильской школы, онъ видѣлъ въ Аксаковѣ противовѣсъ и изобличеніе другого Московскаго направленія, которое не вѣрило ни въ духъ любви, ни въ силу общинности и земщины, считая все это поэзіей и бреднями и полагая все спасеніе нашего отечества въ одной лишь сильной бюрократической власти, въ упорядоченіи нашихъ общественныхъ элементовъ въ видѣ обособленія сословностей и въ строгой регламентаціи реальныхъ интересовъ Россіи. Опасаясь, чтобы это стремленіе къ «реальнымъ интересамъ» не позволило усмотрѣть и пустую поэзію въ освободительной предшествовавшей эпохѣ, Миллеръ все громче и раздражительнѣе подымалъ свой голосъ въ защиту и память этой эпохи, въ изобличеніе тѣхъ, которые относились къ ней скептически и съ недолжнымъ благоговѣніемъ. И вотъ, какъ и въ началѣ его дѣятельности, на него снова напала слишкомъ извѣстная часть нашей печати, не стѣсняясь употреблять въ отношеніи его самыя неопозволительныя выраженія и требуя удаленія его изъ университета; но эти факты слишкомъ свѣжи въ памяти современниковъ, чтобы о нихъ распространяться.

Осенью 1888 года Орестъ Федоровичъ былъ уволенъ отъ занимаемой имъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ должности профессора русской словесности.

Но прежде чѣмъ распространиться съ дорогимъ для него университетомъ навсегда, онъ имѣлъ возможность наглядно убѣдиться, каково къ нему расположеніе его учениковъ и какова оцѣнка его 25-лѣтней научной и литературной дѣятельности въ мнѣніи нашего общества. Это расположеніе проявилось и оцѣнка была сдѣлана 4 января 1886 года, когда въ его скромную квартиру собрались бывшіе и настоящіе его ученики и ученицы, товарищи по службѣ, представители науки, литературы и общественной благотворительности, чтобы единогласно и задушевно привѣтствовать его четверти-вѣковую полезную и честную дѣятельность и искренно пожелать юбиляру еще долгаго служенія на пользу родины и молодежи. Въ этотъ истинно-счастливый для Ореста Федоровича день, когда, по словамъ одного изъ его товарищей, «государственная служба ему засчиталась въ общественную», съ разныхъ сторонъ были сдѣланы прекрасныя характеристики его жизненнаго поприща. «Вы не измѣнили себѣ ни разу», писалъ ему И. С. Аксаковъ по поводу юбилея, «въ теченіе 25 лѣтъ вашего служенія словомъ, отличавшагося всегда мужественною искренностію, какъ въ свидѣтельствѣ о правдѣ, такъ и въ изобличеніи неправды; вы никогда не сходили съ нравственнаго пути, и неумолимо развивали въ вашихъ ученикахъ требованія нравственныя, отождествляя ихъ съ русскими народными идеалами, съ любовью къ русской народности...». «Та стойкость въ убѣжденіяхъ», характеризовалъ его А. И. Незеленовъ, «та горячность, съ какой вы всегда отстаиваете свои взгляды и въ научныхъ, и въ публицистическихъ трудахъ, горячность неразрывно идущая рука объ руку съ нравственной чистотой побужденій, вызываетъ уваженіе къ вамъ даже и тѣхъ, кто не раздѣляетъ вашихъ взглядовъ. При томъ невольно вспоминается ваше всегдашнее сочувствіе и къ людямъ другихъ убѣжденій, если только въ ихъ дѣятельности, научной или общественной, вы слышите то же присутствіе жизни, присутствіе мысли и нравственныхъ началъ».

Юбилейное торжество, а также тѣ годы, когда онъ предсѣдательствовалъ въ «студенческомъ научно-литературномъ обществѣ»,¹⁾ при С.-Петербургскомъ университетѣ, составляли за весь періодъ 80-хъ годовъ единственныя свѣтлыя страницы его жизни; остальные были наполнены или тяжелыми утратами, или такими моментами нашей общественной жизни, когда наступившая эпоха «реальныхъ интересовъ» отодвинула далеко назадъ все то идеальное, что онъ такъ любилъ и чему привыкъ служить.

Въ 1884 году скончалась Екатерина Николаевна, а черезъ четыре года онъ лишился и дорогой ему университетской семьи. Сиро и грустно потекла жизнь одинокаго старика-холостяка; правда,

¹⁾ Уже нынѣ не существующемъ.

поселившійся у него племянникъ нѣсколько согрѣвалъ эту жизнь, но чувство тоски по той аудиторіи, гдѣ его такъ любовно и горячо принимала масса молодежи, все сильнѣе и больнѣе сжимало его сердце; да и окружающая общественная жизнь не несла ничего утѣшительнаго. Все рѣже приходилось выступать ораторомъ въ общественныхъ собраніяхъ, все чаще редакціи толстыхъ журналовъ закрывали передъ нимъ двери, или онъ самъ отворачивался отъ нихъ, а широкая благотворительность, жизнь съ ея будничными нуждами и заботами требовали расходовъ, на которые не хватало получаемой пенсіи. Пришлось поэтому обращаться къ газетному заработку и размѣниваться. Это обстоятельство угнетающе дѣйствовало на него и переносило его мысль къ другимъ временамъ, когда онъ съ такими широкими надеждами вступалъ на научное поприще. «...Когда подумаешь,—писалъ Миллеръ въ своемъ дневникѣ,—о томъ, какъ я постоянно разбрасываюсь въ своихъ работахъ, то становится не по себѣ. Куда дѣвалось то время, когда я имѣлъ твердое намѣреніе заняться исключительно народной словесностью съ той широкой точки зрѣнія, которая соприкасается съ столькими живыми областями знанія!» «А теперь?—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—я положительно обратился въ публициста, а профессора все болѣе и болѣе убываетъ», но «литературный заработокъ мнѣ необходимъ... я прямо рассчитываю на него», а вмѣстѣ съ тѣмъ «перо мое лишили цѣны—даже въ буквальномъ смыслѣ. Глупое положеніе». Желаніе снова обратиться къ серьезному научному труду, отъ котораго его постоянно отвлекали общественныя дѣла и необходимость газетнаго заработка, все сильнѣе и сильнѣе охватывало его. «Когда же, наконецъ, можно будетъ работать за-поемъ, чтобы окрѣпнуть и возродиться черезъ это и сбросить съ себя всякую тину и гниль!»

Пессимистическое настроеніе, однако, крѣпло въ немъ, чувствовалась страшная усталость, приближеніе старости, боязнь быть сломленнымъ обстоятельствами жизни и заживо быть похороненнымъ. Свое настроеніе и волновавшія его чувства онъ излилъ въ стихахъ, къ которымъ на закатѣ дней, онъ сталъ чаще и чаще обращаться въ минуты душевной тревоги. Вотъ эти стихи:

- Не дай мнѣ Богъ сойти съума.
- Не дай и оскудѣть трудами.
- И не достанься мнѣ съ годами
- Недужной старости тюрьма!
- За то, что юности кипучей
- Сблазновъ сладкихъ я не зналъ.
- Молю, чтобъ сердца пылъ могучій
- Во мнѣ по гробъ не остывалъ;
- Чтобъ какъ боецъ на полѣ брани
- Межъ тѣмъ какъ напираетъ врагъ.
- Изъ неколеблущейся дла ни

«Не выпускает бранный стягъ,
 «Но подъ его завѣтнымъ кровомъ
 «Слагаетъ голову свою,
 «И я бы такъ, въ иномъ бою,
 «Бою съ неправдою суровой
 «Столпомъ стоялъ врагу на страхъ,
 «Съ неодолимо-сильнымъ словомъ
 «На несмолкающихъ устахъ,
 «И смертью на людяхъ мгновенной
 «Закончилъ путь свой дерзновенный...

 «Лишь отъ тупого одряхленья
 «Меня, Всевышній, упаси,
 «Отъ силъ духовныхъ истощенья
 «Отъ смерти заживо спаси!»

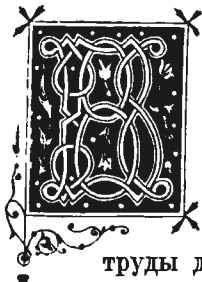
Охватившая его тоска, тоска по живой душѣ, которая, какъ ему казалось, все болѣе исчезаетъ изъ современной жизни, замѣчается и въ газетныхъ его статьяхъ, и въ послѣднемъ его литературномъ трудѣ о Г. И. Успенскомъ, а еще ярче въ его дневникахъ. Здѣсь уже слышатся такія ноты, которыя какъ будто говорятъ и о предчувствіи близкой смерти. «Но мнѣ грустно, а теперь такъ грустно,— писалъ онъ,— что не принимался бы и за занятія. Что это: нервы или болѣе того?» И въ другомъ мѣстѣ: «А тоска меня опять одолѣла, и Богъ вѣсть отъ одной ли моей мнительности. Не пора ли, наконецъ, разорваться моему больному сердцу». Онъ точно указывалъ въ дневникѣ даже на желанный видъ смерти, говоря въ одномъ случаѣ: «... разрывъ сердца—нынѣшняя болѣзнь! Всѣ хорошіе люди скоро перемрутъ отъ разрыва сердца!» Послѣднія строки, писанныя имъ наканунѣ смерти, краснорѣчиво говорятъ о сердечной тревогѣ, которая на слѣдующій день нашла себѣ успокоеніе за тѣмъ предѣломъ, гдѣ, по словамъ молитвы, «нѣсть печали и болѣзни». «Дочиталъ романъ m-me Б,—записалъ онъ— кончающійся ужасно грустно. Грустное къ грустному!... Одно только хорошее впечатлѣніе за эти дни: литературный фондъ, по моей просьбѣ, далъ пособіе дочери покойнаго N. N. Чтò-то скажетъ завтрашній день?..»

А этотъ «завтрашній» день, 1-е іюня настоящаго года уже готовилъ ему роковой отвѣтъ, о которомъ онъ молилъ Бога въ своихъ стихахъ и на который пророчески указывалъ въ своемъ дневникѣ. Онъ послалъ ему «на людяхъ мгновенную смерть», смерть отъ сердца, «нынѣшней болѣзней», отъ которой, по его словамъ, скоро перемрутъ всѣ наши хорошіе люди.

Б. Глинскій.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ С. К. СМИРНОВА.

О ВТОРОЙ половинѣ февраля, близъ Успенскаго собора Троицкой Лавры, нашель себѣ вѣчное успокоеніе бывшій ректоръ Московской духовной Академіи, извѣстный протоіерей Сергѣй Константиновичъ Смирновъ... Казалось бы, что высокое положеніе, долгое, плодотворное служеніе дѣлу духовнаго образованія и многочисленныя ученые труды должны были бы вызвать, если не подробную біографію покойнаго ректора, то, по крайней мѣрѣ, точный очеркъ его трудовой жизни и полный обзоръ учено-литературной дѣятельности. Между тѣмъ, прошло уже полгода со дня кончины С. К. Смирнова, а мы имѣемъ только одни газетныя некрологи, гдѣ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ упомянуты нѣкоторые факты изъ жизни почившаго ученаго и названы лишь немногіе его труды. Указаніе послѣднихъ, впрочемъ, и для опытнаго бібліографа представляетъ большую трудность, съ одной стороны, потому, что большая часть изъ нихъ разсѣяна по разнымъ періодическимъ изданіямъ, а съ другой—по той причинѣ, что нѣкоторые труды покойнаго, даже при его жизни, были смѣшаны съ работами его однофамильцевъ (напримѣръ, въ каталогахъ) или прямо приписаны другимъ лицамъ¹⁾.

Изъ глубокаго уваженія къ памяти почившаго дѣятеля, мы рѣшаемся представить возможно полный бібліографическій обзоръ

¹⁾ Для убѣдительности представляемъ одинъ примѣръ: въ 1850 году анонимно былъ изданъ «Церковно-историческій мѣсяцесловъ Троицкой лавры»; Н. В. Сушковъ, по какимъ-то причинамъ, приписалъ этотъ трудъ С. К. Смирнова монаху Авелю (см. «Записки о митрополитѣ Филаретѣ», Москва, 1868 г., стр. 71).

его сочиненій, сопровождая свои строки точными біографическими данными.

Сергій Константиновичъ Смирновъ родился въ Москвѣ. Его отецъ—настоятель церкви Николая чудотворца, что въ Кобыльскомъ—принадлежалъ къ числу весьма образованныхъ священниковъ: онъ, по признаніямъ М. П. Погодина ¹⁾, отличался своими проповѣдями и знаніемъ русской исторіи. Благодаря воспитанію подъ руководствомъ такого просвѣщеннаго отца, Сергій Константиновичъ съ успѣхомъ прошелъ курсъ Московской семинаріи (1834—1840 г.) и, какъ лучшей воспитанникъ, былъ отправленъ для высшаго образованія въ Московскую духовную Академію. Тутъ, еще на младшемъ курсѣ, ему впервые пришлось заявить о себѣ, какъ о талантливомъ студентѣ: по случаю пріѣзда въ Троицкую лавру наслѣдника цесаревича съ супругою (25-го мая 1841 года) онъ написалъ стихотвореніе и удостоился поднести его ихъ высочествамъ ²⁾. На старшемъ же курсѣ, подъ вліяніемъ философскихъ лекцій знаменитаго профессора Ѳ. А. Голубинскаго, имъ были даже напечатаны двѣ первыя ученныя работы: «Нѣчто объ идеяхъ Платона» («Москвитянинъ», 1843 г., ч. IV, кн. 8) и «Исторія ученія древнихъ о метемпсихозѣ» (тамъ же, 1844 г., ч. II, кн. 4). Эти труды въ связи съ другими занятіями поставили высоко молодого академиста: по окончаніи курса третьимъ магистромъ богословія (1844 г.), онъ тотчасъ же былъ назначенъ бакалавромъ родной академіи по двумъ кафедрамъ—русской гражданской исторіи и греческому языку.

Съ того времени въ дѣятельности С. К. Смирнова открывается наиболѣе важный періодъ, который и продолжается ровно двадцать пять лѣтъ (1844—1870 г.). Это была пора, когда онъ и въ качествѣ бакалавра (1844—1857 г.), и въ званіи профессора (1857—1870 г.), сверхъ обработки своихъ лекцій, съ увлеченіемъ отдавался учено-литературнымъ трудамъ, особенно историческимъ изслѣдованіямъ по родной старинѣ, подражая примѣру отца. Въ названный періодъ имъ были напечатаны слѣдующіе труды, расположенные нами въ хронологическомъ порядкѣ:

- 1846 г. «Историческое описаніе Саввина Сторожевскаго монастыря», М. Эта книга выдержала: второе (1860 г.) и третье (1877 г.) изданія.
- 1848 г. «Краткія историческія свѣдѣнія о моровыхъ язвахъ въ Россіи» («Моск. Вѣдом.», №№ 98 и 101).
- «Крестный ходъ изъ Троицкой лавры по случаю холеры» (тамъ же, № 121).
- «Сказанія русскихъ лѣтописцевъ о началѣ Москвы и свидѣтельства иностранныхъ писателей XV и XVI вѣка о ея состояніи» (тамъ же, №№ 124 и 125).

¹⁾ Н. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», Спб. 1888 г., кн. I, стр. 21—22.

²⁾ См. «Московск. Вѣдомости» 1841 г., № 43.

- «Путешествіе по Россіи барона Гакетгаузена» (тамъ же, №№ 138, 146, 155 и 156).—Продолженіе и окончаніе этой переводной статьи напечатаны въ слѣдующемъ году (№№ 1, 4—5, 53—54 и 81—82).
- 1849 г. «Св. Іустинъ мученикъ и философъ» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», ч. VIII, стр. 404—429).
- «Нравственный характеръ и образъ жизни русскихъ XV и XVI вѣка, по свидѣтельству писателей иностранныхъ» («Моск. Вѣдом.», №№ 88 и 89).
- «Тимошка Анкудиновъ», изъ Олеарія (тамъ же, №№ 90 и 91).
- «Иноземные врачи въ Россіи при царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ» (тамъ же, №№ 140 и 141).
- «Отзывы иностранцевъ XVI и XVII вѣка о Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ» (тамъ же, № 145).
- «Бояринъ и воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій» («Отеч. Запискы», т. LXVII, кн. 12). Черезъ два года эта журнальная статья вышла отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «Биографія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго» (М. 1852 г.).
- 1850 г. «Церковно-историческій мѣсяцесловъ Троицкой лавры», М. Второе, дополненное изданіе: М. 1854 г.
- «О посольствѣ Ильи Даниловича Милославскаго и дьяка Леонтія Лазаревскаго въ Турцію въ 1643 году», изслѣдованіе («Временникъ Импер. Московск. Общества исторіи», кн. 6, отд. I, стр. 13—58).
- «Объ училищахъ на западѣ Европы съ VI до IX вѣка по Р. Х.», изъ Озолама («Москвитянинъ», ч. IV, кн. 8).
- 1851 г. «Историческое описаніе Махрацкаго монастыря», М.
- «Несторіане, изъ путешествія доктора Грана по Востоку» («Москвитянинъ», ч. II, кн. 4).
- «О значеніи русскаго духовенства, какъ сословія государственнаго, съ XIV до конца XVII вѣка» («Московск. Вѣдом.», №№ 51, 106 и 107).
- «О предисловіи къ житію преподобнаго Сергія, писанномъ келаремъ Симономъ Азарьинымъ» («Временникъ Импер. Московск. Общества исторіи», кн. 10, отд. IV, стр. 1—13).
- 1852 г. «Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и церкви его въ ветхомъ завѣтѣ» (о ветхозавѣтныхъ прообразованіяхъ), М., диссертация на степень магистра богословія.
- «Пятьдесятъ второй годъ въ лѣтописяхъ русской исторіи» («Московск. Вѣдом.», № 27).
- «Дѣла благотворительности Троицкой Сергіевой лавры» (тамъ же, № 39).
- «Начало Московской Славяно-греко-латинской Академіи» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», ч. XI, стр. 62—94).
- 1853 г. «Хотьковъ монастырь и Радонежь» («Московск. Вѣдом.», №№ 102 и 103). Эти двѣ статьи въ слѣдующемъ году вышли отдѣльною брошюрою.
- «Краткій очеркъ Московской синадальной типографіи» («Московск. Вѣдомости», №№ 152 и 153).
- «Московская славяно-греко-латинская Академія» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», ч. XII, стр. 129—174; 259—296; 419—597).
- 1854 г. «Покровскій Хотьковъ дѣвичій монастырь», М. Эта брошюра выдержала: второе (1858 г.), третье (1872 г.), четвертое (1875 г.) и пятое (1880 г.) изданія.
- «Древне-русскій взглядъ на турокъ и Царьградъ» («Московск. Вѣдомости», № 33).
- «Мнѣніе маршала Мармона объ отношеніи Россіи къ Турціи», перев. съ французскаго (тамъ же, № 51).
- «Московская Славяно-греко-латинская Академія» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», ч. XIII, стр. 136—194).

- 1855 г. «Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи», М., 428 стр.
Этотъ трудъ удостоенъ половиною Демидовской преміи.
«Протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій», біографич. очеркъ,
М., 27 стр.
- 1856 г. Въ этомъ году С. К. Смирновъ написалъ стихотвореніе «На Высочай-
шее пришествіе въ Свято-Троицкую Сергіеву лавру ихъ императорскихъ
величествъ» (1856 года, 20-го сентября) и поднесъ его государю импе-
ратору Александру Николаевичу; но оно явилось въ печати гораздо
позже; именно въ приложеніи къ «Исторіи Московской духовной Ака-
деміи» (М. 1879 г., стр. 624—628).
- 1858 г. «О церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака противъ новоженевъ»
(«Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», ч. XVII, стр. 204—282).—Эта
статья явилась плодомъ временныхъ занятій по новой кафедрѣ миссіо-
нерскаго отдѣленія Академіи, гдѣ Сергій Константиновичъ препода-
валъ съ октября 1855 года до 1870 года.
«Правая грамота царя Алексѣя Михайловича Троицкому Сергіеву мона-
стырю на владѣніе деревнею Ильинскою», съ предисловіемъ («Чтенія
въ Импер. Московск. Обществѣ исторіи», кн. II, отд. V, стр. 115—134).
Отдѣльный оттискъ: М. 1858 г., 20 стр.
- 1859 г. «По поводу мнѣнія о мѣстѣ погребенія расколоучителя діакона Ѳеодора»
(«Московск. Вѣдом.», № 58).
«О сочинителѣ рукописи: Русское государство въ XVII вѣкѣ» (тамъ же,
№ 83).—Въ этой статьѣ доказывается, что авторомъ названной руко-
писи нужно считать сербскаго попа Юрія Крыжанича.
- 1860 г. «Сербскаго попа Юрія Крыжанича опроверженіе Соловецкой челобитной»
(«Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», ч. XIX, стр. 503—585).
«Нѣчто о древнемъ Стромынскомъ монастырѣ» («Архивъ историческ. и
практическ. свѣдѣній», изд. Н. Калачовымъ, кн. III, отд. V, стр. 1—14).
«Преподобнаго Кассіана Римлянина: сказанія о подвижникахъ его вре-
мени» («Душеполезн. Чтеніе», кн. 7 и 9).
- 1861 г. «Посѣщеніе Троицкой Сергіевой лавры императрицею Елисаветою Пе-
тровною» («Московск. Вѣдом.», № 99).
«Исторія Троицкой семинаріи» («Прибавл. къ Твореніямъ св. Отцевъ»,
ч. XX, стр. 497—618).—Продолженіе этого труда появилось въ слѣдую-
щемъ году.
«Преподобный Сильвестръ, игуменъ, Обнорскій чудотворецъ» («Душепо-
лезное Чтеніе», кн. 11, стр. 229—269).—Отдѣльное изданіе: М. 1884 г.
40 стр.
- 1862 г. «Исторія Троицкой семинаріи», продолженіе («Прибавленія къ Творе-
ніямъ св. Отцевъ», ч. XXI, стр. 387—442; 493—568).
- 1863 г. «Слово въ день преподобнаго Сергія» («Прибавленія къ Твореніямъ св.
Отцевъ», ч. XXII).
«Исторія Троицкой семинаріи», продолженіе (тамъ же, стр. 393—462;
495—636).
«Профессоръ Московской духовной Академіи, протоіерей П. С. Дели-
цынъ» (тамъ же, ч. XXII, стр. 684—695).
- 1864 г. «Исторія Троицкой семинаріи», окончаніе («Прибавленія къ Твореніямъ
св. Отцевъ», ч. XXIII, стр. 205—244). Отдѣльное изданіе этого труда
вышло въ 1867 году.
«Вступительная лекція В. И. Кутневича» («Прибавленія къ Твореніямъ
св. Отцевъ», ч. XXIII, стр. 635—646).—При этой лекціи напечатанъ и
краткій некрологъ В. И. Кутневича.
«Четыре письма святителя Димитрія Ростовскаго», переводъ съ латин-
скаго («Душеполезн. Чтеніе», кн. 5, стр. 1—4).

- «Историческая записка о Московской духовной Академіи, по случаю празднованія ея 50-лѣтія», М., 38 стр.
- «Списки начальствующихъ, наставниковъ и студентовъ Московской духовной Академіи» (1814—1864 г.), М., 85 стр.
- «Празднованіе пятидесятилѣтія Московской духовной Академіи» («Моск. Вѣдом.», № 220).—То же было перепечатано и въ «Сборникѣ», изданномъ по случаю юбилея Академіи (М. 1864 г.)
- 1865 г. «Нѣмецкіе сектанты за Кавказомъ» («Русск. Вѣстникъ», т. LVII, кн. 5, стр. 230—257).
- 1866 г. «Указатель къ обозрѣнію Геесиманскаго скита», М.—Эта брошюра выдержала: второе (1867 г.), третье (1868 г.), четвертое (1869 г.), пятое (1870 г.), шестое (1872 г.) и седьмое (1874 г.).
- «Одинъ изъ питомцевъ Сперанскаго—Василій Потапьевичъ Знаменскій» («Русск. Вѣстникъ», LXI, кн. 1, стр. 312—341).
- «Дневникъ Корба» (тамъ же, т. LXII, кн. 4, стр. 734—770 и т. LXVI, кн. 12, стр. 500—531).
- 1867 г. «Исторія Троицкой Лаврской семинаріи», М., 586 стр.—Этотъ трудъ удостоенъ Уваровской преміи.
- «Кандія. историческій очеркъ» («Русск. Вѣстникъ», т. LXVIII, кн. 3, стр. 341—369).
- «Учитель Троицкой семинаріи, В. М. Дроздовъ» («Современи. Лѣтопись», № 44).
- «День 5-го августа 1867 года въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи» («Моск. Вѣдом.», №№ 256 и 257).
- 1868 г. «Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ», съ предисловіемъ («Восемнадцатый Вѣкъ», изд. П. Бартевевымъ, т. I, стр. 425—452).
- «Изъ воспоминаній Филарета, митрополита Московскаго» (кн. 8, стр. 507—542).
- «По поводу статьи П. И. Мельникова: «Изъ прошлаго» (тамъ же, кн. 9, стр. 7—13).
- «Путеводитель къ Троице-Сергіевой лаврѣ», М. Второе изданіе: М. 1882 г., 57 стр.
- 1869 г. «Спасо-Введенскій монастырь», М.
- «Письяма митрополита Московскаго Платона къ пресвященнымъ Амвросію и Августину, съ переводомъ латинскихъ писемъ и съ примѣчаніями» («Правосл. Обзорніе», кн. 5—6, 8—9 и 11).—Окончаніе этого труда появилось въ томъ же журналѣ на слѣдующій годъ (1870 г., кн. 7, 8 и 10).
- 1870 г. «О чудотворной иконѣ Богоматери въ пещерномъ храмѣ Геесиманскаго скита», М., 22 стр.—Эта брошюра выдержала: второе (1870 г.), третье (1871 г.), четвертое (1871 г.), пятое (1873 г.), шестое (1874 г.) и седьмое (1875 г.)

Вотъ въ какомъ обширномъ объемѣ развернулась учено-литературная дѣятельность С. К. Смирнова, во время его профессорской службы! Но за этимъ необыкновенно оживленнымъ періодомъ настала другая, болѣе важная пора, когда заслуженный профессоръ былъ назначенъ въ той же Академіи инспекторомъ (съ октября 1870 года) и, послѣ принятія священства, ректоромъ (съ 10-го апрѣля 1878 года). Съ обѣими названными должностями, кромѣ лекцій по греческому языку и священному писанію новаго завѣта,

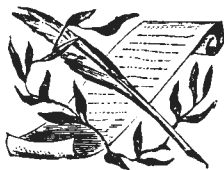
соединялась хлопотливая административная дѣятельность. Поэтому понятно, что учено-литературныя занятія покойнаго не могли имѣть прежняго широкаго развитія. Тѣмъ не менѣе и за этотъ промежутокъ времени (съ 1871 до половины 1886 года) изъ-подъ его пера вышли слѣдующіе новые труды:

- 1871 г. «Открытіе древнихъ надгробныхъ надписей въ Троицкой Сергіевой лаврѣ» («Труды I-го археологическаго съѣзда», М., т. II).
- 1873 г. «Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія ап. Павла къ Ефесеямъ», М. (сочиненіе для полученія степени доктора богословія).
- 1874 г. «Константинъ Экономъ и сочиненіе его»: «О сродствѣ славянскаго языка съ еллинскимъ», актовая рѣчь (брошюра: «Годичный актъ въ Московск. дух. Академіи», М.).
«Преподобный Аѳанасій Высоцкій» («Душеполезн. Чтеніе», кн. 9).
- 1875 г. «Протоіерей А. В. Горскій» («Московск. Вѣдом.», №№ 265 и 266).
- 1876 г. «Воспоминанія о покойномъ ректорѣ Московской духовной Академіи, протоіерей А. В. Горскомъ» («Православн. Обзорніе», кн. 11, стр. 461—491).—Эти же «Воспоминанія» вошли въ актовую рѣчь, которая напечатана въ брошюрѣ: «Годичный актъ въ Московской духовной Академіи» (М. 1877 г.).
«Sortes sanctorum» («Православн. Обзорніе», кн. 11, стр. 605—610).
- 1879 г. «Исторія Московской духовной Академіи до ея преобразования», М., 632 стр.—Этотъ трудъ удостоенъ Уваровской награды.
«Слово на погребеніе митрополита Московскаго Инновентія» («Московск. Вѣдом.», № 98).
- 1882 г. «Слово въ день погребенія Макарія, митрополита Московскаго» («Православное Обзорніе», кн. 6—7, стр. 588—592).
«Кончина и погребеніе высокопреосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго и Коломенскаго», М., 45 стр.
«Слово на день тезоименитства государя императора» («Московск. Вѣдомости», № 242).
- 1883 г. «Письма Филарета, митрополита Московскаго, къ Филарету, впоследствии архіепископу Черняговскому», съ примѣчаніями, М.
«Слово и рѣчь въ Московской духовной Академіи при воспоминаніи о столѣтней годовщинѣ рожденія митрополита Филарета» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», ч. XXXI).
«Десять поученій перваго русскаго доктора богословія, игумена Палладія Роговскаго» (тамъ же, ч. XXXII).
- 1885 г. «Терминологія отцевъ церкви въ ученіи о Богѣ» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», ч. XXXV).
«Ученики преподобнаго Сергія Радонежскаго» («Душепод. Чтеніе», кн. 8).
- 1886 г. «Особенности греческаго языка новозавѣтнаго» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», ч. XXXVII).
«Профессоръ Московской духовной Академіи, И. Д. Мансветовъ», некрологъ (тамъ же).

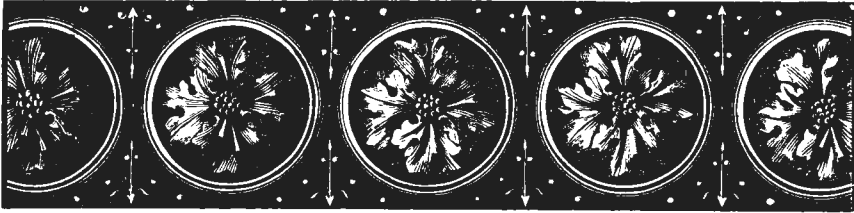
Наконецъ, чувствуя упадокъ силъ, Сергій Константиновичъ испросилъ себѣ увольненіе отъ академической службы (30-го іюля 1886 года). Повидимому, послѣ неутомимой сорокадвухлѣтней дѣятельности, при сознаніи исполненнаго долга, можно было подумать

о полномъ отдыхѣ. Но не такъ поступилъ трудолюбивый ученый: онъ не прервалъ своихъ литературныхъ занятій ¹⁾, трудился до кончины (16-го февраля 1889 года), пока не удостоился «вѣчнаго покоя» подъ сѣнію Троицкой лавры...

Дмитрій Языковъ.

¹⁾ Это доказываютъ слѣдующіе труды, напечатанные С. К. Смирновымъ: «Письмо цесаревича Павла Петровича къ Московскому митрополиту Платону», съ примѣчаніями («Русск. Архивъ», 1887 г., кн. 5—7) «Нѣчто о древнемъ Симеоновскомъ монастырѣ, приписномъ къ Троицкой Лаврѣ» («Чтенія Импер. Московск. Общества исторіи», 1888 г., кн. 1). «Автобіографія Платона, митрополита Московскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями» («Душеполез. Чтеніе», 1887, кн. 8 и 9; отдѣльно; М. 1887, 86 стр.) и «Апологетика св. мученика Іустина философа» («Душеполезное Чтеніе», 1888, кн. 6 и 7).

КОРОЛЕВА ХРИСТИНА ШВЕДСКАЯ ¹⁾.

ИЗНЬ ЗНАМЕНИТАГО короля шведскаго Густава-Адольфа промелькнула блестящим метеоромъ предъ глазами всей Европы первой половины XVII вѣка. Это былъ герой безъ страха и упрека, но вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщенный мыслитель, относившійся, въ минуты раздумья, болѣе чѣмъ критически къ своей дѣятельности. Густавъ-Адольфъ покрылъ свое государство славой и сдѣлалъ Швецію страшной для всей Европы, но, убитый въ сраженіи при Люценѣ въ 1632 году, оставилъ свою страну на той же стени грубости нравовъ, на какой онъ и засталъ ее, принявъ въ свои руки бразды правленія въ 1611 году. Горожане не отличались достаткомъ, дворянство относилось свысока къ интересамъ образованности, чиновники были малограмотны. Жизнь, вообще, отличалась особой неприхотливостью. Въ засѣданія государственныхъ штатовъ, представители четвертаго (крестьянскаго) сословія являлись въ лохмотьяхъ. Грубо општукатуренныя жилища вельможъ были бѣдно меблированы и содержались грязно, такъ что во время пировъ надъ столомъ раскидывался балдахинъ, въ предохраненіе блюдъ отъ пауковъ, которые падали съ потолка; но за то лились рѣдкой пиво, рейнское вино и различныя водки. Городъ Стокгольмъ состоялъ изъ низенькихъ, покрытыхъ дерномъ домовъ, среди которыхъ одиноко возвышались дворцы съ ихъ мѣдными крышами. Упсальскій университетъ, основанный еще въ 1476 году, представлялъ изъ себя ничтожную школу, и даже послѣ

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ по изслѣдованію Арведа Барина (Revue d. deux mondes, 15 nov. 1888 г.).

преобразованій, сдѣланныхъ въ немъ Густавомъ-Адольфомъ, онъ располагалъ медицинскимъ факультетомъ, состоявшимъ изъ одного профессора, котораго было вполне достаточно для весьма небольшого числа студентовъ.

Густавъ-Адольфъ, всегда готовый къ смерти на полѣ битвы, не могъ не предвидѣть тѣхъ затрудненій, которыя предстояло пережить Швеціи послѣ его кончины. Его преемницей являлась малолѣтняя дочь его Христина, родившаяся въ 1626 году; слѣдовательно ей было всего шесть лѣтъ, когда Люценская битва унесла ея отца. Густавъ-Адольфъ очень любилъ свою жену Марію-Элеонору, дочь курфюрста Бранденбургскаго, но онъ очень хорошо видѣлъ, что эта чувствительная, плаксивая женщина была болѣе чѣмъ ограничена. Она жила въ обществѣ шутовъ, дураковъ и всякаго рода ничтожныхъ людей, не интересуясь ничѣмъ, кромѣ придворныхъ сплетенъ и рецептовъ для сохраненія цвѣта лица. Густавъ-Адольфъ, точнымъ выраженіемъ своей воли, на случай своей смерти, устранилъ свою жену отъ всякаго вмѣшательства въ государственныя дѣла и въ воспитаніе наслѣдницы престола, довѣривъ все это регентству, съ канцлеромъ Оксенштирномъ во главѣ, сенату и законодательному собранію представителей всѣхъ четырехъ сословій. Наканунѣ Люценской битвы Густавъ-Адольфъ снова подтвердилъ такую свою волю въ письмѣ къ Оксенштирну.

Когда Густавъ былъ убитъ, Швеція очутилась лицомъ къ лицу съ вопросомъ о воспитаніи своей малолѣтней повелительницы. Представители сословій указали на необходимость воспитать въ ней хорошую шведку душой и тѣломъ, въ строгихъ обычаяхъ страны. Сенатъ и регентство согласились съ такимъ мнѣніемъ; но обстоятельства складывались иначе.

Въ теченіе трехъ лѣтъ отсутствія Оксенштирна, котораго дѣла государственной важности задерживали въ Германіи, Христина оставалась въ полномъ распоряженіи матери. Капризный ребенокъ, который съ самаго своего рожденія, съ перваго своего рѣзкаго крика, поражалъ всѣхъ неженственностью своей натуры, раздѣлилъ теперь съ матерью ея образъ жизни. Марія-Элеонора вся отдалась оплакиванію своего мужа въ апартаментахъ, всегда обтянутыхъ чернымъ сукномъ, съ завѣшенными окнами, при свѣтѣ вусковыхъ свѣчей. Надъ изголовьемъ постели, на которой она спала вмѣстѣ съ своей дочерью, висѣлъ золотой кивотъ съ сердцемъ Густава-Адольфа. Только съ возвращеніемъ Окстенштирна, который отнесся къ дѣлу энергичнѣе остальныхъ регентовъ, вдовствующая королева переселилась въ одинъ изъ отдаленныхъ замковъ, а монархиня-отроковица начала свое государственное воспитаніе.

Послѣ Оксенштирна, всесильнаго въ Стокгольмскомъ дворцѣ, первымъ дядькой Христины, которую отецъ завѣщалъ воспитать какъ мальчика, былъ дворянинъ, выбранный на эту должность по

назначенію самого Густава-Адольфа. По словамъ самой Христины въ ея автобіографіи, это былъ товарищъ короля во всѣхъ его пожденіяхъ, ловкій придворный, но совершенный невѣжда, вспыльчивый, черезчуръ увлекавшійся женщинами и виномъ. Его помощникъ былъ горькимъ пьяницей, а затѣмъ слѣдовалъ преподаватель всѣхъ наукъ докторъ теологіи Иванъ Маттѣ.

Между тѣмъ, вся страна интересовалась воспитаніемъ своей королевы. Ученый теологъ представлялъ регентству изо дня въ день подробный отчетъ о прохожденіи курса августѣйшей ученицей; 30 апрѣля 1639 года регентству было сообщено, что королева выучила наизусть полатыни изъ Саллюстія рѣчь Катона, а 6 августа—рѣчь Катилины къ его воинамъ. Затѣмъ сообщалось, что королева изучаетъ: астрономію по автору XIII вѣка, который не можетъ дать еретическихъ толкованій относительно движенія земли; что она занимается исторіей, начавъ съ Пятикнижія; что она усердно читаетъ старинную, рекомендованную покойнымъ королемъ, шведскую книгу объ искусствѣ управлять. Комиссія сенаторовъ производила экзамены королевѣ. Штаты вотировали инструкцію «наилучшаго воспитанія и обученія королевы» и рекомендовали регентамъ не внушать ея величеству идей «опасныхъ для свободы и для состоянія штатовъ и всѣхъ гражданъ королевства». Самъ Окстенштирнъ въ теченіе восьми лѣтъ ежедневно по три часа читалъ королевѣ лекціи государственнаго права.

Ученье давалось ея величеству необыкновенно легко; Христина увлекалась занятіями съ необузданной страстностью, забывая о пищѣ, питьѣ и снѣ. Она въ совершенствѣ владѣла восемью языками, превосходно знала наизусть весь лютеранскій катехизисъ и свободно разсуждала о философіи. Со стороны внѣшности, Христина имѣла видъ необузданнаго мальчика: съ всклокоченными волосами, съ грязными руками, въ разорванномъ платьѣ, она ругалась какъ мѣщанка; въ то же время она отлично ѣздила верхомъ и охотилась. Въ мужской шляпѣ и камзолѣ, съ распущенными волосами, остроноса, съ оттопыренной нижней губой, съ большими жгучими глазами, она не имѣла въ себѣ ничего женственнаго. Она глубоко презирала женщинъ, женскія работы и разговоры съ женщинами. При всемъ этомъ, какъ признается сама королева въ своей автобіографіи, она была «недовѣрчива, подозрительна и крайне самолюбива,—вспыльчива, высокомерна, нетерпѣлива,—относилась ко всѣмъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой». Нѣсколько строкъ ниже королева прибавляетъ: «я была невѣрующей и мало благочестивой, и мой бурный темпераментъ будилъ во мнѣ болѣе самолюбія, чѣмъ чувства любви».

Такова была королева Швеціи въ восемнадцать лѣтъ, когда регентство объявило ее совершеннолѣтнею. Въ то же время она была увлечена изящной литературой и поэзіей и славилась

какъ знатокъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Она глядѣла на мѣръ глазами античнаго язычника и философа новой Европы. Воображеніе уносило ее на югъ, въ Италію, и она создавала мѣръ иллюзій, окружая себя блестящей обстановкой, расточая свои средства на роскошную мебель, картины, статуи и различныя рѣдкости. Она съ презрѣніемъ относилась ко всему окружающему и прежде всего къ освященному вѣками положенію женщины, какъ жены и матери, наотрѣзъ отказалась избрать себѣ мужа, угрожая отречься отъ престола. Вѣрноподданные умоляли ее остаться, но, конечно, были скандализированы такимъ оборотомъ дѣла.

Между тѣмъ, около нея стали появляться одинъ за другимъ фавориты, которыхъ она выбирала всегда изъ людей молодыхъ и болѣе или менѣе изящныхъ. Сама Христина признается въ своей автобіографіи, что она не разъ стояла на краю пропасти, но утверждаетъ, что всегда умѣла удержаться отъ паденія. При этомъ надо знать, что она одѣвалась помужски, жила окруженная мужчинами и пользовалась услугами лакеевъ, а не горничныхъ.

Первымъ ея фаворитомъ былъ Магнусъ де-ла Гарди, красавецъ 22-хъ лѣтъ, котораго она тотчасъ же назначила посланникомъ, полковникомъ, сенаторомъ, гофмаршаломъ, министромъ финансовъ. Это было время преобладанія въ Стокгольмѣ французскаго вліянія. Дворъ Христины блисталъ именами французскихъ писателей и ученыхъ. Ноде былъ ея бібліотекаремъ, Сомезъ прожилъ при ея дворѣ цѣлый годъ, знаменитый Декартъ провелъ въ Стокгольмѣ три послѣдніе мѣсяца своей жизни: по требованію королевы, онъ долженъ былъ являться ежедневно въ 5 часовъ утра для философскихъ собесѣдованій съ нею. Кромѣ того, при дворѣ ея состояли: оріенталистъ Башаръ, его другъ Гюз, Бурдонъ, Нантейль, граверъ Паризъ, архитекторъ де-ла-Валле. Главный секретарь королевы былъ французъ Шевро и при немъ четыре помощника, тоже французы. Но вскорѣ значеніе всѣхъ поблекло въ сравненіи съ тѣмъ авторитетомъ, какой приобрѣлъ при дворѣ камердинеръ королевы Клере Пуассоне, тоже французъ, но неумѣвшій ни читать, ни писать. Это не мѣшало ему быть замѣчательнымъ дипломатомъ и Христина возлагала на него миссіи къ папѣ и къ кардиналу Мазарини.

Всѣ эти ученые и писатели за время пребыванія своего при шведскомъ дворѣ получали большія деньги и награды; кто не могъ пріѣхать, но состоялъ въ перепискѣ съ просвѣщенной королевой, въ той же мѣрѣ попадалъ подъ этотъ золотой дождь.

Не меньшихъ денегъ стоили богатѣйшія коллекціи, которыя Христина съ особой страстностью собирала въ своей столицѣ, не останавливаясь ни передъ какими издержками. У нея была лучшая въ Европѣ бібліотека. Среди собранныхъ ею 8,000 рукописей, было двѣ такихъ, за которыя она заплатила 160,000 экю. Въ ея

роскошномъ собраніи произведеній изящныхъ искусствъ было 11 картинъ Корреджіо и двѣ Рафаэля, но она не задумалась приказывать разрѣзать лучшія изъ этихъ картинъ, чтобы размѣстить ихъ на плафонахъ въ своихъ покояхъ.

Не меньшія суммы тратила Христина на возвеличеніе своей собственной особы. Выпущено было громадное количество медалей, на которыхъ она изображалась въ видѣ Минервы, Діаны и Викторіи. Панегирики въ прозѣ и въ стихахъ оплачивались дорогими подарками. Проникшись сознаниемъ своего величія, она безъ всякой надобности заводила переписку съ Рецомъ и Мазарини, съ Конде и Людовикомъ XIV, съ королями польскимъ и испанскимъ и, наконецъ, даже съ царемъ эіопскимъ, когда одинъ изъ ея придворныхъ, ученый Лудольфъ, увѣрилъ ее, что скитавшійся по всей Европѣ какой-то негръ, не говорившій ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ, есть не кто иной, какъ король Эіопіи Акалактусъ.

Королевскіе расходы требовали чрезвычайныхъ налоговъ, которые вызывали среди народа открытый ропотъ. Чтобы поддерживать такой порядокъ вещей, надо было самовластно распоряжаться страной, не выпуская изъ своихъ рукъ государственныхъ дѣлъ. Съ досадой отдавая на это свое драгоценное время, Христина наверстывала его на снѣ, туалетѣ и принятіи пищи. Она спала не болѣе трехъ часовъ въ сутки, не чесала волосъ по недѣлямъ и обѣдала наскоро. Къ 25-ти годамъ, здоровье ея сильно пошатнулось; ее мучила лихорадка, худосочіе, выразившееся въ нарывахъ; она таяла не по днямъ, а по часамъ, когда отыскался докторъ, который сразу прописалъ ей живительныя средства. Это былъ французъ Бурдело, сынъ цирюльника по происхожденію, шарлатанъ не хуже и не лучше другихъ врачей того времени, смѣло писавшій латинскіе рецепты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался замѣчательнымъ остроуміемъ, живостью характера, пѣлъ романсы, игралъ на гитарѣ, зналъ удивительные рецепты туалетныхъ снадобій, отлично стряпалъ и мастерски устраивалъ всякія празднества.

Понятно, что призванный къ королевѣ, онъ прописалъ ей совершенное спокойствіе, прекращеніе всякихъ умственныхъ занятій, удалилъ книги и рекомендовалъ развлеченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бурдело сумѣлъ объяснить своей пациенткѣ, что при французскомъ дворѣ ученые женщины слывутъ за отчаянныхъ чудачекъ, которыя подвергаются безпощадному осмѣянію.

Христина скоро вошла во вкусъ этого леченія. Увеселительныя прогулки, танцы, игры наполняли теперь все ея время. Она перестала слушать доклады по дѣламъ, отказывала въ аудіенціяхъ, не являлась больше въ засѣданіяхъ Совѣта, наконецъ, уѣхала въ загородный замокъ, чтобы спастись отъ докучливыхъ министровъ.

Этот вихрь удовольствий, которому теперь предалась Христина, истощилъ послѣднія средства стокгольмской восударственной казны. Кредита болѣе не было и королевѣ едва ссудили 4,000 талеровъ подъ залогъ ея серебряной посуды.

Общій ропотъ становился угрожающимъ и, уступая ему, Христина уволила Бурдело, полтора года безконтрольно распоряжав-

Королева Христина шведская.
Съ портрета, гравированнаго Фальсомъ.

шагося всей страной, а полгода спустя, 11-го февраля 1654 года, Христина, въ общемъ собраніи сената, объявила, что отрекается отъ престола въ пользу своего двоюроднаго брата Карла-Густава, прибавивъ при этомъ, что никакія просьбы не заставятъ ее измѣнить это рѣшеніе.

Швеція была поражена и растрогана; дочь Густава-Адольфа убѣждали остаться, горько плакали во время церемоніи отреченія,

охотно соглашались на всѣ тѣ денежные выдачи, которыми она обусловила свое отреченіе. За ней укрѣпили доходъ съ нѣсколькихъ городовъ и помѣстій въ размѣрѣ до 500,000 ливровъ. Къ ея отъѣзду была приготовлена цѣлая эскадра судовъ, но она предпочла скрыться, какъ истая искательница приключеній, захвативъ всѣ свои коллекціи, серебро и коронные бриліанты, такъ что ея преемникъ вступилъ въ совершенно опустошенный дворецъ. Выѣхавъ изъ Стокгольма, развѣнчанная королева распорядилась отправкой своего багажа въ Гамбургъ, а сама, одѣвшись помужски, въ длинныхъ сапогахъ, съ ружьемъ за спиной, отправилась черезъ Норвегію во Фландрію, въ сопровожденіи четырехъ дворянъ и четырехъ лакеевъ. Съ крикомъ «ура!» она перескочила границу Норвегіи, оставляя за собой прискучившую ей родину.

Переправившись черезъ проливъ, она высадилась въ Даніи подъ вымышленнымъ именемъ. Датская королева, интересуясь видѣть ее, переодѣвшись служанкою, поджидала ее въ гостинницѣ, гдѣ остановилась Христина.

Изъ Даніи Христина поѣхала верхомъ въ Гамбургъ. Объявленное ею первоначально намѣреніе сражаться въ рядахъ арміи принца Конде было оставлено. Свою энергію, время и средства, Христина расточала теперь на путешествія, которыя совершались при обстановкѣ, напоминавшей странствующій циркъ. Уже въ Гамбургѣ Христина сформировала временную свиту, нарядивъ въ богатые придворные костюмы многочисленныхъ проходимцевъ. Сама одѣтая съ королевской пышностью, она принимала королевскія почести съ достоинствомъ, приводившимъ въ восторгъ толпу, жадную до всякаго зрѣлища. Но въ то же время, она могла, въ самый торжественный моментъ, произнести какую-нибудь непристойность, или принявъ грубую позу прыснуть со смѣха въ фізіономію какому-нибудь важному лицу, которому давала аудіенцію.

Въ Брюсселѣ она пробыла дольше обыкновеннаго. Жизнь ея здѣсь представляла сплошной карнавалъ и она, какъ увѣряють современники, совершенно разнуздала свои страсти. Чтобы окончательно осмѣять тотъ режимъ, въ правилахъ котораго ее старались воспитать, въ ночь подъ Рождество 1654 года Христина отреклась отъ протестантизма. Въ концѣ слѣдующаго года, въ Инсбрукѣ, при самой торжественной обстановкѣ, она была объявлена возвратившейся въ лоно католической церкви. Она покидала протестантизмъ, говоря, что ей надобли проповѣди протестантскихъ пасторовъ; но серьезность ея присоединенія къ католицизму была болѣе чѣмъ сомнительна. Когда въ тотъ самый день, какъ состоялось отреченіе, ей предложили смотрѣть какую-то комедію, она замѣтила, что комедія будетъ очень кстати послѣ того фарса, который только-что разыгранъ.

Тѣмъ не менѣе развѣнчанной королевѣ хотѣлось доиграть этотъ

фарсъ до конца. Она отправилась въ Римъ, гдѣ ее встрѣтили съ триумфомъ. Она вступила въ вѣчный городъ, предшествуемая длиннымъ рядомъ каретъ, въ которыхъ возсѣдали кардиналы, прелаты, посланники и представители знатнѣйшихъ римскихъ фамилій. Губернаторъ города Рима ѣхалъ въ раззолоченной каретѣ, которая стоила 3000 экю, окруженный свитою изъ 40 человѣкъ. Римскія дамы, въ костюмахъ по 500—700 экю, имѣли при себѣ свиту въ 36 человѣкъ каждая. Папа истратилъ на этотъ пріемъ 1.300,000 экю и римскіе портные работали въ теченіе шести мѣсяцевъ исключительно для этой церемоніи.

Папа встрѣтилъ Христину въ храмѣ св. Петра и въ отвѣтъ на ея благодарность за такой пріемъ, сказалъ, что на небесахъ ея обращеніе привѣтствуется такими празднествами, какихъ на землѣ и вообразить нельзя.

Христина поселилась въ Римѣ. Приставленные къ ней кардиналы не только ни въ чемъ не сдерживали ее, но и сами увлекались тѣми скандалами, которые Христина продолжала и здѣсь. Разсердившись однажды на кардинала Медичи, она приказала стрѣлять въ его дворецъ и сама пустила въ дверь первую пулю. Являясь иногда на торжественное богослуженіе, въ присутствіи самого папы, Христина громко хохотала въ церкви, а когда папа подарилъ ей четки, она крикнула въ догонку: «я не хочу быть ханжей».

Между тѣмъ, ея денежные средства умалялись, такъ какъ Швеція, оскорбленная ея переходомъ въ католичество и истощенная войною, неисправно выплачивала ея пенсіонъ. Христина обратилась за помощію къ папѣ. Ей было предложено 2000 экю въ мѣсяцъ, если она согласится держать себя скромнѣе. Христина заложила свои брилліанты за 10.000 дукатовъ и уѣхала во Францію.

По распоряженію Мазарини, на пути отъ Марсея до Парижа, эксъ-королевѣ воздавались самыя высокія почести. Ей подносились ключи отъ городовъ, ее привѣтствовали прелаты и намѣстники, поэты превозносили ее въ хвалебныхъ одахъ. Въ Ліонѣ къ ея свитѣ присоединился герцогъ де-Гизъ, посланный отъ имени короля сопровождать ее до Компьена, гдѣ тогда находился дворъ. Въ Парижъ она вступила въ сопровожденіи эскорта въ 1000 человѣкъ. Герцогиня Монпансье была съ ней вмѣстѣ въ театрѣ. Вдовствующая королева Анна австрійская торжественно принимала ее въ Компьенѣ, въ присутствіи Людовика XIV. Элегантныхъ придворныхъ тогдашняго французскаго двора, скучавшихъ въ тискахъ ими же созданнаго этикета, занимала эта оригинальная женщина. Ихъ поражало то, что она говоритъ пофранцузски, какъ парижанка, и не уступаетъ никому въ искусствѣ поддерживать изящную бесѣду, не стѣсняясь въ то же время принимать шутовскія позы, на которыя приходилось смотрѣть сквозь пальцы,

точно также, какъ и на всѣ странности ея внѣшняго вида. Въ камзолѣ изъ краснаго сукна, изъ-подъ котораго выбивалась бѣлая рубаха надъ криво-надѣтой юпкой, въ мужскихъ сапогахъ, въ парикѣ, сдѣланномъ спереди помужски, а сзади поженски, она ѣздила верхомъ на мужскомъ сѣдлѣ, съ пистолетами при лукѣ и съ палкою въ рукѣ. Въ Парижѣ бѣгала за ней толпа горожанъ, какъ только она показывалась на улицѣ. Въ Компьенѣ она увлекла всѣхъ своей бесѣдой, но когда вечеромъ открыто попросила прислать къ ней для услугъ лакеевъ, то все общество было этимъ смущено. Впрочемъ, на слѣдующій день она опять овладѣла общимъ вниманіемъ, и юный король былъ отъ нея въ восторгѣ, въ особенности, когда Христина высказалась откровенно и прямо по одному очень деликатному вопросу, который занималъ тогда весь дворъ, раздѣляя всѣхъ на партіи. Людовикъ XIV былъ влюбленъ въ Марію Манчини, племянницу Мазарини, и романъ этотъ очень безпокоилъ королеву-мать. Христина посовѣтовала юному монарху поступить согласно влеченію своего сердца и, не задумываясь, жениться на дѣвушкѣ, которую онъ любитъ. Послѣ такого совѣта, Анна австрійская поспѣшила удалить эксъ-королеву шведскую. Передъ отъѣздомъ изъ Франціи, послѣдній визитъ Христины былъ къ знаменитой тогда куртизанкѣ Нинонѣ де Ланкло.

Христина направилась опять въ Римъ, но тамъ въ это время свирѣпствовала чума и ей пришлось провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Сѣверной Италіи. Въ октябрѣ того же 1657 года, Христина вернулась во Францію. При дворѣ она болѣе не возбуждала ни интереса, ни симпатій. Она расположилась въ Фонтенебло, гдѣ, за отсутствіемъ двора, замокъ былъ предоставленъ къ ея услугамъ.

Здѣсь-то, въ Фонтенебло, разыгралась кровавая драма, заставившая всю Европу взглянуть на Христину другими глазами. Прежнія ея чудачества дали теперь мѣсто такимъ дѣйствіямъ, которыя заслуживаютъ другого названія.

Вмѣстѣ съ Христиною прибыли въ Фонтенебло два юныхъ итальянца: маркизъ Мональдески и графъ Сентинелли. Первый изъ нихъ только-что уступилъ второму свое мѣсто въ сердцѣ экс-королевы, но не хотѣлъ съ этимъ примириться. Христинѣ попались въ руки оскорбительныя для нея письма графа Сентинелли, оказавшіяся однако поддѣльными.

6 ноября 1657 года, въ 9 часовъ утра, по требованію Христины, явился къ ней пріоръ монастыря триниторіевъ въ Фонтенебло, отецъ Лебель. Обязавъ его тайной, королева передала ему на храненіе запечатанный пакетъ безъ адреса, впредь до ея распоряженія. Черезъ три дня, она снова прислала за отцомъ Лебелемъ, который, отправляясь къ ней, захватилъ съ собою на всякій случай и таинственный пакетъ. Въ одной изъ галлерей замка пріоръ засталъ королеву въ мирной бесѣдѣ съ Мональ-

дески. Тутъ же стоялъ Сентинелли, а за нимъ два итальянскихъ солдата. Монахъ, — какъ онъ описываетъ это самъ въ донесеніи своемъ обо всемъ происшедшемъ затѣмъ на его глазахъ, — подошелъ къ Христинѣ, которая, увидѣвъ его, громко потребовала отданный ею пакетъ, распечатала его и, вынувъ оттуда письма, показала ихъ Мональдески, спрашивая, онъ ли писалъ ихъ. Молодой итальянскій маркизъ поблѣднѣлъ и сначала сталъ отрицать свою виновность, по затѣмъ бросился къ ногамъ королевы и признаваясь въ томъ, что эти письма писалъ онъ, умолялъ ее о пощадѣ. Сентинелли и солдаты обнажили свои шпаги. Въ теченіе часа Христина терпѣливо и, повидимому, совершенно спокойно выслушивала мольбы несчастнаго, опираясь на свою палку изъ чернаго дерева, съ которой она прохаживалась по галлерей. Наконецъ, она подошла къ пріору и сказала:

— Отецъ пріоръ, приготовьте его къ смерти и помолитесь о его душѣ.

Монахъ въ свою очередь бросился къ ногамъ Христины, умоляя ее о помилованіи несчастнаго, которой лежалъ передъ ней распростертый. Она спокойно, но наотрѣзъ отказала ему, и затѣмъ удалась въ свои апартаменты.

Мональдески не хотѣлъ вѣрить, чтобы для него все было кончено. Онъ ползалъ на колѣняхъ, умоляя своихъ палачей. Самъ Сентинелли сжалился надъ нимъ и пошелъ просить за него, но черезъ нѣсколько минутъ возвратился со слезами на глазахъ.

— Маркизъ,—сказалъ онъ,—помолись Богу и вспомни о душѣ своей. Смерть неизбѣжна.

Мональдески внѣ себя отъ ужаса упросилъ отца Лебея еще разъ попытаться умиловить королеву.

Долго, на колѣняхъ, взывалъ монахъ о милосердіи, но королева съ яснымъ лицомъ и безъ всякаго смущенія выразила ему искреннее сожалѣніе, что не можетъ исполнить его просьбы.

Всякая надежда на спасеніе исчезла, но Мональдески не ощущалъ въ себѣ мужества спокойно разстаться съ жизнью. Онъ началъ исповѣдываться, но ужасъ снова охватывалъ его, и онъ опять умолялъ еще разъ попытаться умолить безпощадную мстительницу.

Сентинелли еще разъ пошелъ къ королевѣ, но Христина лишь издѣвалась надъ «негодяемъ», который боится смерти.

— Ударьте его разъ,—прибавила она, чтобы заставить его исповѣдаться.

Сентинелли вернулся въ галерею, кинулся со шпагой на осужденнаго и загналъ его въ самый уголъ. Безоружный Мональдески закрылся рукой... Сентинелли нанесъ первый ударъ,—три пальца отлетѣло на полъ. Въ несчастномъ проснулась энергія отчаянія. Одѣтый въ кольчугу, онъ отбивался руками отъ ударовъ, которые

сыпались ему на лицо, въ голову, въ шею. Въ дверяхъ показался духовникъ королевы. Мональдески бросился къ нему, умоляя о помощи, но священникъ поспѣшилъ уйти, а Сентинелли покончилъ съ своей жертвой, перерѣзавъ горло злополучному любовнику Христины Шведской...

Ужасная казнь тянулась въ продолженіе двухъ съ половиною часовъ!

Мазарини поспѣшилъ увѣдомить Христину, что для нея не безопасно показаться на улицахъ Парижа. Она отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ:

«Mon cousin!

«Г. Шаню, котораго я считаю лучшимъ изъ моихъ друзей, засвидѣтельствуетъ Вамъ, что я съ полнымъ почтеніемъ отношусь ко всему, что исходитъ отъ вашей эминенціи; но если ему не удалось пробудить во мнѣ, —какъ онъ этого хотѣлъ, —какой-то панической страхъ, то это не его вина. Дѣло не столь ужасно, какъ это рисуетъ его краснорѣчіе. Правду сказать, мы, люди Сѣвера, немножко, дикари и, естественно, не трусливы. Извините, пожалуйста, если Ваше сообщеніе не произвело на меня желательнаго эффекта; будьте увѣрены, что я готова все сдѣлать въ угоду Вамъ, но бояться не въ моей натурѣ. Послѣ тридцати лѣтъ человѣкъ перестаетъ бояться колдуновъ. Лично для меня гораздо легче душить людей, чѣмъ ихъ бояться. Что же касается моего поступка съ Мональдески, то скажу вамъ, что —не сдѣлай я этого—я бы не заснула сегодня, не сдѣлавши того же; мнѣ не въ чѣмъ раскаиваться. Таковы мои чувства; очень буду рада, если вы ничего противъ меня не имѣете; если же нѣтъ, —я все-таки не могу думать иначе и останусь на всю жизнь Вашимъ преданнымъ другомъ».

Это письмо, конечно, не могло возстановить отношеній Христины къ французскому двору. Однако, она еще три мѣсяца прожила въ Фонтенебло, рискуя отъ времени до времени появляться въ Парижѣ, въ самый разгаръ сезона, и всюду встрѣчая холодность. Наконецъ, она рѣшилась уѣхать изъ Франціи. Наканунѣ своего отъѣзда, Христина совершенно неожиданно пріѣхала въ засѣданіе Академіи Наукъ. Въ совершенно понятномъ смущеніи, «безсмертные» не знали чѣмъ наполнить программу этого засѣданія. Послѣ двухъ-трехъ стихотвореній академическихъ поэтовъ того времени («Сонетъ на смерть дамы», «Малая ода любви», «Объ утраченномъ и вновь найденномъ сапфирѣ»), чтобы закончить засѣданіе, перешли къ словарю, въ составленіи котораго академія уже дошла тогда до слова *jeu*. При этомъ, канцлеръ, съ любезной улыбкой обращаясь къ королевѣ, замѣтилъ, что, вѣроятно, это слово для нея пріятнѣе слова *mélancolie*, и затѣмъ прочелъ фразу: «*Jeux des princes, qui ne plaisent qu'à ceux qui les font*». Всѣ взглянули на Христину; она разсердилась и поспѣшила уйти, провожаемая учти-

выми привѣтствіями канцлера и академиковъ, и на другой же день уѣхала въ Римъ, благо Мазарини снабдилъ ее на дорогу болѣе чѣмъ достаточной суммой въ 200,000 ливровъ.

Опозоривъ себя убійствомъ Мональдески, Христина не остановилась въ своей разнузданности. Она отправила уже извѣстнаго намъ Сентинелли къ германскому императору съ жалобой на шведское правительство за неаккуратную уплату слѣдуемой ей пенсіи. Христина просила у императора 20,000 войска съ Монтекукули во главѣ, увѣряя, что съ этими силами она завоюетъ шведскую Померанію, гдѣ у нея много сторонниковъ. На свою долю она выговаривала лишь пожизненные доходы съ этой провинціи, предоставляя ее затѣмъ во власть германскаго императора.

Переговоры эти, разумѣется, остались безъ результата. Христина поступила теперь на иждивеніе папы, который назначилъ ей ежегодную пенсію въ 12,000 экю, опредѣливъ отъ себя завѣдующаго ея дворомъ. Это былъ красавецъ-юноша кардиналъ Ацолини, обворожившій экс-королеву, которая называла его «ангеломъ, божественнымъ, несравненнымъ», и находила въ немъ сходство съ любимымъ своимъ героемъ Александромъ Македонскимъ. Ацолини очень хорошо устроилъ ея дѣла, но не могъ доставить денегъ для удовлетворенія всѣхъ прихотей, которыя измышляла Христина. Она теперь погрузилась въ переписку и въ сношенія съ дѣловыми людьми, проявляя необыкновенную ловкость и хитрость въ дѣлахъ заключенія займовъ и добыванія субсидій.

Прошло еще два года. Въ 1660 году, скончался ея пріемникъ Карль-Августъ, оставивъ своимъ наслѣдникомъ четырехлѣтняго сына Карла XI.

Христина поспѣшила въ Стокгольмъ. Въ Гамбургѣ ее встрѣтили представители шведскаго правительства, умоляя не вторгаться вновь въ покинутую ею страну; но не смотря на это, Христина не задумалась переправиться въ Швецію. Регентство встрѣтило ее съ полнымъ почетомъ, но духовенство не стѣсняясь осыпало ее упреками, слыша которые гордая Христина плакала отъ обшества. Толпа разрушила ея капеллу, прогнала ея духовника и слугъ—итальянцевъ. Штаты, получивъ отъ нея протестъ, которымъ Христина отстаивала свое право на престолъ—въ случаѣ смерти Карла XI,—послѣ часового совѣщанія, отослали ей этотъ протестъ обратно и потребовали формальнаго отреченія отъ всякихъ правъ, подъ угрозой, въ случаѣ ея отказа, лишить ее пенсіи. Дрожащей рукой подписала она это отреченіе и уѣхала въ Римъ.

Семь лѣтъ спустя, она рѣшилась на вторичную попытку возвратиться въ Швецію. На пути къ Стокгольму ее встрѣтилъ посланный отъ сената и регенства, сообщившій ей постановленіе, въ силу котораго ей воспрещался въѣздъ въ предѣлы шведскаго

королевства, за исключеніемъ Помераніи, Бремена и Вердена. Она посѣтила лагерь шведской арміи, расположенный въ герцогствѣ Бременскомъ, подъ начальствомъ генерала Врангеля, который служилъ еще при Густавѣ-Адольфѣ. Одѣвшись въ мундиръ, Христина порадовалась среди рядовъ, потѣшая своей неумѣлой командой старика Врангеля, что, впрочемъ, нисколько не смущало отставную королеву, воображавшую себя великимъ полководцемъ.

Въ то же время Христина выставила свою кандидатуру на польскій престолъ, опираясь на рекомендацію папы, который восхвалялъ передъ польскими магнатами ея «благочестіе, мудрость и неустрашимость».

Впрочемъ, въ письмѣ на имя папскаго нунція въ Польшѣ, Христина спѣшила оговорить, что она отказывается отъ похвалъ такого рода, видя въ нихъ дурную для себя рекомендацію.

Сеймъ, смущенный столь неожиданной кандидатурой, поспѣшилъ представить цѣлый рядъ возраженій, но Христина не смущалась ничѣмъ. Ей ставили на видъ ея поль, но она возражала, что предлагаетъ быть королемъ, а не королевой, и будетъ командовать арміей. Ей напомнили убійство Мональдески; на это она отвѣтила, что полякамъ нѣтъ никакого дѣла до смерти неизвѣстнаго имъ итальянца. Заходила рѣчь объ ея эксцентричностяхъ вообще, но Христина высказывала предположеніе, что поляки никогда не найдутъ себѣ короля, если станутъ обращать вниманіе на всякій ударъ палкой, нанесенный лакею. Все это однако не убѣдило Сеймъ и кандидатура Христины осталась безъ послѣдствій.

Въ 1675 году, Христина возобновила свои происки при нѣмецкомъ и французскомъ дворахъ, въ надеждѣ получить войско для занятія Помераніи, но совершенно безплодно. На шестидесятомъ году своей жизни, она поссорилась съ Ватиканомъ, жалуясь на неоказаніе ей королевскихъ почестей, но этимъ добилась лишь того, что новый папа Иннокентій XI, человѣкъ очень расчетливый, отнялъ у нея субсидію въ 12,000 экю. Уѣхать было уже некуда, и Христина осталась въ Римѣ.

Что же оставалось еще въ жизни для этой сумасбродной женщины? Возникъ вопросъ, не могла ли она найти успокоеніе въ наукѣ? Но при всей своей учености, она была проникнута всѣми предрасудками астрологіи и алхиміи и признавала необходимость католической цензуры для сочиненій по астрономіи. Въ нѣсколькихъ академіяхъ, которымъ она оказывала покровительство, она заставила ученыхъ разсуждать на темы въ родѣ слѣдующихъ: «Любятъ только одинъ разъ въ жизни» — «Любовь требуетъ любви» — «Можно любить безъ ревности, но не безъ страха».

Осенью 1688 года, Христина простудилась и заболѣла рождественнымъ воспаленіемъ. Она поняла, что это первое предостереженіе и стала готовиться—не къ смерти, но къ погребенію, забываясь о

томъ, чтобы обставить какъ можно роскошнѣе этотъ послѣдній актъ того представленія, которое она всю свою жизнь разыгрывала передъ лицомъ міра. Она придумала на этотъ случай особый костюмъ изъ парчи съ золотыми узорами на бѣломъ фонѣ и наконецъ Рождества примѣрила этотъ костюмъ, чтобы посмотреть, насколько онъ эффектенъ.

Христина слабѣла съ каждымъ днемъ, но протянула еще три мѣсяца. Она была въ полубезсознательномъ состояніи, когда завѣдывавшій ея дѣлами кардиналъ Ацолини поднесъ ей завѣщаніе, которое она подписала, не читая, и, такимъ образомъ, онъ сдѣлался обладателемъ всей ея роскошной обстановки и всѣхъ богатѣйшихъ коллекцій, стоившихъ столькихъ милліоновъ. Христина умерла 19 апрѣля 1689 года.

Въ церкви св. Доротеи, снизу до верху задрапированной чернымъ сукномъ, на высокомъ парадномъ катафалкѣ, лежала Христина въ своемъ заранѣе приготовленномъ парчевомъ одѣяніи, въ коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, при свѣтѣ трехсотъ восковыхъ свѣчей. Отсюда ее перенесли въ храмъ св. Петра. Безконечная вереница духовенства провожала покойницу: 16 братствъ, 17 монашескихъ орденовъ, 500 монаховъ со свѣчами, все духовенство церкви св. Доротеи и храма св. Петра, а за гробомъ слѣдовала росшита золотомъ римская знать, не считая собственныхъ домоладцевъ усопшей королевы.

Въ храмѣ св. Петра королеву Христину, послѣ торжественнаго отпѣванія, опустили въ склепъ.

Такъ кончилось существованіе этой странной женщины, вѣроятнѣе всего страдавшей какой-нибудь невѣдомой для тогдашней медицины болѣзью, которая толкала ее на путь сначала безцѣльныхъ, а затѣмъ и безнравственныхъ эксцентричностей. При жизни Христины шведской весьма многое въ ея дѣйствіяхъ искупалось въ глазахъ ея современниковъ своеобразной прелестью острога и оживленнаго взгляда ея прекрасныхъ глазъ, игрой остроумной улыбки и оригинальностью манеръ капризнаго мальчика, которыя составляли разительный контрастъ съ чопорностью вѣка Людовика XIV. Но все это въ глазахъ безпристрастнаго потомства блѣднѣетъ передъ такими ужасными и неопровержимыми документами, какъ донесеніе отца Лебела объ убійствѣ Мональдески, переписка съ Монтекукули и съ германскимъ императоромъ по дѣлу о продажѣ своей родины и другіе памятники ея препирательства со шведскимъ правительствомъ въ теченіе сорока лѣтъ, послѣ добровольнаго отреченія отъ престола.

Е. Гаршинъ.

ВНУЧКА ЯНА СОБЪССКАГО.

(Очеркъ Шайнохи).

ОСЛѢ СМЕРТИ польскаго короля Яна III-го Собѣскаго, судьба разбросала его семью по разнымъ странамъ; не прошло и двадцати лѣтъ по смерти отца, какъ каждый членъ семьи жилъ въ другомъ мѣстѣ. Вдовствующая королева, семидесятилѣтняя Марія Казимира, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, жила потомъ во Франціи, въ замкѣ Блоа. Младшій сынъ, Константинъ, остался въ родномъ гнѣздѣ, въ Жолковѣ. Средній, Александръ, живою портретъ умершаго короля, угасалъ въ монастырѣ капуциновъ въ Римѣ. Старшій, королевичъ Яковъ, женатый на княжнѣ Палатинско-Необурской, Ядвигѣ, жилъ въ Силезіи, въ Олавѣ, доставшемся ему по семейному договору отъ зятя, императора Леопольда.

Кромѣ умершаго сына Яна, у нихъ не было мужского потомства. За то дворъ ихъ украшали три красавицы дочери: Казимира, Каролина и Клементина. Старшая княжна, Казимира, воспитанная у бабушки въ Римѣ и въ Блоа, имѣла въ эпоху нашего разсказа двадцать три года. Каролина, вышедшая впослѣдствіи замужъ за герцога Бульонскаго и, такимъ образомъ, породнившаяся съ французскимъ королевскимъ домомъ, имѣла двадцать лѣтъ; самой младшей Клементинѣ шелъ семнадцатый годъ. Одна сестра ихъ матери была замужемъ за императоромъ Леопольдомъ, другая за Испанскимъ королемъ, Карломъ, третья за Петромъ Португальскимъ. Такимъ образомъ, три внучки Яна III-го были въ близкомъ родствѣ съ первыми европейскими дворами. Съ высокимъ происхожденіемъ онѣ соединяли и прекрасныя душевныя качества.

Старшая сестра еще въ дѣтскихъ годахъ поражала папу Климента XI быстротой своего ума. Младшая Клементина, героиня нашего разсказа, крестница папы, отъ котораго она и получила свое крестное имя, была образцомъ христіанскихъ добродѣтелей. Всѣ ею восхищались и не могли нахвалиться ея прелестями. Такимъ образомъ, Олавскій дворъ блисталъ красотой и граціей.

Въ іюлѣ 1718 г. пріѣхалъ къ Олавскому двору ирландскій дворянинъ Муррей; онъ привезъ важную вѣсть: молодой Яковъ Стюартъ, котораго вся юго-западная Европа считала законнымъ королемъ Великобританіи, просилъ руки младшей княжны Клементины. Хотя Стюарты въ это время и жили въ изгнаніи, но все же это предложеніе было честью для Собѣсскихъ. Королевскій домъ Стюартовъ пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ въ католическомъ мірѣ. Съ свѣтскимъ величіемъ, съ блескомъ трехъ видныхъ коронъ, соединяли Стюарты рѣдкое религиозное рвеніе. Марія Стюартъ, эта красивая, но несчастная королева, строгая католичка, погибшая вслѣдствіе происковъ и преслѣдованій протестантской партіи, была окружена ореоломъ религиозной мученицы. Ея внукъ, король англійскій, Карлъ I, обезглавленный въ революцію 1649 г. заплатилъ своею жизнію за приверженность къ католицизму. Младшій сынъ этого короля, впослѣдствіи король Яковъ II, возвративши корону, предпочелъ лучше вторичное изгнаніе, чѣмъ отказаться отъ своей вѣры. Живя во Франціи, онъ въ томъ же направленіи воспитывалъ и сына своего Якова, о которомъ теперь и идетъ рѣчь. Послѣ смерти отца, всѣ почти католическія державы считали молодого Стюарта законнымъ монархомъ Англій; подобно своимъ предкамъ онъ оставался вѣрнымъ католицизму, былъ набоженъ, кроткаго и мягкаго нрава и пріятель въ обращеніи. На престолѣ Англій была его родная сестра Анна, англиканской вѣры. Когда ему предложено было сестрой наслѣдовать тронъ съ условіемъ перемѣнить вѣру, онъ тотчасъ же отвергъ это предложеніе. Этотъ поступокъ еще болѣе прославилъ его имя, но не умилостивилъ злой судьбы. Между Англійей и Франціей былъ заключенъ мирный договоръ и, такимъ образомъ, молодой Яковъ лишился дипломатической опеки Людовика XIV. Ему оставалось еще покровительство папы, расположеніе католической Испаніи и вѣрность старой приверженной ему партіи въ Англійи и Шотландіи. Расчитывая на эту поддержку, молодой Стюартъ за два года до своего сватовства предъявилъ свои права на англійскій престолъ, вступивъ въ борьбу съ преемникомъ королевы Анны, Георгомъ Ганноверскимъ, дальнимъ родственникомъ Стюартовъ. Но Якову Стюарту не повезло. Партія короля Георга одержала верхъ. Яковъ долженъ былъ вернуться во Францію. Съ этого времени ему осталось только грустное имя претендента. Оставленный Бурбонами, изгнанникъ удался къ римскому двору, ища покровительства у папы. Климента XI

ментъ XI пригласилъ его сначала въ Авиньонъ, потомъ въ Италию. Молодой Стюартъ былъ встрѣченъ со всѣми королевскими почестями; ему была обѣщена ежегодная субсидія изъ папской казны, и пышная резиденція въ Урбино. Въ ожиданіи благоприятныхъ обстоятельствъ, могущихъ облегчить ему вступленіе на престолъ, партіи, приверженной молодому Стюарту, нужно было позаботиться о продолженіи королевскаго дома Стюартовъ. И вотъ началось сватовство молодого короля; посыпались совѣты и предположенія разныхъ расположенныхъ къ нему дворовъ. Папа сталъ на сторону Собѣскихъ, поддерживая свою крестницу, княжну Клементину. Описание княжны и рассказы, слышанные объ ней, пробудили въ сердцѣ Якова искреннюю симпатію и расположеніе къ ней. При послѣдующихъ обстоятельствахъ симпатія перешла въ сильную взаимную любовь. Эта любовь видна во всѣхъ поступкахъ Якова Стюарта, проглядываетъ въ каждомъ словѣ его письма, въ ихъ послѣдующей домашней жизни; объ этой любви свидѣлствуютъ очевидцы, которые были противъ брака короля съ Собѣской; всѣ они говорятъ о глубокой привязанности короля къ Клементинѣ ¹⁾. Со страхомъ въ сердцѣ отправилъ Яковъ изъ Урбано 24 іюня 1718 г. письмо къ родителямъ Клементины и къ ней самой, прося ея руки. «Уже давно—(пишетъ Стюартъ княжнѣ въ этомъ первомъ письмѣ)—Твои достоинства, Пани, и Твоя личность составляютъ для меня предметъ боготворенія. Такая душа, какъ Твоя, не удовлетворится лестью и пустыми фразами. У меня, однако, есть надежда, что Ты не отвергнешь сердце, которое Тебѣ отдается по чувству, а не по обязанности, въ этомъ сердцѣ живетъ одно желаніе видѣть Тебя всегда счастливой. Твоя чистота и добродѣтели, дадутъ мнѣ силу и благословеніе неба въ моемъ правомъ дѣлѣ, удвоятъ рвеніе и приверженность моихъ вѣрныхъ подданныхъ. Но этотъ излишекъ моего личнаго счастья пусть будетъ источникомъ дальнѣйшаго благополучія, и раздѣляя его съ Тобой, я цѣнилъ бы его настолько, насколько оно касается Тебя...»

При дворѣ Олавскомъ предложеніе Якова встрѣтило полное сочувствіе. Отецъ княжны, Яковъ Собѣскій, былъ давно къ нему расположенъ и всегда относился съ уваженіемъ. Мать княжны, Ядвига Палатинская, въ силу родства Палатинскихъ съ Стюартами, готова была поддерживать его, своимъ вліяніемъ на дочь. Княжна съ своей стороны не могла оставаться равнодушной. Необыкновенная живость темперамента, характеризующая ее въ теченіе всей жизни, пылкое воображеніе и возвышенность мысли, способствовали тому, чтобы она полюбила несчастнаго изгнанника, просившаго ей въ даръ скипетръ трехъ королевствъ и просившаго о благосклонности, какъ о милости и единственномъ его утѣшеніи въ

¹⁾ Memoires de la vie de Mylord Duc d'Ormond.

несчастіи. Преслѣдованія злой судьбы еще сильнѣе располагали въ его пользу благородное и смѣлое сердце княжны. Эта склонность съ теченіемъ времени обратилась въ глубокую, безграничную любовь. Отвѣчая взаимностью Якову, княжна отдавалась ему всей душой на всю жизнь. Она выразила свое согласіе и, такимъ образомъ, сдѣлалась невѣстой Стюарта. Счастливому началу грозило однако много опасностей. Враждебныя Якову державы, главнымъ образомъ Великобританія, относились несочувственно къ его браку. Австрійскій дворъ, поддерживаемый Англіей въ только-что оконченной войнѣ съ Испаніей, находился въ тѣсномъ союзѣ съ королемъ Георгомъ. Яковъ Собѣскій по мѣсту своего жительства въ австрійской Силезіи и въ силу родства съ австрійскомъ домомъ не могъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ безъ совѣта и разрѣшенія австрійскаго императора. Проектъ брака Клементины Собѣсской съ Стюартомъ встрѣтилъ противодѣйствіе съ стороны Австріи и Англии. Такая сильная оппозиція могла разрушить и гораздо болѣе широкіе планы, поэтому, чтобы сватовство не разбилось объ эту скалу, нужно было сохранять глубокую тайну и вести дѣло очень осторожно. вмѣсто свадебнаго посольства, былъ отправленъ съ письмомъ одинъ ирландецъ, Муррей, вѣрный товарищъ Якова по изгнанію. Пакеты, которые онъ везъ, должны были быть не толстыми, чтобы ихъ можно было легко спрятать въ случаѣ надобности; наконецъ, рѣшено было не подписывать письма. Эта таинственность сообщила всему дѣлу романическій колоритъ. Препятствія только подлили масла въ огонь. Всѣ письма Стюарта полны сердечныхъ изліаній.

«Я счастливъ,—пишетъ онъ княжнѣ черезъ шесть недѣль послѣ перваго письма (3 августа), отвѣчая ей по полученіи отъ нея согласія,—я преисполненъ радости, которую Ты только одна можешь возбудить во мнѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я полонъ тревоги и безпокойства. Мое счастье будетъ неполно, пока не придетъ минута, когда Ты будешь со мной. Не откладывай (заклинаю тебя) дополнить мое счастье; такъ какъ все несовершенное недостойно Тебя, то доведи скорѣй до конца то, что такъ счастливо начала. Необходимо, чтобы Ты не только согласилась на быстрый отъѣздъ, но сама бы его пожелала ускорить. Только это одно можетъ утишить страданія Твоего вѣрнаго раба и поклонника. Извини за откровенность въ моемъ письмѣ; она льется изъ сердца, для Тебя открытаго! И только одинъ разъ даю Тебѣ возможность подчиниться моему совѣту, и исполнить мою просьбу, а потомъ Ты сдѣлаешься навсегда (позволяю себѣ такъ выразиться) повелительницей своей и моеѣ воли»..

Письма Якова къ родителямъ Клементины были полны горячихъ просьбъ. Такъ какъ пріѣздъ Стюарта въ Олавы считался неудобнымъ, то Собѣскаго съ дочерью отправили въ Италію. Онъ совер-

шали путешествіе incognito. Рѣшено было миновать Вѣну. Чтобы не обращать вниманія, путешествіе совершалось безъ всякой пышности. Нѣсколько приближенныхъ составляли всю свиту. «Скромное бѣлое платье, — пишетъ женихъ отцу, — должно служить достаточнымъ украшеніемъ для Клементины въ моемъ грустномъ положеніи». На встрѣчу дамамъ отправлено было довѣренное лицо отъ Стюарта, нѣкто Гай, который назначался быть ихъ проводникомъ. Самъ Стюартъ ждалъ невѣсту въ Болоньи.

Послѣ недѣльнаго перерыва въ корреспонденціи, Яковъ получилъ извѣстіе, что обѣ дамы задержаны въ Инсбрукѣ; имъ ни подь какимъ видомъ не разрѣшали ѣхать въ Италію. Возвращаться съ стыдомъ домой онѣ не захотѣли и остались въ городѣ подь стражей. Этотъ случай нужно было, впрочемъ, предвидѣть.

«Можешь себѣ представить, Пани, — пишетъ Яковъ въ письмѣ къ невѣстѣ, по полученіи грустнаго извѣстія, — какъ меня поразила эта новость. Я не хочу распространяться въ письмѣ о моихъ жалобахъ и сѣтованіяхъ, въ которыхъ недостатка не было; онѣ нужны, впрочемъ, только для того, если могутъ хоть сколько-нибудь принести Тебѣ утѣшеніе. Теперь намъ представляется случай доказать, что мы достойны другъ друга; докажемъ это нашей неустанной стойкостью и постоянствомъ и тогда съ Божьей помощью поборемъ всѣ препятствія, которыя ставятъ враги на пути къ нашему счастью. Мы созданы другъ для друга. Божескіе и людскіе законы за насъ. Только по нашему собственному малодушію можетъ быть разорвано то, что намѣренъ соединить Богъ. Умоляю Тебя, Пани! И заключаю: будь стойкой! Не соглашайся ни подь какимъ видомъ на бесполезное возвращеніе домой. Малѣйшая уступчивость съ этой стороны все испортитъ. А своей стойкостью, даже скажу упорствомъ, все побѣдишь. И зачѣмъ бремя этого грустнаго положенія падаетъ на Тебя одну!.. Если думаешь, что мое присутствіе можетъ быть Тебѣ полезно, то только кивни! Я какъ на крыльяхъ прилечу къ Тебѣ. Когда дѣло въ томъ, чтобы услужить Тебѣ, для меня нѣтъ ни труда, ни опасностей. Я желалъ бы быть лучше узникомъ съ Тобой вмѣстѣ, нежели царствовать безъ Тебя...»

«Письмо вашего королевскаго высочества, — отвѣчаетъ княжна по прошествіи пяти дней, — принесло мнѣ большое утѣшеніе въ моемъ горѣ. Насъ задерживаютъ безъ всякой причины. Но надѣюсь на Бога, что наше испытаніе скоро кончится. Запаситесь терпѣніемъ. Прежде всего не подвергайте себя напрасно опасности. Будьте увѣрены, моя мать ни въ чемъ не уступитъ. Что касается меня, то я чувствую, что дѣло идетъ о моемъ счастьи и о моей чести; притомъ я слушаюсь голоса моего сердца. Чтобы не случилось, я буду твердо держаться до конца и не отдамъ моей руки никому, кромѣ вашего королевскаго высочества».

Но и враги не уступали въ стойкости. Не помогли усиленные

хлопоты объ освобожденіи Собѣсскихъ; напрасно были посланы письменныя ходатайства въ Вѣну женихомъ и отцомъ. Напрасна была поѣздка претендента въ Римъ, чтобы просить о заступничествѣ папу. Климентъ XI, главный виновникъ этого сватовства, ходатайствовалъ при австрійскомъ дворѣ. По полученіи письменныхъ доказательствъ, что княжна Клементина по своей волѣ, безъ принужденія дала слово Якову и твердо стоитъ на своемъ рѣшеніи, было послано заявленіе отъ папы. Но всѣ усилія и ходатайства остались безъ послѣдствій. Мѣсяць проходилъ за мѣсяцемъ, княгиня съ княжной провели въ Инсбрукъ всю зиму до весны 1719 года.

При такомъ положеніи вещей оставалось одно бѣгство. У претендента быстро созрѣлъ планъ. Когда княжна была задержана въ Инсбрукѣ, Яковъ въ одномъ изъ писемъ уже писалъ ей о своемъ рѣшеніи. Въ это же время прибылъ въ Инсбрукъ повѣренный и любимецъ Стюарта, ирландецъ Воганъ; онъ долженъ былъ увести княжну въ Италію. Та объявила, что уѣдетъ только съ согласія родныхъ; эти послѣдніе, опасаясь за судьбу дочери, вначалѣ дѣлали затрудненія. Но въ концѣ концовъ дали согласіе. Яковъ Стюартъ употребилъ къ этому всѣ средства. Въ конфиденціальной аудіенціи у папы, Яковъ показалъ ему письма княжны, свидѣтельствовавшіе о связывающихъ ихъ взаимныхъ обѣтахъ. Святой отецъ призналъ, что въ виду такихъ торжественныхъ обязательствъ съ обѣихъ сторонъ никто не долженъ ставить препятствій на ихъ дорогѣ къ алтарю. Съ этою цѣлью было отправлено папою два письма: одно къ императору, въ которомъ онъ просилъ даровать свободу невѣстѣ, другое къ отцу Клементины; въ этомъ послѣднемъ письмѣ онъ доказывалъ, что отецъ не только не долженъ препятствовать дочери ѣхать въ Италію, но съ своей стороны обязанъ употребить все отъ него зависящее, чтобы соединить ее съ женихомъ какимъ бы то ни было способомъ. Въ письмѣ отъ 25-го декабря княжна благодарила крестнаго отца, поручая себя его покровительству и посылая клятвы вѣрности своему жениху. 13-го января 1719 г. папа написалъ письмо княжкѣ, гдѣ вмѣстѣ съ любезными увѣреніями въ своемъ расположеніи, укрѣплялъ княжну въ намѣреніи исполнить задуманное дѣло, которое, по выраженію папы, «такой важности, что его слѣдуетъ приводить въ исполненіе, какъ можно скорѣе и даже подвергая себя опасности. Что касается до насъ» — кончаетъ папа — «то ваше сіятельство можете рассчитывать на нашу поддержку въ этомъ важномъ дѣлѣ, какъ того требуютъ заслуги англійскаго короля передъ католической религіей, и неменѣе великія заслуги, которыя оказалъ ей безсмертной памяти король Янъ III, дѣдъ вашего сіятельства». При такомъ рѣшающемъ голосѣ нерѣшительность родителей невѣсты исчезла; они согласились на отъѣздъ дочери, въ Италію.

Семнадцатилѣтняя героиня, готовая жертвовать всѣмъ для любви, желала какъ можно скорѣе улетѣть изъ заточенія. Когда дѣло дошло до исполненія, произошелъ случай, который еще болѣе увеличилъ значеніе жертвы, принесенной Клементиной.

Во время ея семимѣсячнаго плѣна возгорѣлась война между Англіей и Испаніей. Государства, враждебныя Англіи, старались войти въ сношенія съ претендентомъ Стюартомъ. Испанія открыто объявила передъ всей Европой, свой планъ возвратить Стюарту престоль его предковъ. Съ этою цѣлью было послано Якову приглашеніе пріѣхать къ Мадридскому двору. Его тамъ ждалъ пышный пріемъ, его ждала корона. Молодой Яковъ не могъ не воспользоваться такимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, малѣйшая проволочка могла погубить все дѣло. Удаленіе его въ то время изъ Италіи въ Испанію разлучало Якова съ дорогой Клементиной и именно въ такую минуту, когда она съ опасностью жизни и чести спѣшила къ нему. Въ такомъ трудномъ положеніи нужна была со стороны княжны великодушная разсудительность; она одна могла спасти тронъ и любовь. Яковъ находился въ сильномъ безпокойствѣ, не зная, какъ поступить Клементина; въ немъ происходила борьба, съ одной стороны обязанности политики, съ другой влеченія сердца. 1719 г. 7 февраля, Яковъ въ длинномъ письмѣ извѣщаетъ княжну о своемъ отъѣздѣ въ Испанію; въ этомъ письмѣ ясно рисуется происходившая въ немъ борьба.

«Грустную, тяжелую для меня новость,—пишетъ онъ,—долженъ я Тебѣ сообщить, моя дорогая Клементина! Не знаю какъ я рѣшусь сказать тебѣ, въ ту минуту, когда Твой отецъ своимъ благороднымъ рѣшеніемъ даетъ высшее доказательство своего расположенія ко мнѣ и стойкости,—а Ты, согласясь на бѣгство, сопряженное съ такими опасностями и испытаніями, хотѣла дополнить мѣру своихъ милостей ко мнѣ—когда Твоя стойкость засіяла бы яркимъ свѣтомъ,—въ эту-то минуту я оставляю Тебя, покидаю, чтобы ѣхать въ другую страну. Умоляю Тебя, собери все Твое мужество, выслушай меня терпѣливо. Вотъ новость, которой я хотѣлъ съ Тобой подѣлиться. Я не хочу вдаваться въ политическія разсужденія. Я увѣренъ, что Ты повѣришь мнѣ на слово, что я такъ поступаю въ силу крайней необходимости. Моя любовь къ Тебѣ безгранична... Но какъ я Тебя не люблю, лучше лишиться Тебя, чѣмъ стать недостойнымъ Твоего сердца, не идти смѣло на постъ, куда меня призываетъ долгъ». Не находя возможнымъ разъяснить въ письмѣ причины своей поѣздки въ Испанію, Яковъ пишетъ далѣе о подробностяхъ предполагаемаго бѣгства Клементины въ Италію. Она должна ѣхать въ Римъ; на границѣ папскихъ владѣній ее долженъ встрѣтить Муррей, первый свадебный посолъ, отправленный въ Олавы. Въ данномъ полномочіи, Яковъ позаботился объ обезпеченіи будущности княжны; въ ея пользу было составлено

завѣщаніе. Какъ обручальное кольцо женихъ послалъ княжнѣ перстень отца своего, короля Якова II, который тотъ употреблялъ при своемъ обрученіи. По приѣздѣ въ Римъ, княжна должна остановиться или во дворцѣ жениха, или въ какомъ-нибудь монастырѣ, какъ въ мѣстѣ свободномъ отъ лишнихъ церемоній. Въ Римѣ княжну встрѣтятъ нѣсколько знатныхъ дамъ, готовыхъ къ ея услугамъ: княгиня-де-Маръ, жена одного изъ главныхъ вожаковъ партіи Якова, графиня Нитсдайлъ и г-жа Гай. Муррей и Воганъ должны заботиться о княжнѣ во время путешествія и пребыванія ея въ Италіи. Въ случаѣ же, если бѣгство не удастся, то будущее покажетъ, что предпринять далѣе. — «Мнѣ кажется» — кончаетъ Яковъ свое письмо — «что больше мнѣ нечего прибавлять къ этому длинному письму, какъ только проститься съ Тобой, моя дорогая Клементина, поручивъ Тебя Провидѣнію, въ руки котораго отдаю и свою судьбу. Твоя невинная чистота и добродѣтели ниспошлютъ мнѣ благословенія небесъ, которыя самъ не заслужилъ. Гдѣ бы я не былъ, Твой на вѣки. Твоя твердость будетъ моимъ утѣшеніемъ; пусть же будетъ моя вѣрность Тебѣ опорой. Безъ Тебя величіе, даже корона, были бы для меня бременемъ. Долгъ приказываетъ мнѣ добиваться короны; въ дѣйствительности же она имѣетъ для меня только настолько привлекательности, насколько я могу ее раздѣлить съ Тобою. Прости этотъ порывъ сердца, которое только дышетъ Тобой, только и любить Тебя и найти отдыхъ только у Твоихъ ногъ — что надѣюсь скоро сбудется. Черезъ минуту я уѣзжаю и, прощаясь съ Тобой еще разъ, умоляю и заклинаю Тебя: спѣши скорѣе въ Римъ и положишь на мою любовь».

Эти нѣжныя слова любви были необходимы, чтобы подкрѣпить княжну. Горести и превратности судьбы удручали это молодое существо, почти ребенка; подъ этой тяжестью могла согнуться и болѣе зрѣлая душа. — Любовь ея къ Якову, носившему знатное, блестящее, но несчастное имя, поставила ее въ необходимость рѣшиться на рискованное бѣгство. Въ ту минуту, когда она готовилась принести эту жертву, тотъ, для котораго она шла на это, покидалъ ее. Это бѣгство, предпринимаемое семнадцатилѣтней дѣвушкой, одной среди чужихъ людей, сопряженное съ опасностями, затрудненіями и возможными въ этомъ случаѣ оскорбленіями, могло въ концѣ концовъ кончиться неудачно, и тогда она лишилась бы единственной для нея награды вступить въ домъ жениха. Переписка съ нимъ прекратилась, объ немъ не было никакихъ извѣстій. Возможность личнаго съ нимъ свиданія была покрыта мракомъ неизвѣстности. Дѣло не обошлось и безъ злыхъ сплетенъ; разнесся слухъ, что помолвка княжны съ Яковомъ Стюартомъ кончится ничѣмъ, такъ какъ женихъ передъ отъѣздомъ въ Испанію влюбился въ Болоньи, въ дочь одного вельможи, Капрара и хочетъ просить ея руки. Въ одномъ изъ писемъ Яковъ опровергаетъ эту сплетню.

Это тяжелое, неопредѣленное положеніе княжны длилось три мѣсяца, но стойкость ея ни разу не была поколеблена. Каждый день ждала она прибытія тайныхъ посланныхъ отъ Якова, которые должны были увести прекрасную плѣнницу. Разныя препятствія мѣшали имъ однако ѣхать въ Инсбрукъ.

Еще за полгода претендентъ поручилъ своему товарищу по изгнанію, Вогану, дѣло освобожденія княжны. Въ то время родные возстали противъ этого плана, но Яковъ не терялъ надежды склонить ихъ на свою сторону.

Въ это же время Воганъ посѣтилъ нѣсколько княжескихъ дворовъ, ища себѣ помощниковъ въ столь трудномъ и опасномъ предпріятіи. Онъ нашель ихъ въ Эльзасѣ, въ небольшомъ городкѣ, лежащемъ недалеко отъ Страсбурга, Шлетштадтѣ, среди офицеровъ французскаго полка; они были германцы по происхожденію: капитаны Туль, Миссетъ и маіоръ Гайдонъ, авторъ записокъ о бѣгствѣ княжны, изъ которыхъ мы заимствуемъ нашъ разсказъ. Такъ какъ при похищеніи княжны необходимо было участіе двухъ женщинъ, рѣшено было включить въ число участниковъ г-жу Миссетъ, а та выбрала себѣ въ помощницы свою горничную. Всѣ участники этого дѣла были преданы всей душой Стюарту.

Они готовы были употребить всю свою ловкость и смѣлость, чтобы послужить законному монарху и содѣйствовать упроченію законной династіи для блага родины и религіи; поэтому задуманное дѣло имѣло въ ихъ глазахъ особую важность. При существовавшихъ въ то время дружескихъ отношеніяхъ Англіи съ Франціей и Германіей нужно было сохранять въ этомъ дѣлѣ глубочайшую тайну. Прежде всего требовалось согласіе родителей княжны; скоро это было достигнуто (мы уже о томъ сказали выше); повѣренные Стюарта требовали отъ отца формальнаго разрѣшенія и полномочія на увозъ княжны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, письменнаго приказанія княжнѣ и ея матери, чтобы онѣ подчинялись совѣтамъ Вогана, главнаго руководителя всего дѣла. По полученіи необходимыхъ бумагъ изъ Олавъ, Воганъ отправилъ ихъ въ Инсбрукъ съ запросомъ, когда можно приступать къ дѣлу. Затѣмъ, 6-го апрѣля, все общество заговорщиковъ двинулось изъ Шлетштадта разными дорогами въ Страсбургъ, гдѣ они должны были ждать отвѣта изъ Инсбрука. Черезъ десять дней было получено письмо отъ Шатоду, повѣреннаго Собѣсскихъ, съ отвѣтомъ: пріѣзжать какъ можно скорѣе. Заговорщики купили большую берлинскую коляску и, собравъ все необходимое, двинулись въ путь къ Тирольскимъ горамъ. Изъ предосторожности они раздѣлились на нѣсколько группъ. Капитанъ Миссетъ ѣхалъ впереди съ камердинеромъ Стюарта Митхелемъ; они были переодѣты итальянскими купцами; маіоръ Гайдонъ ѣхалъ подъ видомъ графа де Цернессъ, г-жа Миссетъ его жены, а горничная подъ видомъ ея сестры; капитанъ Туль сопровождалъ

ихъ подъ видомъ управляющаго имѣніями. Воганъ, который скорѣе всѣхъ могъ возбудить подозрѣніе, путешествовалъ одинъ. Всѣ эти лица выбирали всегда разныя мѣста для ночлега, а если случайно сѣзжались на одной станціи, то дѣлали видъ, что незнакомы другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, ѣхали они цѣлую недѣлю и достигли Тироля, гдѣ остановились въ небольшомъ городѣ, Назаретѣ. Капитанъ Миссетъ съ камердинеромъ Якова поспѣшили впередъ въ Инсбрукъ, чтобы увѣдомить Шатоду о своемъ приѣздѣ. Исполнивъ это, они проѣхали три почтовыхъ станціи дальше, до деревни Бренверъ, гдѣ и остановились какъ бы для отдыха, а на самомъ же дѣлѣ съ цѣлью ожидать прибытія остальныхъ путешественниковъ вмѣстѣ съ княжной. Въ это время въ Назаретѣ главные руководители получили извѣстіе изъ Инсбрука, что мать княжны желаетъ отложить дѣло на одинъ день, т. е. до четверга 27-го апрѣля.

Со стороны матери было вполне понятно желаніе отсрочить хоть на нѣсколько часовъ разлуку съ дочерью, которая должна была отправиться въ путешествіе, сопряженное съ опасностью жизни. Этимъ временемъ рѣшено было воспользоваться, чтобы приготовить горничную г-жи Миссетъ къ новой роли ей предназначенной. Въ то время, какъ въ Инсбрукѣ глубоко опечаленная мать должна была скрывать свое горе, почти навсегда разставаясь съ дочерью—въ это же время въ Назаретѣ въ небольшой гостинницѣ друзья княжны должны были ловко обмануть крестьянскую дѣвушку, которая не подозрѣвала, что была нужна имъ какъ помощница въ бѣгствѣ княжны. До этой минуты Іоанна знала только одно, что по неизвѣстнымъ для нея причинамъ она должна играть роль сестры ея барыни; теперь въ рѣшительную минуту нужно было объяснить ей цѣль этого маскарада. Ей рассказали, что дѣло идетъ о похищеніи молоденькой и очень богатой дѣвушки изъ дома стараго и строгаго дяди, который принуждаетъ ее выйти за шестидесятилѣтняго, стараго скрягу; дѣвушка же любитъ другого, а именно капитана Туля и съ тайнаго разрѣшенія тетки, у которой живетъ, рѣшила бѣжать съ нимъ; но она не можетъ иначе это сдѣлать, какъ оставивъ вмѣсто себя кого-нибудь, а именно Іоанну. За эту услугу ей обѣщали обезпеченіе на всю жизнь, и представили въ яркихъ краскахъ всю опасность, которой подвергаются ея спутники въ случаѣ неудачи дѣла, т. е. ея несогласія; честная фламандка согласилась на все. Ее нарядили въ богатое камчатное платье, причесали какъ барышню, а Воганъ вручилъ ей письмо къ Шатоду, въ которомъ просилъ его позаботиться о судьбѣ Іоанны. Съ этимъ же повѣреннымъ княжны было окончательно условлено о часѣ и мѣстѣ, куда должны были прибыть заговорщики. Городъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Ина; путешественники остановились на лѣвомъ берегу; княжна же жила на пра-

вомъ. Оба берега были соединены мостомъ, который и былъ избранъ главнымъ пунктомъ соединенія всѣхъ участниковъ. Вечеромъ, капитанъ Туль отправился впередъ, въ находившуюся у моста уединенную гостиницу, и поджидаль у воротъ знакомую коляску. На мосту долженъ былъ стоять слуга Шатоду, чтобы во время извѣстить его о томъ, что все готово. Около восьми часовъ показалась коляска съ Воганомъ, Гайдономъ и двумя барынями; они замѣтили капитана Туля и коляска подъѣхала къ воротамъ гостиницы. Г-жа Миссетъ и ея мнимая сестра быстро выскочили изъ коляски и направились въ приготовленную для нихъ комнату въ первомъ этажѣ. Иоанна подъ предлогомъ сильной зубной боли бросилась на постель, набросила на лицо густой вуаль, и отказалась отъ ѣды. Въ это время мужичины встрѣтились у моста, поджидая Шатоду; его слуга не явился во время на назначенный ему постъ, а черезъ это извѣстie о прибытіи заговорщиковъ дошло до княжны двумя часами позже, чѣмъ слѣдовало. Только въ одиннадцатъ часовъ ночи показался Шатоду и сообщилъ непріятную новость: княгиня-мать просила опять отложить исполненіе плана до четырехъ часовъ утра. Но на это невозможно было согласиться; нужно было не терять времени и похитить княжну тотчасъ же. Съ этою цѣлью, мнимая графиня осталась въ гостиницѣ, Туль наблюдалъ внизу, чтобы не заперли ворота гостиницы, а Воганъ съ Шатоду и Иоанной, направились къ мѣсту заключенія княжны.

Время приближалось къ полночи. Послѣ тихаго весенняго вечера пошелъ сильный снѣгъ. На полдорогѣ они остановились въ узкомъ поперечномъ переулкѣ. Шатоду не рѣшился видѣться съ княжной въ эту минуту, а написалъ ей записку, требуя рѣшенія: бѣжать или сейчасъ или никогда. Въ ту минуту, какъ французъ, дрожавшій отъ волненія, отправлялъ записку княжнѣ, Вогану было не мало хлопотъ съ Иоанной. Долетѣвшее до ея слуха слово «княжна», привело ее въ безпокойство.

— Не можетъ быть,—обратилась бѣдняжка къ своему спутнику,—чтобы княжна бѣжала съ капитаномъ Туль. Здѣсь есть какая-то тайна.

Озабоченный Воганъ сунулъ ей поскорѣе въ руку значительный денежный подарокъ, который далъ другое направленіе ея мыслямъ. Теперь она была озабочена вопросомъ: что ей купить на эти деньги? Воганъ долженъ былъ принять участіе въ ея предположеніяхъ по этому поводу. Тѣмъ временемъ вернулся слуга съ отвѣтомъ отъ княжны, что она согласна бѣжать немедленно. Французъ взялъ поспѣшно Иоанну за руку, и тотчасъ же скрылся, прося Вогана ожидать княжну. Воганъ остался одинъ на улицѣ.

Не смотря на бурю и снѣгъ, звѣзда княжны ярко свѣтилась. Само небо какъ бы покровительствовало ей, облегчая бѣгство. На-

ступившая вьюга заporошила глаза враговъ. Всегда бодрствующій стражъ, никогда не удалявшійся отъ воротъ, теперь спрятался отъ непогоды въ болѣе укромное мѣсто.

Въ такую вьюгу и въ такой поздній часъ бдительность часового казалась излишней. Притомъ ворота обыкновенно затворялись на ночь. Слуга, посланный отъ Шатоду съ запиской къ княжнѣ, предупредилъ ее объ этомъ. Разъ твердо рѣшившись бѣжать, княжна думала устроить это другимъ способомъ; если ворота будутъ заперты, она пройдетъ садомъ и перелѣзетъ черезъ ограду съ помощью лѣстницы. Желая однако сама убѣдиться, открытъ ли главный входъ, она выбѣжала на лѣстницу; замѣтивъ Шатоду съ Иоанной въ открытыхъ воротахъ, она поскорѣе скрылась. Оставалось еще проститься съ матерью; прощаніе было короткое; мать успѣла только ее благословить; ни для слезъ, ни для словъ не было времени. Въ одну минуту княжна уже была на лѣстницѣ; тамъ ее ждала Иоанна. Глубокая печаль выражалась на лицѣ княжны; видъ ея сильно растрогалъ честную Иоанну; надѣвая на нее платье, все покрытое снѣгомъ, она отъ всего сердца цѣловала ее, убѣждая не скучать.

— Ты поѣдешь,—сказала она,—съ очень любезными и достойными господами, они тебя не дадутъ въ обиду.

Иоанну провели въ комнаты, гдѣ она осталась вмѣсто княжны, а переодѣтая Клементина въ это время была уже на улицѣ.

Въ часъ ночи, въ снѣжную вьюгу, къ Вогану быстро подошла какая-то женская фигура. Въ сѣромъ плащѣ съ спущеннымъ вуалемъ, могла скрываться и убѣжавшая княжна и Иоанна, въ случаѣ неудачи. Къ великой своей радости онъ узналъ княжну, но не могъ ни вступать съ ней въ разговоръ, ни выразить свою радость; нельзя было терять минуты; молча они стали продолжать путь, направляясь къ гостинницѣ за мостомъ.

Тяжелая, намокшая отъ снѣга, одежда, наполненные карманы и глубокій снѣгъ сильно затрудняли ходьбу; притомъ Воганъ, вслѣдствіе своей близорукости, часто направлялъ княжну въ воду, принимая лужи растаявшаго снѣга за бѣлые камни; наконецъ, они перешли благополучно мостъ; здѣсь Воганъ оставилъ княжну и и пошелъ къ гостинницѣ, убѣдиться, что входъ въ ворота свободенъ.

Княжна, утомленная быстрой ходьбой, осталась одна среди улицы ночью, подъ снѣжной вьюгой. Къ счастью, проводникъ скоро вернулся и довелъ ее благополучно до гостинницы; здѣсь въ маленькой комнаткѣ въ первомъ этажѣ княжна сбросила съ себя промокшее платье, и всѣ участники ея бѣгства, сильно взволнованные, въ безмолной радости упали на колѣни передъ своей молодой королевой...

Около двухъ часовъ ночи послышалась труба почтальона и коляска, запряженная четверкой, выѣхала изъ города, направляясь

по большой дорогѣ къ Веронѣ: въ глубинѣ коляски сидѣли Миссетъ съ княжной, спереди Гайданъ и Воганъ; капитанъ Туль помѣстился съ почтальономъ на козлахъ. Уже выѣхавъ за городъ, вспомнили, что платья и драгоценности княжны, присланныя ей матерью, въ попоухахъ были оставлены въ гостинницѣ. Туль верхомъ возвратился въ городъ, нашель вещи на своемъ мѣстѣ и привезъ обратно. Эту удачу всѣ сочли за счастливое предзнаменованіе. На первой же станціи припрягли еще пару лошадей, а подъ утро коляска достигла Бреннера. Здѣсь, при перемѣнѣ почтовыхъ лошадей, силы оставили княжну; она желала немного отдохнуть, и вдругъ упала въ обморокъ на руки г-жи Миссетъ. Однако, благодаря оказанной помощи, княжна скоро очнулась и тотчасъ же приказала продолжать путь.

Это былъ единственный случай слабости, показанный Клементиной во время путешествія. Его легко было объяснить волненіями минувшей ночи, недостаткомъ сна, усталостью путешествія, наконецъ лишеніемъ себя пищи съ утра, такъ какъ это была пятница,—постный день. Вообще, во время всего путешествія семнадцатилѣтняя героиня показала себя во всемъ вполне достойной того героическаго имени, которое носила. Придя теперь въ себя, княжна вступила въ разговоръ съ своими освободителями, до этой минуты они ѣхали молча. Ободренные ея любезностью, они выражали свое удивленіе ея рѣшимости, столь рѣдкой въ такіе молодые годы.

— То, что ваше королевское величество сдѣлали теперь для нашего короля—сказаль маіоръ Гайдонъ—составить вамъ безсмертную славу въ лѣтописяхъ міра. Передъ великой душой вашей падуть всѣ препятствія и затрудненія, стоявшія на пути нашего короля. Вы будете спасеніемъ и утѣхой въ его жизни.

Вѣрные слуги дома Стюартовъ употребляли все свое усердіе и старанія, чтобы сохранно довести ввѣренное имъ сокровище. Свойственная тому времени напыщенность придворнаго обращенія доводила ихъ излишнею заботливостью просто до смѣшнаго; они дѣлали ошибки въ ущербъ самому дѣлу, теряя хладнокровіе и мужество. Такъ французъ Шатоду, вслѣдствіе сильнаго волненія въ рѣшительную минуту, не могъ вынести свиданія съ княжной. Ирландецъ Воганъ по той же самой причинѣ принималъ лужи за бѣлые камни. Ночью, когда княжна и г-жа Миссетъ дремали въ коляскѣ, каждый толчекъ наводилъ страхъ на присутствующихъ, какъ бы не пострадала цѣлость «Трехъ соединенныхъ королевствъ». При такомъ настроеніи всѣхъ участниковъ ярко видѣялась смѣлость самой княжны—эта смѣлость живого, свободаго, играющаго ребенка,—единственной наивной души во всемъ обществѣ.

Къ счастію княжны, Провидѣніе охраняло ее отъ тяжелыхъ испытаній. Благодаря милостивому покровительству небесъ, къ которымъ несло столько молитвъ за княжну, это бѣгство, угрожав-

шее столькими опасностями, въ дѣйствительности обратилось въ пріятную поѣздку съ приключеніями. Самое большое неудобство пришлось испытать путешественникамъ послучаю поѣздки маркграфини Баденской, ѣхавшей одновременно по одной дорогѣ съ ними, только впереди на три станціи; она направлялась въ Италію со всѣмъ дворомъ. Вслѣдствіе этого, на станціяхъ имъ запрягали совсѣмъ измученныхъ лошадей, а иногда и вовсе ихъ не было. Въ первый день путешественники проѣхали 15 миль. На другой день двое изъ спутниковъ, Туль и Миссетъ, остановились въ небольшомъ городкѣ Миликъ, около Триента, поджидая, не пріѣдетъ ли изъ Инсбрука гонецъ съ приказомъ задержать княжну по дорогѣ, если бы ея бѣгство уже обнаружилось. Оставшіеся должны были помѣшать дальнѣйшей погонѣ за княжной. Дѣйствительно, въ то время, когда путешественники выѣзжали въ полдень изъ Триента, направляясь къ Ровередо, пріѣхалъ въ гостиницу въ Миликъ гонецъ изъ Инсбрука съ депешами къ коменданту Триента. Туль и Миссетъ тотчасъ вступили въ разговоръ съ гонцомъ, который радъ былъ на минуту отдохнуть, потому что сильно усталъ съ дороги. Отъ словъ перешли къ стаканамъ; когда опорожнили нѣсколько бутылокъ и гонецъ просилъ ему долить водой его стаканъ, ему налили водки вмѣсто воды; онъ скоро уснулъ крѣпкимъ сномъ, а пріятели бодрствовали, заботясь, чтобы онъ слишкомъ рано не проснулся.

Въ это время княжна съ остальными спутниками выѣзжала вечеромъ изъ Ровередо; шель шутливый разговоръ о достоинствахъ коляски, которая, проѣхавъ такое большое пространство, не получила ни какого поврежденія, въ эту минуту вдругъ ломается ось; нужно было выйти изъ этого экипажа. Воганъ съ Митхелемъ занялись его поправкой, Гайдонъ и г-жа Миссетъ направились съ княжной, которой захотѣлось напиться молока, въ близъ лежащее село. Въ это время благовѣстили къ вечерней молитвѣ. Молока княжна не достала; она вошла въ сельскую церковь и, упавъ на колѣни, горячо помолилась. Вскорѣ явился Воганъ съ извѣстіемъ, что ось поправлена и можно продолжать путь. Вслѣдствіе поврежденія коляски и усталости лошадей нельзя было скоро ѣхать. Къ счастью, послѣдняя пограничная станція была уже близка. Наступалъ конецъ всѣмъ опасеніямъ и страхамъ. «Тогда» — пишетъ маіоръ Гайдонъ въ своихъ запискахъ — «въ 11 ч. ночи случилось обстоятельство, которое еще болѣе должно было прославить имя княжны въ исторіи». Сломалась другая часть оси. Коляска опрокинулась; княжна такъ крѣпко спала, что ничего не почувствовала; Воганъ взялъ ее на руки и отошелъ въ сторону; замѣтивъ передъ собой бѣлый камень, онъ поставилъ княжну на него; княжна сильно вздрогнула, тогда только онъ увидѣлъ, что поставилъ княжну въ воду. «Гдѣ мама?» — были первые слова княжны, произ-

несенные еще въ полуснѣ. По пробужденіи, пришлось идти пѣшкомъ до самой станціи; прошло около получаса времени: идти было тяжело въ темнотѣ и по сырости. Но княжна ободряла всѣхъ, подшучивая надъ такими пустяками.

Послѣ полуночи поврежденная коляска пріѣхала въ городокъ Алла; оказалось, что ея поправка можетъ быть окончена только къ утру. Путешественники не хотѣли терять времени, находясь всего въ полтора миляхъ отъ границы; всякое промедленіе грозило опасностью, тѣмъ болѣе что Туль и Миссетъ, караулившіе гонца, до сихъ поръ еще не присоединились къ остальнымъ и это возбуждало сомнѣнія. Поэтому наняли простую телѣгу, лучшую, какую можно было найти, въ нее положили подушки и на нихъ посадили дамъ. Гайдонъ и Воганъ шли рядомъ пѣшкомъ. Митхель остался при коляскѣ на станціи, и долженъ былъ присоединиться къ обществу на другой день утромъ. Усталая княжна снова погрузилась въ глубокой сонъ; ее разбудилъ радостный крикъ. Была половина четвертаго утра, когда путешественники переѣхали, наконецъ, границу. Въ пятомъ часу утра, княжна остановилась въ маленькомъ городкѣ Пяри, недалеко отъ Венеціи. Въѣзжая въ него, она была встрѣчена благовѣстомъ къ ранней обѣднѣ; путешественники, услышавъ благовѣсть, оставили экипажъ на улицѣ и отправились въ церковь; тамъ вознесли они благодарственные молитвы къ Богу, а потомъ, отыскавъ гостинницу, рѣшились отдохнуть. Въ продолженіе дня подѣхали Митхель въ исправленной коляскѣ, Туль и Миссетъ. Шли уже третьи сутки съ бѣгства княжны изъ Инсбрука. Еще два дня ѣхали они да границы папскихъ владѣній, сохраняя инкогнито, пока достигли, наконецъ, Болоньи, ближайшей цѣли ихъ путешествія. Здѣсь княжнѣ представился посланный папой кардиналъ, потомъ она посѣтила главные монастыри и церкви.

Только теперь, когда княжна переѣхала границу, въ Инсбрукѣ сдѣлалось извѣстнымъ ея бѣгство. Гонецъ, пріѣхавшій въ Миликъ и напоенный Миссетомъ и Тулемъ, какъ оказалось везъ депеши другого содержанія. Первые двое сутокъ по отбѣздѣ княжны, мать ея съ помощію Иоанны распространила слухъ объ ея болѣзни, только на третій день было объявлено, что княжна отправилась тайно къ своему жениху, чтобы обвѣнчаться съ нимъ. Вслѣдствіе этого возникли большія непріятности для ея родителей, такъ что Яковъ долженъ былъ оставить Олавы и уѣхать въ Польшу гдѣ долгое время жилъ въ Ченстоховѣ.

Въ это время княжна Клементина жила уже съ мужемъ въ Римѣ. Черезъ нѣскольکو дней по прибытіи ея въ Болонью, пріѣхалъ изъ Рима Муррей, посланный отъ имени короля для бракосочетанія княжны. Обрядъ былъ совершенъ 9 мая, черезъ десять дней по отбѣздѣ изъ Инсбрука. Вслѣдствіе инкогнито, которое

желала сохранить княжна, не смотря на гостепримное радушіе болонскаго кардинала-легата Ориго, обрядъ былъ совершенъ скромно безъ всякой пышности. Въ седьмомъ часу утра Клементина отправилась въ простомъ бѣломъ платьѣ, въ сопровожденіи г-жи Миссетъ въ ближайшую церковь къ исповѣди. Вернувшись домой, она вошла въ залу, гдѣ ее ожидало все собравшееся общество. Здѣсь находился также Муррей съ нарочно для этого привезеннымъ англійскимъ пресвитеромъ, маркграфиня Монти, Воганъ и остальные спутники княжны. По прочтеніи полномочія и согласія отъ имени молодого короля, пресвитеръ обратился съ вопросомъ къ Клементинѣ, согласна ли она? «Могу удостовѣрить» — пишетъ Гайдонъ — «что сама Грація говорила ея устами, когда она произнесла свое согласіе» Пресвитеръ благословилъ ее и тѣмъ церемонія окончилась.

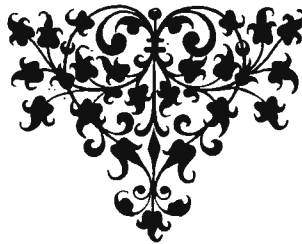
Черезъ недѣлю, княжна уже была въ Римѣ; она помѣстилась въ монастырѣ урсудинокъ. Ей поднесли медаль, выбитую въ память ея счастливаго освобожденія. На одной сторонѣ было изображеніе княжны съ надписью «Clementina, Magnae Britanniae, Franciae, Scotiae et Hiberniae Regina». На другой, — изображена красивая коляска, запряженная четырьмя быстрыми конями, управляемыми Клементиной и несущимися къ издали виднѣющемуся Вѣчному городу. На верху надпись «Fortunam causam que sequor». (Спѣшу за счастьемъ и справедливостью). Внизу: «Deceptis custodibus. A. 1719». Медаль эта была только началомъ почестей, которыми пользовалась княжна со стороны папы и всего римскаго народонаселенія. Аудіенціи у папы, посѣщенія почетныхъ лицъ и поклоненія святымъ мѣстамъ, сократили княжнѣ время ожиданія короля изъ Испаніи. Онъ прибылъ въ концѣ сентября на двухъ испанскихъ корабляхъ, которые приплыли къ Ливорно. Княжна выѣхала къ нему на встрѣчу въ Монте Фисуоне. Епархіальный епископъ соединилъ ихъ, давъ имъ вторичное благословеніе отъ имени папы. Въ концѣ октября молодые поѣхали въ Римъ и поселились въ приготовленномъ для нихъ дворцѣ св. Апостоловъ.

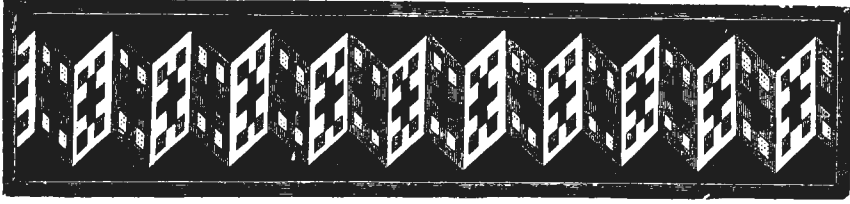
Въ этомъ дворцѣ замкнулась съ этихъ поръ Клементина. Дорога къ англійскому престолу становилась сомнительной. Мысли Клементины приняла другое направленіе. Дочь набожнаго отца, который иногда посѣщалъ въ теченіе дня нѣсколько обѣденъ, и для котораго любимымъ мѣстомъ былъ монастырь на Ченстоховской горѣ, молодая королева посвятила себя благочестивой жизни. У нея было два сына, изъ которыхъ одинъ вполнѣтствіи съ оружіемъ въ рукахъ владычествовалъ въ Шотландіи; она думала полнымъ своимъ отреченіемъ отъ свѣтскаго величія и отъ всѣхъ земныхъ благъ, снискать всѣ блага отъ неба для своихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого она обрела себя на уединеніе, постоянныя молитвы, частые посты, причащеніе каждую недѣлю и ежегодное монастыр-

ское покаяніе. Она пользовалась большимъ почетомъ при папскомъ дворѣ и повсемѣстною любовью народа. — «Это святая»,—говорили монахи въ монастырѣ св. Цециліи, временнаго жилища молодой королевы. Такая молва расходилась объ ней далеко, дошла и до Польши.

Скоро эти слова прозвучали надъ ея гробомъ. Клементина умерла 18 января 1735 года, 33 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Глубокая печаль охватила всю столицу. Въ продолженіе всего траура, были закрыты всѣ публичныя зрѣлища, затихли увеселенія, замолкъ весь Римъ. Для большей пышности погребенія съ покойницы сняли доминиканскую рясу, которую она велѣла на себя надѣть, и облекли ее въ королевскія одежды. Въ коронѣ, съ скипетромъ въ рукахъ, почила она навсегда въ подземельяхъ св. Петра.

Два года спустя послѣ ея смерти, умеръ ея отецъ, 19 декабря 1737 года въ Жолковѣ. Одиннадцать лѣтъ раньше, 22 іюля 1726 года, умеръ младшій братъ его Константинъ. Всѣ трое не оставили мужского потомства. Черезъ три года по смерти королевича Якова, со смертью послѣдней его дочери, Каролины, княжны Бульонской, умершей въ Жолковѣ 1840 г. прекратилась и женская линія. Не было уже никого изъ рода Собѣсскихъ, потомковъ Яна III. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія блестѣлъ этотъ родъ въ глазахъ міра и погасъ. Дѣды прославили его блескомъ оружія, а благочестивая внучка украсила его закатъ ореоломъ святости.

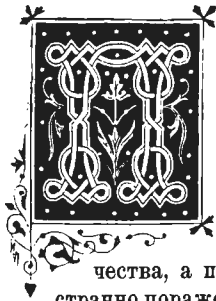

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. Академика архитектуры В. В. Сулова. Съ 16-ю таблицами и 21 рис. въ текстѣ. Спб. 1889.

Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры. В. В. Сулова. Съ 4-мя таблицами. Спб. 1888.

ПРОЧИТАВЪ ПУБЛИКАЦІЮ о выходѣ въ свѣтъ этихъ сочиненій академика Сулова, мы поспѣшили ихъ пріобрѣсти и приступили къ чтенію ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Имя академика Сулова, было намъ извѣстно задолго до выхода въ свѣтъ его произведеній: намъ приходилось слышать его рефераты на археологическихъ сѣздахъ, мы знали, что ему поручаютъ реставрацію древнихъ и весьма цѣнныхъ памятниковъ русскаго зодчества, а потому... А потому мы и были чрезвычайно непріятно и странно поражены содержаніемъ «сочиненій» почтеннаго академика архитектуры и реставратора русскихъ древностей.

«Сочиненія» г. Сулова по древне-русскому зодчеству оказались жиденькими журнальными статейками и рефератцами, читанными имъ на одесскомъ и ярославскомъ сѣздахъ. Перечитывая эти статейки и рефератцы, мы не знали, чему удивляться болѣе: — чрезвычайной ли смѣлости автора, который рѣшился собрать и издать въ свѣтъ эти статейки, или чрезмѣрной наивности чловѣка, который можетъ придавать этимъ статейкамъ значеніе серьезныхъ трудовъ по исторіи древне-русскаго зодчества? Спѣшимъ, однакоже, оговориться. Нѣкоторыя изъ этихъ статей, въ которыхъ г. Суловъ входитъ въ детальное описаніе памятниковъ, не созидавая никакихъ предположеній и не дѣлая никакихъ выводовъ — могутъ имѣть научное значеніе, въ смыслѣ фактическомъ. Тамъ, гдѣ г. Суловъ толкуеть о «перемычкахъ» и «скрѣ-

пахъ», о «двойныхъ арочкахъ съ серьгами», о «парусахъ» и «распадубкахъ» — тамъ все идетъ довольно складно... Но, на бѣду, г. Сусловъ не довольствуется этою фактической, описательною стороною въ изученіи памятниковъ: — онъ страстно любитъ обобщенія, широкіе выводы, размахистыя предположенія и сопоставленія, описанія историческихъ эпохъ, громкія фразы о «родномъ», «національномъ», «самобытномъ» искусствѣ... И вотъ въ этой-то части своихъ «сочиненій» выказываетъ такую наивность незнанія, такое полное отсутствіе всякой способности къ правильнымъ логическимъ выводамъ, такое дѣтское невѣдѣніе не только русской исторіи, вообще, но даже исторіи русскаго искусства, въ частности — что ставитъ серьезнаго читателя въ полное недоумѣніе. Ко всему этому прибавляется еще неумѣнье владѣть русскимъ языкомъ, запутанность и неясность выраженій, невозможные по длинѣ періоды и пестрая смѣсь словъ и фразъ, мѣстами поставленныхъ на-удачу, безъ всякой грамматической связи, которая, очевидно, составляетъ для г. Суслова камень преткновенія... Но перейдемъ къ фактическому обзору и разбору сочиненій г. академика.

Въ «Очеркахъ» г. Суслова помѣщено пять отдѣльныхъ статей. Изъ нихъ, первая («Взглядъ на одну изъ формъ наружнаго покрытія древнерусскихъ церквей») болѣе всего заслуживаетъ вниманія, какъ фактической разборъ спеціальнаго вопроса, къ которому авторъ не примѣшалъ никакихъ своихъ взглядовъ и предположеній. Нѣкоторый научный интересъ имѣетъ и вторая статейка («Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи»), въ которой авторъ даетъ намъ довольно подробное описаніе старинныхъ деревянныхъ церквей Донской области, главнымъ образомъ, руководясь рисунками и чертежами превосходнаго альбома г. А. Ознобишина, собравшаго массу рисунковъ съ древнихъ церквей и старинныхъ костюмовъ Донской области¹⁾. Но, къ простому описанію старинныхъ деревянныхъ церквей Донской Области, г. Сусловъ здѣсь уже примѣшиваетъ свои историческіе взгляды и соображенія въ родѣ слѣдующихъ:

«Первоначальная строительная дѣятельность казаковъ состояла въ постройкѣ маленькихъ городковъ (?) на древнихъ развалинахъ (?)»... «Самыя жилища имѣли видъ землянокъ (?)»... «Городки были малолюдны, такъ какъ казаки, долго не занимаясь земледѣліемъ, рѣдко жили дома»... «Въ XVII ст. населеніе Донской Области значительно увеличилось запорожцами, бѣглыми попами, раскольниками и др. людомъ»... «До XVIII в. жизнь казаковъ была военная и никакихъ ремеслъ видимо не развивалось, но съ Петра вводятся различные обряды (!), правленія(?), строится множество часовень, церквей и словомъ весь край получилъ надлежащій ходъ общественной жизни». Судя по этой путаницѣ, можно предположить, что не только церквей, но даже и часовень на Дону до Петра не было, хотя кому же не извѣстно, что акты второй половины XVII в. наполнены свѣдѣніями о постройкѣ храмовъ на Дону? Но г. Сусловъ, на той же страницѣ (20-й), съ которой мы взяли вышеприведенную путаницу, говорить далѣе:

«При первыхъ заселеніяхъ русскихъ высленцевъ въ Донской Области, за отсутствіемъ церквей, сложились своеобразныя христіанскія чино-послѣдованія (?). Бѣглые попы сливались съ казаками и зависѣли отъ среды, въ которой они уживались, а также и отъ общаго казачьяго началь-

¹⁾ Альбомъ хранится въ Академіи Художествъ.

ства... «Со времени учрежденія патріаршества... началась правильная церковная жизнь казаковъ и на построение церквей посылаются особыя грамоты». Значитъ, церкви строились на Дону и до Петра?... Пятью строками ниже, на стр. 21, видимъ опять новыя предположенія относительно церковнаго зодчества въ Донской Области.

«При образованіи Донскаго казачества большихъ церквей, видимо и не было ¹⁾, а ограничивались (кто?) молитвенными домами и кладбищенскими часовенками, въ родѣ бесѣдокъ (голубцы) (!)—съ этихъ же поръ, какъ началась правильная гражданская и церковная жизнь, упоминается о многихъ церквахъ».

Вотъ и разбирайтесь, какъ знаете, въ этомъ наборѣ словъ! По указанію г. Суслова «правильная церковная жизнь началась на Дону съ учрежденія патріаршества, т. е. съ царствованія Θεодора Иоанновича, а «правильная гражданская жизнь»— съ Петра Великаго. Постройка церквей и часовень «въ множествѣ» началась съ Петра; но самъ же г. Сусловъ говорить, что патріархи посылали на Донъ грамоты «на построение церквей», да и гораздо раньше, еще въ эпоху «образованія Донскаго войска», когда сами казаки «жили въ землянкахъ», они уже воздвигали «молитвенные дѣмы» и какія-то «кладбищенскія часовенки въ родѣ бесѣдокъ» ²⁾.

Но г. Сусловъ не замѣчаетъ ни этой путаницы, ни заключающихся въ ней противорѣчій, и воображая себѣ, что отлично выяснилъ историческій ходъ развитія церковной архитектуры на Дону, переходитъ къ исторіи «заселенія Донской области», при чемъ онъ видитъ, что «здѣсь долго не было нормальной общинной жизни (это у казаковъ-то!), вслѣдствіе чего и правильнаго развитія искусствъ у казаковъ быть не могло» — и затѣмъ, сообщая подробныя описанія церковныхъ построекъ въ Донской области, приходитъ къ тому заключенію, что типъ ихъ заимствованъ не съ Сѣвера Россіи, а изъ соседней Малороссіи. При этомъ, г. Сусловъ, почему-то изъ всѣхъ силъ добивается возможности доказать, что основной типъ донскихъ храмовъ (XVII в.) заимствованъ отъ униатскихъ храмовъ Юго-Западнаго края Россіи. Не смотря на всю очевидную нелѣпость и не естественность этой гипотезы (казаки, заимствующие планъ церковныхъ построекъ отъ ненавистной имъ Унии!), г. Сусловъ не жалѣетъ труда на доказательства для своей гипотезы. Для этой цѣли онъ вынужденъ прибѣгать, конечно, къ чрезвычайно курьезнымъ натяжкамъ. Такъ какъ основною формою Донскихъ старинныхъ храмовъ является восьмигранный срубъ и такой-же куполь, то г. Сусловъ старается доказать, что эта форма была не свойственна древней русской церковной архитектурѣ. Какъ же онъ это доказываетъ? «Форма эта»— говоритъ г. Сусловъ — «хотя и существовала по всей Руси, но прижненія ея было распространено прежде всего, вѣроятно, на Югѣ, такъ какъ на Сѣверѣ, судя по сохранившимся памятникамъ, она примѣнялась только въ извѣстныхъ мѣстахъ, куда заносилась случайно; иначе бы она повторилась во всемъ русскомъ искусствѣ (?). Что же касается

¹⁾ Какія же могли быть въ то время на Дону большія церкви, когда казаки по увѣренію г. Суслова, жили «въ землянкахъ»?

²⁾ При словѣ «бесѣдки» г. Сусловъ ставитъ въ скобкахъ, въ видѣ поясненія— «голубцы». Академику архитектуры, занимающемуся изученіемъ русской старины, стыдно смѣшивать голубецъ съ бесѣдкою.

церквей, состоящихъ изъ нѣсколькихъ этажей восьмигранниковъ (церковь въ г. Торжкѣ, Тверской губ.), то онѣ почти не встрѣчаются въ мѣстахъ, гдѣ болѣе въ чистотѣ сохранился типъ древне-русскихъ деревянныхъ построекъ (Сѣв. Двина и Поморье), а если и попадаютъ въ Новгородской, Тверской и др. губерніяхъ, то онѣ относятся къ концу XVII ст., и съ перваго же взгляда отличаются отъ болѣе древнихъ и характерныхъ русскихъ деревянныхъ храмовъ».

Въ этой длинной тирадѣ, что ни слово — то противорѣчіе. «Форма восьмигранныхъ срубовъ», по признанію самого г. Суслова, была одною изъ «весьма древнихъ» формъ въ нашихъ церковныхъ постройкахъ. Онъ самъ, на 93 стр. своихъ «Очерковъ», описывая деревянные церкви Сѣвернаго (Двинскаго) края говоритъ: «повсюду замѣчается форма восьмиугольная (въ планѣ церкви), которая, какъ видно изъ лѣтописи Устюжской церкви, также весьма древняя на Сѣверѣ». Церковь, упоминаемая г. Сусловымъ въ Торжкѣ, принадлежитъ (документально) къ древѣйшимъ изъ сохранившихся нынѣ деревянныхъ русскихъ храмовъ — и состоитъ «изъ нѣсколькихъ этажей восьмигранниковъ». Эта «восьмигранная форма», какъ утверждаетъ г. Сусловъ, была распространена «по всей Руси» — и вдругъ оказывается, что она же, въ Донской области, явилась заимствованною съ католическаго Запада! Для того, чтобы это доказать, г. Сусловъ прибѣгаетъ къ удивительному соображенію:

«Главный мотивъ донскихъ церквей... восьмигранные срубы, въ формѣ трехъ башенъ... Эти башни совершенно сходны съ верхнею деревянною надстройкою на Антверпенскомъ готическомъ соборѣ (въ Бельгiи), и, конечно, надо думать, что такая форма не была занесена сюда изъ Донской Земли (!), а господствовала въ строительной практикѣ Запада». «Такъ какъ эта форма не была занесена въ Антверпенъ изъ Донской Земли — умозаключаетъ далѣе г. Сусловъ, — то она могла (изъ Антверпена!) постепенно перейти въ нашу Донскую Область (!)».

Вотъ до чего додумался ученый академикъ архитектуры! Ему показалось, что «восьмиугольная» форма храмовъ, по его же собственнымъ словамъ распространенная «по всей Руси», не могла изъ Руси проникнуть на Донъ, а потому «постепенно» должна была перейти на Донъ изъ Антверпена... И на основаніи такихъ-то правильныхъ логическихъ выводовъ г. Сусловъ говоритъ въ заключеніе этой статьи, что «въ южно-русскихъ древнихъ церковныхъ сооруженіяхъ сказалось непосредственное вліяніе Запада». Для того, чтобы придать болѣе вѣса этому очень шаткому выводу, г. Сусловъ, впрочемъ, спѣшитъ добавить:

«Это (вліяніе Запада) подтверждается отчасти и тѣмъ, что между казаками были литовцы и нѣмцы... и опирается на выписку изъ одной отписки казанскому хану (стр. 50). Можно себѣ представить, какъ посмѣются коренные донцы, когда узнаютъ, что «литовцы и нѣмцы и разныхъ вѣръ люди» пользовались въ ихъ общинѣ такимъ преобладающимъ вѣсомъ и значеніемъ, что даже способны были придать ихъ православнымъ храмамъ характеръ Западныхъ костеловъ!

Слѣдующая статья «Очерковъ», подъ заманчивымъ заглавіемъ «Замѣтки о калмыцкихъ и древне-русскихъ постройкахъ» не заслуживаетъ никакого вниманія и не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія. Авторъ описываетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ поѣздки въ гг. Астрахань, Казань, Нижній Новгородъ и во Владиміро-Суздальскій край. Описываетъ онъ эти

впечатлѣнія безпорядочно, безсвязно, какъ-то въ разбродѣ. На одной страницѣ толкуетъ о калмыцкихъ хурулахъ, на другой о волжскихъ ватагахъ, на третьей о г. Астрахани, въ которой «съ перваго взгляда русскій типъ даже теряется, но за то когда взгляните, найдете, что русскій элементъ даетъ здѣсь свой тонъ, все какъ будто спланиваетъ и имѣетъ видъ хозяина». Далѣе г. Сусловъ говоритъ о башнѣ Сумбеки, о Владимірскихъ храмахъ, и нѣсколько подробнѣе останавливается на соборѣ въ Юрьевцѣ-Польскомъ, по стѣнамъ котораго «идутъ крупныя орнаменты растительнаго характера съ различными изображеніями птицъ, грифоновъ и др. фантастическихъ животныхъ». И все это безъ малѣйшей связи и соотношенія... Въ заключеніе сказаннаго о Юрьевскомъ соборѣ, г. Сусловъ находитъ, что «памятникъ этотъ выражаетъ собою послѣднее высокое слово искусства Владиміро-Суздальской эпохи и крайне дорогъ для насъ потому, что здѣсь видимо закипало народное творчество, нарождались собственныя русскія силы мастеровъ»¹⁾.

Четвертая статья, помѣщенная въ «Очеркахъ» — главная ріесе de resistance всей книги — озаглавлена «О деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи». По этому заглавію, конечно, никому и въ голову не можетъ прийти, что г. Сусловъ начнетъ свою статью съ «исторіи распространенія христіанства» на Сѣверѣ! Но г. Сусловъ утверждаетъ, что съ этого именно и слѣдуетъ начать, «такъ какъ первымъ импульсомъ развитія зодчества на Сѣверѣ послужило насажденіе христіанства».

Эта исторія христіанства на Сѣверѣ, излагаемая г. Суловымъ въ связи съ исторіею зодчества, занимаетъ въ «Очеркахъ» 4 страницы (86—89), которыя изобилуютъ массою курьезовъ и служатъ блистательнымъ доказательствомъ того, что г. академикъ незнакомъ даже и съ элементарными учебниками по русской исторіи и по исторіи русской церкви. Тутъ видимъ мы, напр., такіе перлы:

«Почти съ достовѣрностью можно сказать, гдѣ поселенцы Сухоны (чудь) еще въ княженіе св. Владиміра были подвластны Новгороду... «Вообще извѣстно, что жители сѣверныхъ окраинъ (?) всегда (?) производили большую торговлю (пушными и др. товарами) съ Новгородомъ и Ростовомъ, слѣдовательно были знакомы съ христіанствомъ, если не въ X, то въ XI столѣтіи...»²⁾. Когда новгородцы заводятъ колоніи въ вологодскомъ краю, — «Сѣверъ начинаетъ быстро культивироваться и народъ проникается идеями новой религіи... «Духовная борьба иноковъ-обличителей окончателно сдвинула и заглушила все проявленіе грубой жизни народа: смолкаютъ пѣсни баяновъ, игры, пляски и появляется назидательнаго характера символика въ связи съ аллегорическимъ олицетвореніемъ разныхъ поучительныхъ событій. Вслѣдствіе такого стремленія къ нравственному совершенству строилось множество монастырей... А на пять строкъ дальше опять видимъ, «что на отдаленномъ Сѣверо-Востокѣ потомъ появляются монастырскіе иноки (?) и ревностно проповѣдываютъ

¹⁾ Г. Сусловъ, видимо, забываетъ о томъ, что участіе «собственныхъ русскіихъ силъ мастеровъ» и «народнаго творчества» въ постройкѣ этого храма требуетъ доказательства, ибо подвержено большимъ сомнѣніямъ.

²⁾ Г. Сусловъ забываетъ, что въ X вѣкѣ и Новгородъ, и Ростовъ были еще очень мало знакомы съ христіанствомъ.

вѣру Христа, строятъ церкви и часовни, какъ болѣе понятныя символы (!) новой религіи» (стр. 87). Далѣе, на той же страницѣ узнаемъ, что «особенно во время междоусобицъ и смуть, въ народѣ порождается стремленіе къ нравственному совершенству (?) и желаніе уйти въ монастырь»... «Эта внутренняя потребность къ постройкѣ храмовъ и дала прямую возможность развиться строительному дѣлу, особенно въ вѣчевой періодъ, до замѣчательныхъ образцовъ». И тотчасъ послѣ этого г. Сусловъ добавляетъ: «Этому развитію весьма благоприятнымъ обстоятельствомъ, конечно, былъ и свободный доступъ иноземнымъ мастерамъ (sic!), которые не только вносили къ намъ свои познанія, но даже строили иногда и по своимъ рисункамъ» (стр. 87).

За этимъ наборомъ словъ ужъ начинаются сплошныя фантазіи на тему «русскихъ мастеровъ». Оказывается, что русскіе мастера «при первыхъ значительныхъ постройкахъ, конечно, присматривались къ дѣлу своихъ иноземныхъ товарищей; но вскорѣ, по городамъ и селамъ (?) появляются русскіе зодчіе (?), которые уже не шли въ иноземныя артели (!)»... «но составляли свои собственныя артели, могущіе успѣшно конкурировать съ пришлецами». Г. Сусловъ даже знаетъ, какъ они конкурировали? «Тѣ подряды, въ которыхъ что-либо не могла сдѣлать русская артель одна, она брала заказы (!) вмѣстѣ съ иностранцами». И т. д. и т. д. въ томъ же родѣ. Затѣмъ, наконецъ, г. Сусловъ (на стр. 89) доходитъ уже до того въ увлеченіяхъ своей пылкой фантазіи, что даже дѣятельность Строгоновыхъ на Востокѣ Россіи приурочиваетъ къ вѣчевому періоду Новгорода и говоритъ:

«Такое оживленіе края (всѣдствие строительной дѣятельности Строгоновыхъ) естественно вызвало большой запросъ на мастеровъ и когда рушился вѣчевой строй, политическія силы стянулись къ Москвѣ, болѣе опытные новгородскіе мастера разбѣжались по окраинамъ Сѣвера и продолжали тамъ свое завѣтное мастерство¹⁾. Они свыклись съ свободой и не шли въ Москву... во-первыхъ, потому, что на Сѣверѣ, среди цвѣтущей промышленности, они получали такую цѣну, какую Москва не могла дать имъ, а во-вторыхъ, по своему превосходству, они прямо избѣгали столкновеній съ московскими мастерами» (!). Г. Сусловъ, почерпнувшій всѣ эти факты прямо изъ своего богатаго воображенія, пресерьезно добавляетъ къ нимъ: «Эта цвѣтущая пора плотничнаго искусства на Сѣверѣ была послѣдней». И опять обращается къ запасамъ своего воображенія, и рассказываетъ, какъ, наконецъ, Москва заставила новгородскихъ «мастеровъ плотничнаго искусства» явиться въ бѣлокаменную, какъ они явились туда «съ тѣмъ запасомъ свѣдѣній по строительной части, которыя (?) выросли вѣками на свободныхъ принципахъ богатаго Сѣвера и которыя имъ пришлось нерѣдко примѣнять уже къ каменнымъ постройкамъ (!)». И такъ, новгородскіе плотники обратились въ Москвѣ въ каменщиковъ... А что же происходило въ это время на Сѣверѣ? Г. Сусловъ и это знаетъ:

«Въ болѣе же сѣверныхъ губерніяхъ» — говоритъ онъ съ твердою увѣренностью глубокаго знанія — «строительное дѣло становилось традиционнымъ (?) и до нѣкоторой степени тормозилось воеводами, смут-

¹⁾ Г. Сусловъ и тутъ не замѣчаетъ противорѣчія: «оживленія края» вызвало запросъ на мастеровъ «на Востокѣ», а его новгородскіе мастера разбѣжались «по окраинамъ Сѣвера».

нымъ временемъ самозванцевъ, расколомъ и т. д. Хотя эти событія и не оставили большихъ слѣдовъ на развитіи нашего искусства, не все-таки стѣсняли его».

Вотъ до какого невѣжественнаго сумбура можно договориться, не стѣняясь фактами и гоняясь за эффектной фразой!

Минуя массу другихъ курьезовъ, которыми изобилуютъ «Очерки», переходимъ къ рассмотрѣнію брошюры г. Суслова: «Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры».

Не слѣдуетъ забывать, что о Новгородскихъ памятникахъ церковнаго зодчества, до г. Суслова писали уже многіе и весьма авторитетные знатоки дѣла: — архимандритъ Макарій, протоіерей Соловьевъ, В. В. Стасовъ, графъ Толстой, Филимоновъ, Купріановъ... Но г. Сусловъ относится довольно пренебрежительно къ трудамъ этихъ ученыхъ, и упоминаетъ только о какомъ-то «путеводителѣ по Новгороду». Затѣмъ, онъ намѣчаетъ задачу своего изслѣдованія такъ:

«Я постараюсь, въ видѣ опыта, намѣтить тотъ ходъ архитектуры, гдѣ (?) съ появленія Византійскихъ формъ входили элементы Запада ¹⁾ и, соединяясь съ народнымъ творчествомъ, смѣшивались въ зависимости отъ практическихъ условій жизни новгородцевъ».

Задача, какъ изволите видѣть, весьма скромная. На выполнение ея потребовалось бы многу нѣсколько лѣтъ труда, но г. Сусловъ находитъ возможнымъ разрѣшить ее на 38 страничкахъ. Къ сожалѣнію, объемъ статьи не позволяетъ намъ подробно разобрать всѣ выводы г. Суслова, и потому мы остановимся только на немногихъ выдержкахъ.

На стр. 7, онъ говоритъ, что церкви, построенныя въ Новгородско-Псковской области послѣ св. Софіи въ XI и началѣ XII вѣка, «были несомнѣнно меньшихъ размѣровъ, но какихъ именно формъ — лѣтопись умалчиваетъ, а самые памятники уже не существуютъ». И тотчасъ послѣ того, на 8 и 9 стр. переходитъ къ описанію существующихъ памятниковъ XII вѣка — собора въ Мирожскомъ монастырѣ, церкви св. Георгія въ Ладогѣ и церкви Спаса-Нередицы близъ Новгорода.

На стр. 9, говоря о «помѣщеніяхъ подъ главами монастырскихъ церквей», г. Сусловъ дѣлаетъ совершенно невозможное и ни на чемъ не основанное предположеніе: «помѣщеніе подъ главами, вѣроятно, предназначалось для особыхъ придѣловъ, куда игумены удалились для молитвы». И тутъ же самъ разбиваетъ свое предположеніе, указывая на церкви, въ которыхъ эти помѣщенія служили мѣстами храненія казны и ризницы, и даже тайниками.

Точно также неосновательно считаетъ г. Сусловъ «угловыя башни» при монастырскихъ соборахъ и при св. Софіи за позднѣйшія пристройки XIII и XIV вв. только потому, что лѣтопись упоминаетъ о такой башнѣ подь 1403 г. Эта башня, въ которой помѣщается лѣстница «на полати», составляетъ одну изъ существенныхъ частныхъ древняго плана св. Софіи и другого, столь же древняго, Черниговскаго собора. Нечего и говорить о томъ, что дальнѣйшія предположенія г. Суслова о стратегическомъ значеніи «угловыхъ

¹⁾ Намъ не вполне понятно, какъ можетъ академикъ архитектуры и реставраціи древнихъ памятниковъ смѣшивать «элементы Запада» съ «Византійскими формами»?...

башень» и о томъ, что «онѣ, играли еще роль мѣшковъ, куда сажались провинившіеся монахи» — не выдерживаютъ никакой критики. Г. Сусловъ, кажется и самъ это сознаетъ, потому что утверждаетъ, будто бы подобныя башни были только при монастырскихъ соборахъ, а при св. Софій «въ видѣ исключенія». И тутъ же спѣшитъ добавить, въ подтвержденіе своихъ шаткихъ доводовъ, что вѣдь и Софійскій соборъ «въ сущности управлялся также монахами», позабывши (или не вѣдая), что св. Софія управлялась не монахами, а Софьянами...

На стр. 27, говоря объ алтарныхъ украшеніяхъ нѣкоторыхъ церквей Новгородскихъ, г. Сусловъ дѣлаетъ удивительныя предположенія. Ему припоминается подобный этимъ украшеніямъ «мотивъ Сирійскаго орнамента», который встрѣчается и на одной изъ итальяскихъ церквей... «Какимъ образомъ явилась сходственность мотивовъ архитектурныхъ украшеній въ столь отдаленныхъ краяхъ — сказать что-либо опредѣленно, и положительно трудно. Было ли это случайное сходство, или же было вліяніе Сиріи — вопросъ будущаго».

На стр. 24—25, г. Сусловъ старается доказать, что «надстѣнные колокольницы составляютъ принадлежность Псковскихъ церквей» и изъ Пскова занесены были въ Новгородъ. Наиболѣе сложною и болѣе художественною изъ построекъ этого типа является однако же звонница Новгородско-Софійскаго собора. Какъ же съ ней быть?... Г. Сусловъ, не задумываясь, рѣшаетъ этотъ вопросъ. Онъ говоритъ, что подобныя звонницы «хотя и дѣлались въ Новгородѣ, но видимо не пользовались большими симпатіями (!), а давалось преимущество колокольнямъ».

На стр. 8—9, въ прим. 2, г. Сусловъ даетъ намъ и весьма наглядный образецъ того, какъ онъ умѣетъ читать лѣтопись:

«По нѣкоторымъ соображеніямъ можно думать», — говоритъ г. Сусловъ — что лѣтописныя фразы «постави и заверши церковь» означаютъ «начали и кончили ее» (sic!); а подъ словомъ «заложилъ», вѣроятно, подразумѣвается, что къ церкви сдѣлали пристройку, т. е. (заложилъ) закрыли церковь (!), или въ другомъ случаѣ — надложили (заложилъ верхнія части ея). Такое толкованіе слишкомъ ярко выказываетъ намъ эрудицію г. Суслова и потому не требуетъ никакихъ комментаріевъ.

Въ концѣ своей брошюры, г. Сусловъ опять сдѣлаетъ своего Пегаса и даетъ полную волю своему воображенію. По его возрѣнію оказывается, что въ Москвѣ столкнулись два сильныхъ направленія искусства: «одно чисто-народное, выразившееся во многихъ чертахъ Новгородско-Псковской каменной архитектуры и деревянныхъ постройкахъ со всевозможною рѣзбою по дереву, а другое Византійско-Ломбардское... «При этомъ» все, что родилось и воспиталось на нашей почвѣ, дало блестящій рѣшительный ударъ наноснымъ формамъ и съ могучей силой выступаетъ на арену самостоятельной жизни». Въ чемъ же выражается эта самостоятельность? Въ томъ, — видите ли, — что итальянскій мастеръ строить церковь Василія Блаженнаго.

Но — довольно. Въ заключеніе нашей черезчуръ длинной зачѣтки, мы можемъ преподать г. Суслову только одинъ добрый совѣтъ. Пусть онъ создаетъ какія ему угодно проекты зданій, пусть строитъ новыя и даже реставрируетъ старыя зданія (если ужъ наши ученныя археологическія общества и комиссія довѣряютъ ему реставрацію)... Но только ужъ пусть онъ не печатаетъ

таетъ болѣ своихъ «сочиненій», потому что эти «сочиненія», подрываютъ довѣріе не только къ его археологичимъ познаніямъ, но даже вынуждаютъ прійти къ заключеніямъ довольно невыгоднымъ и по отношенію къ элементарному образованію, которымъ обладаетъ почтенный академикъ-реставраторъ.

П. Полевой.

Д. Г. Льюисъ. Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени, съ указателемъ. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей В. Чуйко. Спб. 1889.

Удивительно разносторонній народъ англичане, сравнительно не только съ нѣмцами, но и съ французами: не говоря уже про узкихъ спеціалистовъ, которыхъ Германія плодитъ тысячами, самыя выдающіеся умы ея позволяютъ себѣ высказываться по двумъ-тремъ смежнымъ областямъ не болѣе; историкъ изрѣдка заглядываетъ въ политику и политическую экономію, еще рѣже выступаетъ на арену беллетриста; поэтъ иногда берется за рѣшеніе историко-литературныхъ вопросовъ; философъ изрѣдка спускается съ высотъ отвлеченности въ естественныя науки, въ антропологию или въ исторію искусства; но все же Hauptfache его остается неизмѣнной и выдаетъ себя на каждомъ шагѣ. Французскіе «публицисты» шире по подготовкѣ и смѣлѣе: историческіе, социальныя и эстетическіе вопросы доступны многимъ изъ нихъ въ одинаковой степени, но они разбираютъ ихъ въ небольшихъ журнальныхъ артикляхъ, если же французъ пишетъ цѣлую книгу, онъ посвящаетъ ее только своей излюбленной спеціальности, и слѣдующій его трудъ будетъ по матеріалу не далекъ отъ перваго. Не то въ Англіи, гдѣ зачастую одно и то же лицо извѣстно и какъ романистъ, и какъ богословъ, и какъ политикъ.

Имя Льюиса, безъ сомнѣнія, извѣстно всякому образованному русскому; но не всякій знаетъ, что Льюисъ—авторъ «Физиологіи обыденной жизни», Льюисъ,—авторъ «Жизни Гете», и Льюисъ—авторъ «Исторіи философіи», одно и то же лицо и что тотъ же Льюисъ—авторъ нѣсколькихъ историческихъ монографій, а также романовъ и драмъ.

Джорджъ Генри Льюисъ (Lewes) родился 18 апрѣля 1817 г. въ Лондонѣ, воспитывался отчасти за границей, отчасти въ прекрасной школѣ доктора Бёрнея въ Гринвичѣ. Закончивъ общее образованіе, онъ получилъ очень выгодное мѣсто въ одной русской торговой конторѣ въ Лондонѣ, но оставилъ его, чтобы готовиться въ медики; но его нервная система оказалась слишкомъ слаба, чтобы онъ могъ даже присутствовать при операціяхъ. Онъ сталъ заниматься анатоміей и физиологіей только для пополненія своего образованія, а спеціальностью своей избралъ литературу. 1838 и 1839 гг. онъ провель въ Германіи за усиленными занятіями. Вернувшись въ Лондонъ, онъ сталъ писать и помѣщать свои статьи чуть ли не во всѣхъ лучшихъ журналахъ. Въ 1849 г. онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами основалъ еженедѣльный журналъ «The Leader» (руководитель) и участвовалъ въ его редакціи до 1854 г. Въ 1847 г. вышелъ его романъ «Ranthorpe», въ 1848 романъ «Rose, Blanche and Violet»; въ 1850 г. трагедія «Благородное сердце». Кромѣ того, онъ написалъ рядъ введеній къ изданіямъ англійскихъ поэтовъ. Изъ его популярно-научныхъ произведеній мы назовемъ «Очерки испанской драмы» (The Spanish drama Lope de Vega and Calderon), «Жизнь

Робеспьера», «Исторія философіи въ біографіяхъ» (3-е изд. 1866 г.), «Жизнь Гете», для которой онъ собиралъ матеріалы около 10 лѣтъ. «Научную философію Канта и Аристотеля» (1864 г., нѣм. переводъ Каруса 1865). По естественнымъ наукамъ болѣе другихъ извѣстенъ: «На берегу моря» и вышеназванная «Физиологія обыденной жизни» (1860 г.). Въ 1835 г. онъ основалъ журналъ «Fortnightly Review», быстро завоевавшій себѣ симпатію публики. Последними его работами были: «Задачи жизни и мышленія» (Problems of life and mind) и «Объ актеряхъ и сценическомъ искусствѣ» (On actors and the art of acting, 1875 г.). Онъ умеръ въ Лондонѣ 30 ноября 1878 г. Подругой его жизни была талантливая романистка Мери Анна Эвансъ, извѣстная подъ псевдонимомъ Джорджа Эліота («Адамъ Видъ», «Мельница на Флоссѣ» и пр.).

Его «Исторія философіи отъ Фалеса до Канта» была переведена на русскій языкъ съ одного изъ первыхъ изданій, но въ последнее время стала, если не ошибаемся, библиографической рѣдкостью и новый переводъ ея былъ очень желателенъ.

Мы не будемъ говорить о достоинствахъ этой книги, слишкомъ хорошо извѣстной русской публикѣ. Всѣ знаютъ, что о чемъ бы Льюисъ не писалъ, онъ пишетъ легко, умно и увлекательно настолько, что читатель долженъ употреблять усилія не для того, чтобы удержать свое вниманіе на серьезной книгѣ, а для того, чтобы быть въ состояніи оставить книгу недочитавши: кажется, будто вы бесѣдуете съ живымъ, замѣчательно-умнымъ человѣкомъ, который, можетъ быть, и не очень глубоко проникъ науку, о которой онъ говоритъ съ вами и не свободенъ отъ нѣкоторыхъ предвзятыхъ мнѣній, которыхъ вы, можетъ быть не раздѣляете, но говорить такъ откровенно и правдиво, такъ остроумно и хорошо, что вы рѣшительно не можете оторваться отъ разговора съ нимъ. Всякій согласится, что если и при посредственномъ талантѣ изложенія можно сдѣлать интересной жизнь Робеспьера или жизнь Гете, то исторія философіи, хотя бы въ самыхъ общихъ очертаніяхъ (но, конечно, безъ шаржа и фельетоннаго балагурства) можетъ сдѣлаться книгой для чтенія только въ рукахъ такого великаго виртуоза, какъ Льюисъ.

Последнее англійское изданіе книги Льюиса, съ котораго сдѣлалъ свой переводъ г. Чуйко, можетъ быть рассматриваемо какъ новая книга, вслѣдствіе многочисленныхъ измѣненій и прибавленій. (См. предисловіе автора). Семь новыхъ именъ прибавлены къ прежнимъ философамъ: Абельаръ, Алгаццали, Джордано Бруно, Гартли, Дарвинъ, Кабанисъ и Галль. Новое введеніе, имѣющее цѣлью выяснитъ характеристическія отличія философіи отъ науки, замѣняетъ прежнее. Въ главахъ о Сократѣ, софистахъ, Аристотелѣ, Бэконѣ, Спинозѣ, Юмѣ, Кондильякѣ, Кантѣ и эклектизмѣ сдѣланы значительныя прибавленія и измѣненія; къ тому же вся книга была пересмотрѣна такъ тщательно, что не осталось почти ни одного параграфа въ прежнемъ видѣ.

«Обращаясь къ болѣе серьезной публикѣ»,—продолжаетъ далѣе авторъ:— «я по необходимости долженъ былъ принять и болѣе серьезный тонъ... Многія полемическія мѣста, многія цитаты и нѣкоторыя отступленія были устранены, вслѣдствіе этого, новыя вставки не увеличили въ значительной степени книги...»

«Кромѣ того, въ моей книгѣ я сдѣлалъ еще одно нововведеніе, а именно: мое изложеніе постоянно сливается съ критикой. Такой способъ изложенія

оказался необходимымъ въ виду того, что моею цѣлью было доказать, что никакая метафизическая система не имѣетъ въ самой себѣ принципа жизненности и что если ни одна не утвердилась прочно въ наукѣ, то потому только, что не заслуживала этого».

Это основное положеніе (не представляющее, впрочемъ, ничего новаго. ни противъ перваго изданія этой книги, ни противъ журнальныхъ статей Льюиса на ту же тему) съ точки зрѣнія однихъ—главный недостатокъ книги; съ точки зрѣнія другихъ—главное ея достоинство. Но если мы постараемся стать по срединѣ между двумя крайностями, мы должны признать величайшей заслугой автора то, что и при такомъ взглядѣ на философію, онъ далъ намъ не инвективу противъ нея, а дѣйствительную ея исторію, хотя и не безусловно объективную. Льюисъ является опаснымъ врагомъ метафизики, но врагомъ честнымъ и великодушнымъ: еслибъ его книги не было на свѣтѣ, многіе бранили бы философію съ чужого голоса, не имѣя объ ней ни малѣйшаго понятія; теперь же имъ представляется возможность даже, если угодно увлечься ею и побивать позитивистовъ ихъ же оружіемъ, твердо вѣруя въ истину того, что говоритъ онъ, Льюисъ не боится такихъ случайныхъ отступниковъ, онъ знаетъ, что огромное большинство останется вѣрно духу времени, и по прочтеніи его книги, будетъ сознательно отвергать то, къ чему прежде чувствовало только инстинктивную антипатію.

Цѣна книги болѣе чѣмъ умѣренная (3 руб. за 47 печатныхъ листовъ); переводъ прекрасный, но корректура не вполне удовлетворительна.

А. К.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Н. П. Семенова. Спб. 1889.

Прекраснымъ отвѣтомъ на повторяемыя въ настоящее время нѣкоторою частью нашей печати зазыванія насъ къ старому порядку вещей можетъ послужить трудъ сенатора Н. П. Семенова, бывшаго члена Редакціонныхъ Комиссій покрестьянскому вопросу. Какъ представитель той группы людей, которые въ дни славныхъ реформъ прошлаго царствованія принесли всѣ лучшія силы своего ума и сердца великому дѣлу, «основной государственной, гражданской и бытовой реформѣ въ Россіи», онъ выступилъ въ настоящее время съ своимъ замѣчательнымъ по содержанию трудомъ «Освобожденіе крестьянъ», въ которомъ правдиво и безпристрастно, какъ очевидецъ, излагаетъ «внутренній процессъ» великой реформы, отъ которой, по его словамъ, «нѣтъ уже возврата къ старому порядку» и которая должна «послужить намъ указаніемъ, какими путями во внутренней своей политикѣ, слѣдуетъ идти правительству, чтобы, оставаясь вѣрнымъ историческимъ преданіямъ отечества и складу народной жизни, сохранить государство цѣлымъ и благоденственнымъ для грядущихъ поколѣній». Съ манифестомъ 19 февраля 1861 г. почтенный изслѣдователь справедливо считаетъ наступленіе новой эпохи жизни русскаго народа; въ крестьянской же реформѣ онъ усматриваетъ то зерно, изъ котораго развились всѣ настоящія наши государственныя преобразованія, въ ней же онъ видитъ и залогъ, и указаніе дальнѣйшему направленію нашего историческаго развитія... «Одно только освобожденіе крестьянъ,—говоритъ г. Семеновъ,—можетъ открыть Россіи ту духовную высоту, на которой должно обнаружиться проявленіе ея силъ

въ умственной области, на поприщѣ науки и искусства; одна гражданская свобода всѣхъ состояній въ государствѣ можетъ довести ее до того развитія, при которомъ она, въ общемъ равновѣсіи европейскихъ державъ, тяготѣла бы не одною своею массою и пространствомъ, но сдѣлалась бы вкладчицею въ общую сокровищницу труда и мысли—произведеній самобытнаго творчества своего народа». Какъ хороши эти слова! сколько въ нихъ свѣжести чувствъ и мысли! Какимъ горькимъ укоромъ и честнымъ отвѣтомъ служить они той части нашей печати, которая во имя очень сомнительныхъ цѣлей лѣзетъ изъ кожи вонъ, чтобы закидать грязью и эпоху преобразованій, и ея дѣятелей.

Состоя членомъ Редакціонныхъ Комиссій, г. Семеновъ, по порученію перваго предсѣдателя, генераль-адъютанта Ростовцова, велъ дневникъ всему тому, что въ нихъ обсуждалось, дабы, какъ Ростовцовъ выражался,—«не возвращаться къ старому, о чемъ было говорено и чтобы остались слѣды для исторіи». Такимъ образомъ, въ распоряженіи г. Семенова накопился очень цѣнный матеріалъ, который въ послѣдовательности раскрываетъ неофициальную сторону дѣлъ въ Комиссіяхъ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточивалась дѣятельность по составленію Положеній объ освобожденіи крестьянъ. По плану Ростовцова, занятія Комиссій распредѣлились слѣдующимъ образомъ: сначала предполагалось составить черновой проектъ освобожденія крестьянъ, а потомъ постепенно обрабатывать все собранное и намѣченное. Въ такомъ же порядкѣ велъ свои записки и г. Семеновъ, этотъ же планъ легъ въ основаніе его настоящаго труда, и вышедшій нынѣ I-й томъ излагаетъ ходъ обсужденій проекта вчернѣ. Здѣсь, въ самой точной редакціи, изслѣдователь передаетъ намъ, какъ собрались въ квартирѣ Ростовцова члены Редакціонныхъ Комиссій въ среду 4-го марта 1859 г., какъ открылись и шли занятія Комиссій, кто и что говорилъ на засѣданіяхъ, каковы были предварительныя работы и какія порученія на кого возлагалъ предсѣдатель. Все это изложено правдиво и почти съ стенографической точностью, такъ что читатель имѣетъ полную возможность безъ всякаго давленія на него со стороны изслѣдователя сдѣлать собственные выводы, какъ о постановкѣ всего вопроса объ эмансипаціи крестьянъ, такъ и характерѣ призванныхъ къ этому дѣлу дѣятелей. Первый томъ заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, 46 журналовъ общихъ присутствій; сюда же приложены списки всѣхъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій, членовъ экспертовъ и списки членовъ и кандидатовъ Губернскихъ Комитетовъ, а также предложеніе Ростовцова, особыя мнѣнія и записки нѣкоторыхъ членовъ Комиссій. Въ введеніи къ настоящему сочиненію г. Семеновъ дѣлаетъ общую характеристику реформы 19 февраля и ея послѣдствій, (взгляды его на этотъ предметъ изложены выше), затѣмъ знакомитъ съ учрежденіями, которыя были созданы временно для начертанія Положенія объ освобожденіи крестьянъ въ ихъ хронологической постепенности возникновенія, начиная съ «Особаго Комитета», основаннаго 3 января 1857 года и переименованнаго 8 января 1858 г. въ «Главный Комитетъ». Говоря объ этихъ учрежденіяхъ, онъ упоминаетъ о ихъ составѣ, ихъ компетенціи и предметахъ занятій, а также о ихъ значеніи въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій; затѣмъ, онъ разбираетъ матеріалъ по крестьянскому дѣлу, который и дѣлитъ на три категоріи: матеріалъ официально гласный, официально негласный и неофициальный или частный матеріалъ и, наконецъ, даетъ полное понятіе объ отношеніи предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій къ ихъ членамъ, тѣхъ предложеніяхъ, которыя

имъ были сдѣланы, работахъ въ отдѣльныхъ комиссіяхъ и общемъ ходѣ дѣла. Такимъ образомъ, въ введеніи читатель получаетъ полное понятіе, при какихъ условіяхъ работали и какой характеръ носили на себѣ Редакціонныя Комиссіи, что значительно помогаетъ при ознакомленіи съ остальнымъ собраннымъ въ книгѣ матеріаломъ.

Къ книгѣ приложена прекрасно выполненная геліогравиюра, изображающая портретъ главнаго виновника освобожденія крестьянъ—государя Александра Николаевича и группа портретовъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій. Трудъ г. Семенова посвященъ государю императору Александру Александровичу. Сочиненіе это должно занять въ нашей исторической литературѣ столь почетное мѣсто и имѣть такое значеніе для всего освободительнаго періода, что «Историческій Вѣстникъ», давая своимъ читателямъ отчетъ по мѣрѣ выхода каждаго изъ трехъ предполагаемыхъ къ напечатанію томовъ, по напечатаніи всего труда г. Семенова вернется къ нему еще разъ и дастъ болѣе подробное его изложеніе и оцѣнку.

Б. Гл—скій.

Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе П. Дм. Брянцева. Вильна. 1889.

Авторъ этой книги, состоя нѣсколько лѣтъ преподавателемъ исторіи въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Сѣверо-Западнаго края, не разъ видѣлъ, съ какимъ вниманіемъ ученики слушаютъ объясненія тѣхъ отдѣловъ русской исторіи, которые касаются Литвы и ея отношеній къ Польшѣ и Россіи, и часто выслушивалъ отъ воспитанниковъ просьбу указать имъ, для чтенія, полную и подробную исторію Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Не имѣя возможности удовлетворить этой просьбѣ, за отсутствіемъ полной и безпристрастной исторіи Литовскаго государства, авторъ рѣшился самъ написать и издать требуемую исторію, которая дѣйствительно по объему вышла довольно полною, заключаая въ себѣ 12+659 страницъ in 8°. Довольно полна эта исторія и по своему внутреннему содержанию. Исторія Литовскаго государства у г. Брянцева дѣлится на пять періодовъ. Первый, легендарный, продолжается отъ перваго появленія литовцевъ на историческомъ поприщѣ до первой попытки ихъ образовать на русской территоріи самостоятельное государство, т. е. до половины XIII вѣка, или до Миндовга. Второй періодъ, уже чисто историческій, продолжается отъ Миндовга до соединенія Литвы съ Польшею въ 1386 году, или, лучше сказать, до смерти Витовта. Періодъ этотъ представляетъ собою съ одной стороны полное развитіе силъ и энергіи литовцевъ, а съ другой—неудержимое стремленіе на юго-востокъ къ покоренію Руси (собиранію) и въ то же время сліянію съ покоренною русскою народностью. Въ третьемъ періодѣ, отъ смерти Витовта до Люблинской уніи 1569 года, представляются съ одной стороны усиленное стремленіе Литовскаго государства снова отдѣлиться, отъ Польши, а съ другой — потеря имъ восточныхъ областей вслѣдствіе напора Москвы. Четвертой періодъ — отъ Люблинской уніи до конца XVIII вѣка, или раздѣловъ Польши. Въ этомъ періодѣ мы видимъ, съ одной стороны, энергическое стремленіе польскихъ пановъ къ уничтоженію православно-русской народности въ Литовскомъ государствѣ, а съ другой — упадокъ, анархію и разложеніе самой Польши, чѣмъ старается воспользоваться Мо-

сква, чтобы нанести ей послѣдніе удары, а затѣмъ политическая смерть Польши. Пятый періодъ начинается отъ раздѣловъ Польши и продолжается до настоящаго времени. Въ этомъ періодѣ также замѣчаются два главныхъ явленія: съ одной стороны желаніе русскаго правительства осуществить то древнее стремленіе литовскаго народа, которое обнаружилось въ немъ еще во времена его независимости, именно — сліяніе съ русскою народностію, а съ другой стороны — стремленіе поляковъ помѣшать этому желанію русскаго правительства, а отсюда снова борьба, но борьба неравная и только ведущая къ гибели польской національности. — Въ отношеніи цѣльности и полноты содержанія «Исторія Литовскаго государства» г. Брянцева, судя по приведенному конспекту, дѣйствительно, представляетъ небывалое доселѣ въ русской исторической литературѣ явленіе. Притомъ же книга эта написана съ русской точки зрѣнія и можетъ содѣйствовать предохраненію мѣстной читающей публики отъ ложныхъ польскихъ воззрѣній на исторію юго-западной Россіи. Но, къ сожалѣнію, книга страдаетъ и нѣкоторыми немаловажными недостатками. Авторъ начинаетъ свою исторію не съ Руси, какъ бы слѣдовало, а прямо съ Литвы, говоря о русскихъ владѣніяхъ только мимоходомъ и даже въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, чѣмъ, противъ собственнаго намѣренія, можетъ подать поводъ къ тенденціознымъ выводамъ противъ исконнаго пребыванія и процвѣтанія русской народности въ западной Россіи. Нельзя также похвалить г. Брянцева за его способъ пользованія источниками и указанія на нихъ. «Авторъ занимался этимъ сочиненіемъ семь лѣтъ, — говоритъ о себѣ г. Брянцевъ. — Онъ пересмотрѣлъ множество источниковъ и пособій какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на иностранныхъ; выбралъ изъ нихъ только самыя главные и существенныя событія и соединилъ ихъ въ одну общую картину исторіи Литовскаго государства. При этомъ авторъ не цитовалъ въ своей исторіи всѣхъ источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, потому что писалъ не диссертацию на ученую степень, а просто популярную книгу для всѣхъ интересующихся исторіей бывшаго Литовскаго государства, громадное большинство жителей котораго состояло изъ православно-русскаго населенія». Но, вѣдь, между читателями найдутся и такіе которые не повѣрятъ на слово автору, а пожелаютъ провѣрить его по источникамъ, которыми онъ пользовался. Особенно авторъ долженъ былъ разсчитывать на скептицизмъ читателей изъ поляковъ или западно-руссовъ, знакомыхъ съ противоположными воззрѣніями на исторію Литовскаго государства. А поводовъ къ скептицизму въ книгѣ находится не мало. Иногда авторъ утверждаетъ такія вещи, которыя давно отвергнуты наукою. Такъ, напримѣръ, онъ совершенно невѣрно утверждаетъ, будто бы Францискъ Скорина въ 1525 году, напечаталъ въ Вильнѣ на русскомъ языкѣ каноникъ или акаѳистникъ, то есть римско-католическій молитвенникъ, для употребленія въ костелахъ (стр. 330 и 331). Особенно много въ книгѣ неговоренныхъ ошибокъ и опечатокъ, и притомъ весьма грубыхъ, могущихъ внести путаницу въ историческія представленія неопытныхъ изъ читателей. Иногда авторъ и самъ, повидимому, не знаетъ подлинной фамиліи извѣстнаго историческаго дѣятеля, какъ, напримѣръ, Тутолмина (стр. 583), а иногда имя одного дѣятеля по ошибкѣ ставитъ на мѣсто другого, напримѣръ, Свидригайла вмѣсто Сигизмунда Кей-стутоевича (стр. 272), и т. д. Указываемъ на эти недостатки не съ цѣлію уронить книгу, которая, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ, по своему до-

брому направленію и цѣлямъ, всяческой поддержки и поощренія, а съ цѣлію содѣйствовать устраненію подобныхъ недостатковъ въ другихъ трудахъ подобнаго рода, обѣщанныхъ авторомъ въ предисловіи къ своей книгѣ.

Н. П.

Библиографическій словарь русскихъ писательницъ. Князя Н. Н. Голицына. Спб. 1889.

Въ прошломъ году, въ статьѣ «Наши энциклопедическіе словари», въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (т. XXXII, стр. 439 и слѣд.) была рассказана неутѣшительная исторія появлявшихся у насъ изданій этого рода, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна сколько-нибудь самостоятельная литература. О словарѣ кн. Голицына въ статьѣ говорилось нѣсколько словъ, хотя и въ то время онъ былъ уже извѣстенъ въ трехъ изданіяхъ, но самъ авторъ сознается, что въ изданіи 1865 года «оказалось много недостатковъ и промаховъ, вслѣдствіе чего библиографическая критика отнеслась къ нему не благосклонно». Не лучше оказался словарь и въ 1880 году, появившись въ «Варшавскомъ Дневникѣ», газетѣ правительственной и политической, также неудачно издаваемой кн. Голицынскимъ, какъ неудачно было и составленіе словаря, хотя авторъ посвятилъ ему болѣе 30-ти лѣтъ. Но составитель упорно и настойчиво продолжалъ обрабатывать свой трудъ, что дѣлаетъ честь его постоянству и терпѣнію, и въ концѣ прошлаго года началъ снова печатать словарь въ четвертомъ журналѣ (считая «Молву», «Русскій Архивъ» и «Варшавскій Дневникъ») — «Министерства Народнаго Просвѣщенія». Оконченный въ майской книжкѣ нынѣшняго года, словарь вышелъ теперь отдѣльнымъ изданіемъ, разросшись отъ 314-ти біографій 1857 года до 1286-ти въ 1889-мъ. Это, конечно, большой прогрессъ — въ отношеніи количества: въ тридцать лѣтъ увеличилось число біографій почти на тысячу лицъ — заслуга не маловажная и мы должны быть благодарны автору за его старанія къ собиранію свѣдѣній о русскихъ писательницахъ. Но, къ сожалѣнію, мы должны сказать, что свѣдѣнія эти, хотя и переработанныя въ четвертый разъ, все-таки, во многихъ біографіяхъ остаются далеко не полными и не точными. Мы слышали, что одинъ изъ нашихъ молодыхъ библиографовъ, давно уже занимающійся тѣмъ же предметомъ, представилъ въ «Журналъ Министерства Просвѣщенія» поправки и дополненія къ словарю кн. Голицына, по объему равняющіяся самому словарю, и журналъ, въ знакъ своего безпристрастія и сочувствія къ исторіи русской литературы — рѣшился напечатать и эти дополненія. Читатели сами убѣдятся тогда въ достоинствѣ обоихъ библиографическихъ трудовъ. Подобную работу, дѣйствительно, трудно вести одному лицу и коллективныя изслѣдованія тутъ почти необходимы. Поэтому-то составленіемъ словарей занимаются обыкновенно академіи и другія ученныя общества и единоличные труды такихъ лицъ, какъ нашъ Даль, Литре или Ларуссъ, являются рѣдкими исключеніями, да и у этихъ лицъ несомнѣнно были помощники по спеціальнымъ частямъ. Сами читатели, близкіе къ литературнымъ кружкамъ, вносятъ обыкновенно свои поправки въ показанія составителей словарей, къ которымъ необходимо относиться снисходительно, имѣя въ виду, что подобный трудъ не подь силу одному человѣку. Князь Голицынъ говоритъ, что трудъ его просматривали прежде такіе знатоки литературы, какъ Пол-

«Истор. вѣстн.», августъ, 1889 г., т. XXVII.

13

торацкій, Соболевскій, Лонгиновъ — уже умершіе, а теперь г. Пономаревъ. Если и они просмотрѣли многое въ словарь, то нельзя строго относиться къ кн. Голицыну, непретендующему, конечно, на званіе присяжнаго бібліографа. Можно только указать ему, что бібліографіи современныхъ писательницъ у него весьма неполны (О. Шапиръ, Дубровиной, Мердеръ), М. Крестовской, К. Назарьевой нѣтъ вовсе, А. Я. Панаеву уморилъ онъ еще въ 1862 году, когда публика слѣдитъ съ интересомъ за ея воспоминаніями, да и заставивъ ее родиться въ 1812 году, онъ заставляетъ ее работать въ 77 лѣтъ. Подобныхъ промаховъ мы могли бы привести десятки.

В. З.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга шестая. Москва. 1889.

Всѣ пять предшествующихъ томовъ «Описанія» составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу ученую литературу. Не менѣе цѣннымъ вкладомъ является и нынѣ вышедшій шестой томъ того же «Описанія», полный самаго живого интереса, прекрасно написанный и прекрасно изданный, не только любопытный, но даже чрезвычайно занимательный въ чтеніи и не для ученаго спеціалиста.

Все содержаніе шестого тома раздѣляется на три отдѣла. Первый отдѣлъ, какъ и въ предшествовавшемъ пятомъ томѣ, посвященъ исторіи архива. Можно сказать, что статьи этого отдѣла служатъ богатымъ дополненіемъ къ исторіи нашей всероссійской законодательной практики, которая всегда нуждалась въ архивныхъ справкахъ, хотя архивы наши и не всегда могли служить ей съ одинаковымъ успѣхомъ и удобствомъ, отчасти по недостаткамъ своей внутренней организаціи, отчасти по причинамъ чисто-внѣшнимъ (въ родѣ пожаровъ и непріятельскихъ нашествій), которыя совершенно нарушали порядокъ обычнаго теченія архивной жизни. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна первая статья (И. И. Шимко) перваго отдѣла: «Московскіе департаменты Сената и подвѣдомственные имъ архивы въ 1812—1814 гг.». Она живо рисуешь намъ картину того страшнаго разгрома, который пришлось пережить московскимъ архивамъ (Сенатскому, Вотчинному и Старыхъ дѣлъ) въ 1812 г. отъ нахлынувшей на Москву арміи, состоявшей изъ «дву-надесяти языкъ». Непріятель разиѣстился во всѣхъ кремлевскихъ зданіяхъ, какъ въ казармахъ, занялъ и тѣ покои, въ которыхъ хранились архивныя дѣла и документы и произвелъ въ нихъ неслыханныя опустошенія, не церемонясь съ нашею стариною. «Значительная часть архивныхъ документовъ была выброшена солдатами за кремлевскую стѣну, въ находившійся около нея ровъ, и... многія тысячи документовъ перевивали во рву; не мало документовъ было выкинуто на внутренній дворъ сенатскаго зданія, и исчезли безслѣдно; да и тѣ, которые оставались въ помѣщеніяхъ архивныхъ, расходоуались непріателемъ на всякія потребности!..»

Когда, по выходѣ непріятеля изъ Москвы, особая комиссія (подъ начальствомъ князя Мещерскаго, потомъ подъ начальствомъ Огарева) принялась за разборку разрозненныхъ, уничтоженныхъ и разбросанныхъ непріателемъ дѣлъ, то оказалось, что Архивы Московскія поплавились за нашествіе цѣлою четвертью своего прежняго состава... До 1812 г. въ нихъ числилось: столбцевъ 25.520, книгъ 11.805, вязокъ съ челобитными и дѣлами 3.830; а всего 41.155.

Послѣ двухъ - лѣтняго разбора и провѣрки, по отчету 1814 г., всѣхъ документовъ оказалось на лицо только 30.380! ¹⁾

Этотъ погромъ оказался, однакожь, особенно тяжкимъ не потому только что безвозвратно погибло для исторической русской науки такое огромное количество драгоценнаго матеріала, но также и потому что «всѣ труды, совершенныя архивистами въ XVIII в. съ цѣлью приведенія документовъ въ порядокъ и извѣстность, составленія къ нимъ описей и алфавитовъ, погибли въ нѣсколько недѣль». Поэтому, съ 1813 г. по 1843 г., въ исторіи архивовъ наступаетъ нескончаемо - длинный періодъ приведенія ихъ въ порядокъ, которое производилось сначала въ самыхъ архивахъ своими домашними средствами, а потомъ (съ 1835 г.) при посредствѣ особаго «комитета для описанія московскихъ архивовъ». Комитетъ, однакожь, просуществовалъ только до 1842 г.; но въ немъ, впервые, зародилась благая мысль о соединеніи всѣхъ московскихъ архивовъ въ одно общее учрежденіе съ однимъ начальникомъ. Эта благая мысль была, однакожь, приведена въ исполненіе не ранѣе, какъ въ 1852 г., когда, наконецъ, архивы Разрядный, Вотчинный и Старыхъ дѣлъ соединены въ одинъ московскій архивъ Министерства Юстиціи.

Вторая статья «Описанія», написанная г. Токаревымъ, посвящена исторіи этихъ трехъ отдѣльныхъ архивовъ, слившихся впоследствии въ одинъ общій; тому же автору принадлежитъ далѣе помѣщенный «Обзоръ дѣятельности московскихъ сенатскихъ архивовъ съ 1835—1843 г.» Но ей предпослала въ «Описаніи» чрезвычайно важная и во многихъ отношеніяхъ почетная статья г. Шимко, который, излагая «Очеркъ дѣятельности комитета, учрежденнаго въ 1835 г. для описанія Московскихъ Сенатскихъ архивовъ», даетъ намъ полную картину всѣхъ системъ и теоретическихъ возрѣній на архивное дѣло, которыя были послѣдовательно испробованы и предложены членами комитета къ устройству московскихъ архивовъ. Работы, предпринятыя членами «комитета» по этому поводу, мнѣнія ихъ, самыя формы описаній архивнаго матеріала—все это тщательно собрано г. Шимко, и свидѣтельствуетъ о томъ, что «комитетъ» не терялъ своего времени даромъ и ни мало не походилъ на всякія «не доброй памяти» комиссіи при нашихъ министерствахъ.

Въ пятой статьѣ «Описанія» собраны и обработаны по архивнымъ документамъ нѣкоторые эпизоды «изъ исторіи Вотчиннаго Архива въ XVIII столѣтіи (статья Н. Н. Ардашева)». Здѣсь видимъ и «Архивскую комиссію стольника Милославскаго (1726—1727 гг.)», и «Пожаръ 1737 г.», и «Перевозку архива въ 1728 г. изъ Петербурга въ Москву». Послѣдній изъ этихъ эпизодовъ чрезвычайно любопытенъ по своимъ подробностямъ, которыя служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу несмѣтныхъ богатствъ того документальнаго запаса, которымъ обладалъ одинъ архивъ Вотчинной комиссіи въ началѣ прошлаго вѣка. Оказывается, что Вотчинный Архивъ, въ 1717 г. переведенный изъ Москвы въ Петербургъ, а въ 1728 г. обратно туда перевезенный, заключалъ въ себѣ: 1) дѣлъ 190 сундуковъ, вѣсомъ 4,918 пудовъ; 2) подводъ на перевозку его было употреблено 176; 3) лицъ, сопровождавшихъ дѣла, было 206 человекъ—въ томъ числѣ: 3 секретаря, 1 регистраторъ, канцелярскихъ

¹⁾ Всѣхъ дѣлъ хранившихся въ Архивѣ, по показанію архивнаго начальства (18 ок. 1812 г.) находилось на лицо до 6.000.000.

служителей 66 человекъ, конвоя, взятаго изъ полковъ, 51 человекъ, и коллежскихъ солдатъ 16 человекъ». Цѣлое археографическое переселеніе!

Во второмъ отдѣлѣ «Описанія» видимъ обзоръ и описаніе нѣкоторыхъ документовъ архива, обработанныя также въ видѣ отдѣльныхъ статей и изслѣдованій гг. Гвоздаво-Голомбѣвскимъ, Шереметевскимъ и Нечаевымъ. Изъ нихъ особенно важны и любопытны новые матеріалы для біографіи А. В. Макарова—кабинетъ-секретаря Петра Великаго (слѣдственное дѣло о немъ) и новыя, полныя интереса, свѣдѣнія о хлыстахъ, добытыя изъ слѣдственныхъ дѣлъ надъ раскольниками въ XVIII вѣкѣ. Въ особенности важны показались намъ свѣдѣнія о хлыстовской символикѣ, о ихъ условномъ тайномъ языкѣ и образцы ихъ поэтическихъ произведеній.

Въ третьемъ отдѣлѣ «Описанія» (Историко-Юридическіе матеріалы) помѣщена «Указная книга Помѣстнаго Приказа» съ чрезвычайно цѣнными добавленіями и прекраснымъ комментариемъ г. Сторожева.

Какъ можно видѣть изъ этого бѣлаго перечня статей, содержаніе шестого тома «Описанія» чрезвычайно разнообразно и представляетъ серьезный научный интересъ. Судя по нѣкоторымъ намекамъ предисловія, можно думать, что и слѣдующій, седьмой томъ описанія будетъ изданъ вскорѣ въ свѣтъ и переполненъ любопытѣйшими матеріалами... Непочтенный Н. А. Поповъ не будетъ, конечно, удивленъ или неприятно пораженъ нашимъ вопросомъ, если мы скажемъ: все это прекрасно, любопытно, важно и поучительно; но когда же начнется собственно «Описаніе архива Министерства Юстиціи», въ смыслѣ хотя бы простаго перечня заголовковъ или же въ видѣ извѣстнаго рода *catalogue raisonné*, которые бы давали возможность каждому лицу, допущенному въ архивъ для занятій, прямо идти къ цѣли, и брать съ полки то, что на ней стоитъ подъ извѣстнымъ №? Вѣдь, безъ такого «Описанія» рукописей и книгъ архива, никакое занятіе въ немъ—съ опредѣленною, намѣченною цѣлью—не возможно, и въ архивѣ можно только блуждать и искать наугадъ, руководясь любезными указаніями мѣстныхъ архивистовъ, а не почерпать сознательно то, что въ архивѣ имѣется и ждетъ изслѣдователя... Въ любезности Н. А. Попова и его помощниковъ мы ни мало не сомнѣваемся и уже имѣли случай ею воспользоваться; но любезность—необязательна... а кому же неизвѣстно, какую жалкую роль играетъ иногда несчастный ученый труженикъ при сношеніяхъ съ инымъ архивнымъ Церберомъ, который считаетъ матеріалы архива своею собственностію, а потому даже и располагаетъ ихъ по своей особой системѣ, никому неизвѣстной... Достаточно припомнить только тѣ затрудненія, которыя когда-то испыталъ въ одномъ изъ нашихъ архивовъ академикъ Пекарскій отъ извѣстнаго З., чтобы пожелать, прежде всего, для каждаго изъ нашихъ архивовъ, простѣйшаго перечня заголовковъ собраннаго въ немъ документальнаго запаса—такого перечня, который бы включалъ возможность произвольныхъ отказовъ со стороны архивистовъ и, хотя до нѣкоторой степени, направлялъ бы изслѣдователя... Такого перечня ждемъ мы со временемъ и отъ архива Министерства Юстиціи, хотя и придаемъ болѣе значеніе прекраснымъ трудамъ, помѣщаемымъ нынѣ въ объемистыхъ томахъ его «Описаній».

П. П.

А. И. Садовъ. Религіозный скептицизмъ въ Римѣ передъ Рождествомъ Христовымъ. Спб. 1889.

Въ исторіи Рима вѣкъ императора Августа представляетъ эпоху блестящаго развитія литературы и распространенія въ обществѣ идей греческой философіи. Подъ вліяніемъ различныхъ философскихъ системъ, естественно должно было явиться скептическое отношеніе къ религіознымъ представленіямъ, освященнымъ государственною религіею, хотя и не представлявшимъ собою точно формулированнаго вѣроученія, въ нашемъ смыслѣ этого слова. Въ это время среди образованнаго римскаго общества особенною популярностью пользовались стоицизмъ и эпикуреизмъ, вслѣдствіе практическаго направленія этихъ системъ; затѣмъ слѣдовали академики, перипатетики и пиагорейцы. Распространялись ли воззрѣнія этихъ школъ въ чистомъ видѣ, или же, какъ это обыкновенно бывало у римлянъ, въ соединеніи одни съ другими, образуя системы синкретическія и эклектическія, во всякомъ случаѣ они подрывали традиціонныя вѣрованія. Стоики своимъ ученіемъ о богѣ тождественномъ съ міромъ, подрывали вѣру въ челоукоподобныхъ боговъ народной религіи; превращая боговъ въ простыя обозначенія божественныхъ даровъ, высказываясь противъ мифологическихъ преданій и т. д., они лишали государственную религію ея существеннаго содержанія. Правда, стоицизмъ дѣлалъ попытки мириться съ существующимъ культомъ, оправдывая послѣдній тѣмъ соображеніемъ, что божество господствуетъ во всѣхъ частяхъ природы и можетъ быть названо, напримѣръ, Церерой, когда управляетъ землею, Нептуномъ, когда править моремъ, и т. п. Но въ сущности это примиреніе было призрачнымъ: оно не уничтожало пропасти между философскимъ умозрѣніемъ и культомъ, а только снаружи прикрывало ее. Аллегорическое толкованіе мифовъ, обычное у стоиковъ, не могло спасти ихъ первоначальнаго содержанія, съ которымъ сжилосъ народное сознаніе. Еще сильнѣе оппозиціа народной вѣрѣ была со стороны эпикурейцевъ. Противъ самого существованія многихъ боговъ эпикурейцы не возражали, равно какъ и противъ антропоморфизма: они признавали ихъ блаженными; но, по своему понимая это блаженство, они говорили, что боги не должны и не могутъ имѣть ни склонностей, ни отвращенія, слѣд.—не имѣютъ никакого вліянія на теченіе дѣлъ въ мірѣ, который возникъ и существуетъ независимо отъ нихъ, по своимъ естественнымъ законамъ, и не должны внушать людямъ ни страха, ни надеждъ. При этомъ, богослуженіе, жертвы и молитвы являлись совершенно излишними. Ново-академики, признававшіе точное знаніе невозможнымъ, подвергли сомнѣнію искусство предвидѣнія и пророчанія будущаго, необходимую принадлежность государственной религіи. Перипатетики противорѣчили народнымъ воззрѣніямъ ученіемъ о единствѣ и бестѣлесности божества, а пиагорейцы, соблазняясь также чувственнымъ изображеніемъ боговъ, отвергали кровавыя жертвы, занимавшія столь важное мѣсто въ римскомъ культѣ.

Вліяніе подобныхъ воззрѣній сказалось, такъ или иначе, на всѣхъ главныхъ писателяхъ Августова времени, пересмотру которыхъ, съ этою цѣлью, и посвящена рѣчь г. Садова, произнесенная имъ на годичномъ актѣ Спб. духовной академіи 16 февраля настоящаго года. Ораторъ остававшіяся на Титѣ Ливіи, Виргиліи, Горации, Тибуллѣ, Проперціи и Овидіи. Но оны не относятся къ своему предмету объективно, а проводитъ определен-

ную тенденцію; именно, онъ дѣлаетъ странное сближеніе времени Августа въ Римѣ и нашего времени въ Россіи: «Въ ту пору,—говорилъ онъ,—духъ сомнѣнія и отрицанія, безусловно, господствовалъ въ значительной части римскаго образованнаго общества. Но этотъ духъ не менѣе могучъ и въ наши дни, когда онъ проникъ рѣшительно во всѣ общественные слои и вездѣ находитъ себѣ приверженцевъ, убивая и охлаждая въ нихъ стремленіе къ Высшему Существо», и т. д.

С.

М. М. Филипповъ. Осажденный Севастополь. Историческій романъ съ рисунками К. О. Брожя. Спб. 1889.

Эпоха Крымской войны представляетъ очень благодарный матеріалъ для историческаго романиста. Крымская война показала всѣ недостатки Николаевскаго царствованія, это рубежь, отдѣляющій освобожденную, обновленную и реформированную Россію отъ Россіи закрѣпощенной, бюрократической, дореформенной. Крымская война открыла глаза и власти, и обществу, на жестокія язвы, таившіяся на государственномъ организмѣ подъ покровомъ вѣшняго благополучія, призрачнаго благоденствія и суровой дисциплины. До сихъ поръ это знаменательное время не останавливало на себѣ вниманія нашихъ историческихъ романистовъ, если не считать серіи высоко талантливыхъ, но эпизодическихъ военныхъ разсказовъ о Севастопольской оборонѣ графа Л. Н. Толстого. Такимъ образомъ, г. Филипповъ, задумавшій въ историческомъ романѣ изобразить осаду Севастополя, является пионеромъ.

Г. Филипповъ — авторъ начинающій и, слѣдовательно, самая строгая критика должна быть къ нему снисходительна. Къ сожалѣнію, мы не знакомы съ самой первой литературной работой нашего автора—съ исторической повѣстью изъ быта Запорожскихъ казаковъ: «Остапъ». Мы не можемъ, поэтому, судить сдѣлалъ ли авторъ въ своемъ «Осажденномъ Севастополѣ» какіе-либо художественные успѣхи. Во всякомъ случаѣ, безъ всякихъ сравненій можно сказать, что новая работа въ общемъ должна быть отнесена къ числу удачныхъ и весьма недурныхъ. Г. Филипповъ, владѣя дарованіемъ средней руки, не лѣзетъ въ гени, какъ дѣлаютъ многіе изъ нынѣшнихъ пишущихъ обоюдо пола. И это съ его стороны, по нынѣшнимъ временамъ, огромное достоинство. Авторъ очень внимательно и добросовѣстно изучилъ разнообразный и обширный матеріалъ, относящійся до осады Севастополя, и очень живо и толково нарисовалъ картину Крымской войны. Все вниманіе г. Филиппова сосредоточивается на военныхъ дѣйствіяхъ русскаго флота и русскаго севастопольской арміи; описаніе военныхъ дѣйствій принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ романа. Очень недурно авторомъ очерчены фигуры главнокомандующаго князя Меншикова, адмираловъ Нахимова и Корнилова и другихъ генераловъ; очень недурны также солдатскія сцены, гдѣ автору удается нѣсколькими штрихами нарисовать нѣсколько любопытныхъ типовъ русскаго солдата; недурны также и картины нѣкоторыхъ сраженій, напр., Альминскаго. Словомъ, вся военная часть «Осажденнаго Севастополя» читается съ интересомъ, ибо вся она исполнена, повторяемъ, весьма недурно. Другой совершенно вопросъ интрига романа; не въ обиду будь сказано нашему молодому автору, эта интрига очень ужъ шаблонна и избита. Дѣло въ томъ, что нѣкій молодой артиллерійскій офи-

перъ, графъ Татищевъ, фать и ловеласъ, сведшій еще въ Петербургѣ интрижку съ княгиней Бетси Бѣльской, одной изъ самыхъ блестящихъ восходящихъ звѣздъ петербургскаго большого свѣта, убѣгающей, въ началѣ войны, къ графу отъ мужа, въ Севастополь,—соблазняетъ одну дѣвушку, дочь бѣднаго, но благороднаго отставнаго моряка — капитана Спицына. Соблазнивши, ловеласъ Татищевъ бросаетъ Лелю Спицыну, отецъ ее проклинаетъ, но все-таки мирится съ ней на смертномъ одрѣ, у Лели родится сынъ и пр. Словомъ, интрига самая банальная и истрепанная. Можно, конечно, и на самую избитую тему написать свѣжую, интересную варьяцію; но для этого нуженъ большой и оригинальный талантъ, котораго, къ сожалѣнью, нѣтъ у г. Филиппова: его несомнѣнное дарованіе всего лишь средней руки. Кромѣ того, автору слѣдуетъ сдѣлать упрекъ за то, что онъ вообще съ достаточной «легкостью въ мысляхъ», слишкомъ фельетонно отнесся къ тогдашнему севастопольскому обществу, картина котораго у него очень блѣдна, бѣдна и нехарактерна. Приходится также пожалѣть, что авторъ обстоятельно не ознакомился съ англійскими и французскими сочиненіями о Крымской войнѣ, опустивъ изъ виду характеристику иностранныхъ генераловъ, безъ чего остаются неясными дѣйствія нашихъ противниковъ. Существующія въ романѣ характеристики, напр., маршала Сентъ-Арно и лорда Раглана, очень бѣглы и поверхностны. Замѣтимъ, что подчасъ авторъ не умѣетъ справиться съ своимъ матеріаломъ, останавливаясь на ненужныхъ военныхъ подробностяхъ и напрасно растягиваетъ свое повѣствованіе. Но отъ всѣхъ перечисленныхъ недостатковъ съ теченіемъ времени, при большой литературной опытности, г. Филипповъ, вѣроятно, избавится и подаритъ насъ произведеніемъ, вполне достойнымъ своего дарованія.

С. Тр.

Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Соч. Николая Астафьева. Спб. 1889.

Сочиненіе г. Астафьева посвящено, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, выясненію слѣдующей мысли: «Слово Божіе, заключающееся въ Библии, сердечно вѣрою воспринимаемое и къ жизни примѣняемое, дѣлается животворнымъ источникомъ истиннаго просвѣщенія и свѣтлой жизни». (стр. 2). Направляясь къ такой цѣли, авторъ естественно оставляетъ въ сторонѣ тѣ весьма важные вопросы, которые связаны съ одной стороны какъ съ самой исторіей Библии, съ другой—съ нравами и просвѣщеніемъ, именно вопросы лингвистическіе, палеографическіе и вопросы въ общемъ смыслѣ археологическіе, такъ что тотъ, кто обративъ вниманіе на заглавіе книги подумаеъ найти въ ней постановку, или разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ указаннаго разряда, ничего не найдетъ въ ней подходящаго. Подъ исторіей Библии въ Россіи авторъ подразумѣваетъ собственно исторію христіанства въ Россіи, и весь подборъ матеріала ведетъ къ этой цѣли, при чемъ естественно ему приходится повторять то, что стало ужъ давно достояніемъ общаго знанія, благодаря трудамъ Филарета, Макарія, Голубинскаго и др. Если въ трудахъ этихъ ученыхъ исторія христіанства является наиболѣе полной, вѣрной, то нельзя сказать того же самаго относительно труда г. Астафьева, у котораго подборъ и освѣщеніе фактовъ односторонни, и ведутъ къ преувеличенному представленію состоянія христіанства и образованности на Руси въ древнѣйшій (до—Монгольскій) періодъ. На стр. 30 авторъ говоритъ

«Не отвергая естественнаго вліянія византійской цивилизаціи на развитіе у нас просвѣщенія вообще, мы не можемъ однако же видѣть въ немъ причину замѣчательнаго духовнаго просвѣщенія нашихъ предковъ XI и XII ст., такъ какъ въ этомъ отношеніи они далеко превзошли византійцевъ»(?). Коренную причину такого превосходства нашей образованности предъ образованностью Византіи авторъ видитъ въ томъ фактѣ, «что Св. Писаніе принесено къ намъ съ самаго начала не на латинскомъ или греческомъ языкѣ, но на родномъ, понятномъ для предковъ нашихъ нарѣчій» (30). Но развѣ спрашивается, у грековъ не было Библии на ихъ собственномъ языкѣ? Разсуждая такимъ образомъ, авторъ оставляетъ читателя въ недоумѣніи, ибо не разъясняетъ окончательно своей мысли, почему въ указанномъ обстоятельстве онъ склоненъ видѣть причину превосходства русскаго просвѣщенія надъ византійскимъ XI, XII столѣтій. Для того, чтобы дать понятіе читателю о томъ, что нравы Византіи того времени были въ состояніи упадка, авторъ указываетъ на свидѣтельство объ этомъ Іоанна Златоуста (IV ст.), а затѣмъ прямо заявляетъ, что византійскіе богословы занимались лишь полемикой съ Западомъ, кончившейся разрывомъ съ нимъ. Оказывается, что авторъ совершенно не обратилъ вниманія на значеніе Македонской династіи для византійской образованности, стоявшей около этого времени (X, XI, XII ст.), очень высоко: Левъ Философъ, Константинъ Порфирородный, ученые и покровители наукъ, Симеонъ Метафрастъ, хроника котораго, доведенная имъ до 963, была продолжена кѣмъ-то до второй половинѣ XI ст., существовали въ это время. Авторъ забываетъ также и то обстоятельство, что проповѣди и рѣчи нашихъ первыхъ знаменитыхъ проповѣдниковъ совершенно проникнуты характеромъ византійской болтливой риторики (въ особенности слова и поученія Кирилла Туровскаго), что вліяніе Византіи было такъ велико, что даже отчужденіе отъ Запада проникло въ Россію черезъ посредство византійской проповѣди противъ латинянъ, что, наконецъ, проповѣди русскихъ пастырей говорятъ о замѣчательной грубости и невѣжествѣ, существовавшихъ тогда на Руси. Въ такомъ духѣ проведенъ авторомъ матеріалъ книги до 1449 года. Начало книгопечатанія на Руси заключаетъ легкія указанія на языкъ Острожской Библии. О первыхъ типографахъ на Руси Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславцѣй разсказана обыкновенная, всѣмъ извѣстная исторія, такъ что это повѣствованіе ничуть не исчерпываетъ вопроса о дѣятельности первыхъ русскихъ типографовъ, имѣвшей существенное значеніе для исторіи Библии. Какъ извѣстно, особенности типографскаго дѣла нашего типографа еще не совсѣмъ ясно опредѣлены, однако названія предметовъ типографскаго дѣла указываютъ на итальянское вліяніе, отсюда опредѣляется путь, гдѣ можетъ разрѣшиться вопросъ, откуда и съ какими особенностями печатнаго дѣла перешло къ намъ книгопечатаніе. (См. Киричкова «Очеркъ исторіи книги». «Пантеонъ литературы» за 1888 г., декабрь, 54). Библия съ ея культивирующимъ значеніемъ въ вѣкъ Петра и при его преемникахъ, прослѣжена съ такимъ же освѣщеніемъ матеріала, какъ и въ предыдущемъ изложеніи, но нѣсколько иначе, легче для чтенія. Наиболѣе интересной является вторая половина книги, посвященная исторіи Библейскаго Общества, его дѣятельности и прекращенію этой дѣятельности, а затѣмъ и исторіи существующаго нынѣ Общества для распространенія св. писанія въ Россію, высочайше утвержденаго 2 мая 1869 г. и его многополезной и плодотворной дѣятельности. Этотъ очеркъ написанъ живѣе и читается съ интересомъ.

Д. А.

Владиміръ Святой, какъ политическій дѣятель. Изслѣдованіе Завитневича. Кіевъ. 1888.

Древняя русская исторія, какъ принято считать въ нашей исторической наукѣ, представляетъ еще темныя, глухія дебри, гдѣ руководствомъ для желающаго пройти сквозъ нихъ служатъ немногія свѣтлыя точки, виднѣющіяся сквозъ туманъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній и отрывочныхъ, неясныхъ извѣстій византійскихъ и западныхъ лѣтописей. При этомъ съ одной стороны сами русскіе историки чувствуютъ, какъ мало вытекаетъ изъ этихъ источниковъ данныхъ для того, чтобы возстановить нашу древнюю исторію въ болѣе или менѣе ясныхъ чертахъ, съ другой стороны въ ихъ подчасъ почтенныхъ, съ большимъ стараніемъ и тратой остроумія составленныхъ трудахъ, не видно, однако, желанія обновить фактическую сторону науки; существующій недостаточный матеріалъ для научныхъ построеній все-таки вновь и вновь съ различными варіаціями разыгрывается на одну и ту же тему. Возможная въ такихъ случаяхъ мелкая экзегеза различныхъ частныхъ вопросовъ является наиболѣе плодотворной и такіе ученые, какъ Васильевскій, Успенскій, Розенъ, посвящаютъ свои силы именно подобаго рода экзегезамъ, ясно видя какую громадную роль играетъ въ данномъ случаѣ новая лазейка, новое въ сторонѣ скрытое данное, для науки, худѣющей отъ недостатка соковъ. Въ послѣднее время стали слышаться отовсюду иные голоса, настаивающіе на тщательномъ изученіи византійской старины, чтобы въ ней, въ этой связанной съ нашей историческими судьбами старинѣ, искать недостающихъ для русской исторической науки точекъ опоры (см. «Русь и Византія въ X в.» Э. Успенскаго. Одесса. 1888). Настоящее сочиненіе, заглавіе котораго мы выписали вначалѣ, несомнѣнно, подвержено именно этой болѣзни нашей науки—недостатка въ источникахъ, какъ это сознаетъ самъ авторъ, который вынужденъ высказать въ предисловіи о своемъ изслѣдованіи слѣдующія слова, на первыхъ порахъ неприятно поражающія читателя: «Возьмите,—говоритъ онъ,—изслѣдованіе о Владимірѣ преосвященнаго Макарія, извлеките изъ него важнѣйшіе тезисы и сопоставьте ихъ съ тезисами, извлеченными изъ изслѣдованія профессора Е. Е. Голубинскаго, и вы увидите, что они относятся между собою въ большинствѣ случаевъ такъ, какъ да и нѣтъ, положеніе къ отрицанію. Что же касается настоящаго нашего изслѣдованія, то оно отъ изслѣдованій нашихъ: предшественниковъ будетъ отличаться развѣ тѣмъ, что къ прежнимъ гаданіямъ мы присоединяемъ свои собственныя. Повторяемъ, гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ трудно создать что нибудь положительное» (стр. 5). Между тѣмъ эти гаданія, при отсутствіи фактовъ, предложены на весьма серьезную и любопытную тему, съ новой силой ожившую къ 900-лѣтнему юбилею Россіи, на тему о политикѣ Руси 900 лѣтъ назадъ, о таинственномъ для науки актѣ крещенія Руси и обстоятельствахъ, при которыхъ онъ состоялся. Должно, однако же, отдать справедливость разбираемому сочиненію: оно представляетъ полный критическій сводъ данныхъ относительно затронутого вопроса, которыя извѣстны въ наукѣ, съ присоединеніемъ собственныхъ остроумныхъ догадокъ относительно времени крещенія Св. Владиміра и обстоятельствъ вызвавшихъ его; оно подробно пользуется лѣтописными извѣстіями, рельефно рисуя многія стороны отношеній политическихъ, такъ, что является въ этомъ случаѣ однимъ изъ первыхъ руководствъ для того, чтобы разобраться въ состояніи вопроса, но дальше этого оно не идетъ. Въ

нѣмъ отсутствуетъ то, что единственно можетъ привести къ разъясненію многихъ темныхъ сторонъ нашей исторической жизни до и послѣ крещенія Руси—штудія въ византійской старинѣ. Достаточно припомнить тотъ фактъ общаго историческаго значенія, что въ то время, какъ до крещенія Русь оказывается политическимъ врагомъ Византіи и обнаруживаетъ завоевательныя стремленія, послѣ крещенія эти стремленія прекращаются, Русь какъ и многія другія варварскія народности начинаетъ питаться изъ этого богатаго источника культуры того времени; чтобы видѣть какъ важно достигнуть это, такъ мало извѣстное ученому міру древнее государство съ его культурой и вліяніемъ на сосѣдніе народы. Признавая трудъ г. Завитневича полнымъ и хорошимъ резюмѣ состоянія вопроса о Владимірѣ какъ политическомъ дѣятелѣ, мы должны пожелать, чтобы силы автора, убитыя на гаданія, нашли соотвѣтствующій имъ исходъ въ изученіи Византіи, и мы увѣрены, что при его несомнѣнныхъ серьезныхъ качествахъ историка—проницательномъ взглядѣ, любви къ предмету, трудъ его будетъ вознагражденъ.

А—въ.

Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, диссертация на степень доктора медицины И. Яворскаго. Часть I. Спб. 1889.

Труды И. Л. Яворскаго являются не въ первый разъ передъ читающею публикою; «Русская миссія въ Кабулѣ» и «Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству въ 1878—79 гг.» достаточно зарекомендовали молодого ученаго. Вышедшій теперь его трудъ также заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по новизнѣ трактуемаго предмета, такъ и по умѣнью сгруппировать и освѣтить матеріалы, собранные для ознакомленія съ Туркестанскимъ бассейномъ въ естественно-историческомъ, экономическомъ и санитарномъ отношеніяхъ. Вся первая часть состоитъ изъ шести главъ: 1) географическій очеркъ, 2) климатъ Туркестана, 3) естественно-историческій очеркъ, 4) геологическій очеркъ, 5) историческій очеркъ и 6) статистико-экономическій очеркъ. Наибольшій интересъ заключается для читателей въ первой, четвертой и пятой главахъ, съ которыми вкратцѣ мы и ознакомимъ читателей «Историческаго Вѣстника». Вначалѣ авторъ возстае противъ наименованія области на сѣверъ отъ Памира Среднею Азією, доказывая, что это названіе можетъ примѣняться только къ области на югъ отъ Памира, т. е. бассейну рѣки Тарима, представляющему собою дѣйствительно географическій центръ Азіи; что касается русскихъ владѣній, то онѣ довольно близко соотвѣтствуютъ урало-каспійскому бассейну или просто Туркестану. Затѣмъ все вниманіе автора сосредоточивается на высочайшемъ, не имѣющемъ нигдѣ ничего подобнаго, центральномъ средне-азиатскомъ плоскогоріи, называемомъ Памиръ или «крыша міра» (поперсидски Бамъ-и-Дунья). Памирская высъ состоитъ изъ цѣлага ряда широтныхъ хребтовъ, изъ которыхъ главнымъ считается Памирская цѣпь; къ сѣверу отъ нея идутъ хребты горъ Аличурскій, Мургабскій, Рангкульскій и Заалойскій, къ нимъ примыкаютъ хребты Петра Великаго и Дазварскій; къ югу отъ Памирской цѣпи тянутся хребты Ваханскій и Гинду-Кушъ. Высоту этихъ горъ можно видѣть по переваламъ, изъ которыхъ самыя низкіе находятся на высотѣ 13,600 фут., а переваль Башъ-Бумбезъ—17,000 фут. При-

мыкающей къ Памиру Гинду-Кушъ еще выше, такъ что отдѣльные его пики достигаютъ 28,300 фут., хотя примыкающей къ Памиру съ сѣвера Тянь-Шань и ниже въ общемъ, чѣмъ Гинду-Кушъ, но и тамъ попадаются отдѣльныя вершины въ 22,000 фут. Большинство памирскихъ рѣкъ стремятся на сѣверъ, отдавая свои воды Аму-Дарьѣ. Собственно Памиръ рѣско дѣлится на двѣ половинѣ: восточную и западную; первая представляетъ не только степной, но даже пустынный характеръ съ солончаками и песками; растительность состоитъ изъ ковыля, кипца, ржанца и мелкой осоки, а рѣки и ручьи плавно несутъ свои воды, извиваясь и тихо журча. Западная половина Памира вся заполнена высокими, скалистыми, горными хребтами и ихъ острогами, горные бурные потоки съ ревомъ и шумомъ мчатся по каменному ложу, образуя стремнины и водопады; луговъ нигдѣ нѣтъ, ихъ замѣняютъ лѣса, а мѣстами, на высотѣ до 10,000 фут., попадаются кое-гдѣ поля. Перехода къ прошлому Туркестана въ геологическомъ отношеніи, авторъ сопоставляетъ различные взгляды и мнѣнія лицъ, посѣтившихъ край. Центральныя части Туркестана представлялись плоскими скалистыми, гранитными островами еще въ палеозойскую эпоху; первобытное море въ этотъ періодъ было общимъ для всей Азіи и Европы, а расчлененіе этого огромнаго океана началось въ концѣ полеозойской эпохи, послѣ осажденія горнаго известняка, тогда средне-азиатское море отдѣлилось отъ Индійскаго океана. Въ концѣ мезозойскаго періода, который въ Туркестанѣ былъ очень продолжителенъ, произошло расчлененіе средне-азиатскаго моря на два бассейна: восточный и западный, при чемъ послѣдній, въ эоценовую эпоху, неоднократно соединялся съ средиземно-европейскимъ моремъ, такъ что отъ Памира до Пиринеевъ бывала одна водная поверхность, а уровень Аральскаго моря былъ выше современнаго на нѣсколько сотъ футовъ. Дальнѣйшія измѣненія и превращенія крайне спорны, потому что колебанія почвы и напластованія совершались такъ разнообразно, что ученые не могутъ остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Даже связь средне-азиатскаго моря съ Ледовитымъ океаномъ установлена не окончательно и трудно рѣшить, гдѣ было ихъ послѣднее соединеніе: выше ли Казани на Волгѣ, или на Оби, близъ верховьевъ Урала и Эмбы. Видоизмѣненіе поверхности Туркестана находится въ зависимости отъ землетрясеній, но причину послѣднихъ нельзя считать вулканизмъ, такъ какъ тамъ нѣтъ вулкановъ, ни дѣйствующихъ, ни потухшихъ; возникла поэтому гипотеза о существованіи причины совершенно особой и еще не изслѣдованной; эта причина вызвала поднятіе Тянь-Шаня и даетъ неизмѣнное направленіе землетрясеніямъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ въ теченіе тысячелѣтій. Перехода къ исторіи людей въ Туркестанѣ, авторъ впадаетъ въ ошибку довольно крупную. Рассказывая о первобытномъ челоуѣкѣ, онъ во многомъ опирается на Зендъ-Авесту и лишь мелькомъ упоминаетъ о индусскихъ Ведахъ; благодаря этому, Памиръ является колыбелью арійцевъ задолго до ихъ раздѣленія на европейскую и индусскую вѣтви, которыя двигались отъ географическаго центра Азіи на западъ въ Европу и на югъ въ Индію. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ происходило какъ разъ наоборотъ. Несомнѣнныя историческія данныя убѣждаютъ насъ, что Зендъ-Авеста есть скромный сколокъ съ Ведъ, имѣвшихъ въ моментъ появленія Зендъ-Авесты тысячелѣтія; затѣмъ, заселеніе Индіи шло съ юга, отъ Цейлона (до-историческаго Ланки), а не съ сѣвера; эмиграціонное движеніе направлялось изъ Индіи или на Белуджи-

станъ или на Памиръ, а оттуда уже дальше, вдоль Персидскаго залива или въ прикаспійскія болота. Кромѣ того, авторъ придерживается выраженія «арійцы» для обозначенія племенныхъ родоначальниковъ индусовъ и европейцевъ, тогда какъ «ари» есть чисто индусское слово, соответствующее нашему «благородному» или средне-азиатскому «бѣлой кости» и уцѣлѣвшему въ массѣ именъ собственныхъ европейскихъ народовъ. Ошибка автора объясняется его пребываніемъ въ Средней Азіи и незнакомствомъ съ Индією.

А. Б—въ.

Кунгурскіе акты XVII вѣка. (1668—1699 гг.). Изданіе А. Г. Кузнецова, подъ редакціей А. Титова. Спб. 1889.

Кунгурскіе акты изданные г. Кузнецовымъ были доставлены въ 1837 г. въ Археографическую Комиссію изъ Кунгурскаго уѣздаго суда. Каждый изъ этихъ документовъ даетъ любопытныя свѣдѣнія о правахъ и обычаяхъ полудикаго «Кунгурскаго края», населеннаго преимущественно инородцами: русское населеніе составляетъ незначительное меньшинство. Любопытны въ этихъ актахъ дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ. Напримѣръ, жена стрѣльца Афимья Иванова Артемьева принесла въ ноябрѣ 1686 г. слѣдующую жалобу царямъ Иоанну и Петру, а также царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, на крестьянина Григорья Семенова (см. докум. № 48, стр. 112 и слѣд.): Въ праздникъ Парасковей Пятницы была она, стрѣльчиха, на посадѣ въ домѣ одного изъ кунгурскихъ стрѣльцовъ Григорья Щеткина, гдѣ ее, сироту, «безчестилъ» крестьянинъ Гришка Семеновъ. Но обвиненный отперся. Онъ утверждалъ предъ судомъ, что ничего подобнаго не сулилъ, и что «она-де Офимьига клеветлетъ его, отвѣтчика, напрасно». Дѣло кончилось миромъ, полюбовной сдѣлкой, засвидѣтельствованной въ «приказной избѣ». Форма таковыхъ сдѣлокъ однообразна. Писали такъ: «И нынѣ мы, сироты ваши (т. е. вѣрно-поданные по нынѣшнему), сыскавъ межъ себя въ сердцахъ правду, до вершенія суднаго дѣла помирились». Въ томъ же 1686 г. стоялъ «подъ знаменемъ» кунгурскій стрѣлецъ Ермолка Мышевъ, жестоко оскорбленный посадскимъ человѣкомъ Зиновіемъ Терентьевымъ Кошельковымъ, который «посулилъ» ему, Мышеву, одинаковую непріятность, какъ и крестьянинъ Гришка Семеновъ стрѣльчихѣ Артемьевой. Дошло дѣло до суда. Призваны были свидѣтели съ обѣихъ сторонъ. Любопытна форма ихъ показаній,—форма, постоянно употреблявшаяся въ печатаемыхъ нами документахъ: «Такой-то сказалъ по святой евангельской непорочной заповѣди Господней: ей-же, ей-ей,—того-то онъ не вѣдаетъ» (см. док. № 50, стр. 116—118). Воеводы получали для себя и для казны нѣкую мзду въ подобныхъ случаяхъ, кромѣ дѣлъ, касавшихся стрѣльцовъ: по указу великихъ государей и по Соборному Уложенію со стрѣльцевъ пошлины не взыскивались. Стрѣльцы, не только московскіе, но и кунгурскіе, пользовались особыми преимуществами, когда всѣмъ государствомъ управляла царевна Софія.

Изъ разныхъ дѣлъ о душегубствахъ интересно дѣло объ убійствѣ «гулящаго человѣка» Никишки Леонтьева. Передаемъ въ краткомъ разсказѣ этотъ любопытный документъ (№ 66 стр. 189—202).—Убили его двое: Ѳедька Скаленинъ, да Дѣмка (Демьянъ) Шурмановъ. Убивши, ограбили и получили съ мертваго тѣла брошеннаго въ рѣку Сыльву, знатную добычу: «рублевъ девяносто слишкомъ, да поясъ шолковый, да крестъ серебряный».

Много разъ пытали Оедьку: сначала дали ему 18 ударовъ кнутомъ, потомъ 20, и, неудовольствовавшись пыткой его, принялись пытать женокъ убійць. Понятно, бабы вынуждены были сознаться подъ кнутомъ, что онѣ вѣдали о злодѣйствѣ своихъ мужей. Въ февралѣ 1692 г. воевода Дмитрій Ефремовичъ Бахметевъ, согласно Соборному Уложенію, опредѣлилъ: Оедьку Скалепина, за его воровство, что онъ, умысла воровски, убилъ гулящаго челоуѣка Микишку Леонтьева, казнить смертью, а жену его сѣчь кнутомъ и освободить на поруки.—Биты кнутомъ, по тому же дѣлу, еще четыре челоуѣка, знавшіе про «воровство» и укрывавшіе убійць. Оедька, для головы котораго заплечныхъ дѣлъ мастеръ наточилъ уже топоръ, обратился къ милосердію царей Ивана и Петра. Между прочимъ, онъ писалъ: «Великіе Государи! Я, сирота вашъ, въ приказной избѣ былъ пытанъ и съ пытки винился и, по вашему Великихъ Государей указу, велѣно меня, сироту вашего, казнить смертлю... Велите, Государи, мнѣ вмѣсто смерти животь дать!» Замѣчательнъ поводъ къ смягченію наказанія: Оедька просилъ пощадить его «для государскаго многолѣтнаго здравія (это, впрочемъ, обычная формула въ подобныхъ челобитьяхъ) и для ангела царевны Евдокіи Алексѣевны». Воевода 1 марта 1692 года помѣстилъ на оборотѣ челобитья, что ради означенныхъ причинъ «Оедьку Скалепина отъ смертной казни свободить, а за его воровство отсѣчь ему лѣвую руку», которая 5 марта того же года и отлетѣла на плахѣ подъ топоромъ на одной изъ Кунгурскихъ площадей. (№ 66, стр. 189—202).

Любопытна также память кунгурскому воеводѣ отъ казанскаго воеводы. Здѣсь идетъ рѣчь о томъ, что въ 1675 году явилась въ Кунгурѣ волшебница—черемиска Беккнейка Уразбохина. Она, якобы, была ученицей «по волшебнымъ отравамъ» черемиски Шіймакси, родомъ изъ казанскаго уѣзда, въ чемъ и повинилась съ пытокъ. Требовалъ ее въ Казань воевода и бояринъ князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій, слѣпо вѣрившій въ колдовство какъ и всѣ его современники. (№ 20, стр. 391).

Всѣхъ документовъ приведено 78 №№; въ концѣ книги приложенъ указатель личныхъ именъ и географическихъ названій. А. К.

Древній Святодуховскій храмъ въ городѣ Якобштадтѣ (Курляндской губерніи). Историческій очеркъ Н. Н. Васильева. Спб. 1889.

Русскимъ православнымъ людямъ памятна еще катастрофа 16-го января 1885 года, когда въ нашемъ Балтійскомъ краѣ была уничтожена пожаромъ только-что отстроенная и возобновленная Святодуховская церковь. Катастрофа произошла несомнѣнно отъ преступленія, совершеннаго балтійскими фанатиками-лютеранами. Пожаръ произошелъ отъ взрыва, произведеннаго порохомъ въ количествѣ отъ 2-хъ до 3-хъ пудовъ, заложенымъ подъ сѣвернымъ куполомъ, находящимся надъ печкою, при чемъ злоумышленники рассчитывали очевидно, что взрывъ и пожаръ будутъ объяснены порчею печи. Это объясненіе однако не удалось и ближайшее изслѣдованіе причинъ гибели храма доказало поджогъ. Но комиссія, назначенная для открытія преступниковъ, не открыла ничего и ее пришлось закрыть за неимѣніемъ какихъ-либо уликъ для обвиненія. Ясно было только, что это дѣло партіи, враждебной православію. Но гибель храма не уменьшила рвенія вѣрующихъ, и

они тотчасъ же послѣ катастрофы рѣшили возобновить церковь, разрушенную злоумышленниками. Брошюра г. Васильева передаетъ подробно всю исторію этого возобновленія. Ей предпосланъ историческій очеркъ русскихъ подвинскихъ поселковъ въ древности, русскихъ поселеній въ Курляндскомъ герцогствѣ, основаніе города Якобштадта и Святодуховскаго монастыря, его значенія во время уніи и дальнѣйшая судьба его до начала настоящаго столѣтія. Затѣмъ разсказано обветшаніе и возобновленіе Святодуховской церкви, участіе принятое въ этомъ дѣлѣ прибалтійскимъ братствомъ, устройство русской приходской школы при Якобштадтскомъ храмѣ, ея значеніе и быстрое развитіе. Все это прошедшее занимаетъ половину брошюры, изданной роскошно, съ 10-ю рисунками, изъ которыхъ пять изображаютъ: старую полуразрушенную церковь до ея возобновленія въ 1883 году, тотъ же храмъ въ 1884 году и рядомъ съ нимъ—Николаевскую церковь, иконостасъ и внѣшній видъ возобновленнаго храма, затѣмъ—якобштадтское училище. Остальные рисунки изображаютъ уже новую церковь 1888 года, ея иконостасъ, колокольню, старинный колоколь присланный императрицею Анною Ивановною, новый придѣлъ храма съ иконою Якобштадтской Богородицы, видъ Николаевской церкви съ Двины, общій видъ Якобштадтскаго подворья со стороны города. Все это—прекрасные рисунки на деревѣ; но къ брошюрѣ приложена сверхъ того фототипія храма во время его освященія. Въ текстѣ передана подробно вся исторія вторичнаго сооруженія новаго каменнаго храма, его внѣшній видъ и внутреннее устройство, описаніе другихъ зданій въ храмовой оградѣ, оцѣнка ихъ въ архитектурно-художественномъ отношеніи, описаніе якобштадтскаго подворья, ризницъ и утвари; забыты даже имена главныхъ жертвователей. Авторъ находитъ, что наше общество глубоко сочувствуетъ подобнымъ историческимъ фактамъ, какъ возсозданіе якобштадтскаго храма, но что факты эти необходимо сохранять въ печати. Къ брошюрѣ приложены также два святительскія поученія на освященіе храма и планъ мѣстности якобштадтскаго православнаго подворья.

В—ъ.

С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. Гр. Джаншіева. Москва. 1889.

Не напрасно имя Заруднаго соединено съ многозначительными словами «судебная реформа». Ему принадлежало громадное участіе въ созданіи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. Имя Заруднаго тѣсно связано со всею исторіею этого великаго дѣла прошлаго царствованія. Онъ явился однимъ изъ наиболее подготовленныхъ, талантливыхъ и преданныхъ исполнителей этого дѣла.

Математикъ по образованію, пріѣхавшій въ 1842 году въ Петербургъ, для того, чтобы опредѣлиться на службу въ Пулковскую обсерваторію, С. И. Зарудный поступилъ, вмѣсто того, въ министерство юстиціи и благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и упорному самостоятельному труду, скоро сдѣлался однимъ изъ глубокихъ юристовъ своего времени. Съ 1849 по 1856 г. Зарудный состоялъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, и, по словамъ автора, успѣлъ поднять ее до небывалой высоты: «онъ создалъ образцовую школу практической юриспруденціи и положилъ основаніе первымъ русскимъ юридическимъ доктринамъ. Вершая текущія дѣла, русскіе практики никогда не шли далѣе разбора частнаго случая, а потому

практика не имѣла почти никакихъ руководящихъ принциповъ. Зарудный попытался внести единство въ этотъ хаосъ казусовъ» (стр. 13).

Состоя на службѣ по министерству юстиціи, Зарудный принималъ участіе во всѣхъ планахъ по преобразованію судебной части еще до вѣраренія императора Александра II. Но только широкія преобразовательныя стремленія послѣдняго открыли полный просторъ дѣятельности этого крупнаго русскаго юриста. Онъ вынесъ на своихъ плечахъ значительную часть подготовительныхъ работъ, написалъ цѣлый рядъ сочиненій, собралъ и систематизировалъ матеріалъ для исторіи судебной реформы.

Посвящая настоящую книжку памяти этого симпатичнѣйшаго дѣятеля, г. Джаншиевъ съ тѣмъ вмѣстѣ защищаетъ судебную реформу. Не выходитъ ли только защита слишкомъ горячею и достаточно вызываемою и оправдываемою обстоятельствами дѣла? Великое значеніе судебной реформы 20-го ноября 1864 г. слишкомъ очевидно. Оно не исключаетъ критики, какъ все, но также и не можетъ быть поколеблено такими специфическими нападеніями, съ которыми находятъ нужнымъ считаться авторъ. Новый судъ въ общемъ мнѣніи стоитъ такъ же высоко, какъ наоборотъ низко стоитъ судъ до-реформенный. Судьба Заруднаго, впрочемъ, нѣсколько объясняетъ и подобную защиту его дѣтища. Онъ не оцѣненъ достаточно, не получилъ того назначенія, которое ему по праву принадлежало и умеръ только сенаторомъ стараго сената, оторванный отъ дѣятельности даже въ качествѣ сенатора тѣхъ департаментовъ, которые разсматриваютъ приговоры и рѣшенія новыхъ судовъ...

Н. Др.

Исчисленіе поверхности Россійской имперіи въ общемъ ея составѣ въ царствованіе императора Александра III, произвелъ ген.-маіоръ И. Стрѣльбицкій. Спб. 1889.

Передъ нами новое капитальное произведеніе ген.-маіора Стрѣльбицкаго уже зарекомендовавшаго себя солидными работами: «Исчисленіе поверхности имперіи при Александрѣ II» (1874 г.) и «Superficie de l'Empire» (1882 г.) Скромно сознавая недостатки прежнихъ изданій и въ виду территориальнаго увеличенія Россіи съ 1874 года, г. Стрѣльбицкій предпринялъ новую работу, при выполненіи которой ему пришлось: 1) вычислить всѣ губерніи и области Европейской Россіи, въ которыхъ произошли измѣненія во внѣшнихъ очертаніяхъ и во внутреннихъ дѣленіяхъ; 2) дважды вычислить губерніи и области Кавказа и Закавказья, примѣняясь къ новому административному дѣленію; 3) вновь вычислить азіатскія владѣнія Россіи съ недавними приобрѣтеніями и согласно новѣйшему административному дѣленію; 4) тщательно провѣрить соотношеніе верстъ линейныхъ и квадратныхъ къ географическимъ милямъ и километрамъ; и 5) произвести общую провѣрку вычисленій по губерніямъ и зонамъ. Сверхъ того, руководясь указаніями статистическихъ сѣздовъ, г. Стрѣльбицкій сдѣлалъ добавленія: 1) исчислилъ всѣ владѣнія имперіи по рѣчнымъ бассейнамъ; 2) измѣрилъ длину рѣкъ и указалъ на ихъ положеніе населенныхъ пунктовъ; 3) точно указалъ истоки важнѣйшихъ рѣкъ; 4) отмѣтилъ рѣки судоходныя и сплавыя, указавъ, на какомъ протяженіи существуетъ судоходство и пароходство; 5) подробно сообщилъ о величинѣ озеръ и острововъ. Кромѣ подробнаго и всесторонняго исчисленія поверхности Россіи отъ Просны до Берингова пролива, г. Стрѣльбицкій до-

бавиль вычисленіе поверхностей сосѣднихъ азіатскихъ государствъ: Японіи, Кореи, Китая, Бухары, Хивы, Афганистана и Персіи, а при вычисленіи губерній по уѣздамъ указалъ цифру населенія въ каждой губерніи и плотность ея. Планиметрическіе труды г. Стрѣльбицкаго заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что топографическія съемки, произведенныя за границею специальными учрежденіями, блестящимъ образомъ подтверждаютъ правильность его работъ. Находимъ не лишнемъ, при этомъ случаѣ, ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ результатами вычисленій г. Стрѣльбицкаго относительно поверхности Россіи:

50 губерній Европейской Россіи до Урала	4,138.907, ² кв. вер.
Привислянскій край	111.875, ⁴ » »
Финляндія	328.293, ³ » »
Сѣверный Кавказъ	233.969, ² » »
Азовское море	33.043, ³ » »
Закавказье	181.264, ³ » »
Сибирскія губерніи до Урала	11.210.365, ¹ » »
Среднеазиатскій край	3.026.550, ³ » »
Аральское и Каспійское моря	445.025, ¹ » »

Вся Россійская имперія 19.709.294,⁴ кв. вер.

Послѣдняя величина равняется 407.248,⁰⁶ квад. миль или 22.430.004,² километровъ. Населеніе этой площади составляетъ 52.481.273 мужскаго пола и 54.305.962 женскаго пола, а всего 108.787.235 челоуѣкъ. Что касается азіатскихъ сосѣдей Россіи, то величина ихъ выражается слѣдующими числами: Китай — 9.725.315,⁷ квад. верстъ, Персія — 1.441.718,³ квад. верстъ, Афганистанъ — 596.937,³ квад. верстъ, Бухара — 217.674,³ квад. верстъ, Хива — 54.245,³ квад. верстъ, Корея — 196.410,³ квад. верстъ, Японія — 340.681,³ квад. верстъ. Репутація г. Стрѣльбинскаго, какъ добросовѣстнаго труженика, признана не только въ Россіи, но и за границею, гдѣ въ лучшихъ географостатистическихъ сочиненіяхъ прямо ссылаются на него, какъ на признаннаго авторитетнаго специалиста.

А. Б—въ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ седьмой. Тифлисъ. 1889.

Седьмой выпускъ «Сборника» является новымъ подтвержденіемъ неустанныхъ заботъ попечителя кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго относительно собиранія матеріаловъ для изученія края и самого живого отношенія къ этому дѣлу, привлеченныхъ къ нему кавказскихъ педагоговъ, заброшенныхъ иногда въ глухія мѣстности. Внимательное отношеніе къ району, въ которомъ приходится дѣйствовать, и изученіе всѣхъ его бытовыхъ и историческихъ особенностей, составляютъ существенныя основы правильной постановки учебнаго дѣла и съ этой стороны работы кавказскихъ педагоговъ въ данномъ направленіи могутъ служить блестящей для нихъ рекомендаціей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, своими трудами они дѣлаютъ въ науку несомнѣнный вкладъ, который съ признательностью оцѣнится каждымъ серьезнымъ историкомъ и этнографомъ. Археологи особенно оцѣнятъ статью г. Кикнадзе «Памятники древности Телавскаго уѣзда» (Тифлисской

губерніи), намѣчающую всѣ урочища данной мѣстности, которыя заслуживаютъ археологическаго изслѣдованія. Записанное г. Погосовымъ преданіе о Тамерланѣ, по рассказамъ джеванширскихъ армянъ, любопытно по сказавшемуся здѣсь стремленію вывести эту историческую личность изъ армянской національности. По этому преданію, Тамерланъ былъ сыномъ армянскаго священника, который, опасаясь слишкомъ рано развившейся въ немъ силы и живости, перерѣзалъ сыну жилы на ногахъ, послѣ чего охромѣвшій мальчикъ бѣжалъ въ Среднюю Азію и оттуда явился уже грознымъ мстителемъ христіанству и въ особенности армянамъ. Сообщенное г. Калашевымъ преданіе о святомъ кувшинѣ и могилѣ «Пира» заслуживаютъ вниманія, потому что на нихъ можно прослѣдить процессъ сложения міога, основу котораго собирателямъ удалось захватить еще не забытою современниками. Прочія легенды и сказки, записанныя не только преподавателями, но и учениками, представляютъ богатый матеріалъ для сравненія съ сказочными мотивами всѣхъ индо-европейскихъ народовъ и интересны сами по себѣ.

Е. Г.

Кубанское казачье войско. 1696—1888 года. Сборника краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Ф. А. Щербины, подъ редакціею Е. Д. Фелицына. 1889.

Изданіе это носитъ рѣзкій характеръ юбилейныхъ изданій. Роскошный по внѣшности съ сорока пятью фотогравюрами портретовъ извѣстныхъ кубанскихъ атамановъ, снимковъ съ регалій казачьяго кубанскаго войска, видовъ города Екатеринодара и нѣкоторыхъ картинъ, касающихся выдающихся моментовъ казачьей исторіи и жизни, трудъ этотъ въ историческомъ отношеніи представляетъ компиляцію по извѣстнымъ уже источникамъ, при томъ окрашенную въ яркій цвѣтъ панегирика войску и его атаманамъ.

По плану онъ распадается на двѣ части, изъ коихъ первая: собственно историческій очеркъ кубанскаго казачьяго войска, написана г. Ф. А. Щербиной, а вторая, въ изложеніи г. Фелицына, даетъ 24 краткія біографіи кошевыхъ, войсковыхъ и наказныхъ атамановъ войска, начиная отъ легендарныхъ запорожцевъ, Бѣлаго, Сапѣги и Головатаго, до князя А. М. Дундукова-Корсакова включительно. О краткости сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній можно судить потому, что всѣ 24 біографіи занимаютъ не болѣе 140 страницъ по 30 короткихъ строчекъ на страницѣ. Такимъ образомъ, исключая біографію князя Дундукова-Корсакова, болѣе всѣхъ пространную, на долю каждаго изъ остальныхъ приходится по 150 строчекъ и даже менѣе. Если вѣрять г. Фелицыну на слово, то всѣ атаманы кубанскаго войска были во всѣхъ отношеніяхъ превосходные казаки, храбрые воины и благородные люди.

Что же касается до первой части, то въ ней г. Щербина далъ хорошей остовъ, и хорошую канву, для болѣе подробной исторіи казачества. Коротко, восторженно, но послѣдовательно рассказана исторія возникновенія кубанскаго казачества изъ обломковъ Сѣчи Запорожской, и дальнѣйшее преобразование войска въ линейныя Кубанское и Терское казачества, съ образованіемъ еще въ плавняхъ Кубани и по Черноморскому побережью, пѣхотныхъ батальоновъ пластуновъ. Упомянуто о способахъ казачей войны объ особенностяхъ землевладѣнія и самоуправленія казаковъ, о выдающихся

боевыхъ подвигахъ отдѣльныхъ лицъ, о кровавомъ заселеніи Сѣвернаго Кавказа, такъ что въ общемъ получается, если не исторія, то хорошій конспектъ для исторіи болѣе подробной и менѣе односторонне восторженной.

Къ этой же книгѣ приложенъ еще подробный перечень знаменъ, регалій, знаковъ отличія высочайше пожалованныхъ бывшимъ Черноморскому Кавказскому линейному и нынѣ Кубанскому казачьему войску, а также приведенъ подлинный текстъ жалованныхъ грамотъ императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, а также ордера князя Потемкина, Ливена и Кушелева.

Наконецъ, послѣднее приложение составляютъ: статистическое перечисленіе строевого кубанскаго казачьяго войска, съ распределеніемъ населенныхъ мѣстъ Кубанской области по отдѣламъ и полковымъ округамъ, а также большой планъ города Екатеринодара.

Послѣднее статистическое приложение, какъ вполне оригинальное и исторически важное, весьма много увеличиваетъ значеніе этого изданія, въ качествѣ новаго историческаго матеріала.

В. П.

Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси. Сочиненіе Владиміра Сахарова. Спб. 1889.

Апокрифическія сказанія вообще и сказанія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи—въ частности—въ виду ихъ вліянія на религіозное народное міросозерцаніе, на образованіе и развитіе народной поэзіи, а также на искусство—заслуживаютъ особеннаго вниманія. Поэтому весьма интереснымъ является каждый трудъ, вносящій, хотя бы малую, новую крупницу въ сокровищницу прежнихъ серьезныхъ изслѣдованій о нихъ.

Выставленный въ заголовкѣ трудъ г. Сахарова раздѣляется на двѣ части. Въ первой—авторъ выясняетъ причины происхожденія и распространенія апокрифическихъ сказаній, разбираетъ наиболѣе популярныя апокрифическія сказанія о Божіей Матери—Протоевангеліе Іакова, Евангеліе Псевдоматоса, сказанія объ Успеніи, Откровеніи ея, о посѣщеніи ею Аеонской горы и др.

Самымъ древнимъ, и наиболѣе популярнымъ сказаніемъ о Божіей Матери, какъ извѣстно, является Протоевангеліе Іакова, относимое почти всѣми изслѣдователями къ первой половинѣ 2-го вѣка. Популярность его доказывается распространенностью во многихъ спискахъ, переводомъ на различные языки, пользованіемъ имъ отцами и учителями церкви, вліяніемъ его на искусство. Въ V стол., когда устанавливается почитаніе Богородицы, начинается наиболѣе сильное вліяніе даннаго Евангелія, составленіе новыхъ, распространяющихъ, пополняющихъ его, Евангелій: (Евангеліе Псевдоматоса, Евангеліе о Рождествѣ Маріи); тогда же появляются сказанія объ Успеніи Богородицы, ея загробной жизни. Съ V-го же вѣка мы впервые встрѣчаемся съ иллюстраціей къ главнымъ событіямъ изъ жизни Маріи, дѣлаемымъ подъ вліяніемъ апокрифическихъ сказаній о ней (мозаики триумфальной арки ц. Маріи Мадморе въ Римѣ). Но еще много должно было пройти времени, прежде чѣмъ легендарныя сказанія дѣлались наиболѣе любимымъ сюжетомъ для искусства и жизнь Маріи Дѣвы стала иллюстрироваться самымъ подробнымъ образомъ. Это стало возможнымъ только тогда,

когда послѣдовало окончательное уложеніе обрядовой стороны почитанія Божьей Матери, когда событія изъ ея жизни освѣтились догматическимъ анализомъ почитаеваемыхъ учителей и отцовъ церкви—въ IX—XI стол. (Сочиненія, рѣчи, патріарха Германа, Тарасія, Иоанна Дамаскина, Георгія Никомидійскаго, Іакова Кокуинобафскаго, Андрея Критскаго, Льва Мудраго и др.). Къ этому времени и относятся такіе памятники искусства, какъ Менологій ¹⁾ (гдѣ каждый Богородичный праздникъ иллюстрируется соответствующимъ изображеніемъ), фрески Кіево-Софійскаго собора ²⁾ (сохранились сцены: Встрѣча Іоакима и Анны у золотыхъ воротъ, Рождество Маріи, Введеніе во храмъ, Обрученіе, Врученіе Маріи первосвященникомъ покцина, Цѣлованіе Елисаветы), миниатюры къ гомиліямъ вышеупомянутаго Іакова Кокуинобафскаго ³⁾ (полная иллюстрація Протоевангелія), мозаики мечети Кахріе-Джамиси ⁴⁾ (бывшая ц. Μονὴ τῆς ὑώρας и др.

Мы распространяемся о вліяніи сказаній о Божьей Матери на искусство потому, что на эту сторону значенія ихъ г. Сахаровымъ мало обращено вниманія. Онъ для даннаго вопроса воспользовался главнымъ образомъ только сочиненіемъ фонъ-Фрикена. Въ нашей литературѣ существуетъ замѣчательный капитальный трудъ по исторіи византійскаго искусства проф. Кондакова («Исторія византійской имперіи и иконографіи по миниатюрамъ греческихъ рукописей». Одесса, 1876), знакомство съ которымъ полезно не только для занимающагося искусствами, но и вообще для всякаго изслѣдователя извѣстныхъ сторонъ христіанства; въ немъ-то авторъ нашель бы массу данныхъ по данному вопросу. Первая часть труда Сахарова не даетъ въ общемъ ничего новаго, послѣ трудовъ свящ. Альбова, Смирнова и др. Рядъ вопросовъ, затронутыхъ въ ней на столько интересенъ, важень, что требовалъ бы большаго обсужденія ихъ, болѣе строго научнаго отношенія къ нимъ; иначе ихъ не стоило поднимать.

Болѣе полною, болѣе самостоятельною и потому болѣе интересною является вторая часть труда г. Сахарова. Здѣсь имъ рассмотрѣны тѣ апокрифическія сказанія о Божьей Матери, которыя были особенно популярны на Руси, указано вліяніе ихъ на народное міровозрѣніе, народную поэзію, искусство (въ послѣднемъ опять весьма бѣгло). Здѣсь мы встрѣчаемся даже съ новымъ матеріаломъ, съ новой оцѣнкой значенія нѣкоторыхъ прежде изданныхъ памятниковъ. Такъ авторомъ впервые сообщается интересное, дѣйствительно высоко поэтическое сказаніе: «странствіе Богородицы съ двумя женами муроносцами изъ града Іерусалима въ градъ Кіевъ и по всей Руси» (126—130 стр.).

Хотя трудъ г. Сахарова нельзя отнести къ числу строго-научныхъ, но все же въ общемъ его нельзя не признать полезнымъ, вносящимъ хотя малую крупицу новаго къ прежнимъ изслѣдованіямъ объ апокрифическихъ сказаніяхъ, а также интереснымъ и любопытнымъ для читателя мало знакомаго съ вопросомъ объ происхожденіи апокрифовъ и распространеніи ихъ на Руси.

Д. А.

¹⁾ Menologium ч. 3 vol. 1727. изд. въ рис. корд. Альбани.

²⁾ Древности Россійскаго государства. Кіево-Софійскій соборъ. Вып. I—III, Спб. 1871.

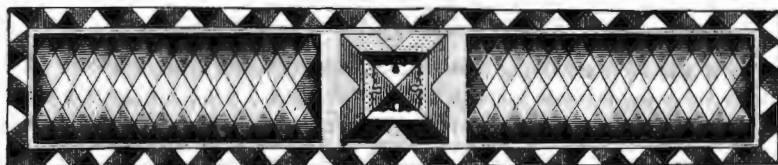
³⁾ R. de Fleury Viéerge.

⁴⁾ Н. П. Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константинополя. («Труды V Арх. Съѣзда», т. 3, стр. 184—187).

Историческая записка о нищенствѣ, сост. воронежскій вице-губернаторъ Б. Г. Карновичъ. Воронежъ. 1889.

Небольшую брошюру г. Карновича (въ 40 страничекъ) слѣдовало бы озаглавить «краткимъ очеркомъ или перечнемъ законодательныхъ мѣръ противъ нищенства». Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ запискѣ указанія на правительственныя мѣропріятія въ Англии, Франціи и Россіи, но ни малѣйшаго указанія на судьбу самого нищенства. А между тѣмъ, выступая передъ провинціальною русскою публикою, слѣдовало бы обязательно провести параллель между нищенствомъ въ Западной Европѣ и въ Россіи. Пенитенціарныя и карательныя мѣры въ западно-европейскихъ государствахъ имѣли совершенно другой смыслъ и значеніе, чѣмъ у насъ. Въ Россіи, а особенно въ старое время, къ нищенству въ тѣсномъ смыслѣ присоединяется «странничество», «паломничество», «бродяжничество», «бѣга»; въ основѣ этихъ явленій видна отчасти религіозная подкладка, отчасти присущая всему славянскому племени страсть переходить съ мѣста на мѣсто, бродить, шататься, словомъ, быть «непосѣдою». Но всѣ эти способы передвиженія сводятся, въ концѣ концовъ, къ нищенству. Въ этомъ-то и кроется тайна того своеобразнаго отношенія всего русскаго народа къ нищимъ; въ Западной Европѣ нищій, въ большинствѣ случаевъ, убогъ матеріально и умственно, а на Руси онъ—много видѣвшій, много испытавшій, много знающій человекъ, съ нимъ пріятно и побесѣдовать. Онъ пожилъ въ Соловкахъ, чуть не замерзъ въ сибирскихъ тайгахъ, цѣловалъ «пунъ земной» въ Иерусалимѣ, былъ у важнаго барина въ Питерѣ, ночевалъ въ воронежской деревнѣ, толковалъ о «Голубиной книгѣ» въ Керженцѣ, велъ торговлю за Астраханью, видѣлъ, гдѣ земля съ небомъ сходится. Вотъ это настоящій типъ русскаго нищаго. Къ нему примыкаетъ «городской» нищій, со всѣми убожествами и увѣчьями, слегка европеизированный, а переходною ступенью является особый типъ, извѣстный подъ различными кличками, смотря по мѣстности: голытьба, босая команда, босяки, посадскіе, золотая рота. Очевидно, «домъ трудолюбія», къ которому сводитъ весь разговоръ г. Карновичъ, не можетъ быть универсальнымъ лекарствомъ противъ всѣхъ перечисленныхъ видовъ нищенства въ Россіи, тѣмъ болѣе, что большинство-то и бѣгаетъ отъ труда, питая къ нему какое-то органическое отвращеніе. Г. Карновичъ подтверждаетъ наше воззрѣніе, указывая, что до 30 ноября 1691 года нищенство не преслѣдовалось русскими законами, такъ какъ не считалось проступкомъ, а было обычнымъ, естественнымъ явленіемъ, которому русское общество всегда сочувствовало. Благодаря послѣднему обстоятельству, законодательныя мѣры долгое время оставались мертвою буквою и въ 200 почти лѣтъ мало измѣнили вопросъ о русскомъ нищенствѣ. Съ этой стороны г. Карновичъ не посмотрѣлъ на предметъ своей брошюры, а далъ просто официальную юридическую справку, когда и какой законъ былъ опубликованъ, въ видахъ пресѣченія «городскаго» нищенства.

А. Б — въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Некрасовъ во французскомъ переводѣ и въ оцѣнкѣ Мельхіора Вогюэ.—Переводъ разсказовъ Гаршина о войнѣ и мнѣніе объ ней Гюи Мопассана.—Французская спекуляція съ журнальной статьею Л. Н. Толстого.—Г. Черновъ, рекомендующій европейской публикѣ г. Леонтьева.—Шарль Морель, предостерегающій Англію отъ посѣщенія германскаго императора.—Рѣчи принца Уэльскаго.—Мемуары Людовика Галеви.

ВДИНЪ изъ знатоковъ русскаго языка Гальперинъ Каминскій, давно уже знакомящій французскую публику съ русскою литературою, переводчикъ Л. Н. Толстого, Островскаго, Гончарова, Достоевскаго (о переводѣ «Подрастокъ» мы говорили въ прошлой книжкѣ «Историческаго Вѣстника») выпустилъ въ свѣтъ два новыя перевода нашихъ писателей: «Народныя стихотворенія Некрасова» (N. Nekrassov. Poésies populaires) и разсказы В. Гаршина, подъ общимъ названіемъ: «Война» (Vsevolod Garchine: La Guerre). Прежде всего въ этихъ переводахъ бросается въ глаза то обстоятельство, что съ русскими писателями нельзя, вѣроятно, знакомить французовъ иначе какъ съ рекомендаціей французскихъ авторовъ: о значеніи Некрасова написалъ вступительную статью извѣстный критикъ Мельхіоръ Вогюэ, о Гаршинѣ не менѣе извѣстный романистъ Гюи-де-Мопассанъ. Повидимому самъ переводчикъ, ближе проникнувшись духомъ подлинника, могъ бы сдѣлать гораздо болѣе правильную оцѣнку обоихъ писателей; но французамъ должно быть необходимо указаніе ихъ же соотечественниковъ на достоинства иностраннаго автора. Вогюэ написалъ о Некрасовѣ болѣе двухъ печатныхъ листовъ, отзывался объ немъ восторженно, сочувственно, но не могъ обойтись безъ вычурныхъ фразъ, безъ курьезовъ, присущихъ современнымъ французскимъ писателямъ. Онъ начинаетъ сравненіемъ стиховъ Некрасова — «съ стаею вороновъ на русскомъ горизонтѣ, печальныхъ птицъ, отыскивающихъ свою жизнь въ грязи, питающихся падалью или насѣкомыми, нечистою пищею, живущихъ въ туманныхъ гнѣздахъ, летающихъ неловко и неграціозно». Но есть мрачная красота въ полетѣ этихъ огромныхъ темныхъ массъ, говорить онъ дальше: «есть таинственный трепетъ, какъ дыханіе духовъ въ вѣтрѣ, который они поднимаютъ разсѣвая воздухъ». Этихъ вороновъ Вогюэ видѣлъ въ изданіяхъ поэта «въ

этихъ тысячахъ черныхъ строчекъ, наполняющихъ печалью большія бѣлыя страницы въ осьмую долю (in 8°). Болѣе тридцати тысячъ стиховъ написанныхъ желчью! всѣ они—порождены негодованіемъ, какъ стихи римскаго сатирика. Этотъ человекъ, заключилъ въ своихъ строфахъ всѣ слезы, всѣ проклятія Россіи». Неужели все это нельзя было сказать проще, менѣе напыщеннымъ тономъ? Французскій критикъ вѣрно судить о Некрасовѣ, о его самобытномъ талантѣ, объ отсутствіи въ его стихахъ мистицизма, покорности судьбѣ, терпѣнія въ страданіяхъ, правильно называетъ его «экзальтированнымъ реалистомъ», лишеннымъ пушкинскаго и лермонтовскаго лиризма, съ невѣрующимъ умомъ и озлобленнымъ сердцемъ. Главный недостатокъ его — декламация, преувеличенность ощущенія, напыщенность фразъ, обобщеніе частныхъ случаевъ. Вогюэ сознается, что этотъ недостатокъ свойственъ преимущественно западнымъ писателямъ. Постоянные упреки, посылаемые поэтомъ всему на свѣтѣ, напоминаютъ «Les Chatiments» Виктора Гюго. 19-е февраля не успокоило ненависть поэта—онъ написалъ 16 стиховъ на это событіе и продолжалъ свои жалобы. Вогюэ совершенно основательно находитъ, что оригинальныя самостоятельныя произведенія Некрасова должно скорѣе перевести на французскій языкъ, чѣмъ лирическія и романтическія пьесы другихъ поэтовъ, проникнутыя идеями Запада. Но между тѣмъ, прозаическій переводъ, какимъ переданы некрасовскіе стихи, даетъ объ нихъ такое же понятіе, какъ слова партитуры безъ музыки. Чтобы понять мизантропію поэта, Вогюэ рассказываетъ его жизнь, на основаніи извѣстныхъ фактовъ и его собственныхъ стиховъ. Критикъ упоминаетъ даже, что «самые благосклонные биографы говорятъ о томъ, что онъ нажилъ состояніе дѣлами сомнительнаго свойства» (d'une nature douteuse). Передавъ о мучительной смерти поэта, Вогюэ не могъ не прибавить совершенно нелѣпныхъ строкъ о его могилѣ: «На этого опаснаго покойника брошены огромныя массы краснаго гранита, печальные и грубые по формѣ, какъ и его стихи. Казалось, подъ этими тяжелыми монументами, хотѣли лучше прикрѣпить къ землѣ духъ, полный возмущенія, обитавшій въ этомъ тѣлѣ». Въ третьей главѣ Вогюэ изслѣдуетъ, любилъ ли кого-нибудь поэтъ въ своей жизни, сожалеетъ, что онъ не создалъ ни одного симпатичнаго женскаго образа въ своихъ стихахъ и увѣряетъ—уже совершенно неосновательно, что героини «Русскихъ женщинъ» княгини Трубецкая и Волконская вовсе не испытывали ни страданій, ни лишеній, отправляясь за своими мужьями на каторгу, въ сибирскіе рудники. Въ послѣдней, четвертой главѣ критикъ разбираетъ нѣкоторыя произведенія Некрасова: «Кому на Руси жить хорошо», «Несчастные» и др. Лучшею повестью его онъ считаетъ «Морозъ Красный носъ» и даже называетъ ее гениальною. Всего переведено 30 пьесъ, большею частью прозой, стихами переведено очень немного, всего семь, другимъ переводчикомъ Шарлемъ Морисъ, имя котораго стоитъ на обложкѣ книги. Стихи раздѣляются на народныя, политическія, социальныя и интимныя. Къ книгѣ приложенъ недурной портретъ Некрасова.

— Гюи де-Мопассанъ написалъ всего восемь страницъ къ переводу разсказовъ Гаршина, но это прочувствованныя и теплыя страницы. Въ нихъ онъ возстаетъ противъ войны и находитъ слово это такимъ же чудовищнымъ, какъ колдовство, инквизиція, людоедство. Онъ спрашиваетъ: кто же настоящіе дикари: тѣ ли, которые убиваютъ другихъ, чтобы насытиться, или тѣ, кто убиваетъ для того только, чтобы убивать? Онъ видитъ въ рядахъ войскъ отправляющихся драться, такое же стадо барановъ, которыхъ гонять

на бойню. Они гуляют на равнинѣ, головы ихъ будутъ разрублены саблями, тѣла прострѣлены пулями, а между тѣмъ все это молодые люди, которые могли бы работать, приносить пользу; отцы и матери съ трудомъ воспитали ихъ до 20-ти лѣтъ для того, чтобы они были разорваны ядрами, затоптаны лошадьми, свалены въ одну яму. И мать никогда не узнаетъ: за что это убили ея сына, котораго она вынячила съ такими лишеніями. И въ нашъ цивилизованный вѣкъ существуютъ школы, гдѣ учатъ убивать, издали, какъ можно больше народа разомъ, убивать людей, неповинныхъ ни въ какомъ проступкѣ. Мопассанъ приводитъ горячія діатрибы Виктора Гюго противъ войны, слова Мольтке, называющаго войну—«божественнымъ учрежденіемъ, священнѣйшимъ закономъ міра», спрашиваетъ: къ чему служить всѣ усилія создать благосостояніе въ странѣ, если въ ней нѣсколько мѣсяцевъ войны уничтожатъ годы мирнаго процвѣтанія? Но къ чему служить въ свою очередь, всѣ эти вылазки противъ войны, если мы живемъ, по словамъ самого Мопассана, подъ вліяніемъ старыхъ обычаевъ, вѣковыхъ предразсудковъ, варварскихъ идей нашихъ грубыхъ предковъ? Измѣните сначала законы, управляющіе обществомъ — и тогда возставайте противъ предразсудковъ. Гаршинъ рельефно изобразилъ ужасы войны, но и до него сколько поэтовъ и философовъ писали объ этомъ бичѣ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. При переводѣ г. Каминскаго, доставленномъ въ нашу редакцію, приложенъ—вѣроятно для облегченія труда рецензента и отзывъ о книгѣ съ краснорѣчивой припиской: «просить помѣстить, в. в. р.». Въ этомъ отзывѣ, напоминающемъ объ успѣхѣ, какой имѣлъ французскій переводъ романа Гаршина «Надежда Николаевна», говорится, что русскій писатель представилъ самый сильный обвинительный актъ противъ войны. Съ этимъ нельзя согласиться, такъ же какъ и съ мнѣніемъ неизвѣстнаго критика, что «элегантный и точный стиль г. Каминскаго, сохраняя за книгою ея первоначальный оттѣнокъ, придаетъ ей характеръ не перевода, а оригинальнаго труда». И на обложкѣ книги сказано, что г. Каминскій не перевелъ, а приспособилъ (*adapté*) трудъ Гаршина. Конечно, русскій авторъ не такая знаменитость, чтобы его переводить съ буквальной точностью, но и его *adaptateur*, г. Каминскій, какъ намъ кажется, поступилъ бы лучше, еслибы просто передалъ рассказы Гаршина съ нѣкоторыми сокращеніями и не старался приспособлять ихъ къ французскимъ вкусамъ.

— Чтобы удовлетворить модному требованію на переводы русскихъ писателей, французы прибѣгаютъ иногда къ невольительнымъ продѣлкамъ. Такъ какой-то Мишель Делинъ издалъ книгу подъ громкимъ заглавіемъ: «Великія задачи исторіи. Власть и свобода, графа Толстого» (*Les grands problèmes de l'histoire. Pouvoir et liberté par le comte Tolstoï, traduit du russe par Michel Delines*). Никогда Л. Н. Толстой не издавалъ подобной книги на русскомъ языкѣ. Это небольшая журнальная статья, заключающая въ себѣ разборъ формулъ и мнѣній, высказываемыхъ современными историками. Авторъ старается доказать, какъ неопредѣленны и сбивчивы у многихъ писателей понятія даже о такихъ общеупотребительныхъ терминахъ, какъ свобода или власть. Критикъ находитъ интересными возвращенія гр. Толстого. Но нельзя не протестовать противъ неприличной рекламы, присоединенной къ переводу издателемъ Вестгаугеромъ, обманывающимъ публику относительно содержанія книги. Въ рекламѣ этой дается понятъ читателямъ, что гр. Толстой представляетъ оцѣнку царствованія императора Вильгельма. Но этотъ монархъ даже не названъ въ книгѣ и ав-

торъ, желая подтвердить свои теоріи историческими фактами, говорить о Наполеонѣ I. Что же касается до самой книги въ 18-ю долю, заключающей въ себѣ 237 страницъ и стоящей 3 франка 50 сантимовъ—это такая спекуляція, которую можетъ позволить себѣ только самый нецеремонный аферистъ: на каждой страницѣ книги всего четырнадцать строкъ и каждая строка въ тридцать буквъ. До такого книжнаго художества не доходили и наши московскіе букинисты Никольскаго рынка.

— Трудно сказать, съ какою цѣлью сотрудничать «Nouvelle Revue» А. Черновъ вздумалъ познакомить французовъ съ русскимъ писателемъ, очень мало интересующимъ русскую публику. Мы убѣждены, что прочтя заголовокъ статьи «Русскій литературный портретъ, г. Константинъ Леонтьевъ» (*Un portrait littéraire russe M. Constantin Léontieff*) многие спросятъ, что это за господинъ, котораго такъ необходимо было рекомендовать французскимъ читателямъ? Въ статьѣ г. Чернова десять страницъ, но изъ нихъ половина занята разсужденіями о Востокаѣ, о Гошенѣ, пріѣхавшемъ въ Константинополь устраивать турецкіе финансы и встрѣтившемъ вездѣ апатію и противоѣйствіе, потому что Востокъ — страна синтеза и фатализма, что тамъ человекъ, чувствуя величіе окружающей его природы, покоряется ей, а не борется съ нею какъ на Западѣ. Все это говорится только по поводу того, что г. Леонтьевъ писалъ о Востокаѣ и оканчиваетъ свою литературную карьеру, «не пріобрѣтя ни фортуны, ни извѣстности». И все этого оттого, что онъ не хотѣлъ примириться съ идеями Запада и его настроеніемъ. Г. Черновъ сравниваетъ г. Леонтьева съ Евгеніемъ Сю только потому, что оба писателя были сначала медиками. Г. Леонтьевъ началъ писать, когда русская литература отрицала эстетику, а онъ былъ эстетикъ, хотя и началъ писать въ либеральномъ духѣ. Но достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ началъ служить по консульской части въ Адрианополѣ, Салоникахъ, Тульчѣ. Г. Черновъ говоритъ, что писатель обратился къ прелестямъ византизма, пораженный величіемъ его преданій. Другіе объясняютъ этотъ переходъ въ консервативный лагерь гораздо проще: неуспѣхомъ на поприщѣ либерализма. Въ 1866 году въ журналѣ Каткова явилась статья г. Леонтьева «Панславизмъ и греки», въ которой, по поводу отдѣленія болгарской церкви отъ константинопольской, авторъ высказываетъ мнѣніе, что «придетъ время, когда Россія будетъ согласна съ греками и мадярами, а не съ восточными и западными славянами». Византиецъ высказался слишкомъ явно противъ славянства—и Катковъ пересталъ помѣщать его статьи въ своемъ журналѣ. Собранные въ одну книжку его повѣсти вышли подъ названіемъ: «Разсказы изъ жизни восточныхъ христіанъ». Г. Черновъ сознается, что они очень монотонны, но хвалитъ его капитальное произведеніе «Одиссей Полихроніадесъ». Г. Леонтьевъ симпатизируетъ грекамъ, героини его повѣстей—гречанки, онъ самъ женился на гречанкѣ простого званія, прибавляетъ Черновъ. Къ болгарамъ онъ примѣняетъ слова Суллы о Цезарѣ: «въ этомъ молодомъ человекѣ — десять Маріевъ». Теперь онъ живетъ аскетомъ, проводя цѣлыя годы въ монастыряхъ, куда приводитъ его «искреннее вѣрованіе или оскорбленное тщеславіе»—этого вопроса не рѣшаетъ г. Черновъ, но видитъ почему-то въ г. Леонтьевѣ—точную физиономію русскаго народа въ миниатюрѣ, что уже совершенно дико, такъ же какъ и увѣреніе, что «въ печати слышится протестъ противъ направленія, заставившаго Россію потерять два вѣка (?), во время которыхъ, подъ вдохновеніемъ своего національнаго гения, она могла бы написать мечь не одну славную страницу своей прерванной исторіи». Свои туманныя

и напыщенные фразы г. Черновъ оканчивается утвержденіемъ, что «Россія стремится вернуться къ синтетическимъ идеямъ Востока, отвѣчающимъ ея мистическимъ потребностямъ». И какъ развязно подобные господа заявляютъ о стремленіяхъ Россіи, точно она ихъ на это уполномочивала!

— Эта же книжка журнала г-жи Аданъ начинается любопытной статью Шарля Мореля, автора книги «Разоблаченный Бисмаркъ», о которой мы говорили въ прошломъ № «Историч. Вѣстника». Статья носитъ странное названіе: «Господа англичане, припомните первые» (*Messieurs les anglais, souvenez-vous les premiers*) и содержитъ въ себѣ нѣсколько документовъ, касающихся отношеній Пруссіи къ Англіи. Въ какой степени эти документы достовѣрны—трудно судить въ наше время, когда Бисмаркъ продолжаетъ выдавать за подложные даже такіе историческіе памятники, какъ «Дневникъ императора Фридриха III». Но что опубликованные въ статьѣ факты дѣйствительно имѣли мѣсто—это не подвержено сомнѣнію. Морель говоритъ, что молодой императоръ, слишкомъ рано взошедшій на престолъ, получилъ преувеличенное понятіе о своемъ могуществѣ и своей роли. Это впечатлѣніе нѣсколько улеглось, послѣ его путешествія въ Петербургъ и въ Австрію, гдѣ принцъ Уэльскій не пожелалъ съ нимъ встрѣтиться. Расшаркиванья Криспи не вознаградили его за это. Потомъ явились другія разочарованія—и рѣшимость Вильгельма II сдѣлать визитъ своей бабушкѣ явилась первою уступкою обязанностямъ его положенія. Но этому визиту предшествовало столько переговоровъ, что переписка объ нихъ составила цѣлые томы. Посредникомъ между берлинскимъ и лондонскимъ дворомъ былъ бельгійскій король Леопольдъ II, играющій весьма двусмысленную роль по отношенію къ Франціи и несомнѣнно заключившій тайный договоръ съ Германіей на случай ея войны съ Франціей. Изъ перваго письма Леопольда видно только, что въ Лондонѣ сильно хлопотали о томъ, чтобы Вильгельмъ не ѣздилъ въ Петербургъ. Во второмъ документѣ, письмѣ Вильгельма къ Леопольду, королю дается порученіе вытребовать изъ Лондона увезенныя туда государственныя германскія бумаги, составленныя канцелярією, и изъ которыхъ «королева не должна заключать, что онѣ выражаютъ мнѣнія императора или принцпны, которыхъ держится германская имперія». Непріятные отзывы нѣкоторыхъ лицъ объ англійской политикѣ не должны нарушать добрыхъ отношеній между двумя державами. Но болѣе всего Вильгельмъ настаиваетъ на непремѣнномъ возвращеніи бумагъ, попавшихъ въ Англію «путемъ, о которомъ онъ не хочетъ и говорить». Третій документъ заключаетъ въ себѣ инструкціи Леопольду, который долженъ «смягчить въ умѣ королевы впечатлѣніе, произведенное на нее сценами, происходившими во время послѣдней поѣздки принца Уэльскаго въ Берлинъ (на похороны Фридриха III); опровергнуть донесенія Макензи о болѣзни Фридриха и императрицы Викторіи, о ея личномъ положеніи; просить, чтобы королева употребила всѣ старанія для устройства *modus vivendi* между Вильгельмомъ и его матерью». Миссія Леопольда не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ черезъ двѣ недѣли онъ опять отправился въ Лондонъ съ тою же цѣлью, о чемъ свидѣтельствуется четвертый документъ. Въ пятомъ—императрица Викторія пишетъ королевѣ бельгійской, что не хочетъ вмѣшиваться въ миссію короля Леопольда къ ея матери, такъ какъ никакія семейныя соображенія не будутъ имѣть вліянія на королеву Викторію, когда дѣло касается государственныхъ интересовъ. Въ 6-мъ документѣ принцъ Уэльскій пишетъ Леопольду II, что австрійскій императоръ до того подчиненъ политикѣ Германіи, что допу-

скаеть публично Вильгельма II выказывать неудовольствіе министру Таафе, искренно преданному Австріи. «Что касается Вильгельма II, все доказываетъ, что организмъ его сильно разстроень. Чтобы уснуть, онъ долженъ прибѣгать къ лекарствамъ и страдаетъ такими сильными головными болями, что черезъ каждые два дня долженъ доставлять себѣ облегченіе пріемами морфина. Онъ слишкомъ легко поддается чувству гнѣва и изъ императорской фамиліи одна принцесса Стефанія имѣетъ на него вліяніе. Что касается до моихъ личныхъ чувствъ, я никогда не прощу и не забуду безъ объясненій фактовъ, сопровождавшихъ мою поѣздку на похороны въ Берлинъ, а также оскорбленія нанесеннаго мнѣ «Правительственной газетой». Мнѣ дали знать, что Вильгельмъ, рассчитываетъ на мое пребываніе въ Вѣнѣ, чтобы встрѣтиться со мною, но я послѣдовалъ совѣту королевы и уѣхалъ изъ Вѣны до прибытія императора». Два послѣднія документа касаются оклеветанія Бисмаркомъ Роберта Моріера въ передачѣ французамъ плановъ нѣмецкой арміи. Авторъ статьи не надѣется, чтобы Вильгельму удалось во время поѣздки въ Лондонъ привлечь Англію въ союзъ съ Германіей и получить обратно государственныя бумаги, о возвращеніи которыхъ онъ такъ хлопочетъ.

— Въ Лондонѣ вышелъ томъ рѣчей и посланій принца Уэльскаго отъ 1853 по 1888 годъ (*Speeches and addresses of H. R. H. Prince of Wales*). Это рѣдкая книга въ своемъ родѣ. Англійская критика (*Quarterly Review*) замѣчаетъ, что наслѣдники европейскихъ престоловъ посвящаютъ обыкновенно свое время изученію военнаго искусства, только въ Англии будущій король пользуется полною свободою избрать родъ занятій, сообразный съ своими наклонностями. Нельзя сказать, однако, чтобы наслѣдники англійскаго престола употребляли съ пользою эту свободу. Жизнь хоть послѣднихъ Георговъ, когда они носили титулъ принцевъ Уэльскихъ, не представляетъ въ этомъ отношеніи поучительныхъ образцовъ. Праздной и далеко не примѣрной жизни ихъ не подражаетъ сынъ королевы Викторіи. Дѣятельность его, особенно въ первые годы молодости, была изумительна. Онъ принималъ участіе во всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, дѣлалъ частые вояжи въ 200—300 миль для того, чтобы положить первый камень въ основаніе какого-нибудь монумента или участвовать при открытіи общепользнаго зданія. Онъ принималъ участіе на всѣхъ банкетахъ, гдѣ надо было прибѣгнуть къ общественной благотворительности съ какою-нибудь филантропическою цѣлью. Онъ устраивалъ сиротскіе пріюты, спасательныя станціи, выставки всякаго рода, общества кооперативныя, ссудныя, вспомоществованій разнаго рода. Нынѣшній принцъ Уэльскій заставилъ также позабыть историческій фактъ, подтвержденный лордомъ Стангопомъ, что «наслѣдникъ Ганноверской династіи всегда въ дурныхъ отношеніяхъ со своими государями». Нынѣшній наслѣдникъ опровергнулъ и слова лорда Картере, что члены этого царствующаго дома вѣчно ссорятся между собою и будутъ ссориться изъ поколѣнія въ поколѣніе. Никто съ такимъ глубокимъ уваженіемъ не относился къ памяти принца Альберта и къ своей матери, какъ принцъ Уэльскій. Въ одной изъ своихъ первыхъ рѣчей 1863 года онъ отзываясь о своемъ покойномъ отцѣ съ глубокимъ чувствомъ и даетъ обѣщаніе, по его примѣру, содѣйствовать всѣми силами развитію наукъ и искусствъ въ странѣ. Тратя огромныя суммы на дѣла благотворительности, онъ участвуетъ во множествѣ разнаго рода комиссій, инспектируетъ школы, посѣщаетъ госпитали, поощряетъ всякое изобрѣтеніе, является на всѣхъ

торжественныхъ засѣданійхъ, никогда не опаздывая, не откладываетъ никакого заранее назначеннаго осмотра или посѣщенія, не смотря ни на какую погоду. И во всѣхъ подобныхъ случаяхъ говорить рѣчи, собранныя и изданныя теперь. Нельзя сказать, чтобы рѣчи отличались краснорѣчіемъ, особеннымъ остроуміемъ, но онѣ всегда дѣльны, ясны, не многословны. И въ этихъ рѣчахъ нѣтъ ни одного слова о политикѣ. Приличіе требуетъ, чтобы наслѣдникъ престола не высказывалъ своихъ политическихъ убѣжденій, и хотя всѣ знаютъ, что онъ охотнѣе бесѣдуетъ съ Гладстономъ, чѣмъ съ Саллюсбюри, но самъ онъ никогда не обнаруживаетъ своихъ мнѣній. Онъ особенно любимъ рабочими, видѣвшими не разъ на дѣлѣ, какое дѣятельное участіе принимаетъ онъ въ улучшеніи ихъ положенія. Но его социальныхъ возрѣній никто не знаетъ, такъ же какъ и религиозныхъ; объ этихъ предметахъ не упоминается въ рѣчахъ наслѣдника. Онъ не позволяетъ себѣ даже горячо похвалить выдающагося дѣятеля — изъ боязни возбудить этимъ кучерамъ общественныхъ экипажей, онъ не распространялся объ ихъ тяжелой жизни и скудномъ вознагражденіи, и привелъ примѣръ кучера, нашедшаго въ карманѣ 2,300 фунтовъ стерлинговъ и тотчасъ же представившаго ихъ въ полицію — за что не получилъ никакой награды. Принцъ находить это естественнымъ и прибавилъ, что онъ удивляется только, какъ кучера возвращаютъ забытыя въ ихъ экипажахъ зонтики. «Зонтикъ — прямой врагъ извозчика, и у кого въ рукѣ этотъ инструментъ, тотъ рѣдко найметъ карету», привилъ принцъ. Во время своихъ путешествій въ Канадѣ, Ирландіи, Индіи, ему было очень трудно не сказать чего-нибудь лишняго, непріятнаго для страны или правительства — и надо удивляться, съ какою ловкостью онъ выходилъ, конечно, съ помощью общихъ мѣстъ, изъ весьма затруднительныхъ положеній. Труднѣе всего ему было, конечно, отдѣлаться отъ ирландскаго вопроса, и если онъ избѣгалъ въ Канадѣ, бывши девятнадцатилѣтнимъ юношею, оранжистскихъ манифестацій, то въ 1868 году въ Ирландіи, отдавая справедливость честности и лояльности ирландцевъ, не могъ не прибавить, что не они виною «привитому къ нимъ нерасположенію». Въ 1871 году онъ замѣтилъ, что еслибы ландлорды чаще навѣщали свои ирландскія владѣнія, то принесли бы большую пользу странѣ. Въ 1884 году принцъ Уэльскій сказалъ въ палатѣ лордовъ горячую рѣчь въ пользу коммисіи для улучшенія жилищъ рабочихъ и самъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ этой коммисіи. Не его вина, если Салисбюри, занятый афганскою политикою, затормозилъ этотъ вопросъ. Въ Дублинѣ, въ 1885 году, принцъ, въ сопровожденіи только своего старшаго сына, осматривалъ самыя жалкія хижины квартала бѣдняковъ. Только его настояніе и горячее участіе ускорило въ 1887 году открытіе въ Лондонѣ «дворца для бѣдныхъ». Онъ сдѣлалъ много добра для всѣхъ классовъ общества, какъ видно изъ его рѣчей: для солдатъ, моряковъ, артистовъ, музыкантовъ, писателей. Въ обществѣ «литературнаго фонда» (Royal literary fond) въ одномъ засѣданіи, послѣ его рѣчи, собрано 2,328 фунт. стерлинговъ и даже королева Викторія посылаетъ фонду ежегодно сто гиней. Онъ содѣйствовалъ также процвѣтанію «театральнаго фонда» и основалъ «музыкальную коллегію». Знакомый съ исторіею, литературою и искусствами западной Европы, дѣятельный и симпатичный принцъ Уэльскій обѣщаетъ быть однимъ изъ выдающихся монарховъ, благодаря своей опытности въ общественныхъ дѣлахъ и знанію людей.

— Авторъ «Прекрасной Елены» академикъ Галеви издалъ томъ своихъ замѣтокъ и воспоминаній объ эпохѣ комюны (*Notes et souvenirs, 1871—72*). Это очень любопытные мемуары, особенно потому, что не назначались къ печати. Авторъ записывалъ все, что ему пришлось видѣть и слышать въ время международной войны. Замѣтки его помѣщались сначала въ мало-извѣстномъ журналѣ и заключаютъ въ себѣ много весьма характерныхъ подробностей, относящихся къ самому странному эпизоду современной исторіи Франціи. Сцены, изображаемыя авторомъ списаны съ натуры, безъ преувеличенія, безъ прикрасъ, безъ тенденціозныхъ выходовъ. Схватить настоящую физиономію улицы въ моментъ историческаго событія—дѣло не легкое и Галеви правъ, жалѣя, что у насъ нѣтъ такой книги о 1789 и 1793 годахъ. «Писатель, говоритъ онъ, всегда сдерживается, наблюдаетъ за собой, не позволяетъ себѣ быть искреннимъ, а для наблюдателя всего интереснѣе и важнѣе — настроеніе умовъ, чувствъ и бесѣды обыкновенныхъ людей, думающихъ вслухъ, свободно и открыто». Такіе-то разговоры и мысли Галеви и записываетъ стенографически безъ всякихъ литературныхъ претензій. Дѣлаетъ онъ это, впрочемъ, только въ первой части своей книги, а далѣе представляетъ уже характеристики современныхъ дѣятелей, сужденія объ учрежденіяхъ, о политическихъ и литературныхъ знаменитостяхъ, воспоминанія о второй имперіи. Галеви отправился въ Парижъ въ самый день взятія его версальской арміей. Но приѣхавъ въ Пасси, вояжеры не нашли никакихъ экипажей и должны были идти семь верстъ пѣшкомъ до Сен-Жермена. Тутъ были и офицеры метцкой арміи, возвращающіеся изъ семимѣсячнаго плѣна, чтобы предоставить себя въ распоряженіе Тьера, полнаго властелина въ этотъ моментъ. Поставщикъ мяса отправлялся въ Версаль, чтобы заключить условія съ тѣмъ же Тьеромъ, относительно продовольствія арміи, и вздыхалъ, что версальцы нажили много денегъ на этой поставкѣ. Вблизи Версаля начали попадаться группы плѣнныхъ комунаровъ, отправляемыхъ въ этотъ городъ, старики, женщины, дѣти; взрослые еще дрались на барикадахъ и Мон-Валеріенъ продолжалъ бомбардировать стѣны Парижа, выстроенныя по настоянію Тьера. Сцены допроса комунаровъ набросаны чрезвычайно живо; тутъ являются мастерскіе типы фанатизированныхъ бѣдняковъ, дравшихся въ убѣжденіи, что Тьеръ продалъ Парижъ Бисмарку; другіе дрались за комуну потому, что ихъ не приняли въ версальскую армію; женщины шли съ своими любовниками. Тутъ же къ полицейскому комиссару приставали съ просьбами отыскать собаченку, украденную ложку и т. п. Сцены въ Парижѣ еще оригинальнѣе: тамъ, подлѣ горящихъ еще зданій, мелкая торговля открываетъ уже свои лавочки; у мостовъ черезъ Сену сидятъ удильщики и ловятъ рыбу, хотя это запрещено закономъ, но полиціи теперь не до нихъ. Автору рассказываетъ, какъ версальцы ввели Парижъ, капитанъ Тревъ, первый, кто вошелъ во французскую столицу, осыпаемую французскими ядрами. Книга Галеви служитъ продолженіемъ изданнымъ имъ прежде воспоминаніямъ о войнѣ 1870 года (*L'invasion, souvenirs et récits*), но тамъ онъ передаетъ рассказъ изъ вторыхъ рукъ, а здѣсь сообщаетъ свои личныя впечатлѣнія. Изъ характеристикъ, помѣщенныхъ во второй части, замѣчательны: Тьера, Гамбетты, Обера, Дюпена и др.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминанія объ архіерейскихъ посѣщеніяхъ села Николаевской Тумы, Рязанской губерніи.

АРХИПАСТЫРСКІЕ осмотры сельскихъ церквей почти всегда оставляютъ по себѣ въ духовенствѣ и прихожанахъ массу воспоминаній, интересныхъ съ бытовой стороны и для характеристики отношеній архіереевъ къ подна-чальному духовенству.

Поэтому позволимъ себѣ предложить читателямъ «Историческаго Вѣстника» надлежащимъ образомъ провѣренныя воспоминанія старожиловъ о нѣкоторыхъ посѣщеніяхъ рязанскими архіереями села Николаевской Тумы.

Первое, сохранившееся въ памяти старожиловъ, архіерейское посѣщеніе села Тумы относится къ лѣту 1836 г. Въ это время мѣстные священники о. Іоаннъ Мартыновичъ Ростиславовъ (отецъ проф. Д. И. Ростиславова) и о. Алексѣй Ивановичъ Вихиревъ находились между собою въ непримиримой враждѣ и тяжбѣ, главнымъ образомъ изъ-за первенства: ни одному не хотѣлось быть вторымъ. Зная объ этой тяжбѣ, преосвященный Евгеній (Казанцевъ, управлявшій епархіей рязанской съ 1831 по 1837 годъ) подъѣзжалъ къ Тумѣ 27-го іюня (день побѣды подъ Полтавою) съ тяжелымъ чувствомъ. «Вотъ и я ѣду подъ Полтаву», со вздохомъ сказалъ преосвященный спутникамъ. Осмотрѣвъ храмъ, владыка не согласился зайти ни къ одному изъ трехъ тумскихъ священниковъ, а направился къ небогатому дому крестьянина Буянова, гдѣ и велѣлъ приготовить себѣ ночлегъ. Въ присутствіи владыки началось спѣшное приготовленіе. Одинъ подметалъ избу, другой выносили изъ нея крестьянскіе пожитки, третій бѣгалъ, не зная за что взяться. Въ наскоро изготовленную квартиру владыка пригласилъ враждующихъ іереевъ и долго отечески убѣждалъ ихъ примириться. Но іереи сознавали, что имъ въ одномъ селѣ жить будетъ тѣсно, а потому не хотѣли заключать

лицемѣрнаго, непрочнаго мира. О. Вихиревъ былъ горячъ, а о. Ростиславовъ—упрямъ. Преосвященный Евгеній мѣтко охарактеризовалъ эти качества враждующихъ, назвавъ перваго «гусемъ», а второму сказалъ: «тебя семи пестами въ ступѣ не утолчешь». Эта упорная вражда прекращена была года черезъ два синодскимъ опредѣленіемъ, по которому о. Ростиславовъ былъ переведенъ въ другое село. Но народная молва винила во враждѣ блѣ о. Вихирева, чѣмъ о. Ростиславова.

Ко времени прибытія владыки въ Туму были вызваны причты окрестныхъ селъ для экзамена. Не всѣ священники, не говоря уже о низшихъ членахъ причта, давали удачные отвѣты. За неправильные отвѣты по догматикѣ священникъ села Курши, Стефанъ Ивановъ, получилъ отъ владыки названіе еретика. Во время экзамена, одинъ изъ причетниковъ по неосторожности толкнулъ преосвященнаго Евгенія, за что получилъ добродушное замѣчаніе: «Ты что толкаешься? вѣдь, я не жена тебѣ».

Преосвященный Гавріиль Городковъ, управлявшій епархіей съ 1837 по 1858 гг. и скончавшійся на покоѣ въ рязанскомъ Ольговѣ монастырѣ въ 1862 году, былъ въ Тумѣ три раза. Въ первое свое посѣщеніе 4-го іюля 1838 г. онъ былъ разбуженъ въ 2 часа ночи игрою пастуха, выгонявшаго скотъ на пастбище. Внимательно слушалъ преосв. Гавріиль заунывные звуки рожка и, наконецъ, замѣтилъ: «какая прекрасная и пріятная игра».

Въ 1851 году 29-го іюня, преосвящ. Гавріиль торжественно въ сослуженіи съ двумя архимандритами освящалъ Троицкій храмъ села Николаевской Тумы. Ночлегъ онъ имѣлъ у своего родственника и бывшаго секретаря, свящ. Н. Ѳ. Добромыслова, но и другихъ священниковъ осподостивилъ своимъ посѣщеніемъ. У о. А. И. Вихирева владыка долго дожидался чая и, наконецъ, сказалъ хозяину: «что же ты не угощаешь насъ чаемъ?» Священникъ Вихиревъ объяснилъ, что по небрежности прислуги самоваръ былъ поставленъ безъ воды. Владыка благодушно улыбнулся и, не дожидаясь чая, отправился къ о. Е. Д. Доброхотову, гдѣ бесѣдовалъ съ свѣтскими лицами: помѣщиками, пріѣхавшими на освященіе, и проф. Д. И. Ростиславовымъ.

Преосвященный Смарагдъ Крыжановскій, управлявшій епархіей съ 1858 по 1863 годъ, былъ въ с. Николаевской Тумѣ два раза. Будучи человекомъ болѣзненнымъ, преосв. Смарагдъ легко приходилъ въ раздраженіе, но вскорѣ милостію и ласковостію изглаживалъ всякій слѣдъ огорченія въ подначальныхъ. Такъ было и въ селѣ Тумѣ въ первое посѣщеніе преосв. Смарагда въ 1859 году. Однимъ изъ виновниковъ раздраженія владыки былъ мѣстный благочинный, священникъ села Барснева, Іоаннъ Глѣбовъ, не встрѣтившій владыку на границахъ своего благочинія. Но главная причина недовольства преосвященнаго заключалась въ томъ, что причтъ и церковный староста богатаго села Тумы не заблагоразсудили попросить архипастыря отслужить въ тумскомъ храмѣ литургіи.

Пришедши въ этотъ храмъ, преосвященный былъ встрѣченъ духовенствомъ съ крестомъ и святою водою, такъ какъ онъ имѣлъ обыкновеніе при входѣ въ церковь кропить себя. Замѣтивъ, что святая вода была предложена не въ блюдѣ, но въ большой водосвятной чашѣ, владыка обратился къ несшему эту чашу священнику (о. І. А. Остроумову) съ такими словами: «Что ты такое несешь? купать что ли меня въ ней хочешь?» Ваюдя на амвонъ и обратившись лицомъ къ народу, владыка спросилъ: «Есть ли въ селѣ училище?» Узнавъ, что училища въ Тумѣ нѣтъ, владыка сдѣлалъ строгое замѣчаніе священникамъ, закончивъ его словами: «почему вы не заводите учи-

лица? Вы живете здѣсь, только пирожки кушаете!»¹⁾ Затѣмъ преосв. Смарагдъ спросилъ старшаго священника Е. Д. Доброхотова, сколь долго онъ служить. О. Доброхотовъ отвѣчалъ, что онъ служить съ 1838 года, и получилъ отъ преосвященнаго выговоръ за то, что въ столь долгое время не заслужилъ скуфы. Въ это время преосв. Смарагду показалось, что священникъ Н. Ѳ. Добромысловъ позволилъ себѣ улыбнуться и гнѣвъ владычній обратился на виновнаго, такъ что тотъ на колѣнахъ сталъ просить прощенія у преосвященнаго.

Изъ храма преосвященный отправился въ домъ священника І. А. Остроумова. Нѣкоторое время и здѣсь владыка продолжалъ гнѣваться. Увидя благочиннаго о. І. І. Глѣбова, преосв. Смарагдъ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ не исполнилъ своего долга, не встрѣтивъ своего начальника на границѣ своего благочинія: «Кто я? я—барсневскій благочинный,—знать не хочу своего архіерея!» Но вскорѣ гнѣвъ преосвященнаго безслѣдно прошелъ и онъ ласково сталъ бесѣдовать съ духовенствомъ и, выйдя на балконъ, передъ которымъ собралось много дѣтей, шутливо спросилъ хозяина дома: «какъ по твоему, какихъ больше ребятъ: черныхъ или рыжихъ?» При отъѣздѣ изъ Тумы, садясь въ карету, преосвященный Смарагдъ увѣщевалъ духовенство служить не спѣшно: «поспѣшное служеніе — бѣсовское служеніе».

Преосвященный Иринархъ, управлявшій рязанскою епархіею съ 1863 до 1867 года, извѣстный любителямъ духовнаго просвѣщенія своими задушевными и глубокими проповѣдями, посѣтилъ Туму въ 1866 году. Осмотрѣвъ храмъ и приходскіе документы, преосв. Иринархъ отечески увѣщевалъ священниковъ вносить болѣе денегъ на духовно-учебныя заведенія въ Святѣйшій Синодъ.

Съ 1867 по 1876 г. рязанскою епархіею управлялъ архіепископъ Алексій, умершій въ Твери. Онъ былъ въ Тумѣ въ первыхъ числахъ іюня 1873 года, совершилъ здѣсь литургію, послѣ которой произнесъ еще не забытое въ народѣ слово о томъ, что Богъ посылаетъ иногда несчастія не за грѣхи, но для испытанія и укрѣпленія въ христіанахъ вѣры. Не забыта прихожанами и та внимательность, съ которою преосвященный по выходѣ изъ храма болѣе часу благословлялъ народъ и каждого благословляемаго надѣлялъ мѣднымъ крестомъ. Внимателенъ былъ преосвященный не только къ взрослымъ, но и къ дѣтямъ: всѣхъ дѣтей священника Н. Ѳ. Добромылова онъ надѣлилъ лакомствами и апельсинами, старшей дочери и младшему сыну далъ по Евангелію. Въ домѣ другого священника, жена этого священника подвела подъ архипастырское благословеніе одну только малолѣтнюю дочь. «Не велико же, матушка, у тебя семейство», замѣтилъ владыка. Матушка отвѣчала: «Кромѣ дочери, есть еще два сына, которые въ настоящее время въ училищѣ, да семерыхъ скоронила». «А ты и рада, что у тебя мало дѣтей», укоривленно замѣтилъ владыка. «Рада — не рада, а за все — слава Богу», возразила матушка.

При всей скудости этихъ воспоминаній объ архипастырскихъ посѣщеніяхъ, нельзя не видѣть, что посѣщавшіе тумскій храмъ владыки рязанскіе

¹⁾ Подъ вліяніемъ этого внушенія въ 1861 году священникъ І. А. Остроумовъ открылъ школу въ своемъ домѣ, которая съ открытіемъ земскихъ учреждений перешла въ вѣдѣніе земства, а съ 1885 года вновь преобразована въ церковно-приходскую.

участливо относились къ мѣстнымъ нуждамъ и старались принести пользу духовенству и приходу. Одинъ старается примирить враждующихъ, другой заботится о школахъ для народа, третій трогаетъ сердца простыхъ людей вразумительнымъ поученіемъ, умиляетъ ихъ своимъ вниманіемъ къ нимъ и т. д. Сообщено С. И. О.—вымъ.

Грузинская царица и мѣдныя деньги.

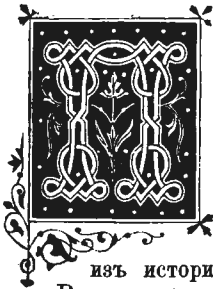
Въ 1810 году грузинская царица Марія проживала, по распоряженію правительства, въ уѣздномъ городѣ Курской губерніи—Бѣлгородѣ. Житье-бытье грузинской ех-царицы въ ссылкѣ было однообразно и невесело. Но что особенно было для нея непріятно, это оригинальное отношеніе къ выдачѣ ей казеннаго содержанія бѣлгородскаго уѣзднаго казначейства. Казначейство только три раза, въ теченіе трехъ лѣтъ, выдало царицѣ Маріи по 250 руб. въ мѣсяцъ жалованья, т. е. столько, сколько ей и было назначено правительствомъ. Во все же остальное время бѣлгородскій казначей присылалъ царицѣ, почтительно именуя ее высочествомъ, иногда 100 руб., иногда 150 руб. и рѣдко 200 руб. Этихъ денегъ не хватало на приличное содержаніе Маріи, тѣмъ болѣе, что онѣ выплачивались опять-таки неаккуратно. Кромѣ того, грузинская царица очень жалѣла и сокрушалась о томъ, что ей не даютъ мѣдныхъ денегъ, а если и выдаютъ, то въ весьма ограниченномъ количествѣ... «Мнѣ содержаніе выдаютъ,—слезно жаловалась курскому губернатору князю Д. А. Прозоровскому царица Марія,—изодранными ассигнаціями... Сперва я получала довольно мѣдныхъ денегъ, а теперь я ихъ не вижу совсѣмъ... А мнѣ деньги нужны,—на содержаніе квартиры, прислуги, на вытопку горницъ, на базарныя для кушанья покупки, кои я должна дѣлать мѣдными деньгами». Насколько худо было въ 1810 году положеніе грузинской царицы въ Бѣлгородѣ, видно изъ того, что она принуждена была продать «свои послѣднія серебряныя вещи» въ Харьковѣ и жить на вырученныя такимъ образомъ деньги. «Но,—пишетъ она губернатору,—деньги эти почти всѣ истратились, изъ казначейства я уже два мѣсяца ничего не получаю, и теперь даже нечѣмъ мнѣ и пропитаться... Если мнѣ не скоро дадутъ жалованье, то мнѣ останется сидѣть съ голодомъ». Грузинская ех-царица просила и умоляла князя Прозоровскаго приказать бѣлгородскому казначею выдавать ей исправно жалованье и хотя половину его мѣдными деньгами, а половину неизорванными ассигнаціями. Губернаторъ сдѣлалъ предложеніе курской казенной палатѣ объ удовлетвореніи просьбы грузинской царицы, но замѣчательно, онъ не думалъ и попробовать исполнить ея желаніе, основанное на распоряженіи высшей власти, полностью. Князь Прозоровскій предложилъ палатѣ распорядиться, чтобы царицѣ Маріи выдавало казначейство содержаніе хоть отчасти, елико то возможно, крѣпкими ассигнаціями и часть содержанія въ размѣрѣ одной трети мѣдными деньгами.

На губернаторское предложеніе изъ казенной палаты получился весьма неутѣшительный отвѣтъ: бѣлгородскій казначей выдаетъ грузинской царицѣ Маріи содержаніе; если же въ этомъ отношеніи случается неаккуратность, то она зависить отъ оскудѣнія казначейства... Что касается до крѣпкихъ, неизорванныхъ ассигнацій и мѣдныхъ денегъ, то въ бѣлгородскомъ казначействѣ ихъ давно уже нѣтъ...

Неизвѣстно, какъ потомъ грузинская царица вѣдалась съ оскудѣвшимъ казначействомъ. Сообщено А. А. Танковымъ.

С М Ъ С Ъ.

ОЛУВЪКОВОЙ юбилей уничтоженія уніи. Въ началѣ іюня церковь наша праздновала, какъ говоритъ «Виленскій Вѣстникъ» великую, безкровную побѣду, одержанную полстолѣтія тому назадъ истиною надъ ложью, историческою правдою надъ коварнымъ расчетомъ и измышленіемъ человѣческой политики,—возвращеніе къ братскому единенію въ вѣрѣ и народности свыше полутора милліоновъ западно-руссовъ съ своими восточными братьями. Важность и значеніе этого событія могутъ быть поняты

изъ историческаго взгляда на прошедшія судьбы Западной Руси.

Расположенная на рубежѣ восточнаго православно-русскаго и западнаго латино-польскаго міровъ, Западная Русь очутилась ареною борьбы этихъ двухъ не сродныхъ одно другому началъ. Со времени принятія христіанства при князѣ Владимірѣ, вся западно-русская окраина, истинно-русская по населенію, стала православною по вѣрѣ. Весь народъ русскій, жившіе въ этихъ краяхъ русскіе князья и вельможи, всѣ за незначительнымъ исключеніемъ некрещеной Литвы въ нынѣшнихъ Ковенской и частью Виленской губерніяхъ, были православными. Такъ нормально занялась заря исторической жизни западно-русскаго народа, обладавшаго всеми условіями дальнѣйшаго развитія. Но жизнь политическая, какъ и частная, усѣяна терніями, народъ какъ и отдѣльное лицо, подверженъ ударамъ судьбы и случайностямъ, и западно-русскій народъ былъ отторгнутъ отъ своихъ братьевъ въ теченіе многихъ вѣковъ, почти во все время исторической его жизни до послѣднаго времени. Нахлынувшая сначала азіатская волна татарщины поколебала матеріальныя силы народа, ослабила могущество русскаго княжескаго рода. Этимъ воспользовался родъ сосѣднихъ литовскихъ князей, быстро распространявшихъ свою власть на огромныя пространства Западной Руси—отъ Двины до береговъ Чернаго моря. Но въ этомъ, однако, не заключалось еще опасности для религіозно-народной стихіи Западной Руси, такъ какъ литовскіе князья стали сами быстро проникаться ея элементомъ, сливаться съ своими новыми подданными и вмѣстѣ съ собою увлекать въ ту же сторону и литовско-языческую часть новаго государства. Не долго, однако, это продолжалось. Одинъ изъ литовскихъ князей, увлеченный честолюбіемъ и ложнымъ политическимъ расчетомъ, принялъ польскую корону, ввелъ Западную Русь въ тѣсныя сношенія съ Польшею. Не устояло отъ ополченія западно-русскаго дворянства, члены котораго одинъ за другимъ перебѣгали подъ латинско-польское знамя, комплектуя изъ себя постепенныя ряды той польской знати и шляхты, которая и теперь убѣждена въ своемъ

польскомъ происхожденіи. Но народъ и духовенство оставались твердыми въ своей вѣрѣ и народности, и чтобы поколебать эту твердость, нужно было придумать хитрость, которая сдѣлала бы то, чего нельзя было достигнуть силой. Съ этой цѣлью іезуитами придумана была тагъ называемая унія, первоначально заключавшаяся единственно въ признаніи православными главенства папы, съ оставленіемъ въ неприкосновенности всѣхъ догматовъ и обрядовъ православной церкви. Измѣна высшихъ духовныхъ лицъ оформила этотъ насильственный актъ въ 1596 году. Цѣлымъ рядомъ систематическихъ, двувѣковыхъ, физическихъ и нравственныхъ насилій православный народъ и духовенство втискиваемы были въ унію. Затѣмъ послѣдовалъ новый рядъ физическихъ и моральныхъ насилій, помощью которыхъ православный обрядъ и догма уніи постепенно искажались и приближались къ латинству. Нужно было спѣшить ополчить Западную Русь, когда она изъ-подъ власти Польши возвратилась подъ власть Россіи. Освободившись отъ польской власти, миллионъ уніатовъ сбросилъ съ себя навязанную ему насильно унію и присоединился къ православію (1796 года). При небольшомъ вниманіи съ русской стороны къ этому явленію, при малѣйшей поддержкѣ этого естественнаго народнаго движенія отъ уніи тогда во всемъ Западномъ краѣ не осталось бы и слѣда. Но въ тогдашнихъ правительственныхъ сферахъ не достаточно вникли въ народныя чувства и духовныя потребности, а потому не было оказано энергической поддержки народному порыву и большая часть народа оказалась безсильною сбросить съ себя ту изношенную ризу, которую облекло его латинство. Власть помѣщиковъ надъ крѣпостными крестьянами и зависимость отъ нихъ матеріально сельскимъ духовенствомъ была настолько сильна, что въ состояніи была задушить народное стремленіе и задержать еще на нѣкоторое время въ уніи свыше полутора миллиона населенія. Но сколько ни напрягала усилій латино-польская пропаганда перевести уніатовъ въ латинство, старанія эти плохо удавались. При Николаѣ I члены Брестской капитулы и лучшіе представители уніатскаго бѣлаго духовенства объявили себя борцами за чистоту и неприкосновенность уніи. Но защищая ее, они защищали искусственно воздвигнутое на песокъ зданіе, не имѣвшее задатковъ самостоятельнаго существованія. Свѣтлый умъ Іосифа Сѣмашки ясно понималъ, что унія сама по себѣ немыслима, что она только насильственное искаженіе православія. 12-го февраля 1839 г. въ Полоцкѣ подписанъ былъ собравшимся духовенствомъ соборный актъ о восоединеніи уніатовъ съ православной церковью. Актъ этотъ былъ принятъ и одобренъ синодомъ и государемъ и римско-польская затѣя, именуемая уніею, перестала существовать. Свыше полутора миллиона искони православнаго западно-русскаго населенія съ 1,300 уніатскими священниками обратились къ праотеческой православной вѣрѣ. Въ Вильнѣ уничтоженіе уніи праздновалось съ 6-го по 8-е іюня. Въ другихъ городахъ, Западнаго и Южнаго края были также церковныя торжества.

Открытіе памятника принцу Ольденбургскому. 5-го іюня въ 3 ч., въ присутствіи государя, въ Петербургѣ, на Литейномъ проспектѣ, состоялось открытіе памятника покойному принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. Принцъ изображенъ во весь ростъ, опираясь лѣвою рукою на двѣ книги, находящіяся на бронзовой тумбѣ, большой палецъ правой руки заложенъ за пуговицу борта мундира. Бронзовое изображеніе покойнаго принца поставлено на четырехугольный пьедесталъ; основаніе памятника изъ сердобольскаго гранита. Съ лѣнцевой стороны памятника надпись: «Просвѣщенному благотворителю принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, 1812—1871 г.» На барельефахъ съ трехъ остальныхъ сторонъ принцъ изображенъ въ средѣ питомцевъ правовѣдѣнія, въ средѣ женскаго учебнаго заведенія и у кровати больного въ больницѣ: немногими штрихами очерчена вся дѣятельность покойнаго. На памятникѣ были возложены два большіе лавровые вѣнка: одинъ съ зелеными лентами, съ надписью: «Основателю императорскаго училища правовѣдѣнія право-

вѣды 50 выпускѣ», а другой съ бѣлыми лентами и золотомъ надписью на нихъ «Отъ с.-петербургскаго городского управленія». Передъ памятникомъ былъ устроенъ помостъ, покрытый сукномъ и установлены три бѣлыя палатки для высочайшихъ особъ и напой для духовенства. Противъ Маринской больницы, выстроился Преображенскій полкъ въ полной парадной формѣ, при оружіи, со знаменемъ и хоромъ музыки. У зданія больницы стояли воспитанники и воспитанницы приюта принца Петра Георгіевича, правовѣды, лицеисты, воспитанницы институтовъ и прочихъ заведеній, находившихся подъ покровительствомъ покойнаго принца. Къ памятнику прибыли чины вѣдомства императрицы Маріи и высокопоставленныя лица, члены государственнаго совѣта, министры, дамы высшаго петербургскаго общества. Въ саду больницы стояли сестры милосердія, напротивъ—въ саду Екатерининскаго института были устроены мѣста, на которыхъ сидѣли воспитанницы института. Общая картина всей массы собравшихся была очень торжественна.

Мономахова церковь. 21-го мая въ г. Переяславль-Полтавскомъ, при огромномъ стеченіи народа, совершена закладка каменной соборной Успенской церкви на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла каменная же церковь также во имя Успенія Богородицы, построенная еще Владиміромъ Мономахомъ. Остатки этой церкви обнаружены при нивелировкѣ мѣста для нынѣшней постройки. Въ одномъ мѣстѣ въ церкви оказался полъ изъ разноцвѣтныхъ муравленыхъ плитокъ (цѣпина). Найдена также круглая шиферная плита съ византийскимъ орнаментомъ и три куска такихъ же четверугольных плитъ. Въ западной части храма найдено множество могилъ и скелетовъ въ развалившихся гробахъ и безъ гробовъ. Изъ прежнихъ святынь этого храма сохранена икона Богоматери, извѣстная подъ именемъ Ченстоховской, нынѣ находящаяся въ кладбищенской церкви во имя апостола Фомы. Кромѣ того, существуетъ евангеліе, на которомъ, по преданію, присягалъ Богданъ Хмельницкій съ казаками на подданство московскому царю. Оно хранится въ Переяславской Покровской церкви. Мономахова церковь, по всей вѣроятности, разрушена была во время татарскаго нашествія, и на мѣстѣ ея, въ 1586 г., построена была деревянная княземъ Василюемъ Васильевичемъ Острожскимъ. Въ этой-то церкви и происходило въ 1654 г. торжественное принесеніе присяги на подданство Россіи гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ концѣ XVII столѣтія церковь эта сгорѣла и была вновь отстроена при помощи царя Алексѣя Михайловича. Въ 1786 г. новый пожаръ разрушилъ этотъ храмъ, вскорѣ возобновленный мѣстными средствами. Въ 1824 году церковь была передѣлана, но, за ветхостью, богослуженіе въ ней прекращено съ 1876 г. Въ прошломъ году и эта церковь разобрана. Остатки Мономаховой церкви будутъ сохранены подъ поломъ нынѣ строящейся. Для осмотра ихъ будетъ устроенъ удобный ходъ.

Премія пр. Макарія. Учебный комитетъ при сѣнодѣ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что согласно высочайше утвержденному, 13-го марта 1883 г., опредѣленію св. сѣнода, отъ 15-го декабря 1882 г., въ настоящее время открытъ конкурсъ на соисканіе преміи покойнаго преосвященнаго Макарія, митрополита московскаго, назначаемой согласно волѣ жертвователя, за лучшіе учебники по предметамъ, преподаваемымъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, а также за лучшія учебныя пособія, соотвѣтствующія программамъ семинарскаго и училищнаго образованія, какъ напримѣръ, христоматіи съ надлежащими объясненіями и руководствомъ, словари и т. п. Желающіе представить свои сочиненія на соисканіе преміи преосвященнаго Макарія должны представить ихъ не позже 1-го сентября 1889 г. На соисканіе вышеупомянутой преміи преосвященнаго Макарія въ 1888 г. были представлены въ учебный комитетъ шесть сочиненій. Изъ нихъ сѣнодъ, по выслушаніи заключенія учебнаго комитета, присудилъ—изъ общей суммы преміи 1888 г.—выдать двѣ

неполныя преміи по пятьсотъ рублей каждая, профессору казанской духовной академіи Ильѣ Бердникову за сочиненіе его «Краткій курсъ церковнаго права православной греко-россійской церкви, съ указаніемъ главнѣйшихъ особенностей католическаго и протестантскаго церковнаго права» (Казань, 1888 года) и преподавателю казанской учительской семинаріи Степану Смоленскому за изданіе его: «Азбука знаменнаго пѣнія (извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ, старца Александра-Мезенца, 1668 годъ)». (Казань 1888 г.).

Новонайденныя въ Кіевѣ византійско-русскія перегородчатыя эмали XII вѣка. 20-го апрѣля настоящаго года въ Кіевѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, въ усадьбѣ Крамаренка, при выемкѣ земли для фундамента флигеля, найденъ былъ, на глубинѣ 2-хъ слишкомъ аршинъ, въ лѣсѣ, древній кладъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Вещи эти слѣдующія: 1) двѣ золотыя вогнутыя византійскія монеты, съ придѣланными къ нимъ ушками, одна съ полустертыми надписями, XI вѣка, кажется, императора Михаила Пафлагояннина (1034—1041 г.), а другая несомнѣнно императора Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.); 2) массивная шейная золотая гривна (обручъ), изъ четырехграннаго золотого прута, суживающагося къ концамъ, представляющая рѣдкій экземпляръ подобнаго рода гривенъ; 3) золотой массивный гладкій ручной браслетъ; 4) два золотыхъ перстня, одинъ со вдѣланнымъ камнемъ, а другой съ вырѣзаннымъ изображеніемъ архангела; 5) кусочекъ золотой парчи; 6) семь золотыхъ пластинокъ, съ заостренными верхушками, каждая около 1 вершка вышины и $\frac{3}{4}$ вершка ширины, и съ тремя привѣсками внизу: на каждой изъ нихъ по священному изображенію, съ соответствующими надписями; 7) двѣ подобныя, но продолжныя и болѣе низкія пластинки, съ изображеніями на каждой по женской головкѣ въ головномъ уборѣ, въ родѣ кокошника, и съ украшеніями; 8) семь серебряныхъ монетныхъ гривенъ или серебряныхъ слитковъ кіевскаго типа, вѣсомъ отъ 36 до 40 золотниковъ каждая; 9) витая серебряная шейная гривна или обручъ, изъ двухъ серебряныхъ жгутовъ, съ отломаннымъ однимъ концомъ; 10) серебряный ручной массивный браслетъ, съ утолщенными концами; 11) серебряные кусочки филигранной работы, по видимому, отъ ручнаго браслета; 12) три серебряныя проволочныя серьги кіевскаго типа и до девяти кусковъ отъ такихъ же серегъ; 13) тринадцать маленькихъ продолговатыхъ, съ закругленными концами, полыхъ полуцилиндровъ, соединявшихся между собою продѣтыми поперекъ ихъ нитками; 14) сломанный серебряный перстень; 15) кромѣ того, въ кладѣ найдены двѣ черныя переломленныя плитки, въ родѣ точильныхъ брусковъ, по видимому представляющія отвердѣніе какой-то благовонной смолы.

Кладъ первоначально осмотрѣнъ былъ профессоромъ кіевской дух. академіи Н. И. Петровымъ и 24-го апрѣля предъявленъ въ собраніи церковно-археологическаго общества при академіи, которое обратило преимущественно свое вниманіе на золотыя пластинки съ изображеніями, означенныя выше подъ №№ 6 и 7-мъ. Это, такъ называемыя, византійскія перегородчатыя эмали. Способъ изготовленія ихъ приблизительно былъ слѣдующій. Художникъ бралъ довольно тонкую пластинку золота и посредствомъ насѣчки обозначалъ на ней главные контуры предполагаемаго изображенія; затѣмъ, при помощи молотка, углублялъ очерченное насѣчкою пространство, такъ что поля пластинки представлялись поднятыми по сравненію съ очерченною фигурой приблизительно на $1\frac{1}{2}$ миллиметра. Въ предѣлахъ очерченнаго и выгнутаго пространства художникъ отмѣчалъ насѣчкою очертанія глазъ, носа, шеи, рукъ, складокъ одежды и проч., надрѣзывалъ и приподнималъ перпендикулярно, или же вновь припаивалъ золотыя пластинки, шириною $1\frac{1}{2}$ миллиметра, по направленію намѣченныхъ насѣчкою очертаній: рисунокъ со всѣми подробностями былъ готовъ. Затѣмъ, ячейки между поставленными перпендикулярно, ребромъ, пластинками заполнялись эмалевой массой разнаго цвѣта, смотря по требованію рисунка. Такимъ же способомъ изготовлены и новонайденныя въ Кіевѣ эмали.

Всѣ девять пластинокъ соединялись между собою, по загнутымъ назадъ краямъ, проволокой или ниткой и составляли одну группу. Порядок расположенія ихъ опредѣляется отчасти соответствующими образцами древней иконографіи, отчасти положеніемъ боковыхъ фигуръ по отношенію къ центру группы, а отчасти правильнымъ, симметрическимъ чередованіемъ привѣсокъ подъ каждой пластинкой, принадлежащихъ къ двумъ типамъ: привѣски состоятъ или изъ квадратика въ срединѣ и двухъ бутончиковъ по сторонамъ, или, наоборотъ, одного бутончика въ срединѣ и двухъ квадратиковъ по сторонамъ. Въ центрѣ группы должны быть помѣщены Іисусъ Христосъ, направо отъ него Богоматерь, а налево Предтеча. Далѣе, за Богоматерью слѣдуютъ архангелъ Гавріилъ, какъ послужившій тайнѣ благовѣщенія, а за нимъ апостолъ Петръ, за Предтечею же—архангелъ Михайлъ и апостолъ Павелъ. Расположенныя такимъ образомъ, всѣ боковыя фигуры подображены своими лицами къ центру группы, а привѣски двоякаго типа подъ пластинками чередуются правильно. Боковыя продольныя пластинки, съ изображеніями на нихъ по женской головкѣ, замыкали по концамъ всю группу. Головной уборъ на женскихъ головкахъ, въ видѣ кокошника или кораблика, съ тремя, а въ другомъ случаѣ чуть ли не съ четырьмя бляшками надъ лбомъ, даетъ право предполагать, что и разсматриваемыя девять пластинокъ, тоже составляли главную часть женскаго головного убора, прикрѣплявшуюся крючечками къ золотой парчѣ кораблика или кокошника.

Византійскія перегородчатыя эмали, вообще, довольно рѣдки и цѣнны въ археологическомъ отношеніи и почти всѣ извѣстны на перечетѣ¹⁾. Онѣ заносились изъ Византіи и въ Россію и, между прочимъ, въ Кіевъ, или же производились здѣсь греками. Къ числу такихъ эмалей могутъ быть отнесены и эмали, недавно найденныя въ Кіевѣ въ усадьбѣ г. Есикорскаго, близъ Кіево-Софійскаго собора, и въ прошломъ году въ кіевскомъ Злато-верхо-Михайловскомъ монастырѣ. Но умѣли ли готовить перегородчатыя эмали русскіе мастера,—это оставалось неизвѣстнымъ почти до послѣдняго времени. Лишь въ «Кіевской Старинѣ» за мартъ настоящаго года (стр. 714—715) замѣчено было, что извѣстный крестъ преп. Евфросиніи Полоцкой 1161 года украшенъ медальонами изъ перегородчатой эмали и сдѣланъ русскимъ мастеромъ Лазаремъ Богшею. Новонайденныя въ Троицкомъ переулкѣ эмали тоже носятъ на себѣ слѣды русскаго производства и, вмѣстѣ съ крестомъ преп. Евфросиніи Полоцкой, показываютъ, что въ древности русскіе мастера, подъ влияніемъ Византіи, достигли весьма значительныхъ успѣховъ даже въ такомъ высокомъ и трудномъ искусствѣ, какимъ были перегородчатыя эмали.

Русское или, точнѣе,—русско-византійское происхожденіе новонайденныхъ перегородчатыхъ эмалей доказывается главнымъ образомъ надписями на нихъ, обозначающими имена и названія изображаемыхъ св. лицъ. Мастеръ, очевидно, копировалъ свои надписи съ какого-то греческаго образца, вѣроятно послужившаго прототипомъ и для самихъ изображеній; но не понималъ этихъ надписей и сбивался или сворачивалъ на родной ему славяно-русскій языкъ. Вмѣсто Іо(анна) у мастера вышло го, вмѣсто Петрос—Петро; надъ Га, означающимъ архангела Гавріила, вверху, некстати поставлены буквы х: вмѣсто $\delta \text{ } \acute{\alpha} \gamma \iota \omicron \varsigma \text{ } \text{P}\acute{\epsilon}\tau\rho\varsigma, \delta \text{ } \acute{\alpha} \gamma \iota \omicron \varsigma \text{ } \text{P}\acute{\alpha}\upsilon\lambda \omicron \varsigma$,—у него вышло о ало (т. е. апостолъ) Пѣстро, о ало(столь) Павль, но послѣднее имя чисто русское, съ конечною греческою сигмою въ концѣ. При детальномъ изученіи эмалей, вѣроятно, найдутся въ нихъ и другіе, болѣе внутренніе признаки русскаго производства, особенно въ изображеніяхъ женскихъ головокъ и головныхъ уборовъ на боковыхъ продольныхъ пластинкахъ, какъ нашлись они

¹⁾ См. о нихъ въ статьѣ проф. Н. В. Покровскаго «Перегородчатыя эмали, А. В. Звенигородскаго», въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества», т. II, вып. 2. 1886 года.

на мозаикахъ и фрескахъ Киево-Михайловскаго монастыря и на фрескахъ Киево-Кирилловской церкви.

Судя по византійскимъ монетамъ, найденнымъ вмѣстѣ съ разсматриваемыми эмальями, послѣднія должны быть отнесены къ XII вѣку, къ которому относятся также и крестъ святой Евфросиніи Полоцкой, и мозаики, и фрески Киево-Михайловскаго монастыря, и фрески Киево-Кирилловской церкви. Очевидно, это былъ вѣкъ цвѣтущаго развитія и усвоенія византійскаго искусства въ Россіи и въ частности въ Киевѣ. Но въ этотъ же вѣкъ начался и упадокъ Киева, а вмѣстѣ съ нимъ и византійско-русскаго искусства. Со второй половины XII вѣка Киевъ становится яблокомъ раздора между русскими князьями, добивавшимися киевскаго великокняжескаго престола или, по крайней мѣрѣ, обладанія Киевомъ, и не разъ подвергается разоренію и грабежу. Особенно чувствительны были для Киева разоренія его князьями Суздальскимъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ и Овручскимъ Рюрикомъ Ростиславичемъ. Вѣроятно, въ одно изъ этихъ разореній и зарытъ былъ въ землю кладъ, найденный въ Троицкомъ переулкѣ.

Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май мѣсяцы 1889 года. Въ теченіе марта, апрѣля и мая мѣсяцевъ 1889 г. Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 7 обыкновенныхъ и 1 экстренное засѣданіе. Срочныя ссуды за поручительствомъ или подъ обезпеченіе жалованьемъ и гонораромъ были выданы 7 лицамъ на сумму 875 р. (1—50 р., 2-мъ по 100 р., 1—150 р., 1—200 р., 1—275 р., 1—300 р.); безсрочныя ссуды выданы 19 лицамъ на сумму 2,975 руб. (2 по 50 р., 1—75 р., 10 по 100 р., 2 по 150 р., 3 по 300 р., 1—600 р.).

Единовременныя пособія назначены: 1-му лицу въ 250 р., 2 по 200 р., 2 по 150 р., 1—125 р., 2 по 100 р., 3 по 75 р., 20 по 50 р., 2 по 40 р., 1—30 р., 6 по 25 р., 2 по 10 р., а всего 42 лицамъ на сумму 2,780 руб.

На погребеніе мужа одной писательницы назначено 50 р., на погребеніе одного ученаго 100 руб.

Продолжительныя пособія назначены 4 лицамъ: 1—75 р., 1—90 р., 1—150 р., 1 по 300 р. на 2 года, а всего въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на основаніи прежнихъ и новыхъ постановленій продолжительныхъ пособій выдано на 330 руб.

Одной весьма извѣстной престарѣлой и больной писательницѣ была назначена пенсія по 600 р. въ годъ, а вмѣстѣ съ назначеннымъ раніе всего за 3 мѣсяца выдано пенсій на 1,297 руб.

Опредѣлено уплатить за воспитаніе и обученіе дочери 1 лица 25 р., сына 1 лица 30 р., за воспитаніе дѣтей покойнаго писателя 90 руб., дочерей трехъ писателей: одного 100 р. другого 170 р., и третьяго по 100 р. въ теченіе двухъ лѣтъ, всего же на воспитаніе и обученіе дѣтей литераторовъ и ученыхъ за 3 мѣсяца на основаніи прежнихъ и новыхъ назначеній издержано 700 руб. и, кромѣ того, на стипендіи 275 р.

Отклонены просьбы 19 лицъ (въ томъ числѣ 2-хъ 2 раза и 1-го 3 раза).

Редакторъ «Петербургскаго Листка» Н. А. Скrobotовъ вмѣстѣ съ сотрудниками, бумажный фабрикантъ г. Небе, типографъ г. Шмидтъ и переплетный мастеръ г. Моревъ собрали 15-го марта 1889 года, въ день празднованія 25-лѣтія изданія «Петербургскаго Листка» капиталъ, въ 1,000 руб., заключающійся въ билетъ восточнаго займа 1877 г. съ тѣмъ, чтобы онъ былъ обращенъ въ неприкосновенный капиталъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, съ присвоеніемъ ему наименованія «капитала Александра Викторовича Владимірскаго», а проценты его обращались бы на нужды Общества.

М. К. Цебрикова пожертвовала 143 р. 85 к.

Ек. Ник. Жулева, въ память артиста Ив. Григ. Чернышева, пожертвовала 50 р.

Е. А. Салтыкова заявила, что семейство М. Е. Салтыкова жертвуетъ въ пользу Общества 1% съ цѣны изданія сочиненій Михаила Евграфовича и что деньги будутъ доставлены по распродажѣ изданія.

Присяжные повѣренные округа сиб. судебной палаты и ихъ помощники чрезъ гг. Е. М. Биновича и Н. И. Холева пожертвовали 317 р. 4 к. въ видѣ перваго вклада на образованіе капитала имени М. Е. Салтыкова.

Кружокъ литераторовъ на образованіе того же капитала собралъ 455 р. (въ счетъ ихъ поступило 247 р.), съ тѣмъ, что назначеніе этому капиталу дано будетъ жертвователями впоследствии. Въ неприкосновенный капиталъ имени М. Е. Салтыкова поступило: отъ нижегородскихъ почитателей М. Е. Салтыкова (чрезъ В. Короленко)—50 р., отъ служащихъ при Соколовской мануфактурѣ т-ва И. А. Баранова (чрезъ В. Аристову)—118 р., отъ минскихъ почитателей—15 р., по подпискѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ собрано 106 р., отъ харьковскихъ почитателей (чрезъ г-жу Тологину)—100 р.

Евг. Мих. Гаршинъ заявилъ, что онъ уступаетъ обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ принадлежащее ему, въ размѣрѣ $\frac{3}{8}$, право литературной собственности на сочиненія Всев. Мих. Гаршина (по распродажѣ изданія г. Панафидина) съ условіемъ не отчуждать этого дара никакимъ путемъ.

В. П. Андрусскій предложилъ предоставить въ распоряженіе Общества комнату съ правомъ бесплатнаго леченія 1-го лица въ принадлежащемъ ему грязелечебномъ заведеніи въ Будакахъ Бессарабской губерніи и еще сдѣлать скидку въ 25% для двухъ лицъ.

Вечеръ литературнаго фонда 18-го апрѣля 1889 г., въ которомъ принимали участія г-жи М. Б. Гейденрейхъ, М. В. Крестовская, А. А. Попова, В. У. Ситегина-Лиліенфельдъ, О. И. Шапиръ, гг. П. И. Вейнбергъ, С. Я. Морозовъ, Я. П. Полонскій, В. М. Самусъ и К. М. Фофановъ далъ чистаго сбора 708 р. 70 к.

Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ означеннымъ лицамъ.

М. В. Ватсонъ и Э. К. Ватсонъ признаны пожизненными членами Общества въ виду ихъ трудовъ по изданію сочиненій Надсона.

† 8-го іюня, въ Петергофѣ, Надежда Дмитріевна Хвоцинская, писавшая подъ псевдонимомъ В. Крестовскаго. Это была несомнѣнно первая не только изъ современныхъ, но изъ всѣхъ русскихъ женщинъ, занимавшихся литературою, хотя ихъ было болѣе тысячи въ настоящемъ столѣтіи. Принадлежа къ старинной дворянской фамиліи и имѣя богатыхъ родственниковъ, она никогда не пользовалась ихъ помощью и по смерти отца, чиновника, умершаго въ Рязани, поддерживала литературнымъ трудомъ свою семью. Былъ у нея еще братъ, офицеръ, но онъ рано умеръ, оставивъ своихъ дѣтей также на попеченіе сестры. Надежда Дмитріевна родилась 15-го мая 1825 года и до послѣднихъ годовъ жила въ Рязани, пріѣзжая по временамъ въ Петербургъ къ своимъ родственникамъ. Получивъ домашнее воспитаніе, она образовала сама себя, много читая и работая въ глуши провинціальной жизни. Писать стихи она начала 20-ти лѣтъ, а печатать ихъ въ 1847 году. Въ 1850 г. появилась ея первая повѣсть въ «Отечественныхъ Запискахъ» и съ тѣхъ поръ, въ теченіе сорока лѣтъ она не переставала трудиться на поприщѣ беллетристики, занимаясь по временамъ и переводами, больше съ итальянскаго. Ведя совершенно скромную и уединенную жизнь, она, однако, часто нуждалась и подъ старость и умерла въ стѣсненномъ положеніи. Похоронили ее, съ помощію—очень скудною—отъ литературнаго фонда, въ присутствіи пяти литераторовъ, на берегу залива. Газеты отозвались о ней сочувственно, но называли ее Заюнчковской, а подъ этимъ именемъ ее вовсе не знала русская публика. Это было имя ея мужа, съ которымъ она жила безъ году недѣля. Мы еще вернемся къ этой даровитой, симпатичной писательницѣ неоцѣненной критикою, но любимой читателями.

† 29-го іюня въ Кіевѣ, внезапно отставной заслуженный профессоръ университета св. Владимира, извѣстный авторъ «Философскаго Лексикона», докторъ философіи и древней филологіи, Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій. Онъ родился въ Каменецъ-Подольскѣ, въ 1813 г., въ семьѣ священника. Съ 1827 по 1833 г. воспитывался въ Подольской семинаріи и высшее образованіе получилъ въ Кіевской Духовной академіи, гдѣ пробылъ съ 1833 по 1837 г.; окончивъ ее по 1-му разряду, онъ былъ опредѣленъ въ ней со званіемъ учителя по классу польскаго языка. Въ 1837 г. утверждень магистромъ богословія съ переименованіемъ въ бакалавры академіи, а черезъ два года перемѣненъ бакалавромъ нѣмецкаго языка. Въ 1842 г. его уволили изъ духовнаго званія и сдѣлали бакалавромъ философскихъ наукъ въ той же академіи. Выдержавъ дополнительное испытаніе въ 1845 г., онъ былъ признанъ кандидатомъ философскаго факультета университета св. Владимира, гдѣ и заищаль въ 1848 г. магистерскую диссертацию «О характерѣ философіи среднихъ вѣковъ», которая была напечатана затѣмъ въ «Современникѣ». Въ февралѣ 1848 г. С. С. утверждень доцентомъ по кафедрѣ исторіи новой философіи и правоучительной философіи университета, а въ мартѣ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ академіи. Въ 1850 г. удостоень степени доктора философіи и древней филологіи и утверждень ординарнымъ профессоромъ академіи по классу философскихъ наукъ, а въ слѣдующемъ году избранъ ординарнымъ профессоромъ педагогіи въ университетъ св. Владимира. Уволенный отъ службы за выслугою 30 лѣтъ, послѣ вторичнаго оставленія на службѣ въ 1867 г., С. С. въ 1869 г. былъ вновь назначень министромъ народнаго просвѣщенія ординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ философіи и оставался въ университетѣ вплоть до 1884 г., когда вышелъ въ отставку. Этимъ не ограничивалась педагогическая дѣятельность С. С. Онъ преподавалъ педагогію въ училищѣ гр. Левашевой, исторію—въ кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ, читалъ частный курсъ психологіи для воспитателей кіевской военной гимназіи, наконецъ, читалъ педагогію и психологію на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ, устройствомъ которыхъ онъ занимался по смерти проф. А. И. Силина, будучи председателемъ совѣта курсовъ съ 1878 по 1880 г. Кромѣ того, недолгое время онъ состоялъ цензоромъ Кіевского цензурнаго комитета. Литературой онъ особенно дѣятельно занимался въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, помѣщая статьи въ «Журн. мин. народн. просв.», «Русск. Словѣ», «Соврем. Лѣтописи», «Кіевск. Телеграфѣ», «Кіевлянинѣ», «Москов. Вѣдом.», «Русск. Вѣстникѣ» и др. Изъ сочиненій его, кромѣ единственнаго у насъ «Философскаго лексикона», пользуются извѣстностью: «Критическое обзорніе учения римской церкви», «Критическій взглядъ на философію Канта», «Діалектическая система Гегеля», «Введеніе въ исторію философіи», «Философія XVII и XVIII в., въ сравненіи съ философією XIX вѣка», «Карамзинъ, какъ моралистъ и историкъ», «Обзорніе системы философіи Гегеля», «Критическое обзорніе сочинен. М. Троицкаго», «Нѣмецкая психологія» и др. С. С. принималъ особенно дѣятельное участіе въ газетѣ «Кіевскій Телеграфъ», издававшейся его супругой Авд. Ивановой Гогоцкой съ 1874 г.

† **Мина Николаевна Шмитъ**, урожденная Ахвердова (псевдонимъ княгиня Вѣра Троицкая), едва лишь начавшая литературное поприще. Ея романы «Погасшая искра», «Порванные цѣпи» и др. если и прошли незамѣченными критикою, то все же имѣли успѣхъ въ публикѣ. Княгиня Вѣра Тр—цкая проявила въ нихъ способность къ психологическому анализу. Романы ея преимущественно захватывали жизнь большого свѣта, близко знакомого писательницѣ. Въ самый день смерти появилось начало только-что оконченнаго ею романа «Отнятое счастье»—въ журналѣ «Колосъ», гдѣ она преимущественно печаталась.

зинку съ смоквами, всѣ ихъ высыпаль на землю и съ остервенѣніемъ началъ топтать ихъ ногами, пока нѣжные фрукты не обратились въ какую-то безформенную кашу. Такой неожиданный оборотъ дѣла, такая рѣшимость была привѣтствуема легко-увлекающимся народомъ, стоявшимъ кругомъ сплошной стѣной, чудовищными воплями радости. Внезапное желаніе—скорѣе уничтожить фрукты, чѣмъ позволить ихъ конфисковать по требованію начальства,—показалось настолько оригинальнымъ, что на взбунтовавшагося торговца въ эту минуту смотрѣли съ изумленіемъ и его поступокъ истолковывали какъ побѣду надъ несправедливымъ начальствомъ. Податной чиновникъ пришелъ въ крайнее замѣшательство. Знакомый съ образомъ мыслей народа, онъ зналъ, что этотъ случай найдетъ подражателей и что если оставить такой поступокъ безнаказаннымъ, то сопротивленіе податнымъ властямъ еще больше увеличится. Не успѣлъ онъ и опомниться, какъ былъ окруженъ громко-смѣющейся и торжествовавшей толпой, одинъ видъ которой поколебаль его присутствіе духа. Чтобы защитить себя отъ несомнѣнной гибели, онъ далъ свистомъ сигналъ, желая позвать на помощь на базарную площадь нѣсколько вооруженныхъ солдатъ изъ дежурной комнаты податнаго управленія. Это обстоятельство произвело страшное волненіе и оставался только одинъ шагъ, чтобы дѣло утратило свой невинный характеръ. Весь народъ столпился на площади въ одну кучу; поселянинъ, изъ-за смоквъ котораго началось возстаніе, затерялся въ общей давкѣ и тѣснотѣ. Всѣ остальные мужчины и женщины высматривали его, и такъ какъ онъ нигдѣ не показывался, то всѣ хотѣли уже расходиться, ибо толпа ни находила никого, кто бы могъ стать во главѣ ея и чѣмъ приказаніямъ она бы повиновалась. А вооруженные солдаты между тѣмъ уже приближались. И вдругъ дѣло опять приняло новый неожиданный и рѣшительный оборотъ. Вдругъ вся толпа собралась около Мазаниелло, который нѣсколько разъ громкимъ голосомъ прокричалъ: «къ чорту всѣ подати!» и вслѣдствіе этого обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Когда же онъ затѣмъ въ порывѣ негодованія схватилъ обѣими руками корзинку съ плодами и изо всѣхъ силъ швырнулъ этой тяжестью въ приближающихся солдатъ, тогда и всѣ остальные послѣдовали его примѣру, такъ что вскорѣ разыгралось настоящее сраженіе. Первый, ставшій на сторону Мазаниелло, былъ Дженнаро Аннезе, уже съ давнихъ поръ бывшій съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Огромная масса различнаго рода плодовъ служила народу средствомъ защиты и такъ какъ поселяне бросали свои бомбы очень мѣтко, то привели остановившихся солдатъ въ крайнее замѣшательство. Когда истопились фрукты, то стали бросать зеленью, рыбой, наконецъ, корзинами и всѣмъ, что только попадалось подъ руку разъярившемуся народу. Солдаты должны были возвратиться

восвояси, чтобы подождать дальнѣйшихъ приказаній. Но такой неожиданный успѣхъ сильно воодушевилъ все возростающую толпу народа и ея предводителя. Конечно, всякая торговля была прекращена, ибо долго сдерживаемая злоба, наконецъ, прорвала всѣ плотины, и само собой разумѣется, что Мазаниелло былъ центромъ возстанія. Ему представился случай испытать металлическую звучность своего сильнаго голоса, которому такъ удивлялись его пріятели, и какъ только онъ заговорилъ,—на всей площади среди воцарившейся тишины раздавались только его слова. Особенно много, конечно, нечего было распространяться, ибо всѣ инстинктивно понимали, чего они хотятъ и къ чему стремятся. Далеко было слышно, когда Мазаниелло воскликнулъ: «Моментъ насталъ! Возстанемъ всѣ разомъ и докажемъ всему Неаполю, что значитъ возгласъ: съ нами Богъ и св. Мадонна del Carmine! Да здравствуетъ папа, да здравствуетъ испанскій король, но къ чорту наше негодное правительство!» Всѣ подхватили эти слова; вдругъ нѣкоторые мужчины вооружились палками, одинъ намоталъ на палку даже штуку черной матеріи и, такимъ образомъ, они отправились, подъ предводительствомъ Мазаниелло къ вице-королевскому дворцу, гдѣ повторили свои угрожающіе крики и требовали отъѣны ненавистныхъ податей и пошлинь.

Все это произошло такъ скоро и неожиданно, что вице-король совершенно потерялъ голову и не зналъ какъ помочь бѣдѣ. Какъ это было принято у большей части повелителей, онъ держалъ около себя маленькую лейбъ-гвардію, охранявшую дворецъ, а всѣ остальные сторожевые посты были заняты испанскими солдатами. При приближеніи огромной кричащей и разсвирѣпѣвшей толпы часть солдатъ разбѣжалась, а у остальныхъ бунтовщики сами отняли оружіе. Вице-король съ дворцоваго балкона пытался было успокоить народъ, обѣщая уничтожить пошлину на фрукты, пытался призвать къ порядку и возвратиться къ ежедневнымъ занятіямъ. Но расходившійся народъ, опьяненный уже успѣхомъ возстанія, не хотѣлъ успокоиться, а требовалъ уничтоженія всѣхъ податей, повторяя при этомъ вышеприведенныя слова Мазаниелло: «Да здравствуетъ король испанскій, но къ чорту наше негодное правительство!»

Такимъ образомъ, дикая народная толпа, вооруженная палками, дошла до того, что прогнала всю дворцовую стражу и, наконецъ, даже ворвалась во внутренніе покои. Вице-король, вмѣстѣ съ своей немногочисленной свитой, прослѣдовалъ тоже во внутренніе покои. Онъ рѣшилъ удалиться въ крѣпость св. Эльма, гдѣ уже нѣсколько дней гостило его семейство и статсъ-дамы вице-королевы. Это на мгновеніе успокоило народъ и отвлекло его вниманіе отъ великаго герцога.

Одинъ изъ лицъ вице-королевской свиты вышелъ къ народу, ска-

заль нѣсколько успокоительныхъ словъ и передалъ Мазаниелло собственноручное письмо вице-короля за его печатью, въ которомъ давалось разрѣшеніе на уничтоженіе пошлинъ на фрукты и муку.

Между тѣмъ, къ подъѣзду подкатила карета, запряженная двумя лошадьми, въ которой герцогъ тайкомъ намѣревался улизнуть въ крѣпость.

Но народъ не умѣвшій ни писать, ни читать написаннаго, не успокоился при одномъ только письменномъ обязательствѣ и требоваль, чтобы вице-король показался самъ и съ глазу на глазъ переговорилъ съ Мазаниелло. Вице-король между тѣмъ вышелъ съ задняго крыльца, сѣлъ въ карету и надѣялся по добру по здорову улизнуть отъ возстанія. Но нѣкоторые изъ толпы замѣтили все-таки его побѣгъ и поспѣшили за каретой съ криками: «вице-король самъ долженъ обѣщать намъ уничтоженіе податей», ибо они все-таки уважали его. Бѣжавшіе за нимъ крикуны сдѣлались, наконецъ, до того назойливы, что вице-король былъ принужденъ искать спасенія и защиты въ близъ лежащей церкви св. Луки. Немногочисленная свита и испанскіе солдаты, сопровождавшіе его, обрадовались, что имъ удалось такъ счастливо и невредимо отдѣлаться отъ опасности, а вкорѣ были заперты и ворота церкви, принадлежавшей монастырю.

Между тѣмъ спустился вечеръ и въ теченіе ночи должно было принять какія-нибудь мѣры. Народное скопище все увеличивалось, принимая огромные размѣры; и если рыбаки были вооружены по большей части только палками, то все-таки у нѣкоторыхъ изъ нихъ было и якобы огнестрѣльное оружіе, между которымъ главную роль играли самострѣлы. Во всякомъ случаѣ, многочисленность толпы и ея свирѣпость уничтожала всякую надежду для запертыхъ въ церкви на возможность спастись при помощи вооруженной защиты.

Главнѣйшей заботой народа было раздобыться гдѣ-нибудь оружіемъ. Арсеналь находился по дорогѣ въ Портичи. Туда-то и устремилась толпа бунтовщиковъ. Такъ какъ въ это время мракъ уже спустился на землю, то зажгли факелы и съ дикими криками толпа разсыпалась по улицамъ Портичи. Это была ужасная картина, надъ которой царилъ Везувій съ своей свѣтящейся вершиной, какъ самый грандіозный факель.

Гарнизонъ арсенала очень естественно оказалъ сопротивленіе безумнымъ бунтовщикамъ, но это-то и погубило защитниковъ. Это была первая пролитая кровь. Затѣмъ рыбаки, подъ предводительствомъ Мазаниелло ворвались въ арсеналь, но большая часть оружія была отправлена въ церковь Мадонны di Constantinopoli. И такъ—дальше! Что значила для рыбаковъ Мадонна di Constantinopoli! Другое дѣло, еслибы эта была ихъ покровительница Ма-

донда del Carmine! Церковь должно было штурмовать, но тяжелыя двери дѣлали штурмъ бесплоднымъ. Тогда подложили огня. Никто не подумалъ о томъ, что совершается ужасное святотатство. Двери, наконецъ, рушились, и разъяренная толпа бросилась въ церковь. Все оружіе расхватили, разбили и изломали много церковной утвари, и съ дикими криками, съ пѣніемъ ужасныхъ угрожающихъ пѣсенъ вся толпа двинулась въ Неаполь.

Командиромъ флота былъ графъ Маддалони. Онъ уже отдалъ приказаніе выйти военнымъ кораблямъ изъ гавани, пока не придутъ на помощь испанцы. Поэтому народъ возненавидѣлъ графа, какъ одного изъ своихъ заклятыхъ враговъ и измѣнниковъ-предателей. Еще въ ту ночь, когда народная толпа возвращалась изъ Портичи, графъ, далеко превосходившій вице-короля по энергіи, создалъ дьявольскій планъ. Съ давнихъ поръ уже было въ обычаѣ употреблять для личной мести брави, которые за ничтожное вознагражденіе готовы были убить кого угодно; графу пришла въ голову гнусная мысль собрать для подавленія народнаго возстанія всѣхъ бандитовъ, такъ какъ гарнизонъ Неаполя былъ ничтоженъ. Маддалони поспѣшно отправилъ гонца къ извѣстному уже намъ предводителю бандитовъ, къ черному Бенпо, чтобы послѣдній переговорилъ съ разбойниками и склонилъ ихъ за хорошее вознагражденіе идти въ Неаполь для усмиренія взбунтовавшагося народа.

Какъ только этотъ планъ графа Маддалони сдѣлался извѣстенъ народу, весь Неаполь охватила неопикуемая ярость. Толпа бунтовщиковъ, жаждая мести, ворвалась во дворецъ графа. Но графъ благовременно съ своимъ семействомъ бѣжалъ въ замокъ del Ovo, передъ каменными стѣнами и подъемными мостами котораго должна была смириться самая необузданная ярость. Но за то все, что находилось во дворцѣ Маддалони, было разрушено и поломано. Драгоценную мебель побросали изъ оконъ на улицу, а здѣсь ее разнесли на кусочки. Съ такой же необузданной свирѣпостью толпа все сокрушала и ломала въ домахъ и другихъ знатныхъ испанцевъ. Однимъ изъ первыхъ палаццо, погибшихъ въ пламени, былъ палаццо главнаго начальника податнаго управленія.

Неукротимая, все возрастающая ненависть Мазаниелло къ графу Маддалони придавала простому рыбаку, не смотря на ограниченную недалковидность, нѣчто въ родѣ героическаго величія. Здѣсь играла роль не личность, не Мазаниелло, а поруганный народъ, оскорбленный до глубины души гнусными распоряженіями. Возставшіе боролись за свои несправедливо поправныя права—и вдругъ на нихъ натравливали бандитовъ! Значить, государство объявляло преступниковъ своими союзниками противъ народа! Мазаниелло, не искавшій для себя лично ни малѣйшей выгоды, назначилъ за голову графа порядочную сумму. Съ наслажденіемъ онъ позволилъ бы

ему вымаливать у своихъ ногъ милости, а затѣмъ вздернулъ бы на висѣлицу.

Мазаниелло отдалъ приказаніе, чтобы всякаго брави, пойманнаго въ городѣ, вѣшали безъ сожалѣнія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вооружался противъ бесполезной жестокости и противъ нелѣпаго грабежа испанскихъ домовъ, угрожая смертью всякому, кто позарится на чужую собственность. Вслѣдствіе этого народъ воздерживался отъ разрушенія и грабежей.

Въ ближайшую ночь было сдѣлано распоряженіе, что базарная площадь, на которой находился домъ Мазаниелло, будетъ центральнымъ пунктомъ, такъ сказать, главнымъ штабомъ, рассылающимъ повсюду нужныя приказанія. Къ Мазаниелло были приставлены трое или четверо изъ его друзей, принимавшихъ отъ него приказанія и заботившихся о приведеніи ихъ въ исполненіе. Мазаниелло очень близко былъ знакомъ съ положеніемъ низшихъ слоевъ населенія Неаполя и его окрестностей и зналъ, что слѣдовало обуздать разбойничьи шайки для того, чтобы все возстаніе привело къ какой-нибудь цѣли. На всѣхъ главныхъ площадяхъ и большихъ улицахъ были зажжены сторожевые огни и у каждаго дежурило нѣсколько надежныхъ людей. Для поддержанія этихъ костровъ сначала употребляли поломанную, крытую драгоценной матеріей мебель изъ домовъ знатныхъ испанцевъ.

Въ первый день возстанія Мазаниелло едва улучилъ минуту, чтобы забѣжать домой повидаться съ своей женой, онъ не могъ даже остаться съ Берардиной наединѣ, ибо его сопровождали товарищи. Всеобщій подъемъ чувства былъ такъ великъ, что никто и не заботился о себѣ, и еслибы Берардинѣ не пришло въ голову наскоро приготовить закуску, то ни Мазаниелло, ни его спутники и не подумали бы, что нельзя забывать потребностей тѣлесныхъ. Но молодая женщина мигомъ приготовила блюдо макаронъ и жареную рыбу; эти незатѣйливыя кушанья посѣтители запили крѣпкимъ, простымъ виномъ, и съ свѣжими силами вновь отправились на службу. Мазаниелло не спалъ всю ночь напролетъ, ибо провѣрялъ съ своими друзьями разставленные сторожевые посты. Такъ какъ поддержаніе ночныхъ огней, при помощи особо-назначенной для этого стражи, приводило къ различнымъ неудобствамъ, то Мазаниелло приказалъ, подъ страхомъ тяжелаго штрафа при ослушаніи, чтобы освѣщались въ домахъ всѣ окна, выходящія на улицу, и чтобы такимъ образомъ въ городѣ по ночамъ было свѣтло. Вообще, Мазаниелло издавалъ строгія распоряженія, улаживалъ всякія ссоры и прежде всего строжайше воспретилъ грабежъ. Чтобы обуздать разбойниковъ изъ окрестностей, онъ приказалъ вѣшать всякаго, пойманнаго съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія.

На третій день возстанія положеніе дѣлъ измѣнилось очень мало. Вице-король опять переѣхалъ въ Castell Nuovo, ибо въ мона-

стырѣ San Luigi нельзя было рассчитывать на полную и продолжительную безопасность; Мазаниелло въ своей резиденціи на базарной площади устроилъ нѣчто въ родѣ главной квартиры, куда доставлялись ему все извѣстія и откуда разсылались всякія приказанія; наиболѣе знатныя фамиліи изъ боязни народной революціи бѣжали изъ города въ свои виллы и помѣстья.

Утромъ, на четвертый день, обстоятельства, казалось, приняли новый оборотъ, когда всеми любимый и уважаемый кардиналъ Филомарино въ сопровожденіи цѣлой свиты монаховъ отправился въ церковь Мадонны del Carmine для совершенія тамъ торжественной литургіи, а послѣ нея и для переговоровъ съ Мазаниелло по порученію вице-короля. При особенностяхъ простаго неаполитанскаго народа, который, по своему невѣжеству, поклонялся съ какимъ-то дѣтскимъ уваженіемъ святынь церкви и ея служителямъ, и при той популярности, которою пользовался кроткій, достопочтенный кардиналъ, его посредничество должно было имѣть несомнѣнный успѣхъ. Какъ были грубы и наивны религіозныя понятія народа, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать примѣчательный взглядъ на Мадонну: народъ особенно почиталъ Мадонну del Carmine, словно боясь отождествить ее съ другими Мадоннами; народъ былъ даже твердо убѣжденъ, что Кармелитская Богоматерь пользуется на небесахъ гораздо большимъ вліяніемъ чѣмъ другія Богоматери, почитаемыя въ другихъ церквахъ. Было очень естественно, что торжественный выходъ кардинала сильно подѣйствовалъ на массу, и такъ какъ Кармелитская церковь находилась на базарной площади, то весь находившійся тамъ народъ повалилъ въ церковь, и самъ Мазаниелло—этотъ въ сущности наивно-благочестивый ребенокъ—чувствовалъ потребность участіемъ въ религіозной церемоніи утвердиться въ той должности, которая выпала ему на долю какимъ-то чудомъ.

Монахи и все вообще духовенство прекрасно эксплуатировали невѣжество народа, и самъ кардиналъ зналъ степень образованности массы. Когда послѣ мессы Мазаниелло съ обычнымъ колѣноприклоненіемъ поцѣловалъ у него руку, то кардиналъ сказалъ ему, что вице-король желаетъ даровать всеобщую амністію за политическіе проступки и не наказывать за разореніе церкви Мадонны di Constantinopoli, если народъ приметъ грамоту объ уничтоженіи пошлинъ на жизненные припасы,—грамоту, написанную вице-королемъ съ согласія великаго императора Карла V и обнародованную прежде всего въ Неаполѣ. Мазаниелло на это отвѣтилъ:

— Народъ боится, что вы, высокочтимый владыко, стоите на сторонѣ испанцевъ, но я съ этимъ не согласенъ и безусловно довѣряю вамъ. Если вы мнѣ говорите, что грамота написана съ согласія Карла V, то я совершенно спокоенъ и воскликну теперь не

только:—«Да здравствуетъ король Филиппъ!» но и «да здравствуетъ герцогъ Аркосъ!»

— Мой сынъ,—сказалъ кардиналъ,—такъ какъ ты не умѣешь ни писать, ни читать, то довѣрься какому-нибудь надежному и благочестивому человѣку, который прочтетъ и растолкуетъ тебѣ эту грамоту! Ты поймешь, что постановленія, долженствующія имѣть законную силу, не могутъ ограничиваться однимъ изустнымъ оповѣщеніемъ: они должны быть черезъ довѣренное лицо изложены письменно на продолжительное время, дабы предупредить всякіе раздоры и противорѣчія.

Мазаниелло понялъ это. Съ сожалѣніемъ подумалъ онъ, что Сальватора Розы нѣтъ въ Неаполѣ, ибо ему онъ довѣрился бы всей душой. Между его товарищами и пріятелями не было ни одного, кто бы зналъ грамоту; такимъ образомъ, Мазаниелло увидѣлъ, что необходимо или присоединиться къ лигѣ мертвыхъ, или принять предложеніе кардинала. Лига мертвыхъ ставила цѣли свои гораздо дальше, чѣмъ Мазаниелло: она ратовала за введеніе республиканскаго управленія, за изгнаніе всѣхъ іезуитовъ и за свободу научныхъ изслѣдованій. Съ болью чувствовалъ Мазаниелло свое круглое невѣжество; не зная досконально всѣхъ плановъ и надеждъ членовъ лиги мертвыхъ и будучи воспитанъ въ послушаніи служителямъ церкви, онъ согласился съ кардиналомъ, довѣрившись предложенному имъ человѣку, опытному грамотѣю, монаху, по имени Марко Витале.

Послѣ того, какъ кардиналъ со своей свитой вышелъ изъ церкви и благословилъ собравшійся на ступенькахъ и павшій ницъ народъ, Мазаниелло,—этотъ капитанъ народа, какъ его называли,— снова воскликнулъ:—«Да здравствуетъ король Филиппъ, кардиналъ Филомарино и герцогъ Аркосъ! Къ чорту гнусное управленіе!»

Теперь собственно революція какъ будто кончилась; но Мазаниелло и его приближенные не хотѣли сойти со сцены раньше, чѣмъ не получатъ подтвержденія своихъ требованій со стороны испанцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, капитанъ народа дѣятельно поддерживалъ въ городѣ порядокъ. Кардиналъ Филомарино и вице-король непрерывно обмѣнивались депешами; хотя власть и была въ рукахъ Мазаниелло, все-таки испанское правительство не хотѣло поступиться своимъ авторитетомъ. Единственной цѣлью уступокъ со стороны правительства и переговоровъ кардинала было желаніе выиграть время и поддерживать въ хорошемъ настроеніи народнаго идола.

Такъ какъ повторялись многочисленные случаи грабежей, то Мазаниелло, чтобы сдержать свое слово, долженъ былъ прибѣгнуть къ смертной казни, приговоривъ къ повѣшенію, кромѣ нѣсколькихъ негодяевъ изъ подонковъ народа, многихъ бандитовъ, прокравшихся въ городъ. Однимъ изъ первыхъ среди повѣшенныхъ

бандитовъ былъ черный Беппо, явившійся съ толпой своихъ прислѣшниковъ и принятый совершенно иначе, чѣмъ онъ ожидалъ. Къ его трупу былъ приклеенъ ярлыкъ, на которомъ стояло: «измѣнникъ отечества и народа».

Еще до разговора Мазаниелло съ кардиналомъ народъ атаковалъ многія тюрьмы съ намѣреніемъ освободить жертвъ дикаго произвола; но вмѣстѣ съ немногими невинными жертвами податнаго хищничества были освобождены и настоящіе преступники, отъ которыхъ въ городѣ становилось все небезопаснѣе. Добродушный Мазаниелло увидѣлъ себя вынужденнымъ принимать строгія мѣры. И раньше его честолюбіе по временамъ жаждало власти и величія; но никогда его неопытный умъ не задумывался надъ оборотной стороной медали положенія властителя. Волей или неволей, онъ долженъ былъ идти впередъ по той дорогѣ, на которую разъ вступилъ; благодаря своей умственной неразвитости, онъ вскорѣ совсѣмъ разслабъ и началъ страдать безсонницей; его нервы до такой степени были раздражены, что въ своихъ распоряженіяхъ и приказаніяхъ онъ зачастую грѣшилъ печальной и необдуманной торопливостью.

Между тѣмъ переговоры кардинала Филомарино съ вице-королемъ привели къ тому, что былъ составленъ актъ, въ которомъ всѣ параграфы были исключительно посвящены новымъ распоряженіямъ касательно народа. Для обнародованія этого узаконенія было весьма предусмотрительно устроено собраніе въ главной городской церкви, въ соборѣ, гдѣ находился придѣлъ св. Яннуарія.

Народъ несмѣтной толпой собрался передъ церковью, ожидая прибытія вице-короля. Мазаниелло съ своими товарищами помѣстился около лѣстницы главнаго входа. Вице-король появился верхомъ на лошади въ сопровожденіи немногочисленной свиты. Мазаниелло вступилъ впередъ и помогъ тучному господину слѣзть съ лошади, затѣмъ обнялъ его, на что вице-король отвѣтилъ благосклонной миной. Послѣ этого Мазаниелло прослѣдовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ церковь, гдѣ на особой эстрадѣ, около главнаго алтаря, были приготовлены великолѣпныя кресла для вице-короля и его свиты. Затѣмъ прибылъ кардиналъ съ духовенствомъ. Его Мазаниелло привѣтствовалъ колѣноприклоненіемъ и цѣлованіемъ руки. Кардиналъ вошелъ въ соборъ и благословилъ толпившійся народъ. Затѣмъ онъ приступилъ къ совершенію за главнымъ алтаремъ мессы, послѣ которой секретарь Мазаниелло, Марко Витале, выступивъ на средину церкви, прочиталъ отдѣльные параграфы манифеста. Главныя пункты этого объемистаго документа касались уничтоженія пошлинъ на продукты первой необходимости, затѣмъ рѣчь шла о всеобщей амнистіи за политическіе проступки и въ частности объ амнистіи Мазаниелло и его друзей, какъ главныхъ виновниковъ настоящаго возстанія.

Въ продолженіе этого утомительно-длиннаго чтенія Мазаніелло не разъ проявлялъ признаки крайняго раздраженія. Онъ все время прерывалъ чтеца возраженіями и вопросами, дѣлая это, по своему обыкновенію, весьма неуклюже. Когда, наконецъ, была прочитана подъ объемистымъ документомъ подпись вице-короля и его совѣтниковъ, Мазаніелло бросился передъ кардиналомъ на землю, началъ цѣловать его ноги и объявилъ, что теперь онъ достигъ желаемаго и хочетъ опять вернуться къ своей прежней, простой рыбацкой жизни. Затѣмъ онъ громко пропѣлъ «Te Deum» («Тебе, Бога, хвалимъ»), восторженно подхваченное всѣмъ присутствовавшимъ народомъ, не замѣчавшимъ странностей въ поведеніи своего вождя.

Хотя Мазаніелло и заявилъ о своемъ намѣреніи опять вернуться къ своимъ рыбацкимъ занятіямъ, а все-таки сразу не привелъ этого въ исполненіе. Для того чтобы Мазаніелло при торжественныхъ богослуженіяхъ въ соборѣ не являлся босымъ въ своихъ рыбацкихъ штанахъ, вице-король подарилъ ему изъ собственнаго гардероба новое дорогое платье и герцогскую шляпу. Съ облаченіемъ въ это платье, казалось, въ немъ опять проснулся духъ противорѣчія; въ своихъ поступкахъ онъ колебался между приниженной учтивостью, вспышками дикой жестокости и безгранично-напыщенной гордостью. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ только-что заявилъ, что его миссія исполнена, а вскорѣ послѣ такихъ завѣреній онъ дѣлаетъ весьма важное распоряженіе. Его ненависть къ генераль-адмиралу графу Маддалони, который, между тѣмъ, для безопасности перебрался изъ замка del Ovo на островъ Капри, возросла до такой степени, что онъ назначилъ за его голову 15.000 дукатовъ; въ этотъ и въ слѣдующій день онъ казнилъ на базарной площади многихъ преступниковъ и, сверхъ того, отдалъ приказаніе, чтобы никто, кромѣ него и испанскихъ грандовъ, не смѣлъ носить мантии. Далѣе, онъ опять, какъ и прежде, началъ устраивать въ своемъ домѣ аудіенціи и казалось, что онъ совершенно забылъ о своемъ намѣреніи отказать отъ командованія народомъ. Повліяло на его поведеніе также и то обстоятельство, что его мать, братъ и невѣстка пріѣхали изъ Амальфи, для того чтобы убѣдиться собственными глазами въ невѣроятной молвѣ, будто Мазаніелло сдѣлался неаполитанскимъ герцогомъ.

Недостатокъ образованности и предусмотрительности заставлялъ его дѣлать величайшія глупости. Чтобы показать роднѣ свои интимныя отношенія къ вице-королю, онъ послалъ во дворецъ своего секретаря просить разрѣшенія представить ко двору свою жену, мать и невѣстку. Вице-королева согласилась на посѣщеніе Берардины и послала ей съ этой цѣлью изъ своего гардероба платье, изумившее и драгоцѣнностью штофной матеріи, и элегантностью покроя. Никогда и ничего подобнаго бѣдная жена рыбака и не видывала вблизи. И когда Берардина облачилась въ это пышное

одѣяніе, при чемъ ей помогали мать Мазаниелло и невѣстка,—возгласамъ, оцупываніямъ и осматриваніямъ не было конца. Сіяющая счастьемъ стояла молодая женщина въ великолѣпномъ нарядѣ передъ своими родственницами, и съ гордостью смотрѣла на мать Мазаниелло, которая была все еще красивой женщиной, на своего мужа, увлекшагося нѣмымъ созерцаніемъ весело-улыбающагося лица своей Берардины.

Мазаниелло въ герцогскомъ одѣяніи передъ дворцомъ вице-короля.

Вице-королева приняла красивую молодую женщину съ снисходительной благосклонностью. Наивное простодушіе Берардины, которая, не смотря на свою необразованность, обладала врожденной кокетливой граціей, присущей даже самой послѣдней неаполитанской женщинѣ изъ народа, примирила герцогиню и ея дамъ съ насильно-навязанной гостьей и онѣ добродушно улыбнулись, когда Берардина съ дѣтской наивностью сказала:

— Вы, ваше превосходительство, вице-королева для знатных людей, а я вице-королева для простого народа.

Сіяющая отъ радости и гордости вернула молодая женщина домой; теперь Мазаниелло пришла блажная фантазія, что его братъ тоже долженъ быть принятъ вице-королемъ и другими испанскими грандами; съ большимъ трудомъ секретарю удалось отговорить его отъ этой блажной затѣи.

На второй день послѣ торжественной мессы въ соборѣ ежегодно совершалась большая процессія въ честь Мадонны del Carmine. На базарной площади была сооружена трибуна, откуда вице-король и вся его свита могли видѣть всю процессію. Для Мазаниелло и его товарищей были назначены мѣста тамъ же. Его авторитетъ въ глазахъ народа началъ уже колебаться, ибо хотя онъ продолжалъ отклонять всѣ предложенія о денежныхъ выдачахъ для себя и для своихъ присныхъ, все-таки перестали вѣрить въ его безкорыстіе, съ тѣхъ поръ какъ пустое дѣтское тщеславіе склонило его перемѣнить простой рыбацкій нарядъ на дорогое герцогское одѣяніе и заставило его при всякомъ удобномъ случаѣ вертѣться возлѣ вице-короля. Огромная масса народа чувствовала себя польщенной тѣмъ дружелюбіемъ, которое вице-король оказывалъ народному капитану, но члены лиги мертвыхъ, какъ самая образованная часть друзей отечества, видѣла во всемъ этомъ только пошлую комедію. Во время процессіи Мазаниелло охватилъ порывъ религіознаго сокрушенія. Онъ увѣрялъ окружающихъ, что все, имъ сдѣланное, было ко благу народа и что онъ ничего не желаетъ ни для себя, ни для своихъ родныхъ, какъ заупокойной обѣдни о спасеніи его души,—обѣдни, которая бы совершалась во вѣки вѣковъ ежегодно въ день его смерти.

Когда процессія миновала, Мазаниелло выразилъ желаніе совершить поѣздку по морю. Онъ сѣлъ на барку и приказалъ корабельщикамъ грести по голубымъ волнамъ залива, сверкавшего золотомъ солнечныхъ лучей. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, онъ всталъ и упоеннымъ взоромъ смотрѣлъ на прозрачныя воды и чарующія окрестности, затѣмъ воскликнулъ:

— Море—мое царство! Здѣсь я господинъ и повелитель!—и вдругъ бросился за бортъ.

Хотя онъ былъ отличный пловецъ и водолазь, все-таки тяжелая мантія стѣсняла свободу его движеній, и онъ, вѣроятно, утонулъ бы, если бы корабельщики не помогли ему взобраться на барку.

Вечеромъ родные Мазаниелло уѣхали домой въ Амальфи. Ночью онъ опять не могъ спать, и впервые Берардина была изъ-за него въ величайшей тревогѣ. Казалось, что его неотступно мучили видѣнія: то онъ разражался проклятіями противъ графа Маддалони и говорилъ, что видитъ его обезглавленнымъ, а его голову воткну-

той на пикѣ,—то обращался съ рѣчью къ народу и говорилъ о томъ, что его тѣло изнемогаетъ отъ страшнаго напряженія, но онъ охотно все это перенесетъ и даже пожертвуетъ своей жизнью, если вѣрный неаполитанскій народъ всегда будетъ поминать его въ своихъ молитвахъ. По временамъ онъ начиналъ бормотать что-то до такой степени безсвязное и непонятное, что даже его необразованная жена должна была убѣдиться въ разстройствѣ его умственныхъ способностей.

Едва блѣдное утро заглянуло въ окошки, какъ она стала уговаривать его сходить помолиться Мадоннѣ del Carmine и укрѣпиться въ силахъ. Онъ послушался Берардину и эта мысль до нѣкоторой степени успокоила его.

Между тѣмъ, совершились событія, которыя простой народъ узналъ только отчасти и которыя, по своему недоразумѣнію, онъ истолковывалъ совершенно превратно. Уже раньше во многихъ мѣстахъ королевства были беспорядки и очень естественно, что волненіе въ Неаполѣ могло вызвать подражанія и въ другихъ городахъ. Французскій министръ Мазарини отдалъ приказанія нѣсколькимъ военнымъ кораблямъ идти противъ Неаполя, и испанскій король не могъ съ своей стороны медлить обороной противъ надвигавшейся опасности. Вице-королю было приказано сосредоточить въ Неаполѣ всѣ наличныя военныя силы и сдѣлать всѣ нужныя для обороны распоряженія, чтобы отразить съ моря неожиданное нападеніе французовъ. Утреннее солнце освѣтило неожиданно появившіяся на цитадели пушки и показало смущенному неаполитанскому народу, какъ успѣли испанцы вооружиться, пользуясь темнотой ночи. Выйдя изъ дому, Мазаниелло встрѣтилъ нѣкоторыхъ рыбаковъ, которые обратили его вниманіе на военныя приготовленія. Никто не ожидалъ такого оборота дѣла, и всѣ растерянно заглядывали въ будущее. Грозныя пушки, господствовавшія надъ городомъ, указывали имъ на серьезность положенія, и невольно возникалъ вопросъ — нужно ли принимать какія-либо мѣры или ожидать, сложа руки?

Теперь обнаружилось, что вліяніе Мазаниелло окончательно пошатнулось. Вокругъ него собралась толпа народа, но на большинствѣ лицъ нельзя было прочитать прежняго безусловнаго восхищеннаго довѣрія, а былъ замѣтенъ лишь простой страхъ предъ сумасшедшимъ.

Взглянувъ на толпу, онъ засучилъ рукавъ и раскрылъ на груди свою фуфайку.

— Смотрите,—вскричалъ онъ,—какъ истощились мои силы въ борьбѣ за неаполитанскій народъ! Теперь я только жалкій человѣкъ, стоящій на краю могилы. Помолитесь же послѣ моей смерти за мою бѣдную душу.

Съ быстротой молніи разнеслась молва, что Мазаниелло сошелъ

съ ума, и если его друзья возражали противъ этого и старались возстановить его авторитетъ, то все-таки изъ устъ въ уста переходилъ подозрительный шопоть; все дѣло теперь заключалось въ томъ, что народный вожакъ долженъ былъ возстановить свой престижъ, явившись передъ толпой въ своемъ прежнемъ обаяніи.

Едва онъ узналъ, что народъ уже съ раняго утра началъ сильно волноваться, какъ приказалъ привести свою лошадь, намѣреваясь переговорить съ вице-королемъ лично. Его секретарь, Марко Витале, долженъ былъ сопровождать его, но монаха не могли найти и узнали, что въ прошедшую ночь онъ отправился въ вице-королевскій замокъ. Къ Мазаниелло присоединились его оставшіеся друзья и часть народа, подкупленная его энергическимъ поведеніемъ, опять исполнилась къ нему довѣрія.

Но въ этотъ день окончательно выяснилось, что всѣ прежнія отношенія измѣнились: вице-король отказался принять народнаго вожака, а вмѣсто того монахъ Марко Витале сообщилъ ему, по порученію герцога Аркоса, чтобы онъ удалился, и въ церкви del Carmine ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Мазаниелло былъ такъ возмущенъ этими небрежно-сказанными грубымъ тономъ словами, что обнажилъ свою шпагу и, въ припадкѣ ярости, тяжело изранилъ монаха. Затѣмъ, онъ отправился на базарную площадь, но народъ уже начиналъ роптать на него, а какіе-то дерзкіе мальчишки осмѣлились даже громко назвать его дуракомъ и, вообще, всячески издѣваться надъ нимъ.

Въ высшей степени раздраженный, весь въ поту, прибѣжалъ онъ въ церковь del Carmine, куда какъ разъ въ это же время пришелъ и кардиналъ Филомарино. Мазаниелло бросился къ нему, упалъ передъ нимъ на колѣни и воскликнулъ:

— Посмотрите, высокочтимый владыко, какъ отворачивается отъ меня неблагодарный народъ и какъ онъ предаетъ меня. Я знаю, что мнѣ не долго жить—они убьютъ меня, но я умру съ сознаниемъ, что достигъ своей цѣли и что Неаполь свободно вздохнулъ отъ тяжелаго гнета. Мое послѣднее желаніе, чтобы за упокой моей бѣдной души отслужили мессу—да умиосердитесь надо мной Всевышній и Св. Дѣва.

Кардиналъ старался успокоить его и дѣйствительно достигъ того, что Мазаниелло спокойно и благоговѣнно выслушалъ мессу. Послѣ нея онъ опять палъ предъ кардиналомъ ницъ и попросилъ Филомарино благословенія, что маститый владыко охотно исполнилъ.

Затѣмъ Мазаниелло, пройдя черезъ толпу молящихся, вышелъ изъ-подъ сводовъ церкви на паперть, съ которой нѣсколько ступеней вели прямо на базарную площадь. Благодаря пуценой молвѣ о его безуміи, народъ боялся его и всѣ вообще старались избѣгать съ нимъ сношеній. Такимъ образомъ, онъ вышелъ на площадь совершенно одинъ. Онъ былъ въ одѣяніи, подаренномъ ему

вице-королемъ, въ драгоцѣнной мантии, герцогской шляпѣ и препоясанный мечемъ. На базарной площади опять собралась толпа народа и взоры всѣхъ были напряженно устремлены на него. Громкимъ голосомъ Мазаниелло проговорилъ:

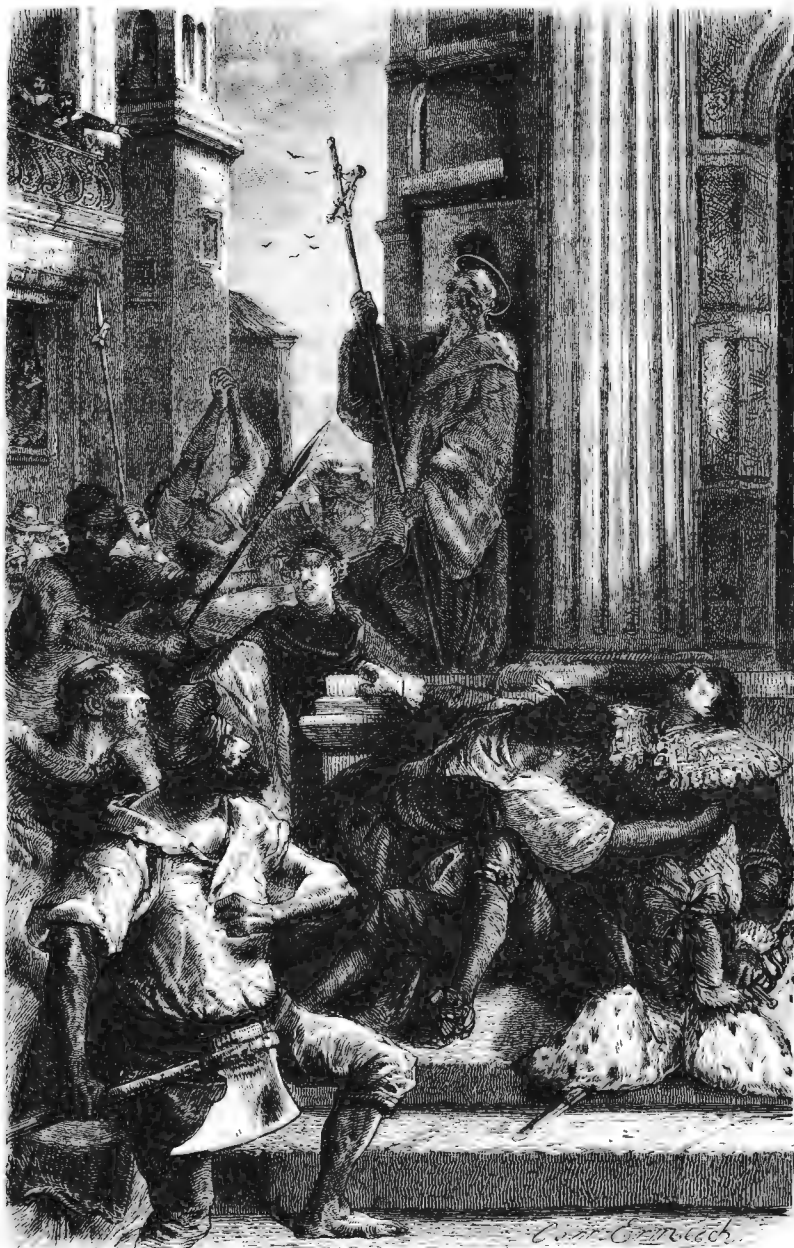
— Ты ждешь меня, вѣрный народъ, и желаешь меня видѣть? Вотъ я...

На этомъ онъ былъ прерванъ: изъ третьяго этажа сосѣдняго дома въ него было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ; онъ свалился, подкошенный какъ снопъ, и, успѣвъ лишь проговорить: «о, вы предатели! неблагодарные!»—мгновенно испустилъ духъ.

Потрясающій крикъ ужаса разомъ вылетѣлъ изъ тысячи грудей. Конечно, онъ былъ сумасшедшій и оказался недоросшимъ до своей чрезвычайной роли, но вѣдь все-таки сердце его было чисто и онъ на самомъ дѣлѣ любилъ народъ. Всѣ тѣснились около трупа убитаго. Вѣсть объ убійствѣ Мазаниелло быстро долетѣла до его дома, и его бѣдная жена, съ раздирающими душу воплями, бросилась, протискиваясь сквозь толпу, къ дорогому трупу. Какъ ни сильна была давка и какъ ни дико было остервенѣнне толпы, а Берардину все-таки пропустили, и бѣдная женщина съ пронзительнымъ крикомъ безъ чувствъ упала на грудь предательски умерщвленнаго Мазаниелло. Сострадательныя женщины подняли Берардину и вынесли изъ толпы, ибо здѣсь ей угрожала опасность быть раздавленной: около трупа тѣснилась разсвирѣпѣвшая чернь. Едва только Берардина удалилась, какъ шумъ и гамъ около бездыханнаго Мазаниелло еще больше увеличились. Какой-то рабочій отрубилъ топоромъ у трупа голову, воткнулъ ее на пику и торжественно понесъ ее по улицамъ Неаполя, громко выкрикивая: «Мазаниелло мертвъ,—да здравствуетъ король испанскій!» А уличные мальчишки поволокли, между тѣмъ, обезглавленное тѣло, съ дикими возгласами, на базарную площадь.

Для испанцевъ этотъ моментъ былъ чрезвычайно выгоденъ. Вице-король сѣлъ на лошадь и медленно, торжественно поѣхалъ со всей своей свитой, съ министрами и совѣтниками, по улицамъ города. Кардиналъ тоже сѣлъ на богато-убранную лошадь и присоединился къ шествію; растянувшемуся вплоть до самаго собора, въ которомъ на главномъ алтарѣ хранилась часть мощей св. Януарія.

Затѣмъ, шествіе повернуло на базарную площадь, гдѣ, между тѣмъ, собрались тысячи народа. Вице-король громкимъ голосомъ объявилъ, что привилегіи, только-что дарованныя городу, должны быть сохранены свято и нерушимо. Народъ подтвердилъ свое согласіе кликами: «да здравствуетъ король испанскій! да здравствуетъ кардиналъ Филомарино! да здравствуетъ герцогъ Аркосъ!» Изъ многихъ домовъ знатные испанцы бросали деньги въ толпу, восторгамъ которой не было предѣловъ и конца. Испанскіе сол-

Предательское убийство Мазаниелло.

даты опять заняли всѣ сторожевые посты, какъ было до возстанія, и имени Мазаниелло, господство котораго продолжалось всего десять дней, никто болѣе не вспоминалъ. Его близкіе друзья частію спаслись бѣгствомъ, частію скрывались въ потаенныхъ мѣстахъ, или, наконецъ, попались въ плѣнъ. Черезъ нѣсколько дней, когда воцарилось въ городѣ полное спокойствіе, негодованіе противъ Мазаниелло тоже улеглось; появились въ народѣ и друзья его, и народъ всѣ ошибки своего предводителя приписалъ охватившему его за послѣднее время безумію.

Кардиналь архіепископъ Филомарино сдержалъ слово, данное покойному, и отслужилъ по немъ въ церкви Мадонны del Carmine торжественную заупокойную мессу. Въ этотъ день, по распоряженію властей, былъ спеченъ для народа огромный хлѣбъ, и это обстоятельство до такой степени понравилось неаполитанцамъ, что они почти совсѣмъ не принимали участія въ заупокойной молитвѣ по безвременно погибшемъ любимцѣ.

Тѣло Мазаниелло и его голова исчезли и никто не могъ увѣренно сказать, гдѣ находятся его бранные останки. Преданіе сообщаетъ, что онъ былъ похороненъ въ церкви Мадонны del Carmine, но невѣжественный неаполитанскій народъ въ этомъ отношеніи крайне ненадеженъ, ибо исторія знаетъ только, что въ названной церкви находится могила послѣдняго изъ Гогенштауфеновъ, Конрадина Швабскаго, почти сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ обезглавленнаго на базарной площади въ Неаполѣ. О могилѣ же Мазаниелло нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій.

Сальваторъ Роза находитъ своего ослѣпшаго брата Тебальдо.

XV.

Возстаніе подавлено. Заключение.

МЕЖДУ ТѢМЪ, Сальваторъ Роза съ величайшей поспѣшностью совершалъ свою поѣздку изъ Флоренціи черезъ Римъ въ Неаполь. Вся Италия напряженно слѣдила за неаполитанской революціей и повсюду распускались самыя неправдоподобныя слухи. Путешествіе моремъ было небезопасно, такъ какъ множество французскихъ военныхъ судовъ, по приказанію герцога Гиза, стало на якорѣ въ Піомбинскомъ заливѣ, противъ острова Эльбы, съ тѣмъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ отплыть на югъ.

Съ крайнимъ изумленіемъ узналъ живописецъ, что его другъ, Мазаниелло, изъ Амальфи, сталъ во главѣ народнаго возстанія и, въ роли вожака революціонной массы, приобрѣлъ въ Неаполѣ огромный авторитетъ.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ спѣшилъ онъ поэтому въ Неаполь, но, прїѣхавъ туда, онъ увидѣлъ, что обстоятельства совершенно измѣнились.

Онъ узналъ о предательскомъ убійствѣ Мазаниелло, котораго всѣ обвиняли въ томъ, что онъ, ослѣпленный тщеславіемъ, съ опрометчивой торопливостью перешелъ на сторону герцога Аркоса и что главной причиной такой опрометчивости было его сумасшествіе.

Въ первые дни послѣ смерти Мазаниелло казалось, что водворились снова старыя патріархальные порядки; но народные зачинщики вскорѣ опять подняли головы, держа въ страхѣ испанскій гарнизонъ. Главные представители «лиги мертвыхъ» неустанно старались поджигать народное возбуденіе, не преслѣдуя собственно никакой опредѣленной цѣли въ своихъ идеалистическихъ намѣреніяхъ.

Нѣкоторое время преемникомъ Мазаниелло былъ Франческо ди Торальто, но его положеніе было не особенно прочно, ибо испанскій флотъ, подъ начальствомъ Донъ-Жуана Австрійскаго, показался при входѣ въ заливъ, около острова Искіи, и Торальто опасался вступать въ сношенія съ принцемъ. Подобно знаменитому Донъ-Жуану Австрійскому, сыну императора Карла V отъ красивой Варвары Бломбергъ, дочери регенбургскаго гражданина, почти столѣтъ назадъ стяжавшаго славу испанскаго морскаго героя, и этотъ молодой Донъ-Жуанъ Австрійскій, сынъ короля Филиппа IV и очаровательной актриссы Маріи Кальдеронъ, долженъ былъ отличиться своей храбростью на морѣ, дабы король могъ съ теченіемъ времени дать ему высшую должность. Онъ былъ еще очень юнъ, но его красота, отважность и любезность были уже темой всеобщихъ разговоровъ.

Для Сальватора Розы было очень затруднительно найтись въ новомъ положеніи вещей. Его друзья по «лигѣ мертвыхъ» все еще надѣялись на побѣду республиканской партіи, а народъ, между тѣмъ, пришелъ къ убѣжденію, что можно жить только подъ защитой испанскаго владычества; распространялось даже мнѣніе, что Мазаниелло имѣлъ сношенія съ герцогомъ Гизомъ. Такъ какъ первое возстаніе противъ тягостныхъ налоговъ было успѣшно, то возникали все новыя и новыя претензіи, угрожавшія новыми возстаніями,—нельзя было и предвидѣть, когда все это кончится. Вдова Мазаниелло была помѣщена, по приказанію вице-короля, въ монастырь, гдѣ за ней строго наблюдали и вообще содержали словно въ тюрьмѣ, чтобы она при случаѣ не могла послужить народу средствомъ для возбужденія его неудовольствія.

Весьма выдающуюся роль игралъ Джениаро Аянезе, который собственно и долженъ былъ, по народному къ нему расположенію, сдѣлаться преемникомъ Мазаниелло; но онъ уступилъ Торальто,

ибо послѣдній былъ силенъ въ грамотѣ и, вообще, практичнѣе и опытнѣе его.

Сальваторъ съ горестію узналъ, что зять его Фраканцано умеръ, оставивъ жену съ дѣтми и тещу безъ всякихъ средствъ; онѣ переселились на родину, живя тамъ подачками сына, помогавшаго уже раньше, а теперь вынужденнаго еще увеличить свою помощь.

Сальваторъ былъ очень утѣшенъ, убѣдившись, что дворецъ графа Мендоца остался цѣлъ и невредимъ. Изъ разспросовъ Сальваторъ узналъ, что какъ графъ, такъ и его дочь Корнелія покидали свой дворецъ въ опасные дни революціи только по обязанности находиться вблизи вице-королевской семьи. Снѣдаемый сердечнымъ нетерпѣніемъ, живописецъ просилъ доложить о своемъ желаніи видѣть графа и его дочь, не размысливъ, что такимъ шагомъ онъ необходимымъ образомъ долженъ пробудить мнѣніе о своихъ симпатіяхъ къ испанцамъ.

Онъ былъ принятъ графомъ съ теплыми рукопожатіями, а Корнеліей съ радостно-сіяющими взорами; его сердце сильно забилося, когда онъ замѣтилъ, какъ похорошѣла за время его отсутствія молодая дѣвушка. Нѣжное, хрупкое существо разцвѣло въ вполнѣ развившуюся женщину, ея станъ, казалось, пополнѣлъ, сама вся она выросла, черты лица сдѣлались энергичнѣе и было ясно, что эта внѣшняя перемѣна произошла послѣ счастливо-перенесенныхъ внутреннихъ бурь.

Разумѣется, графъ съ сердечнымъ дружелюбіемъ началъ съ Сальваторомъ бесѣду.

— Вы возвратились,—сказалъ онъ,—какъ разъ въ тотъ моментъ, когда кончился кровавый карнавалъ этой ужасной катастрофы и когда, наконецъ, опять водворидись тишина и порядокъ. Вы должны благодарить Бога, что онъ не допустилъ васъ быть свидѣтелемъ этихъ кровавыхъ и жестокихъ сценъ. Дикость и безуміе сдѣлались повелителями, но Провидѣніе все устроило къ нашему благополучію и мы опять можемъ съ спокойной увѣренностью и отвагой смотрѣть на будущность.

— Вы безъ сомнѣнія уже знаете обо всемъ, что здѣсь происходило,—сказала съ своей стороны Корнелія,—несчастный молодой человекъ, случайно ставшій во главѣ возмущенія, убитъ, а его бѣдная жена живетъ, по крайней мѣрѣ, въ безопасности. Я не потеряла ее изъ виду и буду дѣлать все возможное, чтобы смягчить ея жребій. Никто, конечно, больше не сомнѣвается, что вся эта ужасная катастрофа могла произойти вслѣдствіе печальныхъ заблужденій и злонамѣренныхъ подстрекательствъ; орудіями были бѣдные невѣжественные люди, но зачинщиковъ Богъ накажетъ. А вы, между тѣмъ, жили вашимъ искусствомъ, творили и, вѣроятно, многое можете поразсказать намъ о вашемъ путешествіи и о вашихъ новыхъ созданіяхъ. Теперь въ Неаполѣ опять водво-

рень полный порядокъ, теперь уже осушены слезы, вызванныя утратой столькихъ дорогихъ людей, теперь подъ сѣнью благословеннаго мира мы опять можемъ наслаждаться дивными созданіями искусства.

Сальваторъ чувствовалъ, какъ судорожно сжималось его сердце.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ,—что вы, графъ, и ваша благородная дочь счастливо пережили это тяжелое бѣдственное время и весело смотрите въ будущее; я же, тѣмъ не менѣе, не могу раздѣлять вашихъ упованій. Меня привлекла сюда любовь къ родному городу: какъ мы спѣшимъ къ близкому и дорогому родному, когда его постигаетъ тяжкая болѣзнь или угрожаетъ опасность, такъ я не находилъ покоя, пока не пріѣхалъ въ Неаполь. Я вижу, что обстоятельства все еще очень запутаны, и если я не обманываюсь, надвигается продолжительная война изъ-за этого райскаго клочка земли. Вы безъ сомнѣнія знаете, что французскій флотъ по приказанію герцога Гиза приближается къ Неаполю?

— Онъ не отважится,—возразилъ графъ,—подойти ближе: для него опасенъ испанскій флотъ, стоящій на якорѣ у Искіи; нашъ молодой морской герой Донъ-Жунъ отвадитъ французскаго герцога отъ покушеній на Неаполь.

Сальваторъ отлично понималъ, что на это можно было возразить, не оскорбляя испанскаго самолюбія и не отказываясь отъ собственнаго мнѣнія. Съ глубокимъ прискорбіемъ онъ увидѣлъ, какъ увеличилась бездна, раздѣлявшая его отъ Корнеліи, и онъ пожалѣлъ, что возвратился въ Неаполь.

Въ то время какъ онъ еще предавался своимъ размышленіямъ, на улицѣ послышались голоса, ясно доказывавшіе, что опять среди народа случилось нѣчто необыкновенное. Раздавались дикіе возгласы, все громче и пронзительнѣе слышался ревъ мимобѣгущей толпы и въ этотъ моментъ, конечно, нечего было и думать о спокойномъ продолженіи разговора. Графъ поспѣшилъ въ сосѣднюю комнату, чтобы узнать о причинѣ шума. Сальваторъ остался съ Корнеліей одинъ на одинъ, и такъ какъ онъ видѣлъ, что она нисколько не испугалась, хотя напряженно ожидала извѣстій о случившемся, онъ высказалъ свое удивленіе по поводу ея спокойствія.

Она посмотрѣла на него. Щеки ея горѣли и глаза блистали.

— Въ опасностяхъ закаляется духъ,—быстро сказала она,—въ эти послѣднія недѣли я впервые узнала, какъ справедливы эти слова. Раньше вы не знали меня съ этой стороны, но вы, вѣроятно, не думаете, что женщинѣ не слѣдуетъ разсуждать о великихъ вопросахъ, которыми рѣшается судьба народовъ? Вѣдь мы можемъ и любить, и ненавидѣть. Я испанка и люблю тѣхъ, которые предавы нашимъ интересамъ, и страстно ненавижу нашихъ противниковъ. Идите, синьоръ Сальваторъ, и посмотрите, что происходитъ теперь въ Неаполѣ. Вы знаете мой характеръ и повѣрите мнѣ, что ужасныя событія послѣдняго времени еще больше

закалили мой духъ. Вы отыскали, и мнѣ это кажется хорошимъ знакомъ. Теперь настало время быстрыхъ, рѣшительныхъ поступковъ. Отрекитесь отъ того общества, которое Неаполю принесло столько несчастія. Если вы опять придете въ этотъ домъ, то я приму ваше появленіе за знакъ, что вы принадлежите къ партіи моего отца.

Сальваторъ молча откланялся и хотѣлъ было удалиться, но въ это время вернулся графъ сильно взволнованный и сообщилъ, что народъ снова взбунтовался; около статуи Мадонны на базарной площади водрузили чудотворное распятіе изъ Кармелитской церкви, дабы скрываться подъ защитой этой святыни; Франческо Торальто убитъ и всѣ думаютъ, что народъ желаетъ побрататься съ французами. Въ заключеніе графъ высказалъ убѣжденіе, что опасность для испанцевъ не такъ велика, какъ въ первые дни революціи, ибо на улицахъ города не можетъ болѣе повториться битвы. Напротивъ, теперь политическія страсти раздражены гораздо больше, чѣмъ раньше. Поэтому, графъ велѣлъ затворить ворота дворца, но уже никакихъ особенныхъ мѣръ предосторожности не принималось.

Сальваторъ Роза, поблѣднѣвшій отъ внутренняго волненія какъ мертвецъ, быстро простился съ графомъ и его дочерью и поспѣшилъ на базарную площадь. Ему нечего было думать о своей безопасности: чѣмъ больше опасности, тѣмъ лучше. Здѣсь испанцы, тамъ французы, а для Неаполя и для него не было никакихъ надеждъ.

Придя на базарную площадь, онъ нашелъ тамъ то самое, о чемъ рассказывалъ графъ. Торальто былъ убитъ и голова его была воткнута на пику, народъ уже выбралъ ему преемника и это былъ никто иной, какъ Дженнаро Аннезе, рыбакъ, другъ Мазаниелло.

Увидѣвъ его, Сальваторъ поздоровался съ нимъ, какъ старый знакомый. Онъ былъ удивленъ перемѣной, происшедшей въ короткое время въ наружности этого человѣка. Черты Дженнаро обострились, глаза глубоко провалились, и онъ, вообще, казался старше своихъ лѣтъ. По своимъ познаніямъ онъ, конечно, уступалъ Мазаниелло, не доставало ему и той чарующей, притягательной силы, которая сказывалась во взорѣ и въ голосѣ перваго народнаго вожака, но зато трезвая разсудительность удерживала его и отъ опрометчивой торопливости, и отъ грубаго чванства. Онъ носилъ фантастическое одѣяніе, очень походившее на рыбацій костюмъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далекое отъ испанской моды. За поясомъ у него было нѣсколько пистолетовъ, а испуганный взглядъ его, равно какъ и замѣтное внутреннее безпокойство, ясно показывали, что онъ постоянно безпокоится за свою жизнь.

Сальваторъ держался очень осторожно, ибо вовсе не желалъ играть въ руку планамъ герцога Гиза. Онъ хотѣлъ подождать, пока случай сведетъ его съ прежними друзьями: сердце его было слишкомъ встревожено, а умъ слишкомъ проницателенъ, чтобы

легкомысленно увлечься всѣмъ происходившимъ. Такимъ образомъ, нѣсколько дней бродилъ онъ по родному городу, ограничиваясь лишь наблюденіями за всѣми происшествіями.

Объ его пребываніи не могли узнать, и въ скоромъ времени онъ встрѣтился на улицѣ съ Аніелло Фальконе. Привѣтствія со стороны этого фанатическаго приверженца лиги мертвыхъ были не особенно сердечны, ибо знали, что Сальваторъ Роза со времени своего принятія въ лигу удалился изъ Неаполя и преслѣдовалъ лишь личныя цѣли. Но когда Фальконе узналъ, что любовь Сальватора къ Неаполю по прежнему осталась неизмѣнной, онъ пригласилъ его придти на собраніе членовъ лиги въ тотъ же вечеръ.

При крайней опасности, угрожавшей лигѣ въ самомъ городѣ, мѣстомъ собранія былъ выбранъ монастырь Камальдоли, расположенный высоко надъ Фомеро. Тамъ находилась монастырская церковь и каждый изъ монаховъ, облаченный въ совершенно бѣлую рясу, имѣлъ свой отдѣльный маленькій домикъ съ уголкомъ землицы.

Сальваторъ въ собраніи все время молчалъ. Его сердце болѣзненно сжималось, слушая эти вдохновенныя, сумасбродныя рѣчи. Тамъ внизу истекалъ кровью несчастный народъ,—дальше, гдѣ островъ Искія сіялъ среди морскихъ волнъ, обогрѣнныхъ закатомъ, испанскій флотъ выжидалъ удобнаго момента, чтобы овладѣть городомъ,—а здѣсь убивали даромъ время на широковѣщательныя фразы, которыя могли удовлетворять только самихъ ораторовъ.

Глубоковзволнованный живописецъ вошелъ на горный уступъ, съ котораго очарованному взору открывался прелестнѣйшій видъ на Неаполитанскій заливъ. Острова Каира, Низида, Процида и Искія утопали въ золотѣ солнечныхъ лучей среди уже потемнѣвшихъ волнъ, а надъ ними возвышался Везувій, у подошвы котораго раскинулись Портичи и другія окрестныя мѣстности до самаго берега Сорренто. Дальше взорамъ открывалась Байя, неоднократно воспѣтая Гораціемъ въ его одахъ, долина на мысѣ Мизена, гдѣ убійцы, подсланные Нерономъ, умертвили мать, по приказанію ея жестокаго сына, и берегъ, на который, около того же времени, высадился апостоль Павелъ, съ тѣмъ, чтобы возвѣститъ погрязшему въ развратѣ всемірному Риму евангеліе любви. Какія картины! Какія воспоминанія! И когда собраніе разошлось по домамъ по вьющейся горной тропинкѣ мимо могилы поэта Виргилія, сердце Сальватора, казалось, готово было разорваться на части отъ скорбной думы о своемъ прекрасномъ, несчастномъ отечествѣ.

Вскорѣ французы бросили якорь у острова Проциды и переговоры между представителями герцога Гиза и генералъ-капитаномъ неаполитанскаго народа Дженнаро Аннезе приняли благоприятный оборотъ. Какъ потомокъ анжуайской династіи герцогъ надѣялся оправдать свои претензіи на Неаполь на правахъ наследника, и его чистолюбіе не могло успокоиться, пока онъ не

достигнетъ цѣли. Кардиналь Мазарини отговаривалъ его лично участвовать въ экспедиціи: государственному уму министра казались безсмысленными претензіи, которыя герцогъ хотѣлъ осуществить при помощи революціи.

Дѣло дошло до того, что герцогъ Гизъ самъ вступилъ въ тайные переговоры съ Дженнаро. Но свиданія избалованнаго французскаго принца съ необразованнымъ плебеємъ не имѣли никакого существеннаго результата. Какъ его предшественникъ Мазаніелло, такъ и Дженнаро, былъ круглымъ невѣждой, съ неотесанными манерами. Разстроенный принцъ возвратился на свой корабль. А Дженнаро, отлично понявшій своимъ трезвымъ умомъ, что французъ хотѣлъ оказать протекцію неаполитанскому народу только изъ личныхъ выгодъ, быстро порвалъ всякія сношенія съ герцогомъ Гизомъ. Послѣ того французскій флотъ ради вящей безопасности отплылъ въ Салернскій заливъ. Дженнаро охотно завязалъ бы сношенія съ Донъ-Жуаномъ Австрійскимъ, если бы это не противорѣчило народнымъ интересамъ.

Въ этотъ критическій моментъ для генераль-капитана была истиннымъ утѣшеніемъ встрѣча съ живописцемъ Сальваторомъ Розой. Его Дженнаро зналъ лучше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ членовъ лиги мертвыхъ и ему одному безгранично вѣрилъ. Много они бесѣдовали по поводу текущихъ событій, и хотя при такомъ образѣ дѣйствія едва ли можно было рассчитывать на хорошій конецъ, все-таки онъ хотѣлъ договориться до какого-нибудь рѣшенія.

Въ одинъ прекрасный день въ разговорѣ случайно шли они на то мѣсто на морскомъ берегу, гдѣ впервые встрѣтились и познакомились. Обоимъ окватило грустное чувство при мысли о пережитомъ, при горькомъ сознаніи, что они далеко не достигли цѣли своихъ патріотическихъ мечтаній. Если сынъ простого народа думалъ нѣсколько иначе о положеніи вещей, чѣмъ Сальваторъ Роза, то, несомнѣнно, онъ чувствовалъ такъ же, какъ и послѣдній, что прямая дорога къ цѣли еще не найдена. Вся важность огромной задачи, выпавшей на его долю,—задачи, къ выполненію которой онъ вовсе не былъ подготовленъ, хотя и не сводила его съ ума, какъ его предшественника Мазаніелло, а все-таки вселила въ него страхъ и лихорадочное безпокойство, похитившіе у него сонъ, лишившіе его всякаго аппетита, такъ что онъ ежеминутно боялся, чтобы его не отравили.

Они все еще предавались въ разговорѣ воспоминаніямъ объ утраченныхъ надеждахъ, какъ вдругъ Дженнаро, съ загорѣвшимся взоромъ промолвилъ:

— Важныя общественныя дѣла, всякія текуція событія постепенно убиваютъ въ насъ личную жизнь, личные интересы. Какъ часто мнѣ хотѣлось свидѣться съ вами, чтобы подѣлиться новостями, которыя, роковымъ образомъ, можетъ быть, дороги для васъ. Теперь я вижу съ вами уже нѣсколько дней, и еслибы

случайно нашъ разговоръ не коснулся первой встрѣчи, кто знаетъ, вспомнилъ ли я бы въ теперешнемъ тревожномъ настроеніи духа объ одномъ происшествіи. Вѣроятно, вы припомните, что говорили тогда объ одной пѣснѣ, которую вы и ваши братья выучили со словъ матери, и которая сдѣлалась для васъ какъ бы семейной святыней. Я не забылъ простой мелодіи этой пѣсни. И представьте себѣ, я нѣсколько времени тому назадъ опять услышалъ вашу пѣсню и тотчасъ же вспомнилъ, что это именно та самая пѣсня, которую вы мнѣ тогда пропѣли.

Сальваторъ смущенно посмотрѣлъ на Дженнаро.

— Это нужно принять къ свѣдѣнію,—сказалъ онъ,—можетъ быть это случайное совпаденіе обстоятельствъ, а можетъ быть такимъ образомъ мнѣ удастся напасть на слѣдъ моего пропавшаго брата Тебальдо. Дай Богъ хоть на этотъ разъ не обмануться: одно время мнѣ удалось кое-что разузнать о немъ, а потомъ опять всѣ надежды рушились.

— Не знаю, могу ли я чѣмъ-нибудь помочь вамъ,—возразилъ Дженнаро,—но во всякомъ случаѣ передаю только то, что самъ слышалъ, а дальше ужъ вы дѣйствуете сами. Отправьтесь въ Портичи, къ церкви Мадонны Константинопольской. Тамъ, у главнаго входа, уже совершенно исправленнаго послѣ разгрома при началѣ нашей революціи, я слышалъ пѣсню изъ устъ одного челоуѣка, котораго, пожалуй, и теперь можно будетъ встрѣтить тамъ если только послѣднія событія не прогнали его оттуда.

— Ницаго?—воскликнулъ Сальваторъ въ мучительномъ нетерпѣніи.

— Приготовьтесь ко всему непріятному,—возразилъ Дженнаро,—повторяю вамъ, я не могу рѣшить, лучше ли будетъ, если вы его совсѣмъ не найдете.

— Если онъ живъ, я вѣчно буду благодарить Бога, если Онъ поможетъ мнѣ найти его,—сказалъ Сальваторъ, всецѣло отдавшійся мысли о своемъ потерянномъ братѣ.

Простившись съ Дженнаро, онъ тотчасъ отправился въ Портичи.

Съ изумленіемъ смотрѣли поселяне, шедшіе въ городъ пѣшкомъ и ѣхавшіе на мулахъ на быстро шагавшаго странника: онъ шелъ сосредоточенно, не обращая вниманія на живописныя окрестности, не глядя ни налѣво, гдѣ величественно высился Везувій съ своей дымящейся вершиной, ни направо, гдѣ разстилалось чарующе море. Онъ весь былъ поглощенъ однимъ желаніемъ; если онъ не надѣялся тотчасъ отыскать своего брата, то все-таки ему достаточно было напасть только на слѣдъ, чтобы вообразить уже возможность свиданія. Онъ хотѣлъ помочь Тебальдо, если тотъ былъ въ нищетѣ: онъ хотѣлъ утѣшить его и вылечить, если онъ былъ боленъ. Такіе люди, какъ Дженнаро, считаютъ позоромъ ходить въ рубищѣ и просить милостыню; но вѣдь все это быстро перемѣнится, и теперь во

власти Сальватора дать своему бѣдному брату средства, въ которыхъ онъ нуждается.

Наконецъ, Сальваторъ подошелъ къ церкви, уже издали замѣтивъ, что по обѣимъ сторонамъ главнаго входа, какъ это было въ обычаѣ по всей странѣ, сидѣли колѣнки и нищія, частью удрученные старостью, частью одержимые болѣзнями въ надеждѣ на состраданіе благочестивыхъ прихожанъ.

Сальваторъ не могъ, ошибиться, у церкви дѣйствительно сидѣлъ молодой человѣкъ, который долженъ былъ быть его братомъ; онъ держалъ въ рукахъ лютню и пѣлъ, но живописецъ не могъ еще разобрать ни словъ, ни мелодій его пѣсенъ.

Около молодого человѣка сидѣлъ на корточкахъ ребенокъ, маленькая дѣвочка, очевидно скучавшая и со скуки сосавшая апельсинъ.

Сальваторъ поспѣшилъ было къ молодому человѣку, но вдругъ остановился: онъ услышалъ голосъ, потрясшій его до глубины души. Это дѣйствительно была пѣсня его матери; безъ сомнѣнія это были тѣ самые простые стихи, смыслъ и мелодія которыхъ на всякаго посторонняго слушателя, можетъ быть, не произвели бы особеннаго впечатлѣнія и которые, между тѣмъ, его потрясли до мозга костей.

Дитя съ любопытствомъ и съ надеждой на подачку посмотрѣло на подошедшаго чужестранца; другіе нищія, замѣтивъ Сальватора, тоже по обыкновенію громко начали просить милостыню, какъ и всегда. Молодой человѣкъ поднялъ голову—и страшная истина наконецъ открылась Сальватору. Это былъ тотъ самый молодой человѣкъ, котораго онъ впервые увидѣлъ на похоронахъ Корнеліи Кортези, который, затѣмъ, при вторичной встрѣчѣ у дворца графа Мендоца привелъ его въ ярость, котораго онъ оставилъ на произволъ разбойниковъ; вѣдъ всякихъ сомнѣній, это былъ его братъ и положеніе его было самое плачевное: несчастный былъ ослѣпленъ, для него наступила вѣчная ночь.

Много горя видѣлъ въ своей жизни живописецъ, новое свиданіе съ Корнеліей и событія послѣднихъ дней притупили его воспріимчивость къ человѣческимъ страданіямъ, но здѣсь несчастье близкаго дорогаго существа такъ сильно и глубоко подѣйствовало на него, что онъ потерялъ всякое самообладаніе. Съ болѣзненнымъ воплемъ: «мой братъ! мой несчастный братъ!» бросился Сальваторъ передъ нимъ на колѣни, обнялъ его, стараясь привлечь къ себѣ.

Испуганный, въ высшей степени смущенный, слѣпецъ не понималъ, что съ нимъ такое; дрожь пробѣжала по его тѣлу и мускулы лица перекошились отъ волненія. Онъ ощупывалъ волосы и лицо стоявшаго передъ нимъ на колѣняхъ человѣка и много нужно было времени, чтобы изъ вопросовъ и отвѣтовъ онъ понялъ хотя бы скудную часть истины.

Между тѣмъ, дѣвочка, сидѣвшая на землѣ рядомъ съ слѣпымъ, куда-то убѣжала и черезъ нѣкоторое время вернулась въ сопрож-

дені женщины, начавшей причитывать и громко плакать, говоря, что, вѣроятно, Тебальдо не отнимуть у нея, ибо онъ ея единственное утѣшеніе и ея послѣдняя защита. Хотя Сальваторъ не могъ знать, въ какихъ отношеніяхъ былъ его братъ съ этою женщиной, онъ тотчасъ же вызвался вознаграждать ее за ту матеріальную поддержку, которой она лишалась въ лицѣ Тебальдо; съ братомъ же своимъ онъ никоимъ образомъ не разлучится и ни минуты не оставитъ его въ этой жалостной обстановкѣ. При этихъ словахъ Тебальдо уцѣпился костлявыми руками за руку своего брата и многими словами далъ понять, что онъ въ высшей степени счастливъ, имѣя возможность при его помощи выйти изъ своего плачевнаго положенія. У Сальватора съ собой было порядочно денегъ, съ помощью которыхъ можно было и заставить замолчать воющую женщину, и получить ея согласіе, показавъ ей, что противъ правъ брата ничего не подѣлаешь.

Живописецъ привелъ брата на свою квартиру и позаботился одѣть его въ свое платье, напоить и накормить. Главнымъ образомъ, Сальваторъ на первыхъ порахъ приложилъ всѣ старанія для восстановленія его физическихъ силъ.

Исподволь и какъ бы невзначай Сальваторъ рѣшился затѣмъ распросить бѣднягу о его злосчастной судьбѣ. Дикіе бандиты подъ предводительствомъ чернаго Беппо изъ мести долгое время по дебрямъ таскали за собой несчастнаго Тебальдо; боясь, чтобы онъ какъ-нибудь не выдалъ ихъ, бандиты порѣшили убить его. Но черныи Беппо напомнилъ о данномъ словѣ, что молодой человѣкъ не будетъ убитъ, а только никогда не увидитъ своего отца. Послѣ этого, бандиты жестоко ослѣпили Тебальдо; потаскали его еще нѣсколько дней съ собой, такъ что онъ не зналъ, гдѣ собственно находится, и, наконецъ, поручили его одной женщинѣ, мужъ которой, тоже бандитъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ пойманъ и повѣшенъ. Беппо, знавшій дарованіе Тебальдо къ пѣнію и къ игрѣ на лютнѣ, желалъ такимъ образомъ обезпечить вдовѣ кусокъ хлѣба: отнынѣ слѣпецъ долженъ былъ вмѣстѣ съ другими нищими и калѣками просить милостыню у церкви Мадонны del Portici. Его игра на лютнѣ и его пѣніе избавляли его по крайней мѣрѣ отъ вѣчнаго кланьченья, подобно другимъ нищимъ; дѣвочка всегда находилась при немъ, собирала подаваніе отъ благочестивыхъ и сердобольныхъ прихожанъ, а по вечерамъ вводила его домой.

Сердце Сальватора обливалось кровью, когда онъ слушалъ повѣствованіе о томъ, что приходилось перенести деликатному, интеллигентному юнотѣ, жившему въ домѣ графа Мендоца въ холѣ и довольствѣ, въ этой печальной средѣ, отчаявшись на возможность какого бы ни было исхода. Мало-по-малу Тебальдо примирился съ своей судьбою, думая, что это испытаніе, посланное Богомъ для спасенія его души. Первое время онъ дни и ночи только и думалъ о томъ,

какъ бы дать знать о своемъ существованіи графу Мендоца; но въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что теперешнее положеніе есть возмездіе за его долгое, незаконное пребываніе въ домѣ испанскаго аристократа и за житье на счетъ неаполитанскаго народа вмѣстѣ съ врагами своей родины. Въ воображеніи онъ часто возвращался къ тому времени, вспоминая часы, прожитые въ обществѣ Корнелии и ея отца, въ полномъ блаженномъ довольствѣ; но эти мысли казались ему искушеніемъ, и онъ искалъ помощи и защиты въ пламенной молитвѣ. Послѣднимъ, единственнымъ утѣшеніемъ въ его горькой долѣ осталась ему пѣсенка матери, которую онъ ежечасно пѣвалъ въ робкой надеждѣ, что небо поможетъ ему быть услышеннымъ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ родственниковъ. И вдругъ исполнилось его пламенное желаніе, его молитва была услышана.

Сальваторъ былъ глубоко потрясенъ. Хотя онъ еще не зналъ, что будетъ дѣлать съ своимъ братомъ, но для него ясно было, что онъ никогда не оставитъ его, употребляя всѣ мѣры для облегченія печальной участи слѣпого. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что Тебальдо одаренъ не только прекраснымъ голосомъ, но выдающимися музыкальными способностями. Въ пѣніи слѣпого страстно звучали всѣ перенесенныя имъ страданія; поэтому пѣсня его была невыразимо трогательна и несравнимо вадушевна. У Сальватора созрѣлъ было уже планъ, который осуществить ему однако помѣшали наступившія событія.

Послѣ того какъ французская эскадра съ герцогомъ Гизомъ уплыла въ Салерно, испанскій адмиралъ Донъ-Жуанъ Австрійскій все свое вниманіе устремилъ на неаполитанцевъ, начавъ дѣйствовать весьма рѣшительно. Въ Испаніи были убѣждены, что великодушіе и слабохарактерность герцога Аркоса были главной причиною распространенія революціи, ибо, по мнѣнію испанскихъ грандовъ, Мазаниелло слѣдовало пытать и колесовать, а весь Неаполь наказать огнемъ и мечемъ. Теперь, по ихъ мнѣнію, слѣдовало какъ можно скорѣе исправить ошибки герцога и энергичной рукой подавить возстаніе.

Дженнаро Аннезе находился въ очень тяжеломъ положеніи. Онъ самъ и люди благоразумные изъ среды народа согласились бы сдать городъ юному герою, подъ условіемъ признанія привилегій, дарованныхъ въ первые дни революціи. Но большая часть народа, вмѣстѣ съ членами лиги мертвыхъ, не хотѣла и слышать объ уступкахъ, и, такимъ образомъ, не оставалось ничего иного, какъ дѣйствовать силой противъ силы.

Донъ-Жуанъ Австрійскій скомандовалъ сдѣлать на городъ нападеніе и такъ какъ та часть залива, гдѣ причалили корабли, была защищена крѣпостью св. Эльма, испанскій гарнизонъ, которой владѣлъ пушками, то высадка войскъ произошла безъ серьезной опасности.

Затѣмъ завязалось уличное сраженіе, ужаснѣе котораго никто ничего не могъ себѣ представить. Общая опасность сплотила всѣхъ неаполитанцевъ въ одну дружную армію, и въ виду близкой смерти умолкнули страсти народныхъ партій. На одной сторонѣ стояли только неаполитанцы, а на другой—испанцы, среди которыхъ были вспомогательныя нѣмецкія войска, которыя Донъ-Жуанъ привезъ съ собой. Каждый шагъ, сдѣланный испанцами, стоилъ потоковъ неаполитанской крови. Все бывшее въ городѣ оружіе народъ захваталъ по рукамъ, и если испанскіе солдаты были лучше обучены, то неаполитанцы превосходили ихъ своимъ презрѣніемъ къ смерти и своей отчаянной храбростью. Въ рядахъ неаполитанцевъ сражались даже женщины. Народъ укрѣпился въ церквахъ, пренебрегая святостью мѣста.

Самая жестокая битва свирѣпствовала, разумѣется, вблизи залива, а именно въ густонаселенной части города Santa Lucia.

Для поддержанія въ массахъ народа порядка, предводители въ пылу битвы гарцовали на коняхъ и вмѣстѣ съ Дженнаро Аннезе и Анніелло Фальконе храбро сражались верхомъ и Сальваторъ Роза. Народъ зналъ знаменитаго живописца и его взоръ повсюду пробуждалъ новую отвагу, новое воодушевленіе.

Но все было тщетно. Все больше врагъ тѣснилъ сражающихся внутрь города, и такъ какъ укрѣпленныя высоты въ тылу Неаполя были въ рукахъ испанцевъ, поставившихъ тамъ свою артиллерію, то несчастный народъ очутился въ безвыходномъ положеніи. Разрушались дома и дворцы, чтобы за грудями развалинь можно было устроить укрѣпленіе.

Такимъ образомъ, уже многіе дворцы лежали въ развалинахъ, а испанцы между тѣмъ напирали все сильнѣй и сильнѣй. Одно мгновеніе казалось, что битва зайдетъ въ улицу, гдѣ находился дворецъ графа Мендоца, но Сальватору удалось напирющую массу оттѣснить назадъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ храбраго и отчаяннаго сопротивленія, наконецъ, всѣми почувствовалось, что все потеряно. Самые храбрые были убиты, многіе ранены, другіе попались въ плѣнъ и вотъ сражающихся охватила паника. Они разбѣжались по церквамъ и монастырямъ, заперлись тамъ и въ своихъ домахъ, оставивъ поле сраженія за побѣдившими испанцами.

Испанцы тотчасъ же разставили сторожевые посты, послѣ чего Донъ-Жуанъ Австрійскій торжественно съ барабаннымъ боемъ объявилъ, что ужасная катастрофа кончилась.

Между убитыми лежали живописцы Ланфранко и Аніелло Фальконе, между взятыми въ плѣнъ былъ Дженнаро Аннезе и между ранеными Сальваторъ Роза.

Дружескія руки успѣли спасти послѣдняго въ одномъ домѣ, гдѣ ему была сдѣлана первая перевязка. Рана была неопасна и только въ первое мгновеніе ошеломила его, выбивъ изъ строя. Его

горе за несчастный исходъ сраженія было сильнѣе его страданій, причиняемыхъ раной. Обезсилить отъ потери крови, онъ долженъ былъ противъ своего желанія до ночи лежать въ своемъ убѣжищѣ; ночью ему удалось переодѣтому пробраться домой, гдѣ Тебальдо съ лихорадочнымъ страхомъ ожидалъ исхода сраженія и уже терялъ всякую надежду снова прижать его къ своей груди. Радость бѣднаго слѣпца, услышавшаго о возвращеніи своего брата изъ ужасной опасности, доставила Сальватору въ это мгновеніе величайшее утѣшеніе. Прославленный живописецъ, всѣ идеалы котораго были разбиты, можетъ быть съ трудомъ удержался бы теперь отъ самоубійства, если бы его къ жизни не привязывала обязанность заботиться о своемъ беспомощномъ братѣ.

Однако, медлить нельзя было ни минуты. Рана болѣла, но повязка еще держалась и силъ было достаточно. Остаться въ городѣ было бы безуміемъ, ибо его имя значилось въ списокѣ преступниковъ. Слѣдовало поспѣшно собираться, не обременя себя излишнимъ багажемъ и бѣжать въ Резину и Портичи, куда бѣглецы устремлялись цѣлыми толпами.

О преслѣдованіи ихъ нечего было думать: испанцамъ нужно было позаботиться о приведеніи въ порядокъ самаго города. Всѣ лодки и ладьи были захвачены бѣглецами. Вопли и стenanія раздавались повсюду. Тамъ жены искали своихъ мужей, здѣсь дѣти своихъ родителей. Слѣпой братъ уцѣпился за Сальватора и послѣднему за большія деньги удалось нанять для своей лодки гребца, который уговорился доставить ихъ на островъ Капри.

Какая буря чувствъ клокотала въ груди Сальватора, когда въ звѣздную темную ночь лодка скользила по спокойнымъ водамъ залива, въ виду Неаполя, освѣщеннаго безчисленными факелами, — Неаполя, съ замкомъ на верху и съ испанской эскадрой на водахъ. Красный столбъ дыму вылеталъ изъ вѣчно бунтующаго Везувія, изъ кратера котораго вытекала огненная лава. Это была величественная картина, которую своимъ покровомъ ночь осѣняла только наполовину, и между тѣмъ какъ Сальваторъ, глубоко растроганный, любовался этой картиной, его слѣпой братъ началъ тихонько въ тишинѣ ночи напѣвать за сердце хватающимъ голосомъ ту самую пѣсню, которой его выучила мать.

Дни, проведенные Сальваторомъ вмѣстѣ съ братомъ на Капри, оставили болѣзненное впечатлѣніе, ибо судьба слѣпого нигдѣ не внушаетъ большаго сожалѣнія какъ тамъ, гдѣ природа щедро рассыпала свои красоты. Живописцу стоило большого труда громко не высказывать своего сожалѣнія, когда онъ наслаждался на скалистомъ островѣ созерцаемъ моря въ неописуемо-предѣстныя лунныя ночи, или съ развалинъ виллы императора Тиберія любовался заливомъ. Чувство глубокаго унынія охватывало Сальватора при мысли о судьбѣ Тебальдо, осужденнаго на жизнь въ вѣчной ночи. Но онъ не зналъ еще той могучей силы истинной религіозности,

которая брату подавала утѣшеніе въ самые тяжелые часы его страдальческаго существованія. Только позднѣе пришлось ему убѣдиться, что даже горчайшія испытанія въ душѣ истинно-хорошаго человѣка приносятъ благороднѣйшіе плоды.

Къ членамъ лиги мертвыхъ принадлежало, кромѣ Сальвадора Розы, Ланфранко и Аниелло Фальконе, еще множество другихъ неаполитанскихъ живописцевъ, ибо всѣ они въ послѣдніе годы были жестоко оскорблены постыдными интригами Джузеппе Рибера. Всемогущее вліяніе Рибера въ вопросахъ искусства происходило вслѣдствіе слабохарактерности герцога Аркоса, о которомъ говорили, что онъ въ дѣлахъ управленія Неаполемъ смотритъ красивыми глазами жены Рибера.

При началѣ революціи испанскій живописецъ, по примѣру многихъ другихъ знатныхъ испанцевъ, убѣжалъ съ своимъ семействомъ изъ города, скрывшись въ одной сосѣдней деревнѣ. Едва только городъ былъ занятъ Донъ-Жуаномъ Австрійскимъ, всѣ бѣглецы-аристократы вернулись. Для высшаго испанскаго общества теперь настало время большихъ празднествъ, центромъ которыхъ, разумѣется былъ красивый и храбрый королевскій сынъ Донъ-Жуанъ.

Прежній вице-король былъ тотчасъ смѣненъ, а на его мѣсто по королевскому соизволенію былъ назначенъ графъ Вилламедина.

Въ то время какъ смѣненный вице-король былъ встрѣченъ въ Испаніи строгимъ судомъ съ предварительнымъ тюремнымъ заключеніемъ, его преемникъ былъ привѣтствованъ на мѣстѣ своего новаго назначенія съ большими почестями, и, такимъ образомъ, за празднествами въ честь юнаго побѣдителя слѣдовали торжества въ честь новаго повелителя.

Чтобы показать неаполитанцамъ, какою онъ пользовался благосклонностью новаго испанскаго владыки, Рибера устроилъ въ своемъ дворцѣ блестящій балъ, на который былъ приглашенъ и принцъ Донъ-Жуанъ Австрійскій. Красивый молодой герой появился въ назначенный часъ и былъ встрѣченъ на лѣстницѣ у пріемной залы супругой и обѣими прелестными дочерьми живописца, которыя сочли за честь поцѣловать ему руку. Донъ-Жуанъ былъ восхищенъ любезностью дамъ и удивлялся поразительной красотѣ обѣихъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ младшая, Роза Марія, любимица отца, плѣнила его сердце. Въ продолженіе всего бала онъ держался по близости отъ нея, и польщенный отечъ гордился такимъ предпочтеніемъ.

Уже на слѣдующее утро юный герой опять посѣтилъ Рибера, подъ предлогомъ полюбоваться картинами маэстро. При этомъ случаѣ онъ очаровалъ внимательностью и изысканной галантно-стью хозяина дома и дамъ и умѣлъ при прощаніи оставить въ рукѣ Розы Маріи записочку. Никто не замѣтилъ ни начала, ни

продолженія этихъ тайныхъ объясненій, пока нѣсколько дней спустя Рибера, велѣвъ позвать къ себѣ дочь, получилъ поразительный отвѣтъ, что ея дома нигдѣ не могутъ найти.

Розыскивали Розу Марию повсюду, у всѣхъ знакомыхъ и, наконецъ, узнали, что ночью она убѣжала съ королевскимъ сыномъ въ Монреаль около Палермо.

Тщетно убитый горемъ отецъ просилъ ее воротиться. Онъ не могъ даже осмѣлиться прибѣгнуть къ помощи суда, ибо, со времени отозванія герцога Аркоса, его вліяніе прекратилось.

Юный герой наслаждался нѣкоторое время съ красивой дочерью живописца счастьемъ любви въ Сициліи, въ укромномъ Монреаль; когда же по своей обязанности начальника флота, который посылался Испаніей противъ Франціи, онъ былъ вытребованъ оттуда, — несчастная дѣвушка была отправлена въ монастырь въ Палермо.

Рибера до такой степени былъ подавленъ позоромъ своей семьи, — позоромъ, проучившимъ его гордость и лишившимъ возможности отомстить и искать своихъ правъ, что покинулъ Неаполь, вернувшись опять въ то уединенное на берегу убѣжище, въ которомъ онъ искалъ спасеніе во время революціи. Онъ совершенно забросилъ свое искусство и прожилъ немного лѣтъ въ мрачномъ, нелюдимомъ настроеніи, пока тоска не довела его до самоубійства. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ вдругъ исчезъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться; предполагають, что онъ нашелъ смерть въ волнахъ моря.

Сальваторъ Роза, пробывъ недолгое время съ своимъ братомъ на островѣ Капри, при первомъ удобномъ случаѣ отправился моремъ въ Чивиту-Веккію, а оттуда въ Римъ. Онъ намѣревался оставаться здѣсь недолго и отправиться дальше во Флоренцію, гдѣ хотѣлъ окончательно поселиться. Между тѣмъ, обстоятельства въ Римѣ совершенно измѣнились. Новый папа, человекъ серьезный, принесъ съ собою и новыя вкусы. Главную роль играла музыка, о которой его святѣйшество особенно заботился; поэтому онъ приглашалъ въ папскую капеллу лучшихъ пѣвцовъ.

Антонио Скаччіати, лучший другъ Сальватора Розы, опять пріѣхалъ въ Римъ съ своей молодой женой и поселился тамъ въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ старикомъ Капуцци, который совсѣмъ измѣнился.

Бѣдная, совершенно осиротѣвшая Серпа жила у Маріанны, и добрая дѣвушка чувствовала себя счастливой въ тихой семьѣ послѣ всѣхъ передрагъ и приключеній въ домѣ своего отца.

Такъ какъ Скаччіати страстно желалъ, чтобы Сальваторъ тоже поселился въ Римѣ, то онъ постарался доставить ему съ разныхъ сторонъ какъ можно больше почетныхъ заказовъ.

Впрочемъ, слава неаполитанскаго живописца гремѣла уже по всему міру и повсюду желали имѣть его картины.

Такимъ образомъ, онъ поддерживалъ съ друзьями во Флоренці дѣятельную переписку, но самъ туда не ѣхалъ. Онъ работалъ, кромѣ кисти, и перомъ, изъ-подъ котораго у него вылилось нѣсколько остроумныхъ стихотвореній.

Вскорѣ послѣ прїѣзда въ Римъ, друзья Сальватора познакомились съ несравненнымъ голосомъ и съ замѣчательными музыкальными способностями слѣпотаго Тебальдо, устроили, что папскій капельмейстеръ обратилъ на молодого человѣка вниманіе и принялъ его въ ватиканскую капеллу. Композиторами было принято поручать главную партію въ ихъ новыхъ мессахъ и въ другихъ церковныхъ произведеніяхъ удивительному слѣпому пѣвцу-художнику. Вскорѣ онъ женился на блѣдной Серпѣ, къ которой съ давнихъ поръ чувствовало склонность его сердце.

Теперь Сальватору опять пришлось бы жить въ одиночествѣ, если бы онъ не рѣшился отплатить благодарностью одному преданному сердцу, которое любило его безотвѣтно и никогда не осмѣлилось бы заикнуться о замужествѣ съ такимъ знаменитымъ человѣкомъ. Когда онъ рѣшилъ остаться въ Римѣ, то построилъ по собственному вкусу уютный домикъ на прекрасномъ мѣстѣ и устроилъ здѣсь свою мастерскую. Чтобы поручить свое хозяйство въ надежныя руки, онъ взялъ къ себѣ въ домъ ту самую простую старушку, у которой раньше часто жила и дочь которой, Лукреція, послужила моделью для многихъ его прекрасныхъ картинъ. Онъ давно зналъ, что красивая дѣвушка равнодушна къ нему, и такъ какъ онъ удалился отъ свѣта, желая жить только искусствомъ въ тихомъ семейномъ кругу, то и женился на Лукреціи, когда она осиротѣла. Къ ихъ общей радости у нихъ родился сынъ, воспитаніемъ котораго Сальваторъ занимался съ удивительною любовью.

Ни его душевное спокойствіе, ни его семейное счастье не были возмущены, когда онъ случайно узналъ, что графъ Мендоца переехалъ изъ Неаполя въ Мадридъ, не перенося разлуки съ своей дочерью, которая вышла замужъ за графа Огнатта, племянника новаго вице-короля, бывшаго при взятіи города въ свитѣ Донъ-Жуана Австрійскаго и возобновившаго знакомство съ юной графиней во время празднествъ. Графъ Огнаттъ послѣ похода возвратился на родину и получилъ мѣсто открывавшее для его способности блестящую будущность.

Молодая графиня Огнаттъ считалась въ послѣдствіи большимъ знатокомъ искусства, и ей Испанія особенно должна быть благодарна тѣмъ, что лучшія произведенія Сальватора Розы до сихъ поръ въ мадридскихъ галлерейхъ удивляютъ всѣхъ знатоковъ живописи.

к о н е ц ъ .

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- Андреевъ, П. П.** Домашняя техника. Простѣйшіе способы распознаванія доброкачественности продуктовъ первой необходимости. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.
- Антоновъ, П. В.** Сельско-хозяйственное винокурение (Винокуренная азбука). М. 1889 г. Ц. 2 р.
- Арабскія сказанія.** Тысяча одна ночь. Новый полный переводъ Ю. В. Дюпеля-майеръ. Т. II, вып. 2-й. М. 1889 г. Ц. 30 к.
- Тоже. Т. II, вып. 3-й. Ц. 30 к.
- Архивъ князя Воронцова.** Книга 35-я. М. 1889 г. Ц. 3 р.
- Афендикъ, Н.** Конспектъ догмы римскаго права. Состав. по курсамъ проф. Дорна, Азаревича, Митюкова и Барона. Кіевъ. 1889 г. Ц. 50 к.
- *) Бомарше, П.** Безумный день или женитьба Фигаро. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ (1784). Переводъ А. Н. Чудинова. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 20 к. въ папкѣ 28 к.
- Гиляровъ-Платоновъ, Н. П.** Основные начала экономіи. Посмертный трудъ. Съ предисловіемъ проф. И. Т. Тарасова. М. 1889 г. Ц. 1 р.
- Готорнъ, Н.** Книга чудесъ. Разказы изъ мѣологіи для дѣтей. Съ рисунками. Изд. 2-е, полное. М. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Григоровичъ, Д. В.** Статьи о художествѣ. 1863—1867. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Григорова, Е. Н. и А. Павловъ.** Эдисонъ. М. 1889 г. Ц. 25 к.
- Граве, Д.** Объ интегрированіи частныхъ дифференціальныхъ уравненій перваго порядка. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гудъ, В.** Руководство къ греблѣ и парусному плаванію, съ приложеніемъ о купаньѣ. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гулякъ-Артемовскій, Н.** Парусныя яхты. Съ 15-ю рисунками чертежей. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- *) Древнія греческія сказанія.** Походъ аргонатовъ. Съ рисунками (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.
- Жуберъ, Ж.** Основы ученія объ электричествѣ. М. 1889 г. Ц. 2 р. 75^к.
- Игнатовъ, Н. И.** Справочная книга для родителей и воспитателей на 1889—90 учебный годъ. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Кавказъ.** Справочная книга старожила. Второе, дополненное, изданіе. Ч. I. Тифлисъ. 1889 г. Ц. съ картой 60 к.
- Кантъ, Иммануиль.** Прологомены ко великой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки. Перев. Владимира Соловьева. М. 1889 г. Ц. 2 р.
- Карницкій, А. О.** Уходъ за дѣтьми перваго возраста. Вып. I-й и II-й. Кіевъ. 1889 г. Ц. 20 к.
- Коппе, Франсуа.** Стихотворенія. Редакція Петра Вейнберга. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.
- *) Нотляревскій, И. П.** Енеида, переложенная на малороссійскій языкъ (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.
- Нуницкій, С.** Вліяніе динамическаго дѣйствія нагрузки на напряженіе мостовыхъ балокъ. Спб. Ц. 65 к.
- Левинскій, И. Е.** Галицко русская библиографія XIX столѣтія съ узглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Т. I. Львовъ. Ц. 7 р. 50 к.
- Леонтьевъ, Н.** Национальная политика какъ орудіе всемірной революціи. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Льсковъ, Н. С.** Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 1889 г. Ц. по подпискѣ на 10 т. 20 р.
- Миниуинъ, А. А.** О предупрежденіи несчастныхъ случаевъ съ рабочими на фабрикахъ и заводахъ при обращеніи съ машинами и аппаратами. Съ таблицами. Владиміръ. 1889 г. Ц. 2 р.

- Моревъ, Д. Д.** Руководство полнотиче-
ской экономіи. Изд. 2-е, дополн. Спб.
1889 г. Ц. 2 р.
- Нагуевскій, Д. М.** О Югуртунской войнѣ
(De bello iugurthino). Салюстія. Издан.
2-е исправл. Казань. 1889 г. Ц. 80 к.
- Науменко, В.** Обзоръ фонетическихъ
особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ.
1889 г. Ц. 60 к.
- Нейманъ, М. М.** Нотаріальные вопросы
и замѣтки. Изд. 2-е. Дубно. 1889 г. Ц.
75 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Крымскія
повѣсти. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Озмидовъ, Н. М.** Нѣкоторыя данныя
изъ практики трансформаторовъ. Спб.
1889 г. Ц. 50 к.
- Орловскій, Ф. В.** Стихотворенія (1885—
1888). Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р.
- Правила** объ обложеніи раскладочнымъ
сборомъ торговыхъ и промышленныхъ
предпріятій, содержимыхъ по свидѣтель-
ствамъ на мелочной торговлѣ и промысло-
вымъ. Спб. 1889 г. Ц. 65 к.
- Рейнботъ, А. Е.** Хлѣбные вѣсы. Изслѣ-
дованіе. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Салтыковъ, М. Е.** (Н. Щедринъ). Сочиненія
въ девяти томахъ. Ц. по подпискѣ
15 р., съ перес. 20 р. Вышелъ томъ III.
- Сборникъ** Имп. Россійскаго Историче-
скаго Общества. Т. 66-й и 67-й. Спб.
1889 г. Ц. каждому тому 3 р.
- Свѣдѣнія** о вишней торговлѣ по Евро-
пейской границѣ за время съ 1-го января
по 1-е юня 1889 г. Спб. Ц. 50 к.
- Соколовъ, А. А.** Царь-баба. Историче-
скій романъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сосногорова и Карауловъ.** Путеводи-
тель по Крыму. Изданіе 5-е, перерабо-
тан. Н. Головкинскимъ и К. Вернеромъ.
М. 1889 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Сироботовъ, Н.** Вопросъ объ отдыхѣ въ
воскресные дни. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Тарасовъ, И.** Очерки науки финансо-
ваго права. Изданіе 2-е, вновь перерабо-
бот. Вып. 1-й. Введеніе. Ярославль. 1889
г. Ц. 1 р. 50 к.
- “Товарищъ”.** Календарь для учащихся
на 1889—90 учебный годъ. Спб. Ц. 40 к.
- Телловъ, В.** Греко-болгарскій церков-
ный вопросъ по неизданнымъ источни-
камъ. Историческое изслѣдованіе. Спб.
1889 г. Ц. 3 р.
- Успенскій, Ф.** Византийскія владѣнія на
сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX
и X вв. Кіевъ. 1889 г. 40 к.
- Цитовичъ, П.** Кому и какъ судить част-
ный искъ ex delicto? Кіевъ. 1889 года.
Ц. 20 к.
- Чечулинъ, Н.** Русское провинціальное
общество во второй половинѣ XVIII вѣка.
Историческіе очерки. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- *) Чеховъ, Антонъ.** Разсказы. Изданіе
третье. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Шарловскій, І.** Русское словоудареніе.
Вып. 3-й. Воронежъ, 1889 г. Ц. 1 р.
25 к.
- Ясинскій, А. Н.** Московскій государст-
венный архивъ въ XVI вѣкѣ. Кіевъ,
1889 г. Ц. 15 к.
- Федоровъ, П. Ф.** Зубы и ихъ сохране-
ніе. Публичная лекція. Спб. Ц. 60 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

Вышелъ и выдается подписчикамъ ПЯТЫЙ ТОМЪ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛЪСКОВА.

Въ которомъ помѣщены Смѣхъ и Горе, Воительница, Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда, Грабежъ Антуха, Кольванскій мужъ, Ракушанскій меламедъ, Бѣлый орель, Чертоговъ, Пламенная патріотка и Алфавитный указатель всѣхъ произведеній, напечатанныхъ въ вышедшихъ до сихъ поръ пяти томахъ (половина изданія).

Въ первыхъ 4-хъ томахъ помѣщены: Запечатленный ангелъ, Инженеры безсребреники, Кадетскій монастырь, Косой лѣвша, На краю свѣта, Некуда, романъ, Несмертельный голованъ, Обойденные, романъ, Однодуть, Островитяне, новѣсть, Очарованный странникъ, Пигмей, Прибавленіе о Бобровѣ, Русскій демократъ, Соборяне, хроника, Человѣкъ на часахъ, Шерамуръ, разсказъ.

ПОДПИСКА НА ЭТО ИЗДАНІЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Изданіе печатается въ типографіи „Нов. Времени“, въ десяти томахъ, около 40 лист. каждый. При подпискѣ выдаются пять томовъ и билетъ на пять остальныхъ томовъ, изъ коихъ два выйдутъ въ 1889 г., а три—въ 1890 году. Цѣна по подпискѣ 20 р. Допускается разсрочка на слѣд. условіяхъ: при подпискѣ 12 р. (иногородные прибавляютъ 2 руб. за пересылку всего изданія и потому при подпискѣ вносятъ 14 рублей). При полученіи 6, 7, 8 и 9 т. вносятся по 2 руб. и затѣмъ послѣдній десятый томъ выдается безъ платежа. При VI т. будетъ приложенъ портретъ автора.

Съ окончаніемъ изданія цѣна будетъ возвышена.

ВЪ ТИПОГРАФИИ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» ПЕЧАТАЕТСЯ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

(около четырехсотъ листовъ)

ВЫШЛИ ПЯТЬ ТОМОВЪ,

въ которыхъ напечатаны: Т. I. «Соборяне», «На краю свѣта», «Запечатлѣнный ангель».—Т. II. Праведники: «Однодумъ», «Пигмей», «Кадетскій монастырь», «Русскій демократъ», «Несмертельный Голованъ», «Инженеры-безсребренники», «Лѣвша», «Очарованный странникъ», «Человѣкъ на часахъ», «Шерамуръ».—Т. III. «Обойденные», «Островитяне».—Т. IV. «Некуда».—Т. V. «Смѣхъ и Горе», «Воительница», «Леди Макбетъ мценскаго уѣзда», «Грабежъ», «Антука», «Колыванскій мужъ», «Ракушанскій меламедъ», «Бѣлый Орель», «Чертогонъ», «Пламенная патріотка».—(Всего въ пяти томахъ 195 печатн. листовъ). Съ выходомъ пятаго тома теперь окончена половина изданія. Остальные пять томовъ выйдутъ—два въ 1889 и три въ 1890 году. Для удобства публики допущена **разсрочная подписка** и подписчики получаютъ изданіе по цѣнѣ удешевленной, именно за 20 рублей. При подпискѣ тотчасъ выдаются пять томовъ и билетъ на пять остальныхъ томовъ. Послѣ выхода пятаго тома плата при подпискѣ 12 руб. (иностранціе прибавляютъ 2 руб. за пересылку всего изданія и потому при подпискѣ теперь, послѣ выхода V тома, вносятъ 14 руб.). При полученіи 6, 7, 8 и 9 т. вносится по 2 руб. и затѣмъ послѣдній десятый томъ выдается безъ платежа. При слѣдующемъ VII т. будетъ приложенъ портретъ автора, приготовляемый гравюрою на мѣди художникомъ В. В. Маттѣ. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и въ Одессѣ, а также на станціяхъ желѣзно-дорожнаго книгопродавческаго агентства. Чиновники и вообще служащіе могутъ получать это изданіе въ магазинахъ «Новаго Времени» съ особою льготою при ручательствѣ казначеевъ.

Съ окончаніемъ изданія цѣна будетъ возвышена.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышь. (Историческій романъ). Гл. XXXIX—XLII. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса.	457
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой). Гл. XVI. (Продолженіе).	475
III. Предшественникъ и учитель Бѣлинскаго. Гл. II. (Окончаніе). С. С. Трубочена.	499
IV. Изъ моихъ воспоминаній. В. Т. Соколова	528
V. Сандуновы. (Очеркъ изъ исторіи русскаго театра). А. Н. Сиротинина. Иллюстраціи: Портретъ Силы Николаевича Сандунова.—Портретъ Елисаветы Семеновны Сандуновой.	550
VI. Секретное дѣло объ одной газетной авизіи. (1732 г.). И. В. Лучицкаго.	577
VII. Нижегородскій епископъ Іеремія. А. А. Титова	588
VIII. Эрикъ XIV. Историческій разскаъ. Гл. I—VII. Есавье Мармье . .	602
IX. Франція послѣдняго пятидесятилѣтія. (По мемуарамъ Арсена Гуссе). Гл. I и II. В—а.	628
X. Критика и библиографія: Эмиль де Лавелз. Балканскій полуостровъ. Переводъ съ французскаго, съ приложеніями и дополненіями Ник. Евг. Васильева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Часть первая. Прибрежье Дуная, Вѣна, Кроація, Боснія и Сербія. Часть вторая. Балканскій полуостровъ: Сербія, Болгарія, Румелия, Турція и Румынія. Приложенія и дополненія. Москва. 1889. А. И.—Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXIII. Спб. 1889. В. 3.—И. О. Токмаковъ. Краткій обзоръ матеріаловъ по исторіи пчеловодства по документамъ московскихъ архивовъ, съ приложеніемъ литературы по пчеловодству съ 1741 по 1888 годъ. М. 1889. in. 4°. (Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ Отдѣленія Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растений“. Т. II, вып. 3). В. Н. С.—Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Спб. 1889. Б. Г.—снаго.—Сибирь въ XIX столѣтіи. Часть первая: Періодъ отъ смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. Состав. В. К. Андреевичъ. Спб. 1889. А. Б—ва.—О. Троицкій. Забытыя и заброшенныя, но крайне необходимыя книги нашей школы, особенно духовной. Казань. 1889. С.—Основные вопросы политики. Л. И. Слонимскаго. Спб. 1889. Б. Г.—снаго.	658
XI. Заграничныя историческія новости	674
XII. Изъ прошлаго. Эпизодъ изъ жизни князя Потемкина. Сообщено Г. П. Алексѣевымъ	683
XIII. Смѣсь: Пятисотлѣтіе московскаго Вознесенскаго монастыря.—Памятникъ Екатерины II въ Москвѣ.—Комната адмирала Корнилова.—Археологическое Общество.—Раскопки въ Томскѣ.—Послѣдній пугачевецъ.—Празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній.—Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за время съ 7 сентября 1886 г. по 31 декабря 1887 г.—Некрологи: Д. Д. Минаева, Е. Н. Андреева, Н. А. Благоульщенскаго, Н. Д. Бубнова, В. Л. Филиппова, А. А. Краевскаго	685
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Нижегородскаго епископа Іеремія. 2) Король шутовъ (Le prince des sots). Жерара де Нерваля. (Съ французскаго). Гл. I—IV. Переводъ Е. М. Гаршина. 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ).

	СТР.
Аракчеевскій подкидышъ. Гл. XXIX — XLII. (Продолженіе).	
Графа Е. А. Саліаса	5, 225, 457
Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. XIII—XVI.	
(Продолженіе).	26, 246, 475
Городъ Гродно и Гродненская губернія во время послѣд- няго польскаго мятежа. (Отрывокъ изъ воспоминаній).	
С. Т. Славутинскаго	53, 271
Закулисами стараго театра. XII. Происшествія во время спек- таклей въ с.-петербургскихъ театрахъ. XIII. Дѣло актера Булатова. (Продолженіе). Е. Н. Опочинина	80, 296
Природа и человекъ въ Средней Азій. Гл. IX — XII. (Окон- чаніе). Н. В. Сорокина	85
Литературная дѣятельность М. Е. Салтыкова (Щедрина) .	
С. С. Трубачева	119
Иванъ Петровичъ Пнинъ и его «Вопль невинности, отвергае- мой законами». Е. В. Пѣтухова	140
Нѣсколько неразрѣшенныхъ историко-географическихъ воп- росовъ. А. И. Савельева	161
Иллюстрація: Медаль съ кентавромъ у самоѣдовъ, найденная на рѣкѣ Усѣ.	
Польская утопія XIX вѣка. (Очеркъ изъ современной исто- ріи). А. Н. Молчанова	168
Предшественникъ и учитель Бѣлинскаго. С. С. Трубачева	307, 499
Тамбовскіе перелеты. И. И. Дубасова	331
Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Б. Б. Глинскаго	340
Учено-литературные труды С. К. Смирнова . Д. Д. Языкова	365
Королева Христина шведская. Е. М. Гаршина	372
Иллюстрація: Портретъ королевы Христины шведской.	
Внучка Яна Собѣскаго. Очеркъ Шайнохи	386
Изъ моихъ воспоминаній. В. Т. Соколова	528

	стр.
Сандуновы. (Очеркъ изъ исторіи русскаго театра). А. Н. Сиротинина	550
Иллюстраціи: Портретъ Силы Николаевича Сандунова.—Портретъ Елисаветы Семеновны Сандуновой.	
Секретное дѣло объ одной газетной авизіи. И. В. Лучицкаго .	577
Нижегородскій епископъ Іеремія. А. А. Титова	588
Эрикъ XIV. Историческій разсказъ. Гл. I—VII. Ксавье Мармье	602
Франція послѣдняго пятидесятилѣтія. (По мемуарамъ Арсена Гуссе). Гл. I и II. В—а	628

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. I. Спб. 1889. **Е. п.**—Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ одиннадцатый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1889. **А. н.**—Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковью западно-русскихъ униатовъ. Обзоръ событій воссоединенія въ царствованіе императора Николая I.—И. Чистовича. Спб. 1889. Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковью западно-русскихъ униатовъ. Соборныя дѣянія и торжественныя служенія въ 1839 году. Спб. 1889. Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковью западно-русскихъ униатовъ. Историческій очеркъ протоіерея Іоанна Наумовича. Спб. 1889. Семь проповѣдей сѣнодальнаго члена, митрополита литовскаго и виленскаго Іосифа, говоренныя при важнѣйшихъ случаяхъ служенія, и о греко-униатской церкви въ Западномъ краѣ Россіи,—воспоминанія архіепископа Антонія. Спб. 1889. **М. Г—цаго**.—Право церковное на его основахъ, видахъ и источникахъ. Изъ чтеній по церковному праву. П. Лашкарева. 2-е исправленное и пополненное изданіе. Кіевъ. 1889. **Н. Др.**—Тѣма египетская, романъ Вс. Вл. Крестовскаго. Спб. 1889. **А. Б—ва**.—Донъ-Жуанъ, Байрона. Переводъ П. А. Ковлова. Въ двухъ томахъ. Спб. 1889. **С. Тр.**—Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго. Генеральнаго штаба генераль-маіора Пузыревскаго. **В. П.**—Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго. Кіевъ. 1889. **В. з.**—Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга вторая. Кіевъ. 1889. **А—ва**.—Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранныя Черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Томъ XV и послѣдній. Кролевецкій уѣздъ съ четырьмя литографированными картами и приложеніемъ переписи 1883 г. и Румянцевской переписи 1767. Составилъ завѣдующій статистическими работами Черниговскаго земства П. П. Червинскій. Черниговъ. 1888. **Б. Г.**—И. Созиновичъ. Изученіе полореческой народной поэзіи. Варшава. 1889. **С.**—Юридическая энциклопедія. Н. К. Ренненкампа, профессора университета св. Владиміра. Кіевъ. 1889. **И. Др.**—Г. И. Успенскій. Опытъ объяснительнаго изложенія его сочиненій, Ореста Миллера. Спб. 1889.

Б. Г—снаго.—Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. Академика архитектуры В. В. Суслова. Съ 16-ю таблицами и 21 рис. въ текстѣ. Спб. 1889. **Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры.** В. В. Суслова. Съ 4-мя таблицами. Спб. 1888. **П. Полевого.**—Д. Г. Льюисъ. Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени, съ указателемъ. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей В. Чуйко. Спб. 1889. **А. И.**—Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Н. П. Семенова. Спб. 1889. **Б. Гл—снаго.**—Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе П. Дж. Брианцева. Вильна. 1889. **Н. П.**—Библиографическій словарь русскихъ писательницъ. Князя Н. Н. Голицына. Спб. 1889. **В. З.**—Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга шестая. Москва. 1889. **П. П.**—А. И. Садовъ. Религіозный скептицизмъ въ Римѣ передъ Рождествомъ Христовымъ. Спб. 1889. **С.**—М. М. Филипповъ. Осажденный Севастополь. Историческій романъ, съ рисунками К. О. Брожа. Спб. 1889. **С. Тр.**—Опытъ исторіи Вибліи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и правами. Соч. Николая Астафьева. Спб. 1889. **Д. А.**—Владиміръ Святой, какъ политическій дѣятель. Изслѣдов. Завитневича. Кіевъ. 1888. **А—ва.**—Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, диссертация на степень доктора медицины И. Яворскаго. Часть I. Спб. 1889. **А. Б—ва.**—Кунгурскіе акты XVII вѣка. (1668—1699 гг.). Изданіе А. Г. Кузнецова, подъ редакціей А. Титова. Спб. 1889. **А. И.**—Древній Святодуховскій храмъ въ городѣ Якобштадтѣ (Курляндской губ.). Историческій очеркъ Н. Н. Васильева. Спб. 1889. **В—а.**—С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. Гр. Джаншјева. Москва. 1889. **Н. Др.**—Исчисленіе поверхности Россійской имперіи въ общемъ ея составѣ въ царствованіе императора Александра III, произвелъ ген.-маіоръ И. Стрѣльбицкій. Спб. 1889. **А. Б—ва.**—Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ седьмой. Тифлисъ. 1889. **Е. Г.**—Кубанское казачье войско 1696—1888 годъ. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Ф. А. Щербинны, подъ редакціей Е. Д. Филицына. **В. П.**—Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси. Сочиненіе Владиміра Сахарова. Спб. 1889. **Д. А.**—Историческая записка о нищенствѣ, сост. воронежскій губернаторъ Б. Г. Карновичъ. Воронежъ. 1889. **А. Б—ва.**—Эмилъ де Лавель. Балканскій полуостровъ. Переводъ съ французскаго, съ приложеніями и дополненіями. Ник. Ев. Васильева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Часть первая. Прибрежье Дуная, Вѣна, Кроація, Боснія и Сербія. Часть вторая. Балканскій полуостровъ: Сербія, Болгарія, Румелія, Турція и Румынія. Приложенія и дополненія. Москва. 1889. **А. И.**—Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXIII. Спб. 1889. **В. З.**—И. О. Токмаковъ. Краткій обзоръ матеріаловъ по исторіи пчеловодства по документамъ московскихъ архивовъ, съ приложеніемъ литературы по пчеловодству съ 1741 по 1888 годъ. Москва. 1889. in 4°. (Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ Отдѣленія Императорскаго Русскаго Общества Аклиматизаціи животныхъ и растеній». Т. II, вып. 3). **В. Н. С.**—Современная Россія. Очерки

нашей государственной и общественной жизни. Спб. 1889. **Б. Г—снаго.**—Сибирь въ XIX столѣтіи. Часть первая: Періодъ отъ смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. Сост. В. К. Андреевичъ. Спб. 1889. **А. Б—ва.**—**Ө.** Троицкій. Забытыя и заброшенныя, но крайне необходимыя книги нашей школы, особенно духовной. Казань. 1889. **С.**—Основные вопросы политики. Л. И. Словимскаго. Спб. 1889. **Б. Г—снаго.** 182, 403, 658

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ. . . . 201, 437, 674
ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Изъ архивныхъ мелочей XVII вѣка: I. Царская грамота объ алмазѣ, испорченномъ «ѳилософскою наукою», 1636 года. II. Челобитная «доктура» Венделина Иванова Сибилиста, 1641 года. III. Челобитная царю и патриарху о дачѣ пособія на свадьбу, 1631 года. IV. Ссылка въ монастырь за «падучую болѣзнь», 1637 года. Сообщено **Н. Н. Оглоблинымъ.**—Изъ исторіи одного литературнаго общества. Сообщено **Е. В. Пѣтуховымъ.**—Воспоминанія объ архіерейскихъ посѣщеніяхъ села Николаевской Тумы, Рязанской губерніи. Сообщено **С. И. О—вымъ.**—Грузинская царица и мѣдныя деньги. Сообщено **А. А. Танковымъ.**—Эпизодъ изъ жизни князя Потемкина. Сообщено **Г. П. Аленцевымъ.** 210, 445, 683

СМѢСЬ:

Засѣданіе Академіи Наукъ 13-го мая 1889.—Присужденіе премій Петра Великаго.—Городъ Пржевальскъ.—Виленскія достопримѣчательности.—Какъ сохраняютъ древности въ Новгородской губерніи.—Отчетъ Одесской городской публичной бібліотеки за 1888 годъ.—Полувѣковой юбилей уни.—Открытіе памятника принцу Ольденбургскому.—Мономахова церковь.—Премія пр. Макарія.—Новонайденныя въ Кіевѣ византійско-русскія перегородчатыя эмали XII вѣка.—Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май мѣсяцы 1889 г.—Пятисотлѣтіе московскаго Вознесенскаго монастыря.—Памятникъ Екатерины II въ Москвѣ.—Комната адмирала Корнилова.—Археологическое Общество.—Раскопки въ Томскѣ.—Послѣдній пугачевецъ.—Празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній.—Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за время съ 7 сентября 1886 г. по 31 декабря 1887 года. Некрологи: П. А. Дюкова, П. И. Миклашевскаго, М. В. Юзефовича, Н. К. Гека, О. Ө. Миллера, Н. Д. Хвоцинской, С. С. Гогоцкаго, Н. Н. Шмидтъ, Д. Д. Минаева, Е. Н. Андреева, Н. А. Благовѣщенскаго, Н. Д. Бубнова, В. Л. Филиппева, А. А. Краевского. 216, 449, 585

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: **М. Е. Салтыкова, Н. И. Надеждина,** Нижегородскаго епископа **Іереміи.** 2) **Мазаниелло.** Историческій романъ **Адольфа Глазера.** (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. XIV—XV. (Окончаніе, съ шестью рисунками въ текстѣ). 3) **Король шутовъ.** (Le prince des sots). Историческая повѣсть **Жерара де Нерваля.** (Съ французскаго). Гл. I—IV. Переводъ **Е. М. Гаршина.**

НИЖЕГОРОДСКИЙ ЕПИСКОПЪ ІЕРЕМІА.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СЛБ., 24 АВГУСТА 1889 Г.

АРАКЧЕЕВСКИЙ ПОДКИДЫШЬ¹⁾.

Исторический романъ.

XXXIX.

ВАШНИНЪ и Ханенко съ шумомъ и громкимъ говоромъ вошли къ Шумскому. Капитанъ, переваливаясь, какъ утка, почти рысью явился въ спальню. За нимъ, бодрой походкой и улыбаясь, появился Квашнинъ.

Объ фигуры пріятелей, довольныя, почти веселыя, неприятно подбйствовали на Шумскаго.

— Негоже! Свинство! — произнесъ онъ страннымъ голосомъ. — Зачѣмъ радоваться? Вотъ я себя считаю злымъ человекомъ, а не могу вспомнить. Не могу! А вы вотъ будто не съ убійства, а съ пиршества какого пріѣхали.

— Скажи на милость! Вотъ такъ блинъ! — произнесъ капитанъ, изумляясь. И разставивъ ноги на полу, растопыривъ руки, онъ уперся глазами въ Шумскаго.

— Сами же застрѣлили, — выговорилъ онъ, — да сами же въ удовольствіи. Чего же вы желали? Обоимъ цѣлымъ остаться? Такъ вѣдь знаете, что это невозможно. Сами сказывали, что коли оба будете невредимы, то эту комедію съизнова начинать придется. Вѣдь мы съ Петромъ Сергѣевичемъ такъ было вопросъ этотъ по Соломоновски разрѣшили: чтобы вамъ обоимъ быть цѣлымъ и невредимымъ, необходимо самой баронессѣ отправиться на тотъ свѣтъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 225.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1889 г., т. XXXVIII.

— Тыфу! Типунъ вамъ на языкъ! Вотъ глупость выдумали!

— Радоваться, мы не радуемся,—заговорилъ Квашнинъ, садясь къ столу,—а печалиться тоже не приходится. Ты живъ и невредимъ, ну, и слава Богу. А коли онъ, бѣдный, убитъ—такъ чтожь дѣлать? Такова его судьба, стало быть, которой не минуешь.

— Ну, вотъ! Судьба?! Вторая Маруша,—только въ преображенскомъ мундирѣ,—выговорилъ Шумскій.— Она сейчасъ тоже сказывала. Нѣтъ, други мои, это не судьба, а лотерея. Это ужасное дѣло! Ужасное! Желая вамъ отъ всей души никогда никого не убивать!—съ чувствомъ прибавилъ онъ.

— Я и не собираюсь!—отозвался Ханенко.— Не пробовавши, знаю, что пріятнаго мало. И такъ-то всякая гадость на душѣ есть, да еще убійство бери! Ужь больно накладно будетъ, грузовато! А при моей толщинѣ совсѣмъ изъ силъ выбьешься съ эдакой ношей.

— Да, ужасно!—снова заговорилъ Шумскій, какъ бы себѣ самому.— Не зналъ я этого! А теперь, драться, ни съ кѣмъ, ни за что, никогда! Ужь не знаю чтѣ хуже: убить ли, быть ли убитымъ?

— Вона!—воскликнулъ Квашнинъ.— Не знай я тебя близко, ей-Богу бы подумалъ, что ты ломаешься; а зная тебя, только дивиться можно!

— Нѣтъ, Петя, право не знаю. Такъ не хорошо, какъ вспомню его стонъ по всему дому, да вотъ еще ноги... Ужасно!... Изъ ума онѣ не выходятъ!

— А чтѣ ноги?... Почему ноги?... При чемъ онѣ тутъ?—воскликнулъ Ханенко, ухмыляясь.

Но Шумскій, взглянувъ на капитана, быстро отвернулся, махнулъ рукой и выговорилъ:

— Нѣтъ, бросимте! Я вижу—вы одно, а я другое. Или, быть можетъ, это потому, что убилъ-то я, а не вы. Да и навѣрное такъ... А вотъ поглядѣлъ бы я, еслибы это изъ васъ кто... Ну, да бросимъ!

Наступило молчаніе. Всѣ трое пили чай.

Капитанъ вдругъ надумалъ чтѣ-то, ухмыльнулся, хотѣлъ было заговорить, но, поглядѣвъ на Шумскаго, перевелъ глаза на Квашнина и снова уперся глазами на корзинку съ хлѣбомъ, стоявшую предъ нимъ.

— Ну, теперь, Михаилъ Андреевичъ,—заговорилъ Квашнинъ,—надо подумать кое о чемъ важномъ. Первое дѣло насъ, по всей вѣроятности, нынче ввечеру или завтра попросить на казенную квартиру всѣхъ троихъ. Да это не бѣда, а совсѣмъ другое—бѣда. Знаешь ли ты, что именно?

— Нѣтъ,—задумчиво отозвался Шумскій.

— Бѣда та, братецъ мой, что весь Питеръ толкуетъ о росписной каретѣ. А знаешь ли ты, что теперь значить эта карета? И какія изъ-за нея будутъ послѣдствія?

— Знаю. Дуболомъ мой обозлится, и ни меня, ни васъ, за кушку подь свою защиту не возьметъ.

— Ну, да, вѣрнѣ смерти,—вымолвилъ Ханенко.—Ужъ именно теперь можно сказать — вѣрнѣ смерти. Она-то по отношенію къ вамъ спасовала, а графъ Алексѣй Андреевичъ не спасуетъ. Такъ васъ шаркнетъ, что просто мое всенижайшее. И нужно вамъ было такой живописью заниматься.

— Да вѣдь онъ навѣрняка разсчитывалъ, что будетъ убитъ!—разсмѣялся Квашнинъ.

Смѣхъ его былъ на столько добродушенъ и звонокъ, что ко-дѣйствовалъ и на Шумскаго. Этотъ улыбнулся веселѣе и выговорилъ, шутя:

— Да, правда. Ошибся въ разсчетѣ. Сплоховалъ, оставшись въ живыхъ. И Шваньскаго надулъ мошеннически и себя подкузмилъ лихо. Теперь въ качествѣ живого и возжайся съ моимъ поддѣльнымъ родителемъ. Надо, други мои, надумать какъ его надуть. Развѣ къ Настасѣ съѣздить въ Грузино, посовѣтываться. Она мастеръ надувать его.

Пріятели стали серьезно обсуждать вопросъ, какъ выбратся изъ бѣды и, разумѣется, ни къ какому рѣшенію не пришли.

Уже темнѣло на дворѣ, когда въ квартирѣ раздался громкій звонокъ.

— Должно быть плацъ-адъютантъ за нами, а то просто полиція,—сказалъ Ханенко.

— На новую квартиру перевозить? — пошутить Шумскій.

Оказалось, однако, что пріѣхалъ Шваньскій, обыкновенно возвращавшійся домой черезъ дворъ, съ задняго крыльца. Войдя въ спальню, гдѣ сидѣли офицеры, Иванъ Андреевичъ важно расклялся и самодовольно обвелъ всѣхъ глазами.

— Это съ какихъ поръ твоя особа выдумала трезвонъ поднимать въ моемъ домѣ? — добродушно спросилъ Шумскій.

— Съ тѣхъ поръ-съ, что сталъ важныя дѣла вершить!—шутовски-строго отозвался Шваньскій. — Позвольте у васъ спросить, вы чтò думаете на счетъ колернаго полосатаго экипажа, про который въ Петербургѣ стонъ стоитъ?.. Полагаете вы, что никому неизвѣстно, на чей счетъ сія колесница прокатилась. Вѣдь она одного фасона съ «обахтами» и караулками.

— Америку открылъ! — воскликнулъ Шумскій.

— Да-съ, открылъ теперь. А открой я это раньше, ни въ жисть не сталъ бы въ этой Америкѣ кататься по Невскому. Какъ вы мнѣ ни общайся умереть, не сълѣ бы я въ эту радужную карету съ «ду» спереди, да съ «ракомъ» сзади.

— Ну, выбалтывай скорѣе, чтò у тебя тамъ въ пустой башкѣ. Вижу, что завелась тамъ дрянъ какая-то...

— Нѣтъ-съ, извините, не дрянъ... Позвольте у васъ спросить,

что теперь будетъ вамъ отъ его сѣятельства за то, что мы его въ шуты рядимъ?!

— Плохо будетъ, Иванъ Андреевичъ. Графъ тебѣ эту карету не проститъ.

— Мнѣ?... А вамъ?—удивился нѣсколько Шванскій.

— Мое дѣло сторона... Я тебѣ даже совѣтывалъ такъ не баловаться, а ты все-таки поѣхалъ.

— Полно вамъ, Михаилъ Андреевичъ, шутики шутить... Не до шутокъ, ей-Богу-съ. Полиція вся и та въ чужомъ пиру похмѣлья себѣ ждетъ, перепужалась, трясется... За недосмотръ боится въ отвѣтъ идти. А кто карету выдумалъ, тому, говорятъ, прямо ссылка... Вотъ вы и послушайте, что я надумалъ. Меня сейчасъ во время допроса вдругъ осѣнило свыше... Господь вразумилъ...

— Это въ полициі-то осѣнило... Нашли вы мѣсто для эдакого!—пошутил Ханенко.

— Выслушайте, не перебивайте...

— Ну, говори, говори...

— При допросѣ нашего костромича любезнаго, онъ отвѣтствовалъ: знать не знаю, кто карету заказалъ. Былъ какой-то офицеръ и приказалъ для военнаго министерства, якобы образецъ представить. Мы и представили. Больше ничего не знаю... Денегъ еще съ министерства не получалъ.

— Министерскій заказъ!... Казенный!—воскликнулъ Шумскій, и всѣ разсмѣялись.

— Когда, стало быть, я явился, мнѣ тотъ же вопросъ. Кто заказывалъ и почему я въ полосатой каретѣ катался?.. Я говорю, виноватъ, по глупости. За деньги ѣздилъ. Сто рублей получилъ. А что за карета и теперь не понимаю. Полагалъ казенная, коли государственныхъ колеровъ... А слово «дуракъ» мнѣ было не вдомѣкъ. Я прочелъ наоборотъ «ракду». А кто, говорятъ, ва съ нанялъ? Я говорю: кто безчинно все соорудилъ и нанялъ меня—тотъ въ отвѣтъ быть не можетъ. Покойникъ!

— Какъ покойникъ? Кто? Что?—въ одинъ голосъ воскликнули всѣ трое.

— Кто? Вѣстимо кто. Господинъ Фонъ-Энзе.

Наступило молчаніе... Всѣ трое были удивлены.

Наконецъ, Шумскій, насупившись, выговорилъ сурово:

— Ну, это ты врешь. Я не стану на мертвыхъ валить свои пакости, а на бѣднаго нѣмца и подавно... Съ его памятью я шутить не могу.

Шванскій не отвѣтилъ, усмѣхнулся кисло и развелъ руками, какъ бы говоря: какъ угодно. Тогда, понимайте,—что будетъ съ нами.

Водворилась тишина. Шумскій оглядѣлъ друзей и понялъ по ихъ лицамъ, что они согласны съ Шванскимъ.

— Да развѣ это возможно? Что вы, Богъ съ вами!—воскликнулъ онъ.—Это гадость, подлость...

— Нѣтъ, Михаилъ Андреевичъ...—отвѣтилъ Ханенко.—Это неподлость, а шутка... Это для обмана графа... Покойному отъ этого ни тепло, ни холодно... А дѣло это — не безчестный поступокъ. Только одно прибавлю... Не выгорить! Никто не повѣритъ, что смиренный и порядливый нѣмецъ эдакую затѣю выдумалъ. Да и друзья его подъ присягу пойдутъ, что не онъ заказывалъ карету.

— Да. И я тоже скажу, Михаилъ Андреевичъ, — прибавилъ Квашнинъ.—Свалить на Фонъ-Энзе, ради спасенія себя не хорошо. Да что дѣлать... А только никто въ обманъ не дастся, и графъ не повѣритъ. Стало быть нечего тебѣ и волноваться.

— Межъ собой говорите,—вставилъ Шванскій,—всякое предпологаете и рѣшаете, а ничего не знаете и меня не спрашиваете... А у меня уши вянутъ, слушаючи, такъ какъ я все знаю. Знаю, что всему конецъ и благополучный.

— Что? Благополучный? Конецъ?

— Да-съ. И вмѣсто благодарности Михаилъ Андреевичъ я только отъ васъ..

— А ну-те къ чорту...—слегка разсердился Шумскій.—Случись потопъ, уцѣлѣй опять какой Ной, да Шванскій съ нимъ, то непременно мой Иванъ Андреевичъ скажетъ Ною: благодарите меня, я вѣдь не Шванскій, а самый Арарать. Ну за что тебя теперь благодарить, за глупое и ненужное вранье. Позовутъ Мартенса и меня и мы оба скажемъ, что ты нагналъ на покойнаго.

— Никого не позовутъ-съ. Дѣло кончено. Послѣ моего вопроса, ѣздилъ какой-то жандармъ къ графу и при мнѣ вернулся и строжайше приказалъ дѣло затушить, замаять скорѣе и никого не допрашивать про карету. Не смѣть даже никому вспоминать объ ней, не токмо говорить. А мнѣ объявить прощенье за неумышленное по легкомыслию и глупости природной поступленіе... Ну-съ?..

— Да развѣ графъ опять здѣсь?!..

— Здѣсь. Либо не ѣздилъ, либо пріѣхалъ...—сухо произнесъ Шванскій.—Что же Михаилъ Андреевичъ...Ну-съ? Я не Арарать?

Шумскій всталъ, молча потрепалъ своего Лепорелло по плечу и выговорилъ:

— Спасибо. Чудно все это... Нежданно. Только совѣстно мнѣ... Тамъ мертвый лежитъ на столѣ, панихиды поютъ... А мы на него лжемъ и глупости выдумываемъ.

Въ эту минуту вошла Маруша и выговорила смущенно:

— Офицеръ. Графъ васъ требуетъ къ себѣ немедленно...

Извѣстіе встревожило всѣхъ.

— Се не па жоли!—пропѣлъ Шумскій и присвистнулъ.

XL.

Квашнинъ и Ханенко собрались и уѣхали тотчасъ, а Шумскій, оставшись одинъ, вторично заставилъ Ивана Андреевича подробно рассказать себѣ, все что было въ полиціи. Дѣло оказывалось въ странномъ положеніи.

— Неужели онъ такъ глупъ,—сказалъ Шумскій.—Такъ! До такой степени. Вѣдь, какъ чурка глупъ—если повѣрилъ, что Фонъ-Энзе будетъ, какъ нашъ братъ блазень, путешествовать. Совсѣмъ вѣдь дуракъ.

— Это кто же-съ? Графъ? Нѣтъ, поумнѣе насъ съ вами...—отозвался Шванскій.—А тутъ чтой-то особое... Я не хотѣлъ говорить при г. Ханенкѣ... Чтой-то особое. Графу интересъ великъ замять дѣло скорѣе. Я смекаю, что онъ не вѣритъ моему разъясненію. Вѣдь ѣздилъ я, вамъ близкій человѣкъ. Какъ же могъ я наняться къ вашему врагу-нѣмцу. Все это безмысліе. А ему нужна прикинутая вѣрующимъ. Онъ радъ радехонекъ, что я навралъ. А вотъ теперь онъ у васъ спросить, кто карету заказалъ. Вы пожалуй и себя зарѣжете и его самого. Хватите правду. Скажите, Михайлъ Андреевичъ, неужели вы хватите?..

Шумскій помолчалъ и вымолвилъ задумчиво:

— Чортъ его знаетъ! Скажу? Не скажу? Самъ не знаю. Зависитъ отъ Пашуты.

— Отъ Пашуты?—изумился Шванскій.

— Да. Все у Пашуты въ рукахъ. Коли она захочетъ, я якобы солгу графу, свалю на Фонъ-Энзе и сдѣлаю этимъ и ему угодное. Какъ Пашута?

— Удивительно...—вдохнулъ Шванскій.—Чудны дѣло твои Господи!.. А ваше дѣло, еще чуднѣе, Михайлъ Андреевичъ.—И Шванскій, ухмыляясь, замигалъ глазами.

— Зови Пашуту, Иванъ Андреевичъ. Сейчасъ съ ней и рѣшимъ, что мнѣ сказывать графу..

— Полноте, Богъ съ вами... И чудодѣйству предѣлъ бываетъ... Васъ графъ ждетъ.

— Ахъ, ты... Расхрабрился. Благо въ полиціи его не высѣкли. Зови, зови...

Шванскій вышелъ, недоумѣвая, и найдя Пашуту, которая сидѣла, задумавшись въ гардеробной, позвалъ ее. Дѣвушка пришла въ себя и грустно поглядѣла на него. Шванскій объяснилъ ей коротко все дѣло и спросилъ:

— Почему же тебѣ рѣшать эдакое? Не знаешь?!

— Знаю. Если я возьмусь въ одномъ дѣлѣ за него хлопотать, то Михайлъ Андреевичъ себя убережетъ. Если я не соглашусь дѣйствовать—онъ себя не пожалѣетъ. Что же тутъ? Понятно надо

помочь. У меня, Иванъ Андреевичъ, все въ душѣ и въ головѣ перевертѣлось. Я его любить стала, а прежде ненавидѣла, — теперь очень люблю.

— Эвоя. Хватились. Я этого изувѣра, голубушка, обожаю. Вотъ какъ. Чортъ видишь ли, сказываютъ, изъ породы ангеловъ; а нашъ-то... ангель изъ породы чертей.

Когда Пашута вошла къ Шумскому, то нашла его среди комнаты сумрачнаго съ необычайно блестящими глазами.

— Пашута, — заговорилъ онъ глухо, — давай толковать, рѣшать. Я смерти избѣжалъ, а отъ Аракчеева не уйду. Онъ меня не пожалѣетъ. Я его страшно озлилъ. Говори, какъ мнѣ быть. Подставлять голову или обмануть его и спастись...

— Я-то при чемъ же тутъ?—солгала Пашута.

— Садись. Слушай... Все отъ тебя зависитъ.

Шумскій усадилъ дѣвушку предъ собой и, помолчавъ, спросилъ:

— Ты любишь баронессу?..

— Пуще всего на свѣтѣ!

— Ты знаешь, что она меня любитъ. Знаешь, что я сватался, все уладилось, а потомъ ты же все разстроила. Ты меня зарѣзала, рассказавъ Фонъ-Энзе, что я подкидышъ. Ты мнѣ страшную рану въ сердце нанесла, великое зло сдѣлала. Ты у меня въ долгу теперь.

— Я готова всячески искупить свой грѣхъ предъ вами,—грустно отозвалась Пашута.

— Ты знаешь, что баронъ и послѣ этого былъ почти согласенъ на мой бракъ съ Евой. Но этотъ дуболомъ вмѣшался и опять все къ чорту полетѣло. Теперь одно спасенье. Надо, чтобы Ева была моя. Такъ ли, сякъ ли. Тогда баронъ поневолѣ согласится на бракъ. Уговорить Еву на подобное дѣяніе невозможно. Она ни за что не пойдетъ на это. Стало быть нуженъ обманъ. Нуженъ для счастья обоихъ. Хочешь помочь намъ.

— Хочу, но боюсь, Михаилъ Андреевичъ.

— Чего?

— Боюсь... Я за себя меньше боялась, когда въ Грузинѣ была. А за баронессу боюсь всей душой. Я ее больше себя самой люблю. Она святая, а не человѣкъ. Я ее боготворю.

— Чего же ты боишься?

— Васъ.

— Я не понимаю, Пашута. Вѣдь я женюсь на ней. Лишь бы баронъ согласился.

— Женитесь ли?

— Богъ съ тобой. Да ты совѣмъ... Ты думаешь я также къ ней отношусь какъ прежде.

— Боюсь, Михаилъ Андреевичъ... Да и неужели же опять опаивать собирается... Вѣдь это богомерзко, это злодѣйство.

— И не думаю... Нѣтъ. Нужно только, чтобы Ева приняла меня вечеромъ у себя тайно отъ барона и отъ всѣхъ. Я поговорю съ ней и... быть можетъ она сама... Ея воля будетъ. Не захочеть— прогонитъ. Это не обманъ будетъ, не насиліе...

— Принять васъ я ее уговорю,—рѣшительно произнесла Пашута.

— Больше ничего мнѣ и не нужно!—воскликнулъ Шумскій.

— Вы ее опоите все-таки, одурманите вашими рѣчами. Стало быть вы должны побожиться мнѣ, что вы потомъ женитесь, а не бросите ее.

— И говорить про это не хочу. Это дичь, вздоръ сущій. Я ее люблю какъ сумасшедшій. Развѣ такой вздоръ возможенъ. Ну... Такъ стало быть ѣхать къ Аракчееву и лгать, спасать себя. Если ты не обѣщаешься мнѣ помочь уладить наше свиданіе, то я прямо сознаюсь моему осиновому идолу, что я карету пустилъ по Петербургу. И онъ меня раздавитъ. Сошлетъ. И ты тогда пропадешь тоже отъ Настасьи. Согласна на все?!

— Согласна. Но помните... Не губите баронессу.

Шумскій отчаянно махнулъ рукой.

— Черезъ недѣлю, двѣ, она будетъ моею женою, а ты нашей сожительницей, даже не горничной, а какъ хочешь называй. Ну, я ѣду къ Аракчееву, а ты ступай къ баронессѣ и ладь дѣло. Она тебя послушается.

Черезъ полчаса Шумскій былъ уже на Литейной въ маленькомъ домѣ графа. Во всѣхъ горницахъ было темно и тихо, постороннихъ не было никого и дежурный адъютантъ пошелъ тотчасъ докладывать о Шумскомъ.

Графъ тотчасъ же принялъ его. Когда Шумскій вошелъ, онъ не двинулся, сидя за столомъ и тихо строча скрипучимъ перомъ. Предъ нимъ горѣла одна сальная свѣча.

— Ну, теперь, на сей разъ давай говорить по душѣ,—тихо вымолвилъ Аракчеевъ.—Ты убилъ Фонъ-Энзе? Въ куку?

— Да-съ.

— Честно?

— Да-съ.

— Мшеничества не было. Самъ-то былъ въ опасности быть убитымъ.

— Да-съ.

— Ну чтожъ. Это похвально. Пустилъ про насъ, мерзавецъ, но столицѣ слухъ поскудный. Ну вотъ ты всѣмъ и показалъ какъ тебя подкидышемъ величать. За это хвалю. Такъ и государю доложу про все дѣло. Попрошу не наказывать ни тебя, ни секундантовъ.

— Покорнѣйше благодарю,—сухо вымолвилъ Шумскій, внимательно приглядываясь къ лицу графа.

По опущеннымъ воронимъ вѣкамъ глазъ и по едва уловимой жесткой улыбкѣ на поджатыхъ губахъ, Шумскій догадался, что все сказанное есть одно предисловіе къ предстоящей бесѣдѣ.

«Цвѣточки! А ягоды впереди!»—подумалось ему.

— Денегъ у тебя довольно?..—раздался вопросъ.

— Да-съ, еще есть.

— Можетъ нужно... Вѣдь на простую жизнь немного надо, а на затѣйную много идетъ. Да потомъ надо сказать. Этакія денежки и тратятся легко. Трудовой грошъ лежитъ крѣпко, а эдакій какъ твой катится, прыгаетъ... На твои разныя затѣи тысячъ не хватитъ. Я не смотрю, нажилъ сына, плати за него, изъ тѣхъ денегъ, что у царя получишь за труды и честную безъ лести вѣрность. Ну и деньги царскія я трачу такъ, что вреда моему государю отъ нихъ нѣтъ. А вотъ за тебя, бываетъ, я мои деньги выплачиваю—удивительнымъ способомъ. Сколько я за карету заплатилъ?—равнодушно и какъ бы вскользь выговорилъ вдругъ графъ.

Водворилась тишина.

Шумскій боялся, что не такъ понялъ и медлил отвѣтомъ.

— Сколько, говорю, моему карману карета обошлась?

— Какая карета?—тихо произнесъ Шумскій.

— Не юли...

Снова наступило молчаніе.

— Ну-съ. По третьему разу. Во чтѣ обошлась карета?—настойчиво, съ упрямой интонаціей произнесъ Аракчеевъ.

Шумскій взбѣсился вдругъ не отъ самаго вопроса, а отъ манеры, съ которой онъ былъ поставленъ.

— Я не понимаю, про какую карету вы изволите говорить. У меня дрожки и коляска. А вамъ я никогда каретъ не заказывалъ и не покупалъ.

— Одну заказалъ третьяго дня.

— Нѣтъ-съ. Вы изволите ошибаться.

Аракчеевъ поднялъ свои стеклянные глаза на молодого человека и пристально поглядѣлъ ему въ лицо.

— Прежде ты не лгалъ!—выговорилъ онъ.

Шумскій вспыхнулъ и едва не выговорилъ два слова. «Да. Я». Но вдругъ мысль объ Евѣ пришла ему на умъ, и онъ мысленно произнесъ:

«Лгать до послѣдней крайности».

— Извините. Но я окончательно ничего не понимаю. Про какую карету вы спрашиваете?!

— Я не про карету спрашиваю,—уже глухо отъ нетерпѣнья вымолвилъ графъ.—А я спрашиваю во чтѣ обошлась мнѣ извѣстная твоя карета, такъ какъ у тебя своихъ денегъ нѣтъ и ты платишь за все моими.

«Нѣтъ врешь, козелъ. Меня не переупрямишь. Спрашивай иначе, коли хочешь отвѣтъ получить»,—подумалъ Шумскій, снова озлобляясь, и не отвѣтилъ ни слова.

Пауза вышла длинная. Аракчеевъ снялъ нагаръ со свѣчи, взялъ перо и началъ писать, скрипя по бумагѣ. Шумскій водилъ глазами за его пальцами и за набѣгавшими крючками и строчками.

Прошло минутъ пять. Графъ крикнулъ и продолжалъ писать... Шумскій стоялъ въ ожиданіи.

Прошло четверть часа и болѣе... Время это показалось Шумскому цѣлымъ часомъ. Если бы не стѣнные часы съ гулкимъ маятникомъ, стоявшіе близъ дверей, то онъ былъ бы убѣжденъ, что стоитъ тутъ уже часъ.

Аракчеевъ остановился, заложилъ перо за ухо, какъ подъячій, и полѣзъ за носовымъ платкомъ. Доставъ разоватый фуляръ съ желтой каймой, онъ высморкался, не спѣшно, основательно и даже сановито.

Затѣмъ онъ спряталъ платокъ, взялъ перо изъ-за уха и, перевернувъ большой листъ бумаги, снова началъ писать.

Прошло еще пять минутъ, десять, двадцать и, наконецъ, послѣ боя стрѣлка задвигалась дальше.

«Ахъ, ты инквизиторъ!—подумалъ Шумскій.—Тебѣ бы при Екатеринѣ у Шешковского служить».

И вдругъ ему стало смѣшно при мысли, что Аракчеевъ способенъ продержатъ его у стола своего какъ бы школьника, до полуночи.

«Вотъ колѣно-то отмочить... Давай попробуемъ. Это новое. Надо попробовать. У меня свободнаго времени, Алексѣй Андреевичъ, много. Ноги не больныя... Посмотримъ. По крайности потѣшимся...»

Аракчеевъ все писалъ... Шумскій стоялъ... Перо скрипѣло. Маятникъ тукалъ... Стрѣлка бѣжала... Часы звонили часы и половины... А время шло и шло... Прошло часъ и двадцать минутъ... А всего съ начала борьбы, съ послѣдняго вопроса графа—около двухъ часовъ.

Покуда длилось молчаніе, Шумскій невольно успѣлъ передумать о многомъ, объ Евѣ, о кукушкѣ и бѣдномъ Фонѣ-Энзе... Даже о Грузинѣ вспомнилъ онъ и объ матери. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя отъ движенія графа, Аракчеевъ вдругъ бросилъ перо, откинулся на спинку кресла и глянулъ на Шумскаго съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ. Его переупрямили...

— На чей счетъ ты живешь?—выговорилъ онъ хрипливо.

— На вашъ...

— Много ли зла я тебѣ сдѣлалъ за твою жизнь?..

Шумскій вспыхнулъ, затѣмъ опустилъ глаза и промолвилъ взволнованно:

— Вы мнѣ зла не дѣлали, но... Все то же... Зачѣмъ вы меня

взяли изъ моего состоянія, у матери?!.. Крестьяниномъ я былъ бы счастливѣе.

— Привередничанье.—Бабы причитанья.—Прибаутки съ жиру. Ты сынъ Настасьи Ѳедоровны и мой—намъ на горе! Да не въ томъ суть...—А скажи мнѣ за чтò ты ненавистничаешь, издѣваешься надъ матерью и надъ отцомъ? Какой въ тебѣ бѣсъ сидить? Скажи мнѣ.—Разсуди.—Чтò бы сказалъ мнѣ государь, еслибъ я на средства, которыя имѣю отъ его милостей и щедротъ, сталъ бы ему вредить и всякое на его счетъ худое выдумывать, ради насмѣшки и издѣвательства. Чтò бы государь тогда со мной учинилъ?—Скажи?

— Вы правы! Я виноватъ!—выговорилъ Шумскій глухо.—Я... Я самъ не знаю... Я самъ ничего не понимаю... Карету я выдумалъ! Зачѣмъ? Не знаю. Досадить... За отказъ барона, изъ-за васъ, на мой бракъ... Я думалъ буду убить уланомъ въ кукушкѣ и хотѣлъ, умирая, отомстить вамъ. Вотъ сущяя правда! Карета сдѣланная на ваши же деньги—подлость. Иного имени нѣтъ этой затѣѣ... Подлость. Низость. Я самъ себѣ гадокъ... Да и не въ первый разъ. Во мнѣ воистинну сидитъ бѣсъ. И радъ бы я изгнать его, да не знаю какъ. Да и не хочу! Судите меня, какъ хотите и наказывайте. Вотъ вся правда. Я хотѣлъ отпереться, нагать, свалить все на Фонъ-Энзе. Но не могу... Я могу видно лгать только тѣмъ, кого уважаю и люблю. Вотъ все. Больше не надо говорить. Больно много есть чтò сказать... Накажите меня строго, жестоко, безъ жалости. И мнѣ будетъ легче. Мы будемъ квиты. Милости ваши—мнѣ ножъ... Поймите...

Шумскій смолкъ, отвернулся и тяжело дышалъ...

Графъ поблѣднѣлъ, протяжно просапѣлъ и, вставъ изъ-за стола, прошелся по горницѣ. Затѣмъ онъ остановился и выговорилъ, задыхаясь отъ гнѣва:

— Ладно... Накажу... И здорово. Здоровѣе, чѣмъ ты думаешь. Теперь вонъ... Двѣ недѣли я тебѣ даю еще погулять флигель-адъютантомъ и сыномъ. Черезъ двѣ недѣли я тебѣ скажу, что я надумалъ съ тобой подлецомъ учинить. Я сотру тебя съ лица земли, которой отъ тебя тяжело приходится. А покуда... Вотъ, блудный сынъ, тебѣ задатокъ моего долга за карету...

Графъ подошелъ къ Шумскому шага на два и плюнулъ ему въ лицо...

XLI.

«Аракчеевскій подкидышъ» вернулся къ себѣ блѣдный, но спокойный. Онъ точно не былъ вовсе оскорбленъ поступкомъ графа и даже казался забылъ объ этомъ. Онъ былъ раздраженъ тѣмъ, что этотъ «дуболомъ» правъ, этотъ «идолъ» правду сказалъ.—По-

веденіе его, Шумскаго, подло и низко, а поступокъ графа сравнительно—маленькая гадость, заслуженная вполне...

Разумѣется! Вѣдь средства къ жизни, получавшіяся отъ этого человѣка, котораго онъ прежде считалъ отцомъ, были большія. Прежде онъ и не помышлялъ, конечно, объ томъ, что благодаря графу сравнительно богатъ. Узнавъ, что онъ «подкидышъ», а не родной его сынъ, онъ задумался было на счетъ полученія этихъ средствъ, но не на долго. Хотя ему и стало вдругъ тяжело брать эти деньги, но тратить было также легко какъ и прежде.

Мысль при заказѣ кареты, что онъ платитъ за издѣвательство надъ графомъ его же деньгами—не пришла ему просто на умъ. Да и было не до того... Онъ собирался быть убитымъ.

Однако, у Шумскаго стало такъ скверно на душѣ, какъ никогда не бывало. Его тяготило что-то, давило... Вѣроятно, мысль, что этотъ ненавистный ему человѣкъ правъ кругомъ, какъ онъ самъ кругомъ виноватъ. И онъ сталъ себѣ невыразимо гадокъ.

— Ну, пускай отомститъ! Квиты будемъ, легче будетъ!—рѣшилъ Шумскій озлобленно.—Да вѣдь и теперь почти квиты, послѣ эдакого... Ну... Это пустышки...

И мысли его перешли тотчасъ на баронессу, но не сами по себѣ, а насиліемъ его надъ собой. Шумскій тотчасъ справился о Пашутѣ и узналъ отъ Мареуши, что та отправилась на Васильевскій островъ и еще не возвращалась.

— Грустная пошла туда наша Пашута,—сказала Мареуша.—Плакала.

— Плакала?

— Да-съ. Я спросила о чемъ.—Сказала мнѣ: чую я, что предательствовать иду. Вотъ эдакъ же Иуда Христа предалъ. Онъ за деньги, а я-то зачѣмъ...

— Все вздоръ!—раздражительно вымолвилъ Шумскій и, отпустивъ Мареушу, принялся курить и ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

— Диковинная жизнь!—забормоталъ онъ вслухъ.—Отъ одного переплета избавился, въ другой попалъ. Фонъ-Энзе убилъ и жалѣю... Собираюсь жениться на Евѣ, а Аракчеевъ собирается со мной такое учинить, что пожалуй не до свадьбы будетъ. Чудно. Когда же конецъ мытарствамъ. Двѣ недѣли далъ сроку. Зачѣмъ? Чортъ его знаетъ... А это... Это?! Да вѣдь это вздоръ. Онъ особа, военный министръ, а я офицерикъ...

И Шумскій снова началъ стараться думать о другомъ, о томъ, что за эти двѣ недѣли надо во чтобы то ни стало, хотя бы обманомъ, взять Еву, заставить этимъ барона согласиться на ихъ бракъ... А бракомъ обезоружить графа.

— Стыдно будетъ ему мстить! Да и жена, Ева, заступится за меня. Съ красавицей-невѣсткой не сговорить.

Шумскій сѣлъ и сталъ подробно и обстоятельно обдумывать планъ дѣйствій относительно Евы. Онъ доказывалъ себѣ мысленно, что женитьба на баронессѣ теперь двояко желательна, необходима, даже полезна...

«Если я ее возьму,—разсуждалъ про себя молодой человѣкъ,—баронъ поневолѣ согласится на нашъ бракъ. Если я обвиняюсь, Аракчеевъ меня проститъ. Да я и самъ повинюсь. Я виноватъ предъ нимъ—какъ ни верти. А отъ того, что я виноватъ—онъ мнѣ менѣе ненавистенъ. Нѣтъ, онъ мнѣ, то менѣе, то еще болѣе ненавистенъ. А «этого» вотъ я еще не соображу... Какъ будто «оно» тяжело... Самъ не знаю... Какой я сумбурный, однако, человѣкъ. Создатель мой, какой я разношерстный... Умный, глупый, злой, добрый, шалый, безжалостный, мягкосердый, нахальный, совѣтливый... И черный, и бѣлый... Зачѣмъ меня уланъ не убилъ?! Былъ бы теперь на столѣ и всей этой дурацкой канители жизни былъ бы шабашъ! Моя жизнь—алтынъ. А его жизнь была порядливая, честная... Ему бы жить и жить. И это называется, вишь, судьбой... Такъ, видишь ли, Богу угодно... Вздоръ. Если Господь все видитъ и знаетъ, не можетъ Ему быть эдакое угодно... Это мы дѣлаемъ, а не Онъ насъ направляетъ... Справедливо ли, чтобы такой мерзавецъ, безродный подкидышь, какъ я—убивалъ честныхъ людей, а самъ оставался на свѣтѣ... чтобы быть оплеваннымъ! Правду говоритъ графъ, что землѣ тяжело отъ меня приходится... Охъ, да и мнѣ тяжело на ней... Вотъ теперь Ева?... Люблю ли я ее? Да! Также какъ мѣсяцъ назадъ? Нѣтъ! Теперь меньше. Почему? Дьяволъ знаетъ. Но взять ее надо. Жениться надо... Такъ пошло все съ лѣта, пускай такъ и идетъ до конца. А до какого конца? Чѣмъ я кончу? Никто этого не знаетъ. Кто бы угадалъ, что сегодня въ одинъ день будетъ кукушка и... это... Эхъ, кабы меня уланъ убилъ... Теперь бы какъ хорошо было. Просто, спокойно, понятно... Мертвое тѣло. Не даромъ говорится про мертвеца—покойникъ. Про живого надо бы говорить—тревожникъ».

Шумскій всталъ, вздохнулъ и вымолвилъ вслухъ:

— Ахъ, какъ мнѣ не хорошо... И отчего?... Застрѣлиться что ли?

Онъ сталъ посреди комнаты и прерывистое дыханіе его стало учащаться, становилось все быстрѣе, неровнѣе, тяжелѣе...

— Отчего мнѣ такъ гадко. Ахъ, какъ гадко. Никогда эдакъ не было. Душно... либо въ горницѣ, либо на свѣтѣ. Душно—смерть. А чтѣ, если сейчасъ... Кому потеря? А себѣ выигрышь. Ева пожалѣетъ. Маруша и того пуще. Пашута пожалѣетъ. Квашнинъ и Ханенко пожалѣютъ. Дай попробую. Примѣръ примѣрю. Стрѣлять не стану, а примѣрю. Репетицію сдѣлаю...

Шумскій постоялъ и вдругъ двинулся.

— Давай, Михаилъ Андреевичъ, побалуемся.

Шумскій полѣзъ было въ столъ, но вспомнилъ, что ящикъ съ

пистолетами, привезенный отъ Безсонова друзьями, былъ еще въ передней. Онъ быстро направился туда, взявъ ящикъ и, вернувшись къ себѣ, досталъ порохъ и пули изъ стола.

Быстро, съ оживленнымъ нервно лицомъ, съ блестящими глазами, началъ онъ заряжать пистолеть и скоро все было готово... Онъ даже ввинтилъ свѣжій кремень и насыпалъ мелкаго пороху на полку. Затѣмъ съ пистолетомъ въ рукѣ онъ подошелъ къ зеркалу и приставилъ себѣ дуло къ правому виску... И сталъ смотрѣть на себя. Лицо его вдругъ стало блѣдно. И онъ самъ удивился...

— Нѣтъ, лучше въ сердце... Башку пакостить не годится. Башка лучшая часть тѣла. Благородная часть. Разумъ—самый дорогой даръ Божій.

Шумскій перевелъ пистолеть и приставилъ къ груди. Рука его дрожала...

— Вотъ диковинно...—прошепталъ онъ.—Только пальцемъ потяни чуточку... И будетъ смерть. И всему конецъ! Только палецъ двинь. Двинуть. А?! Двинуть? Михаилъ Андреевич! Слушай! громче выговорилъ онъ, глядя на себя въ зеркало.—Двинуть?... А? Обиды большой нѣтъ... Онъ особа... Онъ воспиталь... Да зачѣмъ тебѣ жить? Вѣдь совсѣмъ не нужно... Пакостить и мерзости дѣлать. Жить крестьянскимъ подкидышемъ въ дворянскихъ хоромахъ... Съ глупой мѣтой на лбу ходить. Жить на деньги плюющаго тебѣ въ лицо изувѣра... Валяй. Ей-Богу... Можетъ быть и цѣль останешься, только ранишь себя. А коли судьба, то совсѣмъ готовъ будешь. А можетъ быть только такъ... Ну?... Что же? Страшно? Э-эхъ... Животное!...

Шумскій опустилъ руку, вздохнулъ и задумался.

— И навѣрное даже не буду убить, а только раненъ... — зашепталъ онъ черезъ минуту. — Не уйду вѣрно на тотъ свѣтъ... А вотъ попробую уходить... И какъ это хорошо пробовать!... Веселѣе, легче на душѣ, чуя, что висишь на волоскѣ отъ смерти по собственной волѣ... Это не то, что сегодня въ темнотѣ... Тамъ страшно было... Ну, что же? Одна комедія? А? Оплеваннѣй?

Шумскій снова приставилъ пистолеть къ груди и снова сталъ смотрѣть на себя въ зеркало. Лицо блѣднѣло все болѣе...

— Будьте вы всѣ прокляты! Не хочу я съ вами жить! — закричалъ онъ вдругъ внѣ себя.—Фонъ-Энзе! Слушай... Я туда, гдѣ ты...

Прошло нѣсколько мгновений полной тишины и затѣмъ въ квартирѣ страшно прогремѣлъ гулкій выстрѣлъ. Мареуша, сидѣвшая въ гардеробной, вздрогнула и поблѣднѣла. Она вскочила со стула и прислушалась... Все снова было тихо... Она перекрестилась нѣсколько разъ и дрожа побѣжала къ спальнѣ.

XLII.

Между тѣмъ, въ маленькой квартирѣ уланскаго офицера, убитаго въ этотъ день, была необычная суетня.

Тѣло Фонъ-Энзе, привезенное въ каретѣ его секундантами, было положено на кровать.

Часа чрезъ два въ полку уже стало извѣстно о происшедшемъ дикомъ поединкѣ и его смертельномъ исходѣ для товарища. Всѣ офицеры тотчасъ же отправились на квартиру покойнаго.

Вѣсть о новомъ случаѣ кукушки быстро распространилась по столицѣ. Говору не было конца и всѣ толки сводились къ вопросу, что сдѣлаютъ съ аракчеевскимъ подкидышемъ. Неужели временщикъ и теперь отстоять его, и онъ останется не наказаннымъ, не будетъ посаженъ въ крѣпость.

Большинство было увѣрено, что если всякаго рода прошлые безобразія «блзня» оставались всегда безнаказанными, то поединокъ, хотя и дикій, сойдетъ тоже, конечно, даромъ съ рукъ.

Въ сумерки, къ дому, гдѣ былъ покойникъ, подъѣхала карета и изъ нея вышелъ баронъ Нейдшильдъ съ красавицей дочерью.

Они медленно и молча поднялись по лѣстницѣ и вошли въ квартиру... Мартенсъ, распорядившись всѣмъ—принялъ ихъ... Баронъ былъ сурово печаленъ, а его дочь стыдливо смущена и немного блѣднѣе обыкновеннаго.

Ни другъ покойнаго, ни прибывшіе, не обмѣнялись ни словомъ, только поздоровались. Затѣмъ родственники убитаго прошли въ спальню, гдѣ лежалъ на кровати поверхъ одѣяла покойникъ въ парадномъ мундирѣ съ иголочки.

И никто не зналъ, что этотъ мундиръ былъ еще недавно заказанъ порядчивымъ нѣмцемъ, загодя, ради иного назначенія... Надѣясь на согласіе баронессы, Фонъ-Энзе запасся этимъ платьемъ для своей свадьбы.

Пробывъ нѣсколько мгновеній на колѣняхъ, въ молитвѣ, около тѣла, и баронъ и Ева вернулись въ маленькую гостиную и сѣли на диванъ въ ожиданіи прибытія пастора.

Мартенсъ отсутствовалъ, ибо хлопоталъ и совѣщался съ какой-то фигурой, ожидавшей въ передней, которая казалась всѣмъ прибывшимъ фатальной, такъ какъ всякій догадывался, что это былъ гробовщикъ.

Биллингъ подѣлъ къ барону и, не смотря на свое грустное смущеніе, невольно приглядывался къ Евѣ и любовался ею.

Баронъ сталъ разспрашивать офицера о подробностяхъ поединка и о смерти Фонъ-Энзе. Биллингъ рассказалъ все...

Баронъ дивился, охалъ и пожималъ плечами, узнавая изъ разсказа офицера что за безумно-дикая выдумка эта кукушка.

— Стало быть никто не видалъ и не знаетъ какъ Фонъ-Энзе былъ убитъ?!..—воскликнуть, наконецъ, баронъ.

— Никто. Мы вошли когда раздался послѣдній выстрѣлъ и его стонъ.

— Не можетъ быть, тутъ было...—Баронъ запнулся и поглядѣлъ искоса на дочь.—Можетъ быть не все было правильно...

— Объясните батюшкѣ,—вдругъ, какъ отъ толчка, обратилась Ева къ офицеру тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ.—Объясните, что въ этого рода поединкахъ правилъ нѣтъ, или они другія совсѣмъ. Я знаю... Мнѣ все рассказывали. А батюшка не знаетъ.

Биллингъ сталъ объяснять барону какія правила кукушки, и, когда онъ кончилъ, молодая дѣвушка выговорила:

— Стало быть опасность была одинакова для обоихъ. Г. Шумскій быть можетъ перехитрилъ покойнаго... Но подобное допускается въ этой дуэли.

— Точно такъ, баронесса. Въ темнотѣ всякій дѣлаетъ, что можетъ, чтобы избѣжать выстрѣла противника и выстрѣлить вѣрнѣе въ удобную минуту.

— Стало быть заподозрить кого-либо въ нечестномъ поступкѣ нельзя, не слѣдуетъ?!—сказала Ева твердымъ голосомъ.

— Я и не обвиняю Шумскаго, моя милая,—грустно замѣтилъ баронъ.—Если поединокъ такой азіатскій, то, конечно, онъ былъ правъ, если перехитрилъ противника и подвелъ его въ какую-нибудь ловкую западню. Я удивляюсь, что Фонъ-Энзе согласился на такую нелѣпую дуэль... Да, все это... Вообще, все это очень грустно,—вдохнулъ баронъ.

— Грустно. Да...—едва слышно отозвалась молодая дѣвушка.—И все-таки все честно. Нѣтъ безчестья побѣдившему. Я жалѣю покойнаго отъ всей души, но думаю, что и г. Шумскій не долженъ быть осуждаемъ за то, что остался живъ. Не убить, а убиль...

— Конечно,—вдохнулъ Биллингъ, но въ голосѣ его слышалось вполнѣ, что онъ не согласенъ съ мнѣніемъ баронессы.

Ева вдругъ слегка выпрямилась, ея красивые бирюзовые глаза широко раскрылись и устремились на офицера пытливо, тревожно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и строго...

Она молчала, но глаза ея спрашивали офицера и требовали объясненія интонаціи его голоса.

— Кукушку мы не знаемъ...—заговорилъ вдругъ Биллингъ не твердо, робко, какъ бы извиняясь.—Никто изъ насъ никогда такъ не дрался... Мы разпросили, что могли у Безсонова... Намъ объяснили... Но можетъ быть въ этомъ поединкѣ есть... Есть... Какъ бы сказать...

— Что?!—строго произнесла Ева и голосъ ея ясно говорилъ: ты хочешь сказать вздоръ или прямо солгать.

— Есть тонкости... Снаровка... Фортель, какъ говорятъ про

разныя тонкости. Не только въ дуэляхъ на шпагахъ и сабляхъ, но даже на пистолетахъ, есть, баронесса, тонкости, которыя можно знать и не знать. Кто знаетъ, тотъ скорѣе останется побѣдителемъ. Вотъ и въ кукушкѣ можетъ быть есть что-нибудь... По всей вѣроятности.

— Можетъ быть? Что-нибудь? По всей вѣроятности?—отчеканивая слова, повторила Ева.—Но скажите, г. Биллингъ, пользованіе тонкостями въ обыкновенныхъ дуэляхъ считается безчестнымъ?

— Нѣтъ, баронесса... Но тамъ все происходитъ при свѣтѣ, на глазахъ секундантовъ; а тутъ въ темнотѣ и наединѣ...

— Стали бы вы также судить этотъ родъ дуэли, еслибы былъ теперь убитъ г. Шумскій?

— Да, баронесса... Но...

Биллингъ запнулся...

— Говорите. Ваше «но» любопытно.

— Но я зналъ Фонъ-Энзе за честнѣйшаго человѣка. Я не могу того же сказать про г. Шумскаго.

— Позвольте мнѣ, знавшей близко обоихъ поручиться и за г. Шумскаго!—холодно выговорила Ева и яркая краска впервые показала на ея блѣдныхъ щекахъ.

Биллингъ почтительно наклонился и замолчалъ...

Баронъ поглядѣлъ украдкой на дочь и, вздохнувъ, потупился грустно и даже безпомощно...

Между тѣмъ, въ сосѣдней горницѣ, гдѣ сидѣло человѣкъ шесть офицеровъ, пла шопотомъ бесѣда буквально о томъ же. И всѣ бесѣдующіе были согласны между собой, что смерть Фонъ-Энзе есть возмутительное, предательское убійство... И такъ оставить дѣла нельзя. Честь полка замѣшана. Товарищи покойнаго должны вступить. Надо что-нибудь рѣшить и предпринять немедленно.

Одинъ изъ офицеровъ предложилъ бросить жребій, чтобы одинъ изъ присутствующихъ назвалъ Шумскаго убійцей и вызвалъ на обыкновенный поединокъ.

Предложеніе было отвергнуто.

Другой предложилъ подать жалобу государю... Но и это было найдено нелѣпнымъ. Докладывать дѣло императору пришлось бы тому же военному министру.

Послѣ цѣлаго часа совѣщаній товарищи покойнаго не пришли ни къ какому результату, но единогласно рѣшили:

— Такъ дѣло все-таки оставить нельзя. Надо собраться завтра всему полку. Надо, чтобы аракчеевскій подкидышъ былъ наказанъ. Если законъ его достать не можетъ за спиной военнаго министра, то надо тогда наказать его частнымъ образомъ.

Появленіе Мартенса прекратило совѣщаніе. Онъ заявилъ, что прибылъ пасторъ.

Всѣ поднялись и двинулись...

Во время заупокойнаго обряда, совершаемаго пасторомъ, всѣ товарищи убитаго были заняты не столько мыслями о покойномъ товарищѣ и молитвой, сколько присутствіемъ красавицы-баронессы. Большинство офицеровъ видѣло ее близко въ первый разъ. И Ева поразила ихъ своей красотой.

Когда чрезъ полчаса баронъ Нейдшильдъ съ дочерью отбылъ изъ квартиры, то уланы, собравшись въ той же горницѣ, говорили опять-таки не о товарищѣ, а исключительно о той, которая когда-то была почти объявленной невѣстой его и собственно изъ-за которой онъ теперь лежалъ мертвый.

— А она влюблена въ его убійцу!—горячо воскликнулъ Биллингъ.

— Не можетъ быть?! Въ Шумскаго? Въ безроднаго? Въ блазня!—раздались голоса.

— Вѣрно, господа,—глухо произнесъ Мартенсъ.—Вотъ логика судьбы... Вотъ наука намъ, мужчинамъ. Защищайте женщинъ отъ негодяевъ, въ которыхъ онѣ влюбляются, легче чѣмъ въ честныхъ людей, и отдавайте себя на убой.

— А когда вы будете убиты,—добавилъ Биллингъ,—то красавица выйдетъ замужъ за вашего убійцу. И вмѣстѣ они посмѣются...

Наступило минутное молчаніе.

— Смѣяться въ данномъ случаѣ,—заговорилъ снова Мартенсъ,—будетъ лишь одинъ мерзавецъ Шумскій. Баронесса добрая и честная дѣвушка и смѣяться не станетъ. За то негодяй блазень весело смѣется теперь надъ убитымъ врагомъ, а потомъ... со временемъ, посмѣется зло и надъ бѣдной женщиной, которая его любитъ.

— Женится, а потомъ бросить?

— Нѣтъ. Не женится, а потомъ бросить...

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ) ¹⁾.

XVI.

Разстройство здоровья Панаева.—Выходка К.—Намѣреніе Панаева уѣхать изъ Петербурга.—Кончина Панаева.—Литературное чтеніе.—«Отцы и дѣти» Тургенева.—Толки и мнѣнія объ этомъ произведеніи.—Обвиненія Некрасова въ растратѣ чужихъ денегъ.—Денежные счета Некрасова съ Тургеневымъ.—Мнѣнія Тургенева и В. П. Боткина о Дружининѣ.—Ихъ взглядъ на талантъ и поэзію Некрасова.—Худыя предзнаменованія для «Современника».—Пожаръ Апраксина двора.—Броженіе среди народа.—Романъ Ч.—Потеря рукописи Некрасовымъ.—Счастливый чиновникъ.

ОСТОЯННЫЯ непріятности и литературныя дразги сильно вліяли на впечатлительнаго Панаева и отразились роковымъ образомъ на его здоровьи. Его литературные враги знали это и съ какимъ-то злорадствомъ усиливали противъ него свои пошлыя выходки. Панаевъ особенно не любилъ одного изъ приживальщиковъ Тургенева, низкопоклоннаго и льстиваго К., и не могъ скрыть презрѣнія, которое питалъ къ нему. Не зная чѣмъ отомстить Панаеву, К. началъ распускать слухъ, будто Панаевъ занялъ у него 75 руб. и не отдаетъ этихъ денегъ. Услужливые пріятели, разумѣется, поспѣшили сообщить Панаеву эту гнусную сплетню. Онъ пришелъ ко мнѣ въ страшномъ волненіи и дрожащимъ, задышающимся голосомъ началъ рассказывать о выходкѣ К.

— Не доставало только одного, — обвинять меня въ томъ, что я ворую деньги у сотрудниковъ! — воскликнулъ онъ и съ этими словами вдругъ зашатался.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 246.

Я поддержала его и усадила на диванъ, около котораго онъ стоялъ. Съ нимъ сдѣлался обморокъ. Приглашенный докторъ не нашель ничего серьезнаго, за исключеніемъ слабости, и велѣлъ ему лечь въ постель.

Вечеромъ, когда я сидѣла около Панаева, онъ вдругъ заговорилъ, что у него давно уже созрѣла мысль уѣхать куда-нибудь изъ Петербурга, такъ какъ жизнь въ этомъ городѣ сдѣлалась для него невыносимой.

— Можно взять въ аренду небольшую усадьбу по Николаевской желѣзной дорогѣ,—прибавилъ онъ.

— Что же тебѣ мѣшаетъ исполнить свое желаніе,—отвѣчала я.

— Если бы ты также согласилась жить въ деревнѣ,—сказалъ онъ,—я былъ бы совершенно счастливъ. Вѣдь и тебѣ тяжело жить здѣсь!.. Ты бы тоже отдохнула и твоя болѣзнь печени прошла бы... Дай мнѣ слово, что ты поѣдешь вмѣстѣ со мной въ деревню.

Я обѣщала.

— Ты меня очень обрадовала! — воскликнулъ онъ. — Съ своей стороны, я обѣщаю, что ты не увидишь во мнѣ прежнихъ моихъ слабостей, за которыя я такъ жестоко заплатилъ. Я самъ себѣ былъ злѣйшимъ врагомъ и самъ испортилъ свою жизнь. Съ людьми слабохарактерными надо поступать деспотически; они скорѣе поддаются влиянію людей дурныхъ, нежели хорошихъ. Только тогда, когда мнѣ пришлось пережить страшную нравственную пытку, я понялъ, кто безкорыстно желалъ сдѣлать мнѣ хорошее, и кто вредъ.

— Лучше поговоримъ объ этомъ въ другой разъ,—замѣтила я,—тебѣ не слѣдуетъ волноваться и нужно лежать покойно.

— Нѣтъ, дай мнѣ облегчить душу и высказать то, что накопилось въ ней за долгое время.

Не желая огорчить Панаева, я выслушала его исповѣдь, которую не считаю возможнымъ приводить здѣсь по многимъ причинамъ.

Въ продолженіе двухъ недѣль, пока я не отходила отъ больного Панаева, онъ только и говорилъ о томъ, какъ будетъ наслаждаться тишиной деревенской жизни, что ему, кромѣ природы и книгъ, теперь ничего не нужно, что онъ примется писать большую повѣсть, для которой у него накопилось много типовъ изъ современнаго общества, что фельетоны ему надобли и т. п.

Панаевъ оправлялся медленно; онъ похудѣлъ, измѣнился въ лицѣ и потерялъ аппетитъ. Я настояла, чтобы онъ пригласилъ извѣстнаго тогда доктора Шипулинскаго. Послѣдній внимательно осмотрѣлъ и выслушалъ больного и нашель у него порокъ сердца. Но онъ сообщилъ объ этомъ лишь одному Некрасову, а меня увѣрилъ, что Панаевъ совершенно выздоровѣетъ, какъ только переселится въ деревню, бросить привычку писать по ночамъ, не ста-

нетъ утомлять себя продолжительными прогулками, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, и, вообще, воздержится отъ всякихъ волненій. Я начала торопить Панаева уѣхать изъ Петербурга. Намъ сообщили подробныя свѣдѣнія объ одной усадьбѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ и рѣшено было отправиться на первой недѣлѣ поста для ея осмотра и найма.

Въ послѣдній день масляницы, вечеромъ, Панаевъ поѣхалъ къ двоюродной своей сестрѣ, у которой были назначенные дни по воскресеньямъ; я подвезла его къ ея дому, а сама поѣхала въ театръ. Я была большая любительница театра и всегда оставалась до конца спектакля. На этотъ разъ, сама не знаю почему, мнѣ вдругъ не захотѣлось досмотрѣть послѣдняго акта и я уѣхала домой. Лакей нашъ встрѣтилъ меня словами, что съ Панаевымъ, по его возвращеніи, сдѣлался обморокъ и онъ все спрашивалъ обо мнѣ. Я велѣла скорѣе ѣхать за докторомъ, за которымъ, впрочемъ, уже было послано, а сама поспѣшила въ комнату больного. Онъ лежалъ на кровати, но, при моемъ приходѣ, быстро съѣлъ и сказалъ:

— Не безпокойся, все прошло! Какъ я радъ, что ты пріѣхала домой... дай мнѣ руку и не отходи отъ меня!—и, взявъ меня за руку, умоляющимъ голосомъ добавилъ,—устрой скорѣе, чтобы мнѣ уѣхать отсюда.

Я общалась все сдѣлать, лишь бы онъ успокоился. Панаевъ положилъ голову ко мнѣ на плечо и проговорилъ:

— Мнѣ такъ легче дышать.

Я поддерживала его рукой; вдругъ онъ, поднявъ голову и посмотрѣвъ на меня, сказалъ:

— Прости, я во мно...

И голова его опять склонилась ко мнѣ на плечо. Я окликнула его, онъ молчалъ; мнѣ вообразилось, что съ нимъ опять обморокъ; я стала звать человѣка, который прибѣжалъ и помогъ мнѣ положить Панаева на подушки; я старалась привести его въ чувство. Въ эту минуту явился докторъ. Онъ пощупалъ пульсъ, приложилъ ухо къ сердцу и произнесъ:

— Онъ скончался.

Нечего объяснять, какъ я была поражена такимъ неожиданнымъ ударомъ. Меня безъ чувствъ унесли въ мою комнату.

Смерть Панаева произошла отъ разрыва сердца. Лакей рассказалъ мнѣ, что когда Панаевъ вернулся домой, то прежде всего спросилъ: дома ли я? потомъ прошелъ въ свою комнату и сталъ раздѣваться. Человѣкъ замѣтилъ по его лицу, что онъ былъ очень встревоженъ и у него дрожали руки, когда онъ вынималъ булавку изъ галстука и разстегивалъ жилетъ. Только-что человѣкъ подалъ ему халатъ, какъ съ нимъ сдѣлался обморокъ. Его положили на кро-

вать и послали одновременно за докторомъ и за мной въ театръ. Придя въ себя, Панаевъ поминутно спрашивалъ—не пріѣхала ли я.

Я была убѣждена, что причиной смерти Панаева была опять какая-нибудь сильная непріятность и его двоюродная сестра подтвердила мое предположеніе.

Панаевъ былъ похороненъ на кладбищѣ Фарфороваго завода, потому что всегда, возвратясь съ чьихъ-нибудь похоронъ, говорилъ мнѣ, что не желалъ бы лежать ни на одномъ изъ петербургскихъ кладбищъ, кромѣ Фарфороваго завода, расположеннаго на возвышенномъ, песчаномъ берегу Невы. При томъ эти берега Невы были его родиной; онъ провелъ на нихъ свое дѣтство и юность. У его дѣдушки, Берникова, у котораго онъ воспитывался со дня рожденія, была на берегу Невы дача, между Невскимъ монастыремъ и Фарфоровымъ заводомъ, гдѣ Берниковъ жилъ зиму и лѣто. О литературной популярности Панаева въ Петербургѣ нельзя было бы заключить по тому множеству публики, которая собралась на выносъ его тѣла, такъ какъ у него была масса знакомыхъ. Но его популярность можно было провѣрить по количеству народа, являвшагося проститься съ покойникомъ, пока гробъ стоялъ въ квартирѣ. Съ ранняго утра до поздней ночи у гроба толпились люди разныхъ классовъ общества: студенты, гимназисты, офицеры, купцы, даже лавочники.

Въ началѣ 1862 года, давался литературный вечеръ въ пользу литературнаго фонда. Когда было объявлено, что на этомъ вечерѣ Некрасовъ будетъ читать нѣкоторыя стихотворенія Добролюбова, а Ч. его характеристику, то въ литературной средѣ разнеслись слухи, что оба они будутъ ошикованы. Наканунѣ вечера Некрасовъ получилъ анонимное письмо, въ которомъ ему совѣтовалось сказаться больнымъ, чтобы избѣжать скандала, такъ какъ публика уже заранѣе возмущена тѣмъ, что Ч. хочетъ, наперекоръ общему мнѣнію, придавать значеніе такой личности, литературную дѣятельность которой, хотя, къ счастью, и кратковременную, всякій образованный и порядочный человѣкъ считаетъ позорною.

Однако, скандала не произошло никакого. Напротивъ, при появленіи Некрасова и Ч. на эстрадѣ и уходѣ съ нея раздавались шумные аплодисменты. Но все-таки нашлись люди, увѣрявшіе тѣхъ, кто не былъ на этомъ вечерѣ, будто Некрасову шикали, а Ч. публика даже не дала окончить чтеніе, такъ какъ онъ держалъ себя крайне неприлично. Въ этомъ духѣ были напечатаны отчеты о вечерѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Библиотекѣ для Чтенія».

По поводу этихъ статей и нелѣпныхъ толковъ В. С. Курочкинъ написалъ въ стихахъ пародію на «Горе отъ ума» подъ заглавіемъ: «Два скандала» (сцены изъ комедіи «Горе отъ ума», разыгранныя въ 1862 году). Тотчасъ послѣ смерти Добролюбова, Ч. приступилъ къ разбору его бумагъ, чтобы поскорѣе издать полное собраніе его

сочиненій. Когда былъ отпечатанъ первый томъ и Ч. принесъ его мнѣ, я съ изумленіемъ увидѣла, что изданіе посвящено мнѣ. Если бы я знала заранѣе о намѣреніи Ч., то, разумѣется, попросила бы его не дѣлать этого, чтобы не подавать повода къ новымъ сплетнямъ, которыми я была сыта по горло.

Я не запомню, чтобы какое-нибудь литературное произведеніе надѣлало столько шуму и возбудило столько разговоровъ, какъ повѣсть Тургенева «Отцы и дѣти». Можно положительно сказать, что «Отцы и дѣти» были прочитаны даже такими людьми, которые со школьной скамьи не брали книги въ руки. Приведу нѣсколько фактовъ, рисующихъ состояніе тогдашняго общества при появленіи повѣсти Тургенева. Я сидѣла въ гостяхъ у однихъ знакомыхъ, когда къ нимъ явился ихъ родственникъ, отставной генералъ, одинъ изъ числа тѣхъ многихъ недовольныхъ генераловъ, которые получили отставку послѣ Крымской войны. Этотъ генералъ, едва только вошелъ, уже завелъ рѣчь объ «Отцахъ и дѣтяхъ».

— Признаюсь, я эту дребедень, называемую повѣстями и романами, не читаю, но куда не придешь — только и разговоровъ, что объ этой книжкѣ... стыдять, уговариваютъ прочитать... Дѣлать нечего, — прочитай!.. Молодецъ сочинитель; если встрѣчу гдѣ-нибудь, то распѣлю его! молодецъ! ловко ошельмовалъ этихъ лохматыхъ господчиковъ и ученыхъ шляхъ! Молодецъ!.. Придумалъ же имъ названіе — нигилисты! попросту вѣдь это значитъ глисты!.. Молодецъ! Нѣтъ, этому сочинителю за такую книжку надо было бы дать чинъ, поощрить его, пусть сочинитъ еще книжку объ этихъ пакостныхъ глистахъ, что развелись у насъ!

Мнѣ также пришлось видѣть перепуганную, пожилую, добродушную чиновницу, заподозрившую своего стараго мужа въ нигилизмъ, на основаніи только того, что онъ на Пасхѣ не поѣхалъ дѣлать поздравительные визиты знакомымъ, резонно говоря, что въ его лѣта уже тяжело трепаться по визитамъ и попусту тратить деньги на извозчиковъ и на водку швейцарамъ. Но его жена, напуганная толками о нигилистахъ, такъ переполошилась, что выгнала изъ своего дома племянника, бѣдняка-студента, къ которому прежде была расположена и которому давала столъ и квартиру. Но у добродушной чиновницы исчезло всякое состраданіе отъ страха, что ея мужъ окончательно превратится въ нигилиста отъ сожительства съ молодымъ человѣкомъ. Иныя барышни пугали своихъ родителей тѣмъ, что сдѣлаются нигилистками, если имъ не будутъ доставлять развлеченій, т. е. вывозить ихъ на балы, театры и нашивать имъ наряды. Родители во избѣжаніе срама входили въ долги и исполняли прихоти дочерей. Но это все были

комическія стороны, а сколько происходило семейныхъ драмъ, гдѣ родители и дѣти одинаково дѣлались несчастными на всю жизнь изъ-за антагонизма, который, какъ ураганъ, проносился въ семьяхъ, вырывая съ корнемъ связь между родителями и дѣтьми. Ожесточеніе родителей доходило до безчеловѣчности, а увлеченіе дѣтей до фанатизма. Въ одномъ семействѣ погибли разомъ мать и дочь; въ сущности обѣ любили другъ друга, но въ пылу борьбы не замѣчали, что наносили себѣ взаимно смертельные удары. Старшая дочь хотѣла учиться, а мать, боясь, чтобы она не сдѣлалась нигилисткой, возстала противъ этого; пошли раздоры, и дѣло кончилось тѣмъ, что мать, послѣ горячей сцены, прогнала дочь изъ дому.

Молодая дѣвушка, ожесточенная такимъ поступкомъ, не искала примиренія, промаялась съ полгода, бѣгала въ морозъ по грошевымъ урокамъ въ плохой обуви и холодномъ пальто, и схватила чахотку. Когда до матери дошло извѣстіе, что дочь ея безнадежно больна, она бросилась къ ней, перевезла къ себѣ, призвала дорогихъ докторовъ, но было уже поздно, дочь умерла, а мать вскорѣ съ горя помѣшалась.

Такихъ печальныхъ семейныхъ разладовъ тогда было множество и тургеневскіе «Отцы и дѣти» только усилили ихъ, внеся новыя недоразумѣнія. Тургеневъ самъ это понялъ и въ слѣдующей повѣсти «Новь» сдѣлалъ попытку придать новому поколѣнію нѣкоторыя примиряющія черты, но ихъ никто уже не замѣтилъ. А какъ легко было Тургеневу съ его огромнымъ талантомъ и литературнымъ авторитетомъ выяснить обѣимъ сторонамъ ихъ взаимныя недоразумѣнія и безпристрастно показать все неразуміе ожесточенной борьбы изъ-за пустыхъ внѣшнихъ причинъ, которымъ придавалось столь важное значеніе.

Стриженные волосы, отсутствіе кринолина, или барашковая шапка на головѣ женщины, производили сенсацію въ публикѣ и приводили многихъ въ ужасъ. Такой женщинѣ не было прохода отъ презрительныхъ взглядовъ и насмѣшекъ, сопровождаемыхъ кличкой «нигилистка».

По примѣру образованнаго класса, извозчики и лавочники также преслѣдовали этихъ женщинъ грубымъ смѣхомъ и остротами.

Теперь всѣ благоразумные родители, имѣющіе даже достатокъ, заботятся, чтобы ихъ дочери были подготовлены ко всякому непредвидѣнному перевороту въ ихъ жизни и могли бы, въ случаѣ надобности, своимъ трудомъ добывать средства къ существованію. О недостаточныхъ людяхъ нечего и говорить; они бьются изъ послѣднихъ силъ, чтобы подготовить своихъ дочерей къ какому-нибудь труду.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, вслѣдствіе экономическаго положенія, ясно выдвинулся вопросъ, что праздные, бѣдные люди

не могутъ, попрежнему, кормиться въ видѣ паразитовъ, что необходимо самому зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и пріобрѣтать для этого научныя познанія. Молодежь это сознала и устремилась съ юношескимъ увлеченіемъ къ спеціальнымъ знаніямъ, которыя можно было бы примѣнить съ пользою не только для себя, но и для общества. Къ несчастію, это увлеченіе не избѣгло крайностей, породившихъ между старымъ и новымъ поколѣніемъ печальныя недоразумѣнія, которыя съ каждымъ днемъ разрастались и усиливались.

Вскорѣ послѣ появленія «Отцовъ и дѣтей», Тургеневъ пріѣхалъ изъ-за границы пожинать лавры. Почитатели носили его чуть не на рукахъ, устраивали въ честь его обѣды, вечера, говорили благодарственныя рѣчи и т. п. Я думаю, что ни одному изъ русскихъ писателей не выпадало при жизни столько овацій.

Въ то время, ежегодные концерты, дававшіеся въ пользу недостаточныхъ студентовъ, были всегда полны; даже аристократическая публика посѣщала ихъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что артисты итальянской оперы постоянно участвовали въ этихъ концертахъ безвозмездно. Распорядители-студенты сами являлись къ нѣкоторымъ литераторамъ съ билетами на свой концертъ, какъ бы желая этимъ выразить имъ уваженіе отъ лица всей студенческой корпораціи.

Но послѣ напечатанія «Отцовъ и дѣтей», Тургеневъ не получилъ билета. Это произвело сенсацію въ кругу его друзей-литераторовъ. Со стороны ихъ посыпались обвиненія, что все это произошло по интригамъ Некрасова и семинаристовъ, сотрудниковъ «Современника», которые вооружаютъ молодежь, распространяя о Тургеневѣ сплетни.

Я бы и не упомянула объ этой сплетнѣ, если бы только ею ограничились обвиненія Некрасова; но вслѣдъ за тѣмъ распространилась новая клевета, будто Некрасовъ проигралъ чужія деньги. Тургеневъ, въ видѣ предостереженія нѣкоторымъ литераторамъ въ ихъ денежныхъ расчетахъ съ Некрасовымъ, рассказывалъ, что при встрѣчѣ съ Некрасовымъ въ Парижѣ, узнавъ, что онъ ѣдетъ въ Лондонъ, поручилъ ему передать 18 тысячъ франковъ Герцену; но Некрасовъ, въ первый же день по прибытіи своемъ въ Лондонъ, проигралъ ихъ въ игорномъ домѣ и скрылъ это, пока Тургеневъ не обличилъ его; что Некрасовъ клялся уплатить въ скоромъ времени проигранныя 18 тысячъ, но, конечно, не уплатилъ, воспользовавшись оплошностью Тургенева, который не взялъ съ него никакого документа.

Это обвиненіе Некрасова въ растратѣ чужихъ денегъ я могу фактически опровергнуть.

Накрасовъ въ первый разъ находился въ Парижѣ въ 1857 году, о чемъ я уже говорила раньше. Вторая его поѣздка за-границу состоялась въ 1863 году, уже послѣ разрыва съ Тургеневымъ изъ-за Добролюбова. Слѣдовательно, только въ первую поѣздку Тургеневъ могъ дать Некрасову подобное порученіе. Но зачѣмъ было Тургеневу дѣлать это, когда онъ самъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ ѣздилъ въ Лондонъ изъ Парижа?

При мнѣ Тургеневъ сталъ уговаривать больного Некрасова ѣхать вмѣстѣ въ Лондонъ, гдѣ ему почему-то необходимо было побывать, если не ошибаюсь, кажется потому, что Віардо давала тамъ концертъ. Я замѣтила Некрасову, что ему не слѣдуетъ ѣхать въ Лондонъ, потому что онъ можетъ простудить на пароходѣ свое больное горло. Но Тургеневъ все-таки настоялъ на своемъ. Некрасовъ поѣхалъ съ нимъ въ Лондонъ, и они вернулись вмѣстѣ назадъ; поѣздка ихъ продолжалась не болѣе десяти дней. На другой день по возвращеніи изъ Лондона, Тургеневъ пришелъ къ Некрасову и сказалъ:

— Сосчиталъ ли ты, сколько я долженъ тебѣ за расходы, заплаченные тобою въ отелѣ за меня и за билеты въ дорогѣ?

— Да послѣ сосчитаемся,—отвѣчалъ Некрасовъ, кутаясь въ пледъ, потому что чувствовалъ лихорадку послѣ дороги.

— Я боюсь, чтобы ты не присчиталъ этого долга къ моему старому долгу. Ты смотри также не смѣшивай моего долга лично тебѣ съ долгомъ «Современнику».

— Да, ну хорошо!—ворчливо произнесъ Некрасовъ.—Точно не успѣемъ сосчитаться, когда будутъ у тебя деньги.

— Тебѣ теперь можно не считать, тебѣ ни почемъ бросать тысячи.

— Я всегда бросалъ деньги,—замѣтилъ Некрасовъ,—бывало, не задумываясь, тратилъ послѣдніе десять рублей, лежавшіе въ карманѣ, и оставался на другой день безъ обѣда; это, братъ, у насъ наслѣдственная помѣщичья безалаберность обращаться съ деньгами. Спросить у тебя, сколько ты проживаешь въ годъ? навѣрно не знаешь.

Тургеневъ разсмѣялся и отвѣчалъ:

— Скажу лучше—я не знаю даже, сколько прожилъ денегъ въ мое короткое пребываніе въ Парижѣ.

И Тургеневъ началъ удивляться, какъ онъ ухитряется проживать столько денегъ и вѣчно сидѣть безъ копѣйки.

Возможно ли, чтобы Тургеневъ, ведя съ Некрасовымъ такой разговоръ объ ихъ расчетахъ, не упомянулъ ни слова о долгѣ въ 18 тысячъ франковъ, если бы таковой, дѣйствительно, существовалъ? Да, можно ли допустить, чтобы Тургеневъ послѣ того, какъ Некрасовъ «прикарманилъ» у него 18 тысячъ франковъ, продолжалъ бы попрежнему находиться съ нимъ въ дружескихъ отно-

шеніяхъ до тѣхъ поръ, пока изъ-за статьи Добролюбова порвалъ съ нимъ всякое знакомство и даже пересталъ кланяться, встрѣчаясь на улицѣ.

Одно можно предположить, что Тургеневъ видѣлъ во снѣ, будто передалъ Некрасову 18 тысячъ франковъ, и этотъ сонъ такъ живо запечатлѣлся въ его памяти, что онъ смѣшалъ его съ дѣйствительными фактами.

Когда Некрасовъ узналъ, что Тургеневъ взводитъ на него подобное обвиненіе, то у него разлилась желчь; онъ три дня не выходилъ изъ дома, никого не принималъ, ничего не могъ ѣсть и находился въ такомъ возбужденномъ состояніи, что до изнеможенія ходилъ по кабинету изъ угла въ уголъ.

Желая успокоить Некрасова, я совѣтовала ему брать примѣръ съ покойнаго Добролюбова или съ Ч., которые относились къ распространяемымъ о нихъ клеветамъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ.

— Между ними и нами огромная разница,—отвѣчала Некрасовъ.—Подъ ихъ репутацію въ частной жизни самой строгій нравственный судья не подпуститъ иголки, а подъ нашу можно бревна подложить. Они въ своихъ нравственныхъ принципахъ тверды, какъ сталь, а мы распатанные люди, не умѣемъ даже въ пустякахъ сдерживать себя! Всѣмъ извѣстно, что я имѣю слабость къ картамъ, вотъ и можетъ показаться правдоподобнымъ, что я проигрываю чужія деньги.

— Но если ваша совѣсть не упрекаетъ васъ, то нечего и приходите въ такое отчаяніе.

— Большое утѣшеніе! Вообще въ подобныхъ случаяхъ легко давать совѣты; но каково переживать такія минуты человѣку... Право, ужъ прибавили бы за одинъ разъ, что видѣли, какъ я передергиваю въ картахъ!...

Говоря это, Некрасовъ задыхался отъ волненія и, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ:

— Мнѣ въ голову не приходило напомнить Тургеневу, послѣ нашей размолвки, что онъ мнѣ лично остался долженъ около 3 тысячъ, а тѣмъ болѣе рассказывать объ этомъ всякому встрѣчному, придавая грязную подкладку. Человѣкъ просто могъ позабыть о долгѣ, а если вспомнить, то самъ отдастъ. Положительно только въ умопомраченіи можно наболтать на другого такую небывалую, позорную вещь. Я увѣренъ, что Тургеневъ самъ потомъ ужаснулся, до чего далъ волю своей мести и за что? за то, что я взялъ по справедливости сторону Добролюбова; да вѣдь Тургеневъ, съ его умомъ, самъ долженъ бы сознавать, что былъ не правъ передъ Добролюбовымъ. Вотъ до какого ослѣпленія доводитъ безхарактерность самаго умнаго человѣка! Нажужжали ему въ уши сперва про Добролюбова, а потомъ про меня, что мы ему враги. Дай ему Богъ побольше такихъ враговъ, какъ я. Я былъ

увѣренъ, что, проведя вмѣстѣ нашу молодость, мы вмѣстѣ проживемъ и нашу старость. Лучше бы онъ изъ-за угла убилъ меня, чѣмъ распростанять про меня такую позорную небывальщину!

Некрасовъ весь дрожалъ, стиснулъ губы, какъ бы боясь, чтобы у него не вырвалось стоана, и быстро, порывисто зашагалъ по комнатѣ.

Привязанность Некрасова къ Тургеневу можно было сравнить съ привязанностью матери къ сыну, котораго она, какъ бы жестоко онъ не обидѣлъ ее, все-таки прощаетъ и старается приискать всевозможныя оправданія его дурнымъ поступкамъ. Я болѣе никогда не слыхала, чтобы Некрасовъ сдѣлалъ даже намекъ относительно враждебныхъ къ нему чувствъ и дѣйствій Тургенева; онъ попрежнему высоко цѣнилъ его талантъ.

Въ характерѣ Некрасова было много недостатковъ, но я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ современныхъ литераторовъ могъ упрекнуть его въ зависти къ ихъ успѣху на литературномъ поприщѣ, или въ томъ, что онъ занимался литературными сплетнями. Некрасовъ никогда не обращалъ вниманія на то, что ему говорили другъ про друга литераторы и, если между ними происходили ссоры, старался примирить враждующихъ.

Вниманіе, которое оказывалъ Некрасовъ всякому вновь появляющемуся талантливому литератору, приписывали, обыкновенно, его спекулятивному расчету. Но Некрасовъ всегда искренно радовался, что въ русской литературѣ выступаетъ еще новый талантъ и, какъ журналистъ, онъ, понятно, желалъ, чтобы произведенія этого таланта попали въ «Современникъ». Я уже упоминала, что Тургеневъ подсмѣивался надъ Некрасовымъ, что онъ слишкомъ преувеличиваетъ свои взгляды на новыхъ появляющихся литераторовъ. Некрасову часто доставалось за это отъ Тургенева и В. П. Боткина, какъ людей компетентныхъ по части изящныхъ искусствъ. Помню, какъ осенью въ 1850 или 1851 году, они привязались къ Некрасову изъ-за Дружинина, когда тотъ печаталъ въ «Современникѣ» свои фельетоны съ подписью «Чернокнижника».

Тургеневъ и Боткинъ требовали, чтобы Некрасовъ прекратилъ печатаніе этихъ фельетоновъ, говоря, что они позорятъ журналъ и даже другихъ литераторовъ, которые въ одной книжкѣ съ такой ерундою помѣщаютъ свои произведенія.

— Не могу же я, господа, оскорбить Дружинина, отказавъ ему печатать его фельетоны?— говорилъ Некрасовъ.— У всякаго изъ насъ можетъ выдаться неудачная вещь. У Дружинина есть имя, онъ самъ отвѣчаетъ за себя.

Боткинъ возразилъ на это, что журналъ не богадѣльня, чтобы помѣщать произведенія исписавшихся литераторовъ, да и съ чего Некрасовъ взялъ, что Дружининъ приобрѣлъ себѣ авторитетное имя въ литературѣ?

Тургеневъ тоже соглашался съ Боткинымъ.

— Да вы сами восхищались «Полинькой Саксъ» Дружинина, — воскликнулъ Некрасовъ, — даже находили, что его женскіе типы напоминаютъ Гёте!

Тургеневъ пояснилъ Некрасову, что если они и хвалили «Полиньку Саксъ», то онъ забылъ, какая была въ 1849 году голодовка въ русскихъ журналахъ относительно беллетристики, что на прежнихъ литераторовъ наложена была печать молчанія, и цензура не пропускала ничего изъ ихъ произведеній, такъ что «Полинька Саксъ» и могла имѣть нѣкоторый успѣхъ. Онъ привелъ пословицу: «на безрыбѣ и ракъ рыба» — и увѣрялъ, что появившись теперь «Полинька Саксъ», то на нее никто не обратилъ бы вниманія.

— Ну, ужъ, господа, когда вы начнете нападать на кого-нибудь, такъ въ ключья его растреплете, — замѣтилъ Некрасовъ.

— Въ насъ, любезный другъ, развито эстетическое чувство, — отвѣчалъ В. П. Боткинъ.

— Согласись, Некрасовъ, — вставилъ Тургеневъ, — что если человѣкъ слушаетъ одну русскую музыку, видитъ картины однихъ русскихъ художниковъ и знакомъ только съ одной русской литературой, то въ немъ не можетъ развиваться эстетическое пониманіе изящныхъ искусствъ. Тебѣ нужно сознаться, что ты не компетентный судья.

— И долженъ слушаться насъ! — подхватилъ Боткинъ. — Нельзя, любезный другъ, издавать журналъ, валя въ него безъ разбору и художественныя вещи и всякую ерундищу. Надо сначала развить въ себѣ эстетическое чутье многостороннимъ знакомствомъ съ европейской литературой, изучить ее, а потомъ ужъ можешь полагаться на одинъ свой вкусъ!

Некрасовъ сознавалъ, что Тургеневъ и В. П. Боткинъ имѣли большое преимущество передъ нимъ въ образованіи и начитанности.

Въ этотъ годъ, осенью, Дружининъ, Боткинъ и Тургеневъ, всѣ трое жили у насъ: Дружининъ вернулся изъ деревни ранѣе своей матери, Боткинъ, по обыкновенію, пріѣхалъ изъ Москвы къ намъ, а Тургеневъ изъ деревни также остановился у насъ до устройства своего зимняго пребыванія въ Петербургѣ.

Приведенный выше разговоръ происходилъ за ужиномъ. На слѣдующее утро я поила всѣхъ троихъ чаемъ и кофеемъ и была удивлена, когда Тургеневъ и Боткинъ стали просить Дружинина прочитать имъ фельетонъ Чернокнижникова, который онъ писалъ для слѣдующаго номера «Современника». Дружининъ прочиталъ имъ еще неоконченный фельетонъ, и слушатели смѣялись и похваливали. Мнѣ сдѣлалось даже обидно за Дружинина, который принималъ эти похвалы за чистую монету. Онъ самъ никогда не го-

ворилъ за глаза ничего дурного про своихъ пріятелей-литераторовъ и, вѣроятно, ему не приходило въ голову, чтобы другіе могли поступать иначе.

Лонгиновъ, сдѣлавшись начальникомъ надъ цензорами, на которыхъ прежде сочинялъ шутовскіе стихи, запретилъ дальнѣйшее печатаніе фельетоновъ Чернокнижникова, за что Тургеневъ и Боткинъ не имѣли уже болѣе повода преслѣдовать Некрасова за Дружинина.

Тургеневъ и В. П. Боткинъ почему-то не церемонились съ Некрасовымъ и высказывали ему въ глаза очень горькія истины о его стихахъ. Живо, помню, какъ будто это было вчера, обстановку комнаты, позы и выраженія лицъ во время одного разговора, происходившаго въ началѣ 50-хъ годовъ, когда съ каждымъ новымъ стихотвореніемъ Некрасова его извѣстность увеличивалась и всѣ его стихотворенія, запрещенныя цензурой, заучивались наизусть молодежью.

За утреннимъ чаемъ, Тургеневъ сидѣлъ въ сѣрой охотничьей курткѣ, съ зеленымъ воротникомъ, и, сложивъ руки, облокотился на столъ, а В. П. Боткинъ въ бѣличьемъ халатѣ сидѣлъ, углубясь въ мягкое кресло. Передъ Тургеневымъ стоялъ стаканъ кофею, а передъ Боткинымъ — чай. Это происходило также въ одинъ изъ ихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, и они проживали у насъ. Некрасовъ расхаживалъ по столовой. Панаевъ еще спалъ. Разговоръ зашелъ сперва о редакціи объявленія объ изданіи «Современника» на слѣдующій годъ. Я зачѣмъ-то вышла изъ столовой по хозяйству и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ за чайный столъ, услышала, что разговоръ перешелъ уже къ стихамъ Некрасова.

— Надѣюсь, Некрасовъ, ты поймешь,—говорилъ Тургеневъ,— что мы для твоей же пользы высказываемъ наше искреннее мнѣніе.

— Да, съ чего вы взяли, что я сержусь, — отвѣчалъ Некрасовъ на ходу.

— Не за что ему сердиться! не за что! онъ долженъ быть благодаренъ намъ!—произнесъ В. П. Боткинъ.—Да, любезный другъ, твой стихъ тяжеловѣсенъ, нѣтъ въ немъ изящной формы; это огромный недостатокъ въ поэтѣ.

— Ты слишкомъ напиралъ въ своихъ стихотвореніяхъ на реальность, — замѣтилъ Тургеневъ.

— Да, да! а этого нельзя! — подхватилъ Боткинъ,—сильно напиралъ, и это коробитъ людей съ художественнымъ развитіемъ, рѣжетъ имъ ухо, которое не выноситъ диссонансовъ какъ въ музыкѣ, такъ и въ стихахъ. Поэзія, любезный другъ, заключается не въ твоей реальности, а въ изяществѣ какъ формы стиха, такъ и въ предметѣ стихотворенія.

— Вчера мы съ Боткинымъ провели вечеръ у одной изящной женщины съ поэтическимъ чутьемъ, — сказалъ Тургеневъ, — она перечитала въ оригиналѣ всѣ стихи Гёте, Шиллера и Байрона. Я хотѣлъ познакомить ее съ твоими стихами и прочелъ ей: «Бѣду ль по улицѣ». Она слушала съ большимъ вниманіемъ, и когда я кончилъ, знаешь ли, что она воскликнула? «Это не поэзія! Это не поэтъ!»

— Да, да! — подтвердилъ Боткинъ.

— Я знаю, что мои стихотворенія не могутъ нравиться свѣтскимъ женщинамъ! — проговорилъ Некрасовъ.

— Нельзя, любезный другъ, такъ свысока относиться къ мнѣнію свѣтскихъ женщинъ, — запальчиво возразилъ В. П.—Пушкинъ, Лермонтовъ, и тѣ дорожили ихъ одобреніемъ, читали имъ свои стихи прежде, чѣмъ ихъ печатали.

— До Пушкина и Лермонтова мнѣ далеко! — отвѣчалъ Некрасовъ, — если я стану подражать имъ, то никуда не буду годенъ. У всякаго писателя есть своя своеобразность — у меня реальность.

Тургеневъ приводилъ сравненіе между брилліантомъ въ первобытномъ видѣ, и тѣмъ блескомъ, который онъ получаетъ въ искусныхъ рукахъ ювелира отъ грани. Онъ сопоставилъ параллель между деревенской красавицей и менѣе красивою женщиною, но съ изящными свѣтскими манерами.

— Изящная форма во всемъ имѣетъ преимущество, — заключилъ Тургеневъ свою рѣчь.

В. П., слушая Тургенева, изъявлялъ свое одобреніе односложными восклицаніями: «вѣрно, прекрасно!» и когда Тургеневъ замолчалъ, онъ наставительно обратился къ Некрасову:

— Да, любезный, мы хлопочемъ, чтобы въ твоихъ стихахъ не было грубой реальности. Вчера, возвращаясь домой отъ изящной женщины, мы всю дорогу говорили о твоихъ стихахъ и пришли къ заключенію, что ты на ложной дорогѣ. Брось воспѣвать любовь ямщиковъ, огородниковъ и всю деревенщину. Это фальшь, которая рѣжетъ ухо. Ты не обижайся нашей дружеской откровенностью, повѣрь намъ, что такая реальность, какъ напри-мѣръ, въ твоемъ стихотвореніи: «Бѣду ль по улицѣ» претитъ всякому, у кого развито эстетическое пониманіе поэзіи. Это профанация — описывать гнойныя раны общественной жизни. Не увлекайся, пожалуйста, что мальчишки и невѣжды въ поэзіи восхищаются твоими подобными стихами, а слушайся людей, знающихъ толкъ въ изящной поэзіи. Не ты первый и не послѣдній изъ молодыхъ писателей, сгубившихъ себя мнимымъ успѣхомъ между неучами, ничего не смыслящими въ истинной поэзіи.

Некрасовъ ходилъ, понурая голову, но вдругъ подошелъ къ столу и произнесъ:

— Вы, господа, можете быть, и правы съ строгой точки эстетическаго взгляда на мои стихи, но вы забыли одно, что каждый писатель передаетъ то, что онъ глубоко прочувствовалъ. Такъ какъ мнѣ выпало на долю съ дѣтства видѣть страданія русскаго мужика отъ холода, голода и всякихъ жестокостей, то мотивы для моихъ стиховъ я беру изъ ихъ среды. И меня удивляетъ, что вы отвергаете человѣческія чувства въ русскомъ народѣ! Онъ такъ же сильно чувствуетъ любовь, ревность къ женщинѣ, такъ же беззавѣтна его любовь къ дѣтямъ, какъ и въ насъ!

Некрасовъ проговорилъ все это сильно взволнованнымъ голосомъ и опять сталъ ходить по комнатѣ, продолжая:

— Пусть не читаетъ моихъ стиховъ свѣтское общество, я не для него пишу.

— Значитъ ты, любезный другъ, пишешь для русскаго мужика, но вѣдь онъ безграмотенъ!—язвительно замѣтилъ В. П.

— Мнѣ лучше тебя извѣстно, что есть много грамотныхъ мужиковъ, да и скоро русскій народъ поголовно будетъ грамотенъ, не смотря на то, что у него нѣтъ учителей.

— И будетъ выписывать «Современникъ»?—улыбаясь, произнесъ Тургеневъ.

Некрасовъ замѣтно смутился и прекратилъ ходьбу.

— Bravo, bravo, Тургеневъ!—воскликнулъ В. П. и съ сожалѣніемъ въ голосѣ продолжалъ:—Ай, ай, любезный Некрасовъ, поразили ты насъ; такой практической человѣкъ и вдругъ такая маниловщина въ тебѣ.

— Имѣете право потѣшаться надо мной!—мрачно отвѣчалъ Некрасовъ.—Я васъ еще болѣе потѣшу и удивлю, если выскажу вамъ свою откровенную мысль, что мое авторское самолюбіе вполнѣ было бы удовлетворено, если бы, хотя послѣ моей смерти, русскій мужикъ читалъ бы мои стихи!

В. П. въ ужасѣ схватилъ себя за голову и воскликнулъ:

— Боже упаси насъ видѣть въ тебѣ конкурента 'автора «Бовы королевича».. Нѣтъ, ты сегодня, мой любезный другъ, говоришь чистѣйшій абсурдъ,—и иронически добавилъ,—хочешь быть русскимъ Беранже; но вѣдь ты, мой любезный, не сообразилъ, что во Франціи народъ цивилизованный, а нашъ русскій—это эскимосы, готентоты!

— Ты бы, В. П., лучше молчалъ о русскомъ народѣ, о которомъ не имѣешь понятія!—раздражительно воскликнулъ Некрасовъ.

— И знать не хочу звѣрообразную пародію на людей, и считаю для себя большимъ несчастьемъ, что родился въ такомъ государствѣ. Вѣдь вся Европа, любезнѣйшій, смотритъ на русскаго чуть ли не какъ на людоѣда! Ты, вѣдь, не путешествовалъ по Европѣ, а мы въ ней жили и не разъ испытали стыдъ, что принадлежимъ къ дикой націи.

— Если ты нашель, что я говорю сегодня абсурдъ, то ты сейчас перещеголяль меня, В. П.,—отвѣтилъ Некрасовъ.

— Да, я европеець, а не русскій дикарь,—разгорячась, воскликнулъ В. П.

Тургеневъ остановилъ В. П. словами:

— Вы оба горячитесь и уклонились въ сторону отъ предмета нашего разговора.

В. П. хотѣлъ что-то возразить, но Тургеневъ прервалъ его словами: «Дай мнѣ объяснить Некрасову насчетъ Беранже». И онъ началъ доказывать, что Беранже могъ быть народнымъ поэтомъ, потому что во Франціи, въ большихъ городахъ, есть осѣдлый народъ, до котораго коснулась цивилизація, а въ Россіи народъ является въ столицу на время, запродавъ свой физическій трудъ, и снова уходитъ въ деревню, и столичная цивилизація не соприкасается его; какимъ онъ пришелъ въ столицу, такимъ и уходитъ по своимъ деревнямъ, такъ что появивъ хоть десять народныхъ поэтовъ въ Петербургѣ, русскій народъ не будетъ имѣть о нихъ понятія.

Приходъ гостя прервалъ этотъ разговоръ.

Я возстановляю тѣ разговоры, которые производили на меня сильное впечатлѣніе. Въ продолженіе многихъ лѣтъ мнѣ постоянно приходилось слушать людей, ведущихъ длинные разговоры за утреннимъ чаемъ, за завтракомъ, за обѣдомъ, за ужиномъ; поневолѣ эти разговоры врѣзывались въ моей памяти. Теперь, я думаю, такихъ продолжительныхъ разговоровъ и не можетъ быть между литераторами, какъ прежде, потому что о многомъ они могутъ говорить въ печати, а тогда должны были удовлетворяться одними только разговорами.

«Чтобы хорошо узнать челоѣка, надо съ нимъ съѣсть пудъ соли», говоритъ пословица, а мнѣ пришлось съѣсть десятокъ пудовъ соли съ нѣкоторыми литераторами, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ.

Въ 1861 году, осенью, М. И. Михайловъ, вернувшись изъ-за границы, пришелъ къ намъ утромъ съ Сѣ—скимъ, офицеромъ генеральнаго штаба. Сѣ—скаго я мало знала; онъ былъ небольшого роста, бѣлокурый, съ большими сѣрыми глазами, смотрѣвшими очень серьезно. Оба принесли по стихотворенію для «Современника»: Михайловъ—переводъ изъ Гейне, а Сѣ—скій—изъ Мицкевича, и прочитали ихъ Некрасову, который попросилъ Сѣ—скаго прочесть его переводъ попольски. Сѣ—скій совершенно преобразился, когда сталъ читать стихи попольски: глаза его сверкали, голосъ дрожалъ отъ волненія. Послѣ прочтенія стиховъ онъ сказалъ: «русскій языкъ бѣденъ, чтобы передать всю мощь стиха Мицкевича», и добавилъ выразительнымъ тономъ, что «нація, которая можетъ создавать такихъ поэтовъ, какъ Мицкевичъ, могуча,

и никто не въ силахъ подавить ее, она воспрянетъ еще прекраснѣе и сильнѣе, закалившись въ страданіяхъ».

Михайловъ былъ очень веселъ и рассказывалъ смѣшные анекдоты изъ своего путешествія. Некрасовъ пригласилъ обоихъ на обѣдъ, который долженъ былъ быть надняхъ, по обыкновению, по выходѣ номера «Современника».

Михайловъ обѣщался непремѣнно быть, а Сѣ—скій сказалъ, что черезъ два часа уѣзжаетъ въ Вильну, гдѣ, кажется, служилъ.

Но на другое утро рано мы узнали, что въ ночь Михайловъ былъ арестованъ. Сѣ—скаго я также болѣе не видала. Въ 1863 году онъ трагически покончилъ жизнь въ Вильнѣ на эшафотѣ.

1861 и 1862 годы были для меня очень тяжелыми годами; много сильныхъ потрясеній пришлось мнѣ испытать. Помимо личныхъ моихъ невзгодъ, и надъ журналомъ надвигалась грозовая туча. Предвѣстникомъ этой грозы явилось негласное запрещеніе выписывать «Современникъ» въ полковыя бібліотеки.

Доходившіе до редакціи разговоры о «Современникѣ» въ обществѣ людей, имѣвшихъ большое вліяніе на литературу, также ничего хорошаго не предвѣщали. Не мало имѣло вліянія и то, что изъ среды самой литературы раздавались голоса о томъ, что главные сотрудники «Современника»—люди ужасные, которые нагло пропагандируютъ въ журналѣ уничтоженіе всѣхъ нравственныхъ возвышенныхъ принциповъ какъ въ общественной жизни, такъ и въ литературѣ. Каждую статью Ч. и другихъ сотрудниковъ комментировали, отыскивая въ ней замаскированныя зловредныя мысли и утверждая, что она деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ на молодое поколѣніе, которому будто бы твердятъ, что оно должно руководиться однимъ грубымъ матеріализмомъ и плевать на семейную жизнь, на нравственность женщинъ и на уваженіе ко всякимъ авторитетнымъ людямъ. Я уже не упоминаю о томъ, въ какихъ грязныхъ краскахъ рисовали частную жизнь ближайшихъ сотрудниковъ журнала. Въ доказательство всего этого приводили тотъ фактъ, что всѣ порядочные литераторы отшатнулись отъ «Современника» и не даютъ въ него ни одной строки.

Однако, не смотря на то, что порядочные литераторы не давали ни строки, подписка на журналъ все увеличивалась.

Хотя о пожарѣ Апраксина рынка писано много, я все-таки должна упомянуть о немъ.

Въ Духовъ день, не могу въ точности опредѣлить чрезъ сколько времени послѣ того, какъ по Литейной промчались пожарные, въ дверяхъ комнаты, гдѣ я сидѣла за работой, появился Андрей, мой лакей, и перенуганнымъ голосомъ проговорилъ: «А. Я., Петербургъ со всѣхъ сторонъ подождли!»

У меня мелькнула мысль, что Андрей вдруг сошелъ съ ума; я невольно посмотрѣла ему въ глаза, но не нашла въ нихъ ничего дикаго, кромѣ страшнаго испуга, а онъ поспѣшилъ добавить:

— Извольте сами выйти на подъѣздъ и увидите, что дѣлается на улицѣ.

Я вышла на подъѣздъ и, въ самомъ дѣлѣ, поразилась сумятицей, которая происходила на улицѣ. Собственные экипажи мчались по направленію къ Невскому, на извозчикахъ сидѣли и стояли по-нѣскольку сѣдоковъ. Народъ толпами бѣжалъ посреди улицы, а на тротуарѣ у каждаго дома стояли жильцы; у нашего подъѣзда также стояла группа прислуги и жильцовъ. На лицахъ всѣхъ было выраженіе испуга. Да и точно можно было испугаться скачущихъ экипажей, бѣгущей толпы народа и крика кучеровъ. Къ довершенію всего, сильный вѣтеръ рвалъ съ головы шляпы, пыль столбомъ подымалась съ мостовой и ослѣпляла глаза. Мимо нашего подъѣзда двѣ женщины вели подъ руки необычайной толщины купчиху; по ея красному, заплывшему жиромъ лицу текли, ручьи пота; она пыхтѣла, какъ тендеръ, и стонала; туалетъ этого мастодонта былъ въ беспорядкѣ; косынка на головѣ сбилась набокъ, воротъ у горла былъ разстегнутъ; сзади ея шли двѣ молоденькія дѣвушки съ измятыми шляпками и заплаканными глазами, а за дѣвушками плелась поджарая купчиха и голосила, словно провожала покойника, причитывая: «Святые угодники, взмилуйте надо мной несчастной!» У нашего подъѣзда кто-то остановилъ голосившую купчиху разпросами. Купчиха какъ бы обрадовалась, что можетъ излить свое горе, и жалобнымъ голосомъ отвѣчала:

— Милые мои благодѣтели, ковровый платокъ стащили съ меня, вѣдь 50 р. стоилъ.

И купчиха начала рассказывать, что творилось въ Лѣтнемъ саду, гдѣ въ этотъ день было гулянье, когда узнали, что горитъ Апраксинъ рынокъ.

— И, матушка, точнехонько свѣту представленіе приключилось, мужской полъ какъ бросился изъ саду, а за нимъ и наша сестра. Въ воротахъ такая стала давка, что смерть, а мошейники-душегубцы, и ну тащить съ насъ, что попало. Съ меня сволокли ковровый платокъ, а съ Марьи Савишны — тысячную шаль съ брошкой сорвали. Кричали мы, кричали, да кому было насъ, слабыхъ женщинъ, защищать! Съ дочерей Марьи Савишны съ шеи сорвали жемчугъ. Вотъ въ какое разореніе все купечество подпало, до свадебъ ли теперь, а нашей сестрѣ приходится съ голоду помирать.

Словоохотливая сваха, кажется, готова была болтать безъ конца, но всѣ, слушавшіе ее, обратили вниманіе на бѣжавшаго впопыхахъ приказчика изъ фруктовой лавки нашего дома. Онъ на бѣгу

сообщилъ извѣстіе, что подожгли Коломну и Васильевскій островъ и скоро подожгутъ Литейную.

Это извѣстіе произвело сильнѣйшій переполохъ; всѣ въ ужасѣ ахали, а одна женщина вскрикнула:

— Господи, меня господа оставили одну при квартирѣ, уѣхавъ на дачу, что я могу вытащить, когда у меня и теперь ноги и руки дрожать.

— У насъ полонъ дворъ уставленъ дровами!—вскрикнулъ Андрей.

— Во! съ нашего дома и подпалятъ, въ этой сумятицѣ долго ли поджигателямъ забраться во дворъ, да сунуть зажженной пакли въ дрова—и готово!—произнесъ кучеръ, на котораго накиннулись всѣ за его пророчество.

— Ворота надо запереть, дворника заставить не пропускать во дворъ чужихъ,—послышались со всѣхъ сторонъ совѣты.

Андрей въ отчаяніи замѣтилъ, что хозяинъ дома на дачѣ, а управляющій тоже съ утра уѣхалъ на свою дачу.

Женская прислуга разомъ заговорила, что жильцы имѣютъ право потребовать отъ дворниковъ, чтобы они заперли ворота, но кучеръ утвердительно замѣтилъ:

— Не поможетъ, у поджигателей, сказываютъ, имѣется такой составъ: мазануть имъ стѣну дома, а онъ черезъ часъ пречудесно вспыхнетъ. Извѣстно — все поляки поджигаютъ.

— Вмѣстѣ съ нигилистами! — мрачно проговорилъ какой-то господинъ съ орденомъ на шеѣ, проходя мимо.

Всѣ устремили на него глаза, а онъ продолжалъ невозмутимо свою дорогу, расталкивая публику на тротуарѣ.

— Ахъ, — вскрикнула одна женщина, — Литейная загорѣлась, смотрите, дымъ какой!

Всѣ стали смотрѣть по направленію къ Невскому, но, кромѣ столбовъ пыли, я ничего не замѣтила. Кому-то почудилось, что уже запахло гарью, и всѣ подняли носы къ верху, нюхая воздухъ. Я ушла въ комнаты, но черезъ часъ одѣлась и вышла изъ подъѣзда, чтобы посмотреть на пожаръ. Андрей пришелъ въ ужасъ, что я уйду и не кому будетъ распорядиться, когда придется спасать вещи изъ квартиры, — такъ сильно онъ былъ убѣжденъ, что Литейную непременно подожгутъ.

На Невскомъ, дѣйствительно, пахло гарью и облака дыма носились въ воздухѣ. Движеніе экипажей и народа было здѣсь необычайное.

Я остановилась на тротуарѣ противъ Троицкаго переулка, который представлялся какъ бы вымощеннымъ человѣческими головами, такая плотная масса народа стояла въ немъ. Всюду слышались толки о поджигателяхъ.

Я перешла Аничкинъ мостъ и медленно двигалась по набережной Фонтанки къ Чернышеву мосту въ толпѣ публики. Съ пло-

щади неслись черныя тучи дыма, заволакивая небо, а позади черныхъ тучъ дыма виднѣлось огненное небо. По временамъ, высоко поднимался столбъ пламени, рельефно обрисовываясь на темномъ фонѣ дыма, и изъ столба, словно дождь, сыпались крупныя искры, которыя вѣтеръ кружилъ и разносилъ на далекое пространство. Сила вѣтра была такъ сильна, что съ мѣста пожара взлетали горящія головни и, перелетая черезъ Фонтанку, падали на крыши домовъ, продолжая горѣть, какъ факелы. Народъ бѣгалъ по крышамъ и сбрасывалъ внизъ головни.

Въ Апраксиномъ рынокѣ было столько горючаго матеріала, какъ на любой пиротехнической лабораторіи, да и въ горѣвшихъ переулкахъ его было не мало, особенно въ Чернышевомъ. Сильный вѣтеръ, разнося крупныя искры, отъ которыхъ то тутъ, то тамъ, загорались деревянныя постройки и дровяные склады, дѣлалъ борьбу съ пожаромъ почти безплодной.

Я не рѣшилась приблизиться къ Чернышеву мосту, боясь быть задавленной несмѣтной толпой, постоянно прибывавшей, и вернулась домой, гдѣ нашла прислугу еще болѣе наэлектризованною уличными разсказами о поджигателяхъ.

Я сочла излишнимъ разубѣждать прислугу въ нелѣпости этихъ слуховъ, зная впередъ, что моимъ словамъ не придадутъ вѣры.

На другой день, утромъ, я пошла посмотрѣть на сгорѣвшій Апраксинъ рынокъ; не смотря на раннее время, на площади у Чернышева моста толпилось множество народу. Площадь представляла совершенный хаосъ: она была покрыта сажей и угольями и загромождена сломанной мебелью, сундуками и узлами, на которыхъ сидѣли ихъ обладатели, оберегая ихъ; всюду валялись полуобгорѣлыя дѣла и бумаги изъ дома министерства внутреннихъ дѣлъ, и вѣтеръ шелестилъ листьями, точно любопытствуя прочесть, что въ нихъ написано. Въ выгорѣвшій рынокъ мнѣ не удалось попасть, потому что входы его оберегались солдатами, равно какъ и входы съ Фонтанки въ горѣвшіе наканунѣ переулки. Но я все-таки попала въ Троицкій переулокъ черезъ Владимірскую улицу. Печальное зрѣлище увидѣла я: по обѣимъ сторонамъ торчали закопченные остовы домовъ съ выбитыми рамами, безъ крышъ, и свѣтъ проникалъ въ разрушенныя дома съ верху до подвальныхъ этажей и ярко освѣщалъ внутреннее разрушеніе. Обгорѣлыя балки торчали въ разныхъ видахъ: однѣ, до половины сгорѣвшія, держались прямо и на нихъ были перекинута другія балки; иныя висѣли внизъ, точно на воздухѣ. Въ одномъ домѣ на полуразрушенной стѣнѣ комнаты какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ большой поясной портретъ въ золоченой рамѣ.

Вся мостовая была завалена выбитыми изъ домовъ рамами, искалѣченною мебелью и домашнею утварью. Дровяной дворъ представлялъ складъ углей, въ которомъ копошились черныя силуэты

пожарныхъ, заливавшихъ тлѣющіе остатки, и струи дыма съ огонькомъ мѣстами виднѣлись на черномъ фонѣ.

Въ одномъ каменномъ разрушенномъ домѣ еще дымился подвальный этажъ, и около него стояла машина, на которой усердно качали воду два молодыхъ человѣка съ длинными волосами и въ шляпахъ съ широкими полями, какія тогда преимущественно носила учащаяся молодежь. На сломанномъ шелковомъ диванѣ, возлѣ машины, сидѣли въ изнеможеніи двое пожарныхъ; вѣроятно, молодые люди, сжался надъ ними, смѣнили ихъ на время, чтобы качать воду. Такъ какъ было еще очень рано, то собравшаяся публика состояла, преимущественно, изъ простолюдины. Я не рѣшилась протиснуться дальше и стояла за толпой зрителей. Впереди меня какой-то мастеровой сказалъ:

— Молодцы, господа, ишь какъ лихо работаютъ!

Какой-то жирный лавочникъ, стоявшій около него, отвѣтилъ на это:

— Хороши эти молодцы — вечеръ подожгли, а теперь для отводу глазъ качаютъ воду, да еще посмѣиваются!

Всѣ, кто стоялъ около жирнаго лавочника, заволновались, а лавочникъ продолжалъ:

— Мнѣ сказывалъ вѣрный человѣкъ, генераль, что студенты съ поляками за одно хотѣли спалить весь городъ.

— Что же полиція смотреть!—воскликнулъ кто-то.

— И безъ полиціи справимся! Ребята, сволочимъ ихъ съ машины!—гаркнулъ мастеровой, только-что хвалившій молодыхъ людей, и ринулся впередъ, а за нимъ двинулась вся толпа.

У меня замерло сердце; мнѣ вспомнилось живо, какъ я въ дѣтствѣ съ ужасомъ смотрѣла съ балкона на бѣднаго чиновника, съ которымъ расправлялся народъ въ первую холеру, заподозривъ въ немъ отравителя съѣстныхъ припасовъ въ мелочной лавочкѣ.

Молодые люди мгновенно исчезли съ машины, около которой волновался народъ; за толпой мнѣ ничего не было видно. Но вдругъ часть толпы двинулась по направленію къ Пяти Угламъ, а другая часть стала расходиться. У меня отлегло отъ сердца, когда я спросила у двухъ проходившихъ мимо меня съ мѣста происшествія— что случилось? Одинъ мнѣ отвѣтилъ: «Изловили двухъ молодцовъ-поджигателей. Здорово бы потрепали ихъ, если бы полиція не увела ихъ въ часть. Выпустятъ; вѣдь, сказываютъ, у нихъ полны карманы денегъ—поляки ихъ подкупили».

Какая-то пожилая женщина въ платкѣ, стоявшая около меня, перекрестилась и радостно произнесла:—«Слава те, Господи, что изловили этихъ нехристей, а то опять быть пожару.»

Я уже говорила о томъ, что до редакціи «Современника» дошли слухи о собиравшихся надъ нимъ тучахъ. И, дѣйствительно,

гроза разразилась очень скоро. Въ началѣ іюня 1862 года, «Современникъ» лишился главнаго своего сотрудника, а вскорѣ за тѣмъ былъ приостановленъ на восемь мѣсяцевъ.

Въ 1863 году, послѣ восьмимѣсячнаго отдыха, «Современникъ» снова сталъ выходить къ огорченію его недоброжелателей. Изъ числа этихъ недоброжелателей, литераторы торжествовали было уже побѣду и пропѣли вѣчную память «Современнику», разсчитывая, что Некрасовъ не захочетъ больше возиться съ изданіемъ. Можно судить, какъ были они изумлены, когда разнесся слухъ, что «Современникъ» не только возникаетъ вновь, но въ немъ будетъ напечатанъ романъ Ч.

Эти слухи были приписаны выдумкѣ Некрасова, съ цѣлью чѣмъ-нибудь заманить подписчиковъ.

Между тѣмъ, редакція «Современника» въ нетерпѣніи ждала рукописи Ч. Наконецъ, она была получена со множествомъ печатей, доказывавшихъ ея долгое странствованіе по разнымъ цензурамъ.

Некрасовъ самъ повезъ рукопись въ типографію Вульфа, находившуюся недалеко, на Литейной, около Невскаго. Не прошло четверти часа, какъ Некрасовъ вернулся и, войдя ко мнѣ въ комнату, поразилъ меня потеряннымъ выраженіемъ своего лица.

— Со мной случилось большое несчастье,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—я обронилъ рукопись!

Можно было потеряться отъ такого несчастья, потому что черновой рукописи не имѣлось. Ч. всегда писалъ начисто, да если бы у него и имѣлась черновая, то какія продолжительныя хлопоты предстояли, чтобы добыть ее.

Некрасовъ въ отчаяніи воскликнулъ:

— И чортъ понесъ меня сегодня выѣхать въ дрожкахъ, а не въ каретѣ!.. И сколько лѣтъ прежде я на ванькахъ возилъ массу рукописей въ разныя типографіи и никогда листочка не терялъ, а тутъ близехонько и не могъ довести толстую рукопись!

Некрасовъ не могъ дать себѣ отчета, въ какой моментъ рукопись упала съ его колѣнъ:

— Задумался, смотрю рукописи нѣтъ; я велѣлъ кучеру повернуть назадъ, но на мостовой ея уже не было, точно она провалилась сквозь землю... Что теперь мнѣ дѣлать?

Я поторопила Некрасова написать объявленіе въ газеты о потерѣ рукописи и назначить хорошее вознагражденіе за ея доставку. Некрасовъ назначилъ 300 рублей награды. Онъ глухо обозначилъ, что это была за рукопись, такъ какъ ему, понятно, не хотѣлось, чтобы въ литературной средѣ узнали о его потерѣ и не воспользовались бы этимъ для неблагопріятныхъ толковъ; и онъ просилъ меня не говорить пока никому о случившемся.

Некрасовъ такъ былъ взволнованъ, что не могъ обѣдать, былъ то мраченъ и молчаливъ, то вдругъ начиналъ говорить о трагиче-

ской участи рукописи, представляя себѣ, какъ какой-нибудь безграмотный мужичекъ поднялъ ее и немедленно продалъ за гривенникъ въ мелочную лавку, гдѣ въ ея листы завертываютъ покупателямъ салныя свѣчи, селедки, или какая-нибудь кухарка будетъ растапливать ею плитку и т. п.

На другое утро объявленіе было напечатано въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» и Некрасовъ страшно волновался, что никто не является съ рукописью въ редакцію.

— Значитъ, погибла она!—говорилъ онъ въ отчаяніи и упрекалъ себя, зачѣмъ онъ не напечаталъ объявленія во всѣхъ газетахъ и не назначилъ еще больше вознагражденія.

Въ этотъ день, по обыкновенію, Некрасовъ обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ, потому что тамъ послѣ обѣда составлялась особенная партія коммерческой игры, въ которой онъ участвовалъ. Онъ хотѣлъ остаться дома, но за нимъ заѣхалъ одинъ изъ партнеровъ и почти силою увезъ съ собой.

Некрасовъ передъ своимъ уходомъ пришелъ на мою половину и просилъ меня немедленно прислать за нимъ въ клубъ, если кто явится съ рукописью, и удержать это лицо до его возвращенія.

Не прошло четверти часа послѣ его отъѣзда, какъ лакей пришелъ сказать мнѣ, что какой-то господинъ спрашиваетъ редактора. Я поспѣшила выйти въ переднюю и увидала пожилаго, худощаваго господина, очень бѣдно одѣтаго, съ отрепаннымъ портфелемъ подъ мышкой. Можно было безошибочно опредѣлить, что онъ принадлежитъ къ классу мелкаго чиновничества. Я его спросила—не рукопись ли онъ принесъ?

— Да-съ... по объявленію... желаю видѣть-съ самого г. редактора,—конфузливо отвѣчалъ онъ.

Я пригласила дорогого посѣтителя войти въ комнату и подождать нѣсколько минутъ, и послала челоуѣка за Некрасовымъ въ клубъ, который помѣщался тогда очень близко, на Фонтанкѣ, около Симеоновскаго моста, написавъ два радостныя слова:

«Рукопись принесли».

Я начала бесѣдовать съ чиновникомъ; онъ сперва конфузился, но потомъ разговорился и рассказалъ мнѣ, что поднялъ рукопись на мостовой, переходя Литейную улицу у Маріинской больницы, и долго стоялъ, поджидая—не вернется ли кто искать обретенную рукопись.

Я спросила его—почему онъ раньше не принесъ рукопись?

— Газеты не получаю-съ, со службы хотѣлъ зайти просмотрѣть газеты, да, уходя домой, случайно услышалъ отъ своихъ товарищей объявленіе о потерѣ рукописи. Я-съ прямо и пришелъ сюда.

Я успѣла узнать, что у чиновника большая семья: шесть челоуѣкъ дѣтей и старуха-мать, что онъ лишился казенной службы

вслѣдствіе сокращенія штатовъ и теперь занимается по вольному найму въ одномъ вѣдомствѣ, за 35 руб. мѣсячнаго жалованья, и на эти деньги долженъ содержать всю семью.

Явился Некрасовъ и впопыхахъ, не снимая верхняго платья, вошелъ въ комнату и спросилъ чиновника:

— Гдѣ рукопись?

Чиновникъ переконфузился и, запинаясь, отвѣчалъ:

— Дома-съ... я пришелъ только...

Некрасовъ перебилъ его:

— Скорѣй поѣзжайте за ней, скорѣй!

Чиновникъ торопливо вышелъ изъ комнаты.

Я замѣтила Некрасову, что, можетъ быть, у такого бѣдняка нѣтъ денегъ на извозчика. Некрасовъ вернулъ его и, вынувъ изъ бокового кармана пачку крупныхъ ассигнацій, сунулъ ему въ руку 50 руб., говоря:—Ради Бога, скорѣй поѣзжайте за рукописью!

— Какое счастье, что она нашлась!—радостно произнесъ Некрасовъ.

Но недолго продолжалось его радостное настроеніе: онъ началъ волноваться отъ нетерпѣнія.

— Вотъ дуракъ-то! дома ее оставилъ! жди теперь его.

— Чего вы теперь-то волнуетесь?—замѣтила я,—слава Богу, она нашлась.

— Нашлась! мало ли что можетъ случиться:—наѣдетъ на него карета... выпадетъ съ дрожекъ!..

Должно быть рукопись у чиновника находилась по близости у кого-нибудь на храненіи, потому что онъ никакъ не могъ такъ скоро съѣздить на Петербургскую сторону.

Лицо Некрасова просіяло, когда онъ увидалъ рукопись въ рукахъ вошедшаго чиновника. Онъ отдалъ ему деньги, взялъ рукопись и сталъ пересматривать, въ цѣлости ли она.

Надо было видѣть лицо чиновника, когда въ его дрожащей рукѣ очутилась такая сумма денегъ,—вѣроятно, въ первый разъ. Онъ задыхался отъ радостнаго волненія и блаженно улыбался; но, однако, торопливо возвратилъ 50 р. Некрасову, проговоривъ:—Это-съ, что вы мнѣ дали прежде.

Некрасовъ и позабылъ объ этихъ 50 рубляхъ.

— Оставьте ихъ у себя, пожалуйста!—отвѣчалъ Некрасовъ.

— Есть у васъ дѣти?

— Много-съ!

— Такъ это имъ отъ меня на игрушки.

— Господи, Господи! думалъ ли я, поднимая съ мостовой рукопись, что черезъ нее мнѣ будетъ такое счастье!—проговорилъ чиновникъ и сталъ благодарить Некрасова, который ему отвѣчалъ:

— И васъ благодарю за доставленіе мнѣ рукописи.

Если бѣдный чиновникъ былъ счастливъ, то Некрасовъ, конечно, не менѣе его.

Романъ Ч. имѣлъ огромный успѣхъ въ публикѣ, а въ литературѣ поднялъ безконечную полемику и споры.

А. Головачева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

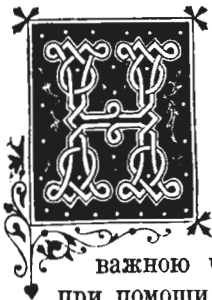

ПРЕДШЕСТВЕННИКЪ И УЧИТЕЛЬ БЪЛИНСКАГО¹⁾.

II.

Общее значеніе критико-журнальной дѣятельности Надеждина.—Отношенія его къ современникамъ-писателямъ.— Характеристика взглядовъ Надеждина на искусство вообще, на современную литературу въ ея романтическихъ представителяхъ и на историческій ходъ развитія русской литературы.— Ступени въ развитіи взглядовъ Надеждина на искусство: первая—въ статьяхъ «Вѣстника Европы», вторая—въ латинской диссертациі о романтической поэзіи, третья— въ статьяхъ «Телескопа» и въ университетской рѣчи.— Послѣдняя ступень была отправнымъ пунктомъ для критической дѣятельности Бѣлинскаго, который во многомъ развивалъ взгляды своего учителя-предшественника.—Общія заключенія.

Е СМОТРЯ на то, что критическая дѣятельность Надеждина была кратковременна—она длилась всего какихъ-нибудь шесть лѣтъ—результаты ея въ общемъ ходѣ развитія нашего критическаго сознанія представляются цѣлымъ вкладомъ. Если за Полевымъ неоспоримо остается заслуга, что онъ первый сдѣлалъ критику существенною и важною частью нашей журналистики, что онъ освободилъ при помощи романтической критики русскую литературу отъ давившихъ ее условныхъ правилъ псевдоклассицизма,—то Надеждину принадлежитъ заслуга еще болѣе важная: онъ первый далъ правильное основаніе нашей критикѣ. До него у насъ повторялись непрочувствованныя мысли съ голоса очень поверхностныхъ учителей, каковыми были французскіе романтики. Надеждинъ же

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 307.

первый ввелъ въ нашу критику глубоко-философскій взглядъ. Онъ далъ нашей критикѣ глубокіе, всеобщіе принципы, открытые для эстетики нѣмецкою наукою. Онъ заговорилъ о такихъ вещахъ, про которыя до него и не слыхивали: объ идеѣ, какъ объ «эстетической» душѣ художественнаго созданія, объ искусствѣ, какъ сообразности формы съ идеею, о значеніи типическаго въ искусствѣ, объ естественности, жизненности и народности-самобытности въ искусствѣ и т. д. Нѣмецкая философія, питомцемъ которой былъ Надеждинъ, не была извѣстна никому, ибо философскія воззрѣнія Полевого не могутъ идти въ счетъ. Полевой съ нѣмецкою философіею познакомился не изъ первоисточниковъ, а изъ популярныхъ лекцій Кузена, этого беллетриста философіи, котораго онъ принималъ за главу философскаго движенія, будто бы скончавшагося въ Германіи съ Шеллингомъ. Между тѣмъ, эклектическая философія Кузена была составлена изъ произвольно-смѣшанныхъ научныхъ понятій, заимствованныхъ отчасти у Канта, еще болѣе у Шеллинга съ нѣкоторыми обрывками изъ Локка, Декарта и др. мыслителей. Все рѣзкое было сглажено, всѣ смѣлые выводы были отброшены, чтобы не смутить ими предразсудковъ французскаго общества, и вся эта разнородная смѣсь образовала своего рода систему, которой не боялись даже обскуранты. Не имѣя никакихъ научныхъ достоинствъ, Кузеновская эклектическая философія была все-таки полезна какъ приготовленіе къ переходу отъ прежней закостѣлости и иезуитскаго обскурантизма къ болѣе раціональнымъ идеямъ и обобщеніямъ строгихъ и рѣзкихъ системъ нѣмецкой философіи. Въ этомъ переходно-подготовительномъ смыслѣ была она полезна и въ «Московскомъ Телеграфѣ» Полевого.

Надеждинъ же, при своихъ обширныхъ лингвистическихъ познаніяхъ, познакомился съ современнымъ движеніемъ философской мысли въ Германіи изъ самыхъ источниковъ и первый примѣнилъ принципы нѣмецкихъ эстетиковъ къ русской литературѣ. Это произвело необычайный эффектъ. Всѣ видѣли только, что Надеждинъ противорѣчитъ французскимъ книжкамъ, изъ которыхъ была почерпнута вся наша тогдашняя критическая мудрость. Всѣ слушали, соображали, изумлялись, оскорблялись, махнули, наконецъ, рукою, рѣшивъ, что все это нелѣпость, порожденная педантизмомъ. Всѣмъ показалось, что Никодимъ Аристарховичъ Надоумко хочетъ только бранить и унижать нашу литературу. Онъ возсталъ противъ всей литературы — и вся литература возстала противъ него, объявивъ строгаго критика безумцемъ.

Появленіе Надеждина, или, вѣрнѣе, критика съ его взглядами, было необходимою для того времени. Русской критикѣ надлежало освободиться отъ долгой своей подражательности, наравнѣ съ литературой, европейскимъ теченіямъ критической мысли; ей слѣдовало встать на твердую почву философскихъ понятій объ искус-

ствѣ, чтобы понимать и истолковывать русскому обществу значеніе новой, самобытной, національно-русской литературы, геніальнымъ творцомъ которой былъ Пушкинъ, давно уже ощущавшій потребность дѣльной критики и жаловавшійся на ея отсутствіе въ русской литературѣ. Дѣйствительно, современная Пушкину критика поражаетъ младенчествомъ своихъ взглядовъ и дѣтскостью своихъ приговоровъ. Появленіе Пушкина застало ее совершенно врасплохъ. Какъ разбирали, напр., его первыя поэмы? Пересказывали пространно содержаніе, при этомъ классики-старовѣры обвиняли Пушкина за отступничество отъ «науки о стихотворствѣ», совѣтуя писать героическія «піимы», изображать добродѣтельныхъ героевъ и ихъ доблести въ превыспренныхъ и напыщенныхъ виршахъ,—приверженцы новаго направленія, хорошенько не понимая его значенія, отстаивали и боролись за него подъ знаменемъ романтизма, путаясь между тѣмъ въ опредѣленіяхъ послѣдняго и разумѣя подъ нимъ зачастую самыя неожиданныя вещи; послѣ всего этого слѣдовали порицанія поэта за его безнравственность, легкомысліе, неуваженіе авторитетовъ, плоскія насмѣшки надъ пустотою характеровъ дѣйствующихъ лицъ—съ одной стороны, а съ другой стороны — восторженные похвалы различнымъ красотамъ «новаго безсмертнаго творенія», похвалы, пересыпанныя восклицательными знаками, гиперболическими сравненіями, удивительными эпитетами. Разборы, обыкновенно, заканчивались выпучиваніемъ отдѣльныхъ стиховъ, пародіями на нихъ, тупыми насмѣшками надъ непонравившимися критику выраженіями и смѣшными восхищенными возгласами такому-то стиху или такому-то выраженію, удивленіемъ передъ прелестью и гармоніей стиха и мѣткостью эпитета. Иногда изъ-за этого возгоралась дѣлая полемика, въ жару которой критики изощрались въ стилистическомъ остроуміи, стараясь выискать въ замѣчаніяхъ противника нѣчто смѣшное. Подобная «стилистическая» полемика растягивалась на нѣсколько книжекъ журнала; писались не только критики, но и антикритики, рекритики, реантикритики и т. д., пока не задѣвались личности, не изъязвлялись самолюбія, не истощались грубыя насмѣшки и пока, наконецъ, редакторы сами не отказывались принимать на свои страницы «Предпослѣдній скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе г. N.» или «Мой послѣдній отвѣтъ г. N.». Про такую критику Пушкинъ вполне основательно замѣчалъ, что она недостойна своего имени, что она не имѣетъ никакого вліянія на судьбу литературныхъ произведеній, на развитіе литературы, на водвореніе въ обществѣ правильныхъ взглядовъ на наше литературное прошлое и пр. Пушкинъ самъ лелѣялъ завѣтную мысль — создать русскую критику, говорилъ, что старые писатели «ждутъ еще египетскаго труда», набрасывалъ проницательныя характеристики ихъ въ своей перепискѣ съ друзьями (напр., характеристика Державина), изу-

чалъ исторію русской литературы, пиша о ней глубокомысленныя замѣтки. Онъ самъ, на основаніи непосредственнаго эстетическаго чувства, которымъ былъ весьма щедро надѣленъ отъ природы, зачастую дѣлалъ лучшія оцѣнки своихъ же твореній, наравнѣ съ оцѣнками произведеній западныхъ литературныхъ корифеевъ (Байрона, Шекспира, Мольера, Виктора Гюго и др.), онъ воспиталъ на своихъ твореніяхъ эстетическій вкусъ въ русскомъ обществѣ, но создать критики не могъ по недостатку природныхъ средствъ для этого. Истинные критики такъ же рѣдки, какъ и истинные творцы-художники. Пушкинъ, будучи гениальнымъ творцомъ и чуткимъ, умнымъ, пронизательнымъ цѣнителемъ художественныхъ произведеній, не имѣлъ другихъ необходимыхъ для критика качествъ: логическаго, философскаго ума, способности къ анализу, тщательнаго философско-литературнаго образованія. При одномъ же чутьѣ эстетическомъ и психологическомъ можно писать только мелкія и остроумныя замѣтки съ характеромъ личнаго, необоснованнаго на общихъ положеніяхъ мнѣнія. Таковы именно критическія замѣтки Пушкина, который можетъ быть названъ провозвѣстникомъ новой русской критики, ибо онъ понялъ и намѣтилъ ея задачи на примѣрахъ, практически. Надеждинъ же положилъ теоретическій фундаментъ для нея, предоставивъ Бѣлинскому принести еще нѣсколько камней для него и начать постройку зданія, планъ котораго въ общихъ чертахъ обдумывалъ уже его предшественникъ и учитель.

Но отчего же Надеждинъ забыть, отчего же общество вскорѣ послѣ запрещенія въ 1836 году «Телескопа» и не вспомнило своего замѣчательнаго дѣятеля, отчего Бѣлинскій, пиша свои «Литературныя мечтанія» говорилъ о критической дѣятельности Надеждина, какъ о чемъ-то уже оконченномъ, забавно вопрошая:

«И гдѣ же твой, о, витязь, прахъ?
«Какою взять могилкой?»

Отчего, наконецъ, никто не подумалъ издать собранія сочиненій Надеждина, во многихъ отношеніяхъ любопытныхъ для своего времени и важныхъ для исторіи русской литературы? На всѣ эти вопросы можно отвѣтить однимъ отвѣтомъ: Надеждинъ для своего времени былъ виднымъ художественнымъ теоретикомъ и относительно слабымъ критикомъ, который отсутствіе эстетическаго вкуса старался прикрыть положеніями философско-этического порядка. Слабость непосредственнаго чувства прекраснаго при аналитическомъ философскомъ умѣ привела Надеждина зачастую къ отвлеченной точкѣ зрѣнія, на которую критикъ становился, говоря, на примѣръ, о такой граціозной шуткѣ, о такомъ остроумномъ жанрѣ, какъ «Графъ Нулинъ» Пушкина. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ критикъ изъ пушекъ стрѣ-

ляль по воробьямъ. Отсутствие вкуса заводило Надеждина въ дебри непроходимо-странныхъ противорѣчій, уродливыхъ приговоровъ, въ лабиринтъ мгнѣній, въ которомъ критикъ запутывался, не дойдя до конца, ибо не имѣлъ проводникомъ непосредственнаго художественнаго чутья. Свои большія статьи Надеждинъ писалъ въ странной драматической формѣ, гдѣ одно лицо обязанно говорить вздоръ, а другое быть постоянно умникомъ. Мѣсто дѣйствія этихъ критическихъ діалоговъ происходило въ каморкахъ, косморамахъ, на буйныхъ вечерахъ или на прогулкахъ. Конечно, невозможныя странности какъ въ формѣ статей, такъ и въ ихъ содержаніи простекали все изъ того же отсутствія вкуса и заставляли забывать, что авторъ надѣленъ несомнѣнными критическими способностями, мыслящимъ умомъ, начитанностью и ловкимъ анализомъ. Жестокія нападки на современный псевдо-романтизмъ въ рѣзкой и грубой формѣ, при чемъ за романтиковъ шли и Пушкинъ, и Вольтеръ, и Байронъ и др., вооружили противъ Надеждина всю литературу. На однихъ онъ, конечно, нападалъ по-дѣломъ, а на другихъ, напримѣръ, на Пушкина—по своей критической слѣпотѣ. Вотъ, слѣдовательно, какъ важенъ для критика непосредственный художественный вкусъ.

Надеждинъ выступилъ на литературное поприще въ журналѣ Каченовскаго—«Вѣстникъ Европы». Это заранѣе предопредѣляло враждебныя отношенія къ Надеждину со стороны молодыхъ представителей новой литературы съ Пушкинымъ во главѣ и новой критики во главѣ съ Н. А. Полевымъ. «Вѣстникъ Европы» среди читающей публики двадцатыхъ годовъ почитался идеаломъ мертвенности, скуки и старческой заплѣсневѣлости. Дѣтище Карамзина, основанный въ 1802 году, «Вѣстникъ Европы» скоро состарѣлся (онъ умеръ въ 1830 году), преобразившись подъ редакторствомъ Каченовскаго въ сухого рыцаря рутины, схоластическаго упорства,—рыцаря псевдоклассической торжественности, одопѣнія, тріединственныхъ трагедій, патріотическихъ «пѣмъ» и другихъ прелестей заматорѣлаго классицизма, набившаго всѣмъ оскомину. При появленіи «Руслана», «Вѣстникъ Европы» обрушился на него градомъ насмѣшекъ и порицаній. Пушкинъ отвѣчалъ Каченовскому мѣткими эпиграммами, защищая вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣе и себя, и своихъ друзей, задѣтыхъ рѣзкими сужденіями «Зоила»—Каченовскаго. Извѣстно, что наибольшее количество эпиграммъ написано Пушкинымъ на Каченовскаго, который удостоивался названій и «Хавроніоса, ругателя законѣлаго», и «клеветника безъ дарованья», и «вонючей лучинки курилки-журналиста», и «охотника до журнальной драки», разводящаго «опіумъ чернилъ слюною бѣшеной собаки» и пр., и пр. Полемицировалъ съ Каченовскимъ и Полевой, высказывавшій сомнѣнія въ ученой славѣ «Зоила», пользовавшаго ея на честное слово, замѣчавшій, что «статьи писать—

не порохомъ торговать» (Каченовскій въ молодости былъ привлеченъ къ суду по дѣлу о продажѣ казеннаго пороха) и пр. Каченовскій по большей части зловѣще молчалъ, лишь изрѣдка отвѣчая своимъ противникамъ. Но, наконецъ, съ 1828 года онъ перемѣнилъ свое оборонительное положеніе на смѣлое наступательное движеніе, ибо на помощь Каченовскому явился новый дѣятельный сотрудникъ, давшій новую силу и ѣдкость старымъ жалобамъ «Вѣстника Европы» на легкость современной литературы, на ея самонадѣянность, неуваженіе къ старымъ образцамъ, на безначаліе вообще и на отсутствіе торжественности въ ея произведеніяхъ. «Вѣстникъ Европы» какъ будто собралъ все негодованіе, накопленное въ немъ долгими годами насмѣшекъ и оскорбленій, нанесенныхъ ему тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ писателей, и въ послѣдній разъ отвѣчалъ имъ въ лицѣ Надеждина съ удвоеннымъ жаромъ и злобной энергіей. Каченовскій страшно злобствовалъ на Пушкина за его эпиграммы, подвернулся Надеждинъ,—и стали появляться длинныя и многоглаголивныя статьи съ подписью Надоумко, въ которыхъ больше всѣхъ доставалось Пушкину. Ксен. Полевой въ своихъ «Запискахъ» говоритъ¹⁾: «Сначала мы думали, что подъ завѣсой новаго псевдонима пишетъ самъ Каченовскій: такъ умѣлъ Надеждинъ перенять у него взгляды, мнѣнія и даже слогъ. Какая-то путаная теорія, какая-то іезуитская или тартюфская нравственность и тяжелый, фигурный, напоминавшій кутейника языкъ были отличительными свойствами этихъ статей. Каченовскій ожилъ въ нихъ съ прибавкой еще чего-то тяжелаго, безжизненнаго. Особенно хороши тамъ мѣста, гдѣ авторъ хотѣлъ острить. Надъ шуточками его (въ родѣ: «стихи—хи! хи!») послѣ забавлялся самъ Пушкинъ». Полевой забылъ упомянуть еще о томъ, что Надеждинъ усвоилъ и оригинальное правописаніе, введенное Каченовскимъ въ свой журналъ. По правиламъ этого правописанія въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, слѣдуетъ писать *i, e, v*, напримѣръ: *історія, фвсіка, маѳематическій, енеусіасмъ, сунѳезъ, есеетическій, апаѳія, мисанѳеропія* и проч. Многое въ вышеприведенныхъ словахъ Полевого вѣрно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно замѣтить, что Полевой совершенно не понималъ точки зрѣнія Надеждина, которая была нова и плодотворна и совершенно независима отъ взглядовъ и мнѣній Каченовскаго. Полевой не понималъ, что разными дорогами можно придти къ одному и тому же мѣсту, что разныя исходныя положенія могутъ привести къ одинаковымъ выводамъ (напримѣръ, что, кажется, могло быть общаго между печальными рыцарями обскурантизма и мракобѣсія, подвизавшимися въ «Маякѣ», журналѣ сороковыхъ годовъ, и архи-прогрессивнымъ Писаревымъ? Однако, въ оцѣнкѣ

¹⁾ Записки Ксен. Ал. Полевого, стр. 256.

Пушкина они сошлись, признавая въ немъ только «искуснаго версификатора» и больше ничего). Точка зрѣнія Надеждина вовсе не была точкой зрѣнія и Каченовскаго. Но бѣда вся была въ томъ, что, во-первыхъ, Надеждинъ подвизался въ журнальномъ органѣ, ненавистномъ всему молодому литературному поколѣнью,—а во-вторыхъ, что онъ, по своему безвкусию, воспринялъ много внѣшняго, случайнаго и страннаго отъ своего патрона. Эта случайная оболочка слѣзла съ Надеждина черезъ два года, но недалекимъ людямъ, конечно, она рѣзко бросалась въ глаза прежде всего остальнаго, прежде дѣльныхъ взглядовъ, еще не совсѣмъ опредѣлившихся, прежде въ сущности дѣльныхъ нападокъ на пустоту ходячей литературы,—нападокъ, еще огульныхъ, неразборчивыхъ, дѣлаемыхъ на праваго и виноватаго, прежде, наконецъ, нѣкоторыхъ глубокихъ и трезвыхъ идей, прикрытыхъ подчасъ схоластической и трескучей риторикой. Неприглядность литературнаго костюма, въ которомъ Надеждинъ щеголялъ на страницахъ «Вѣстника Европы», рѣзкій тонъ, грубыя насмѣшки, странное тартюфское цѣломудріе, частое художественное безвкусіе и невыработанность теоретико-философскихъ критическихъ началъ—все это было причиною неблагоприятныхъ отзывовъ о Надеждинѣ и Пушкина съ его кружкомъ, и Полевого съ своими романтическими послѣдователями. Съ внѣшней стороны, критика Надеждина прекрасно охарактеризована въ словахъ Вѣлинскаго, называвшаго ее «нѣмецкимъ буршемъ съ длинными растрепанными волосами на плечахъ, съ трубкою во рту и съ дубиною въ рукахъ». Поэтому-то и Пушкинъ, столь чуткій къ изящному, началъ направлять свои эпиграммы противъ «непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста», называя Надеждина «взрослымъ болваномъ», сапожникомъ, судящимъ о картинѣ, Никодимомъ Невѣждинымъ, обѣщающимъ, не смотря на лакейскій тонъ своихъ статейъ, быть законодателемъ вкуса, сочиняя на него мѣткія пародіи и сказки и пр. Непривлекательная внѣшность Надеждина продиктовала Пушкину позднѣе, въ 1834—1836 годахъ презрительный отзывъ о критикѣ¹⁾,—отзывъ, находившій Надеждина простонароднымъ, скучнымъ, заносчивымъ, безъ всякихъ приличій,—говорившій, что въ его писаніяхъ не было мыслей, а было движеніе и живость съ краснорѣчіемъ, что критики были вообще глупо написаны, а шутки были плоски. Конечно, всякій, знакомый съ литературной дѣятельностью Надеждина въ полномъ объемѣ, признаетъ такой отзывъ неосновательнымъ и поверхностнымъ и не согласится съ тѣмъ, что въ надеждинскихъ критикахъ, глупо написанныхъ, не было мыслей. Всякій тоже пойметъ неосновательность отзыва К. Полевого и его брата Н. Полевого, обвинявшаго Надеждина

¹⁾ См. V, стр. 276, XXVIII.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1889 г., т. XXXVII.

въ отсталости, литературномъ старовѣрствѣ, шарлатанствѣ, заимствованіяхъ чужихъ мыслей и прочихъ тяжелыхъ литературныхъ прегрѣшеніяхъ. Всякій пойметъ и увидитъ, что Н. Полевой, встрѣтившій латинскую диссертацию Надеждина о романтизмѣ, презрительнымъ глумленіемъ, ругательствами и обвиненіями въ безстыдныхъ заимствованіяхъ, которыхъ, кстати, и не было,—всякій пойметъ, что Полевой видѣлъ въ Надеждинѣ опаснаго соперника, который своей дѣятельностью упразднялъ критическую дѣятельность Полевого, который явился провозвѣстникомъ новой русской критики въ ея теоретическихъ основаніяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Полевому, конечно, не могли нравиться надеждинскія характеристики своего энциклопедизма, процвѣтавшаго въ «Телеграфѣ», въ которомъ, по словамъ Надоумки, заключалось все—«отъ вѣроятностей въ математикѣ до невѣроятностей въ логикѣ, отъ санскритской поэзіи до пошехонскаго краснорѣчія, отъ зенита до надира, отъ моря-окияна до острова Буяна»; не могло, конечно, Полевому, нравиться, когда Надеждинъ говорилъ, что издатель «Московского Телеграфа» философией, математикой, физикой, медициной, исторіей, политикой швыряетъ какъ щепками, что его журналъ похожъ на «литературную каланчу, съ которой раздается громскій голосъ редактора: «сюда! сюда! здѣсь все есть! всякіе товары! все хорошее! все свѣжее!» Такимъ образомъ, Надеждинъ стоялъ въ враждебныхъ отношеніяхъ ко всему молодому, талантливому и прогрессивному въ русской литературѣ 30-хъ годовъ, ибо это молодое не понимало, что за несимпатичной внѣшней оболочкой, скрываются въ высшей степени плодотворныя стремленія, новая теорія искусства, новыя справедливыя, хотя и строгія критическія требованія. Этого не поняли и не оцѣнили; не оцѣнили теоретическихъ взглядовъ Надеждина на искусство и Бѣлинскій, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспринялъ ихъ цѣликомъ и тѣмъ самымъ скрылъ заслуги Надеждина въ этомъ отношеніи. Никто вѣдь, напримѣръ, не различитъ водъ Камы или Оки послѣ сліянія ихъ съ Волгой. А между тѣмъ не будь ихъ, не была бы и Волга такъ полноводна и величественна. Такъ и Бѣлинскій безъ дѣятельности Полевого и особенно Надеждина не имѣлъ бы того значенія, которое теперь имѣетъ онъ въ русской литературѣ. Воспринявъ взгляды Надеждина, какъ Волга воды Оки, Бѣлинскій переработалъ ихъ въ свою плоть и кровь и забылъ своего учителя помянуть критической статьёй. Общество, конечно, и подавно забыло о критикѣ съ Патріаршихъ прудовъ, Никодимѣ Аристарховичѣ Надоумко.

Приступая къ характеристикѣ взглядовъ Надеждина на искусство вообще и на задачи современнаго искусства въ частности, мы должны упомянуть о томъ, что взгляды Надеждина, прежде чѣмъ достичь ясной опредѣленности и систематической законченности, прошли извѣстныя ступени развитія. Статьи въ «Вѣстникѣ

Европы» знаменуютъ собой первую ступень развитія; взгляды на искусство въ латинской диссертациі о романтической поэзіи ¹⁾—вторую; наконецъ, въ университетской рѣчи—«О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ»—и въ статьяхъ «Телескопа» мы находимъ третью и послѣднюю ступень развитія. Эта послѣдняя ступень—самая цѣнная и важная; въ общихъ чертахъ взгляды этого времени сохраняются до сихъ поръ, а это лучший признакъ ихъ живучести и неизмѣннаго значенія. Эти взгляды сдѣлались теперь азбукой эстетики. Первые двѣ ступени въ развитіи взглядовъ Надеждина на искусство имѣютъ значеніе лишь подготовительное. Въ этихъ двухъ періодахъ много неяснаго, противорѣчиваго, могущаго показаться спутаннымъ и бездоказательнымъ. Такъ въ статьяхъ «Вѣстника Европы» ²⁾ Надеждинъ является строгимъ и туманнымъ идеалистомъ, настаивающимъ на томъ, чтобы въ поэзіи изображались только достойные предметы, высокіе и прекрасные, чтобы поэтическое произведеніе отличалось скромностью содержанія, порядкомъ и стройностью изложенія. Въ это время Надеждинъ особенно настаивалъ на изученіи древнегреческаго искусства, признавая другимъ необходимымъ наставникомъ Шиллера,—настаивалъ на необходимости эстетическаго образованія и благоговѣлъ передъ «Орлеанскою Дѣвой». Въ этихъ статьяхъ онъ смѣшивалъ начала эстетическія съ этическими, утверждая, что красота не что иное, какъ «истина, растворенная добротою». Поэзію Надеждинъ называлъ «соревновательницей природы» и говорилъ, что дѣло искусства—подслушивать таинственные отголоски вѣчной божественной гармоніи, разлитой во всѣхъ явленіяхъ долнаго міра, и представлять эти отголоски внятными для нашего слуха «въ согласныхъ рвемическихъ аккордахъ». Подслушивание отголосковъ гармоніи Надеждинъ считалъ первою и самою существенною задачею всякой поэзіи. Онъ говорилъ, что мраморъ, одушевленный рѣзцомъ Фидіевъ и Лизипповъ, потому и наполняетъ души зрителей сладкимъ восторгомъ, что «рука художника, совокупивъ въ немъ (т. е. въ мраморѣ) различныя черты, коихъ союзъ неощутителенъ въ природѣ, освѣтила ихъ магическимъ свѣтомъ пробуждающимъ предощущеніе ихъ внутренняго сокровеннаго единства». Совершенство произведенія зависитъ отъ той легкости,

¹⁾ Полное заглавіе ея читается такъ: «De origine, natura et fatis poëseos, quae romantica audit. Dissertatio historico-critico-elenctica. Conscripsit examinique eruditorum publico submittit sanctorum Humaniorumque Litterarum Magister Nicolaus Nadezdin, gradum humaniorum litterarum doctoris legitime abtinendum praetendens. Mosquae. 1830».

²⁾ «Литер. опасенія за будущій годъ», «В. Евр.», 1828, г. 163, «Сонмище нигилистовъ», *ibidem*, 1829, г. 164, «Иванъ Выжигинъ», *ibid.*, 1829, г. 166 и 167, «Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ», *ibid.*, г. 168 и 169. Статьи о «Графѣ Нулинѣ», «Полтавѣ», и объ «Евгеніи Онѣгинѣ».

съ которой мы «проразумѣваемъ сіе единство». «На мустическомъ языкѣ нѣмецкихъ есѣетиковъ» это называется идеализированіемъ или творчествомъ по идеаламъ, при чемъ подъ идеаломъ разумѣется «фантастическая цѣлостъ идеи, воплощаемой художникомъ въ его творческомъ произведеніи». Отъ всякаго произведенія необходимо требовать единства и сообразности съ идеею. Такъ какъ изящное «неудобомыслимо безъ отношенія къ существеннымъ потребностямъ духа нашего: истинному и доброму, то, слѣдовательно, красота есть не что иное, какъ истина, растворенная добротою. Оттого-то первые аккорды поэзіи «были посвящаемы религіи и мудрости», оттого древняя поэзія и называлась «языкомъ боговъ». Кромѣ того, поэтическое произведеніе должно быть «свободнымъ изліяніемъ свободнаго духа». Самыми совершенными въ этомъ отношеніи будутъ, конечно, творенія гениа, который есть «высочайшее гармоническое сліяніе въ человѣкѣ безконечнаго съ конечнымъ, свободы съ необходимостью», ибо только ему принадлежитъ «высшая исполнительная власть уставовъ природы, единой верховной законодательницы искусства». «Хранилище сихъ священныхъ законовъ,—говорилъ далѣе Надеждинъ,—неоспоримо есть самъ духъ человѣческій—звѣница, отображающая и созерцающая въ самой себѣ всю природу... Законы должны извлекаться изъ вѣковыхъ и всестороннихъ наблюденій надъ величайшими и блистательнѣйшими произведеніями духовныхъ силъ человѣческихъ».

Конечно, въ этихъ идеалистическихъ воззрѣніяхъ много недоговореннаго и подающаго поводъ къ пояснительнымъ вопросамъ, много туманно-высказаннаго и спорнаго, невѣрнаго, подчасъ прямо ошибочнаго. Критикъ, какъ кажется со стороны, зачастую гонится за красивой фразой въ ущербъ ясности изложенія. Эта неясность, вѣроятно, и была причиной того, что Кс. Полевой находилъ теорію Надеждина спутанной.—Въ самомъ дѣлѣ, что хотѣлъ Надеждинъ сказать словами: искусство (поэзія) есть «соревновательница природы?» Это положеніе необходимо было объяснить современникамъ, которые раньше думали объ искусствѣ совершенно иначе. Въ чемъ искусство должно соревновать природѣ, какъ соревновать и можетъ ли оно вообще тягаться съ природой? Эти вопросы Надеждину какъ будто и не приходили въ голову. Фраза, что «дѣло искусства—подслушивать таинственные отголоски вѣчной божественной гармоніи» и пр., всякому покажется простымъ наборомъ громкихъ словъ, лишенныхъ опредѣленнаго смысла. Что значить эта «божественная гармонія», въ чемъ сказываются ея «отголоски» и какъ ихъ нужно подслушивать? Все это, конечно, очень возвышенно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень туманно. Нѣкоторую надежду на разъясненіе какъ будто подаетъ примѣръ мрамора, воодушевляемый рѣзцомъ Фидіа и Лизиппа. Можно съ боль-

шей или меньшей вѣроятностью предполагать, что этимъ примѣромъ Надеждинъ хотѣлъ указать на необходимость типическаго элемента въ искусствѣ, хотя, конечно, это догадка. Притомъ, не реально-типическаго, а идеально-типическаго съ сильной подкладкой мистицизма. Вообще должно замѣтить, что во взглядахъ Надеждина на первыхъ порахъ обнаруживается больше лирическаго одушевленія, неопредѣленныхъ стремленій къ неяснымъ идеаламъ, красивой реторики и прекраснодушія, чѣмъ трезвой логики и законченной систематичности. На первыхъ порахъ у Надеждина господствовалъ отвлеченный идеализмъ, почти не заглядывавшій въ дѣйствительную жизнь и забывавшій необходимость исторической точки зрѣнія въ сужденіяхъ объ искусствѣ. Этотъ отвлеченный идеализмъ, въ которомъ перемѣшивались понятія прекраснаго, истиннаго и добраго, былъ причиной суровыхъ и несправедливыхъ отзывовъ Надеждина о Пушкинѣ и его проведеніяхъ, — причиной забавныхъ и странныхъ оцѣнокъ такихъ произведеній, какъ «Полтава», «Евгеній Онѣгинъ», «Графъ Нулинъ». Незаконченность и недоговоренность взглядовъ Надеждина этой поры очень ярко сказывается въ томъ, что онъ считалъ поэзію «языкомъ боговъ». Между тѣмъ, въ древнѣйшее время поэзія и не существовала, какъ искусство, ибо несла совершенно служебную роль при религіи, ибо выражалась только въ религіозныхъ гимнахъ. Очевидно, въ этомъ сказалось болѣе лирическаго прекраснодушія и стремленій къ возвышенному, чѣмъ дѣйствительнаго пониманія задачъ искусства въ его историческомъ развитіи. Далѣе, называя природу «единой верховной законодательницей искусства» (что только отчасти вѣрно), Надеждинъ не объясняетъ, что должно подъ этимъ разумѣть. Природа вовсе не всегда и не во всемъ законодательница искусства, ибо у послѣдняго есть свои законы, которые съ природой ничего общаго не имѣютъ. Стоитъ лишь припомнить, напр., правду искусства и правду дѣйствительности, которыя не совпадаютъ; правдивое описаніе можетъ быть вовсе не художественнымъ, и наоборотъ. Это зависитъ отъ того, что для искусства важно правдоподобіе и что искусство имѣетъ дѣло лишь съ типическимъ, характернымъ, что въ искусствѣ есть нѣкоторый плюсъ къ голымъ фактамъ природы, переработаннымъ художественнымъ сознаніемъ. Въ послѣдующихъ словахъ Надеждинъ какъ будто противорѣчитъ себѣ, признавая духъ человѣческой хранителемъ этихъ законовъ, извлекаемыхъ изъ наблюденія надъ «произведеніями духовныхъ силъ человѣческихъ». Слѣдовательно, при чемъ же природа-то? При чемъ ея законодательная роль, если законовъ для искусства нужно искать въ духѣ человѣческомъ? Можетъ быть, Надеждинъ, не договорилъ, позабывъ прибавить, что природа человѣческая является законодательницей искусства по столько, по сколько ея можно наблюдать въ произведеніяхъ

искусства? Такъ или иначе, но, конечно, рѣшить этихъ вопросовъ нельзя ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ за неимѣніемъ разъясненій со стороны самого критика. Кромѣ того, нужно еще замѣтить, что теорія искусства, выводимая изъ произведеній искусства, не всегда будетъ имѣть значеніе непреложныхъ законовъ. Стоитъ лишь припомнить французскихъ теоретиковъ-псевдоклассиковъ, которые вывели свои теоріи изъ псевдо-классическихъ одъ, трагедій и пр., вполне увѣренные въ незыблемости своихъ непреерекаемыхъ положеній. А между тѣмъ, всякому истинно-образованному человѣку еще въ тридцатыхъ годахъ были понятны нелѣпости Буало, Лагарповъ и пр. Надеждину слѣдовало въ данномъ случаѣ непремѣнно оговориться и развить обстоятельнѣе свои мысли о теоріи искусства, извлеченной изъ произведеній искусства. Вообще, повторяемъ, во взглядахъ Надеждина перваго періода много вѣрнаго, но много и односторонняго, отвлеченнаго, противорѣчиваго и недосказаннаго. Истина еще скрывается отъ Надеждина въ туманѣ неопредѣленности и онъ описываетъ намъ лишь смутныя очертанія неясно-различаемой богини.

Въ своей латинской докторской диссертациі Надеждинъ, трактуя о романтизмѣ, удѣляетъ три первые тезиса общимъ вопросамъ объ искусствѣ. Эта ступень развитія является какъ бы подготовительницей и провозвѣстницей послѣдней ступени: у Надеждина появляется историческая точка зрѣнія какъ по отношенію къ всеобщей, такъ и по отношенію къ русской литературѣ,—чего раньше не было, ибо въ статьяхъ «Вѣстника Европы» современная литература критиковалась на основаніи отвлеченно-идеалистическихъ взглядовъ. Теперь, на ряду съ нападками на современную псевдоромантическую трескотню и напыщенную аффектацію, Надеждинъ пытается исторически доказать невозможность существованія романтической поэзіи въ наше время. Содержаніе его диссертациі можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Начавъ съ опредѣленія поэзіи и съ сущности процесса ея развитія, Надеждинъ раздѣляетъ поэзію на первобытную, классическую и романтическую. Онъ говоритъ, что романтическая поэзія существовала, но болѣе уже не существуетъ. Произойдя «изъ нѣдръ природы человѣческой, а не изъ нѣдръ природы внѣшней (въ противоположность поэзіи классической), поэзія романтическая должна была ограничиться періодомъ среднихъ вѣковъ, будучи развитіемъ ихъ духа. Такъ какъ міръ, въ которомъ мы живемъ теперь, совершенно отличенъ отъ міра среднихъ вѣковъ, то и возстановленіе романтической поэзіи для насъ невозможно. Нашъ, такъ называемый, романтизмъ есть только «бездушное» подражаніе романтизму истинному,—подражаніе, служащее намъ «въ укоръ и униженіе». Лучшимъ средствомъ для излеченія современной литературы отъ псевдо-романтизма должно быть изученіе поэзіи классической; на-

шему отечеству, въ особенности, слѣдуетъ оградить себя отъ «псевдоромантической заразы». — Въмѣстѣ съ появленіемъ исторической точки зрѣнія во взглядахъ Надеждина на искусство совершается поворотъ отъ отвлеченнаго идеализма къ реализму, правда, слишкомъ еще общему и неопредѣленному. Но, вѣдь, крайность всегда порождаетъ противоположную крайность, и потому нечего удивляться, что стремленіе къ реализму въ диссертациі также туманно и сбивчиво, какъ и стремленія къ отвлеченнымъ идеаламъ въ статьяхъ «Вѣстника Европы».

Первый тезисъ диссертациі гласитъ: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія (*ubi vita, ibi poësis*); второй — поэзія, единая по своей сущности, облекается въ разнообразныя формы (*poësis, una in se, formas varias induit*) и, наконецъ, третій — формы поэзіи, въ которыхъ она проявляется, опредѣляются духомъ времени (*formae poëseos, qua viget, ætatis ingenio determinantur*). Наиболѣе важнымъ является, конечно, первый тезисъ, ибо онъ сдѣлался лозунгомъ послѣдующей реалистической критики Бѣлинскаго и реалистической литературы. Мы говорили, что стремленія Надеждина къ реализму были еще слишкомъ неопредѣленны и туманны. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ Надеждинъ развивалъ въ своей диссертациі первое положеніе (мы соединяемъ разбросанныя по диссертациі мнѣнія въ одно цѣлое).

«Океанъ жизни человѣческой, — говорилъ Надеждинъ, — и жизни природы такъ неистощимъ и глубокъ, что вдохновенію поэтическому представляется безконечное поприще, на которомъ оно можетъ собирать роскошную жатву, столь же мало имѣя нужды забиваться въ преисподнюю пучину мраковъ, какъ и залетать на давно увядшія вершины состарѣвшагося Олимпа. Поэзія не раболѣпная подражательница и спищица природы: первородная дщерь безсмертнаго духа, она есть священнослужительница вѣчнаго изящества, которое не что иное, какъ всесовершеннѣйшая гармонія. Всѣ произведенія поэзіи ознаменованы таинственною печатью Божества, предъ алтаремъ котораго она священнодѣйствуетъ. Поэзія должна быть живымъ зеркаломъ природы, должна неуклонно вращаться около неподвижнаго средоточія, верховнаго, вѣчнаго свѣтила, вѣчнаго солнца—Безконечнаго. По сколько Безконечное проявляется въ дивномъ зданіи внѣшней природы или въ таинственномъ святилищѣ самаго духа человѣческаго, по столько оно должно проявляться и въ поэтическомъ творествѣ, какъ вѣчная первоосущность изящества. Предощущеніе безконечнаго есть основаніе эсметической религіи, безъ которой никакая религія неудобомыслима. Душу этой религіи составляетъ благоговѣйная любовь къ Безконечному, силою которой совершается сочетаніе между нимъ и творящимъ духомъ—благодатное начало всѣхъ истинно изящныхъ и высокихъ произведеній. Эту любовь поэзія классическая обращала на внѣшнюю природу, въ коей видѣла высочайшую представительницу безпредѣльнаго изящества, тогда какъ романтическая поэзія посвящала ее человѣчеству, которое для нея было чистѣйшимъ зеркаломъ красоты безконечной. Свобода составляетъ необходимую стихію поэтическаго творчества, безъ которой оно превращается въ мертвое механическое ремесло пусто-звучнаго рѣмотворства. Это свобода

мудрая и благотѣльная, состоящая въ неукоснительной покорности вдохновенія законамъ разума. Только тогда человѣкъ истинно достоинъ самого себя, когда разгадывая тайну своего существованія, самозаконною силою свободы своей порабощаетъ себя въ повиновеніе законамъ разума, которое собственно и составляетъ истинное самодержавіе».

По этой цитатѣ можно, безъ сомнѣнія, судить, какъ далека былъ Надеждинъ въ своемъ пониманіи реализма въ искусствѣ отъ нынѣшнихъ воззрѣній на этотъ предметъ или даже отъ воззрѣній Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ его дѣятельности. Неточности выраженій, невыработанность понятій, односторонность взгляда— вотъ характеристическія черты только-что цитованныхъ словъ Надеждина. Называя поэзію «живымъ зеркаломъ природы», говоря, что вдохновеніе должно почерпаться въ океанѣ жизни человѣческой и жизни природы, слѣдовательно, признавая полную свободу въ выборѣ сюжетовъ, въ выборѣ характеровъ и среды для изображенія — Надеждинъ тотчасъ же ограничиваетъ предѣлы искусства, заставляя поэзію служить предъ алтаремъ вѣчнаго изящества, какой-то «всесовершеннѣйшей гармоніи» и прибавляя, что искусство должно являть въ себѣ непремѣнно «безконечное», ибо оно иначе и не будетъ искусствомъ. Выводъ изъ такихъ положеній можетъ быть сдѣланъ лишь тотъ, что искусство должно изображать предметы высокіе и прекрасные. Это, конечно, входитъ въ задачу искусства, но не составляетъ всей задачи. При такомъ пониманіи искусства пришлось бы вычеркнуть изъ литературы Гоголя, Диккенса, многія изъ драмъ Шекспира, нѣкоторыя произведенія Байрона, весь бытовой, реалистическій романъ и пр., и пр. Очевидно, что идеалистическая закваска еще сидѣла въ Надеждинѣ, и онъ изъ одной односторонности перешелъ къ другой. Рядомъ съ этимъ поражаетъ невыработанность понятій, соединенная съ неточностью выраженія. Что, напр., значитъ «священно-служительница вѣчнаго изящества», какъ не высокопарная фраза? Развѣ можно искусство творчества называть «зеркаломъ природы»? Метафора эта весьма неудачна. Искусство не должно и не можетъ отражать все, что есть въ природѣ: тогда оно перестаетъ быть творчествомъ, а дѣлается хроникой событій, протоколомъ, реляціей, безконечнымъ описаніемъ, гдѣ существенное и важное, цѣнное перемѣшано со случайнымъ, пустымъ и вздорнымъ. Искусство не только отражаетъ жизнь, но творчески возсоздаетъ ее. Слѣдовательно, сравненіе съ «зеркаломъ» весьма неудачно, а вслѣдствіе этого и самое опредѣленіе туманно и сбивчиво. Такимъ образомъ, Надеждинъ, вѣрно понявъ по существу задачу современнаго искусства, не сумѣлъ развить какъ слѣдуетъ положенія, что «гдѣ жизнь, тамъ и поэзія».

Въ статьяхъ «Телескопа» мы увидимъ болѣе зрѣлое и точное пониманіе. Всякій, конечно, согласится съ третьимъ тезисомъ, что

формы поэзіи опредѣляются духомъ времени. Это теперь безспорная истина. Въ наше время никто не станетъ писать такихъ обширныхъ поэмъ, какія писались, напр., Данте; невозможно и появленіе «Иліадъ» и «Одиссей», одъ, трагедій съ тремя единствами и пр. Въ наше время стихотворная форма оттѣснена прозаической, въ которой самовластно царитъ нравоописательный романъ съ его развѣтвленіями на повѣсть, рассказъ, очеркъ и пр. Это отлично понималъ Надеждинъ и, какъ увидимъ ниже, старался объяснить духомъ времени господство въ наше время романа. Но, съ другой стороны, со вторымъ тезисомъ едва ли можно согласиться; едва ли историческое развитіе поэзіи только въ томъ и состоитъ, что мѣняются однѣ формы, а поэзія остается неизмѣнной по своей сущности. Самъ Надеждинъ признаетъ разницу по существу между классической и романтической поэзіей; поэтическіе идеалы измѣняются согласно съ своимъ временемъ, которое кладетъ неизгладимую печать духа на тѣ или другія творческія созданія. Какое же здѣсь единство «по своей сущности»? И форма, и содержаніе находятся въ тѣсной зависимости отъ времени, измѣняясь согласно его вѣяніямъ. Можетъ быть, Надеждинъ разумѣлъ подъ «сущностью» что-либо особенное? Тогда слѣдовало выяснить это понятіе. Теперь, кажется, что Надеждинъ противорѣчитъ себѣ.

Третья ступень развитія содержитъ все самое цѣнное и плодотворное во взглядахъ Надеждина, воспринятое Вѣлинскимъ и органически переработанное имъ ¹⁾. На вопросъ, что такое искусство, Надеждинъ теперь отвѣчаетъ: искусство есть «проявленіе творческой силы нашего духа, созидающей внѣшніе осязаемые образы для выраженія незримой полноты внутренняго міра идей». Искусство Надеждинъ называетъ теперь «мірозданіемъ въ мнѣніи творца». Такъ какъ духъ нашъ рождается и живетъ «въ лонѣ природы», которой онъ самъ есть «высшее, торжественнѣйшее проявленіе», такъ какъ «его мысли объемлютъ природу, а его дѣйствія объемлются природою», то, слѣдовательно, природа составляетъ для нашего духа и «предметъ идей», и «матерію дѣйствій». Поэтому, искусство есть не что иное, какъ «воспроизведеніе природы». Это воспроизведеніе состоитъ «въ возведеніи естественныхъ явленій къ пункту зрѣнія, съ коего въ полномъ блескѣ открывается для насъ ихъ красота или, что тоже, гармонія жизни, ихъ одушевляющей». Геній художника повторяетъ на себѣ глубокой мнѣ древнихъ о Пигмалионѣ: онъ сжимаетъ въ своихъ пламенныхъ объятіяхъ холодный мраморъ — и жизнь отзывается на жизнь. Это таинственное «пресуществленіе» природы искусствомъ

¹⁾ Слѣдующія статьи важны для характеристики этого времени: «Ученыя Записки Императорскаго Университета» 1833 г., ч. I, «Телескопъ» за 1832 годъ, № 7, 8, 17; за 1833 годъ, ч. 13 и 14; за 1835 годъ, ч. 25, стр. 151 и слѣд.

въ нѣмецкихъ эстетикахъ очень вѣрно называется идеализированіемъ. Искусство идеализируетъ природу, т. е. приспособляетъ ее къ намъ такъ, что изъ «буквъ, кои отдѣльно кажутся мертвенными, возникаетъ для насъ живой смыслъ, живая идея». Такимъ образомъ, воспроизведеніе природы должно состоять не въ подражаніи, ибо искусство и не можетъ подражать ей. Чтобы подражаніе имѣло достоинство, оно должно быть совершенно сходно съ оригиналомъ,—а это возможно при равенствѣ силъ творящихъ. Но кто же въ силахъ подражать «дѣлу Рукъ Всезидительныхъ». Наши старанія въ этомъ отношеніи производятъ лишь жалкую и смѣшную пародію. Примѣръ тафтяныхъ цвѣтовъ и восковыхъ фигуръ, въ которыхъ чѣмъ ближе сходство съ природою въ наружныхъ формахъ, тѣмъ ощутительнѣе и грустнѣе отсутствіе жизни,—можетъ служить отличнымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ невозможности подражанія природѣ.

Невозможность матеріальнаго подражанія природѣ привела къ предположенію, что искусство должно только заимствовать матеріалы изъ природы и соединять ихъ между собою по произвольному желанію, не придерживаясь буквально дѣйствительности, что искусство должно передѣлывать природу. Отсюда родилось понятіе объ искусствѣ, какъ объ украшеніи природы. Подобныя понятія самовластно царили въ псевдоклассической литературѣ и критикѣ, родиной которыхъ была Франція, заразившая своими лживыми теоріями всю остальную европейскую литературу. Никто, повидимому, не хотѣлъ понимать, что природа сама по себѣ есть образецъ высочайшей красоты и что наши требованія могутъ ее только исказить и обезобразить. «Природа, размалеванная, распудренная, облѣпленная мушками,—говоритъ Надеждинъ о псевдоклассицизмѣ,—обставленная фижмами, приученная съ органчика къ самымъ неестественнымъ тонамъ, выломанная на Прокрустовомъ ложѣ въ самыя неестественныя положенія, какъ будто хотѣла перехитрить, перещеголять самое себя». Но, наконецъ, восторжествовало здоровое чувство и здравый смыслъ: это «кокетство искусства» рухнуло съ своихъ поддѣльныхъ ходулей, разлетѣвшись въ прахъ подъ стопами неумолимой истины. Теперь Надеждинъ уже не смѣшиваетъ, какъ смѣшивалъ раньше, понятій эстетическаго порядка съ понятіями этическими. Теперь онъ утверждаетъ, что назначеніе искусства не есть ни «чисто-умственное», ни «чисто-нравственное», что оно не занимается собственно ни развитіемъ истины, ни преслѣдованіемъ блага, но стремится прямо и исключительно «къ представленію красоты, какъ совершеннѣйшаго единства блага и истины». Искусство принаравливаетъ къ намъ природу, умѣщаясь въ предѣлы нашего кругозора и подводя подъ нашъ уголъ зрѣнія. Поэтому, явленія природы, кажущіяся безмысленными и безжизненными «по своей

необъятной вещественности», прибрѣтаютъ въ произведеніяхъ искусства жизнь, мысль и душу.

Признавая, что искусство составляетъ «природу человѣка», Надеждинъ говорилъ, что постепенное развитіе общей жизни рода человѣческаго выражается въ художественныхъ созданіяхъ гения, который можно назвать «зеркаломъ человѣчества». Въ искусствѣ въ сжатомъ видѣ сказывается какъ общее направленіе современнаго просвѣщенія, такъ и общій духъ современной жизни. Художественное одушевленіе, по мнѣнію Надеждина, можетъ имѣть только два главныя направленія: внѣшнее, «средобѣжное», матеріальное и внутреннее, «средостремительное», идеальное, ибо весь «безбрежный океанъ бытія» состоитъ изъ двухъ противоположныхъ стихій—матеріи и духа, формъ и идей, земли и неба. Оба упомянутыя направленія уже истощены дѣятельностью человѣческаго гения въ два великіе періода его жизни—въ періодъ классической древности и въ періодъ среднихъ вѣковъ съ ихъ христіанскимъ энтузіазмомъ. Въ современной творческой дѣятельности, по мнѣнію Надеждина, ощутительно направленіе къ всеобщности, которое явилось слѣдствіемъ многихъ тщетныхъ попытокъ возстановить одно изъ двухъ предшествовавшихъ направленій. Задача современнаго искусства—соединить идеальное одушевленіе среднихъ вѣковъ съ изящнымъ благообразіемъ классической древности, уравнивать душу съ тѣломъ, идею съ формами, просвѣтить мрачную глубину Шекспира лучезарнымъ изяществомъ Гомера. Соединеніе это должно быть внутреннимъ живымъ сліяніемъ обоихъ полюсовъ бытія, обоихъ элементовъ творчества. Отсюда Надеждинъ объясняетъ поглощеніе всѣхъ родовъ поэзіи въ «всеобъемлющемъ единствѣ» романа, гдѣ эпическая изобразительность проникается лирическимъ одушевленіемъ, гдѣ жизнь представляется «во всей полнотѣ живой драмы». — «Не отсюда ли, — восклицаетъ патетически Надеждинъ, — въ образовательныхъ искусствахъ тотъ же всеобъемлющій тонъ, не довольствующійся ни одною ваятельною стройностью фигуръ, ни однимъ живописнымъ эффектомъ выраженія? Не отсюда ли въ царствѣ музыки потребность соединить глубокую идеальность Бетховена съ пластичной изобразительностью Россини, предугадываемая Веберами? Не отсюда ли въ изящныхъ зрѣлищахъ усилія сочетать внѣшнее благообразіе формъ съ внутреннимъ могуществомъ духа, составляющія славу Тальмы?»—Изъ этого стремленія къ всеобщности истекаютъ всѣ остальные требованія, вліяніе которыхъ замѣчается въ современной художественной дѣятельности. Этихъ требованій два: естественность и народность. Въ двухъ предшествовавшихъ періодахъ не могло быть естественности полной и современной, ибо не было полного и совершеннаго представленія жизни (лучше бы, конечно, сказать реального представленія). И классическое, и романтическое искус-

ство изображали полміра, полжизни, полбытія, что, конечно, не можетъ назваться естественнымъ. Совершенное же направленіе требуетъ отъ художественнаго созданія полного сходства съ природою. Оно спрашиваетъ у образа:—гдѣ твой духъ? у мысли:—гдѣ твое тѣло? Отсюда объясняется проникновеніе изящныхъ искусствъ въ сокровеннѣйшіе изгибы бытія, въ мельчайшія подробности жизни,—проникновеніе, соединенное съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ условій дѣйствительности, съ «географическою и хронологическою истинною фізіономіей, костюмовъ и аксессуаровъ». Въ обоихъ же предшествовавшихъ періодахъ искусство, обыкновенно, унижалось, когда нисходило въ кругъ обыденныхъ явленій: оно могло жить и дышать только въ высшихъ «слояхъ бытія», въ идеалахъ физической красоты или духовнаго изящества, въ изображеніи безсмертныхъ небожителей или смертныхъ, просвѣтленныхъ «высшими лучами героизма и святости». Одна нидерландская школа являла исключеніе изъ общаго закона. Теперь же повсюду замѣчается стремленіе къ сближенію съ природою, великой во всѣхъ своихъ подробностяхъ, нелицепріятной ко всѣмъ своимъ явленіямъ.

Необходимымъ слѣдствіемъ естественности является стремленіе къ народности. Пониманіе народности у Надеждина не отличается особенной опредѣленностью. Онъ говоритъ, что народность есть «патріотическое одушевленіе», которое, питаясь родными впечатлѣніями и воспоминаніями, отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ «родное благодарное небо, родную святую землю, родныя драгоцѣнныя преданія, родныя обычаи и нравы, родную жизнь, родную славу, родное величіе». Въ силу внутренней связи духа нашего съ природою на всѣхъ произведеніяхъ его свободной дѣятельности, проявляющейся безъ вліянія предубѣжденій и страстей, должна лежать печать его родины, которую (т. е. печать) могутъ стереть только умысленныя неестественныя усилія. Ни въ Греціи, ни въ Римѣ, по мнѣнію Надеждина, не было народности въ литературѣ (это мнѣніе, конечно, глубоко ошибочное,—особенно въ отношеніи Греціи, въ которой мы видимъ въ вѣкъ Перикла пышный разцвѣтъ національной литературы; въ отношеніи же Рима оно наполовину вѣрно, ибо Римъ, подражая греческимъ писателямъ, все-таки вносилъ въ свою литературу національный элементъ). Въ средніе вѣка, по справедливому замѣчанію Надеждина, гений искусства «не зналъ на землѣ отечества». Поэтому средневѣковая поэзія отличалась космополитизмомъ. Съ эпохи возрожденія, когда Италія сдѣлалась средоточіемъ европейскаго просвѣщенія, ея типъ, переработанный по классическимъ памятникамъ древности, сдѣлался общимъ достояніемъ творческой дѣятельности Европы. Съ эпохи Людовика XIV владычество французскаго искаженнаго вкуса распространилось по всей Европѣ и «такъ глубоко пустило корни», по справедливому

замѣчанію Надеждина, что до сихъ поръ упорно противится всѣмъ «возстаніямъ чистаго національнаго духа». Такимъ образомъ, народность въ искусствѣ въ прежнее время не составляла существенной потребности поэтическаго гения, даже часто не имѣла никакой важности или считалась грубостью, предразсудкомъ. Теперь же каждая нація, претендующая на значеніе въ художественномъ творествѣ, стремится «къ самосозерцанію, къ самоопредѣленію». Геній искусства чувствуетъ, что онъ можетъ жить и дышать свободно только въ своей родной атмосферѣ, своимъ роднымъ воздухомъ. «Рано ли, поздно ли,—пророчески предсказывалъ пронизательный критикъ-мыслитель,—но искусство во всѣхъ своихъ отрасляхъ должно сдѣлаться полнымъ, свѣтлымъ отраженіемъ народовъ, среди коихъ процвѣтаетъ. Тогда, — прибавлялъ Надеждинъ,—жизнь разрѣшится въ сладкую гармонію истины и блага, въ очаровательную поэзію неистощимаго самоуслажденія».

Можно смѣло и не обинуясь сказать, что подобныхъ воззрѣній на искусство русская критика еще не видывала; послѣдняя ступень въ критико-эстетическомъ развитіи Надеждина есть явленіе замѣчательное и пророческое въ русской критикѣ. Въ статьяхъ «Телескопа» Надеждинымъ схематически набросана программа дѣятельности Бѣлинскаго, которому при страстно-послѣдовательномъ, логическомъ умѣ и чуткомъ, нервно-художническомъ темпераментѣ удалось развить эти начала въ деталяхъ и придать нѣкоторымъ изъ нихъ болѣе глубокое и широкое значеніе. Въ только-что изложенныхъ взглядахъ Надеждина много недоказаннаго, есть кое-что понятое узко и невѣрно, есть, наконецъ, слишкомъ широкія обобщенія, которыя въ такомъ видѣ нельзя было оставлять въ виду крайне невѣжественной и пропитанной старыми предразсудками публики. Нужно было эти взгляды умѣло приложить къ разбору поэтическихъ произведеній, нужно было шагъ за шагомъ выбивать закоснѣлую рутину изъ ея все еще крѣпкой позиціи, нужно разжевывать и растолковывать новую теорію искусства неустанно, безъ отдыха, систематически, нужно было не бросать дѣло на полдорогѣ, не убѣдившись въ торжествѣ новыхъ эстетическихъ началъ. Но, къ сожалѣнію, не такова была натура Надеждина, чтобы браться за роль бойца, трибуна и пропагатора новыхъ идей: Надеждинъ былъ ученый мыслитель-теоретикъ, который довольствовался истиной ради ея самой, не заботясь о читающей публикѣ, не заботясь о практическихъ примѣненіяхъ отысканной истины для русской литературы. Къ слову сказать, Надеждина затрудняло для такой роли слабое присутствіе эстетическаго вкуса, который составляетъ первое необходимое качество для художественнаго критика,—качество, незамѣнимое ни знаніями хотя бы ученыхъ всего міра, ни философскимъ умомъ хотя бы самаго Канта, ни самою гениальною памятью хотя бы Гумбольдта. Это даръ природы и На-

деждинъ не могъ похвастаться этимъ даромъ. Какъ ученый мыслитель-теоретикъ, Надеждинъ, конечно, безъ сожалѣнія покинулъ критическое перо, когда увидѣлъ, что по проложенному имъ пути пошелъ смѣлый и отважный боецъ, неустранимо-осуществляющій его идеи. Поэтому-то Надеждинъ и приютилъ въ своемъ журналѣ начинавшаго молодого Бѣлинскаго, ибо чувствовалъ въ немъ заправскаго критика, талантливо поведшаго дѣло дальше.

Мы сказали, что въ изложенныхъ взглядахъ послѣдняго періода критической дѣятельности Надеждина много недосказаннаго, понятнаго узко и невѣрно, слишкомъ широко-обобщеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ сначала опредѣленіе понятія искусство. Надеждинъ говоритъ, что искусство есть воспроизведеніе природы, мірозданіе въ миниатюрѣ, что оно заимствуетъ изъ природы и предметъ идей, и матерію дѣйствій. Все это, конечно, вѣрно, если прибавить творческое воспроизведеніе. Но отчего же Надеждинъ развиваетъ это положеніе односторонне, говоря, что воспроизведеніе состоитъ въ возведеніи естественныхъ явленій «къ пункту зрѣнія, съ коего въ полномъ блескѣ открывается для насъ ихъ красота?» Надеждинъ несомнѣнно былъ знакомъ и съ Шекспиромъ, и съ Мольеромъ, и съ другими первоклассными иностранными писателями. А развѣ типъ Макбета или Яго у Шекспира, типъ Гарпагона или Тартюфа у Мольера, типъ Донъ-Жуана у Байрона и типъ Мефистофеля у Гёте являются воплощеніями красоты? Неужто Надеждинъ не понималъ этихъ типовъ, неужто только красота имѣетъ право на изображеніе, не есть ли такое положеніе противорѣчіе выраженію, что искусство вообще воспроизводитъ природу, не разграничивая явленій на прекрасныя и не прекрасныя, на высокія и низкія, на возвышенныя и пошлыя? Понятіе, что искусство воспроизводитъ природу, предполагаетъ именно такое всеобщее, широкое воззрѣніе на задачи искусства. Это, повидимому, въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ взглядовъ разумѣлъ и Надеждинъ, говоря, что современное искусство стремится къ органическому сліянію матеріи и духа, формъ и идей, земли и неба. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ограничиваетъ свое широкое опредѣленіе, являющееся понятіемъ родовымъ,—ограничиваетъ понятіемъ видовымъ. Его опредѣленіе искусства могло бы подходить къ произведеніямъ Пушкина, который дѣйствительно является поэтомъ красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ,—но оно не подойдетъ къ творческимъ произведеніямъ не меньшаго чѣмъ Пушкинскія значенія,—къ произведеніямъ, напримѣръ, Гоголя и цѣлаго ряда другихъ писателей. И такъ, слѣдовательно, въ первомъ и главномъ опредѣленіи искусства, какъ такового, Надеждинъ свернулъ на старый идеалистическій путь и, вѣроятно, незамѣтно для себя сталъ въ явное противорѣчіе съ своимъ основнымъ взглядомъ, ограничивъ его понятіемъ меньшаго объема.—Мы замѣтили уже, что Надеждинъ ошибочно считалъ греческую и римскую ли-

тературы не національными; скажемъ болѣе, что пониманіе Надеждинымъ народности вообще страдаетъ узостью взгляда. Надеждинъ не упоминаетъ о томъ, что поэтъ можетъ быть народнымъ, изображая совершенно чуждый міръ, но глядя на него національными глазами. Таковымъ, на примѣръ, является Гёте въ своей «Ифигеніи», таковъ Пушкинъ въ «Каменномъ гостѣ». Слѣдовательно, народность состоитъ не только въ изображеніи родного неба, родной земли, родныхъ преданій и проч. Такое пониманіе очень близко къ этнографіи, а не къ широкому философскому синтезу. Нельзя вполне согласиться съ Надеждинымъ, что необходимымъ условіемъ современнаго творчества является только естественность. Здѣсь критикъ многого и очень важнаго не договорилъ. Онъ не договорилъ, какова должна быть эта естественность въ искусствѣ, должна ли она или не должна совпадать съ протокольной точностью кописта, рабски придерживающагося оригинала, должно ли думать, что правда искусства и правда жизни всегда совпадаютъ или, можетъ быть, въ искусствѣ важна не правда жизни, а лишь правдоподобіе съ тѣмъ, что совершается въ жизни.

Нельзя, разумѣется, особенно строго порицать критика за нѣкоторые промахи въ логическомъ развитіи его взглядовъ: они такъ цѣнны, многозначительны и плодотворны, что всѣ недомолвки можно простить за общую проницательность воззрѣній. Въ самомъ дѣлѣ, Надеждинъ въ общемъ далъ вѣрное опредѣленіе искусства, онъ показалъ лживость теорій искусства псевдоклассиковъ, доказавъ невозможность подражанія природѣ, онъ въ общихъ чертахъ совершенно вѣрно охарактеризовалъ классическую и романтическую литературы, схематически намѣтивъ вмѣстѣ съ тѣмъ задачи искусства современнаго, вѣрно понявъ сущность его направленія и подкрѣпивъ свои положенія остроумными и доказательными примѣрами; онъ, наконецъ, пророчески предсказывалъ литературѣ пышный разцвѣтъ на народныхъ началахъ и горячо вѣрилъ, что тогда даже сама жизнь разрѣшится въ сладкую гармонію истины и блага, въ очаровательную поэзію неистощимаго самоуслажденія. Эта вѣра въ національную поэзію, какъ источникъ «неистощимаго самоуслажденія», не была фразой, ибо Надеждинъ самъ называлъ поэзію «вторымъ зрѣніемъ души, разоблачающимъ жизнь до ея сокровеннѣйшихъ глубинъ»,—«последней земной религіей души, послѣднимъ земнымъ блаженствомъ, послѣдней вѣрой, послѣднимъ упованіемъ, послѣдней любовью»¹⁾.

Посмотримъ теперь, какъ Надеждинъ примѣнялъ свои теоретическія воззрѣнія къ разбору современныхъ поэтическихъ произведеній. Эта практическая сторона критической дѣятельности Надеждина объяснить намъ, почему этотъ даровитый теоретикъ не

¹⁾ См. «Телескопъ» 1835 г., ч. 25, стр. 151 и слѣд.

имѣлъ успѣха, какъ критикъ-практикъ, вооруживъ противъ себя все талантливое и прогрессивное въ новой русской литературѣ, сдѣлался притчей во языцѣхъ, удостоившись за свою критическую слѣпоту мѣткихъ и ядовитыхъ пародій Пушкина.

Выступивъ на литературное поприще въ полемическую эпоху, Надеждинъ вмѣшался въ споръ между классицизмомъ и романтизмомъ и сталъ противъ послѣдняго. Самымъ рѣшительнымъ образомъ Надеждинъ возставалъ противъ трескучаго романтизма и пустоты тогдашней ходячей литературы. Несомнѣнно, что этотъ противникъ романтизма понималъ романтизмъ лучше его защитниковъ и былъ не совсѣмъ искреннимъ поборникомъ классицизма такъ же, какъ и не совсѣмъ искреннимъ врагомъ романтизма. Въ своей диссертаци и въ другихъ статьяхъ Надеждинъ впервые высказалъ справедливую истину, что поэзія нашего времени не должна быть ни классическою, ни романтической, но что въ поэзіи нашего времени должны примириться обѣ эти стороны и произвести новую поэзію. Тѣмъ не менѣе эта правдивая и глубокая мысль немногихъ убѣдила и не вошла въ общее сознание. Одной изъ главныхъ причинъ такого явленія было противорѣчіе между воззрѣніями Надеждина и ихъ приложеніемъ на практикѣ. Надеждинъ, понимая, что классическое искусство было только у грековъ и римлянъ, называя французскую поэзію псевдоклассическою, неестественною и надутою, въ то же время съ благоговѣніемъ приносилъ имена Корнеля, Расина и Мольера, смѣло цитировалъ риторическіе стихи Ломоносова, Петрова, Державина и Мерзлякова, увѣряя, что въ нихъ-то и заключается всяческая поэзія. Очень хорошо понимая также, что Шекспиръ, Байронъ, Гёте, Шиллеръ, Пушкинъ совсѣмъ не романтики, а представители новой поэзіи, Надеждинъ съ ожесточеніемъ глумился надъ ними, какъ надъ неистовыми романтиками, смѣшивая ихъ съ героями юной французской литературы и подражательной ей русской романтической школы стихотворцевъ, беллетристовъ и драматурговъ.

Современную русскую литературу въ статьяхъ «Вѣстника Европы» Надеждинъ называлъ «бѣдной Пенелопой, повитой во цвѣтѣ юности вдовимъ печальнымъ крепомъ», безвольной рабыней, влачащей дни свои подъ гнетомъ «мрачнаго псевдоромантическаго деспотизма». Надеждинъ не находилъ ни одного писателя, который бы удовлетворялъ его строгимъ отвлеченно-эстетическимъ идеаламъ. Онъ говорилъ, что его взоръ, «преслѣдуя неизслѣдимыя орбиты хвостатыхъ и безхвостыхъ кометъ, кружащихся на нашемъ небосклонѣ, сквозь обвивающій ихъ газъ», — могъ различить только, что всѣ онѣ «влекутся силою собственнаго тяготѣнія въ туманную бездну пустоты, или, въ оный, созданный гигантской фантазіей Байрона, страшный хаосъ, куда можетъ низвергаться душа только въ высочайшемъ кризисѣ»

нравственной огневицы». Конечно, это черезчуръ сильно сказано, но доля правды въ этомъ была. Надеждинъ уподоблялъ современный Парнасъ «желтому дому», ибо восторги современныхъ поэтовъ ему казались грезами безъ связи, порядка и цѣли, въ которыхъ

«Тамъ суетливый сжъ въ ливреѣ,
«Тамъ ракъ верхомъ на паукѣ,
«Тамъ черепъ на гусиной шеѣ
«Вертится въ красномъ козпакѣ,
«Тамъ мельница въ мундирѣ пляшетъ
«И крыльями трещить и машеть...»

Надеждинъ находилъ, что нѣтъ въ современной литературѣ ни одной поэмы, которая бы «не гремѣла проклятіями, не корчилась судорогами, не заговаривалась во снѣ и наяву, не кончалась смертоубійствомъ». Онъ говорилъ, что современная поэзія скитается по нерчинскимъ острогамъ, цыганскимъ шатрамъ и разбойничьимъ вертепамъ, что всѣ наши доморощенные «стиходѣи», стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ поэтовъ дюжиною звонкихъ, риемованныхъ строчекъ, помѣщенныхъ въ альманахахъ и расхваленныхъ журналами, — всѣ они въ своихъ твореніяхъ преслѣдуютъ всегда одинъ и тотъ же эффектъ—«подрать морозъ по кожѣ, взбить дыбомъ волосы на закружившейся головѣ, — однимъ словомъ, бросить и тѣло, и душу въ лихорадку». По мнѣнію Надеждина, душегубство есть любимѣйшая тема нынѣшней поэзіи, разыгрываемая въ безчисленныхъ варіаціяхъ: «рѣзанья, стрѣлянья, утопленничества, давки, заморозенія et sic in infinitum». Надеждинъ сожалѣлъ, что не существуетъ «Поэтической Уголовной Палаты». Онъ говорилъ, что всѣ современные произведенія отличаются зѣриной легкостью и миниатюрностью, что онѣ образуютъ не книги, а книженочки, содержаніе которыхъ не обременить ни одною мыслию самую вѣтреную и рѣзвую головку. Надеждинъ отказывался искать идеи въ большинствѣ изъ разбираемыхъ имъ произведеній,—идеи, которая бы составляла ихъ «есетическую душу» и въ зависимости отъ которой можно было бы произнести сужденіе о «внутреннемъ поэтическомъ достоинствѣ, самой наружной ихъ отдѣлкѣ». Многія произведенія похожи, по словамъ Надеждина, на разряженныхъ куколокъ, искать въ которыхъ идеи значило бы искать «порожняго мѣста». Конечно, Надеждинъ и не ждетъ ничего лучшаго отъ стиходѣевъ, отъ «писаекъ нашихъ», разрѣшающихся безъ всякихъ болѣзней недоношенными произведеніями: у стиходѣевъ нѣтъ никакихъ идеаловъ, они зачастую творятъ, не имѣя въ головѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что они пишутъ, повѣствуя о томъ, что на умъ взбредеть, а на умѣ у нихъ только «чудовищное, отвратительное и грязное—всѣ изгарины и подонки природы». Такое состоя-

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1889 г. т. XXXVII.

5

ніе литературы Надеждинъ называлъ мыканьемъ «въ мрачной преисподней губительнаго нигилизма», разумѣя подъ нигилизмомъ отсутствіе идеаловъ, серьезнаго содержанія и господство романтической стукотни и рѣзни. Поэтому-то Надеждинъ и говорилъ при разборѣ «графа Нулина», что «нашъ литературный хаосъ, осѣменяемый мрачной философіей ничтожества, раздражается Нулиными; а множить ли, дѣлать ли нули на нули—они всегда останутся нулями!» Къ такимъ литературнымъ нулямъ Надеждинъ, судя по его критическимъ отзывамъ, относилъ и Пушкина. Мы, конечно, не будемъ вдаваться въ подробный разборъ статей Надеждина о произведеніяхъ Пушкина, а ограничимся общей характеристикой музы Пушкина по Надеждину.

Отношенія Надеждина къ Пушкину на первыхъ порахъ были чисто-отрицательныя; они измѣнились лишь ко времени появленія въ свѣтъ «Бориса Годунова», въ 1831 году. Въ своей статьѣ «Литературныя опасенія за будущій годъ» Надеждинъ, говоря о необходимости изученія природы и великихъ произведеній духа человѣческаго для развитія творческой способности и не находя ничего подобнаго въ дѣятельности молодыхъ писателей, подъ которыми почти всегда подразумѣвался Пушкинъ,—такъ опредѣляетъ содержаніе ихъ поэзіи (т. е. поэзіи Пушкина). «Главнѣйшими изъ пружинъ,—говоритъ строгій критикъ,—приводящими въ движеніе весь пѣитическій машинизмъ новѣйшихъ поэтовъ (т. е. Пушкина) обыкновенно бываютъ: пуншъ, ай, бордо, дамскія ножки, будуарное удалство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствія составляютъ Муромскіе лѣса, подвижные Бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овиновъ и бань, спаленные закоулки и Оермопилы. Оригинальные костюмы ихъ: «Копыты, хоботы кривые, хвосты хохлатые, клыки, усы, кровавыя языки, рога и пальцы костяные!» Торжественный оркестръ ихъ: «Визгъ, хохоть, свистъ и хлопъ, людская молвь и конскій топъ».— Въ статьѣ о «Полтавѣ» суровый критикъ отзывается о музѣ Пушкина еще рѣзче и оригинальнѣе. По мнѣнію Надеждина, Пушкина можно назвать только «геніемъ на каррикатуры», поэзія котораго есть «просто пародія», а муза — «рѣзвая шалунья», для которой весь міръ ни въ конѣйку, стихія которой — желаніе пересмѣхать все худое и хорошее — не изъ злости или презрѣнія, а «просто изъ охоты позубоскалить». Зубоскальство, по мнѣнію Надеждина, сообщаетъ «особую физиономію поэтическому направленію Пушкина, отличающую оное рѣшительно отъ Байроновой мисантропіи и отъ Жанъ-Полева юморизма».

Въ 1830 году, при разборѣ седьмой главы «Онѣгина», критикъ, какъ бы устыдясь своего прежняго строгаго приговора, передѣлываетъ свое мнѣніе о музѣ Пушкина и переходитъ къ другой странности. Критикъ удѣляетъ Пушкину славу третъестепенныхъ пи-

сателей въ родѣ Скаррона, Паррона, Берни и Аретини, находить, что подѣ его кисть нерѣдко «выпадаютъ» если не картины, то картинки, на которыя нельзя налюбоваться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаетъ, что Пушкину не дано изображать природу «поэтически, съ лицевой ея стороны, подѣ прямымъ угломъ зрѣнія:» онъ можетъ только мастерски «выворачивать ее на изнанку» и, поэтому, можетъ блистать только «въ арабескахъ».—Подобное извортливое, хотя и не совсѣмъ искусное исканіе дѣла можетъ служить лучшимъ образчикомъ недостатка художническаго чувства и сужденія о поэтическихъ произведеніяхъ на основаніи отвлеченнаго идеала при полномъ отсутствіи исторической точки зрѣнія. Между тѣмъ, теоретическіе совѣты Надеждина отличаются подчасъ глубиной и трезвой правдой. Онъ совѣтовалъ, напр., нашимъ молодымъ поэтамъ не довольствоваться однимъ талантомъ, а позаботиться и о своемъ развитіи, образованіи, обогатить себя знаніями; онъ совѣтовалъ пристальнѣе изучать и наблюдать природу и сердце человѣческое, ибо наши молодые поэты знаютъ ихъ лишь по наслышкѣ и оттого неестественность и нелѣпость составляютъ отличительное качество всѣхъ молодыхъ произведеній; онъ совѣтовалъ романтическую стукотню и рѣзню замѣнить свѣтомъ мысли и теплотою чувства—совѣтовалъ, наконецъ, недостатокъ содержанія маскировать «счастливымъ выборомъ, живописною полнотою, изящною отдѣлкою поэтическаго костюма», который сообщаетъ индивидуальность повѣствованію, налагая печать мѣста и времени; онъ говорилъ, что «романтизмъ въ чистѣйшемъ своемъ знаменованіи, тѣмъ преимущественно и отличается отъ классицизма, что исчерпываетъ мощное лоно природы всеобъемлющимъ окомъ со всѣхъ точекъ, во всѣхъ направленіяхъ» и иллюстраціей своей мысли приводилъ примѣры твореній «чуднаго» Байрона. На ряду со всѣми этими глубоко-вѣрными и пронизательными мыслями, Надеждинъ говорилъ удивительныя нелѣпости о Пушкинѣ (которыхъ въ детальныхъ разборахъ произведеній послѣдняго цѣлая бездна), въ своей латинской диссертациі ожесточенно глумился надъ Вольтеромъ, Байрономъ, которымъ только-что восторгался и котораго совѣтовалъ принять за образецъ, надъ Гёте и Пушкинымъ, всѣхъ ихъ зачисливъ въ неисправимые романтики. Онъ открывалъ самыя неожиданныя вещи въ исторіи русской литературы, выгораживая ее изъ литературъ европейскихъ и навязывая ей небывалое направленіе. Отличительной чертой въ исторіи русской литературы, въ своей латинской диссертациі Надеждинъ считалъ «патріотическій енеусіазмъ» и говорилъ, что будто бы басня является вѣликолѣпнымъ образчикомъ такого патріотически-енеусіастическаго направленія; онъ какъ будто забывалъ, что русскіе ложно-классики въ своихъ напыщенныхъ одахъ, а не Крыловъ въ своихъ глубоко-народныхъ басняхъ,—захлебывались «па-

триотическимъ енеусіазмомъ», что въ Фонъ-Визинѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ сказалось нѣчто иное, что, наконецъ, Пушкинъ занимается не зубоскальствомъ, не сочиненіемъ мнимо-романтическихъ поэмъ и драмъ, что Байронъ вовсе не такое чудовище разврата и безвѣрія, какимъ силится представить его Надеждинъ въ той же диссертациі. Всѣ эти странности и недѣлости значительно умаляли цѣну теоретическихъ положеній Надеждина, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Современники удивлялись и мы не можемъ не удивляться такой, напр., характеристикѣ Байрона, находящейся въ диссертациі.

«Британскій поэтъ ненавистникъ, — говорилъ Надеждинъ, — показываетъ ужасный пріятеръ души, которая, закатившись въ безпредѣльную бездну самой себя и не воздерживаемая тяготѣніемъ къ единому вѣчному средоточію жизни, обрушивается собственною своею тяжестію глубже и глубже до тѣхъ поръ, пока оглушенная непрерывнымъ рывоженіемъ, ожесточается злобною лютостію противъ всего сущаго и изрыгаетъ собственное свое бытіе въ святотатственные хъ худахъ съ неистовыми проклятіями. Байронъ представляетъ судорожную агонію романтизма. Подобно созданному имъ Каину, онъ шатается тѣнью по мертвымъ костямъ бытія, изъ которыхъ самъ высосалъ соки жизни, не обрѣтая нигдѣ спокойствія и отрады, — язва природы, ужасъ человѣчества, ненавидящій землю, отвергнутый небомъ. Посему справедливо величается онъ даже своими соотечественниками именемъ Сатанинскаго. Для Байрона вселенная есть не что иное, какъ мрачная юдоля вѣчной ночи, въ которой печально скитались блѣдные призраки, то цѣпенѣя отъ смертельнаго холода, то сожигаясь отъ губительнаго пламени, на минуту вспыхивающаго и опять угасающаго; жизнь человѣческая есть для него кровавое пиршество, отравленное адскою желчью смерти и отбиваемое другъ у друга съ свирѣпымъ остервененіемъ тѣнями, томимыми лютою алчбою».

Можно ли было ожидать столь страннаго, односторонняго, напыщеннаго и противорѣчиваго отзыва отъ человѣка съ такимъ образованіемъ и умомъ, какъ Надеждинъ? Мудрено ли, что подобные грозные филиппики современникамъ казались наборомъ мудреныхъ словъ, произнесенныхъ на такомъ языкѣ, съ котораго нужно прежде всего, по мнѣнію кн. Вяземскаго, перевести на обыкновенный житейскій языкъ. На страницахъ того же «Вѣстника Европы» Надеждинъ годъ назадъ расхваливалъ Байрона, а теперь называетъ его «судорожной агоніей романтизма», язвой природы, ужасомъ человѣчества, призываетъ на него всѣ громы небесныя и обрушивается на него съ своими громами, желая современниковъ предостеречь отъ губительнаго увлеченія «сатанинскимъ» поэтомъ. Подобныя правоучительныя тирады витійствующаго критика вызывали только смѣхъ и глумленіе у современниковъ, изъ которыхъ многіе (напр., Пушкинъ, Полевой) понимали англійскаго писателя глубже и многостороннѣе нашего, зачастую слѣпотствовавшаго, критика. Пародируя слова Стародума, можно лишь воскликнуть: «Вотъ безвкусія достойные плоды!»

Справедливо упрекая еще въ статьяхъ «Вѣстника Европы»¹⁾ молодую русскую литературу (современную) въ отсутствіи народности, въ отсутствіи того «внутренняго духа», который составляетъ націю, который «отливается на каждомъ народѣ особенною характерною фізіономіей», — Надеждинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не говоритъ о прошломъ русской литературы, объ ея историческомъ ходѣ развитія и о характерѣ этого развитія, объ ея грядущихъ задачахъ и объ ея прошлыхъ заслугахъ. Въ своей диссертациі онъ попытался совершить экскурсію въ прошлое русской литературы и эта попытка, какъ мы упоминали, кончилась не особенно удачно для Надеждина: всѣ его старанія увѣнчались лишь небывалымъ и ложно понятымъ «патріотическимъ енеусіазмомъ». Въ статьяхъ же «Телескопа», наоборотъ, мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, ставшимъ на совершенно вѣрную точку зрѣнія послѣдовательнаго западника, убѣжденнаго въ томъ, что вся наша послѣпетровская цивилизація есть лишь рабская копія съ европейскихъ образцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ статьяхъ «Телескопа» у Надеждина появляется органическая точка зрѣнія на искусство, какъ на результатъ исторической жизни извѣстнаго момента, — является стремленіе объяснить состояніе искусства состояніемъ общественности, является стремленіе въ послѣдней искать благоприятныхъ условій для процвѣтанія перваго. Обращаясь къ исторіи русской литературы, Надеждинъ глубоко-справедливо замѣчалъ, что она была все время «барщиной европейской» и мѣтко объяснялъ это явленіе тѣмъ, что, схвативъ верхушки европейской образованности, мы захотѣли немедленно наслаждаться ею, забывъ, что Европѣ она стоила многочисленныхъ трудовъ и вѣковыхъ усилій, что предварительно слѣдовало приспособить ее къ русскому духу и «возростить собственными силами изъ внутреннихъ соковъ русской жизни». Мы же легкомысленно пренебрегли тяжелыми и скучными трудами, мы предпочли пересаживать къ себѣ цвѣты европейскаго просвѣщенія, не заботясь, глубоко ли они пустятъ корни и на долго ли примутся. Это иногда удавалось и отсюда-то, по мнѣнію Надеждина, тѣ блестящія, необыкновенныя явленія, которыя изумляютъ «наблюдательность, блуждающую въ пустыняхъ нашей словесности». Такія блестящія явленія суть или переводы, или подражанія. Словомъ, Надеждинъ, вглядываясь въ прошлое русской литературы, приходилъ къ убѣжденію, что «истощались свѣжіе соки юнаго русскаго духа для воспитанія произрастеній чуждыхъ».

«Что у насъ теперь своего? — испытующе спрашивалъ Надеждинъ. — Поэтический нашъ метръ выкованъ на германской наковальнѣ, проза представ-

¹⁾ См., напр., «Вѣстникъ Европы» 1829 г., ч. 166, стр. 199 и слѣд.

ляеть Вавилонское смѣшеніе всѣхъ европейскихъ идиотизмовъ, нараставшихъ поочередно слоями на дикую массу русскаго необработаннаго слова. Какими произведеніями можемъ мы похвалиться, какъ нашими собственными? Театръ у насъ представлялъ всегда жалкую пародію французской чопорной сцены; объ эпопеяхъ и говорить нечего; лирическое одушевленіе временъ Очаковскихъ выливалось въ официальныхъ формулахъ, общихъ всей Европѣ; въ балладахъ, коими смѣнилось царство одъ, развертывалась нѣмецкая трескучая фантазмагорія; современныя поэтическія мечты, думы, грезы отзываются или, по крайней мѣрѣ, хотятъ отзывать байронизмомъ. Такимъ образомъ, благодатный весенній возрастъ словесности, запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободной естественностью и оригинальной самобытностью, у насъ напротивъ обреченъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной принужденности».

Придя къ такимъ печальнымъ выводамъ относительно прошлаго русской литературы, Надеждинъ не терялъ вѣры въ ея самобытное грядущее и предсказывалъ скорое и полное осуществленіе его, ибо видѣлъ зародыши этого грядущаго уже въ настоящемъ; онъ говорилъ, что въ русской литературѣ долженъ быть близокъ поворотъ отъ искусственнаго рабства и принужденія къ естественности и народности; онъ находилъ подтвержденіе своей мысли въ романахъ Загоскина, «Борисъ Годуновъ» Пушкина и «Марѣй Посадницъ» Погодина (неправда ли—странное и неожиданное сосѣдство-сближеніе?). Самымъ же блистательнымъ «разсвѣтомъ русской народной поэзіи» Надеждинъ въ 1831 году считалъ появившуюся тогда сказку Жуковского «О царѣ Берендеѣ» (неправда ли тоже странная проницательность: сказку Жуковского, эту неудачную поддѣлку подъ народный тонъ и складъ, ставить выше глубоко-народнаго по духу «Бориса Годунова»?). Въѣсть съ тѣмъ, критикъ надѣялся, что новое самобытное направленіе не заглухнетъ, а пышно расцвѣтетъ, ибо въ предшествовавшей русской литературѣ онъ видѣлъ прогрессивное движеніе, въ которомъ оды и псевдоклассицизмъ Ломоносова, Сумарокова и др. смѣнились сентиментализмомъ Карамзина, въ которомъ звуки серебряныхъ струнъ арфы Жуковского, настроенной нѣмецкою мечтательною музою, смѣнились «своенравными капризами Пушкина, метавшагося изъ угла въ уголъ».

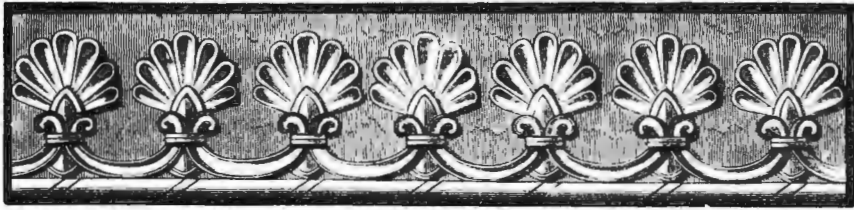
Такимъ образомъ, повторяемъ, Надеждинъ въ теченіе какихъ-нибудь шести лѣтъ произвелъ истинный переворотъ въ русской критикѣ, намѣтилъ ея истинныя задачи и, по мѣрѣ силъ, старался ихъ осуществлять. Всѣ теоретическія возрѣнія послѣдняго періода дѣятельности Надеждина были восприняты и переработаны Бѣлинскимъ; Бѣлинскій же велъ въ теченіе своей литературной дѣятельности неустанную борьбу съ псевдоромантизмомъ,—борьбу, которую началъ Надеждинъ; Бѣлинскій всѣ свои разсужденія объ историческомъ ходѣ русской литературы велъ какъ бы по программѣ, предложенной Надеждинымъ. Очевидно, что дѣятельность

Надеждина была цѣлымъ вкладомъ въ небогатую до него русскую критическую литературу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она была и огромнымъ шагомъ впередъ въ нашемъ общественномъ самосознаніи, которое Надеждинъ старался пробуждать отъ «глубокаго неподвижнаго сна», которое старался развить, настаивая на необходимости самопознанія себя какъ русскихъ, на необходимость выясненія своихъ отношеній къ окружающей насъ природѣ, къ развивающейся вокругъ насъ жизни. Онъ говорилъ, что наша общественная жизнь потому и является «жалкой игрой китайскихъ бездушныхъ тѣней», что мы не знаемъ самихъ себя, не думали о себѣ, что поэтому у насъ азіатскій фатализмъ мѣшается съ французскимъ легкомысліемъ, нѣмецкая мечтательность съ англійскимъ сплиномъ, что поэтому нравы русскіе «или суздальской иконной работы, или китайской шпалерной живописи, только въ шляпкахъ Гербо съ прическою г. Нарцисса». Въ этихъ нравахъ нѣтъ души, нѣтъ жизненнаго румянца, нѣтъ произвольнаго движенія; при такомъ состояніи общественности,—глубокомысленно и пронизательно замѣчалъ Надеждинъ,—не можетъ быть и поэзіи, самобытной, народной литературы.

Если, по сознанію Надеждина, критика должна быть «восприимницею новорожденныхъ произведеній, повивальной бабкою», должна направлять чувство изящнаго и отыскивать во всѣхъ произведеніяхъ философское начало, то журналистика составляетъ тоже существенно-важную стихію образованности, служа средствомъ «кругообращенія мыслей», безъ котораго застаивается жизнь и высыхаетъ просвѣщеніе, долженствующее передаваться изъ рукъ въ руки, какъ общій капиталъ. Надеждинъ былъ и критикомъ, и журналистомъ одинаково выдающимся для своего времени, честно служившимъ задачамъ критики и журналистики по мѣрѣ силъ и возможности. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи онъ сдѣлалъ слишкомъ много для того короткаго времени, въ теченіе котораго подвизался на критико-журнальномъ поприщѣ, имѣя поэтому неоспоримое право на признательность со стороны русскаго общества, какъ видный общественный дѣятель на поприщѣ науки и литературы, какъ критикъ, какъ профессоръ, какъ издатель журнала и, наконецъ, какъ ученый этнографъ. Надеждинъ долженъ быть незабвененъ, кромѣ того, для русскаго общества и какъ Хронъ, воспитатель Ахиллеса, т. е. Бѣлинскаго.

С. Трубачевъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ моей свыше тридцатилѣтней композиторской и педагогической дѣятельности (въ званіи учителя пѣнія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ домахъ) мнѣ приходилось знакомиться и сталкиваться съ болѣе или менѣе замѣчательными личностями.

Одни изъ нихъ—композиторы, музыканты по профессіи, артисты—исполнители. Другіе—простые любители музыки и пѣнія, или какъ ихъ обыкновенно называютъ, артисты въ душѣ. Наконецъ, третьи,—поставленные, какъ администраторы, во главѣ того или другого учебнаго заведенія, съ которыми я, какъ преподаватель, неминуемо долженъ былъ имѣть сношенія, характеризовавшіяся весьма рѣдко съ ихъ стороны знаніемъ того предмета, который составлялъ мою спеціальность. Большая часть изъ нихъ отличалась курьезнымъ (чтобы не сказать болѣе) взглядомъ на мои занятія, очень часто переходившимъ, вслѣдствіе полного непониманія ими этого дѣла, въ непріязненные отношенія.

Рядъ моихъ воспоминаній я начну съ старѣйшаго въ то время (середина и конецъ пятидесятихъ годовъ) русскаго композитора, Николая Алексѣевича Титова, съ которымъ я познакомился у А. С. Даргомыжскаго. Маститый композиторъ, «дѣдушка русскаго романса», какъ его называлъ Глинка, былъ въ высшей степени симпатичная личность. Онъ держалъ себя въ нашемъ кружкѣ, собиравшемся еженедѣльно у Даргомыжскаго, совершенно просто, попріятельски. Между прочимъ, онъ не любилъ, чтобы его величали ваше превосходительство. (Онъ былъ въ то время отставной

генераль). Однажды къ Даргомыжскому пришель одинъ университетскій студентъ. За чаемъ, который всегда пили за круглымъ столомъ въ столовой, завязался какой-то споръ. Студентъ, бывшій въ первый разъ у Даргомыжскаго и незнавшій никого изъ нашего кружка, вмѣшался въ разговоръ, возразилъ что-то на мнѣнiе Титова, и назвалъ его: ваше превосходительство. Надобно было видѣть, какъ измѣнилось при этомъ лицо Титова: всегда краснощекій, онъ покраснѣлъ еще болѣе; всегда кроткое, добродушное лицо его приняло серьезное выраженiе, и, обратившись къ студенту, онъ сказалъ: «когда я родился, то при крещенiи меня назвали Николаемъ, а отца моего звали Алексѣемъ; значитъ, я—Николай Алексѣевичъ, а не ваше превосходительство. Этимъ титуломъ величали меня мои подчиненные, да и то только на службѣ».

Романы Титова въ свое время (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ) имѣли большую извѣстность и пѣлись во всѣхъ слояхъ общества, столичнаго и провинціального. Я помню, какъ еще моя мать пѣла «Коварный другъ», «Талисманъ», «Шарфъ голубой», «Лампада», «Вѣтка», и мн. др. его романы. Конечно, для настоящаго времени они устарѣли: но все-таки нельзя не сказать, что главное ихъ достоинство заключается въ мелодичности, задушевности и удобствѣ для пѣнiя; а этими качествами не всегда обладаютъ нынѣшнiе композиторы русскихъ романсовъ, маскируя недостатокъ своей мелодической изобрѣтательности шумнымъ роскошнымъ акомпаниментомъ, нерѣдко заглушающимъ голосъ исполнителя, и отодвигающимъ его на заднiй планъ. Послѣднiй романсъ Титова былъ «Замолкни сердце, иль разбейся», изданный покойнымъ М. И. Бернардомъ.

Иногда на вечерахъ у Даргомыжскаго устраивались танцы. Титовъ охотно садился играть свой знаменитый кадрилъ (кажется онъ назывался: «Шалости молодости») и игралъ очень ловко; а такъ какъ въ то время, какъ онъ написалъ этотъ кадрилъ, танцовали только пять фигуръ, то для шестой фигуры онъ всегда игралъ пѣсню: «Вдоль по улицѣ мятелица мятеть». Подъ его ловкую игру танцовали съ увлеченiемъ, тѣмъ болѣе, что всѣ участвовавшiе были тогда молоды, и, напѣвшись вдоволь въ теченiе вечера, съ удовольствiемъ отдавались танцамъ.

Въ молодые и среднiе годы своей жизни Титовъ служилъ въ гвардiи, и былъ лично извѣстенъ императору Николаю Павловичу и великому князю Михаилу Павловичу, какъ сочинитель маршей.

Даргомыжскiй переложилъ его романсъ, «Прости» на два голоса, а я его пѣсню: «Ахъ, не листь осеннiй» также на два голоса. Онъ видѣлъ его только въ рукописи; напечатанъ же онъ былъ уже послѣ его смерти Стелловскимъ; кромѣ этого дуэта, я еще переложилъ на три голоса его романсъ: «Тайная скорбь». Это трио до сихъ поръ не напечатано и находится у меня въ рукописи.

Почтенный старецъ былъ крайне доволенъ этими переложениями, и не находилъ словъ для выраженія своей благодарности. Умеръ онъ въ глубокой старости.

Александръ Николаевичъ Сѣровъ, хотя не особенно часто, но бывалъ на вечерахъ Даргомыжскаго; тутъ я съ нимъ и познакомился. Сверхъ своего композиторскаго таланта, который давно признанъ и оцѣненъ всѣми, понимающими музыку въ настоящемъ значеніи этого слова,—Сѣровъ былъ умный и пріятный собесѣдникъ, обладалъ неподдѣльнымъ юморомъ, былъ большой мастеръ рассказать какую-нибудь исторію, какой-нибудь случай, такъ забавно, такъ комично, что самый серьезный слушатель не могъ удержаться отъ смѣха. Въ памяти моей остался одинъ случай, рассказанный имъ про самого себя.

Прежде всего я долженъ сказать, что Сѣровъ положительно не занимался собою. Онъ не былъ неряшливъ, но мало обращалъ вниманія на свой костюмъ, на свой туалетъ. (Можетъ быть этому причиною было и то стѣсненное денежное положеніе, въ которомъ онъ находился до постановки «Юдиѳи», и въ особенности «Рогнѣды»). Онъ носилъ длинные волосы, которые прямыми прядями лежали у него на плечахъ, и, кажется, никогда или весьма рѣдко причесывался, потому что онъ всегда былъ какой-то растрепанный. Цвѣтъ ихъ былъ льяной, или какъ нѣкоторые называютъ, чухонскій.

Теперь буду говорить словами самаго Сѣрова.

«Шелъ я однажды съ своей матерью по Литейной. Оба мы очень устали, и я сталъ нанимать извозчика въ улицу, гдѣ мы жили. вмѣсто запрошенной извозчикомъ цѣны, я предложилъ ему чуть ли не пятую долю. Тогда извозчикъ, вѣроятно, принявъ насъ по нашимъ незавиднымъ костюмамъ за какихъ-нибудь разночинцевъ, обратился ко мнѣ и съ презрѣніемъ сказалъ:

— «Ахъ ты чухна эдакій! нанимаетъ извозчика, а у самаго въ карманѣ-то должно быть пусто.

«Я всегда былъ вспыльчивъ, а въ то время былъ еще очень молодъ, и не могши перенести дерзости извозчика, далъ ему пощечину.

— «Ты что же это?—сказалъ извозчикъ, хватаясь за щеку:—вздумалъ дра...

«Въ это время я ударилъ его въ другую щеку.

— «Вотъ тебѣ и чухна,—прибавилъ я:—теперь будешь меня помнить.

— «Караулъ! Помогите!—заоралъ извозчикъ.

«Какъ изъ-подъ земли, появился городской.—Что такое? Въ чемъ дѣло?—спрашивалъ блюститель порядка. Насъ задержали, и извозчикъ рассказалъ, какъ было дѣло.—Какое же вы имѣете право драться?—обратился ко мнѣ городской: пожалуйте въ кварталъ.

(Это было въ 40-хъ годахъ). И вотъ городской, связавъ меня и мою мать по рукамъ веревочкой, повелъ насъ въ контору квартального надзирателя. Откуда-то появилось съ десятокъ мальчишекъ, которые, припрыгивая и приплясывая вокругъ насъ, хлопали въ ладоши, приговаривая: «вотъ попались! вотъ попались! обоихъ вздерутъ!» Такъ мы и пришли въ кварталъ. Надзирателя въ конторѣ не было, и мы ждали его, по крайней мѣрѣ, съ полчаса, связанные. Наконецъ, онъ пришелъ. «Это что такое? За что ихъ привели?»—спросилъ онъ.—Да вотъ, ваше благородіе,—началь городской... Но въ эту минуту надзиратель, взглянувъ на меня, съ удивленіемъ воскликнулъ: — «Это вы, Александръ Николаевичъ? Какимъ образомъ, вы сюда попали?» Оказалось, что надзиратель зналъ меня лично. Прежде всего онъ приказалъ развязать насъ, и когда я рассказалъ ему всю свою исторію, то онъ тотчасъ же выпустилъ насъ изъ квартала, и мы отправились домой.

Все это было рассказано такъ живо, такъ комично, что мы, слушатели, буквально катались со смѣху, и долго не могли забыть этого казуса.

Другой случай съ Сѣровымъ былъ по поводу концерта знаменитаго абиссинскаго маэстро Лазарева. Самъ я въ этомъ концертѣ не былъ, но очевидцы рассказывали мнѣ, что такого скандальнаго концерта никогда еще не было, да и врядъ ли когда будетъ. Петербургъ, конечно, помнитъ, какъ въ 50-хъ годахъ появились чудовищной величины афиши (простыни какъ ихъ тогда называли), извѣщавшія о имѣющемъ быть въ залѣ Дворянскаго собранія концертѣ, въ которомъ оркестромъ подъ управленіемъ Лазарева будутъ исполнены отрывки изъ его ораторій: «Сотвореніе міра» и «Страшный Судъ». На первомъ же планѣ стояла симфонія соч. Лазарева, и рядомъ съ нею одна изъ симфоній Бетховена. При этомъ въ афишѣ было сказано, что концертантъ сдѣлалъ это для того, чтобы публика, прослушавъ обѣ симфоніи, во ушію могла бы убѣдиться, что симфонія Лазарева, если не выше, то нисколько не хуже симфоніи Бетховена.

Въ числѣ слушателей былъ и Сѣровъ. Концертъ начался симфоніей Лазарева. Съ первыхъ же тактовъ большинство публики оцѣнило эту симфонію по ея достоинству. Въ ней не было не только вдохновенія, но даже простой, рутинной работы. Полное отсутствіе установленныхъ формъ, полное пренебреженіе законовъ гармоніи и ритма, однимъ словомъ: чужь невообразимая! Начались свистки, шиканье; съ хоръ полетѣли оконныя подушки, мѣтко направленные въ смѣлаго соперника Бетховена... Ну, словомъ, полнѣйшій, неслыханный скандалъ!

Не могу сказать, какъ кончился этотъ концертъ, и была ли исполнена вся его программа; знаю только, что по окончаніи симфоніи Лазарева, когда онъ подъ акомпаниментъ стука, свистковъ,

шikanья и криковъ: «прочъ! долой его! ненадо больше!» и т. п. удалился съ эстрады, то Сѣровъ влѣзъ на стулъ, на которомъ сидѣлъ (онъ былъ небольшого роста), и началъ говорить къ публикѣ рѣчь, суть которой состояла въ томъ, что слѣдуетъ положить предѣлъ этому дерзкому глумленію надъ твореніемъ такого великаго, мірового генія, какъ Бетховенъ, уничтожить нахала, который осмѣлился проводить параллель между своимъ бездарнымъ произведеніемъ и симфоніей Бетховена. Рѣчь Сѣрова произвела сенсацію въ публикѣ; послышались крики: «браво, Сѣровъ, браво!» Но вслѣдъ за тѣмъ явился блюститель порядка и арестовалъ Сѣрова. Его представили въ канцелярію военнаго генераль-губернатора, который лично произвелъ ему допросъ.

— Кто вы такой?

Сѣровъ назвалъ себя.

— Чѣмъ занимаетесь?

— Я служу въ иностранной цензурѣ.

— Чинъ вашъ?

— Статскій совѣтникъ.

— Ну какъ же это можно, — съ негодованіемъ сказалъ генераль-губернаторъ, — статскій совѣтникъ, — и влѣзаетъ на стулья!..

По окончаніи допроса, Сѣрова отвели на одну изъ гауптвахтъ, на которой онъ просидѣлъ, кажется, съ недѣлю.

Прошло послѣ этого концерта около мѣсяца. Встрѣчаю я Сѣрова въ Маринскомъ театрѣ.

— Здравствуйте, Александръ Николаевичъ! Чтѣ это вы такъ похудѣли?

— Да что, батюшка, — отвѣчалъ онъ, — какъ не похудѣть? Вѣдь я, нѣкоторымъ образомъ, кровь за отечество проливалъ!

— Какъ же это такъ?

Тутъ Сѣровъ разсказалъ всю вышеприведенную мною исторію. Особенно комично онъ передалъ допросъ его генераль-губернаторомъ.

По поводу этого же пресловутаго концерта Даргомыжскій разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ на генеральной репетиціи. Соскучившись сидѣть и слушать эту ужасную ерунду, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ, мимо эстрады. Случайно остановившись около фаготовъ, онъ заглянулъ къ нимъ въ ноты, и увидѣлъ, что у нихъ ничего нѣтъ, все паузы, а они чтѣ-то играютъ.

— Чтѣ же это вы играете, — спросилъ онъ, — вѣдь у васъ все паузы?

— Да вѣдь надоѣло сидѣть сложа руки и слушать эту галиматью, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, — вотъ мы и играемъ, что вздумается: все равно, этимъ ничего не испортишь.

Даргомыжскій сталъ прислушиваться: одинъ игралъ камаринскую, а другой — красный сарафанъ, или чтѣ-то въ этомъ родѣ. Какой же тонкій слухъ былъ у Лазарева!

Нѣсколько лѣтъ спустя, я сидѣлъ за ужиномъ у Даргомыжскаго. Какъ обыкновенно шли веселые разговоры, смѣхъ, шутки... Вдругъ раздался сильный звонокъ. (Было около полуночи). Всѣ мы невольно притихли. Такъ какъ столовая была около прихожей, то мы скоро услышали незнакомый голосъ: «дома?» и вслѣдъ за этимъ влетаетъ въ комнату Лазаревъ! Не поклонившись никому изъ насъ, даже и самому Даргомыжскому, онъ начинаетъ ходить по комнатѣ, въ сильномъ повидимому волненіи, и по временамъ восклицаетъ:

— Нѣтъ, вѣдь это ужасно!.. это невыносимо!.. это ни съ чѣмъ несообразно!.. какой позоръ для насъ, русскихъ!.. вотъ какъ у насъ понимаютъ и цѣнятъ гениальныхъ композиторовъ!..

Мы всѣ молчали, посматривая въ недоумѣніи на него и одинъ на другого. Наконецъ, Даргомыжскій заговорилъ:

— Да что такое? Въ чемъ дѣло? Изъ-за чего вы такъ волнуетесь?

— Вообразите,—отвѣчалъ Лазаревъ,—я сейчасъ изъ итальянской оперы.

— Ну?

— Давали «Севильскаго цирюльника».

— Ну, и что же дальше?

— Представьте только себѣ: эта жалкая пѣвица Нантье-Дидье въ сценѣ урока пѣнія осмѣлилась пѣть... какъ бы вы думали, что? Какой-то гнилой, завалящій русскій романсъ: «Люби меня»!.. А? Какъ вамъ это покажется, а? Вѣдь это дерзость, нахальство, полное неуваженіе къ такому генію, какъ Россини!

— Ну, а что же публика?—хладнокровно спросилъ Даргомыжскій.

— Да что публика?—закричалъ съ гнѣвомъ Лазаревъ,—публика въ восторгѣ: хлопаетъ, кричить: «bis»!.. Ахъ, это ужасно!.. Эдакіе невѣжи, дураки, ослы!..

— Я бы на вашемъ мѣстѣ,—также спокойно продолжалъ Даргомыжскій,—написалъ объ этомъ къ Россини. Вѣдь не даромъ же вы называете себя amico di Rossini...

— Я такъ и сдѣлаю,—прервалъ Лазаревъ.—Завтра же напишу къ нему, что вотъ, саго amico, какъ тебя понимаютъ и цѣнятъ въ Россіи!..

И съ послѣднимъ словомъ онъ, какъ бомба, вылетѣлъ изъ комнаты, и былъ таковъ! Мы долго смѣялись этой выходкѣ абиссинскаго маэстро.

Прошло послѣ того много лѣтъ. Я служилъ въ петербургской консерваторіи помощникомъ инспектора. Однажды, только-что я пришелъ на службу, по обыкновенію, къ девяти часамъ утра, ко мнѣ приходитъ швейцарь, и говорить, что какой-то господинъ желаетъ видѣть директора. Спускаюсь въ швейцарскую, и вижу пожилого господина во фракѣ, съ сверткомъ ночь.

— Что вамъ угодно?—спрашиваю я его.

— Я желаю видѣть директора.

— Прошу васъ немного подождать въ конторѣ; онъ скоро выйдетъ изъ своей квартиры.

Въ то время директоромъ консерваторіи былъ Н. И. Заремба, жившій въ помѣщеніи консерваторіи.

— А вы меня знаете?—спросилъ онъ.

— Извините,—отвѣчалъ я,—не могу припомнить...

— Такъ я вамъ скажу, кто я,—перебилъ онъ.—Я—Лазаревъ. Тотъ самый Лазаревъ, котораго петербургскія газеты прозвали абиссинскимъ маэстро. Тотъ самый Лазаревъ, котораго Сѣровъ постоянно ругалъ въ своихъ статьяхъ, называя бездарностью. Тотъ самый Лазаревъ, противъ котораго въ данномъ имъ концертѣ тотъ же Сѣровъ съ высоты своего стула возбуждалъ публику. Тотъ самый Лазаревъ, въ котораго въ томъ же концертѣ бросали съ хоръ оконными подушками... Теперь вы меня знаете?

И не давъ мнѣ отвѣтить, онъ продолжалъ:

— А вы здѣсь чѣмъ состоите? Преподавателемъ, профессоромъ?

— Нѣтъ, я помощникъ инспектора.

— А-а, помощникъ инспектора? Ну, и отлично! Значить, вы можете мнѣ устроить дѣло, по которому я сюда пришелъ. Я принесъ отрывки изъ моихъ ораторій для смѣшаннаго квартета. Отберите-ка мнѣ изъ классовъ пѣнія лучшіе голоса и лучшихъ чтецовъ нотъ съ листа. Мы отправимся въ свободный классъ, и тамъ я сперва пройду поголосно всѣ партіи, а потомъ прорепетируемъ всѣхъ вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы исполнить эти отрывки въ одномъ изъ концертовъ Русскаго Музыкальнаго Общества.

Долго я ему доказывалъ, что не имѣю никакого права исполнить его желаніе, что назначеніе пѣвцовъ и пѣвицъ для исполненія какого бы то ни было сочиненія не входитъ въ кругъ моей обязанности, и т. д.; Лазаревъ упорно настаивалъ на своемъ. На мое счастье вышелъ Заремба, и я, сдавъ ему Лазарева, поспѣшилъ уйти изъ конторы. Не знаю, какъ и чѣмъ отдѣлался отъ него Заремба; но доподлинно знаю, что ни пробы отрывковъ изъ его ораторій, ни исполненія ихъ публично,—не было.

Не помню теперь, гдѣ и когда именно, я познакомился съ Константиномъ Петровичемъ Вильбоа. Знаю только, что когда въ зданіи Михайловскаго замка открыли церковь для конкеровъ инженернаго училища, то составилъ хоръ изъ любителей, въ которомъ и я участвовалъ, а дирижеромъ хора пригласили Вильбоа. Большинство этого хора прежде пѣло въ церкви Александровской больницы (по сосѣдству съ Маріинской) подъ управленіемъ А. О. Коржевскаго. Вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній этотъ хоръ пересталъ тамъ пѣть, а Коржевскій уѣхалъ лечиться на Кавказъ, такъ что когда составилъ хоръ для церкви инженернаго училища,

то большинство участвующихъ, давно знавшихъ Вильбоа, какъ музыканта и композитора, и пѣвшихъ подъ его управленіемъ разные свѣтскіе хоры, рѣшили пригласить его дирижеромъ церковнаго хора.

Мы пѣли *gratis* почти семь лѣтъ. Начиная съ сентября и кончая маемъ, пѣли обѣдни въ воскресные и праздничные дни, а всенощныя только на большіе праздники, напримѣръ, на Рождество, на Благовѣщеніе, а также послѣдніе три дня Страстной недѣли и пасхальную службу.

Хоръ состоялъ изъ 18—20 человѣкъ; число это было совершенно достаточно для такой маленькой церкви, какъ наша. Спѣвки происходили въ квартирѣ бывшаго тогда казначеемъ училища (впослѣдствіи правителя канцеляріи, нынѣ умершаго) А. И. Иванова. Какъ на спѣвки, такъ и въ церковь, ходили очень аккуратно; рѣдко случалось, что недоставало одного, а много двухъ человѣкъ. Такъ какъ наши церковныя спѣвки большею частію оканчивались пѣніемъ свѣтскихъ хоровъ (почти исключительно сочиненій самого Вильбоа), то тутъ мнѣ пришлось познакомиться съ дирижированіемъ Вильбоа. Онъ велъ это дѣло очень хорошо; хоры были тщательно разучены, и пѣлись съ соблюденіемъ всѣхъ нюансовъ.

Но это касалось только свѣтскихъ хоровъ. Въ дѣлѣ же церковной музыки, ея исполненія, Вильбоа оказался совершенно слабымъ и неопытнымъ. При его горячемъ, нетерпѣливомъ характерѣ, онъ часто требовалъ отъ насъ невозможнаго и, будучи незнакомъ съ церковной музыкой, нерѣдко придавалъ исполненію ея свѣтскій характеръ. Кромѣ того, онъ не зналъ порядка церковной службы (хотя по вѣрѣ былъ русскій), такъ что надобно было ему подсказывать, что слѣдуетъ пѣть, и это, конечно, тормозило какъ ходъ службы, такъ и извѣстную степень ея совершенства въ исполненіи.

Спустя мѣсяца три послѣ того, какъ мы начали пѣть въ инженерномъ училищѣ, Коржевскій вернулся съ Кавказа и принялъ на себя управленіе нашимъ хоромъ.

Вильбоа, какъ композиторъ, былъ человѣкъ талантливый, и очень вѣроятно, что онъ могъ бы внести хорошіе вклады въ область русской музыки, еслибы жизнь его сложилась иначе. Вспыльчивый, капризный, непостоянный въ своихъ взглядахъ на искусство, онъ всю свою жизнь поклонялся только одному идеалу. Идеаль этотъ былъ—Глинка, у котораго, какъ я слышалъ, онъ начиналъ брать уроки теоріи. Это поклоненіе, помимо изданныхъ имъ мелкихъ вокальныхъ сочиненій, особенно ярко отразилось въ его оперѣ «Наташа или Волжскіе разбойники», въ которой онъ рабски подражалъ Глинкѣ, принявъ всю его манеру, всѣ его музыкальныя формы и даже мѣстами мелодическіе повороты. Но такъ какъ, не смотря на извѣстную степень своей талантливости, Вильбоа не могъ стать на одну ступень съ Глинкой, то и копія съ послѣдняго, поставлен-

ная на сцену подъ именемъ оперы «Наташа», оказалась блѣдною копіею съ геніальнаго оригинала. Къ этому еще надобно прибавить ужасное, невозможное либретто, въ которомъ, на примѣръ, рядомъ съ цѣликомъ взятыми словами пѣсни Кольцова, «Не страшна мнѣ добру молодцу», (басовая арія), идутъ вирши, сочиненныя услужливыми его пріятелями! Если предположить, что и при составленіи либретто Вильбоа руководствовался примѣромъ Глинки, который написалъ свою безсмертную оперу «Жизнь за царя», на безобразное, и даже мѣстами лишенное смысла либретто, то расчетъ его оказался не совсѣмъ вѣрнымъ: надобно было ему быть вторымъ Глинкой!

Оркестровка «Наташи» была до невозможности плоха. Когда послѣ долгихъ препятствій и затрудненій ему удалось, наконецъ, поставить свою «Наташу», то друзья и пріятели Вильбоа говорили мнѣ, что ее до сихъ поръ не ставили только вслѣдствіе интригъ и кляузъ тогдашней театральнаго дирекціи, и въ особенности главныхъ заправиль русской оперы: Ѳедорова и Лядова, что опера очень хороша, мелодична, и чисто въ русскомъ характерѣ, что единственный недостатокъ ея—нѣсколько слабая оркестровка, но что Вильбоа сдѣлалъ ее такою, имѣя въ виду, что въ Александринскомъ театрѣ (гдѣ во то время давались русскія оперы) нехорошій резонансъ, а въ особенности то, что исполнители главныхъ ролей не обладаютъ будто бы сильными голосами, и онъ опасался заглушить ихъ сильною оркестровкой. (Эти главные исполнители были: Латышева, Леонова, Булаховъ и Васильевъ 1-й).

Незадолго до перваго представленія оперы, мнѣ удалось въ одномъ знакомомъ домѣ услышать изъ нея нѣсколько номеровъ. Они были, хотя и неоригинальны, но мелодичны, написаны очень удобно для голосовъ; тутъ-то я и замѣтилъ рабское подражаніе манерѣ Глинки.

Я былъ на первомъ представленіи «Наташи», и то, что я услышалъ, превзошло всѣ рассказы пріятелей Вильбоа. Оркестровка... нѣтъ! это была не оркестровка, а самый ординарный, самый легкій фортепіанный акомпаниментъ, переложенный цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій или прибавленій, на оркестръ! Большою частію игралъ одинъ струнный квартетъ, а духовые инструменты весьма и весьма рѣдкими и небольшими фразами напоминали слушателямъ, что и они тоже участвуютъ въ оркестрѣ. Тутъ ужъ нетолько слабые голоса взрослыхъ исполнителей, но и дѣтскіе голоса были бы очень хорошо слышны! Исключеніе составилъ только одинъ номеръ: хоръ разбойниковъ въ 3-мъ (последнемъ) дѣйствіи, въ которомъ оркестръ, воспрянувъ отъ дремоты, одолѣвавшей его въ продолженіе всей оперы, участвовалъ почти во всемъ своемъ составѣ.

Я часто слышалъ отзывы многихъ, да и самъ убѣдился, что Белини очень слабо оркестровалъ свои оперы; но сравнительно съ

оркестровкой «Наташи» Беллини былъ Берлиозъ, былъ Вагнеръ! Теперь я вполне убѣдился, что Федоровъ и Лядовъ были правы, не допуская постановку этой оперы на сцену.

Понятно, что при такихъ условіяхъ «Наташа» не могла долго держаться въ репертуарѣ, и послѣ шести или семи представленій была сдана въ архивъ.

Неудача съ «Наташей» не ослабила однако въ Вильбоа композиторской жилки: онъ продолжалъ писать романсы и пѣсни, и многіе изъ нихъ написаны очень талантливо, какъ напр.: «Выхожу одинъ я на дорогу», «Смерть прохладной ночи тѣнь» и мн. др. Его дуэтъ «Моряки» обошелъ чуть ли не всѣ уголки Россіи. Большую извѣстность имѣли его «Застольныя пѣсни», написанныя а сарелла для трехъ и четырехъ мужскихъ голосовъ. Самое же слабое его произведеніе, это — «Старый капраль», на переводъ Курочкина изъ Беранже, изданный почти одновременно съ музыкой Даргомыжскаго на эти же слова. Какъ Даргомыжскій въ «Капраль» поднялся до недосягаемой для его предшественниковъ высоты въ драматической, декламационной музыкѣ, такъ изъ-подъ пера Вильбоа этотъ же «Капраль» вышелъ пошловатенькой пѣсенкой.

Вильбоа переложилъ для пѣнія съ фортепіано и для одного фортепіано «Жизнь за царя» и «Руслана». Давалъ частныя и казенныя уроки пѣнія и на фортепіано. Одно время былъ дирижеромъ оркестра въ Харьковскомъ отдѣленіи Русскаго Музыкальнаго Общества. Послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Варшавѣ, гдѣ служилъ чиновникомъ въ артиллерійскомъ управленіи. Умеръ въ 1882 году.

О Вильбоа ходило много анекдотовъ, было дѣлано много каррикатуръ. Такъ напр., одинъ изъ самыхъ близкихъ его друзей, пѣвецъ-любитель, горячій поклонникъ его сочиненій, просилъ однажды Вильбоа акомпанировать ему «Ночной смотръ» Глинки. Вильбоа садится за рояль, пѣвецъ становится подлѣ его, и поетъ:

«Въ двѣнадцать часовъ по утрамъ
«Встаетъ Вильбоа безтолковый,
«И ходять онъ взадъ и впередъ,
«И просить взаимы дать цѣлковый...»

Не знаю, было ли продолженіе этой пародіи, но пѣвецъ не могъ продолжать, потому что Вильбоа вскочилъ со стула и закричалъ: «Что это ты поешь глупости? Не хочу акомпанировать!»

Одинъ изъ участниковъ нашего хора имѣлъ способность рисовать каррикатуры, и многія изъ нихъ были помѣщаемы въ издававшейся тогда «Искрѣ». Между прочимъ, онъ нарисовалъ слѣдующую каррикутуру: два Вильбоа стоятъ другъ противъ друга; внизу подпись: «Вы меня узнаете?» — «Въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть». Каррикутура эта была сдѣлана по поводу того, что Вильбоа часто противорѣчилъ самому себѣ въ своихъ су-

жденияхъ объ чемъ бы то ни было: то, что онъ вчера хвалилъ — сегодня порицалъ; или то, что онъ вчера называлъ бѣлымъ—сегодня называлъ чернымъ... Когда же ему напоминали, что не далѣе какъ вчера онъ высказывалъ объ этомъ предметѣ свое мнѣніе, прямо противоположное сегодняшнему, то онъ утверждалъ, что никогда объ этомъ такъ не относился.

Теперь перехожу къ другому музыкальному дѣятелю, Александру Осиповичу Коржевскому, о которомъ я упоминалъ выше и котораго, вѣроятно, еще помнятъ бывшіе его товарищи по гимназіи и по университету.

Не могу дать никакихъ свѣдѣній о началѣ его музыкальной карьеры въ качествѣ учителя пѣнія, дирижера церковныхъ хоровъ и композитора духовной музыки. Я познакомился съ нимъ только за нѣсколько лѣтъ до его смерти, когда онъ сдѣлался дирижеромъ нашего хора, пѣвшаго въ церкви инженернаго училища. Его специальность была—церковное пѣніе, и послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ имъ спѣвокъ и пѣнія подъ его управленіемъ въ церкви, я вполне убѣдился, что онъ глубоко знаетъ и понимаетъ это дѣло, и въ этомъ отношеніи могъ бы смѣло состязаться съ извѣстными въ то время отличными преподавателями церковнаго пѣнія, Г. І. Ломакинымъ и А. И. Рожновымъ. Къ сожалѣнію, несчастная страсть, губящая многія талантливыя русскія натуры, мѣшала ему расширить кругъ его педагогической дѣятельности и преждевременно свела его въ могилу.

Подъ его управленіемъ хоръ нашъ совершенно преобразился; съ перваго же раза каждый изъ насъ (я говорю про себя и про тѣхъ, кто прежде не пѣлъ у него въ хорѣ) почувствовалъ, что онъ попалъ въ умѣлыя и опытныя руки.

Основаніемъ методы Коржевскаго было пѣніе *mezza voce*; только въ рѣдкихъ случаяхъ (въ нотныхъ піесахъ) мы дѣлали *forte* тамъ, гдѣ оно было показано, и наши молодые свѣжіе голоса, въ количествѣ 18—20 человекъ, звучали такъ сильно, какъ будто это *forte* брало по крайней мѣрѣ двойное противъ настоящаго число поющихъ. Это былъ не крикъ, не оранье, не гарканье, но настоящее *forte* — и только ¹⁾.

Всѣ главнѣйшіе оттѣнки въ пѣніи: *piano*, *pianissimo*, *morendo*, *crescendo*, *diminuendo*, *forte*, *fortissimo* и под. были доведены Коржевскимъ до высочайшаго совершенства. Въ хорѣ у насъ были прекрасные первые теноры и три октависта ²⁾; могу не хвастаясь

¹⁾ Эта сила и звучность *forte* была совершенно возможна и естественна, потому что всю обѣдную и всенощную мы пѣли *mezza voce*, и потому наши голоса были не утомлены.

²⁾ Александръ Осиповичъ часто говаривалъ, обращаясь къ басамъ: «какіе: вы, господа, басы? Вотъ это (указывая на трехъ октавистовъ) настоящіе басы а вы только подбаски!»

сказать, что мы пѣли отлично. Это безъ сомнѣнія подтверждаютъ всѣ бывшіе мои сотоварищи по пѣнію въ церкви училища и тѣ, кто насъ слышалъ. Доказательствомъ справедливости моихъ словъ можетъ еще служить и то, что во всѣ службы, когда мы пѣли, церковь и притворъ ея были наполнены молящимися.

Кромѣ высокаго знанія своего дѣла по дирижированію хоромъ, Коржевскій былъ композиторъ. У меня находятся десять исполнѣ музыкальныхъ номеровъ церковныхъ шіесъ его сочиненія, написанныхъ исключительно для мужскихъ голосовъ. Лучшіе изъ нихъ: «Тебе поемъ», «О всепѣтая Мати», «Подъ твою милость», «О тебѣ радуется» и два номера «Хвалите Господа съ небесъ». Желательно было бы, чтобы ближайшіе родственники Коржевскаго предприняли ихъ изданіе.

Александръ Осиповичъ былъ весьма пріятный собесѣдникъ. Онъ обладалъ большою способностію разсказывать и читалъ отлично, придавая новый интересъ давно уже извѣстнымъ сочиненіямъ. Такъ, напр., онъ читалъ отрывки изъ «Мертвыхъ душъ», изъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» и др. такъ интересно, что намъ казалось, что мы слышимъ эти отрывки въ первый разъ въ жизни.

Коржевскій умеръ отъ тифа, имѣвъ неосторожность выйти на воздухъ прежде полного выздоровленія. Мы сами отпѣвали его въ большой церкви Михайловскаго замка, выходящей на Садовую улицу. На этомъ отпѣваніи, кромѣ насъ, постоянныхъ участниковъ, пѣли всѣ бывшіе въ хорѣ въ продолженіе семи лѣтъ и оставившіе его по какимъ-либо причинамъ.

Съ Гавріиломъ Гоакимовичемъ Ломакинымъ я познакомился въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ и одно время былъ преподавателемъ въ его бесплатной школѣ пѣнія. Не стану говорить объ его заслугахъ, какъ учителя пѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ и дирижера хоровъ въ концертахъ бесплатной школы, которая основана по его идеѣ и которой онъ былъ первымъ директоромъ. Объ этомъ давно уже и много было писано, и труды его оцѣнены по достоинству. Скажу только, что это былъ лучшій учитель хороваго пѣнія изъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ я когда-либо зналъ. Концерты же бесплатной школы подъ его управленіемъ, на первомъ планѣ которыхъ стояло пѣніе, были образцомъ идеальнаго совершенства по исполненію. Подобнаго единства, подобной стройности въ исполненіи, я въ жизнь свою никогда не слышалъ. Хоръ, едва помѣщавшійся на эстрадѣ залы дворянскаго собранія въ количествѣ слишкомъ 300 человекъ мужчинъ и женщинъ, пѣлъ такъ стройно, такъ единодушно, какъ будто бы это пѣлъ простой квартетъ. Всѣ нюансы были совершенство въ исполненіи; при этомъ совершенно ясное и отчетливое произношеніе словъ, на что многіе учителя хороваго и сольнаго пѣнія и дирижеры хоровъ мало или

вовсе не обращаютъ вниманія, и что при преподаваніи пѣнія непремѣнно должно быть поставлено на первомъ планѣ.

Въ одномъ изъ этихъ концертовъ я въ первый разъ услышалъ въ совершенствѣ исполненный хоръ въ трехъ отдѣленіяхъ изъ перваго дѣйствія «Русалки»: «Ахъ, ты сердце мое» и проч., т. е. въ настоящемъ темпѣ, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ оттѣнковъ, тогда какъ Лядовъ (котораго Даргомыжскій очень справедливо называлъ махальный Лядовъ) уродовалъ и калѣчилъ его, какъ вообще всю «Русалку».

Здѣсь кстати нельзя не вспомнить, что первая и третья часть хора русалокъ («Свободной толпою» и «Тише! птичка подъ кустами») подъ управленіемъ Лядова исполнялись чуть ли не вдвое медленнѣе противъ показаннаго темпа, и когда Даргомыжскій замѣтилъ ему это, то онъ отвѣчалъ: «Въ томъ темпѣ, который у васъ назначенъ, нельзя пѣть». — «Отчего?» — «Оттого, что русалки поютъ въ водѣ, далеко отъ оркестра и не видятъ моего темпа». — «Значить, онѣ должны стоять непремѣнно близко васъ и тогда только увидятъ вашъ темпъ?» — «Да, и тогда можно было бы пѣть скорѣе». Не смѣшно ли было слышать такой отзывъ отъ дѣльнаго и опытнаго капельмейстера, какимъ въ то время почему-то считали (а можетъ быть и теперь многіе считаютъ) Лядова? Вѣдь это была только одна изъ пружинъ, давленіемъ которыхъ Лядовъ старался уронить «Русалку».

Изъ многихъ артистовъ русской оперы, съ которыми я былъ знакомъ, упомяну здѣсь о двухъ, особенно для меня памятныхъ, — объ В. И. Васильевѣ и А. А. Латышевой.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ одинъ мой пріятель пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ, и сказалъ, что у него будетъ пѣвецъ-чиновникъ, отличный басъ. Только-что я въ назначенный день и часъ вошелъ въ переднюю, какъ уже услышалъ пѣніе, и нѣкоторое время не могъ сообразить, что это я слышу. Звукъ голоса былъ до того сильный, (совершенно свободный, безъ форсировки), что мнѣ казалось, что поютъ два баса unisono. Войдя въ комнату, я увидѣлъ, что поетъ одинъ басъ. Это былъ молодой человѣкъ, высокаго роста, средней комплекціи; трудно было себѣ представить, что въ такомъ жидкомъ тѣлѣ кроется такой могучій голосъ. Это былъ извѣстный впоследствии артистъ русской оперы, Владиміръ Ивановичъ Васильевъ 1-й. За неимѣніемъ рояля, должность акомпанимента исполняли скрипка и альтъ такимъ образомъ, что скрипка играла правую руку, а альтъ—лѣвую. Васильевъ пѣлъ въ тотъ вечеръ много романсовъ, и произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Еще въ первый разъ мнѣ пришлось услышать такой сильный голосъ въ небольшой комнатѣ. Голосъ этотъ былъ настоящій басъ съ мягкимъ, бархатнымъ тембромъ; и при этомъ бездна теплоты, бездна чувства въ исполненіи! По звуку

голосъ Васильева можно сравнить съ голосомъ бывшаго въ тѣ времена въ итальянской оперѣ чуднаго баса, Формеза.

Въ продолженіе вечера я окончательно познакомился съ Васильевымъ и пригласилъ его въ домъ къ моимъ родителямъ. Черезъ нѣсколько времени Васильевъ былъ у насъ, и привелъ въ восторгъ всю мою семью своимъ пѣніемъ. Всѣ мы были страстные любители музыки и пѣнія; но болѣе всѣхъ восторгался имъ мой отецъ. «Какъ это можно,—говорилъ онъ Васильеву,—съ такимъ чуднымъ, необыкновеннымъ голосомъ, и—купаться въ чернилахъ! Ваше мѣсто на сценѣ, а не въ департаментѣ». «Да я и то готовлюсь на сцену, беру уроки пѣнія», отвѣчалъ Васильевъ. На другой день, когда я пришелъ изъ должности, отецъ говоритъ мнѣ: «Представь себѣ, я вѣдь почти всю ночь не спалъ. Отчего это? Все мнѣ слышался этотъ чудный голосъ Васильева!.. Только-что начну дремать,—а звуки такъ и несутся, такъ и слышатся!..» Впослѣдствіи Васильевъ очень часто бывалъ у насъ до самаго выѣзда моей семьи изъ Петербурга.

Первый дебютъ Васильева на сценѣ былъ въ аріи съ хоромъ изъ оперы «Навуходоносоръ», Верди. Съ перваго же раза онъ имѣлъ большой успѣхъ, съ перваго же раза онъ сдѣлался любимцемъ публики, и оставался имъ до конца своего сценическаго поприща. Лучшія его роли были въ операхъ: «Жидовка», «Робертъ», «Гугеноты», «Жизнь за царя», «Пуритане» и мн. др.

Ему я обязанъ своимъ вокальнымъ образованіемъ. Задолго до знакомства съ нимъ, когда я еще былъ студентомъ Медицинской Академіи, я бралъ уроки пѣнія у нѣкоего итальянца, Джуліани. Только прекративши у него занятія послѣ трехъ мѣсяцевъ, и долгое время спустя, я понялъ, что это былъ не учитель пѣнія, а губитель голосовъ. Во-первыхъ, Джуліани опредѣлялъ голосъ не по звуку, не по тембру, а по лѣтамъ ученика!!! Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ, то онъ спросилъ: какой у меня голосъ, и сколько мнѣ лѣтъ? Я отвѣчалъ, что у меня басъ, и что мнѣ 21-й годъ. Джуліани расхохотался. «21-й годъ, и басъ?! Да развѣ можетъ быть басъ въ такіе молодые годы?» Тутъ онъ сѣлъ за инструментъ, и заставилъ меня пѣть гамму. Въ это время я едва доходилъ до верхняго басоваго ге, да и то съ большимъ трудомъ. Онъ дотянулъ меня до верхняго тенороваго Ia (!!!), и въ заключеніе сказалъ: «ну, вотъ видите: какой же вы басъ? вы—теноръ». Я всегда имѣлъ большое пристрастіе къ тенорамъ (что у меня осталось и до сихъ поръ), и былъ въ восторгѣ, что я, по мнѣнію моего учителя, обладаю моимъ любимымъ голосомъ. Правда, при всей моей тогдашней неопытности въ дѣлѣ пѣнія, въ дѣлѣ распознаванія и опредѣленія голосовъ, меня смущала одна только мысль: какъ же это я съ 18 лѣтъ и до настоящаго времени (т. е. до перваго моего посѣщенія Джуліани) пѣлъ романсы, пѣлъ въ

студенческомъ церковномъ и свѣтскомъ хорѣ постоянно басовыя партіи, пѣлъ ихъ совершенно свободно, а теперь оказывается, что у меня не басъ, а теноръ? Странно! Ну, да впрочемъ, успокоиваль я себя: чтò я въ этомъ понимаю? Вѣдь онъ учитель, и ужъ конечно лучше меня умѣетъ опредѣлить голосъ. Значить, я ошибался, вообразивши, что у меня басъ.

Начались мои еженедѣльные (по два раза) пѣшеходныя путешествія съ Выборгской стороны на уголь Казанской улицы и площади Казанскаго собора. Страстно любя пѣніе, я съ жаромъ принялся за это дѣло: дома упражнялся въ каждую свободную минуту отъ лекцій, и ходилъ на уроки вполне аккуратно.

Въ чемъ же состояла метода Джуліани? А вотъ въ чемъ: первые три или четыре урока я пѣлъ у него гаммы, начиная отъ басоваго do, и кончая верхнимъ теноровымъ la (Это въ гаммѣ-то, еслибы я и въ самомъ дѣлѣ былъ теноръ!). Когда я въ первый разъ сказалъ ему, что мнѣ трудно брать даже верхнее ge, а не только выше, то онъ отвѣчалъ: «Пустяки! Можете взять и ge, и mi, и fa, однимъ словомъ, такъ высоко, какъ я найду нужнымъ». «Помилуйте,—возразилъ я,—вѣдь эдакъ мнѣ придется кричать?» «Ну, и кричите!» «Да вѣдь ваши сосѣди могутъ подумать, что здѣсь кого-нибудь рѣжутъ?» «Не беспокойтесь о моихъ сосѣдяхъ: они ужъ привыкли къ этому». Нечего было дѣлать; началъ я выкрикивать верхнія ноты, и, дѣйствительно, дошелъ до тенороваго la. Но это былъ только неистовый крикъ; свободнаго звука въ теноровомъ регистрѣ я не приобрѣлъ, а только оралъ mi, fa, sol и la. «Ну вотъ видите,—успокоиваль меня Джуліани,—не только ge, а даже и la берете». «Да,—возразилъ я,—но вѣдь я не пою эти ноты, а выкрикиваю ихъ». «Подождите,—отвѣчалъ онъ,—со временемъ будете брать ихъ свободно».

Послѣ трехъ или четырехъ уроковъ, которые состояли въ пѣніи гаммъ, при чемъ Джуліани безпрестанно покрикивалъ мнѣ: plus fort, monsieur, plus fort! громче! — онъ, мимо какихъ бы то ни было сольфеджій и этюдовъ, далъ мнѣ романсъ (разумѣется, теноровый) изъ оперы Доницетти «Анна Болена», а затѣмъ пошли разные теноровые романсы и арии изъ разныхъ оперъ, разумѣется, только итальянскихъ.

Такъ прошло слишкомъ два мѣсяца. Однажды, къ моему отцу пріѣхалъ одинъ его знакомый, бывшій въ молодости пѣвецъ-любитель, теноръ, поинтересовался знать, какъ у меня идутъ уроки пѣнія, и просилъ спѣть что-нибудь. Я началъ выкрикивать ему какую-то итальянщину. Когда я кончилъ, то онъ спросилъ меня: «это вы такъ всегда и у вашего учителя поете?!» «Всегда,—отвѣчалъ я,—да еще, кромѣ того, онъ безпрестанно кричитъ мнѣ: plus fort, plus fort!» «Милый мой,—сказалъ онъ,—да развѣ это пѣніе? Вѣдь вы не поете, а кричите! Спойте-ка мнѣ гамму?» Когда

я отъ басоваго до дошелъ до верхняго fa, то онъ сказалъ, обращаясь къ моему отцу: «Это не теноръ; за это я вамъ ручаюсь. Вѣдь я самъ былъ теноръ, и могу васъ завѣрить, что вашъ Джуліани ошибается. Бросьте-ка вы эти уроки: они васъ до добра не доведутъ». «Да у меня что-то и грудь начинаетъ побаливать, замѣтилъ я». «Ну вотъ вамъ самое лучшее доказательство, что вы поете не своимъ голосомъ. Вы кричите, надрываете, отъ того у васъ и стала болѣть грудь. Бросьте, повторяю вамъ, уроки; не пойте совсѣмъ мѣсяца два или три, чтобы дать отдохнуть и вашему голосу и груди, а потомъ начните опять пѣть басомъ, какъ прежде».

Я послушался его совѣта и прекратилъ уроки, убѣдившись въ послѣдствіи, что Джуліани былъ ни болѣе ни менѣе какъ шарлатанъ, ровно ничего не понимавшій въ томъ дѣлѣ, за которое онъ взялся. Къ моему счастью, я остановился въ-время; а что было бы, еслибы я продолжалъ учиться по этой бессмысленной методѣ? Безъ сомнѣнія, полная потеря голоса, и навсегда! И это въ 20 съ небольшимъ лѣтъ!

А сколько есть въ наше время разныхъ Джуліани мужского и женскаго пола, которые смѣло и самоувѣренно берутся за преподаваніе пѣнія, не имѣя въ сущности ни малѣйшаго понятія объ этой профессіи! Ужъ лучше на всю жизнь остаться пѣвцомъ-самоучкой, пѣть какъ Богъ на душу положить, чѣмъ въ нѣсколько мѣсяцевъ навсегда уничтожить свой голосъ!

Черезъ два или три мѣсяца я опять сталъ пѣть басовыя партіи. Вначалѣ я замѣтилъ, что басовыя mi, re, do были у меня слабы и тусклы, а слѣдующія за ними si, la, sol, которыя я до начала уроковъ у Джуліани бралъ совершенно свободно, совсѣмъ исчезли. Это было совершенно естественное явленіе, такъ какъ вслѣдствіе крика и невѣроятныхъ усилій брать верхнія, не существовавшія у меня и никогда не могшія образоваться ноты, неминуемо должны были пострадать нижнія, естественныя по тембру моего голоса, ноты. Но чрезъ небольшой промежутокъ времени все пришло въ нормальное состояніе: басовыя mi, re, do, окрѣпли, да и остальные нижнія ноты появились въ прежнемъ составѣ.

Такъ я и оставался пѣвцомъ-самоучкой до того времени, какъ познакомился съ Васильевымъ. Услыхавъ мой голосъ, Васильевъ выразилъ удивленіе, отчего я не учусь пѣть? Я рассказалъ ему исторію своихъ уроковъ у Джуліани, прибавивъ, что «пуганая ворона куста боится». Васильевъ рекомендовалъ мнѣ обратиться къ своему учителю, итальянцу Казелла, и такъ какъ по методѣ пѣнія Васильева я видѣлъ, что Казелла ведетъ дѣло обученія пѣнію совершенно рационально, то и рѣшился брать у него уроки.

Когда онъ окончилъ пробу моего голоса, то я спросилъ у него: какой у меня голосъ?

— Какъ какой голосъ? Конечно, басъ.

— А меня учили какъ тенора.

Старикъ даже привскакнулъ на стулѣ.

— Какъ тенора? Можетъ ли это быть? Кто же это васъ такъ училъ?

Я назвалъ ему Джуліани, прибавивъ при этомъ, что онъ опредѣлилъ мой голосъ не по тембру, а по лѣтамъ; и такъ какъ въ то время мнѣ былъ 21-й годъ, то онъ рѣшилъ, что я слишкомъ молодъ для баса, и сталъ меня учить, какъ тенора.

— Dio pietoso!—вскричалъ Казелла,—опредѣлять голосъ по лѣтамъ! Значитъ, по его теоріи, всѣ теноры, достигшіе сорокалѣтняго возраста, непременно должны превратиться въ басовъ?.. Да гдѣ же у него были уши? Неужели онъ не слышалъ, что у васъ даже тѣни нѣтъ тенороваго звука? Вамъ даже и баритономъ нельзя пѣть, а тѣмъ болѣе теноромъ: вы басъ, настоящій басъ.

Послѣ нѣсколькихъ уроковъ у Казелла я убѣдился, что имѣю дѣло съ настоящимъ и превосходнымъ учителемъ пѣнія. Какъ осторожно, какъ благоразумно онъ распоряжался съ моимъ голосомъ! Не три урока, какъ у Джуліани, а можетъ быть тридцать уроковъ прошли въ пѣніи только однихъ гаммъ, а затѣмъ онъ приступилъ къ сольфеджіямъ и этюдамъ. И какихъ только авторовъ я у него не перепѣлъ: Лаблашъ, Тедески, Пэръ, Ригини, Россини... Голосъ мой окончательно установился, окрѣпъ, и увеличился въ объемъ до двухъ октавъ: отъ нижняго *mi* (по басовому ключу на первой подбавочной линіи) до верхняго *mi*. Я иногда рисковалъ брать верхнее *fa*, но на сколько возможно избѣгалъ этого, чувствуя, что эта нота² переходитъ за предѣлы регистра моего голоса, и выходитъ рѣзка и криклива. Вслѣдствіе долговременнаго пѣнія только однихъ этюдовъ (почти два года), я приобрѣлъ навѣкъ къ чтенію нотъ съ листа и сталъ ихъ читать, какъ обыкновенную книгу.

Да! Еслибы всѣ учителя и учительницы пѣнія вели дѣло преподаванія пѣнія такъ благоразумно, такъ умѣло, какъ его велъ Казелла, то не приходилось бы такъ часто встрѣчать пѣвцовъ и пѣвицъ съ надорванными или надтреснутыми голосами!

Возвращаюсь къ Владиміру Ивановичу Васильеву, чтобы выразить ему мою вѣчную признательность за то, что я по его совѣту учился у его учителя, и не обладая такимъ феноменальнымъ голосомъ, какой былъ у него,—сдѣлался скромнымъ пѣвцомъ-любителемъ, голосъ котораго былъ достаточно силенъ для небольшихъ залъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ я открылъ въ себѣ творческій талантъ. Началъ я пописывать кадрили, польки, вальсы, а затѣмъ сталъ сочинять романсы и пѣсни. Сначала мнѣ очень трудно было пробить себѣ дорогу: ни одинъ музыкальный магазинъ не хотѣлъ

печатать моихъ сочиненій, потому что я былъ совершенно неизвѣстенъ публикѣ, какъ композиторъ. Печатать же на свой счетъ я не рѣшался,—во-первыхъ потому, что боялся неудачи; а во-вторыхъ, по крайней ограниченности моихъ матеріальныхъ средствъ. Наконецъ, одинъ маленькій музыкальный магазинъ Кирхова (давно уже закрывшійся) рѣшился издать двѣ моихъ польки, а вслѣдъ за тѣмъ пѣсню на слова Кольцова: «Не весна тогда жизнью вѣяла». Эта пѣсня была первое мое вокальное произведение, появившееся въ печати, въ 1856 году. Вслѣдъ за тѣмъ, музыкальный магазинъ Рихтера (также давно несуществующій) издалъ нѣсколько моихъ танцевъ и пѣсню: «Пѣла, пѣла птащечка». Но все это издавалось очень туго, стоило длинныхъ переговоровъ, издавалось gratis...

Многіе знакомые совѣтовали мнѣ обратиться къ кому-нибудь изъ артистовъ русской оперы съ предложеніемъ исполнить мои романсы въ концертѣ или дивертисментѣ. Расчетъ былъ тотъ, что если публика приметъ благосклонно мое сочиненіе, то музыкальные издатели охотно возьмутъ его печатать, выдавъ мнѣ гонораръ за манускриптъ.

Въ то время одною изъ примадоннъ русской оперы была Александра Александровна Латышева, высокоталантливая артистка. Я былъ однимъ изъ горячихъ поклонниковъ ея пѣнія и драматическаго таланта, и потому рѣшился, безъ всякой рекомендаціи, прямо обратиться къ ней съ просьбою исполнить мое сочиненіе публично. Я принесъ ей двѣ пѣсни: «Грусть дѣвушки», и «Вотъ мой милый ненаглядный». Онѣ очень ей понравились, и она исполнила ихъ въ первый разъ 14 мая 1856 года, въ бенефисъ артиста Александринскаго театра Алексѣева (Въ то время это допускалось). Обѣ пѣсни имѣли большой успѣхъ, а вторая была бисирована. Онѣ были напечатаны музыкальнымъ магазиномъ Фракмана, помѣщавшемся въ домѣ Голландской церкви, и выдержали нѣсколько изданій. Впослѣдствіи Латышева пѣла въ концертахъ многіе мои романсы и пѣсни, и всегда съ успѣхомъ. Воспоминаніе о ней навсегда сохранилось въ моей душѣ, какъ о первой и лучшей исполнительницѣ публично моихъ сочиненій. Благодаря ей, я приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность въ музыкальномъ мірѣ.

Латышева была вообще очень талантлива. Обладая сценическою симпатичною наружностію, она пѣла съ большимъ чувствомъ и глубоко входила въ свою роль, какъ актриса.

Однажды она сообщила мнѣ, что ей предлагаютъ взять роль Наташи въ «Русалкѣ», но она не рѣшается на это, боясь стать въ неловкія отношенія съ г-жей Булаховой, которая до сихъ поръ исполняла эту партію. Я сталъ убѣждать ее согласиться на это предложеніе, говоря, что если ей предлагаютъ эту роль, то значитъ увѣрены, что она исполнитъ ее хорошо. Тогда она рѣшилась, и

въ первое же представленіе «Русалки», когда она пѣла Наташу, я убѣдился, какимъ сильнымъ драматическимъ талантомъ она обладаетъ, и какъ эта роль вполне подходитъ къ ея средствамъ въ вокальномъ отношеніи. Голосъ ея былъ mezzo-soprano, очень пріятнаго и мягкаго тембра, и при этомъ отлично выработанный.

Къ сожалѣнію, Латышева слишкомъ увлеклась своими успѣхами, сдѣлавшись любимицею публики. Она стала пѣть настоящія сопранныя партіи, какъ напримѣръ, въ «Линдѣ», въ «Пуританахъ». Въ то же время тогдашняя просвѣщенная театральная дирекція, смотря на Латышеву не какъ на артистку, а какъ на товаръ, на который отъ публики большой запросъ,—начала производить надъ нею чисто торговыя операціи. Напримѣръ, въ то время на контральтовыхъ партіяхъ была одна только г-жа Леонова. Если по репертуару была назначена «Жизнь за царя» или «Русланъ», и г-жа Леонова внезапно заболѣла, то дирекція находила возможнымъ передавать роль Вани или Ратмира Латышевой, вѣроятно, на томъ основаніи, что у нея были нижнія контральтовые ноты. Оно, конечно хорошо: порядокъ репертуара не нарушается, и опера идетъ своимъ чередомъ. Но какъ это отражалось на голосѣ? Отказаться же отъ этихъ ролей она не имѣла права, потому-что была казенной воспитанницей театрального училища. Такъ по крайней мѣрѣ меня увѣряла Латышева. Вотъ и случалось такъ, что на одной и той же недѣлѣ она пѣла двумя голосами: какъ контральтъ — Ваню или Ратмира, и какъ сопрано—Линду или Эльвиру въ «Пуританахъ». Какой голосъ могъ устоять противъ такого насилуванія? Послѣдствія вышли очень печальныя. Какъ и слѣдовало ожидать, она совершенно потеряла голосъ! И это въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ, въ полной силѣ, при цвѣтущемъ здоровьи!

Дослуживши до пенсіи на вторыхъ и на третьихъ роляхъ, она вышла въ отставку.

Здѣсь кстати припоминаю казусъ при постановкѣ «Линды», въ которой Латышева пѣла заглавную роль. Въ прежнее время переводчики либретто главное вниманіе обращали на риму, и очень часто въ ущербъ смыслу фразы, или придавая ей смѣшной оборотъ. Кто изъ видѣвшихъ оперу «Марту» не помнитъ, напримѣръ, этихъ двухъ стиховъ:

«Ахъ, какъ онъ бѣжитъ,
«Земля подъ нимъ дрожитъ».

Иногда обрывали половину слова, и заставляли повторять этотъ слогъ нѣсколько разъ. Такъ, напримѣръ, въ «Робертѣ» хоръ пѣлъ:

«Въ законъ, въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ
«Для ра—, для ра—, для радости пожить».

Въ такомъ же родѣ исторія случилась и въ «Линдѣ». Прихожу я какъ-то къ Латышевой; она показываетъ мнѣ только-что полу-

ченную ею партію Линды, и говорить: «не можете ли перемѣнить мнѣ вотъ тутъ два стиха: они нелѣпы и смѣшны, хотя по положенію лица, говорящаго эту бессмыслицу, ему вовсе не до смѣха». Въ чемъ же было дѣло? Линда, дочь крестьянина въ Шамуни, отправилась въ Парижъ, и поступила горничной въ одинъ богатый домъ. Тамъ ее начинаетъ преслѣдовать грязными предложеніями старый волокита маркизъ. Не смотря на то, что Линда не сдается ему, онъ продолжаетъ за ней ухаживать, объясняется ей въ вѣчной любви, и хочетъ обнять ее. Линда въ порывѣ гнѣва отталкиваетъ его, и говорить:

«Вы, маркизъ, въ знатномъ чинѣ.

«Ниже всѣхъ людей нынѣ».

Дѣйствительно, нельзя было не расхохотаться, прочитавъ эту бессмыслицу! Хорошо же былъ образованъ переводчикъ, создавшій небывалый нигдѣ чинъ маркиза! И потомъ: что это за риема: чинѣ и нынѣ¹⁾? Къ несчастію, я никогда не обладалъ способностію писать стихи; а потому, сколько ни старался что-нибудь придумать, сколько ни ломалъ себѣ голову,—ничего не вышло. Я понималъ, что хотѣла сказать Линда, но стихами выразить это былъ не въ силахъ. Такъ эти два, гениальные въ своемъ родѣ, стиха и остались безъ перемѣны. Если они прошли незамѣтно при исполненіи оперы, то полагаю, что этому причиною была превосходная, полная истиннаго неподдѣльнаго комизма игра Гумбина въ роли стараго волокиты маркиза. Все вниманіе публики было обращено на маркиза, который былъ неподражаемо хорошъ, или какъ выразился одинъ мой знакомый, до отвращенія хорошъ!

О бывшемъ капельмейстерѣ русской оперы, Ковстантинѣ Николаевичѣ Лядовѣ, мнѣ часто приходилось слышать отзывы такого рода: «это былъ очень талантливый человѣкъ, отлично зналъ музыку, и отлично зналъ свое дѣло». Всякій разъ, какъ я слышалъ подобный отзывъ, я задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ же доказательства, что Лядовъ обладалъ всѣми тремя вышеупомянутыми качествами?

Я сдѣлался частымъ посѣтителемъ русской оперы съ начала 50-хъ годовъ, и что же я постоянно видѣлъ и слышалъ? Въ высшей степени небрежное управленіе Лядова оркестромъ. Это было не дирижированіе, а автоматическое маханіе капельмейстерской палочкой; чистоту и вѣрность звуковъ, соблюденіе указанныхъ въ партитурѣ нюансовъ, Лядовъ, кажется, считалъ излишнимъ, и если это и соблюдалось въ извѣстной степени, то зависѣло не столько отъ Лядова, сколько отъ самихъ музыкантовъ, добросовѣстно отнормившихся къ дѣлу.

¹⁾ Впрочемъ, и въ наше время есть плохіе, совершенно неспособные на это дѣло, переводчики либретто. Напомню читателямъ переводъ либретто оперы Верди, «Отелло». Неужели дирекція не могла найти лучшаго переводчика?

Постановка новыхъ оперъ была для Лядова тяжкимъ бременемъ; онъ любилъ повторять зады, возобновлять старыя, прежде игранныя оперы, или дававшіяся на итальянской сценѣ. Тутъ по крайней мѣрѣ хлопотъ немного: сдѣлалъ нѣсколько репетицій,—и опера готова. По этому рецепту были возобновлены: «Лючія», «Сонамбула», «Лукреція Борджіа», «Линда», «Пуритане», «Вильгельмъ Телль», и многія другія оперы. Исключеніе было сдѣлано для весьма немногихъ оперъ, недававшихся прежде (или если и дававшихся, то очень давно) ни на русской, ни на итальянской сценѣ; какъ на примѣръ, «Марта», «Индра», «Жидовка», и нѣкоторыя другія. Да и какъ онѣ исполнялись оркестромъ? Вяло, сухо, спустя рукава, подъ однообразное маханіе Лядова. Иногда, впрочемъ, оркестръ пробуждался отъ своей дремоты; исполненіе нѣкоторыхъ отгѣнковъ было грубо до невѣроятности; такъ, на примѣръ, оркестръ иногда дѣлалъ такое forte, что заглушалъ голоса исполнителей, хотя оркестровка вышеупомянутыхъ мною оперъ далеко уступала оркестровкѣ современныхъ оперъ (какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ) по своей силѣ и звучности. Отъ кого же зависило умѣрить forte оркестра, соображаясь съ силою голоса исполнителя? Думаю, что отъ капельмейстера! А на это Лядовъ въ большинствѣ случаевъ не обращалъ никакого вниманія.

А произвольныя измѣненія темповъ, а безобразныя и бессмысленныя купюры, которыя Лядовъ позволялъ себѣ дѣлать? Развѣ это ничего не значитъ? Развѣ это не доказывало небрежное, халатное отношеніе Лядова къ своему дѣлу, точное соблюденіе извѣстной поговорки: «отзвонилъ, да и съ колокольни долой»?

Быть можетъ, мнѣ на это скажутъ: написалъ фантазію на «Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту», Лядовъ доказалъ, что онъ талантливъ, и знаетъ музыку? Вполнѣ согласенъ; но я вѣдь не касаюсь его творческой дѣятельности, я говорю объ немъ, какъ о капельмейстерѣ, и смотря на него съ этой точки, опять повторяю свой прежній вопросъ: чѣмъ же, и когда же Лядовъ доказалъ свою талантливость, свою музыкальность, и знаніе своего дѣла? Да наконецъ: можно быть отличнымъ капельмейстеромъ при полномъ отсутствіи самостоятельной творческой способности, также какъ можно быть весьма талантливымъ композиторомъ и вполнѣ плохимъ капельмейстеромъ.

Можетъ быть съ начала своего вступленія въ должность капельмейстера Лядовъ относился къ своей обязанности болѣе рачительно, болѣе честно, болѣе добросовѣстно; но то, чему я былъ свидѣтелемъ, нисколько не подтверждаетъ вышеприведенныхъ мною краснорѣчивыхъ объ немъ отзывовъ.

Приведу здѣсь примѣръ капельмейстерскаго самодурства Лядова, лично до меня касающійся. Я написалъ для г-жи Платоновой арію съ женскимъ хоромъ и съ акомпаниментомъ оркестра.

Она взялась ее исполнить на одномъ изъ музыкальныхъ вечеровъ въ благородномъ собраніи. Тогдашній учитель оперныхъ хоровъ, Вителаро, въ скоромъ времени разучилъ хоръ. Оставалось только сдѣлать репетиціи съ оркестромъ. Наканунѣ назначеннаго для этого дня была послѣдняя репетиція хора съ фортепіано. Приходитъ на эту репетицію Лядовъ (онъ дирижировалъ оркестромъ на вечерахъ собранія) и, обращаясь къ Вителаро, категорически заявляетъ ему, что «эта арія не будетъ исполняться». Отчего? «Да такъ, не будетъ»¹⁾.

Я не нашелъ нужнымъ унижаться до объясненій съ подобною личностью, которая такъ рельефно выказала себя въ разныхъ подкопахъ противъ Даргомыжскаго при постановкѣ «Русалки». Если такой музыкальный авторитетъ, какъ Даргомыжскій, не могъ повернуть дѣло въ свою пользу, то что же могъ сдѣлать я, «червякъ въ сравненіи съ нимъ»? Да еслибы я и рѣшился на объясненіе съ Лядовымъ, то, вѣроятно, онъ отвѣчалъ бы мнѣ то же, что сказалъ Вителаро: «Да такъ, не будетъ исполняться».

А причина, какъ я полагаю, была очень простая: Лядовъ не терпѣлъ Даргомыжскаго, дѣлалъ ему всевозможныя непріятности, а такъ какъ я былъ близкимъ знакомымъ послѣдняго, то это нерасположеніе отразилось и на мнѣ. Другой причины я не нахожу, и не могу предположить. Если онъ находилъ, что моя арія была плоха по музыкѣ, то какое ему могло быть до этого дѣло? Пѣвица добровольно согласилась ее исполнять, и слѣдовательно весь успѣхъ или неуспѣхъ исполняемой ею піесы долженъ былъ пасть на нее одну, нисколько не касаясь другихъ ея сотрудниковъ по исполненію: на хоръ или на оркестръ, а тѣмъ болѣе на дирижера!

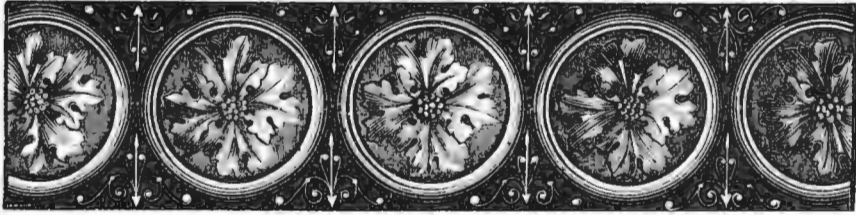
Въ былое время я встрѣчалъ Лядова у Латышевой. Онъ всегда обходился со мною любезно, и нерѣдко удостоивалъ мои сочиненія, которыя я приносилъ Латышевой, благосклоннаго отзыва. Но въ то время я еще не былъ знакомъ съ Даргомыжскимъ, а теперь, когда я сдѣлалъ такой неосторожный шагъ, познакомился и близко сошелся съ такою бездарностью, какою Лядовъ считалъ Даргомыжскаго,—увы! все перемѣнилось!

Смѣшно и досадно вспоминать объ этомъ!

В. Соколовъ.

¹⁾ Передаю это рѣшеніе Лядова со словъ г-жи Платоновой.

САНДУНОВЫ.

(Очеркъ изъ исторіи русскаго театра).

ЮБИТЕЛЯМЪ отечественной старины не безизвѣстна романическая исторія свадьбы актера и актрисы Сандуновыхъ, много разъ и на разные лады пересказывавшаяся въ нашей литературѣ. Едва ли, однако, кто-нибудь изъ неспециалистовъ имѣетъ вполне ясное представленіе объ артистической дѣятельности и жизни Сандуновыхъ. Между тѣмъ, даже личность одного Сандунова стоитъ того, чтобы посвятить ему отдѣльный біографическій очеркъ. Это былъ не только замѣчательный артистъ, но и очень своеобразный, выдающійся по своей не заурядной физиономіи человѣкъ.

Сандуновъ происходилъ отъ благородной грузинской фамиліи. Отецъ его, Николай Моисеевичъ, былъ человѣкъ со средствами и имѣлъ свое помѣстье. Современемъ, однако, обстоятельства его измѣнились, и дѣла пришли въ разстройство. Тѣмъ не менѣе, старикъ Сандуновъ сумѣлъ все-таки дать своимъ сыновьямъ хорошее по тому времени образованіе¹⁾. Оба они, Сила Николаевичъ актеръ (род. въ Москвѣ въ 1756 г.²⁾ и Николай Николаевичъ, впоследствии сенатскій оберъ-секретарь и профессоръ Московскаго университета (род. 13-го октября 1769 г.), передали свои имена потомству. Николай Моисеевичъ умеръ рано, въ 1772 г., въ то время, когда старшему сыну было всего 16 лѣтъ, но, кажется, еще при

¹⁾ «Драм. альбомъ» 1850 г. стр. XXXIV. Отсюда заимствованы нами и послѣдующія свѣдѣнія о жизни Сандунова до поступления его въ актеры.

²⁾ Такъ значится на памятникѣ Сандунова въ Москвѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ.

своей жизни успѣлъ его пристроить, опредѣливъ на службу въ мануфактурь-коллегію канцеляристомъ.

Съ раннихъ лѣтъ своего дѣтства Сандуновъ выказывалъ необыкновенныя способности: умъ подвижной и проницательный, чрезвычайно быструю сообразительность и замѣчательный даръ слова. Онъ отличался очень живымъ характеромъ, былъ остроуменъ и мѣтокъ на слова и любилъ чтеніе и литературу. Все это вмѣстѣ обѣщало ему успѣхи въ какой бы то ни было карьерѣ, но у него проявилась особенная страсть къ театру, которая и рѣшила его судьбу.

Открылась она на первый взглядъ совершенно случайно. Но то былъ не случай. Не говоря уже объ единственномъ въ своемъ родѣ комическомъ талантѣ Сандунова, къ его характеру, природнымъ наклонностямъ и влеченіямъ, всего болѣе подходила актерская жизнь. Въ первый разъ завелъ его въ театръ одинъ изъ его знакомыхъ, Юдинъ. Давали комедію «Наслѣдство», гдѣ одно изъ главныхъ мѣстъ занимало, по тогдашнему обыкновению, лицо пронырливаго, ловкаго плута-слуги, одного изъ тѣхъ безчисленныхъ Арлекиновъ, Пасквиновъ, Пролазовъ и имъ подобныхъ, которыхъ русская комедія унаслѣдовала отъ французской. Смотри на комическія выходки такого плутоватаго лакея, Сандуновъ, говорятъ, воскликнулъ: «Да я и самъ не хуже этого сыграю!» Тутъ-то онъ впервые созналъ свои творческія силы и призваніе.

Испытавъ на себѣ разъ то неотразимое впечатлѣніе, которое способно произвести на душу человѣка лишь одно драматическое искусство, это высшее изъ искусствъ, Сандуновъ уже не могъ удержаться отъ искушенія заглянуть въ театръ, въ другой, въ третій разъ... Чѣмъ далѣе, тѣмъ посѣщенія эти учащались. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ набросился на чтеніе драматическихъ произведеній, постоянно прикидывалъ себѣ въ умѣ, какъ бы сыгралъ онъ ту или другую роль. Тайкомъ отъ матери, не безъ предубѣжденія смотрѣвшей на театръ, онъ мало-помалу, сталъ разучивать роли. Случайно, или нѣтъ, онъ познакомился въ это время съ знаменитымъ впоследствии Шушеринымъ. Это знакомство было величайшимъ счастьемъ для Сандунова. Шушеринъ тогда только-что начиналъ свою блестящую сценическую карьеру. Оба они были молоды, оба интересовались однимъ и тѣмъ же — театромъ, и потому скоро сблизились. Шушеринъ сравнительно давно уже вращался въ театральной сферѣ и могъ поразсказать Сандунову много любопытнаго, многому его научить. Ему Сандуновъ приходилъ прочитывать свои роли, отъ него слышалъ и первое одобреніе и первые дѣльные совѣты и—кто знаетъ—быть можетъ именно благодаря бесѣдамъ съ Шушеринымъ и укрѣпилось въ немъ окончательно то, что еще ранѣе бродило въ головѣ—мысль сдѣлаться самому актеромъ.

Московскій театръ какъ разъ въ это время вступалъ въ новый періодъ своего существованія. Начинаясь высшій въ Москвѣ XVIII вѣка разцвѣтъ сценическаго искусства. Театръ отживалъ свою младенческую пору—пору всякаго рода превратностей и невзгодъ. Какъ извѣстно, въ первые годы московскій театръ имѣлъ полулюбительскій характеръ, возникнувъ при университетѣ, среди студентовъ. Попытка организовать театральное дѣло на новыхъ основаніяхъ, сдѣланная въ 1759 г. Волковымъ, окончилась неудачей и съ тѣхъ поръ театръ до самой половины семидесятыхъ годовъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного антрепренера къ другому, которые всѣ (за исключеніемъ развѣ полковника Н. С. Титова) смотрѣли на свою антрепризу, какъ на забаву, или еще чаще, какъ на средство наживы и, не обладая организаторскимъ талантомъ, терпѣли неудачу. Послѣ чумы 1771 г., со смертью одного изъ содержателей, Бельмонти, театръ окончательно упалъ, антрепренеровъ совсѣмъ не было, или являлись плохіе, пока, наконецъ, изъ рукъ послѣдняго такого антрепренера, Гроти, театръ не перешелъ къ князю Петру Васильевичу Урусову, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для него наступила новая, лучшая пора. Это и было въ томъ 1776 г., когда Сандуновъ рѣшился сдѣлаться актеромъ.

Но не князь Урусовъ былъ виновникомъ разцвѣта московскаго искусства; душею вновь возникшаго театра явился его сотоварищъ—Медоксъ. Неизгладимую и лестную память среди московскихъ старожиловъ оставилъ по себѣ Медоксъ, какъ единственный въ своемъ родѣ антрепренеръ. Дѣйствительно, чуткость къ потребностямъ данной минуты, тонкое знаніе вкуса своей публики, организаторскія способности, врожденная изворотливость и ко всему этому неутомимая энергія и смѣлость, соединявшаяся съ искуснымъ расчетомъ, дѣлали изъ него, такъ сказать, антрепренера по рожденію и ручались за успѣшное имъ веденіе дѣла. Къ нему-то и явился Сандуновъ. Сверхъ всѣхъ своихъ качествъ, Медоксъ обладалъ еще однимъ — проницательностью, умѣньемъ съ перваго взгляда отличить человѣка способнаго. Ему достаточно было только разъ услышать чтеніе Сандунова, чтобы убѣдиться, что передъ нимъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ — истинная находка для его труппы. Онъ тотчасъ же взялъ его къ себѣ и даже (если вѣрить Арапову) далъ сразу 1,200 р. жалованья,—окладъ, котораго не получалъ на петербургскомъ придворномъ театрѣ самъ Дмитревскій¹⁾.

Лѣтопись театра не сохранила извѣстія о днѣ дебюта молодого актера, но мы знаемъ пьесу, въ которой впервые испробовалъ свои

¹⁾ Вѣрнѣе всего, что цифра немного преувеличена. Высшій окладъ въ Медоксовомъ театрѣ—2,000 р.—получалъ одинъ только первый актеръ—Померанцевъ. Едва ли между окладами перваго актера и никому неизвѣстнаго дебютанта могла быть такая сравнительно небольшая разниаца.

силы Сандуновъ. Это—княжнинскіе «Чудаки». Сандуновъ игралъ въ нихъ слугу Пролоза. Самое имя дѣлаетъ излишнимъ характеристику персонажа. Скажемъ только, что это главное лицо пьесы, въ рукахъ котораго вся ея интрига. Для успѣшнаго исполненія его, не говоря уже о большомъ талантѣ, требуется опытность. Сандуновъ былъ новичкомъ въ искусствѣ; но не въ его натурѣ было чѣмъ-нибудь смущаться, оробѣть. Смѣлость и рѣшительность,

Сила Николаевичъ Сандуновъ.

умѣнье найтись, отличавшія его и въ жизни, и на сценѣ, придали ему надлежащую увѣренность въ себѣ, непринужденность игры. При томъ же Сандуновъ былъ молодъ, подвиженъ и ловокъ, обладалъ веселостью и той саркастической жилкой, которая позволила ему ярко отгнѣнить сатирическія замѣчанія Пролоза о чудачествахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ игрѣ Сандунова, Пролозъ предсталъ передъ зрителями во всей полнотѣ своего характера. Успѣхъ артиста былъ громаденъ.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1889 г., т. XXXVII.

7

Одна только мать молодого актера не безъ смущенія и тревоги отнеслась къ вступленію сына на сцену. Но съ чѣмъ не примирится любящее сердце матери для счастья сына? Сандуновъ скоро ее успокоилъ, а его матеріальное положеніе, возростающая слава и вниманіе къ нему многихъ уважаемыхъ лицъ, сгладили послѣднія опасенія ея относительно его новой карьеры.

Сандуновъ сразу занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ труппѣ Медоксова театра. А между тѣмъ, труппа эта блистала и тогда уже отличными дарованіями. Пламенный и порывистый Померанцевъ съ своимъ необыкновенно свѣжимъ и глубокимъ талантомъ до слезъ трогалъ зрителей въ драмѣ, его молодая жена, съ успѣхомъ раздѣляя лавры мужа въ роляхъ драматическихъ, въ то же время съ истинной живостью и бойкой веселостью исполняла съ Сандуновымъ служанокъ; къ нимъ присоединялись опытный, вдумчивый П. И. Калиграфъ, жена его, единственная въ свое время Медея и мистрисъ Марвудъ (въ Сарѣ Сампсонѣ). Надежда Калиграфова, даровитая Синявская на роли трагическихъ героинь и, наконецъ, Ожогинъ, своеобразный, чисто русскій юморъ, котораго и неистощимое буффонство заставляло деревенскихъ барынь нарочно пріѣзжать въ Москву, чтобы посмотреть на его игру. Значить, дѣйствительно, была велика сила природнаго таланта Сандунова, если онъ, молодой, неопытный актеръ не только не затерялся, но даже выдвинулся среди такого блестящаго сонма талантовъ. Даровитый Базиловичъ, раньше занимавшій амплуа слугъ, въ виду новаго, свѣжаго дарованія былъ забытъ. Московская публика оцѣнила талантъ Сандунова, а тогдашняя публика была далека отъ того разнокалибернаго, съ сомнительнымъ эстетическимъ образованіемъ, состава зрителей, которые теперь задаютъ тонъ театральной залѣ. Медоксовъ театръ имѣлъ два необходимыя условія для процвѣтанія театрального дѣла. У него былъ, во-первыхъ, художественный, понимающій дѣло директоръ, а затѣмъ, была и художественная публика. Ближайшія къ оркестру мѣста, табуреты, были всегда заняты театральными завсегдатаями, лицами просвѣщеннѣйшими въ тогдашней Москвѣ, изъ которыхъ многія имѣли свои театры и не на словахъ только любили и — что еще важнѣе — понимали искусство. Только ихъ просвѣщенный приговоръ и цѣнилъ актерами. Въ театрѣ, такимъ образомъ, создавалась особая, художественная атмосфера; изящество, вкусъ, пониманіе какъ-то сами собой прививались исполнителямъ. Необходимо замѣтить при этомъ, что спектаклей было не болѣе 75 въ годъ, что давало возможность тщательно срепетовать пьесу, такъ что спектакль при дѣльныхъ замѣчаніяхъ просвѣщенныхъ любителей театра, при такомъ руководителѣ, какъ Медоксъ, проходилъ что называется, безъ сучка и задоринки. Обаяніе художественной атмосферы, окружавшей Медоксовъ театръ, осталось за нимъ даже

въ пору его упадка, и московскіе старожилы до поздней старости не могли безъ увлеченія вспоминать о Медоксѣ и его актерахъ, Померанцевыхъ, Шушеринѣ и Сандуновѣ.

Быстро промелькнули для Сандунова первые 7—8 лѣтъ его московской жизни. Между 1783—1786 гг. пріѣхалъ въ Москву предсѣдатель учрежденнаго въ 1783 г. въ Петербургѣ особаго театральнаго комитета, А. В. Олсуфьевъ. Онъ, конечно, не преминулъ побывать въ Петровскомъ театрѣ и до того плѣнился игрой Сандунова, что предложилъ ему перейти на придворный театръ. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ Сандуновъ сдѣлался, такимъ образомъ, артистомъ петербургскаго придворнаго театра.

Въ Петербургѣ онъ наслѣдовалъ уже не Базилевичу, а знаменитому Шумскому, украинцу изъ цирюльниковъ, у котораго природный комизмъ и юморъ его родной Малороссіи были ключемъ. Но Шумскій уже старѣлся, а Сандуновъ былъ въ полномъ разцвѣтѣ таланта, и соперничество не оказалось ему страшно. Его скоро полюбили, и даже самые недостатки его, какъ актера, — склонность къ скабрзнымъ намекамъ и сальностямъ — нашли себѣ поклонниковъ. Впрочемъ, недостатокъ этотъ и развился лишь благодаря современному репертуару, именно подъ вліяніемъ только что зарождавшейся тогда въ Петербургѣ комической оперы, перенесенной къ намъ съ итальянской сцены.

Историкъ литературы и театра не обойдетъ молчаніемъ этого вліянія, мало-по-малу растливіаго добрую нравственность русскаго театра. Стоило только положить начало, а тамъ русскіе авторы, видя успѣхъ пошлаго и скабрзнаго итальянскаго буффонства, стали сами играть на дурныхъ инстинктахъ публики и вводить въ свои пьесы грязные намеки и двусмысленныя остроты — «гнилыя слова», какъ говаривали наши предки. Особенно прославился въ этомъ отношеніи Клушинъ, авторъ нѣсколькихъ комедій и издатель «Зрителя». Строгіе ревнители доброй нравственности напрасно вооружались противъ «безстыдства», напрасно обрушивались на оперу, какъ на «развратительницу цѣломудрія русскаго театра», говоря, что она «чувственной потѣхой глазъ и ушей отвлекла отъ благородныхъ наслажденій ума и сердца драматическаго театра»:—новое теченіе трудно было остановить. Намъ, привыкшимъ къ наглому безстыдству современной оперетки, кажутся преувеличенными эти нападки на скабрзность старинныхъ русскихъ комедій, хотя бы Клушина, но вспомнимъ, что то были лишь начатки развращающаго вліянія, которые уже не далѣе, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія дали такіе плоды, что вызвали печатный протестъ со стороны многихъ зрителей ¹⁾. Къ сожалѣнію,

¹⁾ Одинъ изъ такихъ протестовъ былъ напечатанъ въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» за 1804 г.

Сандуновъ былъ изъ числа тѣхъ актеровъ, которые болѣе всего подчинились новому теченію. Онъ и его подражатель, Сторожевъ, по словамъ князя Шаховскаго, «объясняли зрителямъ взглядомъ, усмѣшкою и даже жестами грязную замысловатость авторовъ и свою собственную, и принудили дирекцію употребить строгія мѣры для удержанія ихъ послѣдователей отъ такого безчиннаго промысла рукоплесканій»¹⁾. Эта черта—единственная, набрасывающая на Сандунова-актера извѣстную тѣнь, и, конечно, одно стороннее вліяніе не могло бы ее образовать, если бы для нея не нашлось благопріятной почвы въ самой природѣ Сандунова. Можно сказать вообще, что какимъ видѣли его зрители на сценѣ, такимъ былъ онъ и въ жизни. Играя роли развращенныхъ плутовъ-слугъ, помогающихъ любовнымъ пашнямъ своихъ господъ и обманывающихъ ихъ отцовъ, онъ самъ обладалъ всѣми типическими чертами этихъ персонажей—бойкимъ, веселымъ складомъ ума, неистощимой изобрѣтательностью, хитростью, граничившей съ плутовствомъ.

Сандуновъ всегда не прочь былъ поволокитничать. Его бойкій умъ и красивая, оригинальная наружность доставили ему много побѣдъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Но настала чередъ и ему полюбить. Въ петербургской театральной школѣ воспитывалась тогда новая, восходящая звѣзда только-что зародившейся русской оперы, граціозная, даровитая Лизанька Федорова²⁾, любимица императрицы и истинный баловень публики. Лизанька, съ прекраснымъ, «чистымъ, какъ хрусталь, и звонкимъ, какъ золото», голосомъ, съ необыкновенной выразительностью игры и пѣнія, соединяла еще замѣчательную пріятность наружности. Ея большіе черные, «искрометные» глаза затронули не одно сердце, а задорная, обворожительно-плутоватая улыбка могла бы расшевелить самага апатичнаго человѣка. Когда Лизанька впервые выступила на сценѣ 29 января 1790 г.³⁾ на эрмитажномъ театрѣ въ роли Амура въ «Діаниномъ древѣ»—всѣ невольно сознались, что это былъ самъ Амуръ. Блестящіе гвардейцы, весь цвѣтъ высшей петербургской молодежи, старались плѣнить молодую дѣвушку и сулили ей горы золота, но помимо всѣхъ своихъ достоинствъ Лизанька была еще натурой неспорченной, и напрасны остались посулы. Тогда къ прежнему названію прибавилось новое и Лизанька прослыла «Амуромъ, не пойманнымъ золотой сѣткой». Въ нее-то и влюбился Сандуновъ со всѣмъ пыломъ и страстью своей южной натуры. Пролазъ въ жизни, какъ и на сценѣ, онъ успѣлъ найти доступъ къ Лизанкѣ, и она полюбила его въ свою очередь всей силой первой любви. Рѣшено было, какъ только выпустятъ

¹⁾ Лѣт. рус. театра кн. Шаховскаго. «Реперт.» 1840 г. № 2, стр. 9.

²⁾ Императрица послѣ ея перваго дебюта велѣла ей переименоваться въ Уранову по имени тогда только-что открытой новой кометы.

³⁾ Записка Храповицкаго.

ее изъ школы, сейчасъ же повѣнчаться. Но прежде чѣмъ это случилось, молодымъ людямъ пришлось пройти еще черезъ цѣлый рядъ превратностей.

Въ числѣ неудачныхъ обожателей Лизаньки былъ могущественный графъ Безбородко. Слостолюбивый, онъ въ то же время, какъ всѣ малороссы, былъ чрезвычайно упрямъ въ достиженіи своихъ цѣлей. Что только не дѣлалъ онъ, чтобъ склонить на свои предложенія молодую дѣвушку! Директоры театра—ихъ было тогда двое—Соймоновъ и Храповицкій—держали его руку. Но Лизанька оставалась непреклонной. Узнавъ, что она любитъ Сандунова и ужъ рѣшила выйти за него замужъ, какъ только ее выпустятъ изъ школы, Соймоновъ и Храповицкій надумали избавиться отъ Сандунова и, замедливъ выпускъ Лизаньки, уволили его подъ какимъ-то предлогомъ отъ службы.

10 января 1791 г. назначенъ былъ ему передъ отъѣздомъ въ Москву прощальный бенефисъ на городскомъ театрѣ. Давали комедію его пріятеля, Клушина «Смѣхъ и горе», въ которой Сандуновъ игралъ свою обычную роль плута-слуги, Семена. По упорству и мстительности Сандуновъ не уступалъ Безбородкѣ. Коса нашла на камень, и ничтожный актеръ задумалъ отмстить вельможѣ и его друзьямъ-директорамъ. Онъ упросилъ Клушина придѣлать къ пьесѣ монологъ, гдѣ бы намеками рассказывалось о причинахъ его удаленія со сцены, о незаконныхъ дѣйствіяхъ дирекціи и Безбородки. Монологъ вышелъ чрезвычайно ѣдкимъ и желчнымъ, и когда Сандуновъ читалъ его, объясняя публикѣ, что съ прискорбіемъ разстается съ ней, по необходимости удаляясь со сцены,—

«Гдѣ графы и бароны
 «Въ подарки тратятъ милліоны
 «И силу—силою гнетутъ»,—

публика, изъ которой многимъ, конечно, были извѣстны городскіе слухи, разразилась рукоплесканіями ¹⁾. Ударъ былъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Но дирекція не оставила произведеннаго Сандуновымъ скандала безнаказанно: его, говорятъ, посадили подъ арестъ. Сандуновъ, однако, могъ похвастаться своей мстью. Слухъ о происшествіи дошелъ до императрицы и директорамъ театра, особенно Храповицкому, который былъ ея ежедневнымъ докладчикомъ, порядкомъ досталось. Напрасно ея «умникъ»—такъ называла Екатерина Храповицкаго—старался себя выгородить, говорилъ о развратной жизни Сандунова, что онъ жилъ съ актрисой Михайловой... и, слюбясь съ матерью Лизы, хотѣлъ подъ видомъ женитьбы выманить ее изъ школы ²⁾. Императрица приняла сухо эти объясненія.

¹⁾ «Пантеевъ», 1840 г., ч. 1, стр. 99—100.

²⁾ Зап. Храповицкаго, подъ 12 янв. 1791 г.

Въ это время на эрмитажномъ театрѣ готовилась къ постановкѣ новая опера «Федулъ съ дѣтьми». Въ ней Лизанька Уранова исполняла роль Дуняши и, между прочимъ, должна была пѣть знаменитую въ свое время арію: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», все содержаніе которой будто нарочно было написано по поводу домагательства Безбородки. Дуняша поетъ:

«Приѣзжалъ ко мнѣ дѣтинка
 Изъ Санктпetersа сюда:
 Онъ меня красну дѣвицу
 Подговаривалъ съ собой;
 Серебромъ меня дарилъ,
 Онъ и золото сулилъ.
 Поѣзжай со мной, Дуняша.
 Поѣзжай. онъ говорилъ...»

а Дуняша отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, сударикъ, не поѣду,

 Я совѣтую тебѣ
 Имѣть равную себѣ;
 Въ нашемъ городѣ обычай,
 Я слыхала ото всѣхъ,
 Что всѣхъ любите словами.
 А на сердцѣ никого;
 А у насъ-то вѣдь въ деревнѣ
 Здѣсь прямая простота...»

Можно представить, съ какой особенной выразительностью пропѣла Лизанька эту арію. Императрица была въ восхищеніи. Но каково было ея удивленіе, когда, по окончаніи аріи, ея любимица вдругъ упала на колѣна, вынула свернутую бумагу и, обратясь къ государынѣ, подала ей просьбу. Императрица приказала своему камердинеру тотчасъ же взять отъ нея просьбу и велѣла привести къ ней Лизаньку въ кабинетъ. Здѣсь на колѣняхъ передъ государыней молодая дѣвушка рассказала ей подробно о проискахъ Безбородки и дирекціи. Императрица давно уже замѣчала что-то неладное въ отношеніи дирекціи къ ея любимицѣ. Еще послѣ перваго ея дебюта въ «Діаниномъ дровѣ» она сказала Храповицкову: «pourquoi les empêcher de se marier»¹⁾, очевидно разумѣя замужество съ Сандуновымъ, потомъ съ удивленіемъ видѣла нападки на Лизаньку; наконецъ, увольненіе Сандунова и теперешняя просьба молодой дѣвушки открыли ей все дѣло. Она чрезвычайно разгнѣвалась. Соймоновъ и Храповицкій были смѣщены. Судьбу же Лизаньки императрица взялась устроить сама.

14 февраля Лизанька и Сандуновъ были обвѣнчаны въ малой

¹⁾ Зап. Храповицкаго, подъ 30 янв. 1790 г.

придворной церкви ¹⁾). Екатерина сама заботилась о своей любимицѣ, сдѣлала ей богатое приданое, дала прекрасный гардеробъ и брилліанты и, наконецъ, какъ бы въ довершеніе своихъ милостей, подарила ее, какъ рассказываетъ со словъ С. Н. Глинки, Кони—словомъ любви и благоволенія монаршаго: когда Лизаньку одѣвали, ей услуживали всѣ ея подружки по сценѣ и пѣли ей хоромъ свадебную пѣсню, которую до того времени никто не слыхалъ:

•Какъ красавица одѣвалася,
•Одѣвалася, снаряжалася,
•Для милаго друга,
•Жданнаго супруга,—
 •Всѣ подружки
 •Другъ отъ дружки,
•Ей старались угождать,
•Красавицу снаряжать!
 •За любовь, за ласку—
•Та поясъ несетъ,
•Та несетъ подвязку,
•Та кольцо даетъ.
 •Всѣ подружки,
 •Другъ отъ дружки,
•Угождать старались ей
•За доброе сердце;
•А доброе сердце
•Намъ милѣй всего!

Начальные стихи этой пѣсни поетъ хоръ во второмъ дѣйствіи оперы «Февей», сочиненной императрицей. Но кто написалъ остальные стихи, никто не зналъ. Только на другое утро, когда Лиза стала открывать сундуки съ своимъ приданымъ, она нашла въ первомъ изъ нихъ сверху эту пѣсню, а подъ пѣснью стояло: «Екатерина II». Этотъ высшій знакъ милости императрицы тщательно хранился въ семействѣ Сандуновыхъ ²⁾).

Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, на театрѣ шла передѣланная Дмитревскимъ съ итальянскаго опера «Рѣдкая вещь» (Cosa rara). Лизанька, теперь уже Елисавета Семеновна Сандунова, играла въ ней роль Гиты. Здѣсь ей приходится пѣть арію, еще болѣе подходившую къ ея исторіи съ Безбородкой, чѣмъ даже пѣсня: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ». Театръ былъ полонъ публики; между зрителями въ крайней ложѣ къ сценѣ сидѣлъ Безбородко. Лукавая Лизанька не выдержала, чтобъ не воспользоваться случаемъ къ отмсткѣ ему и, когда дѣло дошло до ея главной аріи, она ловко выдвинула изъ своего радикуля кошелекъ съ деньгами, подошла

¹⁾ Зап. Храповицкаго.

²⁾ «Пантеонъ», 1840 г., ч I, стр. 98—99.

къ рампѣ и, поднявъ руку съ кошелькомъ, обратившись прямо къ ложѣ Безбородки, устремила на него свои лукавые, смѣющіеся глаза и насмѣшливо зашѣла:

«Престаньте лѣститься ложно,
 «И мыслить такъ безбожно,
 «Что деньгами возможно
 «Въ любовь къ себѣ склонить.
 «Намъ нужно не богатство,
 «Но младость и пріятство...
 «Еще что-то такое,—

тутъ она сдѣлала значительное фермато и задорно продолжала,—

«Что можетъ насъ прельщать,
 «Что можетъ уловлять».

Весь театръ захопалъ этой остроумной и забавной выходкѣ своей любимицы. Всѣ знали исторію съ Безбородкой и невольно обратили глаза къ его ложѣ. Но Безбородко не смутился и самъ же усиленно хлопалъ и требовалъ повторенія аріи. На другой день Лизанька получила отъ него богатый подарокъ—шкатулку, полную брилліантовъ ¹⁾.

Однако, Сандуновы сочли болѣе благоразумнымъ уѣхать изъ Петербурга. Испросивъ разрѣшенія у императрицы и получивъ отъ нея щедрое единовременное вознагражденіе, въ концѣ 1791 г., Сандуновъ со своей молодой женой отправился въ Москву. Первымъ дѣломъ его по пріѣздѣ было пожертвовать подаренныя Безбородкой драгоценности сиротамъ Воспитательнаго дома—поступокъ, рисующій Силу Николаевича съ той стороны, съ которой онъ всего менѣе извѣстенъ.

Съ распростертыми объятіями приняли москвичи молодую талантливую чету. Блестящій актерскій талантъ Сандунова, его занимательность въ обществѣ, были памятны всѣмъ, а слухъ о необыкновенномъ голосѣ и прекрасной наружности его молодой жены давно уже носился по Москвѣ. Медоксу пріѣздъ Сандуновыхъ оказался особенно на руку. Дѣла его театра къ тому времени явно разстроивались. Онъ, что называется, «зарвался» въ своей антрепренерской дѣятельности, не соразмѣривъ потребностей публики съ количествомъ тогдашнихъ московскихъ увеселеній. При сравнительной малочисленности театральной публики, въ Москвѣ, кромѣ Петровскаго театра и лѣтняго театра въ воксалѣ, также выстроеннаго Медоксомъ, было еще около двадцати частныхъ домашнихъ театровъ, гдѣ привѣтливими хозяевами предлагалось даровое наслажденіе зрѣлищами. При такихъ условіяхъ слѣдовало тщательно уберечься отъ излишнихъ расходовъ. Медоксъ не удержался и

¹⁾ Этотъ случай далъ поводъ Арапову написать свой водевилъ «Лизанька», изданный въ 1858 г. Къ нему приложенъ портретъ Сандуновой.

вошелъ въ неоплатные долги. Сандуновы, конечно, не могли поправить его дѣла окончательно, но могли привлечь публику, поднять интересъ къ театру, а Медоксу было хорошо и это ¹⁾).

Въ талантѣ Сандунова было что-то рѣшительно увлекающее, и это оттого, что онъ самъ, играя, увлекался до такой степени, что не видѣлъ театальной залы: передъ нимъ были только лица, его окружавшія. Онъ именно «входилъ» въ свою роль, воплощался въ изображаемый характеръ. Дарованіе его нельзя назвать слишкомъ обширнымъ—онъ былъ только комикомъ и даже въ этомъ объемѣ игралъ преимущественно только слугъ да подъячихъ—но въ этихъ предѣлахъ онъ былъ само совершенство. Когда, бывало, онъ выйдетъ на сцену, юркій, живой и «подвижный, какъ ртуть», небольшого роста, но прекрасно сложенный, съ своими маленькими, прищуренными глазами, изъ которыхъ «такъ и сверкали язвительныя молніи»,—онъ сразу приковывалъ къ себѣ всеобщее вниманіе и мастерски умѣлъ даже одной внѣшностью своей дать зрителямъ понятіе о характерѣ изображаемаго лица. Булгаринъ, который видѣлъ его въ «Скапиновыхъ обманахъ», въ 1805—1806 гг., когда Сандуновъ съ женой пріѣзжалъ на гастроли въ Петербургъ, говорить, что, не смотря на немолодыя уже лѣта, въ немъ сохранилась и тогда еще живость юности. Такъ Скапина не играли и въ самомъ Парижѣ. «Лишь только вышелъ онъ на сцену, пишетъ Булгаринъ, оглянулся, потеръ руки и пожалъ плечами—то, не сказавъ еще ни слова, уже характеризовалъ свою роль. Нельзя было не догадаться, что этотъ Скапинъ плутъ. Какія интонаціи въ голосѣ, какая естественность въ движеніяхъ, что за плутовскіе взгляды и ухватки! Мольеръ расцѣловалъ бы нашего Скапина, еслибъ даже и не понималъ порусски» ²⁾). Остроты, колкости, сатирическія выходки, которыми пересыпаны роли слугъ въ старинныхъ русскихъ комедіяхъ,

¹⁾ Биографъ Сандуновой, Р. М. Зотовъ, сообщаетъ, будто бы Сандунова появилась на Московскомъ театрѣ только 1798 году, оставаясь до того времени безъ дѣла, ибо только въ 1798 году Медоксъ завелъ у себя оперу. Но Сандунова играла и въ драмѣ; да и оперы давались на московскомъ театрѣ задолго до 1798 года. Первая опера «Перерожденіе», игранная на Медоксовомъ театрѣ, шла 8-го января 1777 года. Интересное замѣчаніе объ этомъ спектаклѣ находимъ въ «Драм. Словарѣ 1787 года» (стр. 105—106): «Прежде сей оперы, читаемъ здѣсь, никакыхъ еще оперъ на Московскомъ театрѣ не играли, и не прежде оную играть рѣшились, какъ испрося у публики позволеніе сдѣланнымъ особливо на сей случай разговоромъ между большею комедіею и сей оперой». Публикѣ новинка понравилась и ей аплодировали.—Вообще хронологическія свѣдѣнія, сообщаемыя Р. М. Зотовымъ о Сандуновой, сомнительны. По его словамъ, она пребыла на петербургской сценѣ около 3 лѣтъ, считая начало службы со дня ея выпуска, 18-го марта 1791 года, и кончая 3-го мая 1794 года, когда она была уволена. Но рѣшительно всѣ остальные свѣдѣтельства согласны въ томъ, что Сандуновы уѣхали въ Москву, недолгое время спустя послѣ свадьбы, приблизительно въ концѣ 1791 года.

²⁾ «Пантеонъ», 1840 г., № 1, стр. 81—82.

выходили у него какъ-то особенно ловко, точно создавались именно въ данную минуту, конечно, оттого, что Сандуновъ самъ былъ чрезвычайно остроуменъ и колокъ. Хитрость и плутовство воспроизводились имъ неподражаемо: «онъ высматривалъ—говорять—каждое движеніе того, съ кѣмъ говорилъ и, казалось, проникать его насквозь». Веселость же его исполненія была заразительна и быстро сообщалась зрителямъ. Надо было посмотрѣть на него, когда онъ игралъ вмѣстѣ съ молодой, лукавой и живой Полянской ¹⁾—онъ въ роли пронырливаго слуги, она въ роли хитрой служанки—это было дуэтъ поистинѣ виртуозный. «Видѣть ихъ вмѣстѣ на сценѣ было истинное наслажденіе,—разсказываетъ С. Н. Глинка.—Какъ живо обмѣнивали они взоры, жесты и слова! Какъ ловко родилась у нихъ каждая сцена! Точно какъ будто они были другъ для друга рождены! ²⁾ Сандуновъ на сценѣ былъ всегда въ движеніи, «разсыпался мелкимъ бѣсомъ» и чувствовалъ себя совѣмъ, какъ дома. Оттого игра его носила какой-то особенный отпечатокъ силы, смѣлости, своего рода щегольства. Когда въ княжнинскомъ «хвастунѣ» онъ игралъ Полиста, слугу, переодѣвающагося въ барина, его манеры были такъ ловки, такъ увѣренны и красивы, что тогдашніе франты старались перенять у него искусство держать себя въ обществѣ. Что касается до ролей подъячихъ, то развѣ одинъ Шумскій могъ съ нимъ здѣсь посоперничать. Жихаревъ, видѣвшій его въ роли Клима Гаврилыча въ «Рекрутскомъ наборѣ», нѣкогда знаменитой драмѣ Ильина, говоритъ, что «это былъ настоящій подъячій съ приписью». Самый типъ подъячаго въ то время уже не существовалъ, и молодое поколѣніе невольно видѣло въ немъ извѣстную каррикатурность, но страсть къ сутяжничеству, къ ябедѣ передавалась Сандуновымъ удивительно. И замѣчательно то, что, не смотря на все однообразіе всѣхъ этихъ плутовъ-слугъ и крючковъ-подъячихъ, Сандуновъ умѣлъ каждому изъ нихъ придать особья, индивидуальныя черты, видоизмѣнять одинъ и тотъ же типъ. Гримъ онъ былъ превосходный и въ этомъ отношеніи, по словамъ Жихарева, онъ являлся совершеннымъ Протеемъ. Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ давалась комедія «Алхимистъ», гдѣ Сандунову приходилось являться въ семи разныхъ персонажахъ, изъ молодого румянаго парня, онъ превращался въ дряхлаго старика, изъ мушкетера въ женщину, и зрители удивлялись до какой неузнаваемости доходили у него эти превращенія ³⁾. Игра артиста всегда была нова, смѣла и оригинальна. Здѣсь будетъ умѣстно привести одинъ случай изъ его сценической практики, гдѣ своеобразныя

¹⁾ Актриса Медоксова театра. Ее хвалилъ самъ Карамзинъ въ своемъ «Московскомъ Журналѣ».

²⁾ «Пантеонъ», 1840 г., ч. I, стр. 96.

³⁾ «Отеч. Зап.», 1855 г., № 4, стр. 380.

черты его и какъ актера и какъ человѣка сказались особенно ясно.

Въ одинъ изъ своихъ бенефисовъ, онъ вздумалъ поставить одну изъ лучшихъ старинныхъ оперъ «Рауль Сиръ де Креки», при чемъ самъ взялъ на себя роль тюремщика. Надо знать, что щедро надѣленный отъ Бога талантами всякаго рода, Сандуновъ не имѣлъ одного—способности къ музыкѣ: у него не было ни достаточнаго для пѣнія голоса, ни даже музыкальнаго слуха, а между тѣмъ въ оперѣ ему приходилось пѣть. Понятно, что всѣ любопытствовали знать, какъ онъ справится съ своей ролью. Театръ, какъ впрочемъ въ большинствѣ его бенефисовъ, былъ набитъ биткомъ. «Лишь только Сандуновъ вышелъ—разсказываетъ (со словъ С. Н. Глинки) Кони—его привѣтствовали тремя залпами рукоплесканій. Но едва онъ затанулъ первую свою арію:

«Лишь взойдетъ заря багряная
«Въ гости къ бочкамъ я хожу.—и пр.

какъ весь театръ залился хохотомъ. Сандуновъ такъ перепуталъ слова и ноты, запѣлъ такъ въ разладъ съ музыкой, что оркестръ остановился. Но смѣлый Сандуновъ, не смутившись ни мало, допѣлъ свою арію безъ музыки и, наконецъ, подойдя къ оркестру, сказалъ публикѣ какъ бы по секрету:

«Пусть себѣ театръ смѣется,
«Что успѣлъ пѣвца поддѣть:
«Сандуновъ—самъ признается,
«Что плохой онъ мастеръ пѣть».

Театръ загремѣлъ отъ браво и рукоплесканій. Никогда еще оперный пѣвецъ не имѣлъ столь блистательнаго успѣха, какъ Сандуновъ въ эту минуту»¹⁾. На завтра экспромтъ актера облетѣлъ всю Москву. Публика любитъ находчивость и остроуміе: вотъ причина особаго успѣха Сандунова, особаго расположенія къ нему публики. Онъ умѣлъ создать между собой и зрительной залой невидимую связь: поддерживали эту связь не только игра его, но и обаяніе его личности, его сатирическаго ума.

Въ обществѣ Сандунова любили такъ же, какъ и на сценѣ, и онъ былъ принятъ въ лучшихъ домахъ Москвы и Петербурга. «Бойкій талантъ, ума—палата, языкъ—бритва»,—таково было о немъ ходячее мнѣніе. И оно было вѣрно. Многими чертами своего характера Сандуновъ, по справедливому замѣчанію Кони, сходилъ съ Бомарше: такая же склонность къ интриганству, такая же неуживчивость, тотъ же сатирическій складъ ума быстрого, пронизательнаго, та же язвительная колкость. Остроуміе Сандунова не знало пощады никому: въ кого бы ни мѣтила его остроота—въ

¹⁾ «Пантеонъ», 1840 г., ч. I, стр. 97.

отца ли, друга ли, начальника—ему было безразлично: остроты срывались у него съ языка сами собой, невольно. «Какъ-то разъ,— читаемъ въ запискахъ одного современника,—Сандуновъ, повстрѣчавшись на вечеринкѣ съ братомъ своимъ, Н. Н., извѣстнымъ переводчикомъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и сенатскимъ оберъ-секретаремъ, такимъ же острякомъ, какъ и онъ самъ, они о чемъ-то заспорили; а какъ братья ни за что не упустятъ случая поподчивать другъ друга сарказмами, то Н. Н. въ пылу спора и сказалъ брату: «Тутъ, сударь, и толковать нечего: вашу братью всякій можетъ видѣть за рубль!»—Правда, отвѣтилъ актеръ, за то вашей брати безъ красненькой и не увидишь». Остро!—замѣчаетъ рассказчикъ, однакожь въ отношеніи къ Н. Н. несправедливо¹⁾... Позднѣйшіе факты показали, что острота была справедлива: тѣмъ болѣе она должна была уколоть.

Не всякому, конечно, были пріятны такія остроты. Оттого Сандунова, хоть любили въ обществѣ, но и побаивались. Сколько непріятныхъ столкновеній доставило ему его остроуміе. Впрочемъ, непріятности были ему не почемъ. Онъ умѣлъ ихъ отразить! Это былъ человѣкъ чрезвычайно неуживчивый: гдѣ онъ ни являлся, непременно затѣвалъ какую-нибудь интригу. Чуть ли не по его инициативѣ въ средѣ артистовъ Медокса явилась мысль за плохимъ веденіемъ дѣлъ директоромъ взять театръ въ свои руки. Главнымъ двигателемъ возникшихъ раздоровъ во всякомъ случаѣ былъ Сандуновъ. «Однажды»—рассказываетъ въ своихъ запискахъ С. Н. Глинка—«ко мнѣ прискакали въ лефортовскія казармы, гдѣ тогда стоялъ нашъ полкъ, Сандуновъ и Плавильщиковъ. Оба были впопыхахъ, оба перебивали другъ друга. «Сергѣй Николаевичъ!»—сказалъ мнѣ Сандуновъ,—«мы пришли отъ имени всѣхъ нашихъ товарищей убѣждать васъ, чтобы вы прекратили всѣ ваши сношенія съ Медоксомъ. Стыдно намъ, русскимъ, зависѣть отъ иностранца. Мы намѣрены взять театръ на свой отчетъ: вы нашъ, не такъ ли?» Надо замѣтить, что я былъ тогда театральнымъ авторомъ, писалъ пьесы, прологи и переводилъ оперы для Большого театра. Зная, что трагикъ Шушеринъ, Калиграфова и нѣкоторые изъ его товарищей не расположены къ Сандунову и женѣ его, я отъ этой размолвки предвидѣлъ опасность для театра. Я старался ихъ успокоить и сказалъ: «Вы не совете Медокса, а только сами перессоритесь и разбредетесь въ разныя стороны...»²⁾ Однако, въ 1799 г. актеры все-таки обратились съ своей просьбой къ начальству, прося отдать имъ театръ на откупъ и обѣщая представить

¹⁾ «Зап. современника», изд. 1859 г., стр. 104. То же самое съ незначительными вариантами рассказываетъ князь П. А. Вяземскій въ своей «Записной книжкѣ». «Русск. Архивъ», 1873 г., кн. 2, стр. 1987.

²⁾ «Пантеонъ», 1840 г. ч. I, стр. 101.

за себя поручителей. Но ихъ желаніе не было удовлетворено. Для управленія театромъ учредили особый комитетъ, а послѣ пожара Петровскаго театра въ 1805 г., театръ московскій перешелъ въ вѣденіе казны. Неуживчивость Сандунова давала, однако, себя знать и послѣ смѣны Медокса. Жихаревъ сообщаетъ уже въ 1807 году о непріятностяхъ въ московскихъ театрахъ и замѣчаетъ:—«говорятъ, что Сила Сандуновъ игралъ не послѣднюю роль во всей этой

Елисавета Семеновна Сандунова.

несогласицѣ»¹⁾. Въ восьмисотыхъ годахъ, когда Сандуновъ занималъ мѣсто режиссера, она высказалась еще рѣзче: вмѣсто того, чтобъ тщательно охранять труппу отъ всякаго интриганства, онъ, интригуя самъ, вызывалъ собою явное недовольство, не смотря на то, что по своимъ знаніямъ и опытности могъ бы быть прекраснымъ режиссеромъ.

¹⁾ «Отеч. Зап.», 1855 г., № 8, стр. 394—395.

Разсказываютъ одинъ случай изъ его режиссерской практики. когда ему удалось открыть дарованіе въ одной молодой, неопытной актрисѣ, Лисицыной, впоследствии, по словамъ Арапова, «съ честью отслужившей свое время Русской Талии». Случилось такъ, что незадолго до бенефиса Сандунова одна изъ первыхъ московскихъ актрисъ, Померанцева была внезапно на сценѣ поражена ударомъ, играя роль Ратимы въ первой части нѣкогда излюбленной русской публикой оперы «Русалка». Между тѣмъ, въ бенефисъ Сандунова была назначена вторая часть той же оперы «Русалка», гдѣ Померанцева также должна была участвовать. Сила Николаевичъ не зналъ что дѣлать, но обычная расторопность выручила его и на этотъ разъ. Онъ остановилъ свое вниманіе на Лисицыной, «убѣдилъ ее выучить роль, самъ прочиталъ съ ней нѣсколько разъ и въ день спектакля, какъ она сама впоследствии разсказывала, разрисовалъ дебютанткѣ лицо сухими красками такъ, что она долго плакала отъ боли и, когда надѣла костюмъ, то ея сестра и другіе товарищи приняли ее за Померанцеву и съ участіемъ разспрашивали о состояніи ея здоровья. Лисицына роль свою выдержала мастерски и стала съ тѣхъ поръ любимицей публики»¹⁾. Свидѣтельствуя о большомъ искусствѣ Сандунова въ гримировкѣ, этотъ случай обличаетъ все тѣ же обычные свойства его характера—рѣшительность и находчивость, придававшую особый отпечатокъ его уму и характеру, въ значительной степени смягчавшій отрицательныя качества нашего актера.

Эти качества на первый взглядъ оставляютъ какъ бы въ тѣни его хорошія свойства. Но несомнѣнно, что въ природѣ Сандунова была извѣстнаго рода мягкость души, даже нѣжность. Вспомнимъ хоть бы поступокъ его съ брилліантами Безбородки. Не всякій поступилъ бы такимъ образомъ. Его отношенія къ матери обнаруживаютъ въ немъ нѣжнаго сына. Когда въ 1815 г. она умерла, онъ былъ искренно огорченъ и поставилъ ей на Лазаревскомъ кладбищѣ въ Москвѣ изящный и оригинальный памятникъ, сохранившійся до сихъ поръ. На чугунномъ возглавіи возвышается чугунный же крестъ, вокругъ котораго обвилась длинная змѣя. На памятникѣ, сооруженномъ въ 1817 г. вылиты дни рожденія и смерти отца и матери Сандунова, а на передней сторонѣ надпись: «отцу и матери отъ сына».

Вообще Сандуновъ можетъ служить прекраснымъ образцомъ художнической натуры. Это была натура живая, воспріимчивая, чрезвычайно чуткая. Какъ всѣ актеры, онъ отличался очень развитымъ самолюбіемъ, къ которому присоединялась еще гордость своимъ происхожденіемъ будто бы отъ древнихъ грузинскихъ владѣтелей. Самолюбіе предполагаетъ само собой излишнюю обидчи-

¹⁾ «Драм. Альбомъ», стр. LIII—LIV.

вость. Сандуновъ ревниво оберегалъ свою славу и сколько колкостей, эпиграммъ, иной разъ очень дерзкихъ, сыпалось на того, кто думалъ его задѣть. Чуткій къ диссонансамъ, онъ, вообще, все воспринималъ очень сильно, отдавался весь тому или другому впечатлѣнію, но ему было чуждо постоянство: встрѣчалось новое явленіе, его поражавшее, и онъ, забывая свое увлеченіе прежнимъ, увлекался вновь и столь же сильно. Можно ли было себѣ вообразить страсть болѣе пылкую, чѣмъ та, которую онъ питалъ къ своей женѣ передъ свадьбой. И что же? Прошло 15 лѣтъ съ ихъ замужества и супруги разошлись навсегда. Едва ли въ этомъ не виновать именно Сандуновъ. Онъ велъ, говорятъ, разгульную жизнь и бывали даже случаи, когда доходилъ до того, что билъ свою жену. Однажды, убѣгая отъ побоевъ мужа, Елисавета Семеновна оступилась и повредила себѣ ногу¹⁾. Небольшая хромота осталась на всю ея жизнь, хотя она и умѣла скрывать ее на сценѣ. Характеренъ отзывъ Сандунова о женѣ въ 1805 г. Послѣ пожара Петровскаго театра, всѣ актеры остались безъ дѣла и многіе безъ куска хлѣба. Зашелъ какъ-то разговоръ объ ихъ положеніи. Сандуновъ ввернулъ и свое словечко, что, если кого надо жалѣть, такъ актеровъ, а актрисъ не стоитъ: онѣ имѣютъ свои ресурсы. Одинъ изъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что его жена также актриса. «Такъ что жъ?»—возразилъ Сандуновъ—«жена сама по себѣ, а актриса сама по себѣ: два ампуа—и мужъ не въ убыткѣ»²⁾. Одной изъ причинъ раздора между супругами явились... бани, «сандуновскія», какъ ихъ и теперь зовутъ въ Москвѣ³⁾. Сандуновъ выстроилъ ихъ на общій съ женою капиталъ, а записалъ на свое имя. Жена должна была прибѣгнуть къ посредничеству московскаго главнокомандующаго князя Ю. В. Долгорукаго. Дѣло кое-какъ уладилось, но доброе семейное согласіе было уже нарушено. Прошло еще около трехъ лѣтъ, и мужъ и жена разстались. Это совпало съ оставленіемъ Сандуновымъ службы.

Какъ вся его жизнь носила на себѣ отпечатокъ своеобразности, такъ оригинально окончилъ онъ и свою актерскую карьеру. Это случилось совершенно неожиданно для публики, да и для самого Сандунова было рѣшеніемъ одной минуты. Въ началѣ 1810 года, въ свой бенефисъ, онъ объявилъ новую драму «Клодомира, или жрица Ирменсюлева храма». Все шло прекрасно; сборъ былъ полный. Вдругъ передъ самымъ началомъ спектакля заболѣваетъ актеръ Кондаковъ. Пришлось поставить другую старую пьесу, любимую москвичами драму Ильина «Семейство Старичковыхъ», гдѣ

¹⁾ Биографія Сандуновой Р. М. Зотова. «Реперт.». 1842 г. кн. XII. стр. 10.

²⁾ «Зап. современника». Изд. 1859 г. стр. 186.

³⁾ Бани эти находятся на углу Неглиннаго проѣзда и такъ называемаго Сандуновскаго переулка.

Сандуновъ былъ превосходенъ въ роли кляузника Грабилина. Передъ открытіемъ завѣса актеръ Зловъ объявилъ о перемѣнѣ. Вдругъ послышались свистки изъ райка и изъ партера. Трудно было понять, къ кому они могутъ относиться, но дѣло объяснилось. Едва только вышелъ на сцену Сандуновъ, какъ свистки возобновились съ удвоенной силой. Для самолюбиваго актера это было ударомъ рѣшительнымъ. Онъ не смутился, но тутъ же сказалъ себѣ, что играетъ въ послѣдній разъ передъ публикой, которая такъ жестоко его обидѣла. Онъ тотчасъ же бросилъ на землю свои рукавицы, картузь и палку, выступилъ впередъ и высказалъ все, что волновало его душу. Онъ доказывалъ всю несправедливость того униженія, которое заставила его перенести публика, говорилъ, что онъ не виноватъ въ перемѣнѣ спектакля и въ заключеніе сказалъ:— «Пылкость, съ которою излились слова мои не есть слѣдствіе одной только раздраженной чувствительности; нѣтъ, это отголосокъ и обманувшейся надежды. Въ одну минуту я лишился всегдшняго, въ продолженіе 30 лѣтъ пріобрѣтеннаго благоволенія почтеннѣйшей публики. Потерять вниманіе партера...» Тутъ онъ произнесъ нѣсколько стиховъ, читанныхъ имъ за 20 лѣтъ передъ симъ, когда прощался онъ съ петербургской публикой и въ заключеніе просилъ дозволенія окончить роль свою. Послѣ всего этого, съ удивительнымъ равнодушіемъ Сандуновъ опять взялъ картузь, рукавицы и палку и началъ свою роль: «о чемъ призадумался, любезный?» Изъ словъ его было ясно, что онъ играетъ въ послѣдній разъ, а между тѣмъ онъ игралъ такъ хорошо, съ такимъ совершенствомъ, что можно было думать, что онъ теперь только одушевился страстно къ своему искусству. Громъ рукоплесканій вызвала эта дивная игра. Въ отчетахъ о спектаклѣ журналисты съ негодованіемъ порицали свистуновъ. Но Сандуновъ сдержалъ свое слово: больше онъ не появился на сцену.¹⁾

Не съ такою твердостью отнеслась къ свистамъ Сандунова. Ей надо было выйти въ слѣдовавшей за главной пьесой оперѣ Матинскаго, «Гостиный дворъ». Видно было, что она очень волновалась. Мужъ въ своемъ обращеніи къ публикѣ говорилъ и за нее. Но она не рѣшилась оставить сцену. Это повело къ окончательному разрыву между супругами. Сандунова послѣ того еще тринадцать лѣтъ украшала своимъ присутствіемъ русскую сцену, продолжая плѣнять зрителей своей выразительной игрой и мастерскимъ пѣніемъ.

Елисавета Семеновна была ученицей знаменитаго въ свое время Мартини, (игривая итальянская музыка котораго—онъ былъ между прочимъ авторомъ «Діанина древа» и «Рѣдкой вещи»—восторгала

¹⁾ «Вѣсти. Европы», 1810 г., ч. 50, стр. 67—70. См. также въ восп. Полевого («Репер.», 1840 г. т. I, стр. 7), у Арапова и др.

нашихъ прадѣдовъ) и Сарті, одного изъ ученѣйшихъ музыкантовъ прошлаго вѣка. При такихъ учителяхъ Сандунова имѣла полную возможность прекрасно разработать свои удивительныя природныя средства. Необыкновенно красивое и звонкое mezzo-soprano ея было чрезвычайно обширно. Въ партіи Царицы Ночи («Волшебная флейта», Моцарта) ея головныя ноты доходили до верхняго *mi*, а въ «*Così fan tutte*», Моцарта, она брала нижнее *sol*¹⁾; значить діапазонъ ея голоса простирался почти до 3 октавъ—явленіе очень рѣдкое. При такомъ голосѣ она еще обладала въ высшей степени выгодной наружностью и замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ, развитымъ наставленіями ея учителя въ драматическомъ искусствѣ, Дмитревскаго.

Тогдашняя русская опера имѣла мало общаго съ нынѣшней. Это было нѣчто среднее между оперой, какъ мы теперь ее понимаемъ, и драмой. Отъ опернаго артиста требовалось не одно только пѣніе, но и выразительная игра. Скажемъ больше: игра была важнѣе пѣнія. Въ оперѣ еще искали естественности и актеръ, не умѣвшій играть, какъ бы хорошо онъ не пѣлъ, едва ли бы могъ заслужить себѣ славу. Близость оперы къ драмѣ была причиной того, что драматическіе артисты участвовали и въ операхъ и наоборотъ. Сама Сандунова въ началѣ восьмисотыхъ годовъ прославилась исполненіемъ роли Лизы въ дѣлавшей тогда фуроръ драмѣ Ильина «Лиза или торжество благодарности», заимствованной изъ извѣстной повѣсти Карамзина. Записные петербургскіе театралы, говоря, нарочно пріѣзжали въ Москву, чтобы посмотреть на ея игру и сравнить съ петербургскою исполнительницей этой роли А. Д. Каратыгиной²⁾.

Выразительность игры, драматичность исполненія, выказавшаяся въ этой роли, были отличительнымъ свойствомъ Сандуновой и въ оперѣ. Когда она пѣла драматическую арію, сколько задушевности, нѣжности, когда нужно, грусти слышалось въ ея пѣніи и, наоборотъ, въ веселой пѣснѣ какъ много было живости, удалства, широкаго размаха, отличающаго русскія пѣсни. Сандунова, въ годы развитія своего таланта, не знала соперницъ ни среди русскихъ, ни среди европейскихъ пѣвицъ, съ которыми ей случалось пѣть³⁾.

¹⁾ «Лѣт. рус. театра», стр. 108.

²⁾ Восп. Макарова. «Реп. и пант.» 1843 г. кн. 9, стр. 2.

³⁾ Забавный анекдотъ рассказываетъ князь П. А. Вяземскій о соперничествѣ Сандуновой съ Филісь-Андріе. Тогдашніе театралы раздѣлялись на двѣ партіи: французскую и русскую. Къ послѣдней принадлежалъ, между прочимъ, нѣкто Гусятниковъ, человекъ зрѣлыхъ уже лѣтъ и очень скромный. «Когда пріѣхала въ Москву Филісь-Андріе, русская театральная партія взволновалась отъ этого иноплеменнаго нашествія и вооружилась для защиты роднаго очага. Поклонникъ Сандуновой, Гусятниковъ сталъ во главѣ оборонительнаго отряда. Однажды пріѣзжаетъ онъ во французскій спектакль, садится въ первый рядъ креселъ, и только-что начинаетъ Филісь рулады свои, онъ всенародно затыкаетъ

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1889 г., т. XXXVII.

Однимъ словомъ, «это былъ, по словамъ современниковъ, одинъ изъ тѣхъ народныхъ талантовъ, которыми Россія гордится».

Въ Петербургѣ, въ началѣ своего сценическаго поприща Сандунова не успѣла еще выказать себя вполне. Москва видѣла раздвѣтъ ея творческихъ силъ. Собственно говоря, въ ея время не существовало еще русской музыки. Но къ московскому періоду ея службы относятся уже первые зародыши ея въ сочиненіяхъ извѣстнаго капельмейстера, Катерины Альбертовича Кавоса. Его «Князь-Невидимка», «Илья Муромецъ», «Сусанинъ» составили эпоху въ исторіи русской оперы, а русскія пѣсни его сочиненія распѣвались повсюду. Не смотря на итальянскую методу своего пѣнія, Сандунова была мастерица ихъ пѣть и производила ими рѣшительный фуроръ. Опера Малиновскаго «Старинныя святки», переполненная русскими національными мотивами, благодаря ей долго держалась на сценѣ. Москвичи ѣздили любоваться воспроизведеніемъ родной имъ старины, изображеніемъ житія-бытія старинныхъ бояръ русскихъ и святочныхъ забавъ ихъ дочерей, но больше всего привлекало ихъ пѣніе Сандуновой. Роль Настасьи-боярышни и затѣмъ Лесты въ «Дябровской русалкѣ», оп. въ 3-хъ д., переведенной съ нѣмецкаго Краснополскимъ, были ея особеннымъ торжествомъ.

«Русалка» въ восьмисотыхъ годахъ считалась любимѣйшимъ зрѣлищемъ. Это было что-то въ родѣ фееріи, гдѣ столь же привлекали богатая декорация, роскошные костюмы изъ настоящаго бархата, расшитые золотомъ, сколько и богатство легко запоминающихся и пріятныхъ мотивовъ. Пѣсни: «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой», «Вы къ намъ вѣрность никогда», «Мущины, какъ мухи, къ намъ льнуть», «По метлы», которую Сандунова пѣла, нарядившись въ крестьянскаго мальчика, сдѣлались на долго знаменитыми. Сандунова въ то время была уже не молода, фигура ея замѣтно пополнѣла, убавилось живости, но не смотря на все это, она сводила своей игрой съ ума всю Москву. «Я засталъ ее, — пишетъ объ этомъ времени ея дѣятельности Н. А. Полевой, — уже на концѣ ея сценическаго поприща, но она все еще восхищала насъ всѣхъ. Сандунова была артистка высокой степени, пѣвица съ необыкновеннымъ голосомъ и актриса съ мимикой превосходной. Лицо ея было и въ 1811 г. на сценѣ прекрасное, умное, выразительное, глаза живые и яркіе»¹⁾. Молодежь, студенты были отъ нея безъ ума. Ей писали посланія, мадригалы, превозносили

себѣ уши, встаетъ съ креселъ и съ заткнутыми ушами торжественно проходить всю залу, кидая направо и налево взгляды презрѣнія и негодованія на недостойныхъ французолобцевъ, какъ насъ тогда называли съ легкой руки Сергѣя Глинки, добраго и пламеннаго издателя «Русскаго Вѣстника». («Р. Архивъ», 1873 г. кн. 2, стр. 1985—1986).

¹⁾ Восп. Полевого. «Реп.», 1840 г. ч. I, стр. 8.

всевозможными способами. Разъ даже, во время представленія «Русалки», ей бросили на сцену экспромтъ:

«Во всемъ равно ты тожь мила,
«Въ костюмѣ женщины разишь,
«Мужчиной сердца отняла
«И не хотя хвалить велишь».

Только немногіе, слишкомъ ужъ требовательные, театралы жаловались на недостатокъ въ Сандуновой-Русалкѣ молодости. За то, когда Сандунова играла роль Настасьи-боярышни въ «Старинныхъ святкахъ», всякое злорѣчіе смолкло окончательно. Въ этой роли артистка пережила лучшія минуты своей сценической жизни. Особенно памяты остались для публики два представленія этой оперы—въ 1809 и въ 1812 годахъ.

Въ 1809 году Сандуновой пришлось играть въ присутствіи императора Александра Павловича и пѣть здѣсь свое величаніе: «Слава, нашему царю, слава!» Зрители были уже заранѣе настроены утренними народными оваціями государю. Въ театрѣ эти оваціи возобновились, соединившись съ оваціями пѣвицѣ. Когда въ 8 часовъ государь явился въ театръ и, подойдя къ самому краю ложи, поклонился,—все, что находилось въ театрѣ, рассказываетъ очевидецъ, отвѣтствовало ему громкимъ плескомъ и многократными восклицаніями: «ура!» Величаніе царя, всегда принимаемое съ громкими рукоплесканіями, произвело на этотъ разъ восхищеніе неописанное: въ ту минуту, когда Сандунова, приблизясь съ бокаломъ въ рукѣ къ самому краю сцены, запѣла: «Слава, нашему царю, слава!»— всѣ сидѣвшіе въ креслахъ и въ ложахъ поднялись съ своихъ мѣсть, обратились къ императору, поклонились ему и 1000 голосовъ воскликнули: «слава царю Александру!» Успѣхъ пѣвицы былъ громаденъ, но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ энтузіазмомъ публики, который она вызвала въ 1812 году¹⁾.

Отечественная война оставила по себѣ незабвенную память и въ лѣтописяхъ театралныхъ. Общее возбужденіе патріотическаго чувства охватило собой и сцену. Малѣйшій намекъ на происшедшія обстоятельства, незначительное въ другія времена выраженіе, вызывало восторгъ. Представленіе патріотическихъ пьесъ въ родѣ «Дмитрія Донскаго» Озерова, прерывалось безпрестанно рукоплесканіями. Когда, бывало, скажутъ

«Разбитый ханъ бѣжить, Россія свободенна»,

или начнетъ декламировать Яковлевъ свой знаменитый монологъ:

«Языкя вѣдайте: великъ російскій Богъ!»

стонъ стоялъ въ театрѣ. Зрители искали во всемъ примѣненія къ тогдашнимъ событіямъ и Сандуновой выпала честь принять уча-

¹⁾ «Вѣстн. Европы», 1809 г., ч. XLVIII, № 24, стр. 344—345.

стіе въ возбужденіи патріотическихъ чувствъ. Когда въ Москвѣ было получено одновременно извѣстіе о Клястицкомъ и Кобринскомъ сраженіяхъ, давали «Старинныя святки». Сандунова,—разсказываетъ современникъ,—по обыкновенію заплѣла: «Слава Богу на небѣ, слава!» но когда всѣ ожидали продолженія, она вдругъ остановилась, подошла къ рампѣ и съ чувствомъ самого пламеннаго патріотизма возгласила:

«Слава храброму Витгенштейну,
«Поражавшему силы вражескія, слава!
«Слава храброму генералу Тормасову,
«Поборавшему супостата нашего, слава!»

Театръ загремѣлъ и потрясся отъ рукоплесканій и воплей ура! Пѣвицу заставили три раза повторить эту выходку и три раза возобновляли восклицанія... Но Сандуновой оставалось произвести еще одно сильное впечатлѣніе. Во время аплодисментовъ она отступила нѣсколько къ серединѣ сцены, и когда всѣ ожидали по новому аккорду той же пѣсни, Сандунова опять подошла къ рампѣ, но на этотъ разъ походка ея была медленна, лицо печально. И вдругъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ заплѣла она:

«Слава храброму генералу Кульневу,
«Положившему животъ свой за отечество!»

На этотъ разъ весь театръ залился слезами, сама пѣвица заплакала и когда оглушительное фора! потребовало повторенія стиховъ, она отъ рыданій не въ состояніи была исполнить желанія публики¹⁾. Рѣдки на сценѣ минуты такого восторженнаго одушевленія и потомство должно сохранить о нихъ признательную память.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого спектакля—онъ происходилъ 30-го іюля — непріятель вступалъ уже въ Москву. Красивый Арбатскій театръ, всего нѣсколько лѣтъ какъ построенный, былъ однимъ изъ первыхъ зданій, погибшихъ въ пожарѣ. Актеры разбрелись кто куда изъ Москвы. Сандуновы, мужъ и жена, выѣхали въ разныя стороны. Сила Николаевичъ, кажется, долго упорствовалъ оставлять Москву. Переодѣтый въ крестьянскую сермягу, въ бородѣ, онъ бѣжалъ однимъ изъ послѣднихъ въ Сумы къ другу своему, А. А. Палицыну, переводчику «Новой Элоизы» Ж. Ж. Руссо. Все имущество его сдѣлалось жертвой пожара. Но онъ не жалѣлъ. «У меня уцѣлѣли,—сказалъ онъ С. Н. Глинкѣ,—двѣ вещи для меня самыя дорогія: мраморный бюстъ матушки-императрицы Екатерины и ея свадебная пѣсня. Она всегда у меня въ карманѣ, вотъ тутъ близъ сердца. Съ этой пѣснью узналъ я свѣтъ—съ нею и въ гробъ лягу!»²⁾ Опять черта, свидѣтельствующая о томъ, что

¹⁾ «Реп.» 1842, XII, 7—8. См. также «Вѣст. Европы» 1812 г., ч. 64, стр. 230—231.

²⁾ «Пантеонъ», 1840 г., ч. I, стр. 99.

Сандуновъ умѣлъ хранить въ своей душѣ признательность за оказываемыя ему милости.

Когда, послѣ французскаго нашествія, разсѣявшіеся въ разныя стороны москвичи стали собираться на свое пепелище, не въ пору было думать о театрѣ: тысячи семействъ были разорены; все обстраивалось, приводилось въ порядокъ. За множествомъ дѣла было не до удовольствій, и театръ открылся только черезъ два года, въ 1814 году. Пока же московскіе артисты отправились искать счастья въ Петербургъ. Зловъ, Мочаловъ, Лисицыны, Толченевъ, Соколовъ, дебютировали тамъ всѣ въ одно время, въ началѣ 1813 года. Въ числѣ ихъ была и Сандунова. 13 января она выступила въ своей любимой роли въ «Старинныхъ святкахъ», которыя шли на петербургской сценѣ въ первый разъ. Куплеты въ честь павшихъ воиновъ снова вызвали бурю рукоплесканій. Теперь то, что прежде само собой выливалось изъ души, было преднамѣренно, но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе получилось сильное. Вслѣдъ затѣмъ Сандунова выступила и въ другихъ роляхъ. Въ только-что поставленномъ «Водовозѣ» Керубини она пѣла дуэтъ съ знаменитымъ Самойловымъ, и публика не могла наслушаться этого артистическаго пѣнія. Сандунова рѣшила остаться въ Петербургѣ и заявила о своемъ желаніи дирекціи. Та, конечно, охотно согласилась на ея предложенія ¹⁾, и съ тѣхъ поръ она уже только изрѣдка, временами, наѣзжала въ Москву. Въ Петербургѣ прошли послѣднія десять лѣтъ ея артистической карьеры.

Въ 1813 году ей было уже около сорока лѣтъ, если не полныхъ сорокъ, но обаяніе ея дивнаго таланта еще сохранилось. Тѣ, кто видѣлъ ее раньше, сожалѣли о прошломъ, но тѣ, кто не видѣлъ, удивлялись и безусловно восхищались ею. Ровесницѣ русской оперы, ей выпало на долю рѣдкое для пѣвицы счастье въ теченіе 33 лѣтъ пользоваться неизмѣннымъ расположеніемъ публики. Голосъ упадаль, наконецъ совсѣмъ почти пропаль, но метода пѣнія и драматическая игра все совершенствовались. Даже во второй половинѣ десятихъ годовъ Сандунова могла еще соперничать съ только-что восходившимъ тогда дарованіемъ Нимфодоры

¹⁾ Интересныя свѣдѣнія о переходѣ Сандуновой на петербургскую сцену сообщаетъ г. Танъевъ въ своей брошюрѣ «Изъ прошлаго Императорскихъ театровъ», вып. 1, стр. 48. Въ приводимомъ здѣсь докладѣ дирекціи комитету прекрасно рисуется значеніе Сандуновой для петербургской сцены: «Россійская оперная сцена,—гласитъ этотъ докладъ,—составляющая главный доходъ дирекціи, не можетъ оставаться въ своей силѣ безъ актера Злова и актрисы Сандуновой... Сумму на удовлетвореніе сихъ двухъ артистовъ безъ всякаго затрудненія можно наложить на статью сборовъ, который долженъ уменьшиться непременно, ежели оперныя представленія лишатся дарованій Злова и Сандуновой». Сандунова просила себѣ жалованья въ 4,000 р. и чтобы по окончаніи контракта, заключеннаго на 3 года, ей было зачтено для пенсіи то время, которое она прослужила на частномъ театрѣ Медокса. Ея просьба была удовлетворена.

Семеновой. Роль Делии въ оперѣ «Весталка» была лучшимъ ея созданиемъ за это время.

Какъ умная женщина, Сандунова съ лѣтами, однако, постепенно отказывалась отъ болѣе молодыхъ ролей, уступая ихъ новымъ актрисамъ; сама же стала переходить на пожилыя роли, комическія и драматическія, играя напр. въ водевилѣ Хмѣльницкаго «Новая шалость» старую арендаторшу, влюбленную въ молодого человѣка, который ее дурачить. Въ этомъ новомъ амплуа всего яснѣе стало, какъ много значилъ въ ея успѣхахъ, помимо необыкновеннаго голоса, актерскій талантъ; здѣсь пѣть почти не приходилось, а Сандунова попрежнему вызывала общее одобреніе. Очень важно одно обстоятельство, въ значительной мѣрѣ объясняющее ея успѣхи. До самой старости она не переставала учиться, развивать свое дарованіе, по мѣрѣ силъ приближаясь къ своему идеалу, а идеаломъ этимъ, какъ для ея мужа, такъ и для нея, была естественность исполненія. Когда Сандуновой уже въ послѣдніе годы пришлось играть роль жидовки въ оперѣ Семенова «Приключеніе въ еврейской корчмѣ», она нарочно отыскала какую-то жидовку изъ корчмы и долго брала у нея уроки ¹⁾. Вѣрность и живость изображенія вышли поразительныя. Въ Сандуновой, какъ въ оперной пѣвицѣ, это стремленіе къ естественности особенно замѣчательно. Самый же способъ достиженія наибольшей правдивости исполненія она, такъ сказать, предвосхитила у Щепкина: тотъ также ставитъ главнымъ требованіемъ для актера изученіе самой жизни, наблюденіе дѣйствительности.

1 января 1818 г. Сандунова получила пенсіонъ въ 4,000 р.; тѣмъ не менѣе она осталась на службѣ до 7 февраля 1823 года, когда наконецъ покинула сцену. 5 февраля 1823 г. состоялся ея прощальный бенефисъ, и затѣмъ она выѣхала въ Москву, гдѣ и провела остальные годы своей жизни ²⁾. За все время своей артистической дѣятельности она исполнила, по своимъ собственнымъ словамъ, 232 роли и партіи. Цифра говоритъ за себя. Немногимъ удавалось такъ плодотворно потрудиться на поприщѣ русской оперы.

Ко всѣмъ заслугамъ артистки надо прибавить еще одну. Ея артистической зоркости обязанъ отчасти русскій театръ талантомъ знаменитаго комика, В. И. Рязанцева. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, уже на склонѣ лѣтъ, ей пришло въ голову поставить «Титово милосердіе». Не было актера на роль Тита. Сандунова отправилась въ театральную школу и выбрала тамъ Ря-

¹⁾ «Лѣт. рус. театра», стр. 251.

²⁾ «Рус. Стар.» 1880 г., № 10. «Еще жертва каверзъ кн. Шаховскаго, за-мѣчаетъ, описывая этотъ спектакль, А. В. Каратыгинъ». Не знаемъ, насколько это вѣрно, но не мѣшаетъ припомнить, что Каратыгинъ имѣлъ зубъ на Шаховскаго.

занцева. «Вотъ мой Титъ!»—воскликнула съ восторгомъ артистка, обнимая талантливаго юношу. Она не обманулась. Рязанцевъ исполнилъ свою партію превосходно, и съ тѣхъ поръ начались его блестящіе сценическіе успѣхи ¹⁾).

Какъ женщина, Сандунова производила то же чарующее впечатлѣніе, какъ и артистка. Ее всѣ любили: любили и товарищи, что такъ рѣдко въ театральномъ мірѣ, любили и знакомые. Гостепріимная, радушная, готовая всегда оказать помощь, въ обхожденіи ласковая и внимательная, безъ малѣйшей рисовки, она создавала вокругъ себя атмосферу чего-то мягкаго, нѣжнаго, успокоивающаго. «Какъ теперь гляжу,—разсказываетъ свои впечатлѣнія Кони, знавшій артистку еще въ своемъ отрочествѣ,—Сандунова была росту средняго и чрезвычайно стройна. Во всѣхъ ея движеніяхъ и въ осанкѣ высказывалось благородство и чувство собственнаго достоинства. Большіе темные глаза ея какъ будто всегда смѣялись. Улыбка на лицѣ не сглаживалась, высказывала доброту души и невольно къ ней привлекала. А въ голосѣ ея и манерѣ говорить было что-то такое сладкое, такое очаровательное, что трудно выразить словами. Я не зналъ тогда и не могъ еще понимать высокаго значенія Сандуновой въ мірѣ искусства, но какая-то непонятная сила привязывала меня къ этой женщинѣ. Однажды я удостоился слышать Сандунову и однимъ пальцемъ аккомпанировать ей на фортепьяно пѣсню: «Ѣхалъ казакъ за Дунай». Звуки эти до сихъ поръ у меня въ памяти. Ловкая, смѣлая, развязная на сценѣ, Сандунова была удивительно скромна въ обществѣ. Поэтому князь Ю. В. Долгорукій, который любилъ Сандунову съ отеческой нѣжностью, часто говаривалъ про нее: «Въ Лаудонѣ были два человѣка: Лаудонъ комнатный—застѣнчивый и робкій, и Лаудонъ полководецъ—пламенный и быстрый! Тоже и моя Елисавета Семеновна: въ комнатѣ она робка, кажется, стыдится слово вымолвить, а на театрѣ въ ней все жизнь, огонь и прелесть!» Лучше этого Сандунову обрисовать нельзя ²⁾). Окруженная всеобщей любовью и уваженіемъ Елисавета Семеновна скончалась 60 лѣтъ отъ роду, въ Москвѣ. Гдѣ она похоронена—намъ неизвѣстно.

Сила Николаевичъ сошелъ въ могилу гораздо раньше—27 марта 1820 г., 64-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ погребенъ на московскомъ Лазаревскомъ кладбищѣ. Стараніями родныхъ, на его могилѣ былъ воздвигнутъ памятникъ—чугунная доска, на которой высился чугунный же крестъ съ надѣтымъ на него лавровымъ вѣнкомъ. Къ

¹⁾ «Рус. Стар.» 1880 г., № 10, стр. 346. У Арапова («Др. альб.», стр. LXXXV,—тотъ же разсказъ, только дѣло идетъ не о «Титовѣ милосердіи», а о «Рѣдкой вещи»).

²⁾ «Пантеонъ», 1840, I, 100.

кресту прислоненъ свитокъ, на которомъ вытѣснены стихи въ честь покойнаго, написанные братомъ его, Н. Н. Сандуновымъ:

«Я былъ актеръ, жрецъ Талии смѣшливой,
 «И кто меня въ семь жречествъ видалъ,
 «Тотъ мнѣ всегда рукоплескалъ.
 «Но я не зналъ надменности кичливой!
 «Въ смыслъ надписи, прохожій, проникай,
 «Тщеслався жизнью, но знай,
 «Что міра этого актеры и актрисы,
 «Какъ я, уйдутъ всѣ за кулисы.
 «Кто ролю выдержать умѣетъ до конца,
 «Тотъ воздаяніе получить отъ Творца!»¹⁾

Осенью 1887 года мы съ однимъ знакомымъ отправились на Лазаревское кладбище, съ цѣлью отыскать могилу Сандунова. Долго блуждали мы по старинной части кладбища, разбирая полуистертыя надписи развалившихся памятниковъ: могилы Сандунова не находилось. Только послѣ долгихъ поисковъ, случайно, мы на нее наткнулись, но ни креста, ни прислоненнаго къ нему свитка уже не было. Въмѣсто него стоялъ самый обыкновенный памятникъ изъ пестраго мрамора, съ маленькимъ чугуннымъ крестикомъ на верху, обнесенный рѣшеткой. На мраморѣ, кромѣ обычныхъ указаній дня рожденія и смерти, вытиснены слова: «Другу и благотворителю отъ сердецъ ему преданныхъ». Очевидно, что памятникъ былъ возобновленъ, но, вѣроятно, также давно, ибо золото съ буквъ уже стерлось. По одну сторону могилы памятникъ брата Силы Николаевича—профессора, по другую—отца и матери. Надъ всѣми тремя памятниками возвышается громадная, столѣтняя береза, наклоняя свои длинныя, плакучія вѣтви почти до самыхъ крестовъ. Мы долго стояли у памятника, и невольно грустное чувство прокралось въ душу. Прошло какихъ-нибудь три четверти вѣка—и, что же? Кто помнить, кто знаетъ теперь Сандунова? Извѣстны однѣ только сандуновскія бани. Не иронія ли это судьбы? Бани, выстроенныя актеромъ, оказались памятникомъ болѣе прочнымъ, чѣмъ то искусство, которымъ онъ волновалъ сердца, благодаря которому, быть можетъ, многимъ изъ зрителей открылась тайна пониманія изящнаго, возможность тѣхъ высокихъ, прекрасныхъ наслажденій, выше которыхъ нѣтъ наслажденія! Печальна участь актера. Но на насъ, потомкахъ, лежитъ обязанность почитать воспоминаніемъ память художниковъ, заронившихъ въ душу нашихъ предковъ добрыя, хорошія чувства.

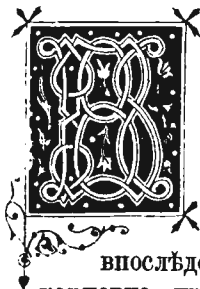
А. Сиротининъ.

¹⁾ О. А. Кони, вопреки всѣмъ прочимъ свидѣтельствамъ, пишетъ, что эти стихи сочинены самимъ С. Н. Сандуновымъ на предсмертномъ одрѣ. Едва ли это такъ. Стихи сохранились въ бумагахъ Н. Н. Сандунова съ вариантами. См. «Рус. Архивъ» 1869 г., стр. 1568.

СЕКРЕТНОЕ ДѢЛО ОБЪ ОДНОЙ ГАЗЕТНОЙ АВИЗИИ.

1732 г.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1731 года, подлѣ дома кавалерійскаго полковника, Ивана Алексѣевича Веревкина, стоявшаго съ полкомъ въ м. Барышевкѣ (Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи), остановился помѣщичій возокъ. Торопясь и волнуясь, изъ него выскочила жена подполковника Фѣдора Вишневскаго, жителя города Переяслава и извѣстнаго впоследствии генералъ-маіора Вишневскаго, Авдотья Поликарповна, пріѣхавшая погостить у пріятельницы. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и лобзаній, разговоръ скоро перешель на темы, которыя составляли въ тѣ времена любимый предметъ бесѣды среди малороссовъ: зашла рѣчь о газетныхъ новостяхъ, о событіяхъ дня. Въ матеріалѣ недостатка не было. Малороссы интересовались иноземными газетами и книгами, держали ихъ у себя, дѣлали изъ нихъ массу выписокъ, которыя ходили потомъ по рукамъ, тщательно переписывались въ особыя тетрадки, свято хранившіяся въ семейныхъ архивахъ.

Одну изъ такихъ выписокъ изъ иноземныхъ газетъ привезла Авдотья Поликарповна и, видимо, горѣла желаніемъ подѣлиться привезенною новостью съ пріятельницей. Она вынула изъ кармана небольшой листокъ сѣрой бумаги и прочла вслухъ слѣдующее «интересное» извѣстіе «на малороссійскомъ діалектѣ»: «Газеть, то есть новина з волоскихъ краевъ есть до Кракова і всей епархіи до града Контелины. Пришли два сивие, zelo старие і вспанялие мужие, разнствующи на себе имѣючи одежды и глагол иншіи, которые подобны суть апостоломъ Іліи и Еноху, и иншу особу на себе показуючи, жадной о ней не есть вѣдомости. Когда пришли, непрестанно поучаючи и наказуючи людей до якъ наболшаго по-

каянiя, оповѣдаючи великій гневъ божiй, но стоячи непрестанно, карою людемъ грозили, чего ради до земници суть отдани. До которыхъ пришли два езуитiи, разными языки глаголюще, с ними болшъ от нихъ доведитис не могли, разве сего же: пришли з града Саббы, будущего въ странахъ муринскихъ, мы же, есми прислани от самаго Господа Бога, дабы чрезъ насъ самихъ, якъ наискорее до покаянiя людiи приблизилися; все то еще передаючи, же в году 1739 имѣеть все совершится, симъ таковымъ способомъ: же в году 1731 по всемъ мире война великая будет, в году зась 1732 великое замешанiе і тма солнечная спановать будетъ, в году зась 1733 Константинополь зруйнуется от неприятелскихъ рукъ, в году 1734 Исуса Христа за истиннаго бога весь мир признает і повесть, в году 1735 і в году 1736 четвертая часть света, то есть Аерика, погибнетъ, в году 1737 и в году 1738 антихристъ имѣеть притти на землю, в году 1739 Господъ нашъ Иисусъ Хрстосъ придееть судити живые и мертвиі. Аминь. Сей листъ переденный с газету друкованнаго¹⁾.

— Какая невѣроятная и непотребная завизiя! Неправда ли?— сказала Вишневская, окончивши чтенiе «интереснаго» извѣстiя.

— Да, но она очень, очень интересна,—возразила внимательная слушательница и тотчасъ же обратилась къ гостѣ съ горячей просьбой позволить переписать ее, на память.

Мужа дома не было, и Веревкина, не задумываясь ни мало, позвала прислугу и приказала отнести листокъ въ полковую канцелярiю, немедленно переписать его и доставить ей обратно.

Прiятельницы заговорили о постороннихъ вещахъ и чрезъ нѣсколько времени, когда служитель явился съ переписанной копiей, Вишневская спрятала назадъ къ себѣ привезенный оригиналъ, распрощалась съ прiятельницей и спокойно укатила домой.

¹⁾ «Авизiя» подобнаго рода не были чѣмъ-либо рѣдкимъ или единичнымъ. Отъ времени до времени они появлялись на Западѣ, переходили въ Малороссiю, гдѣ и ходили по рукамъ. Въ XVII в., именно въ 1660 году, «авизiя», совершенно почти сходная съ приведенною въ текстѣ, составляла предметъ не малаго интереса среди малороссовъ. Величко счелъ необходимымъ внести ее на страницы своей лѣтописи (II, 16—17), эта послѣдняя немногимъ разнится отъ «авизiи» 1730 года. Образъ дѣйствiй двухъ престарѣлыхъ мужей, такъ же какъ ихъ судьба одинаково излагаются въ обѣихъ «авизiяхъ», съ тою лишь равницею, что въ «авизiи» 1660 года мѣстомъ происхожденiя старцевъ названа Грециа. Затѣмъ всѣ предсказанiя перенесены въ «авизiи» 1660 года на 1661 и послѣдующiе года до 1670 г. По «авизiи» Величка въ 1661 г. будетъ война великая, въ 1662 г. пастора сенату римскаго не будетъ, въ 1663 г. гнѣвъ Божiй на весь свѣтъ будетъ, въ 1664 г. произойдетъ неслыханное землетрясенiе, въ 1665 г. мало останется христiанъ, которые бы знали истиннаго Бога, въ 1666 г. Африка будетъ горѣть и «рѣки кровави будутъ», въ 1667 г. «повстанеть мужъ велий», въ 1668 г. Европа и Азiа «дрожати и лякатися будутъ»; въ 1669 г. «во Троици единого Бога познають людiи всѣ», а въ 1670 г. «загашены будутъ свѣтлца и въ той часъ приде день судный». Авизiя читалась тогда въ Малороссiи, не вызывая, повидимому, никакихъ мѣропрiятiй.

Прошло болѣе года. Вишневская спрятала «авизію» и вскорѣ забыла о самомъ существованіи ея, «понеже,—говорила она,—она за непотребную и всема невѣроятную вѣдомость у нея имѣлась». Какъ вдругъ въ концѣ мая 1732 года ей напомнили объ этой «авизіи» и напомнили не весьма для нея пріятнымъ образомъ. Совершенно неожиданно въ домъ ея мужа явился прапорщикъ кіевскаго гарнизона черниговскаго полка, Василій Апушкинъ, и предъявилъ ей приказъ немедленно ѣхать съ нимъ въ Кіевъ.

Во весь карьеръ, не останавливаясь нигдѣ на пути, прибылъ Апушкинъ изъ Кіева въ Переяславъ съ секретной инструкціей. 20-го мая 1732 года оберъ-комендантъ кіевской крѣпости призвалъ къ себѣ прапорщика Апушкина и приказалъ, не медля ни минуты, явиться въ губернскую кіевскую канцелярію. Здѣсь губернаторъ Шереметьевъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «ступай сейчасъ же изъ Кіева въ Переяславль, въ домъ бывшаго у г. генераль-фельдмаршала графа Сапеги генераль-адъютанта Вишневскаго. По приѣздѣ тотчасъ же объяви женѣ его, г-жѣ Вишневской, отъ имени ея императорскаго величества, но, смотри, съ подобающимъ респектомъ, дабы она для нѣкотораго на вопросъ отвѣтствія ѣхала въ Кіевъ. Если, паче чаянія, въ Кіевъ ѣхать она не похочетъ, то ты повторно скажи ей, что никакъ ей безъ одного обойтица невозможно, но ни тамъ, ни въ дорогѣ, не чини ей никакого противнаго понужденія. Только смотри за ней въ оба, чтобы ничего не вышло съ ней. Предписываю тебѣ везти ее быстро, и буде она тому учинится противна и на политичное предложеніе вскорѣ ѣхать не похочетъ, то, несмотря ни на какія отговорки, возьми ее и вези въ Кіевъ, а на пути имѣй за ней смотрѣніе, дабы она какимъ-либо способомъ не могла отлучитца. По возвращеніи являйся съ нею въ канцелярію».

Слова губернатора были записаны на бумагу и предъявлены Вишневской. Отговариваться было трудно, приказъ былъ ясный и опредѣленный, и, не зная въ чемъ дѣло, зачѣмъ везуть ее, она безпрекословно сѣла съ прапорщикомъ въ кибитку и поѣхала въ Кіевъ. 29-го мая при рапортѣ Апушкинъ сдалъ плѣнницу въ канцелярію, гдѣ немедленно ей учинили строгій допросъ. Здѣсь впервые узнала она, что привезли ее по дѣлу о забытой уже ею и «непотребной и невѣроятной авизіи».

Такъ думала объ «авизіи» подсудимая, не такъ посмотрѣли на нее другіе. «Слово и дѣло» царилъ тогда во всей Россіи, и «розыскныхъ тайныхъ дѣлъ канцелярія» съ генераль-адъютантомъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ во главѣ зорко слѣдила за всѣми и вся. Какъ и какимъ путемъ получилъ Ушаковъ «сообщеніе» объ «авизіи» и о томъ, что Вишневская читала ее и давала списывать Веревкиной,—неизвѣстно. Но, прочитавши «сообщеніе», Ушаковъ усмотрѣлъ въ немъ «важное государственное

дѣло», и 24 апрѣля 1732 прислалъ въ Кіевъ строжайшій отъ имени императрицы Анны Іоанновны указъ на имя генераль-губернатора, «богемскаго графа» фонъ-Вейзбаха, указомъ «велено... сыскать въ кіевскую губернскую канцелярію г-жу Вишневскую и распросить секретно: въ томъ 1731 году въ февралѣ мѣсяцѣ оная Вишневская въ домъ къ полковнику Веревкину приѣзжала ль і женѣ его, Веревкина, она Вишневская списанную авизію ошедшихъ дву престарѣлихъ мужехъ ис поналія (sic), подобныхъ пророкамъ, и о прочемъ показывала ль, и чтобъ приказала описать ей, Вишневской, также и ей, Веревкиной, понеже оная авизія у ней чужая, просила ль, і жена того Веревкина, въ полковую канцелярію для списанія посылала ль. И ежели помянутая Вишневская о томъ покажетъ, тую Вишневскую спрашивать же, где она тую авизію взяла і буде она о томъ на допросѣ покажетъ и тѣхъ спросить же. И какъ возможно, во время слѣдствія, доискиваться отъ кого такая авизія произошла и печатная ли она. И у кого, хотя и печатная явитца, то и того сыскавъ допросить, гдѣ онъ ѣе взялъ. И ту авизію, также и допросы прислать въ Москву въ тайную канцелярію немедленно».

Кіевская губернская канцелярія, какъ мы видѣли, съ должною энергію и подобающею быстротою принялась за выполнение указа, и въ короткое время создала цѣлое обширное дѣло съ цѣлою массою подсудимыхъ. Къ концу 1732 года экстрактъ изъ дѣла былъ отправленъ въ тайную канцелярію, самое же производство кіевская канцелярія сохранила у себя. Дѣло это, хотя и въ крайне плачевномъ и неполномъ видѣ, уцѣлѣло и до нашихъ дней въ архивѣ кіевского губернскаго правленія, откуда, съ другими бумагами, поступило въ кіевскій центральный архивъ. Настоящая замѣтка составлена на основаніи этихъ-то уцѣлѣвшихъ частей «дѣла». Къ сожалѣнію, неизвѣстенъ результатъ дѣла; въ бумагахъ архива мнѣ не удалось отыскать никакихъ указаній на этотъ счетъ.

Допросы Вишневской начались 29 же мая. «Приѣжала ль въ прошломъ 1731 году въ февралѣ мѣсяцѣ въ домъ къ полковнику Веревкину, показывала ли женѣ его списанную авизію о двухъ престарѣлыхъ мужахъ, а затѣмъ отдавала ли переписывать ее въ полковую канцелярію?» Таковы были тѣ вопросы, съ которыми председатель комиссіи обратился къ подсудимой.

Вишневская не затруднилась дать полное и ясное показаніе, хотя и постаралась выгородить себя, ссылаясь на источникъ, откуда получила она «авизію». Распространеніе копій извѣстій изъ газетъ было дѣломъ столь обыкновеннымъ тогда въ Малороссіи, передача ихъ изъ рукъ въ руки совершалась столь часто и постоянно, что и въ данномъ случаѣ и при томъ по поводу мало-значительнаго и пустячнаго газетнаго сообщенія Вишневской не трудно было выяснитъ дѣло. «Да, отвѣчала она, я была у Веревки-

ной, привозила ей авизію, прочла ее ей, но когда, въ какой день, въ какомъ мѣсяцѣ, это было, теперь не припомню. Дозволила я и списать ее, но списать не для меня, а для Веревкиной. Никому больше авизіи я не показывала, и, вернувшись домой, спрятала ее. Весьма возможно, что она находится гдѣ-нибудь у меня въ домѣ, и мнѣ нетрудно было бы отыскать ее. Что же касается того, откуда я взяла ее, то могу сказать одно, что дала ее мнѣ въ Переяславѣ одна моя знакомая Агаея, жена переяславскаго судьи Бурлѣя, когда я какъ-то была у ней въ гостяхъ».

Теперь въ рукахъ канцеляріи была нить, за которую она тотчасъ же схватилась. Вишневскую отправили въ крѣпость, а за Агаею Бурлѣй поскакалъ въ тотъ же день, 29 мая, курьеромъ въ Переяславъ гарнизонный прапорщикъ Василій Литвиновъ, съ такой же инструкціей, какая дана была и Апушкину: Агаея, вѣдь, была особа благородная, жена важнаго лица, переяславскаго судьи.

Допросъ женѣ Бурлѣя былъ учиненъ 3 и 4 іюня. Она подтвердила показаніе Вишневской. На очной ставкѣ и послѣ прочтенія «авизіи» она признала ее тою самою, которая находилась у ней, Веревкиной, и которую брала у Вишневской. На вопросъ же, откуда и какъ получила она сказанную «авизію», объяснила такъ: «Бѣдила я, филиповъ постъ, въ концѣ 1730 года, въ Кіевѣ. А будучи въ Кіевѣ, зашла въ гости къ знакомому мнѣ кіевскому мѣщанину, Петру Коваленку. А здѣсь, въ домѣ Коваленки, видѣла «авизію» и, въ присутствіи жены Коваленки, Харитины, получила оную въ даръ. Вернувшись домой передала ее Вишневской и больше не показывала никому».

Источникъ преступленія и «важнаго» дѣла оказывался уже въ самомъ Кіевѣ, и канцелярія распорядилась, немедля ни минуты, сыскать виновнаго. Но тутъ случилось непредвидѣнное обстоятельство, замедлившее ретивую дѣятельность слѣдователя. Солдатъ Мельниковъ, откомандированный для поимки Коваленка, самого хозяина не засталъ дома. Оказалось, что онъ отлучился изъ Кіева: онъ уѣхалъ къ родственникамъ въ Переяславъ, и въ квартирѣ найдена была лишь жена его, Харитина. За отсутствіемъ главнаго виновника пришлось ограничиться Харитиною. Ее схватили и немедленно доставили въ канцелярію. Но допросъ, которому ее подвергли, не далъ рѣшительно никакихъ указаній для слѣдствія. Необходимо было добыть мужа и канцелярія тотчасъ же откомандировала въ Переяславъ рейтара Никифора Смирнаго съ строгимъ секретнымъ приказомъ немедленно схватить Коваленку и съ инструкціей гласившей, что, «буде, паче чаянія, онъ, Коваленко, не похочетъ ѣхать, то взять его нечестью и везти въ Кіевъ».

Пока рейтаръ Смирный находился въ Переяславѣ, канцелярія, въ своемъ засѣданіи 6 іюня, подвергла разсмотрѣнію просьбу, по-

данную на высочайшее имя подсудимой Вишневской, которая изъясняла, что для очищенія ей необходимо представить подлинную «авизию», находящуюся у нея въ домѣ, а для того и проситъ она отпустить ее временно домой. Послѣ долгаго обсужденія челобитной, послѣ ряда новыхъ справокъ въ показаніяхъ, данныхъ и Вишневской, и Бурлѣй, канцелярія, усмотрѣвши въ фактѣ отпуски г-жи Вишневской, вѣрное средство добиться того, чтобъ Агаѣя Бурлѣй не могла заператься относительно «авизіи» (въ чемъ она, однако, и не думала заператься), разрѣшила отпустить временно Вишневскую въ Переяславъ.

Дѣло временно пріостановилось, и только 16 іюня, когда послѣ почти недѣльнаго отсутствія явился въ Кіевъ, въ губернскую канцелярію, рейтаръ Смирный съ новымъ плѣнникомъ, Коваленкомъ, возобновилась усердная дѣятельность по части сыска. Показаніе, данное Коваленкомъ, пролило новый свѣтъ на дѣло. Очагъ распространенія зловредной «авизіи» былъ теперь открытъ. Разсадникамъ зла оказалась кіевская духовная академія. На вопросъ, откуда онъ, Коваленко, добылъ сказанную «авизию», послѣдовало въ отвѣтъ указаніе на новаго виновнаго, новаго кандидата для заключенія въ казематъ, на ученика академіи. То былъ студентъ академіи, Захаръ Екимовичъ, у котораго Коваленко и взялъ «авизию». Ее-то именно прочелъ онъ у себя въ квартирѣ Агаѣи Бурлѣй; ее-то и подарилъ ей, по ея усиленной просьбѣ.

Благодаря показанію Коваленко, сыскъ получалъ все большіе и большіе размѣры. Не успѣлъ закончиться допросъ Коваленко, какъ уже сысканъ былъ и доставленъ въ канцелярію подъ карауломъ студентъ Екимовичъ, сразу же оговарившій уже двухъ человекъ. «Получилъ я ту авизию,—разсказывалъ перепуганный юноша,—отъ студента Терновскаго, а списывалъ ту авизию, будучи у него, по приказу прилуцкаго намѣстника, Василя Пашкевича, сына его Григорія, кой нынѣ въ кіевскомъ училищѣ. А по списаніи отдалъ я оригинальную копию все ему же, Терновскому, и нынѣ у меня той авизіи нѣтъ и у кого она—не знаю. Знаю одно, что отдалъ одну, только одну копию ея, мѣщанину Коваленку».

Послали за Пашкевичемъ, подвергли и его допросу. Но мальчикъ не далъ никакихъ новыхъ и полезныхъ указаній для дѣятельности канцеляріи. «Отдалъ я оригиналъ»,—отговаривался Пашкевичъ,—Екимовичу обратно, а копию взялъ къ себѣ; но теперь ея нѣтъ у меня... потерялъ. Никому не давалъ я ее».

Оставалась надежда на Терновскаго; но розыски его въ Кіевѣ оказались безуспѣшными,—виновнаго не было въ городѣ. Еще въ послѣднихъ числахъ апрѣля онъ выѣхалъ изъ Кіева за границу, въ м. Фастовъ, куда пригласилъ его нѣкій панъ Станиславъ Тиша-Быковскій, въ качествѣ репетитора при дѣтяхъ или, какъ выражались тогда, «на инспекторію».

Губернская канцелярія не остановилась предъ новымъ и болѣе сильнымъ препятствіемъ, оказавшимся на пути разслѣдованія «секретнаго дѣла». Не успѣлъ рейтаръ Смирный отдохнуть отъ поѣздки въ Переяславъ, какъ его вновь потребовали въ канцелярію, посадили въ кибитку и погнали въ Фастовъ. Ему вручили обыкновенную инструкцію, и сверхъ того посланіе къ губернатору Фастова, посланіе, въ которомъ канцелярія усерднѣйше просила послѣдняго вручить немедленно и на время подателю посланія преступника Андрея Терновскаго для снятія съ него допроса по важному дѣлу. Препятствій для выдачи не оказалось. Терновскій былъ выданъ и привезенъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ письмомъ на имя командующаго войсками отъ Быковского, письмомъ слѣдующаго содержанія (отъ 4 іюля 1732 г.)¹⁾ «ясне велможнѣй мосцѣ пане, генераль войскъ ея императорскаго величества, мой велце мосцѣ пане! Заховуюча пріязнь юнскіе дзекую, со всею моею жичливостію до услугъ ясне велможнаго вашмосцѣ мосцѣ пана, и на пожаданіе ординую Андрія Терновскаго, которій и самъ доброволне, не чуючися ни въ чимъ бити подоизрзенимъ, охотне ставить ся. За которимъ упрошаю ясне велможнаго Вашмосцѣ мосцѣ пана добродѣя, даби въ ласцѣ его не билъ турбованій, даби и назадъ до насъ поворотилса, поневодтѣ бебе отяготивъ службою».

Показаніе, данное на слѣдствіи, еще болѣе расширило горизонтъ секретнаго дѣла. Оказалось, что зло существовало давно, уже почти два года, что оно гнѣздилося въ духовной академіи, въ средѣ юношества, усердно распространявшаго его тутъ же въ Кіевѣ, на глазахъ у канцеляріи. «Сидѣлъ я»,—разсказывалъ на допросѣ Андрей Терновскій,—сидѣлъ я у себя на квартирѣ, сколько помню, въ послѣднихъ числахъ декабря 1730 года. Вдругъ отворяются двери и входитъ Якимовичъ. На столѣ лежала у меня авизія. Онъ схватилъ ее, прочелъ и попросилъ позволенія списать ее, что я и дозволилъ сдѣлать ему, не придавая ей значенія. Самъ же я получилъ ее и затѣмъ списалъ здѣсь же въ Кіевѣ у студентовъ Василя Бузановскаго и его брата, они нынѣ жительствоуютъ въ Полтавскомъ полку, въ с. Келебердѣ²⁾. Куда дѣвалъ я свой экземпляръ, сказать не могу. Будучи заграницей, невѣдомо какимъ случаемъ оную утратилъ».—Съ особеннымъ удареніемъ доказывалъ онъ пустячность и ничтожность авизіи, которую называлъ «праздною».

Но слова его пропали даромъ. Показаніе его вызвало лишь усиленную энергію въ канцеляріи, и по пути изъ Кіева въ Кременчугъ, уже поскакалъ за Бузановскими рейтаръ Жуковъ, которому

¹⁾ Письмо было написано попольски; канцелярія сдѣлала переводъ его на малорусскій языкъ, въ томъ видѣ, какъ я привожу его.

²⁾ Кременчугскаго уѣз., Полтавской губ.

приказано было доставить поскорѣй виновныхъ, схватить ихъ, хотя бы и «съ нечестіемъ».

16 іюля новые подсудимые были уже представлены въ канцелярію и на допросѣ подтвердили во всѣхъ пунктахъ показаніе Терновскаго, хотя, въ дѣйствительности, мало подвинули впередъ слѣдствіе. Оказалось, что и они, въ свою очередь, списали «авизию» съ экземпляра, находившагося у студента Ивана Данилевскаго, который, по ихъ словамъ, жилъ въ г. Козельцѣ, на «инспекторіи» у жителя козелецкаго Солонины. На вопросъ, откуда могъ взять Данилевскій «авизию», они, какъ и прежніе подсудимые, отвѣтили, что это имъ никакъ неизвѣстно.

Новая гоньба рейтара, новый привозъ подсудимаго «съ нечестіемъ», а въ результатѣ опять новый оговоръ. «Свою авизию, не оставляя ее у себя, отдалъ я»,—показывалъ Данилевскій,—«Бузановскимъ, а списалъ ее у студента Ивана Самборовича, въ Кіево-братскомъ монастырѣ, въ бурсѣ, въ томъ же 1730 году, а въ какомъ мѣсяцѣ и числѣ, того не упомяну».

Стѣны монастыря, очевидно, не защищали отъ зловредныхъ «авизій». Зло гнѣздилося внутри ихъ, и канцелярія вторглась въ монастырскую ограду и въ тотъ же день, 20 іюля, уже допрашивали схваченнаго въ бурсѣ Самборовича. «А далъ я»,—выяснилъ новый подсудимый,—«писменную авизию студенту Ивану Данилевскому, а когда,—того не упомяну за давнимъ временемъ. А ту авизию списалъ я отъ студента Василія Вербезанскаго въ томъ же 1730 году, а когда, точно не знаю. И давалъ ли ее другимъ кому списывать, то и того не упомяну. Помню только, что держалъ я у себя ту авизию дней съ пять, поразумѣвъ же, что она я праздна, изодралъ оную».

Оставалась надежда на Вербезанскаго. Сыскать и доставить его оказалось дѣломъ, не требовавшимъ долгого времени: его нашли въ бурсѣ и моментально привели въ канцелярію. Но онъ своимъ показаніемъ не только не выручилъ канцелярію, но и поставилъ ее въ крайне затруднительное положеніе, создалъ страшный переполохъ, длиннѣйшую переписку. Онъ спасъ лишь академію отъ тяжкаго обвиненія: не она оказывалась первоисточникомъ смуты,—она была лишь простымъ, хотя и крупнымъ орудіемъ распространенія зловреднаго творенія.

На вопросъ о томъ, откуда добылъ онъ «авизию», Вербезанскій далъ такой отвѣтъ:—«А получилъ я авизию отъ великороссійскаго человѣка Ивана, а какъ отчество и фамилія его, того не знаю. Дѣло было давно, еще въ 1730 году, а въ какой день и въ какой мѣсяцѣ, припомнить не могу. Въ маѣ же мѣсяцѣ нынѣшняго 1732 года видѣлъ я его уже здѣсь, въ Кіевѣ, и сталъ онъ монахомъ, и зовутъ его Иларіономъ. А сказывалъ де онъ мнѣ, что живетъ онъ въ Троицкомъ прилуцкомъ Густынскомъ монастырѣ». Важный ви-

новный находился, значить, въ Кіевѣ въ тотъ самый моментъ, когда началось «секретное» дѣло, а канцелярія, подлѣ которой онъ былъ такъ близко, даже и не подозрѣвала о томъ, не знала о степени виновности его. Отыскать его было дѣломъ первостепенной важности: источникъ зла, повидимому, былъ уже найденъ. Необходимо было захватить его, и вотъ канцелярія отряжаетъ въ Густынскій монастырь рейтара Жукова, давая ему въ помощники для розыска студента Вербезанскаго. Послѣдній, вѣдь, одинъ только знаетъ въ лицо преступника, можетъ сразу указать его.

28 іюля выѣхали Жуковъ съ Вербезанскимъ въ Прилуки и чрезъ четверть дня вернулись назадъ, но вернулись одни: монаха съ ними не было, онъ куда-то исчезъ. «Бѣдиль я»,—докладывалъ Жуковъ канцеляріи,—«бѣдиль я съ посылаемымъ со мною студентомъ, Василюемъ Вербезанскимъ, въ Троицкій Густынскій монастырь для взятія и привоза въ Кіевъ монаха, котораго оный студентъ покажетъ. И по прибытіи моемъ съ онымъ студентомъ въ показанный монастырь, того монаха не получили, про котораго тамошній игумень Гавріиль сказалъ, что такой монахъ въ монастырѣ былъ и посланъ на послушаніе на рыбную ловлю, а оттуду шель, а куда—того невѣдомо, въ чемъ и засвидѣтельствованное за своею рукою письмо онъ, игумень, мнѣ далъ. Да онъ же, игумень, сказалъ, что имѣетца въ томъ ихъ монастырѣ нѣкоторые оного монаха пожитки, и ежели онъ для отобранія ихъ придетъ, то ево въ кіевскую губернскую канцелярію пришлетъ».

И такъ, преступникъ по «важному» дѣлу былъ внѣ правосудія, и дѣло должно было остановиться. Вся энергія, обнаруженная канцеляріей, вся та быстрота, съ которою она дѣйствовала, не привели ни къ чему. Добыть монаха, добыть во что бы то ни стало, добыть его самого, лично, а не его пожитки, т. е. 13 р. и нѣсколько аршинъ сѣраго сукна, хранившихся у игумена, вотъ что было важно для канцеляріи, и она шлетъ игумену Густынскаго монастыря грозную бумагу съ строгимъ приказомъ «велѣтъ сказаннаго монаха всеконечно сыскавъ, въ кіевскую губернскую канцелярію прислать съ нарочнымъ немедленно».

Понятенъ тотъ ужасъ, въ какой приведены были и монастырь, и игумень, по полученіи подобной бумаги, да еще въ такое ужасное время, какимъ было время Ушакова. Испуганный игумень, не имѣя возможности удовлетворить требованію канцеляріи, шлетъ 31-го августа жалобное и слезное посланіе въ Кіевъ на имя фонъ-Вейзбаха. Всячески старается онъ увѣрить генераль-губернатора, что Жуковъ сообщил невѣрныя свѣдѣнія о бѣгствѣ монаха, что монахъ бѣжалъ уже давно. Всѣми способами силится онъ снять съ себя и тѣнь подозрѣнія въ потворствѣ бѣгству монаха или, чего Боже упаси, въ соучастіи: «Въ сущую правду,—увѣряетъ онъ,—въ сущую правду доношу вашему превосходительству, что пожитки

его, монаха, взяты за погрѣшеніе его еще въ генварѣ мѣсяцѣ 12-го числа въ семь 1732 году... и оной монахъ съ протчими монахами подѣ началъ на послушаніе на рыбное ловлѣ еще въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1732 году посланъ, а изъ рыбныхъ ловель изъ другими монахами двома ушолъ еще въ маѣ мѣсяцѣ невѣдомо куда». И чтобы аттестовать свое усердіе и свою готовность игумень прибавляетъ: «а искать его, монаха, послали, а когда буде его, монаха, зищуть, то не умедлимъ при доношеніи въ кіевскую губернскую канцелярію съ нарочнымъ прислать».

Раздраженная неудачей, канцелярія рѣшается прибѣгнуть къ крайнему средству. Она обращается за помощью къ митрополиту, прося его содѣйствія. Въ письмѣ, датированномъ 12-го сентября, канцелярія умоляетъ его высокопреосвященство приказать указами, по силѣ императорскаго указа, сыскивать того бѣглеца монаха Густынскаго монастыря по всей епархіи. Воззваніе канцелярія возымѣло дѣйствіе: указы о поимкѣ бѣглеца были разосланы, но результатовъ не получилось никакихъ. Поймать монаха все-таки не удалось.

Четыре мѣсяца прошло со времени полученія указа отъ Упакова, а канцелярія, успѣвшая засадить въ казематы болѣе десятка лицъ разнаго пола и званія, была не ближе къ цѣли, какъ и въ моментъ ареста Вишневской. Наступилъ конецъ сентября и отъ генераль-губернатора фонъ-Вейзбаха, не получавшаго ни отчета о ходѣ дѣла, ни самого дѣла, поступилъ запросъ, адресованный на имя губернатора и подписанный самимъ фонъ-Вейзбахомъ, нѣмецкими литерами. «Прошедшаго мая 16-го дня сего 1732 года,—писаль von Weissbach,—при ордерѣ моемъ съ полученнаго мною изъ канцелярії тайныхъ розыскныхъ дѣлъ ея императорскаго величества указа копіи о допросѣ секретно при особѣ вашего превосходительства объ объявленной авизіи... и дѣло отослать въ Москву немедленно. Точію по тому нашему предложенію, что учинено... до сего въ полученіи не имѣется. А понеже, какъ изволите заблаго-разсудить, что оное къ немалой, по требованію означеннаго указа, важности обстоитъ и за такое неисполненіе не воспослѣдовало бѣ къ предосужденію, сего ради вашему превосходительству напоминаемъ, по вышеозначенному указу извольте, не продолжая времени, исполненіе учинить и что учинено будетъ, для отсылки въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ прислать къ намъ немедленно».

Губернатору и канцелярії, не окончившимъ слѣдствія, пришлось покорно принять косвенный выговоръ, столь непріятный для чиновнаго самолюбія и прислать къ фонъ-Вейзбаху экстрактъ незавершеннаго дѣла.

Но, повидимому, этимъ не окончилась исторія съ «авизіей». Указы митрополита, разосланные въ сентябрѣ 1732 года, возымѣли

свое дѣйствіе въ началѣ 1733 года. Въ концѣ января 1733 года получено было, наконецъ, извѣстіе, что искомый бѣглый монахъ есть, что его видѣли. Честь открытія принадлежала священнику села Сребного, Григорію Скридловскому. 28-го января онъ сообщил игумену Густынскаго монастыря, что, будучи за границей, въ Вѣткѣ, мѣстности пана Халецкаго, встрѣтилъ онъ монаха Иларіона, когда послѣдній шелъ въ церковь. Но пользы для канцеляріи получилось отъ того мало. «Въ Вѣткѣ,—пишетъ игуменъ въ письмѣ къ митрополиту отъ 30-го января,—въ Вѣткѣ живутъ раскольники». «А понеже мнѣ,—разъясняетъ онъ,—за помянутымъ монахомъ за рубежъ послать невозможно для взятія, того ради вашему преосвященству о семъ всепокорственно безъ замедленія доношу». Какъ поступили при этихъ новыхъ обстоятельствахъ, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ.

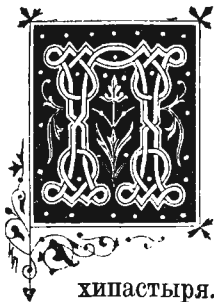
Что же дѣлалось съ заключенными въ казематы, пока шло дѣло? Какъ видно изъ слѣдствія, ихъ пришлось выпускать одного за другимъ на поруки, ибо положеніе ихъ въ тюрьмѣ было невыносимо. Студентъ Вербезанскій въ своемъ доношеніи отъ 14-го сентября горько жалуется на то, что еще «съ 20-го іюля по дѣлу о прошедшей авизіи о вышедшихъ изъ Поналіи дву престарѣлыхъ мужахъ, подобныхъ пророкамъ, держусь я, нижайшей, въ кіевской губернской канцеляріи подъ карауломъ и помираю голодною смертію; по которому дѣлу никакой винности за собою не приобрѣтаю. Того ради прошу, дабы указомъ ея императорскаго величества повелѣно было, чтобъ мнѣ, сидя подъ карауломъ, съ голоду не умереть, меня нижайшаго изъ подъ караулу освободить или хотя кому отдать на росписку». Его прошеніе было доложено, и 21-го сентября состоялось постановленіе, чтобы до указа его изъ подъ караула освободить и отдать, какъ и другихъ подсудимыхъ, подъ росписку, обязавъ лицо, взявшее его на поруки, представить подсудимаго Вербезанскаго по первому требованію въ канцелярію, подъ угрозою жестокаго наказанія.

И. Лучицкій.

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЕПИСКОПЪ ІЕРЕМІА.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ Іеремія принадлежитъ къ числу іерарховъ, высокія нравственныя качества которыхъ не нашли себѣ достойной оцѣнки у современниковъ. Даже и теперь, когда послѣ смерти его прошло около пяти лѣтъ, а по удаленіи на покой 30 лѣтъ, нѣкоторыя лица, служившія подъ его начальствомъ, едва ли дадутъ одобрителный отзывъ о служебной дѣятельности почившаго архипастыря. Насколько несправедливъ этотъ отзывъ современниковъ, читатель самъ можетъ видѣть изъ предлагаемаго нами краткаго очерка, посвященнаго главнымъ образомъ обзору служебной дѣятельности великаго іерарха.

Происходя изъ бѣднаго и низкаго сословія (сынъ сельскаго причетника), преосвященный Іеремія никогда не мечталъ о высокомъ архіерейскомъ санѣ; всѣ его мечты и вождельнія не восходили выше сана священника, быть которымъ онъ хотѣлъ лишь только для того, чтобы имѣть возможность помогать своимъ бѣднымъ родителямъ. Да и помечтать о священствѣ Іродіону Соловьеву (мірское имя преосв. Іереміи) привелось только однажды и то, кажется, болѣе для краснаго словца. Это было въ богословскомъ классѣ семинаріи, когда два друга-юноши Іродіонъ Соловьевъ и Иванъ Борисовъ (знаменитый Иннокентій Херсонскій), сидя рядомъ на ученической скамьѣ, разговорились о дальнѣйшей своей судьбѣ. Борисовъ стремился въ Харьковскій университетъ; Соловьевъ упрашивалъ его остаться въ духовномъ званіи и поступить въ монашество, самъ же онъ думалъ быть священникомъ. Но Борисовъ рѣшилъ обоимъ быть монахами и разговоръ кончился.

Въ 1819 году, по окончаніи курса въ семинаріи, двадцатилѣтній студентъ Соловьевъ былъ опредѣленъ въ Сѣвское духовное училище учителемъ греческаго языка и инспекторомъ, а Борисовъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Около четырехъ лѣтъ Соловьевъ былъ учителемъ; но монашество, предреченное другомъ, не выходило у него изъ головы, и онъ, удалившись отъ должности учителя, началъ готовиться къ постриженію въ монашество. Въ это время преосвященный орловскій, Гавріиль (впослѣдствіи архіепископъ Рязанскій), желая устроить судьбу знакомаго ему Соловьева, предложилъ ему мѣсто священника въ г. Болховѣ. Соловьевъ съ радостью и благодарностью принялъ и мѣсто, и благословеніе на бракъ, и отправился въ Болховъ. И мѣсто, и невѣста ему очень понравились; но прежде чѣмъ приступить къ совѣщаніямъ о бракѣ, онъ съ невѣстой и ея родителями отправился помолиться въ монастырь. По совершеніи общей молитвы въ монастырѣ, Соловьевъ одинъ зашелъ въ близъ лежащую рощу и усердно молился, прося Бога указать ему путь, по которому онъ долженъ идти въ жизни. Господь услышалъ молитву и указалъ путь. Соловьевъ отказывается отъ мѣста и, возвращая преосвященному брачный билетъ, подаетъ ему прошеніе объ опредѣленіи его послушникомъ въ монастырь; его опредѣляютъ въ Брянскій Печерскій монастырь¹⁾. Дорога въ монастырь была дальняя, трудная и опасная: одинокому путнику предстояло пройти пѣшкомъ около 200 верстъ по грязной дорогѣ въ самый разгаръ весенней распутицы; пришлось переправляться чрезъ большую рѣку въ бурную погоду въ маленькой лодочкѣ подъ управленіемъ ребенка. Послѣ неимовѣрныхъ усилій Соловьевъ, наконецъ, достигъ монастыря, который своимъ мрачнымъ видомъ не мало напугалъ будущаго подвижника. Начальство монастыря съ недовѣрчивостью посмотрѣло на учителя-инспектора, желающаго быть простымъ послушникомъ и назначило его черно-рабочимъ на кухнѣ и на дворѣ, или, проще сказать, истопникомъ и скотникомъ. Ревностно подвизался въ своихъ новыхъ должностяхъ Соловьевъ четыре мѣсяца, послѣ чего онъ назначенъ былъ на должность пономаря въ ранней литургіи. Эта спокойная должность вполне соотвѣтствовала характеру Соловьева, и онъ уже предвкушалъ отраду остаться въ ней навсегда. Однако, и эта надежда не сбылась; вскорѣ случилось нѣчто необыкновенное и уже совсѣмъ неожиданное: послушникъ Соловьевъ по распоряженію комиссіи духовныхъ училищъ вызывался въ С.-Петербургскую духовную академію на казенный счетъ. Этотъ неожиданный сюрпризъ устроилъ ему товарищъ его дѣтства и семинарской жизни Иванъ Борисовъ, въ 1823 году кончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи и тотчасъ по окончаніи назначенный въ С.-Петербургскую семинарію

¹⁾ Дневникъ преосв. Іереміи.

профессоромъ и инспекторомъ, а въ 1824 году уже бывшій бакалавромъ С.-Петербургской академіи. Такимъ образомъ, послѣ пятилѣтней разлуки бывшіе товарищи и друзья снова соединились, но уже въ различныхъ званіяхъ: Борисовъ (въ монашествѣ Иннокентій) въ званіи учителя, Соловьевъ (въ монашествѣ Іеремія), въ званіи ученика. Это было въ сентябрѣ 1824 года. Іеремія обучался въ академіи только три года и предъ окончаніемъ курса обратился къ начальству съ странною просьбой—не удостоивать его никакой ученой степени. Эта странная просьба истекала изъ предположенія, что безъ ученой степени Іереміи невозможно будетъ повышаться по службѣ, и онъ надѣялся всю жизнь свою провести въ скромномъ санѣ іеромонаха. Насколько оправдался расчетъ его, увидимъ далѣе. Начальство, дѣйствительно, не дало Іереміи никакой ученой степени.

По окончаніи академическаго курса, въ 1827 году, іеромонахъ Іеремія былъ назначенъ законоучителемъ 2-го кадетскаго корпуса и настоятелемъ церкви при ономъ. Въ 1828 году причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Свято-Троицкой-Александровской лавры. Въ 1829 году изъ кадетскаго корпуса перемѣщенъ въ бакалавры С.-Петербургской духовной академіи по богословскому классу. Въ 1830 году, 4-го сентября, назначенъ въ Кіевъ на должность инспектора Кіевской духовной академіи, а 5-го октября посвященъ въ санъ архимандрита. Въ 1834 году назначенъ ректоромъ Кіевской духовной академіи¹⁾. Изъ этого перечня назначеній и возвышеній мы видимъ, что черезъ двѣнадцать лѣтъ по окончаніи курса Іеремія безъ всякой ученой степени занялъ такое высокое положеніе въ духовномъ мірѣ, до котораго многіе не достигаютъ во всю жизнь, хотя и имѣютъ высшія ученые степени.

8-го марта 1841 года по всеподданнѣйшему докладу св. Синода архимандритъ Іеремія высочайше утвержденъ во епископа Чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи. А между тѣмъ, 17 лѣтъ назадъ, также въ мартѣ мѣсяцѣ, изнуренный голодомъ и холодомъ и промокшій отъ дождя и отъ волнъ при переправѣ чрезъ бурную рѣку, Іеремія, тогда еще скромный молодой человекъ, являлся въ Брянскій монастырь просить себѣ послушанія. И вотъ этотъ бывшій чернорабочій послушникъ теперь архіерей! Воображаемъ, какую сенсацию это архіерейство произвело на кухнѣ Брянскаго монастыря, гдѣ, вѣроятно, многіе хлѣбопеки, кашевары и прочая монастырская служка, еще были живы и помнили своего помощника. Они не мало тщеславились тѣмъ, что изъ ихъ среды вышелъ архіерей. Дѣйствительно, контрастъ замѣчательный, но не единственный въ своемъ родѣ. Мы знаемъ изъ жизни св. Тихона Задонскаго, что и онъ, обучаясь въ Новгородской семинаріи, подвергался отъ

¹⁾ Свящ. Виноградовъ. «Епископъ Нижегородскій Іеремія». Нижн.-Новг., 1886 г.

своихъ товарищей насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, а спустя 10 лѣтъ послѣ этого торжественно, при колокольномъ звонѣ, вѣзжалъ въ тотъ же Новгородъ уже въ санѣ архіерея.

1-го января 1843 года преосвященный Іеремія высочайшею волею былъ перемѣщенъ на Кавказъ въ новооткрытую епархію и наименованъ епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ. Епархіальнымъ городомъ новооткрытой епархіи былъ Ставрополь (городъ креста). Въ теченіе первыхъ 15-ти лѣтъ своей служебной дѣятельности преосвященный Іеремія не испытывалъ никакихъ непріятностей, все шло какъ нельзя лучше: имъ были всѣ довольны и онъ былъ всѣми доволенъ. Но теперь съ назначеніемъ преосв. Іереміи на самостоятельную епархію начинается для него служба, исполненная заботъ и скорбей. Въ городѣ креста начинается для преосв. Іереміи несеніе тяжелаго креста, продолжающееся болѣе 13-ти лѣтъ до самаго выхода его въ отставку. Впрочемъ, вначалѣ, по прибытіи преосвященнаго въ Ставрополь, дѣло пошло весьма успѣшно: всѣ полюбили благодушнаго архипастыря за его незлобный характеръ и привѣтливое обращеніе, а потому всѣ оказывали ему всякую помощь и содѣйствіе; люди богатые помогали ему своими щедрыми приношеніями. Но такое благополучіе продолжалось не болѣе года, послѣ чего наступило мрачное время скорби и печали. Въ 1845 году произошло отдѣленіе отъ Кавказской епархіи около 100 станичныхъ церквей Терскаго и Кубанскаго войскъ въ вѣдѣніе оберъ-священника кавказской арміи. Причиной такого отдѣленія послужилъ злобный доносъ раскольниковъ Червинской станицы на притѣсенія, чинимыя будто бы имъ со стороны преосв. Іереміи. Доносъ этотъ былъ подкрѣпленъ наказнымъ атаманомъ Николаевымъ, который имѣлъ среди раскольниковъ многихъ родственниковъ и потому покровительствовалъ расколу. Жалоба эта была въ высшей степени несправедлива и злонамѣренна: преосвященный по закону не могъ дѣлать никакихъ притѣсеній раскольникамъ; если эти притѣсенія дѣйствительно и были, то происходили со стороны полицейской власти, которая имѣла на этотъ счетъ особыя приказанія и постановленія. Явная и злонамѣренная несправедливость возмутила преосв. Іеремію до глубины души, и онъ, не видя возможности поправить дѣло, въ началѣ 1848 года подалъ прошеніе въ св. Синодъ объ увольненіи его отъ управленія Кавказскою епархіей, съ дозволеніемъ проживать на покоѣ въ Києво-Печерской лаврѣ. Бывшій тогда оберъ-прокуроръ св. Синода графъ Протасовъ высоко цѣнилъ заслуги преосв. Іереміи по устройству Кавказской епархіи и въ письмѣ къ нему просилъ о продолженіи службы, говоря, что «онъ не сомнѣвается въ томъ, что пламенное усердіе преосв. Іереміи къ церкви придаетъ ему силы къ новымъ подвигамъ на поприщѣ, на которомъ св. Синодъ признаетъ служеніе его истинно полезнымъ». Преосвященный Іеремія отвѣчалъ,

что «если исполненіе его желанія (объ удаленіи на покой) признается несвоевременнымъ и самъ онъ еще почитается небезполезнымъ, то готовъ остаться на настоящемъ поприщѣ сколько то будетъ возможно». Онъ надѣялся, что ему удастся возвратить отдѣленные церкви въ вѣдомство Кавказской епархіи. Съ этой цѣлью въ началѣ 1849 года онъ послалъ намѣстнику князю Воронцову докладную записку, въ которой убѣдительно указывалъ на весьма вредныя послѣдствія этого отдѣленія церквей. Но всѣ усилія его оказались тщетными, и онъ окончательно рѣшился удалиться на покой и въ октябрѣ 1849 года послалъ въ св. Синодъ объ этомъ прошеніе. Вслѣдствіе этого прошенія, онъ въ концѣ того же 1849 г. былъ перемѣщенъ епископомъ въ Полтаву.

Въ семилѣтнее управленіе Кавказской епархіей преосв. Іеремія сдѣлалъ весьма много полезнаго для епархіальнаго города. Въ Ставрополѣ до открытія епархіи былъ всего одинъ храмъ; преосв. Іеремія оставилъ послѣ себя 12 храмовъ; онъ устроилъ и открылъ Кавказскую семинарію и положилъ въ нее капиталъ 8,500 руб. на стипендіи для 7 бѣдныхъ учениковъ. При немъ также построены большой двухъ-этажный домъ для общежитія бѣдныхъ дѣтей кавказскаго духовенства.

Въ Полтавѣ преосв. Іеремія не нашелъ себѣ покоя. Здѣсь все не соотвѣтствовало ни его характеру, ни его привычкамъ, ни его аскетическому образу жизни. Родившись и выросши въ деревенской убогой избѣ, живя въ г. Сѣвскѣ во время семинарскаго ученія въ весьма небогатой обстановкѣ, преосв. Іеремія и во время своего архипастырства гналъ отъ себя всякую роскошь. И вотъ въ Полтавѣ для житія его имѣется обширный архіерейскій домъ съ садами и парками. Какъ ему нравилось подобное помѣщеніе, видно изъ слѣдующей замѣтки его дневника: «Начинаю съ великимъ затрудненіемъ жить въ новомъ великомъ домѣ,—домѣ, среди пустыни котораго и на Кавказѣ мнѣ не было такъ безпріютно». Подвластное ему духовенство (городское) также не могло нравиться по своей склонности къ отличіямъ и по образу жизни, приличному болѣе свѣтскому человѣку, чѣмъ лицу духовному. «Обѣдали у моего достоинства,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—члены консисторіи и прочее превознесенное и разукрашенное отличіями духовенство полтавское—всѣ протоіереи... священника не могъ отыскать... Это предмѣстнику моему было на радованіе, а преемникамъ его надолго скорбь и затрудненіе».

При такихъ условіяхъ преосв. Іеремія могъ прожить въ Полтавѣ только четыре мѣсяца и въ маѣ переѣхалъ въ Лубенскій монастырь. Здѣсь онъ прожилъ все лѣто и отсюда же въ концѣ іюля отправилъ просьбу объ отставкѣ; осенью переѣхалъ въ Переяславль, гдѣ и жилъ до новаго назначенія. На просьбу свою онъ опять не получилъ отставки, а вмѣсто того былъ назначенъ на епископскую

каедрѣ въ Нижній-Новгородѣ, куда и отправился 11-го января 1851 года. Незадолго до этого назначенія преосвященный видѣлъ во снѣ новый жезлъ, который ему очень понравился¹⁾. Видя въ этомъ для себя хорошее предзнаменованіе, онъ выѣхалъ изъ Переяслава въ самомъ счастливомъ и благодушномъ настроеніи духа. Въ Кіевѣ онъ пробылъ около недѣли, посѣтилъ знакомые ему города Сѣвскъ, Орель и Болховъ; останавливался въ Калугѣ, Москвѣ и Троицкой лаврѣ, и только черезъ мѣсяцъ «14-го февраля благополучно и благопріятно совершилъ путь свой и прибылъ въ богоспасаемый Нижній-Новгородъ».

Но жезлъ нижегородскій оказался далеко не такимъ привлекательнымъ, какимъ видѣлъ его во снѣ преосвященный Іеремія. Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Нижній-Новгородъ онъ увидѣлъ, что здѣсь съ давнихъ поръ заведены такіе порядки, какихъ не можетъ допустить ни одинъ іерархъ право правящій слово истины. Рѣчь идетъ о ярмарочномъ соборѣ, который съ самаго основанія своего былъ причисленъ св. Синодомъ къ нижегородскому каедральному собору и подчиненъ во всѣхъ отношеніяхъ вѣдѣнію мѣстнаго архіерея, исключая избранія къ оному старосты и завѣдыванія церковными суммами. Но гражданское начальство по своему воспользовалось этимъ исключеніемъ: оно всецѣло захватило въ свои руки управленіе соборомъ, такъ что даже архіерей при своемъ служеніи въ ярмарочномъ соборѣ долженъ былъ облачаться въ тѣ одежды, какія ему назначить губернаторъ. Преосвященный Іеремія, хорошо понимая всю ненормальность такого порядка вещей, вздумалъ возстановить архіерейскую власть на основаніи закона и церковныхъ правилъ. Съ этою цѣлію онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія на ярмарочное время: 1) вмѣсто каедральнаго протоіерея и ключаря доселѣ назначавшихся для служенія въ ярмарочномъ соборѣ онъ назначилъ младшихъ соборныхъ священниковъ, — притомъ не членовъ консисторіи и не наставниковъ семинаріи, дабы такимъ образомъ не отвлекать ихъ отъ своихъ прямыхъ обязанностей по консисторіи и семинаріи; 2) вмѣсто хора архіерейскихъ пѣвчихъ преосвященный Іеремія назначилъ на все время ярмарки «пѣвцовъ голосистыхъ, но женатыхъ и въ духовномъ одѣяніи, дабы они не могли присутствовать и участвовать на ярмарочныхъ концертахъ и при увеселеніяхъ на зрѣлищахъ со вредомъ голосовъ своихъ и для сердца». Такое распоряженіе не могло понравиться ни старшему каедральному духовенству, которое отъ этого лишалось значительной части своихъ доходовъ, — ни пѣвчимъ, которые, проживая прежде цѣлыхъ два мѣсяца въ ярмаркѣ на свободѣ, безъ всякаго надзора, хотя теряли голоса свои и нравственность, за то жили весело и получали немалую халтуру.

¹⁾ Сонъ этотъ имъ описанъ въ дневникѣ.

Но самое неприятное и тяжелое впечатлѣніе оно произвело на губернатора, который тотчасъ по окончаніи ярмарки поспѣшно уѣхалъ въ С.-Петербургъ съ жалобой на преосвященнаго Іеремію. Имѣла ли эта жалоба успѣхъ, — неизвѣстно; быть можетъ ему тамъ и пообѣщали что-нибудь для облегченія его великой скорби.

И вотъ губернаторъ, по возвращеніи своемъ въ Нижній, сталъ распространять слухи, что преосвященный Іеремія въ Нижнемъ-Новгородѣ невозможенъ и что его непременно переведутъ отсюда. Такіе слухи дошли скоро и до самого преосвященнаго, что видно изъ его замѣтки, записанной въ дневникѣ подъ 5 октября 1851 года: «Въ день святителей московскихъ и праведнаго Іереміа азъ, окаянный, прибылъ (изъ поѣздки по епархіи) въ Нижній и по грѣхамъ и ошибкамъ моимъ встрѣченъ здѣсь молвою, будто я оказываюсь здѣсь негоднымъ и куда-то перемѣщаюсь». Городскія сплетни подѣйствовали на мнительнаго преосвященнаго самымъ подавляющимъ образомъ: онъ «23 декабря уготовалъ прошенія объ увольненіи отъ архіерейства и объ опредѣленіи въ Высокогорскую пустынь», но не послалъ его потому, что «изъ Кіева крѣпкую получилъ брань»...

Въ слѣдующемъ 1852 году губернаторъ отъ словъ уже перешелъ къ дѣлу: онъ задумалъ уничтожить двуначаліе въ ярмарочномъ соборѣ, т. е. устранить архіерея отъ всякаго вмѣшательства въ дѣлѣ этого собора и самому сдѣлаться единственнымъ главой его. Съ этой цѣлью онъ пишетъ отъ 10 апрѣля 1852 г. къ оберъ-прокурору графу Протасову довольно пространнѣйшій доносъ, въ которомъ, представивъ съ неблагоприятной стороны распоряженія преосвященнаго Іереміа относительно пѣвчихъ и кафедральнаго духовенства, а также и упомянувъ о томъ, что архіерей почти совсѣмъ не пріѣзжаетъ въ ярмарочный соборъ для совершенія богослуженій, — проситъ оберъ-прокурора «вмѣсто командированія во время ярмарки священноцерковно-служителей кафедральнаго собора увеличить штатъ въ ярмарочномъ храмѣ двумя священниками и однимъ діакономъ», а также и «о разрѣшеніи нанять для ярмарочнаго храма другихъ пѣвчихъ вмѣсто архіерейскихъ». «Командированіе на ярмарку священно-и-церковно-служителей изъ кафедральнаго собора не признаю удобнымъ, потому-что и въ ономъ необходимо во время ярмарки торжественное служеніе», — съ лицемернымъ смиреніемъ присовокупляетъ губернаторъ. «Если вашему сіятельству, заканчиваетъ онъ свое донесеніе, угодно будетъ удовлетворить настоящее мое ходатайство, то вы изволите меня много обязать поспѣшнымъ о томъ увѣдомленіемъ, дабы я успѣлъ распорядиться своевременнымъ пріисканіемъ пѣвчихъ и снабженіемъ ихъ форменною одеждой¹⁾».

¹⁾ Дѣло о соборѣ въ канцеляріи нижегородскаго губернатора.

Къ величайшему огорченію и можно сказать стыду губернатора, св. Синодъ взглянулъ на это дѣло совершенно иначе; онъ «предписалъ преосвященному Іереміи: 1) войти въ соображенія, какому быть причту при означенной церкви (ярмарочный соборъ) постоянно и какимъ образомъ выполнить церковные обряды при стеченіи на ярмарку купечества со всѣхъ частей Россіи, дабы благолѣшиемъ, правильностью богослуженія и исправнымъ отправленіемъ требъ удовлетворить ихъ благочестивымъ и молитвеннымъ чувствованіямъ; 2) имѣя въ виду его благочестивую цѣль самому ему, преосвященному, во время ярмарки во всѣ торжественные праздники совершать богослуженія въ ярмарочномъ соборѣ; 3) въ распоряженіяхъ о богослуженіи, а равно и о всѣхъ распоряженіяхъ по завѣдыванію церковному поступать на основаніи церковныхъ правилъ архіерейскою властію безъ всякаго иного участія и 4) равнымъ образомъ и въ завѣдываніи церковными суммами, отмѣнивъ порядокъ допущенный временно св. Синодомъ (23 мая 1824 г.), поступать впредь по церковнымъ правиламъ при участіи только церковнаго старосты»¹⁾.

Итакъ разсчеты губернатора не оправдались: онъ нетолько не получилъ единоначалія, но долженъ былъ сложить и ту часть власти, которую прежде имѣлъ. Но при сложеніи этой власти ему вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось и отдать отчетъ въ хозяйственной части собора, которою онъ управлялъ доселѣ безконтрольно. При этой сдѣлкѣ, какъ и водится, не обошлось безъ курьезовъ. Укажемъ здѣсь одинъ изъ нихъ. Денежныхъ суммъ въ ярмарочномъ соборѣ въ 1852 году считалось 25,790 руб. 79 коп., но епархіальное начальство приняло только 14,215 руб. 98 коп., недостающіе же 11,574 руб. 81 коп. удержаны на уплату сдѣланныхъ во время ярмарки 1851 года для соборной церкви заказовъ. Эти заказы сдѣланы были губернаторомъ безъ всякаго участія и вѣдѣнія епархіальнаго начальства. Одни изъ нихъ, какъ-то: иконостасы, ризницы и коверъ для архіерейскаго служенія, стоящіе 7,704 руб. не оправдывались никакой необходимостью и могли быть пріобрѣтены не на церковныя суммы; другіе же изъ заказовъ—это 6 чугунныхъ вызолоченныхъ кронштейновъ и 3 чугунныя рѣшетчатые двери, въ которыхъ было вѣсу 380 пудовъ—признаны не только негодными для употребленія, но, по мнѣнію архитектора, даже опасными, потому-что своей тяжестью они могли произвести давленіе вредное для того мѣста храма, въ которомъ обнаружили уже трещины и которое было отгорожено, чтобы богомольцы не подходили къ нему близко. Съ невыгодами заказанныхъ и пріобрѣтенныхъ вещей согласился и губернаторъ, но тѣмъ не менѣе 380 пудовъ чугуна и заплаченные

¹⁾ Изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ нижегородскому губернатору отъ 24 мая 1852 года за № 1035.

за нихъ 4,500 руб. пропали. Не надобно при этомъ забывать и того, что все это было продѣлано въ ярмарку 1851 года въ то самое время, когда губернаторъ замышлялъ противъ архіерея козни и собирался ѣхать въ С.-Петербургъ съ жалобой¹⁾).

Потерпѣвъ неудачу въ поискахъ за единоначаліемъ, губернаторъ черезъ два года послѣ этого вздумалъ устроить архіерею новую непріятность, но только другимъ путемъ. Онъ пишетъ отношеніе отъ 20-го іюля 1852 года за № 8479 главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями, графу Клейнмихелю, въ которомъ предварительно объяснивъ, что хозяйственная часть ярмарочнаго собора по ходатайству преосв. Іереміи передана св. Синодомъ епархіальному начальству, просить графа сдѣлать распоряженіе, чтобы «строительной и дорожной комиссіи не принимать участія въ ремонтнровкѣ этого собора изъ 20⁰/о сбора, назначеннаго вообще на ремонтъ всѣхъ ярмарочныхъ зданій, и предоставить ремонтъ собора собственнымъ его средствамъ».

Это отношеніе губернатора можно назвать роковымъ для него, потому что вскорѣ послѣ этого онъ совсѣмъ удалился изъ Нижняго-Новгорода и въ началѣ слѣдующаго 1855 года въ перепискѣ, поднятой имъ на счетъ ремонта собора, имя его упоминается какъ уже бывшаго губернатора. Такъ неожиданно пресѣклась карьера слишкомъ ретиваго губернатора, который былъ тормазомъ для всѣхъ благихъ начинаній преосв. Іереміи. Новый губернаторъ, смѣнившій кн. Урусова, пошелъ по стопамъ своего предмѣстника и затянулъ старую пѣсню объ отсутствіи въ ярмарочномъ соборѣ благолѣпія и торжественности въ богослуженіи безъ хорошихъ пѣвчихъ. Беззастѣнчиво напоминая объ этомъ преосв. Іереміи, онъ говорилъ: «не изволите ли ваше преосвященство признать возможнымъ для поддержанія торжественности богослуженія на время отсутствія вашихъ пѣвчихъ употреблять благоустроенный хоръ вольно-наемныхъ». Преосвященный Іеремія на всѣ эти напоминанія отвѣтилъ ему разъ навсегда и притомъ категорически: «Честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, что дѣланное на всякій разъ отъ консисторіи распоряженіе о пѣвцахъ въ ярмарочномъ соборѣ сдѣлано и нынѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, съ назначеніемъ для пѣнія по чину церковному здѣшнихъ градскихъ діаконовъ и причетниковъ, способныхъ, въ поведеніи надежныхъ и опытныхъ въ церковномъ столповомъ пѣніи. И за симъ распоряженіемъ наемъ вольныхъ пѣвчихъ собственно для храма Божія и для исполненія главныхъ и существенныхъ священно-дѣйствій усматривается ненадобнымъ и излишнимъ и въ церковно-духовномъ отношеніи не полезнымъ. Притомъ не безызвѣстно вашему

¹⁾ Всѣ фактическія и цифровыя данныя извлечены изъ донесенія преосвященнаго Іереміи св. Синоду отъ 17 декабря 1855 г. за № 8051.

превосходительству, что пѣвчіе мои, сверхъ моего нерѣдкаго служенія въ ярмаркѣ, всякій разъ отправляются туда въ утреннее время по особымъ требованіямъ»¹⁾).

Прямой и нѣсколько рѣзкій отвѣтъ преосвященнаго послужилъ поводомъ къ тому, что губернаторъ написалъ новому оберъ-прокурору св. Синода предлинную жалобу на преосвященнаго Іеремію. Эта жалоба есть почти буквальное воспроизведеніе жалобы, поданной четыре года тому назадъ бывшимъ губернаторомъ графу Протасову. Она вся состоитъ изъ подбора жиденскихъ фразъ и сѣтованій на отсутствіе въ ярмарочномъ соборѣ благоустроеннаго хора пѣвчихъ и на то, что «назначаемые взамѣнъ ихъ священно-церковно-служители далеко не удовлетворяютъ благочестивымъ молитвеннымъ чувствованіямъ приходящихъ и въ особенности отличающагося благочестіемъ русскаго купечества». Длинную свою жалобу губернаторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «потребность въ ярмарочномъ соборѣ благоустроеннаго хора дѣлается крайне ощутительною и обязываетъ меня, для отклоненія постоянного неудовлетворенія прихожанъ, обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею и убѣдительнонѣйшею просьбой объ исходатайствованіи у св. Синода разрѣшенія на наемъ благоустроеннаго хора пѣвчихъ и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ, каковое желательно бы получить въ возможной скорости, дабы распоряженіе по сему предмету могло застать еще текущую ярмарку и имѣть приложеніе удовлетворить благоговѣйному чувству посѣтителей-богомольцевъ въ особенности ярмарочнаго купечества»²⁾).

Утомился ли преосв. Іеремія отъ бесплодной борьбы въ дѣлѣ, которое для враговъ его служило только поводомъ къ пустымъ пререканіямъ, или по жалобѣ губернатора получилъ отъ новаго оберъ-прокурора внушеніе, только онъ въ январѣ слѣдующаго 1857 года приготовилъ прошеніе объ увольненіи отъ епаршескаго бремени и 3-го мая «помолясь и довольно размысливъ», отправилъ его въ С.-Петербургъ. Согласно этому прошенію указомъ св. Синода отъ 17-го іюня 1857 г. онъ былъ уволенъ на покой съ производствомъ пенсіи въ 1,000 руб.

Въ теченіе шести лѣтъ управленія нижегородскою епархіей преосв. Іеремія сдѣлалъ весьма много полезнаго для своей паствы, хотя всѣ его начинанія и предпріятія, какъ мы видѣли выше, встрѣчали себѣ много препятствій. Такъ онъ создалъ два новыхъ храма въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ и одинъ вблизи города; имѣ же освященъ трехпрестольный храмъ въ соборной усыпальницѣ. Его неунышными попеченіями объ облегченіи участи осиротѣвшихъ се-

¹⁾ Отношеніе преосв. Іеремія къ губернатору отъ 24-го іюня 1856 г. за № 5961.

²⁾ Отношеніе губернатора оберъ-прокурору св. Синода отъ 28-го іюня 1856 г. за № 8325.

мействъ и бѣдныхъ дѣтей духовенства было сдѣлано то, что сумма попечительства, состоявшая до 1851 года приблизительно изъ 21 тысячи, возросла къ началу 1858 г. до 85 тысячъ. Принадлежащая ярмарочному собору сумма, въ количествѣ 14,215 руб. 98 коп., была отослана преосв. Іереміемъ въ хозяйственное управленіе при св. Синодѣ для причисленія къ духовно-учебнымъ капиталамъ. Туда же были посылаемы также и деньги, выручаемыя отъ продажи свѣчъ, каковыхъ денегъ было выслано съ 1852 по 1857 годъ болѣе 12 тысячъ. Такимъ образомъ, благодаря только безкорыстію преосв. Іереміи, капиталъ въ 27 тысячъ рублей, доселѣ остававшійся мертвымъ, получилъ теперь полезное назначеніе.

Преосвященный Іеремія прожилъ на покоѣ болѣе 27 лѣтъ и во все это время онъ никуда не выѣзжалъ и не выходилъ изъ своей кельи, кромѣ монастырскаго храма, въ которомъ не рѣдко служилъ, но служилъ священническимъ смиреніемъ съ однимъ іеродіакономъ. Всю свою жизнь провелъ онъ въ постѣ, молитвѣ и широкой благотворительности. Щедрость его не имѣла предѣла: всю свою пенсію, а также пенсію на ордена св. Владиміра 2-й степени и св. Анный 1-й ст., онъ употреблялъ на дѣла благотворительности. Достигши глубокой старости (85¹/₂ лѣтъ), онъ тихо скончался 6-го декабря 1884 года оплакиваемый только нищими и убогими и былъ погребенъ въ Алексѣевской церкви Благовѣщенскаго монастыря.

Нижегородскій Благовѣщенскій монастырь находится на правомъ берегу р. Оки, при впаденіи ея въ Волгу. Онъ построенъ на такъ называемыхъ «Дятловскихъ горахъ» и въ XVI вѣкѣ назывался «Благовѣщенскимъ, что на бичевѣ». Монастырь, очевидно, былъ основанъ въ одно время съ самымъ Нижнимъ-Новгородомъ, около 1221 г., ибо въ 1229 году, т. е. черезъ 8 лѣтъ послѣ основанія города, уже упоминается о раззореніи этого монастыря мордвою при нападеніи ея на Нижній-Новгородъ¹⁾. Мордовскій князь Пургась, осадивъ городъ и будучи не въ состояніи овладѣть имъ, напалъ на близъ лежащій у города Благовѣщенскій монастырь²⁾, сожегъ церковь и «домъ Пресвятыя Богородицы раззорилъ до основанія». Почти черезъ полтора вѣка послѣ этого печальнаго событія московскій митрополитъ Алексій, проѣзжая изъ Орды, остановился на пути въ Нижнемъ-Новгородѣ и, утоляя жажду изъ источника, находившагося близъ мѣста раззореннаго монастыря³⁾, пожелалъ возстановить эту святую обитель.

¹⁾ Памятники церковныхъ древностей арх. Макарія. Спб. 1857.

²⁾ Монастырь тогда находился за городомъ нѣсколько ниже устья рѣки.

³⁾ Теперь на этомъ мѣстѣ устроена каменная часовня, возобновленная въ 1846 году.

Первый каменный храмъ, во имя Благовѣщенія, былъ освященъ самимъ митрополитомъ въ 1371 году. Возобновитель обители вмѣстѣ съ нижегородскимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ снабдилъ многими дарами какъ церковь, такъ и монастырскую братію. Оба они жертвовали «многія вещи двигомыя и недвижимыя». Но и послѣ этихъ благотворителей въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ въ монастырь продолжали поступать пожертвованія отъ царей, князей, митрополитовъ, патріарховъ и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

По жалованнымъ грамотамъ за Благовѣщенскимъ монастыремъ въ 1722 году считалось 4,159 душъ крестьянъ, кромѣ 103 чело-вѣкъ монастырскихъ служителей. Но послѣ церковной реформы 1763 года, монастырь, оставшись на 698 рублевымъ содержаніи, сталъ было приходить въ упадокъ и только съ переводомъ Макарьевской ярмарки (въ 1818 г.) снова поправился, такъ что теперь, благодаря многимъ погребеннымъ на его кладбищѣ богатымъ купцамъ, скончавшимся на ярмаркѣ въ холерные года 1830—1831, 1848, 1853 и 1860, имѣеть не мало вкладовъ и отчасти обезпеченное содержаніе.

Главный соборный храмъ построенъ въ 1649 году по образцу прежде бывшаго храма XIV вѣка ¹⁾. Еще въ прошломъ столѣтіи своды этого храма были покрыты тесомъ, а главы—черепицей, но теперь покрытіе сводовъ произведено желѣзомъ и не совсѣмъ правильно, черезъ что сильно измѣнилась первоначальная верхняя архитектура этого зданія. Вокругъ собора съ двухъ сторонъ сдѣлана галлерейя съ арками, въ пролетахъ которыхъ за послѣднее время вставлены рамы. Вообще, вся эта древняя прекрасная постройка въ позднѣйшее время сильно измѣнена и перепорчена: окна расширены, альфресковая живопись замазана, иконостасъ сдѣланъ новый, иконы также почти всѣ подновлены или просто замѣнены новыми, такъ что отъ временъ «тишайшаго» не осталось внутри ничего, да и снаружи не много также уцѣлѣло. Это невѣжественное благоукрашеніе храма производилось, главнымъ образомъ, въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія на средства богатыхъ купцовъ: московскаго—Борисовскаго и соликамскаго—Дубровина. Конечно, нельзя не пожалѣть, что этотъ архитектурный памятникъ XVII вѣка находится въ такомъ небреженіи, а потому желательно, чтобы щедрые благотворители этой святой обители позаботились также и о научной его реставраціи. Въ древнемъ Нижнемъ-Новгородѣ мало сохранилось остатковъ древности, напоминающихъ величественныя постройки нашихъ предковъ, а потому правильная реставрація Благовѣщенскаго собора была бы крайне необходима. Возстановленіе же этого

¹⁾ Какъ видно изъ уцѣлѣвшаго изображенія на створахъ древней кіоты.

храма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ первыхъ строителей, будетъ вовсе не трудно; для этого нужно только просвѣщенное вниманіе оо. архимандритовъ «горящихъ духомъ» къ памятникамъ отечественной старины, чтобы исправить прегрѣшенія своихъ предшественниковъ. Рука же благотворителей, какъ видно, не оскудѣваетъ для этой обители и по настоящее время.

Въ Благовѣщенскомъ храмѣ замѣчательна икона Корсунской Божіей Матери, находящаяся на особомъ аналоѣ. Она писана въ концѣ X вѣка. Подъ изображеніемъ Богоматери находится подпись славянскими и греческими буквами: «Образъ писанъ въ лѣто 6501 (993) Сумеономъ іеромонахомъ»¹⁾. На этой иконѣ до 1858 года было характерное окладное украшеніе работы XVI вѣка; но оно, къ сожалѣнію, было снято архимандритомъ Паисіемъ (испортившимъ въ то же время Благовѣщенскій храмъ новѣйшими передѣлками) и замѣнено, хотя и болѣе дорогой, но за то не представляющей въ художественномъ отношеніи ничего замѣчательнаго, ризой. На створкахъ иконы изображены: архангелъ Михаилъ и Іоаннъ Предтеча, предъ ногами котораго лежитъ отсѣченная его глава. Створки составляютъ съ иконою одинъ кіотъ и писаны одною съ иконою кистью, жаль только, что нижняя часть карниза кіота утрачена. Мѣстное преданіе признаетъ эту икону за даръ св. Алексія митрополита, возобновителя Благовѣщенской обители. Замѣчательны также: икона св. Алексія митрополита и древняя дека съ святыми мощами—вкладъ Тихона митрополита казанскаго и свіяжскаго, который былъ родомъ изъ Нижняго-Новгорода и въ концѣ XVII вѣка постриженъ въ этомъ монастырѣ отъ архимандрита Иринарха. Прежде эти мощи стояли въ особомъ древнемъ кіотѣ, который, какъ значится въ монастырской описи 1718 г., былъ обложенъ «изарбатомъ серебрянымъ травчатымъ съ наугольниками, петлями и гвоздями желѣзными, позлощенными листовымъ золотомъ». Кіотъ помѣщался надъ южными, нынѣ закладенными дверьми, а теперь, лишенный «позлащенныхъ листовъ и травчататаго изарбата», онъ находится въ монастырской ризницѣ, дека же со св. мощами помѣщается на одномъ аналоѣ съ иконою св. Алексія митрополита.

Вторая каменная церковь — во имя св. Алексія митрополита сооружена въ концѣ XVII вѣка, вмѣсто прежней, патріаршимъ ризничьимъ, іеродиакономъ Іосифомъ Булгаковымъ, прахъ котораго погребенъ подъ сводами этого храма. Тутъ же находятся небольшая пещера и родникъ; пещера вырыта въ горѣ и выложена бѣлымъ камнемъ. Надъ гробницей Булгакова сохранилась слѣдую-

¹⁾ Обстоятельное описаніе этой иконы сдѣлано преосв. Макаріемъ въ Памятникахъ церковныхъ древностей Нижегородской губерніи. Спб. 1857 г., стр. 177—183.

пая, высѣченная на камнѣ, надпись: «1710 лѣта мая 25 день, въ ... часа ноци, уснѣ во Христѣ блаженно честный монахъ, іеродіаконъ Іосифъ Булгаковъ, бывший патріаршіи судія и ризничей, иже первый пещеры сіи и храмъ св. Алексія ... м...я созда и въ нихъ здѣ первый... положиися». Впрочемъ, и этотъ храмъ не миновалъ рукъ старцевъ, любящихъ благолѣпіе: въ 1810 г. при архимандритѣ Аристархѣ онъ былъ фундаментально перестроенъ, но далеко не въ лучшемъ противъ прежняго видѣ.

Третья церковь — Успенская, замѣчательна по двумъ шатровымъ куполамъ¹⁾, характерно возвышающимся надъ покрытіемъ этого древняго храма, къ сожалѣнію, не ускользнувшаго также отъ вниманія благоуукрашителей. Древняя постройка XVI вѣка была окончательно уничтожена о. архимандритомъ Іоакимомъ, потщившимся въ 1826 году передѣлать зданіе по своему вкусу. Подъ этой церковью, находящеюся во второмъ этажѣ, устроенъ громадный подвалъ. Между Успенской и Сергіевской церковью есть въ горѣ пещера, ископанная нѣкогда иноками. Рядомъ съ Успенскимъ храмомъ находится довольно древняя колокольня.

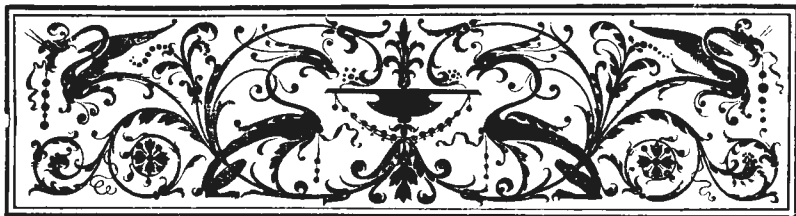
Четвертая церковь во имя св. апостола Андрея Первозваннаго перестроена на средства шуйскихъ купцовъ Посылиныхъ о. архимандритомъ Иннокентіемъ въ 1837 году.

Пятая церковь, во имя возобновителя обители св. Алексія митрополита, построена на мѣстѣ бывшей древней больничной церкви въ 1821 г. архимандритомъ Макаріемъ. Этотъ храмъ «Александровской постройки», не смотря на богатое возобновленіе его въ 1886 г., не представляетъ по своей архитектурѣ ничего художественнаго; но онъ замѣчателенъ зато тѣмъ, что въ стѣнахъ его, какъ мы уже выше сказали, погребенъ свѣтильникъ вѣры, пресвященный Іеремія, епископъ нижегородскій и арзамасскій.

А. Титовъ.

¹⁾ Точно такіе же шатровые куполы сохранились въ Угличскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.

ЭРИКЪ XIV.

(Историческій разсказъ Ксавье Мармье).

I.

ГОРОДЪ СТОКГОЛЬМЪ представлялъ собою, 12 іюля 1561 года, рѣдкое и замѣчательное зрѣлище. Съ самаго утра на улицахъ толпились горожане, колокола звонили въ церквахъ, на главной площади выстроены были пушки, а у воротъ замка гремѣли трубы. Глядя на эту толпу, сновавшую съ мѣста на мѣсто, съ видомъ какъ будто тревожнымъ, можно было подумать, что городу грозитъ какая-то большая опасность, что колокола бьютъ набатъ, а все народонаселеніе спѣшить на защиту своихъ укрѣпленій. Но горожане одѣты были въ лучшее платье, женщины причесали волосы съ какимъ-то особеннымъ стараніемъ и даже дѣти всѣ были разодѣты какъ въ большіе праздники. Причиной всего этого было дѣйствительно обстоятельство первостепенной важности. Въ этотъ день Эрикъ XIV, незадолго до того короновавшійся въ Упсалѣ, долженъ былъ торжественно вступить въ свою столицу. Въ теченіе тридцати лѣтъ, то есть съ восшествія на престолъ Густава Вазы, не было подобнаго торжества. Въ то время Швеція, истощенная войнами враждовавшихъ партій, разоренная вторженіемъ датчанъ, еще истекавшая кровью отъ ранъ, нанесенныхъ ей свирѣпымъ Христіаномъ II, не могла придать этому празднеству ни особенной торжественности, ни подобающаго блеска, а мудрый герой Густавъ, такъ

благородно дѣлившій съ своимъ народомъ и нужду его, и опасности, обладалъ душой слишкомъ возвышенной, чтобы стараться внѣшнимъ, ненужнымъ блескомъ придать большее значеніе церемоніи, всю прелесть которой должны были составлять клики радости и любви въ устахъ многотысячной толпы. Но во время его царствованія, народъ, подобно больному, порученному опытнымъ рукамъ, мало-по-малу излечивался отъ всѣхъ своихъ язвъ, Швеція расцвѣтала пышнымъ цвѣткомъ, королевская казна стала богата. Когда послѣ смерти Густава Вазы, сыновья его отперли таинственную комнату, въ которой онъ, въ силу какого-то печальнаго предвидѣнія будущихъ событій, хранилъ плоды своихъ сбереженій, они нашли въ ней несмѣтныя сокровища. Часть этихъ богатствъ была уже потрачена на снаряженіе пышныхъ посольствъ въ Англію, съ цѣлью устроить бракосочетаніе Елисаветы съ Эрикомъ. Остальное раздѣлили между всѣми дѣтьми стараго короля, и безразсудный Эрикъ, столь же расточительный, насколько отецъ его былъ бережливъ, истратилъ добрую долю своего наслѣдія на приготовленія къ коронаціи. Все, что можно было найти въ тѣ времена драгоценнѣйшаго—шолкъ и бархатъ, изящнѣйшія вышивки и жемчугъ—должно было послужить украшеніемъ этого торжества.

Обратились съ требованіями къ извѣстнѣйшимъ торговцамъ и къ искуснѣйшимъ мастерамъ. Изъ Голландіи выписали знаки королевской власти: скипетръ, державу, корону; изъ Англіи—цѣлыя ящики драгоценностей, роскошныхъ костюмовъ, великолѣпныхъ матерій. Нужно было устроить въѣздъ въ Стокгольмъ, какъ и церемоніаль коронаванія въ Упсалѣ, съ такимъ блескомъ, чтобы поразить всѣхъ. И для двора, и для народа, готовились зрѣлища. На одной изъ самыхъ обширныхъ городскихъ площадей выставлены были невиданные звѣри, которыхъ большая часть наивныхъ горожанъ едва знала по имени; здѣсь были львы въ желѣзныхъ клѣткахъ, дромадеры, которыхъ взадъ и впередъ водили какіе-то чужеземцы, одѣтые въ странные костюмы, птицы, распѣвавшія неслыханныя пѣсни. Дальше остроумный актеръ изображалъ марионетками всю драму «Фаустъ», включая сюда его страшную смерть и сцену, какъ дьяволъ беретъ его, и его мученія въ аду. Еще подольше астрологъ объяснялъ вліяніе созвѣздій и раскрывалъ тайны будущаго. Тамъ ловкій фигляръ хвастался передъ публикой, что онъ—неслыханное дѣло! можетъ въ нѣсколько минутъ отрѣзать у живого человѣка голову и опять приставить ее какъ ни въ чемъ не бывало. Старики буржуа, проходившіе мимо этихъ странныхъ зрѣлищъ, поглядывали съ удивленіемъ и почти съ ужасомъ и толковали, что все это вранье или колдовство и что такія науки не принесутъ счастья королевству. Но всѣ, кто былъ помоложе, охотно останавливались около подмостковъ, на которыхъ искусный жонглеръ игралъ шарами и шпагами; женщины же больше всего тѣснились около колдуна.

Однако, не смотря на всѣ эти развлечения, вся толпа проникнута была однимъ желаніемъ, одною мыслью. Взоры всѣхъ поминутно обращались къ Сѣвернымъ воротамъ и то и дѣло слышались вопросы:—«Что, не ѣдутъ еще?» Посмотрѣвъ вокругъ себя, самый невнимательный наблюдатель легко могъ замѣтить, что всѣ эти сцены съ марьонетками, астрологія и фокусы, были для зрителей всѣхъ возрастовъ и положеній ничто иное какъ предвѣстники другого зрѣлища болѣе торжественнаго и съ нетерпѣніемъ ожидаемаго.

Около двѣнадцати часовъ надъ дорогой взвилась пыль, послышался звукъ трубъ и лошадиный топотъ. Въ ту же минуту всѣ подмостки опустѣли, и народъ ринулся какъ потокъ по направленію къ валамъ: подъѣзжалъ Эрикъ. Сначала ѣхалъ отборный отрядъ войска, въ богатомъ вооруженіи и съ блестящими пиками въ рукахъ; за нимъ слѣдовали благородные рыцари, одѣтые съ безпримѣрнымъ до того времени изяществомъ; потомъ вельможи королевства, почтенные слѣдовласые старцы, шествовавшіе передъ своимъ юнымъ монархомъ, словно опекуны передъ питомцемъ. За ними слѣдовали первые сановники государства, неся регалии королевской власти, знаменитые дворяне, которыхъ Эрикъ пожаловалъ баронами и графами, когда самъ сдѣлался королемъ. За ними герцогъ Іоаннъ и братъ его и, наконецъ, самъ король верхомъ на превосходномъ конѣ, которымъ онъ управлялъ съ неподражаемой ловкостью и граціей. За нимъ ѣхали оба его воспитателя Буррей и Горанъ Персонъ, уже въ то время начинавшіе навлекать на себя народную ненависть, а зади ихъ слѣдовало множество дворянъ, оруженосцевъ, солдатъ и лакеевъ.

Эрику наступилъ въ это время двадцать восьмой годъ. Онъ былъ, быть можетъ, самый красивый изъ дѣтей Густава Вазы, которые всѣ были замѣчательные красавцы. Ростомъ онъ былъ пониже отца, но за то стройнѣе его; сложенія не столь крѣпкаго, но болѣе изящнаго. Его темнорусые волосы тяжелыми кольцами падали на плечи; широкій лобъ, уже прорѣзанный нѣсколькими преждевременными морщинами, голубые глаза, прикрытые темными рѣсницами, слегка сжатые губы, имѣли странное выраженіе мечтательности и печали. Было что-то поэтическое въ его взглядѣ и что-то горькое въ улыбкѣ; вся его фізіономія могла бы показаться слишкомъ кроткой въ глазахъ старыхъ товарищей Густава, слибы густые усы и длинная борода, остроконечно подстриженная, не придавали лицу его характерное выраженіе твердости и благородства. Костюмъ, выбранный Эрикомъ для вѣзда въ Стокгольмъ, еще болѣе выдавалъ его красоту. Это былъ бѣлый шелковый кафтанъ, плотно охватывавшій талію, такіе же бѣлые шелковые панталоны съ розетками, высокіе сафьянные вышитые сапоги, испанскій плащъ, заколотый на плечѣ брильянтовымъ аграфомъ и черная

шляпа съ страусовымъ перомъ. Ни одинъ шведскій дворянинъ не могъ сравняться съ нимъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ; никто не держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, не обладалъ такимъ изяществомъ въ каждомъ движеніи. Поэтому, когда онъ появился среди своего кортежа, толпа точно онѣмѣла: всѣ глядѣли на него молча, никто не привѣтствовалъ, не аплодировалъ. Но одна женщина, которая, чтобы лучше разсмотрѣть его, взобралась на одинъ изъ придорожныхъ столбовъ, не могла удержать своего восторга и крикнула:

— Какъ онъ хорошъ!

Это невольное восклицаніе вызвало цѣлый взрывъ восторженныхъ криковъ. Въ этотъ моментъ король вѣзжалъ подъ триумфальную арку, сооруженную для него у Сѣверныхъ воротъ. Перезвонъ колоколовъ, залпы артиллеріи, духовая музыка, ликующіе клики восхищеннаго народа — все слилось въ одинъ гулъ. Тысячи мужчинъ, женщинъ, дѣтей, единодушнымъ движеніемъ бросались къ нему, протягивая руки и любовно глядя на него. Это была одна изъ тѣхъ упоительныхъ минутъ, которыя такъ быстро проходятъ и никогда не возвращаются, одно изъ тѣхъ мгновеній, когда душа человѣческая тонетъ въ прелести своихъ ощущеній, когда мысль разомъ обнимаетъ все, что есть въ жизни высокаго и прекраснаго. А король ѣхалъ дальше, привѣтствуя радостной улыбкой всѣхъ окружающихъ и вызывая новыя крики восторга. Когда онъ доѣхалъ до Брюкенбергской площади, лошадь его споткнулась и упала. Эрикъ дернулъ ее съ выраженіемъ досады; потомъ, повернувшись къ графу Сванте-Штюре, сказалъ: «Неужели и для меня эта площадь будетъ гибельна?» — «На этой площади, отвѣтилъ Штюре, благороднѣйшія головы Швеціи пали подъ сѣкирой палача; быть можетъ, конь вашего величества почувялъ кровь». Для всякаго другого этотъ инцидентъ остался бы безъ послѣдствій, но на суевѣрную душу Эрика онъ произвелъ внезапно сильное впечатлѣніе. Чело его нахмурилось, глаза съ какой-то тревогой отварачивались отъ окружающей его оживленной картины, и уши казалось стали глухи къ тѣмъ восклицаніямъ, которыя за минуту передъ тѣмъ ему такъ отрадно было слушать. Народъ это замѣтилъ и энтузіазмъ его почти мгновенно остылъ; радостные клики смолкли. Эрикъ вѣхалъ во дворъ замка, не оглянувшись, не пославъ прощальнаго привѣтствія тѣмъ, которые такъ весело бѣжали ему на встрѣчу. Толпа постояла еще нѣкоторое время вокругъ королевскаго жилища, недоумѣвая и удивляясь; потомъ медленно разошлась; казалось, всѣ поняли суевѣрный ужасъ своего монарха и расходились, пораженные какими-то тяжелымъ предчувствіемъ.

II.

Вечеромъ этого достопамятнаго дня, капраль королевской гвардіи Моне возвращался со службы къ себѣ домой, когда къ нему подошелъ молодой офицеръ.

— Ахъ, это вы, Максимилянъ,—вскрикнулъ Моне, хлопнувъ его по плечу,—пойдемте же ко мнѣ. Всякій добрый подданный короля Эрика можетъ позволить себѣ сегодня распить бутылку пива. Мой старикъ-отецъ можетъ быть избавить насъ на сегодня отъ своихъ библейскихъ цитатъ, а вы, я думаю, не прочь поглядѣть на мою маленькую Катерину.

При этомъ имени щеки молодого офицера зардѣлись румянцемъ. Онъ пожалъ руку капралу и пошелъ за нимъ, бормоча чтѣ-то о благодарности.

— А вѣдь веселый денекъ выдался сегодня, не правда ли?—сказалъ Моне.—Право, въ Швеціи немного бывало такихъ дней. Какъ хорошо сидить на лошади нашъ молодой король и что за великолѣпная шпага была у него въ рукѣ! Вы видѣли? Говорятъ, она стоитъ нѣсколько сотъ марокъ.

Но прежде чѣмъ Максимилянъ успѣлъ отвѣтить на это наивное восклицаніе, капраль уже отворилъ дверь своего жилища. Это былъ одинъ изъ тѣхъ старыхъ деревянныхъ домовъ, какихъ уже болѣе не существуетъ въ Швеціи. Домъ этотъ находился въ одной изъ самыхъ узкихъ и самыхъ темныхъ улицъ Стокгольма, и его истрескавшіяся бревна и маленькія окна съ промасленной бумагой указывали проходящимъ на скромное положеніе обитателей дома.

Внутренность его совершенно гармонировала съ болѣе чѣмъ скромной вѣншностью. Все жильѣ состояло изъ двухъ комнатъ: закоптѣлой и лишенной всякой мебели кухни и другой довольно просторной комнаты, но безъ обоевъ и безъ пола. Въ глубинѣ комнаты виднѣлись три кровати—вѣрнѣе три скамьи сосноваго дерева, покрытыя бараными шкурами; у окна стоялъ грубой работы столъ, нѣсколько стульевъ и два баула, а на стѣнахъ висѣли широкая, полу-заржавленная шпага, лукъ и ружье. Такова была меблировка комнаты.

Отецъ Моне сидѣлъ за столомъ, держа обѣими руками Библию. Это былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ старцевъ, какихъ любилъ писать Рембрандтъ: широкая большая голова, покрытая бѣлыми волосами; костистый лобъ, изборожденный глубокими морщинами, живые блестящіе глаза подъ густыми бровями и длинная бѣлая борода ниспадающая на грудь. Онъ былъ на службѣ въ продолженіе всего царствованія Густава Вазы, и хотя не досталъ чиновъ,

но отличался между товарищами своей энергіей и умомъ. Самъ король не разъ имѣлъ случай замѣтить его и не разъ здоровался съ нимъ, называя его по имени, что для стараго солдата было великой честью; и теперь еще воспоминанія объ этомъ будили въ сердцѣ его живѣйшія ощущенія. При выходѣ его въ отставку Густава Ваза пожаловалъ ему пенсію и онъ вернулся въ жилище своего сына, который имѣлъ счастье поступить въ ряды привилегированнаго войска, — королевской гвардіи, гдѣ очень скоро получилъ чинъ. Старикъ велъ жизнь спокойную и самую скромную, работая по цѣлымъ днямъ корзинки, чтобы ежегодно прибавлять хоть по нѣсколько марокъ къ скромному доходу семьи, а по воскресеньямъ отдыхалъ отъ недѣльнаго труда, читая Библию. Тѣмъ не менѣе двѣ великія скорби обрушились на эту скромную и спокойную жизнь: въ тотъ день, когда на глазахъ его умерла еще въ молодыхъ годахъ жена его сына, оставивъ послѣ себя малолѣтнюю дочку, да еще въ тотъ день, когда онъ узналъ о смерти Густава Вазы.

Онъ нашелъ себѣ утѣшеніе въ первой изъ этихъ утратъ, отдавшись воспитанію своей внучки, которая на глазахъ его росла и развивалась. Большую часть своего времени онъ былъ съ нею одинъ; тогда онъ сажалъ ее къ себѣ на колѣни и училъ ее читать и молиться: ребенокъ слушалъ его съ нѣжной покорностью и усвоилъ всѣ его уроки.

Но ничто не могло заставить достойнаго старца забыть о смерти Густава-Вазы. Онъ сохранилъ къ нему чувство глубокаго благоговѣнія, походившее на культъ. Это былъ излюбленный герой его юности и благодѣтель въ преклонные дни. Поль-жизни прошло у него подъ знаменами короля; остальная жизнь проходила въ благословеніи его памяти. Онъ не зналъ ничего трогательнѣе исторіи Густава Вазы, не вѣрилъ, чтобы могло существовать имя болѣе славное. Часто, во время посѣщеній друзей его сына, старикъ рассказывалъ имъ о бѣдственномъ положеніи Швеціи въ послѣдніе годы датскаго владычества, о народномъ возстаніи, объ осадѣ Стокгольма, когда онъ, Моне, самъ бился подъ командою красавицы Христины Гиленштирна; потомъ шло избіеніе дворянства, бѣгство Густава въ Далекарлію, его бѣдствія, мужество и, наконецъ, вступленіе на престолъ. Подъ конецъ рассказа онъ складывалъ на груди руки и погружался въ благоговѣйное молчаніе; не разъ крупныя слезы выкатывались изъ его старческихъ глазъ и падали на его исхудалыя щеки и на бѣлую бороду. Онъ говорилъ:

— Какъ могло это случиться, что я еще живу, когда генерала моего не стало?

Въ такія скорбныя для старика минуты, внучка его Катерина соскакивала со скамейки, на которой обыкновенно сидѣла возлѣ

дѣда, брала его за руку, цѣловала въ лобъ; старикъ глядѣлъ тогда на свою внучку, и лицо его прояснилось.

Это была дѣвушка удивительной красоты, съ выраженіемъ ангельской кротости въ глазахъ. Ей шелъ пятнадцатый годъ, но глядя на ея фигурку миниатюрную, тоненькую, съ длинными заплетенными косами по плечамъ, на ея маленькія нѣжныя ручки—ее можно было принять за ребенка. У нея были голубые глаза, прозрачные какъ вода шведскихъ озеръ, губы похожія на два розовыхъ лепестка, кожа тонкая и сквозившая; это была вполнѣ дѣвушка сѣверныхъ странъ: робкая и наивная, добродушная, кроткая, веселая и мечтательная. Въ выраженіи лица ея, въ каждомъ движеніи, было столько скромности, чистоты и невинности, что одинъ видъ ея могъ заронить чувство горячей любви въ самую испорченную душу и обратить самого отчаяннаго скептика въ истинно-вѣрующаго.

Отъ своего дѣда она получила воспитаніе правда далеко не полное, но зато серьезное. Первые, прослушанные ею уроки, были правила нравственности; первые рассказы, поразившіе ея воображеніе, были трогательнѣйшія страницы изъ исторіи Швеціи, первая книга, которую она держала въ рукахъ, была Библія. Благодаря этимъ урокамъ, которымъ нѣжная любовь дѣда придавала особую прелесть, благодаря плодотворному чтенію, душа ея получила высшее развитіе, которое трудно было бы предположить у дѣвушки столь невысокаго общественнаго положенія; она чувствомъ понимала высокія дѣла и благородное самопожертвованіе.

При всѣхъ этихъ высокіхъ чувствахъ и рѣдкихъ качествахъ, бѣдная Катерина обречена была нести тяжелое иго суровой жизни. Утромъ, приведя въ порядокъ, точно мать семейства, свое хозяйство и приготовивъ умѣренный обѣдъ, она брала корзинку и уходила изъ дому продавать по улицамъ цвѣты и фрукты. Нѣсколько лѣтъ уже ее всѣ знали въ кварталахъ, ближайшихъ къ замку, которые уже въ то время, какъ и теперь, составляли населеннѣйшую часть города. Многіе изъ богатыхъ горожанъ, завидя ее въ темной шерстяной накидкѣ, полосатой юбочкѣ и маленькихъ туфелькахъ, сворачивали съ дороги, чтобы подольше посмотрѣть на нее. Многія знатныя дамы, изъ тѣхъ самыхъ, что въ то время носили благородный титулъ *гю*, провожали ее глазами съ чувствомъ зависти. Тѣмъ не менѣе, злословіе еще не коснулось ея; другія торговли фруктами только находили ее немного гордой. Но при всемъ своемъ стараніи, при всѣхъ своихъ развѣдываніяхъ, не могли найти въ ея поведеніи ничего предосудительнаго и уличить ее въ какой-либо интрижкѣ. Не разъ видѣли, что какой-нибудь изящный дворянинъ останавливался предъ Катериной, осыпалъ ее похвалами, но на всѣ его прекрасныя фразы она отвѣчала лишь холоднымъ поклономъ. Другіе, подъ различными предлогами, про-

бовали проникнуть къ ней въ домъ, но строгая скромность Катерины, поддерживаемая непреклонностью старика-дѣда, скоро отваживала ихъ.

Одинъ только Максимилянъ, сынъ стараго товарища по оружію, былъ принятъ въ домѣ стараго солдата. Онъ истинно и глубоко любилъ Катерину, но не смѣлъ выражать этого чувства и выдавалъ его только глазами. Единственной честолюбивой мечтой его было современемъ жениться на ней. Прежде чѣмъ осмѣлиться заговорить съ нею о своихъ надеждахъ, онъ ожидалъ повышенія по службѣ, чтобы тогда предложить ей лучшую участь.

Что же касается Катерины, то она всегда рада была видѣть его, называла его добрымъ Максимиляномъ и охотно разговаривала съ нимъ, но и не ощущала тоски въ его отсутствіе, и никакого волненія, когда онъ былъ съ нею. Любви еще не было въ сердцѣ ея.

Когда въ дверяхъ показались Моне съ Максимиляномъ, Катерина побѣжала имъ на встрѣчу, дружески поздоровалась съ молодымъ офицеромъ, потомъ подошла къ отцу, который что-то сказалъ ей на ухо. Она пошла принести кружку пива, появлявшагося на столѣ этой бѣдной семьи только въ экстраординарныхъ случаяхъ. Минуту спустя, она вернулась, неся каменный горшокъ, сдѣланный на подобіе амфоры, съ оловянной крышкой, и три широкіе, толстые стакана, съ надписью на нѣмецкомъ языкѣ, которая рекомендовала потребителю пива любить Бога и добродѣтель. Максимилянъ сидѣлъ напротивъ двери, въ которую должна была проходить Катерина, а капраль Моне, снимая съ себя оружіе и мундиръ, разсказывалъ отцу о событіяхъ дня, о торжественномъ шествіи короля изъ Роттебро въ Стокгольмъ и въѣздъ его въ городъ. Когда дошло до того момента, что лошадь короля споткнулась на Брюнкенбергской площади и что за тѣмъ Эрикъ вдругъ сталъ печаленъ, — старикъ покачалъ головой и сказалъ:

— Слушай, милый мой Нильсъ, случай этотъ имѣеть, можетъ быть, гораздо большее значеніе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Я не вѣрю, подобно многимъ изъ моихъ знакомыхъ, что будущее раскрывается предъ нашими очами какимъ-нибудь непредвидѣннымъ случаемъ и что можно выводить заключенія изъ какого-нибудь случайнаго факта; но нельзя отрицать таинственнаго дѣйствія нѣкоторыхъ предчувствій, охватывающихъ насъ иногда внезапно, точно откровеніе того, что намъ еще неизвѣстно. Ты знаешь, что королева Катерина родила Эрика въ ужасныхъ мукахъ. Уже нѣсколько дней ожидали ея разрѣшенія, какъ вдругъ, состоявшій при ней докторъ, весьма ученый астрологъ, вошелъ въ комнату больной и сказалъ всѣмъ находившимся тамъ: — станьте всѣ на колѣни и помолитесь со мною Богу, да замедлитъ онъ рожденіе младенца, ибо всѣ созвѣздія противъ него, и если онъ родится въ

эту минуту, то ему грозятъ величайшія бѣдствія». Въ то же мгновеніе раздался крикъ матери и ребенокъ вышелъ на свѣтъ. Случай этотъ—печальное предзнаменованіе; были и еще въ томъ же родѣ. Дай Богъ, чтобы то, что ты сейчасъ рассказывалъ, не было такимъ же предзнаменованіемъ!

— Ну, полно!—вскричалъ Нильсъ, на половину смѣясь и отчасти серьезно,—я напрасно упомянулъ въ моемъ рассказѣ объ этомъ случаѣ. Я не думалъ, чтобы можно было придать ему хоть малѣйшее значеніе, а теперь вижу, что онъ возбудилъ въ васъ новую тревогу. Современн смерти короля Густава, вамъ все кажется, что добрый гений покинулъ Швецію и ей непремѣнно предстоитъ въ скоромъ времени какое-нибудь бѣдствіе.

— Увы! это такъ,—сказалъ старикъ,—я страшусь этого, ибо вижу въ нашемъ новомъ королѣ лишь наклонности обманчивыя, а вокругъ его вижу вѣроломныхъ совѣтниковъ; что же касается того, что называютъ его хорошими качествами, то, по моему мнѣнію, они скорѣе способствуютъ развитію въ немъ тщеславія, чѣмъ къ упроченію благосостоянія королевства. Говорятъ, онъ превосходный наѣздникъ, искусный боецъ, хорошій музыкантъ и поэтъ. Онъ долженъ очень нравиться женщинамъ.

— Женщины отъ него безъ ума,—вставилъ Максимильянъ, который до тѣхъ поръ молчалъ и неподвижно глядѣлъ на Катерину.

— Говорятъ еще,—продолжалъ старикъ,—что онъ ученъ, какъ епископъ, и читаетъ полатыни не хуже любого профессора. Но при всемъ его умѣнн красиво владѣть копьемъ и править лошадыю, я сильно сомнѣваюсь, чтобы онъ смогъ, подобно Густаву, отстоять королевство съ войскомъ изъ мужиковъ, и, при всей его учености, онъ не умѣетъ справляться съ дурными свойствами своего характера. Онъ отъ природы завистливъ, подозрителенъ и вспыльчивъ. Малѣйшій поводъ къ подозрѣнію охватываетъ его воображеніе, а ничтожнѣйшее препятствіе приводитъ его въ отчаяніе. Рассказываютъ, что однажды онъ упалъ и сильно стукнулся головою объ стѣнку; съ этихъ поръ у него часто бываютъ припадки сильнаго гнѣва и приступы безотчетной тоски. Тутъ уже не случайный недостатокъ, не скоропреходящее заблужденіе, тутъ просто болѣзнь.

Подъ конецъ этой длинной тирады, Нильсъ Моне, который боялся противорѣчить отцу, а можетъ быть не находилъ достаточныхъ аргументовъ для возраженій, молча допилъ свой стаканъ пива. Максимильянъ, замѣтивъ, что разговоръ конченъ, всталъ, чтобы уходить, вымаливая глазами хоть одинъ ласковый взглядъ Катерины. Но Катерина была серьезна и задумчива. Не переставая пить, она въ то же время внимательно слушала все, что говорилъ ей дѣдъ, и слова его производили на нее дѣйствіе какъ разъ обратное тому, какого можно было ожидать отъ нихъ. Ее заинте-

ресоваль этотъ молодой король, такой красивый, какъ говорятъ, и которому предстоятъ бѣдствія. Все, что она слышала о немъ раньше и что рассказывалось теперь, безконечно трогало ее. Она задумалась объ Эрикѣ, въ то время, какъ Максимилянъ, огорченный ея невниманіемъ, со слезами на глазахъ пожелалъ ей спокойной ночи, и все еще думала о немъ, когда дѣдъ ея, свято исполнявшій долгъ христіанина, снялъ свою шерстяную шапочку и сказалъ громко:

— На колѣни, дѣти, помолимся!

III.

Опасенія старика Моне, къ несчастію, были вполне основательны. Эрикъ не замедлилъ показать себя такимъ, какимъ изобразилъ его старый солдатъ. Это былъ человѣкъ недальновидный и расточительный, капризный и вспыльчивый, недовѣрчивый и мстительный, полный ребяческихъ слабостей, сильныхъ страстей, но иногда выказывавшій самыя благородныя чувства. Онъ первый изъ королей Швеціи потребовалъ титулъ его величества. Для поддержанія достоинства этого новаго титула, онъ ввелъ неимовѣрную роскошь.

«Величіе, говорилъ онъ, подобаетъ великимъ», и въ короткое время шведскій дворъ, столь скромный при Густавѣ, былъ совершенно преобразованъ.

Его попытки получить руку англійской королевы вовлекли его въ неисчислимыя издержки. Елисавета, сначала отнявшая у него всякую надежду, потомъ какъ будто стала склоняться. Эрикъ рѣшился ѣхать самъ добиваться согласія, котораго не могли получить его посланники. Для этого онъ снарядилъ флотъ изъ четырнадцати судовъ и отплылъ изъ Эльфсбурга съ блестящей свитой. Но не успѣли они выйти въ море, какъ поднялась страшная буря. Онъ отказался отъ мысли ѣхать моремъ и послалъ просить у датскаго короля разрѣшенія проѣхать сухимъ путемъ черезъ его владѣнія. Датскій король, не имѣя ни малѣйшаго желанія помогать Эрику въ его замыслахъ, нарочно медлилъ отвѣтомъ. Эрикъ вернулся въ Стокгольмъ и, движимый матримоніальными стремленіями, отправилъ новое посольство въ Англію, другое въ Шотландію—просить руки Маріи Стюартъ, третье къ германскому императору, чтобы получить руку принцессы Рене Лотарингской, а спустя немного времени—четвертое, чтобы устроить бракъ съ принцессой Катериной Гессенской. Эта послѣдняя негодія увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Предложеніе Эрика было немедленно принято и свадьба назначена въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ. Въ назначенное время Эрикъ послалъ за невѣстой цѣлый флотъ изъ

двѣнадцать кораблей, подъ начальствомъ адмирала Баже. Адмиралъ повстрѣчалъ у о-ва Борнгольма датскій флотъ, напалъ на него, разбилъ, потомъ прибылъ въ Любекъ и оттуда послалъ за принцессой. Черезъ двѣ недѣли посланный явился безъ невѣсты. Ландграфъ, отецъ ея, испугавшись смуть, которыя начинались на Сѣверѣ, не рѣшился отпустить дочь. Впрочемъ, бракъ былъ только отсроченъ. Но Эрикъ все еще сохранялъ надежду жениться на Елисаветѣ англійской: онъ тайнымъ образомъ отправилъ къ ней особаго посланнаго съ письмомъ, въ которомъ писалъ, что никогда не думалъ серьезно о бракѣ съ принцессой Гессенской. Посланнаго задержали въ Даніи, письмо короля вскрыли и отправили къ ландграфу, который тотчасъ попросилъ посольство Эрика оставить его владѣнія и никогда болѣе туда не возвращаться.

Между тѣмъ, какъ сынъ мудраго Густава компрометировалъ себя во внѣшнихъ дѣлахъ, болѣе серьезныя событія назрѣвали внутри королевства.

Между Эрикомъ и братомъ его Иоанномъ издавна существовала ненависть, иногда искусно замаскированная, но всегда жившая въ душѣ каждаго. Эрикъ, съ жаромъ предавшійся изученію астрологіи, вычиталъ въ звѣздахъ, что на жизнь его умышляетъ чело-вѣкъ съ свѣтлыми волосами. Подозрѣнія его сначала обратились на брата Иоанна, а потомъ на несчастнаго Нильса Штюре. Злодѣй Горанъ Персонъ, инстинктивно ненавидѣвшій всѣхъ, кто стоялъ выше его, и изъ скаредности желавшій истребленія всѣхъ знатныхъ и благородныхъ для того, чтобы попользоваться отъ ихъ имущества, старался поддерживать въ душѣ слабаго Эрика суевѣрный страхъ и чувство ненависти. Онъ усилилъ старое предубѣжденіе короля и, извращая самыя пустые поступки, успѣлъ вывести изъ самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ важныя поводы къ обвиненію и убѣдилъ короля, что братъ его Иоаннъ домогается лишить его жизни или, по меньшей мѣрѣ—престола.

Иоанна арестовали и привезли вмѣстѣ съ молодой супругой въ Стокгольмъ. Злобный совѣтникъ Эрика понуждалъ его осудить брата на смерть, но король не могъ рѣшиться на такую жестокость, и нѣсколько чело-вѣкъ, также имѣвшихъ на него вліяніе и въ числѣ ихъ былъ одинъ французъ, мужественный и благородный Карлъ Морне, помѣшали ему пролить кровь брата. Иоанна осудили на пожизненное тюремное заключеніе и сателиты Персона, предварительно отнявъ у несчастнаго принца все, что было у него драгоценнаго, заключили его въ замокъ Грипсгольмъ. Женѣ его предложили оставить мужа и жить на свободѣ въ королевскомъ дворцѣ, но она вмѣсто отвѣта показала свое обручальное кольцо, съ девизомъ: *Nemo nisi mors* (никто, кромѣ смерти) и пошла въ тюрьму.

Актъ насилія, совершенный надъ роднымъ братомъ, породилъ въ умѣ Эрика новыя тревоги. Съ лѣтами, онъ все болѣе и болѣе становился жертвою собственныхъ недостатковъ. Его раздражительность и недовѣрчивость разрослись до страшныхъ размѣровъ. Бывали времена, рассказываютъ хроникеры, что при немъ нельзя было ни засмѣяться, ни сказать слово шопотомъ, изъ страха породить въ немъ мысли объ измѣнѣ. Какая-нибудь неясная линия на стѣнѣ, вѣтка съ дерева, случайно брошенная на землю, въ глазахъ его считались признаками колдовства. Малѣйшая ошибка со стороны служителей вызывала его ярость и очень часто гнѣвъ его влекъ за собою смертный приговоръ. А потомъ, когда проходилъ этотъ припадокъ ярости, онъ горько раскаивался, обвинялъ себя и, съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, писалъ въ своемъ дневникѣ: «сегодня я согрѣшилъ». Въ такія минуты онъ давалъ себѣ слово положить узду на свою подозрительность и воздерживаться отъ раздражительности. Но на другой же день потокъ дурныхъ страстей снова прорывалъ плотину и вчерашнее раскаяніе было забыто. Тяжело было видѣть этотъ вѣчный конфликтъ самыхъ противоположныхъ чувствъ, идеальные порывы и затѣмъ печальное паденіе. Въ глубинѣ души короля роились благородныя мысли, инстинктивная любовь къ великому и истинно поэтическая способность къ увлеченіямъ; но, подобно охотникамъ въ нѣмецкихъ балладахъ, онъ всегда стоялъ между ангеломъ свѣта и духомъ тьмы. Едва кроткій голосъ ангела раздавался въ сердцѣ его, какъ уже духъ лукавый являлся предъявлять свои права. Безумная галлюцинація обманывала взоръ его, отравленное дыханіе мутило его чувства, роковая рука влекла его къ пропасти...

IV.

Однажды вечеромъ, Эрикъ возвращался съ прогулки верхомъ и проѣхалъ въ тѣ самыя ворота, чрезъ которыя вѣзжалъ съ такою помпой. Только три года прошло съ того дня, какъ народъ радостно бѣжалъ ему на встрѣчу, привѣтствуя его именемъ короля. Въ это короткое время сколько перенесъ онъ страданій и какъ онъ измѣнился! Съ перваго взгляда еще можно было узнать въ немъ благороднаго и прекраснаго всадника, который когда-то изумлялъ всѣ взоры и очаровывалъ всѣхъ женщинъ. У него была та же внушительная посадка, та же прекрасная голова съ густыми русыми волосами; по его нахмуренному челу только изрѣдка проходила печальная улыбка, а въ движеніяхъ замѣчалась какая-то задумчивая небрежность, указывавшая на то, что умъ его чѣмъ-то озабоченъ. Иногда, однако, проѣзжая по улицамъ, онъ старался превозмочь обычную тоску, выразить на лицѣ веселость, которой уже не было въ сердцѣ его и привлечь къ себѣ народъ; но на-

родъ уже не встрѣчалъ его какъ въ былое время. Народъ, этотъ грозный судія, на вѣки и безповоротно осудилъ его за безумную расточительность и за жестокіе поступки. Горожане сворачивали отъ него съ дороги, а женщины, приподнявъ занавѣску въ окнѣ, чтобы посмотрѣть на него, глядѣли съ тревожнымъ любопытствомъ.

И такъ Эрикъ ѣхалъ съ своей обычной свитой вдоль безмолвныхъ улицъ, какъ вдругъ, проѣзжая по городскому мосту, замѣтилъ большое стеченіе народа передъ воротами замка. Въ умѣ его тотчасъ промелькнуло одно изъ его всегдашнихъ подозрѣній.

— Какъ вы думаете,—спросилъ онъ, обращаясь къ одному изъ своихъ офицеровъ,—не бунтъ ли это?

Офицеръ поскакалъ въ галопъ и черезъ минуту вернулся.

— Ахъ, ваше величество,—воскликнулъ онъ,—случилось большое несчастье: хорошенькая Катерина, самая красивая дѣвушка во всемъ шведскомъ королевствѣ, лежитъ мертвая или, по меньшей мѣрѣ, полумертвая.

Это была дѣйствительно Катерина Моне. По обыкновенію, она шла съ своею корзинкой, когда на нее наѣхала телѣга и опрокинула ее. Въ ту же минуту, сторожа замка и ближайшіе обыватели собрались вокругъ нея. Каждый смотрѣлъ на нее съ состраданіемъ и искренно желалъ помочь. Всѣ суетились, но это самое и мѣшало добрымъ людямъ подать существенную помощь, и пока каждый изъ зрителей предлагалъ свое средство, дѣвушка продолжала лежать на мостовой.

— Нечего такъ много разговаривать, — закричала одна женщина, протискавшись сквозь толпу при помощи своихъ здоровенныхъ кулаковъ, — прежде всего бѣдняжку нужно положить на постель. А потомъ уже всѣ тѣ, кто такъ хорошо знаетъ медицину, пусть пожалуютъ съ своими совѣтами... Иди-ка сюда Класъ, — обратилась она къ одному рабочему, — возьми ее на плечи, да отнеси домой. Она, голубушка, не тяжела. Тоненькая такая, да и не далеко тутъ. Она живетъ со мной рядомъ. Это дочка Моне, я ее хорошо знаю.

Въ эту самую минуту подѣхалъ король. Толпа разступилась передъ нимъ, и онъ увидѣлъ молодую дѣвушку, распростертую на землѣ. Глаза ея были полузакрыты, волосы распущены, лицо страшно блѣдное и на правомъ вискѣ сочилась кровь. Эрикъ при видѣ ея совершенно остолбенѣлъ: никогда еще столь чистый образъ, столь совершенная красота не представлялись глазамъ его. Онъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его подымается что-то, доселѣ не извѣданное, чувство нѣжности и жалости, похожее на сонъ; и онъ стоялъ безмолвный, и неподвижный, глядя на эту ангельскую красоту, забывая, что она страдаетъ—такъ хороша была она въ своемъ страданіи. Въ эту минуту Катерина открыла глаза, подняла онѣмѣвшія руки и невнятно прошептала нѣсколько словъ.

Это движеніе вывело короля изъ задумчивости.

— Несите ее въ замокъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ людямъ, — и пошлите сейчасъ за докторомъ.

Затѣмъ онъ поклонился толпѣ и ушелъ въ свои апартаменты.

V.

— Чтò такое приключилось съ вами, во время прогулки верхомъ?—спрашивалъ въ тотъ же день вечеромъ шутъ короля, Геркулесъ, у одного изъ придворныхъ офицеровъ.--Или вы, при выѣздѣ изъ города, слышали печальное карканье ворона? Или нашли на дорогѣ двѣ палки крестъ-на-крестъ? Или же разглядѣли на стѣнѣ замка паука, который ткалъ свою паутину? Или, можетъ быть, вы встрѣтили похороны?

— Нѣтъ, ничего подобнаго не было, — отвѣтилъ офицеръ.—Но чтò значать эти вопросы?

— А то, что за исключеніемъ тѣхъ дней, когда Горанъ Персонъ является къ королю съ докладомъ о какомъ-нибудь новомъ заговорѣ, я никогда не видѣлъ нашего августѣйшаго повелителя такимъ серьезнымъ и безмолвнымъ. Я, которому довольно часто достается привилегія развлекать его, я цѣлыхъ два часа игралъ свою роль шута самымъ невѣроятнымъ образомъ. Я говорилъ восхитительныя вещи, былъ дерзокъ, остроуменъ, шутовствовалъ; глумился надъ дворянами и надъ знатью; представлялъ датскаго короля и его генераловъ, хохоталъ, пѣлъ; рассказывалъ военные анекдоты и любовныя интриги, отъ которыхъ любой поэтъ умеръ бы отъ зависти. Наконецъ, говорить ли вамъ все? Я, веселый духъ Стокгольмскаго дворца, патентованный шутъ его величества Эрика XIV, я, Геркулесъ - Антоній - Цезарь Штейнбергъ, по прозванію Храбрость, я забылся до того, что плясалъ, какъ арлекинъ и дѣлалъ скачки, какъ жонглеръ. Всѣ придворные, стѣсняясь изъ уваженія къ королю, едва удерживались, чтобы не прыснуть со смѣху, даже самъ ужасный Горанъ, и того разобрало. А король — повѣрите ли? король, повидимому, даже не замѣчалъ меня, не слышалъ ничего!

— Неужели, мой бѣдный Геркулесъ?

— Истинная правда. Есть отчего прійти въ отчаяніе за будущность королевства, когда происходятъ такія вещи; и еслибы я слушался только моей злобы, я разбилъ бы свою трещотку, швырнулъ бы дурацкій колпакъ въ озеро Меларъ и предоставилъ бы короля его судьбѣ. Но еще разъ спрашиваю васъ: не знаете ли вы, чѣмъ объяснить то странное состояніе, въ которомъ вотъ уже нѣсколько часовъ находится нашъ возлюбленный повелитель? Это не та печаль, въ которую повергаетъ его проигранное сраженіе, не утрю-

мость, какая съ нимъ бываетъ, когда онъ думаетъ, что приближенные собираются околдовать его, и не ярость, въ какую онъ впадаетъ, когда заговорить объ измѣнѣ брата своего Іоанна. Нѣтъ, онъ просто серьезенъ и задумчивъ, но такъ задумчивъ, что ничѣмъ его не развлечетъ.

— Нѣтъ, честное слово, не знаю,—отвѣчалъ офицеръ, котораго начала тоже интересовать тревога бѣднаго шута,—не понимаю, откуда можетъ быть эта задумчивость, которая такъ пугаетъ тебя, развѣ, впрочемъ... можетъ быть... эта молодая дѣвушка... Да нѣтъ, быть не можетъ!

— Какъ! дѣло идетъ о молодой дѣвушкѣ, — вскричалъ Геркулесъ, звоня всѣми своими погремучками.—Браво! я спасенъ. Любовь—сестра глупости, да здравствуетъ радость! Завтра Эрикъ будетъ хохотать два часа и объявить меня первымъ шуткомъ во всемъ мірѣ.

И говоря эти слова, Геркулесъ кинулся вонъ изъ залы и, распѣвая пѣсню, взбѣжалъ по лѣстницѣ въ свою каморку.

А между тѣмъ, то что офицеръ высказалъ шуту, какъ почти невозможное предположеніе, на самомъ дѣлѣ была сущая правда. Эрикъ думалъ о Катеринѣ. Отдавъ приказаніе приготовить для нея комнату, онъ пошелъ къ себѣ и принялся читать донесенія своихъ генераловъ. Но всѣ военные бюллетени, даже извѣстія отъ храбраго Горна, съ успѣхомъ сражавшагося противъ флотовъ города Любека и датскаго, не могли отвлечь его мысли отъ образа молодой дѣвушки, которую онъ видѣлъ почти умирающей. Онъ позвалъ къ себѣ Горана Персона и сталъ разспрашивать его о настроеніи народа и положеніи страны; но въ первый разъ еще коварныя и злобныя рѣчи Персона только скользнули по душѣ Эрика, не пробудивъ въ немъ обычныхъ страховъ. Наконецъ, онъ отправился на половину сестры своей Сециліи, которую любилъ за живой и веселый характеръ, приказалъ привести къ себѣ сына; но видѣлъ передъ собою только Катерину, не замѣчалъ ничего, что дѣлалось вокругъ него.

Вечеромъ, онъ заперся съ Бурреемъ, своимъ учителемъ астрологии, въ таинственномъ кабинетѣ, гдѣ онъ обыкновенно изучалъ планеты. Каковы же были его изумленіе и радость, когда послѣ неоднократнаго и внимательнаго наблюденія надъ небесной поверхностью, онъ замѣтилъ тамъ нѣчто благоприятное для той, которая уже нѣсколько часовъ такъ упорно занимала его помыслы!

— Да,—сказалъ онъ, садясь у астрологическаго стола, покрытаго цифрами и кабалистическими знаками,—да, сами созвѣздія благоприятствуютъ ей. На этотъ разъ небо согласно съ моими желаніями.

Буррей насторожилъ уши, показывая видъ, что онъ совершенно погруженъ въ свои наблюденія, а король продолжалъ, точно самъ съ собою:

— Въ самомъ дѣлѣ, это странное явленіе, это паденіе у самыхъ воротъ замка и въ то самое время, какъ я долженъ былъ проѣхать, глубокое волненіе охватившее меня, — все это не простая случайность, не одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые поражаютъ насъ на минуту и потомъ зыбываются на другой же день. И притомъ эта молодая дѣвушка въ простонародномъ костюмѣ, но какъ много въ лицѣ ея возвышеннаго, благороднаго!...

— О, ваше величество, что я вижу! — воскликнулъ Буррей, только теперь понявшій мысли короля.

— Что такое?—спросилъ Эрикъ, быстро вставая съ мѣста и съ выраженіемъ мучительнаго страха, которымъ лозкій придворный не замедлил воспользоваться.

— Я вижу, — отвѣчалъ Буррей, — новую звѣзду, которая подымается рядомъ съ вашей, звѣзду, свѣтъ которой такъ кротокъ, такъ прекрасенъ, что подобной звѣзды мнѣ еще не приходилось видѣть. Вотъ она мало-по-малу выдѣляется на лазури небесъ и сверкаетъ, и затмѣваетъ свѣтомъ своимъ другія звѣзды, еще недавно столь блестящія. Лучи ея образуютъ теперь вокругъ нея обширный ореолъ и тянутся по направленію къ вашему созвѣздію. Они какъ будто ищутъ его, стремятся соединиться съ нимъ. Это, несомнѣнно, звѣзда любви, звѣзда женщины, высокоодаренной, быть можетъ, королевы.

— Нѣтъ, нѣтъ, — воскликнулъ Эрикъ, лицо котораго теперь сіяло радостью, — она не королева, но она достойна быть ею, — и будетъ.

Потомъ, какъ будто испугавшись, что сказалъ слишкомъ много, онъ быстро захлопнулъ окно, молчаливымъ жестомъ отпустилъ Буррея и сошелъ къ себѣ въ опочивальню.

Проснувшись на другой день поутру, Эрикъ послалъ узнать о Катеринѣ. Ему доложили, что ей лучше, что отъ ушиба черезъ нѣсколько дней не останется и слѣда, что она встала и желаетъ вернуться домой.

— Нѣтъ, — сказалъ король, — она останется здѣсь, она поступитъ фрейлиной къ моей сестрѣ. Я такъ рѣшилъ.

Затѣмъ, онъ послалъ одного офицера объявить объ этомъ рѣшеніи Катеринѣ. Выслушавъ его, молодая дѣвушка печально посмотрѣла въ окно, въ ту сторону, гдѣ былъ ея домъ.

— А какъ же отецъ мой?—воскликнула дѣвушка.

— Сударыня, — отвѣтилъ офицеръ, не ожидавшій подобнаго вопроса, — нашъ великодушный король, конечно, не забудетъ...

— А дѣдушка?—вскричала Катерина, не будучи въ состояніи скрыть своего горя, — дѣдушка, который привыкъ ко мнѣ, который, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, дня не проводилъ безъ меня. О, нѣтъ! Вы не захотите задерживать меня здѣсь; это невозможно. Королю вѣроятно не извѣстно, что я простая дѣвушка, дочь народа, неученая, неловкая, неспособная жить иной жизнью, кромѣ той,

какою жила до сихъ поръ; я недостойна прислонить свою голову къ убранству этого замка. Вчера еще я была лишь торговкою фруктами, какъ же могу я сегодня сдѣлаться фрейлиной принцессы! Мнѣ нужна деревянная хижина, гдѣ я родилась, темная комната, гдѣ я жила, дубовая скамья, гдѣ я сижу по вечерамъ между отцомъ и дѣдомъ. Мнѣ, бѣдной, простой дѣвушкѣ, необходима моя бѣдная, безвѣстная, занятая жизнь, часто полная заботъ и все-таки счастливая. Скажите это королю, поблагодарите его за то, что онъ оказалъ мнѣ помощь. Скажите ему, что я непрестанно буду благословлять его, что въ нашей семейной молитвѣ мы будемъ каждый день поминать его имя; но пусть отпустятъ меня! О, умоляю васъ! Вы видите, я теперь здорова; но отецъ мой и дѣдъ не знаютъ, гдѣ я, и терзаются. Именемъ вашего отца заклинаю васъ, отпустите меня къ нимъ.

— Король!—сказалъ офицеръ, посторонившись.

И дѣвушка съ мольбой протягивала къ офицеру руки; голосъ ея дрожалъ, глаза были полны слезъ.

Въ эту самую минуту отворилась дверь.

Катерина сдѣлала движеніе, чтобы кинуться къ ногамъ, но Эрикъ не допустилъ до этого, взялъ ее за руку, посадилъ въ кресло и сказалъ ей:

— Мнѣ извѣстно ваше желаніе вернуться къ своимъ. Если я отказываю вамъ въ этомъ, не обвиняйте меня въ жестокости. Я объясню вамъ, почему я задумалъ оставить васъ здѣсь. Я суевѣренъ—вы знаете: народъ скоро узнаетъ недостатки своего короля. Я вѣрю, что въ жизни бываютъ событія, неожиданныя и непредвидѣнные, извѣстные случайности, подготовленные какою-то таинственной рукой и тѣсно связанные съ нашимъ будущимъ. Вчера, когда я увидѣлъ васъ передъ воротами замка, мнѣ показалось, что сама судьба моя привела васъ туда, что я долженъ еще разъ увидѣть васъ, и потомъ еще и еще. Затѣмъ, еще одна мысль побуждаетъ меня удерживать васъ здѣсь. Вы—дочь бѣднаго солдата; но, по благородному выраженію вашихъ глазъ, по всему, что есть въ васъ прелестнаго, изящнаго, по вашей необъяснимой граціи, вы достойны быть дочерью короля. Мнѣ кажется, что фортуна сдѣлала ошибку: ей слѣдовало дать вамъ дворецъ, а она дала вамъ хижину. Позвольте мнѣ исправить эту несправедливость судьбы. Къ прискорбію моему, я многихъ сдѣлалъ несчастными, иногда изъ необходимости, иногда же,—увы! въ минуты раздраженія. Дайте же мнѣ радость поднять изъ праха скромное растеніе, употребить власть мою на то, чтобы поддержать дитя народа и обогатить его моимъ богатствомъ. Въ моемъ предложеніи остаться здѣсь нѣтъ ничего для васъ опаснаго или зазорнаго. Вы будете жить при моей сестрѣ, вамъ дадутъ учителей, тѣхъ самыхъ, которые учили ее, и никто въ этомъ замкѣ не осмѣлится отнестись

къ вамъ непочтительно, ибо я самъ буду вашимъ покровителемъ, а если позволите—другомъ.

Говоря такимъ образомъ, Эрикъ сжималъ руку Катерины въ своихъ рукахъ; голосъ его дрожалъ отъ волненія, лицо дышало удивительной нѣжностью. Катерина не смѣла взглянуть на него; она стояла передъ нимъ неподвижная, съ опущенными глазами; щеки ея пылали румянцемъ стыда, сердце волновалось невѣдомыми ощущеніями. Престижъ, который имѣло и прежде для нея имя Эрика, теперь получилъ еще бѣльшую силу. Слушая эти нѣжные слова, этотъ трогательный голосъ, она чувствовала, что рѣшимость ея колеблется. Она уступила какому-то смутному влеченію, до тѣхъ поръ неизвѣстному ей и неотразимому.

— Такъ что же, Катерина,—продолжалъ король,—я выразилъ вамъ свое желаніе и жду вашего рѣшенія. Дѣйствуйте по собственной волѣ и не принимайте моего предложенія за приказаніе. Другимъ я приказываю, васъ—я только прошу.

Взволнованная молодая дѣвушка подняла на него свои большіе голубые глаза, и въ этомъ быстромъ взглядѣ, робкомъ и кроткомъ, опытный глазъ Эрика могъ прочесть желанное согласіе.

— Такъ вы принимаете мое предложеніе!—воскликнулъ онъ радостно.—О! благодарю васъ.

— Но отецъ мой!—робко прошептала Катерина.

— Я позабочусь объ отцѣ вашемъ и о дѣдѣ, обещаю вамъ,—сказалъ король.

Затѣмъ, онъ вышелъ, сіяющій. Но Катерина, оставшись одна, упала на колѣни, скрестила на груди руки, какъ будто прося у Бога прощенія за то, что она сдѣлала, и моля Его ниспослать ей помощь свою въ новой жизни, которая предстала ей.

VI.

Въ тотъ же самый день командиръ гвардейской роты получилъ приказаніе удвоить жалованье капрала Моне, который съ простодушной радостью принялъ эту монаршую милость и рассыпался въ благословенія королю за его щедрость. Другому офицеру поручено было предложить дѣду Катерины помѣщеніе въ одномъ изъ королевскихъ замковъ, но старикъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе.

— Я слишкомъ хорошо понимаю,—сказалъ онъ,—почему вашъ повелитель подумалъ обо мнѣ: внучка моя ему понравилась, и онъ хочетъ оболстать ее; но онъ, значить, очень презираетъ людей, если полагаетъ, что старый солдатъ дозволить той, которая носить его имя, продать любовь свою за горсть золота и промѣняетъ честь свою на мѣсто въ замкѣ. Нѣтъ, вы не заглушите этимъ крикъ

моей совѣсти и не вырвете меня изъ этой хижины, гдѣ родилась моя Катерина и росла на глазахъ моихъ. Я буду ждать ее здѣсь, какъ ожидалъ ее каждый вечеръ, когда она возвращалась домой съ своей цвѣточной корзинкой, прекрасная и веселая, чтобъ повеселить меня своимъ взглядомъ и порадовать мое старое сердце своимъ разговоромъ. А если она не вернется, то да падетъ мое старческое проклятіе на головы тѣхъ, кто ее удерживаетъ.

Катерина никогда не узнала о благородной горести своего дѣда. Ей сообщили, что онъ спокоенъ и доволенъ; и въ то время, какъ злополучный старецъ, вдругъ лишившійся той, которая въ теченіе пятнадцати лѣтъ составляла всю прелесть его жизни, неподвижно и безмолвно просиживалъ цѣлые часы на томъ мѣстѣ, гдѣ привыкъ видѣть ее, прислушиваясь, не слышать ли звука ея шаговъ, или ея голоса; въ то время, какъ подавленный горестью и одиночествомъ, онъ забывалъ даже свою дорогую Библию, еще такъ недавно наполнявшую сердце его благочестивой радостью, а теперь не дававшую ему даже отрады,—въ то самое время молодая дѣвушка, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, отдавалась своей судьбѣ. Она перемѣнила свое грубое шерстяное платье и тяжелые башмаки на бархатный костюмъ и элегантную обувь придворныхъ дамъ. Когда она появилась въ комнатѣ принцессы въ своемъ новомъ туалетѣ, ее можно было принять за одну изъ тѣхъ юныхъ волшебницъ, которымъ стоитъ только махнуть палочкой, чтобъ обратиться въ идеальную красавицу. Катерина стала брать уроки музыки и рисованья, и учителя не могли надивиться ея способностямъ и прилежанію. Въ ней была природная грація, привлекавшая всѣ взоры, и положительныя качества, располагавшія къ ней всѣ умы. Она приобрѣла расположеніе принцессы Сециліи своей безконечной кротостью, и внушила къ себѣ почтеніе придворныхъ своей благородной сдержанностью. Что же касается до Эрика, то чѣмъ больше онъ видѣлъ ее, тѣмъ больше росла любовь его, вспыхнувшая съ первой встрѣчи. Любовь эта не походила на ту, какую онъ испытывалъ относительно другихъ женщинъ. Это не были необузданные, кипучіе восторги, страстные, но скоропреходящія желанія; теперь это было чувство разумное, спокойное, иногда почти робкое, но всегда почтительное. Часто онъ входилъ въ залу, гдѣ Катерина брала уроки, а такъ какъ онъ самъ былъ превосходный музыкантъ, то принималъ участіе въ преподаваніи учителя, слушалъ пѣніе своей ученицы и восхищался ея успѣхами. Часто, въ салонѣ своей сестры, онъ садился возлѣ Катерины съ тихимъ умиленіемъ, и встрѣчая отъ времени до времени ея кроткій взоръ, чувствовалъ приливы радости, а немногія слова, срывавшіяся съ ея робкихъ устъ, звучали въ душѣ Эрика, какъ небесная музыка.

До сихъ поръ еще слово любовь не было произнесено между

ними; но оно жило въ мысляхъ Катерины, точно такъ же, какъ и у короля.

Воображеніе ея уже было занято Эрикомъ, прежде чѣмъ она увидала его; увидя его, она полюбила, а сердце ея было слишкомъ правдиво, чтобы умѣть скрывать. Съ первыхъ дней своего пребыванія въ замкѣ, она выдала тайну своей любви яркимъ румянцемъ, заливавшимъ ея щеки, едва только она бывало слышитъ шаги Эрика, своимъ веселымъ и оживленнымъ лицомъ, когда онъ былъ съ нею, и молчаливой задумчивостью, когда онъ отсутствовалъ. Нуженъ былъ только случай, чтобы сорвать съ устъ ея признаніе, которое давно уже читалось въ глазахъ ея, и этотъ случай не замедлил представиться.

Какъ-то Эрикъ пошелъ съ нею прогуляться по берегу озера Мелара. Они долго ходили по прибрежнымъ дорожкамъ, осѣненнымъ длинными вѣтвями березъ, и по долинамъ, усѣянными цвѣтущими деревьями. Катерина была жива и весела, какъ дѣвочка. Она на каждомъ шагу останавливалась, чтобы сорвать цвѣтокъ лютика, или сдѣлать букетъ изъ лиловыхъ колокольчиковъ и незабудокъ, которые она съ простодушнымъ кокетствомъ втыкала въ свои густыя косы; потомъ садилась у подножія стараго дуба и рассказывала Эрику, что она уже раньше бывала въ этихъ самыхъ мѣстахъ, на этихъ берегахъ, еще въ то время, когда она была лишь дочерью бѣднаго солдата и приходила сюда съ подругами отдыхать отъ недѣльныхъ трудовъ и заботъ. Она знала здѣсь каждое деревцо, каждую тропинку, и видъ этихъ мѣстъ, воспоминанія о дѣтскихъ годахъ, придавали ея веселости меланхолическій оттѣнокъ. Эрикъ молча смотрѣлъ на нее и слушалъ въ нѣмомъ очарованіи. Вся эта картина убогой и мирной жизни, изображенная ему Катериной, эти простыя удовольствія безмятежной души, эти скромныя развлеченія дѣтей народа—будили въ немъ массу новыхъ ощущеній. Съ раннихъ лѣтъ его душу волновали сильныя страсти, смущали воображаемые ужасы и омрачали угрызения совѣсти. Молодость его прошла между людьми, которые ему не довѣряли и которымъ онъ самъ не вѣрилъ; онъ шелъ по пути, покрытому, какъ ему казалось, предательскими сѣтями; и вдругъ онъ очутился рядомъ съ дѣвушкой, искренность и довѣрчивость которой ничто никогда не смущало. Слова Катерины проникали въ его больную душу, какъ благотворная роса, будили его отяжелѣвшее воображеніе, освѣжали мысль. Не разъ, охваченный чувствомъ невыразимаго блаженства, онъ готовъ былъ броситься къ ногамъ Катерины и благословлять ее, какъ неземное существо; не разъ испытывалъ онъ непреодолимое желаніе сжать ее въ объятіяхъ и прошептать на устахъ ея клятву вѣчной любви. Но молодая дѣвушка опять начинала свой невинный рассказъ, и онъ все слушалъ ее, не имѣя силъ ее прервать.

Весь день прошел таким образом въ прогулкѣ и въ разговорахъ, и счастливая чета опомнилась только вечеромъ; но это былъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ сѣверныхъ вечеровъ, свѣжій и прозрачный, освѣщенный сумеречнымъ свѣтомъ, въ которомъ почти сливаются заходъ солнца съ восходомъ. Ни одинъ рѣзкій звукъ не слышался въ воздухѣ, ни малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ листвы; слышались только гармоническіе вздохи сѣвернаго соловья, который въ тишинѣ лѣтней ночи просыпается, чтобы пѣть свои любовныя пѣсни. Озеро, гладкое какъ зеркало, отражало въ прозрачной глубинѣ своей лазурное небо и звѣздные лучи; а сосновый лѣсъ точно занавѣсью прикрывалъ очертанія серебристыхъ водъ. Эрикъ сѣлъ въ лодку рядомъ съ Катериной; оба они въ благоговѣйномъ молчаніи созерцали эту таинственную картину; у обоихъ, казалось, была одна и та же мысль, и когда глаза ихъ случайно встрѣчались, въ этихъ глазахъ сказывалось глубокое волненіе.

— Знаете ли,—сказалъ наконецъ Эрикъ, поднимая глаза къ небу,—вонъ тамъ та книга, гдѣ я хотѣлъ прочесть, что судьба моя связана съ вашей. Я хорошо знаю, что многіе умные люди смѣются надъ воображаемыми тайнами, которыя будто бы можно открыть, изучая свѣтила; но у кого сердце полно благородной и истинной любовью, о! пусть тотъ лучше повѣритъ ее звѣздамъ, чѣмъ людямъ. Послѣ того, какъ я увидѣлъ васъ въ первый разъ, я пошелъ въ свою астрологическую комнату, раскрылъ окно, посмотрѣлъ на небо, которое и въ тотъ вечеръ было такъ же чисто и такъ же усѣяно звѣздами, какъ сегодня. Мнѣ показалось, будто я вижу тамъ имя ваше, начертанное золотыми буквами; я какъ будто прочелъ тамъ, что вы меня когда-нибудь полюбите. Неужели я ошибся?—прибавилъ онъ, взявъ руку молодой дѣвушки и чувствуя, какъ она трепещетъ.—Скажите, Катерина: неужели астрологія есть одно заблужденіе, неужели звѣзды обманываютъ точно такъ же, какъ и придворные?

— Нѣтъ,—отвѣчала Катерина,—вы не ошиблись.

И король, обнявъ одной рукою дѣвушку, поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ.

Начиная съ этого дня, росло съ каждымъ днемъ вліяніе Катерины на короля. Эрикъ, съ самаго водворенія ея въ замкъ, навсегда распростился съ прежними любовницами и гораздо менѣе сталъ заниматься своими брачными проектами. Съ другой стороны, легко было замѣтить, что характеръ его сталъ менѣе мраченъ, и что онъ не такъ часто дѣлаетъ несправедливости. Однако, Катерина никогда не дѣлала ему ни малѣйшаго упрека; она не считала себя столь всесильной и не простирала такъ далеко своего честолюбія. Ея назначеніе было—любить его, любить беззавѣтно, самоотверженно, не страшась его недостатковъ, не думая о буду-

щемъ. Такимъ образомъ, она не старалась приобрести для себя долю власти, вмѣшавшись въ политическія интриги, которыя могли бы въ глазахъ придворныхъ придать ей большое значеніе. Но, сама того не сознавая, она вліяла на Эрика своимъ присутствіемъ, взглядомъ, своею кротостью. Онъ часто самъ говорилъ ей своимъ поэтическимъ языкомъ:

— Вы ангель-хранитель, котораго небо по своему милосердію послало мнѣ; вы чудодѣйственная арфа, укрощающая мои дурныя страсти, лучъ свѣта, направляющій меня на путь истинный. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ васъ, я рассказываюсь въ своихъ заблужденіяхъ, и когда я съ вами, я чувствую себя лучшимъ.

Свирѣпый Персонъ съ ужасомъ смотрѣлъ на это благотворное вліяніе, которое угрожало уничтожить его собственный престижъ. Съ нѣкотораго времени, онъ частенько сталъ говорить своимъ близкимъ людямъ, что король сдѣлался неузнаваемъ, что умъ и энергія его слабѣютъ съ каждымъ днемъ; потомъ онъ всячески старался подыскать какое-нибудь оружіе противъ Катерины; онъ хотѣлъ бы открыть въ ея прошлой жизни хоть что-либо, сколько-нибудь двусмысленное, хоть признакъ любовной исторіи, хоть тѣнь чего-нибудь, хотя бы самый вздоръ. Ужъ онъ сдумалъ бы по своему дополнить самый пустѣйшій анекдотъ, давъ ему надлежащее толкованіе. Но всѣ старанія его эмиссаровъ пропали даромъ; сосѣди Катерины всѣ въ одинъ голосъ стояли за ея строгую добродѣтель и даже самыя торговки фруктами расхваливали ее. Точно будто она всѣхъ околдовала.

Не смотря на полное отсутствіе уличающихъ обстоятельствъ, Персонъ рѣшился открыть дѣйствія. Онъ не задѣвалъ непосредственно Катерину: давнее знаніе сердца человѣческаго не допускало его сдѣлать такую глупость; но онъ отъ времени до времени пускалъ противъ нея какой-нибудь слухъ, который можно было понимать такъ или иначе, смотря по тому какъ отнесся бы къ этому слуху король, можно было или развить его въ дурномъ для Катерины смыслѣ, или же дать ему благопріятное для нея толкованіе. Эрикъ не обратилъ вниманія на его слова; Горанъ вернулся къ той же темѣ на другой день и распространился немножко больше. Эрикъ опять промолчалъ, давъ ему растянуть свои тенета; но въ третій разъ, король вскопчилъ въ бѣшенствѣ, схватилъ Персона за руку и потащилъ въ комнату Катерины:

— Негодяй, — вскричалъ онъ, — посмотри на это ангельское лицо и принеси раскаяніе въ твоей подлости!

Изаумленный и перепуганный Персонъ упалъ по колѣни, бормоча что-то о прощеніи, потомъ ушелъ, трепеща отъ мысли, что его сейчасъ посадятъ въ тюрьму. Но Катерина сама выпросила ему прощеніе и король постарался забыть объ этомъ происшествіи.

Однако, среди этой жизни, оживленной движеніемъ многочис-

леннаго двора, и всецѣло отдавшись своей любви, Катерина порой испытывала приступы глубокой тоски. Король такъ ревниво оберегалъ ее, что никогда не позволялъ выходить изъ замка. Съ тѣхъ поръ, какъ она поселилась тамъ, она ни разу не видѣла ни отца, ни дѣда. Часто съ грустью думала она объ нихъ и спрашивала сама себя—правду ли ей сказали, что они живутъ покойно и въ довольствѣ. Въ одной изъ галлерей замка, она открыла окно, откуда видна была улица, въ которой она родилась и домъ, гдѣ она жила; она часто приходила къ этому окну и задумывалась о прежней скромной жизни, о тѣхъ зимнихъ вечерахъ, когда она училась читать Библию, сидя на козлѣнкахъ у дѣда, о тѣхъ спокойныхъ часахъ, когда ни сожалѣніе о прошедшемъ, ни страхъ за будущее не смущали ея воображеніе.

Однажды, находясь въ этой галлерей, прислонившись головой къ стеклу окна, она замѣтила какого-то человѣка, который пристально смотрѣлъ въ ея сторону. По росту и по платью она узнала Максимильяна. Онъ тоже увидѣлъ ее, сдѣлалъ знакъ и въ ту же минуту бросился къ воротамъ замка. Катерина сразу поняла какой опасности онъ подвергается, если вздумаетъ пробраться къ ней; ей была известна ревность Эрика, который разъ или два уже въ ея присутствіи упоминалъ имя Максимильяна съ раздраженіемъ. Она сначала хотѣла уйти, но побоялась, что онъ пойдетъ ее отыскивать и пожалуй пробудетъ въ этихъ опасныхъ карридорахъ слишкомъ долго. Пока она стояла въ недоумѣніи, не зная, на что рѣшиться, Максимильянъ предсталъ передъ нею, блѣдный, растерянный, безпокойно глядя по сторонамъ.

— Максимильянъ,—воскликнула она,—ради Бога! зачѣмъ вы здѣсь? Развѣ вы не знаете, чему вы подвергаетесь?

— Знаю,—отвѣтилъ Максимильянъ;—но я завтра долженъ ѣхать, а я не могъ покинуть Стокгольмъ, не увидѣвъ васъ еще разъ.

— Вы уѣзжаете!

— Да; я получилъ приказъ отправляться въ дѣйствующую армію. Говорятъ ее очень тѣснятъ датчане. О, если бы я могъ сейчасъ же кинуться въ битву и не вернуться оттуда! Но зачѣмъ говорить вамъ о себѣ! Есть нѣкто лучшій, отъ кого я принесъ вамъ послѣднюю память. Вашъ дѣдушка...

— Ну... что такое?

— Онъ умеръ!

— Умеръ!—вскрикнула Катерина, схватившись руками за голову и заливаясь слезами.

— Да, Катерина, умеръ отъ горя. Вы знаете, вы были единственнымъ утѣшеніемъ его старости, единственной отрадой его сердца. Когда васъ у него отняли, онъ впалъ въ какой-то столбнякъ, изъ котораго ничто не могло его вывести. Ничто уже не двигало его мысли, жизнь въ его глазахъ утратила свою цѣль. Не

было уже вась, чтобы повеселить его глаза, и весь міръ для него точно будто облекся въ саванъ. Я иногда ходилъ навѣстить его. Онъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, съ угасшимъ взглядомъ и свѣсивъ голову на грудь. Нѣсколько минутъ онъ молча глядѣлъ на меня, точно будто память измѣняла ему, точно онъ старался узнать меня; потомъ подзывалъ меня къ себѣ и говорилъ:—«видѣли вы ее?»—«Нѣтъ».—«Увы! и я не видѣлъ. Я хотѣлъ силою войти въ замокъ или какъ-нибудь нечаянно пробраться туда и не могъ. Король такъ строго стережетъ ее, что нѣтъ возможности добраться къ ней. Разъ я сталъ у самыхъ воротъ, умолялъ часового сжалиться надо мной; я просилъ, плакалъ и ничего не добился. На другой день я взялъ свое обручальное кольцо, золотое кольцо, которое сорокъ лѣтъ носилъ, не снимая, собралъ деньжонки, какія у меня были, мою старую саблю и мой точеный лукъ; все я отнесъ дворцовому часовому и меня пропустили; но потомъ я встрѣтилъ другого часового, и тому уже нечего было дать, и я ушелъ ни съ чѣмъ. О, Боже мой! Я не увижу ея больше! Говорятъ, что она теперь прекрасна, какъ ангелъ, и разодѣта, какъ королева. Сосѣдъ нашъ Андерсъ какъ-то видѣлъ ее, въ то время какъ король подавалъ ей руку садиться въ лодку. Если бы я былъ тамъ, я бы крикнулъ: Катерина! и она быть можетъ обернулась бы ко мнѣ».

Во время этого разсказа Катерина упала на стулъ, заливаясь слезами. Максимилянъ продолжалъ:

— Уже нѣсколько недѣль здоровье вашего дѣда съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. Онъ уже не могъ вставать и цѣлыя ночи страдалъ бессонницей. Когда я приходилъ къ нему, онъ просилъ меня почитать ему псалмы, потомъ складывалъ на груди руки и, казалось, молился съ горькой покорностью. Третьяго дня онъ прислалъ за мной. Онъ уже едва говорилъ, взоръ его угасалъ, рука была холодна. Максимилянъ,—сказалъ онъ,—я чувствую, что скоро умру и говорю съ вами въ послѣдній разъ. Постарайтесь увидѣть ее и скажите ей, что я не винилъ ее, не проклиналъ; что, умирая, послѣдняя мысль моя...

— Довольно, довольно!—вскричала молодая дѣвушка, ломая руки, точно въ конвульсіяхъ.—Пощадите, Максимилянъ, я задыхаюсь.

Максимилянъ подбѣжалъ къ ней, чтобы поддержать ее. Но вдругъ послышались скорые шаги. Катерина прислушивалась съ ужасомъ. Вдругъ она оттолкнула руку Максимиляна.

— Бѣгите,—сказала она,—бѣгите, заклинаю васъ; бѣгите, или вы погибли.

Въ ту же самую минуту въ галерею вошелъ король съ Гораномъ Персономъ и нѣсколькими стрѣлками.

— Изволите видѣть, ваше величество,—сказалъ злодѣй Персонъ,—развѣ я не правъ былъ?

— Возьмите этого человѣка!—крикнулъ король, указывая на Максимильяна.

— Пощадите, пощадите его!—крикнула Катерина, падая въ ноги королю.—Онъ невиненъ!

— Не просите за меня,—крикнулъ Максимильянъ, устремивъ на нее взглядъ, въ которомъ можно было прочесть столько же любви, сколько и отчаянiя.—Съ того самаго дня, какъ я долженъ былъ отказаться отъ счастья обладать вами, для меня уже нѣтъ радостей въ жизни и никакой надежды въ будущемъ. И такъ, пусть кровь моя падетъ на головы тѣхъ, у кого достанетъ низкой смѣлости пролить ее и да сжалится надъ вами небо!

Съ этими словами онъ самъ сталъ между стрѣлками, глядя на Эрика и на Персона съ холоднымъ презрѣнiемъ. Катерина едва добрела до своей комнаты и почти безъ чувствъ упала на постель.

VII.

Эта ужасная сцена пробудила въ душѣ Эрика все прежнее недовѣрiе и всѣ дурныя страсти. Катерина лежала больная и не могла уже влiять на него; Персонъ опять располагалъ имъ какъ хотѣлъ. Во главѣ благородныхъ фамилiй, могущество которыхъ онъ стремился уничтожить, стояли Штюре, самая влiятельная фамилiя Швеции по богатству, по имени, по власти, которою облечены были предки ихъ, наконецъ, по лучшимъ воспоминанiямъ о нихъ, сохранившимся въ сердцахъ народа. Густавъ Ваза не рѣшался бороться съ ними. Эрикъ боялся ихъ и плохо скрывалъ эту боязнь. Между нимъ и этой фамилiей существовали двусмысленныя отношенiя: иногда притворно-дружелюбныя, иногда чрезвычайно холодныя и, наконецъ, они пришли къ окончательному разрыву.

Персонъ подыскалъ лжесвидѣтелей, которые обвинили всѣхъ Штюре въ умыслѣ на жизнь короля. Всѣхъ членовъ этой фамилiи заключили въ Упсальскомъ замкѣ и для суда надъ ними были созваны штаты. Большая часть свидѣтелей, поддерживавшихъ обвиненiе, были негодяи, не заслуживавшіе никакого довѣрiя. Представленныя ими улики не заключали въ себѣ ничего вѣскаго. Но штаты боялись коварнаго Персона, боялись раздражить Эрика. Отъ нихъ требовали смертнаго приговора, и они осудили всѣхъ Штюре на смерть. Одно только духовенство имѣло мужество протестовать противъ такого суда.

Король, присутствовавшій при этомъ безчеловѣчномъ процессѣ, не рѣшался, однако, привести приговоръ въ исполненiе. Онъ предпочелъ идти просить прощенiя у старика Штюре, за то что осмѣлился посадить его въ тюрьму. Но въ ту самую минуту, какъ они оба протянули другъ другу руки, общаая забыть прошлое, явился Горонъ Персонъ, трепетавшій, что будетъ разрушено дѣло рукъ

его, и задыхаясь сообщилъ Эрику, что открылъ новый заговоръ. Король кинулся вонъ изъ тюрьмы. Одинъ изъ приверженцевъ Персона, подошелъ къ королю, отвелъ его въ сторону и цѣлый часъ что-то рассказывалъ ему; и вдругъ Эрикъ, съ искаженнымъ лицомъ, съ блуждающими глазами, влетѣлъ въ темницу Нильса Штюре и собственноручно нанесъ ему ударъ кинжаломъ. Несчастный вытащилъ изъ раны кинжалъ, обтеръ его и, подавая королю, молилъ о пощадѣ.

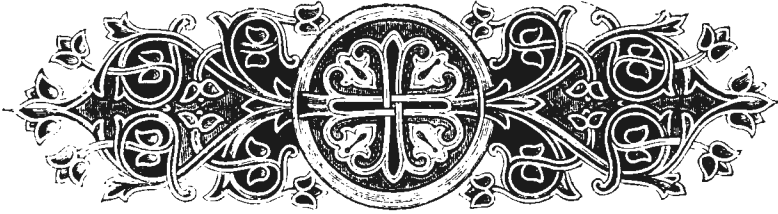
— Нѣтъ пощады!—крикнулъ въ изступленіи король, и въ ту же минуту одинъ изъ стрѣлковъ прикончилъ невинную жертву.

Эрикъ убѣжалъ вонъ изъ замка, далеко за городъ, въ глубь лѣса, усиливаясь забыть окровавленный образъ, стоявшій у него передъ глазами. Но и вечеромъ бѣшенство его не проходило. Буррей нашелъ его близъ одной деревушки и сталъ осторожно уговаривать его успокоиться, но Эрикъ въ ту же минуту ударилъ его копьемъ и тотъ упалъ мертвый къ его ногамъ. Послѣ этого двойного убійства, онъ блуждалъ по полямъ, преслѣдуемый фуріями-мстительницами, въ полномъ безпамятствѣ. При встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь, онъ кричалъ:

— Я, какъ Перонъ, убилъ своего воспитателя, я умертвилъ благороднаго Нильса Штюре.

Послѣдовавшіе за нимъ его совѣтники нашли его однажды среди пустынной ланды, одѣтаго въ крестьянское платье. Всѣ усилія ихъ привести въ себя были напрасны; слова ихъ только увеличивали его неистовства. Онъ то рычалъ, какъ левъ, то дрожалъ, какъ ребенокъ. Онъ уже не сознавалъ себя королемъ, не помнилъ министровъ, забылъ объ опасностяхъ, которыя раньше представлялись его воображенію, не помнилъ и жалобнаго стона своихъ жертвъ, и крови, струившейся передъ нимъ. Небо и земля казались ему покрытыми чернымъ погребальнымъ крепомъ. Лѣсныя деревья плясали передъ нимъ, словно привидѣнія, а шумъ вѣтра звучалъ въ ухахъ его будто предсмертная хрипота умирающихъ. Видя его въ такомъ состояніи, Персонъ трепеталъ: если бы такое безуміе продлилось еще, Эрикъ долженъ былъ лишиться власти, а вмѣстѣ съ нимъ и Персонъ, его всесильный министръ. Но у него блеснула мысль, что есть еще средство, и онъ рѣшился прибѣгнуть къ нему. Къ Эрику подошла женщина, кроткій голосъ окликнулъ его по имени. Эрикъ обернулся и увидѣлъ Катерину. Нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ молча, смотря удивленными глазами, какъ человекъ, который только-что очнулся отъ тяжелаго сна и старается сосредоточить мысли. Потомъ онъ вдругъ кинулся въ объятія молодой дѣвушки, склонилъ голову къ ней на грудь и зарыдалъ обильными слезами. Когда онъ поднялъ голову, на его блѣдномъ лицѣ и въ задумчивыхъ глазахъ можно было прочесть выраженіе глубокаго горя, но разсудокъ вернулся къ нему вполнѣ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ФРАНЦІЯ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ.

(Арсенъ Гуссе. Признанія. Воспоминанія полувѣка 1830—1880.
4 тома. Парижъ).

I.

Неравномѣрное развитіе знаній въ историческіе періоды.—Возрожденіе историческихъ наукъ въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка.—Эпоха мемуаровъ.—Значеніе «воспоминаній» Гуссе.—Художественная и литературная сторона его мемуаровъ.—Молодость автора.—Отъѣздъ въ Парижъ.—Похороны генерала Ламарка.—Начало литературной карьеры.—Шатобрианъ и Ламартинъ.—Монархизмъ Гуссе.—Прекло-неніе предъ Викторомъ Гюго.—Дюма-отецъ.—Литературный Олимпъ и мародеры.—Теофиль Готье.—Общая квартира.—Нерваль и Мюссе.—Пьянство и политика.

В ИСТОРИИ прогресса давно уже подмѣченъ любопытный фактъ, что успѣхъ и развитіе знанія вообще слѣдуютъ далеко не равномѣрнымъ, поступательнымъ ходомъ и въ теченіе иногда цѣлыхъ историческихъ эпохъ развиваются и изучаются лишь знанія того или другого отдѣльнаго цикла. Сѣдя цивилизаціи Востока съ могучимъ для своего времени развитіемъ медицины и астрономіи смѣняются классическою Греціею, признававшею лишь философскія и развѣ отчасти политическія знанія. Элладу смѣнила жесткая, но цѣльная, могучая цивилизація Рима, который завладѣлъ всѣмъ тогдашнимъ міромъ и, стремясь водворить повсюду прочный порядокъ, естественно вынужденъ былъ направить всѣ усилія въ сторону развитія наукъ правовыхъ, юридическихъ. Скромно возникшее, но побѣдоносно завоевавшее себѣ весь міръ христіанство потребовало

для своего торжества слишкомъ большого подъема духовныхъ силъ и средніе вѣка представляютъ собою поэтому эпоху необходимой реакціи, вынужденнаго отдыха, среди котораго, казалось, замолкъ почти всякій интересъ къ какому бы то ни было научному движенію и только въ угрюмыхъ монастырскихъ кельяхъ скромнымъ свѣточемъ теплилась привлекавшая тогда къ себѣ немногіе свѣтлыя умы историческая наука. Эпоха возрожденія, давъ общій толчокъ слишкомъ долго дремавшей Европѣ, снова вывела на первый планъ философію и языкознаніе въ обширномъ смыслѣ; въ начинающей собою новую исторію эпохѣ открытій мы видимъ сильное движеніе въ пользу географіи и прикладныхъ къ ней наукъ; наконецъ, реформація дала первый толчокъ весьма мало до того времени извѣстнымъ политическимъ наукамъ... Обращаясь къ текущему столѣтію, вѣрнѣе къ послѣдней его половинѣ, мы видимъ, что въ 40-хъ и 50-хъ годахъ преобладало развитіе наукъ социальныхъ—политической экономіи, науки государственнаго кредита и социологіи въ тѣсномъ смыслѣ; ближе къ намъ, въ 60-хъ годахъ, Европа принялась исключительно за изученіе естественноисторическихъ наукъ и волна этого движенія докатилась и до государствъ болѣе молодыхъ и отсталыхъ; наконецъ, въ наши дни, впрочемъ, еще съ конца 70-хъ годовъ, снова возникъ интересъ къ наукамъ историческимъ. Увеличившемуся спросу отвѣтило и усиленное предположеніе: основалось и у насъ и на Западѣ множество историческихъ журналовъ и сборниковъ, стали издавать переписку разныхъ историческихъ и литературныхъ дѣятелей; всякій кто считалъ себя хоть сколько-нибудь причастнымъ къ современной исторіи, принялся составлять и обнародовать свои записки и воспоминанія. Писали мемуары литераторы, государственные дѣятели, люди науки, писали ихъ даже кокотки, актеры и сыщики. И всему этому находился сбытъ, все поглощалось своего круга читателями, вѣрными охватившему обществу интересу къ историческому чтенію. «Историческому Вѣстнику» не разъ приходилось давать отчетъ о томъ или другомъ произведеніи изъ этой обширной литературы мемуаровъ и въ настоящее время мы желаемъ познакомить читателей съ любопытными воспоминаніями довольно извѣстнаго современнаго писателя Арсена Гуссе, дающими полную картину жизни Франціи въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Самъ по себѣ Гуссе и какъ авторъ полускабресныхъ романовъ и легковѣсныхъ историческихъ монографій и какъ человекъ съ подмоченною репутаціею отъявленнаго бонапартиста «за приличное вознагражденіе» — не заслуживаетъ особаго вниманія. Но это не мѣшаетъ его мемуарамъ быть весьма интересными: во Франціи они имѣли большой успѣхъ—пусть даже это былъ успѣхъ скандала—и вполне стѣять того, чтобы ознакомить съ ними и русскую публику. Описываемая Гуссе эпоха чрезвычайно жизненна и сама по себѣ и по близости къ нашему вре-

мени. Поучительно посмотрѣть, какой именно историческій ходъ вещей подготовилъ Францію настоящаго времени—эту, какъ увѣряютъ, нашу лучшую и естественную союзницу въ грядущихъ политическихъ осложненіяхъ.

Мемуары Арсена Гуссе—передъ нами уже шестое ихъ изданіе—напечатаны съ тою изысканной роскошью, къ которой приучили насъ заграничныя, въ особенности парижскія и лондонскія изданія, и составляютъ четыре объемистыхъ тома, съ небольшими, прекрасной работы, гравюрами въ началѣ и концѣ каждой главы и съ приложеніемъ, кромѣ того, къ каждому тому по нѣскольکو листовъ снимковъ съ автографовъ изъ любопытной и богатой коллекціи самого автора мемуаровъ. Одно уже это придаетъ большое значеніе изданію, такъ какъ здѣсь помѣщено до трехсотъ снимковъ съ писемъ и подписей и въ коллекціи мы находимъ имена Наполеона III и императрицы Евгеніи, Шатобриана и Ламартина, Гизо и Тьера, Жоржъ-Занда и Бальзака, Беранже и Гюго, Дюма-отца и сына, Додэ и Зола, Обера и Гуно, Россини и Патти, Меттерниха и Польде-Кока, Ренана и Оффенбаха и многихъ другихъ современныхъ Гуссе знаменитостей.

Въ первомъ томѣ мемуаровъ авторъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ и молодости, о первыхъ своихъ подвигахъ на поприщѣ писателя и журналиста и даетъ цѣлый рядъ портретовъ своихъ друзей и недруговъ изъ литературнаго міра Франціи сороковыхъ годовъ; второй томъ посвященъ частью описанію общественной и свѣтской жизни Парижа во второй четверти текущаго столѣтія, частью же ряду политическихъ очерковъ изъ эпохи царствованія Луи-Филиппа; въ третьемъ томѣ подробно излагается исторія управленія Гуссе парижскимъ театромъ Французской-Комедіи съ 1849 по 1856 г. и, наконецъ, четвертый весь занятъ Наполеономъ III и второю имперіею, при чемъ рассказъ о личной жизни автора доводится до 1880 года. Мы будемъ слѣдовать за изложеніемъ автора, останавливаясь на болѣе удачныхъ страницахъ мемуаровъ, въ особенности на тѣхъ, которыя имѣютъ, такъ сказать, общечеловѣческое значеніе и могутъ заинтересовать и русскаго читателя. Но спѣшимъ оговориться, что не смотря на изящный, старательно отдѣланный языкъ Гуссе, рассказы его подчасъ утомительно многословны и, съ понятною, впрочемъ, слабостью, онъ слишкомъ выдвигаетъ самого себя на передній планъ въ передаваемыхъ имъ событіяхъ. Притомъ зачастую перомъ его видимо водить то духъ партіи, то соперничество по профессіи, то просто личное нерасположеніе къ тому или другому человѣку, и потому къ его портретамъ и характеристикамъ, къ его приговорамъ и сужденіямъ, слѣдуетъ относиться съ нѣкоторою дозою всегда спасительнаго недоувѣрія, которое тѣмъ болѣе резонно въ данномъ случаѣ, что нравственная фizioномія автора намъ достаточно извѣстна. Однако, и оставляя на совѣсти

Гуссе правдивость—скажемъ даже: честность—его мнѣній и отзывовъ о дѣлахъ и людяхъ, мы не можемъ не отдать ему справедливости, что онъ всегда остается боекъ, насмѣшливъ, остроумно золь и что во всякомъ случаѣ можно съ большимъ интересомъ прислушаться къ голосу человѣка, жившаго въ такое интересное время, такъ много видѣвшаго и испытывающаго и обладающаго если не талантомъ художника-бытописателя, то несомнѣнно дарованіемъ наблюдательнаго и умѣлаго рассказчика.

На разсказахъ Гуссе о годахъ своей молодости мы останавливаться, разумѣется, не будемъ, хотя онъ и посвящаетъ имъ добрую половину перваго тома мемуаровъ. Если свѣдѣнія о томъ какъ протекало дѣтство и складывался характеръ Шекспира, Гёте, вообще какого-нибудь мірового таланта, могутъ быть интересны и поучительны, то подробности о первыхъ годахъ жизни такого второстепеннаго дѣятеля какъ нашъ авторъ представляютъ значеніе, конечно, лишь для знавшихъ его лично, для его друзей и близкихъ. Да и для характеристики эпохи, ея нравовъ и обычаевъ, все что говоритъ здѣсь Гуссе, не представляется ничего новаго и сколько-нибудь значительнаго. Родился онъ, — говоритъ авторъ, — въ 1815 г. въ Брюерѣ, небольшомъ городкѣ Вогезскаго департамента, въ семьѣ незначительнаго провинціального помѣщика, хотя тутъ же съ забавной гордостью прибавляетъ, что родъ Гуссе — старинная дворянская фамилія и нѣкогда пользовался титуломъ маркизовъ Тришато. Переходя отъ лѣтъ младенчества къ годамъ сознательной дѣтской жизни, Гуссе не можетъ скрыть отъ читателей, что онъ былъ распущеннымъ, не столько избалованнымъ, сколько просто заброшеннымъ ребенкомъ и что, и въ тѣ годы, да и никогда впослѣдствіи, онъ ничему серьезно не учился. Это сознание онъ старается оправдать всевозможными соображеніями, обвиняя въ своей лѣности рѣшительно всѣхъ, кромѣ самого себя, и отца, «который въ жизнь свою не раскрылъ ни одной книги», и жившаго съ ними дѣда, «который былъ еще безграмотнѣе отца» и плохихъ учителей, «или учившихъ меня тому, чего сами не знали, или не умѣвшихъ передать и то небольшое, что было имъ извѣстно». Виноватою оказывается у него даже деревенская жизнь и природа; «эта гениальная книга, написанная великимъ поэтомъ-міроздателемъ, властно отнимала у меня изъ рукъ сухой учебникъ и влекла къ своимъ вѣчно раскрытымъ страницамъ, надъ которыми я подолгу и уже тогда глубокомысленно задумывался!» съ паѳосомъ произносить авторъ, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ онъ, разумѣется, просто удиралъ изъ школьной комнаты подраться съ сосѣдними мальчишками.

Время шло, ребенокъ превращался въ юношу, упорно отвертываясь отъ «сухихъ учебниковъ», и раздраженный отецъ рѣшилъ выучить сына хоть какому-нибудь ремеслу. Но напрасно поручалъ

онъ его то мельнику, то лѣсному смотрителю: Гуссе, повидимому, все предпочиталъ «глубокомысленно задумываться» и продолжалъ лѣниться. За то онъ началъ сочинять стихи—и очень плохіе, судя по приводимымъ тутъ же образцамъ—и, кромѣ того, не мало страницъ посвящаетъ описанію первыхъ своихъ опытовъ на поприщѣ любовныхъ похожденій. Послѣднія онъ описываетъ съ особымъ тщаніемъ и, такъ сказать, съ апетитомъ, и дѣйствительно исторія, напримѣръ, съ работницей Маріанной, впервые объяснившей нашему герою, въ чемъ собственно состоитъ, какъ онъ выражается, «святое велѣніе матери-природы», передана бойко, живо, хотя и въ достаточной мѣрѣ порнографично.

Не зная, однако, къ чему себя пристроить, Гуссе совершенно легкомысленно сталъ метаться изъ стороны въ сторону, поступилъ было въ проходившій мимо уланскій полкъ, но тотчасъ же и вышелъ изъ него, испугавшись суровой солдатской жизни, затѣмъ, влюбившись въ актрису странствующей труппы, хотѣлъ сдѣлаться актеромъ и, наконецъ, объявилъ отцу, что желаетъ ѣхать въ Парижъ и жить тамъ литературнымъ трудомъ. Отецъ не препятствовалъ, давно уже махнувъ на сына рукою, и вотъ, въ 1832 г., семнадцатилѣтній Гуссе очутился въ столицѣ Франціи совершенно одинъ, съ нѣсколькими десятками франковъ въ карманѣ, но съ слѣпою вѣрою въ свои силы и въ ожидающую его удачу. Эта удача не явилась, однако, такъ скоро, какъ желалось автору; деньги были проѣдены чрезвычайно быстро и Гуссе, дѣйствительно, пришлось обратиться къ литературному заработку, сочиняя романсы, по два франка за штуку, для мелкаго издателя бывшей тогда въ модѣ уличной поэзіи. Это не могло, однако, спасти отъ нужды и голода. Къ тому же Гуссе вмѣшался въ народное волненіе, вспыхнувшее въ 1832 г. на похоронахъ генерала Ламарка. Принявъ участіе въ этой маленькой революціи и, доставъ откуда-то ружье, Гуссе преисправно стрѣлялъ съ баррикады, устроенной близъ монастыря Сен-Мери. Это было, впрочемъ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни Гуссе, что онъ всталъ на сторону республиканскаго движенія: онъ скоро понялъ, что прежде всего это невыгодно и съ той поры всегда устраивался въ рядахъ сторонниковъ преобладающей власти. Бунтовщики были, какъ извѣстно, вскорѣ же разогнаны войсками, а въ числѣ не успѣвшихъ скрыться арестованъ авторъ мемуаровъ. Къ счастью, одинъ изъ офицеровъ, близко знакомый съ семействомъ Гуссе, узналъ его и, пользуясь общою суматохою, освободилъ, велѣвъ тотчасъ же убираться изъ Парижа. Можно себѣ представить, какъ встрѣтили Гуссе дома отецъ окончательно отъ него отвернулся и не хотѣлъ даже держать его у себя. Мать тайкомъ сунула ему въ карманъ всѣ свои сбереженія и Гуссе снова очутился въ Парижѣ, закаленный—какъ онъ говоритъ—жизненною борьбою и еще свѣтлѣе прежняго взиравшій на свое будущее.

Вернувшись въ Парижъ съ окончательно созрѣвшимъ намѣреніемъ посвятить себя литературной дѣятельности, Гуссе описываетъ далѣе первые шаги своей писательской карьеры и пользуясь этимъ случаемъ, въ двухъ слѣдующихъ и болѣе интересныхъ главахъ перваго тома мемуаровъ касается возникшей въ началѣ 30-хъ годовъ борьбы такъ называемаго романтизма съ классицизмомъ, вновь нараждавшихся талантовъ съ устарѣвшими знаменитостями, новыхъ литературныхъ вкусовъ и требованій съ отживающими свое время теоріями. Авторъ, однако, весьма далекъ отъ претензіи дать общую картину этого движенія, имѣвшаго не исключительно лишь литературный, но въ значительной мѣрѣ и общесоціальныи характеръ. Не становясь на каѳедру историка, онъ предпочитаетъ быть, какъ и подобаетъ составителю мемуаровъ, простымъ рассказчикомъ всего, что видѣлъ и слышалъ и своимъ бойкимъ, мѣстами чрезвычайно злымъ и колкимъ перомъ рисуетъ цѣлый рядъ портретовъ главнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей того времени. Въ эту галерею онъ заноситъ прежде всего имена Шатобріана, Ламартина, Гюго и Дюма-отца, которые, говоритъ онъ, «составляли литературный Олимпъ въ ту эпоху: имъ поклонялись, воздвигали храмы, курили вѣнками среди полчищъ фанатическихъ поклонниковъ и робкихъ подражателей; но я живу должно быть слишкомъ долго и былъ уже грустнымъ свидѣтелемъ того, какъ та же толпа разрушила эти храмы, растоптала жертвенныя гирлянды и втащила на Олимпъ новыхъ кумировъ, разогнавъ оттуда прежнихъ боговъ, какъ нѣкогда и небожители Гомера и Гезіода были изгнаны новыми божествами... до новой ихъ смѣны».

Описываетъ этихъ дѣятелей Гуссе исключительно какъ своихъ знакомыхъ и покровителей, показывая ихъ въ домашней обстановкѣ, «въ халатѣ и туфляхъ», и надо признаться, что въ такомъ костюмѣ они вовсе не выигрываютъ. О Шатобріанѣ онъ говоритъ сравнительно немного, передаетъ, что былъ у него только одинъ или два раза и вообще видно, что «великій писатель, у котораго все же можно найти нѣсколько страницъ красивой прозы» не подарилъ достаточнымъ вниманіемъ начинающаго, еще не извѣстнаго литератора. Отъ этого, вѣроятно, Шатобріанъ и является въ мемуарахъ вялымъ старикомъ, неинтереснымъ собесѣдникомъ, даже ханжею, разумѣется, не искренно увѣрявшимъ, что раскаивается во всѣхъ своихъ произведеніяхъ кромѣ «Духа христіанства» и что быть христіаниномъ — и только христіаниномъ — единственная великая и святая задача жизни. Хотя и пользовавшійся въ описываемое время всею своею славою, Шатобріанъ, по словамъ Гуссе, не имѣлъ никакого вліянія въ обществѣ, вѣтъ тѣснаго кружка своихъ исключительныхъ приверженцевъ. Принято было, правда, являться къ нему на поклоненіе; онъ давалъ аудіенціи подобно царственнымъ особамъ — но тѣмъ все и кончалось. «Его выслуши-

вали почтительно, не осмѣливаясь возражать, но зато и не пытаясь слѣдовать на дѣлѣ его совѣтамъ и указаніямъ, которыя онъ прорицалъ, облокотясь на каминъ возможно живописнѣе и едва ли не намѣренно растрепавъ свою густую шевелюру... Ему преклонялись несомнѣнно: это было въ модѣ, считалось признакомъ и хорошаго тона и правильного литературнаго вкуса, но преклоненіе производили издали, на почтительномъ разстояніи и разъ явившись на поклонъ видѣли, что возвращаться сюда было уже болѣе не за чѣмъ».

Не болѣе посчастливилось въ мемуарахъ и другой литературной и политической знаменитости того времени—Ламартину, хотя Гуссе встрѣтилъ съ его стороны самое радушное вниманіе и вскорѣ сдѣлался близкимъ и частымъ посѣтителемъ его дома въ улицѣ Университета. Гуссе познакомился съ Ламартиномъ на обѣдѣ у Сальванди, гдѣ случайно довелось имъ сѣсть рядомъ за столомъ, и увѣнчаннѣй лаврами поэтъ тонко и горячо расхвалилъ только-что прочтенный имъ первый томикъ стихотвореній начинающаго писателя. «Тамъ есть двѣ небольшія идилліи: онѣ написаны положительно въ лучшей манерѣ Теокрита!—съ убѣжденіемъ говорилъ мнѣ поэтъ.—Я былъ до смущенія обрадованъ этою искреннею похвалою, видя что мой сборникъ былъ прочтенъ такъ внимательно и оцѣненъ такъ вѣрно». Послѣднія слова Гуссе дышатъ, разумѣется, самохвальствомъ: мы очень хорошо знаемъ, что въ особенности какъ поэтъ онъ никогда не поднимался выше уровня самой дюжинной посредственности и приводимый имъ отзывъ Ламартина, конечно, умѣвшаго отличать хорошіе стихи отъ нигде не годныхъ, или выдуманъ самимъ же Гуссе, или былъ вызванъ отличавшими Ламартина добросердечіемъ и любезностью. Гуссе постарался сблизиться съ очаровавшимъ его поэтомъ, котораго обширныя свѣтскія связи и въ высшей степени авторитетный голосъ въ литературномъ мірѣ того времени были весьма полезны для пробивающаго свою дорогу писателя. И чѣмъ же отблагодарилъ онъ поэта за дружелюбное покровительство и неизмѣнную пріязнь, которыми самъ хвалится въ своимъ мемуарахъ? какимъ отзывомъ вознаградила онъ этого до наивности ласковаго, до самозабвенія преданнаго своимъ друзьямъ чедовѣка? Литературныхъ его лавровъ, несомнѣнно признанныхъ всѣми современниками и на которые если не съ тѣмъ же благоговѣніемъ, то все же съ почтеніемъ и признательностью будетъ взирать еще не одно поколѣніе потомковъ, Гуссе очень благоразумно не рискуетъ касаться, хотя и иронизируетъ мимоходомъ надъ самымъ направленіемъ и содержаніемъ его поэтическихъ произведеній, говоря, что «въ нихъ онъ забирается иногда въ такую безоблачную высь, гдѣ уже дѣйствительно нѣтъ не только облаковъ, но и вообще ничего, кромѣ звучныхъ риемованныхъ строчекъ: «У Ламартина (говоритъ онъ

далѣе) серебристые утренніе туманы, радужные переливы облаковъ, пурпуръ и золото заходящаго солнца—вся эта богатая, крикливая раскраска закрывала подчасъ отъ умиленныхъ глазъ поэта то, что зовется простою житейскою правдой». Но щадя въ Ламартинѣ поэта и историка, Гуссе, въ качествѣ монархиста-цезаріанца, яраго какъ всѣ ренегаты, безпощаденъ къ Ламартину какъ къ политическому дѣятелю. Онъ называетъ его непрактичнымъ мечтателемъ, «гораздо болѣе романтичнымъ въ политикѣ, чѣмъ въ любой изъ своихъ поэмъ», и даже бросаетъ ему упрекъ въ измѣнѣ монархическимъ принципамъ «тогда какъ Франція возникающая монархіею, получившая именно отъ нея свое значеніе и могущество и ни разу не измѣнявшая ей до прискорбныхъ дней кроваваго недоразумѣнія конца прошлаго столѣтія, только въ той же монархіи и могла бы найти силы для дальнѣйшей жизни и процвѣтанія!» Такихъ тирадъ и восклицаній не мало разбросано кстати, а иногда и вовсе не кстати, на страницахъ мемуаровъ.

Возвращаясь къ оцѣнкѣ политической фізіономіи Ламартина, мы можемъ привести слѣдующій небольшой діалогъ, будто бы имѣвшій мѣсто между поэтомъ и авторомъ мемуаровъ.

«24-го февраля (1848 года) я встрѣтилъ Ламартина спѣшащимъ въ городскую ратушу; стройный и красивый, онъ былъ немного блѣденъ, но видимо владѣлъ собою и, какъ всегда, старался овладѣть и другими. Какъ ни было дорого время, онъ остановился со мною. Берегитесь,—сказалъ я ему,—подъ вашими ногами пропасть: упасть въ нее не трудно, но оттуда уже нѣтъ возврата.—Этого нечего опасаться, увѣренно отвѣтилъ поэтъ; мы перешли Рубиконъ,—спокойно перейдемъ и пропасть! И пропасть была перейдена въ самомъ дѣлѣ, только перешедшіе оставили Ламартина одного по сю сторону. Увы!—это было ему Немезидою за то, что избавивъ, быть можетъ, Францію отъ краснаго знамени, онъ навязалъ ей трехцвѣтное... едва ли еще не худшее!»

Наконецъ, даже какъ о частномъ человѣкѣ, Гуссе сообщаетъ о Ламартинѣ отзывъ столь же ядовитый и тоже едва ли вполне достовѣрный.

«У Ламартина,—говоритъ онъ,—происходили по воскресеньямъ торжественные приемы. Непривѣтливыя гостинныя, мебелированные самую мѣщанскою мебелью краснаго и палисандроваго дерева, толпы посѣтителей, всегда съ однимъ и тѣмъ же заученнымъ восторгомъ на устахъ, стереотипныя похвалы, принимаемая хозяиномъ съ благосклонностью пресыщенной своею славою знаменитости, разговоры, старавшіеся быть глубокомысленными, замѣчанія, притворявшіяся остроумными, самые, казалось, взгляды и жесты и поэта и его присныхъ—все это было крайне шаблонно, разыгранное какъ по нотамъ каждое воскресенье. Тягости же и скучи же подобныхъ раутовъ трудно себѣ что-нибудь и представить. Тысячу

разъ правъ былъ Ламартинъ, произнеся свою знаменитую фразу: «Франція скучаетъ!»—онъ прежде всего говорилъ это о своемъ собственномъ салонѣ».

«Я скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ въ домѣ поэта,—говорится въ другомъ мѣстѣ мемуаровъ,—приходилъ во всякое время, часто прямо къ обѣду и былъ знакомъ съ тѣмъ, какъ велось тамъ хозяйство. Принимали всѣхъ безъ разбора, денегъ тратилась масса и не смотря на это все было полно безпорядковъ. Вино, напирь, подавалось къ столу положительно невозможное; хозяинъ—надо отдать ему справедливость—былъ безгранично добръ и неизмѣнно гостеприименъ, но вся его любезность не въ состояннн была повторить чуда въ Канѣ Галилейской и плохенькій укусъ такъ и оставался укусомъ, не превращаясь въ вино».

Предъ Викторомъ Гюго Гуссе безусловно преклоняется, восхищаясь имъ на всѣ лады, но не говоря о немъ ничего такого, что стоило бы отмѣтить. Онъ называетъ его «если не признаннымъ еще въ то время верховнымъ главою всѣхъ романтиковъ, изъ которыхъ иные такъ и застывали на культѣ Шатобриана, закрывая глаза на все дальнѣйшее,—то во всякомъ случаѣ признаетъ передовымъ вождемъ партіи, лучшимъ и болѣе смѣлымъ ея бойцомъ; именно ему обязаны засохшіе въ академіяхъ классики своимъ окончательнымъ пораженіемъ и если бы не мое благоговѣнное уваженіе къ великому имени Наполеона, я сказалъ бы, что предисловіе къ «Кромвелю» стѣбитъ Аустерлица». Гюго описывается въ мемуарахъ гордымъ, самоувѣреннымъ талантомъ, спокойно сознающимъ свое могущество и «почти жалѣющимъ, что приходится тратить силы на борьбу съ столь слабыми для его титанической мощи противниками». «Чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ славнѣе побѣда—приводятся будто бы сказанныя поэтомъ слова,—и чѣмъ болѣе предстоитъ впереди работы, тѣмъ грѣшнѣе оставлять свое дѣло, не доведя его до конца. Мнръ созданъ прекрасно по идеѣ, но дѣла въ немъ идутъ очень плохо и, не смотря на роскошныя декораціи природы, повсюду царствуютъ горе и страданія; это оттого, что творческая сила мірозданія остановилась на полдорогѣ, когда ей работалось такъ удачно и, создавъ міръ, полѣнилась его усовершенствовать». Вообще же о Гюго въ мемуарахъ говорится сравнительно немного и самые восторги предъ его талантомъ кажутся дѣланными, точно авторъ высказываетъ ихъ только подлаживаясь къ общему вкусу французовъ, начавшихъ, въ послѣдніе годы жизни поэта, восхищаться имъ безусловно. О частной же жизни Гюго, видимо мало и знакомой автору мемуаровъ, не дается никакихъ свѣдѣній и только оканчивая главу Гуссе пускаетъ въ поэта послѣднюю паряанскую стрѣлу, рассказывая, что «на вечернихъ собраніяхъ у него гостей угощали только проклятіями классицизму, да витіеватыми изреченіями самого хозяина, изрѣдка роняемыми имъ съ высоты своего

величія; входившее въ то время въ моду угощеніе чаемъ правда практиковалось, но въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и лишь для болѣе почетныхъ посѣтителей, которыхъ и вызывали для этого въ другую гостиную, словно украдкой отъ званыхъ, но неизбранныхъ».

Но если преклоненіе предъ Гюго кажется нѣсколько холоднымъ и принужденнымъ, то послѣднему изъ четырехъ «олимпійцевъ романтизма», Дюма-отцу посвящены болѣе теплыя страницы мемуаровъ. Симпатичная фигура писателя извѣстнаго, пожалуй, столько же своими произведеніями, сколько задушевностью и добротой, тронула даже такого сухого, завистливаго скептика, какимъ вездѣ является Арсенъ Гуссе, и онъ передаетъ нѣсколько случаевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, съ какою деликатностью и щедростью помогаль Дюма всѣмъ, кто только ни обращался къ нему за помощью. «Я охотно раздаю деньги всѣмъ желающимъ,—говорилъ онъ самъ про себя добродушно посмѣиваясь,—и не отказываю въ нихъ никому... кромѣ моихъ кредиторовъ». Дѣйствительно, расточительность романиста и его полнѣйшее неумѣніе обращаться съ деньгами помнятся и до нашего времени; понятно поэтому, что дѣла его были въ постоянномъ разстройствѣ и судебныя пристава положительно одолѣвали его своими исполнительными листами и требованіями объ уплатѣ взысканій. «Только этимъ и можно объяснить,—говорить Гуссе,—что даже неистощимое добродушіе Дюма скрежетало зубами при видѣ пристава и когда однажды кто-то обратился къ нему съ просьбою дать луидоръ по подпискѣ на похороны судебного пристава, умершаго въ нуждѣ, Дюма поспѣшно вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ и отдалъ сборщику, прибавивъ: «Вотъ вамъ десять луи, похороните лучше сразу цѣлый десятокъ».

Собственно о литературномъ дарованіи Дюма Гуссе, впрочемъ, не особенно высокаго мнѣнія и прежде всего удивляется странному ослѣпленію писателя, считавшему бездѣлками свои романы, и до сихъ поръ сохраняющіе значеніе талантливыхъ и бойкихъ очерковъ изъ исторіи Франціи, а вмѣсто того превозносившему свои драмы, теперь давно уже и совершенно по достоинству забытыя. «Онъ наивно восторгался этими ходульными, растрепанными вещами—такъ отцы зачастую сильнѣе любятъ своихъ искалѣченныхъ, уродливыхъ дѣтей—и вполне серьезно былъ убѣжденъ, что ему предназначено совершить реформу всего современнаго театра, довершить окончательно дѣло, начатое Эсхиломъ и развитое далѣе Шекспиромъ... Заблужденіе большого ребенка, какимъ оставался Дюма во всю свою жизнь! Простимъ ему, что онъ былъ такъ же добръ къ самому себѣ, какъ и ко всѣмъ на свѣтѣ».

Покончивъ съ знаменитостями данной эпохи, Гуссе переходитъ къ характеристикамъ и второстепенныхъ талантовъ, раздражаясь при этомъ слѣдующею злобною тирадой, очевидно внушенной за-

вистью къ чужимъ успѣхамъ и дарованіямъ, такъ какъ всѣ тѣ писатели, о которыхъ онъ говоритъ въ слѣдующихъ главахъ перваго тома, занимаютъ несравненно болѣе видное и почетное мѣсто въ исторіи французской литературы, нежели самъ Гуссе.

«Литературный Олимпъ былъ взятъ съ бою писателями романтической школы и новые боги водворились на немъ. Что вмѣстѣ съ богами поселились тамъ полубоги, четверть-боги, даже такіе, божество которыхъ можно выразить развѣ дробью съ очень большимъ знаменателемъ—все это совершенно понятно и въ извѣстной мѣрѣ прощительно. Но какъ во взятую приступомъ крѣпость вслѣдъ за регулярными войсками проникаютъ денщики, кашевары, полковые сапожники, пробираются даже мародеры, шпіоны и тому подобная накипь солдатчины,—такъ и здѣсь, среди общей суматохи боя и побѣды, очутились разные субъекты, почти вовсе не причастные къ искусству и считавшіеся романтиками лишь потому, что отращивали гривы и носили шутовскіе жилеты, а писателями полагали себя на томъ основаніи, что изводили пропасть бумаги, слагая поэмы и романы, длинные какъ ихъ волосы и нелѣпые какъ ихъ костюмы!» Гуссе не говоритъ, разумѣется, кого именно изъ перечисляемыхъ имъ далѣе литературныхъ дѣятелей онъ считаетъ такими «мародерами» и «сапожниками», но нѣтъ ни одного изъ нихъ, если не въ дарованіи, то хоть въ характерѣ, образѣ жизни котораго онъ не подмѣтилъ бы чего-нибудь смѣшного, мелкаго, а подчасъ и прямо неблаговиднаго.

Слѣдуетъ сказать, что вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Парижъ Гуссе случайно познакомился съ только-что начинавшимъ тогда работать и еще вовсе не имѣвшимъ извѣстности Теофиломъ Готье и поселился совмѣстно съ нимъ, молодымъ живописцемъ Рожье и кончившимъ впоследствии такъ печально Жераромъ Нерваль. Квартира ихъ тогда же сдѣлалась сборнымъ пунктомъ всѣхъ молодыхъ писателей романтической школы и главою этого юношески задорнаго, крикливаго, но честнаго и талантливаго сборища былъ единодушно признанъ пылкій, увлекающійся Готье, «доходившій до смѣшного въ слѣпой ненависти ко всему, что было «буржуазно», а въ сущности только мыслило проще и одѣвалось приличнѣе, и нещадившій даже своихъ сторонниковъ, если они, признавая ту же таблицу умноженія, произносили ее въ иномъ, нежели онъ требовалъ, порядкѣ. Благодаря такому значенію совмѣстной квартиры молодыхъ друзей, Гуссе имѣлъ возможность сблизиться съ лучшими изъ представителей тогдашняго литературнаго и вообще артистическаго міра и проводить предъ читателями цѣлую серію блестящихъ именъ и громкихъ дарованій. Много любопытнаго, характеристичнаго сообщаетъ онъ о томъ или другомъ писателѣ, но мы, конечно, остановимся только на болѣе выдающихся личностяхъ.

Болѣ всего мѣста отводитъ авторъ поэту Альфреду Мюссе, дѣйствительно болѣ яркой звѣздѣ въ этой плеядѣ молодыхъ талантовъ. «Мюссе былъ безспорно романтикъ чистѣйшей воды,—говорится въ мемуарахъ,—но онъ далеко не былъ человѣкомъ нашего кружка, нашей жизни и привычекъ. Онъ причислялъ себя къ большому свѣту, куда дѣйствительно имѣлъ доступъ, одѣвался тщательно, даже франтовски, гордился своимъ стариннымъ дворянскимъ происхожденіемъ и считалъ обидой, если его имя произносили или печатали безъ частички «де». Это было смѣшно, неумѣстно въ тѣсномъ товарищескомъ кругу нашей литературной богемы, но ему прощали въ сущности безвредную слабость, искренно симпатизируя ему и какъ поэту и какъ деликатному, доброму человѣку, хотя и въ произведеніяхъ и во всей жизни своей онъ, строго говоря, былъ болѣ «плаксой», чѣмъ это прилично молодому, здоровому человѣку». Рассказывая извѣстную исторію отношеній Мюссе къ романисткѣ Жоржъ Зандъ, Гуссе касается и ея личности, но отзывы о ней мы приводить не будемъ, на столько они злы и видимо враждебны. Чистотою своей частной жизни знаменитая писательница похвастать, разумѣется, не могла, но Гуссе обвиняетъ ее уже въ полной распущенности, говоря, что она вступала въ близкія отношенія не только съ мужчинами, но и съ женщинами, на примѣръ, съ извѣстной въ литературныхъ кругахъ того времени княгиней Бельджойозо-Тривульчи.

Изъ другихъ частыхъ посѣтителей общей квартиры, Гуссе упоминаетъ о критикѣ Сент-Бѣвѣ, «который жилъ скромно, почти монашески, не участвовалъ въ нашихъ шалостяхъ и излишествахъ, но, хитрый и честолюбивый, заискивалъ предъ знаменитостями и, вообще, сильными міра, уже тогда мечтавъ о креслѣ въ академіи, чего впослѣдствіи и добился всѣми неправдами»; о карикатуристѣ Гаварни «рядившемся пестро и безвкусно и все толковавшемъ о своихъ успѣхахъ у женщинъ большого свѣта, куда его, какъ потомъ оказалось, вовсе не пускали»; о писателѣ Жюль Жаненѣ, «которому удалось создать себѣ совершенно искусственный успѣхъ въ публикѣ того времени, ибо кто же теперь помнить о немъ какъ о романистѣ? а безпристрастіе его какъ художественнаго критика уже и тогда сильно заподозрѣвалось людьми, близко стоявшими къ дѣлу. Слишкомъ было бы громко сказать про него, что онъ пользовался знаменитостью, даже только извѣстностью: на него просто была мода, какъ была она въ то время на цвѣтные чулки у женщинъ или на деревянную рѣзную мебель въ стилѣ Генриха II».

О своихъ сожителяхъ по квартирѣ Гуссе говоритъ гораздо болѣе, но изъ нихъ живописецъ Рожье личность совершенно не выдающаяся, а Нерваля «чрезвычайно похожаго на Наполеона и бывшаго, какъ извѣстно, его незаконнымъ сыномъ», авторъ уже и тогда рисуетъ человѣкомъ полупомѣшаннымъ, серьезно, на примѣръ,

вѣрившимъ, что боги древней Греціи дѣйствительные боги, что они существуютъ и только на время удалились съ Олимпа, чтобы дать человѣчеству время опомниться самому и, отбросивъ отъ себя всѣ позднѣйшія ереси, вернуться къ истинному богопочитанію. Что же касается Готье, то дарованію его Гуссе вполне симпатизируетъ, выставляетъ его какъ лучшаго и болѣе интимнаго своего друга и даже намекаетъ, что въ созданіи имъ лучшихъ своихъ романовъ не обошлось безъ его, Гуссе, совѣтовъ и указаній. Вообще этотъ писатель видимо пользуется изъ всѣхъ своихъ собратій особымъ сочувствіемъ автора мемуаровъ, но и объ немъ Гуссе рассказываетъ, въ концѣ концовъ, точно вскользь и мимоходомъ, исторію, выставляющую Готье въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Онъ увлекъ, по словамъ Гуссе, молодую дѣвушку изъ хорошаго семейства, надавалъ ей тысячу обѣщаній, но когда послѣдствія ихъ отношеній начали обнаруживаться и дѣвушкѣ пришлось скрываться отъ гнѣва родителей, Готье уговорилъ ее уйти изъ родного дома; но навявъ ей гдѣ-то крошечное помѣщеніе, тотчасъ же и забылъ о ней самымъ постыднымъ образомъ, занявшись новыми интригами. Брошенная дѣвушка поневолѣ принуждена была обратиться за помощью къ своему брату и тотъ предложилъ Готье загладить свой грѣхъ женитьбой. Писатель наотрѣзъ отказался, ломаясь и бравируя, да и дѣвушка, безъ вѣдома которой братъ сдѣлалъ это предложеніе, объявила, что даже въ случаѣ согласія Готье она отказалась бы соединить свою судьбу съ человѣкомъ, такъ низко ее обманувшимъ. Тѣмъ временемъ родился ребенокъ и Готье отказался даже просто признать его формально, что не возлагало на него никакихъ обязанностей, но, по крайней мѣрѣ, давало имя ребенку и снимало съ него названіе незаконнаго. Възбѣшенный подобнымъ эгоизмомъ братъ дѣвушки позвалъ писателя къ барьеру. Готье продолжалъ упорствовать и, только явившись на мѣсто поединка и видя энергію и негодованіе своего противника, нашель болѣе благоразумнымъ согласиться на признаніе своего сына, котораго, впрочемъ, никогда потомъ и не видѣлъ.

Вообще жизнь всей этой литературной кoterіи была и достаточно пуста и совершенно безпорядочна, хотя Гуссе съ видимымъ удовольствіемъ вспоминаетъ объ этой порѣ своей жизни, называя «мощными порывами юныхъ силъ» и «святымъ недовольствомъ окружающею пошлостью и прозой» то, что въ сущности было лишь распущенностью не занятой серьезно молодежи; она не всегда прилично вышучивала и членовъ своего кружка и въ особенности лицъ постороннихъ. Объ этихъ школьническихъ выходкахъ распространяться, конечно, не стоитъ; упомянемъ только, что пьянство сильно процвѣтало между романтиками и въ квартирѣ Гуссе часто затѣвались цѣлыя оргіи, подъ предсѣдательствомъ Мюссе или Нервалия, съ участіемъ женщинъ, съ неприличными маскарадами, съ зво-

номъ и грохотомъ на цѣлый кварталъ. Какъ ни старается Гуссе опозитизировать подобное времяпровожденіе, какъ ни свойственно вообще молодежи не беречь своихъ силъ въ излишествахъ всякаго рода, но нельзя скрыть, что всѣ эти «юные піонеры великаго романтизма» были, не смотря на свое дарованіе, натуры мелкія и поверхностныя; писатели, соль земли, цвѣтъ интеллигенціи—они не заботились о личномъ достоинствѣ, завидовали славѣ подгулявшихъ юнкеровъ и расхोдившихся лавочниковъ и роняли въ грязь собственное знамя, падавшее изъ ихъ рукъ, трясущихся отъ пьянства и разврата... Гуссе говоритъ, напимѣръ, даже съ гордостью и самодовольствомъ, что ни одинъ изъ членовъ ихъ кружка не обращалъ никакого вниманія на политику, не читалъ даже газетъ, не интересовался общественными вопросами. «Всѣ наши помыслы были въ сферѣ чистаго искусства; въ толпу, на улицу спуститься мы не хотѣли». Едва ли тутъ есть чѣмъ хвалиться, и право почетнѣе такъ или иначе участвовать въ судьбахъ своей родины, особенно тамъ, гдѣ общественное мнѣніе есть сила легально развивающаяся и признаваемая официально, чѣмъ сочинять повѣсти и романы, какъ бы ни были они хитро придуманы и изящно написаны. Впрочемъ, чуждаться политической стороны жизни, съ самодовольной ограниченностью не признавать ничего внѣ условной сферы исключительнаго «писательства»—составляетъ характеристическую особенность большинства французскихъ литераторовъ даже и нашего времени, и еще не такъ давно Зола, кажется ужъ не идеалистъ, не поклонникъ искусства для искусства, напечаталъ письмо, въ которомъ съ презрѣніемъ говоритъ о людяхъ способныхъ интересоваться и дорожить политическими интересами и громить самую политику, которая отрываетъ будто бы людей отъ истиннаго дѣла и «лаетъ на насъ изъ каждой подворотни...»

Скандалы въ товарищеской квартирѣ скоро дошли до того, что сосѣди стали жаловаться и полиція принудила друзей искать себѣ другое помѣщеніе. Они порѣшили разстаться, и Гуссе, повидимому, жившій до тѣхъ поръ на средства Роже, владѣвшаго порядочнымъ состояніемъ, такъ какъ самъ не имѣлъ и не приобрѣталъ ничего—увидѣлъ себя въ необходимости зарабатывать себѣ хлѣбъ. Тутъ литературныя связи и знакомства помогли ему чрезвычайно, и услужливые друзья—въ томъ числѣ и авторитетный голосъ Жюль Жанена—расхвалили въ газетахъ не важный за то скабресный романъ Гуссе «Грѣшница». Первый успѣхъ открылъ ему доступъ въ тогдашніе парижскіе «revues» и Гуссе сталъ помѣщать въ нихъ очерки изъ исторіи литературной и бытовой жизни XVIII столѣтія. Гуссе много и серьезно распространяется о своей литературной дѣятельности, но слѣдовать за нимъ мы не будемъ и прямо перейдемъ ко второму тому мемуаровъ, высказавъ только положи-

тельное сомнѣніе, что Луи Бланъ дѣйствительно далъ тотъ отзывъ объ историческихъ очеркахъ Гуссе, какой приведенъ въ мемуарахъ. Луи Бланъ пришелъ будто бы отъ нихъ въ восторгъ и прибавилъ: «Если бы XVIII вѣка не было, то Гуссе изобрѣлъ бы его». Прежде всего эта фраза просто нелѣпа, да и вообще такой серьезный историческій писатель какъ Луи Бланъ вѣроятно не сталъ бы расхваливать небольшія, малосерьезныя монографіи, имѣющія чисто-компилятивное значеніе. Такимъ образомъ, все это лишь выходка того самохвальства, на какомъ нерѣдко можно поймать Гуссе въ любомъ томѣ его мемуаровъ.

II.

Общественные нравы въ эпоху орлеанской монархіи.—Общество вокально-религіозной музыки.— Дельфина Жирарденъ.— Женитьба Гуссе.— Характеристика Луи-Филиппа.—Остроуміе и добродушіе короля.—Арманъ Каррель и Эмиль Жирарденъ.—Французская академія.—Бальзакъ.—Поэтъ Мери.—Жюль Леконтъ и императрица Марія-Луиза.—Теноръ Маріо.—Газъ и омнибусы.—Дама съ камеліями и королева Помаре.—Страсть къ разгулу.—Февральская революція.—Народъ въ Тюльери.

Первая половина второго тома мемуаровъ посвящена изображенію свѣтской и общественной жизни Парижа въ періодъ между іюльской и февральской революціями, «изъ которыхъ первая,—говоритъ Гуссе,—покарала Карла X, желавшаго превысить свою власть, а послѣднею наказанъ былъ Луи-Филиппъ, не умѣвшій пользоваться этою властью въ полномъ ея объемѣ». Рисуемая авторомъ картины не отличается особенно яркостью и занимательностью, въ особенности для русскаго читателя; уже полстолѣтія отдѣляетъ насъ отъ этой эпохи и, оглядываясь назадъ, мы видимъ, что, помимо событій строго-историческаго характера, почти все, что волновало нашихъ дѣдовъ, утратило въ нашихъ глазахъ свое значеніе, измельчало и поблекло, какъ и для нашихъ внуковъ будетъ казаться мелка и не интересна большая часть нашихъ радостей и огорченій. Авторъ еще могъ бы придать значеніе этой части мемуаровъ, еслибы попытался дать въ ней очеркъ соціальнаго движенія, съ силою проявившагося въ описываемое время въ общественной жизни Франціи, но онъ понялъ свою задачу уже и мельче и просто передаетъ намъ цѣлый рядъ сплетенъ изъ тогдашней жизни парижскаго высшаго общества. Надъ всѣмъ этимъ останавливаясь мы не будемъ и приведемъ какъ интересную картинку нравовъ, рассказываемую Гуссе, исторію о томъ, какъ распутничали веселія великосвѣтскія кумушки того времени подъ покровомъ и съ благословенія католической церкви. Въ концѣ царствованія Луи-Филиппа французскими епископами поднятъ былъ во-

прось о томъ, что церковное пѣніе и музыка далеко отступили отъ первоначальнаго характера торжественной скромности и величавой простоты, и что въ храмы стали проникать мелодіи слишкомъ свѣтскаго, почти опернаго характера. Въ ритуалѣ католическаго богослуженія, какъ извѣстно, всегда нѣсколько наклоннаго къ напыщенной театральности, это было фактомъ далеко не единственнымъ и мы помнимъ, на примѣръ, уже значительно позже, почти въ наши дни, овладѣвшее сердцама истинно-вѣрующихъ католиковъ смущеніе, когда нескромныя газеты разнесли по всему міру, что въ Монтевидео, столицѣ страны, правда, довольно примитивной, мѣстный органистъ-композиторъ написалъ новую мессу, исполняющуюся съ огромнымъ успѣхомъ въ главномъ городскомъ соборѣ и составленную, какъ оказалось, почти цѣликомъ изъ мотивовъ модной въ то время оффенбаховской «Герцогини Герольштейнской»... Вѣроятно предчувствуя, что дѣло и у нихъ могло бы кончиться чѣмъ-нибудь подобнымъ, французскіе епископы горячо взялись за очищеніе и исправленіе церковной музыки. Всѣ модныя обѣдни послѣдняго времени предписано было оставить, а исполнять исключительно произведенія аскетическихъ композиторовъ XV и XVI столѣтій, допустивъ изъ авторовъ позднѣйшаго времени одного Палестрину. Общество также не осталось равнодушно къ этому нововведенію или, вѣроятнѣе, возвращенію вспять: эпохи близкія къ социальнымъ или политическимъ катастрофамъ всегда, какъ извѣстно, отличаются значительнымъ усиленіемъ ханжества и фанатизма, въ особенности среди высшихъ, правящихъ классовъ. Въ католическихъ странахъ женщина всюду идетъ за священникомъ и вотъ въ самомъ Парижѣ дамами высшаго аристократическаго общества составленъ былъ особый кружокъ, изъ котораго вскорѣ же, съ благословенія мѣстнаго духовенства, и выработалось «Концертное общество вокальной религіозной музыки». Дамы-патронессы, помогая церкви въ возвращеніи музыки къ ея строгому, архаическому стилю, порѣшили даже и внѣ богослуженій не исполнять иной музыки, кромѣ старинной и духовной, и предположили дать цѣлый рядъ концертовъ изъ произведеній подобнаго характера, чтобы приучить къ нимъ все общество. Всѣхъ аристократокъ-учредительницъ было числомъ 13 и Гуссе приводитъ ихъ имена: это дѣйствительно цвѣтъ знатности и богатства. Тутъ были княгини Тремуиль, Бово и Краонъ, герцогини Куаньи, Фуа и Граммонъ и другія дамы того же круга и уровня. Началось дѣло солидно, серьезно, съ полнымъ сознаниемъ указанныхъ этимъ обществомъ строгихъ, полурелигіозныхъ цѣлей. Даны были даже два-три концерта какъ любителями лучшаго общества, такъ и особо приглашенными артистами. «Исполнительницы являлись на эстраду въ черныхъ, самаго строгого покроя платьяхъ; въ качествѣ акомпанимента допускались только органъ и гармоніумъ, толпа молчаливыхъ посѣтителей благоговѣнно

размѣщалась въ залѣ Герца, точно въ какой-то зауспокойной процессіи и самые концерты съ сухими звуками отжившей музыки, съ суровыми, безстрастными лицами исполнительницъ, казались чѣмъ-то не здѣшнимъ, подготовляющимъ насъ къ мученіямъ ада, къ холоду и отчаянію загробной жизни». Не на долго, однако, достало у великосвѣтскихъ девицъ серьезности и сдержанности, и скоро въ обществѣ стали ходить, неясные вначалѣ, слухи, что въ концертномъ кружкѣ что-то неладно, что тамъ пошла «совсѣмъ другая музыка». Дѣйствительно, оказалось, что всѣ эти герцогини и принцессы преспокойно соорудили себѣ ширмы изъ душеспасительныхъ плановъ и великопостныхъ намѣреній и, подъ предлогомъ спѣвокъ и репетицій, сѣзжались съ молодыми любителями и красивыми артистами для цѣлей гораздо болѣе земныхъ и гривуазныхъ. Удачно надѣтая личина даетъ безнаказанность, безнаказанность родитъ дерзость и однажды секретные агенты донесли префекту полиціи, что въ помѣщеніи кружка, и уже не впервые, происходятъ ночныя сборища, видимо клонящіяся къ нарушенію общественной нравственности и съ церковной музыкой во всякомъ случаѣ ничего общаго не имѣющіе. Исключительно для того, чтобы посрамить гнусную клевету, префектъ распорядился произвести внезапный обыскъ подъ личнымъ своимъ распоряженіемъ и, о ужасъ! въ задней комнатѣ помѣщенія агенты нашли трехъ любительницъ музыки въ обморокѣ, но безъ корсетовъ, а по черной дворовой лѣстницѣ впопыхахъ сбѣжали внизъ, попавъ однако въ объятія сторожившихъ и здѣсь полицейскихъ агентовъ, одинъ извѣстный въ то время молодой скульпторъ, одѣтый слишкомъ легко даже для тогдашняго лѣтняго сезона, оперный теноръ босикомъ и красавецъ адъютантъ самого Луи-Филиппа, далеко не въ полной парадной формѣ. Скандалъ старались потушить всевозможными способами, мужу одной изъ пойманныхъ «въ преступномъ разговорѣ» княгини даже официально повелѣно было не оглашать исторіи своей ревностью и негодованіемъ, но, тѣмъ не менѣе, весь Парижъ хохоталъ черезъ два дня надъ этимъ происшествіемъ и похождения à la Брантомъ и Казанова на долгое время стали носить названіе «церковной музыки»... Это были первые раскаты грозы, которая вскорѣ послѣ того сбросила съ насиженнаго мѣста добродушнаго, но неумѣлаго короля-мѣщанина.

Кромѣ передачи подобныхъ скабрзныхъ, но во всякомъ случаѣ характеристичныхъ исторій, Гуссе очерчиваетъ мимоходомъ нѣсколько занимавшихъ въ то время общество личностей и, между прочимъ, долѣе останавливается на біографіи Дельфины Жирарденъ, писательницы и поэтессы, жены публициста и политическаго дѣятеля, не утратившаго извѣстности и до нашего времени. Но и здѣсь авторъ почти не касается ея дарованія или литературнаго значенія, а передаетъ лишь нѣсколько анекдотовъ, защищаетъ

писательницу— правда, довольно лукаво и двусмысленно—отъ приписываемыхъ ей связей съ романистами Сю и Готье, и подробно рассказываетъ надѣлавшую въ то время большого шума исторію, какъ одинъ щеголь того времени, пріѣхалъ зимою на загородную дачу Жиранденовъ, куда вслѣдъ за нимъ явилась и Дельфина, застрѣлился на ея глазахъ, подтвердилъ передъ смертью сбѣжавшимся на выстрѣлъ сосѣдямъ, что онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. «И ему сопротивлялась и онъ убилъ себя!—объясняла это происшествіе писательница, замѣчаетъ Гуссе. Положимъ и такъ, хоть это чистѣйшій плагиатъ развязки въ драмѣ Дюма «Антони», съ переменною только лица пострадавшаго. Однако, чѣмъ ѣхать зимою на пустынную дачу, во всякомъ случаѣ зная, что тамъ уже ожидаетъ влюбленный, и здѣсь наединѣ, вдали отъ всѣхъ нескромныхъ глазъ, начать ему сопротивляться, проще было бы прямо остаться дома и штопать мужу носки. Самое лучшее «сопротивленіе» состояло въ томъ, чтобы не ѣхать на условленное свиданіе, но это было слишкомъ обыкновенно, прозаично для того романтическаго времени—и вотъ въ результатѣ неизгладимое пятно на репутаціи одной и пробитая пулей, хоть и пустая голова другого»...

Въ этой же части мемуаровъ Гуссе рассказываетъ цѣлый рядъ любовныхъ похожденій изъ собственной молодости, рисуя себя непобѣдимымъ сердцеѣдомъ, часто съ перваго же свиданія увлекавшимъ женщинъ лучшаго общества. Можно вѣрить или не вѣрить автору, но никакого интереса для насъ всѣ эти исторіи не представляютъ; заканчивается глава исторіею женитьбы Гуссе, передаваемою имъ чрезвычайно многословно, съ совершенно непонятною откровенностью. Дѣло въ томъ, что роль писателя въ этомъ важномъ событіи его жизни не особенно благовидна, даже и по собственнымъ его словамъ, хотя, разумѣется, онъ старается оправдать себя, уменьшая размѣры горя, причиненнаго его легкомысліемъ. Не думая сперва, какъ самъ онъ говоритъ, о женитьбѣ, онъ влюбилъ въ себя молодую дѣвушку хорошаго семейства, но затѣмъ увлекся и самъ и сдѣлалъ предложеніе. Оно было принято и Гуссе сталъ объявленнымъ женихомъ; послѣдовало уже назначеніе дня свадьбы, произошелъ обмѣнъ брачныхъ подарковъ, какъ вдругъ Гуссе «съ непостижимой силой, заставляющей вѣрить въ предопредѣленіе» влюбился въ одну изъ подругъ своей невѣсты, которую зналъ раньше, но совершенно не замѣчалъ до тѣхъ поръ. Авторъ старается трогательно описывать ту внутреннюю борьбу, которую онъ выдержалъ самъ съ собою, желая побѣдить чувство и вернуться къ своимъ обязанностямъ, но симпатіи къ себѣ понятно не вызываетъ, такъ какъ вся эта исторія является лишь слѣдствіемъ его эгоизма и распущенности. Кончилось тѣмъ, что не совладавъ съ собою, Гуссе сдѣлалъ предложеніе и новой кра-

савицѣ, «хотя приданаго за нею было навѣрно вдвое менѣе чѣмъ за первой моей невѣстой», наивно прибавляетъ онъ—а увлеченной имъ дѣвушкѣ возвратилъ данное ею слово. Та опасно захворала, не выдержавъ неожиданнаго удара, а Гуссе обвинчался съ новою избранницею своего сердца. «Даже мои друзья—патетически восклицаетъ онъ—были готовы меня обвинять, но они не видѣли всѣхъ мукъ моего сердца, которыя однѣ оправдали бы меня, еслибъ я дѣйствительно былъ виновенъ!»...

Далѣе авторъ переходитъ къ исторіи восемнадцатилѣтняго царствованія Луи-Филиппа и даетъ остроумную, блестящую, хотя и не особенно глубокомысленную характеристику этого «короля-философа, короля-мѣщанина, короля—честнаго человѣка, только не короля-монарха». Въ короткихъ словахъ касается онъ и жизни его до вошествія на престолъ, жизни, во всякомъ случаѣ любопытной, полной неожиданностей и переворотовъ. «Юношей онъ сражался—вѣрнѣе числился—въ рядахъ республиканской арміи, былъ при взятіи Куртре, въ сраженіяхъ при Вальми и Жемаппѣ, и Келлерманъ такъ же какъ и Дюмурье, хвалятъ въ своихъ приказахъ его хладнокровіе и распорядительность въ бою—ничего однако не говоря о его храбрости, военной отвагѣ, хотя личная храбрость еще нужнѣе молодому принцу чѣмъ старому солдату. Однако—говорить далѣе Гуссе—даже и то, что онъ участвовалъ въ войскахъ республики, вовсе не сочувствуя ни идеѣ войны, ни идеѣ республики, не принесло принцу никакой пользы. Благодарность республикѣ—вещь извѣстная: своихъ недруговъ она награждаетъ изгнаніемъ, а друзей эшафотомъ. Изгнаніе выпало на долю принца и ему не мало пришлось скитаться, серьезно нуждаясь, давая уроки математики и рисованія, хотя къ первой онъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности, а ко второму никакихъ способностей. Вернулся онъ во Францію въ 1814 г., положительно ошибочно выбравъ время для возвращенія. Это было и слишкомъ поздно и чересчуръ рано: поздно потому, что онъ одинъ изъ всѣхъ Орлеановъ вѣрилъ въ геній Наполеона, а въ это время и самъ Наполеонъ сталъ сомнѣваться въ своей счастливой звѣздѣ, быстро клонившейся къ закату; рано потому, что еще шестнадцать долгихъ лѣтъ пришлось ему провести въ бездѣйствіи, томясь и скучая, становясь философомъ, но все болѣе проникаясь тѣмъ пессимизмомъ и невѣріемъ, которые отравили ему всю остальную жизнь—и на престолѣ, и въ новомъ изгнаніи. Только въ 1830 г. и то—по отзыву большинства историковъ того времени—совершенно случайно, добрался онъ до трона, на который едва ли могъ и рассчитывать. Карлъ X, подписавъ отреченіе въ пользу герцога Бордосскаго, возлагалъ на Луи-Филиппа обязанность провозгласить его королемъ съ именемъ Генриха V, а самому быть его опекуномъ и регентомъ Франціи. Но принцъ имѣлъ благородуміе отказаться отъ

отвѣтственнаго и опаснаго поста. «Избави меня Богъ отъ подобной обязанности!—говорилъ онъ въ кружкѣ приближенныхъ.—Всякій разъ, какъ у Генриха V заболитъ животъ, меня будутъ громогласно называть цареубійцей и отравителемъ». Притомъ «хладнокровный въ бою», какъ его атестовалъ Дюмурье—«не сообразилъ ли онъ уже и тогда, что лѣстница кончается одной ступенькой выше регента и что опекаль 40 милліоновъ взрослыхъ несравненно почетнѣе, одного ребенка, хотя бы онъ пачкаль пеленки, затканныя золотыми лиліями. Дѣйствительно, и нація отвергла политическое завѣщаніе свергнутаго властителя, охотно принявъ изъ него одно лишь отреченіе; все остальное, и регентство, и Генрихъ V, брошено было за бортъ—можетъ быть просто потому, чтобы насолить въ послѣдній разъ развѣнчанному монарху. Но такъ или иначе, а короля въ наличности не осталось; въ вѣчной круговой смѣнѣ государственныхъ декорацій очередь республики еще не наступила, король былъ нуженъ хотя бы для того, чтобы пустое мѣсто не кололо глаза. А если такъ—почему не пригласить на ваканцію того же Луи-Филиппа? Вѣдь не будетъ же онъ хуже обоихъ своихъ предшественниковъ! И слѣбая революціонная волна выплеснула принца на тронъ такимъ же равнодушнымъ, автоматическимъ движеніемъ, какъ спокойно могла бы и утопить его въ омутѣ государственнаго переворота, случись послѣдній годомъ, мѣсяцемъ, недѣлей раньше или позже»...

«Что сказать о царствованіи Луи-Филиппа, объ этихъ 18-ти долгихъ годахъ сѣренькаго, довольно спокойнаго существованія? Право, и тѣмъ странамъ легче живется, о которыхъ меньше говорятъ современники, и тѣ монархи лучше управляютъ, о которыхъ рѣже вспоминаютъ позднѣйшія поколѣнія. Не говоря уже о войнахъ, территоріальныхъ приобрѣтеніяхъ, вообще о внѣшней, показной сторонѣ, Луи-Филиппъ за все свое управленіе не издалъ ни одного сколько-нибудь достопамятнаго, законодательнаго акта. Что же онъ дѣлалъ все это время? Ничего. А что дѣлалъ народъ? Народъ спокойно работалъ. О, придетъ то время—и, право, оно уже не далеко—когда мы будемъ ставить въ первую и лучшую заслугу монархамъ, если они не мѣшаютъ подданнымъ спокойно трудиться и безстрастно стоя на безотрадной высотѣ своего положенія, не покушаются направлять жизнь народа и исторію страны въ то или другое русло по своему усмотрѣнію, а еще чаще—произволу. Луи-Филиппъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей такого идеальнаго властителя. Но увы!—онъ жилъ еще въ далекое отъ этого идеала время, а къ своему не хотѣлъ или не умѣлъ примѣняться. И исполненный лучшихъ намѣреній, прекрасно понимавшій свое положеніе конституціоннаго монарха, онъ не могъ вызвать ни въ комъ ни участія, ни даже простой благодарности. Царственнаго величія, рисовки, въ немъ не было нисколько; внѣш-

ній блескъ подчиняетъ толпу, страна охотно идетъ лишь затѣмъ, кто даетъ или хоть общаетъ ей кровавые и уже потому непрочные успѣхи; и королю всегда надо быть немножко авантюристомъ и очень много эгоистомъ, чтобы оставить по себѣ громкій слѣдъ въ исторіи и восторженную любовь въ сердцахъ своего народа. А Луи-Филиппъ былъ простъ, неповоротливъ; надъ головой его въ формѣ груши, потѣшались на всѣ лады, а историческій зонтикъ подъ мышкой до того возмущалъ парижанъ, этихъ дѣтей балаганнаго блеска и мишурнаго золота, что они рѣшительно предпочли бы, чтобъ ихъ король носилъ вмѣсто того съ собою... хоть какую-нибудь складную, усовершенствованную гильотину, или даже просто пукъ розогъ какъ ликторы римскихъ консуловъ».

«Самъ по себѣ, Луи-Филиппъ родился быть просто честнымъ человѣкомъ, хорошимъ отцомъ семейства—и ничего болѣе. У него не было ни симпатій, ни даже простыхъ склонностей, хоть капризовъ. Удачу и неудачу, горе и радость онъ принималъ отъ судьбы одинаково спокойно, не волнуясь, почти съ презрѣніемъ къ тѣмъ условнымъ перегородкамъ, которыми отдѣляемъ мы добро отъ зла въ окружающемъ мірѣ. Его рука такъ же мало дрожала, подписывая отреченіе, какъ и вступительную присягу на вѣрность законамъ страны. Да—это былъ глубокой, истинный философъ, хотя, быть можетъ, онъ и никогда не знакомился съ философіей сколько-нибудь серьезно и систематически; живи онъ въ наше время, гартмановская «философія безсознательнаго» была бы его настольной книгой».

Сколько-нибудь связнаго очерка собственно политической стороны царствованія Луи-Филиппа Гуссе не дѣлаетъ вовсе: онъ даетъ лишь рядъ картинъ полубытового характера изъ этой эпохи: смерть любимой дочери короля, молодой принцессы Маріи, успѣвшей обнаружить выдающійся талантъ къ скульптурѣ и скомпановавшей двѣ статуи Жанны Даркъ; бракосочетаніе наслѣдника престола герцога Орлеанскаго съ принцессой Мекленбургъ-Шверинской и придворныя празднества по этому случаю; наконецъ, несчастная гибель этого наслѣдника, разбитаго лошадыми во время прогулки. Но все это извѣстно изъ другихъ, болѣе яркихъ и компетентныхъ источниковъ и ничего выдающагося не представляетъ. Въ качествѣ еще болѣе детальной характеристики Луи-Филиппа, Гуссе даетъ описаніе аудіенціи, которую онъ испросилъ у короля, «желая отблагодарить его за покровительство, оказываемое писателямъ и журналистамъ». Хотя никто не уполномочивалъ автора являться съ подобнымъ благодарственнымъ визитомъ отъ лица цѣлой корпораціи и умалчиваемый Гуссе мотивъ аудіенціи былъ вѣроятно другой, тѣмъ не менѣе самый рассказъ о ней интересенъ. Оставаясь въ предположенныхъ нами рамкахъ, приведемъ изъ этой сцены свиданія лишь нѣкоторые замѣчанія Луи-Филиппа, очень

вѣскія и остроумныя, если только, конечно, король дѣйствительно ихъ произносилъ. Когда Гуссе высказалъ, что помимо желанія выразить благодарность, онъ просто подчинился понятному желанію видѣть вблизи монарха, Луи-Филиппъ отвѣтилъ: «О, чтобы видѣть монарха, вамъ надо было съѣздить въ Россію или хоть въ Австрію. Здѣсь я могу вамъ показать даже не короля, а только главу правительства. Августъ владѣлъ всѣмъ міромъ, Карлъ великій всей Европой, я же только стараюсь владѣть самъ собою—и то мнѣ не всегда это удается. Людовикъ XIV говорилъ: государство—это я! Мнѣ же приходится убѣдиться, что государство—это всѣ: печать, палаты, министры, чиновники министерствъ, уличная толпа, послѣдній оборванецъ, бѣгущій тамъ по площади, словомъ весь свѣтъ, кромѣ меня одного... Старая вывѣска «короли Франціи» еще осталась, но товару въ лавочкѣ уже нѣтъ; и повѣрьте: черезъ какіе-нибудь сто лѣтъ у насъ будутъ, какъ теперь въ Египтѣ, показывать только муміи королей».

Все это остроумно, пожалуй вѣрно, но очень отдастъ «сочинительствомъ» и едва ли король, какимъ бы философомъ онъ ни былъ, сталъ бы откровенничать подобнымъ образомъ съ представленнымъ ему впервые и въ то время почти неизвѣстнымъ писателемъ. Впрочемъ извѣстно, что Луи-Филиппъ, подъ своею холодною, вялою наружностью былъ человѣкъ дѣйствительно остроумный и Гуссе приводитъ нѣкоторые изъ его бойкихъ отвѣтовъ и злыхъ замѣчаній. «Такъ когда умеръ Талейранъ, котораго Луи-Филиппъ очень цѣнилъ, но справедливо считалъ человѣкомъ прежде всего своекорыстнымъ и расчетливымъ, король произнесъ, обращаясь къ окружающимъ: «Значить былъ же для него какой-нибудь расчетъ умереть!»—Злоязычіе не покидало этого оригинальнаго монарха даже на смертномъ одрѣ. Онъ былъ христіаниномъ развѣ только по строгому исполненію своихъ обязанностей и добродушному забвенію наносимыхъ ему обидъ и огорченій: библию считалъ онъ эпосомъ еврейскаго народа, а евангеліе называлъ болѣе свѣтлымъ фазисомъ всемірной исторіи. Передъ смертью, супруга его, королева Марія-Амалія, уговорила его принять священника и исполнить христіанскій долгъ. Умиравшій наконецъ согласился, исполнилъ все, что требовалось и, обратившись къ женѣ, сказалъ: «Ну что же—довольна ты теперь? Или надо еще что-нибудь продѣлать?»

Гораздо большая часть страницъ, отданныхъ въ мемуарахъ царствованію Луи-Филиппа, посвящена очеркамъ общественной жизни Франціи и въ особенности Парижа, за это время. Однако авторъ здѣсь слишкомъ мелокъ и мозаиченъ и мы коснемся лишь того немногаго, что можетъ быть сколько-нибудь интереснымъ. Подробно разсказывается, между прочимъ, взволновавшая тогда всю интеллигентную Европу дуэль крупныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей—Армана Карреля и Эмиля Жирандена.

Это были люди, конечно, одного лагеря—они оба молились той же богинѣ свободы. Талантъ и значеніе другъ друга они взаимно признавали, но уважать одинъ другого все же не могли: въ глазахъ Жиардена Каррель былъ идеологомъ, вреднымъ своею туманностью, мечтателемъ, а тотъ, въ свою очередь негодовалъ на излишнюю практичность своего противника, на его поклоненіе успѣху, какими бы средствами онъ ни достигался, и отказывался отъ услугъ, приносимыхъ Жиарденомъ общему дѣлу, твердо убѣжденный, что чистое дѣло должно дѣлаться чистыми руками. Притомъ Каррель былъ слишкомъ пылко-демократиченъ, чтобы быть искреннимъ республиканцемъ, а Жиарденъ слишкомъ скептически-уменъ, чтобы искренно защищать вообще какое бы то ни было убѣжденіе. Доживи Каррель до 71-го года, онъ непремѣнно сталъ бы въ главѣ парижской коммуны и Жиарденъ аплодировалъ бы отъ души, когда его противника разстрѣляли бы послѣ подавленія возстанія. Но столкновеніе между ними произошло раньше, Каррель не успѣлъ договориться до конца, а Жиарденъ разстрѣлялъ его на полѣ поединка. Негодованіе многочисленныхъ сторонниковъ и поклонниковъ Карреля было неописанное, Жиардена буквально травили во всѣхъ газетахъ радикальнаго оттѣнка, бросая ему въ лицо рѣзкіе и оскорбительные эпитеты, сотой доли которыхъ было бы довольно, чтобы взорвать челоуѣка самаго спокойнаго и добродушнаго. Однако, писатель на всѣ выходки отвѣчалъ молчаніемъ—презрительнымъ или трусливымъ, какъ угодно. Видимо онъ заранѣе рѣшилъ не рисковать собою вторично, не обращаться болѣе къ лотереѣ суда чести. Попытки раздражить его, заставить голосъ собственного достоинства заговорить въ немъ сильнѣе голоса благоразумія, сдѣлались еще серьезнѣе, но когда одинъ изъ преслѣдователей, пошедшій на проломъ, публично, въ фойе театра, ударилъ Жиардена перчаткой по лицу, назвавъ гнуснымъ убійцей, а тотъ все-таки промолчалъ и только придержалъ сдвинувшуюся съ головы отъ удара шляпу,—враги поняли, что съ такой, если и не совершенно похвальной, то вполне геройской рѣшительностью бороться имъ не подъ силу, и травля была прекращена.

Изъ литературныхъ нравовъ того времени интереснѣе страницы, въ которыхъ Гуссе касается французской академіи, выборовъ въ нее и вообще порядковъ этого учрежденія «постоянно оскорблявшаго и Францію и здравый смыслъ пристрастностью и возмутительною несправедливостью выборовъ въ число своихъ сорока бессмертныхъ сочленовъ». Предметъ хорошо знакомъ автору мемуаровъ: лучшій его трудъ, единственный, дающій ему право называться серьезнымъ писателемъ—сочиненіе «Исторія 41-го кресла Французской академіи», гдѣ онъ перечисляетъ имена всѣхъ знаменитыхъ дѣятелей Франціи съ основанія академіи, начиная Декартомъ и Дидро и кончая Беранже и Бальзакомъ, которыхъ ака-

демики, всегда на добрую половину посредственности и ничтожества, отказывались принять въ свою среду. Книга написана тономъ сдержаннаго, въ данномъ случаѣ весьма понятнаго негодованія; исторія совершенно невозможныхъ выборовъ и обидныхъ забаллотированій разсказана отчетливо и обставлена документально и самая нелѣпость того основного положенія, что каждый новый членъ выбирается на мѣсто умершаго, остающимися въ живыхъ «безсмертными»—выясняется вполнѣ. Въ мемуарахъ Гуссе сообщаетъ нѣсколько очень характеристичныхъ черточекъ и анекдотовъ изъ исторіи академіи, не вошедшихъ въ упомянутую книгу. Въ 47-мъ году академія нанесла Франціи сряду двѣ пощечины: пораженный костоѣдою бездарности, Ампи (Empis) выбранъ противъ Балъзака и Дюма и «таинственный незнакомецъ» Вату—противъ Альфреда Мюссе. Передъ послѣдними выборами въ обществѣ и журналистикѣ поднялась сильная агитація въ пользу знаменитаго поэта. Гюго, Сент-Бевъ, Мериме, Ламартинъ, Виньи, Ремюза и многіе другіе и говорили, и писали, давая торжественныя клятвы ввести Мюссе въ залу академіи. «Слолько же голосовъ получилъ онъ на выборахъ, какъ вы полагаете? Ровно два. Вотъ что значитъ ремесленная зависть и закрытая баллотировка!» Остроумецъ также отвѣтъ романиста Гозлана, желавшаго поставить свою кандидатуру въ члены академіи. «Ужъ моего-то голоса вы не получите!»—злбно замѣтилъ ему академикъ Вильменъ, столкнувшись съ нимъ гдѣ-то въ обществѣ.—«Да мнѣ вовсе не голосъ вашъ нуженъ»,—спокойно отвѣтилъ романистъ;—«мнѣ нужно ваше кресло». Академикъ, ходившій весь въ ватъ и фланеляхъ и страшно боявшійся смерти, чуть не упалъ въ обморокъ».

Изъ группы литераторовъ эпохи Луи-Филиппа Гуссе долѣе другихъ останавливается на интересной личности Балъзака. Впрочемъ, по своему обыкновенію, превознося его какъ писателя, выставляетъ его человѣкомъ высокомѣрнымъ, слишкомъ самоувѣреннымъ, «который, какъ ни велики были его заслуги и значеніе, преувеличивалъ ихъ съ наивностью, положительно доходившей до самообожанія. Онъ удивлялся, что еще при жизни ему не воздвигаютъ памятниковъ. Когда друзья хлопотали провести его въ академію, гдѣ, однако, онъ былъ забаллотированъ, Балъзалъ не смутился нисколько. «Они поняли»,—спокойно говорилъ онъ,—«что въ ихъ академіи мнѣ не мѣсто. Еслибъ существовала академія для самыхъ избранныхъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ, въ ней не набралось бы сорока членовъ съ первыхъ эпохъ человѣческой исторіи, но туда я вошелъ бы спокойно, по праву». «Балъзакъ,—читаемъ мы даьше,—былъ человѣкъ раздражительный, больной; онъ вскорѣ умеръ въ тяжелыхъ мукахъ неизлечимой болѣзни. И физическія страданія, и муки часто задѣваемого литературными врагами самолюбія и вѣчныя денежныя заботы да хлопоты по поводу непо-

правимо разстроенныхъ дѣлъ—все это не улучшало его характеръ, уже по природѣ недовѣрчивый и желчный. Друзей у него не было, не было даже тѣснаго круга близкихъ знакомыхъ и когда люди мало-по-малу отдалялись отъ него, онъ объяснялъ завистью то, что причиняла лишь его неуживчивость и болѣзненная нервность». «Вѣнчанный лаврами писатель,—заканчиваетъ Гуссе свою характеристику,—великій анатомъ современнаго ему общества, Бальзакъ имѣлъ, между прочимъ, неосновательную претензію быть знатокомъ живописи и вообще пластическихъ искусствъ. Почти всѣ свободныя деньги, которыхъ не успѣвали отбирать отъ него кредиторы, онъ тратилъ на покупку болѣе чѣмъ подозрительныхъ Рембрандтовъ и совершенно невозможныхъ Перуджиновъ и—странное дѣло!—извѣдавшій въ своихъ романахъ всѣ фибры человѣческаго сердца, самъ давался въ жизни въ обманъ первому маляру или старьевщику.»

Нѣсколько страницъ посвящено въ мемуарахъ и другому писателю того времени, доселѣ еще не позабытому романисту и поэту Мери. Этого Гуссе выставляетъ какъ страстнаго игрока, только и помышлявшаго о картахъ и проигравшаго все что зарабатывалъ или, вообще, залучалъ въ свой кошелекъ какимъ бы то ни было путемъ. Онъ брался хлопотать по дѣламъ, коммисіонерствовалъ, писалъ какія угодно статьи по заказу, продавалъ свои новыя произведенія желающимъ прославиться богатымъ молодчикамъ, которые и подписывали подъ ними свои имена. Вскорѣ послѣ декабрьскаго переворота, къ тому времени совершенно запутавшійся и проигравшійся, Мери написалъ льстивую, хвалебную оду новому императору и, давъ ей громкое названіе «Возвратившійся орелъ», представилъ ее герцогу Морни. Ода не только была принята благосклонно, но и повелѣно было въ теченіе цѣлаго ряда спектаклей читать ее въ антрактѣ со сцены «Французской комедіи»; однако, поэтъ ошибся, рассчитывая поправить этимъ свои дѣла: монархъ, тратившій на себя миліоны общественныхъ денегъ, велѣлъ выдать поэту всего 6000 франковъ единовременной награды. Да и ту Мери повезъ было въ Баденъ, намѣреваясь сорвать тамъ банкъ, но по дорогѣ, въ грязной гостинницѣ какого-то провинціального городка, столкнулся съ путешествующими шулерами и проигралъ имъ все до копѣйки. Любопытное всего, что рассказывая эту исторію и относясь къ корыстному раболѣпству Мери съ подобающимъ презрѣніемъ, авторъ въ 3-мъ томѣ своихъ мемуаровъ передаетъ, но уже инымъ, разумѣется, тономъ, что и онъ самъ, въ слѣдующемъ же году, написалъ торжественную контату «Имперія—это миръ», которая и была, съ наскоро подобранной къ ней музыкой, исполнена всею труппою того же театра «Французской комедіи» въ парадномъ спектаклѣ. Публика будто бы устроила и автору и присутствовавшему тутъ Луи-Наполеону громкую овацію, «и императоръ»—говоритъ Гуссе—«въ антрактѣ призвалъ меня въ свою ложу

и поцѣловаль предъ всѣмъ театромъ». Онъ не сообщаетъ далѣе, былъ ли вознагражденъ чѣмъ-либо существеннѣе этого барскаго поцѣлуя, но, во всякомъ случаѣ, аналогичный поступокъ Мери былъ вызванъ хоть разстроенными дѣлами поэта, нуждою въ деньгахъ, тогда какъ Гуссе подкадилъ авантюристу, будучи совершенно обезпеченнымъ, даже богатымъ человѣкомъ.

Изъ числа дѣятелей міра не литературнаго, интересна біографія проходимца Жюля Леконта, впрочемъ, тоже отчасти литератора, такъ какъ въ молодости онъ сотрудничалъ въ газетахъ и даже написалъ романъ, имѣвшій нѣкоторый успѣхъ. Задолжавъ и закутившись, онъ составилъ подложный вексель и бѣжалъ изъ Парижа отъ преслѣдованій полиціи. Чтò онъ дѣлалъ и гдѣ скрывался вслѣдъ затѣмъ—неизвѣстно, но черезъ два года его узнали въ Лютихѣ, гдѣ онъ былъ учителемъ французскаго языка въ гимназіи. Благо-разумно скрывшись оттуда, онъ вскорѣ вынырнулъ въ Мюнхенѣ тоже въ качествѣ учителя, но былъ захваченъ уже въ новой печальной исторіи—изнасилованіи одной изъ своихъ ученицъ. Пришлось бѣжать снова; подъ чужимъ именемъ Леконтъ надѣлалъ долговъ въ одномъ изъ лучшихъ вѣнскихъ отелей, былъ арестованъ, но вывернулся изъ лапъ полиціи, пропалъ опять на два года—и возродился теноромъ на одномъ изъ маленькихъ театровъ Венеціи. Въ качествѣ пѣвца онъ объѣхалъ главные города Италіи, сначала имѣя успѣхъ, больше впрочемъ игрою и фразировкой, но вскорѣ почти совершенно спалъ съ голоса и не разъ былъ освистанъ строго и разборчивою итальянскою публикою. Задумавъ бросить оперные подмостки и подыскать новое, болѣе выгодное занятіе, онъ проѣздомъ остановился въ Пармѣ, гдѣ жила тогда Марія-Луиза, вдова императора Наполеона. Къ этому-то времени и относится приводимое въ мемуарахъ письмо Леконта къ одному парижскому книгопродавцу-издателю Суверену, которое, какъ увѣряетъ Гуссе, хранится подлинникомъ въ его коллекціи. Леконтъ откровенно говоритъ съ давнишнимъ парижскимъ пріятелемъ и касается, между прочимъ, связи своей съ бывшею императрицей, возникшей быстро и неожиданно, но продолжавшейся затѣмъ довольно долгое время. «Въ концѣ концовъ—пишетъ онъ—попалъ я въ Парму и кой-какіе друзья дали мнѣ случай пѣть у Маріи-Луизы. Она позвала меня еще разъ, оставила ужинать. Ужинъ продолжался до утра и когда я проснулся, то могъ вообразить себя также до нѣкоторой степени императоромъ». «Я не знаю—прибавляетъ Гуссе—чѣмъ кончилось этотъ авантюристъ, несомнѣнно даровитый и энергичный, но Марія-Луиза кончила связью съ нимъ во всякомъ случаѣ жалко и недостойно. По первому браку императрица, по второму—владѣтельница графиня Нейпергъ, по третьему—тоже титулованная хоть уже и не столь аристократичная графиня Бомбель, она спустилась, наконецъ, до авантюриста. На ея могилѣ слѣдовало бы напи-

сать: «Она начала съ развѣнчаннаго императора и кончила осви-
станнымъ теноромъ».

О другомъ тенорѣ, безусловно благородномъ и по происхожде-
нію и по образу жизни—графѣ Маріо ди Кандіа, только-что про-
гремѣвшемъ тогда въ мірѣ искусства, также сообщаются нѣкото-
рыя подробности, впрочемъ, очень мелкія и анекдотичныя. Такъ
говорится о его связи съ неменѣе знаменитою пѣвицею Джуліею
Гризи, о томъ какъ пѣвцы не могли спѣться въ своей домашней
жизни, и какъ все въ ихъ совмѣстной жизни шло полнымъ дис-
сонансомъ. Доходило до того, что пылкая Гризи, постоянно и не
безосновательно ревновавшая красавца Маріо, пустила разъ въ него
за ужиномъ большимъ столовымъ канделябромъ, къ счастью не по-
павшимъ ни въ цѣль, ни въ кого-либо изъ гостей. Эти вѣчныя
домашнія грозы не помѣшали однако артистической четѣ скрѣ-
пить свою связь рожденіемъ нѣсколькихъ малютокъ, «которымъ,
за неимѣніемъ правъ на полученіе имени Маріо или Гризи, по-
видимому, пришлось оставаться просто гризетками или маріонет-
ками».

Разсказы о нѣкоторыхъ событіяхъ, волновавшихъ тогда обще-
ство просто странно читать въ наше время—до того кажутся они
отдаленными отъ насъ, хотя съ тѣхъ поръ не прошло и полсто-
лѣтія. Напримѣръ, Гуссе передаетъ, какой фуроръ и восхищеніе
произвело въ Парижѣ первое освѣщеніе газомъ линіи главныхъ
бульваровъ, отъ Бастиліи до церкви Магдалины. Народъ по цѣ-
лымъ ночамъ толпился вокругъ фонарей, восторгаясь на всѣ лады,
журналы кричали, что теперь, пожалуй, можно обойтись и безъ
солнца; въ театральныхъ «revues», представляли Ночь увольняемою
въ вѣчную отставку съ половиннымъ пенсіономъ. А теперь—что
осталось отъ всѣхъ этихъ восторговъ? Кто не возстаетъ противъ
газоваго освѣщенія, кто не считаетъ его вреднымъ, зловоннымъ,
слишкомъ дорогимъ, мрачнымъ, негоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ!..
Любопытно—много ли лѣтъ должно пройти, чтобы мы также не-
благодарно отвернулись и отъ перевозимаго теперь освѣщенія
электричествомъ?

Такое же, и даже болѣе волненіе произвело въ Парижѣ вве-
деніе первыхъ общественныхъ дилижансовъ, названныхъ тогда
«омнибусами». Пылкимъ поклонникомъ безусловнаго равенства и
общности капиталовъ до того понравилась идея такихъ экипажей,
что—смѣшно сказать—они увидѣли въ нихъ первое слово насту-
пающаго соціальнаго переустройства и дѣло чуть не дошло... до
революціи! «Составилась толпа бездомныхъ шатуновъ, пансіоне-
ровъ ночлежныхъ пріютовъ, прогуливающихся классы гимнази-
стовъ, приказчиковъ безъ мѣста, ворюшекъ безъ занятій, и приня-
лась расхаживать по улицамъ съ краснымъ знаменемъ, на кото-
ромъ было написано «Да здравствуетъ равенство—долой собствен-

ные экипажи!» Болѣе пылкіе принялись даже сооружать баррикаду, но правительство поступило чрезвычайно зло и вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумно, выслать противъ новаторовъ не отрядъ войска, а просто нѣсколько пожарныхъ бочекъ. Струи воды тотчасъ же охладили пылкія головы возмущившихся,—революція не устояла передъ пожарною кншою.

Желая дать читателямъ полную картину общественной жизни Парижа въ описываемое время, Гуссе не забываетъ коснуться и нравовъ такъ называемаго полусвѣта всегда игравшаго огромную роль въ жизни «современнаго Вавилона». Онъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о болѣе выдающихся представительницахъ этой касты и, между прочимъ, останавливается на знаменитости своего времени—Маріи Дюплесси, которую впослѣдствіи Дюма-сынъ взялъ героиней своего романа «Дама съ камеліями». Гуссе не называетъ ее ни красавицей, ни особенно умной или образованной женщиной, но говоритъ, что она была полна такой граціи и симпатичности, что весь богатый, жуирующий Парижъ стремился записаться въ число ея поклонниковъ и обладателей. Однако, благосклонностью своею дарила она съ большою разборчивостью и иные не добивались отъ нея ничего, не смотря на все богатство и щедрость, если были грубы, не имѣли хорошихъ манеръ или вообще не нравились этой новой Аспазіи. Сама она тратила легко зарабатываемыя деньги, не считая, удивляла всю столицу блескомъ и изяществомъ своихъ праздниковъ, но въ то же время была изумительно добра къ бѣднякамъ и страдающимъ и отъ имени неизвѣстной жертвовала весьма крупныя суммы на разныя благотворительныя учрежденія. Умерла она, дѣйствительно, отъ скоротечной чахотки и какъ разъ въ-время, потому что изящная миловидность ея поблекла чрезвычайно скоро, мода на нее упала такъ же быстро какъ и возникла и преждевременная смерть была, конечно, предпочтительнѣе предстоявшей ей одинокой, нищенской жизни. «Исторія, рассказанная въ романѣ Дюма—заключаетъ Гуссе—конечно, вся придумана писателемъ, но она правдива уже потому, что Марія Дюплесси дѣйствительно могла поступить такимъ образомъ, такъ какъ была, конечно, безкорыстнѣе и добрѣ многихъ сотенъ женщинъ, самыхъ строгихъ и безупречныхъ».

Вспоминаетъ Гуссе и о другой «знаменитости одного сезона» той же эпохи и изъ той же категоріи: о прославившейся своими крайне рискованными и откровенными танцами звѣздѣ сада Мабиль «Королевѣ Помарѣ». Она собственно и прославила этотъ садъ, такъ какъ ея смѣлыми, но всегда красивыми танцами пріѣзжали любоваться не одни только парижане, но и всѣ посѣщавшіе столицу туристы, «не исключая и тѣхъ, которые у себя дома недоступно и торжественно правили судьбами своихъ народовъ». Послѣ двухъ-трехъ зимъ все возроставшихъ успѣховъ, она умерла въ

общественной больницѣ отъ бѣлой горячки—результатъ неводержности и постоянного пьянства. Вообще, нравы Парижа за описываемое время Гуссе изображаетъ довольно разгульными. «Когда нація скучаетъ и народъ хочетъ переменъ—дѣлаетъ онъ вѣрное замѣчаніе—люди болѣе смѣлые и энергичные цѣликомъ отдаются политикѣ, начинаютъ роптать и составлять заговоры, а равнодушные и робкіе, не находя исхода назрѣвающему недовольству и ожиданію, обыкновенно отдаются увеселеніямъ всякаго рода, скоро переходящимъ въ болѣе или менѣе шумный разгулъ. Отъ этого ближайшія къ политическимъ переворотамъ эпохи носятъ характеръ распущенности, даже безнравственности. Но это вовсе не значитъ, что нація падаетъ, развращается—она только соскучилась и устала.»

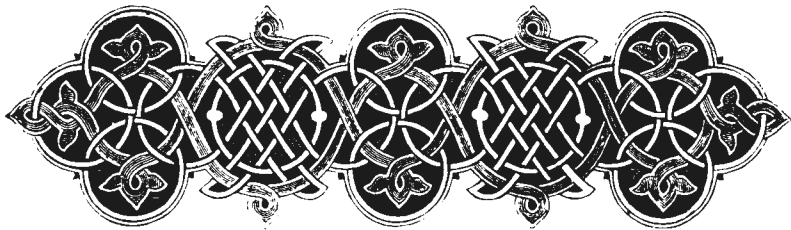
Кончается второй томъ мемуаровъ главою, посвященною замѣткамъ и воспоминаніямъ о февральской революціи 1848 года. «Нація приговорила короля къ изгнанію, а исторія присудила за то страну къ республикѣ. Но для перваго изгнаніе было безсрочнымъ, тогда какъ надъ страню республика тяготѣла, къ счастью, только четыре года. Надо ли прибавлять, что размѣнявъ одного Луи-Филиппа на цѣлую толпу разныхъ Араго и Ледрю-Ролленовъ, Франція не разъ потомъ могла убѣдиться, что совершила очень невыгодную операцію. Такъ или иначе—надо было пить вино, если бутылка откупорена: хорошо еще, что скоро явился человѣкъ, который смѣлымъ и ловкимъ движеніемъ, выбросилъ эту бутылку за окошко!» Эта тирада—совершенно въ духѣ Арсена Гуссе. Бонапартистъ по соображеніямъ чисто практическаго свойства, онъ всегда былъ искреннимъ монархистомъ, какая бы династія ни занимала престоль, и рѣшительно отвергаетъ правленіе народа, даже въ скромной формѣ парламентскаго представительства... Собственно о февральской революціи онъ говоритъ немного и изъ воспоминаній его о ней можно извлечь развѣ слѣдующій многознаменательный фактъ, приобретающій особое значеніе въ устахъ яраго противника народныхъ движеній и приговоровъ. Гуссе рассказываетъ, что 24-го февраля, когда рекомендованное павшимъ монархомъ регентство было отвергнуто палатою депутатовъ и республика провозглашена окончательно, онъ изъ любопытства отправился въ Тюльерійскій дворецъ, занятый уже народомъ. Онъ ожидалъ увидѣть тамъ сцены разгрома, тупого уничтоженія и порчи роскошной дворцовой обстановки, однако, толпы черни, правда съ шумомъ и хохотомъ, спокойно бродили по блестящимъ заламъ, съ любопытствомъ оглядывая картины и статуи, невиданную роскошь лѣпныхъ стѣнъ и разрисованныхъ потолоковъ. Только съ трономъ обходились не совсѣмъ уважительно: многимъ хотѣлось непремѣнно посидѣть на немъ, и когда Гуссе вошелъ въ тронную залу, на тронѣ развалился мальчишка-савояръ и безжалостно пачкалъ дорожную обивку своимъ

костюмомъ трубочиста, болтая ногами и восклицая среди громкаго хохота: «Ахъ, какъ мнѣ здѣсь удобно!» Вскорѣ появились, однако, и мародеры, неизбежные во всякой народной сумятицѣ. Сперва тайкомъ, а затѣмъ уже смѣло и открыто стали они расхищать во дворцѣ что было можно: дорогіе фарфоровыя горшки съ растеніями, вазы, небольшія картины. Это продолжалось, впрочемъ, лишь нѣсколько минутъ: болѣе благоразумные и порядочные остановили ихъ и когда тѣ пытались защищать свои права на награбленное, какой-то молодой ораторъ вскочилъ на тронъ и съ этой импровизированной кафедры горячо и краснорѣчиво разъяснилъ притихшей толпѣ, что грабить во дворцѣ такъ же безчестно, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, что дворцовое имущество прежде всего чужая собственность и что подобное поведеніе нѣсколькихъ негодяевъ безчеститъ весь народъ, всѣхъ кто вѣритъ въ республику и уважаетъ ее. «Довольно того—закончилъ онъ свою рѣчь—что во дворцахъ грабятъ и воруютъ во время монархіи; докажемъ, что республика выше и чище и въ этомъ отношеніи: мы завоевали ее себѣ прежде всего для того, чтобы быть честными!» Толпа привѣтствовала эту рѣчь восторженными рукоплесканіями, тотчасъ же на стѣнахъ дворцовыхъ залъ появились надписи «Смерть ворамамъ!» Народъ сталъ внимательно слѣдить за подозрительными субъектами и когда одного изъ соблазвившихся-таки запретной поживой, на мѣстѣ же страшно избили и едва живого выволокли изъ дворца, грабежъ совершенно прекратился и дворцовыя сокровища всѣ уцѣлѣли подъ зоркой, ревливой охраною оборванной, полуголодной черни. Только на неповинномъ тронномъ креслѣ толпа непремѣнно хотѣла выместить свою инстинктивную ненависть къ монархіи. Кресло вынесено было на парадный балконъ, выходившій на площадь и на которомъ обыкновенно короли появлялись въ дни національныхъ торжествъ, чтобы милостиво кивнуть головою привѣтствовавшему ихъ народу—и здѣсь сброшено внизъ, на мостовую, разбитое въ мелкія дребезги...»

В—ъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Эмиль де Лавелэ. Балканскій полуостровъ. Переводъ съ французскаго съ приложеніями и дополненіями Ник. Евг. Васильева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Часть первая. Прибрежье Дуная, Вѣна, Кроація, Боснія и Сербія. Часть вторая. Балканскій полуостровъ: Сербія, Болгарія, Румелія, Турція и Румынія. Приложенія и дополненія. Москва. 1889.

АСТИТЫЙ АВТОРЪ этой книги родился 5 апрѣля 1822 г. въ Брюгге, учился въ тамошнемъ Атеенеумѣ, потомъ въ коллегіи Станислава въ Парижѣ, потомъ поступилъ на юридическій факультетъ въ Гентѣ, съ 1848 г., сосредоточилъ свои работы главнымъ образомъ на политической экономіи и черезъ 16 лѣтъ получилъ кафедру по этому предмету въ родномъ Гентскомъ университетѣ. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ либеральной партіи и неустанно бился за ея принципы въ бельгійскихъ и французскихъ журналахъ (между прочимъ онъ съ 1859 г. много работалъ въ «Revue des deux Mondes» гдѣ въ концѣ 60-хъ годовъ онъ помѣстилъ нѣсколько очень интересныхъ статей по славяновѣдѣнію). Много шуму надѣлала въ свое время его книга «La Prusse et l'Autriche depuis Sadowa» (1840 г.). Онъ много путешествовалъ и по справедливости считается однимъ изъ выдающихся по таланту рассказчиковъ.

Въ самомъ началѣ своей книги, являющейся теперь въ русскомъ переводѣ, Лавелэ сообщаетъ, что это его путевыя замѣтки, которыя онъ публикуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ «записывалъ ихъ изо дня въ день». Такимъ заявленіемъ онъ сразу закрываетъ ротъ критикѣ, которая могла бы обвинить его въ непослѣдовательности: въ неравномѣрномъ распредѣленіи матеріала или въ недостаткѣ полноты: я говорю о томъ, что видѣлъ и слышалъ

и такъ, какъ видѣлъ и слышалъ; стало быть, никто не имѣетъ права спрашивать съ меня, почему я говорю такъ, а не иначе.

Лавелъ—почти французъ и къ тому же старикъ: вотъ два совершенно достаточныхъ основанія, какъ для того, чтобы ему быть болтливимъ, такъ и для того, чтобы съ уваженіемъ цитировать самого себя; но онъ старикъ умный, много читавшій и много видѣвшій, и это вполне достаточное основаніе для того, чтобы все то, что говоритъ онъ, читалось легко и съ пользою, чтобы, по выраженію Гомера:

«Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меду лилися».

И о чемъ только не говоритъ онъ даже на первыхъ 30—40 страницахъ! И о Шопенгауэрѣ (стр. 8), и о Гегелѣ (9), и о графѣ Таафѣ (24), и о Кальноки (26), и о чешскомъ вопросѣ (28 и pass.) и т. д. и т. д. Немного ниже читатель черезъ него очень обстоятельно познакомится съ еп. Штросмайеромъ (25 и слѣд.), хотя и убѣдится, что и 60 лѣтній профессоръ остался такимъ же восторженнымъ либераломъ, какимъ былъ въ годы студенчества, и поспрежнему въ людяхъ, ему нравящихся, способенъ видѣть только хорошую сторону; познакомится съ геройскими подвигами черногорцевъ (64 и др.), съ вопросомъ о началѣ славянскаго языка (не очень, впрочемъ, глубоко стр. 71 и слѣд.), узнаетъ взглядъ автора на значеніе религіи для умирающихъ, на педагогическое значеніе народныхъ игръ (80), узнаетъ, что читатель авторъ по исторіи каждой изъ странъ, которую проѣзжаетъ онъ, что онъ знаетъ изъ этого и къ какимъ выводамъ и обобщеніямъ онъ пришелъ. Читатель въ подробности узнаетъ политическія и социальныя убѣжденія автора и убѣдится, что онъ вѣрный другъ просвѣщенія, врагъ крайнихъ и насильственныхъ мѣръ; къ сожалѣнію, онъ немного близорукой другъ Австріи, и если не врагъ, то во всякомъ случаѣ не другъ Россіи; но онъ честный человѣкъ и рѣзко высказывается за С. Стефанскій договоръ противъ Берлинскаго трактата (наприм. II, 86). Онъ очень симпатизируетъ туркамъ за ихъ честность и добродушіе, но съ полной наглядностью изображаетъ ужасныя послѣдствія ихъ владычества на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ до физиократизма преданъ идеѣ развитія земледѣлія на счетъ промышленности, и восторгается остатками крестьянской общины (задруги), которые находитъ за Балканами, но симпатизируетъ и хорошо направленной промышленности. Таковъ же онъ и въ частныхъ вопросахъ: онъ повторяетъ сплетню, что Ристичъ подкупленъ Россіей (стр. 200), но тутъ же честно приводитъ его вполне послѣдовательныя и патріотичныя убѣжденія. Короче сказать: явись эта книга въ безпритязательномъ и правильномъ переводѣ, болѣе или менѣе «освѣдомленный» по дѣламъ Балканскаго полуострова русскій читатель едва ли нашелъ бы въ ней что-нибудь новое, кромѣ старательно собранныхъ и интересно сопоставленныхъ экономическихъ (по специальности автора) фактовъ, но прочелъ бы ее съ удовольствіемъ и поблагодарилъ бы автора какъ за то, въ чемъ съ нимъ можно согласиться, такъ и за то, въ чемъ нельзя.

Но г. Васильевъ отнесся къ добродушной книгѣ Лавелъ чрезвычайно странно: онъ задумалъ прокомментировать ее подобно тому напр., какъ теперь вѣмцы комментируютъ Винкельмана, или какъ въ 20—30-хъ годахъ умѣренные реакціонеры комментировали «Духъ законовъ» Монтескье. Въ 1-ой части, гдѣ Лавелъ говоритъ о странахъ, мало извѣстныхъ г. Васильеву, послѣдній ограничивается немногими и вполне умѣстными замѣчаніями подъ текстомъ; но какъ только Лавелъ вѣхалъ въ Сербію (см. стр. 11 2-ой ча-

сти), переводчикъ начинаетъ опровергать и исправлять автора внутри самого текста то обыкновеннымъ шрифтомъ, то петитомъ. Съ 41 стр. II ч. г. Васильевъ становится чрезвычайно многорѣчивъ и сообщаетъ массу фактовъ, довольно интересныхъ, но отчасти автобиографическихъ, отчасти чуждыхъ вопросамъ, которые задѣли Лавелъ. Къ концу II части г. Васильевъ доходитъ до того, что по поводу одной фразы Лавелъ о важности участія румынской арміи въ послѣдней войнѣ онъ дѣлаетъ примѣчаніе въ 114 страницъ петита и въ немъ не только пересказываетъ по документамъ всю исторію дѣйствій румынской арміи, не только полемизируетъ съ Лавелъ, но и съ Глѣбомъ Успенскимъ и съ многими статьями и книжками, опять-таки рассказываетъ о своей дѣятельности и вообще говоритъ *de rebus omnibus et quibusdam aliis*.

«Дополненія», составляющія 3-ю и самую обширную часть книги (почти 450 страницъ очень мелкаго и убогистаго шрифта) почти всецѣло принадлежатъ г. Васильеву; нѣкоторые изъ этихъ дополненій очень важны и интересны ¹⁾ и показываютъ въ авторѣ основательнаго знатока болгарскихъ дѣлъ; но все они были бы гораздо умѣстнѣе въ собственномъ изслѣдованіи г. Васильева о Болгаріи. Здѣсь же они непомѣрно увеличиваютъ объемъ книги Лавелъ (чѣмъ и доводятъ цѣну ея до 6 рублей), и, кромѣ того, составленіе ихъ задержало выходъ книги на 4 года. А кому неизвѣстно, сколько за эти годы на Балканскомъ полуостровѣ воды утекло, и какъ отъ такого замедленія потеряла книга?

Нельзя не признать, что г. Васильевъ, столь обильный въ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ, поступаетъ совершенно непослѣдовательно, оставляя безъ замѣчанія и исправленія напр. такія сообщенія Лавелъ: будто Петко Каравеловъ (ч. II, стр. 73) окончилъ курсъ въ Москвѣ на философскомъ факультетѣ и т. п. Еще не простительно, что онъ позволяетъ себѣ кое-гдѣ (напр. на стр. 203) сокращать автора, выпускать цѣлый рядъ фактовъ.

Ни языкъ перевода, ни языкъ примѣчаній мы далеко не можемъ признать безукоризненными. Примѣры: стр. 13: «откуда доставали государи этого мелкаго государства денегъ для созданія всего этого великолѣпія, которому они завидовали Лудовику XIV». Стр. 55: «Это было очень высокое назначеніе для его лѣтъ, такъ какъ ему было всего ихъ около тридцати». Стр. 82: «Вы призваны также для возрожденія вашимъ вліяніемъ западныхъ общества, гдѣ нравственное чувство ослабѣло». Стр. 118: «Турокъ не золь, и мы не получимъ права относиться къ нему слишкомъ строго: когда вспомнимъ, сколько христіанъ умерщвлено самими же христіанами» и т. д. Не можемъ также признать удобнымъ приемъ переводчика оставлять

¹⁾ Вотъ перечень главнѣйшихъ: Конституція княжества Болгарскаго (71—83). Правительственное сообщеніе (по поводу сиевскаго переворота). Письма изъ Болгаріи (изъ «Прав. Вѣстника»). битва подъ Сливницею и бывший болгарскій князь Александръ. Дѣятельность болгарскаго ополченія въ русско-турецкую войну (стр. 99—243). Къ вопросу о положеніи въ болгарскомъ княжествѣ военныхъ изъ русскихъ (243—276). Нѣкоторые данныя о финансахъ болгарскаго княжества (280—291). По поводу монументальныхъ сооружений и артистическихъ издѣлій въ Болгаріи. Нѣкоторые данныя объ учебномъ дѣлѣ въ Болгаріи и въ Румелии (296—423). Къ вопросу о духовенствѣ въ Болгарскомъ княжествѣ (327—425). По поводу характеристикъ современныхъ болгарскихъ дѣятелей (468—482) и т. д.

безъ перевода довольно многочисленныя латинскія цитаты автора и удерживать французскія названія въ ссылкахъ на древнихъ писателей, напримѣръ: Les Économiques Ксенофонта, Géorgiques, Ovide и т. д. Также не всякій русскій читатель сразу догадается, что «Рюбрики» есть путешественникъ Рубриковичъ, что «Бодуинъ» (II, 182) есть Болдуинъ и т. д.

Въ примѣчаніяхъ г. Васильева довольно много неологизмовъ, въ родѣ, задолжность (II, 11), болгары это замалчивали (II, 79) и т. д.

Корректурa тоже, какъ говорится, «оставляетъ желать многого»; достаточно сказать, что въ цитатѣ изъ Данта въ 5 строкъ (на стр. 30) находится по крайней мѣрѣ 10 опечатокъ.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ книга г. Васильева составляетъ очень не-приятное исключеніе изъ изданій К. Т. Солдатенкова. А. К.

Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXIII. Спб. 1889.

Г. Риккеръ собирается, повидимому, окончить свое изданіе исторіи литературы, отпраздновавъ десятилѣтній юбилей его возникновенія. Двадцать второй выпускъ этого сборника вышелъ въ прошломъ году, стало быть есть надежда, что послѣдній выйдетъ не позже будущаго года. Такимъ образомъ этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ почтенный, трудъ, будетъ доведенъ до XIX столѣтія. На это могутъ, конечно, согласиться читатели, давно уже ожидающіе конца черезъ мѣру затыгнушагося и не въ мѣру растянутаго изданія. Мы говорили уже по поводу XXII-го выпуска, что эта же растянутасть мало интересныхъ частей изданія, какъ литературы еврейской, арабской, средне-вѣковой, помѣшала должному развитію эпохъ болѣе важныхъ въ развитіи человѣчества. Такъ и въ этомъ выпускѣ вся исторія французской литературы XVIII вѣка разсказана Алексѣемъ Николаевичемъ Веселовскимъ на 95-ти страницахъ. Нашъ выдающійся знатокъ ея, авторъ столькихъ замѣчательныхъ монографій изъ этой эпохи, не пропускаетъ въ своемъ изложеніи ни одного сколько-нибудь важнаго явленія, но говорить объ нихъ слишкомъ коротко и сжато. Если, упоминая о литературѣ французскихъ эмигрантовъ въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, можно было не распространяться объ эстетическихъ сужденіяхъ Сент-Эврмонa, то посвятить всего шесть строкъ Пьеру Бейлю, этому «прямому предшественнику Вольтера», какъ его называетъ самъ г. Веселовскій—ужь черезчуръ мало. Еще меньше строкъ дано предшественнику энциклопедистовъ, автору «Бесѣдъ о множествѣ міровъ». Народной пѣснѣ и народному театру посвящена одна страница. Если можно довольствоваться короткимъ отзывомъ о Лесажѣ, то Монтескье заслуживалъ болѣе обстоятельной оцѣнки. Характеристика Вольтера—мастерская, но энциклопедисты изображены слабо. Строго слѣдуя хронологическому порядку, авторъ не представляетъ цѣльнаго, законченнаго портрета одного писателя, и говоря объ немъ переходитъ къ другимъ, чьи сочиненія выходили одновременно. Такъ, къ началу дѣятельности Вольтера примѣшивается оцѣнка Мариво, Вовенарга, Грессе. Эта хронологическая система мѣшаетъ составится общему впечатлѣнію о личности писателя, цѣльности его характеристики. Если невозможна стройная исторія литературы въ отдѣльныхъ біографіяхъ писателей, то и совмѣстная оцѣнка ихъ не представляетъ вѣрной картины въ данную эпоху. Да и самъ г. Веселовскій принужденъ дѣлать частыя отступленія отъ хронологическаго изложенія литературныхъ

явленій. Такъ, онъ сначала рассказываетъ о причинахъ разрыва Руссо съ Вольтеромъ, а потомъ уже говоритъ о юности Руссо и его жизни въ «Эрми-тажѣ». «Женевскій гражданинъ», впрочемъ, очерченъ прекрасно, хотя характеристика его прерывается оцѣнкою экономистовъ, Гельвеція, Гримма, Рейналя, затѣмъ авторъ возвращается опять къ Дидро какъ беллетристу, художнику, естествоиспытателю, говоритъ о его пребываніи въ Россіи, а потомъ уже переходитъ къ послѣднимъ годамъ Руссо. Послѣдняя обстоятельная характеристика посвящена Бомарше, но литература временъ революціи занимаетъ всего четыре страницы: тутъ и ораторы, и журналисты, и драматурги и каждому изъ нихъ дано строкъ по пяти: Мирабо и Сиейсу, Вольнею и Мерсье, Шенье и Фабръ д'Эглантину, Ретифъ де ла Бретаню Риваролю и г-жѣ Роланъ. Прошлый вѣкъ научилъ своего преемника «отстаивать высшіе интересы человѣчества; своими завоеваніями, своими ошибками освѣтилъ ему дальнѣйшій путь, и лучшіе его дѣятели горячо желали съ Дидро, чтобы потомки были счастливѣе въ своемъ исканіи правды».

Вторая статья, принадлежащая редактору А. И. Кирпичникову, содержитъ въ себѣ исторію нѣмецкой литературы во второй половинѣ XVIII вѣка. Статья начинается характеристикой цюрихскаго литературнаго общества, въ главѣ котораго стояли Бодмеръ и Брейтингеръ, и ихъ борьбою съ Готшедомъ. Затѣмъ слѣдуютъ Клопштокъ и его «Мессіада», Виландъ и его произведенія, геттингенскій кружокъ, Гесснеръ, Лафатеръ, Бюргеръ и, наконецъ, Лессингъ. Послѣдній разобранъ довольно подробно. Но съ нѣкоторыми изъ сужденій почтеннаго автора нельзя согласиться, какъ напримѣръ, съ тѣмъ, что двадцать пьесъ своей «Мессіады» Клопштокъ писалъ по вдохновенію и, получая пенсіи и ордена, не платилъ за нихъ лестию, когда называлъ Фридриха II лучшимъ человѣкомъ въ цѣломъ отечествѣ. Находить прелесть въ поэмѣ Виланда «Оберонъ», потому что въ немъ «богатый сюжетъ взятый изъ народной эпопеи» — также странно, такъ какъ содержаніе поэмы взято изъ французскаго рыцарскаго романа «Гюонъ Бордоскій», въ которомъ нѣтъ ничего народнаго. Объ истинномъ поэтѣ Бюргерѣ сказано очень мало и скорѣе слѣдовало цитировать что-нибудь изъ его стиховъ, чѣмъ отрывокъ изъ «Смерти Авеля» искусственнаго идилика Гесснера. Въ оцѣнку произведеній Лессинга введены біографіи Мендельсона, Клейста, Винкельмана. Пьесы Лессинга разобраны подробно, но напрасно цитаты «Натана Мудраго» приведены по переводу г. Вейнберга, когда есть лучшій переводъ В. А. Крылова. Интересны сообщаемыя г. Кирпичниковымъ подробности о томъ, что Лессингъ также писалъ трагедію «Фаустъ» и еще въ 1759 году приводилъ въ журналѣ «Литературныя письма» сцену изъ своей пьесы и признавалъ, что народная нѣмецкая пьеса о Фаустѣ генетически связана съ англійской драмой и мѣстами достойна самого Шекспира. Лессингъ два раза принимался за обработку этого сюжета и во второй разъ Фаустъ являлся у него «безъ всякой чертовщины». Но другія работы отвлекли его отъ этого труда и когда явился гётевскій Фаустъ, Лессингъ самъ смѣялся надъ своимъ неосуществившимся произведеніемъ и говорилъ: «моего Фауста чортъ вялъ». Г. Кирпичниковъ ничего не упоминаетъ о томъ, что въ послѣднее время въ нѣмецкой литературѣ поднятъ былъ снова вопросъ, стоящій изслѣдованія: не заимствовалъ ли Гёте у Лессинга идею и планъ Фауста? Статья нашего историка литературы оканчивается характеристиккою Гердера, но онъ обѣщаетъ еще представить оцѣнку нѣмецкаго романа XVIII вѣка, прежде чѣмъ

перейти къ эпохѣ Гёте и Шиллера. Вмѣсто предполагавшихся въ 1880 году трехъ томовъ и 18-ти выпусковъ, въ изданіи будетъ четыре тома. Это бы еще ничего, еслибы и цѣна не увеличилась вдвое, что, конечно, не доставить удовольствія подписчикамъ. **В. З.**

И. Ѳ. Токмаковъ. Краткій обзоръ матеріаловъ по исторіи пчеловодства по документамъ московскихъ архивовъ съ приложеніемъ литературы по пчеловодству съ 1741—1888 годъ М. 1889 in 4°. (Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ Отдѣленія Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній». Т. II, вып. 3).

Эта изящно изданная Обществомъ Акклиматизаціи брошюра принадлежит перу писателя, достаточно извѣстнаго читающей публикѣ обиліемъ своихъ историческихъ и библиографическихъ произведеній. Если я не ошибаюсь, то однимъ изъ послѣднихъ произведеній этого трудолюбиваго писателя было «Историко-статистическое описаніе города Мглина, Черниговской губерніи, въ связи съ церковно-археологическимъ обзоромъ священныхъ достопамятностей этого края со времени первоначальнаго его заселенія». Къ сожалѣнію, это любопытное изслѣдованіе съ столь широко поставленной темой, какъ исторія церковныхъ древностей чернигово-мглинскаго края, обратило на себя мало вниманія нашихъ ученыхъ, хотя, по словамъ трудолюбиваго автора, оно составлено «на основаніи точныхъ (?) документовъ и рукописей государственныхъ архивовъ (какихъ же?) и библиотекъ, а равно археографическихъ (!) и библиографическихъ данныхъ». Только одинъ г. А. Л., специалистъ по исторіи южно-русскаго края, сдѣлалъ отзывъ объ ученомъ изслѣдованіи г. Токмакова и пришелъ къ слѣдующимъ лестнымъ для автора выводамъ: 1) исторія Мглина, написанная г. И. Ѳ. Токмаковымъ по заказу города, «немного чѣмъ полнѣе историческаго очерка города Мглина, напечатаннаго въ книгѣ «Городскія поселенія въ Россійской Имперіи», изд. около 30-ти лѣтъ назадъ Минист. Внутр. Дѣлъ; 2) обзоръ священныхъ предметовъ края есть рядъ сплошныхъ выписокъ изъ книги арх. Филарета «Описаніе Черниговской епархіи» безъ явной ссылки на источникъ и съ приведеніемъ чужихъ цитатъ безъ всякой оговорки, что цитаты не свои, а выписанныя изъ чужого труда; 3) приложенный къ изслѣдованію (!) историческій очеркъ Почепа буквально переписанъ изъ книги «Городскія поселенія въ Россійской Имперіи» (т. VII, ч. I, стр. 408) съ приведеніемъ фальшивой цитаты на книгу г. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ»¹⁾. Такой отзывъ специалиста знакомитъ насъ съ научными приѣмами г. Токмакова. Эти приемы достаточно объясняютъ ту необыкновенную плодовитость и разносторонность, какими отличается упомянутый изслѣдователь. Практикуемый г. Токмаковымъ методъ изслѣдованія заключается въ слѣдующемъ: 1) въ беззастѣнчивой буквальной перепечаткѣ чужихъ трудовъ безъ указанія источника заимствованія, но съ приведеніемъ чужихъ цитатъ, и 2) въ ловкомъ обморочиваніи наивныхъ ученыхъ обществъ, незнакомыхъ съ современными научными приѣмами въ родѣ сейчасъ характери-

¹⁾ См. «Кіевскую Старину» 1888 г. № 10, отдѣл. XI, стр. 13—14.

зубаго. Эта характеристика есть въ то же время и рецензія на выписанную въ заголовкѣ брошюру и намъ остается только подтвердить сказанное наглядно ¹⁾. Брошюра г. И. Ѳ. Токмакова есть ни что иное, какъ сплошная перепечатка почти цѣлаго печатнаго листа (а это и весь трудъ г. Токмакова, за исключеніемъ его безсистемнаго библиографическаго указателя) изъ археографическаго труда г. Оглоблина подъ заглавіемъ «Обозрѣніе историческихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII вв., заключающихся въ книгахъ «Разряднаго Приказа», помѣщеннаго въ IV т. «Описанія докум. и бум., хранящихся въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи». Весь трудъ г. И. Ѳ. Токмакова заключался лишь въ перепискѣ печатнаго текста, да въ замѣнѣ оглоблиновскаго «я» токмаковскимъ «мы», да еще во введеніи въ текстъ ошибку (напр., на стр. 7 брошюры читаемъ: «въ описаніи одной Вольновской пасѣки говорится о жарѣ на ней пчелъ», тогда какъ у г. Оглоблина читаемъ на стр. 390 «о морѣ на ней пчель»; на стр. 10 брошюры «книга медленнаго сбора», а читать слѣдуетъ согласно съ 390 стр. текста Оглоблина «книга медвенного збору»). Для доказательства я приведу параллельныя мѣста изъ начала, середины и конца брошюры г. Токмакова, и отдѣла о пчеловодствѣ въ трудѣ Оглоблина. Изъ подобнаго сравненія читатели увидятъ до какой дерзости можетъ доходить въ своихъ методическихъ приемахъ иной современный ученый. Вотъ эти мѣста на выдержку:

Оглоблинъ, I. с. с. 383 (начало).

О пчеловодствѣ въ XVII в. сохранились въ Разрядномъ Архивѣ самыя богатые документы сравнительно съ другими отдѣлами V главы. Они говорятъ объ обоихъ видахъ пчеловодства—о «бортныхъ ухозяхъ» и о «пасѣкахъ», особенно подробно о послѣднихъ. «Бортныя ухозя» или промыселъ «бортничества» получилъ, какъ извѣстно, свое названіе отъ «бортей», т. е. деревьевъ, выдолбленныхъ искусственно, или вслѣдствіе старости пріобрѣвшихъ пустоту въ стволѣ, гдѣ и водились дикія пчелы. «Бортныя ухозя» упоминаются на Руси еще во времена языческой древности. Область распространенія ихъ была очень широка: они встрѣчались почти вездѣ въ Европейской Россіи.

Iв. стр. 388 (середины).

Послѣднее замѣчаніе записи говорить о воеводскихъ смѣтныхъ книгахъ», посылавшихся изъ Бѣлгорода

Токмаковъ, I. с. с. 1.

О пчеловодствѣ въ XVII в. находится (?) въ Разрядномъ Архивѣ самыя богатые документы сравнительно съ документами въ прочихъ отдѣлахъ архива (какое безграмотное измѣненіе!). Они говорятъ объ обоихъ видахъ пчеловодства—о бортныхъ ухозяхъ и о пасѣкахъ, особенно подробно о послѣднихъ. Бортныя ухозя или промыселъ бортничества получилъ, какъ извѣстно, свое названіе отъ бортей, т. е. деревьевъ, выдолбленныхъ искусственно или вслѣдствіе старости пріобрѣвшихъ пустоту въ стволѣ, гдѣ и водились дикія пчелы. Бортныя ухозя упоминаются на Руси еще во времена язычества. Область распространенія ихъ была очень широка: они встрѣчались почти вездѣ въ предѣлахъ Европейской Россіи.

Iв. стр. 6.

Послѣднее замѣчаніе записи говорить о воеводскихъ смѣтныхъ книгахъ», посылавшихся изъ Бѣлгорода

¹⁾ Срв. «Московск. Вѣдом.», № 202.

въ Разрядъ. Въ разсмотрѣнных мною бѣлгородскихъ «смѣтныхъ книгахъ» — описаній пасѣкъ не приходилось встрѣчать, исключая вышеупомянутой книги 175 г. Но, очевидно, что специальное изученіе воеводскихъ книгъ Бѣлгорода, Вольнаго, Карпова и Харькова должно открыть описанія этихъ пасѣкъ за другіе годы. Тоже слѣдуетъ имѣть въ виду относительно Разрядныхъ и Бѣлгородскихъ годовыхъ «смѣтныхъ книгъ» какъ по Бѣлгороду, такъ и по остальнымъ городамъ.

Ів. стр. 390 (коонецъ).

Такимъ образомъ содержаніе ея тоже, что и переписной книги 180 г. съ прибавленіемъ (о чемъ предисловіе умалчиваетъ) записей о сборѣ оброчнаго меду съ оброчныхъ пасѣкъ частныхъ лицъ, какъ выше 4 указанныхъ уѣздовъ, гдѣ «находились» государевы отписныя пасѣки, такъ и еще 2 уѣздовъ Усердскаго и Хотмышскаго. Свѣдѣнія книги также интересны, какъ и книги 180 г. Къ сожалѣнію, книга очень ветха и не имѣетъ окончанія.

Можно ли себѣ представить что-нибудь смѣлѣе подобной беззащитной перепечатки безъ указанія источника. Г. Токмаковъ даже заимствовалъ цитаты г. Оглоблина (см. брош. стр. 1, 6, 7 и Оглоблина I. с. стр. 383, 388, 389), ухитрился перепечатать и тексты документовъ, приводимыхъ г. Оглоблинымъ въ XXXVI и XXXVII приложеніяхъ, вставивъ ихъ въ текстъ своей брошюры (см. стр. 4—6 и 7—10 и Оглоблина I. с. стр. 479—480 и 480—484). Въ изданной такимъ образомъ московскимъ ученымъ обществомъ брошюрѣ г. Токмакову принадлежитъ только одна и при томъ плохо написанная 11-я страница. При этомъ нельзя не удивляться и тому, при какихъ условіяхъ явилась эта поучительная перепечатка. Трудъ г. Оглоблина напечатанъ въ 1884 г. въ официальномъ изданіи, авторъ живетъ въ Москвѣ, а книга его извѣстна занимающимся русской исторіей. Мало того: жалкая перепечатка г. Токмакова была предметомъ сообщенія въ московскомъ ученомъ обществѣ, рискуя произвести въ засѣданіи скандалъ, если бы подобная продѣлка была обнаружена тутъ же. Намъ остается только предупредить молодыхъ ученыхъ отъ примѣненія въ ихъ трудахъ «токмаковскаго» метода изслѣдованія, начинающаго получать эпидемическій характеръ, благодаря равнодушію нашей ученой критики.

В. Н. С.

въ Разрядъ. Въ разсмотрѣнных нами Бѣлгородскихъ смѣтныхъ книгахъ — описаній пасѣкъ не приходилось встрѣчать, исключая вышеупомянутой книги 7175 г. (1668). Но, очевидно, специальное изученіе воеводскихъ книгъ Бѣлгорода, Вольнаго, Карпова и Харькова должно открыть описаніе этихъ пасѣкъ за другіе годы. Тоже слѣдуетъ имѣть въ виду относительно Разрядныхъ и Бѣлгородскихъ годовыхъ смѣтныхъ книгъ какъ по Бѣлгороду, такъ и остальнымъ городамъ.

Ів. стр. 10.

Такимъ образомъ содержаніе ея тоже, что и переписной книги 7180 (1673 г.) съ прибавленіемъ (о чемъ предисловіе умалчиваетъ) записей о сборѣ оброчнаго меду съ оброчныхъ пасѣкъ частныхъ лицъ, какъ выше указанныхъ 4 уѣздовъ, гдѣ находились государевы отписныя пасѣки, такъ и еще 2 уѣздовъ Усердскаго и Хотмышскаго. Свѣдѣнія книги также интересны, какъ и книги 7180 (1673) г. Къ сожалѣнію, книга очень ветха и не имѣетъ окончанія.

Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Спб. 1889.

Анонимный авторъ рекомендуетъ свой трудъ въ предисловіи, какъ «экстрактъ изъ слишкомъ двадцатилѣтней публицистической дѣятельности» своей и какъ «попытку отнести къ разнороднымъ вопросамъ нашей внутренней политики въ одномъ опредѣленномъ направленіи». Такого рода аттестація могла бы подать читателямъ надежду, что наконецъ-то нашелся такой публицистъ, который серьезно и обдуманно отнесется къ такому жизненному вопросу, какъ государственное и политическое бытіе нашего отечества и не станетъ рѣшать съ легкимъ сердцемъ насущныхъ нашихъ «вопросовъ», какъ всё тѣ многіе господа, которые писали за послѣднее время о современномъ состояніи Россіи въ надеждѣ на общественное признаніе за ними званія государственныхъ мужей и серьезныхъ политиковъ. Вѣдь шутка ли сказать: «экстрактъ изъ двадцатилѣтней дѣятельности» да при томъ въ «одномъ опредѣленномъ направленіи»! Но, увы! стоитъ только читателю пробѣжать нѣсколько главъ «современной Россіи», какъ его надежды и упованія исчезнутъ какъ дымъ: онъ увидитъ, что анонимный авторъ недалеко ушелъ отъ своихъ предшественниковъ и что настоящій трудъ носитъ на себѣ тотъ же характеръ, какъ писанія гг. Фадѣевыхъ, Новосельскихъ, и другихъ въ томъ же родѣ, съ тою только разницею, что предшественники или витали въ областяхъ «вопроса и нѣчто» объ измышленной ими самими Россіи и ея исторіи или, оставляя теоретическія части русскаго государственнаго права въ сторонѣ, разрабатывали дѣйствительныя стороны русской жизни, предъявляя къ ней очень узенькія и партійныя требованія, изъ которыхъ легко усматривалось во имя чего ратуютъ авторы и чего имъ такъ страстно желается; анонимный же авторъ беретъ вопросы шире и многостороннѣе, не такъ злоупотребляетъ исторіей и, главнымъ образомъ, говоритъ о вопросахъ дня, деталяхъ жизни и строя, какъ-то: о нашихъ учрежденіяхъ, министерствахъ, разныхъ лицахъ и разныхъ моментахъ общественной жизни. Въ этомъ его несомнѣнная заслуга: нашъ государственный механизмъ съ его повседневной работой мало извѣстенъ публикѣ; газетныя извѣстія и обозрѣнія по своей отрывочности не оставляютъ продолжительнаго слѣда въ умахъ массы и легко забываются. Поэтому нельзя не быть благодарнымъ автору, что онъ сгруппировалъ въ одно цѣлое многія такія свѣдѣнія, которыя необходимо знать каждому гражданину отечества, если онъ только не придерживается морали, что «моя хата съ краю — я ничего не знаю». Авторъ, повидимому, великій знатокъ нашего бюрократическаго строя, что даетъ право подозрѣвать его близость къ этому строю, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ великій enfant terrible своей среды: врядъ ли въ какой книгѣ можно найти столько обличительныхъ данныхъ, курьезовъ и анекдотовъ о нашихъ учрежденіяхъ и разныхъ инстанціяхъ, какъ въ настоящемъ трудѣ. Особенно пострадали отъ него государственный совѣтъ, вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, почтовое вѣдомство, а также многіе изъ тѣхъ лицъ, кои нынѣ сошли со сцены или находятся не у дѣлъ. Но снимая завѣсу съ жизни и порядковъ нашихъ канцелярій и департаментовъ, онъ за этимъ любопытнымъ дѣломъ, которое совершаетъ въ книжкѣ, по собственному, или правильнѣе, гейневскому выраженію, «съ большою веселостью и легкостью», просмотрѣлъ такія стороны нашей жизни, которыя должны бы были обра-

титъ на себя вниманіе всякаго серьезнаго изслѣдователя современной Россіи, какъ-то: состояніе и успѣхи нашей литературы и науки, развитіе ученыхъ обществъ и политико-общественныхъ направленій, состояніе народной школы и общины и множество другихъ. Кромѣ того, хотя въ настоящемъ трудѣ и поставлены нѣкоторые вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ внутренней политикѣ, но поставлены они такъ небрежно и развиты такъ поверхностно, что не даютъ точнаго понятія о предметѣ (напр., о школѣ, о церкви); другіе же рассмотрѣны сквозь призму чужихъ трудовъ и мыслей (напр., о мѣстномъ управленіи и земской реформѣ, о народномъ хозяйствѣ). Какъ бы въ награду за эти пропуски, авторъ съ любовью и излишними подробностями трактуетъ о министерствѣ государственныхъ имуществъ, горномъ дѣлѣ и, вообще, о всемъ, имѣющемъ непосредственную связь съ жизнью разныхъ департаментовъ и чиновной среды. Здѣсь чувствуется полный хозяинъ своего дѣла, который однимъ почеркомъ пера перетасовываетъ департаменты, даетъ выговоры чиновникамъ, изобличаетъ начальства и, вообще, рѣшаетъ судьбы официальной Россіи, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается во всевозможныхъ докладныхъ запискахъ, писанныхъ во время заграничныхъ командировокъ и въ упованіи на приобрѣтеніе титула государственнаго мужа. Канцелярскій складъ ума автора, привычка все регламентировать и втискивать въ строго опредѣленные рамки, такъ и отпечатывается на всемъ его политическомъ *profession de foi*, изъ котораго изгнано все, что дышетъ жизнью, свободой и самодѣятельностью. Главныя заповѣди его политическаго катехизиса заключаются въ слѣдующихъ положеніяхъ: Россія нуждается въ крѣпкой и очень сильной власти; вырабатывающіе законодательные проекты учрежденія требуютъ реформъ, такъ какъ они недостаточно придерживаются принципа строгаго соблюденія систематичности; высшей администраціи недостаетъ единства; необходимо сохраненіе генералъ-губернаторской власти; судъ долженъ быть у насъ органомъ администраціи, отвѣчая практической потребности; той же практической потребности удовлетворяютъ и тѣлесныя наказанія, для примѣненія которыхъ надобна извѣстная привычка (!), которая лучше всего (!) приобрѣтается употребленіемъ того же исправительнаго приѣма въ школѣ; институтъ присяжныхъ слѣдуетъ упразднить, а адвокатуру сдѣлать казеннымъ учрежденіемъ; необходимо возстановить упраздненную 19 февраля опеку дворянства надъ крестьянствомъ, а также связь дворянства съ провинціей, образованіе должно быть пропорціонально достатку учащихся, а женское образованіе для Россіи должно быть рассматриваемо какъ забава и роскошь. Высказавъ такого рода *profession de foi*, авторъ заявляетъ, что онъ не боится, что его «тезисы» будутъ признаны «дикими» и «отсталыми» всіми тѣми, кого привыкли до сихъ поръ считать носителями знанія и просвѣщенія, общественными учителями и руководителями, т. е. профессорскою коллегіей и публицистами, такъ какъ на нихъ еще не снизошло «просвѣтленіе умовъ», которому подвергся онъ, авторъ, наравнѣ со многими мыслителями Западной Европы. Послѣ такого заявленія и при такой постановкѣ вопроса, конечно, трудно что-нибудь отвѣтить автору, такъ какъ онъ всегда можетъ отвѣтить противнику, что на того еще не снизошло «просвѣтленіе ума», для чего необходимо подвергнуться подобно ему двадцатилѣтнему публицистическому искусству въ одномъ опредѣленномъ направленіи, т. е. выдержать такой подвигъ, который не по силамъ самому князю Мещерскому. Б. Г—скій.

Сибирь въ XIX столѣтїи. Часть 1-ая: Перїодъ отъ смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. Сост. В. К. Андреевичъ. Спб. 1839.

«Настоящїй трудъ, — говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи: — имѣть особую поучительность, такъ какъ въ издаваемыхъ книгахъ трактуется о событіяхъ, совершившихся въ Сибири въ первой четверти настоящаго столѣтія, при генераль-губернаторскомъ режимѣ, проявившемся въ такой формѣ, которая особенно ярко освѣтила слабыя стороны онаго и непригодность такового для Сибири. Генераль-губернаторскїй режимъ имѣетъ смыслъ въ краѣ, богатомъ мѣстною интеллигенціею и помѣщицкимъ элементомъ: Сибирь же страна крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и служащихъ, для которыхъ заждатель, исправникъ, полиціймейстеръ и губернскія учрежденія, разумѣется, пригоднѣе, чѣмъ тонъ жизни, настраиваемый генераль-губернаторскимъ камертономъ». Дѣйствительно, десятилѣтіе, очерченное въ книгѣ, знакомитъ читателей съ крайне неприглядными сторонами административной жизни зауральскихъ областей. Населенію европейской Россїи, близкому къ центральной власти, трудно даже представить себѣ, до чего доходилъ произволъ сибирскихъ администраторовъ въ описываемую авторомъ эпоху. Приходилось давать указы и предписанія по такимъ предметамъ, о которыхъ и подумать нельзя при обыкновенномъ теченїи дѣлъ; напр., въ мартѣ 1801 года графъ Паленъ объявилъ, что «государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ сдѣлать подтвержденіе, дабы чиновники полицейскіе, какъ для наблюденія благоустройства, тишины и спокойствія учрежденные, изъ границъ должности своей отнюдь не выходили, а тѣмъ менѣе не дерзали причинять никому и никакихъ обидъ и притѣсненій», а въ 1798 году было постановлено, чтобы съ курьеровъ, въ уплату прогоновъ, не требовать непременно серебромъ, а «брали бы ходячія деньги, такія, какія обыкновенно курьерамъ даются». Наклонность власть и силу имущихъ въ привязкамъ и притѣсненіямъ низшихъ сословій была такъ распространена, что императоръ Павелъ находилъ нужнымъ, при нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, ничего общаго съ лихоимствомъ неимѣющихъ, предварять о томъ, чтобы воздерживались отъ злоупотребленій. Назначенный въ 1803 году генераль-губернаторомъ сенаторъ Селифонтовъ имѣлъ полномочіе отрѣшать отъ должностей безпокойныхъ чиновниковъ и ссылатъ ихъ въ отдаленнѣйшія мѣста, гдѣ безпокойство ихъ не можетъ быть вредно. Такое дарованное Селифонтову право произвело сильное впечатлѣніе въ Сибири; «явился какъ вице-рой, передъ которымъ все пало ницъ и безмолвствовало». Селифонтовъ привезъ съ собою правителемъ канцеляріи коллежскаго совѣтника Бакулина, человека дѣловаго; Бакулинъ захотѣлъ похозяйничать въ Иркутской губерніи и сумѣлъ достигъ этого. Всю Сибирь раздѣлили по волѣ «вице-роя» на частныя комиссарства; опредѣленіе комиссаровъ Бакулинъ предоставилъ себѣ и поставилъ ихъ въ прямое отношеніе съ генераль-губернаторомъ, подъ предлогомъ отдаленности мѣст. Обезпечивъ такимъ образомъ, зависимость комиссаровъ, Селифонтовъ и Бакулинъ, безъ околичностей, назначили, сколько слѣдовало платить за опредѣленіе въ то или другое комиссарство и смѣняли тѣхъ, которые думали отдѣлываться однимъ кушемъ. Въ это же время случилось, что секретарь Вѣляевскїй написалъ одному комиссару: «Государь мой, покорно васъ прошу на прилагаемыя при семь якобы деньги купить

для меня и прислать, какъ можно скорѣе, хорошую кунью или рысью шубу». Въ Сибири вредное значеніе генераль-губернаторства сказалось черезчуръ сильно по той причинѣ, что въ этой далекой окраинѣ вѣрнѣе чѣмъ гдѣ-либо примѣнялась, въ буквальномъ смыслѣ поговорка: «до Бога высоко, до царя далеко». Ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ Сибири, можно въ «Полномъ собраніи законовъ», въ помощь которымъ являются дѣла архивовъ Каратузской станицы (Минусинскаго округа), красноярской городской управы и библиотеки музеевъ минусинскаго и енисейскаго; но разбросанность указанныхъ источниковъ затрудняетъ дѣло, а потому В. К. Андріевичъ заслуживаетъ полной благодарности за свой собирательный трудъ, дающій возможность ближе ознакомиться съ почти неизвѣстнымъ прошлымъ Сибири. Назвать этотъ почтенный трудъ исторіею, конечно, нельзя, но какъ умѣло и добросовѣстно собраный матеріалъ для будущаго историка Сибири, книга г. Андріевича принесетъ несомнѣнную пользу. «Тотъ, кто не бывалъ въ Сибири,—говоритъ авторъ:— не можетъ даже и представить себѣ, какъ слабо заселена вся восточная, за-енисейская Сибирь. Мы ничего не знаемъ обстоятельнаго объ экономическомъ бытѣ населенія. Человѣкъ, желающій познакомиться со степенью развитія въ краѣ ремесль, съ заводскою и фабричною промышленностью, будетъ очень затрудненъ въ удовлетвореніи своей любознательности. Не зная ни числа населенія, ни скученности его въ разныхъ мѣстахъ, ни его потребностей, ни степени его умственного развитія, ни его матеріальныхъ средствъ, имѣемъ ли мы право толковать о пользѣ снаряженія экспедицій къ устьямъ Яны или въ Саянскія горы? Думаю что нѣтъ. Вотъ этотъ-то взглядъ и заставляетъ меня издать настоящій трудъ, могущій принести пользу и будущему историку и человѣку, который бы пожелалъ заняться обработкою какихъ-либо статистическихъ данныхъ, касающихся сибирскаго населенія, а не накопечниковъ стрѣлъ и костей мамонта, хранящихся въ землѣ и во льдахъ». Положимъ, что уперкъ по адресу археологовъ и палеонтологовъ не совсѣмъ справедливъ, такъ какъ эти господа, дѣйствующіе изъ любви къ искусству, какъ и самъ г. Андріевичъ, не виноваты въ томъ что до сихъ поръ не находится желающихъ изучать современную Сибирь, такъ, какъ бы она этого вполне заслуживала.

А. Б - въ.

Ө. Троицкій. Забытыя и заброшенныя, но крайне необходимыя книги нашей школы, особенно духовной. Казань. 1889.

«Забытыми и заброшенными книгами» авторъ этой брошюры называетъ «нужды теперешней школы». Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ замѣтками г. Троицкаго относительно современной русской (въ частности, духовной) школы, особенно ея воспитательной стороны. Это — результатъ его «личнаго опыта», — «и какъ школьника, и какъ учителя (авг. 1860 г. — сент. 1878 г.)». Въ общемъ, брошюра производитъ хорошее впечатлѣніе: въ ней высказано много дѣльныхъ, хотя далеко не новыхъ, мыслей. Напр., авторъ возстаетъ противъ той нивеллировки, которая отличаетъ нашу среднюю и высшую школу, игнорирующую индивидуальность ученика: — «Она забыла, что дѣти обладаютъ различными и силами, и наклонностями, различными организаціями, и что эти наклонности сразу душишь, не давая имъ никакого выхода, значить губить все дѣло; забыла, что желательное и законное единообразіе не получается сразу, что для этого требуется постепенность. При томъ, всегда

много и таких особенностей, которыя даже должны быть терпимы, чтобы не загубить болѣе важнаго; должны даже, насколько возможно, насколько въ силахъ заведенія и воспитателей, быть удовлетворяемы и охраняемы, и все это безъ всякаго ущерба для задачъ и цѣлей даннаго заведенія». Также вѣрны замѣчанія о необходимости правильнаго физическаго воспитанія, — о трудѣ, какъ его элементѣ, объ «антипедагогичности балльной системы, о ненормальной постановкѣ классицизма въ гимназіяхъ и духовныхъ семинаріяхъ», и пр. Съ особенною силою авторъ настаиваетъ на томъ, чтобы въ каждомъ изъ низшихъ классовъ (духовныхъ) учебныхъ заведеній былъ особый «воспитатель», не «надзиратель», — въ теперешнемъ смыслѣ этого слова, — старающійся «поймать» виновнаго въ нарушенія дисциплинарныхъ правилъ, а именно воспитатель, имѣющій на него нравственное вліяніе и руководящій его въ учебныхъ занятіяхъ. Представляя современную школу въ далеко непривлекательномъ видѣ, авторъ, тѣмъ не менѣе, смотритъ на вещи слишкомъ оптимистически: онъ почему-то думаетъ, что современный школьный строй «готовится къ уничтоженію». Дѣйствительность представляется совсѣмъ иначе: мы видимъ постоянное усиленіе дисциплины, формы, въ ущербъ рациональному воспитанію, развитіе схоластики, на счетъ дѣйствительнаго развитія учащихся.

Къ сожалѣнію, своеобразные обороты рѣчи и выраженія автора дѣлаютъ его брошюру «неудобочитаемою». Между тѣмъ, теплое чувство, которымъ она проникнута, и свѣтлый взглядъ на дѣло воспитанія заслуживаютъ вниманія. Вотъ напр., параллель между сельскою школою, на которую теперь отовсюду сыплются удары, съ одной стороны, и классическою гимназіей и духовными училищами, — съ другой. «А вотъ предъ нами другая школа чуждая этой ненавистной баллманіи, долженствующей бы съ поворомъ быть вычеркнутой со страницъ каждаго учебнаго и воспитательнаго заведенія, до недавняго времени чуждая и посуль, оставившая по себѣ на насъ, какъ учитель, самое отрадное впечатлѣніе, не изгладившая этого впечатлѣнія, а постоянно подкрѣпляющая его и доселѣ, уже какъ на стороннемъ зрителѣ ея роста. Всѣ учились и учатся ровнѣе и вдобавокъ не вырабатываются въ барышниковъ-торгашей; нѣтъ здѣсь ни гордыхъ своими баллами, ни кланчъ удовлетворительныхъ балловъ, нѣтъ ни балльной плутократіи, ни балльнаго пролетаріата, такъ частыхъ въ заведеніяхъ съ балльной системой и такъ навоильныхъ, такъ неприглядныхъ на школьной скамьѣ; нѣтъ въ то же время того жалость вызывающаго къ гибели цѣнной силы омерзительнаго превращенія этой силы, имѣющей по всѣмъ природнымъ даннымъ столько шансовъ стать бы отрадою и надеждою отцовъ и общества, въ барышника, для котораго всякая сверхсмѣтная строчка противъ балла есть не его дѣло хоть по существу и болѣе, чѣмъ посылное ему, нѣтъ, слѣдовательно, того жалкаго превращенія силъ въ ничтожности и ничтожества, какое медленно, но вѣрно создается балломаньякствующею дисциплиною нашей нормальной школы. И таковы благіе результаты только ученія въ сельской школѣ, не смотря на отсутствіе для ея питомцевъ и питомицъ особыхъ правъ и преимуществъ, не смотря на то, что она имѣла и теперь еще часто имѣетъ противъ себя многихъ отцовъ и семью, нужды семьи, потребность для ея жизненнаго обихода въ этой стремящейся въ школу дѣтской силѣ. Между тѣмъ у другихъ школъ, и кромѣ чисто потребности ученья-знанья, все побуждаетъ къ этому ученю и сознаніе нужды ученья отцами семействъ, и

вкорененіе этихъ понятій отцами въ дѣтей, и сознаніе этой нужды дѣтьми, и т. д. и т. д. и все же результаты далеки отъ ожиданій. Общее такимъ образомъ, впечатлѣніе, и неизживаемое, все болѣе и болѣе крѣпящее отъ встрѣчи съ питомцами школы, — впечатлѣніе отъ той и другой школы совершенно разнородное: въ одномъ случаѣ впечатлѣніе радостной и бодрой дѣятельности, веселой и дружной работы, а въ другомъ впечатлѣніе каторжной работы, каторжнаго житья. И это какъ для учителя, такъ и для ученика. Отсюда же, отъ этой особенности труда, и особенность личности учителя: тамъ больше всего умѣстенъ учитель со свѣжимъ духомъ и тѣломъ, юный душевно и тѣлесно, полный энергіи; здѣсь подходяще человекъ съ воловьимъ спокойствіемъ и нервами, которому лишь бы не сбиваться съ колеи указанной линіи, для котораго всего опаснѣе свѣжесть и юность душевная, всего хуже скорая и полная отзывчивость на все, большая впечатлительность; тамъ конь ретивый, которому не до остановокъ, не до расчисленій балльныхъ, здѣсь воля молотящій, который чтó ни ступить, балликомъ подарить...» С.

Основные вопросы политики. Л. И. Слонимскаго. Спб. 1889.

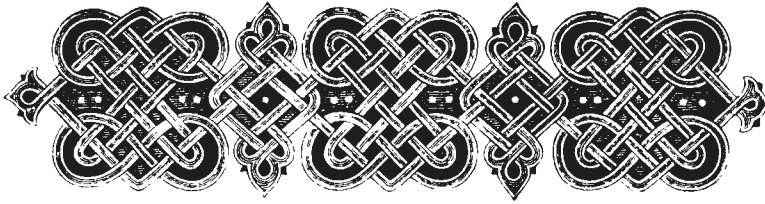
Г. Слонимскій, публицистъ «Вѣстника Европы», извѣстенъ преимущественно какъ обозрѣватель иностранной литературы и событій западноевропейской жизни. Многіе его статьи читались и читаются съ большимъ интересомъ, нѣкоторыя вызывали даже горячія полемики; въ послѣднее время г. Слонимскій надѣлалъ немало шума въ литературномъ мірѣ своимъ походомъ противъ г. Михайловскаго, заявивъ, что «вся его, т. е. Михайловскаго, социологія есть одно сплошное недоразумѣніе»; послѣдній обидѣлся и въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ «Русской Мысли», подъ заглавіемъ «Страшенъ сонъ да милостивъ Богъ», выступилъ на защиту своей ученой непогрѣшимости, вѣскольکو смѣло (чтобъ не сказать большаго) приравнивая себя къ гениальнымъ натурамъ въ родѣ Моцарта (sic), а г. Слонимскаго къ посредственностямъ въ родѣ Сальери. Въ споръ вмѣшался на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» г. Южаковъ, котораго мимоходомъ задѣлъ г. Слонимскій, упрекнувъ его въ злоупотребленіяхъ научными терминами, каковы «интеграція, дисинтеграція, дифференцированіе»; газеты подхватили эту литературную брань и въ результатѣ русская журналистика обогатилась еще однимъ инцидентомъ, который въ началѣ доставлялъ публикѣ пищу для смѣха, а потомъ всѣмъ надѣлъ и наскучилъ. Какъ разъ въ разгаръ всей социологической полемики г. Слонимскій, уже успѣвшій достаточно обрисоваться какъ критикъ и самостоятельный мыслитель, выступаетъ съ собственнымъ трудомъ «Основные вопросы политики», который въ предисловіи спѣшитъ рекомендовать публикѣ, какъ «цѣльный, систематическій трудъ, въ которомъ обстоятельно разобраны... главнѣйшіе общіе вопросы политики». Такая рекомендація, да еще при вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ невольно общала читателямъ книжку серьезную, обдуманную, въ которой авторъ, столь строгій въ отношеніи другихъ, навѣрное позаботился избѣгнуть недостатковъ своихъ противниковъ-публицистовъ и показать, чтó значитъ говорить вполнѣ научно, систематично и какъ должно пользоваться послѣднимъ словомъ знанія. Но тутъ-то и оказалось, что, если г. Слонимскій въ роли журнальнаго обозрѣвателя, компилятора и критика еще занимателенъ, не лишень интереса и нѣкотораго публицистическаго значенія,

то затѣмъ въ роли самостоятельнаго изслѣдователя, мнящаго дать въ своихъ трудахъ нѣчто систематическое, цѣльное, съ претензіей на серьезное значеніе—не выдерживаетъ критики и даже не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ публицистомъ-соціалогомъ, котораго онъ такъ грубо и безпоощадно старался развѣнчивать на страницахъ «Вѣстника Европы». Если, по выраженію автора «основныхъ вопросовъ», вся соціологія г. Михайловскаго одно лишь «недоразумѣніе», то что сказать о его собственномъ трудѣ, о его «политикѣ»? Представляетъ ли она собою только одно простое «недоразумѣніе» или недоразумѣніе иного свойства? Дѣло все въ томъ, что издавъ этотъ публицистъ простое собраніе своихъ журнальныхъ статей и заяви: «вотъ, молъ, кое-что изъ того, что я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ писалъ и говорилъ», и тогда никто бы на него не сталъ претендовать; онъ же дѣлаетъ совершенно противное и спѣшитъ прежде всего объявить, что книжка его «не простое собраніе журнальныхъ работъ», а статей «приведенныхъ въ систему», а потому и представляющихъ собою «цѣльный, систематическій трудъ». По какому же предмету трудъ? спроситъ читатель.—По политикѣ, отвѣчаетъ авторъ; но что такое политика, въ какомъ смыслѣ этотъ терминъ здѣсь употребленъ—на это книжка не даетъ отвѣта и самъ авторъ замалчиваетъ этотъ первичный вопросъ. Читатель найдетъ здѣсь всего нѣсколько, правда, недурно составленныхъ и небезынттересныхъ статей по нѣкоторымъ лишь вопросамъ внутренней и внѣшней политики, изъ коихъ далеко не всѣ и даже весьма немногіе могутъ считаться «главнѣйшими, общими вопросами» прикладнаго обществовѣдѣнія. Почему, напримѣръ, статья о «западно-европейскихъ парламентахъ и парламентаризмѣ» должна быть отнесена къ главнѣйшимъ и общимъ вопросамъ внутренней политики? не правильнѣе ли бы было говорить о конституціонализмѣ Западной Европы, если ужъ говорить объ общихъ вопросахъ. Почему такое почетное мѣсто отведено «Болгарскому кризису» и мнѣніямъ объ немъ гг. Лавеле и Матвѣева въ области внѣшней политики—остається загадочнымъ, если имѣть въ виду заявленіе автора о «цѣльности его труда» и трактованіи «общихъ и главныхъ вопросовъ» и становится вполне понятнымъ, если вспомнить, что г. Слонимскій, въ качествѣ постояннаго сотрудника и обозрѣвателя ежемѣсячнаго журнала, писалъ по всѣмъ этимъ вопросамъ по поводу или нововышедшихъ книгъ или интересовавшихъ общество событій. А вѣдь изъ такихъ статей и состоитъ большая часть книги «Основные вопросы политики»! Обидно дѣлается за автора, когда онъ силится увѣрить, что онъ въ свое время писалъ собранныя нынѣ въ одинъ трудъ статьи «по извѣстному плану, въ расчетъ на позднѣйшее объединеніе ихъ». Именно плана-то и систематической обдуманности въ нихъ менѣе всего и заключается: всѣ онѣ составлялись не иначе, какъ по вопросамъ дня для рубрики «Иностранное Обзорѣніе» въ «Вѣстникѣ Европы». Можно быть даже вполне увѣреннымъ, что у г. Слонимскаго и знанія и, пожалуй, таланта достаточно, чтобы при извѣстномъ желаніи дать публикѣ нѣчто болѣе систематичное и общее... Вѣдь ему, какъ видно изъ его рецензій, приложенныхъ къ той же книжкѣ, прекрасно извѣстны труды проф. Градовскаго и Мартенса, не говоря уже про иностранныхъ мыслителей и ученыхъ, а изъ нихъ онъ легко могъ почерпнуть что такое общіе руководящіе законы, основные вопросы внутренней и внѣшней политики. Строгий и безпоощадный къ другимъ, г. Слонимскій вмѣстѣ съ тѣмъ не позволительно снисходителенъ къ себѣ и собственнымъ выво-

дамъ: стоитъ только поглядѣть, какъ молніеносно на нѣсколькихъ строкахъ ниспровергаетъ онъ такіе авторитеты какъ Огюсть Контъ или Гербертъ Спенсеръ, стоитъ только собрать всѣ lapsus linguae, щедро разбросанные въ книжкѣ, стоитъ только постараться проникнуть во весь тотъ филозофскій и quasi-научный туманъ, которымъ блещетъ трудъ и черезъ который подчасъ трудно усмотрѣть истинный смыслъ. Просмотрите теоретическую часть книги, заключающуюся въ главахъ «законы исторіи» и «политическія метаморфозы», изъ которыхъ только и можно усмотрѣть, что существуютъ въ исторіи законъ инерціи и законъ метаморфозы, какъ вы невольно воскликнете; «стоило изъ-за этого городъ городить на пространствѣ шестидесяти страницъ!» Грустное положеніе автора, когда онъ зарвется претензіями и на шумитъ на свою голову обѣщаніями. Не правъ ли г. Южакъ, когда онъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» заявилъ про г. Слонимскаго, что у него «на грошъ амуниція, а на рубль амбиція»?

Б. Г—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Европейская литература въ оцѣнкѣ англійскаго журнала.—Бельгійскія книги.—Поэмы и научныя сочиненія въ Чехіи.—Датскіе историки и воспоминанія Брандеса о Россіи.—Французскія монографіи.—Три знатныхъ дамы XVIII вѣка: Потоцкая, Кюстинъ и Ламбаль.—Книги о революціи и военной исторіи.—Людвигъ Бонапарте.—Наполеонъ I.—Базень и Мольтке.—Тьеръ и Гамбета.—Аббатъ Шуази и Мишле.—Дневникъ Стендаля.—Характеристики Поля Бурже и др.—Памфлеты XVII вѣка.—Переводы съ русскаго.—Сепаратизмъ въ нѣмецкой литературѣ.—Кармень Сильва.—Австрійская, баварская и прусская новеллистика.—Историческіе рассказы.—Шпильгагенъ и Эберсъ.—Вильбрандтъ и Фритчеръ.—Политическая исторія.—Письма Гёте, Вагнера и Фридриха I.

О ПРИНЯТОМУ обыкновенію, лучший критическій журналъ Англии, «Атенеумъ», помѣстилъ въ первомъ іюльскомъ номерѣ своего изданія обзоръ «Континентальной литературы за вторую половину прошлаго года и первую нынѣшняго» (Continental literature. July 1888 to June 1889). Обзоръ довольно обширенъ и занимаетъ 73 столбца убористаго шрифта. Отчетъ о литературныхъ явленіяхъ тринадцати европейскихъ державъ даютъ болѣе или менѣе извѣстные писатели всѣхъ странъ, расположенныхъ въ порядкѣ англійскаго алфавита. Поэтому обзоръ начинается съ Бельгій, державы второстепенной и въ политическомъ, и въ литературномъ отношеніи. Мы воспользуемся этимъ обзоромъ, чтобы поговорить о тѣхъ выдающихся книгахъ, о которыхъ мы еще не успѣли упомянуть въ нашихъ ежемѣсячныхъ бесѣдахъ.

На пяти столбцахъ извѣстный публицистъ Эмиль Лавелэ и вовсе неизвѣстный Фредерикъ сообщаютъ мало интересныя свѣдѣнія о еще менѣе интересныхъ книгахъ и писателяхъ Бельгій, дорогихъ только для своего муравейника, какъ «Курсъ національной исторіи» Намена, «Codex diplomaticus Flandriae», «Антверпенскіе приюты XIV столѣтія», «Гентская ратуша», «Литтиская нумизматика» и пр. Такихъ мѣстныхъ сочиненій названо не мало,

но къ чему служатъ одни названія безъ всякой оцѣнки, даже безъ простого упоминанія: хороша или бесполезна такая-то книга? Еще названія книгъ по рабочему и другимъ социальнымъ вопросамъ могутъ къ чему-нибудь служить, указывая на то, что вопросы эти занимаютъ Бельгію, но одна разработка ихъ безъ приведенія выводовъ — не достигаетъ цѣли. Одна изъ этихъ книгъ: «Соціальныя бѣдствія и борьба за благосостояніе» получила премію королевской академіи въ 10,000 франковъ, но за рѣшеніе какого вопроса? — объ этомъ не говорится. Въ отдѣлѣ беллетристики названо еще больше писателей и книгъ, но все это не даетъ никакого понятія о направленіи бельгійской литературы. О фламандской литературѣ, также перечисляемой въ статьѣ, получаются еще болѣе неопредѣленные и сбивчивыя свѣдѣнія. — Вторая литература, о которой говоритъ «Атенеумъ» — чешская (Bohemia). Почему изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій журналъ говоритъ только о чешскомъ и польскомъ — неизвѣстно; но для трехъ столбцовъ статьи о чехахъ понадобились тоже два критика: Трухляръ и Маурекъ. Они называютъ новую большую поэму Святополка-Чеха, содержаніе которой — идиллическое описаніе сельской жизни, и мелкія поэмы Свободы, Красногорской, Симачека, Якубека, Сладека, Ярослава Врхлицкаго — «Разныя маски», драмы Шуберга, Струпежницкаго, Зейера, Адамека, нѣсколько беллетристическихъ и серьезныхъ произведеній, превосходная энциклопедія Отто (Otto's Slovnik naučný). Споръ о подлинности «Краледворской рукописи» все еще не пришелъ къ концу. — Вигго Петерсенъ, въ статьѣ о датской литературѣ говоритъ о значительномъ числѣ историческихъ сочиненій, начиная съ XVI вѣка и до послѣднихъ годовъ. Особенно замѣчательны описанія войны 1848—1850 годовъ Бредсдорфа, Эдсберга, Динезена, Ларсена, Гольста. Выдается трудъ профессора Стенструпа «Историческія сочиненія въ Даніи въ XIX столѣтіи». Продолжаетъ выходить «Датскій біографическій словарь». Бывшій у насъ недавно въ гостяхъ Георгъ Брандесъ издалъ два тома своихъ «Впечатлѣніи изъ Польши» и «Впечатлѣніи изъ Россіи». Критикъ, конечно, расхваливаетъ эти книги, хотя и сознается, что на нихъ лежитъ печать личнаго характера автора. Но въ томъ-то и дѣло, что эта авторская личность, слишкомъ самолюбивая и непривлекательная во многихъ отношеніяхъ, выказывается особенно некрасиво въ воспоминаніяхъ о Россіи. Его сужденія о русскихъ писателяхъ крайне поверхностны и пристрастны по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя вертѣлись около него во время пребыванія его въ Петербургѣ. Что же касается до сужденій Брандеса о политическомъ и внутреннемъ положеніи Россіи и ея отношеніяхъ къ Польшѣ — несостоятельность скороспѣлыхъ выводовъ бросается въ глаза всякому, кто и не знакомъ съ этими вопросами. Замѣчательны біографіи Христіана IX, Ингемана, Эвальда, Мольбека, Грундвига, Гольберга. Изъ жизни послѣдняго писателя Анна Боргъ сдѣлала драму подъ названіемъ: «Почему?» (Hvorfor), гдѣ она разсматриваетъ отчего этотъ датскій драматургъ не былъ женатъ. Ларсенъ написалъ двѣ выдающіяся пьесы: «Женщины» (Kvinder) и «Честь» (Aere). Лучшій романъ Гьеллерупа «Минна» изъ современныхъ нравовъ.

О Франціи болѣе 15-ти столбцовъ написалъ извѣстный литераторъ изъ евреевъ Иосифъ Рейнахъ. Онъ начинаетъ обзоръ съ историческихъ сочиненій и монографій и на первомъ планѣ ставитъ довольно занимательную, но ничего не прибавляющую къ научнымъ свѣдѣніямъ книгу «Исторія знатной дамы въ XVIII вѣкѣ: графиня Елена Потоцкая» (Histoire d'une grande

damе au XVIII siècle, la comtesse Héléne Potocka). Рожденная княжна Масальская, она вышла замужъ за молодого принца де-Линь, вскорѣ умершаго, а вторымъ бракомъ за Винченца Потоцкаго. Ея приключенія въ Польшѣ и не веселая жизнь съ обманывавшимъ ее мужемъ кончилась въ Парижѣ въ революціонную эпоху. Интереснѣе всего дневникъ ея дѣвическихъ лѣтъ, описывающій систему воспитанія знатныхъ лицъ въ католическихъ монастыряхъ. Историкъ Барду издалъ жизнь другой знатной дамы, г-жи де-Кюстинъ. Выйдя за сына извѣстнаго генерала, она потеряла, во время террора мужа и тестя, павшихъ на гильотинѣ. Она имѣла мужество присутствовать на засѣданіяхъ революціоннаго трибунала, гдѣ оба дорогие ей лица были осуждены на смерть и едва не погибла сама, однажды, при выходѣ изъ суда, окруженная на улицѣ чернью, собравшеюся расправиться съ аристократкой. Ее спасла какая-то торговка, давшая ей на руки своего ребенка и проводившая ее до дому. Толпа перестала наносить ей удары, увидя у нея на рукахъ ребенка. Кавъ генерала и его сына не спасла отъ тюрмы г-жу де-Кюстинъ и ее заперли въ одну келью съ Жозефиной Богарне и миссъ Эллиотъ, любовницей герцога Орлеанскаго. Ее спасъ отъ смерти влюбившійся въ нее якобинецъ, рабочій и членъ революціоннаго трибунала. Приготовляя всякій день бумаги къ засѣданіямъ страшнаго суда, онъ долгое время пряталъ подъ самый низъ груды бумагъ—документы, относящіеся къ г-жѣ Кюстинъ. Спасенная паденіемъ Робеспьера, она сдѣлалась потомъ предметомъ ухаживаній Фуше, министра полиціи при Наполеонѣ, но сама страстно влюбилась въ Шатобриана, относившагося къ ней съ обычнымъ эгоизмомъ и холодностью. Только когда она умерла, онъ сдѣлалъ ей визитъ, не забывъ упомянуть объ этомъ въ своихъ «Замогильныхъ запискахъ». Еще болѣе трагическую исторію третьей знатной дамы XVIII столѣтія, принцессы Ламбаль, рассказываетъ въ ея біографіи Жоржъ Бертенъ. Подруга Маріи-Антуанеты, раздѣлявшая съ ней всѣ ея удовольствія и секреты, она была отправлена въ изгнаніе своею повелительницею только потому, что у Маріи-Антуанеты явилась новая фаворитка, герцогиня Полиньякъ. Но когда наступила революція, Ламбаль забыла несправедливость королевы и вернулась изъ изгнанія, чтобы раздѣлить ея судьбу. Во время сентябрьскихъ убійствъ Ламбаль была зарѣзана; голову ея, воткнутую на пикъ носили по улицамъ; надъ тѣломъ ея надругалась чернь, опьянѣвшая отъ пролитой крови.

Рейникъ переходитъ затѣмъ къ книгамъ, вышедшимъ къ столѣтнему юбилею французской революціи. Въ военномъ отношеніи замѣчательны: «Французская армія въ Германіи» (*L'armée française en Allemagne*) Галли—правдивый и хорошо написанный рассказъ объ всѣхъ войнахъ революціи до 1806 года. Особенно живо изложены сраженія при Іенѣ и Ауерштедтѣ, о которыхъ не мѣшаетъ почаще вспоминать пруссакамъ, толкующимъ только о Ватерлоо и Седанѣ. Собственно военная жизнь мастерски описана въ «Журналѣ волонтера 91-го года» (*Journal de volontaire de 1791*), изданномъ Бонфилемъ Марсанжи и въ «Запискахъ капитана Куанье» (*Cahiers du capitaine Coignet*) положительно образцовомъ произведеніи въ этомъ родѣ. Въ «Этюдахъ военной исторіи революціи и имперіи Альберта Дюрюя» (*Etudes d'histoire militaire sur la révolution et l'empire*) превосходны характеристики многихъ дѣятелей той эпохи: генерала Марсо, настоящаго героя по храбрости, самоотверженію, гуманности, Гоша, далеко не безупречнаго усмирителя Вандеи, заговорщика Мале, доказав-

шаго еще въ 1812 году, какъ легко опрокинуть имперію, возмвгнутую насиліемъ и интригами. Интересна исторія Луціана Бонапарте и его семейства (*Le prince Lucien Bonaparte et sa famille*). Этотъ старшій братъ Наполеона, помогавшій ему захватить власть 18-го брвомера, былъ изгнанъ и преслѣдуемъ этимъ деспотомъ только за то, что не хотѣлъ по примѣру его развестись съ своею женою, Александриной Бошанъ, и жениться на австрійской эрцгерцогинѣ. Раздѣляя, въ началѣ царствованія Наполеона, его деспотическіе планы, отличившійся грабительствомъ въ Испаніи, куда онъ былъ отправленъ посломъ, Луціанъ оказалъя человѣкомъ безкорыстнымъ, честнымъ, непреклоннымъ, когда дѣло коснулось выбора его сердца. Онъ не захотѣлъ быть королемъ, а когда оскорбившій его братъ, въ эпоху Ста дней, вступилъ въ борьбу со всею Европою, Луціанъ предложилъ ему свою помощь, явивъ примѣръ великодушія—и необдуманности. Событія, предшествовавшія окончательному падеію Наполеона, описаны Марселемъ Пелле, въ книгѣ «Наполеонъ на островѣ Эльбѣ» (*Napoléon à l'île de l'Elbe*) на основаніи найденнаго имъ журнала одного шпіона Людовика XVIII, доносившаго королю о каждомъ шагѣ развѣнчаннаго императора и даже о томъ, что только одна сестра Наполеона, Полина, пріѣхавшая къ брату въ Порто-Феррайо, своею нѣжною приверженностью сдерживала его нетерпѣніе—скорѣе покинуть этотъ городъ, гдѣ начала устроиваться обширная гавань и даже были увеличены налоги. Генрихъ Вельшингеръ, авторъ замѣчательной книги «Цензура при Наполеонѣ» написалъ «Разводъ» (*Divorce de Napoléon*). Здѣсь собраны всѣ документы, относящіяся къ этому событію и рисующіе эгоизмъ и безсердечность императора. Наконецъ, Танкредъ Мартель изображаетъ его какъ писателя, издавъ всѣ его литературныя произведенія (*Les oeuvres littéraires de Napoléon I*). Официальная переписка его давно уже издана, но ни въ ней, ни въ его рѣчахъ, политическихъ или военныхъ замѣткахъ, нѣтъ ничего выдающагося. Это былъ всегда человѣкъ не слова, а дѣла. Мартель собралъ даже романы, философскіе опыты и памфлеты его ранней молодости, но они не имѣютъ никакого литературнаго значенія.

Послѣднія событія, начиная съ 1870 года, послужили также предметомъ многихъ замѣчательныхъ сочиненій. Къ нимъ принадлежитъ книга Жоржа Бастарда «Кровавыя битвы» (*Sanglants combats*) исторія шалонской арміи отъ ея сформированія до Седана. Книга отличается точностью деталей, почерпнутыхъ изъ достовѣрныхъ источниковъ и отъ очевидцевъ. Графъ д'Эрисонъ взялъ на себя тяжелую и невозможную обязанность—облѣлить маршала Базена, въ своей «Мецкой легендѣ» (*La légende de Metz*). Судь надъ этимъ бездарнымъ и трусливымъ измѣнникомъ д'Эрисонъ называетъ политическою комедіею, взвалившею на одного человѣка ошибки многихъ лицъ. Авторъ отрицаетъ даже, что командиръ рейнской арміи измѣнилъ обязанностямъ военачальника по политическимъ соображеніямъ, хотя Базенъ самъ сознавался, что не хотѣлъ сохранить для республики армію, врученную ему императоромъ. Д'Эрисонъ—ярый бонапартистъ, но и съ точки зрѣнія наполеонидовъ сдача мецкой арміи лежитъ несмыслаемымъ пятномъ на памяти бывшаго маршала.—Любопытенъ переводъ «Писемъ Молтке о Россіи» (*Lettres sur la Russie*). Суровый фанатикъ-солдатъ, считающій божественнымъ учрежденіемъ войну, безъ которой весь міръ погрязъ бы въ матеріализмѣ, являлся еще въ своихъ «Письмахъ съ

Востока» любителемъ природы, проицательнымъ наблюдателемъ, даже философомъ, а въ письмахъ изъ Россіи, адресованныхъ къ своей женѣ во время коронаціи Александра II, является придворнымъ, свѣтскимъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. — Г-жа Кареттъ, бывшая чтица императрицы Евгеніи, издала «Интимныя воспоминанія о тюльерійскомъ дворѣ» (*Souvenirs intimes de la cour de Tuileries*). Это сборникъ придворныхъ анекдотовъ, мелкихъ замѣтокъ ни для кого не обидныхъ и, конечно, нисколько не предосудительныхъ. Любопытно, что наивный авторъ видитъ только блестящую, показную сторону придворной жизни, даже не подозрѣвая ея грязной подкладки. Книга доказываетъ только, что на одни и тѣ же факты можно смотрѣть съ совершенно различныхъ, даже диаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія. О политической роли Тьера существуютъ также разнородныя мнѣнія. Въ то время, когда одни считаютъ его освободителемъ отечества, побѣдителемъ комуны, основателемъ республики, Жозефъ д'Арсей, въ своихъ «Notes sur M. Thiers» осуждаетъ всю его государственную и общественную дѣятельность, передаетъ скандальные рассказы о его семейной жизни, обвиняетъ его въ интригахъ, обманахъ, ренегатствѣ. За то Эдмондъ Дешомъ возводитъ въ легендарные герои другого политическаго дѣятеля Гамбету, въ своей книгѣ озаглавленной «Великій патриотъ» (*Le grand patriote*).

Исторія не основываетъ своихъ приговоровъ ни на панегирикахъ, ни на памфлетахъ. Изъ мемуаровъ современниковъ она беретъ только черты, рисующіе нравы извѣстной эпохи. Такъ придворная жизнь при Людовикѣ XIV отражается въ мемуарахъ аббата Шуази (*Les mémoires de l'abbé de Choisy*), изданныхъ Лескюромъ. Шуази игралъ важную роль при дворѣ короля-солнца и скандализировалъ весь Парижъ своими похождениями. Онъ самъ рассказываетъ съ непринужденной развязностью, даже съ наглостью свои безчисленныя любовныя приключенія, особенно тѣ, которыя онъ совершалъ въ женскомъ платьѣ, такъ какъ былъ очень моложавъ и красивъ собою. Аббатъ также искусно владѣлъ перомъ какъ и шпагой и его записки написаны очень бойко и остроумно. Г-жа Мишле, издавшая всѣ бумаги и записки своего знаменитаго мужа, напечатала и его журналъ 1820—1822 года (*Journal de Michelet*). Это сборникъ писемъ будущаго историка, только-что вышедшаго изъ коллегіи, къ своему товарищу Пуансо. Особенность этихъ писемъ заключается въ томъ, что когда Пуансо умеръ, Мишле больше года продолжалъ писать къ своему другу обо всемъ, что интересовало его при жизни. Больше всего Мишле распространяется о дружбѣ, называя ее самымъ благороднымъ и возвышеннымъ чувствомъ человѣческой природы, гораздо выше любви. Онъ считаетъ также смерть отраднымъ явленіемъ и старается побѣдить въ людяхъ отвращеніе къ ней. Если дневникъ молодого историка возбуждаетъ мѣстами улыбку своею наивною, то дневникъ другого писателя, Стендаля, отысканный и изданный его почитателями (*Journal de Stendhal*), не возбуждаетъ ничего, кромѣ непріятнаго чувства. Холодная, самолюбивая фигура даровитаго автора «*La chartreuse de Parme*», говорившаго: «когда я читаю Паскаля, мнѣ кажется я перечитываю самого себя» — давно оцѣнена критикою, но въ его дневникѣ выдается еще рельефнѣе своимъ эгоизмомъ и невыносимой маіей вѣчно рисоваться и анализировать каждое слово, каждое движеніе какъ самого себя, такъ и другихъ. Дневникъ, относится къ 1810—14 г. и почти весь посвященъ описанію любви Стендаля къ актрисѣ

Луазонъ. И въ чемъ же выражается эта любовь двадцатилѣтняго юноши? Онъ все взвѣшиваетъ, соображаетъ, и расчитываетъ. Готовясь къ свиданію, онъ заранее составляетъ фразы и цѣлыя бесѣды съ предметомъ своей страсти, выбираетъ подходящія цитаты изъ Шекспира, Паскаля, Лафонтена и, разучивъ ихъ, читаетъ актрисѣ, хвастаясь своей памятью. Замѣтивъ, что Луазонъ охладѣваетъ къ нему, онъ влюбляетъ въ себя другую женщину, знакомую актрисѣ—и этимъ средствомъ подогрѣваетъ остывающую страсть въ Луазонѣ. При свиданіяхъ онъ думаетъ только о томъ, какъ бы не наскучить ей, быть вѣчно интереснымъ, увлекательнымъ. Замѣчая въ ней усталость или разсѣянность—торопится уйти, чтобы оставить ее подъ первымъ приятнымъ впечатлѣніемъ. Его главная забота состоитъ въ томъ, чтобы быть человекомъ съ сильнымъ характеромъ и управлять своими страстями и это стремленіе дѣлаетъ изъ него бездушнаго автомата. Литературныя воспоминанія Шарля Монселе (*Souvenirs littéraires*) во многомъ напоминаютъ оцѣнку писателей отъ 30-хъ до 80-хъ годовъ въ мемуарахъ Арсена Гуссе, но воспоминанія эти добродушныя, хотя и поверхностныя.—Филибертъ Одебрандтъ издалъ любопытную характеристику Александра Дюма, а Генрихъ Леконтъ—Фредерика Леметра (*Un comédien au XIX siècle*). Вышли также отдѣльныя характеристики Гаварни, Берліоза, Виктора Гюго, живописца Милле, весьма ordinaria картина котораго, *l'Angelus*, продана нынче за полмилліона франковъ, и—въ сборникѣ Поля Бурже «*Etudes et portraits*»—Флобера, Жоржъ-Занда, Жюль Валлеса и Барбе д'Орвилли. Эти литературные портреты дали поводъ автору «Жестокой загадки» и «Ученика» развивать свои эстетическія теоріи, оригинальныя, но весьма парадоксальныя. Изъ старинныхъ писателей явились новые этюды о Рабеле, Мольерѣ, г-жѣ Севинье; изданъ вновь также забытый, но любопытный памфлетъ XVII столѣтія «Болтовня родильницы» (*Les saquets de l'accouchée*) сатирическая картина нравовъ буржуазіи того времени, полная смѣлыхъ и оригинальныхъ мыслей.

Въ отдѣлѣ беллетристики перечислено множество собственныхъ именъ и названій романовъ и повѣстей, но между ними нѣтъ ничего особенно выдающагося. Корифеи литературы: Золя и Доде не издали ничего замѣчательнаго. Поль Бурже занимался больше критикой, Гекторъ Мало въ своей «Совѣсти» (*La Conscience*) обобралъ «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго. Англійскій критикъ не могъ, конечно, упустить случай, чтобы не упрекнуть французовъ въ ихъ излишнемъ пристрастіи къ русской литературѣ и къ переводамъ сочиненій, которыя не стоило издавать на французскомъ языкѣ. Назвавъ нѣсколько переводовъ изъ Достоевскаго и Писемскаго, Рейнехъ останавливается на «Воспоминаніяхъ» Верещагина о Скобелевѣ и замѣчаетъ, что другъ генерала, приводя черты его храбрости, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ и о его слабостяхъ «свойственныхъ всемъ русскимъ»: неустойчивости въ характерѣ, суевѣріи, низкопоклонничествѣ передъ сильными міра и склонности къ хвастовству. Отдѣлъ путешествій и повѣстическихъ произведеній также не далъ ничего выдающагося.

Болѣе 12-ти столбцовъ Робертъ Циммерманъ посвящаетъ литературѣ Германіи, считая годомъ развитія и страны и ея умственной дѣятельности тотъ же 1789-й годъ, съ котораго начинается новая политическая жизнь Франціи. Послѣдствіемъ французской революціи было уничтоженіе германской имперіи, возродившейся потомъ черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ пораженія Франціи. Это

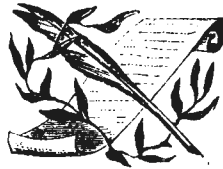
пораженіе не возбудило восторга ни въ одномъ изъ выдающихся нѣмецкихъ мыслителей, тогда какъ Гёте и Шиллеръ, Кантъ и Фихте привѣтствовали побѣду разума надъ злоупотребленіями стараго режима, а Клопштокъ говорилъ, что прокламація о правахъ человѣка можетъ дать матеріалъ для новой Мессіады. Ужасы революціи, ненасытное властолюбіе Наполеона и послѣдовавшая затѣмъ реакція эпохи конгрессовъ и священныхъ союзовъ не убили въ Германіи стремленія къ реформамъ. Гервинусъ въ своей исторіи XIX вѣка сказалъ, что Европа склоняется къ демократическимъ принципамъ и если осуществленіе ихъ задержано рукою «желѣзнаго канцлера», сдѣлавшаго преобладающею идеею нашего времени—милитаризмъ, то интеллигентная Германія борется всѣми силами противъ политики меча и насилія, хотя въ рядахъ молодого поколѣнія нашего времени нѣтъ ни Кантовъ, ни Шиллеровъ, ни Гёте. Все измельчало, начиная съ писателей и съ объема ихъ произведеній. О девяти томныхъ романахъ въ родѣ «Рыцаря-духа» Гуцкова или цѣлой серіи рассказовъ въ родѣ «Предковъ» Фрейтага нѣтъ и помину. Нѣмецкая литература, по образцу французской, превратилась въ фельетонъ. Немногимъ писателямъ какъ Паулю Гейзе или недавно умершему Теодору Шторму въ его новеллахъ удастся въ небольшомъ объемѣ соединить вполне законченную картину. Рассказы Кармень-Сильва отличаются глубокимъ, гуманнымъ чувствомъ и даже въ «Полевой почтѣ» (Feldpost), взятой изъ войны 1870 года нѣтъ слѣдовъ шовинизма, а въ «Schwiegermutter» румынская королева рисуетъ вѣрныя и интересныя картины страны, которую такъ плохо управляетъ ея мужъ, старающійся сдѣлать изъ румынъ покорныхъ слугъ нѣмцамъ. Любопытно, что партикуляризмъ германскихъ провинцій, насильственно слитыхъ въ имперію, рѣдко проявляясь въ политикѣ, смѣло высказывается въ литературѣ. Таковъ рассказъ баронессы Эбнеръ «Капиталистки» (Capitalistinnen) въ жанрѣ Жан-Поля или «Три австрійскія новелы» (Drei novellen aus Oesterreich) Фердинанда фон-Саара. Въ одномъ изъ нихъ «Поручикъ Бурда» выведенъ типъ простаго офицера, зараженнаго тщеславіемъ, которое развиваясь, превращается, при слабости характера въ трагическое помѣшательство. Въ другой повѣсти того же автора «Зелигманъ Гиршъ» обрисованъ также современный типъ выскочки изъ жидовъ, достигающихъ счастливымъ биржевымъ оборотомъ высокаго положенія въ обществѣ, но теряющаго все отъ жадности и неумѣнья остановиться въ стремленіи къ наживѣ. Мѣстный партикуляризмъ прорывается не только у австрійскихъ писателей, какъ у Лины Киршнеръ, пишущей подъ псевдонимомъ Осипа Шубина въ ея «Асбейнъ» или у баварскихъ какъ въ рассказахъ Конрада «Что шепчетъ Изарь» (Was die Isar rauscht), но и у берлинскихъ новелистовъ. Такъ Фонтана осмѣиваетъ прусскій милитаризмъ. Въ его историческихъ рассказахъ «Пять замковъ» (Fünf Schlösser) изображена жизнь центральной прусской провинціи Бранденбурга отъ временъ Карла IV въ XIV столѣтіи до героя 1870 года—принца Фридриха Карла. Другой авторъ историческихъ повѣстей В. Иенсенъ въ серіи рассказовъ «Изъ тяжелаго прошлаго» (Ausschwerer Vergangenheit) рисуетъ картины тридцатилѣтней войны. Въ области чистаго искусства выдаются: рассказы Вихерта—Suum cuique, какъ сильный протестъ противъ браковъ по расудку, «Ложь» (Eine Lüge) Иды Бой-Эдъ, доказывающей, что въ бракѣ обманъ даже съ хорошей цѣлю—непозволителенъ,—и повѣсть буддиста Лорма «Жизнь не сонъ» (Das Leben kein Traum), утверждающая, что всѣ житейскія бѣдствія искупаютъ любовь.

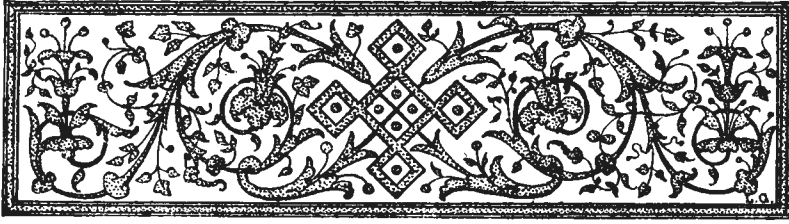
Когда-то любимые писатели Шпильгагенъ и Эберсъ написали по одному роману, но оба очень слабы. «Новый фараонъ» (Ein neuer Pharaon) исторія берлинскаго революціонера, приговореннаго къ смерти въ 1848 году, обѣжавшаго въ Америку и возвратившагося черезъ 30 лѣтъ на родину подъ чужимъ именемъ. Онъ хочетъ видѣть достигло ли его отечество какого-нибудь прогресса, кромѣ военной славы—и кончаетъ тѣмъ, что опять уѣзжаетъ въ Америку, хотя и ненавидитъ янки за ихъ страсть къ наживѣ. Остается неизвѣстнымъ, почему старый революціонеръ названъ у Шпильгагена фараономъ, также какъ и то, почему знатокъ эпохи фараоновъ Эберсъ написалъ романъ Gred, гдѣ героиня—добродѣтельная нюренбергская дворянка, жертвующая собою своему брату и своему возлюбленному. Авторъ «Сералиса» попробовалъ уже однажды, оставивъ страну фараоновъ, изобразить жену средневѣковаго бургомистра и потерпѣлъ фіаско. Теперь онъ вторично попытался привлечь читателей картиною семейныхъ добродѣтелей—и снова романъ его не имѣлъ никакого успѣха. Изъ новыхъ поэтовъ обратили на себя вниманіе—Миловъ, своими «Пѣснями съ юга», отзываются дидактическимъ направленіемъ, Макай—позмою «Елена», въ крайне реалистическомъ тонѣ изъ современной берлинской жизни,—и Гейнрихъ Гартъ своими «Пѣснями о человечествѣ». Первая пѣснь изображаетъ доисторическія времена, вторая—Немврода. Отдѣльныя картины этихъ поэмъ прекрасны, но все вмѣстѣ—долго и скучно. Карлъ Блейбтрей, котораго многіе называютъ основателемъ театра будущаго, написалъ драму «Судьба»—исторію Наполеона и Жозефины. Вильбрандтъ, оставившій мѣсто директора вѣнскаго городского театра, на которомъ онъ поставилъ вторую часть Фауста, «Электру» Софокла и «Циклопа» Еврипида, написалъ метафизическую драму «Пальмирскій учитель» (Der Meister von Palmyra). Апельсъ, философъ пиеагорейской школы и стало быть вѣрящій въ переселеніе душъ, пользуется привилегіей жить вѣчно, покажеться не пожелаетъ самъ умереть, наскучивъ жизнью. Исполненію этого желанія мѣшаютъ въ продолженіе пяти дѣйствій,—пять женщинъ, представляющихъ пять видовъ или трансформаций одного идеала любви. Въ драмѣ нѣтъ дѣйствія, но много глубокихъ мыслей и звучныхъ стиховъ. Другой драматургъ Артуръ Фитгеръ написалъ трагедію «Розы Тибурна». Робертъ Радлей, приверженецъ англійскаго короля Карла I хранитъ его тайную корреспонденцію, но въ сраженіи при Назеби, раненый, попадаетъ въ плѣнъ къ Кромвелю и узнаетъ, что король опозорилъ честное имя Радлея, что видно изъ захваченныхъ у него писемъ. Чтобы отомстить королю, онъ принимаетъ на себя роль палача, по предложенію парламента, и совершаетъ казнь, надѣвъ бархатную маску. Несмотря на это, Карлъ II, товарищъ дѣтскихъ лѣтъ Радлея, сдѣлавшись королемъ, даетъ ему званіе лорда и должность хранителя печати. За это Радлей отбиваетъ у короля его любовницу, но мучимый совѣстью, сознается въ томъ, что былъ палачомъ его отца. Въ то же время онъ отвергаетъ и любовь невѣрной фаворитки. Радлей ждетъ казнь, но король хочетъ простить его. Тогда фаворитка, опасаясь, чтобы онъ не открылъ и другого преступленія, употребляетъ всѣ усилія, чтобы исторгнуть у короля смертный приговоръ. Но достигнувъ этого, она, въ свою очередь, чувствуетъ угрызеніе совѣсти и, въ часъ назначенный для казни, умоляетъ Карла остановить ее. Онъ отдастъ приказаніе, но ему приносятъ розу Тибурна, которую, по обычаю этой государственной темницы,

каждый приговоренный къ смерти, держалъ между губами въ то время, когда голова его падала подъ ударами топора.

Изъ книгъ историческаго содержанія вышли: продолженіе «Исторіи Австріи» Губера и «Исторія Пруссіи отъ Губертбургскаго мира до вѣнскаго конгресса» Реймана и «Исторія Нидерландовъ» Венцельбургера. Въ этой послѣдней исторіи возстаніе соединенныхъ провинцій противъ Филиппа II приписывается не религіознымъ, а экономическимъ причинамъ. Едва десятая часть жителей провинцій держалась лютеранства и они спокойно смотрѣли на казнь ихъ дворянъ, сожженіе еретиковъ, пока герцогъ Альба не обременилъ ихъ тяжелыми налогами и началъ конфисковать имущества. Недаромъ еще Гуго Гроцій говорилъ, что народныя движенія возбуждаются чаще всего матеріальными интересами. Издано еще нѣсколько оставшихся неизвѣстными писемъ Гёте къ музыкальному и художественному критику Рохлицу и къ русскому министру Уварову,— также письма Вагнера къ Листу, въ которыхъ творецъ «Тангейзера» является обязаннымъ своими первыми успѣхами въ искусствѣ и обезпеченною въ матеріальномъ отношеніи жизнью— безкорыстной помощи великаго піаниста. Любопытна политическая переписка Фридриха I короля Виртембергскаго, обязаннаго вѣсть Наполеону I и писавшаго къ нему 14 октября 1813 года, что онъ «принужденъ уступить необходимости и заключить перемиріе съ союзниками, но надѣется, что наступятъ болѣе счастливыя обстоятельства, когда онъ докажетъ, что его чувства къ его величеству не измѣнились». Черезъ шесть мѣсяцевъ король называлъ уже Наполеона «тираномъ и ужасомъ челоуѣчества» и приказывалъ своей дочери разойтись съ своимъ мужемъ, братомъ Наполеона, бывшимъ королемъ Вестфаліи. Но королева Екатерина оказалась гораздо порядочнѣе бывшей императрицы Маріи-Луизы и послѣдовала въ изгнаніе за своимъ далеко не примѣрнымъ мужемъ.

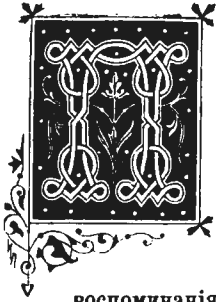
Обзоръ сужденій англійскаго журнала о литературѣ Россіи и другихъ странъ отлагаемъ до слѣдующей книжки нашего журнала.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Эпизодъ изъ жизни князя Потемкина.

ДОКОЙНЫЙ ДѢДЪ мой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Иларіоновичъ Алексѣевъ, бывшій девять трехъ-лѣтій сряду Екатеринославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, по окончаніи своего образованія за границею, сперва въ Германіи, именно въ Геттингенскомъ университетѣ, а потомъ въ Кембриджскомъ и Оксфордскомъ въ Англіи, началъ свою государственную службу чиновникомъ въ С.-Петербургѣ въ канцеляріи князя Потемкина-Таврическаго. Между другими воспоминаніями его о Потемкинѣ, онъ передалъ мнѣ слѣдующій эпизодъ, могущій служить къ характеристикѣ знаменитаго любимца Екатерины II, который я полагаю будетъ не безъинтересенъ для читателей «Историческаго Вѣстника».

«Однажды»,—разсказывалъ мой покойный дѣдъ,—«утромъ, когда я пришелъ къ свѣтлѣйшему князю, по обыкновенію, для доклада съ полнымъ портфелемъ бумагъ, въ Таврической дворецъ, я увидѣлъ, что вся приемная князя была переполнена множествомъ высокопоставленныхъ лицъ, увѣнчанныхъ звѣздами и орденами и терпѣливо ожидавшихъ появленія князя, чтобы представиться ему. Въ комнатѣ царило глубокое молчаніе, ибо извѣстно было, что свѣтлѣйшій еще опочивалъ, и, слѣдовательно, каждый изъ присутствовавшихъ тамъ боялся произвести даже малѣйшій шорохъ, чтобы не разбудить князя. Я, разумѣется, какъ имѣющій тогда самый малый чинъ, стоялъ одиноко въ отдаленіи и также неподвижно ожидалъ приема. Вдругъ изъ опочивальни, находившейся рядомъ съ приемною комнатою, дверь быстро и съ шумомъ растворяется и въ дверяхъ показывается самъ величественный Потемкинъ въ плафрокѣ и въ туфляхъ, надѣтыхъ на босые ноги и

громкимъ голосомъ зоветь своего камердинера. Не успѣлъ раздаться этотъ голосъ, какъ вдругъ, въ одно мгновеніе, все, что было въ залѣ,—генералы и всѣ другія знатныя особы, опрометью бросились изъ залы наперерывъ одинъ передъ другимъ, чтобы не медля отыскать княжескаго камердинера. Я же, видя, что всѣ присутствовавшіе ушли изъ комнаты, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, съ портфелемъ подъ мышкою, боясь не только шевельнуться, но даже моргнуть глазами. Тѣмъ не менѣе, однако, я успѣлъ замѣтить, что князь грозно посмотрѣлъ на меня и молча удалился. Когда былъ отысканъ камердинеръ и свѣтлѣйшій, уже одѣвшійся въ полную форму, окончилъ приемъ всѣхъ присутствовавшихъ, то подозвалъ меня и сказалъ:

— «Прежде нежели я займусь твоими бумагами, я имѣю спросить тебя: скажи мнѣ, Алексѣевъ, знаешь ли ты, сколько въ моемъ Таврическомъ саду находится орѣховыхъ деревьевъ?»

На мой отрицательный отвѣтъ князь сказалъ:

— «Пойди въ садъ, немедля сосчитай ихъ и доложи потомъ о семъ мнѣ».

«Я, разумѣется, опрометью, бросился исполнять приказаніе грознаго князя и, вошедъ въ садъ, тутъ же, самымъ тщательнымъ и аккуратнымъ образомъ сталъ осматривать всѣ клумбы и посадки деревьевъ обширнаго Таврическаго сада, чтобы не пропустить ни одного орѣховаго дерева. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ мною въ этомъ занятіи, уже къ вечеру, съ замираніемъ сердца и боясь, что можетъ быть, какое-нибудь изъ этихъ злосчастныхъ для меня деревьевъ, ускользнуло отъ моего взора, я вернулся въ приемную князя и просилъ доложить ему, что я исполнилъ его приказаніе. Не успѣлъ доложить ему камердинеръ о моемъ прибытіи, какъ тотъ же часъ, князь вышелъ комнѣ и спросилъ:

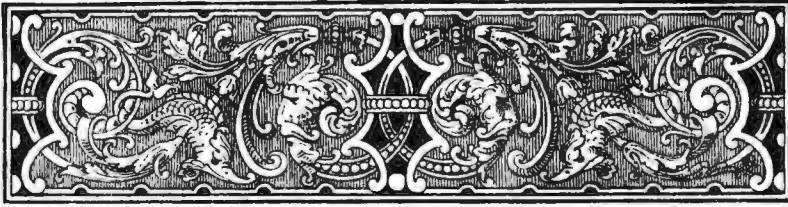
— «Ну, Алексѣевъ, скажи, сколько ты насчиталъ орѣховыхъ деревьевъ?»

«Я объявилъ ему сосчитанное мною число. Тогда его свѣтлость громко изволилъ мнѣ сказать:

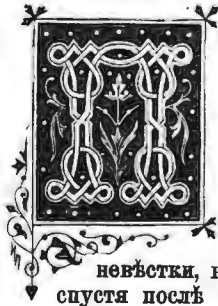
— «Хорошо, ты скоро и точно исполнилъ мое приказаніе. А знаешь ли ты, зачѣмъ я далъ тебѣ это порученіе? Затѣмъ, чтобы научить тебя быть проворнѣе, ибо я замѣтилъ, что ты, сегодня утромъ, когда я крикнулъ, чтобы позвать моего камердинера и когда всѣ присутствовавшіе тогда въ залѣ генералы и прочія знатныя особы бросились отыскивать его для меня, ты же, молокососъ, даже не двинулся съ мѣста, чтобы исполнить свой долгъ. Ступай и будь впередъ расторопнѣе. Все это да послужить тебѣ урокомъ! Съ докладомъ же своимъ и бумагами зайди завтра утромъ, ибо сегодня я не расположенъ заниматься ими. Прощай!»

Сообщено Г. П. Алексѣевымъ.

СМѢСЬ.

ЛЯТИСОТЛѢТІЕ московскаго Вознесенскаго монастыря. 7-го іюля, московскій женскій Вознесенскій монастырь праздновалъ пятистолѣтіе со дня своего основанія. Юбилейное торжество совершалось въ Вознесенскомъ соборномъ храмѣ. Этотъ храмъ, начатый постройкой основательницею монастыря, великою княгиней московскою Евдокіею Дмитриевною, супругою Дмитрія Ивановича Донскаго, въ инокѣствѣ Евфросиніей, причисленною къ святымъ и погребенною въ этомъ храмѣ, былъ построенъ усердіемъ ея невѣстки, великой княгини Софіи, и освященъ шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ кончины основательницы монастыря. Въ послѣдующіе годы соборъ, также какъ и вся обитель, во время опустошенія московскаго Кремля пожарами и непріятелями, неоднократно былъ разрушаемъ и возобновлялся. Особенно памятны обители слѣдующія бѣдствія: въ 1547 году обитель подверглась пожару, при чемъ сгорѣли десять старицъ, изъ храма успѣли вынести только образъ Богоматери Одигитріи; во время нашествія крымскаго хана Девлетъ Гирея, въ 1571 году, монастырь былъ сожженъ и въ немъ сгорѣла игуменья съ нѣсколькими сестрами; въ 1612 году, при нашествіи поляковъ, монастырь вновь подвергся опустошенію; въ 1812 году опустошеніе обители и храма было не меньшее, но вся драгоценная утварь была вывезена изъ монастыря въ Вологду, куда вывозились церковныя сокровища и изъ другихъ соборовъ Кремля. Этимъ объясняется, что доселѣ сохранились древнія иконы Вознесенія, Спасителя, Благовѣщенія и Одигитріи, находящіяся въ Вознесенскомъ соборѣ. Кромѣ того, уцѣлѣли: древняя икона Казанской Божіей Матери, находящаяся въ храмѣ во имя великомученицы Екатерины, построенномъ по повелѣнію императора Александра I, въ 1817 году; древнее иваніе великомученика Георгія, изображеннаго на конѣ, находящееся въ третьемъ храмѣ обители во имя Михаила Маленна; драгоценныя евангелія, кресты, потиры, диски и надгробныя покровы, устроенныя въ память по великимъ княгинямъ и

царицамъ, и вообще вся богатая ризница монастыря, считающаяся очень замѣчательною. Соборный храмъ, возобновленный и расширенный послѣ разоренія монастыря въ 1812 году, въ послѣднее время значительно украсился; въ семидесятыхъ годахъ, въ немъ возобновлена живопись и вызолоченъ его шестиярусный рѣзной иконостасъ; прошлымъ лѣтомъ онъ отдѣланъ заново снаружи, причѣмъ были вызолочены бывшія дотолѣ окрашенными главы, и куполы покрыты изображеніями святыхъ. Украшеніе храмовъ обители продолжается и доселѣ. Ко дню пятисотлѣтняго юбилея монастыря вновь установлены иконы Вознесенія—надъ входомъ въ обитель, великомученицы Екатерины—надъ входомъ въ екатерининскую церковь, снаружи, со стороны Спасескихъ воротъ, и по бокамъ входа въ соборный храмъ—иконы: Евдокии и справа—Евфросиніи Суздальской. Общество хоругвеносцевъ монастыря, въ память пятисотлѣтія, соорудило цѣпную хоругвь, одновременно съ другою, сооруженною этимъ же обществомъ въ память событія 17-го октября 1888 года.

Памятникъ Екатеринѣ II въ Москвѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ московскому губернатору, что по всеподданнѣйшему докладу представленнаго имъ ходатайства московской городской думы о сооруженіи на Воскресенской площади города Москвы, по модели академика скульптуры М. М. Антокольскаго, памятника императрицѣ Екатеринѣ II, въ ознаменованіе столѣтія со дня изданія грамоты «на права и выгоды городамъ Россійской имперіи», государь императоръ «нашелъ представленный проектъ памятника несоотвѣствующимъ для постановки на площади. Если городская дума желаетъ установить памятникъ на площади, то слѣдуетъ изобразить императрицу Екатерину II стоящею въ коронѣ; предположеніе же о подачѣ лѣвой рукой грамоты городской думѣ, а также помѣщеніе на пьедесталѣ развернутаго большого листа въ видѣ свѣтка съ выпискою содержанія грамоты, не можетъ быть осуществлено. Если же городская дума пожелаетъ поставить памятникъ въ залѣ думы, то это можетъ быть допущено, но при непременномъ изображеніи съ короною на головѣ. Его величество изволилъ замѣтить, что хотя въ описаніи и говорится о коронѣ и скипетрѣ, но на присланныхъ фотографическихъ рисункахъ ни того, ни другого не видно. Во всякомъ случаѣ вновь составленный проектъ памятника долженъ быть представленъ на утвержденіе». Объ этомъ сообщеніи министра внутреннихъ дѣлъ доложено было въ засѣданіи городской думы, 27-го іюня. По предложенію городского головы, дума единогласно постановила измѣнить проектъ памятника, согласно условіямъ, изложеннымъ въ сообщеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ, и поставить памятникъ въ залѣ торжественныхъ засѣданій въ проектируемомъ зданіи городской думы.

Комната адмирала Корнилова. По поводу высочайшаго повелѣнія о возстановленіи въ зданіи, занимаемомъ штабомъ 49-го пѣхотнаго полка, въ городѣ Севастополѣ, комнаты, въ которой скончался адмиралъ Корниловъ, сосредоточивъ въ ней всѣ предметы, относящіеся къ памяти адмирала, «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: По высочайше утвержденному въ 1876 г. положенію военнаго совѣта, между прочимъ, предназначено: «Въ строеніяхъ бывшаго морскаго госпиталя, въ Севастополѣ, сохранить комнату, въ которой скончался генераль-адъютантъ Корниловъ». Въ виду разнорѣчивыхъ показаній о мѣстѣ находженія этой комнаты, были тщательно наведены справки, которыя привели къ заключенію, что комната, гдѣ скончался генераль-адъютантъ Корниловъ, находится въ зданіи бывшаго морскаго госпиталя, перестроеннаго вполнѣдствіи для штаба 49-го пѣхотнаго брестскаго полка. Комната эта составляетъ въ настоящее время общую съ бывшими сосѣднею и входными сѣнями, но для возстановленія ея предположено отдѣлать ее попрежнему стѣною, а дверь, передѣланную въ окно, вновь обратить во входную дверь въ сѣни, съ добавленіемъ въ глубинѣ сѣней перего-

родки для помѣщенія сторожа изъ числа мѣстныхъ инженерныхъ надзирателей. Въ возстановляемой комнатѣ будутъ сосредоточены слѣдующіе предметы, относящіеся до памяти адмирала Владиміра Алексѣевича Корнилова: 1) образъ равноапостольнаго князя Владиміра въ рѣзномъ орѣховомъ кіотѣ; 2) палой, обитый парчей, съ евангеліемъ; 3) портретъ Корнилова въ вице-адмиральскомъ мундирѣ, писанный масляными красками, въ золоченой рамѣ, въ видѣ лавроваго вѣнка, или мраморный бюстъ, на такой же колонкѣ; 4) черная мраморная доска съ надписью о кончинѣ адмирала, съ помѣщеніемъ на ней предсмертныхъ словъ усопшаго: «Скажите всѣмъ, какъ пріятно умереть, когда совѣсть спокойна». «Благослови, Господи, Россію и государя; спаси Севастополь и флотъ!»; 5) два высочайшихъ рескрипта на имя вдовы вице-адмирала Корнилова отъ 14-го и 15-го октября 1854 г.; 6) модель колѣснаго парохода-фрегата «Владиміръ»; 7) носилки (въ видѣ образца таковыхъ), на которыхъ скончался Корниловъ; 8) столикъ съ книгою для записыванія посѣтителей, и 9) стеклянный шкафъ для храненія поступающихъ книгъ и рукописей. По докладу военнаго министра государь императоръ повелѣлъ: «Привести въ исполненіе изложенныя въ докладѣ предложенія». Рескрипты на имя вдовы вице-адмирала Корнилова, о которыхъ говорится выше, слѣдующаго содержанія:

«Елисавета Васильевна! Славная смерть вашего мужа лишила нашъ флотъ одного изъ отличнѣйшихъ адмираловъ, а меня—одного изъ моихъ любимѣйшихъ сотрудниковъ, которому я предназначилъ продолжать полезныя труды Михаила Петровича Лазарева. Глубоко сочувствуя скорби всего флота и вашей горести, я не могу болѣе почитать память покойнаго, какъ повторить съ уваженіемъ послѣднія слова его. Онъ говоритъ: «я счастливъ, что умираю за отечество». Россія не забудетъ этихъ словъ и дѣтямъ вашимъ переходить имя, почтенное въ исторіи русскаго флота. Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Николай. 14-го октября 1854 года. Гатчино».

Другой рескриптъ государыни императрицы: «Елисавета Васильевна! Судьбамъ Всевышняго угодно было посѣтить васъ тяжкимъ несчастіемъ. Вы лишились достойнаго супруга вашего, генераль-адъютанта Корнилова, павшаго героемъ при защитѣ Севастополя. Но не вы однѣ оплакиваете славную смерть его: вамъ сочувствуютъ государь императоръ, отечество, весь черноморскій флотъ, который справедливо гордится имъ и въ лѣтописяхъ котораго имя его останется незабвеннымъ. Въ этой отрадной увѣренности и христіанской покорности волѣ Божіей да найдете вы возможное, въ настоящемъ положеніи вашемъ, утѣшеніе. Съ моей стороны, принимая въ скорби вашей самое искреннее участіе и желая въ лицѣ вашемъ почитать заслуги покойнаго, я, съ соизволенія его императорскаго величества, приняла васъ въ число кавалерственныхъ дамъ ордена святыхъ великомученицы Екатерины 2-й степени, знаки коего при семъ препровождаю, пребываю къ вамъ навсегда благосклонною. Александра».

Археологическое Общество. Въ собраніи Русскаго Археологическаго Общества, В. Ю. Бокъ сдѣлалъ сообщеніе о вывезенной имъ изъ Египта коллекціи древнихъ тканей. Эти ткани, совлеченныя съ мумій, найденныхъ въ христіанскихъ некрополяхъ Египта, представляютъ интересъ въ дѣлѣ изученія первыхъ шаговъ развитія средневѣкового искусства. На матеріяхъ, уже извѣстныхъ античной древности, мы находимъ здѣсь вытканными изображенія святыхъ, съ коптскими надписями, среди самаго разнообразнаго орнамента, сцены охоты на звѣрей и другія изображенія. Всѣ эти изображенія находятъ себѣ живое соотвѣтствіе съ мотивами византійской стѣнной живописи, въ мозаикахъ и фрескахъ, и съ миниатюрами и заставками древнихъ рукописей. Какъ по характеру рисунка тканей, такъ и по надписямъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, опредѣляется время этихъ тканей,

но, вообще, онѣ не позже начала VIII столѣтія нашей эры. Сравнительно въ недавнее время коптскія ткани обратили на себя вниманіе науки, и весьма значительныя коллекціи ихъ уже собраны въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ. Около тридцати экземпляровъ было ихъ и у насъ въ Эрмитажѣ, теперь же доставка г. Бокомъ сразу около 2,000 экз. поставила нашу коллекцію на выдающееся мѣсто среди всѣхъ европейскихъ собраній этого рода. По заключенію Н. П. Кондакова, ткани, доставленныя въ Эрмитажъ г. Бокомъ, замѣчательны прежде всего своей достовѣрностью, между тѣмъ какъ рѣдкая коллекція такого рода обходится безъ экземпляровъ сомнительныхъ. Нашему собирателю, командированному Эрмитажемъ, удалось содрать матерію непосредственно съ мумій, и ближайшее рассмотрѣніе этихъ тканей подтверждаетъ впечатлѣніе ихъ глубокой древности.

Раскопки въ Томскѣ. Въ настоящее время здѣсь ведетъ раскопки въ разныхъ курганахъ библиотекаръ Томскаго университета С. К. Кузнецовъ. Около военныхъ лагерей, близъ самаго Томска, на мысахъ надъ рѣкою Томью открыты слѣды до-историческаго кладбища. Раскопки пока производятся на мысѣ, ближайшемъ къ Томску. Здѣсь обнаруженъ г. Кузнецовымъ цѣлый могильникъ, рядомъ съ другимъ большихъ размѣровъ, который года два тому назадъ разрывалъ А. В. Адриановъ,—бывшій редакторъ нынѣ прекращенной «Сибирской Газеты». Могилы, разрываемыя теперь въ этомъ пунктѣ, двухъ сортовъ: ниже, подъ горой, погребены цѣльные трупы; въ центрѣ могильника преобладаетъ погребеніе по способу полнаго сожженія, причемъ прахъ отъ трупа мертвеца складывался не въ урну или горшокъ, а высыпался прямо на дно могилы. Изъ костей рѣдко что уцѣлѣло, кромѣ зубовъ. Изъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, преобладаютъ бронзовыя и мѣдныя вещи. Болѣе заслуживаютъ вниманія изъ найденнаго: бронзовый боевой топоръ и большое копье изъ мужской могилы; въ тѣхъ, гдѣ были похоронены женщины, кольца,—одно золотое, подобное найденному извѣстнымъ археологомъ Шлиманномъ въ Микенахъ,—изъ четырехграннаго бруска золота; бусы бронзовыя; почти въ каждой могилѣ найденъ погребальный горшокъ, малыхъ или среднихъ размѣровъ. Нѣкоторыя могилы съ символическими камнями: обыкновенно части черепа съ головными украшениями окружены четырьмя камнями, а пожныя кости—тремя камнями. Есть могилы и съ тремя камнями. Надо предполагать по найденнымъ предметамъ, что могильникъ принадлежитъ къ чисто-бронзовой эпохѣ, потому что въ ней слѣдовъ желѣза не обнаружено. Раскопки эти г. Кузнецовъ производитъ на средства Томскаго университета для обогащенія мѣстнаго археологическаго музея. Другія раскопки производитъ тотъ же г. Кузнецовъ въ деревнѣ Чернильщиковой, въ 35 верстахъ отъ Томска, внизъ по рѣкѣ Томи, гдѣ существуетъ старое татарское кладбище (до 100 сажень въ длину и отъ 35 до 50 въ ширину), сплошь усеянное отлогими овальными курганами. Здѣсь найдены погребенія двухъ видовъ: неполнаго сожженія, причемъ уцѣлѣвшія отъ огня кости и вещи сложены на берестяной подстилкѣ, и погребеніе обыкновенное. Въ этихъ могилахъ найдены желѣзныя вещи и, между прочимъ, бусы весьма тонкой работы. Могилы по способу сожженія, очевидно, принадлежатъ къ болѣе поздней эпохѣ.

Послѣдній пугачевецъ. По словамъ «Саратовскаго Дневника», недавно изъ Сибири пріѣхалъ въ Самару Даниилъ Самойловъ, ста сорокалѣтній старецъ, бывшій участникъ пугачевского бунта. Онъ пріѣхалъ умирать у внуки, уже старухи, на родной сторонѣ. Даниилъ Самойловъ послѣдній изъ пугачевцевъ: онъ дряхлый старецъ, съ обнаженною головою, рѣдкой сѣденкой бородкой, сгорбленный, коренастый, грудь колесомъ. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ адъютанта у Чики, фельдмаршала Пугачева, такъ называемаго графа Шереметьева. Будучи волжскимъ казакомъ и жителемъ Самары, онъ присталъ къ шайкамъ Пугачева, участвовалъ въ штурмѣ Казани, огнемъ и мечемъ

прошелъ все нагорное Поволжье, брагъ приступомъ Симбирскъ, участвовалъ при канонадѣ Самары, когда ядрами изъ 24 пушекъ Пугачевъ разогналъ толпы вѣрныхъ самарцевъ, выгонялъ Бошняка изъ Саратова. Этотъ человекъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ, доставленъ въ Симбирскъ и по приговору слѣдственной комиссіи получилъ 180 плетей и отправленъ въ каторгу безъ срока, гдѣ былъ 38 лѣтъ. Теперь онъ купецъ, имѣетъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Старикъ видѣлъ Екатерину II, лично давалъ показанія Панину, жаль въ одной изъ съ Суворовымъ, караулившимъ Пугачева въ Симбирскѣ. Разказы его полны историческаго интереса.

Празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Педагогическій музей издалъ брошюру съ подробнымъ описаніемъ празднованія 25-ти лѣтней годовщины своего существованія, принесшаго столько пользы отечественному просвѣщенію. Въ день торжества, въ большой аудиторіи Музея, украшенной вензелевымъ изображеніемъ именъ ихъ императорскихъ величествъ, государственными гербами, національными флагами и тропическими растениями, собралось до семисотъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ общества. На праздникъ Музея сошлись и высокопоставленныя лица, и начальники, и наставники различныхъ учебныхъ заведеній, и посѣтели публичныхъ лекцій, народныхъ чтеній и духовныхъ бесѣдъ. Празднованіе началось молебствіемъ. Затѣмъ директору музея поднесены иконы отъ общества распространенія религіозно-нравственныхъ знаній въ духѣ православной церкви и отъ слушателей духовныхъ бесѣдъ и участниковъ народнаго церковнаго хора. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ засѣданіи комитета прочитаны поздравительныя письма: гофмейстера двора ея величества великой княгини Екатерины Михайловны, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генерала Н. В. Исакова, телеграмма графа Д. А. Милютина, и происходилъ приемъ депутацій: отъ имени городского общественнаго управленія, Петербургскаго университета, Русскаго Техническаго общества, Физико-химическаго общества, Петербургскаго комитета грамотности, Петербургскаго фребелевскаго общества, Рождественскаго попечительства о бѣдныхъ, пріюта принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, женской гимназіи Л. С. Таганцевой и Э. П. Шаффе, редакціи журнала «Родникъ» и «Воспитаніе и Обученіе», «Русская Старина» и «Русская Медицина». Потомъ читались еще телеграммы и письма: генераль-губернатора В. Кн. Финляндскаго, попечителя Кавказскаго учебнаго округа, Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, кадетскихъ корпусовъ, комиссіи народныхъ чтеній въ Москвѣ, Кіевѣ, Астрахани, Николаевѣ, разныхъ училищъ, профессоровъ и другихъ лицъ, австрійскихъ, французскихъ, и бельгійскихъ профессоровъ. Послѣ засѣданія состоялся осмотръ коллекцій, которыми руководилъ членъ учебно-воспитательнаго комитета музея Я. И. Ковальскій. Въ тотъ же день, въ помѣщеніи выставочнаго павильона Соляного городка, состоялся товарищескій обѣдъ сотрудниковъ музея. До 200 человекъ, участниковъ обѣда, собралось въ переднемъ залѣ павильона, ожидая прибытія директора музея Вс. П. Каховскаго. Двое изъ старѣйшихъ сотрудниковъ музея пригласили его на эстраду для выслушанія адреса, подносимаго ему отъ сотрудниковъ музея. Провозглашая тостъ за процвѣтаніе музея, г. Каховскій сказалъ нѣсколько словъ о музеяхъ вообще. «Къ числу старѣйшихъ музеевъ въ Европѣ принадлежитъ Лондонскій Кенсингтонскій музей съ его относительно небольшимъ педагогическимъ отдѣломъ, который и есть, въ сущности, первый, по времени основанія, педагогическій музей въ Европѣ. Кенсингтонскій музей былъ учрежденъ главнымъ образомъ въ цѣляхъ поднять художественное образованіе въ Англіи и ввести художественный элементъ въ англійскія производства, чтобы тѣмъ самымъ освободить ихъ отъ невыгодной конкуренціи съ производствами французскими. Эту громадную и сложную задачу Кенсингтонскій музей выполнилъ блестятельно

и тѣмъ приобрѣлъ всемірную извѣстность, которою справедливо пользуется и въ наши дни. Примѣръ дѣятельности, поданный Кенсингтонскимъ музеемъ всѣмъ прочимъ музеямъ, остался безъ подражанія. Эти музеи ограничились менѣе сложной задачей—собиранія предметовъ—и въ ея выполненіи видѣли если не исключительную, то главнѣйшую цѣль своего существованія. Такую привычную точку зрѣнія нарушилъ Петербургскій музей, придающій собиранію предметовъ значеніе не цѣли, а средства для широкой педагогической дѣятельности на пользу школъ, общества, войска и народа. Съ такою особенностью нашего музея Западная Европа ознакомилась впервые на международной парижской выставкѣ 1875 года. Сильную сенсацию произвели тогда мы, замѣнивъ у себя обычные для всѣхъ выставокъ анонсы «on est prié de ne rien toucher»—нашими: «on est libre de toucher pour les examiner les objets exposés». Выставка музея, освобожденная, такимъ образомъ, отъ условій караванъ-сарайнаго характера, сама собою обратилась въ живой центръ для собранія людей одного дѣла, въ цѣляхъ взаимнаго обмѣна знаніями, опытомъ, педагогическими идеалами. Международный конгрессъ тогда же единогласно вотировалъ о необходимости учрежденія педагогическихъ музеевъ, по образцу русскаго, во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ міра. Вотъ конгресса не прошла безслѣдно. Педагогическіе музеи учредились во многихъ странахъ Европы, въ Америкѣ и въ Азіи, но въ какомъ отношеніи стоятъ они къ указанному образцу? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ «Indépendance Belge», оцѣнивая организацию открытаго въ 1880 г. Бельгійскаго государственнаго педагогическаго музея («Musée Scolaire de l'Etat»). Газета находитъ эту организацию нецѣлесообразной, а учрежденіе мертвеннымъ, по поводу чего и замѣчаетъ, что мало было позаимствовано у русскаго Педагогическаго музея тѣло, нужно было бы позаимствовать и душу. Итакъ, драгоцѣннѣйшая особенность нашего музея—его душа: душу же эту представляютъ дѣятели музея! И она будетъ жить вѣчно, полная силъ и энергіи, будетъ вѣчно стремиться къ дѣятельности на пользу общую. А будетъ жить эта душа—будетъ жить и пруслѣдовать Педагогическій музей.»

Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за время съ 7 сентября 1886 г. по 31 декабря 1887 года. По случаю празднованія въ Астрахани 30 мая 1872 г. двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Петра Великаго возникла мысль: въ память пребыванія въ Астрахани въ 1722 г. Петра I-го и въ ознаменованіе двухсотлѣтія дня его рожденія учредить общество изслѣдователей Астраханскаго края, съ наименованіемъ этого общества Петровскимъ, которое по своей идеѣ соответствовало бы смыслу реформъ Петровыхъ, направленныхъ на дѣло изученія Россіи и ознакомленія съ ея сокровищами. Мысль эта сочувственно была принята въ средѣ представителей мѣстной администраціи, преподавателей гимназій и семинаріи и многихъ лицъ, пожелавшихъ быть учредителями Общества и сердечно была привѣтствована представителями петербургской и московской прессы. Выработанный проектъ устава за подписью 56-ти учредителей представленъ былъ въ 1873 г. начальнику Астраханской губерніи, который препроводилъ его министру внутреннихъ дѣлъ. 4 октября 1874 г. происходило открытіе Общества. Послѣ того Общество имѣло четыре собранія: два собранія Совѣта и два общіихъ собранія—18 октября 1874 г. и 4 марта 1875 г. Была принесена въ даръ однимъ изъ членовъ рукопись конца XVIII вѣка нѣкоего Никифора Туркина, заключающая въ себѣ немало историческихъ свѣдѣній о прошедшей жизни Астрахани и поставлено предложить общему собранію напечатать эту рукопись. Но 4 марта 1875 г. закончилась дѣятельность Общества за первый періодъ его существованія, и ни собраній Совѣта, ни общіихъ собраній болѣе созываемо не было. Въ такомъ положеніи находилось дѣло до прибытія въ Астрахань новаго начальника Астраханской губерніи Н. М. Цеймерва. 1884 г. начальникъ губерніи просилъ доставить ему свѣдѣнія о

дѣятельности Общества со времени его учрежденія, но получилъ отвѣтъ, что какъ предсѣдатель, такъ и всѣ члены Общества должны считаться сложившими съ себя званіе членовъ еще въ 1877 году. Въ 1886 году члены Общества, составлявшіе на собраніи по своему количеству третью часть членовъ, проживающихъ въ Астрахани, по всестороннемъ обсужденіи вопроса о назначеніи принадлежащаго Обществу имущества, сознавая необходимость и пользу существованія Петровскаго общества, при правильной его постановкѣ, просили начальника губерніи войти съ представленіемъ объ исходатайствованіи Обществу права на дальнѣйшее существованіе. Просьба членовъ Общества была удовлетворена и постановлено считать Общество съ 7 сентября 1886 года возобновившимъ свою дѣятельность. 21 сентября произведены были новыя выборы предсѣдателя и совѣта. Общество вступило такимъ образомъ во второй періодъ своего существованія, за первые 15 мѣсяцевъ котораго совѣтъ Общества и представилъ отчетъ. Къ 1 января 1888 г. состояло: членовъ почетныхъ—13, дѣйствительныхъ—88, соревнвателей—5, а всего—106. Дѣлами общества за отчетное время управлялъ совѣтъ изъ четырехъ членовъ, предсѣдателя и секретаря. За отчетное время Общество имѣло общихъ собраній 6 и собраній совѣта—6. Кромѣ того, образовавшіяся 15 марта 1887 г. отдѣленія Общества или секціи его: историко-этнографическая и естественно-историческая имѣли также свои собранія; первая секція имѣла ихъ 2, вторая—4. Вообще же всѣхъ собраній Общества было 18. Составлены были особыя извѣщенія о возобновленіи дѣятельности Общества и въ нихъ помѣщены необходимыя извлечения изъ устава съ просьбою, обращенною ко всѣмъ, сочувствующимъ цѣли Общества и интересующимся Астраханскимъ краемъ, не отказать въ своемъ содѣйствіи Обществу. Недостатки дѣйствующаго устава были отчасти причиною продолжительнаго бездѣйствія Общества, а потому общее собраніе поручило совѣту вопросъ о необходимости пересмотра устава внести на обсужденіе собранія. Проектъ измѣненій и дополненій устава представленъ начальнику губерніи 19 декабря 1887 г. По открытіи перваго засѣданія новообразовавшагося совѣта, предсѣдатель возбудилъ вопросъ объ изданіи сборника историческихъ статей объ Астрахани и Астраханскомъ краѣ и о разработкѣ съ научною цѣлью мѣстныхъ архивовъ. Но совѣтъ Общества, при всемъ желаніи своемъ, никакъ не могъ въ отчетномъ году довести дѣло изданія сборника до конца. Не менѣе сочувственно принято было также въ общемъ собраніи предложеніе объ образованіи кружка лицъ для разработки въ научномъ отношеніи мѣстныхъ архивовъ. Изъ членовъ Общества записалось въ этотъ кружокъ шесть лицъ. Отъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ (за исключеніемъ Казенной Палаты) получены увѣдомленія о неимѣннн препятствій къ допущенію членовъ Общества къ научнымъ занятіямъ въ архивахъ, но не иначе, какъ въ присутственные дни и подъ наблюденіемъ архиваріусовъ, а по губернскому правленію, кромѣ того, требовалось, чтобы къ занятіямъ въ древнемъ губернскомъ архивѣ Общество назначало только состоящихъ на государственной службѣ своихъ членовъ, чтобы о нихъ совѣтъ сообщилъ начальнику губерніи и чтобы назначаемые для занятій въ архивѣ члены предьявляли архиваріусу извѣщенія совѣта о назначеніи ихъ. Неудобство и трудность пользования дѣлами древняго астраханскаго губернскаго архива, заключающаго въ себѣ не мало интересныхъ и важныхъ данныхъ по разнымъ сторонамъ протекшей жизни Астраханскаго края, каковыя данныя, будучи мало доступны научной любознательности, остаются доселѣ въ пыли архива безъ всякой пользы для науки, побудили историко-этнографическую секцію Общества заявить предъ совѣтомъ о необходимости обратиться къ начальнику Астраханской губерніи объ исходатайствованіи открытія въ Астрахани губернской ученой архивной комиссіи. Петровское Общество не мало было занято также вопросомъ объ устройствѣ въ Астрахани публичнаго музея

но все заботы Общества, къ глубокому сожалѣнію, не достигли своей цѣли. 16 сентября 1887 г. астраханская городская дума отклонила ходатайство Петровскаго Общества объ отводѣ помѣщенія и о выдачѣ субсидій проектируемому Обществомъ публичному музею въ городѣ Астрахани, выставивъ поводомъ къ тому предположеніе устроить свой городской музей, о чемъ городской голова увѣдомилъ совѣтъ Общества. Въ историко-этнографической секціи Общества, программа для собиранія археологическихъ, нумизматическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю, признана совершенно удовлетворяющею цѣлямъ и задачамъ Общества и положено отпечатать ее въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльными оттисками. Обращено было также вниманіе на необходимость составленія указателя матеріаловъ по Астраханскому краю, заключающихся въ полномъ собраніи законовъ российской имперіи, въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, въ актахъ историческихъ. Обсуждался планъ и программа «Словаря достопамятныхъ лицъ Астраханскаго края». Въ видахъ большей полноты предполагаемаго словаря постановлено включить въ него біографіи не только тѣхъ лицъ, добрая и полезная дѣятельность которыхъ особенно памятна для Астраханскаго края, но и всѣхъ тѣхъ, которые оставили послѣ себя такой или иной замѣтный слѣдъ въ исторіи края, а на этомъ основаніи и самое названіе словаря измѣнить такимъ образомъ: «Словарь историческихъ лицъ Астраханскаго края». Въ виду же трудности составленія такого словаря признано болѣе цѣлесообразнымъ составить на первыхъ порахъ одинъ только списокъ историческихъ лицъ края, съ указаніемъ матеріаловъ для словаря, находящихся во всѣхъ доселѣ изданныхъ энциклопедическихъ лексиконахъ и біографическихъ словаряхъ, которые и приобрѣсти въ бібліотеку Общества. Членомъ секціи Н. Ф. Леонтьевымъ уже сообщенъ былъ собранію составленный имъ списокъ историческихъ лицъ (на букву А), при чемъ г. Леонтьевъ сообщилъ краткіе біографическіе очерки этихъ лицъ. Рѣшенъ былъ вопросъ объ учрежденіи въ Астрахани губернской ученой архивной комиссіи. Съ цѣлію обзорнія мѣстности и остатковъ древне-хазарской столицы Ателя положено при первой возможности совершить поѣздку, пригласивъ фотографа для снятія фотографическаго снимка съ этихъ остатковъ и землѣмѣра для нанесенія на планъ мѣстности, на которой стоялъ древне-хазарскій городъ Атель. Прочитано было сообщеніе члена К. Н. Малиновскаго о поѣздкѣ его лѣтомъ 1887 г. въ село Селитряное и о найденныхъ при этомъ на городищѣ разнаго рода предметахъ старины и о вопросѣ, на какомъ именно мѣстѣ пужно полагать существованіе Сарая: на мѣстѣ ли села Селитрянаго, или на мѣстѣ Царева, уѣзднаго города Астраханской губерніи. Въ естественно-исторической секціи опредѣлена сфера ея дѣятельности, причѣмъ намѣчены, какъ предметы изученія, области наукъ: физической географіи, геологіи, ботаники, зоологіи, антропологіи и агрономіи. Принятъ также въ принципѣ вопросъ о составленіи по существующимъ источникамъ описанія Астраханскаго края въ естественно-историческомъ отношеніи. Къ 1 января 1888 года въ бібліотекѣ Общества состояло 298 названій въ 759 томахъ, изъ коихъ книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, относящихся болѣе или менѣе непосредственно къ Астраханскому краю, было 121 №№, а остальныхъ—177 №№. Вся бібліотека составилась изъ пожертвованій, въ которыхъ за отчетное время приняли участіе разныя учрежденія и лица: Академія Наукъ, университеты, Общества: Географическое, Исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ, Московское испытателей природы, Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и др. Къ 1-му января 1888 г. въ кассѣ Общества было 1054 руб. 28 коп.

† 10-го іюля, въ Симбирскѣ, одинъ изъ даровитыхъ писателей и старѣйшихъ сотрудниковъ «Петербургской Газеты» **Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ**, извѣстный публикѣ какъ поэтъ, подъ псевдонимами «Маіора Бурбонова» и

«Общаго Друга». Онъ уже болѣе мѣсяца пересталъ писать, сраженный тяжкимъ недугомъ, плодомъ слишкомъ весело проведенной молодости. Минаевъ родился въ Симбирскѣ въ октябрѣ 1835 года, окончательное образованіе получилъ въ Петербургѣ въ Дворянскомъ полку, откуда выпущенъ въ 1852 г. въ гражданскую службу. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ, сперва въ симбирской казенной палатѣ, потомъ въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, Минаевъ въ 1857 г. вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ посвятилъ себя всецѣло литературѣ, избравъ главнымъ поприщемъ своей дѣятельности сатиру. Бойкостью стиха, богатствомъ рѣчмы, быстрою отзывчивостью на интересы минуты, Минаевъ приобрѣлъ популярность. Первые сатирическія стихотворенія его были въ «Искрѣ», но впоследствии не было почти русскаго журнала, въ которомъ Минаевъ не принималъ бы участія: въ одномъ онъ помѣщалъ свои «эпиграммы», въ другомъ переводы иностранныхъ поэтовъ, въ третьемъ—фельетоны общественной жизни и т. д. Такъ онъ сотрудничалъ въ «Современникѣ», «Русскомъ Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Будильникѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Молвѣ». Въ послѣдніе годы онъ почти исключительно писалъ въ «Петербургской Газетѣ» воскресные фельетоны «На часахъ», прекратившіеся года три назадъ и подписывавшіеся псевдонимомъ «Маіора Бурбонова», и массу стихотвореній, въ мѣткой, остроумной и бойкой формѣ, отзывавшіеся на всевозможные вопросы дня. Въ дѣлѣ рѣчмы Д. Д. былъ неподражаемымъ виртуозомъ и среди нынѣшнихъ поэтовъ врядъ ли кто сравнится съ нимъ въ умѣніи кратко, зло и остроумно подшутить надъ какимъ-нибудь героемъ или злободнемъ дня. Но помимо этихъ трудовъ, на которые самъ покойный смотрѣлъ, какъ на бездѣлки, Д. Д. внесъ не мало крупныхъ лептъ въ сокровищницу русскаго литературнаго искусства. Плодовитость его была изумительна и всѣ произведенія его потребовали бы до полусотни томовъ для ихъ изданія... Не малую заслугу оказалъ онъ литературѣ переводомъ многихъ иностранныхъ писателей. Такъ онъ перевелъ «Божественную комедію» Данта, «Донъ-Жуана», «Чайльдъ-Гарольда» Байрона, «Дѣдовъ» Мицкевича, значительную часть стихотвореній Гейне, Лессинга, Мицкевича, Виктора Гюго, Кондратовича и мн. др. Въ 1883 г. М. О. Вольфъ издалъ сборникъ эпиграммъ Д. Д. «Не въ бровь, а въ глазъ», принятый критикой очень сочувственно. Кромѣ этого сборника, Минаевымъ выпущены въ свѣтъ: романъ въ стихахъ «Евгеній Онѣгинъ нашего времени» (1877), «Пѣсни и сатиры» (1878), «Думы, пѣсни и юмористическія стихотворенія Обличительнаго поэта, Темнаго человѣка» (1878), «На перепутьи» (1871), «Пѣсни и поэмы» (1871), «Въ сумеркахъ, собраніе сатиръ» (1868), «Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ» и двѣ книги для дѣтей—«Теплое гнѣздышко» и «Новыя новинки». Онъ подвизался тоже съ успѣхомъ на поприщѣ драматической литературы, и одна изъ его комедій «Спѣтая пѣсня» удостоена академической преміи.

Приводимъ стихотвореніе, присланное Минаеву въ день празднованія 25-лѣтней годовщины его литературной дѣятельности и не бывшее въ печати:

Кто на Руси гроза хлыщей и шелопаевъ,
 Судебныхъ болтуновъ и думскихъ попугаевъ,
 Всѣхъ званій хищниковъ, лгуновъ и негодяевъ,
 Родныхъ Кить-Китычей, безжалостныхъ хозяевъ,
 Владѣльцевъ лавочекъ, подваловъ и сараевъ,
 Плутовъ, которые, все честное облаивъ,
 Кадятъ тугой мошиѣ, предъ властію растаявъ?..
 Кого боятся такъ и сельскій Разуваевъ,
 И самобытный сбродъ Батыевъ и Мамаевъ—
 Грабителей казны и земскихъ караваевъ,
 Ханжей, доносчиковъ, шпионовъ, разгильдяевъ?..
 Все онъ—сатирикъ нашъ талантливый—Минаевъ!

† 12-го іюля, въ Парижѣ, генеральный комиссаръ русскаго отдѣла на парижской всемірной выставкѣ, **Евгеній Николаевичъ Андреевъ**. Онъ родился въ Таганрогѣ въ 1829 г. Образование получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1849 г. кончилъ курсъ по отдѣленію камеральныхъ наукъ. Въ 1863 г. назначенъ профессоромъ сельско-хозяйственной технологии въ Земледѣльческомъ институтѣ и оставался въ этомъ званіи до 1878 г. За тотъ же пятнадцатилѣтній періодъ Е. Н., независимо отъ профессуры, служилъ по акцизу съ свеклосахарнаго производства и состоялъ членомъ совѣта департамента торговли и мануфактуръ. Какъ ученый, Е. Н. былъ извѣстенъ своею работою въ лабораторіи извѣстнаго химика Бунзена въ Гейдельбергѣ: «Объ удѣльномъ вѣсѣ и расширеніи нѣкоторыхъ сгущенныхъ газовъ», а также какъ авторъ «Химической технологии». Е. Н. не чуждъ былъ и публицистики. Въ 1862 г. онъ редактировалъ журналъ «Ремесленникъ», потомъ принялъ редакцію «Журнала мануфактуръ и торговли», гдѣ напечаталъ цѣлый рядъ статей. Когда уставъ Русскаго технического Общества былъ утвержденъ въ 1866 г., Е. Н. былъ избранъ единогласно секретаремъ Общества. Докладъ Е. Н. о научно-практической подготовкѣ мастеровъ или второстепенныхъ техникумовъ вызвалъ предложеніе учредить при Обществѣ постоянную комиссію по техническому образованію, что и было осуществлено въ 1868 г. Отказавшись затѣмъ отъ должности секретаря Общества, Е. Н. всецѣло посвятилъ себя дѣятельности комиссіи и былъ избранъ ея предѣтелемъ. Въ учебномъ 1880—1881 году бюджетъ комиссіи всѣхъ открытыхъ къ этому времени пяти курсовъ для взрослыхъ, шесть дѣтскихъ школъ, школы десятичниковъ и ремесленнаго училища для подготовленія преимущественно машинистовъ—составлялъ сумму въ 30,000 р. и около 10,000 р. особаго запаснаго школьнаго фонда. Е. Н. Андреевъ былъ, кромѣ того, предѣтелемъ комиссіи кустарной промышленности и участвовалъ въ выработкѣ многихъ проектовъ по профессиональному образованію.

† 16-го іюля, во Владикавказѣ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ журналистовъ и писателей **Николай Александровичъ Благовѣщенскій**. Имя покойнаго неразрывно связано съ журналомъ «Русское Слово» (изд. Благосвѣтловымъ) почти за все всемя его существованія съ 1859 по 1866 г. Въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ Н. А. сдѣлался редакторомъ этого журнала. Около того же времени началась его литературная дѣятельность; въ «Русскомъ Словѣ» 1860 г. появились его рассказы и этнографическіе очерки, въ 1862 г. въ томъ же журналѣ начали печататься его очерки объ Афонѣ. Впослѣдствіи эти очерки собраны были въ отдѣльное изданіе подъ заглавіемъ: «Афонъ. Путевыя впечатлѣнія» (1864 г.). Вслѣдъ затѣмъ Н. А. напечаталъ рядъ очерковъ, наблюденій и замѣтокъ изъ путешествія по Востоку, въ Іерусалимѣ и др. мѣстахъ, которыя въ 1871—72 годахъ были собраны въ одну книгу, подъ названіемъ «Среди богомольцевъ», и выдержали два изданія. Въ половинѣ 60-хъ годовъ Н. А. Благовѣщенскій въ журналахъ «Русское Слово» и «Женскій Вѣстникъ» напечаталъ рядъ повѣстей и рассказовъ преимущественно этнографическаго и бытового характера («Бродяги-странники», «Невинныя забавы» и др.), а также романъ «Передъ разсвѣтомъ» («Русское Слово» 1865 г.), которые въ 1872 году также вышли отдѣльными изданіями. Наконецъ, нѣсколько этнографическихъ очерковъ его напечатано въ «Отечеств. Запискахъ», подъ редакціею Н. А. Некрасова, за 1871—73 гг. Какъ редакторъ «Русскаго Слова», Н. А. Благовѣщенскій не имѣлъ руководящаго значенія, хотя не мало исполнялъ черновой журнальной работы. Журналъ всегда принадлежалъ Благосвѣтлову. Благовѣщенскій происходилъ изъ духовнаго сословія; родился въ 1835 г. образование получилъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ официальныхъ бумагахъ назывался студентомъ духовной семинаріи. Много лѣтъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Помяловскимъ. Въ 3-й книгѣ «Современника» за 1864 годъ Н. А. Благовѣ-

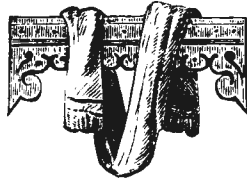
щенскій напечаталъ весьма теплый біографическій очеркъ, посвященный своему даровитому, несчастью другу. Этотъ очеркъ вошелъ въ изданнныя Н. А. сочиненія Н. Г. Помяловскаго. Въ послѣднее время, Н. А. Благовѣщенскій жилъ во Владикавказѣ, редактируя «Терскія Областныя Вѣдомости».

† 19-го іюля, послѣ тяжелой болѣзни, инспекторъ по медицинской части вѣдомства учреждений императрицы Маріи **Николай Деметрѣевичъ Бубновъ**. По окончаніи образованія, онъ началъ службу военнымъ врачомъ въ 1863 г. находясь въ составѣ войскъ, посланныхъ для усмиренія польскаго мятежа. Затѣмъ онъ долгое время состоялъ докторомъ при больницѣ и благотворительныхъ учрежденіяхъ принца Ольденбургскаго и недавно занялъ послѣдній свой постъ. Бубновъ состоялъ также почетнымъ лейб-медикомъ и членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Имя Бубнова не безызвѣстно и въ медицинской литературѣ; имъ написано не мало статей по терапевтикѣ.

† въ Петербургѣ одинъ изъ старѣйшихъ преподавателей русскаго языка въ петерб. гимназіяхъ **Василій Луничъ Филиппевъ**. Педагогическая дѣятельность покойнаго почти всецѣло прошла въ 5-й здѣшной гимназіи. Получивъ высшее университетское образованіе, Филиппевъ тотчасъ принялся за педагогическую дѣятельность; специальными его предметами были русскій языкъ и русская литература. Ведя почти въ теченіе 40 лѣтъ учительскую дѣятельность, Филиппевъ приобрѣлъ громадныя опыты и научился самъ понимать хорошо дѣтскую натуру; имъ былъ выработанъ совершенно оригинальный методъ преподаванія въ меньшихъ классахъ гимназіи русской грамматики; его ученики живо и легко усвоивали себѣ орфографію русскаго языка, въ старшихъ классахъ ученики съ охотой подъ его руководствомъ изучали образцовыхъ нашихъ писателей. Онъ всегда въ классѣ читалъ вслухъ лучшіе образцы, указывая приемы вѣрнаго чтенія. Какъ практикъ, Филиппевъ составилъ нѣсколько пособій при изученіи русскаго языка. Изъ учениковъ покойнаго многіе занимаютъ видное мѣсто во всякаго рода общественной дѣятельности.

† 8-го августа, въ Павловскѣ, **Андрей Александровичъ Краевскій**. Онъ родился въ 1810 г., по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ перешелъ въ Петербургъ, гдѣ принялъ мѣсто учителя кадетскаго корпуса, состоя въ то же время сотрудникомъ «Журн. Мин. Нар. Просв.». Въ 1834 г. А. А. былъ назначенъ помощникомъ редактора этого журнала. Въ 1837 г. А. А. Краевскій началъ издавать «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», которыя потомъ переименованы были въ «Литературную Газету». Въ 1839 г. А. А. сталъ издавать «Отечественныя Записки», въ которыхъ, кромѣ Бѣлинскаго, работали въ продолженіе многихъ лѣтъ лучшія силы русской литературы. Съ 1843 г. редактируя «От. Зап.», онъ былъ назначенъ помощникомъ редактора, а затѣмъ и редакторомъ «Русск. Инв.». Въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1852 по 1862 г., А. А. держалъ въ арендѣ «Пет. Вѣд.». Съ 1863 года, — года расцвѣта и обновленія русской литературы, — А. А. сталъ издавать «Голосъ», первый серьезный политическій органъ, который потомъ сдѣлался весьма популярной, вліятельной и распространенной газетой въ Россіи. Газета «Голосъ» пользовалась у насъ названіемъ русскаго «Times'a». И, дѣйствительно, по участию въ ней выдающихся нашихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, газета, даже въ сферѣ государственной жизни, пользовалась не малымъ вліяніемъ. Къ ея сужденіямъ прислушивались западная дипломатія и журналистика. Въ продолженіе многолѣтней журнальной дѣятельности Краевскій держался либеральнаго направленія. Какъ писатель, онъ выпустилъ нѣсколько сочиненій, преимущественно историческаго содержанія: «Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ» (1836) «Объ историческихъ таблицахъ В. А. Жуковскаго» (1836) и др. А. А. редактировалъ также изданіе переводовъ романовъ Вальтеръ-Скотта и путешествіе по Египту

Кингъ-Бея. Въ послѣдніе годы Краевскій, устранимый отъ журнальной дѣятельности, посвятилъ себя общественной службѣ и на этомъ поприщѣ оказалъ обществу несомнѣнныя услуги. И какъ думскій гласный, и какъ выборный дѣятель, особенно какъ предсѣдатель училищной комиссіи и, наконецъ, какъ членъ многихъ обществъ, А. А. Краевскій былъ всегда очень дѣятеленъ и точенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, всегда стоялъ за способъ дѣйствій — открытый и гласный, и всегда умѣлъ доводить дѣло до конца. Такова была его дѣятельность по «литературному фонду», который обязанъ ему многимъ, и дѣятельность его въ качествѣ предсѣдателя общества для пособія сценическимъ дѣятелямъ; такова, въ особенности, была въ послѣдніе годы его дѣятельность по устройству городскихъ училищъ, о которой всегда придется вспоминать съ благодарностью. И при концѣ дней своихъ А. А. не забылъ принести послѣднюю лепту дѣлу народнаго образованія и преуспѣянія нашей литературы, для чего онъ сдѣлалъ такъ много полезнаго при жизни. Въ лицѣ А. А. Краевскаго Россія потеряла выдающагося общественнаго дѣятеля; русская журналистика схоронила съ нимъ одного изъ самыхъ сильныхъ своихъ представителей.

ЖЕРАРЪ ДЕ НЕРВАЛЬ

КОРОЛЬ ШУТОВЪ

(LE PRINCE DES SOTS)

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Е. М. ГАРШИНА

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. 11—2
1889

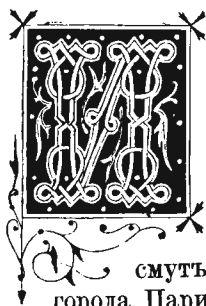

I.

Судъ любви.

«Толпа тѣснилася у входа въ свѣтлый залъ,
«Гдѣ ароматы лиль въ курильницахъ сандалъ.
«Монархъ на тронѣ былъ. Съ нимъ королева рядомъ,
«Какъ юная луна всѣхъ освѣщала взглядомъ,
«А шутъ въ безуміи, какъ гаеръ, ликоваль».

ИЗВѢСТНО, что французскіе короли двухъ первыхъ династій, Меровинги и Каролинги, никогда не жили въ Парижѣ; первые поселились въ немъ Капетинги. Они выбрали для себя зданіе, которое въ настоящее время называется Palais de Justice. Известно также, что Карль V, изъ дома Валуа, ненавидѣлъ этотъ дворецъ, въ которомъ, во время смуть, возбужденныхъ Марселемъ, старшиною (prévôt) города Парижа, королю пришлось перенести много оскорбленій. Карль V, оставивъ этотъ дворецъ, переселился въ загородный домъ, построенный близъ церкви Saint-Pol, отъ которой онъ и получилъ свое названіе. Неподалеку оттуда, король выстроилъ крѣпость, для храненія своихъ сокровищъ. Это была Бастилія, обращенная въ государственную тюрьму старшиною Гугомъ Обрю, который способствовалъ ея сооруженію.

Отель Saint-Pol, съ прилежащими къ нему обширными садами, окруженными стѣнами, могъ, въ случаѣ надобности, выдержать осаду. Здѣсь-то происходили сцены, изображенныя въ этомъ этюдѣ, который только потому не можетъ быть названъ романомъ, что все, здѣсь написанное, исторически вѣрно.

Въ концѣ XIV вѣка не было ни мощенныхъ улицъ, ни сточныхъ трубъ, ни фонарей. Дома отличались полнымъ отсутствіемъ комфорта. У самыхъ знатныхъ людей вся мебель состояла изъ нѣсколькихъ скамей для сидѣнья, да еще изъ особаго рода сооруженія, служившаго шкапомъ, письменнымъ столомъ и кроватью.

Отель Saint-Pol составлялъ исключеніе. Но и здѣсь лишь простая саржа голубого цвѣта украшала стѣны большой залы, гдѣ засѣдалъ Судъ любви (La cour d'amour) подъ предсѣдательствомъ Изабеллы Баварской, и гдѣ собиралось порядочное число хорошенькихъ женщинъ, между которыми мелькали и мужчины, болѣе или менѣе бородатые.

Среди этого благороднаго собранія, съ какимъ-то обезьяньимъ проворствомъ, вертѣлась одна странная личность. Это былъ коренастый мужчина, не красивый и не безобразный. Изъ всѣхъ, кто видѣлъ его или кому приходилось съ нимъ разговаривать, никто не могъ сказать: «у него такая-то наружность или такой-то голосъ»;—до такой степени у этого человѣка ежеминутно мѣнялись позы, жесты и голосъ. Эта странная личность былъ король шутовъ.

Посреди полукруга, на которомъ возвышалась эстрада, гдѣ сидѣла королева, стояла очень молоденькая дѣвушка, хорошенькая и самага скромнаго вида. Самый простой простонародный костюмъ сидѣлъ на ней удивительно граціозно, а длинные, густые, черные какъ смоль волосы, перехваченные стальнымъ обручемъ, обрамляли прелестное личико, горѣвшее румянцемъ стыдливости.

— Подойди, милая, и расскажи, въ чемъ твоя жалоба,—обратилась къ ней Изабелла Баварская, возлѣ которой сидѣлъ ея царственный супругъ,—говори, не бойся. Нашъ Судъ любви разсудитъ твое дѣло по всей правдѣ, если только, какъ мы надѣемся, право на твоей сторонѣ.

— Ахъ, госпожа королева,—отвѣтила молодая дѣвушка, опуская глаза,—мое сердце полно великой скорби и... великаго стыда...

— Успокойся,—возразила Изабелла,—и прежде всего скажи намъ: кто ты?

— Колина Демеръ, дочь цирюльника на рынкѣ (des Halles).

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Хорошо; теперь говори, что привело тебя сюда?

— Я въ теченіе шестнадцати лѣтъ всегда шла по прямому пути,—продолжала Колина, попрежнему опустивъ глаза.

Король шутовъ отпустилъ какую-то шутку на ухо сирю Гюгу де-Гизей относительно безгрѣшной жизни при кормилицѣ и тѣмъ вызвалъ смѣхъ у дворянина.

— Сиръ Гюгъ,—строго крикнулъ Карль VI,—нашъ Судъ любви есть судъ серьезный; прошу не забывать объ этомъ. Мы заста-

новили это древнее учрежденіе, чтобы положить предѣль распутству, которое, подъ видомъ любезности, грозитъ охватить все.

Потомъ, обратясь ко всей знати, король прибавилъ:

— Берегитесь, господа, постоянная любовь сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ; вѣрность старинныхъ богатырей считается дѣломъ вышедшимъ изъ моды... Но за то куда дѣвались былая храбрость и честь? Гдѣ онѣ?

Пока говорилъ Карлъ VI, мужчины хранили угрюмое молчаніе; но за то на устахъ дамъ мелькала улыбка одобренія.

— Колина Демеръ,—начала Изабелла,—продолжай свой рассказъ.

— Я поступила,—продолжала Колина,—въ услуженіе къ герцогинѣ Бурбонской. И вотъ одинъ знатный господинъ, который часто бывалъ у герцогини, обратилъ взоры на меня...

— И заставилъ тебя свернуть съ прямого пути,—перебилъ король.

— Да какъ же могла такая бѣдная, простая дѣвушка, какъ я, устоять противъ обольщеній...

— Договаривай!—повелительнымъ тономъ произнесла королева.

— Его высочества герцога Орлеанскаго...

— Орлеанскаго!—прошептала королева, вздрогнувъ.

— Моего брата!—вырвалось у короля со вздохомъ.

— Кто тебѣ внушилъ смѣлость выступать съ обвиненіемъ противъ такой высокой особы?—вскричала королева, бросая на Колину взглядъ, полный ненависти.

— Богъ свидѣтель, милостивая госпожа, что я справедливо обвиняю герцога!

— Гдѣ герцогъ?—спросила съ живостью Изабелла у Гюга де-Гизей.

— Его высочество на свадьбѣ у одного изъ своихъ офицеровъ.

— Жаль, что его здѣсь нѣтъ, чтобы опровергнуть наглую клевету этой дѣвчонки...

— А можетъ быть это и не удалось бы ему.

— Такъ, по вашему, она правду говорить?

— Я думаю, ваше величество,—простите мою смѣлость,—что герцогъ легко могъ забыться...

— А вы, сирѣ Гюгъ,—прервала его королева,—забыли, что обязаны относиться къ нему съ уваженіемъ!

— Дорогая Изабелла,—вмѣшался король,—такія сильныя выраженія здѣсь совсѣмъ не у мѣста. Вспомни, для чего учрежденъ былъ Судъ любви. Вѣдь для того, чтобы рѣшать дѣла, подобныя этому? При чемъ же тутъ высокое положеніе? Принцъ крови, равно какъ и простой буржуа, одинаково подлежатъ этому суду... Я вовсе не желаю, чтобы мой братъ былъ осужденъ голословно. Отложимъ это дѣло до слѣдующаго засѣданія.

— Пусть будетъ по вашему желанію,—отвѣтила Изабелла.— Но прежде, чѣмъ мы уйдемъ отсюда, я хочу предложить еще одинъ вопросъ истицѣ. Не знаешь ли ты, милочка,—обратилась она съ притворной кротостью къ дѣвушкѣ,—ради кого герцогъ бросилъ тебя?

— Какъ не знать, милостивая королева,—отвѣчала со вздохомъ Колина,—ради одной благородной дѣвицы въ Орлеанѣ; ее зовутъ Марьета д'Энгиенъ.

При этомъ имени, сирь Гюгъ разразился безумнымъ хохотомъ.

— Клянусь всѣми единорогами моего герба!—вскричалъ онъ.— Вотъ такъ надѣлили сегодняшняго новобрачнаго!.. Вѣдь невѣста-то и есть Марьета д'Энгиенъ.

— Съ этой стороны все улажено,—сказалъ король.—Ты также получишь удовлетвореніе, моя милая,—прибавилъ онъ, обратясь къ Колинѣ,—если только окажется, что ты говоришь правду. Нашъ Судъ любви установленъ именно для подобныхъ дѣлъ. Братъ мой найдетъ для тебя мужа изъ среды служащихъ при немъ воиновъ.

— Мужа,—перебилъ сирь Гюгъ,—настолько же пригоднаго для роли Менелая, какъ и супругъ Марьеты д'Энгиенъ... знаете, какъ въ вашей пьесѣ «Разрушеніе Трои»,—обратился онъ къ королю шутовъ.

— А у супруга Марьеты д'Энгиенъ кстати и фигура какъ разъ подходитъ къ этой роли,—отрѣзалъ мэтръ Гоненъ, король шутовъ:—волосы рыжіе, плечи горбомъ. Онъ былъ бы неподобенъ въ роли святого Иосифа, въ мистеріи Зачатія, или же въ одной изъ ролей тѣхъ шутовскихъ представленій, которыя я взялъ изъ «Двора чудесъ».

Королева, только однимъ ухомъ слушавшая весь этотъ разговоръ, вышла изъ раздумья, объявивъ, что закрываетъ засѣданіе.

— Позвольте еще на минуточку, ваше величество,—сказалъ сирь Гюгъ:—я имѣю предложить вамъ нѣчто.

— Говорите,—отвѣтила Изабелла.

— То, о чемъ я хочу просить ваше величество, всецѣло находится въ зависимости отъ правъ и привилегій Суда любви. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ заглянуть въ архивы провинціальныхъ Судовъ любви—въ Пюи, въ Э, въ Авиньонѣ, въ Марсели, Тулузѣ... Эти суды присвоили себѣ право контроля въ дѣлѣ неправильныхъ браковъ, каковы, напримѣръ, если вдовецъ женится на вдовѣ, старикъ на дѣвственницѣ, или юноша на распутной женщинѣ... Сегодняшняя свадьба какъ разъ подходитъ къ этимъ условіямъ...

— А какой неподобный сюжетъ для устройства представленія въ теперешніе масляничные дни!—вскричалъ мэтръ Гоненъ, король шутовъ.

— Голѣ! господинъ шутъ,—сказалъ Карлъ VI,—уймите свои восторги: мнѣ надоѣло смотрѣть, какъ мои экло съ орломъ и фло-

рины съ портретомъ королевы расходятся на декораціи, костюмы, на музыку; мои золотыя монеты обращаются Богъ знаетъ во чтѣ.

— Но позвольте, государь, подумайте, что для такого забавнаго зрѣлища потребуется очень немного: для аксессуаровъ, нуженъ только кортежъ фавновъ и сатировъ. Что же касается главнаго дѣйствующаго лица, то стоитъ только вытащить изъ какого-нибудь шкапа старую епископскую рогатую шапку, никогда не появлявшуюся на подобномъ празднествѣ.

— Хорошо будетъ супругъ,—прервалъ сиръ Гюгъ,—съ посохомъ и въ митрѣ съ бараньими рогами! Тутъ будетъ хохоту на весь великій постъ.

— А какъ вы полагаете, герцогъ Орлеанскій тоже будетъ смѣяться надъ фарсомъ, направленнымъ противъ него? Что вы объ этомъ думаете, Изабелла? Вы совсѣмъ задумались о чемъ-то!

— Я слушаю; да! это будетъ чудный праздникъ! Жена, мужъ и любовникъ! Ахъ, счастливая мысль, счастливая и притомъ нравственная! Судь любви ничего не придумаетъ лучшаго, чтобы наказать соблазнителя.

Король, пораженный этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, гдѣ высказывалось желаніе публично наказать виноватаго, и приписывая иронію Изабеллы ея негодованію, какъ предсѣдательницы суда, позволилъ себѣ лишь одно замѣчаніе:

— А какъ же герцогъ?

— О, герцогъ слишкомъ уменъ, чтобы обидѣться на выдумку короля шутовъ.

— Ну, если вы полагаете, что Людовикъ не разсердится, то я сдаюсь и даже возьму роль и себѣ. Кстати, мы можемъ доставить себѣ какое-нибудь пріятное развлеченіе теперь, когда французское королевство успокоилось, благодаря перемирію, заключенному нами съ Англіею. И такъ, мѣтръ Гоненъ, глава Безшабашныхъ, идите составлять церемоніаль празднества, касающагося насъ. Мы намѣрены принять въ немъ участіе въ костюмѣ забавномъ и миеологическомъ, такомъ, чтобы насъ не могъ узнать никто, кромѣ лицъ, одѣтыхъ подобно намъ. Кстати, господа, мы не желаемъ, чтобы на этомъ праздникѣ повторилась сцена, случившаяся два года тому назадъ, во время крестинъ дофина: тогда, во время самаго маскарада, придумали очень скверную, злую шутку—сразу потушили всѣ огни, отчего добродѣтель дамъ подверглась большимъ неприяностямъ. Господинъ шутъ, позаботьтесь, чтобы на праздникѣ ни въ чемъ не было недостатка, а также чтобы не растащили нашей серебряной посуды.

Король шутовъ низко поклонился, но въ то же время возвысилъ голосъ и отвѣчалъ нѣсколько грубовато:

— Это только игра словъ вашей милости, государь, антитеза, какъ мы говорили въ реторикѣ въ тѣ времена, когда я еще былъ

въ коллегіи, въ улицѣ Cour de Gueule... О, славное было времечко: былъ у насъ тамъ старикъ-профессоръ...

— Ладно, ладно, не изворачивайтесь. Нашъ дворцовый смотритель не разъ жаловался мнѣ, что не мало нашей серебряной посуды пропадало въ тѣ дни, когда ты со своей трупой устраивалъ у насъ празднества.

— Честное слово, государь, смотритель старый плуть, котораго слѣдуетъ повѣсить. Онъ самъ припряталъ эти вещи. Завтра я представлю вамъ доказательства, и если они будутъ точны и убѣдительны, то буду просить васъ пожаловать должность короля des Ribauds (?) одному моему кузену, за котораго я ручаюсь, какъ за самого себя.

— Довольно! Однако, наблюдай за своими дураками.

Король шутовъ опять поклонился и быстро вышелъ, боясь, какъ бы не отмѣнили приказанія.

Карль VI, этотъ болѣзненный король, у котораго здоровое состояніе чередовалось съ приступами меланхоліи и страшнаго угнетенія, очень часто раскаявался часъ спустя послѣ того, какъ дѣлалъ какую-нибудь уступку разорительнымъ фантазіямъ Изабеллы.

Спѣша поскорѣе выйти, глава Безшабашныхъ натолкнулся на входившаго въ эту минуту вельможу и принялся униженно кланяться ему и разсыпаться въ извиненіяхъ. Это былъ Іоаннь, герцогъ Неверскій, наслѣдникъ герцогства Бургундскаго, одинъ изъ могущественнѣйшихъ вассаловъ короля.

Но герцогъ прервалъ его веселымъ тономъ:

— Отъ принца къ принцу—рукой подать: давай же свою, великій герцогъ!

И схвативъ руку мэтра Гонена, онъ дружески сжалъ ее въ своей рукѣ, сильной и широкой, которая, въ случаѣ надобности, могла бы замѣнить тиски.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ принцъ съ широчайшими плечами, бычачьей шеей, съ лоснившимся лицомъ, немного кривоногій, мускулистый и нервный, былъ типомъ тѣхъ могучихъ рыцарей, съ закаленнымъ сердцемъ внутри и желѣзной броней снаружи, которыхъ поистинѣ можно назвать карриатидами среднихъ вѣковъ.

Онъ подошелъ къ королю, который сначала не разглядѣлъ его, и прошепталъ ему на ухо:

— Государь, у васъ при дворѣ есть плуты болѣе опасные, чѣмъ эти Безшабашные.

— А, а,—проговорилъ король.—Давно ли здѣсь, кузень?

— Нѣсколько минутъ; мнѣ сказали, что у васъ здѣсь совѣтъ, а такъ какъ мнѣ надо переговорить съ королемъ о дѣлахъ политическихъ...

— А, хорошо!—перебилъ король, зѣвая.—Но вы что-то сказали про плутовъ?

— Я имѣлъ въ виду вашихъ дядюшекъ,—смѣло отвѣчалъ герцогъ,—герцоговъ д'Анжу, Беррійскаго и Бурбона.

— Ба! это старая исторія!—вздыхнулъ король, пожимая плечами,—вы опоздали... Но такъ какъ вы собираетесь говорить о политикѣ, то мы сейчасъ же отправляемся въ большой совѣтъ и дадимъ вамъ аудіенцію.

Затѣмъ, поклонившись дамамъ и поцѣловавъ руку у королевы, король приказалъ вельможамъ идти за нимъ и вышелъ самъ, опираясь на руку Иоанна Неверскаго.

Какъ только король и человекъ десять дворянъ удалились изъ залы, Судъ любви преобразился: каждая дама пододвинулась поближе къ своей пріятельницѣ, составились группы, и отдѣльные разговоры, тихіе, какъ жужжаніе роя пчелъ, слышались по всей залѣ. Всѣ эти юныя и благородныя владѣлицы замковъ вынули изъ своихъ сумочекъ вышивки и стали работать пальцами, между тѣмъ какъ съ губъ ихъ сыпались комментаріи по поводу только что закрывшагося засѣданія Суда любви.

Королева, видимо озабоченная, съ нахмуреннымъ лицомъ и сжавъ губы, ушла къ себѣ.

Недоставало живописца, чтобы изобразить прелестную картину этого собранія. Нѣсколько дамъ усѣлись кружкомъ у огромнаго камина, гдѣ съ трескомъ горѣлъ чуть не цѣлый стволъ дерева. Кристина де Позанъ, облокотясь на ручку своего кресла, казалось прислушивалась ко всему, что говорилось вокругъ нея; но прекрасная венеціанка по всей вѣроятности мечтала о «dicts morgaux», которые тогда собиралась писать.

Рядомъ съ нею молодая жена камергера (chambellan) Саваози, величественнаго вида и съ ангельскимъ взглядомъ, наматывала золотыя нити на маленькую перламутровую катушку.

Подальше—статсъ-дама Изабеллы Баварской, съ нѣжнымъ лицомъ и бѣлокурьми волосами, раздѣленными на граціозныя кольца, твердила вполголоса балладу Алена Шартъе.

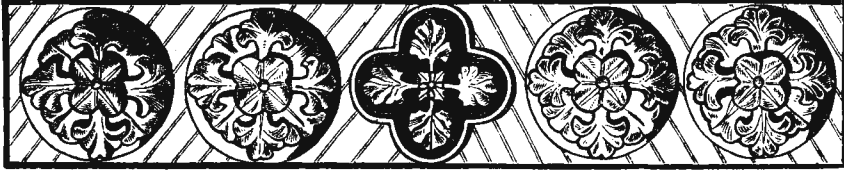
Живая и подвижная маршальша Бусико, волнуясь и кипятясь по поводу cadaго вздора, шумно расточала свои восклицанія и колола сосѣдокъ своей золотой шпилькой.

Между этими дамами различнаго возраста отличались герцогиня Беррійская, прекрасная блондинка, ея кузина, герцогиня Анжуйская, тоже не менѣе привлекательная блондинка; герцогиня Беррійская важная и серьезная, точно будто засѣданіе Суда любви еще продолжалось. Она раскрашивала рисунки на драгоцѣнной веленовой бумагѣ, между тѣмъ какъ дочь ея, обворожительный бѣсенокъ лѣтъ 13-ти—14-ти, гонялась за прелестной левреткой, которая, очертя голову, скакала между группами.

Чтобы дать больше простора этой шумной бѣготнѣ, группы разстроились; дамы собрались въ кучку. Нужно же было поговорить,

послѣ толковъ о любовныхъ похожденияхъ герцога Орлеанскаго, о предстоящемъ знаменитомъ маскарадѣ? Вѣдь едва оставалось времени для приготовления костюмовъ. Вышивки были спрятаны въ сумки и весь рой разлетѣлся, чтобы вынимать изъ бауловъ уборы и драгоценности и убѣдиться, что они достойны такихъ прекрасныхъ и знатныхъ дамъ.

II.

Государственный совѣтъ.

- «Мы видѣли народъ и дворъ лицомъ къ лицу,
- «Знать, окруженную блестящими войсками.
- «Народъ, съ оружіемъ идущій смѣло въ бой.
- «Она—дрожащая—была жалка съ гербами,
- «Онъ,—храбрый, былъ великъ своею ничетою».

СОЛНЦЕ СКЛОНЯЛОСЬ къ западу, когда король и герцогъ Неверскій, въ сопровожденіи членовъ государственнаго совѣта, вошли въ залу со сводами, украшенными золочеными арабесками. Совѣтъ, проникая черезъ стекла высокихъ стрѣльчатыхъ оконъ, игралъ на богатыхъ обояхъ, испещренныхъ золотыми и серебрянными французскими лиліями, покрывавшими стѣны обширной залы совѣта.

Посрединѣ этой залы стоялъ широкій и длинный столъ, покрытый зеленымъ саржевымъ ковромъ съ кистями изъ красной шерсти. На самой срединѣ этого ковра была вышита бѣлой шерстью огромная розетка, на которой стояла громадная чернильница, заключавшая въ себѣ также песокъ, сургучъ и королевскую печать. Кругомъ были разбросаны перья и листы бумаги.

Противъ короля помѣстился секретарь его Аленъ Шартъе, готовясь писать подъ диктовку своего повелителя.

Когда всѣ члены совѣта усѣлись и сняли шляпы, между тѣмъ какъ одинъ только король оставался съ покрытой головой, Карль VI обратился къ Иоанну Неверскому, который не сажился, что тогда было въ обычаѣ, если кто хотѣлъ держать рѣчь.

— Видите ли, кузень, какъ быстро нашъ Судъ любви обратился въ государственный совѣтъ... Ахъ! и Судъ любви бываетъ иногда столь же важень! Любовь приноситъ столько же заботъ,

какъ и ненависть... Но вы хотите говорить съ нами о чемъ-то важномъ. Начинайте.

— Вамъ извѣстно, государь,—началь Неверь,—что Сигизмундъ Венгерскій, вашъ вѣрный союзникъ, находится въ опасности: если христіанскіе государи не прійдутъ къ нему на помощь, то турки завоюютъ его королевство. Онъ уже не одинъ разъ просилъ васъ о помощи, и я пришелъ вамъ напомнить объ этомъ, потому что вокругъ васъ столько шума и гама отъ непрерывныхъ праздниковъ и пировъ, что голосъ погибающаго друга можетъ затеряться въ этомъ.

Эта гордая рѣчь смутила короля.

— Иоаннъ Неверскій, имѣете ли вы право подымать столь важный вопросъ, если вы еще не принимали участія въ нашихъ совѣтахъ?

Молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣчать, но вдругъ увидѣлъ входящаго Людовика Орлеанскаго. Послѣдній тоже увидѣлъ Невера, остановился на порогѣ и что-то сказалъ своему пажу, который тотчасъ же ушелъ.

Герцогъ Иоаннъ инстинктивно догадался, что въ этомъ обмѣнѣ словъ между принцемъ и пажомъ дѣло шло о немъ. Онъ весь вспыхнулъ, но сдержался:

— Совершенно справедливо, государь: я еще не принималъ участія въ вашихъ совѣтахъ. Однако, здѣсь же, въ этой залѣ, я вижу кое-кого, кто не старше меня, а между тѣмъ вмѣшивается въ управленіе государствомъ, что подобаетъ лишь людямъ старымъ, опытнымъ и свѣдущимъ въ наукѣ управленія государствомъ.

— Боже Истинный! Герцогъ, вы осмѣливаетесь дѣлать намеки на особу нашу?

— Сохрани меня небо! Вы—король и законно исполняете обязанности короля.

Затѣмъ, уже не скрывая своей антипатіи, онъ указалъ рукою на герцога Орлеанскаго, прибавивъ:

— Здѣсь рѣчь идетъ о кузенѣ моемъ, герцогѣ.

Физиономія Карла VI, на минуту омрачившаяся, сразу прояснилась, какъ только онъ увидѣлъ брата, къ которому и обратился съ улыбкой:

— А, а! Ты уже вернулся, Луи. Ну, садись же. Намъ тутъ много кое-чего рѣшить нужно. Но, прежде всего, займемся тѣмъ, что отвѣтить герцогу Неверскому.

— Если вы позволите мнѣ, братъ, я возьму это на себя.

Король утвердительно кивнулъ головою. Герцогъ Орлеанскій почувствовалъ себя смѣлѣе и началъ такъ:

— Развѣ военное дѣло, въ которомъ кузенъ нашъ пріобрѣлъ уже такую славу, прискучило ему? Или онъ полагаетъ, что совер-

шилъ уже слишкомъ достаточно, чтобы отдохнуть въ государственномъ совѣтѣ?

— Ваше присутствіе здѣсь, прекрасный кузень...

Іоаннъ Неверскій протянулъ слово прекрасный. Его прервалъ Людовикъ Орлеанскій: онъ захотѣлъ высококомѣрнымъ смѣхомъ и, вставъ съ мѣста, сказалъ ему:

— Продолжайте! Я принимаю эпитетъ прекраснаго: это принадлежность царской крови. Есть довольно другихъ для украшенія оборотной стороны медали.

Неверъ закусилъ губы, а всѣ члены совѣта скривили уголки рта: ни болѣе, ни менѣе они не могли сдѣлать. Дѣйствительно, Людовикъ Орлеанскій былъ прекрасный, стройный, граціозный, изысканно-любезный мужчина. Это былъ типъ благороднаго и изящнаго рыцаря, безукоризненно и очень роскошно одѣтаго.

Герцогъ Неверскій продолжалъ:

— Ваше присутствіе здѣсь, прекрасный кузень, ни въ какомъ случаѣ не можетъ подать мнѣ мысль, что военные труды служатъ обязательной прелюдией къ государственной дѣятельности.

Вмѣшательство короля прервало этотъ обмѣнъ колкостей.

— Слушайте, господа, развѣ мы здѣсь собрались затѣмъ, чтобы слушать ваши взаимныя насмѣшки; которыми вы обмѣниваетесь при каждой встрѣчѣ? Вернемтесь къ упреку, обращенному къ намъ нашимъ кузеномъ герцогомъ Бургундскимъ, за то, что мы медлимъ оказать помощь Сигизмунду Венгерскому.

— Этотъ упрекъ, государь,—возразилъ Неверъ,—если такъ вамъ угодно называть его, исходитъ не отъ меня, а отъ Филиппа Бургундскаго: слова сына только отголосокъ чувствъ отца.

— А, если такъ,—отрѣзалъ Орлеанскій, точно выстрѣлилъ изъ лука,—то пусть этотъ самый отголосокъ съ точностью передаетъ ему вотъ что: мы—добрые христіане и боимся Бога; но время крестовыхъ походовъ прошло и никогда не вернется. Во Франціи въ настоящее время миръ—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ регентство нашихъ дядюшекъ уступило мѣсто правленію короля, нашего брата.

Говоря это, Людовикъ указывалъ глазами на трехъ герцоговъ—Анжуйскаго, Беррійскаго и Бурбона, которые даже не шевельнулись.

— И вотъ,—продолжалъ герцогъ Орлеанскій,—не успѣли еще закрыться двѣ раны, черезъ которыя отчизна истекала кровью—разумію Англію и Италію, и малѣйшее движеніе можетъ раскрыть эти раны, отчего боль будетъ еще сильнѣе... Мы сдѣлали все для мира и надѣемся сохранить его; это поведетъ Францію къ благоденствію. Лилии, эмблемы нашей монархіи, не могутъ цвѣсти среди урагана.

— Это эмблема обманчивая и никуда не годная,—возразилъ

Іоаннъ Неверскій.—Старинные короли Франці имѣли въ гербѣ не цвѣты лиліи, но наконечники копій; это значило, что монархія можетъ держаться и крѣпнуть въ силѣ только войною. Они, конечно, это хорошо понимали, эти короли ваши предки, государь, если завели въ Палестинѣ нескончаемую войну, которая поддерживала мужество французскихъ вельможъ, улаживала ихъ раздоры и очищала страну отъ того избытка мятежной черни, которая столько разъ безпокоила тронъ... А посмотрите вокругъ, до чего мы дошли! Правда, у насъ миръ, но благоденствіе—гдѣ вы его видите? Непрiятель не разоряетъ больше нашихъ провинцій; но ваше дворянство оскорбляетъ и грабитъ народъ, а послѣ дворянъ—ихъ слуги, ихъ псары, до тѣхъ поръ, пока ничего не остается. Теперь уже не военныя издержки истощаютъ государственную казну, но роскошь, празднества! Прибавьте къ этому, что такой образъ дѣйствій все болѣе и болѣе уничтожаетъ любовь народа къ монархіи и уваженіе къ дворянству. Сколько уже было смуть, доказывающихъ это! Вы видѣли, какъ отказывались платить налоги; вы видѣли, какъ большіе города Парижъ и Руанъ не признавали королевской власти; Жаки, Мальотены доказали, что виланы уже не боятся вашихъ большихъ, закованныхъ въ желѣзо лошадей и украшеннаго гербами вооруженія вашихъ рыцарей. Вы много разъ уже пробовали надѣвать на нихъ свои доспѣхи и видѣли, что они приходились имъ впору, и что, при опущенномъ забралѣ, виланъ ничѣмъ не отличается отъ синьора. Чѣмъ же исправить все это зло? Я сказалъ уже, только войной; святая и благородная, она дастъ дворянству возможность очистить въ крови невѣрныхъ свои почти стертые гербы, возвратитъ ему утраченное уваженіе, которымъ народъ обязанъ дворянству.

Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе, но Орлеанскій скоро установилъ равновѣсіе.

— Уваженіе черни? Вотъ новости! Развѣ эти дураки смѣютъ осуждать своихъ господъ и властелиновъ, поставленныхъ надъ ними Богомъ? Они ли для насъ созданы или мы для нихъ? О, какой это гнусный народъ, грязный, безобразный! онъ лаеетъ и кусаетъ, какъ собака, всѣхъ безъ разбора. Боже правый! Съ самой фландрской войны,—я ненавижу эту чернь, а ужъ въ особенности парижскую, какъ самыхъ лютыхъ звѣрей. Вѣдь тогда, во всѣхъ большихъ городахъ Франці, чернь была противъ насъ и сочувствовала бунтовщикамъ, которыхъ мы шли бить. А что мы нашли по возвращеніи? Парижская сволочь овладѣла властью, и если бы обезумѣвшіе отъ страха буржуа не отперли намъ ворота, то пришлось бы осаждать Парижъ. И при подобномъ-то положеніи дѣль тутъ хотятъ, чтобы дворянство шло на смерть за четыреста миль отсюда, оставя свое имущество и власть въ рукахъ разныхъ Жаковъ, Мальотеновъ, или еще какой-нибудь народной партіи.

Честью клянусь, я скорѣе согласенъ, чтобы Франція попала во власть...

— Братъ!—закричалъ Карль VI, вскочивъ съ мѣста,—не извращай вопроса, не кощунствуй! Кому же тогда кричать: «да здравствуетъ Франція!» если не Людовику французскому?

Король опять сѣлъ, а одобрительный шопоть успокоилъ его волненіе. Иоаннъ Неверскій усмѣхнулся; герцогъ Орлеанскій попросилъ у короля извиненія и продолжалъ:

— Что же касается нашей роскоши, нашихъ празднествъ, нашей расточительности, которые вы порицаете, сынъ Филиппа, то они гораздо болѣе нужны для нашей политики, чѣмъ для нашего удовольствія. Необходимо держать въ нищетѣ этотъ народъ, который въ довольствѣ тотчасъ же подыметъ голову и во время войны пользуется нашими денежными затрудненіями, чтобы откупаться на волю. Скоро половина страны будетъ свободна, а такое положеніе для этихъ людей чудовищно, противоестественно.

Герцогъ Бургунскій хотѣлъ возражать, но сиръ Гюгъ де-Гизей, поддерживавшій политику королевскаго брата, перебилъ его.

— Помимо городовъ,—сказалъ онъ,—которые большею частью уже свободны, даже въ деревняхъ уже встрѣчается мужичье, у которыхъ есть собственные дома, земли, фермы...

— Да я же говорю!... Это чудовищно,—вскричалъ Орлеанскій, смотря съ ироніей на кузена. — А сколько есть дворянъ, которые думаютъ, что жены ихъ существуютъ только для нихъ однихъ!

Иоаннъ Неверскій, казалось, не почувствовалъ этого удара прямо въ грудь; онъ только прошепталъ такъ тихо, что никто не слышалъ:

— Бѣдная Маргарита!

— Есть даже такіе,—продолжалъ сиръ Гюгъ,—которые ѣздятъ на лошадахъ, будто дворяне, и водятъ за собой лакеевъ, точно такъ, какъ наши лакеи водятъ за собою собакъ.

Каждый изъ членовъ совѣта, по примѣру сира де-Гизей, вставилъ свое слово, отпустилъ насмѣшку на счетъ народа.

— Вы слишкомъ далеко заходите въ вашихъ рѣчахъ, господа,—замѣтилъ король добродушно, но видимо взволнованный.—Я, право, не вижу худого въ томъ, чтобы простой народъ пользовался кое-какимъ довольствомъ и хотя небольшой свободой. Я вижу теперь, что это общій недостатокъ воспитанія, въ силу котораго людей низшаго класса до сихъ поръ цѣнили ни во что, между тѣмъ, многіе изъ нихъ обладаютъ и мужествомъ, и благородствомъ души; поэтому, я вовсе не раздѣляю образъ мыслей моего брата, который полагаетъ, что держать ихъ въ повиновеніи можно только притѣсненіями и тяжкими налогами. Я уже уничтожилъ многіе налоги, по ходатайству университетскаго канцлера, и еще уничтожу нѣкоторые, въ свое время. Я всѣми силами противлюсь расточенію обще-

ственной казны. Но что касается частныхъ празднествъ, на которыя вы, Иоаннъ Бургундскій, жалуетесь, то этому виною мое плохое здоровье. Доктора постоянно твердятъ мнѣ, что я могу вылечиться только при непрерывныхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ.

— Государь, здоровье ваше, повидимому, не такъ дурно.

— Теперь оно, конечно, лучше; но вы забываете, что эти мрачныя мысли, этотъ упадокъ духа, которымъ я подверженъ, вызваны были переутомленіемъ во время похода; достаточно какого-нибудь душевнаго потрясенія, чтобы припадки вернулись съ новой силой, а можетъ быть и того хуже... Однако, если мнѣ не суждено, подобно королямъ, предкамъ моимъ побѣждать невѣрныхъ, во имя Бога и чести, то я могу послать вспомогательный отрядъ, правда, незначительный, но которому я надѣюсь придать важное значеніе въ глазахъ нашего союзника, назначивъ начальникомъ этого отряда васъ, герцогъ Неверскій.

— Государь, я сочту это за счастье и буду гордиться такой честью.

Король знакомъ руки подовзвалъ къ себѣ Жана Бусико, маршала Франціи и своего друга дѣтства. Нѣсколько минутъ они вполголоса говорили между собою, послѣ чего маршалъ вернулся на свое мѣсто, а Алень Шартъе составилъ нѣчто въ родѣ протокола засѣданія и подалъ Карлу VI-му, который, подписавъ бумагу, передалъ ее камергеру (chambelan) Карлу де-Савоази. Затѣмъ король снова заговорилъ:

— Вы сами видите, кузень, это засѣданіе утомило меня... голова у меня слаба. Приходите завтра во время совѣта, мы подумаемъ, какъ устроить все это. А пока, въ ожиданіи, не хотите ли присутствовать сегодня вечеромъ на нашемъ праздникѣ? будетъ шумно и весело. Въ этомъ мое леченіе... мнѣ нуженъ блескъ, веселье, танцы. Это меня развлекаетъ, разгоняетъ эту меланхолію, которая, повидимому, угрожала моему разуму...

— Богъ да помилуетъ васъ, государь, а также Францію!

— Благодарю васъ за короля, моего брата, герцогъ Неверскій. Ахъ! если вы пожалуете сегодня, то привезите намъ герцогиню Маргариту. Она будетъ блистать при дворѣ, какъ богиня Венера на Олимпѣ, и это будетъ большая честь для васъ—ея счастливаго супруга.

— То есть Вулкана, если уже продолжать аллегорію,—пробормоталъ сиръ Гюгъ.

— Благодарю, кузень, но герцогинѣ Маргаритѣ нечего дѣлать на вашихъ праздникахъ и шутовствахъ. Ваши придворныя дамы привычнѣ къ этому, онѣ могутъ болѣе блистать, чѣмъ она. Ее бы это стѣсняло... Еще разъ благодарю васъ и прощайте.

Послѣ этого ледяного привѣтствія, герцогъ вышелъ изъ залы, которая мало-по-малу и совсѣмъ опустѣла. Засѣданіе было кончено, публика разошлась, остались только король и братъ его.

— Вы отлично придумали, ваше величество,—сказалъ герцогъ Орлеанскій,—удалить отъ двора этого толстаго бургундца. Противенъ онъ мнѣ съ своимъ цензорскимъ тономъ и манерами ското-торговца. Да и вся эта бургундская семья смахиваетъ на мужиковъ, точно они вышли изъ черни!

— Ну этотъ, по крайней мѣрѣ, доблестный рыцарь; я уважаю его еще больше чѣмъ люблю.

Разговаривая такимъ образомъ, братья вышли изъ залы засѣданій и направлялись по галлереймъ отеля Сенъ-Поль, которыя вели въ садъ. Пройдя его, они поднялись по ступенькамъ крыльца, примыкавшаго къ другому флигелю зданія, гдѣ находились апартаменты короля и вошли въ одну изъ комнатъ. Здѣсь былъ обширный каминъ, въ которомъ пылало толстѣйшее полѣно, распространяя пріятную теплоту, которую, впрочемъ, можно было почувствовать только усѣвшись поближе.

Король и герцогъ подошли къ камину, взяли каждый по стулу, сѣли и нѣкоторое время молча грѣлись.

Въ эту минуту на стѣнѣ въ глубинѣ комнаты вырисовалась тѣнь женщины. Стѣна эта была покрыта не обоями, а толстой фландрской кожей, на которой привѣшено было нѣсколько картинъ Жана Море, Тиціана той эпохи, у котораго Людовикъ Орлеанскій научился живописи на стеклѣ.

Карль VI, слегка продрогнувъ, собирался коснуться щекотливаго вопроса о Колинѣ Демеръ, обольщенной и брошенной, затѣмъ перейти къ замужеству Марьеты д'Ангіенъ, спросить объ имени офицера, такъ любезно подслужившагося капризамъ принца, у котораго была молодая и хорошенькая жена, красавица Валентина Висконти, покинутая своимъ супругомъ и повелителемъ и изнывавшая въ его отелѣ де-Брегень.

Старшій братъ собирался прочесть младшему брату цѣлую лекцію о нравственности, но вошла королева Изабелла Баварская и усѣлась по-отдаль. Она смотрѣла на нихъ обоихъ, сравнивая одного — изящнаго, стройнаго, красиваго, съ королемъ, хилымъ, болѣзненнымъ, блѣднымъ, съ незначительными чертами лица, не выказывавшими и той доли ума, какая была ему отпущена небомъ.

Изабелла съ презрительнымъ сожалѣніемъ смотрѣла на своего изящнаго, дрожавшаго отъ холода мужа, забывая, что отель Сенъ-Поль почти не отапливался, что король простудился въ залѣ Совѣта, гдѣ даже не было камина. Въ тѣ времена это не было рѣдкостью даже при дворѣ.

Изъ историческихъ документовъ видно, что залы парламента, гдѣ засѣданія начинались съ семи часовъ утра, освѣщались лишь двумя свѣчами желтаго воска, а печей не топили вовсе. Члены

парламента до такой степени заблѣ, что часто не могли вести засѣданій.

Въ отелѣ Сенъ-Поль, какъ повѣствуетъ хроника, отапливались только три комнаты: спальни короля и королевы и зала, куда мы ввели читателя. Изъ уваженія къ дамамъ зажигали также охапку дровъ въ залѣ, гдѣ засѣдалъ Судъ любви; но какъ только засѣданіе кончалось, дрова тушили.

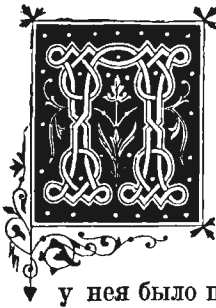

III.

Изабелла Баварская.

«Не рѣдко въ часъ ночной мнѣ снится страшный сонъ
«И пробуждаюсь я... какъ камень давить онъ.
«Любовь, желанія и ревности томленья
«Мнѣ отравляютъ жизнь въ минуту пробужденья».

БЫЛКАЯ, НАДМЕННАЯ, самовластная, съ неизмѣнно сжатыми углами рта, Изабелла Баварская съ перваго взгляда казалась необузданной и злой. Но въ спокойномъ состоянїи духа ея фizioномїя представляла собою спокойную, нѣсколько строгую германскую красоту. Кровь галловъ, смѣшавшись съ кровью скандинавовъ и итальянцевъ, расцвѣла въ ней пышнымъ цвѣткомъ. Лицо у нея было продолговато, носъ съ небольшою горбинкой, тонкія губы, густыя брови дугой, большіе голубые глаза съ длинными шелковистыми рѣсницами; блестящїе зрачки этихъ глазъ дышали сладострастїемъ; лицо было бѣлое съ розовыми щеками. Руки у ней были удивительной формы: маленькія, съ ямочками. Ея свободная осанка напоминала скорѣе югъ, чѣмъ западъ, словомъ все въ ней дышало нѣгой и страстностью.

Изабелла бывала иногда весела, рѣзва, даже шаловлива; но теперь лицо ея выражало совсѣмъ другое: вся ея сосредоточенная фигура напоминала скульптурное изваянїе, низкій лобъ былъ нахмуренъ, поблѣднѣвшія губы выражали досаду, и съ ея кошачьей граціей она теперь напоминала львицу.

Ея не замѣтилъ пока ни одинъ изъ братьевъ, и она не знала, на что рѣшиться: подойти ли къ нимъ или же удалиться такъ же неслышно, какъ и вошла. Дождется ли она случая увидѣться безъ свидѣтелей, глазъ-на-глазъ, съ герцогомъ Орлеанскимъ?

Остатокъ стыда боролся въ сердцѣ супруги съ пылкостью любовницы, чуждой великаго самообладанія. Но стыдъ напрасно боролся противъ ревности: статуя медленно скользнула съ подмостковъ и очутилась какъ разъ передъ герцогомъ, который тотчасъ же всталъ и предложилъ ей свое мѣсто.

— Какъ! это вы, королева? Какой пріятный сюрприз!— сказалъ онъ.

— Вы бы постыдились говорить со мною, герцогъ, послѣ того, что мы узнали!

— А что же вы узнали такого важнаго?

— Да вы откуда теперь, позвольте васъ спросить?

— Мы сейчасъ только изъ Совѣта.

— А до Совѣта гдѣ вы были?

Орлеанскій медлиль отвѣтомъ. Король, улыбаясь, мѣшалъ въ каминѣ огонь и въ душѣ восхищался мыслью, что у него жена— настоящая Лукреція, президентъ Суда любви, такъ строго относящаяся къ поведенію принца крови.

Въ глубинѣ души Карлъ VI чувствовалъ снисхожденіе къ брату и говорилъ самъ себѣ:

— Онъ на четыре года моложе меня; у него желѣзное здоровье, огненный темпераментъ, пылкое воображеніе!

И добрый братъ, добрый король, продолжалъ еще усерднѣе вращать головни.

— Гдѣ же вы были до Совѣта?— повторила королева, раздраженная молчаніемъ принца.

— Передъ Совѣтомъ я присутствовала на свадьбѣ Маріеты Англенской съ однимъ изъ моихъ офицеровъ, мессиромъ Оберомъ ле Фламанъ.

— Такъ это правда? вы не отрицаете?

— Зачѣмъ же мнѣ отрицать? Я даже не понимаю, почему вы удивлены, королева, вѣдь вы даже приданое дали невѣстѣ.

— Вы такъ просили меня объ этомъ! Но тогда я не знала, почему вы такъ упорно хотите выдать эту дѣвушку за человѣка непріятнаго и смѣшнаго, и почему она нисколько не противилась этому.

— Она бѣдная дѣвушка. Я дарю ея мужу, Оберу ле Фламанъ, значительное помѣстье; она станетъ теперь дамой высшаго общества. Для нея это партія, какихъ, по нынѣшнимъ временамъ, не много.

— А-а! вы дарите ея мужу помѣстье? А тутъ кто-то говорилъ, что вы кетати дарите ему и наслѣдника... Это достойно такого благороднаго принца, какъ вы... такого...

Изабелла готова была забыть о присутствіи короля; раздраженіе увлекало ее. Вдругъ она остановилась.

— Вы, конечно, шутите, королева, — сказалъ герцогъ двусмы-

сленнымъ тономъ, въ которомъ было и желаніе удержать Изабеллу, и вызовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — съ укоризною вмѣшался король, — королева не шутитъ! Вѣдь вы, братъ мой, какъ сюзеренъ, имѣете же право первой ночи.

— Если бы вы, государь, и не уничтожили этого права, то я не сталъ бы пользоваться имъ. Я не хотѣлъ бы такъ плохо вознаграждать вѣрнаго слугу.

— Хорошо, Луи, очень хорошо! Я желаю, чтобы въ мое царствованіе законы пользовались уваженіемъ, и вы первый должны подавать тому примѣръ.

Изабелла, задѣтая за живое настолько же мужемъ, насколько любовникомъ, заговорила съ живостью:

— Къ чему это лицемѣріе, эти извороты, герцогъ? Развѣ вы не видите, что намъ хорошо извѣстна эта исторія? А отъ кого мы ее знаемъ? Отъ другой дѣвушки, брошенной вами.

— О комъ вы говорите?

Орлеанскій, повидимому, искренно не понималъ въ чемъ дѣло.

— О комъ? Мало ли ихъ у васъ! О Колинѣ Демеръ! вы два раза виноваты! вы сдѣлали два преступленія, двѣ подлости!

— Именемъ Феба, государыня! Стоить ли самый обыкновенный случай такой грубой брани.

— Да, — сказалъ король, переставъ ворочать въ печкѣ, — ты, Изабелла, заходишь слишкомъ далеко.

Онъ всталъ, оттолкнулъ ногою стулъ и заговорилъ тономъ властнымъ и въ то же время какъ будто примирительнымъ:

— Я думалъ, что вы шутите, а выходитъ, что вы оба выходите изъ себя. Твои глаза пышутъ гнѣвомъ, Людовикъ, а по вашимъ глазамъ, королева, видно, что и вы сильно раздражены; это ужъ ссора. Да развѣ же при французскомъ дворѣ подобное приключеніе новость? Благодареніе Богу, любовные грѣхи всегда отпускаются. Мой указъ противъ разврата направленъ только противъ насилія. Если прародители наши были наказаны за ослушаніе, то и тогда наибольшее наказаніе понесла женщина. А мы прибавили къ этому наказанію еще стыдъ. Женщина сама должна непрестанно беречь свою честь. Слѣдовательно, тамъ гдѣ не было насилія, нѣтъ и преступленія, а лишь проступокъ, единственнымъ оружіемъ противъ котораго мы ставимъ выговоръ. Постановивъ это, мы по закону, предоставляемъ вамъ, королева, какъ предсѣдательницѣ Суда любви, наложить на Людовика штрафъ; но какъ государыня, вы должны относительно его воспользоваться правомъ помилованія, точно такъ же, какъ поступаю и я, а затѣмъ, пусть объ этомъ больше и рѣчи не будетъ.

Королева слушала, нахмутивъ брови.

— Ну, полно!—сказаль Карль VI, уже вполне добродушно,— подайте другъ другу руки.

— Не зачѣмъ, — пробормотала Изабелла, — я объ этомъ больше говорить не стану.

— Руку подайте! *Cordieu!*... Что же, я не король, что ли? Руку, говорятъ вамъ! А!... ну, хорошо! Нагнитесь, королева, чтобы я могъ поцѣловать васъ въ знакъ примиренія. Ну, теперь я пойду распорядиться на счетъ нашего бала. Это нашъ первый балъ на масляницѣ, и я хочу, чтобы онъ былъ великолѣпнѣе.

Очень довольный своимъ судомъ, Карль VI ушелъ, и пока слышны были его шаги, раздававшіеся по плитамъ, оба противника сидѣли молча другъ противъ друга. Но едва звукъ шаговъ замолкъ въ отдаленіи, тонъ разговора между Изабеллой и Орлеанскимъ круто измѣнился: ты замѣнило вы и ссора снова возгорѣлась.

— Съ ума ли ты сошла, Изабелла, — сказалъ герцогъ. — Развѣ можно было говорить со мною такъ при немъ?

— Я не могла удержаться отъ гнѣва, до котораго довела меня твоя измѣна. И теперь еще, если бы я не удерживалась, я бы разодрала тебѣ ногтями все лицо.

— Вотъ ужъ чисто германская ревность, моя красавица. Наши французскія дамы такъ не дѣлають.

— Оттого, что онѣ меньше любятъ.

— Нѣтъ, а оттого, что онѣ лучше мирятся съ жизнью. Будемъ говорить напрямикъ, моя королева; связавшись съ тобой, я вѣдь не заключаль условія быть у тебя въ кабалѣ.

— Значить, кабала выпала только на мою долю?

— Нисколько! И мнѣ, и тебѣ предоставляется полнѣйшая свобода.

— Ахъ! у тебя нѣтъ ни сердца, ни души!

— Я вамъ сейчасъ докажу противное: я прочту вамъ балладу, сочиненную въ похвалу вамъ. Садитесь и слушайте.

— Вы издѣваетесь, Луи, мы очень виноваты передъ королемъ, и ваше поведеніе служить мнѣ жестокимъ наказаніемъ.

— О, пожалуйста, ни слова объ этомъ, моя прекрасная королева! любовь и угрызенія совѣсти — эти два слова не риѣмуютъ. Лучше прослушайте мои стихи.

— Людовикъ, эта дѣвушка, которую вы выдали замужъ, останется при васъ?

— Это будетъ зависѣть отъ ея мужа.

— Ну, слушайте. Я согласна забыть ваше вѣроломство только съ однимъ условіемъ. Вы дали имъ помѣстье; пусть они уѣдутъ туда завтра же. Я требую этого.

— Вы очень недовѣрчивы, Изабелла. Вѣдь теперь при ней будетъ мужъ, который будетъ стеречь ее. Это одинъ изъ моихъ лучшихъ офицеровъ.

— Одинъ изъ самыхъ преданныхъ вамъ? да? преданный до безстыдства!

— Вы клеветаете на него!

— Такъ вы очень дорожите ею, этой женщиной! Но, все равно, я остаюсь при своемъ.

— Хорошо, будь по вашему... но послушайте же мою пѣсню.

— Такая и пѣсня видно, какъ ваша любовь!

— Она написана очень труднымъ метромъ. Риѣмы у нея особенныя; это аллегорія, изъ которой видно, что она вдохновлена королевой!

— Ахъ, я знаю васъ, пустой риѣмоплеть! Вы ничего не любите, кромѣ шума, празднествъ, кромѣ того, что блеститъ и сіяетъ, прекрасныя цвѣты, пѣсни, раззолоченныя одежды, перемѣнныхъ любовницъ. Вы жестокий и безцѣльный честолюбецъ, вы занимаетесь политикой только затѣмъ, чтобы имѣть средства удовлетворять вашей нелѣпой расточительности; вы любите искусства отъ бездѣлья и изъ тщеславія; вы рыцарь только на турнирахъ, но васъ страшитъ война съ ея трудами и опасностями; вы полюбили меня мимоходомъ, какъ всякую другую, недурную собою женщину; и вотъ теперь васъ уже удивляетъ и тревожитъ страсть, неосторожно пробужденная вами изъ-за каприза, страсть, которая опутываетъ васъ, и вы замѣтили это только сегодня, какъ птица, которая въ первый разъ потянетъ цѣпочку и чувствуетъ себя на привязи.

Королева была права: герцога тревожила ея пылкость; онъ хотѣлъ позабавиться надъ ней.

— Чтобъ говорить такъ долго, нужно, по крайней мѣрѣ, сѣсть.

Подтолкнувъ къ камину кресло, Орлеанскій хлопнулся въ него и принялся мѣшать уголья, какъ только-что мѣшалъ король, братъ его. Въ такомъ положеніи онъ слушалъ королеву съ видомъ чело-вѣка, рѣшившагося выдержать цѣлый часъ скуки.

Изабелла не замѣтила или притворилась, что не замѣчаетъ этого скучающаго вида. Она продолжала свою отповѣдь, какъ женщина, рѣшившаяся настоять на своемъ и добиться повинной отъ этого герцога, который измѣнялъ ей для соперницъ, недостойныхъ королевы.

— Людовикъ,—говорила она,—неужели вы никогда не будете благоразумнѣе? Если бы я думала, что все это лишь увлеченія молодости, я бы переносила терпѣливо; любя васъ, я также думаю и о будущемъ. Я вѣдь не то, что обольщенная дѣвочка, которая плачетъ и честь которой прикрываютъ бракомъ. Чтобы заставить меня измѣнить обязанностямъ супруги и королевы, нужны были могучія чары; и горе вамъ, если связь, соединяющая насъ, была съ вашей стороны лишь прихотью мимолетной фантазіи! А я? Я вложила въ это всю душу свою, всю мою жизнь въ этомъ мѣрѣ, а въ будущемъ—можетъ быть вѣчное проклятiе...

При этихъ послѣднихъ словахъ, герцогъ поднялъ голову, но почти тотчасъ же опустилъ ее, подъ пронизательнымъ взглядомъ, въ которомъ доканчивалась мысль, трудно выражаемая словами.

Изабелла продолжала, задыхаясь:

— Куда только не завлекло меня желаніе создать вамъ славу и могущество! Чего я ни дѣлала, чтобы предоставить вамъ въ королевствѣ власть, которой вы пользуетесь за устраненіемъ дядей короля и этого Іоанна Неверскаго, который завидуетъ вамъ и ненавидитъ васъ! Сказать ли вамъ все? Въ ослѣпленіи моей страсти, совершенно безкорыстной, имѣющей цѣлью только вашу будущность, развѣ не мечтала я иногда, что между вами и престоломъ стоитъ лишь слабый и болѣзненный король, для котораго смерть была бы можетъ быть благодѣяніемъ, лишь бы только она была спокойная и медленная.

Орлеанскій вскочилъ съ мѣста, выпрямился во весь ростъ и, отступая въ ужасѣ, вскрикнулъ:

— Что вы говорите, королева!

— Да, я настолько люблю тебя,—холодно проговорила Изабелла.

— Что же это за любовь? Она страшитъ меня. Или мы вернулись къ временамъ королей первой династіи? Или вы хотите присоединить имя Изабеллы Баварской къ именамъ Брунгильды и Фредегонды?

— А! ты думаешь, что можно безнаказано играть счастіемъ женщины такой, какъ я! совратить ее со стези добродѣтели и потомъ бросить, какъ выдохшійся цвѣтокъ? Нѣтъ, нѣтъ! Разъ свернувъ, благодаря тебѣ, съ пути добра, я почувствовала какъ въ душѣ моей проснулись новыя свойства. Честолюбіе охватило меня, когда я увидѣла, что власть уходитъ изъ рукъ моего супруга и возвращается къ его дядьямъ; и это честолюбіе послужитъ только въ пользу тебѣ, если ты захочешь, или же ты будешь только орудіемъ его. Выбирай же! но знай, что отступленіе невозможно.

— Королева, вы приводите меня въ ужасъ и глубоко огорчаете. Какое бремя вы хотите возложить на мою лѣнность, мою беззаботность? Если я возвышалъ голосъ въ Совѣтѣ, если я даже принималъ участіе въ политикѣ, то единственно изъ желанія поддержать привилегіи дворянства, на которое такъ часто стали нападать въ послѣднее время, да еще чтобы не допустить войны, которую ненавижу всѣмъ сердцемъ. Но домогаться власти! Примѣрять на голову себѣ корону? Э, ваше величество, она и не удержится на мнѣ, она упадетъ мнѣ на шею, какъ ошейникъ невольника.

Королева закрыла себѣ лицо обѣими руками и прошептала:

— Корона или ошейникъ—ты ихъ попробуешь.

Въ эту минуту любимый пажъ герцога, постучавшись въ дверь, вошелъ въ залу и прямо подошелъ къ герцогу.

— Пажъ, что тебѣ надо?

Пажъ проворно сунулъ въ руку принца письмо, прошептавъ:

— Ваше высочество, отъ герцогини Неверской.

Потомъ громко, какъ будто только въ этомъ и состояло его порученіе, проговорилъ:

— Мессиръ Оберъ ле Фламанъ съ супругою желаютъ вамъ представиться.

— Пусть подождутъ! Я теперь занятъ съ королевой.

— Пусть войдутъ,—сказала Изабелла.

— Пожалуй, пусть войдутъ!—проговорилъ безпечно Людовикъ.

Когда пажъ вышелъ, Изабелла Баварская поспѣшила прибавить повелительнымъ тономъ.

— Пусть войдутъ и пусть сейчасъ же уѣзжаютъ въ свое помѣстье,—слышите ли?

И, не дожидаясь отвѣта герцога, она быстро вышла.

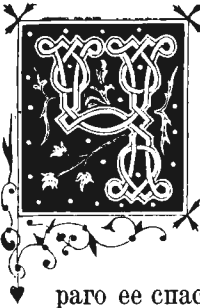

IV.

Мариета д'Ангіенъ.

- «О, отпусти меня! еще свободна я!
- «Потомъ мнѣ не уйти, потомъ, объѣтъ забывши
- «И умирая, все жъ скажу: люблю, люблю, твоя...
- «Но счастливъ будешь ли, всю жизнь мою разбивши?»

ИТАЯ посланіе, принесенное пажемъ, Людовикъ Орлеанскій, съ свойственнымъ ему легкомысліемъ, уже не думалъ объ обидѣ, нанесенной ему дочерью Стефана II, графа-палатина Рейнскаго, и Тадеи Висконти. Онъ чувствовалъ потребность забыть на время о той силѣ, которая, какъ со ступеньки на ступеньку, толкала Изабеллу, сначала къ прелюбодѣянью, теперь къ царубійству... отъ котораго ее спасло впослѣдствіи сумасшествіе короля.

Дѣйствительно, со времени болѣзни короля, правленіе перешло въ руки его жены.

Людовикъ Орлеанскій, которому предназначено было сдѣлаться отцомъ весьма извѣстнаго поэта Карла Орлеанскаго, и самъ временами отдавался поэзіи; но прежде всего это былъ человѣкъ страстно любившій удовольствія и повременамъ впадавшій въ благочестіе.

Влюбчивый по темпераменту, чуждый сословныхъ предразсудковъ, онъ увлекался и брюнеткой, и блондинкой, дворянкой и мѣщанкой, городской дѣвушкой или сельской вассалкой; всѣ онѣ имѣли одинаковое право на его мимолетную любовь.

Роскошный бюстъ, тонкая талія, стройные члены привлекали и восхищали его. Красивая рука и маленькая ножка приводили его въ экстазъ.

И обо всемъ этомъ мечталъ Орлеанскій, читая письмо Маргариты Гено—герцогини Неверской, ибо Маргарита обладала всѣми этими совершенствами.

Но появленіе Маріеты д'Ангіенъ, за которою слѣдовалъ ея мужъ, заставило его забыть обаятельную мечту для милой дѣйствительности.

— Подойдите, Оберъ, и вы, наша милая новобрачная.

Слово наша не произвело никакого впечатлѣнія на мужа, но заставило покраснѣть молодую женщину, отчего она стала еще красивѣе.

— Ну что,—продолжалъ герцогъ,—мой капеланъ, отецъ Легранъ, сказалъ вамъ хорошую проповѣдь? Я ушелъ тотчасъ по окончаніи мессы, потому что этотъ соперникъ кавоника Герсона, если бы увидѣлъ меня во время проповѣди, то навѣрное прочелъ бы мнѣ длинное наставленіе по поводу роскоши моей одежды.

— Я полагаю, ваша свѣтлость, что онъ сдѣлалъ бы это лишь для того, чтобы лучше выставить благородство души вашей и ваше великодушіе,—отвѣтилъ Оберъ.

— Слушайте, Оберъ: я жалую васъ помѣстьемъ де-Кони, близъ Ножана на Марнѣ, приписанное къ моему замку де Боте. Я желалъ, предоставивъ вамъ титулъ и доходы съ этого имѣнья, удержать васъ при особѣ нашей. Но непредвидѣнное обстоятельство заставило меня измѣнить свое намѣреніе: вы завтрашній же день отправитесь жить въ своею помѣстьѣ.

— Какъ, ваша свѣтлость! О, для меня это крайне прискорбно.

— Нѣтъ, это рѣшено. Но я часто буду ѣздить въ свой замокъ Боте, когда буду охотиться въ Венсенскомъ лѣсу—это совсѣмъ близко отъ вашего помѣстья—и тогда буду вызывать васъ къ себѣ... И такъ, сиръ де Кони, отправляйтесь проститься съ вашими родными, съ друзьями и привести въ порядокъ ваши дѣла, если только они у васъ есть. Ступайте!

— Благодарю, ваша свѣтлость, и спѣшу воспользоваться вашимъ позволеніемъ. Жена моя, если позволите, ваше высочество, останется въ приѣмной, до возвращенія моего.

— Пусть она останется здѣсь. Здѣсь топлено, и женѣ вашей будетъ здѣсь гораздо лучше... Кстати, мнѣ нужно передать ей нѣсколько словъ отъ имени королевы, которая пожаловала ей приданое.

Оберъ раскланялся и вышелъ съ большимъ достоинствомъ.

Титулъ сира де Кони сдѣлалъ изъ него другого человѣка; иначе сказать, эта напускная важность, въ придачу къ его военнымъ ухваткамъ и грубой фізіономіи, дѣлала его болѣе уморительнымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. На первый разъ этотъ усатый и бородатый солдатъ производилъ отталкивающее впечатлѣніе. На его загорѣлыхъ рукахъ выдавались мелкіе мускулы, точно дубо-

вые сучья, и свидѣтельствовали о геркулесовской силѣ. Его вульгарное сожженное солнцемъ лицо было шероховато, какъ кора столѣтняго кедра. Красноватые нерасчесанные волосы, похожіе на кучу бурьяна, обрамляли щеки, испещренные веснушками, точно осенними листьями. На ходу, онъ стучалъ такъ, будто ударялъ заступомъ. Когда онъ стоялъ на мѣстѣ, въ полномъ вооруженіи, по его неподвижности, можно было сказать, что онъ пустилъ въ землю корни.

Взглядъ его, блестящій словно факель, показывалъ въ одно и то же время и наивное, безграничное довѣріе, но также и пылкость свирѣпаго характера, смотря по обстоятельствамъ.

Конечно, и король шутовъ не похожъ былъ на Адониса; онъ тоже былъ одаренъ рѣдкой физической силой, но далеко не былъ такъ безобразенъ, какъ капитанъ Оберъ и не имѣлъ такой мускулатуры. Было еще одно рѣзкое различіе между этими двумя обиженными природой людьми: комедіантъ одаренъ былъ высокимъ умомъ, между тѣмъ какъ у солдата было только непреклонное упорство. Первый смѣялся надъ своимъ врагомъ, осыпая его эпитаграммами; второй долго обдумывалъ ударъ, который хотѣлъ нанести; натягивалась тетива, стрѣла летѣла, свистѣла, достигала цѣли, и врагъ падалъ, чтобы никогда больше не вставать... Какъ увидимъ впослѣдствіи.

Какъ только затихъ звукъ шаговъ сира Кони, раздавшійся по плитамъ точно стукъ заступа, Людовикъ Орлеанскій устремилъ взоръ на Мариету,—взоръ, въ которомъ свѣтилась новая страсть, новое удивленіе, точно будто онъ видѣлъ ее въ первый разъ.

Повѣритъ ли читатель? Ему на минуту стало какъ будто совѣстно; но, спустя минуту, онъ уже рассуждалъ самъ съ собою:

«Э, что тамъ! Любовь—любовью, а дружба—это только призракъ. Пусть себѣ Аленъ Шартъ сколько хочетъ доказываетъ, что преданность истиннаго друга такъ же благородна, какъ и мученичество. Мысль, конечно, прекрасная, но жена моего друга ле Фламана еще прекраснѣе».

Такъ рассуждалъ братъ короля; если приведенная выше аксіома не удержала его, когда онъ обольстилъ свою невѣстку, то ужъ, конечно, онъ не могъ поставить на одну доску дружбу своего брата и преданность сира де Кони.

Онъ пожиралъ жгучими глазами молодую женщину въ костюмѣ новобрачной. Скромно и со вкусомъ, для той эпохи, сдѣланное платье выказывало матовую бѣлизну плечъ; свѣтло-бѣлокурые шелковистые локоны обрамляли милое лицо, подернутое усталостью и грустью.

Печально и тоскливо вспоминала Мариета свою прежнюю чистоту. Впечатлѣніе, оставшееся на ней послѣ брачной церемоніи, придавало глазамъ ея выраженіе робости. Эти робкіе, точно подерну-

тые туманомъ глаза дѣлали ее совѣмъ новымъ существомъ въ глазахъ соблазнителя. Бѣдной оболоченной дѣвушкѣ казалось, будто новое крещеніе очистило ее отъ грѣха и что теперь она снова вернулась къ чистой жизни прежнихъ лѣтъ. Не смотря на это, она трепетала и жаждала осуществленія чего-то неизвѣстнаго, что смутно чувствовалось сквозь ощущенія материнства; то были золотыя грезы, трепещущій свѣтъ звѣзды, блескъ которой пробивался сквозь шелковистую и легкую ткань вуаля, украшавшаго ее брачный вѣнокъ.

— Мариета,—заговорилъ принцъ, подойдя ближе,— вы ничего не говорите и кажетесь печальной. Однако, я сдѣлалъ все по желанію вашему и вамъ извѣстно, что устроить лучше я не могъ. Или вамъ вашъ мужъ не нравится? Это человѣкъ простой, съ которымъ вы можете дѣлать все, что угодно. Я именно выбралъ человѣка такого сорта для того, чтобы вы не были слишкомъ стѣснены. Онъ былъ капитаномъ въ отрядѣ моихъ стрѣлковъ. Недавно я взялъ его оттуда, чтобы имѣть его всегда при себѣ: его наружность смѣшитъ меня.

— Ахъ! такъ можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ...

— А относительно того, что васъ стѣсняетъ, такъ вы только скажите, что дали обѣтъ св. Дѣвѣ: вотъ и все. А вы рассчитывали остаться при мнѣ?.. Я и самъ страдаю отъ этого больше чѣмъ вы, но это невозможно.

— Ваша свѣтлость, я предпочла бы оставить все такъ, какъ вы рѣшили. Признаюсь вамъ, рѣчь отца Леграна глубоко тронула меня, и я рѣшилась уже больше не обманывать человѣка, который покрывъ мой позоръ.

— Э, нѣтъ, голубушка моя, моя красавица, у насъ не такой уговоръ былъ! Господи, Боже! Вы думаете, такъ я и оставлю васъ? Я вѣдь уступилъ только вашимъ мольбамъ, да страху вашему передъ вашей благородной фамиліей и только потому дозволилъ этотъ бракъ; но не думайте, чтобы я относился къ вамъ безразлично... Я люблю васъ одну, и ради васъ не задумаюсь пожертвовать любовью хотя бы какой-нибудь королевы... Говоря эти слова, герцогъ посмотрѣлъ на входную дверь, точно будто боялся, что Изабелла Баварская стоитъ на порогѣ. Но тамъ никого не было, только откуда-то вдругъ послышалась музыка.

— А,—проговорилъ герцогъ, послѣ минутнаго раздумья,—теперь помню: сегодня вечеромъ въ отелѣ балъ; вы тамъ будете; это васъ развлечетъ, а завтра я самъ провожу васъ въ замокъ вашъ, потихоньку, скромно, будто ѣду на охоту. Никто ничего не скажетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость, — возразила Мариета — рѣшимость моя неизмѣнна.—Довольно и того, что я скрываю отъ мессира Обера тайну, которая принадлежитъ не мнѣ одной. Я боюсь, открывъ ему эту тайну, обратить вашего преданнаго и признатель-

наго слугу въ смертельнаго врага. Я принадлежу ему теперь всецѣло и на вѣки. Онъ могъ бы найти себѣ супругу болѣе чистую, но не столь вѣрную, какой буду я.

Взволнованная Мариета вся дрожала.

— Вы огорчаете меня, Мариета. Если на васъ такъ повліяла проповѣдь, такъ это скоро пройдетъ, лишь бы только вы, чего добраго, не влюбились страстно въ своего Вулкана! Такіе капризы случались... положимъ, въ міеологии... Но христіане-то ужъ не станутъ отдавать предпочтеніе безобразію передъ тѣмъ, что красиво.

— Какъ у васъ достаеетъ духу еще шутить этимъ, ваша свѣтлость!

— Да надъ чѣмъ же прикажете шутить, если не надъ уморительнымъ мужемъ. Но, однако, музыка слышится все ближе, точно будто сюда идетъ. Да, да, вотъ и галлерей освѣщается... Скоро въ отель Сен-Поль нахлынетъ толпа. Не понимаю, почему бы моему брату не перенести резиденціи въ турнельскій дворець. Здѣсь, надо правду сказать, тѣсновато во время пировъ и веселья... Пойдемте, моя красавица. Дайте вашу руку. Уйдемъ изъ этой залы, гдѣ того и гляди появятся свидѣтели нашего разговора.

— Куда же вы меня ведете? къ мужу?

— Да, да, идемте... Пропадай они съ своей помѣхой! Будь они прокляты эти скоты, что заставляютъ насъ уходить и отсюда!

Разговаривая въ полголоса, Орлеанскій и Мариета прошли нѣсколько залъ, убранныхъ на разный манеръ королемъ шутовъ и остановились въ одной изъ нихъ, поражавшей колоссальными размѣрами. Фрески, писанныя кистью Жана-Мюре, и арабески переплетались во фризахъ ея съ гирляндами цвѣтовъ и толстыхъ амуровъ, улетающихъ въ тимпаны подъ богатую драпировку изъ ярко-краснаго штофа, привезеннаго съ Востока послѣ крестовыхъ походовъ. Нижнія панели составляя бордюръ, были обрамлены широкой полоской изъ цвѣтнаго дерева, съ двумя рядами вырѣзанныхъ готическихъ украшеній. Вокругъ стѣнъ, обтянутыхъ прекрасной раззолоченной фландрской кожей, стояли искусно убранные буфеты, выставки для кушаньевъ и рѣдкой работы поставцы. На полкахъ буфетовъ среди хрусталя и фарфора, сверкала золотая и серебряная посуда. Между этими богатствами выдавался предметъ драгоцѣнный по своей рѣдкости. Это было венеціанское зеркало въ рамѣ чернаго дерева, въ тридцать три сентиметра вышины и ширины, зеркало, въ которое смотрѣлась Изабелла Баварская. Позднѣе, оно оказывало ту же услугу Маргаритѣ Анжуйской, супругѣ Карла VII. Хроника не упоминаетъ, чтобы Агнеса Сорель также пользовалась имъ; но она утверждаетъ, что Людовикъ XI часто смотрѣлъ въ это зеркало, чтобы удостовѣриться—хорошо ли выбрилъ его цирюльникъ его Оливье-ле-Денъ. Отъ короля къ королю это зеркало дошло до Франциска I. При этомъ любезномъ

королѣ, дворъ котораго почти обратился въ восточный гаремъ, зеркало это много разъ служило рамкою хорошенькимъ личикамъ всякаго разбора женщинъ, слѣдовавшихъ за дворомъ этого монарха, не много распутнаго, какъ говорить *Juvenal des Ursins*, и, наконецъ, Екатерина Медичи, которой оно досталось, любила отражать въ немъ не только свои черты,—красивую шею, прелестныя руки, но даже свои прекрасныя ноги, составлявшія гордость ея, по словамъ Брантома. Она выставяла ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ: поднимаясь по лѣстницѣ, спускаясь, переходя ручеекъ, въ танцахъ и даже когда садилась небрежно въ готическое кресло—нѣчто въ родѣ постели, замѣнявшее диванъ. Брантомъ не рассказываетъ намъ—любовалась ли Екатерина въ этомъ зеркалѣ (сохранившемся до нашихъ дней и находящемся въ Луврскомъ музеѣ) отраженіемъ блестящей стали кинжала, поразившаго Колиньи и послужившаго сигналомъ къ рѣзнѣ гугенотовъ.

Какъ бы то ни было, въ то время, какъ герцогъ Орлеанскій и Мариета осматривали столь рѣдкія и прекрасныя вещи—если принять во вниманіе эпоху, къ которой относится дѣйствіе — въ то время, какъ Людовикъ подставилъ къ хорошенькому личику мадамъ де Кони маленькое и чистое какъ свѣтлая вода зеркало, при чемъ воспользовался удобнымъ случаемъ нанести ей поцѣлуй, отъ котораго яркая краска залила лицо ея, сдѣлавъ ее еще прелестнѣе,—Оберъ ле Фламанъ, окончивъ дѣла свои, возвращался въ отель Сень-Поль, проходя по узкимъ, грязнымъ и не освѣщеннымъ улицамъ. Относительно устройства парижскихъ улицъ уже дѣлались нѣкоторыя распоряженія со стороны городского управленія, но никто не обращалъ на это вниманія. Заходила рѣчь о мощеніи улицъ, по которымъ свободно разгуливали и болтались въ грязи свиньи; но это распоряженіе парижскаго старшины продолжало существовать лишь въ видѣ проекта.

Другимъ распоряженіемъ предписывалось каждому горожанину мести улицу передъ входомъ въ домъ; но улицы попрежнему были не вылазны, надзора за рынками и площадями не было вовсе и Парижъ представлялъ собою сплошную помойную яму. Освѣщеніе введено было гораздо позже описываемой эпохи. Однимъ приказомъ предписывалось зажигать на окнахъ свѣчи зимою въ шесть часовъ вечера, а лѣтомъ въ девять. Но зимою свѣчи будто бы тухли отъ холода, а лѣтомъ рассчитывали на луну. Король шутовъ, всегда чутьемъ узнававшій, гдѣ можно извлечь выгоду безъ особеннаго труда, и что могло послужить на пользу его театра, выпросилъ у королевы Изабеллы Баварской и получилъ привилегію употреблять фонари его собственнаго изобрѣтенія; они были изъ бѣлой жести, прорѣзные съ тонкими роговыми пластинками вмѣсто стеколъ. Въ такой фонарь вставлялся кусокъ сальной свѣчки. Онъ учредилъ во всѣхъ кварталахъ Парижа балаганчики, гдѣ сидѣли

мужчины и мальчики, готовые сопровождать съ фонарями желающихъ—будь то пѣшкомъ, или верхомъ, или въ телѣгѣ—за известное вознагражденіе.

И такъ Оберъ ле Фламанъ шествовалъ въ отель Сень-Поль къ своей женѣ, выказывая глубочайшее презрѣніе къ прямой линіи, ибо обильныя возліянія съ родственниками, друзьями и знакомыми были настолько неумѣренны, что даже онъ, старый, привычный служака, чувствовалъ, что хватилъ черезъ край. За всѣмъ тѣмъ, не будь улицы въ такомъ скверномъ состояніи, да не будь кучъ навоза, лужъ стоячей воды, въ которыя онъ уходилъ по колѣно; не будь тутъ бродячихъ собакъ, кошекъ, крысъ и свиней, болтавшихся въ лужахъ, а, главное, еслибы за нимъ по пятамъ не слѣдовали четверо гайдуковъ, которые, при поворотѣ въ одну, особенно ужъ темную улицу, набросили на него то, что въ тѣ времена называлось мертвый покровъ, — онъ все-таки прибылъ бы во дворецъ Карла VI живъ и здоровъ. И не только не пришлось бы ему сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ толпы придворныхъ, но даже, не случись этого, Франція не стала бы добычею англичанъ; вотъ какія маленькія причины поражаютъ великія послѣдствія; и насколько вѣрно то, что судьба, управляющая государствами, какъ бы съ удовольствіемъ вручаетъ жребій народовъ во власть чудовища или безумца!

Случай отдаетъ Римскую имперію Нерону; а Карлъ VI, наследственный король Франціи, государь мудрый, бережливый, благочестивый, искусный политикъ, справедливый, осторожный, твердый въ совѣтѣ, неуклонный въ добрѣ, — не былъ бы причиною позорныхъ и печальныхъ страницъ французской исторіи безъ дикаго замысла Короля шотовъ, кинувшаго Францію на край гибели и подвергшаго короля сорокашестилѣтнимъ страданіямъ физическимъ и нравственнымъ.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- Абрамовъ, Я.** Сельскій календарь на 1890 годъ. Спб. Ц. 20 к.
- Амене, В.** Возникновение гомеопатіи и борьба противъ ея распространенія. Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- Апраксинъ, А. Д.** «Кайнъ и Авель». Романъ изъ семейной хроники князей Сумскихъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Неземныя созданія и другіе рассказы. Спб. Ц. 80 к.
- Барсовъ, Н.** Очерки изъ исторіи христіанской проповѣди. Представители нравственно-аскетическаго типа проповѣди на Востокъ въ IV вѣкѣ. Харьковъ. 1889. Ц. 50 к.
- Батенновъ, М.** Формы бухгалтерскихъ книгъ. Изданіе 2-е дополнен. Нижній-Новгородъ. 1889. Ц. 50 к.
- Бобровскій, П. О.** Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій (1785—1848), ученый славистъ-ориенталистъ. Съ портретомъ и автографами. Историко-біографическій очеркъ. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Богдановъ, С.** Отношеніе проростающихъ сѣмянъ къ почвенной водѣ. Кіевъ. 1889. Ц. 1 р.
- Бодиско, Д.** Обработка и посолка свинины для заграничныхъ рынковъ. Спб. 1888. Ц. 50 к.
- Борисъ, Архимандритъ.** Общее введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ. Кіевъ. 1889. Ц. 85 к.
- Бразоль, Л. Е.** Публичныя лекціи о гомеопатіи. Изд. 2-е. Спб. 1889. Ц. 60 к.
- Буренинъ, В.** Стрѣлы. Стихотворенія. Изданіе 2-е, дополнен. новыми стихотвореніями. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣлоха, П.** Учебникъ географіи Россійской имперіи. Изданіе 26-е. Спб. Ц. 1 р.
- Вернь, Жюль.** Воздушный корабль. Романъ. Рисунки Ж. Бенета. М. 1888. Ц. 2 р.
- Витцель, А.** Компендіумъ патологіи и терапіи болѣзней пульпы. Спб. 1889. Ц. 3 р.
- Гельбне, Ф.** Календарь для учителей на 1889—1890 г. Спб. Ц. 1 р.
- Германское** торговое уложеніе. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Герасимовъ, М.** Календарь для учителей городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ 2-хъ-классныхъ училищъ на 1889—1890 учебный годъ. Спб. Ц. 60 к., съ приложеніемъ 1 р.
- Гуревичъ, Я. Г.** Историческая христоматія по русской исторіи. Ч. III. Спб. 1889. Ц. 2 р. 25 к.
- Гусевъ, А.** Религіозность — основа и опора нравственности. М. 1889. Ц. 75 к.
- Джаншіевъ, Гр.** Среди баловней и пассивковъ природы. (Стамбуль.—Монако.—Финляндія). Впечатлѣнія и мысли туриста. М. Ц. 1 р. 25 к.
- Диль, А. Ф.** Русскій кожевенный промыселъ и возможность его дальнѣйшаго развитія. М. 1889. Ц. 50 к.
- Длусскій, С. М.** Курсъ русской стенографіи по системѣ В. Штольца. Курсъ начальныи: Панстенографія. Издан. 4-е, исправл. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Доброво, М.** Изъ малорусскаго быта. Кіевъ. 1889. Ц. 80 к.
- Еленевъ, Ф.** О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Зелинскій, В.** Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку. № 1. М. Ц. 25 к.
- Землеръ, Г.** Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М. Ц. 75 к.
- Земскій участковый** начальникъ. Спб. 1889. Ц. 50 к.
- Инструкція** для опекуновъ и попечителей, назначаемыхъ спиротскими судами. Казань. 1889. Ц. 40 к.
- Нанскій, В.** Синтаксисъ греческаго языка. Изданіе 3-е, исправл. Спб. 1889. Ц. 80 к.

- * **Карамзинъ, Н. М.** Исторія Государства Россійскаго. Т. V. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 20 к., въ палкѣ 28 к.
- Кондратьевъ, И. Н.** Салтычиха. Историческая повѣсть изъ уголовныхъ хроникъ XVIII в. М. Ц. 1 р.
- Котляревскій, П. Н.** Расчетъ виртуальной длины желѣзной дороги и силы тяги паровозовъ. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Конспентъ** Римскаго гражданскаго права по программѣ юридической комиссіи. Кіевъ. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Коровина, М. И.** и **Эндернейтъ, Г. А.** Полный учебникъ всемірнаго языка Volapük. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Корренторская практика.** Подробное изложение правилъ, условій и техническихъ приемовъ корректуры. Спб. 1889. Ц. 50 к.
- Коссовичъ, С.** Медота Оллендорфа. Полный практическій учебникъ французскаго языка въ 2-хъ частяхъ. Изд. 3-е. Спб. Ц. за 2 ч. 2 р.
- Котинъ, Андрей.** Стихотворенія. Спб. 1889. Ц. 75 к.
- * **Котляревскій, И. П.** Наталка-Полтавка. Малороссійская опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 7 к., въ палкѣ 15 к.
- Крафтъ-Эбингъ, Р.** Д-ръ. Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнозизма. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Кревингъ, И. И.** Иллюстрированный альбомъ для маровъ всѣхъ странъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Крестный календарь** на 1890 годъ. М. Ц. 15 к.
- «Кредитна»** — это я, Шауманъ. Стенографическій отчетъ по дѣлу г. Шаумана. Спб. 1889. Ц. 75 к.
- Лембланъ, Рафаиль.** Врожденіе евреевъ въ Палестина. Ананьевъ. 1889. Ц. 30 к.
- Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ.** Хроническія заболѣванія сердечной мышцы и ихъ леченіе. Двѣ лекціи проф. М. I. Эртеля и проф. А. Лихтгейма. М. 1889. Ц. 30 к.
- Лори, А.** Изгнанники земли. Романъ въ двухъ частяхъ. Съ рисунками Ж. Ру. М. 1889. Ц. 2 р.
- Мантегацца, П.** Искусство быть здоровымъ. Кіевъ. Ц. 60 к.
- Лицеѣрный вѣкъ (Il secolo tartufo). Одесса. 1889. Ц. 50 к.
- Менделѣевъ, Д.** Основы химіи. Изд. 5-е. Спб. 1889. Ц. 5 р.
- Два лондонскихъ чтенія. Попытка приложенія въ химіи одного изъ началъ естественной философіи Ньютона и періодическая законность химическихъ элементовъ. Спб. 1889. Ц. 40 к.
- Методъ Л. Пастера.** О предохранительныхъ прививкахъ. Лекція, читанная въ лондонскомъ королев. общ. д-ромъ Руотъ имени Л. Пастера. М. 1889. Ц. 30 к.
- Мечъ, Сергѣй.** Россія. Учебникъ отечественной географіи. М. 1889. Ц. 75 к.
- Молчановъ, А.** Британская Индія. Очеркъ. Одесса. 1889. Ц. 60 к.
- Немировичъ-Данченко, Вас. И.** Исповѣдь женщины. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1889. Ц. 1 р. 20 к.
- Нотинъ, О. А.** Страхуваніе имущества по русскому законодательству. Изслѣдованіе. Кіевъ. 1888. Ц. 2 р.
- Нуричь, В. Е.** Наши зубы и ихъ роль и значеніе въ дѣлѣ правильной функціи всего организма. Одесса. 1889. Ц. 40 к.
- * **Одоевскій, В. Ѳ.,** князь. Сказки и рассказы дѣдушки Иринея. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к. въ палкѣ 23 к.
- Острогорскій, А. Н.** Въ своемъ кругу. Повѣсти и рассказы. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправл. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- У рабочихъ людей. Сборникъ рассказовъ. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправл. Спб. Ц. 1 р.
- По бѣлу свѣту. Сборникъ рассказовъ. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправл. Спб. Ц. 1 р.
- Пель, А. В.** проф. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб. 1889. Ц. 60 к.
- Подоба, И. Г.** Главнѣйшія свойства организмовъ, производящихъ заразительныя болѣзни. Одесса. 1889. Ц. 30 к.
- Пороховицковъ, А.** Россія наканунѣ XX столѣтія. Вып. II. М. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Программа** для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. Спб. 1889. Ц. 40 к.
- Программы предметовъ** учебнаго курса городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ. Спб. Ц. 20 к.
- Регель, Э.** Д-ръ. Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Ч. I. Изд. 6-е, испр. и дополн. Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- Роменсъ, Дж.** Умъ животныхъ. (Animal intelligence). Спб. 1889. Ц. 3 р.
- Рябининъ, И. В.** Организація экспорта свинины изъ Россіи. Изд. 2-е, значит. дополн. Одесса. 1889. Ц. 75 к.
- Продукты свиноводства; торговля ими и техника ихъ производства, въ связи съ задачами нашего свиноводства. Спб. 1889. Ц. 3 р.
- Салтыковъ, М. Е.** (Н. Щедринъ). Сочиненія въ девяти томахъ. Ц. по подпскѣ 15 р. Вышелъ т. IV.
- Соколовскій, А. З.** О брачномъ союзѣ.

- О расторженіи брака (разводъ). О власти родителей. О правахъ законныхъ, усыновленныхъ и незаконныхъ дѣтей и учрежденіе опеки и попечительства. Слб. 1889. Ц. 1 р.
- Соколовъ, В. Д.** Прошлое и настоящее земли. Геологическіе очерки. М. Ц. 20 к.
- Соронинъ, В.** „Наше житье“. Разказы для юношества. Слб. Ц. 45 к.
- Сорокъ** картинъ изъ русской исторіи. Художественный альбомъ съ краткими объясненіями картинъ. Слб. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к.
- «**Стоглавъ**». Иллюстрированный календарь на 1890 г. Ц. 35 к.
- Тодтъ, Б.** Сборникъ общеупотребительныхъ греческихъ словъ. Ч. II. Реальный вокабулярій. Для русскихъ гимназій обработалъ В. Канскій. Изд. 2-е. Слб. 1889. Ц. 40 к.
- Уйда,** Приключенія маленькаго графа. Разказъ для дѣтей. Изд. 2-е. М. 1889. Ц. 30 к.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы XIX вѣка. Т. I и II. Съ 1792 по 1848 г. М. 1889. Ц. 4 р.
- Фирордтъ, О.** Диагностика внутреннихъ болѣзней, согласно новѣйшимъ методамъ изслѣдованія. Слб. 1889. Ц. 3 р. 50 к.
- Диагностика внутреннихъ болѣзней по новѣйшимъ методамъ изслѣдованія. Дерптъ. 1889. Ц. 4 р. 50 к.
- Фурманъ, П. Р.** Саардамскій плотникъ. Повѣсть для дѣтей. Съ гравюрами. Слб. Ц. 75 к.
- Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Историческій романъ для дѣтей. Съ 14 гравюрами. Слб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Цвѣтновъ, Н.** Великій князь Дмитрій Иоанновичъ и преподобный Сергій Радонежскій. Къ пятисотлѣтію дня кончины Дмитрія Донскаго. М. 1889. Ц. 35 к.
- Чичагова, М. Н.** Шамилъ на Кавказѣ и въ Россіи. Біографическій очеркъ. Слб. 1889. Ц. 2 р.
- Чугувецъ, Павелъ.** О русской народной культурѣ. Этнографическіе разказы и замѣтки. Харьковъ. 1889. Ц. 50 к.
- Шабаровъ, П.** Повторительный курсъ гражданскаго права, примѣнительно къ программѣ для испытаній въ комиссіи юридической. Казань. 1880. Ц. 1 р.
- Шебянинъ, К.** Карманный русско-латинскій словарь. Слб. Ц. 30 к., въ перепл. 50 к.
- Шенспиръ** въ переводѣ П. А. Козлова. Драма: I. Периклъ.—II. Юлій Цезарь. Слб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Шиловъ, Д.** Сборникъ законоположеній о сбереженіи и охраненіи лѣсовъ частныхъ и общественныхъ. Изд. 2-е. Слб. 1889. Ц. 40 к.
- Ширяевъ, Н. Л.** Россія и Черногорія. Историческій очеркъ. 1485—1889 г. Слб. Ц. 1 р.
- Эфросъ, Г.** Полный карманный русско-греческій словарь. Слб. Ц. 30 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

НОВЫЯ КНИГИ.

ИЗДАВАНІА А. С. СУВОРИНА:

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVII и XVIII СТОЛѢТІЙ.

Л. Н. МАЙКОВА.

(Симеонъ Полоцкій.—Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени.— Къ характеристикѣ Ломоносова, какъ ученаго.—В. И. Майковъ.—Литературныя мелочи Екатерининскаго времени.—Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики).

Слб. 1889. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

ПУШКИНЪ ВЪ РУССКОЙ КРИТИКѢ

(1820—1880).

С. ТРУБАЧЕВА.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Стѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

